ЭВОЛЮЦІЯ ПРИБЫЛИ СЪ КАПИТАЛА.

Л. М. Кулишеръ.

330
Э30

ЭВОЛЮЦІЯ ПРИБЫЛИ СЪ КАПИТАЛА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ РАЗВИТІЕМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ТОРГОВЛИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

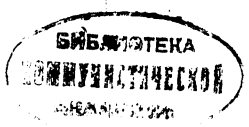
ТОМЪ ~~ПЕРВЫЙ~~ I

ПЕРІОДЪ ДО ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Лит. А. Г. Розена Театральная площадь, 2.
1906

Пров. 1959

Пров 38



326
39

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ. Задача и методъ изслѣдованія. XXI

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Возникновеніе торговли и торговой прибыли у первобытныхъ народовъ. . . . . 1—65

I. Отсутствіе возмезднаго обмѣна на первобытныхъ ступеняхъ культуры и постепенное его возникновеніе. . . . . 1—14

Общая собственность внутри племени. Враждебныя отношенія между племенами. Отсутствіе двусторонняго обмѣна. Австралія и Полинезія; патагонцы, караибы, индѣйцы въ Бразиліи; самоѣды, чукчи. Мнѣнія экономистовъ и этнографовъ относительно отсутствія возмезднаго обмѣна. Какъ распространялись различные предметы въ доисторическія времена? Объясненіе Бюхера. Насильственные способы перехода предметовъ отъ одного племени къ другому. Военныя экспедиціи. Возникновеніе новыхъ потребностей, благодаря войнамъ. Неспособность дикаря отказаться отъ собственнаго имущества для полученія предметовъ, принадлежащихъ иноплеменникамъ. Заключеніе мира и взаимный обмѣнъ подарковъ. Установленіе двусторонняго обмѣна путемъ взаимныхъ дареній.

II. Первоначальныя формы обмѣна . . . . . 14—27

Нѣмая торговля, какъ зачаточная форма мирнаго обмѣна. Развитыя формы нѣмой торговли; постепенный переходъ къ рыночной торговлѣ. Нѣмая торговля въ Австраліи и Полинезіи; обмѣнъ посредствомъ каната или шеста. Формы нѣмой торговли въ Африкѣ; въ странѣ Мелли, у низовьевъ Нигера. Обмѣнъ на Цейлонѣ. Связь нѣмой торговли съ насильственными дѣйствіями. Первоначальные рынки, сходство ихъ съ нѣмой торговлей. Необходимость предосторожностей. Описаніе Пассаржа. Пограничные рынки. Мѣры поддержанія мира на рынкѣ. Оружіе. Кратковременность рынка. Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій по прекращеніи рынка. Грабежъ и торговый обмѣнъ уживаются вмѣстѣ. Первообразомъ торговой прибыли является грабежъ и разбой.

Стр.

III. Отсутствіе представленія о цѣнности у первобытныхъ народовъ. Появленіе торговыхъ посредниковъ. 27—43

Послѣдующій обмѣнъ—по существу тотъ же обмѣнъ подарковъ. Жалобы путешественниковъ на требовательность и навязчивость первобытныхъ народовъ. Негры, отаитяне, самоѣды, поморы. Соотношеніе между цѣнностью получаемаго и отдаваемаго не имѣетъ никакого значенія. Послѣдствія этого при сношеніи съ иноплеменниками, придерживающимися иныхъ принциповъ. Возникновеніе торговыхъ племенъ, ихъ стремленіе къ наживѣ. Соединеніе торговли съ пиратствомъ. Монопольное положеніе торговыхъ посредниковъ. Другая группа торговыхъ посредниковъ—старѣйшины-торговцы. Причины посредничества старѣйшинъ въ торговомъ обмѣнѣ. Установленіе цѣнъ предводителемъ племени. Постепенное возникновеніе представленія о цѣнности, его первоначальный характеръ. Оцѣнка отдаваемаго предмета.

IV. Характеръ первоначальнаго обмѣна, обмѣниваемые предметы и установленіе цѣнъ на нихъ . . . . . 43—65

Беззаботность дикаря и неспособность его думать о будущемъ. Отношеніе къ богатствамъ природы при отсутствіи обмѣна и съ возникновеніемъ его. Отдаваемые и пріобрѣтаемые предметы. Пріобрѣтеніе лишь предметовъ украшенія и удовольствія. Интенсивность потребностей. Цѣнность потребленія и цѣнность производства (высшій и низшій уровень цѣны). Невыгодное положеніе дикаря при обмѣнѣ. Фактическія данныя относительно обмѣниваемыхъ предметовъ и пропорцій, въ которыхъ они обмѣниваются, у различныхъ народовъ. Негры, каффры, готтентоты; гренландцы, эскимосы; киргизы, остяки, самоѣды; индѣйцы Южной и Сѣверной Америки; полинезійцы, новозеландцы, жители Гавайскихъ острововъ, Маркезскихъ острововъ, Новой Гвинеи. Количество затраченнаго въ производствѣ труда не имѣетъ и не можетъ имѣть значенія. Неправильность взгляда Адама Смита и Рикардо. Субъективная теорія цѣнности; значеніе ея для пониманія характера обмѣна у первобытныхъ народовъ. Она имѣетъ въ виду только одну сторону-потребителя. Максимумъ и минимумъ цѣны. Организація производства и сбыта. Индивидуальная и соціальная психологія при установленіи цѣны Мнѣніе Визера.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Торговля и торговая прибыль въ древнемъ мірѣ . . . . . 66—141

I. Возникновеніе торговли у народовъ древняго міра и ея первоначальныя формы . . . . . 66—76

Стр.

Возникновеніе торговли въ древнемъ мірѣ изъ пиратства и грабежа; купцы и разбойники. Народы Востока, греки, этрусски; римское право (Іерингъ). Переходъ къ мирному обмѣну, войны, заключеніе мира, взаимныя даренія. Нѣмая торговля у различныхъ народовъ древняго міра. Карѳагеняне, серы, финикіяне, индусы, арабы, эѳіопы. Рыночная торговля, религіозныя преднества, порубежная черта. Мѣры къ предупрежденію враждебныхъ столкновеній. Публичный характеръ обмѣна. Первоначальное отношеніе къ торговлѣ.

II. Торговый обмѣнъ у народовъ древняго Востока (за исключеніемъ финикіанъ). . . . . 79—89

Преувеличеніе размѣровъ торговли у народовъ древняго міра. Недоказанность существованія возмезднаго обмѣна во многихъ случаяхъ; возможенъ переходъ предметовъ и инымъ путемъ. Восточные набѣги. Примѣры замаскированныхъ торговыхъ сношеній. Незначительность торговли въ древнемъ Египтѣ—типичное замкнутое домашнее хозяйство. Торговля въ Вавилоніи. Торговля у древнихъ евреевъ, индусовъ, арабовъ, персовъ.

III. Финикійская торговля . . . . . 90—101

Посредническій характеръ финикійской торговли; торговыя факторіи. Свѣдѣнія о финикійской торговлѣ. Значеніе ея. (Гетцъ). Узкій кругъ предметовъ обмѣна. Значительность торговли финикіанъ по сравненію съ торговлей другихъ народовъ. Монопольное положеніе финикіанъ. Сказанія о подвигахъ финикіанъ. Постепенное вытѣсненіе ихъ греками. Карѳагенская торговля, ея монопольный характеръ.

IV. Торговля въ Греціи и Римѣ. . . . . 101—121

Посредническій характеръ греческой торговли; снабженіе Эллады произведеніями другихъ странъ. Борьба между различными торговыми городами Греціи; Коринѳъ, Аѳины и стремленіе ихъ къ монополизаціи торговли. Аѳины какъ торговый центръ. Незначительное вліяніе греческой торговли на экономическую жизнь. Замкнутое домашнее хозяйство въ древней Греціи и моменты, задерживающіе переходъ его къ болѣе развитымъ формамъ хозяйственнаго быта. Мнѣніе Франкотта и Гартмана. Модернизація хозяйственной жизни Греціи у Эдуарда Мейера и Пельмана. „Капитализмъ“ въ древней Греціи; смѣшеніе понятій.—Замкнутое домашнее хозяйство въ древнемъ Римѣ. Мнѣніе И. М. Гревса; различныя эпохи замкнутаго хозяйства. Взглядъ М. И. Ростовцева. Безплодный „капитализмъ“. Значеніе торговли въ римской имперіи. Отсутствіе вывозной торговли, характеръ привоза. Предметы обмѣна, средства сообщенія, потребители. Отсутствіе купеческаго класса въ Римѣ.

V. Установленіе цѣнъ въ торговомъ обмѣнѣ съ менѣе культурными народами . . . . . 121—129

Стр.

Торговля—по существу обмѣнъ подарковъ. Торговыя племена; различное отношеніе къ обмѣну потребителей и купцовъ. Обмѣнъ финикіанъ и грековъ съ народами, стоящими на болѣе низкой ступени культуры. Монопольное положеніе финикіанъ и грековъ. Уровень цѣнъ.

VI. Цѣны и прибыль въ торговомъ обмѣнѣ между культурными народами древняго міра. . . . . 130—141

Цари, жрецы и крупные землевладѣльцы какъ потребители товаровъ, доставляемыхъ торговлей. Размѣры рабскаго населенія, его значеніе для характера хозяйства. Трудъ рабовъ—источникъ прибыли, уплачиваемой потребителемъ. Другой источникъ прибыли—насильственно захваченное богатство. Вліяніе этихъ моментовъ на образованіе представленія о цѣнности. Высокія цѣны товаровъ въ древнемъ Римѣ. Характеръ этихъ цѣнъ; мнѣніе Фридлендера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Торговля и торговая прибыль въ средніе вѣка. А. Левантійская торговля . . . . 142—237

I. Торговля и торговая прибыль въ раннее средневѣковье . . . . . 142—156

Первоначальное отсутствіе торговли у западноевропейскихъ народовъ. Возникновеніе внутренней торговли изъ взаимныхъ дареній. Насильственныя дѣйствія между различными племенами, постепенный переходъ къ мирному обмѣну. Соединеніе и впослѣдствіи купца и пирата въ одномъ лицѣ. Подарки, войны, первые рынки на порубежной чертѣ. Торговыя сношенія германцевъ съ римлянами. Карлъ Великій. Значеніе евреевъ въ качествѣ торговыхъ посредниковъ; ихъ монопольное положеніе. Церкви какъ мѣста торговаго обмѣна. Незначительность торговли до Крестовыхъ походовъ. Предметы обмѣна. Высота цѣнности потребленія, цѣны и прибыли. Крупные землевладѣльцы—единственные потребители привозныхъ товаровъ. Источникъ прибыли, уплачиваемой потребителями.

II. Предметы торговаго обмѣна со времени Крестовыхъ походовъ и классы населенія, потребляющіе ихъ. . 156—169

Значеніе Крестовыхъ походовъ для средневѣковой торговли. Появленіе произведеній Востока и возникновеніе потребности въ нихъ среди феодальныхъ владѣльцевъ. Цѣны левантійскихъ товаровъ и недоступность этихъ предметовъ для прочихъ слоевъ населенія. Пряности и ароматическія вещества—главные предметы торговаго обмѣна. Размѣры потребленія ихъ феодальной аристократіей и городскимъ промышленнымъ населеніемъ. Соотношеніе между цѣной и цѣнностью потребленія въ эту эпоху. Мнѣніе Лебера о покупной способности крупныхъ и небольшихъ доходовъ въ тѣ времена.

Стр.

III. Генуя и Венеція какъ торговые посредники въ левантійской торговлѣ . . . . . 169—184

Посредническая роль Константинополя. Возникновеніе непосредственныхъ торговыхъ сношеній итальянскихъ городовъ съ Востокомъ. Размѣры торговли. Монопольное положеніе Генуи и Венеціи. Ихъ владенія на Востокѣ. Значеніе Амальфи, Пизы, Флоренціи въ левантійской торговлѣ. Каталонскіе, лангедокскіе и провансальскіе торговые города. Преимущества венеціанцевъ и генуэзцевъ на Востокѣ. Ихъ торговыя факторіи. Соперничество между Венеціей и Генуей и постоянныя столкновенія между ними. Роль того и другого города въ торговлѣ съ различными странами Востока—въ Египтѣ, у Чернаго моря, на Кипрѣ, въ Византіи.

IV. Итальянскіе купцы въ странахъ Востока . . . . . 184—199

Стремленіе венеціанцевъ и генуэзцевъ къ пріобрѣтенію товаровъ изъ первыхъ рукъ. Посѣщеніе Индіи и Китая. Торговля съ Египтомъ и Сиріей. Пріобрѣтеніе левантійскихъ товаровъ въ качествѣ оброка и податей съ подвластнаго европейцамъ населенія. Предметы привоза въ страны Востока. Потребители этихъ товаровъ. Пріобрѣтеніе левантійскихъ товаровъ путемъ насилія. Тѣсная связь между торговлей и разбоемъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья. Дружелюбныя и враждебныя отношенія между европейскими купцами и народами Востока; торговые обычаи, вызываемые опасеніемъ враждебныхъ дѣйствій.

V. Характеръ торговыхъ сношеній между европейскими народами въ XII—XIII ст. . . . . 199—210

Враждебный характеръ междуплеменныхъ сношеній. Ярмарки Шампани какъ нейтральное мѣсто. Графство Шампань въ географическомъ и политическомъ отношеніи.—Предметы обмѣна на ярмаркахъ Шампани. Характеръ торговли. Стремленіе къ непосредственнымъ торговымъ сношеніямъ съ потребителями.—Паденіе ярмарокъ Шампани, причины этого. Возникновеніе непосредственныхъ сношеній между различными странами.—Ярмарки XIV и XV ст., ихъ роль. Значеніе итальянцевъ въ торговлѣ съ различными европейскими странами.

VI. Итальянскіе купцы въ различныхъ странахъ Европы въ XIV—XV ст. . . . . 210—223

Торговыя сношенія между Фландріей и Востокомъ, отсутствіе непосредственныхъ сношеній, торговое посредничество венеціанцевъ и флорентійцевъ. Характеръ торговли г. Брюгге. — Венеціанцы и генуэзцы въ Англіи, привозимые и вывозимые ими товары. Отсутствіе непосредственныхъ сношеній между Англіей и левантійскими странами.—Снабженіе Испаніи, Франціи и южной Италіи произведеніями Востока.—Торговыя сношенія между Германіей и Италіей, посѣщеніе Венеціи южно-герман-

Стр.

скими купцами. Характеръ нѣмецкой торговли въ Венеціи, недопущеніе къ непосредственной торговлѣ съ Востокомъ. Обороты венеціанско-германской торговли. Торговыя сношенія нѣмцевъ съ другими итальянскими городами, въ особенности съ Генуей.

VII. Прибыль въ левантійской торговлѣ. . . . . 223—237

Прибыль, выручаемая на пряностяхъ Востока товариществомъ Векингузенъ, Карбовъ и К° въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка. Возрастаніе имущества купцовъ различныхъ южно-германскихъ городовъ—Констанца, Равенсбурга, Ульма, Базеля, въ особенности же Аугсбурга, участвовавшихъ въ левантійской торговлѣ.—Купеческія гильдіи и торговыя компаніи. Различіе между ними. Жалобы на монополизацію торговли различными компаніями.—Мнѣніе Энгельса относительно существованія общаго уровня прибыли въ средневѣковой торговлѣ. Причины отсутствія общаго уровня въ эту эпоху.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Торговля и торговая прибыль въ средніе вѣка. Б. Ганзейская торговля. . . . 238—303

I. Торговая политика ганзейскаго союза. . . . . 238—245

Ганзейскій союзъ—обширная купеческая гильдія. Штапельное право. Торговыя книги ганзейскихъ купцовъ какъ источники. Объекты ганзейской торговли. Географическое положеніе различныхъ ганзейскихъ городовъ. Преимущества городовъ, расположенныхъ у устьевъ рѣкъ. Стремленіе Ганзы къ монополизаціи торговли въ другихъ странахъ. Ганзейскія привилегіи.

II. Торговля Ганзы съ Швеціей, Даніей, Норвегіей. . 245—255

Монопольное положеніе ганзейцевъ въ Швеціи, оптовая и розничная торговля, непосредственныя сношенія съ сельскимъ населеніемъ. — Монополизація торговли въ Даніи, непосредственный обмѣнъ съ жителями. Шоненъ — центральный торговый пунктъ въ Даніи. Роль ганзейцевъ на шоненскомъ рынкѣ. Недопущеніе купцовъ изъ другихъ странъ въ Данію.—Непосредственная торговля съ туземными жителями въ Норвегіи. Торговыя вольности ганзейскихъ городовъ. Борьба съ мѣстными купцами. Насильственныя дѣйствія ганзейцевъ. Ганзейская контора въ Бергенѣ. Характеръ торговли въ Бергенѣ. Недопущеніе фламандцевъ, англичанъ, голландцевъ въ Норвегію.

III. Торговля Ганзы съ Нидерландами и Англіей. . . 255—266

Ганзейская факторія въ Брюгге. Ганзейскія вольности во Фландріи, Брабантѣ и Голландіи. Торговое значеніе Брюгге. Недопущеніе фламандцевъ и фрисландцевъ къ самостоятельной торговлѣ. Борьба между ганзейцами и голландцами, торговля голландцевъ съ лифляндскими городами, несоблюденіе за-

Стр.

прещеній.—Плаванія англичанъ въ Балтійскомъ морѣ. Первоначальныя торговыя сношенія Ганзы съ Англіей. Carta mercatoria. Ганзейскія факторіи въ Англіи. Торговые обороты ганзейцевъ. Ихъ привилегированное положеніе въ Англіи.

IV. Торговля Ганзы съ Новгородомъ. . . . . 266—274

Иноземная торговля Новгорода до появленія ганзейскихъ купцовъ; возникновеніе этой торговли, связь ея съ пиратскими набѣгами. Появленіе ганзейцевъ въ Новгородѣ и другихъ русскихъ городахъ. Новгородская торговля, ея объемъ. Пріобрѣтеніе сбываемыхъ ганзейцами предметовъ въ качествѣ дани. Торговля Новгорода съ другими русскими областями. Незначительность активной торговли Новгорода, поѣздки новгородцевъ на Западъ. Ганза не допускаетъ конкуррентовъ.

V. Сплоченность ганзейцевъ въ Новгородѣ.—Причины паденія ганзейской торговли. . . . . 274—285

Монопольное положеніе ганзейцевъ и вліяніе его на установленіе цѣнъ въ торговлѣ съ Новгородомъ, характеръ закупки товаровъ ганзейцами. Сплоченность ганзейцевъ—причина ихъ могущества въ торговомъ обмѣнѣ. Ганзейская контора въ Новгородѣ, торговые обычаи, розничная торговля ганзейцевъ, торговля въ другихъ мѣстностяхъ новгородской земли. Закрытіе ганзейской конторы Іоанномъ III. Вытѣсненіе ганзейцевъ голландцами и англичанами.—Мнѣніе А. И. Никитскаго о причинахъ паденія ганзейской торговли. Критика этого мнѣнія. Открытіе Америки и новаго пути въ Индію.

VI. Причины привилегированнаго положенія Ганзы въ различныхъ странахъ . . . . . 285—303

Враждебныя отношенія между ганзейцами и туземными жителями въ различныхъ странахъ. Мнѣніе Зомбарта.—Населеніе не нуждается въ ганзейскихъ купцахъ. Они нужны въ качествѣ торговыхъ посредниковъ королямъ и феодальной аристократіи. Значеніе ганзейской торговли для англійской аристократіи. Сбытъ шерсти духовенствомъ и королемъ англійскимъ. Значеніе ганзейскаго посредничества для шведской и датской аристократіи; для новгородскихъ князей, архіепископовъ, бояръ. Земельныя богатства и торговыя операціи этихъ группъ новгородскаго населенія.—Связь между землевладѣніемъ и торговлей въ средніе вѣка. Участіе королей, герцоговъ, высшаго духовенства, бургомистровъ и ратмановъ ганзейскихъ городовъ въ торговлѣ вообще и хлѣбной торговлѣ въ частности. Характеръ хлѣбной торговли въ средніе вѣка, ея значеніе, уровень цѣнъ и размѣры прибыли. Источникъ торговой прибыли и причины существованія торговой прибыли въ средніе вѣка. Различіе между прибылью въ торговлѣ произведеніями Востока и прибылью въ хлѣбной торговлѣ.

Стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Промышленность и промышленная прибыль въ средніе вѣка. А. Цеховая монополія . . . . . 304—364

I. Идеализація средневѣковыхъ цеховъ. Zunftzwang . 304—315

Отсутствіе промышленной прибыли въ древнемъ мірѣ. Вопросъ о существованіи прибыли въ средневѣковомъ ремеслѣ. Отрицаніе монопольнаго положенія цеховъ въ средніе вѣка. Мнѣніе Шенберга. Взглядъ Гирке, Шталя, Брентано. Дѣленіе цеховой исторіи на два періода въ нѣмецкой литературѣ. Мнѣнія французскихъ и англійскихъ историковъ-экономистовъ: Кеннингэмъ, Левассеръ, Де-Маресъ, Буассонадъ, Эшли, Мартенъ-Сенъ-Леонъ.—Двоякая проблема: анализъ постановленій, касающихся внутренней жизни цеховъ и анализъ постановленій, регулирующихъ ихъ отношенія къ внѣшнему міру.—Zunftzwang. Обязательность вступленія, выраженная въ различныхъ статутахъ. Взглядъ Эберштадта и Зомбарта по этому вопросу. Возраженія Белова и Кейтгена.

II. Устраненіе иногородней конкурренціи. Разграниченіе сферы дѣятельности смежныхъ цеховъ. . . . . 315—325

Самодовлѣющій характеръ средневѣковаго городскаго хозяйства. Запрещенія и стѣсненія привоза въ города произведенныхъ внѣ городовъ издѣлій въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Англіи, Италіи. Значеніе осмотра привозимыхъ товаровъ представителями цеховъ. Фактическія условія средневѣковой жизни защищали цехи отъ иногородней конкурренціи. Таможенныя заставы. Неудовлетворительное состояніе дорогъ и мостовъ. Grundruhrrecht; нападенія на проѣзжающихъ. Вліяніе этихъ условій на объекты средневѣковой торговли.—Разграниченіе сферы производства, принадлежащей смежнымъ цехамъ. Отношенія между ними въ германскихъ, французскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ, испанскихъ городахъ.

III. Постановленія, стѣсняющія доступъ въ цехъ. Требованія относительно происхожденія вновь вступающихъ. 325—330

Когда появляются постановленія, стѣсняющія доступъ въ цехъ? Мнѣніе Кайцля. Перечисленіе институтовъ, знаменующихъ собою періодъ упадка. Различное значеніе постановленій, стѣняющихъ доступъ въ цехъ, для обоихъ періодовъ. Требованіе свободнаго, нѣмецкаго и законнаго происхожденія въ Германіи. Требованія относительно происхожденія предковъ. Недопущеніе въ цехъ незаконорожденныхъ.

IV. Позорящія занятія. Вступительные взносы . . . . 330—340

Недопущеніе въ цехъ дѣтей лицъ, занятія коихъ признаются позорящими. Разнообразіе позорящихъ

Стр.

ремеслъ и занятій. Почему именно эти профессіи считаются безчестными? Мнѣнія Бенеке, Машера, Шталя, Бека, Молчановскаго. М. И. Кулишера. Факты, сообщаемые Шурцомъ относительно промысловъ, признаваемыхъ безчестными въ современной Африкѣ. Опасеніе конкурренціи.—Взносы при вступленіи въ цехъ ученика и мастера. Высокій размѣръ взносовъ въ средніе вѣка. Быстрое возрастаніе величины взносовъ въ XIV—XV ст. въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ. Вернигероде, Майнцъ, Торнъ, Страсбургъ, Базель.

V. Требованія, предъявляемыя къ ученику и мастеру во Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи . . . . . 340—347

Недопущеніе несвободныхъ въ англійскіе цехи. Законорожденность и другія требованія въ Англіи. Размѣръ взносовъ. Позорныя занятія. Стремленіе къ устраненію конкурренціи.—Суммы, уплачиваемыя при вступленіи во Франціи. Требованіе законорожденности и свободнаго состоянія во Франціи.—Возрастаніе вступительныхъ взносовъ въ Брюсселѣ.—Недопущеніе лицъ несвободнаго состоянія и вступительные взносы въ итальянскихъ городахъ.

VI. Пробная работа; угощеніе мастеровъ; обладаніе имуществомъ; замкнутые цехи. . . . . 347—357

Спеціальныя требованія, предъявляемыя къ мастеру Время ихъ появленія. Пробная работа въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ. Характеръ ея. Пробная работа въ Англіи, Шотландіи, Италіи, Бельгіи. Пробная работа во Франціи. Факты, относящіеся къ XIII вѣку, терминъ chef d'oeuvre. Французскія постановленія относительно пробной работы въ XIV вѣкѣ. Характеръ ея, злоупотребленія. — Угощеніе мастеровъ. Злоупотребленія. Постановленія германскихъ цеховъ. Пиршества во Франціи. Неумѣренность въ ѣдѣ и питьѣ въ средніе вѣка. — Мастеръ обязанъ обладать извѣстнымъ имуществомъ. Величина требуемаго имущества.—Установленіе максимума членовъ цеха въ различныхъ промыслахъ.

VII. Наслѣдственность профессій въ средневѣковыхъ цехахъ . . . . . 357—364

Лампрехтъ отрицаетъ наслѣдственность промысловъ въ средніе вѣка. Неправильность этого взгляда. Привилегіи, устанавливаемыя въ пользу сыновей мастеровъ и лицъ, женатыхъ на дочеряхъ и вдовахъ мастеровъ. Франкфуртъ, Страсбургъ, Бременъ, Рига, Вѣна, рейнскіе города, Фрейбергъ, Золингенъ, Нюрнбергъ, Вернигероде, Базель, Гекстеръ, Кельнъ, Люнебургъ, Штеттинъ. Французскіе, бельгійскіе, англійскіе, итальянскіе цехи. Кастовый характеръ цеховъ съ самаго начала.

Стр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Промышленность и промышленная прибыль въ средніе вѣка. Б. Установленіе цѣнъ. — Положеніе рабочихъ (цеховыхъ подмастерьевъ). . . . . . 365—425

I. Таксы, установленныя цехами и таксы, изданныя городскими властями. . . . . 365—372

Вліяніе цеховой монополіи на цѣны промышленныхъ издѣлій. Совмѣстное регулированіе цѣнъ цеховыми мастерами. Опасности, сопряженныя съ произвольнымъ опредѣленіемъ цѣнъ самими цехами. Регулированіе цѣнъ на съѣстные припасы городскими властями (максимальныя таксы). Сохраненіе минимальныхъ цѣнъ, опредѣляемыхъ цехами, для прочихъ товаровъ. Цеховыя таксы въ Англіи. Таксы во Франціи, трудность борьбы съ соглашеніями мастеровъ относительно цѣнъ. Таксы въ итальянскихъ городахъ, сравнительная рѣдкость таксъ, издаваемыхъ городомъ.

II. Средневѣковая доктрина о справедливой цѣнѣ . 372—380

Отцы церкви и ихъ отношеніе къ торговлѣ. Канонисты позднѣйшаго средневѣковья. Различіе между торговлей и продажей собственныхъ издѣлій. Ѳома Аквинскій. Самодовлѣющее городское хозяйство. Отношеніе Ѳомы Аквинскаго къ торговлѣ. Справедливая цѣна. Приличествующій каждому сословію уровень жизни. Примѣненіе ученія Ѳомы Аквинскаго на практикѣ.

III. Составленіе таксъ на съѣстные припасы и вычисленіе расходовъ продавца . . . . . 380—389

Первоначальныя таксы: iustum pretium, обычная цѣна, безъ опредѣленія размѣровъ ея. Опредѣленіе величины дозволенной прибыли. Установленіе опредѣленной цѣны продукта. Неудовлетворительное вычисленіе издержекъ. Постоянныя таксы на мясо. Неудобство ихъ. Подвижныя таксы измѣненіе вѣса испеченнаго хлѣба въ зависимости отъ цѣнъ на зерно. Таксы на хлѣбъ въ Германіи и Франціи. Англійскія таксы на хлѣбъ; спеціализація расходовъ, проведеніе принципа издержекъ производства. Рѣдкость спеціализаціи расходовъ въ средневѣковыхъ таксахъ

IV. Значеніе установленныхъ городами таксъ на съѣстные припасы . . . . . 389—395

Разнообразіе цеховыхъ ремесленниковъ въ отношеніи имущественной состоятельности. Состоятельность цеховъ, сбывающихъ съѣстные припасы; ихъ участіе въ управленіи городомъ. Вліяніе заинтересованныхъ цеховъ на составленіе таксъ. Въ Англіи полиціей съѣстныхъ припасовъ завѣдуютъ лица, торгующія пищевыми продуктами. Борьба цеховъ противъ слишкомъ низкихъ таксъ. Жалобы горо-

Стр.

довъ на нежеланіе цеховъ руководствоваться таксами. Превращеніе максимальныхъ таксъ въ минимальныя. Максимальныя таксы выражаютъ собою существующую въ данное время низшую цѣну.

V, Прибыль, извлекаемая цеховымъ ремесленникомъ изъ обмѣна . . . . . 396—405

Сбытъ товаровъ по возможно высокой цѣнѣ; отсутствіе сдерживающаго вліянія конкурренціи. Неправильность мнѣнія объ осутствіи стремленія къ обогащенію. Указаніе Маркса на невозможность извлеченія прибавочной цѣнности изъ обмѣна; неправильность этого положенія въ примѣненіи къ средневѣковому періоду. Дѣйствуетъ ли законъ трудовой цѣнности въ средніе вѣка? Марксъ. Энгельсъ. Обмѣнъ между городскимъ ремесленникомъ и крестьяниномъ. Невозможность обмѣна соотвѣтственно трудовой цѣнности. Мнѣніе Каутскаго. Неблагопріятное положеніе крестьянъ при сбытѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Опредѣленіе характера прибыли средневѣковаго ремесленника Лексисомъ.

VI. Прибыль, изалекаемая цеховымъ ремесленникомъ изъ труда учениковъ и подмастерьевъ . . . . . 405—417

Ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ вправѣ держать мастеръ. Продолжительность срока ученичества. Вознагражденіе ученика. Заработная плата подмастерьевъ. Плата подмастерья въ строительныхъ ремеслахъ. Вычетъ изъ платы. Плата подмастерья въ другихъ ремеслахъ. Установленіе максимальной платы для подмастерьевъ цеховыми мастерами. Запрещеніе платить болѣе высокое вознагражденіе. Различное соціальное положеніе мастера и подмастерья; мастеръ-господинъ и подмастерье-слуга.

VII. Образованіе постояннаго рабочаго класса цеховыхъ подмастерьевъ . . . . . 417—425

Стремленіе цеховъ къ извлеченію прибыли изъ труда учениковъ и подмастерьевъ. Возникновеніе рабочаго класса одновременно съ образованіемъ цеховъ. Столкновенія между мастерами и подмастерьями въ нѣмецкихъ городахъ въ XIV вѣкѣ. Соціальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франціи. Борьба съ союзами подмастерьевъ и стачками въ Англіи. Эшли и М. М. Ковалевскій о существованіи рабочаго класса въ средніе вѣка. Взглядъ Брентано, Шанца и Бернштейна на характеръ промышленной прибыли въ средніе вѣка. Общій выводъ относительно этой прибыли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Торговля и торговая прибыль въ XVI—XVIII ст. . . . . . 426—492

I. Португальская торговля . . . . . 426—438

Открытіе морского пути въ Индію. Экспедиціи португальцевъ въ Африку; торговый обмѣнъ съ ту-

Стр.

земными племенами. Пріобрѣтенія португальцевъ въ Индіи. Установленіе торговой монополіи. Одностороннее установленіе цѣнъ португальцами на пріобрѣтаемые ими произведенія. Участіе итальянскихъ и нѣмецкихъ купцовъ въ первыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Индію; прибыль, вырученная отъ этихъ экспедицій. Торговля съ континентомъ Индіи, съ Малаккой и Молукскими островами. Вытѣсненіе испанцевъ йзъ Молукскихъ острововъ; формы обмѣна съ туземцами. Дальнѣйшее усиленіе монополіи въ торговлѣ съ Остъ-Индіей. Устраненіе иностранцевъ отъ участія въ экспедиціяхъ. Организація сбыта произведеній Индіи въ Европѣ. Королевскіе магазины въ Лиссабонѣ: установленіе цѣнъ королемъ. Монопольный характеръ дальнѣйшей торговли пряностями. Роль Антверпена въ этой торговлѣ. Синдикаты, скупающіе пряности. Фактическія монополіи на другіе товары. Роль Германіи въ торговлѣ послѣ открытія новаго пути въ Индію.

II. Испанская торговля . . . . . 438 - 444

Открытіе Америки. Погоня за золотомъ со стороны испанцевъ. Способы пріобрѣтенія золота въ Америкѣ. Repartimientos. Предметы привоза въ Америку и вывоза оттуда. Монополіи короля. Торговля неграми. Прибыль, выручаемая испанскимъ королемъ и купцами. Купеческія корпораціи. Севильскіе купцы. Торговля съ Мексико, Перу и Чили.

III. Нидерландская остъ-индская компанія . . . . . 444—467

Прекращеніе торговыхъ сношеній между Лиссабономъ и Нидерландами и самостоятельныя плаванія нидерландцевъ въ Индію. Вытѣсненіе португальцевъ, уничтоженіе португальскихъ колоній. Монополизація торговли Нидерландами. Постепенное образованіе нидерландской остъ-индской компаніи. Параллель между организаціей нидерландской и организаціей португальской торговли. Привилегіи остъ-индской компаніи. Связь ея съ правительствомъ. Исключительное право торговли съ Индіей.— Торговля компаніи съ Молукскими островами; установленіе цѣнъ на гвоздику и мускатъ. Опасенія конкурренціи. Истребленіе гвоздичныхъ и мускатныхъ плантацій. Торговля компаніи съ Большими Зондскими островами. Характеръ обмѣна. Торговля рисомъ, перцемъ, аракомъ, сахаромъ, кофе. Уничтоженіе кофейныхъ плантацій. Система „Leverantiën“, фактическое распространеніе ея. Торговля корицей, опіемъ, чаемъ. — Торговля компаніи съ Японіей. Стѣснительныя условія торговаго обмѣна въ Японіи. Предметы привоза въ Японію. Установленіе цѣнъ японской палатой. Различіе между размѣрами прибыли, выручаемой на сбытѣ отдѣльныхъ товаровъ въ Японіи, и общимъ уровнемъ прибыли въ торговлѣ съ Японіей. Причины этого явленія. Частная торговля служащихъ компаніи за ихъ собственный счетъ. Различіе между средневѣковой торговлей и колоніальной торговлей XVI — XVIII ст. въ этомъ отношеніи. Размѣры частной торговли служащихъ.

Стр.

Различныя злоупотребленія. Контрабандная торговля. Размѣры прибыли, выручаемой компаніей. Различіе между уровнемъ прибыли и выплачиваемыми дивидендами. Причина этого. Расходы на администрацію и войско. Параллель между колоніальной торговлей въ средніе вѣка и въ послѣдующія столѣтія. Выгодность колоніальной торговли для итальянскихъ городовъ. Прекращеніе остъ-индской компаніи.

IV. Англійская остъ-индская компанія . . . . . 467—480

Появленіе англичанъ въ Индіи и договоръ съ Португаліей. Переходъ Англіи отъ пассивной къ активной роли въ торговлѣ. Возникновеніе англійской остъ-индской компаніи. Исключительное право торговли съ Индіей. Жестокое преслѣдованіе частныхъ лицъ. Борьба компаніи съ другими ассоціаціями, нарушавшимися монополію. Появленіе второй остъ-индской компаніи. Сліяніе обѣихъ компаній. Подтвержденіе привилигій компаніи; подкупы. Борьба съ Франціей и Нидерландами. Англійскія факторіи Одностороннее установленіе цѣнъ на товары въ обмѣнѣ съ туземцами.—Прибыль, вырученная первыми экспедиціями. Расходы компаніи на устройство фортовъ и содержаніе гарнизоновъ. Нищенское вознагражденіе служащихъ. Незаконные способы обогащенія служащихъ. Торговля на собственный счетъ, монополизація различныхъ отраслей торговли въ свою пользу. Борьба Клайва съ злоупотребленіями. Превращеніе компаніи въ корпорацію чисто-политическаго характера и установленіе свободной торговли.

V. Другія торговыя компаніи XVII—XVIII ст. Общій характеръ торговли, цѣнъ и прибыли . . . . . 480—492

Фактическое уничтоженіе монополіи Испаніи въ торговомъ обмѣнѣ съ Америкой. Контрабандная торговля Голландіи и Англіи съ Америкой. Пиратство на Атлантическомъ океанѣ; захватъ испанскихъ флотилій. Характеръ галландской и англійской колонизаціи въ Вестъ-Индіи. Нидерландская вестъ-индская компанія. Англійская Гудсонова компанія. Характеръ обмѣна съ туземцами. Англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ. Французская колонизація въ Америкѣ. Французскія торговыя компаніи.—Характеръ международной торговли XVI—XVIII. Сравненіе со средневѣковой торговлей. Сходныя черты. Различіе. Характеръ хлѣбной торговли въ XVI—XVIII ст. Два періода въ исторіи заокеанскихъ компаній. Цѣны колоніальныхъ товаровъ въ XVI—XVIII ст. и потребленіе ихъ различными классами населенія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Промышленность и прмоышленная прибыль въ XVI—XVIII ст. А. Домашняя или кустарная промышленность . . . . . 493—597

I. Переходъ отъ замкнутаго городского хозяйства къ торрiторіальному хозяйству . . . . . 493—505

Стр.

Средневѣковый городъ какъ самодовлѣющее цѣлое; ввозъ промышленныхъ издѣлій во второй половинѣ XV и въ XVI ст. Франція; Парижъ, Туръ. Сосредоточеніе шерстяной промышленности въ немногихъ мѣстностяхъ въ XVII ст. Страсбургъ, Любекъ. Безуспѣшная борьба цеховъ съ привозомъ въ городъ фабрикатовъ. Экспортъ нюрнбергскихъ издѣлій. Свобода обмѣна внутри Англіи. Итальянскіе города. Раздѣленіе труда между различными мѣстностями. Самодовлѣющій городъ замѣняется самодовлѣющимъ государствомъ. Таможенная политика послѣдняго. Усиленіе конкурренціи внутри государства въ XVII—XVIII ст. Отмѣна внутреннихъ таможенъ. Меркантилизмъ. Измѣненія въ характерѣ и размѣрахъ вбмѣна и появленіе вексельнаго и фондоваго рынка. Почта. Мѣры къ облегченію транспорта товаровъ. Водные пути. Искусственныя водныя сооруженія во Франціи, Пруссіи и Англіи. Сухопутныя пути сообщенія. Скорость перевозки.

II. Появленіе конкурренціи въ торговлѣ и вліяніе ея на цѣны. . . . . 505—513

Возникновеніе международной торговли промышленными издѣліями. Контрабандный характеръ ея. Усиленіе контрабанды въ XVII—XVIII ст.; контрабандный ввозъ промышленныхъ издѣлій въ Англію, Францію, Пруссію, Австрію. Саксонская промышленность.—Общее повышеніе уровня цѣнъ въ XVI—XVII ст. Цѣны промышленныхъ издѣлій понизились по сравненію съ цѣнами другихъ товаровъ. Цѣны на сырье значительно возросли по сравненію съ цѣнами фабрикатовъ. Сокращеніе части цѣны, представляющей собою прибыль и заработную плату. Пониженіе прибыли на единицу товара компенсируется возрастаніемъ въ суммѣ; расширеніе производства.

III. Возникновеніе кустарной промышленности. . . . 513—522

Превращеніе самостоятельнаго ремесленника въ кустаря, сбывающаго свои произведенія скупщику. Зачатки переворота относятся къ средневѣковому періоду. Ограниченность городского рынка. Сбытъ продуктовъ на ярмаркахъ. Борьба городовъ съ работой цеховыхъ мастеровъ по заказу другихъ мастеровъ. Возникновеніе кустарной промышленности внѣ городовъ. Стѣсненіе ввоза промыленныхъ издѣлій средневѣковыми городами. Кустарная промышленность возникаетъ лишь въ мѣстностяхъ, обладающихъ фактической монополіей въ данной области. Размѣры распространенія кустарной формы производства въ средніе вѣка. Сѣверная Германія. Южногерманскіе и сѣверофранцузскіе города. Нидерланды. Италія. Англія. Вліяніе условій рынка. Необходимость иной организаціи сбыта. Появленіе класса купцовъ. Отдѣленіе прибыли отъ заработной платы.

IV. Образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ XVI—XVII ст. . . . . 522—539

Стр.

Только членъ цеха можетъ сбывать произведенные цеховыми мастерами товары. Недопущеніе купцовъ. Борьба оканчивается побѣдой послѣднихъ. Первые скупщики. Ганзейскіе города. Нюрнбергъ. Парижъ. Вюртембергъ. Торно. Галле. Магдебургъ. Баварія. Ліонъ. — Появленіе новаго вида раздѣленія труда въ концѣ средневѣковаго періода (Produktionsteilung). Цехъ, производящій конечныя операціи, захватываетъ въ свои руки сбытъ издѣлій. Превращеніе ремесла въ кустарную промышленность и образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій. Производство холоднаго оружія въ Золингенѣ. Ножевой промыселъ въ Золингенѣ. Ножевое производство въ Тюрингіи. Иголочный промыселъ въ Швабахѣ. Слесарно-замочный промыселъ въ Бирмингамѣ и Шеффильдѣ.— Развитіе кустарной промышленности изъ ремесла въ текстильномъ производствѣ. Превращеніе суконваловъ въ суконщиковъ во Франціи и Англіи. Обязательность семилѣтняго ученичества для скупщиковъ въ Англіи. Образованіе класса скупщиковъ—предпринимателей въ баденской и вюртембергской текстильной промышленности. Констанцъ. Пфорцгеймъ. Кальвъ.— Отрасли промышленности, гдѣ сбытъ всегда находился въ рукахъ купцовъ. Шелковая промышленность и соединенныя съ нею производства. Константинополь. Итальянскіе города. Базель. Цюрихъ. Ліонъ. Нидерланды. Крефельдъ. Берлинъ. Кустарная промышленность — господствующая форма производства въ XVII—XVIII ст. Цехи сохраняются, но теряютъ свое значеніе. Франція. Германія. Нидерланды. Англія. Швейцарія.

V. Рабочій классъ. . . . . 539—558

Расширеніе класса несамостоятельныхъ рабочихъ въ XVI—XVIII ст. Увеличеніе числа цеховыхъ учениковъ и подмастерьевъ. Нарушеніе цеховыхъ привилегій. Появленіе новыхъ элементовъ. Городскіе привилегированные мастера, придворные мастера; другія категоріи городскихъ цеховыхъ мастеровъ. Иностранцы, переселяющіеся изъ различныхъ странъ. Лица, самовольно принявшіяся за производство промысла. Участіе женщинъ и дѣтей въ кустарной промышленности.—Значеніе сельскихъ жителей для развитія новой промышленности. Сельская промышленность въ Англіи. Борьба между городскими цехами и сельскимъ населеніемъ. Распространеніе суконной промышленности въ селахъ. Другія отрасли производства. Сельскіе промыслы во Франціи; фактическое распространеніе ихъ и до половины XVIII вѣка. Соединеніе промысловъ съ земледѣліемъ. Сельскіе промыслы въ Пруссіи. Распространеніе ихъ, связь съ земледѣліемъ. Силезія. Текстильная промышленность Пфорцгейма, Кальва, Фогтланда. Сельскій характеръ швейцарской промышленности. Сходство между нашей кустарной промышленностью и западно-европейской.—Возрастаніе рабочаго населенія въ XVI—XVIII ст. Безработица; Базель,

Стр.

Кальвъ, англійская шерстяная промышленность. Кризисы въ ліонской шелковой промышленности. Недостатокъ работы въ другихъ французскихъ городахъ.

VI. Взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими. . . . . 558—570

Стремленіе скупщиковъ подчинить кустарей своей власти. Ограниченія, установленныя для мастеровъ въ нѣмецкихъ и итальянскихъ городахъ. Венеція, Генуя, Пиза. Замисимость кустарей отъ скупщиковъ въ флорентинской шерстяной промышленности. Власть скупщиковъ въ ліонской шелковой промышленности. Запрещеніе кустарямъ самостоятельно сбывать свои издѣлія. Двѣ корпораціи (скупщиковъ и кустарей) въ Германіи. Прикрѣпленіе кустарей къ опредѣленной корпораціи скупщиковъ. Тюрингія, Баварія, Моравія, Эльзасъ, Саксонія, Вюртембергъ. Мѣры, принятыя кальвской компаніей; обширная власть послѣдней надъ рабочими. Зависимость рабочихъ въ Золингенѣ и Зигенѣ. Значеніе конкурренціи между скупщиками при сбытѣ товаровъ.

VII. Мѣропріятія государства съ цѣлью пониженія заработной платы. . . . . 570—583

Какъ устанавливается заработная плата въ XVI—XVIII ст. Англійскіе писатели XVII—XVIII ст. настаиваютъ на высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и низкой заработной платѣ. Возраженія Адама Смита. Соотвѣтствіе между теоріей и практикой. Установленіе максимума заработной платы мировыми судьями. Дѣйствительная плата нѣсколько выше установленной. Регулированіе заработной платы въ суконной промышленности. Суконщики-предприниматели въ качествѣ мировыхъ судей, опредѣляющихъ плату рабочихъ. — Установленіе максимальной платы во Франціи. Въ чемъ заключается сила ліонской промышленности? — Стремленіе къ сокращенію заработной платы въ Австріи и Пруссіи. Порядокъ установленія заработной платы въ Вюртембергѣ. Зависимость правительства отъ скупщиковъ. — Вліяніе установленнаго максимума на высоту заработной платы.

VIII. Уменьшеніе заработной платы въ XVI—XVIII ст. и положеніе рабочихъ въ эту эпоху . . . . . 583—597

Сокращеніе реальной заработной платы въ XVI—XVII ст. по вычисленіямъ Вибе. Уменьшеніе реальной платы въ Англіи. Пониженіе заработной платы въ Вюртембергѣ Вычисленія д'Авенеля относительно номинальной и реальной платы во Франціи въ XVI—XVIII ст. Размѣры задѣльной платы промышленныхъ рабочихъ во Франціи.—Вычеты изъ платы, производимые факторами-посредниками. Truck-system. Отсутствіе запрещеній расплаты товарами въ Англіи въ XVI и XVII ст. Расплата товарами въ

Стр.

Германіи.—Тяжелое положеніе рабочихъ въ англійской шерстяной промышленности. Печальныя условія во Флоренціи и Генуѣ. Матеріальное положеніе предпринимателей и рабочихъ въ Германіи. Ульмъ. Силезія. Вюртембергъ. Благосостояніе предпринимателей. Нищенскія условія жизни рабочихъ-кустарей. Состоятельность скупщиковъ въ Ліонѣ; безвыходная нужда ліонскихъ рабочихъ. Противоположность регламентовъ кустарной промышленности XVI—XVIII ст. фабричному законодательству XIX вѣка. Неправильный взглядъ Шмоллера. Періодъ т. наз. первоначальнаго накопленія у Маркса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Промышленность и промышленная прибыль въ XVI—XVIII ст. В. Централизованныя мануфактуры и ученіе Адама Смита. . . 598—000

I. Централизованныя мануфактуры, устроенныя иностранцами. . . . . 598—610

Понятіе мануфактуры въ XVII—XVIII ст. Мануфактура и фабрика — синонимы. Понятіе централизованной мануфактуры въ современной наукѣ. Возникновеніе первыхъ мануфактуръ. Конкурренція съ цехами. Королевскія и герцогскія мануфактуры. Превращеніе первоначальныхъ промышленныхъ заведеній въ дѣйствительныя централизованныя мануфактуры. Значеніе переселеній промышленныхъ элементовъ XVII—XVIII ст. и покровительство правительствъ новымъ переселенцамъ. Столкновенія иностранцевъ съ цехами и защита первыхъ государствомъ. — Первыя мануфактуры во Франціи. Луврская галлерея. Причины ея возникновенія. Характеръ производства вначалѣ и впослѣдствіи. Мануфактура гобеленовъ. Другія привилегированныя мануфактуры. Первая австрійская мануфактура. Цѣль учрежденія ея. Возникновеніе мануфактуръ въ Нидерландахъ и въ Пруссіи.

II. Мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ. . . . . 610—620

Возникновеніе централизованныхъ мануфактуръ въ домахъ призрѣнія, тюрьмахъ, работныхъ домахъ. Соединеніе сиротскихъ пріютовъ съ исправительными заведеніями и домами умалишенныхъ. Устройство мастерскихъ въ этихъ учрежденіяхъ. Германія. Нидерланды. Австрія. Франція. Англія. Цѣль устройства работныхъ домовъ и тюремъ. Бродячее населеніе. Амстердамъ. Исправительные и работные дома—тѣ же мануфактуры. Базель. Бременъ. Голландскія мануфактуры въ исправительныхъ домахъ. Отдача мануфактуръ съ принудительнымъ трудомъ на откупъ предпринимателямъ. Необходимость отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительный трудъ въ тюрьмахъ. Заработная плата несвободныхъ рабочихъ; неправильный взглядъ Гиппеля.

Стр.

III. Мануфактуры, возникшія изъ болѣе раннихъ формъ производства. . . . . 620—630

Двоякій способъ образованія централизованныхъ мануфактуръ по Марксу. Значеніе теоріи Маркса и пробѣлы въ ней. Невозможность объясненія образованія мануфактуръ изъ другихъ формъ производства въ случаѣ принятія теоріи Маркса. Раздѣленіе производства въ кустарномъ промыслѣ и расчлененіе труда на мануфактурѣ.—Постепенное возникновеніе централизованныхъ мануфактуръ изъ кустарнаго производства въ Вюртембергѣ. Кальвская компанія. Медленность перехода. Ситцевая „фабрика“ въ Зульцѣ. Ея организація. Рѣдкость централизованныхъ мануфактуръ, возникающихъ генетически въ старыхъ отрасляхъ производства. Вюртембергъ. Баденъ. Отказъ свободныхъ рабочихъ идти на мануфактуры. Рѣдкость мануфактуръ въ Англіи. Франція и Бельгія.

IV. Раздѣленіе труда на мануфактурахъ какъ источникъ прибыли съ капитала. . . . . 630—640

Факторы-посредники и утайка матеріала кустарями. Злоупотребленія факторовъ и обманы кустарей въ Шварцвальдѣ. Ахенъ. Крефельдъ. Борьба съ утайкой матеріала въ Англіи. Сокращеніе этихъ злоупотребленій при переходѣ къ мануфактурѣ. Расчлененіе труда на мануфактурѣ. Сочиненіе Адама Смита предшествуетъ появленію машинъ. Огромное значеніе, придаваемое имъ раздѣленію труда. Выгоды раздѣленія труда по Смиту. Булавочная мануфактура. Почему онъ выбралъ именно эту отрасль производства? Вліяніе раздѣленія труда на благосостояніе народа. Расчлененіе труда на мануфактурѣ, какъ источникъ прибыли въ XVIII вѣкѣ. Беатриса Веббъ (Поттеръ).

V. Ученіе о цѣнности у Адама Смита. . . . . 640—647

Трудъ какъ факторъ производства, какъ источникъ цѣнности и какъ мѣрило цѣнности. Предметы обмѣниваются по количеству труда. Неправильность этого положенія для первобытныхъ народовъ и для средневѣковаго періода. Вѣрность его для эпохи Адама Смита. Плюсъ, который прибавлялся въ средніе вѣка къ трудовой цѣнности товаровъ, исчезаетъ во XVI—XVIII ст. Цѣна и процессъ обмѣна съ различныхъ точекъ зрѣнія. Отсутствіе равенства прибылей въ XVIII ст. Характеръ конкурренціи въ эту эпоху. Переходъ изъ однихъ отраслей производства въ другія. Какъ вычисляется прибыль? Составъ капитала въ различныхъ отрасляхъ производства до появленія машинъ. Отсутствіе общаго уровня заработной платы.

VI. Уровень заработной платы и прибыли у Адама Смита. . . . . 647—656

Вліяніе государственнаго вмѣшательства на уровень заработной платы въ различныхъ промыслахъ.

Стр.

Разнообразіе въ уровнѣ прибыли. Измѣненія въ немъ. Англія и Шотландія. Прибыль должна быть достаточна для содержанія купца. Зависимость величины прибыли отъ размѣровъ затрачиваемаго капитала. Примѣръ, приводимый Адамомъ Смитомъ. Кажущееся противорѣчіе. Какъ объяснить его? Анализъ дѣйствительной жизни XVIII вѣка у Смита. Дедукція изъ положеній, найденныхъ индуктивнымъ путемъ. Непримѣнимость этого метода къ анализу будущаго (для него) хозяйственнаго строя, основаннаго на господствѣ свободной конкурренціи.

VII. Проблема дохода съ капитала въ XVI—XVIII ст. 656—666

Запрещеніе взиманія роста и обходы его. Damnum emergens и Lucrum cessans. Сторонники допущенія ссуднаго процента. Кальвинъ и Молинеусъ. Ссылка на первоначальный доходъ. Послѣдній не возбуждаетъ сомнѣній. Проблема прибыли у Адама Смита, у меркантилистовъ и физіократовъ. Толкованія Маркса. Джемсъ Стюартъ. Кене. Дюпонъ. Fruktifikationstheorie у Беккаріа, Вольфа и Гетчисона. Тюрго. Критика его ученія.

VIII. Зачатки теорій воздержанія и эксплоатаціи. . . 667—676

Намеки на теорію воздержанія у физіократовъ. Ученіе Жермена Гарнье. Теорія воздержанія соотвѣтствовала міровоззрѣнію XVII—XVIII ст. Лолларды, пуритане, квакеры. Аскетизмъ и умѣренность въ потребленіи. Отношеніе къ зэмлевладѣльцамъ. Ученіе Годвина. Протестъ противъ неравнаго распредѣленія. Ученіе Спенса. Теорія Чарльза Голля. Богатые и бѣдные. Эксплоатація рабочихъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Человѣкъ, владѣющій капиталомъ, — говоритъ Бемъ-Баверкъ — имѣетъ обыкновенно возможность извлекать изъ него постоянный чистый доходъ, именуемый въ наукѣ доходомъ съ капитала или процентомъ съ капитала (въ широкомъ смыслѣ). Этотъ доходъ отличается различными характерными особенностями. Онъ возникаетъ независимо отъ какой бы то ни было личной дѣятельности капиталиста; онъ получается и въ томъ случаѣ, если капиталистъ для созданія его не двинулъ пальцемъ о палецъ и поэтому на первый взглядъ кажется какъ бы происходящимъ изъ самаго капитала, или — по старинному сравненію — рождающимся имъ. Онъ получается, далѣе, со всякаго капитала, какую бы послѣдній ни принималъ форму: какъ изъ предметовъ [1]), производящихъ по своимъ естественнымъ условіямъ плоды, такъ и изъ вещей, плодовъ не приносящихъ, какъ изъ потребляемыхъ, такъ и изъ непотребляемыхъ вещей, изъ замѣнимыхъ и незамѣнимыхъ, изъ денегъ и товаровъ. Наконецъ, капиталъ, изъ котораго онъ извлекается, не истощается, вслѣдствіе чего доходъ съ капитала не знаетъ какихъ-либо предѣловъ во времени: онъ является, слѣдовательно, вѣчнымъ, поскольку вообще можно говорить о вѣчности всего земного. Такимъ образомъ, доходъ съ капитала какъ цѣлое (во всей совокупности его характерныхъ особенностей) представляетъ собою замѣчательное явленіе мертваго капитала, вѣчно и безгранично создающаго новые предметы. . . Откуда же и почему этотъ безконечный во

[1]) Мы замѣняемъ терминъ „благо“ — переводъ съ нѣмецкаго „Gut“—болѣе подходящимъ словомъ „предметъ“.

времени и нестоющій капиталисту никакого труда притокъ предметовъ поступаетъ въ руки капиталиста? Въ этихъ словахъ заключается теоретическая проблема дохода съ капитала“ [1]).

Бемъ-Баверкъ указываетъ далѣе, на то, что эту теоретическую проблему слѣдуетъ отличать отъ соціально-политической проблемы дохода съ капитала, гдѣ рѣчь идетъ не о причинахъ существованія этого дохода, а о томъ, долженъ ли онъ существовать, справедливо ли и цѣлесообразно, чтобы капиталистъ получалъ доходъ съ капитала. Упоминаніе о различіи двухъ этихъ проблемъ[1]) тѣмъ болѣе вѣрно, что не только при первоначальномъ возникновеніи въ наукѣ проблемы дохода съ капитала рѣчь шла о справедливости его [2]), а не о томъ, откуда онъ получается, но и впослѣдствіи обѣ проблемы соединялись вмѣстѣ и при объясненіи характера процента съ капитала весьма существенную роль играли соображенія соціально-политическаго свойства относительно цѣлесообразности существованія нетрудоваго дохода [3]) [4]).

Но если наша задача заключается, такимъ образомъ, въ разрѣшеніи проблемы о томъ, откуда получается доходъ съ капитала и почему онъ получается, то возникаетъ далѣе вопросъ, — какая именно форма этого дохода подлежитъ анализу. Рядомъ съ первоначальной прибылью съ капитала, выручаемой въ предпріятіи (при сбытѣ товаровъ), за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, мы находимъ и производный про-

---

[1]) Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. B. I. Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien. 2. Aufl. Innsbruck. 1900. p. 1—2.

[1]) См. объ этомъ также Margolin. Kapital und Kapitalzins. Berlin. 1904. p. 35—40.

[2]) См. главу девятую, VII и VIII.

[3]) „Благодаря соединенію обѣихъ проблемъ, мы, разсматривая вопросъ о происхожденіи дохода съ капитала, будемъ руководствоваться отчасти основаніями цѣлесообразности, что конечно неправильно, а мнѣніе относительно полезности института дохода съ капитала будетъ отчасти выведено изъ теоретическихъ соображеній о происхожденіи его“ (Böhm-Bawerk. B. I. p. 4). См. также П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 3 изд. Спб. 1901. стр. 551—53.

[4]) См. изложеніе теорій во второмъ томѣ „Эволюціи прибыли“, а также гл. IX этого тома.

центъ, уплачиваемый лицу, предоставившему свой капиталъ другому для помѣщенія его въ предпріятіи (по договору займа, найма, аренды и т. п.). Исходной точкой въ экономической наукѣ являлось изученіе этой послѣдней формы дохода съ капитала [1]), и хотя экономисты весьма скоро убѣдились въ томъ, что разрѣшить проблему (рѣчь шла первоначально— какъ указано — о справедливости этого дохода) мыслимо лишь при анализѣ первоначальной прибыли, такъ какъ производный процентъ является лишь послѣдствіемъ существованія прибыли въ предпріятіи, но и до сихъ поръ нерѣдко экономисты, изучая уже проблему происхожденія прибыли съ капитала, занимаются анализомъ не первоначальнаго, а производнаго дохода. Между тѣмъ ясно, что для выясненія вопроса о томъ, откуда берется доходъ, изъ какого источника онъ получается, необходимо брать первоначальную прибыль, иначе мы остановимся на полъ-пути, ибо источникомъ производнаго процента по займу является прибыль, выручаемая въ предпріятіи, гдѣ помѣщенъ занятый капиталъ. Изъ этой прибыли выплачивается процентъ заимодавцу и, слѣдовательно, разъ выяснивъ источникъ этой прибыли, мы тѣмъ самымъ установимъ и источникъ производнаго процента. И точно также, лишь опредѣливъ причину того факта, что цѣнности, получающіяся изъ даннаго источника, поступаютъ именно въ пользу капиталиста-предпринимателя въ качествѣ прибыли въ предпріятіи, можно отвѣтить на вопросъ о причинѣ существованія производнаго процента: послѣдній существуетъ лишь потому и лишь постольку, почему и поскольку получается первоначальная прибыль, изъ которой онъ выплачивается

Въ тѣсной связи съ указаннымъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ формъ дохода на капиталъ находится и другая ошибка въ постановкѣ вопроса о происхожденіи прибыли съ капитала, которая дѣлается весьма часто. Въ качествѣ объекта анализа берется не вся первоначальная прибыль, выручаемая въ предпріятіи, за покрытіемъ расходовъ и за отчисленіемъ соотвѣтствующей части въ качествѣ вознагражденія за диспозитивный трудъ предпринимателя (если

[1]) См. ниже, стр. 656 и сл.

онъ самъ и управляетъ предпріятіемъ), а лишь та часть этой прибыли, которая соотвѣтствуетъ величинѣ существующаго въ данное время рыночнаго процента. Экономисты XVII—XVIII ст. не разграничивали надлежащимъ образомъ прибыль съ капитала и вознагражденіе предпринимателя за диспозитивный (а часто и физическій, исполнительный) трудъ его—въ жизни оба вида дохода соединялись въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ—усматривая нерѣдко въ доходѣ предпринимателя единственно плату за трудъ его (только процентъ заимодавца представлялся имъ чистымъ доходомъ). Лишь съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ Смитъ выяснилъ различіе между прибылью и вознагражденіемъ за трудъ предпринимателя [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни эти два вида дохода дѣйствительно отдѣлились, стали ясно различать эти двѣ части предпринимательскаго дохода, понимая, что прибыль, выручаемая въ предпріятіи, составляетъ такой же чистый доходъ, какъ и рыночный процентъ. Но затѣмъ экономисты пошли еще дальше и нашли еще новую, третью часть въ доходѣ предпринимателя—чистый доходъ его или барышъ, въ качествѣ четвертой, самостоятельной отрасли дохода, стоящей наравнѣ съ заработной платой, процентомъ и рентой. Доходъ предпринимателя состоитъ, слѣдовательно, изъ заработной платы за его диспозитивный трудъ, далѣе изъ процента, высота котораго опредѣляется соотвѣтственно существующему въ данное время среднему рыночному проценту, и чистаго барыша предпринимателя [2]). Дѣйстви-

---

[1]) См. ниже, стр. 651—53.

[2]) См. объ этомъ особ. нѣмецкую литературу (въ которой проводится систематически подобное подраздѣленіе дохода предпринимателя): Mangoldt. Die Lehre vom Unternehmergewinn. Leipzig. 1855. Pierstorff. Die Lehre vom Unternehmergewinn. Berlin. 1875. Его же. Unternehmer und Unternehmergewinn. Handwört. der Staatswiss. B. VII. Mataja. Der Unternehmergewinn. Wien. 1884. Gross. Die Lehre vom Unternehmergewinn. Leipzig. 1884. Schroeder. Das Unternehmen und der Unternehmergewinn vom historischen, theoretischen und praktischen Standpunkte. Wien. 1884. Mithoff. Die volkswirtschaftliche Verteilung. (Schoenberg. Handbuch der politischen Oekonomie. B. I). Wirminghaus. Das Unternehmen der Unternehmergewinn und die Beteiligung der Arbeiter am Unternehmergewinn. Iena. 1886. (Conrad's Sammlung nationaloekonomischer und statistischer Abhandlungen. B. IV. H. 3). См. также Цытовичъ. Обзоръ ученій о предпринимательской прибыли. Кіевъ. 1889.

тельно, если исходить не изъ первоначальной прибыли, а изъ производнаго процента, изъ процента, который предприниматель уплачиваетъ тому, у кого онъ занялъ капиталъ, да еще предположить, что предпріятіемъ завѣдуетъ наемное лицо, особый управляющій—какъ это обыкновенно бываетъ въ настоящее время—то легко придти къ тому выводу, что остающаяся часть дохода, присваиваемая предпринимателемъ, должна имѣть самостоятельную причину, что этотъ барышъ получается изъ особаго источника. Если же мы будемъ разсматривать въ качествѣ дохода съ капитала первоначальную прибыль, выручаемую въ предпріятіи, то никакого избытка за покрытіемъ расходовъ и за уплатой вознагражденія за трудъ по управленію не останется; получится лишь прибыль съ капитала, частью которой является уплачиваемый заимодавцу процентъ. [1]) Неправильность выдѣленія барыша предпринимателя въ качествѣ особаго вида дохода, обнаруживается наиболѣе ясно при анализѣ дохода не единоличнаго, а коллективнаго предпріятія, именно наиболѣе распространенной въ настоящее время формы послѣдняго—акціонерной компаніи. Акціонеры являются и капиталистами, и предпринимателями одновременно: имъ принадлежитъ предпріятіе и они же вносятъ необходимый для веденія дѣла капиталъ. Между тѣмъ дѣятельность ихъ по управленію предпріятіемъ сводится къ нулю: она выражается исключительно въ участіи въ общемъ собраніи, что является, однако, ихъ правомъ, а не обязанностью, причемъ практика показываетъ, что общія собранія акціонеровъ посѣщаются крайне слабо и различныя мѣры, принимаемыя къ оживленію этихъ собраній, не приводятъ къ цѣли, такъ что въ результатѣ вліяніе акціонеровъ на веденіе дѣла весьма незначительно; судьба предпріятія, его направленіе и успѣхъ зависятъ отъ правленія, т. е. наемныхъ директоровъ (не всегда они должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и акціоне-

[1]) См. въ особенности крайне любопытную критику Л. І. Петражицкаго (Petrazycki. Die Lehre vom Einkommen. B. II. Berlin. 1895. p. 412—425), доказывающаго всю несостоятельность выдѣленія предпринимательскаго барыша въ качествѣ особой отрасли дохода. Въ томъ же смыслѣ высказывается Kleinwächter. Das Einkommen und seine Verteilung. Leipzig. 1896. p. 273—76. 280—86.

рами) [1]). Такимъ образомъ, весь дивидендъ акціонеровъ представляетъ собою одну лишь прибыль съ вложеннаго въ предпріятіе капитала, которая, однако, нерѣдко значительно превышаетъ рыночный процентъ. Но было бы весьма странно и произвольно выдѣлять изъ этой прибыли остающуюся за покрытіемъ рыночнаго процента часть въ качествѣ особаго барыша, такъ какъ онъ происходитъ изъ того же источника и получается на томъ же основаніи, какъ и первая, соотвѣтствующая размѣрамъ заемнаго процента, часть прибыли.

Такимъ образомъ, наша задача заключается въ выясненіи вопроса о томъ, *изъ какого источника получается первоначальная прибыль съ капитала, выручаемая въ предпріятіи, за покрытіемъ расходовъ и вознагражденія по управленію предпріятіемъ, и почему эта прибыль поступаетъ въ пользу предпринимателя.* Проблема именно двоякая, какъ ее справедливо формулируетъ Бемъ-Баверкъ въ самомъ началѣ перваго тома своего сочиненія [2]), хотя въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ недостаточно обращаетъ вниманія на необходимость анализа обоихъ указанныхъ моментовъ. Бемъ-Баверкъ, далѣе, вполнѣ правильно указываетъ на то, что проблема дохода съ капитала относится, какъ къ области производства, такъ и къ сферѣ распредѣленія, и кто обращаетъ вниманіе лишь на одну изъ этихъ областей, не въ состояніи дать правильнаго объясненія того, откуда берется прибыль и почему она существуетъ; однако—прибавляетъ онъ—и при анализѣ характера производства и при разсмотрѣніи условій распредѣленія продукта, необходимо всегда имѣть въ виду цѣнность предметовъ, ибо прибыль—прибавочная цѣнность, по своему существу есть ничто иное, какъ разстояніе между цѣнностью продукта и цѣнностью затраченнаго въ производствѣ капитала. „Лишь объяснивъ тѣ характерныя повышенія и пониженія цѣнности предметовъ, разстояніе между которыми создаетъ „прибавочную цѣнность“, мы можемъ дать истинно-научное обоснованіе дохода съ капитала: проблема дохода съ капи-

---

[1]) Ср. Lehmann. Das Recht der Aktiengesellschaften. B. II. Berlin. 1904. p. 152. 230—31. Franz Klein. Die neueren Entwicklungen in Verfassung und Reeht der Aktiengesellschaft. Wien. 1904. p. 25—26. 31—34, 42.

[2]) Böhm-Bawerk. B. I. p. 2.

тала есть въ конечномъ результатѣ ничто иное, какъ проблема цѣнности“ [1]).

Мы можемъ, наконецъ, согласиться съ Бемъ-Баверкомъ и тогда, когда онъ усматриваетъ свою задачу въ томъ, чтобы „просто и точно, ничего не подставляя и не презюмируя, ввести характеръ дохода съ капитала... изъ простѣйшихъ... основъ нашего хозяйства“ [2]). Но въ чемъ же заключаются эти простѣйшія основы, которыя должны служить исходными посылками при выясненіи института прибыли? Для Бемъ-Баверка онѣ состоятъ въ существованіи, съ одной стороны, частной собственности и личной свободы, а съ другой стороны—свободной конкурренціи и, т. наз., капиталистическаго способа производства, гдѣ средства производства принадлежатъ капиталисту, а продукты производятся наемными рабочими. Рядомъ съ этимъ Бемъ-Баверкъ, впрочемъ, анализируетъ доходъ съ капитала и при господствѣ соціалистическаго строя, гдѣ нѣтъ частной собственности въ отношеніи земли и капитала, средства производства принадлежатъ всему обществу и продукты распредѣляются между всѣми членами въ зависимости отъ производимой каждымъ на пользу всего общества работы [3]). Способъ изслѣдованія Бемъ-Баверка, такимъ образомъ, вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ представителей современной абстрактной экономики—Менгера и Дитцеля, которые утверждаютъ, что для установленія экономической теоріи необходимо брать за исходную точку, съ одной стороны, систему свободной конкурренціи, а съ другой стороны—систему коллективной организаціи хозяйства. Въ этомъ случаѣ выводы окажутся пригодными для всѣхъ ступеней экономической жизни, ибо дѣйствительный хозяйственный строй представляетъ собою всегда комбинацію изъ этихъ двухъ системъ въ томъ или иномъ видѣ [4]). Однако, если мы разсмотримъ существо-

---

[1]) Böhm-Bawerk. B. I. p. 604.

[2]) Böhm-Bawerk. B. I. p. 607—608.

[3]) Böhm-Bawerk. B. II. p. 388—89.

[4]) Впрочемъ, сами они — Менгеръ и Дитцель — не выполняютъ этого правила, останавливаясь исключительно на системѣ свободной конкурренціи. Менгеръ (Karl Menger. Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften. Leipzig. 1883) ссылается на то обстоятельство,

вавшія до сихъ поръ системы хозяйства, то убѣдимся въ томъ, что рядомъ въ формой хозяйства, основанной на свободной конкурренціи, и съ коллективной организаціей хозяйства существуетъ еще третья форма—система монополій, которая вовсе не является помѣсью изъ первыхъ двухъ, а представляетъ собою совершенно самостоятельную хозяйственную организацію. Въ противоположность, съ одной стороны, системѣ свободной конкурренціи, предполагающей свободу передвиженія и свободу избранія занятій и формальное равноправіе контрагентовъ, имѣющихъ въ виду извлеченіе наибольшей выгоды для себя; въ противоположность, съ другой стороны, коллективной организаціи хозяйства, гдѣ высшій органъ регулируетъ производство и распредѣленіе въ интересахъ всего общества,—система монополіи предполагаетъ отсутствіе свободы передвиженія и избранія занятій и существованіе монопольныхъ союзовъ, преслѣдующихъ выгоды лишь своихъ членовъ въ ущербъ интересамъ прочихъ организацій, исходитъ изъ существованія монополіи производства и сбыта въ каждой отдѣльной мѣстности (пространство, охватываемое ею, можетъ быть и весьма велико и очень незначительно) въ интересахъ мѣстныхъ жителей и далѣе монополизацію промысловъ и занятій въ пользу извѣстнаго круга лицъ. Это и есть тотъ хозяйственный строй, который въ различныхъ видахъ существовалъ вплоть до XVIII вѣка и лишь въ XIX вѣкѣ сталъ замѣняться системой свободной конкурренціи [1]). Филипповичъ (какъ и другіе экономисты)

что эта система хозяйства представляется для насъ наиболѣе важной, Дитцель же утверждаетъ, что это болѣе сложная форма хозяйства и объясненіе явленій ея представляетъ особенныя трудности. (Dietzel. Theoretische Sozialoekonomik. B. I. Leipzig. 1895).

[1]) Могутъ возразить, конечно, что система монополій сама по себѣ не есть особая форма хозяйственной организаціи въ чистомъ видѣ, такъ какъ она основана на вмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія частныхъ лицъ. Однако не слѣдуетъ прежде всего упускать изъ виду, что могутъ существовать и дѣйствительно существовали фактическія монополіи, являвшіяся результатомъ сложившихся извѣстнымъ образомъ отношеній между различными слоями населенія; продолжительное дѣйствіе юридическихъ монополій только и оказывалось возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія являлись лишь закрѣпленіемъ фактически

прибавляетъ къ этому въ качествѣ первоначальной типичной формы хозяйства изолированное хозяйство, гдѣ хозяйственная дѣятельность опредѣляется потребностями человѣка и подчиненіемъ его силамъ природы [1]). При этомъ Филипповичъ однако устанавливаетъ далѣе въ качествѣ второй типической формы хозяйства строй, основанный на господствѣ частной собственности и свободы личности, упуская изъ виду, что частная собственность можетъ соединяться, какъ со свободнымъ, такъ и съ несвободнымъ трудомъ, такъ что пришлось бы ввести еще новые два типа, гдѣ исходной посылкой является свободное или несвободное состояніе человѣка.

Такимъ образомъ, тѣ простѣйшія основы хозяйства, изъ которыхъ нужно вывести характеръ экономическихъ явле-

существовавшихъ условій. Но кромѣ того подобное возраженіе покоится на презумпціи, что свободная конкурренція въ хозяйственной жизни есть первоначальное и, если не единственно-возможное, то во всякомъ случаѣ „естественное“ состояніе, тогда какъ все, что противорѣчитъ ему, является лишь искусственнымъ наслоеніемъ. При такихъ условіяхъ окажется излишнимъ касаться даже соціалистическаго строя, такъ какъ и онъ вѣдь является результатомъ вмѣшательства государства и общества въ свободную конкурренцію. Между тѣмъ, какъ можно усмотрѣть изъ сообщенныхъ ниже данныхъ относительно хозяйственной жизни первобытныхъ народовъ, и въ эту наиболѣе раннюю эпоху въ жизни человѣчества свободная конкурренція вовсе не являлась господствующимъ принципомъ хозяйственныхъ отношеній. (См. стр. 1 и сл. 17. 37 и сл. и др.) Система свободной конкурренціи есть такое же созданіе рукъ человѣческихъ, какъ и система монополій, она явилась продуктомъ вѣковой борьбы и представляетъ собою хозяйственную организацію лишь одного опредѣленнаго періода; какъ свободная конкурренція установлена государствомъ, такъ она въ свою очередь уступаетъ мѣсто при помощи того же государства другимъ, болѣе совершеннымъ формамъ хозяйственной организаціи. Классическая школа дѣйствительно имѣла всегда въ виду лишь одну систему свободной конкурренціи. Дитцель объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ту эпоху существовала именно такая организація общественнаго хозяйства. Для современныхъ экономистовъ нельзя найти и этого оправданія, ибо той свободной конкурренціи, которая существовала въ эпоху классиковъ, въ настоящее время уже нѣтъ. (См. объ этомъ томъ второй).

[1]) Philippowich. Grundriss der politischen Oekonomie. B. I. Freiburg. 1897.

ній [1]) [2]), могутъ быть настолько различны и многообразны, что необходимо произвести не менѣе шести различныхъ анализовъ даннаго экономическаго института для того, чтобы получить тѣ основныя черты, изъ которыхъ онъ слагается въ дѣйствительности въ различныя эпохи. Но главный недостатокъ подобнаго метода изслѣдованія теоретическихъ проблемъ заключается не въ сложности самаго процесса изученія экономическихъ явленій, а въ неисторическомъ характерѣ выведенной такимъ путемъ общей теоріи, въ томъ, что въ результатѣ получается цѣлый рядъ отдѣльныхъ положеній, расположенныхъ въ пространствѣ, а не во времени. Прибыль (какъ и всякій другой экономическій институтъ) является въ этомъ случаѣ, если и исторической категоріей въ томъ смыслѣ, что она существуетъ лишь въ извѣстныя эпохи экономической жизни, при господствѣ тѣхъ, а не иныхъ основъ хозяйственнаго быта, то во всякомъ случаѣ не исторической въ томъ отношеніи, что разъ появившись, она уже не развивается дальше въ опредѣленномъ направленіи, а лишь представляетъ собою разнообразную комбинацію изъ найденныхъ признаковъ, — не устанавливается послѣдовательности въ ея развитіи, необходимости перехода отъ одной къ слѣдующей по порядку формѣ, являющейся дальнѣйшимъ развитіемъ предыдущей. Къ этому присоединяется еще и другой, не менѣе существенный недостатокъ указаннаго метода изслѣдованія: невозможность провѣрки полученныхъ дедуктивнымъ путемъ выводовъ фактическими данными. Такая провѣрка безусловно необходима, а между тѣмъ она примѣнима лишь къ тѣмъ случаямъ, гдѣ исходныя посылки могутъ быть найдены въ (болѣе или менѣе) чистомъ видѣ въ качествѣ основныхъ характерныхъ особенностей той или другой эпохи хозяйственной жизни: факты, относящіеся къ этимъ періодамъ и являются средствомъ для повѣрки полученныхъ выводовъ.

Изъ послѣдняго, однако, видно вмѣстѣ съ тѣмъ, какой путь теоретическихъ изслѣдованій является наиболѣе пра-

[1]) Aufl. p. 34.

[2]) Дальнѣйшее относится не къ одной лишь прибыли, а имѣетъ общій характеръ, касаясь метода изслѣдованія экономическихъ явленій вообще.

вильнымъ. Необходимо взять въ качествѣ посылокъ не различныя возможныя системы хозяйства въ ихъ чистомъ видѣ, а характерныя особенности дѣйствительно существовавшихъ вплоть до настоящаго времени формъ экономической жизни, устраняя всѣ случайныя, побочныя и второстепенныя обстоятельства и исходя изъ простѣйшихъ, наиболѣе существенныхъ чертъ каждаго хозяйственнаго періода. При такомъ способѣ изученія экономическихъ явленій, дедуктивные выводы могутъ быть каждый разъ провѣрены фактическими данными, относящимися къ извѣстной эпохѣ. Кромѣ того, въ результатѣ выясняется и послѣдовательный ходъ развитія изслѣдуемаго экономическаго института, какъ во всѣхъ отдѣльныхъ фазисахъ, такъ и въ его цѣломъ, какъ результатъ многовѣковаго развитія. Получается эволюціонная теорія.

Конечно, при примѣненіи такого метода возникаетъ опасеніе, что не будетъ установленъ характеръ экономическихъ явленій въ отношеніи системъ хозяйства, которыхъ не существовало въ прошломъ и нѣтъ въ настоящемъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ получатся выводы не изъ чистыхъ системъ хозяйства, а изъ различныхъ смѣшанныхъ формъ, какъ онѣ существовали въ дѣйствительности. Однако, послѣдняго легко избѣгнуть, съ одной стороны, посредствомъ надлежащаго дѣленія исторіи экономическаго быта по эпохамъ, а съ другой стороны, путемъ тщательнаго анализа смѣшанныхъ формъ, при которомъ разграничивались бы явленія, вытекающія изъ различныхъ основныхъ посылокъ. Что же касается пробѣловъ, то они вѣдь могутъ оказаться при такомъ способѣ изслѣдованія лишь постольку, поскольку тѣ или другія гипотетическія формы хозяйства дѣйствительно могутъ осуществиться въ будущемъ и ихъ легко пополнить, разсмотрѣвъ въ заключеніе характеръ даннаго экономическаго института, каковымъ онъ долженъ быть при тѣхъ формахъ хозяйственной жизни, наступленіе которыхъ мыслимо въ будущемъ. Если мы, напр., можемъ установить на основаніи характера развитія современной экономической жизни постепенный переходъ къ соціализаціи хозяйства, то желательно конечно дать экономическую теорію и для такого хозяйственнаго строя. Тогда получится эволюціонная теорія, обнимающая уже не только прошлое и настоящее, но и будущее, предсказывается дальнѣйшее развитіе

даннаго института, въ случаѣ наступленія соотвѣтствующихъ измѣненій въ общихъ основахъ хозяйственнаго строя.

Современная историческая или точнѣе, ново-историческая школа въ экономической наукѣ (въ отличіе отъ старо-исторической—Рошера, Книса, Гильдебранда) въ лицѣ ея крупнѣйшихъ представителей не ограничивается одной лишь подготовительной работой въ видѣ описанія хозяйственной жизни въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ различныя эпохи, но старается обобщить хозяйственныя явленія различныхъ эпохъ, выяснить характеръ экономической эволюціи, какъ въ отношеніи всей хозяйственной жизни въ ея цѣломъ, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ отраслей ея, отдѣльныхъ экономическихъ институтовъ. Къ сожалѣнію, эта школа до сихъ поръ не обращала надлежащаго вниманія на ходъ развитія, т. наз., теоретическихъ категорій первостепенной важности, какъ то: заработная плата, прибыль съ капитала, земельная рента, цѣнность, капиталъ и т. д. и Шмоллеръ высказывалъ даже мнѣніе, что нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и не подлежатъ изученію въ историческомъ направленіи [1]). Этимъ онъ далъ Менгеру поводъ бросить ново-исторической школѣ упрекъ въ неспособности ея изучать эти вопросы и въ непригодности ея метода къ изслѣдованію основныхъ вопросовъ экономической науки [2]).

Необходимо, слѣдовательно, сдѣлать дальнѣйшій шагъ и примѣнить къ изученію этихъ институтовъ хозяйственной жизни тотъ же методъ, какимъ ново-историческая школа пользуется съ такимъ успѣхомъ при изслѣдованіи эволюціи отдѣльныхъ формъ и отраслей хозяйства. Наше изслѣдованіе о прибыли съ капитала и является попыткой примѣнить эволюціонный методъ къ одной изъ этихъ чисто-теоретическихъ—если такъ можно выразиться—категорій хозяйственной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ видно изъ изложеннаго выше—этотъ методъ не является противоположностью абстрактному методу изолированія хозяйственныхъ явленій, примѣняемому т. наз. австрійской школой (въ томъ числѣ и ея приверженцами въ Англіи и Америкѣ), а представляетъ

[1]) См. Schmoller. Zur Litteraturgeschichte der Staats-und Sozialwissenschaften. Leipzig. 1888. (Ст. о Рошерѣ).

[2]) По вопросу о методологіи см. мою рец. въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1902 г. кн. XII (по поводу книги г. Симоненко).

собою лишь послѣдовательное примѣненіе метода австрійской школы съ той только разницей, что за исходную посылку мы принимаемъ не одну лишь свободную конкурренцію, характерную для большей части минувшаго вѣка, но и основныя черты всѣхъ другихъ періодовъ хозяйственной жизни.

Установленію характера прибыли въ каждую эпоху и должно поэтому предшествовать выясненіе этихъ существенныхъ особенностей различныхъ эпохъ на основаніи того весьма обильнаго фактическаго матеріала, который собранъ и разработанъ ново-исторической школой. Лишь послѣ установленія основъ экономической жизни каждаго періода, условій производства и распредѣленія въ каждую эпоху, представляется возможнымъ опредѣлить характеръ прибыли въ соотвѣтствующій періодъ, выяснить, изъ какого источника берется и почему получается предпринимателемъ прибыль въ различныя эпохи хозяйственной жизни и въ чемъ заключается эволюція прибыли съ капитала въ ея цѣломъ,— какой принципъ проходитъ въ качествѣ руководящей нити чрезъ развитіе этого института хозяйственной жизни.

Авторъ разсматриваетъ прибыль съ капитала въ области промышленности и торговли Западной Европы. Въ сферѣ сельскаго хозяйства прибыль настолько тѣсно связана съ земельной рентой, что пришлось бы анализировать одновременно и поземельную ренту въ ея историческомъ развитіи. Авторъ ограничился Западной Европой по той причинѣ, что русская экономическая исторія — въ противоположность западно-европейской—слишкомъ мало разработана, чтобы данными ея можно было воспользоваться при изученіи подобнаго рода теоретическихъ проблемъ. Исторія промышленности и торговли затрагивается авторомъ конечно лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія характера прибыли въ различныя эпохи, однако, центральное положеніе, занимаемое разсматриваемымъ экономическимъ институтомъ въ хозяйственной жизни, вызывало необходимость характеристики важнѣйшихъ и наиболѣе любопытныхъ сторонъ экономическаго быта въ его

прошломъ и настоящемъ, въ частности требовало подробнаго выясненія положенія рабочихъ классовъ въ различныя эпохи. При этомъ, какъ характеристика хозяйственной жизни различныхъ эпохъ вообще, такъ и развитія промышленности и торговли въ особенности, является въ значительной мѣрѣ результатомъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора въ области экономической исторіи.

Въ виду этого, авторъ льститъ себя надеждой, что предлагаемое сочиненіе представитъ интересъ не только въ качествѣ новой эволюціонной теоріи прибыли съ капитала, но и какъ новое обобщающее изслѣдованіе по исторіи промышленности и торговли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе торговли и торговой прибыли у первобытныхъ народовъ.

I.

На первобытныхъ ступеняхъ культуры отсутствуетъ всякій торговый обмѣнъ, или точнѣе въ эпоху первобытнаго хозяйства мы не находимъ не только торговли въ смыслѣ промысла, но и вообще какого бы то ни было возмезднаго обмѣна предметовъ. Возникновенію обмѣна внутри одного и того же племени препятствуетъ отсутствіе частной собственности, господство общности имущества. „Гостепріимство—говоритъ Зиберъ—оказывается одинаково свойственнымъ охотничьимъ и рыболовнымъ, кочевымъ и земледѣльческимъ народамъ. Первобытные народы гостепріимны между собою и по отношенію къ тѣмъ, кого могутъ считать своими временными друзьями, гостепріимны въ кругу общиннаго труда". Послѣдній видъ гостепріимства, гостепріимство по отношенію къ единоплеменникамъ есть въ сущности, какъ онъ указываетъ, ничто иное какъ общность имущества. Европейскіе путешественники, переносившіе господствующія въ Европѣ понятія на совершенно иную, чуждую имъ почву, усматривали и въ сношеніяхъ среди единоплеменниковъ гостепріимство, забывая о томъ, что о гостепріимствѣ можетъ быть рѣчь только тамъ, гдѣ проведена рѣзкая черта между „моимъ" и „твоимъ". „Гдѣ господствуетъ общинный трудъ и общинное потребленіе, гостепріимство (среди единоплеменниковъ) есть простое общеніе имущества" [1]).

---

[1]) Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. Москва. 1883. стр. 132, 143

Это обнаруживается прежде всего въ томъ, что потребленіе пищи происходитъ сообща; во всякомъ пиршествѣ каждый членъ общины можетъ принять участіе и даже цѣлыя общины въ случаѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ посѣщаютъ другъ друга, раздѣляя пищу между всѣми голодными. Готтентоты, кафры и бушмены, эскимосы, камчадалы и буряты, индійцы и австралійцы—всѣ они соблюдаютъ обычай общаго потребленія пищи: когда въ какой-либо хижинѣ убивается быкъ или овца, потребляется тюлень, то происходитъ общее пиршество, куски мяса и жира распредѣляются между всѣми равными частями, ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока запасъ не истощится [1]). Если партія голодныхъ южно-американцевъ встрѣчается съ другою, у которой съѣстные припасы еще не вполнѣ истощены, то послѣдняя раздѣляетъ съ вновь пришедшими то немногое, что у нея осталось, не ожидая, чтобы ее объ этомъ попросили, хотя подвергается изъ за этого той же опасности умереть съ голоду какъ и тѣ, которымъ она помогла [2]). Когда англійскій путешественникъ Маринеръ во время своего пребыванія на южно-океанійскомъ островѣ Тонга, жаловался на отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, предводитель племени по имени Финовъ не могъ достаточно надивиться глупости бѣлыхъ. Узнавъ, что въ Англіи всякій пріобрѣтаетъ за деньги то, чте ему нужно, что въ гостяхъ обѣдаютъ лишь послѣ формальнаго приглашенія, онъ залился смѣхомъ, поражаясь скупостью и эгоизмомъ европейцевъ. Онъ объяснилъ Маринеру, что обычай, господствующій на островѣ Тонга, гораздо лучше: когда онъ почувствуетъ голодъ, ему стоитъ только войти въ ближайшій домъ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ и принять участіе безъ всякаго приглашенія [3]).

Словомъ—какъ указываетъ М. М. Ковалевскій—индивидуальное присвоеніе земли и ея плодовъ совершенно неизвѣстно первобытному человѣчеству. Наиболѣе отсталыя народности, каковы бразильскіе ботокуды, дакота и другія племена американскихъ краснокожихъ, гренландскіе эски-

[1]) Зиберъ, стр. 127—131. 134--140.

[2]) Тамъ же, стр. 138.

[3]) Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit, B. IV. 1845. p. 398.

мосы, южно-африканскіе негры, каффры и зулусы, аравійскіе бедуины и обитатели Новой Зеландіи,—смотрятъ на частную собственность лишь какъ на исключеніе изъ общаго правила, по которому земля и ея плоды должны быть общимъ достояніемъ болѣе или менѣе значительныхъ группъ охотниковъ и рыболововъ, сообща занимающихся своимъ промысломъ“ [1]).

Мало того, и другіе предметы—жилище, орудія, домашняя утварь составляютъ общую собственность. „Простая кооперація труда—говоритъ Н. И. Зиберъ—въ ловлѣ рыбы, охотѣ, нападеніи и защитѣ, уходѣ за скотомъ, очисткѣ лѣсныхъ участковъ подъ обработку, орошеніи, воздѣлываніи земли, постройкѣ домовъ и большихъ орудій, какъ сѣти, лодки, и т. п. естественно обусловливаетъ собою совмѣстное потребленіе всего произведеннаго, а тѣмъ самымъ и общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество, насколько она можетъ быть охраняема отъ посягательства сосѣднихъ группъ“ [2]). Всѣмъ этимъ можетъ пользоваться каждый, кто нуждается въ данное время, и если тѣ или другіе предметы и находятся у отдѣльныхъ лицъ, то всегда могутъ быть взяты другими. Въ Гренландіи, напр., каждый человѣкъ можетъ владѣть на правахъ частной собственности только необходимой ему одеждой, пищей, оружіемъ, нѣсколькими орудіями и лодкой. Если же у него окажется болѣе двухъ лодокъ, то онъ обязанъ уступить лишнія другому [3]). Когда камчадалу нужна вещь,—говоритъ Крашенниковъ—которая имѣется у сосѣда, онъ отправляется къ послѣднему, хотя бы даже и не зналъ его и излагаетъ свою просьбу безъ всякихъ церемоній. Подчиняясь обычаямъ страны, владѣлецъ даетъ ему все, что онъ проситъ. Въ случаѣ нужды послѣдній возвращаетъ просителю визитъ и въ свою очередь беретъ у него все, что ему нужно. Вмѣсто возмезднаго обмѣна происходитъ безвозмездный [4]). Острова Дружбы составляютъ одну обширную

[1]) Ковалевскій. Происхожденіе и развитіе семьи и собственности. Спб. 1896. Стр. 46.

[2]) Зиберъ, стр. 5—6.

[3]) Летурно. Эволюція торговли. Пер. Богдановичъ. Спб. 1898. Стр. 9.

[4]) Зиберъ, стр. 129.

общину,—говоритъ миссіонеръ Калинонъ—гдѣ каждый имѣетъ право брать все, что ему угодно... Дома, съѣстные припасы, животныя, дѣти, любые предметы хотя и считаются принадлежащими отдѣльнымъ собственникамъ, но въ дѣйствительности составляютъ общую собственность. Одинъ, напр., строитъ домъ для себя и для своей семьи, но другой желаетъ поселиться въ немъ и можетъ сдѣлать это въ силу права гостепріимства [1]). На островахъ Самоа также отсутствуетъ, по словамъ Turner'a, право личной собственности. Не только расходы на постройку дома, но и штрафы, приданое и всякія другія потребности покрываются сообща. Каждый считаетъ себя вправѣ поселиться у другого и жить у него подолгу. Каное, орудія, украшенія, монеты—все это охотно отдается всякому другому, принадлежащему къ тому же племени [2]).

При столь широкомъ распространеніи обычая снабжать единоплеменниковъ различными предметами, утварью и орудіями, обычая, который носитъ характеръ прямой обязанности, едва-ли можетъ существовать надобность въ возмездномъ обмѣнѣ, тѣмъ болѣе что потребности вообще очень ограничены и каждый производитъ въ сущности то же, что и другой [3]).

Не существуетъ возмезднаго обмѣна и между разными племенами. Новыми ему совершенно неизвѣстными предметами первобытный человѣкъ не интересуется вовсе и не стремится къ обладанію ими. Поскольку же онъ ознакомился уже съ данной вещью, принадлежащей лицу другого племени, и ощущаетъ потребность въ ней, онъ беретъ ее, но отказывается дать взамѣнъ полученнаго что-либо ему принадлежащее; свое онъ готовъ отдать вообще лишь единоплеменнику, но ни въ коемъ случаѣ не человѣку другого племени, на котораго онъ смотритъ всегда какъ на врага. О двустороннемъ-же обмѣнѣ, какъ таковомъ, о необходимости за каждый получаемый предметъ заплатить

---

[1]) Зиберъ, стр. 134.

[2]) Тамъ-же. стр. 137.

[3]) См. Letourneau. Le commerce primitif. Bulletins de la societé d'anthropologie de Paris. T. VII. 1896. p. 204. Bücher. Die Wirtschaft der Naturvölker. Dresden. 1898. p. 27.

другимъ, первобытный человѣкъ не имѣетъ никакого представленія, ибо въ сношеніяхъ съ единоплеменниками ему не приходится прибѣгать къ подобнаго рода обмѣну: онъ отдаетъ своему соплеменнику все то, что тотъ проситъ. И проходятъ цѣлыя тысячелѣтія, прежде чѣмъ человѣкъ научается вступать въ двусторонній обмѣнъ. Это подтверждается массой фактовъ, сообщаемыхъ различными путешественниками.

Въ долинѣ Верхняго Нила мы встрѣчаемъ племя динковъ еще совершенно незнакомое съ торговлей. Въ то время, какъ ихъ сосѣди — бонги и ніамъ-ніамъ съ жадностью набрасываются на товары, привозимые арабскими или нубійскими караванами, динки остаются къ нимъ совершенно равнодушными [1]).

Въ Австраліи и Полинезіи Кукъ еще въ концѣ XVIII вѣка нашелъ племена, съ которыми не было никакой возможности вступить въ обмѣнъ, ибо подарки не производили на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; подержавъ нѣкоторое время полученныя вещи, они затѣмъ бросали ихъ, подобно дѣтямъ, которыхъ игрушки интересуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ новы, и вообще относились съ замѣчательнымъ равнодушіемъ ко всему новому и невиданному. Предметы, предлагаемые экипажемъ Кука жителямъ Новаго Южнаго Валлиса, не возбуждали въ нихъ ни малѣйшаго интереса. Тоже Кукъ разсказываетъ и о тасманійцахъ [2]). Другимъ путешественникамъ, Перону и Фрейсине, пришлось это испытать въ Южной Австраліи и на Вандименовой Землѣ. Дикари неохотно брали подарки и вскорѣ возвращали ихъ обратно или оставляли гдѣ-нибудь въ лѣсу, на скалѣ. Когда же они дѣйствительно желали получить какіе-либо предметы, то прибѣгали къ насилію. По словамъ Дампьера, тѣ изъ нихъ, которые были у него на кораблѣ, „не обращали вниманія на суднѣ рѣшительно ни на что, кромѣ того, что имъ давали ѣсть“ [3]). Лабиллардьеръ сообщаетъ, что жители Соломоновыхъ острововъ съ жадностью набрасывались на все, что имъ давали, но сами отказыва-

[1]) Летурно. Эволюція торговли, стр. 22.

[2]) Sartorius von Waltershausen. Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien. Zeitschr. für Social-und Wirtschaftsgeschichte. 1895. B. IV, p. 6—8.

[3]) Спенсеръ. Основанія соціологіи. Т. I. Спб. 1876. Стр. 98.

лись отдать что-либо изъ своего [1]). Въ новой Гвинеѣ Кукъ предложилъ одному изъ дикарей обмѣнять свой поясъ на бусы и зеркальце. Послѣдній, повидимому, согласился, но, уходя съ корабля, потребовалъ свой поясъ обратно и ему никакъ нельзя было объяснить, что онъ уже продалъ поясъ и долженъ либо отказаться отъ него, либо вернуть полученное. Нѣчто подобное случилось съ нимъ и на островахъ Бѣднаго Рыцаря [2]).

Совершенно однородные факты путешественники разсказываютъ и объ американскихъ и азіятскихъ народахъ. Капитанъ Уэллисъ утверждаетъ о патагонцахъ, что они „проявляли самое непонятное равнодушіе ко всему, окружавшему ихъ на кораблѣ; даже зеркало не возбудило у нихъ никакого изумленія, хотя оно очень забавляло ихъ“ [3]). „Условіе, которое слѣдуетъ соблюдать въ торговлѣ съ караибами, говоритъ Лаба, состоитъ въ томъ, чтобы убирать съ ихъ глазъ купленную вещь и немедленно уносить ее; въ противномъ случаѣ, если бы имъ пришла фантазія забрать ее, они сдѣлаютъ это безъ церемоній и не отдадутъ ничего изъ полученнаго ими“ [4]). А нѣмецкіе путешественники Эренрейхъ и фонъ-денъ-Штейненъ констатировали въ Бразиліи еще въ 1887 году то, что Кукъ испыталъ въ Полинезіи за сто лѣтъ до того—торговаго обмѣна у индѣйцевъ не существовало [5]). Столь же смутное представленіе объ обмѣнѣ имѣютъ или имѣли, по словамъ путешественниковъ, и нѣкоторые народы Азіи. О самоѣдахъ читаемъ у Пинкертона, что „ничто не вызывало у нихъ удивленія, кромѣ зеркала, да и то лишь на одно мгновеніе; черезъ минуту и оно переставало привлекать къ себѣ ихъ вниманіе [6]). „Одинъ изъ обитателей береговъ Берингова пролива—разсказываетъ Бичи въ 1832 году—, подъѣхавшій къ кораблю въ каюкѣ, получилъ немного табака за копье, но рѣшился не отдавать ни того ни другого; и какъ ни старались угрозами получить

[1]) Westermarck. The history of human marriage. London. 1891. p. 400.
[2]) Зиберъ, стр. 370.
[3]) Спенсеръ. I. 98.
[4]) Зиберъ, стр. 370.
[5]) Bücher. Die Wirtschaft der Naturvölker. p. 26.
[6]) Спенсеръ, стр. 98.

захваченную имъ вещь обратно, чтобы не поощрять дальнѣйшей навязчивости, все оказывалось безуспѣшнымъ“ [1]).

Несмотря на эти данныя, экономисты и до сихъ поръ говорятъ объ обмѣнѣ какъ объ институтѣ, существующемъ испоконъ вѣковъ, на всѣхъ ступеняхъ экономической культуры. Это мнѣніе беретъ свое начало отъ Адама Смита, который говоритъ о „стремленіи къ обмѣну, свойственномъ всѣмъ людямъ и побуждающемъ ихъ мѣнять одну вещь на другую, независимо отъ какой бы то ни было заранѣе расчитанной выгоды“ [2]). Отъ Адама Смита теорія о прирожденномъ людямъ свойствѣ вступать въ торговый обмѣнъ перешла къ Рикардо и къ другимъ писателямъ классической школы; всѣ они не дѣлали различія между психологіей современнаго человѣка и психологіей человѣка, стоящаго на первобытной ступени культуры. Наоборотъ этнографы и соціологи, изучавшіе фактическій матеріалъ, пришли къ совершенно противоположному выводу. Вайцъ, Спенсеръ, М. И. Кулишеръ, Вестермаркъ, Летурно, Шурцъ—всѣ они единогласно отрицаютъ существованіе возмезднаго обмѣна у первобытныхъ народовъ, находятъ, что возмездный обмѣнъ появился лишь впослѣдствіи, возникъ медленно и постепенно [3]). Въ этомъ же смыслѣ высказываются и экономисты какъ Зиберъ, Бюхеръ, Сарторіусъ, занимавшіеся изслѣдованіемъ первобытной экономической культуры [4]). Изъ числа этнографовъ только Пешель утверждаетъ, что

---

[1]) Зиберъ, стр. 371.

[2]) Адамъ Смитъ. Богатство народовъ. Кн. I гл. 2. Рус. пер. Бибикова. Спб. 1866. стр. 112.

[3]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. VI, p. 764 (hearusg. v. Gerland. Leipzig. 1872) и въ другихъ мѣстахъ. Спенсеръ. Соціологія, т. VIII гл. 7 (рус. изд.). М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и исторіи культуры. Спб. 1887, стр. 194 и сл. и еще раньше въ Zeitschrift für Völkerpsychologie. B. X. 1875. (Der Handel auf primitiver Kulturstufe). Westermarck. ук. соч. p. 399—400. Letourneau. Bulletins de la societé d'anthropologie. VI. p. 267, VII. p. 205, а также Эволюція торговли, гл. I. Schurtz. Das afrikanische Gewerbe. Leipzig. 1900. p. 122 и др.

[4]) Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Москва. 1883, стр. 370, 374—75. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. Tübingen. 1898. p. 293 и сл. Die Wirtschaft der Naturvölker. Dresden. 1898. p. 24—30. Sartorius von Waltershausen. Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien. Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. IV. 1895. p. 4 и сл.

„во всѣ времена и у всѣхъ народовъ міра существовала торговля“ [1]), а ссылаясь на него и Гольдшмидтъ возстаетъ противъ возможности существованія періодовъ исторіи безъ всякаго обмѣна: „это столь же немыслимо, какъ немыслимъ человѣкъ внѣ всякой политической организаціи“ [2]). Свое мнѣніе Пешель основываетъ на данныхъ археологіи, на томъ что при раскопкахъ найдены предметы, относящіеся къ періоду пещерной жизни, и найдены въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они не могли быть произведены: оружіе и предметы украшенія выдѣланы нерѣдко изъ предметовъ минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, которые въ этихъ мѣстахъ вовсе не водятся и очевидно занесены за много тысячъ миль [3]). Такимъ путемъ уже въ доисторическія времена различные предметы распространялись по всему материку Европы, Америки, Австраліи. Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ лишь, что сношенія между разными народами существовали уже въ столь отдаленныя эпохи, выводъ же, что эти сношенія носили именно торговый характеръ является слишкомъ поспѣшнымъ. „Подобно многимъ другимъ вопросамъ, относящимся къ жизни доисторическихъ временъ, и вопросъ относительно доисторической мѣновой торговли—говоритъ Шрадеръ – еще недостаточно критически изслѣдованъ, и многіе факты, вѣроятно, будутъ объяснены со временемъ совершенно иначе“ [4]). Объясненіе этимъ фактамъ даетъ Бюхеръ въ своемъ изслѣдованіи о хозяйствѣ у первобытныхъ народовъ. Не только путешественники, открывшіе Австралію,—говоритъ онъ—но и лица, путешествовавшія по Бразиліи еще въ 1887 году, могли убѣдиться въ томъ, что многіе народы—въ послѣднемъ случаѣ индійскія племена Бразиліи—не имѣютъ понятія

[1]) Peschel. Völkerkunde. 6 Aufl. (Bearb. von Kirchhoff.) Leipzig. 1895 p. 215—16.

[2]) Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts. Stuttgart. 1891. p. 19.

[3]) Peschel. Völkerkunde. 6. Aufl. bearbeitet von Kirchhoff. Leipzig. 215—216. Исключительно на предметахъ, найденныхъ въ гробницахъ и пещерахъ, основываетъ и Петри свое мнѣніе. будто бы торговля всегда существовала. Petri. Verkehr und Handel in ihren Uranfängen. St. Gallen. 1888. p. 8 и сл.

[4]) Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. T. I. Iena. 1886. p. 66.

о торговомъ обмѣнѣ. И тѣмъ не менѣе—продолжаетъ онъ—эти племена находились въ оживленныхъ сношеніяхъ между собою: гончарныя издѣлія, каменные топоры, цыновки, ожерелья изъ раковинъ и многіе другіе предметы переходили отъ одного племени къ другому. Какъ же это происходило при отсутствіи торговаго обмѣна? Загадка рѣшается очень просто и правильность рѣшенія подтверждается фактами, установленными на мѣстѣ. Въ однихъ случаяхъ переходъ предметовъ, принадлежащихъ одному племени, къ другому совершается въ качествѣ даренія, въ другихъ — путемъ грабежа и (что то-же самое) въ видѣ военной добычи, третьей причиной является уплата однимъ племенемъ другому виры за совершенное преступленіе или вознагражденія въ случаѣ проигрыша во время игры“ [1]). Такимъ образомъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ искуственному и совершенно невѣроятному объясненію, будто бы все, что пріобрѣтено однимъ племенемъ у другого, есть результатъ торговаго обмѣна, существуетъ достаточно способовъ перехода предметовъ и помимо обмѣна.

Изъ всѣхъ этихъ способовъ перехода цѣнностей отъ одного племени къ другому наиболѣе раннимъ является отнятіе вещей насильственнымъ путемъ—грабежъ; остальныя формы имѣютъ мирный характеръ и поэтому возникаютъ въ болѣе позднія времена, когда уже установились мирныя отношенія; онѣ составляютъ переходъ къ торговому обмѣну. Первоначальныя междуплеменныя отношенія носятъ исключительно враждебный характеръ. „Всякій, кто вступалъ на почву, принадлежащую другому племени,—говоритъ Летурно—рисковалъ своей жизнью. Точно также если ощущалась надобность въ томъ, что составляло собственность другого племени, въ пищевыхъ продуктахъ, утвари, женщинахъ, то насиліе являлось единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія ихъ, приходилось прибѣгать къ грабежу или войнѣ. Такимъ образомъ, торговый обмѣнъ замѣнялся грабежомъ. Мы имѣемъ вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что жители Огненной Земли, австралійцы, готтентоты, даже нѣкоторые краснокожія племена прибѣгали къ подобному способу пріобрѣтенія различныхъ

[1]) Bücher. Wirtschaft der Naturvölker. p. 26—27.

предметовъ у иноплеменниковъ. О торговомъ возмездномъ обмѣнѣ еще не было и рѣчи“ [1]). Среди причинъ, вызывающихъ первоначальныя войны, главную и основную роль играетъ недостатокъ въ средствахъ пропитанія; въ другихъ предметахъ не ощущается первоначально никакой потребности, ибо для того, чтобы потребность въ данной вещи появилась, человѣкъ долженъ былъ сначала ознакомиться съ этой вещью. „Среди низшихъ племенъ—говоритъ Тейлоръ—война является соціальной необходимостью. Если бы австралійскія и краснокожія племена оставались въ мирѣ между собою въ теченіе столѣтія, они истребили бы всѣхъ буйволовъ и кенгуру своей страны“. „Уже одна эти альтернатива—прибавляетъ М. И. Кулишеръ—поѣданіе всѣхъ животныхъ, или война съ иноплеменниками—показываетъ, что недостаточное развитіе производительной дѣятельности является двигателемъ безпрерывныхъ войнъ, ведомыхъ первобытнымн народами... Война и есть та ultima ratio, къ которой постоянно прибѣгаютъ первобытные народы, благодаря отсутствію матеріальной культуры, благодаря ихъ неумѣнію эксплоатировать предметы внѣшней природы“ [2]). Эту мысль подробно развиваетъ Сэсерландъ въ своемъ трудѣ о возникновеніи и развитіи морали. И онъ приходитъ къ тому выводу, что недостатокъ въ пищѣ вынуждаетъ первобытнаго человѣка къ враждебнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ иноплеменникамъ. Голодъ заставляетъ его прибѣгать къ насилію. Поэтому изъ за каждаго куска земли, изъ-за лѣса, наполненнаго дичью, изъ-за плодороднаго поля, изъ-за рѣчки, изобилующей рыбой, возникаетъ борьба, происходятъ нескончаемыя войны [3]).

Во время этихъ войнъ человѣкъ знакомится съ новыми дотолѣ неизвѣстными ему предметами и они вызываютъ въ

[1]) Letourneau. Le commerce primitif. p. 205.

[2]) М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и исторіи культуры. Спб. 1887, стр. 12—13.

[3]) Sutherland. The origin and growth of the moral instinct. London, New-Iork, Bombay T. I. 1898. p. 368. Если бы я слѣдовалъ совѣтамъ моихъ т. наз. друзей (маори)—читаемъ у Кука въ описаніи его втораго путешествія,—то мнѣ пришлось бы истребить весь народъ, такъ какъ каждая деревня упрашивала меня убить жителей другой.“, Цит. у Ratzel'я, Völkerkunde. I. Einl. p. 91.

немъ новыя желанія и потребности, а слѣдовательно и приводятъ къ новымъ войнамъ и набѣгамъ, „Каковы были первоначальныя сношенія жителей Полинезіи?—спрашиваетъ Сарторіусъ. Мнѣ кажется, мы имѣемъ всѣ основанія принять за исходную точку войну. Куда бы мы ни обратили свой взоръ, на Полинезію, Меланезію или Новую Зеландію, повсюду войны и войны безъ конца. Каждая группа острововъ враждуетъ съ другими группами. Мы имѣемъ много свѣдѣній о войнахъ жителей Сандвичевыхъ острововъ, острововъ Тонга, Фиджи, Пелау, Маркезовыхъ острововъ, Соломоновыхъ, Таити, Самоа и др. Войны производились съ цѣлью грабежа. Побѣжденные уничтожались, земля и добыча дѣлилась. Но благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ, каждая сторона пріобрѣтала новыя свѣдѣнія, знакомилась съ оружіемъ, судами, способомъ войны противника; награбленные предметы приносились домой и входили въ употребленіе... возникали новыя потребности“ [1]). А результатомъ новыхъ потребностей, возникшихъ во время войны, являлось повтореніе набѣговъ. Племя Діери въ Южной Австраліи ежегодно предпринимало двѣ военныя экспедиціи въ отдаленныя мѣстности, одну для добыванія красной охры, другую для пріобрѣтенія вѣтвей питшери, наркотическаго растенія [2]). Дикари на островѣ Суматра нѣсколько мѣсяцевъ въ году промышляютъ пиратствомъ, въ остальное же время мирно занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ; но то, чего имъ не даетъ ни земля ни море, они пріобрѣтаютъ насильственнымъ путемъ [3]). Какъ мы указывали выше, предметы, предлагаемые экипажемъ Кука жителямъ Новаго Южнаго Валлиса, не возбуждали въ нихъ ни малѣйшаго интереса. Единственной вещью, обратившей на себя ихъ вниманіе, была черепаха. Но даже единственную вновь возникшую потребность они не считали возможнымъ удовлетворить иначе какъ путемъ насилія. Изъ своего они рѣшительно ничего отдать не соглашались, но были возмущены, когда Кукъ въ свою очередь отказался дать имъ черепаху, и пытались добыть ее насильственными

---

[1]) Sartorius von Waltershausen. p. 38—39.

[2]) Schurtz. Das afrikanische Gewerbe. Leipzig. 1900. p. 128.

[3]) Andree. Geographie dis Welthandels. B. I. p. 363.

мѣрами. Къ насилію прибѣгали и жители Вандименовой земли, когда желали пріобрѣсти что-либо у европейцевъ [1]). То же испытали Лаперузъ и Бичи въ Австраліи. [2]) И приведенные нами выше факты относительно обитателей побережья Берингова пролива (и о карибахъ), гдѣ разъ отданные предметы забирались ими обратно, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ труденъ былъ переходъ отъ грабежа къ мирному обмѣну, какія усилія долженъ былъ сдѣлать надъ собой первобытный человѣкъ, чтобы отказаться отъ принадлежащихъ ему вещей въ пользу иноплеменника.

Для перехода къ двустороннему возмездному обмѣну необходимо было предварительное заключеніе мира, которое сопровождалось взаимнымъ обмѣномъ подарковъ. Обмѣнъ подарковъ являлся выраженіемъ дружественныхъ отношеній между племенами, символомъ установленія такихъ же отношеній, какія господствуютъ между единоплеменниками. Если полученные подарки нравились обѣимъ сторонамъ, то изъ этого при благопріятныхъ обстоятельствахъ возникалъ дальнѣйшій обмѣнъ, возникала торговля. „Случалось, что отдѣльныя лица или группы населенія—говоритъ Сарторіусъ о Полинезіи—попадали на отдаленныя острова вовремя странствованій или—что еще чаще встрѣчалось—были заброшены бурей и кораблекрушеніемъ. Они были обыкновенно безоружны и являлись уже не въ качествѣ враговъ или пиратовъ, а съ дружественными намѣреніями и въ доказательство этого подносили предводителю племени предметы, которые имъ удалось спасти, въ видѣ даровъ. Если дары принимались, то это означало, что миръ заключенъ, въ знакъ чего даритель, въ свою очередь, получалъ подарокъ. Однако гораздо большее значеніе, чѣмъ эти случаи гостепріимства, имѣли подарки которыми враждебныя племена обмѣнивались при заключеніи мира въ знакъ того, что нападенія и грабежи прекращаются. Если это были жители различныхъ группъ острововъ, то дары могли имѣть характеръ новизны для каждой стороны, и при повтореніи обмѣна подарковъ возникала торговля. При этомъ, въ отличіе отъ случаевъ гостепріимства, здѣсь происходило сближеніе не отдѣльныхъ лицъ, а

[1]) Sartorius von Waltershausen. p. 6. 8.
[2]) Klemm. IV p. 312.

цѣлыхъ племенъ и поэтому сношенія могли стать постоянными". При первомъ появленіи европейцевъ въ Тихомъ океанѣ, ихъ встрѣчали враждебно и они вынуждены были прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ, только послѣ этого заключался миръ и происходилъ обмѣнъ подарковъ. Но въ другихъ случаяхъ сношенія сразу начинались взаимными дареніями безъ столкновеній. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ случаяхъ происходило заключеніе мира и обмѣнъ подарковъ и они повторялись каждый разъ, когда появлялись европейцы и приступали къ торговому обмѣну. Только Кукъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могъ обойти и эту формальность, именно тамъ, гдѣ онъ уже успѣлъ побывать въ предыдущіе годы [1]).

И среди азіатскихъ народовъ обычай обмѣна подарковъ при заключеніи мира и возникновеніи торговыхъ сношеній былъ господствующимъ. Европейскіе народы — испанцы, португальцы, голландцы, англичане въ Азіи строго придерживались этого обычая: при заключеніи торговыхъ договоровъ въ Индіи, на Зондскомъ архипелагѣ, въ Японіи или при возобновленіи прерванныхъ сношеній они всегда являлись съ богатыми дарами, а во многихъ случаяхъ такіе подарки дѣлались ежегодно [2]). Въ Японіи подарки обходились голландцамъ очень дорого [3]), но иначе невозможно было поддерживать мирныя отношенія. И между собою азіатскіе народы приступали къ правильнымъ торговымъ сношеніямъ лишь послѣ многократнаго обмѣна подарковъ: такъ возникла напр. торговля между Японіей и Сіамомъ, между Китаемъ и Японіей [4]). Возвращеніе подарковъ обозначало отказъ отъ торговаго обмѣна, такъ поступили японцы по отношенію къ Россіи въ 1803 году: они не только не отвѣтили подарками на полученные дары, но даже не приняли послѣднихъ [5]). У индійскихъ племенъ центральной Бразиліи обмѣнъ до сихъ поръ носитъ харак-

[1]) Sartorius von Waltershausen. p. 41—48.

[2]) См. Bockemeyer. Die Molukken. Leipzig. 1888. p. 161 и сл., 231 и др. Münsterberg. Japans auswärtiger Handel von 1542 bis 1854. Stuttgart. 1896. p. 34, 37, 44, 48, 51, 70, 89.

[3]) Münsterberg. p. 112, 156.

[4]) Ibid. p. 56 и др.

[5]) Münsterberg. p. 96.

теръ взаимныхъ дареній; у племени бакаири португальское слово comprar, купить, переводится словомъ, которое обозначаетъ: садиться, ибо гость долженъ сѣсть, прежде чѣмъ онъ получаетъ подарокъ [1]).

Такимъ образомъ путемъ взаимныхъ дареній устанавливается двусторонній обмѣнъ. Первымъ объектомъ его являлись обыкновенно женщины, похищеніе которыхъ замѣняли куплей—продажей или вѣрнѣе обмѣномъ на скотъ. „Эта плата скотомъ и въ особенности оленями и лошадьми—говоритъ М. И. Кулишеръ—указываетъ на то, что плата была сначала символомъ мира между двумя племенами, члены которыхъ заключали брачный союзъ. Олени въ настоящее время у первобытныхъ народовъ (на сѣверѣ) исполняютъ ту же службу, которую исполняли лошади, а о лошадяхъ мы знаемъ, что онѣ въ древнія времена у египтянъ и вообще въ Азіи не употреблялись ни для чего другого, какъ только для воинственныхъ цѣлей. Точно также и въ Индіи лошадь употреблялась только во время войны, а не во время мира для перевозки тяжестей. Отсюда ясно слѣдующее: такъ какъ лошади обыкновенно употреблялись при похищеніи женщинъ, т. е. при нападеніи лицъ одного племени на другое племя, то миръ между ними могъ быть заключенъ только тогда, когда отдавались лошади; отдавая лошадей они этимъ отказывались отъ дальнѣйшей вражды [2]). При этомъ внѣшняя форма похищенія сохранялась нерѣдко и впослѣдствіи, когда на самомъ дѣлѣ происходила покупка невѣсты, когда отецъ предварительно получалъ подарки [3]). За женщинами послѣдовали другіе предметы обмѣна—украшенія, спиртные напитки и т. п.

II.

Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обмѣнъ подарковъ возникалъ безъ предварительныхъ враждебныхъ дѣйствій, сходившіяся племена не имѣли основанія бояться нападенія

---

[1]) Bücher. Wirtschaft der Naturvölker. p. 29.
[2]) М. И. Кулишеръ, стр. 157.
[3]) Westermarck. p. 399, 401.

противной стороны и съ зелеными вѣтвями или другими символами мира въ рукѣ могли приблизиться другъ къ другу и передать подарки изъ рукъ въ руки. Однако такой характеръ обмѣнъ могъ принять съ самаго начала лишь тогда, когда племена уже знакомыя вообще съ торговлей, вступали въ торговыя сношенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ грабежъ и пиратство предшествовали заключенію мира, и поэтому первыя мирныя торговыя сношенія между двумя племенами сохраняли на себѣ сильный отпечатокъ предыдущей вражды: обмѣнъ подарковъ возникалъ въ формѣ извѣстной подъ именемъ нѣмой торговли, и разъ возникнувъ въ этомъ видѣ, торговыя сношенія „съ невидимыми покупателями“ продолжались цѣлыми столѣтіями и даже тысячелѣтіями. Эта форма обмѣна составляетъ второй очень продолжительный періодъ въ исторіи развитія человѣческихъ отношеній, смѣнившій періодъ грабежа.

Въ описаніяхъ путешественниковъ мы гораздо чаще встрѣчаемъ эту зачаточную форму мирнаго обмѣна, чѣмъ отсутствіе всякаго обмѣна: очевидно большая часть племенъ при посѣщеніи ихъ европейцами находилась уже на этой второй ступени развитія. На Курильскихъ островахъ, на Суматрѣ, Цейлонѣ, въ Андахъ, у различныхъ африканскихъ народовъ нѣмая торговля сохранилась и до настоящаго времени, въ другихъ мѣстахъ она существовала еще сто лѣтъ тому назадъ. Многія племена прибѣгаютъ къ такой формѣ обмѣна только при первомъ обмѣнѣ подарковъ, у другихъ же и послѣдующіе акты обмѣна производятся подобнымъ образомъ. Но сущность нѣмой торговли всегда состоитъ въ томъ, что лица одного племени оставляютъ принадлежащіе имъ предметы въ опредѣленномъ мѣстѣ и удаляются на извѣстное разстояніе, болѣе или менѣе значительное, чтобы не встрѣчаться съ иноплеменниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ возможность осмотрѣть и взять эти предметы и положить вмѣсто нихъ другіе. Такимъ путемъ каждая сторона избѣгаетъ враждебныхъ дѣйствій противника.

При появленіи капитана Уэллиса на островѣ Таити въ 1767 году произошла схватка съ туземцами, когда же таитяне рѣшили заключить миръ съ европейцами, они не рискнули передать англичанамъ дары, а оставили послѣд-

ніе (связанныхъ свиней) на берегу и ушли сами къ лѣсъ, давая англичанамъ понять, что они должны взять свиней; когда англичане забрали свиней и вернулись на корабль, таитяне возвратились обратно и взяли подарки англичанъ— топоры и гвозди, положенные ими на берегу. Послѣ этого миръ былъ заключенъ, экипажъ корабля сошелъ на берегъ, и началась непосредственная мѣновая торговля. Голландецъ Роггевенъ, открывшій островъ Вайгу (Океанія) въ 1721 г., былъ также встрѣченъ туземцами враждебно. И послѣ заключенія мира послѣдніе попрежнему не довѣряли европейцамъ и боялись ихъ. Принося какіе-либо предметы для обмѣна съ голландцами, куръ или плоды, они бросали ихъ на берегу и поспѣшно убѣгали обратно. Нѣмую торговлю нѣсколько напоминаютъ и торговыя сношенія европейцевъ (Кука и Бужанвиля) съ жителями Сандвичевыхъ острововъ. Когда миръ былъ заключенъ, туземцы подъѣхали на лодкахъ къ кораблю и видимо желали вступить въ обмѣнъ съ европейцами, но ни за что не соглашались войти на бортъ корабля. Пришлось прибѣгнуть къ слѣдующему способу мѣны. Европейцы привязывали тѣ или другіе предметы (кусочки желѣза, гвозди, мѣдныя медали) къ канату или клали въ корзину и опускали послѣднюю въ лодку; туземцы, въ свою очередь, передавали плоды или рыбу посредствомъ каната или корзины на корабль. Тасманъ производилъ обмѣнъ съ полинезійцами посредствомъ длиннаго шеста, къ которому прикрѣплялись предметы. „Посредничество каната или корзины—прибавляетъ Сарторіусъ— въ данномъ случаѣ необходимо, ибо непосредственныя сношенія представляютъ слишкомъ большую опасность; эти предметы составляютъ ту нейтральную почву, которая устанавливается въ торговомъ обмѣнѣ двухъ народовъ, враждебно относящихся другъ къ другу. Впослѣдствіи этимъ нейтральнымъ мѣстомъ является рынокъ“ [1]). Способъ обмѣна, примѣняемый Кукомъ и Тасманомъ, не представляетъ собою уже нѣмой торговли въ ея чистомъ видѣ, ибо здѣсь стороны не удаляются, оставляя свои товары, а передаютъ ихъ другъ другу: ихъ лишь раздѣляетъ извѣстное пространство.

---

[1]) Sartorius. p. 50—53.

...ЕКА ...ЧЕСКАЯ

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ переходную форму къ рыночной торговлѣ.

Въ Африкѣ мы также находимъ нѣсколько различныхъ формъ нѣмой торговли. Въ странѣ Мелли обмѣнъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Караванъ негровъ, переносящій на головѣ соль—разсказываетъ Раффенель—раскладываетъ принесенную соль въ кучки и затѣмъ удаляется на полъдня, уступая мѣсто другому племени черныхъ, которые пріѣзжаютъ на большихъ ладьяхъ, причемъ не допускаютъ, чтобы кто-либо видѣлъ ихъ или говорилъ съ ними; увидавъ соль, они кладутъ извѣстное количество золота противъ каждой кучки и уходятъ, оставляя и золото и соль. Послѣ ихъ отъѣзда караванъ возвращается и беретъ золото, если находитъ положенное количество его достаточнымъ, если же нѣтъ—оставляетъ и то и другое. Затѣмъ возвращаются, въ свою очередь, люди, пріѣхавшіе на баркахъ и берутъ тѣ кучки соли, противъ которыхъ не нашли золота, что касается другихъ кучъ золота, не взятыхъ, то они либо прибавляютъ золота, либо оставляютъ соль и забираютъ золото обратно [1]). Совершенно иной характеръ имѣетъ нѣмая торговля у низовьевъ Нигера, которую описываетъ Ландеръ: обмѣномъ товаровъ руководила старая женщина. „Когда мы собрались на берегу, одна старая женщина велѣла положить передъ нами бататы, каждую связку отдѣльно, а продавцамъ велѣла удалиться, что они исполнили безпрекословно. Мы осматривали бататы, и кто желалъ пріобрѣсти ту или другую связку, клалъ рядомъ съ ней извѣстное количество матеріи, кремней и т. п. въ видѣ платы. Женщина все время слѣдила за этимъ и если находила плату достаточной, то брала матерію и отдавала ее продавцу бататовъ, и тогда покупатель бралъ бататы. Если же предложенная плата была, по ея мнѣнію, слишкомъ мала, то она оставляла матерію на мѣстѣ, давая этимъ понять, что покупатель долженъ прибавить еще, и въ случаѣ, если онъ этого не дѣлалъ, она приказывала продавцу забрать свои бататы и покупателю, въ свою очередь, разрѣшала убрать предложенную имъ плату. За все это время стороны не произносили ни одного слова, хотя пріобрѣтеніе бататовъ

[1]) Зиберъ, стр. 377—378. Waitz. Anthropologie der Naturvölker. T. II Leipzig. 1860. p. 101 и сл.

при подобномъ способѣ обмѣна продолжалось цѣлыхъ три часа“ [1]). Здѣсь передъ нами, очевидно, также промежуточная форма между нѣмой торговлей и правильнымъ обмѣномъ на рынкѣ.

Еще Плиній удивлялся той честности, которая соблюдается при нѣмой торговлѣ. И путешественники, описывавшіе эту форму обмѣна, всегда указывали на эту щепетильность, столь мало свойственную первобытнымъ народамъ въ ихъ отношеніяхъ къ иноплеменникамъ: дикари не только не забираютъ чужихъ товаровъ, не положивъ своихъ, но вообще берутъ ихъ лишь тогда, когда противная сторона вполнѣ удовлетворена. Но иначе въ данномъ случаѣ и быть не можетъ; всякій обманъ необходимо долженъ вызвать враждебныя отношенія, повлечь за собой войну, которую обѣ стороны именно стараются избѣгнуть. Племя ведда на Цейлонѣ не умѣетъ изготовлять острія для стрѣлъ и съ этой цѣлью оно отправляется ночью къ сингальскимъ кузнецамъ, гдѣ и оставляются стрѣлы и кромѣ того плата въ видѣ меда, звѣриныхъ шкуръ и т. под. На слѣдующую ночь ведда возвращается за заказомъ и беретъ изготовленныя стрѣлы. И кузнецы никогда не отказываются исполнить требуемое. Ибо если они этого не сдѣлаютъ, то могутъ быть увѣрены въ томъ, что стрѣла ихъ не минетъ [2]). На Лабрадорѣ—говоритъ Картрайтъ—въ прежнія времена велась торговля между индійцами и европейцами. Европейцы клали всевозможные товары на опредѣленное мѣсто, куда приходили индійцы и брали ихъ, оставляя за это мѣха. Но разъ неподалеку отъ этого мѣста спрятался разбойникъ и застрѣлилъ одну женщину, когда она только что собиралась выбрать то, что ей нравилось. Съ этого времени обмѣнъ прекратился и установились враждебныя отношенія [3]).

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что съ переходомъ къ нѣмой торговлѣ всякія враждебныя дѣйствія прекращаются. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ нападенія и грабежи продолжаются и пріостанавливаются лишь временно, пока происходитъ обмѣнъ; разъ онъ оконченъ, война возобновляется. Если весь характеръ нѣмого обмѣна свидѣтель-

[1]) Schurtz. Das afrikanische Gewerbe. Leipzig. 1900. p. 123.
[2]) Bücher. Naturvölker. p. 36.
[3]) Зиберъ, стр. 376.

ствуетъ о происхожденіи его изъ грабежа, то грабежъ и впослѣдствіи продолжается: мирный обмѣнъ и насильственное отнятіе имущества существуютъ одновременно [1]). Насильственныя дѣйствія по отношенію къ иноплеменнику слишкомъ вошли въ плоть и кровь первобытнаго человѣка, чтобы онѣ могли сразу прекратиться, большой промежутокъ времени долженъ пройти прежде, чѣмъ они совершенно искореняются. До чего они тѣсно связаны съ торговлей, видно изъ слѣдующаго примѣра. Племя батуа въ центральной Африкѣ производитъ набѣги на поля негровъ, при которомъ похищаются бананы, корни, плоды, хлѣбъ; для того, чтобы не вызвать мести со стороны негровъ, эти карлики, стоящіе еще на ступени низшихъ охотниковъ, оставляютъ имъ куски мяса, превращая такимъ образомъ грабежъ въ своего рода нѣмой обмѣнъ [2]).

Нѣмая торговля, продолжаясь нерѣдко цѣлыми столѣтіями, теряетъ обыкновенно свой случайный характеръ и становится правильнымъ обмѣномъ предметовъ, совершающимся въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ разъ навсегда установленные промежутки времени. Различіе между ней и торгомъ на рынкѣ заключается лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ стороны сходятся уже въ опредѣленномъ мѣстѣ. Переходъ отъ нѣмой торговли къ рыночной и заключается, какъ мы видѣли выше, въ томъ, что между сторонами происходитъ постепенное сближеніе до тѣхъ поръ, пока они не рѣшатся уже встрѣчаться въ нейтральномъ мѣстѣ и передавать товары изъ рукъ въ руки.

Первоначальная торговля на рынкѣ имѣетъ еще много общаго съ нѣмымъ обмѣномъ. На островѣ Гаваи, который принадлежалъ шести царькамъ, происходили въ условленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ рынки, на которыхъ продавались цыновки, соленая рыба, свиньи, размолотые плоды. Покупатели и продавцы были отдѣлены другъ отъ друга рѣкой; стоя на противоположныхъ берегахъ, они перекрикивались, указывая тѣ условія, на которыхъ они согласны обмѣнять тотъ или другой предметъ [3]). Когда турки

[1]) Petri. p. 13. Bücher. Naturvölker. p. 66.
[2]) Bücher. p. 36.
[3]) Sartorius p. 53.

и черкесы вступали во взаимный обмѣнъ товаровъ, они являлись на рынокъ вооруженными и стояли на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; издали они показывали товары и обмѣнивали ихъ съ большими предосторожностями [1]). Такимъ образомъ, извѣстное разстояніе между племенами, вступающими въ обмѣнъ, сохраняется еще на первыхъ рынкахъ; иноплеменники боятся еще совершенно сойтись вмѣстѣ и непосредственно передать товаръ, опасаясь враждебныхъ дѣйствій.

На ярмаркѣ въ Островномъ (на сѣверѣ Сибири) чукчи и русскіе уже не держались на разстояніи другъ отъ друга, наоборотъ, давка и толкотня была великая; но и здѣсь чукчи являлись въ полномъ вооруженіи, съ копьями, луками и стрѣлами [2]). И подобныя предосторожности не были напрасны. При отсутствіи ихъ легко можно было быть ограбленнымъ и даже убитымъ. Въ восточномъ Суданѣ бывали случаи, когда рынокъ объявлялся открытымъ и, несмотря на нейтралитетъ, собравшійся народъ подвергался избіенію; или тѣлохранители предводителя грабили народъ. Любопытную сценку изъ жизни, дающую ясное представленіе о характерѣ и сущности первобытной торговли, рисуетъ Пассаржъ; въ описываемомъ имъ случаѣ нѣмая торговля также еще не успѣла совершенно превратиться въ рыночную, и торговля еще сохранила много признаковъ грабежа, изъ котораго она возникла. „Вскорѣ—разсказываетъ Пассаржъ въ своемъ путешествіи по Африкѣ—мы замѣтили на другомъ берегу рѣки кучу народа и большое количество лодокъ. Это рынокъ—объяснилъ рулевой. Рынокъ, представившійся нашимъ глазамъ, имѣлъ, однако, своеобразный видъ. На одномъ берегу стояло дикое племя мутши, продававшее звѣриныя шкуры и мясо, на противоположномъ—племя джикумъ съ рыбой и хлѣбомъ. Каждый изъ нихъ былъ наготовѣ вступить въ бой; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ лукъ и стрѣлы, въ правой ножъ, оберегая свои сокровища; въ каждой лодкѣ сидѣлъ джикумъ, готовый отплыть въ любую минуту, ибо торговля здѣсь оканчивается убійствами. Когда раздается боевой кличъ,

[1]) Letourneau. Bulletins. VI. 268.
[2]) Зиберъ, стр. 375.

мутши прячется въ кусты, джикумъ прыгаетъ въ лодку, стрѣлы летятъ со всѣхъ сторонъ. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, и тѣ и другіе возвращаются довольные домой“ [1]).

Опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны иноплеменниковъ, племена Бакуба и Бакете въ центральной Африкѣ до сихъ поръ не допускаютъ къ себѣ купеческихъ каравановъ: торговля слоновой костью производится лишь въ двухъ пограничныхъ селахъ [2]). По этой же причинѣ японцы еще въ началѣ XIX вѣка боялись пускать русскихъ въ страну и сами не рѣшались отправляться въ Россію. Существовалъ лишь пограничный обмѣнъ товаровъ на Курильскихъ островахъ, происходившій съ давнихъ поръ [3]).

Въ Африкѣ во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ рынки находятся на границѣ, раздѣляющей различныя племена, какъ напр. въ Нубіи. Здѣсь—говоритъ Летурно—племена сходятся на рынкѣ какъ для военныхъ дѣйствій. Рынки происходятъ на границѣ двухъ территорій и племена отправляются туда вооруженными въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; они располагаются другъ противъ друга лагеремъ и отсылаютъ изъ своей среды лишь группы въ 30—40 человѣкъ, которыя производятъ обмѣнъ между обоими лагерями [4]). Стэнли описываетъ рынки, которые происходятъ на нейтральной, никому не принадлежащей землѣ; это обширные луга, окаймленные высокими тѣнистыми деревьями; никто изъ предводителей не вправѣ присваивать себѣ эти полосы земли или взимать дань за право пользованія ими [5]). Въ другихъ случаяхъ рынокъ уже успѣлъ превратиться въ городъ, такъ что онъ находится уже внутри селенія, а не на пограничной чертѣ. Однако и въ Дагомеѣ лишь рынки, на которыхъ одни только мѣстные жители обмѣниваютъ свои продукты, устраиваются внутри городовъ, ярмарки же, посѣщаемыя и другими племенами, и до сихъ поръ происходятъ внѣ города; онѣ должны происходить

---

[1]) Schurtz. p. 124.

[2]) Schurtz. p. 130.

[3]) Münsterberg. p. 96.

[4]) Letourneau. Les Nubiens du jardin d'acclimatisation. Bulletins de la société d'anthropologie. 1880. p. 65.

[5]) Bücher. Naturvölker. p. 69.

на нейтральной почвѣ, ибо лишь тамъ сходящіяся для обмѣна товаровъ племена могутъ разсчитывать на безопасность [1]). „Для того, чтобы сдѣлать возможной правильную рыночную торговлю—говоритъ Шурцъ—негръ долженъ былъ совершить большой шагъ впередъ по пути культурнаго прогресса; онъ долженъ былъ создать также своего рода международное право, основнымъ принципомъ котораго является положеніе, что рынокъ нейтраленъ и никакія враждебныя дѣйствія на рынкѣ не допускаются. Если и бываютъ исключенія, то въ общемъ негры строго и добросовѣстно поддерживаютъ миръ на рынкѣ. У племенъ Эве, Батуба, Сомали рынки строго нейтральны; въ Ніангве не только рынокъ нейтраленъ, но и путь къ рынку; въ Лоанго рынокъ находится подъ защитой предводителя племени [2]). Это значитъ, что всякій кто нарушаетъ миръ, подвергается строгому наказанію—онъ убивается. Какъ указываютъ путешественники по Африкѣ, тамъ не допускается никакихъ враждебныхъ дѣйствій на рынкѣ, даже по отношенію къ неисправнымъ должникамъ. „Наказаніемъ за такія дѣйствія является смерть, и большое количество стволовъ отъ зарытыхъ въ землю ружей высовывается изъ подъ земли на рынкѣ и предупреждаетъ другихъ нарушителей мира объ угрожающей имъ участи“. Дѣло въ томъ, что каждый, кто во время спора обнажаетъ ножъ, подвергается избіенію камнями и зарывается тутъ же на рынкѣ, причемъ въ надгробный холмъ закапывается старое ружье такимъ образомъ, чтобъ дуло находилось на поверхности [3]). Въ Полинезіи миръ и спокойствіе на рынкѣ охраняются посредствомъ религіознаго института, называемаго табу. Этотъ религіозный обычай, имѣющій большое значеніе во всей жизни полинезійцевъ, состоитъ въ томъ, что божество, а равно лица, являющіяся посредниками между нимъ и людьми, короли, жрецы и знать, могутъ объявлять различные предметы принадлежащими божеству или находящимися подъ его защитой: всѣ эти вещи являются запрещенными для употребленія людьми. Табу примѣнялось и на рынкахъ. Объявляя рынокъ подъ защитой божества, короли и предводители племенъ тѣмъ самымъ дѣлали ры-

[1]) Schurtz. p. 115—116.
[2]) Schurtz. p. 119.
[3]) Ibid.

нокъ нейтральнымъ мѣстомъ, гдѣ всякое насиліе было строго воспрещено [1]).

Если этими средствами оказывается нравственное давленіе на посѣтителей рынка, то не менѣе дѣйствительное средство представляетъ запрещеніе имѣть при себѣ оружіе на рынкѣ, чѣмъ устраняется возможность нападеній во время торга. Когда бразильскіе индѣйцы — разсказываетъ Марціусъ — сходятся для торговаго обмѣна, они снимаютъ съ себя оружіе. Но они кладутъ его около себя и слѣдовательно всегда могутъ прибѣгнуть къ силѣ [2]). Въ Конго эта возможность исключается, ибо тамъ запрещено вообще приносить съ собой оружіе на рынокъ или по крайней мѣрѣ съ ружей должны быть сняты извѣстныя части, чтобы ими нельзя было пользоваться [3]). На Маркезовыхъ островахъ также снималось оружіе на время торговли [4]). Наоборотъ напр. на р. Убанги только щиты отдаются на храненіе одному изъ соплеменниковъ, копья же остаются въ рукахъ торгующихъ, результатомъ чего являются нерѣдко кровопролитныя стычки. Зато другія африканскія племена запрещаютъ даже продажу крѣпкихъ напитковъ на рынкѣ, чтобы этимъ путемъ предупредить столкновенія [5]). За порядкомъ слѣдятъ предводители племени и вооруженная стража. Всякій споръ тутъ же разрѣшается немедленно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предводителя замѣняетъ старикъ—чародѣй или знахарь, который имѣетъ еще бо́льшую власть надъ народомъ [6]).

Все эти мѣры направлены къ поддержанію мира на рынкѣ, къ предупрежденію нападеній съ какой либо стороны, къ скорѣйшему прекращенію всякаго столкновенія. Однако рынокъ продолжается лишь короткое время, нѣсколько часовъ въ день, и притомъ происходитъ далеко не ежедневно, а разъ въ пять дней, разъ въ недѣлю или еще рѣже. Во все остальное время вражда не прекращается, и тѣ самые

---

[1]) Sartorius. p. 23—25, 56—57.

[2]) Зиберъ, стр. 374.

[3]) Schurtz. p. 119.

[4]) Sartorius, p. 57.

[5]) Schurtz, p. 119—120.

[6]) Schurtz. p. 120. Sartorius, p. 57. М. Кулишеръ. Стр. 221—222. Waitz. II p. 130.

люди, которые мирно обмѣниваются продуктами на рынкѣ, встрѣтившись въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, грабятъ и убиваютъ другъ друга. Поэтому то негры — какъ указываетъ Ливингстонъ—отказываются вступать въ обмѣнъ гдѣ бы то ни было помимо рынка. Когда негру предлагаютъ продать хотя бы даже мелочь, онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: „пойдемъ на читока“, т. е на рынокъ [1]). М. И. Кулишеръ объясняетъ эти явленія слѣдующимъ образомъ. „Со страхомъ и трепетомъ—говоритъ онъ – приближаются другъ къ другу лица, принадлежащія къ различнымъ „мірамъ“. Взаимно мирныя отношенія могутъ быть прерваны въ каждую данную минуту, и каждая изъ сторонъ считаетъ необходимымъ держаться поодаль, чтобы не попасть въ бѣду, не подвергнуться нападенію. Покупатель и продавецъ—враги, вѣчные, неумолимые враги. Они пріостановили вражду только временно, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать возможнымъ обмѣнъ продуктовъ, и на то время, пока обмѣнъ продолжается [2])“. Тѣ же индѣйцы, которые на то время, пока происходитъ рынокъ, снимаютъ оружіе, по окончаніи его немедленно снова хватаются за оружіе [3]). У береговъ Марокко испанцы ведутъ торговлю съ мѣстнымъ населеніемъ—рифинами. Рифины являются ежедневно съ съѣстными припасами для продажи и располагаются на извѣстномъ разстояніи отъ крѣпости Цеута; сюда является испанскій гарнизонъ и до извѣстнаго часа пріобрѣтаетъ необходимые предметы. Торговля имѣетъ вполнѣ мирный характеръ и еще не было случая, чтобы миръ на рынкѣ былъ кѣмъ-либо нарушенъ. Но лишь только раздается ударъ колокола, которымъ возвѣщается окончаніе торговли, какъ все принимаетъ другой оборотъ. Испанцы бѣгутъ въ крѣпость и запираютъ за собой ворота, рифины же, уложивъ свои товары, сейчасъ же вооружаются и слѣдятъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ-либо испанецъ. Если кто-нибудь изъ нихъ высунетъ хотя бы голову изъ-за крѣпостнаго вала или стѣнъ, его привѣтствуютъ пулей. Тѣ же испанцы, съ которыми рифины только что мирно вели торговлю, являют-

---

[1]) Ratzel. Völkerkunde. I. 194.

[2]) М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи, стр. 196.

[3]) Зиберъ, стр. 374.

ся мишенью для ихъ ружей [1]). Не менѣе любопытенъ другой фактъ. Въ Нубіи нерѣдко послѣ окончанія рынка одна изъ сторонъ изъ засады дѣлаетъ нападеніе на другую и отнимаетъ у нея силой только что проданные предметы [2]).

Соединеніе торговли съ грабежемъ представляетъ собою въ первобытныя времена самое обычное явленіе, даже въ эпоху рыночной торговли. Торговецъ всегда въ то же время грабитель и пиратъ, лишь часть его заработка имѣетъ мирный характеръ, есть результатъ двусторонняго обмѣна, другая и бо́льшая часть пріобрѣтается по прежнему насильственнымъ путемъ. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе для уясненія происхожденія прибыли и ея первоначальнаго характера. Оно является наилучшимъ подтвержденіемъ того положенія, что торговлѣ предшествуетъ насиліе, а торговой прибыли—захваченное насильственнымъ путемъ имущество, что прибыль возникаетъ изъ грабежа, разбоя и пиратства. Живущіе у береговъ Марокко рифины являются прежде всего разбойниками на сушѣ и пиратами на морѣ, это ихъ первоначальное занятіе, но къ нему постепенно присоединился и описанный выше временный обмѣнъ съ испанцами [3]). Точно также арабскіе племена Джевазини, Меназиръ, Бени Асъ и Магама представляютъ собою пиратовъ, но въ послѣднее время они стали отчасти заниматься и торговлей [4]).

И по отношенію ко многимъ другимъ племенамъ можно установить тотъ фактъ, что грабежъ и торговый обмѣнъ прекрасно уживаются другъ съ другомъ, что прибыль попрежнему окрашивается кровью и насиліемъ. Въ индійскомъ архипелагѣ — какъ указываетъ Андре — пиратство процвѣтаетъ и до сихъ поръ, въ качествѣ побочнаго занятія. „Отъ Суматры до Новой Гвинеи съ запада на востокъ, отъ Явы, Бали, Ломбока и Флореса до Магинданао и Палавана съ юга на сѣверъ почти всѣ острова ежегодно посылаютъ корабли съ цѣлью морскаго разбоя. По общему правилу пиратъ занимается своимъ промысломъ лишь въ теченіе извѣстныхъ мѣсяцевъ въ году; въ остальное

[1]) Andree B. I, p. 52. М. И. Кулишеръ, стр. 208.

[2]) Letourneau. Bulletins. 1880, p. 65.

[3]) Andree. I, p. 52.

[4]) Klemm. IV, p. 183.

время онъ является мирнымъ рыболовомъ, земледѣльцемъ или купцомъ [1])". Вайцъ также указываетъ на то, что малайцы (подобно древнимъ финикіанамъ) мало занимаются земледѣліемъ, а еще менѣе скотоводствомъ; ихъ любимыя занятія — рыболовство, торговля и пиратство. Торговля считается у малайцевъ почетнымъ занятіемъ; однако часто мореплаваніе соединяется не съ торговлей, а съ морскимъ разбоемъ, который предпочитается торговому обмѣну не только какъ болѣе выгодный, но и какъ рыцарскій промыселъ, требующій отваги и силы и вмѣстѣ съ тѣмъ создающій чувство свободы и могущества, какъ никакой другой промыселъ [2]). У верховьевъ р. Убанги (бассейнъ р. Конго) живутъ, по словамъ Лемаринеля, кочевыя племена, которыя занимаются рыболовствомъ и торговлей съ другими племенами, обитающими по берегамъ той же рѣки. Однако обмѣнъ нерѣдко превращается въ грабежъ, а именно, коль скоро эти племена замѣчаютъ свое превосходство въ силѣ надъ другими, они прибѣгаютъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Что торговля вовсе не исключаетъ пиратства, а наоборотъ тѣсно связана съ нимъ, это пришлось испытать и братьямъ Ландеръ во время ихъ путешествія по Нигеру. У низовьевъ р. Нигера они встрѣтились съ разукрашеннымъ флагами торговымъ флотомъ изъ Эбу, по отношенію къ которому они проявили самыя дружественныя чувства; но къ своему великому удивленію они были ограблены и захвачены въ плѣнъ, изъ котораго имъ удалось выкупиться лишь съ большими усиліями [3]). Принципъ очевидно тотъ, что лишь съ болѣе сильнымъ слѣдуетъ вступать въ торговый обмѣнъ, по отношенію же къ тому, кто не внушаетъ опасеній, болѣе сложный способъ—обмѣнъ замѣняется гораздо болѣе простымъ вѣками испытаннымъ средствомъ пріобрѣтенія вещей — грабежемъ. Любопытные факты въ этомъ отношеніи находимъ и въ исторіи сношеній между Японіей и Китаемъ. Японскій шогунъ посылалъ богдыхану подарки, которые назывались данью и за которые онъ разсчитывалъ получить еще болѣе цѣнные подарки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправ-

---

[1]) Andree, B. I, p. 333—364.
[2]) Waitz, B. V, p. 126—134.
[3]) Schurtz, p, 126. 128.

лялъ въ Китай и товары для обмѣна. Но японцы далеко не всегда удовлетворялись полученными въ Китаѣ подарками и платежемъ за товары. Въ этихъ случаяхъ они не ограничивались выпрашиваніемъ большаго, а спорили и грозили насильственными дѣйствіями. Неудивительно, что китайцы отказывались отъ торговыхъ сношеній съ Японіей. Тогда японскіе купцы превращались въ морскихъ разбойниковъ и грабили прибрежныя мѣстности. Сила ихъ была очень велика; корейскій король вынужденъ былъ заключать съ пиратами формальные договоры. Такова была эта своеобразная морская торговля японцевъ [1]).

III.

„Когда дикари острова Атуай (Сандвичевы острова) подъѣхали къ кораблю,—разсказываетъ Кукъ въ описаніи своего третьяго путешествія по Океаніи — я привязалъ нѣсколько мѣдныхъ медалей на веревку и спустилъ ихъ въ одну изъ лодокъ; сидѣвшіе въ ней люди сейчасъ же привязали вмѣсто нихъ нѣсколько макрелей. Я повторилъ этотъ опытъ съ маленькими гвоздиками и кусочками желѣза, которое имѣло въ глазахъ туземцевъ особенную цѣнность. Они за это дали цѣлую массу рыбъ. Жители Сандвичевыхъ острововъ — прибавляетъ онъ — очевидно имѣли уже представленіе о мѣновой торговлѣ или о взаимномъ обмѣнѣ подарковъ“ [1]). Кукъ здѣсь отождествляетъ торговлю съ обмѣномъ подарковъ. И онъ вполнѣ правъ: въ первобытныя времена нѣтъ никакой разницы между тѣмъ и другимъ. Обыкновенно однако путешественники и писатели дѣлаютъ различіе между торговлей и обмѣномъ подарковъ. Первыя дѣйствія, которыми начинается обмѣнъ между двумя племенами, они называютъ обмѣномъ подарковъ, послѣдующіе же акты они называютъ торговлей, въ особенности когда обмѣнъ повторяется и становится уже болѣе или менѣе постояннымъ. Въ такомъ противопоставленіи первыхъ актовъ по-

[1]) Kanju Kiga. Aus der Handelsgeschichte Japans. Jahrbücher für Nationaloekonomie. III F. B. XXIV. 1902, p. 663. 665—667.

[2]) Des Capitain Jacob Cooks dritte Entdeckungsreise. Нѣм. пер. Форстера, I, p. 461. Sartorius p. 52.

слѣдующимъ собственно не было бы ничего ошибочнаго, если бы съ подарками съ одной стороны и съ торговлей съ другой стороны не соединялись современныя свойственныя намъ представленія. При обмѣнѣ подарковъ придерживаются правила: даровому коню въ зубы не смотрятъ; тогда какъ въ торговлѣ, при покупкѣ и продажѣ товаровъ руководствуются выгодой. Этого то различія въ первобытныя времена не существуетъ. Точно также какъ при первомъ актѣ обмѣна первобытный человѣкъ даетъ свое независимо отъ цѣнности того, что онъ получаетъ взамѣнъ, у него и послѣдующія сдѣлки вовсе не являются обмѣномъ равноцѣнностей. Можно ли дѣйствительно проводить различіе между обмѣномъ макрелей на мѣдныя медали и обмѣномъ рыбъ на кусочки желѣза, описанія которыхъ мы находимъ у Кука?

Путешественники по Африкѣ жалуются на требовательность и навязчивость негровъ, на то что при всемъ гостепріимствѣ, оказываемомъ европейцу, онъ подвергается прямо таки ограбленію со стороны предводителей племенъ, ибо каждый изъ нихъ, что бы онъ ни увидѣлъ, сейчасъ же начинаетъ выпрашивать себѣ. Такія вещи въ особенности какъ часы, компасъ, ружья усовершенствованной конструкціи и другіе предметы, безъ которыхъ путешественники совершенно не въ состояніи обойтись, настойчиво выпрашивались у нихъ африканскими царьками, которые смотрѣли на эти инструменты какъ на замысловатыя игрушки. Между тѣмъ отказать въ просьбѣ было опасно: это значило бы нанести оскорбленіе просителю, отказаться отъ дружественныхъ отношеній и вызвать враждебныя дѣйствія съ его стороны. Если негру въ Бангала — разсказываетъ Ливингстонъ — не дашь сразу всего, что онъ требуетъ, то онъ уходитъ обиженный и уже не возвращается; онъ старается добыть данный предметъ какимъ либо инымъ путемъ, т. е. посредствомъ насилія[1]). Бертонъ поэтому совѣтуетъ прятать отъ негровъ все цѣнное и не показывать имъ ничего кромѣ того, что необходимо для обмѣна въ данную минуту[2]). Такимъ образомъ обмѣнъ съ неграми имѣетъ совершенно

[1]) Ratzel. Völkerkunde, B. I, Leipzig. 1885, p. 194. 595.
[2]) Bücher. l. c. p. 28.

своеобразный характеръ: вы обязаны дать все, что у васъ просятъ—цѣнность обмѣниваемыхъ предметовъ не имѣетъ никакого значенія.

Однако эта черта вовсе не свойственна однимъ только неграмъ. На жадность и навязчивость дикарей жалуются и другіе путешественники. Отаитяне — говоритъ Лессонъ— въ первый день принесли намъ различные подарки и не хотѣли ничего брать взамѣнъ ихъ, чѣмъ возбудили удивленіе. Но на другой день они вернулись съ пустыми руками и хватали всевозможные предметы. „Напрасно я подавлялъ своего друга дарами шерстяныхъ и льняныхъ тканей; чѣмъ больше я ему давалъ, тѣмъ сильнѣе дѣлалась у него жажда обладанія, и я думаю, что онъ унесъ бы все, что было въ моей каютѣ и не удовлетворился бы этимъ“ [1]). Отаитяне, приходившіе на корабль къ Лессону, имѣли титулъ тайо или друга: лица, обмѣнивавшіеся этимъ названіемъ, тѣмъ самымъ обѣщали другъ другу защиту и всякое содѣйствіе. Они становились какъ бы единоплеменниками, и поэтому то и имущественныя отношенія принимали у нихъ такой же характеръ, какой они имѣютъ среди членовъ одного и того же племени, т. е. каждый можетъ брать у другого все, что ему нужно. Въ приведенномъ случаѣ это достигается спеціальнымъ названіемъ тайо; у другихъ народовъ одно уже заключеніе мира устанавливаетъ такого рода отношенія, какъ бы общность имущества: [2]) поэтому то негры, исходя изъ нея, и считаютъ себя вправѣ требовать у европейцевъ, все что они увидятъ. Кастренъ разсказываетъ слѣдующее о самоѣдахъ: хозяйка чума подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца; я щедро вознаградилъ ее за рыбу, но ничто кромѣ кольца не могло удовлетворить самоѣдку и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума. Поморы — говоритъ Ефименко—посѣщаютъ племя фильмановъ (лопари) и приносятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое фильманы

[1]) Зиберъ, стр. 144.
[2]) Зиберъ, стр. 153—154.

считаютъ лакомствомъ. За это они обыкновенно получаютъ оленя. Для фильмановъ такой обмѣнъ невыгоденъ, но отказаться отъ подарка невозможно: это значило бы нанести сильное оскорбленіе [1]). Надо имѣть однако въ виду, что тѣ же первобытные народы, которые все принадлежащее другому считаютъ и своимъ, примѣняютъ эту теорію и по отношенію къ собственному имуществу: заключивъ миръ съ иноплеменникомъ, они готовы отдать ему все, что онъ проситъ. Бюхеръ указываетъ на то, что тѣ же путешественники по Африкѣ, которые жалуются на навязчивость негровъ, и сами пользуются этимъ средствомъ, выпрашивая у туземцевъ все, что имъ нужно: иначе—говоритъ—онъ было бы совершенно невозможно путешествовать по Африкѣ. У первобытныхъ народовъ—указываетъ онъ далѣе—иноплеменникъ въ знакъ гостепріимства получаетъ подарокъ, на который онъ въ свою очередь обязанъ отвѣтить подаркомъ. При этомъ каждая сторона можетъ просить все, что угодно и обязанность не исполнена, пока каждая сторона не удовлетворена полученными подарками. Но такой же характеръ имѣютъ и послѣдующіе акты обмѣна: обмѣнъ не оконченъ, пока покупатель и продавецъ не заявятъ при свидѣтеляхъ, что они довольны полученнымъ. Отказъ же на предложеніе вступить въ обмѣнъ столь же оскорбителенъ, какъ у насъ непринятія подарка [2]).

Такимъ образомъ, возникая изъ взаимнаго обмѣна подарковъ въ знакъ заключенія мира между враждующими племенами, торговля и впослѣдствіи остается все тѣмъ же обмѣномъ подарковъ, [3]) она является ничѣмъ инымъ, какъ

[1]) Зиберъ, тамъ-же.

[2]) Bücher, p. 27—30.

[3]) Путешественники иногда разсказываютъ, что дикари крали у нихъ тѣ или другіе предметы, забывая о томъ, что понятіе кражи въ данномъ случаѣ такъ же непримѣнимо, какъ и въ отношеніяхъ среди единоплеменниковъ, ибо и тутъ и тамъ господствуетъ представленіе объ общности имущества; поэтому каждый считаетъ себя вправѣ брать любой предметъ, находящійся у другого лица, если послѣднее только не пользуется имъ въ данное время, и то обстоятельство, берется ли эта вещь въ присутствіи или въ отсутствіи даннаго лица, нисколько не мѣняетъ дѣла Потому то дикари, будучи схвачены на мѣстѣ „преступленія“, никогда не чувствуютъ за собой вины, чѣмъ особенно поражаются европейцы, и охотно отдаютъ взятую вещь обратно.

продолженіемъ перваго обмѣна подарковъ, происходящаго при заключеніи мира. Формы торговли мѣняются, изъ нѣмой торговли, она постепенно превращается въ рыночную по мѣрѣ того какъ довѣріе сторонъ другъ къ другу возрастаетъ; но сущность ея остается та же: это не обмѣнъ равноцѣнностей, а обмѣнъ предметовъ, цѣнность которыхъ вовсе не принимается во вниманіе и поэтому носитъ совершенно случайный характеръ. Торговый обмѣнъ между иноплеменниками, въ виду своего происхожденія изъ враждебныхъ отношеній, требуетъ, чтобы при каждомъ актѣ обмѣна за полученное было дано что-либо другое; ибо при установленіи мира каждая сторона въ доказательство своихъ мирныхъ намѣреній должна была отдать что либо изъ своего имущества, между тѣмъ какъ единоплеменники берутъ другъ у друга нужныя имъ вещи, совсѣмъ ничего не давая за нихъ. Но это единственное условіе: обмѣнъ долженъ быть двусторонній; но соотношеніе между значеніемъ получаемаго и значеніемъ отдаваемаго для даннаго лица—не играетъ никакой роли, ибо у первобытнаго человѣка нѣтъ никакого представленія о цѣнности, и долженъ пройти продолжительный періодъ въ жизни человѣчества, прежде чѣмъ такое представленіе образуется.

О равноцѣнности обмѣниваемыхъ предметовъ въ первобытной торговлѣ и рѣчи быть не можетъ. Въ однихъ случаяхъ пріобрѣтается бо́льшая цѣнность, въ другихъ меньшая. Дѣлая кому-нибудь подарокъ, киргизъ разсчитываетъ всегда на болѣе цѣнное дареніе. Когда якутъ даритъ что-либо другому якуту, онъ имѣетъ въ виду, что пріятель въ свою очередь одаритъ его вещью большей цѣнности, чѣмъ подаренная [1]). Поскольку это происходитъ среди единоплеменниковъ, такому обычаю слѣдуютъ всѣ; въ однихъ случаяхъ пріобрѣтается большая, въ другихъ меньшая цѣнность и въ результатѣ никто не обогащается въ ущербъ другому. Иное дѣло въ сношеніяхъ иноплеменниковъ. Здѣсь нерѣдко сталкиваются племена и народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ культуры и придерживающіеся совершенно различныхъ принциповъ въ обмѣнѣ предметовъ. Нечего говорить о томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда первобытные на-

[1]) Зиберъ, стр. 153—154.

роды вступаютъ въ торговый обмѣнъ съ европейскими купцами, лишь на одной сторонѣ стоятъ люди, желающіе извлечь возможно большую выгоду изъ обмѣна и постоянно сравнивающіе цѣнность отдаваемаго съ цѣнностью получаемаго, тогда какъ другая сторона по прежнему стремится только къ пріобрѣтенію возможно большаго количества интересующихъ ее предметовъ, независимо отъ того, какіе предметы и въ какомъ количествѣ приходится отдать при этомъ. При различномъ отношеніи къ акту обмѣна, вторая сторона должна всегда терпѣть убытокъ, всегда отдавать больше, чѣмъ она получаетъ, и Вайтцъ справедливо указываетъ на то, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда торговля съ европейцами приводитъ къ возникновенію новыхъ здоровыхъ потребностей у дикарей и содѣйствуетъ ихъ культурному подъему, она вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ непосредственную выгоду самимъ европейцамъ, давая имъ возможность обогащаться на счетъ туземцевъ: „чѣмъ болѣе удается вызвать у нихъ новыхъ потребностей, тѣмъ зависимѣе они становятся отъ иностранныхъ купцовъ, тѣмъ легче и сильнѣе они эксплоатируются купцами“ [1]). Это относится однако не только къ европейцамъ, но и къ другимъ народамъ. которые успѣли уже привыкнуть къ обмѣну и пріобрѣсти нѣкоторое представленіе о цѣнности, успѣли понять, что посредствомъ торговли нетрудно обогатиться, если только стараться всегда давать меньше, чѣмъ получаешь. Любопытно, что тѣ самые народы Океаніи, которые при появленіи Кука во многихъ случаяхъ не имѣли еще никакого представленія объ обмѣнѣ, сорокъ лѣтъ спустя уже оказались умѣлыми торговцами. Благодаря торговымъ сношеніямъ съ европейцами, произошелъ переворотъ и въ отношеніяхъ между различными племенами Полинезіи: войны и грабежи замѣнились торговымъ обмѣномъ. Когда же въ 1814 году явились испанскіе миссіонеры въ Новую Зеландію, они были поражены тѣмъ умѣньемъ и той расчетливостью, съ которой туземцы производили обмѣнъ товаровъ, какъ они расхваливали свои продукты и старались извлечь какъ можно больше выгоды изъ каждой операціи [2]). И Стэнли нашелъ

[1]) Waitz. I. p. 452. См. также П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи. Спб. 1905, стр. 85, 87, 99.

[2]) Sartorius. p. 65. Waitz. VI. p. 76, 611—612.

много сходства между рынками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Центральной Африки и европейскими рынками, между торговцами тамъ и здѣсь. Въ особенности онъ былъ „пораженъ тѣмъ, что туземцы въ Маніема имѣютъ столь же преувеличенное представленіе о цѣнности своихъ товаровъ, какъ и лавочники Лондона, Парижа и Нью-Іорка“ [1]).

Такъ появляются цѣлыя племена, которыя занимаются торговлей съ другими племенами, для которыхъ обмѣнъ составляетъ уже не способъ пріобрѣтенія новыхъ предметовъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а средство обогащенія, извлеченія прибыли путемъ покупки и продажи различныхъ товаровъ. Племя Кіоко, живущее въ южной части бассейна Конго, производитъ на западномъ побережьи обмѣнъ воска и гумми на порохъ, а затѣмъ отправляется въ глубь материка, вымѣнивая слоновую кость и рабовъ. Слоновая кость сбывается имъ въ другихъ мѣстахъ. Являясь посредниками въ торговлѣ между различными племенами, кіоко пользуются славой ловкихъ и пронырливыхъ торговцевъ, прекрасно научившихся обманывать и обирать другія племена. При этомъ они однако представляютъ собою и очень умѣлыхъ охотниковъ и искусныхъ кузнецовъ; а женщины у нихъ занимаются земледѣліемъ[2]). Въ этомъ случаѣ торговля еще не успѣла стать главнымъ или исключительнымъ занятіемъ племени.

Такая перемѣна происходитъ лишь постепенно. Намъ приходилось уже приводить выше цѣлый рядъ случаевъ, когда различныя племена Африки, Америки, Остъиндскаго архипелага совершаютъ путешествія на морѣ и на сушѣ цѣлыми флотиліями и караванами, занимаясь попеременно то торговлей, то разбоемъ и пиратствомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ племенами, для которыхъ торговля является уже постояннымъ занятіемъ и которые, оставаясь пиратами, все же достигаютъ высокой ступени развитія въ области торговли. Въ Мексикѣ, по описаніямъ Кортеса, существовала обширная торговля какао, хлопкомъ, рабами, которая простиралась до Тихаго Океана и до Гондураса, и еще въ XVII вѣкѣ тамъ существовали туземные

[1]) Ratzel. I. p. 193—194.

[2]) Pogge. Im Reiche des Muata-Iamwo. p. 45 и сл. Bücher. Wirtschaft der Naturvölker. p. 39.

купцы, которые возили товары на 30—40 мулахъ и обладали капиталами въ 15 тысячъ дукатовъ [1]). „По прошествіи нѣсколькихъ дней плаванія по Ориноко — говоритъ путешественникъ XVIII вѣка Гумилла — мы встрѣтили цѣлую армію карайбовъ, которые только что покончили торговый обмѣнъ съ племенами, настолько нуждающимися въ различныхъ орудіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенными естественной родительской любви, что отдаютъ карайбамъ дочь или сына за топоръ, за ножъ, за нѣсколько нитокъ стекляруса, такъ какъ видъ этихъ бездѣлушекъ производитъ на нихъ большее впечатлѣніе, чѣмъ слезы ихъ жертвъ. Потомъ карайбы продаютъ ихъ голландцамъ. Плата, которую даетъ голландецъ карайбу за раба состоитъ въ сундукѣ съ замкомъ, въ которомъ находится 10 топоровъ, 10 большихъ ножей, 10 малыхъ ножей, 10 нитокъ бусъ и пр. Карайбы, разумѣется, плотятъ за рабовъ гораздо дешевле той цѣны, по которой продаютъ ихъ голландцамъ“ [2]).

Въ Полинезіи, Меланезіи и Микронезіи также уже образовались торговыя племена, которыя умѣютъ извлекать выгоду изъ обмѣна товаровъ; будучи вмѣстѣ съ тѣмъ искусными мореплавателями, они имѣютъ возможность совершать продолжительныя путешествія вплоть до Америки и Китая. Эти плаванія съ торговыми цѣлями доставляютъ имъ большую прибыль; нѣкоторыя племена разбогатѣли посредствомъ торговли. И на сушѣ въ Новой Зеландіи купеческіе караваны въ установленное время посѣщаютъ различныя мѣстности, причемъ обороты и прибыль купцовъ очень значительны [3]). Въ Конго, въ Суданѣ и въ другихъ частяхъ Африки торговля рабами и слоновой костью находится въ рукахъ нѣсколькихъ племенъ, которыя являются посредниками въ обмѣнѣ товаровъ между различными народами; таково напр. племя банайзи въ Конго, которое пріобрѣло значительныя богатства благодаря торговлѣ, племя дуалла въ Камерунѣ и каканда на Нигерѣ, племя гауса въ Суданѣ [4]).

[1]) Waitz. IV. 102.

[2]) Зиберъ, стр. 381.

[3]) Waitz—Gerland, B. V. Die Völker der Südsee, T. II. Abt. 2, p. 86—88. 190, B. VI Abt. 3, p. 76. 611.

[4]) Schurtz. p. 131—132.

При этомъ торговое племя пользуется въ той области, которую оно посѣщаетъ, монопольнымъ положеніемъ: оно не допускаетъ конкуррентовъ въ видѣ другихъ племенъ. Этотъ фактъ крайне важенъ для пониманія прибыльности первобытной торговли. Такъ, въ Конго въ мѣстности Стэнли-Пуля монополію въ торговлѣ имѣетъ племя батеке, на рѣкѣ Кассаи—бадинга и вабума. По среднему теченію Конго, по Убанги, Чуапа и другимъ притокамъ Конго племя байанзи захватило торговлю въ свои руки, языкъ этого племени сталъ въ этихъ мѣстностяхъ господствующимъ и общеупотребительнымъ въ торговлѣ. Въ Камерунѣ торговая монополія принадлежитъ племени дуалла, въ Габунѣ (французское Конго) племени иненга. „При этомъ—прибавляетъ Шурцъ—большинство племенъ, занимающихся торговлей, стремится не столько къ расширенію области сбыта, сколько къ сохраненію своего монопольнаго положенія въ полной неприкосновенности, почему оно дѣлаетъ невозможнымъ какую бы то ни было транзитную торговлю. Народъ Аро въ Анголѣ распадается даже на двѣ группы (можетъ быть различныя племена?), изъ коихъ одна сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ приморскую торговлю, другая—торговлю въ глубь материка, и другъ къ другу онѣ относятся съ большой завистью“ [1]). Подобнымъ же образомъ и малайскіе купцы, пріѣзжающіе на острова Меланезіи, имѣютъ здѣсь рынки, гдѣ они сбываютъ свои товары, причемъ рынки эти предназначены исключительно для нихъ: другія племена туда не допускаются [2]).

Въ Сибири каждый торговецъ имѣетъ своихъ самоѣдовъ и остяковъ, которые сдаютъ ему свои товары, знаютъ только его одного и къ другому торговцу уже не обращаются, да если бы они и захотѣли завернуть къ кому другому, это имъ никогда не удалось бы, потому что торговцы высылаютъ навстрѣчу инородцамъ подручныхъ, которые зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ инородцевъ не увильнулъ въ чужія ворота. Такимъ образомъ каждый торговецъ имѣетъ извѣстное число инородческихъ семействъ, состоящихъ его по-

[1]) Schurtz. l. c.
[2]) Waitz-Gerland. VI, p. 609.

стоянными покупателями и въ то же время неоплатными должниками [1]).

„Такъ какъ торговый обмѣнъ — говоритъ М. И. Кулишеръ—возникъ первоначально между членами различныхъ общинъ, между врагами, то и въ позднѣйшія времена торговля разсматривается общиной какъ занятіе, направленное противъ членовъ общины. Туземецъ, членъ общины, не можетъ и не долженъ заниматься обираніемъ своихъ членовъ, своихъ земляковъ. Враждебныя дѣйствія, обманъ и надувательство дозволительны только по отношенію къ чужеземцу. Члены всякой общины могли заниматься торговымъ дѣломъ временно или постоянно, но только не у себя дома, а среди чужихъ“ [2]). Это положеніе, что купцами повсюду являются первоначально иностранцы, иноплеменники, положеніе, выведенное изъ большаго количества фактовъ, однообразно повторяющихся во всемъ мірѣ, и въ настоящее время ставшее вполнѣ достояніемъ науки, подкрѣпляется и приведенными выше данными; мы видѣли, что всѣ торговыя племена ведутъ торговлю съ другими народами. Обогащаться на счетъ соплеменника считается еще позорнымъ. Однако и внутри племени уже существуютъ лица, которыя въ видѣ исключенія, занимаются торговлей съ соплеменниками—это предводители племени. Надо имѣть въ виду, что они вообще занимаютъ особое положеніе среди племени въ тѣхъ случаяхъ, когда они пользуются извѣстной властью. Они получаютъ часть добычи, пріобрѣтенной на охотѣ, часть плодовъ (первые плоды), дань съ подчиненныхъ племенъ и т. п. Торговля является для нихъ, слѣдовательно, лишь новымъ источникомъ обогащенія, которое и ранѣе уже имѣло мѣсто [3]). „Во избѣжаніе затрудненій, — говоритъ Зиберъ — которыя могла бы представить торговля съ цѣлымъ племенемъ или общиной, гдѣ господствуетъ общность имущества, завѣдываніе первоначальной торговлей берутъ на себя обыкновенно представители этихъ племенъ или общинъ, ихъ старѣйшины и начальники. При

[1]) Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Спб. 1891, стр. 86.

[2]) М. И. Кулишеръ. Стр. 219.

[3]) См. Post. Afrikanische Jurisprudenz. B. I, p. 260 и сл., Bücher Wirtschaft der Naturvölker, p. 42. Sartorius, p. 19 и сл.

этомъ они сначала входятъ въ торговыя сношенія съ иноземцами исключительно именемъ и въ интересахъ племени, но впослѣдствіи мало по малу присваиваютъ себѣ право собственности на произведенія своихъ согражданъ“ [1]). Кромѣ указываемой Зиберомъ причины, монополизація торговли царями и предводителями племенъ объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что торговые караваны въ знакъ мира прежде всего подносятъ подарки начальнику племени и на время пребыванія среди даннаго племени поступаютъ подъ его защиту. „Она вызывается наконецъ и тѣмъ, что дань покоренныхъ племенъ состоитъ обыкновенно изъ тѣхъ продуктовъ, которые производятся этими племенами и сбываются ими на рынкѣ. Въ странѣ Лунда въ центральной Африкѣ однѣ мѣстности доставляютъ царю слоновую кость и звѣриныя шкуры, другія—соль или мѣдь, племена на сѣверѣ страны — издѣлія изъ соломы, а старѣйшины племенъ, живущихъ у берега, доставляютъ и порохъ и европейскія бумажныя ткани. Это приводило нерѣдко къ тому, что цари начинали торговать продуктами, которые накоплялись въ огромномъ количествѣ въ ихъ рукахъ, или присваивали себѣ монополію на сбытъ этихъ предметовъ“ [2]).

Такимъ образомъ, когда возникаетъ правильный обмѣнъ продуктовъ, появляются и двѣ группы посредниковъ, извлекающихъ изъ него прибыль: съ одной стороны иноплеменные купцы, а съ другой стороны предводители племенъ. Товаръ проходитъ черезъ руки и тѣхъ и другихъ, прежде чѣмъ онъ доходитъ до потребителя, и значительная часть товара остается у обоихъ посредниковъ. И въ настоящее время еще въ Африкѣ купцы нерѣдко передаютъ начальнику племени свои товары въ качествѣ подарка, живутъ затѣмъ въ теченіи продолжительнаго времени у него и наконецъ передъ отъѣздомъ получаютъ у него слоновую кость или рабовъ также въ качествѣ дара. Такъ дѣйствовали и арабскіе купцы въ странѣ вагума и португальцы въ южной Африкѣ. [3]) Въ Угандѣ (у истоковъ Нила) товары отдаются въ руки царю, и взамѣнъ этого купецъ можетъ брать

---

[1]) Зиберъ, стр. 379.
[2]) Bücher. l. c. p. 43.
[3]) Schurtz. p. 124.

у жителей все, что ему угодно: вся Уганда въ его распоряженіи. [1]) Въ этихъ случаяхъ повидимому цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ имѣетъ по прежнему случайный характеръ. Торговецъ несомнѣнно извлекаетъ прибыль и надо думать высокую прибыль; обогащается и король. Но то обстоятельство, сколько отдаютъ жители, вступающіе въ обмѣнъ, зависитъ отъ произвола либо короля либо купцовъ, но не отъ производимой ими сравнительной оцѣнки получаемыхъ и отдаваемыхъ предметовъ. Точно также и въ Америкѣ, въ Чили, Бразиліи, у Нуткасъ и въ другихъ мѣстностяхъ торговцы вынуждены вручать всѣ свои товары начальникамъ и старѣйшинамъ племенъ [2]). Въ Тонкинѣ, Аннамѣ и Бирманѣ короли обладали монополіей въ торговлѣ рисомъ и хлопкомъ [3]), въ Гаваи—сандалевымъ деревомъ [4]); въ Марокко имъ принадлежитъ монополія торговли табакомъ, сѣрой кошенилью, пшеницею, скотомъ, воскомъ, пробками и піявками. [5]) На Сандвичевыхъ островахъ—разсказываетъ Эллисъ—торговля почти монополизирована царьками. Существуютъ правда рынки, гдѣ туземцы могутъ сбывать свои продукты, но цѣна послѣднихъ устанавливается старѣйшинами, причемъ послѣдніе присваиваютъ себѣ двѣ трети продуктовъ. Когда Ванкуверъ посѣтилъ Санчдвичевы острова, дѣло происходило еще проще: посредствомъ табу король заставлялъ всѣхъ подданныхъ показать пріобрѣтенныя ими въ торговлѣ съ европейцами товары и часть ихъ отдать ему [6]). У прибрежныхъ малайцевъ сѣверной Суматры султанъ присвоилъ себѣ монополію продажи самыхъ выгодныхъ продуктовъ—кофе, золота, бензое и др.; эти продукты поставляются ему населеніемъ за установленную имъ же весьма низкую цѣну. Султанъ же доставляетъ населенію и пріобрѣтаемые имъ у иностранныхъ купцовъ продукты, причемъ цѣны опять таки опредѣляются имъ—онѣ обыкновенно превышаютъ дѣйствительную стоимость (т. е. ту цѣну, которую онъ самъ

---

[1]) Зиберъ, стр. 381. Ratzel. I. p. 40. 122.
[2]) Petri p. 15. Спенсеръ. II. 598. Зиберъ, стр. 380—381.
[3]) Ratzel. III p. 489.
[4]) Waitz—Gerland. VI. p. 442.
[5]) Зиберъ, стр. 382.
[6]) Зиберъ, стр. 383.

заплатилъ?) на 200—400 проц; наконецъ и цѣнность денегъ которыя уплачиваются за эти товары также устанавливается султаномъ.

Изъ этого видно, что обычай установленія цѣнъ на продукты царемъ или предводителемъ племени, который мы нерѣдко встрѣчаемъ на первыхъ ступеняхъ развитія торговли, направленъ не столько противъ иноплеменныхъ купцовъ, сколько противъ собственныхъ же подданныхъ съ цѣлью извлечь возможно большую прибыль при посредничествѣ между ними и иноплеменными купцами. Король Бирмана, монополизировавшій главныя статьи заграничнаго вывоза, (хлопокъ, свинецъ, дерево, рубины), покупаетъ ихъ у народа по опредѣленной цѣнѣ и затѣмъ отъ себя уже продаетъ купцамъ или посылаетъ для сбыта въ Рангунъ [1]). Въ Бамбукѣ предводители племенъ—фаримъ устанавливаютъ цѣну золота, сбываемаго иностранцамъ; они же заключаютъ и всѣ сдѣлки съ торговцами. [2]) Очевидно и здѣсь они опредѣляютъ цѣну для того, чтобы по возможности дешевле пріобрѣсти золото у народа, и отъ себя уже продаютъ его купцамъ, На рынкѣ въ Логонѣ цѣнность (желѣзныхъ) денегъ опредѣляется еженедѣльно султаномъ. Когда султанъ долженъ получить подати волами и индиго, чиновникъ извѣщаетъ, что цѣнность денегъ упала, когда же султанъ закупаетъ товары для себя, цѣнность ихъ сейчасъ же повышается. [3]) Иногда впрочемъ старѣйшины и предводители племенъ идутъ дальше и пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, односторонне опредѣляютъ и цѣны при покупкѣ и продажѣ товаровъ иноземнымъ купцамъ. Въ Японіи существовало спеціальное учрежденіе, которое эксплоатировало государственную монополію торговли съ иностранными купцами и каждый разъ устанавливало цѣну, по которой купцы должны были доставить продукты. [4]) Въ Китаѣ монголы сбываютъ мѣха, причемъ лучшія изъ нихъ предназначаются китайскому императору и оцѣниваются по установленной законами таксѣ [5]).

---

[1]) Зиберъ, тамъ-же.
[2]) Petri p. 15.
[3]) Schurtz. p. 138.
[4]) Münsterberg. p. 104. 161.
[5]) Letourneau. Эволюція торговли. стр. 82.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что обычай монополизаціи торговли предводителями племенъ встрѣчается преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти племена соединяются въ болѣе сильное цѣлое, гдѣ политическая власть не только сообразила ту выгоду, которую она въ состояніи извлечь изъ торговли, но вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла настолько сильно утвердиться, что имѣетъ возможность осуществлять монополію, облагая населеніе тяжелой податью при продажѣ мѣстныхъ продуктовъ и при покупкѣ иноземныхъ товаровъ. Султаны Марокко, Занзибара, Суматры, цари Лунда и Дагомеи, Тонкина, Анама и Бирмана—вотъ кто держитъ въ своихъ рукахъ торговлю страны. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ предводители и старѣйшины племенъ нерѣдко очень мало отличаются отъ массы народа, гдѣ власть ихъ сильно ограничена, имъ не удается устранить все остальное населеніе отъ участія въ торговомъ обмѣнѣ и они довольствуются тѣми подарками, которые получаютъ отъ племенъ, являющихся на рынокъ — первообразъ всѣхъ рыночныхъ пошлинъ и налоговъ. Обмѣнивающіяся же стороны вступаютъ въ непосредственныя сношенія, безъ всякихъ посредниковъ; сдѣлка самостоятельно заключается между иноплеменными купцами и населеніемъ.

Какъ мы видѣли выше, первобытный человѣкъ не имѣетъ представленія о цѣнности: онъ отдаетъ выпрашиваемые у него предметы, не ставя ихъ въ зависимость отъ того, что онъ получаетъ—противная сторона должна ему только дать въ свою очередь то, что онъ требуетъ. Представленіе о цѣнности образуется у него очень медленно и постепенно. Торговыя племена и старѣйшины - купцы могутъ появиться уже въ то время, когда представленіе о цѣнности у прочаго населенія еще крайне смутное. Ибо всѣ эти посредники въ торговомъ обмѣнѣ между различными племенами, стремясь къ наживѣ въ торговлѣ, руководствуются при совершеніи обмѣна объективной цѣнностью предмета, той цѣной, которая уплочена торговцемъ за продаваемый предметъ, и той, которую есть возможность выручить за пріобрѣтаемый товаръ. Между тѣмъ все остальное населеніе, вступающее въ торговый обмѣнъ не ради извлеченія прибыли, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей при помощи пріобрѣтаемыхъ предметовъ, исходитъ изъ субъективной

цѣнности, изъ того значенія, которое имѣетъ пріобрѣтаемый предметъ въ смыслѣ удовлетворенія потребности сравнительно со значеніемъ отдаваемаго, а при денежномъ обмѣнѣ— сравнительно со значеніемъ уплачиваемой денежной суммы. Мѣновой торгъ является въ теченіе продолжительнаго періода господствующимъ или по крайней мѣрѣ болѣе употребительнымъ, и прогрессъ заключается въ томъ, что человѣкъ все болѣе и болѣе уясняетъ себѣ значеніе отдаваемаго имъ предмета для его хозяйства, цѣнность того продукта, которымъ онъ уплачиваетъ за пріобрѣтаемый товаръ. Отсутствіе представленія о цѣнности въ обмѣнѣ характеризуется именно тѣмъ, что человѣкъ интересуется только тѣмъ, что онъ пріобрѣтаетъ, цѣнитъ только эти предметы, стараясь получить какъ можно больше предметовъ, которые ему нравятся; чѣмъ больше этихъ предметовъ онъ пріобрѣлъ, тѣмъ менѣе сильно у него желаніе получить еще новые предметы того же рода. Что же касается тѣхъ продуктовъ, которые онъ самъ отдаетъ, то онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, не цѣнитъ ихъ совершенно, отдавая все, что у него просятъ. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ начинаетъ производить оцѣнку того, что онъ отдаетъ, можно говорить о томъ, что онъ при обмѣнѣ имѣетъ въ виду цѣнность предмета, т. е. сравниваетъ значеніе отдаваемаго и получаемаго въ смыслѣ удовлетворенія потребностей, ибо оцѣнка одного лишь пріобрѣтаемаго предмета, какъ бы точно она ни была произведена, имѣетъ столь же мало значенія для акта обмѣна, какъ нахожденіе одного лишь числителя для опредѣленія величины дроби. „Цѣнность предмета—говоритъ Генрихъ Конъ—основывается на сравненіи, которое мы проводимъ между нимъ и другимъ предметомъ въ отношеніи ихъ способности удовлетворять нашимъ потребностямъ; цѣнность—есть то отношеніе, въ которомъ мы выражаемъ значеніе двухъ предметовъ какъ средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностей“ [1]).

Оцѣнка отдаваемаго не только составляетъ необходимое условіе для образованія понятія о цѣнности, какъ понятія возникающаго изъ сравненія двухъ различныхъ предметовъ, но она необходима и для проведенія болѣе точной оцѣнки

[1]) Heinrich Cohn. Die subjektive Natur des Wertes. Berlin. 1899. p. 10.

получаемаго; ибо лишь тогда, когда человѣкъ начинаетъ сравнивать между собою значеніе отдаваемаго и значеніе получаемаго, когда пріобрѣтеніе перваго происходитъ не безусловно, а ставится въ зависимость отъ различныхъ условій, въ особенности отъ того, что приходится отдать взамѣнъ,—лишь съ этихъ поръ и пріобрѣтаемый предметъ получаетъ реальное значеніе, лишь съ этихъ поръ возникаетъ болѣе обдуманное отношеніе къ получаемому предмету, образуется болѣе ясное представленіе о тѣхъ потребностяхъ, которымъ онъ способенъ удовлетворять. При отсутствіи такого сравненія и значеніе пріобрѣтаемаго предмета самого по себѣ представляется лицу, вступающему въ обмѣнъ, крайне неясно и обыкновенно обмѣнъ идетъ въ ущербъ ему: потребности, которыя онъ въ состояніи удовлетворить при помощи вновь пріобрѣтаемаго предмета, кажутся ему гораздо болѣе важными, чѣмъ онѣ являются въ дѣйствительности.

Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду того обстоятельства, что хотя первобытный человѣкъ съ теченіемъ времени начинаетъ производить сравнительную оцѣнку того, что онъ разсчитываетъ получить въ результатѣ мѣноваго акта и того, чего онъ лишается при этомъ, тѣмъ не менѣе то значеніе, которое имѣетъ для него отдаваемый предметъ, онъ и впослѣдствіи представляетъ себѣ несравненно менѣе ясно, чѣмъ значеніе пріобрѣтаемаго предмета. Вслѣдствіе этого оцѣнка всегда получается въ пользу пріобрѣтаемаго предмета: мѣновой актъ кажется выгоднымъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ невыгоденъ; или же онъ кажется болѣе выгоднымъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, ибо значеніе того, что отдается, всегда умаляется въ болѣе или менѣе сильной степени.

Густавъ Конъ удачно характеризуетъ первобытный обмѣнъ. „Сущность послѣдняго—по его словамъ—заключается въ томъ, что народъ, стоящій на болѣе высокой ступени экономическаго и интеллектуальнаго развитія, вступаетъ въ торговый обмѣнъ съ менѣе развитыми племенами и старается использовать свое превосходство въ области знакомства съ товарами и умѣнія ихъ оцѣнивать — для того, чтобы этимъ путемъ образовалась разница въ оцѣнкѣ фигурирующихъ въ обмѣнѣ предметовъ. Однако торговля лишь

пользуется этой разницей, но не создаетъ ее. Разница въ оцѣнкѣ существуетъ объективно, какъ результатъ болѣе низкой культуры, изъ которой вытекаетъ дѣтская переоцѣнка получаемыхъ дикарями бездѣлушекъ—игрушками для дѣтей называетъ ихъ Гомеръ; она существуетъ и субъективно, вслѣдствіе неправильнаго представленія дикарей о цѣнности отдаваемыхъ ими въ обмѣнъ предметовъ, въ видѣ огромнаго количества земледѣльческихъ и иныхъ сырыхъ продуктовъ“ [1]).

IV.

Причину всѣхъ указанныхъ явленій надо искать въ психологіи первобытнаго человѣка, въ его непредусмотрительности, „неспособности представлять себѣ будущее такимъ образомъ, чтобы это представленіе могло вліять на поведеніе человѣка въ настоящемъ“. „Будучи управляемъ деспотическими чувствами—говоритъ Спенсеръ—которыя послѣдовательно вытѣсняютъ одно другое, вмѣсто того, чтобы быть управляемымъ общимъ совѣтомъ чувствъ, въ которомъ всѣ и каждое принимали бы дѣятельное участіе,—первобытный человѣкъ отличается взрывчатымъ, хаотическимъ, непредусмотримымъ поведеніемъ. Одна изъ болѣе спеціальныхъ особенностей, зависящая отчасти отъ этой общей черты первобытнаго человѣка, есть его непредусмотрительность. Всякое непосредственное желаніе исключаетъ у него страхъ передъ будущими бѣдствіями; неспособный живо представлять себѣ будущія страданія и удовольствія, онъ не имѣетъ достаточно побудительнаго мотива къ дѣятельности въ виду будущихъ цѣлей, но легкомысленно и беззаботно отдается настоящему“ [2]). „Первобытный человѣкъ—указываетъ Бюхеръ—ребенокъ; онъ не думаетъ ни о будущемъ ни о прошломъ; онъ все легко забываетъ; каждое новое впечатлѣніе вытѣсняетъ у него предыдущее“ [3]). Этой беззаботностью первобытнаго человѣка объясняется его жизнерадостность, довольство собственной судьбой. „При

[1]) Cohn. Nationaloekonomie des Handels. Stuttgart. 1898. p. 207.
[2]) Спенсеръ. Основанія соціологіи. I. Спб. 1876, стр. 80.
[3]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. p. 24.

всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя онъ испытываетъ, онъ все таки считаетъ свою страну лучшей въ свѣтѣ, свою жизнь самою счастливою и себя самымъ лучшимъ, что можетъ быть“ [1]). „О новокаледонцахъ, фиджійцахъ, таитянахъ, новозеландцахъ мы читаемъ, что они вѣчно смѣются и шутятъ. Негры на протяженіи всей Африки обнаруживаютъ то же самое свойство. Что же касается первобытныхъ племенъ, населяющихъ другія страны, то мы постоянно читаемъ у путешественниковъ, что они преисполнены шутливости и веселья“, „полны жизни и бодраго, веселаго настроенія“, „веселы и болтливы“, „игривы и веселы какъ жаворонки“, „отличаются шумною веселостью, „смѣются неумѣренно по поводу всякихъ пустяковъ“. Даже эскимосы, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ими лишенія, описываются какъ „счастливый народъ“. Относительно — импульсивная натура, обусловливающая полное поглощеніе человѣка удовольствіями настоящей минуты, ведетъ одновременно и къ чрезмѣрному веселью и къ невниманію къ угрожающимъ въ будущемъ бѣдствіямъ“ [2]). Тою же беззаботностью и неспособностью думать о будущемъ объясняется и то, что первобытный человѣкъ въ состояніи трудиться только въ томъ случаѣ, когда выгода, получаемая отъ этого, непосредственна и очевидна, когда голодъ уже наступилъ и можетъ быть сейчасъ же утоленъ, но не тогда, когда вознагражденіе за этотъ трудъ можетъ быть получено только въ будущемъ [3]); объясняется и то, что вещь цѣнится лишь постольку, поскольку она нужна въ данную минуту; если въ ней нѣтъ надобности, то ей не придается никакого значенія. Оба эти момента одинаково объясняются отсутствіемъ яснаго представленія о будущемъ.

„Первобытный охотникъ—говоритъ Вайцъ,—видя передъ собой большое количество дичи, приходитъ въ остервененіе, онъ съ удовольствіемъ убиваетъ и уничтожаетъ дичь обыкновенно совершенно понапрасну, ибо онъ потребляетъ только лучшіе куски, да и то далеко не все, если добыча велика: поэтому-то охотничьи племена нуж-

---

[1]) Waitz-Gerland. I. p. 347.

[2]) Спенсеръ, стр. 68.

[3]) Спенсеръ. I, стр. 66—67. Ratzel I. Einl. p. 86—7.

даются въ огромномъ пространствѣ земли и несмотря на это они все таки часто страдаютъ отъ голода, ибо бережливое отношеніе къ дичи имъ столь же чуждо, какъ вообще сохраненіе запасовъ. Сотая часть животныхъ, убиваемыхъ зулусами, была бы болѣе чѣмъ достаточна для ихъ прокормленія. Нужда еще усиливается и случаи ея наступленія учащаются вслѣдствіе того, что беззаботность относительно будущаго, несмотря на перенесенныя голодовки, крайне велика и съѣстные припасы не сберегаются. Нѣкоторые народы ежегодно испытываютъ голодъ и тѣмъ не менѣе они не дѣлаютъ никакихъ запасовъ и не воздѣлываетъ полей“ [1]). Такимъ образомъ первобытный человѣкъ не имѣетъ представленія ни о тѣхъ потребностяхъ, которыя должны появиться въ будущемъ, хотя бы даже въ очень близкомъ будущемъ, ни о тѣхъ лишеніяхъ, которыя онъ перенесъ, вслѣдствіе невозможности удовлетворенія этихъ потребностей въ прошломъ, даже въ очень недавнемъ прошломъ: потребности настоящей минуты, удовольствія, испытываемыя въ настоящее время, вытѣснили и то и другое представленіе. Отсюда постоянная смѣна изобилія и голода; то что осталось отъ пиршества, не сохраняется, ибо въ данную минуту оно никому не нужно.

Какъ извѣстно, индѣйцы совершенно истребили огромныя стада буйволовъ, которыми изобиловала Сѣверная Америка. При этомъ массу убитыхъ животныхъ они просто бросали, зимою же, когда выпадалъ глубокій снѣгъ, страдали отъ сильнѣйшаго голода, такъ что вынуждены были ѣсть древесную кору и траву [2]). Въ 1831 году близъ факторіи Іорка на сѣверѣ Америки—разсказываетъ Симпсонъ—произошло расточительное избіеніе оленей. Туземцы взяли часть мяса для немедленнаго потребленія, но тысячи тѣлъ были пущены по теченію, заражая своимъ гніеніемъ берега или плавая по Гудсонову заливу и служа пищей морскимъ птицамъ и полярному медвѣдю. Какъ будто въ видѣ мести за эту варварскую бойню, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти, олени послѣ того ни разу не являлись въ столь значительномъ количествѣ [3]). И бушмены поступаютъ

[1]) Waitz. B. I. p. 349—350.

[2]) Bücher. p. 22.

[3]) Зиберъ, стр. 162.

подобнымъ же образомъ: когда имъ удается пригнать стадо скота, скотъ убивается въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно въ данное время, причемъ мясо убитыхъ животныхъ не сохраняется, а гніетъ и заражаетъ воздухъ. Колонисты, преслѣдующіе бушменовъ, узнаютъ мѣста ихъ расположенія по стаямъ коршуновъ, носящихся надъ ними [1]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такое безразсудное отношеніе къ богатствамъ природы сохраняется у первобытнаго человѣка и тогда, когда онъ вступаетъ въ торговый обмѣнъ съ другими племенами и народами, что онъ и тутъ уничтожаетъ богатства страны, какъ это дѣлаетъ и при отсутствіи обмѣна. Если индѣйцы истребляли буйволовъ въ огромномъ количествѣ и до появленія англичанъ въ Сѣверной Америкѣ, то понятно, что они убивали массу животныхъ и ради продажи ихъ шкуръ англійской торговой компаніи. Въ началѣ XIX вѣка сбывалось ежегодно около ста тысячъ шкуръ, что составляло всего третью часть убитыхъ буйволовъ. Результатомъ этого явилось то, что буйволы стали все болѣе и болѣе удаляться на сѣверъ, индѣйцы же лишились средствъ пропитанія, ибо всѣ свои потребности они удовлетворяли посредствомъ мяса и шкуръ этихъ животныхъ. [2]) Точно также, какъ указываетъ Погге, африканскія племена истребляютъ слоновъ и каучуковое дерево, уничтожая и то и другое въ огромномъ количествѣ ради сбыта слоновой кости и каучука европейскимъ купцамъ. [3]) Такая же эксплоатація природныхъ богатствъ происходитъ среди нашихъ инородцевъ въ Сибири, подъ вліяніемъ обмѣна съ русскими торговцами. Почти окончательно истребленъ дикій сѣверный олень въ тундрахъ сѣвера, число одомашненныхъ оленей сильно уменьшилось. Темно-голубой песецъ, котораго еще такъ недавно было очень много на Командорскихъ островахъ теперь окончательно исчезъ. Число моржей и сивучей сильно уменьшилось. На Алтаѣ стало значительно меньше мараловъ, косуль и др. а въ Амурскомъ краѣ—выдръ.

---

[1]) Зиберъ, стр. 165—166.

[2]) Waitz. III. p. 86—87.

[3]) Pogge. Im Reiche des Muata Iamwo. p. 27.

Бобры вывелись изъ многихъ сибирскихъ рѣкъ и уцѣлѣли почти только морскіе бобры въ Камчаткѣ. Исчезъ почти повсюду лось, исчезаетъ соболь... За послѣднее время уменьшились даже повидимому неисчерпаемыя рыбныя богатства Сибири. Та же судьба постигаетъ и промысловыхъ птицъ, какъ рябчики, тетерева, глухари и др., которыя погибаютъ и въ страшныхъ лѣсныхъ пожарахъ, и истребляются во множествѣ для вывоза въ Россію и даже за границу. [1]).

Всѣ эти природныя богатства — буйволы въ Америкѣ, олени и тюлени у эскимосовъ, бобры и лоси въ Сибири, рыба въ Полинезіи, слоны въ Африкѣ, словомъ вообще все, что служитъ для удовлетворенія потребности въ пищѣ, имѣетъ въ глазахъ туземцевъ весьма мало значенія и они охотно отдаютъ это въ торговлѣ въ большомъ количествѣ. Голодъ ихъ утоленъ и поэтому въ данную минуту всѣ эти предметы не могутъ представлять никакой важности и, отдавая ихъ за другіе предметы, они не могутъ придавать имъ значенія. Любопытенъ въ этомъ отношеніи также фактъ, сообщаемый Лаба о караибахъ. „Купить у нихъ цыновки передъ тѣмъ, какъ они ложатся спать, нечего и думать,—не продадутъ ни за какую цѣну, потому что понимаютъ ихъ значеніе; совсѣмъ другое дѣло утромъ: тогда они не размышляютъ о пользѣ цыновокъ—предусмотрительность ихъ не настолько велика—и они отдадутъ ихъ вамъ за всякую цѣну“. [2]) Іолофы продаютъ во время жатвы различные предметы, которые имъ приходится вновь пріобрѣтать по болѣе дорогимъ цѣнамъ во время посѣва, [3]) а жители Новаго Южнаго Уэльса сбываютъ пойманную въ изобиліи рыбу за нѣсколько пенсовъ, впослѣдствіи же вынуждены ѣсть шкуры давно убитыхъ животныхъ [4]). Подобно тому, какъ первобытный человѣкъ не отдастъ цыновки передъ сномъ, не отдастъ пищи,

---

[1]) Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Спб. 1905. стр. 105.

[2]) Зиберъ, стр, 372.

[3]) Vierkandt. Die wirtschaftlichen Verhältnisse der Naturvölker Zeitschrift. für Sozialwiss. 1899. p. 87.

[4]) Берлинъ, стр. 71.

когда онъ голоденъ, онъ, вообще, не разстанется съ своими украшеніями, ибо они нужны ему всегда, во всякое время. Какъ въ Меланезіи, такъ и въ центральной Африкѣ и въ южной Америкѣ многіе предметы, употребляемые туземцами, невозможно пріобрѣсти ни за какую цѣну; сюда относятся преимущественно всевозможныя украшенія [1]). Вслѣдствіе этого количество предметовъ обмѣна очень незначительно, сюда входятъ только тѣ предметы, въ которыхъ дикарь въ данное время не нуждается и поэтому не придаетъ имъ почти никакого значенія. То, что нужно ему самому, то, что удовлетворяетъ потребности, существующія и въ настоящее время, то вовсе не отдается.

Точно также и предметы, пріобрѣтаемые въ первобытной торговлѣ, ограничиваются немногими категоріями. Это съ одной стороны различныя опьяняющія и одурманивающія вещества, какъ водка, вино, табакъ и т. п., а съ другой стороны всевозможныя вещи, служащія украшеніями у первобытныхъ народовъ, какъ-то: матеріи яркихъ цвѣтовъ, птичьи перья, кусочки желѣза, гвоздики, зеркальца, цвѣтныя бусы и т. под. металлическія или стеклянныя издѣлія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дикари пріобрѣтаютъ инструменты, какъ напр. топорики, маленькія пилы, ножики и т. под., эти предметы являются для нихъ скорѣе игрушками, чѣмъ орудіями, почему на ихъ внѣшность обращается большое вниманіе. Предводители африканскихъ племенъ, выпрашивавшіе у путешественниковъ часы, компасы и другіе еще болѣе сложные приборы, обыкновенно не имѣли никакого представленія объ употребленіи этихъ предметовъ и о пользѣ приносимой ими. Только ружья и порохъ они дѣйствительно вымѣниваютъ для стрѣльбы. Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ пріобрѣтаемыхъ предметовъ различныя потребности идутъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ располагаетъ современный человѣкъ. Въ настоящее время мы наиболѣе высоко цѣнимъ тѣ предметы, которые необходимы для под-

---

[1]) Bücher. Wirtschaft der Naturvölker p. 31. Частною собственностью бразилецъ признаетъ у мужчинъ оружіе и украшеніе, у женщинъ— украшенія и платье, которое для нихъ впрочемъ также составляетъ лишь предметъ украшенія (поскольку оно вообще имѣется); и эти именно предметы бразилецъ ни въ какомъ случаѣ не отдастъ, вымѣнять ихъ невозможно. (Зиберъ, стр. 175).

держанія жизни, далѣе для подкрѣпленія силъ и сохраненія работоспособности, т. е. изъ всѣхъ потребностей для насъ стоитъ выше всего потребность въ пищѣ, затѣмъ слѣдуетъ потребность въ одеждѣ и жилищѣ; менѣе всего мы придаемъ значенія предметамъ роскоши и украшенія. Въ первобытной торговлѣ предметы, удовлетворяющіе важнымъ потребностямъ жизни и здоровья, вовсе не пріобрѣтаются, остаются только предметы украшенія и удовольствія, которымъ первобытный человѣкъ придаетъ огромное, чрезмѣрное значеніе. Иначе говоря, потребность въ этихъ вещахъ, не имѣющихъ для благосостоянія человѣка никакого значенія, у нихъ крайне интенсивна. „Какъ ни велико тщеславіе, обнаруживаемое цивилизованнымъ человѣкомъ,—говоритъ Спенсеръ—оно все-таки уступаетъ тому, которое обнаруживаетъ человѣкъ нецивилизованный. Красная краска и морскія раковины, просверленныя такъ, чтобы онѣ могли служить подвѣсками, найденныя вмѣстѣ съ другими слѣдами человѣка въ Дордонскихъ пещерахъ, показываютъ намъ, что даже въ то отдаленное прошлое, когда сѣверный олень и мамонтъ обитали еще въ южной Франціи, люди стремились уже привлекать къ себѣ восхищенный взглядъ другихъ посредствомъ раскрашиванія и украшеній. Самоукрашеніе занимаетъ мысли какого-нибудь дикаго вождя еще въ большей степени, чѣмъ мысли какой-нибудь свѣтской дамы нашихъ дней. Это доказывается той покорностью, съ которой дикарь подчиняется продолжительнымъ и много разъ повторяющимся мученіямъ, связаннымъ съ татуированіемъ, а также его терпѣливостью по отношенію къ тѣмъ мученіямъ и неудобствамъ, которыми сопровождается растяженіе нижней губы посредствомъ вставленнаго въ нее куска дерева, или ношеніе камней, продѣтыхъ сквозь отверстія, продѣланныя въ щекахъ, или продѣваніе перьевъ черезъ носъ“ [1]). Разъ человѣкъ подвергаетъ себя мученіямъ ради продѣванія и прикрѣпленія украшеній, то очевидно, что эти украшенія онъ оцѣниваетъ очень высоко, что его потребность въ нихъ очень интенсивна.

У дикаря,—говоритъ Ратцель,—на первомъ планѣ стоитъ удовлетвореніе желанія нравиться; относительно мно-

[1]) Спенсеръ. Соціологія, I. стр. 72.

тихъ дикарей можно сказать безъ преувеличенія, что большая часть ихъ помысловъ и ихъ дѣйствій направлена на украшеніе своего тѣла. Мода у нихъ играетъ еще большую роль, чѣмъ у культурныхъ народовъ. Бѣднѣйшій бушменъ дѣлаетъ себѣ браслетъ изъ куска кожи и никогда не забываетъ надѣть его; но онъ не всегда помнитъ надѣть свою шкуру, имѣющую видъ передника... Украшенія настолько выступаютъ на первый планъ, что многіе этнографы усматриваютъ происхожденіе одежды изъ украшеній, находя невозможнымъ провести границу между первой и вторыми... Даже у народовъ, стоящихъ на сравнительно болѣе высокой ступени культуры, цѣлью одежды является, повидимому, украшеніе тѣла и обращеніе на себя вниманія, а не прикрытіе тѣла отъ холода или удовлетвореніе чувства стыдливости (Мозли)“ [1]).

Потребность тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ менѣе она удовлетворена, первая потребность даннаго рода наиболѣе интенсивна. Отношеніемъ между тѣмъ значеніемъ, которое придается наиболѣе важной потребности и тѣмъ значеніемъ, которое придается деньгамъ или другимъ предметамъ, отдаваемымъ взамѣнъ, и опредѣляется наибольшая цѣнность предмета для потребителя; эта цѣнность составляетъ максимумъ цѣны, ибо если цѣна стоитъ выше этого уровня, то потребитель платитъ за данный предметъ больше, чѣмъ онъ оцѣниваетъ наиболѣе важную потребность, удовлетворяемую этимъ предметомъ. До этого уровня можетъ дойти торговецъ при опредѣленіи цѣны, и этотъ уровень въ первобытной торговлѣ былъ крайне высокъ, ибо, какъ мы видѣли, потребностямъ, удовлетворяемымъ при помощи пріобрѣтаемыхъ предметовъ, дикари придаютъ чрезмѣрное значеніе, а съ другой стороны, отдаваемые ими въ уплату собственные продукты имѣютъ въ ихъ глазахъ очень мало значенія. Если мы представимъ высшій уровень цѣнности предмета, который является максимальнымъ предѣломъ цѣны, въ видѣ дроби, то числитель—получаемое, окажется огромнымъ, знаменатель же, отдаваемое, крайне незначительнымъ, въ результатѣ, слѣдовательно, получится очень боль-

[1]) Ratzel. I. Einleitung p. 63. Относительно роли одежды см. также Westermarck.

шое число. Минимальный уровень цѣны даннаго предмета составляютъ расходы торговца на пріобрѣтеніе его: ниже ихъ цѣна стоять не можетъ, такъ какъ иначе продавецъ не только не извлекалъ бы прибыли, а, наоборотъ, торговалъ бы еще съ убыткомъ для себя. Между этими двумя границами и находится всегда цѣна, и чѣмъ выше она, тѣмъ больше прибыль, получаемая торговцемъ на каждой единицѣ товара, ибо прибыль равняется разницѣ между минимумомъ цѣны—расходами торговца и дѣйствительной цѣной, выручаемой въ торговомъ обмѣнѣ.

То обстоятельство, на какомъ разстояніи отъ высшаго уровня цѣнности (или цѣнности потребленія, какъ мы будемъ называть это верхнюю границу цѣны), съ одной стороны, и отъ расходовъ продавца (или цѣнности производства), съ другой стороны, остановится цѣна, — зависитъ отъ положенія и силы сторонъ на рынкѣ или точнѣе, отъ того, какимъ принципомъ вынужденъ руководствоваться продавецъ при сбытѣ своихъ товаровъ. Дѣло въ томъ, что слѣдующія конкретныя потребности, удовлетворяемыя потребителемъ при помощи одного и того же предмета, цѣнятся имъ ниже первой, наиболѣе важной потребности, и чѣмъ болѣе удовлетворена (вообще) данная потребность тѣмъ меньше значенія имѣетъ для него пріобрѣтаемый предметъ, тѣмъ ниже та цѣна, которую онъ согласенъ уплатить за него. Желая сбыть большое количество товаровъ, продавецъ вынужденъ поэтому довольствоваться меньшей цѣной и менѣе высокой прибылью на каждую единицу товара, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда количество сбываемаго имъ товара незначительно по сравненію съ существующимъ на него спросомъ; ибо въ первомъ случаѣ тотъ же товаръ долженъ удовлетворять и менѣе важныя потребности, во второмъ случаѣ—лишь тѣ, которыя имѣютъ для потребителя наибольшее значеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ продавецъ можетъ довести цѣну до ея высшаго предѣла, до уровня цѣнности потребленія. Отъ него, слѣдовательно, отъ его силы на рынкѣ зависитъ то обстоятельство, насколько полно удовлетворяются потребности населенія. Въ первобытной торговлѣ торговцы занимаютъ, какъ мы видѣли выше, монопольное положеніе на рынкѣ; въ той мѣстности, гдѣ занимается торговлей то или другое племя, гдѣ появляется

купеческій караванъ, онъ не встрѣчаетъ конкурентовъ. Онъ имѣетъ, слѣдовательно, полную возможность ограничивать количество сбываемыхъ товаровъ, доставлять лишь такое количество на рынокъ, которое способно было бы удовлетворять только наиболѣе важныя, наиболѣе интенсивныя потребности населенія, и требовать за нихъ соотвѣтствующую интенсивности этихъ потребностей цѣну, т. е. высшую цѣну, какую покупатель въ состояніи уплатить при томъ условіи, чтобы онъ имѣлъ какую либо, хотя бы лишь минимальную субъективную выгоду отъ мѣноваго акта.

Что выгода, извлекаемая первобытнымъ человѣкомъ изъ торговаго обмѣна, не можетъ быть значительна, что цѣна должна равняться цѣнности потребленія, это мы поймемъ, если примемъ во вниманіе, что вступая въ обмѣнъ, онъ съ одной стороны очень мало обдумываетъ совершаемый имъ актъ, а съ другой стороны ставитъ себя въ очень невыгодное положеніе, рѣзко выражая всѣ свои чувства и мысли. Его любопытство, раздражительность и пылкость характера, отсутствіе сдержанности и самообладанія сильно вредятъ ему, ибо—какъ справедливо замѣчаетъ Рошеръ—при обмѣнѣ, какъ и при всякой борьбѣ, самоувѣренность, даже совершенно неосновательная, является важнымъ моментомъ, ведущимъ къ побѣдѣ [1]). Довольно долго обмѣнъ на рынкѣ еще сохраняетъ групповой характеръ, такъ что мѣновой актъ является выраженіемъ взглядовъ и потребностей цѣлой группы лицъ, имѣетъ соціальную окраску. Кукъ жалуется на то, что на островахъ Товарищества обмѣнъ происходитъ крайне медленно: когда мы что либо предлагали туземцамъ,—говоритъ онъ,—никто изъ нихъ не рѣшался пріобрѣсти тотъ или другой предметъ на собственный страхъ и рискъ, а сначала спрашивалъ мнѣніе 20—30 человѣкъ, что отнимало конечно много времени [2]). На островахъ Шамиссо (полярныя страны) туземцы также сначала показываютъ вымѣниваемые предметы кому либо другому, обыкновенно старой женщинѣ, лишь послѣ этой процедуры пріобрѣтаютъ ихъ [3]). И на рѣкѣ Нигеръ старая

---

[1]) Roscher. Nationaloekonomik. I. 14 Aufl. p. 229.
[2]) Sartorius. p. 59.
[3]) Klemm. II. p. 301.

женщина руководила всѣмъ обмѣномъ [1]). Ливингстонъ также разсказываетъ, что негры, продававшіе клыки слона, предварительно обсуждали между собою предлагаемую имъ цѣну и долго совѣщались по поводу продажи ихъ. [2]). Но и тамъ, гдѣ нѣтъ групповаго обмѣна, сохраняются остатки его въ видѣ тѣхъ совѣтовъ и указаній, которые даются присутствующими на рынкѣ, вмѣшивающимися въ происходящій между двумя лицами торгъ. Однако это вмѣшательство приноситъ уже мало пользы, оно часто только мѣшаетъ надлежащимъ образомъ обдумать совершаемый актъ обмѣна.

Посмотримъ какъ происходитъ обмѣнъ на рынкѣ у различныхъ народовъ, въ какихъ пропорціяхъ обмѣниваются предметы, какъ устанавливается цѣна ихъ.

Еще Васко да Гама былъ пораженъ тѣмъ, что негры отказывались принять у него золото и серебро, требуя бусовъ и тому подобныхъ бездѣлушекъ. Въ этомъ отношеніи характеръ негра до сихъ поръ не измѣнился. Больно и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно смотрѣть на то выраженіе удивленія и желанія, которое появляется на его лицѣ при видѣ этихъ вещей. И тѣмъ не менѣе онѣ являются для него лишь игрушкой. Пожертвовавъ своей козой или хлѣбомъ, чтобы стать счастливымъ обладателемъ нитки бусовъ, онъ надѣваетъ ее на шею и носитъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, но затѣмъ снова старается обмѣнять ее на что либо иное [3]). Вообще негръ, хотя онъ вовсе не стоитъ на самой первобытной ступени развитія, и въ настоящее время готовъ отдать все что угодно изъ своего имущества, какъ бы важно оно ни было для его существованія, если онъ можетъ получить за это блестящую вещицу, которая бросается ему въ глаза [4]). Въ Хартумѣ купцы обмѣнивали мыло, стеклянныя бусы, амулеты на быковъ, овецъ и рабовъ [5]). Подобно негру, и кафръ большой охотникъ до обмѣна. Онъ охотно продаетъ свою дочь, не обращая никакого вниманія на ея склонность, и скоро забываетъ измѣну жены, если за это получаетъ нѣсколько

---

[1]) Schurtz. p. 123.
[2]) Ratzel. I. 193.
[3]) Ratzel. I. p. 198.
[4]) Bücher. Entstehung. p. 25.
[5]) Letourneau. стр. 31.

коровъ. Продавецъ на рынкѣ,—разсказываетъ Лихтенштейнъ,—лишь съ трудомъ справлялся съ ними, ибо въ то время какъ онъ мѣнялся съ однимъ, являлся другой и заявлялъ, что его товаръ лучше и онъ готовъ отдать его дешевле—послѣднее онъ выражалъ на указательномъ пальцѣ: на кусокъ меньше. Всѣ они повидимому боялись, что наши запасы выйдутъ и они ничего не получатъ. При этомъ они имѣли крайне смутное представленіе о торговомъ обмѣнѣ; получивъ табакъ требуемой ими величины за кольцо, они выражали свое неудовольствіе, желая большій кусокъ (папушу), когда и послѣдній оказывался въ ихъ рукахъ, они все еще не были удовлетворены [1]). Левальякъ, путешествовавшій среди готтентотовъ, разсказываетъ съ наивной откровенностью, какую выгоду онъ извлекъ изъ обмѣна съ ними. За нѣсколько окурковъ сигаръ онъ вымѣнивалъ прекрасныя цыновки, за маленькіе ножички, табакъ и т. п. мелочи онъ покупалъ упряжныхъ быковъ [2]).

Гренландцы—разсказываетъ Кранцъ—могутъ отдать самую полезную вещь за понравившуюся имъ безполезную, а если имъ предложить за плохую вещь, которая имъ нравится, самую лучшую, они ее не возьмутъ. Купцамъ гренландцы продаютъ мѣха лисицъ и шкуры тюленей, въ особенности же жиръ, изъ за котораго собственно и происходитъ вся торговля. За это они берутъ не деньги, которыя у нихъ не имѣютъ цѣнности, а различныя бездѣлушки, ибо имъ рѣшительно безразлично, повѣсить ли на шею золотую монету или пфеннигъ, бусы или бриліантъ. Деньги и бусы интересуютъ ихъ лишь потому, что они блестятъ; неоднократно они вымѣнивали украденный испанскій талеръ или гинею за пару зарядовъ пороху или за пачку табаку. Напротивъ желѣзо они цѣнятъ вслѣдствіе приносимой имъ пользы: они пріобрѣтаютъ у купцовъ по установленной цѣнѣ желѣзо для стрѣлъ, пилы, буравы, струги и иголки [3]). Восточные эскимосы обмѣнивали жиръ, китовый усъ, тюленьи шкуры, оленьи рога и кожи на маленькія пилы, ножи, гвозди, жестяные котлы и булавки. „Пріятно было видѣть ихъ ра-

[1]) Klemm. III, 308—309.
[2]) Летурно, стр. 16.
[3]) Klemm. II. 299—301.

дость и слышать восторженные крики всѣхъ эскимосовъ, когда кто-нибудь изъ нихъ вымѣнялъ какой-либо предметъ". Франклинъ давалъ имъ стеклянные бусы, кремень, ножи за рыбу [1]).

Наши сибирскіе купцы посылаютъ осенью своихъ довѣренныхъ съ залежавшимися грошевыми товарами по киргизскимъ степямъ для обмѣна гнилыхъ товаровъ на овецъ. Киргизъ отдаетъ овцу за нѣсколько аршинъ яркаго и линючаго ситца, который въ Россіи, если вообще найдетъ себѣ сбытъ, можетъ быть проданъ не болѣе, чѣмъ за 15—20 коп., причемъ киргизъ обязуется еще на свой счетъ прокормить овцу въ теченіе цѣлой зимы и сдать ее въ цѣлости къ веснѣ [2]). Русскіе купцы—разказываетъ г. Кулаковъ,—привозятъ къ инородцамъ такъ называемый остяцкій товаръ, который пріобрѣтается только для продажи остякамъ и самоѣдамъ и отличается низкимъ качествомъ и высокой цѣной. Этотъ товаръ—муку, хлѣбъ, чай, сахаръ соль, холстъ, ситцы, мѣдныя украшенія и пуговицы и т. д. они обмѣниваютъ на рыбу и пушнину настолько невыгодно для инородцевъ, что въ конецъ обезцѣниваютъ продукты ихъ труда [3]). Каждую весну въ русскіе поселки являются для торга остяки, побуждаемые къ покупкѣ привитою имъ русскими привычкой къ алкоголю, табаку, чаю и т. д. Всѣ эти товары дикарь можетъ добыть только у русскихъ продавцовъ [4]). При этомъ, „вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти у купца, который кладетъ произвольную цѣну, какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Эти спекуляторы изъ Обдорска, Березова и Тобольска цѣлое лѣто разгуливаютъ по р. Оби на своихъ судахъ, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, а потомъ отвозятъ ихъ въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Продавъ съ отличнымъ барышомъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы и съ радостной надеждой также выгодно

---

[1]) Ibid. II. 302—303.

[2]) Берлинъ, стр. 90.

[3]) Кулаковъ. Инородцы и инородческій вопросъ. „Русское Богатство". 1896. Дек. Стр. 82.

[4]) Берлинъ, стр. 98—99.

торговать съ инородцами и на будущій годъ. Такъ ведется торговля не одной мукой, а всѣми товарами, необходимыми для инородца". Вообще,—указываетъ Н. М. Ядринцевъ—цѣны на товаръ для остяка другія, чѣмъ для русскаго. Тутъ практикуется самое безцеремонное обмѣриваніе и обвѣшиваніе, спаиванье водкой, сбыванье гнилья всякаго рода [1]). „Наивность дикаря,—говоритъ тотъ же Н. М. Ядринцевъ по поводу торговли русскихъ съ алтайскими инородцами—его довѣрчивость, обольщеніе блестящими бездѣлушками и произвольныя цѣны, благодаря монополіи въ глухихъ мѣстахъ, благопріятствуютъ выгодѣ хозяина и продавца и невыгодѣ покупателя. При этомъ надо принять во вниманіе грубость и жадность торговца, а съ другой стороны—беззащитность и невѣжество дикаря. Торговля и спекуляція съ дикарями являются самымъ соблазнительнымъ занятіемъ окружающаго осѣдлаго населенія, а потому въ торговлю съ дикаремъ кинулись и русскіе зажиточные крестьяне, и кузнецкіе осѣдлые инородцы, нажившіе богатства; быстрое обогащеніе однихъ ведетъ къ обѣднѣнію другихъ и эта эксплоатація отражается тѣмъ бѣдственнѣе, чѣмъ бѣднѣе и ниже по развитію дикарь. Барыши на товары въ торговлѣ съ инородцами составляютъ 100 и 200 процентовъ" [2]).

Когда Колумбъ (Колонъ) открылъ островъ Гуанагани (Санъ-Сальвадоръ), онъ надѣлилъ туземцевъ побрякушками, стеклянными бусами, цвѣтными шапками и другими бездѣлушками. Отъ нихъ же онъ получилъ хлопчатобумажную пряжу, копья, попугаевъ. На островѣ Эспаньолѣ (Гаити) туземцы на сотнѣ лодокъ привозили Колумбу съѣстные припасы, маисовый хлѣбъ, корни, хлопокъ и золото. И чѣмъ дальше корабли подвигались къ востоку вдоль берега Гаити, тѣмъ большіе слитки золота и золотыя украшенія давали туземцы испанцамъ въ обмѣнъ за стеклянные бусы, побрякушки и т. под. мелочь. Одинъ изъ кораблей Колумба потерпѣлъ крушеніе около острова, корабль пришлось оставить, а товары, которыми онъ былъ нагруженъ, свезти на берегъ. Предводитель племени, кацикъ Гуаканагари выразилъ Колумбу свое сожалѣніе и явился къ нему на корабль, гдѣ былъ одаренъ рубашкой и парой перчатокъ.

[1]) Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, стр. 73. 86.
[2]) Ядринцевъ, стр. 81. 99.

Затѣмъ Колумбъ былъ у него съ визитомъ, и вновь обмѣнялся съ нимъ подарками. Обмѣнъ продолжался дальше, и вскорѣ Колумбъ вымѣнялъ такую массу золотыхъ украшеній, что благодарилъ Бога за то, что онъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ потерпѣлъ крушеніе [1]). Пинсонъ, управлявшій однимъ изъ кораблей Колумба „Пинтой", отдѣлился отъ него и также попалъ на островъ Гаити въ другомъ мѣстѣ. Онъ также вступилъ въ торговый обмѣнъ съ туземцами, у которыхъ получилъ слитки золота „въ два пальца толщиною" и даже куски золота въ кулакъ величиной въ обмѣнъ за булавочныя головки. Все вымѣненное золото Пинсонъ раздѣлилъ на двѣ части, одну онъ сохранилъ въ свою пользу, другую распредѣлилъ между экипажемъ [2]).

И впослѣдствіи сѣверо-американскіе индѣйцы отдавали 120 буйволовыхъ шкуръ за два куска шерстяной матеріи, восемь кварть рома и карманное зеркало [3]). Караибы поступаютъ при обмѣнѣ совершенно необдуманно, блескъ и внѣшность предмета производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе и они готовы отдать за нихъ все что угодно [4]). Какъ мы видѣли выше, южно-американскіе индѣйцы продаютъ дочь или сына за топоръ или ножикъ, за нѣсколько нитокъ стекляруса [5]). Французамъ индѣйцы отдавали рѣдкія перья, ожерелья, бразильское дерево, попугаевъ за топоры, ножи, сабли, зеркальца, гребенки и разныя стекляныя бездѣлушки [6]).

Полинезійцы особенно охотно пріобрѣтали всевозможныя желѣзныя издѣлія; нерѣдко они столь страстно жаждали получить желѣзо, которое до того времени имъ было совершенно неизвѣстно, что они пытались добыть его силой или обманомъ. Есть однако одинъ предметъ, который цѣнится туземцами еще выше желѣза—это красныя перья попугая, за нихъ можно получить все, что угодно, начиная отъ плодовъ и матерій и кончая женщинами. Одинъ вождь

---

[1]) Peschel. Das Zeitalter der Entdeckungen. 2. Aufl. Stuttgart. 1877. p. 158. 165—167

[2]) Peschel, Ibid. p. 169.

[3]) Waitz. B. Ш. p. 86.

[4]) Ibid. Ш. p. 379—380.

[5]) Зиберъ, стр. 381.

[6]) Летурно, стр. 55.

таитянъ, узнавъ, что Кукъ обладалъ этими драгоцѣнностями, явился къ нему на корабль съ женой и предлагалъ ее за нѣсколько перьевъ. Жена просила вмѣстѣ съ нимъ и всячески старалась склонить Кука на такую сдѣлку [1]). Въ Новой Зеландіи туземцы высоко цѣнятъ съ одной стороны топоры и ножи изъ желѣза, а также ружья, пистолеты и порохъ, а съ другой стороны всевозможныя украшенія—стеклянныя бусы, зеркальца, разноцвѣтныя ткани, галуны и все, что бросается въ глаза [2]). На гавайскихъ островахъ торговля является центромъ всей жизни. При этомъ, однако, туземцы обмѣниваютъ свои продукты только на нѣкоторые товары, на булавки, ножики и т. под., другими несравненно болѣе полезными вещами они вовсе не интересуются [3]). Сначала вниманіе жителей Маркезскихъ острововъ—разсказываетъ Маршанъ—возбудили гвозди. Они хотѣли получить только гвозди и не потому, что знали ихъ пользу и употребленіе: единственное назначеніе гвоздей заключалось въ ношеніи ихъ въ ушахъ, или въ видѣ украшенія на шеѣ и у пояса. За гвоздями послѣдовали небольшія зеркальца, за зеркальцами—свистки, за свистками — маленькіе ножи; но увлеченіе каждой изъ этихъ вещей было кратковременное, позже они обратили свои взоры на цвѣтные стеклянные шарики, которые затѣмъ также были брошены. Лента, кусокъ красной матеріи, какая нибудь игрушка имѣли большее значеніе въ ихъ глазахъ, чѣмъ топоръ, пила или иной инструментъ, которыми такъ интересуются племена Великаго Океана, стоящія на болѣе высокой ступени развитія и уже ознакомившіяся съ выгодой этихъ орудій для выполненія различныхъ работъ [4]). Человѣка незнакомаго съ Южнымъ Океаномъ — говоритъ Спрэй—сильно поражаетъ, какъ дикари Новой Гвинеи отдаютъ за нѣсколько кусковъ заржавленнаго желѣза или за нитку бусъ массу поясовъ, ожерелій и серегъ, результатъ продолжительнаго и тяжелаго труда. Цѣлый день шелъ обмѣнъ и замѣчательно, какъ пробуждалась алчность туземцевъ при видѣ нашихъ товаровъ, какъ они готовы были

[1]) Летурно, стр. 50.
[2]) Klemm. B. IV. p. 311.
[3]) Waitz-Gerland. VI. p. 455.
[4]) Зиберъ, стр. 373.

отдать все, что имѣли, за маленькіе топоры, ножи, бусы или куски желѣза. Шумъ и толкотня на суднѣ прямо не поддаются описанію, дикари не только болтали и кричали, но и испускали громкій и рѣзкій шипящій звукъ, который означалъ: „посмотри-ка скорѣй сюда“, чтобы привлечь вниманіе экипажа къ своимъ продуктамъ. Они выставляли на показъ свои лучшіе товары на концѣ копья, чтобы получить какое нибудь желѣзное кольцо, которое имъ особенно нравилось [1]). Тасманъ получилъ 40 свиней, 70 птицъ, массу растеній и кокосовыхъ орѣховъ за нѣсколько гвоздей и пару кусковъ холста [2]).

Приведенные нами факты убѣждаютъ въ томъ, что о трудѣ какъ о мѣрилѣ цѣнности въ первобытномъ обмѣнѣ и рѣчи быть не можетъ; количество затраченнаго въ производствѣ труда не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Индѣецъ—разсказываетъ Шомбургкъ—работаетъ лишь тогда, когда чувствуетъ охоту, но въ этомъ случаѣ онъ проводитъ многіе мѣсяцы надъ изготовленіемъ какого-нибудь лука; время не имѣетъ для него никакой цѣнности, и онъ охотно даетъ за пилу, за ножъ продуктъ многихъ часовъ труда [3]). У народовъ, стоящихъ на первобытной ступени развитія, „мальчикъ требуетъ за свой трудъ такое же вознагражденіе, какое получаетъ взрослый, человѣкъ, проработавшій всего одинъ часъ, расчитываетъ на ту же плату, какая дается тому, кто трудился цѣлый день [4]); въ эту эпоху люди не могутъ себѣ даже представить, чтобы количество затраченнаго труда, чтобы трудъ вообще могъ играть какую либо роль при установленіи цѣнности предмета или услуги Только незнакомствомъ съ данными этнографіи, съ экономическимъ бытомъ первобытныхъ народовъ можно себѣ объяснить утвержденіе классической школы политической экономіи, будто бы на первобытныхъ ступеняхъ культуры продукты обмѣниваются соотвѣтственно количеству воплощеннаго въ нихъ труда. „Въ первобытномъ, грубомъ состояніи общества—говоритъ Адамъ Смитъ — пред-

---

[1]) Зиберъ, стр. 372.
[2]) Sartorius. p. 45—46.
[3]) Зиберъ, стр. 158.
[4]) Bücher. Wirtschaft der Naturvölker p. 30.

шествующемъ скопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, единственнымъ мѣриломъ цѣнности является, какъ кажется, количество труда, необходимое для пріобрѣтенія этихъ предметовъ. Если, напримѣръ, у народа, живущаго звѣринымъ промысломъ, считается въ два раза труднѣе убить дикую козу чѣмъ бобра, то естественно, что бобръ будетъ обмѣниваться на двѣ козы, или будетъ стоить двѣ козы. Такимъ же образомъ естественно, что произведеніе двухдневнаго или двухчасоваго труда будетъ стоить вдвое противъ того, что изготовляется однодневнымъ или часовымъ трудомъ“ [1]). Это положеніе повторяетъ и Рикардо: „на первыхъ ступеняхъ общественной жизни— говоритъ онъ — мѣновая цѣнность предметовъ, производство которыхъ можетъ безгранично возрастать, или правило установляющее количество одного предмета, которое дается въ обмѣнъ за другой, зависитъ почти исключительно отъ сравнительнаго количества труда, употребленнаго на производство каждаго изъ нихъ“. Къ этому онъ прибавляетъ: даже въ томъ первобытномъ состояніи общества, о которомъ идетъ рѣчь у Адама Смита, дикарю-охотнику нуженъ нѣкоторый капиталъ, произведенный и накопленный, быть можетъ, имъ самимъ и дающій ему возможность убивать дичь. Безъ какого либо оружія нельзя убить ни бобра, ни дикой козы, а слѣдовательно цѣнность этихъ животныхъ опредѣляется не только трудомъ, необходимымъ на то, чтобы убить ихъ, но также и временемъ и трудомъ, потребными на доставленіе охотнику капитала, т. е. оружія, которое онъ употреблялъ для этого [2]). Въ такомъ видѣ эта теорія перешла и къ другимъ писателямъ классической школы, напр. къ Торренсу, Рамзэ, а у Мальтуса кромѣ труда и прибыль уже въ первобытныя времена оказываетъ большое вліяніе на мѣновую цѣнность предмета [3]). У Рикардо — замѣчаетъ по поводу этого иронически Марксъ—первобытный рыболовъ и первобытный охотникъ

---

[1]) Адамъ Смитъ, кн. I гл. VI. (Рус. пер. Бибикова, т. I. стр. 167).

[2]) Рикардо, гл. 1 отд. 1 и отд. 3. (Рус. пер. Зибера, стр. 2 и 9).

[3]) Torrens. Essay on the Production of Wealth. Ramsay. Essay on the Distribution of Wealth. Malthus. Principles of Political Economy. См. также Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію классической школы. Москва. 1901, стр. 169 и сл., 180–81 и 186.

въ качествѣ товаровладѣльцевъ обмѣниваютъ рыбу и дичь въ зависимости отъ воплощеннаго въ нихъ количества рабочаго времени. При этомъ онъ впадаетъ въ анахронизмъ, заставляя первобытныхъ охотника и рыболова пользоваться при вычисленіи цѣнности ихъ орудій производства биржевыми курсами лондонской фондовой биржи за 1817 годъ [1]).

Субъективная школа, придерживающаяся теоріи предѣльной полезности, (Джевонсъ, Вальра, Менгеръ, Бемъ-Баверкъ, Цукеркандль, Маршаль и др.) обыкновенно не останавливается на разсмотрѣніи характера первобытнаго обмѣна. Примѣръ Робинзона служитъ ей лишь для объясненія того, какъ производится субъективная оцѣнка предметовъ въ изолированномъ хозяйствѣ, въ которомъ вовсе нѣтъ обмѣна,—затѣмъ уже полученные при такихъ условіяхъ результаты непосредственно переносятся въ хозяйство, гдѣ происходитъ обмѣнъ. Эта школа, какъ извѣстно, утверждаетъ, что цѣнность предмета опредѣляется во всѣ времена и эпохи его предѣльной полезностью, т. е. тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ для человѣка наименѣе важная конкретная потребность, удовлетворяемая при данномъ запасѣ предметовъ. Она ставитъ цѣнность въ зависимость отъ того значенія, которое имѣетъ для потребителя данный предметъ, отъ важности той потребности, которая удовлетворяется при помощи этого предмета. Важность же потребности опредѣляется, во-1-хъ, тѣмъ значеніемъ, которое она имѣетъ для нашей жизни и нашего благосостоянія, и, во-2-хъ тѣмъ обстоятельствомъ, удовлетворена ли уже отчасти и насколько удовлетворена данная потребность. Поэтому не только различные предметы имѣютъ для насъ различную цѣнность, но и одинъ и тотъ же предметъ измѣняется въ цѣнности въ зависимости отъ того, удовлетворяется ли имъ впервые данная потребность, или же эта потребность въ общемъ уже удовлетворена, и онъ лишь содѣйствуетъ еще болѣе полному удовлетворенію ея („скала насыщенія“). Наиболѣе высокую цѣнность предмета, когда онъ удовлетворяетъ наиболѣе важную (конкретную) потребность, изъ тѣхъ, которыя онъ въ состояніи удовлетворять, мы и назвали выше цѣнностью потребленія. Эта послѣдняя составляетъ

[1]) Marx. Zur Kritik der politischen Oekonomie. Stuttgart. 1897. p. 43.

максимумъ цѣны, и на этомъ уровнѣ и находится цѣна въ первобытной торговлѣ. Субъективная теорія цѣнности, такимъ образомъ, удовлетворительно объясняетъ психологію потребителя въ торговомъ обмѣнѣ; необходимо лишь имѣть въ виду, что (какъ мы указали выше) различныя потребности въ головѣ дикаря, вступающаго въ обмѣнъ, располагаются въ моментъ обмѣна совершенно иначе, чѣмъ у современнаго европейца, что эти потребности слѣдуютъ въ совершенно иномъ порядкѣ, и тѣ потребности, которыя мы признаемъ наименѣе важными, стоятъ у него на первомъ планѣ.

Однако, субъективная теорія выясняетъ психологію одной лишь стороны—потребителя. Между тѣмъ цѣна есть результатъ борьбы, происходящей между двумя сторонами, покупателемъ и продавцомъ. Чѣмъ же руководствуется послѣдній, каковы мотивы его дѣятельности? Субъективная школа интересуется имъ лишь постольку, поскольку и онъ является потребителемъ, обмѣнивая свои товары на другіе предметы, служащіе ему также для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, т. е. поскольку происходитъ взаимный обмѣнъ предметовъ съ цѣлью личнаго потребленія; да и тутъ она имѣетъ въ виду одинъ лишь тотъ случай, когда отдаваемые при обмѣнѣ предметы могли бы быть потреблены и отдающимъ ихъ лицомъ, такъ что каждая сторона, пріобрѣтая одно, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ себя другого. Въ этомъ случаѣ, очевидно и одна и другая сторона производятъ сравненіе между тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ для нихъ, съ одной стороны, отдаваемое, а, съ другой стороны, получаемое, и результатомъ этого сравненія и является рыночная цѣна. Однако, какъ мы видѣли, уже въ первобытныя времена не только отдаются одними племенами другимъ предметы, въ которыхъ первыя совсѣмъ не нуждаются, но появляются и торговцы и цѣлыя торговыя племена, которыя вступаютъ въ торговый обмѣнъ исключительно ради извлеченія прибыли при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Нѣтъ надобности доказывать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ торговли этотъ случай, гдѣ на рынкѣ сталкиваются торговецъ и потребитель, гдѣ одна сторона имѣетъ въ виду лишь выручить прибыль, и только другая пріобрѣтаетъ предметы для удовлетворенія собственныхъ

потребностей,—становится типичнымъ и единственно-интереснымъ для экономической науки. Но субъективная школа останавливается на немъ лишь вскользь и выставляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто бы цѣна зависѣла исключительно отъ оцѣнки предмета потребителемъ, тогда какъ продавецъ играетъ чисто пассивную роль.

Максимумъ цѣны, дѣйствительно, опредѣляется потребителемъ оцѣнкой наиболѣе важной потребности, удовлетворяемой даннымъ предметомъ. Удовлетвореніе слѣдующихъ, менѣе важныхъ потребностей, какъ и болѣе полное удовлетвореніе той же потребности, имѣетъ для него уже меньшее значеніе и, слѣдовательно, обладая большимъ количествомъ предметовъ, удовлетворяющихъ потребности того же рода, онъ будетъ оцѣнивать каждый изъ этихъ предметовъ ниже, чѣмъ если бы онъ располагалъ меньшимъ числомъ продметовъ. Чѣмъ больше количество предметовъ, которые находятся въ его распоряженіи, тѣмъ ниже и цѣнность ихъ, ибо тѣмъ менѣе важны удовлетворяемыя при помощи ихъ потребности, и такъ какъ отъ обладанія всѣми этими предметами зависитъ удовлетвореніе наименѣе важной, но еще удовлетворяемой ими потребности, то ею опредѣляется—по ученію субъективной школы — оцѣнка предмета потребителемъ. Субъективная школа упускаетъ, однако, изъ виду, что количество предметовъ, которымъ располагаетъ потребитель, зависитъ уже не отъ него, а отъ продавца, что послѣднимъ регулируется снабженіе рынка, количество поступающихъ на рынокъ предметовъ, а, слѣдовательно, и то обстоятельо, насколько полно удовлетворяются потребности потребителей. При монопольномъ положеніи продавца на рынкѣ удовлетворяются лишь наиболѣе важныя потребности; при господствѣ конкурренціи среди лицъ, предлагающихъ свои товары—и гораздо менѣе важныя потребности; въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, предметы оцѣниваются потребителемъ высоко, во второмъ—значительно ниже. Такимъ образомъ, цѣна предмета зависитъ не только отъ оцѣнки потребителя, но и отъ организаціи производства и сбыта. Что же касается минимума цѣны, то онъ опредѣляется однимъ только продавцомъ, его расходами; если цѣнность потребленія оказалась бы ниже этихъ расходовъ, то изъ этого не

слѣдуетъ, что послѣдніе должны быть обязательно понижены, ибо техника производства и транспорта представляетъ собою въ каждый данный періодъ нѣчто вполнѣ опредѣленное; измѣняется она не годами, а десятилѣтіями и далеко не исключительно подъ вліяніемъ измѣненій въ психологіи потребителя. Точно также и въ случаѣ, когда при извѣстномъ уровнѣ техники удовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей оказывается невозможнымъ для потребителя, ибо цѣна превышаетъ ту пѣнность, которую имѣетъ для него данная потребность, то прежде всего сокращается производство, и потребности этого рода остаются неудовлетворенными; и лишь исподволь дѣлаются попытки сокращенія расходовъ производства, которыя, впрочемъ, далеко не всегда, и во всякомъ случаѣ не сразу приводятъ къ какимъ-либо результатамъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду и того обстоятельства, что при установленіи цѣнъ на рынкѣ имѣетъ значеніе не индивидуальная психологія отдѣльнаго лица, а соціальная психологія данной эпохи, соціальная психологія той группы лицъ, которая составляетъ большинство потребителей въ данную эпоху экономической жизни, оцѣнка предметовъ и въ особенности денегъ (или отдаваемыхъ взамѣнъ предметовъ) тѣмъ классомъ населенія, для котораго преимущественно предназначены тѣ или другіе предметы. Это относится опять-таки не къ однимъ лишь покупателямъ, но и къ другой сторонѣ—къ продавцамъ. И вліяніе послѣднихъ на цѣну товара выражается не въ одномъ лишь количествѣ товаровъ, которыми они снабжаютъ рынокъ, но и въ степени организованности предложенія на рынкѣ: то же количество товаровъ, сбываемое въ одномъ случаѣ многими конкурирующими между собою продавцами, а въ другомъ случаѣ находящееся въ рукахъ одного лица, оказываетъ далеко неодинаковое вліяніе на цѣну. Обращая вниманіе на одну лишь количественную сторону, субъективная школа не замѣчаетъ важной разницы, вызываемой перемѣнами въ соціальной психологіи торговаго класса въ различныя эпохи экономической жизни [1]).

[1]) Совершенно своеобразной точки зрѣнія придерживается одинъ изъ представителей субъективной школы—австрійскій экономистъ

Эти теоретическія разсужденія имѣютъ значеніе не только для пониманія цѣнъ въ первобытной торговлѣ; они будутъ служить намъ руководящей нитью при анализѣ цѣнъ въ послѣдующіе періоды экономической жизни.

Визеръ. Онъ утверждаетъ, что первобытный человѣкъ оцѣниваетъ предметы не въ зависимости отъ ихъ предѣльной полезности, подобно цивилизованному человѣку, а въ зависимости отъ затраченнаго на нихъ количества труда. Визеръ исходитъ изъ того положенія, что современный цивилизованный человѣкъ занятъ цѣлый день и поэтому каждый предметъ, который онъ отдаетъ или котораго лишается, оцѣниваетъ сообразно той пользѣ, которую онъ извлекъ бы посредствомъ труда въ теченіе послѣдняго часа, употребляемаго на удовлетвореніе наименѣе важныхъ потребностей, ибо этотъ послѣдній часъ онъ вынужденъ теперь потратить на то, чтобы вновь произвести тотъ предметъ, котораго онъ лишился. Наоборотъ дикарь обладаетъ большимъ количествомъ свободнаго времени и вслѣдствіе этого онъ оцѣниваетъ предметы не въ зависимости отъ интенсивности той или иной потребности, а сообразно тѣмъ непріятностямъ, которымъ онъ подвергается, будучи вынужденъ работать въ то время, когда онъ могъ бы сидѣть сложа руки. Отдавая какой-либо предметъ, онъ вынужденъ снова работать вмѣсто того, чтобы проводить время въ праздности. Обладаніе работоспособностью и пріобрѣтенной добычей не дѣлаетъ дикаря богатымъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, т. е. въ смыслѣ пользованія извѣстнымъ количествомъ предметовъ, а создаетъ у него пріятное сознаніе того, что нѣтъ надобности трудиться. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ дикарь нуждается, онъ оцѣниваетъ тотъ наиболѣе высоко, потеря котораго вызываетъ необходимость наибольшей затраты силъ для производства вновь такого же предмета. („Wieser. Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes". Wien. 1884. p. 107). Теорія Визера находится въ прямомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, съ тѣми фактическими данными, которыя мы привели выше, и это противорѣчіе есть результатъ того, что Визеръ, устанавливая теорію цѣнности для первобытныхъ народовъ, исходилъ однако изъ психологіи современнаго цивилизованнаго человѣка. Онъ измѣнилъ только внѣшнія условія: у цивилизованнаго человѣка нѣтъ свободнаго времени, тогда какъ у дикаря его очень много, остальныя же посылки остались тѣ же—первобытный дикарь разсуждаетъ такъ же, какъ современный человѣкъ. Поэтому-то выводъ, который получается у Визера, вовсе не можетъ быть примѣненъ къ оцѣнкѣ предметовъ первобытнымъ человѣкомъ, а показываетъ лишь, кака оцѣнивалъ бы предметы современный человѣкъ, если бы онъ располагалъ большимъ количествомъ свободнаго времени. Дикарь же (при этихъ обстоятельствахъ) разсуждаетъ совершенно иначе. Какъ мы видѣли выше, о будущемъ онъ вовсе не помышляетъ и не заботится, и поэтому отдавая какой-либо предметъ,

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Торговля и торговая прибыль въ древнемъ мірѣ.

I.

Какъ у современныхъ европейскихъ и не-европейскихъ народовъ [1]), такъ и въ древнемъ мірѣ торговлѣ предшествовалъ разбой; торговая прибыль возникла изъ обогащенія путемъ насильственныхъ дѣйствій. „Въ древности эллины и тѣ изъ варваровъ, которые жили на материкѣ близъ моря—читаемъ въ исторіи пелопонесской войны Ѳукидида—а равно всѣ обитатели острововъ обратились къ пиратству съ того времени, какъ стали чаще сноситься другъ съ другомъ по морю. Нападая на города, незащищенные, состоящіе изъ отдѣльныхъ поселеній, они грабили ихъ, большею частью такъ добывая себѣ средства къ жизни. Тогда занятіе это еще не почиталось постыднымъ, напротивъ, даже приносило нѣкоторую славу, доказательства чего представляютъ и теперь еще тѣ изъ обитателей материка, у которыхъ ловкость въ этомъ занятіи почетна, а также древніе поэты, которые вездѣ предлагаютъ пристающимъ къ берегу людямъ одинъ и тотъ же вопросъ: „не разбойники ли они“? ибо ни тѣ, которыхъ спрашиваютъ, не считаютъ это занятіе недостойнымъ, ни тѣ, которымъ желательно узнать, не вмѣняютъ

онъ совершенно не соображаетъ, сколько ему придется затратить усилій на то, чтобы произвести вновь такую же вещь, а имѣетъ лишь въ виду обладаніе тѣми блестящими бездѣлушками, которыя ему бросились въ глаза и которыя онъ желаетъ добыть во что бы то ни стало.

[1]) См. выше, стр. 9—10, 25—27, а также гл. третью, I.

его въ порокъ [1]). Впрочемъ, жители грабили другъ друга и на сушѣ, а во многихъ частяхъ Эллады до нашихъ дней существуетъ старинный способъ жизни, именно у локровъ отольскихъ, этолянъ, акарнановъ и у обитателей пограничнаго съ ними материка: самый обычай ношенія съ собой оружія остался у этихъ материковыхъ народовъ отъ занятія разбоемъ въ древности. Ничуть не меньше занимались разбоемъ и островитяне, именно кары и финикіяне, населявшіе большинство острововъ“ [2]). О финикіянахъ Геродотъ разсказываетъ слѣдующее. „По прибытіи въ Аргосъ съ египетскими и ассирійскими товарами они занялись распродажей своихъ товаровъ. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берегъ въ числѣ другихъ женщинъ дочь тамошняго царя Инаха по имени Іо. Расположившись у кормы, женщины покупали тѣ изъ товаровъ, которые наибольше нравились каждой изъ нихъ. Тогда финикіяне, согласившись между собою, кинулись на женщинъ; большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, но Іо вмѣстѣ съ нѣсколькими другими была захвачена финикіянами. Бросивши женщинъ на корабль, они отплыли къ Египту“ [3]). Такимъ образомъ, финикійскіе купцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и пиратами.

И у другихъ народовъ древняго міра торговля возникла изъ пиратства и грабежа во время войны и въ теченіе всего періода древней исторіи находилась въ тѣснѣйшей связи съ разбоемъ: купецъ очень легко превращался въ пирата. Шпекъ указываетъ на то, что и торговля Египта съ Сиріей и торговыя сношенія Вавилоніи съ другими странами развились изъ набѣговъ съ цѣлью грабежа. Точно также и торговлѣ Китая съ западными народами предшествовали

---

[1]) Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?
—спрашиваетъ Несторъ Телемака, а Циклопъ Одиссея (Одиссея, III. 71 и IX. 252). Пер. Жуковскаго.

[2]) Θукидидъ. Исторія полопоннесской войны въ восьми книгахъ. Кн. I, гл. 5 и 8. (Русск. пер. Мищенка. Т. I. Москва. 1887, стр. 38—40).

[3]) Геродотъ. Кн. I, гл. 1. (Русск. пер. Мищенка. Т. I, стр. 1—2).

военныя нападенія [1]). Среди арабовъ вплоть до появленія ислама происходили постоянныя войны, одни племена нападали на другія, грабили и убивали; торговля замѣнялась насильственными дѣйствіями, мирнаго обмѣна арабы не признавали, купцовъ они презирали [2]). „Подъ покровомъ пиратства—говоритъ Моммзенъ—возникла торговля этрусковъ, и это соединеніе оптовой торговли съ каперствомъ привело къ той безумной и страшной роскоши, которая скоро убила всѣ силы Этруріи“ [3]). Подобно современнымъ австралійскимъ и африканскимъ народамъ и древніе народы—финикійцы, египтяне, вавилоняне, греки придерживались принципа—вступать въ торговый обмѣнъ при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ племенемъ и прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ болѣе слабымъ [4]). Таковы были въ особенности всѣ торговыя предпріятія финикіянъ Какъ современные малайцы и негры [5]), такъ и финикіяне были одновременно рыболовами, купцами и пиратами; будучи искусными мореплавателями, они умѣли пользоваться скоростью своихъ судовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль не достигалась обманомъ и хитростью, прибѣгали къ вѣками испытанному средству—къ грубой силѣ [6]).

Такой же характеръ имѣла, наконецъ, и римская торговля. Какъ указываетъ Іерингъ, въ римскомъ правѣ сохранились ясные слѣды того, что торговля возникла изъ насилія. И у другихъ народовъ сила явилась источникомъ права, но позднѣйшее право уже ничего не говоритъ намъ о своемъ первоначальномъ происхожденіи; оно является какъ бы даннымъ человѣку божествомъ. Между тѣмъ въ римскомъ правѣ до самаго конца видно, какъ предки создали право съ помощью силы, видно, какъ первоначально всякій, кто не принадлежалъ къ данному очень ограниченному кругу лицъ, считался безправнымъ, и по отношенію къ нему допускались всякія насильственныя дѣйствія. „Рим-

---

[1]) Speck. Handelsgeschichte des Altertums. B. I. Die orientalischen Völker. Leipzig. 1900, p. 254. 393. 178.

[2]) Speck. I, p. 550.

[3]) Mommsen. Römische Geschichte. B. I. 6 Aufl. Berlin. 1874, p. 141.

[4]) Speck. I. p. 6. 19 и passim.

[5]) См. выше стр. 25—26.

[6]) Speck. I. p. 512.

лянинъ —продолжаетъ Іеринъ—пріобрѣталъ различные предметы посредствомъ capere, собственностью для него являлось то, что онъ взялъ въ руки, manucaptum, mancipium лишь впослѣдствіи собственность переходитъ посредствомъ передачи (trans datio, traditio); въ болѣе раннія времена переходъ собственности отъ одного римлянина къ другому и по формѣ и по содержанію разсматривается, какъ односторонній захватъ предмета со стороны лица, которое пріобрѣтаетъ его (mancipatio, manu capere). Брать—это единственно соотвѣтствующее представленію римлянина дѣйствіе, и въ латинскомъ языкѣ, при всей его бѣдности, мы находимъ цѣлый рядъ выраженій, которыя первоначально имѣли это значеніе. Emere обозначаетъ въ болѣе позднія времена „покупать“, но въ тѣхъ случаяхъ, когда римляне позднѣйшаго періода покупали, ихъ предки просто отнимали, ибо таково было первоначальное значеніе слова „emere“. Rapere впослѣдствіи имѣетъ такой же смыслъ, какъ „rauben“ по-нѣмецки, т. е. грабить, и rapina является деликтомъ однако, первоначально римляне не знали особаго преступленія грабежа, и rapere означало не болѣе какъ хватать, силою тащить, причемъ въ этомъ словѣ недозволенность дѣйствія не была выражена. Точно также языкъ не дѣлаетъ различія между тѣмъ случаемъ, когда кто-либо присваиваетъ себѣ непринадлежащую ему вещь и тѣмъ случаемъ, когда онъ насильственно овладѣваетъ ею; и то и другое называется occuparе. Изъ этихъ трехъ родовыхъ понятій emere, capere и rapere образовалась впослѣдствіи цѣлая масса производныхъ и сложныхъ словъ, которыя сильно расходятся въ своемъ значеніи; но тѣмъ болѣе любопытно то обстоятельство, что первоначально всѣ они имѣли одинаковый смыслъ, всѣ обозначали—брать, захватывать. Наиболѣе важнымъ случаемъ принудительнаго присвоенія предметовъ являлось пріобрѣтеніе ихъ въ качествѣ военной добычи; этотъ способъ пріобрѣтенія собственности считался, по словамъ Гая, наилучшимъ: maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent, говоритъ онъ. Вообще у всѣхъ молодыхъ, любящихъ войну народовъ насильственное отнятіе вещей у врага разсматривалось какъ почетное занятіе, между тѣмъ какъ торговля находилась въ презрѣніи, ибо она была тѣсно связана съ трусостью и обманомъ, почему и Меркурій

былъ одновременно и богомъ торговли и богомъ воровъ“ [1]).

Какъ ни различны по своему характеру грабежъ во время войны и дружественный торговый обмѣнъ, между ними все-таки существуетъ и тѣсная связь; одно влечетъ за собою другое. Какъ мы видѣли выше, во время войнъ и набѣговъ человѣкъ знакомится съ новыми мѣстами, съ новыми до того неизвѣстными ему предметами, и они вызываютъ въ немъ новыя потребности. Результатомъ возникновенія новыхъ потребностей, результатомъ того, что награбленные предметы успѣли войти въ употребленіе, могутъ быть, конечно, новыя войны, но можетъ быть и мирный обмѣнъ. Значеніе войнъ египетскаго царя Тутмеса—говоритъ Кеннингэмъ—заключалось въ томъ, что онѣ привели къ торговымъ сношеніямъ между Египтомъ и другими столь же культурными странами. Когда царство Тутмеса расширилось вплоть до Евфрата, оно пришло въ соприкосновеніе съ халдеянами. Благодаря плодородной почвѣ у устьевъ Евфрата, здѣсь возникло государство, обнаруживавшее въ своемъ политическомъ устройствѣ и въ своемъ интеллектуальномъ развитіи много сходства съ Египтомъ; но своими произведеніями эта страна сильно отличалась отъ Египта. Удачная война вызвала торговый обмѣнъ между обѣими странами. По словамъ Масперо, послѣ каждаго удачнаго похода въ Египетъ привозились цѣлые обозы награбленныхъ товаровъ и распредѣлялись среди населенія. Это возбуждало потребность въ сирійскихъ продуктахъ и такъ какъ добычи было недостаточно, чтобы покрыть возраставшій спросъ на эти товары, то и возникла оживленная торговля между Египтомъ и Халдеей—какъ сухопутная, такъ и морская, причемъ посредниками въ ней являлись различные народы, которыми эти страны отдѣлялись другъ отъ друга. Въ Египетъ привозились невольники, лошади для улучшенія туземныхъ породъ, неизвѣстныя египтянамъ животныя вродѣ слоновъ и медвѣдей, птицъ съ яркими перьями, строительные матеріалы, въ особенности лѣсъ, въ которомъ здѣсь ощущался недостатокъ, а также крашеныя расшитыя

---

[1]) Ihering. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. T. I. 2 Aufl. Leipzig. 1866, p. 107—111.

золотомъ матеріи, употребляемыя не столько въ качествѣ одѣяній, сколько для покрыванія мебели [1]).

Торговому обмѣну должно было предшествовать заключеніе мира. Римское право еще въ позднѣйшія времена исходитъ изъ того положенія, что Римъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ со всѣми другими народами, почему всѣ иностранцы безправны въ Римѣ, какъ и римляне, находясь внѣ своего отечества. Для того, чтобы могъ происходить торговый обмѣнъ съ другими странами, необходимо было заключеніе мира, ибо правами пользовались въ Римѣ лишь тѣ племена и народы, которые имѣли hospitium того или другого римлянина, слѣдовательно находились подъ его защитой, какъ это было первоначально, или которые заключили договоръ съ Римомъ, пріобрѣли hospitium publice datum, вступили въ foedus; только они могли пріѣзжать въ Римъ, не рискуя поплатиться за это жизнью или имуществомъ [2]). Подобнымъ же образомъ и финикіяне, основывая торговыя факторіи въ различныхъ странахъ Востока и Запада, прибѣгали первоначально къ институту гостепріимства, а впослѣдствіи стали заключать договоры; эти договоры имѣли обыкновенно силу лишь на опредѣленное время, такъ что ихъ необходимо было возобновлять каждый разъ, но въ теченіе этого срока финикійскіе купцы были защищены отъ насилій и произвола туземныхъ жителей [3]).

Въ знакъ заключенія мира происходилъ взаимный обмѣнъ подарковъ, изъ котораго постепенно возникалъ торговый обмѣнъ. Такъ, индусскіе князья, желая вступить въ торговыя сношенія съ Римомъ, отправляли пословъ съ дарами къ римскимъ императорамъ, обѣщая предоставить римскимъ купцамъ доступъ повсюду въ своей странѣ. Извѣстны четыре такихъ посольства—къ Августу, Клавдію, Геліогобалу, Юліану. А изъ Рамайаны видно, что и иноземные купцы, пріѣзжавшіе въ Индію, привозили подарки царю [4]). Царь ассирійскій Ашурубалитъ посылаетъ царю

---

[1]) Cunningham. An Essay on Western Civilisation in its economic aspect (ancient times). Cambridge. 1898. B. I Ch. 1. § 12. (русск. пер. Когана. Москва. 1892. I, стр. 31—32).

[2]) Ihering. I, p. 225—235.

[3]) Speck. I, p. 137, 512.

[4]) Speck. I, p. 162, 198.

вавилонскому Аменотепу IV въ видѣ подарковъ нѣсколько колесницъ, бѣлыхъ коней, печать, высѣченную изъ камня, очевидно, въ обмѣнъ за золото, подаренное его отцу [1]). Посолъ, отправленный въ южную Аравію (Пунтъ) египетской царицей Хнемтамунъ, которая желала вступить въ торговый обмѣнъ съ этой страной, также является съ дарами: предводители племенъ входятъ въ шатеръ египетскаго посла и здѣсь получаютъ хлѣбъ, пиво, вино, мясо, фрукты и другія прекрасныя вещи, привезенныя изъ Египта, согласно приказанію царицы [2]). Наконецъ, и китайскіе императоры во второмъ вѣкѣ до Р. Хр. посылаютъ людей съ дарами къ различнымъ племенамъ Запада, которые нѣкоторыми народами (напр., въ странѣ Анзи) принимаются очень гостепріимно, и послы въ свою очередь, возвращаются съ богатыми подарками. Съ этими народами и возникаютъ постоянныя торговыя сношенія посредствомъ купеческихъ каравановъ, которые ежегодно нѣсколько разъ совершаютъ путешествія ради торговыхъ цѣлей и нерѣдко въ составѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Есть свѣдѣнія о томъ, что еще въ XI ст. до Р. Хр. въ Китай явились послы изъ какой-то страны, которые въ обмѣнъ за доставленные ими подарки были одарены пятью колесницами; къ каждой колесницѣ была придѣлана фигура, которая всегда показывала рукой по направленію къ югу, для того, чтобы они могли найти путь домой. Изъ этого факта Клапротъ и умозаключилъ, что китайцамъ еще въ тѣ времена была извѣстна магнитная стрѣлка, что они уже тогда изобрѣли компасъ [3]).

Несмотря на заключенный миръ, народы относились подозрительно другъ къ другу и дѣйствительно имѣли всѣ основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій; ибо, какъ мы видѣли, и впослѣдствіи торговля была тѣсно связана съ грабежомъ и разбоемъ. Трудно было народамъ древняго міра отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій къ иноплеменникамъ, они слишкомъ вошли въ плоть и кровь и поэтому могли прекращаться лишь медленно и постепенно. Поэтому-то первоначальной формой обмѣна была—какъ мы видѣли

[1]) Ibid. I, p. 267.

[2]) Erman. Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, ohne Jahr, p. 676.

[3]) Speck. I, 182, 209.

выше [1])—нѣмая торговля, торговля съ „невидимыми покупателями". „Есть въ Ливіи страна—разсказываетъ Геродотъ—по ту сторону Геракловыхъ Столбовъ. Приходя туда для торговли, карѳагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводятъ дымъ. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Карѳагеняне выходятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же недостаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются, прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить карѳагенянъ. По словамъ карѳагенянъ, никогда одна сторона не обижаетъ другой: карѳагеняне никогда не прикасаются къ золоту прежде, чѣмъ по стоимости оно не равняется товару; равнымъ образомъ туземцы уносятъ съ собою товары только тогда, когда золото взято карѳагенянами" [2]). Любопытно, что подобный же родъ обмѣна путешественники встрѣчали у мыса Бланко еще въ XVII вѣкѣ, съ той только разницей, что теперь уже вымѣнивалось не золото, а табакъ, водка и сладости обмѣнивались на рыбу, доставляемую туземцами [3]).

Помпоній Мела сообщаетъ объ индійскомъ племени серовъ, живущемъ по ту сторону Гималая, которое „извѣстно примѣняемымъ имъ способомъ обмѣна: серы складываютъ свои товары въ уединенныхъ мѣстахъ и затѣмъ уходятъ" [4]). Плиній разсказываетъ о тѣхъ же серахъ, что „римскіе купцы въ торговлѣ съ ними кладутъ свои товары по другой сторонѣ рѣки, рядомъ съ товарами, сложенными серами для продажи, и серы берутъ товары римлянъ, если они считаютъ себя удовлетворенными" [5]). Если мы сопоставимъ описанія Плинія и Помпонія Мелы съ разсказами путешественниковъ, посѣщавшихъ азіятскія племена много сотъ лѣтъ спустя, то

---

[1]) См. выше, стр. 15. 19.

[2]) Геродотъ. Кн. IV, гл. 196. (Перев. Мищенко).

[3]) Letourneau. Une curieuse forme du commerce primitif. Bulletins de la societé d'anthropologie. T. VI. 1895. p. 268.

[4]) Помпоній Мела, кн. III, 7. Andrée. B. I. p. 14

[5]) Плиній. Historia Naturalis. VI. 22.

мы опять-таки увидимъ, какъ медленно измѣняются первобытные обычаи, какъ много должно пройти времени, пока нѣмая торговля переходитъ въ непосредственный обмѣнъ товаровъ на рынкѣ.

Эту форму обмѣна, составляющую—какъ мы указывали [1])—второй періодъ въ исторіи экономическихъ отношеній между народами, мы находимъ и въ торговыхъ сношеніяхъ другихъ народовъ древняго міра. Такой характеръ имѣла, напр., (по описанію Скилакса) торговля финикіянъ съ эѳіопами [2]), а также индусовъ съ греками: по словамъ Павзанія, индусы являлись въ Лакедемонію и клали на берегу привезенные съ собою товары, взамѣнъ положенныхъ греками товаровъ, которые они увозили [3]). Ѳеофрастъ разсказываетъ, что весь ладанъ, собираемый арабскимъ племенемъ сабеянъ складывается въ храмѣ бога солнца, который является самымъ священнымъ мѣстомъ для нихъ; тамъ онъ охраняется вооруженными арабами. Мирра и ладанъ раскладывается въ кучки и на особыхъ дощечкахъ обозначается мѣра и цѣна; затѣмъ приходятъ купцы отмѣриваютъ нужное имъ количество и оставляютъ деньги за взятый ими товаръ [4]). Приведемъ еще разсказъ, сообщаемый географомъ VI вѣка по Р. Хр. Косьмой Мореплавателемъ относительно торговаго обмѣна Эѳіопіи съ южными странами. Страна Зазу обладаетъ богатыми залежами золота. Король Аксума ежегодно посылаетъ туда людей для покупки золота. Къ нимъ присоединяется еще много другихъ купцовъ, такъ что составляется караванъ въ составѣ 500 человѣкъ и болѣе. Онъ везетъ съ собой быковъ, соль и желѣзо. Достигнувъ границы страны, караванъ располагается лагеремъ, который укрѣпляется частоколомъ. Здѣсь убиваются быки и разрѣзываются на части, и эти куски мяса, а также желѣзо и соль натыкаются на колья. Затѣмъ появляются туземцы, кладутъ кусочки золота на товары и ожидаютъ, не входя въ ограду. Если купцы довольны предложенной имъ цѣной, то они берутъ золото и оставляютъ товары; въ про-

---

[1]) См. выше, стр. 15.

[2]) Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles. 1900. p. 141.

[3]) Speck. I, p. 165.

[4]) Speck. I, p. 525.

тивномъ случаѣ туземцы прибавляютъ еще золота или же убираютъ его вовсе, и обмѣна не происходитъ [1]).

Въ нѣмой торговлѣ опасеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны иноплеменниковъ проявляется во всѣхъ деталяхъ ея. Лица, вступающія въ торговый обмѣнъ, боятся встрѣтиться другъ съ другомъ; купцы, пріѣзжающіе ради обмѣна, останавливаются на границѣ страны, опредѣляемой обыкновенно рѣкой, или на морскомъ берегу; они не рѣшаются проникнуть вглубь страны, да и туземцы этого не желаютъ; иноплеменники устраиваютъ укрѣпленный лагерь на случай нападенія; туземцы кладутъ свои товары въ священномъ мѣстѣ—въ храмѣ, гдѣ враждебныя дѣйствія невозможны, причемъ и храмъ охраняется вооруженной стражей. Подобный же характеръ имѣетъ обмѣнъ и впослѣдствіи, когда стороны уже встрѣчаются на рынкѣ, и первые рынки—какъ мы видѣли выше [2])—несомнѣнно имѣли много общаго съ нѣмымъ обмѣномъ. Къ сожалѣнію, по отношенію къ народамъ древняго міра мы не въ состояніи прослѣдить постепеннаго перехода отъ нѣмой торговли къ рыночной, ибо не имѣемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ даютъ возможность установить, какъ этотъ переходъ совершился у современныхъ первобытныхъ народовъ, какъ происходитъ постепенное сближеніе между племенами, и они, въ концѣ концовъ, рѣшаются уже встрѣчаться на нейтральномъ мѣстѣ, сходясь вмѣстѣ хотя бы на небольшой промежутокъ времени и передавая товары изъ рукъ въ руки.

У древнихъ народовъ мы находимъ уже вполнѣ сформировавшуюся рыночную торговлю. Однако тѣсная связь между ней и нѣмымъ обмѣномъ ясно обнаруживается и здѣсь: и при этой болѣе совершенной формѣ обмѣна торговля происходитъ на нейтральной почвѣ, въ храмѣ или около храма, въ праздники, подъ надзоромъ жрецовъ, царей или чиновниковъ,—словомъ и здѣсь, какъ и въ настоящее время въ Австраліи, Африкѣ и Америкѣ, принимаются всевозможныя мѣры для обезпеченія мирнаго обмѣна, для избѣжанія враждебныхъ столкновеній, для предупрежденія грабежа и убійства. Празднества въ Сиріи и Месопо-

[1]) Speck. I, p. 5.

[2]) См. выше, стр. 19—20.

таміи, въ Палестинѣ, Египтѣ и Аравіи—говоритъ Андре—находятся въ связи съ финикійской торговлей. Ярмарки въ Гаранѣ, Батнѣ и Мабугѣ были извѣстны повсюду, народы стекались, какъ говоритъ Іеремія, къ празднествамъ Беля. Въ Мабугѣ у Евфрата дважды въ году, осенью и весной, устраивался праздникъ пилигримства къ морю; изъ Аравіи и Сиріи, съ Евфрата собирались народныя массы, чтобы сопровождать изображеніе ассирійской Уранiи къ морскому берегу и чтобы набрать тамъ морской воды. На рынкѣ въ Мабугѣ появлялись финикіяне, сирійцы, вавилоняне, ассирійцы, персы, мидійцы, индусы, эѳіопы, жители Каппадокіи, Киликіи, скиѳы и греки изъ Малой Азіи,—рынокъ былъ, слѣдовательно, очень оживленный [1]). Въ Египтѣ въ эпоху фараоновъ ежегодно устраивались въ различныхъ городахъ празднества, панегиріи, на которые являлся царь или кто-либо изъ его семьи. Къ панегиріямъ въ Бубастисѣ, Запсѣ, Геліополисѣ, Зуто и Папремисѣ стекалась масса народа, празднества соединялись съ ярмарками, на которыя являлись караваны финикійскихъ купцовъ. Царь, очевидно, и руководилъ обмѣномъ на рынкѣ, слѣдилъ за порядкомъ и спокойствіемъ[2]). Рынокъ, на которомъ производился обмѣнъ между египтянами и нубійцами, находился на границѣ между обѣими странами, на островѣ Элефантинѣ. Впослѣдствіи, когда владѣнія Египта расширились къ югу, иноземцы также не допускались внутрь страны, рынокъ происходилъ на границѣ [3]). Въ Китаѣ также рынокъ былъ устроенъ у китайской стѣны, рядомъ съ укрѣпленіями [4]). Въ Персіи и Палестинѣ ярмарки соединялись съ религіозными празднествами, которыя привлекали иностранцевъ; торговля производилась подъ защитой божества, которое охраняло купцовъ и пилигримовъ, на время ярмарки устанавливался божій миръ [5]). Только въ этихъ мѣстахъ и совершался торговый обмѣнъ. Въ Греціи главнымъ торговымъ

---

[1]) Andrée. Geographie des Welthandels. I, p. 53. Movers. Die Phoenizier. B. II. T. III, p. 136.

[2]) Movers. Ibid. p. 147.

[3]) Erman. p. 658—661.

[4]) Speck. I, p. 178.

[5]) Ibid. I, p. 126—128, 299. Movers. III. p. 146. Andrée. B. I. p. 53—49 Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888, p. 97.

пунктомъ являлись мѣста національныхъ празднествъ, олимпійскія и истмическія игры, во время которыхъ былъ установленъ божій миръ: никто не могъ приходить сюда съ оружіемъ въ рукахъ. На островахъ Косѣ и Родосѣ мѣстомъ ежегодныхъ собраній и торговаго обмѣна былъ храмъ Тріопійскаго Аполлона. Кромѣ того, на границѣ между территоріями двухъ племенъ устраивались рынки, которые находились подъ покровительствомъ боговъ и того и другого племени (ἱερὰ ἀγορα, θεοὶ ἀγοραῖοι), изъ нихъ впослѣдствіи (какъ и въ современной Африкѣ) образовались города: на это указываютъ названія многихъ городовъ. Обмѣнъ совершался слѣдующимъ образомъ. Въ Алезіумѣ, находившемся на пути въ Олимпію, жители Эпидамна сходились съ различными племенами Иллиріи, причемъ они выбирали изъ своей среды знатнаго гражданина, который являлся посредникомъ въ торговлѣ и производилъ весь обмѣнъ съ варварами, т. е. иллирійскими племенами. Въ Аѳинахъ всей торговлей на рынкѣ руководилъ агораномъ съ бичемъ въ рукахъ и при содѣйствіи вооруженныхъ людей, чтобы предупреждать враждебныя столкновенія; виновные въ воровствѣ тутъ же наказывались [1]).

„Ярмарки въ Лаціумѣ—говоритъ Моммзенъ—возникли въ очень древнія времена. Онѣ находились первоначально въ тѣсной связи съ международными собраніями и празднествами, въ Римѣ онѣ соединялись съ празднествомъ въ союзномъ храмѣ на Авентинской горѣ; латинцы, которые являлись на эти увеселенія, пользовались случаемъ для устройства своихъ дѣлъ въ Римѣ и для покупки необходимыхъ имъ товаровъ. Подобное же, вѣроятно еще большее, значеніе имѣло для Этруріи ежегодное народное сборище у храма Вольтумны, которое являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и ярмаркой, правильно посѣщаемой римскими купцами. Но наиболѣе важной ярмаркой въ Италіи была та, которая

[1]) Schoemann. Griechische Altertümer. B. II. Berlin. 1863, p. 50—52. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. T. I, p. 35—36. М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи, стр. 206—7. Huvelin. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. Paris. 1897, p. 75—79. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im gziech. Altertum, p. 474. Andrée. I, p. 54—55.

устраивалась у горы Соракте въ священной рощѣ Фероніи; трудно было найти мѣсто болѣе подходящее для обмѣна товаровъ между тремя народами. Высокая, одиноко стоящая, гора среди долины Тибра, какъ бы нарочно созданная для того, чтобы служить цѣлью путникамъ, находится на порубежной чертѣ между этрусской и сабинской землей и расположена недалеко и отъ Лаціума и Умбріи: сюда являлись правильно римскіе купцы, и посягательства на нихъ со стороны самнитянъ нерѣдко приводили къ столкновеніямъ между обоими народами“ [1]).

Въ связи съ междуплеменной враждой находится, наконецъ, и то обстоятельство, что первобытный обмѣнъ является публичнымъ актомъ, совершающимся въ присутствіи свидѣтелей и требующимъ произнесенія различныхъ формулъ символическаго характера. Въ Римѣ актъ обмѣна принимаетъ торжественный и въ то же время крайне сложный характеръ. Онъ производится въ присутствіи пяти совершеннолѣтнихъ римскихъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей; libripens взвѣшиваетъ мѣдь, которая составляетъ плату; покупатель произноситъ торжественно предписанную формулу и захватываетъ вещь въ свое владѣніе [2]). При отсутствіи денегъ въ качествѣ точнаго мѣрила цѣнности эти формальности необходимы были и для предупрежденія обмана, которымъ обыкновенно сопровождался торговый обмѣнъ. Честнаго торговаго обмѣна почти не могли себѣ представить въ тѣ времена. „Удивительное и рѣдкое явленіе—читаемъ у Демосѳена—среди людей, занимающихся торговлей товарами и деньгами—быть одновременно и дѣятельнымъ, и честнымъ“ [3]). „Никогда не боялся я такихъ людей—сказалъ Киръ спартанскому глашатаю,—которые имѣютъ по серединѣ своего города опредѣленное мѣсто, собираются туда и *подъ клятвою обманываютъ другъ друга.*

---

[1]) Mommsen. I, p. 193—94.

[2]) „Adhibitis non minus quam quinque testibus civibus romanis puberibus et praeterea alio eiusdem condicionis, qui libram aeneam teneat, qui appellatur libripens, is qui mancipio accipit, aes tenens ita dicit: hunc ego hominem ex iure quiritium meum esse aio isque mihi emptus esto hoc aere aeneaque libra; deinde aere percutit libram idque aes dat ei a quo mancipio accepit quasi pretii loco“. (Gai instit. I. 119).

[3]) Демосѳенъ. Ὑπερ Φορμιωνος. 44.

Объявленная Киромъ угроза—прибавляетъ Геродотъ—обращалась ко всѣмъ эллинамъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ у себя рынки для купли и продажи“ [1]).

Таковъ взглядъ на торговлю у античныхъ народовъ. Еще лучше его выражаетъ Крезъ, давая слѣдующій совѣтъ Киру. „Самимъ лидянамъ даруй прощеніе, а чтобы они не бунтовали противъ тебя, сдѣлай такое распоряженіе: отправь туда посла и запрети имъ носить военное оружіе, прикажи носить хитоны подъ верхнимъ платьемъ и подвязывать высокіе башмаки, прикажи имъ также обучать дѣтей своихъ игрѣ на киѳарѣ и на арфѣ и *торговлѣ*,—и ты, царь, скоро увидишь ихъ женщинами, а не мужчинами, и больше не нужно будетъ опасаться, что они возстанутъ противъ тебя“ [2]).

II.

Размѣры торговли у народовъ древняго міра обыкновенно сильно преувеличиваются. Свѣдѣній о ней, въ особенности

[1]) Геродотъ Кн. I. 153. (Переводъ Мищенко). Если въ Римѣ „graeca fide mercari“ вошло въ пословицу въ смыслѣ мошеннической торговли, то это не значитъ, что одни лишь греки или греки особенно были склонны къ обманамъ въ торговлѣ, а являлось послѣдствіемъ того, что римская торговля очень долго находилась въ рукахъ греческихъ купцовъ.

[2]) Геродотъ. I. 155. Въ Одиссеѣ ни Телемакъ, ни Одиссей не усматриваютъ ничего позорнаго для себя въ томъ, что ихъ принимаютъ за морскихъ разбойниковъ, но за то Одиссей сильно оскорбленъ, когда Эвріалъ, насмѣхаясь надъ нимъ, называетъ его купцомъ:

Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
Странникъ, я вижу, что ты не подобишься людямъ искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно,
Ты изъ числа промышлённыхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный,
Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный...
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью...
....Оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.
(Одиссея. IX. 158—166, 178, 185. Пер. *Жуковскаго*).

о торговомъ обмѣнѣ восточныхъ народовъ, сохранилось очень немного, и поэтому во многихъ случаяхъ приходится пользоваться косвенными данными, изъ различныхъ фактовъ заключать, существовали ли торговыя сношенія между тѣми или другими странами и кто въ нихъ игралъ активную, кто пассивную роль. При этомъ историки нерѣдко пользуются очень сомнительными фактами и уже изъ нихъ дѣлаютъ выводъ, что торговля существовала. Между тѣмъ не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ единственнымъ доказательствомъ наличности торговыхъ сношеній служатъ найденные при раскопкахъ предметы, но даже и тогда, когда мы знаемъ, что между извѣстными народами существовали сношенія и когда сохранились даже свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, которые привозились оттуда, мы не имѣемъ еще права утверждать, что въ данномъ случаѣ происходилъ дѣйствительно торговый обмѣнъ. Эти сношенія могли имѣть характеръ разбойничьихъ нападеній, товары могли быть получены въ качествѣ дани, наконецъ, сношенія между племенами могли быть случайныя и временныя, все могло ограничиться однократнымъ обмѣномъ подарковъ [1]).

Двусторонній торговый обмѣнъ предметовъ между племенами представляетъ собою лишь одинъ и притомъ наиболѣе поздній способъ перехода цѣнностей отъ одного народа къ другому, ту форму междуплеменныхъ сношеній, которая возникаетъ лишь на извѣстной сравнительно высокой ступени культуры. А между тѣмъ историки склонны всякій фактъ перехода предметовъ отъ одного народа къ другому объяснять существованіемъ торговаго обмѣна. Такъ, напр., этруски, какъ мы видѣли выше, были одновременно и купцами, и пиратами, торговля ихъ не только возникла изъ пиратства, но и впослѣдствіи была, по указанію Моммзена, тѣсно связана съ нимъ. Можно ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ Эдуардъ Мейеръ, что торговый обмѣнъ между этрусками и финикіянами возникъ уже въ XV вѣкѣ до Р. Хр. на томъ основаніи, что „въ древнѣйшихъ могилахъ этрусскаго города Тарквиніи найдены отдѣльные предметы, произведенные въ Египтѣ и не-

[1]) См. по этому поводу приведенную выше на стр. 9 цитату изъ Бюхера.

сомнѣнно привезенные оттуда финикійскими купцами?“ [1]). Столь же сомнительны и тѣ выводы, которые дѣлаетъ Шпекъ относительно товаровъ, служившихъ предметомъ обмѣна между Ассиріей и Месопотаміей, ибо эти товары, какъ онъ самъ же указываетъ, получались въ видѣ дани отъ покоренныхъ племенъ, въ качествѣ военной добычи во время набѣговъ, совершаемыхъ ассирійскими царями [2]). Даже сохранившееся въ папирусахъ указаніе, что въ Египтѣ „всякій богатый человѣкъ имѣетъ корабль, который долженъ доставлять ему богатства Сиріи“ и большое количество произведеній Сиріи, найденныхъ въ Египтѣ, не позволяетъ съ увѣренностью говорить о существованіи торговаго обмѣна, а еще менѣе объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ между этими странами, ибо всѣ другіе источники молчатъ объ этомъ [3]). И ужъ во всякомъ случаѣ совершенно бездоказательно утвержденіе, будто бы между Индіей и западными странами — Месопотаміей, Аравіей, Египтомъ, существовали морскія сношенія и даже торговыя сношенія до Р. Хр. А между тѣмъ всѣ изслѣдователи этого вопроса, и Геереиъ, и Лассенъ, и Оппертъ, и Лефманъ, и Гетцъ, и Лепсіусъ, указывая на отсутствіе доказательствъ, считаютъ все-таки несомнѣннымъ, что такая торговля нмѣла мѣсто; „они основываютъ свое мнѣніе—говоритъ Шпекъ—на томъ, что произведенія Индіи якобы встрѣчаются на Западѣ, а продукты западныхъ странъ на Востокѣ, на томъ, что индусы, финикіяне, арабы, а можетъ быть и вавилоняне, якобы уже въ раннія времена совершали плаванія по Индійскому океану“ [4]). По поводу этого стремленія историковъ находить повсюду торговый обмѣнъ, гдѣ есть хоть малѣйшій намекъ хотя бы только на возможность существованія его, Бюхеръ говоритъ слѣдующее. „Какъ извѣстно, въ Одиссеѣ Телемакъ привозитъ изъ Спарты даръ Менелая—серебряный ковшъ, который Менелай въ свою очередь получилъ въ подарокъ отъ царя Файдима, когда гостилъ у него; а Одиссей, уѣзжая отъ феаковъ, получаетъ одежду,

---

[1]) Eduard Meyer. Geschichte des Altertums. B. II. Stuttgart. 1893, p. 508.
[2]) Speck. I, p. 265.
[3]) Erman. l. c. Speck. I, 382, 396.
[4]) Цит. у Speck'a, p. 193—194.

холстъ, утварь изъ золота и цѣлую коллекцію треножниковъ и сосудовъ. Прибывъ въ Итаку, Одиссей прячетъ всѣ эти вещи въ священномъ гротѣ нимфъ. Я часто думалъ о томъ—продолжаетъ Бюхеръ—что бы случилось, если бы Одиссей былъ своевременно узнанъ женихами и убитъ ими; дары феаковъ лежали бы до нашего времени въ гротѣ нимфъ и лишь современный археологъ извлекъ бы ихъ снова оттуда. Онъ несомнѣнно принялъ бы ихъ за складъ товаровъ странствующаго купца, относящійся къ героической эпохѣ греческой исторіи, ссылаясь на то, что у Гомера дѣйствительно встрѣчаются случаи торговаго обмѣна“ [1]).

Конечно можно привести и примѣры замаскированія торговыхъ сношеній въ источникахъ. Въ источникахъ говорится о дани въ видѣ ладана, полученной египетскимъ фараономъ отъ царя, владѣющаго Пунтомъ, страной, расположенной у Чермнаго моря. А товары, отправленные взамѣнъ ладана, названы жертвоприношеніемъ богинѣ Пунта—Гаторѣ. „Ибо могъ ли фараонъ покупать что-либо у варваровъ,—онъ, которому всѣ страны приносятъ въ даръ свои продукты, чтобы онъ смилостивился надъ ними и даровалъ имъ жизнь?“ Въ дѣйствительности, однако, это была мѣновая торговля, „подобная той, которая происходитъ въ настоящее время между неграми и европейцами“ [2]). Сельскохозяйственные продукты Египта—хлѣбъ, мясо, пиво, вино, плоды, а также кинжалы и топоры, кольца и ожерелья изъ цвѣтныхъ камней обмѣниваются здѣсь на ладанъ, мирру и благовонныя деревья, слоновую кость и золото, на мѣха, обезьянъ, пантеръ и рабовъ, привозимыхъ изъ Пунта [3]). Описываемая въ источникахъ экспедиція въ Пунтъ была повидимому первая, отправленная туда съ торговыми цѣлями, ибо туземцы испугались при видѣ пристающихъ къ берегу египтянъ и молили ихъ о пощадѣ [4]). Это сцена, которую мы часто встрѣчаемъ въ описаніяхъ европейскихъ путешественниковъ при открытіи ими новыхъ земель и острововъ: туземцы опасаются враждебныхъ дѣйствій со

---

[1]) Bücher, Die Wirtschaft der Naturvölker, p. 28—29.
[2]) Erman, p. 676—677.
[3]) Erman, p. 676.
[4]) Ibid, p. 669—670.

стороны невѣдомыхъ имъ людей. Другая, болѣе ранняя, экспедиція въ Пунтъ при царѣ Сеанхкере добыла, повидимому, привезенные оттуда предметы насильственнымъ путемъ и носила вообще разбойничій характеръ. Продолжались ли впослѣдствіи, послѣ того, какъ миръ былъ заключенъ, торговыя сношенія между Египтомъ и Пунтомъ, трудно установить, хотя въ источникахъ есть указанія, что при Дутмесѣ III былъ полученъ ладанъ изъ Пунта, а при Рамзесѣ III была отправлена туда экспедиція, которая также привезла деревья ладана [1]). Торговлей съ Пунтомъ ограничивается активная торговая дѣятельность египтянъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло либо съ набѣгами, либо съ пассивнымъ обмѣномъ собственныхъ произведеній на товары, привозимые иноземными купцами. О существованіи египетскихъ купцовъ въ источникахъ вообще не упоминается [2]). Цари производятъ нападенія на Сирію и Нубію и возвращаются съ богатой добычей, хвастая своей храбростью [3]). Однако, не только нападенія съ цѣлью грабежа совершаются самими царями или посланными царемъ полководцами, которые доставляютъ царю награбленную добычу, но и вообще, поскольку существуетъ торговый обмѣнъ, царь является почти единственнымъ потребителемъ иноземныхъ товаровъ. Какъ первая, такъ и послѣдующія экспедиціи въ Пунтъ отправлены царями, которые посылаютъ свои продукты и получаютъ въ обмѣнъ за нихъ произведенія Пунта отъ предводителей этого племени [4]). Царь же вступаетъ въ торговый обмѣнъ и съ иноземными купцами, сирійцами, въ особенности же финикіянами, впослѣдствіи греками [5]). Населеніе принимаетъ, повидимому, очень мало участія въ торговомъ обмѣнѣ. „Огромная масса населенія, жившая въ крупныхъ помѣстьяхъ, потребляла произведенія собственнаго сельскаго хозяйства и промысловъ и почти не нуждалась въ посреднической дѣятельности“ [6]).

---

[1]) Erman, p. 679.

[2]) Ibid, p. 654.

[3]) Ibid, p. 691. Speck. p. 100, 396, 399.

[4]) Erman, p. 676—679. Speck. p. 389, 408.

[5]) Erman, p. 656, 408—412. Thurnwald. Staat und Wirtschaft im alten Aegypten. Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1901. p. 787.

[6]) Speck, p. 370—371.

Рынки, правда, существовали въ княжескихъ помѣстьяхъ, но устраивались они скорѣе въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ („ойкосныхъ“ господъ), чѣмъ ради нуждъ населенія [1]). Только представители крупнаго землевладѣнья, особенно же царь и храмы, могли имѣть избытки и обмѣнивать ихъ на произведенія другихъ странъ. Княжескія помѣстья и царскій дворъ—говоритъ Турнвальдъ—были центральными пунктами, куда стекались подати, дани, предметы, награбленные во время набѣговъ на страны, лежащія къ югу, востоку или сѣверу, а также полученные путемъ мирнаго обмѣна съ предводителями другихъ племенъ; здѣсь все это скоплялось, распредѣлялось и потреблялось [2]). Подати въ древнемъ Египтѣ состояли изъ земледѣльческихъ и садовыхъ плодовъ, какъ напр. пшеницы, ячменя, фруктовъ, вина, а также изъ продуктовъ животноводства, въ особенности гусей, утокъ, голубей, журавлей, быковъ, телятъ, антилопъ и др., далѣе изъ произведеній промышленности—цыновокъ, холста, кожи, папируса, различныхъ сосудовъ, хлѣба, пива, дичи, рыбъ и пойманныхъ птицъ [3]). Такимъ образомъ въ качествѣ податей получалось все, что нужно было князьямъ и царю; если имѣть въ виду, что золото, а также мѣдь, малахитъ доставлялись покоренными народами въ видѣ дани [4]), то для торговли остается весьма мало мѣста. Мы имѣемъ передъ собою типичное замкнутое домашнее хозяйство, по терминологіи Бюхера, гдѣ обмѣнъ не играетъ никакой роли, гдѣ всѣ продукты, произведенные внутри хозяйства (помѣстья) въ немъ же и потребляются. Дѣйствительно—какъ указываетъ Турнвальдъ—„все управленіе налогами и большая часть функцій, принадлежащихъ въ настоящее время торговлѣ, производилась магазинами, существовавшими въ помѣстьяхъ и сосредоточивавшими въ себѣ всѣ производимые внутри помѣстья и доставляемые туда продукты; черезъ посредство магазиновъ производится весь процессъ обращенія продуктовъ отъ начальнаго момента производства до конечнаго момента по-

[1]) Speck, I. p. 372.

[2]) Thurnwald. Staat und Wirtschaft im alten, Aegypten. Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1901. p. 782.

[3]) Ibid. p. 773.

[4]) Ibid. p. 776.

требленія; они распредѣляютъ доставленные предметы между царемъ, служащими въ помѣстьи лицами и всѣми, работающими на царя". То обстоятельство—прибавляетъ онъ—что въ періодъ натуральнаго (точнѣе: замкнутаго домашняго) хозяйства царю принадлежитъ непосредственное и исключительное распоряженіе всѣми предметами потребленія и всѣ получаютъ только такую часть какъ этихъ продуктовъ, такъ и предметовъ роскоши, какую онъ считаетъ нужнымъ имъ дать, является источникомъ его обширной, неограниченной власти" [1]). Масса продуктовъ скоплялась и въ рукахъ египетскихъ храмовъ, которые также владѣли помѣстьями, да кромѣ того получали часть продуктовъ изъ царскихъ магазиновъ. Набѣги фараоновъ XVIII и XIX династіи доставили храмамъ $^4/_5$ всей добычи въ видѣ серебра, золота, украшеній, скота, рабовъ и т. п. [2]).

Не многимъ измѣнился, повидимому, хозяйственный строй Египта и въ послѣдующую эпоху, въ греко-римскій періодъ. Въ греко-римскій періодъ шестая часть жатвы виноградниковъ и садовъ поступала въ пользу храма, т. е. къ жрецамъ, и еще болѣе значительны были сборы, уплачиваемые царю: царь получалъ третью часть голубей, четвертую часть пойманной рыбы, кромѣ того сборы въ видѣ хлѣба, пшеницы и ячменя, овощей, оливковъ, финиковъ, вина, часть которыхъ впослѣдствіи была замѣнена деньгами [3]). Горное дѣло составляло монополію царя: какъ металлы, золото, серебро, мѣдь, такъ и камни, гранитъ, малахитъ, алебастръ, извлекаемые изъ нѣдръ земли, наконецъ, соль принадлежали царю [4]). Если къ этому прибавимъ еще продукты, получаемые имъ въ качествѣ дани отъ покоренныхъ племенъ, то получимъ огромное количество естественныхъ произведеній страны, которое скоплялось въ амбарахъ царя и могло обмѣниваться на продукты другихъ странъ. Прибыль купцовъ, вступившихъ въ торговый обмѣнъ съ Египтомъ, съ египетскимъ царемъ, могла быть, слѣдовательно, очень зна-

---

[1]) Thurnwald, Aegypten p. 709—711.

[2]) Ibid. p. 713.

[3]) Wachsmuth. Wirtschaftliche Zustände in Aegypten während der griechisch—römischen Periode. Jahrbücher für Nationalo ekonomie. 1900. B. XIX, p. 791, 793.

[4]) Wachsmuth. p. 803.

чительна, ибо ея источникомъ являлся трудъ подвластнаго населенія, трудъ рабовъ и крѣпостныхъ земледѣльцевъ и рабочихъ [1]).

Подобный же характеръ имѣла торговля и въ Вавилоніи уже въ древнѣйшія времена. Изъ недавно найденнаго сборника законовъ царя Аммураби, жившаго въ серединѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Хр., видно, что торговля въ тѣ времена находилась въ рукахъ особой корпораціи, члены которой называются „bel pihatim“ т. е. властелины страны, землевладѣльцы, получающіе оброкъ и „tamkare“ (damgaru) т. е. купцы („tagir“ по-арабски и „tugar“ по-турецки) [2]). Это, слѣдовательно, корпорація купцовъ, владѣющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣстьями. Однако, торгуютъ они, повидимому, не только собственными продуктами, но прежде всего предметами, принадлежащими царю, доставляемыми послѣднему населеніемъ въ качествѣ податей и сборовъ. Какъ видно изъ писемъ того же царя Аммураби, эти подати состояли изъ шерсти, тканей, ладана и въ особенности серебра [3]). „Властители страны“—землевладѣльцы доставляютъ подати царю; та корпорація, которой порученъ сборъ податей, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и купеческой гильдіей: избытокъ продуктовъ, получаемыхъ въ качествѣ сборовъ съ населенія, эти лица отправляютъ черезъ посредство другихъ лицъ въ другія страны, обмѣнивая ихъ на иноземные товары

---

[1]) Поскольку въ Египтѣ (въ греко-римскій періодъ) существовало ремесло, оно относилось къ области художественной промышленности; такой характеръ имѣло производство александрійскихъ тканей, льняныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ; онѣ были „художественно украшены вышивкой или вплетенными рисунками“, таковы были и „украшенные рельефами сосуды изъ золота и серебра“, а равно издѣлія изъ стекла. Все это были, очевидно, предметы роскоши, а не повседневнаго употребленія и притомъ доступные лишь очень богатымъ. См. Ростовцевъ. Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ. „Русск. Мысль“. 1900, кн. 3 и его же статью въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1900. III.

[2]) Thurnwald. Staat und Wirtschaft in Babylon zu Hammurabis Zeit. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1903. B. XXVI. p. 658—659.

[3]) L. W. King. The Letters and Inscriptions of Hammurabi, king of Babylon about B. C. 2200, to which are added a series of letters of other king, of the first Dynasty of Babylon. T. III. London. 1900. Thurnwald, Babylon. p. 659.

для царя и его двора [1]). „Tamkar—говоритъ Винклеръ—есть царскій чиновникъ; онъ предпринимаетъ путешествія съ торговыми цѣлями“ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ (ленный) землевладѣлецъ. Поэтому онъ сбываетъ и произведенія собственныхъ помѣстій, являясь такимъ образомъ, подобно римскимъ сенаторамъ и всадникамъ, землевладѣльцемъ и коммерсантомъ одновременно. По этой же причинѣ онъ (въ этомъ также находимъ сходство съ римлянами) въ большинствѣ случаевъ не отправляется самъ въ другія страны, а какъ видно изъ §§ 104, 105, 107 сборника законовъ Аммураби, вступаетъ въ компанію съ другимъ лицомъ (commenda), поручая послѣднему продажу хлѣба, шерсти, оливковаго масла и другихъ товаровъ [3]). Въ § 106 сборника (по мнѣнію Мюллера, также въ недостающихъ §§ 98—99) говорится и о другомъ случаѣ, когда купецъ (т. е. commendator) даетъ tractator'у капиталъ для закупки товаровъ въ другихъ странахъ [4]), изъ чего можно заключить, что вавилонская торговля уже въ тѣ времена заключалась не только въ сбытѣ собственныхъ произведеній почвы, но и въ пріобрѣтеніи предметовъ роскоши для царя, его двора и крупныхъ землевладѣльцевъ—ойкосныхъ господъ, по выраженію И. М. Гревса. „Какъ велика была прибыль купца въ этой торговлѣ—говоритъ Мюллеръ—мы не знаемъ. Но что эта операція была обыкновенно очень выгодна и прибыль превышала 100 проц., видно изъ § 101, на основаніи котораго трактаторъ, не выручивъ никакой прибыли изъ полученной суммы, обязанъ возвратить послѣднюю купцу (коммендатору) въ двойномъ размѣрѣ [5]).

Большое количество хлѣба, серебра и шерсти получалъ также въ Вавилоніи (какъ и въ Египтѣ) храмъ отъ населенія въ видѣ податей, а равно въ даръ отъ царя. Благодаря этому въ храмѣ скоплялась цѣлая масса продуктовъ, на-

---

[1]) Thurnwald, Babylon. l. c.

[2]) Die Gesetze Hammurabis, Königs von Babylon um 2250 v. Chr. Das älteste Gesetzbuch der Welt. Uebersetzt von Hugo Winckler. Leipzig. 1903 p. 15.

[3]) Winckler, p. 19.

[4]) Müller. Dav. Heinr. Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln. Wien. 1903, p. 102—106.

[5]) Ibid., p. 104.

полнявшая его склады и амбары [1]). Какъ и у другихъ народовъ въ первобытную эпоху, эти продукты отдавались въ ростъ, причемъ жрецы и жрицы (между послѣдними и принцессы) занимались этими операціями въ широкихъ размѣрахъ: въ ихъ рукахъ находились всѣ банкирскія операціи [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ храмѣ происходила и торговля, и есть основанія предполагать, что иноземные купцы здѣсь обмѣнивали привезенные ими товары на продукты, принадлежащіе храму [3]). И въ Вавилоніи, слѣдовательно, какъ и въ Египтѣ, царь и жрецы являлись главными потребителями товаровъ, доставляемыхъ изъ другихъ странъ; и здѣсь иноземные товары вымѣнивались на продукты труда подвластнаго населенія. Насколько вавилоняне играли активную роль въ торговлѣ, какія страны вавилонскіе купцы сами посѣщали, невозможно установить. Въ болѣе позднія времена они, подобно египтянамъ, занимали пассивное положеніе въ торговомъ обмѣнѣ; хетиты, а впослѣдствіи арамеяне и въ особенности финикіяне являлись посредниками въ торговлѣ Вавилоніи и Ассиріи съ другими странами [4]).

Еще меньше занимались торговлей евреи: „они никогда не были торговымъ народомъ, только нужда заставила ихъ заняться торговлей, когда они были разсѣяны среди другихъ народовъ“ [5]). Подобно другимъ народамъ, и населеніе Іудеи и Израиля играло въ торговлѣ лишь пассивную роль; финикіяне поставляли имъ драгоцѣнныя ткани и благородные металлы, покупая у нихъ хлѣбъ и рабовъ [6]). Исключеніе составляетъ лишь торговля царя Соломона съ Офиромъ, имѣющая, впрочемъ, довольно легендарный характеръ, да и торговцы, отправлявшіеся туда, состояли не только изъ евреевъ, но и изъ финикіянъ [7]). „Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ Кеннингэмъ—что Соломонъ, какъ царь Іудеи и Израиля, занимался торговлей на собственный страхъ и

---

[1]) Thurnwald, Babylon p. 666—667.

[2]) Meissner. Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht. Leipzig. 1893. № 20—22, 24—25. Speck, B. I, p. 257.

[3]) Thurnwald, Babylon, p. 668.

[4]) Speck, I. p. 263—267.

[5]) Speck. I. p. 585.

[6]) Movers. Phöniz. Altert. B. III.

[7]) Speck. I, p. 490—95.

рискъ, снаряжалъ экспедиціи, которыя напоминали египетскія экспедиціи въ страну Пунтъ“ [1]). Дѣйствительно, корабль, отправляемый въ Офиръ, привозилъ для царя золото и серебро, драгоцѣнные камни, красное дерево, слоновую кость, обезьянъ и павлиновъ; точно такъ же кони и колесницы изъ Египта привозились купцами царю и онъ платилъ за нихъ серебромъ; наконецъ, Хирамъ, царь тирскій, посылаетъ царю Соломону кедровый и кипарисовый лѣсъ въ въ обмѣнъ за пшеницу и оливковое масло. Продукты послѣдняго рода, которыми онъ платилъ Хираму, доставлялись Соломону двѣнадцатью намѣстниками, поставленными надъ Израилемъ, въ качествѣ податей, получаемыхъ съ населенія натурой, въ особенности въ видѣ хлѣба, скота и домашней птицы [2]).

Наконецъ и остальные народы древняго Востока (за исключеніемъ финикіянъ), индусы до Р. Хр., арабы, персы, поскольку они не только занимаются разбойничьими нападеніями, но и вступаютъ въ мирный торговый обмѣнъ, всецѣло или, по крайней мѣрѣ, преимущественно пользуются услугами иноземныхъ купцовъ, сами же почти не посѣщаютъ другихъ странъ. И у нихъ главнымъ торговцевъ является царь; онъ же и главный потребитель иноземныхъ товаровъ, за которые онъ платитъ продуктами труда подвластнаго населенія. Въ Аравіи царь и жрецы храма присваиваютъ себѣ исключительное право сбыта важнѣйшихъ произведеній страны, мирры и ладана, которыя получаются въ качествѣ подати съ населенія. Въ Индіи царю принадлежитъ монополія вывоза различныхъ товаровъ и онъ устанавливаетъ цѣны на другіе товары; для него же привозятся иноземные продукты. Въ Персіи въ амбары царя въ качествѣ добровольныхъ подарковъ и дани стекается огромное количество всевозможныхъ естественныхъ произведеній страны и промышленныхъ издѣлій; царь и сатрапы являются важнѣйшими потребителями привозныхъ товаровъ [3]).

---

[1]) Cunningham. Ch. II § 19.

[2]) Цар. кн. III. Гл. IV', V', X, Cunningham, Ch. II, § 19.

[3]) Lassen, indische Altertumskunde. B. II, p. 549 и сл., 575 и сл. Zimmer, Altindisches Leben, p. 255—56. Speck, I. p. 162—3, 202—3, 291, 295, 454, 523—25.

III.

Торговыми народами въ древнемъ мірѣ были лишь финикіяне и греки. Торговля финикіянъ носила чисто-посредническій характеръ. Она заключалась не столько въ вывозѣ произведеній финикійскихъ городовъ, сколько въ пріобрѣтеніи продуктовъ сельскаго хозяйства и промышленности въ различныхъ странахъ, лежащихъ у Средиземнаго моря, для сбыта ихъ въ другихъ странахъ, расположенныхъ у того же моря, ибо, по мѣткому выраженію Платона, народы древняго міра сидѣли вокругъ „талатты“ (Средиземнаго моря), подобно лягушкамъ, сидящимъ у болота [1]). Посредническій характеръ финикійской торговли прекрасно выраженъ въ сравненіи финикійскаго купца съ человѣкомъ, разыскивающимъ въ чужихъ странахъ жемчугъ и, найдя драгоцѣнную жемчужину, возвращающимся обратно, чтобы продать все свое имущество и купить на эти деньги жемчужину, и при помощи ея пріобрѣтающимъ еще большія богатства [2]).

„По всей Сициліи—говоритъ Ѳукидидъ—жили финикіяне, ради торговли съ сикулами занявшіе мысы у моря и прилегающіе островки. Но послѣ того, какъ эллины въ большомъ числѣ стали тревожить ихъ съ моря, финикіяне покинули большую часть острововъ и, собравшись вмѣстѣ, занимали по сосѣдству съ эллинами Модію, Солоентъ и Панормъ“ [3]). „Эти слова Ѳукидида—прибавляетъ Шпекъ—бросаютъ яркій свѣтъ на характеръ финикійской колонизаціи; изъ нихъ видны и мотивы послѣдней и особенности колоніальной политики“ [4]). Какъ указываетъ Эд. Мейеръ финикіяне основывали въ большинствѣ случаевъ не колоніи, а лишь торговыя факторіи, подобно тому, какъ онѣ создавались впослѣдствіи ганзейцами или португальцами. Колоніи существовали, собственно говоря, лишь на Кипрѣ и на сѣверѣ Африки; лишь въ этихъ странахъ финикіяне проникли въ глубь ради добыванія и пріобрѣтенія ме-

---

[1]) Kiesselbach, Der Gang des Welthandels. Stuttgart. 1860. p. 3.
[2]) Movers, Das phönizische Altertum. B. III. Berlin. 1856. p. 117—119.
[3]) Ѳукидидъ, VI. 2.
[4]) Speck. I, p. 467, 472.

талловъ, обиліемъ которыхъ онѣ отличались. И даже сѣверная Африка лишь впослѣдствіи стала колоніей въ тѣсномъ смыслѣ слова; первоначально и здѣсь, какъ въ Сициліи, Сардиніи, были устроены финикіянами лишь мѣста для стоянки судовъ и склады провіанта для снабженія кораблей, отправляющихся въ Испанію. Значительное протяженіе посѣщаемыхъ финикіянами береговъ моря и небольшая численность финикійскаго племени дѣлали невозможной интенсивную колонизацію. „Финикійскіе торговцы—говоритъ Эд. Мейеръ—селились по берегамъ въ наиболѣе защищенныхъ мѣстахъ и въ особенности на островкахъ, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи отъ берега, и отсюда уже вступали въ торговый обмѣнъ съ туземнымъ населеніемъ“ [1]). Шпекъ указываетъ также на то, что поселенія финикіянъ въ другихъ странахъ часто носили мирный характеръ, что во многихъ случаяхъ колоніи основывались (въ особенности въ IX вѣкѣ) людьми, которые вынуждены были бѣжать изъ отечества, спасаясь отъ мести партіи, одержавшей побѣду во время внутреннихъ смутъ. Эти переселенцы являлись въ другія страны уже не какъ пираты и грабители, а въ качествѣ мирныхъ жителей, ищущихъ защиты и гостепріимства у иноземнаго царя или предводителя племени [2]). Намъ извѣстно, что и у нѣкоторыхъ изъ современныхъ первобытныхъ народовъ торговыя сношенія между различными племенами возникли именно такимъ путемъ [3]), и есть основаніе предполагать, что въ этихъ финикійскихъ колонистахъ и надо искать ядро, изъ котораго образовалась финикійская торговля. Эти переселенцы становились, вѣроятно, торговцами, посредниками въ обмѣнѣ товаровъ между различными народами, а не колонистами, основавшими постоянныя селенія, какъ думаетъ Шпекъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ самъ-же указываетъ, о финикійскихъ колоніяхъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній.

Наоборотъ, о торговлѣ финикіянъ вообще и о торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей въ частности упоминаютъ греческіе писатели—нѣкоторыя мѣста изъ Ѳукидида и Геродота мы

---

[1]) Meyer., Geschichte des Altertums. B. II, p. 142—144.

[2]) Speck. I, p. 472.

[3]) См. выше, стр. 12—13.

привели выше [1]),—о ней неоднократно говорится въ Библіи. Особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи плачъ о Тирѣ въ книгѣ пророка Іезекіиля (гл. 27): „Θарсисъ, говоритъ пророкъ, обращаясь къ Тиру, платилъ за товары твои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Іаванъ, Θувалъ и Мешехъ (мѣстности у Чернаго моря) торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду. Изъ дома Θогарма (Арменія) за товары твои доставляли тебѣ лошадей". Далѣе, въ числѣ народовъ, съ которыми финикіяне находились въ торговыхъ сношеніяхъ, упоминаются арамеяне, Іудея и земля Израилева, Дамаскъ, Аравія, Ассуръ и другіе. Для израильтянъ финикіянинъ („канаанитянинъ") и торговецъ было одно и то же; торговля Палестины находилась въ рукахъ финикіянъ, евреи не принимали въ ней почти никакого участія, они занимались лишь земледѣліемъ и скотоводствомъ. Точно также и сбытъ произведеній Вавилоніи и Ассиріи составлялъ исключительно монополію финикіянъ. Наконецъ, и пряности и благовонія Аравіи, Индіи и восточной Африки являлись уже въ древнѣйшія времена монополіей финикійской торговли. Среди нихъ наиболѣе важными предметами торговли были: ладанъ, употребляемый при богослуженіи, корица, кассія благовонная и мирта, которыя доставлялись частью въ натуральномъ видѣ, частью въ видѣ мазей и духовъ [2]). Словомъ, уже въ очень отдаленныя времена Средиземное море стало финикійскимъ озеромъ. „Финикіяне впервые создали морскую и международную торговлю. Этотъ маленькій народъ занималъ замѣчательное положеніе, дававшее ему возможность захватить въ свои руки всю торговлю странъ, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ. Позади него—монархіи Востока: Ассирія, Персія, Египетъ, передъ нимъ—море. Ближе всего Кипръ, далѣе Родосъ, а затѣмъ Эгейское море. Оттуда они уже достигли Африки, Сициліи, Сардиніи и даже Иберіи" [3]). „Финикіяне—говоритъ Гетцъ—вплоть до эпохи персидскаго царства и позже

[1]) См. выше, стр. 66—67.

[2]) Бэръ, I. стр. 35, 39—40. Movers, Das phönizische Altertum. B. III. Handel und Schiffahrt. Speck. I, p. 485—7, 497, 582—4.

[3]) Noel. Histoire du commerce du monde. Paris. 1891. T. I. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. I. p. 18—19.

представляли собою обширный союзъ торговцевъ и мореплавателей, не встрѣчавшій почти никакой конкурренціи и создавшій торговый обмѣнъ въ крупныхъ размѣрахъ какъ среди культурныхъ, такъ и среди первобытныхъ народовъ древняго міра, союзъ, который проложилъ удобные пути торговлѣ будущихъ временъ и доставилъ ей болѣе совершенныя средства сообщенія". „Лишь дѣятельный, проникнутый широкими цѣлями, духъ Тира былъ способенъ—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—соединить всѣ зачатки, всѣ отдѣльныя селенія въ одно обширное цѣлое, проникнутое живымъ меркантильнымъ духомъ и въ этомъ цѣломъ города, острова, факторіи и мысы являлись активными членами единаго тѣла, которое простиралось отъ океана до океана, отъ Судана до Сѣвернаго моря. Интенсивно и экстенсивно (торговый) обмѣнъ достигъ столь детальнаго и всесторонняго развитія, какого не удалось достигнуть впослѣдствіи ни одному торговому народу и государству вплоть до эпохи торговаго расцвѣта Англіи" [1]).

Въ приведенныхъ изъ Гетца цитатахъ значеніе финикійской торговли несомнѣнно сильно преувеличено. Не слѣдуетъ забывать, что торговый обмѣнъ вообще не игралъ большой роли въ экономической жизни древняго міра, что торговля затрагивала ее лишь съ внѣшней стороны, не измѣняя внутренней природы самодовлѣющихъ хозяйствъ. Торговля имѣла значеніе лишь для высшихъ, наиболѣе богатыхъ классовъ населенія, которымъ она доставляла предметы роскоши. Какъ указываетъ Пешель, до конца XVII вѣка наиболѣе важную роль въ международной торговлѣ играли предметы роскоши, произведенія Востока; такой характеръ имѣла торговля и въ средніе вѣка, и въ древнемъ мірѣ. „Предметами торговли древняго міра—говоритъ Шпренгеръ—являлись прежде всего благовонія и пряности, а затѣмъ драгоцѣнности вродѣ брильянтовъ, жемчуга, слоновой кости и т. под." [2]). Шпекъ дѣлитъ объекты торговли у древнихъ народовъ на слѣдующія три категоріи: во 1-хъ, благовонія и пряности, во 2-хъ, цѣнные

---

[1]) Götz, Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888. p. 95, 107.

[2]) Sprenger. Die alte Geographie Arabiens. Bern. 1875. Speck. I. p. 81.

предметы сырья: драгоцѣнные камни, жемчугъ, золото, серебро, слоновая кость, янтарь и различныя украшенія изъ этихъ предметовъ; въ 3-хъ, цѣнныя ткани, въ особенности одѣянія шерстяныя (изъ шерсти особенной доброты), бумажныя, полотняныя, шелковыя, а также мѣха. Количество объектовъ торговли было крайне незначительно. Пища и напитки древнихъ состояли почти исключительно изъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей, молока, сыра, оливковаго масла, вина, меда,—всѣ эти продукты производились въ собственномъ хозяйствѣ. Объектами торговаго обмѣна являлись лишь предметы роскоши, причемъ кругъ лицъ, которымъ послѣдніе были доступны, былъ также крайне ограниченъ. Огромная масса рабовъ жила въ самыхъ жалкихъ условіяхъ, потребности ихъ были сведены къ минимуму. Средняго класса, собственно говоря, не существовало вовсе, а, слѣдовательно, отсутствовалъ весь тотъ широкій слой потребителей, который образовался въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время. Въ качествѣ покупателей предметовъ роскоши оставались, такимъ образомъ, лишь немногія лица, принадлежавшія къ правящимъ классамъ, поскольку они вмѣстѣ съ тѣмъ располагали значительнымъ имуществомъ или крупными доходами“ [1]).

Это относится всецѣло къ финикійской торговлѣ [2]). Ея

---

[1]) Speck. I. p. 76—77.

[2]) Что касается финикійской промышленности, которая, по словамъ Goetz'a, обогащала торговый обмѣнъ древняго міра, а по мнѣнію Эдуарда Мейера, „до сихъ поръ намъ почти неизвѣстна“, то она во всякомъ случаѣ ограничивалась предметами роскоши, производя почти исключительно для царей, сатраповъ и жрецовъ. „Роскошь при дворѣ многочисленныхъ царьковъ вызвала спросъ на украшенія, драгоцѣнные камни, красивые сосуды, въ особенности на издѣлія изъ золота и серебра. Обычай посылать подарки при вступленіи въ сношенія съ другими странами и поддерживать эти сношенія подарками вызывалъ также потребность въ производствѣ предметовъ роскоши. Наиболѣе подходящими въ этомъ отношеніи являлись предметы, сдѣланные изъ матеріаловъ, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ, цѣнность которыхъ особенно бросалась въ глаза, какъ напр., роскошные сосуды и орудія изъ золота и серебра, изъ лазуреваго камня или малахита, изъ разноцвѣтнаго стекла, причемъ въ отношеніи художественности издѣлія изъ Киликіи и Кипра стояли выше произведеній финикійской промышленности, отличавшихся странными причудливыми формами“. (Speck. I. p. 454).

обороты ограничивались узкимъ кругомъ предметовъ и каждый изъ послѣднихъ былъ представленъ въ очень незначительномъ количествѣ. Продолжительность путешествій была велика, причемъ и финикіяне не рисковали пускаться въ открытое море, придерживаясь всегда береговъ, да и вмѣстимость кораблей была очень ограничена. Поэтому въ смыслѣ интенсивности мы едва ли можемъ сравнить финикійскую торговлю даже съ торговымъ обмѣномъ между итальянскими городами и Востокомъ въ XIII—XV ст., происходившимъ на томъ же Средиземномъ морѣ.

Тѣмъ не менѣе преувеличенія, которыя мы находимъ у писателей при характеристикѣ финикійской торговли, далеко не столь значительны, какъ тѣ преувеличенія, которыя допускаются при описаніи торговли другихъ странъ древняго Востока, относительно торговой дѣятельности которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Хотя и не абсолютно, но по сравненію съ торговлей другихъ странъ древняго міра, производимые финикіянами торговые обороты были несомнѣнно значительны и возбуждали всеобщее вниманіе народовъ древняго міра. Уже въ тѣ времена, когда другіе народы еще совсѣмъ не знали торговаго обмѣна или были съ нимъ крайне мало знакомы, финикіяне предпринимали плаванія по Средиземному морю съ торговыми цѣлями, хотя и занимались одновременно съ этимъ и рыбной ловлей, и пиратствомъ. Болѣе пяти столѣтій они являлись единственнымъ торговымъ народомъ, не имѣвшимъ соперниковъ [1]). Отсюда-то многочисленныя сказанія, которыя сложились у другихъ народовъ объ удивительной торговой дѣятельности и подвигахъ финикіянъ: этимъ народамъ, конечно очень далеко было до предпріимчивыхъ жителей Тира и Сидона.

Сказанія распространились, несомнѣнно, не безъ участія самихъ финикійскихъ торговцевъ, которые старались представить свои путешествія въ преувеличенномъ видѣ. При этомъ они преслѣдовали и другую цѣль: стараясь устранить возникавшихъ въ лицѣ грековъ новыхъ конкуррентовъ, они сочиняли всевозможные ужасы о путешествіяхъ въ дале-

[1]) Бэръ, I. 27. Speck. l. p. 472.

кихъ странахъ, о климатическихъ условіяхъ, дикихъ звѣряхъ и чудовищахъ, о трудностяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжено добываніе различныхъ предметовъ торговаго обмѣна. И люди вѣрили имъ, ибо были убѣждены, что финикіяне сами дѣйствительно способны совершать подвиги на сушѣ и на морѣ. Геродотъ сообщаетъ цѣлый рядъ подобныхъ басенъ, которыя, очевидно, были распространены въ Греціи: финикіяне, слѣдовательно, достигли своей цѣли. Такъ, ладанныя деревья, по словамъ Геродота, охраняются крылатыми змѣями, маленькими и пестрыми на видъ, которыя въ большомъ числѣ сидятъ на каждомъ деревѣ; кассія растетъ въ неглубокомъ озерѣ, а около нея и въ ней живутъ крылатыя животныя, болѣе всего похожія на летучихъ мышей; корица находится въ птичьихъ гнѣздахъ, прилѣпленныхъ къ горамъ, куда человѣку нѣтъ доступа; а леданонъ, который идетъ во многія масла и составляетъ любимѣйшее куреніе у арабовъ, будучи самъ веществомъ душистымъ, помѣщается на самомъ зловонномъ предметѣ, именно: въ видѣ древесной смолы находятъ его на бородахъ козловъ [1]). „О способѣ добыванія золота—говоритъ Геродотъ—я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Разсказываютъ, впрочемъ, что одноглазые аримаспы похищаютъ его у грифовъ. Однако, я не вѣрю въ существованіе людей одноглазыхъ, во всемъ остальномъ сходныхъ съ прочими людьми“ [2]). Финикіянами распространились, вѣроятно, и легенды о томъ, что въ тропическихъ странахъ жара невыносимая, а въ сѣверныхъ невозможно выдержать холода; отъ нихъ можетъ быть, идетъ и сообщаемое Плиніемъ извѣстіе, будто бы море по ту сторону Бабэльмандебскаго пролива вслѣдствіе страшной жары совершенно недоступно для плаванія; этотъ разсказъ встрѣчается уже у Арріана [3]). Греки называли подобныя сказанія „финикійскими выдумками, финикійскими баснями“. Во многихъ случаяхъ финикіане шли гораздо дальше и для сохраненія своего монопольнаго положенія въ торговлѣ прибѣгали къ обману и насилію по отношенію къ конкуррентамъ.

---

[1]) Геродотъ кн. III, 107. 110—112.

[2]) Тамъ же, кн. III, 116 Кн. IV, 13. 27.

[3]) Speck. I. 513—14.

Страбонъ разсказываетъ, что „въ древности одни финикіяне вели торговлю съ Гайдерами, скрывая отъ всѣхъ путь, ведущій къ нимъ. Когда однажды римляне преслѣдовали владѣльца корабля съ цѣлью узнать эти мѣста торговли, то онъ изъ корысти намѣренно навелъ свой карабль на мель и, погубивши такимъ образомъ своихъ преслѣдователей, самъ спасся вслѣдствіе ихъ кораблекрушенія и получилъ отъ государства вознагражденіе за потерянные товары.“ [1]).

Финикіяне имѣли, повидимому, всѣ основанія не останавливаться ни передъ чѣмъ для сохраненія своей монополіи, ибо съ уничтоженіемъ послѣдней былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ всей ихъ торговлѣ. „Съ X вѣка—говоритъ Моверсъ—Тиръ постепенно вытѣсняется изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ торговыхъ пунктовъ, гдѣ онъ занималъ почти монопольное положеніе, а позже эта судьба постигла и западныя колоніи, лишившіяся въ лицѣ Тира центра, которымъ держалась вся финикійская торговля. А начиная съ IX вѣка, въ различныхъ мѣстахъ Средиземнаго моря стали мало-по-малу возникать греческіе торговые города, первоначально въ древнѣйшихъ центрахъ финикійской торговли, по берегамъ Малой Азіи и на прибрежныхъ островахъ; эти торговые центры стали, въ свою очередь, расширять свою торговую дѣятельность сначала въ Греціи и по всему сѣверному побережью Средиземнаго моря вплоть до Италіи, а затѣмъ обратились и къ югу, совершая путешествія въ Африку и даже въ Египтѣ они подъ покровительствомъ фараоновъ стали вытѣснять финикіянъ. Лишившись, такимъ образомъ, своего первенства на морѣ въ средней и восточной части Средиземнаго моря, изолированныя западныя финикійскія колоніи уже не могли сохранить и здѣсь своего монопольнаго положенія въ торговлѣ“ [2]).

Въ вытѣсненіи финикіянъ изъ Греціи и ея колоній, послѣ того какъ финикійскія поселенія существовали въ теченіе многихъ столѣтій, Шмоллеръ усматриваетъ одинъ

---

[1]) Географія Страбона въ семнадцати книгахъ, пер. Мищенко. Кн. III гл. V. 11.

[2]) Movers, III, p. 24—26.

изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ реакціи противъ иностранцевъ, когда послѣдніе, будучи допущены въ качествѣ торговцевъ, вызываютъ противъ себя неудовольствіе туземнаго населенія эксплотаціей жителей, властолюбивыми замыслами, наконецъ тѣмъ, что они мѣшаютъ развиваться собственной торговлѣ, тѣхъ странъ, гдѣ они поселились. „Вообще—прибавляетъ онъ — иноземные купцы были желаными гостями у царей и аристократовъ, которымъ они доставляли продукты другихъ странъ, покупая вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ сырыя произведенія страны; но все остальное населеніе, которое ничего не покупало и мало что имѣло для продажи, относилось къ нимъ подозрительно, даже враждебно“ [1]).

Изъ Малой Азіи, съ острововъ Эгейскаго моря финикіяне были сравнительно легко вытѣснены греками. „Даже въ торговые центры Востока—говоритъ Мюллеръ—древнѣйшіе оплоты финикійской торговли, проникаютъ греческіе купцы и успѣшно конкуррируютъ съ финикіянами и сирійцами въ ихъ собственныхъ странахъ, какъ и въ западной части Средиземнаго моря, гдѣ въ концѣ VII вѣка фокеяне распространили свои факторіи вплоть до южной Испаніи (Тартессъ) и утвердились въ устьяхъ По и Роны“ [2]). Такимъ образомъ, въ VII ст. торговля въ большей части Средиземнаго моря находилась уже въ рукахъ грековъ [3]), которые „оказались способными учениками финикіянъ въ области кораблестроенія, судоходства, морскаго разбоя и торговли“. Слѣдуетъ, однако имѣть въ виду различіе между восточной и западной частями Средиземнаго моря. Въ то время, какъ въ Эгейскомъ морѣ, Малой Азіи, Египтѣ, греки успѣли утвердиться уже въ VII—VIII ст., западная его часть: южная Испанія, Сицилія, Сардинія, Корсика, Этрурія, Нумидія находились еще долго съ сферѣ финикійскаго вліянія, гдѣ торговля сосредоточивалась въ рукахъ финикійской колоніи—Карѳагена. „Упадокъ финикійскихъ городовъ, въ особенности

---

[1]) Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. B. II. Buch IV Cap. 3. Handelspolitik. p. 565—6.

[2]) Iwan Müller, Griechische Privataltertümer. 2 Aufl. München. 1893. p. 256—58. (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaften von Iw. Müller. B. IV. T. 1).

[3]) Ed. Meyer. II. 535.

Тира—говоритъ Бэръ—ускорилъ развитіе торговаго могущества Карѳагена. Знатные роды и богатые купцы Тира переселились въ Карѳагенъ и перенесли туда свои капиталы и свои свѣдѣнія въ области торговли“ [1]).

Финикійскія общины, повидиму, никогда не эксплоатировали сообща своей торговой монополіи: въ ихъ собственной средѣ (какъ и среди греческихъ городовъ) происходила борьба изъ за исключительнаго пользованія монопольнымъ положеніемъ въ той или другой мѣстности. По крайней мѣрѣ, Тиръ и въ періодъ наибольшаго развитія финикійской торговли не допускалъ карѳагенянъ къ рудникамъ Тартесса. И точно также Карѳагенъ, подчинивъ своей власти другія финикійскія колоніи на сѣверѣ Африки, лишилъ ихъ возможности самостоятельнаго участія въ торговлѣ: весь ихъ торговый обмѣнъ долженъ былъ совершаться черезъ посредство Карѳагена. Не менѣе послѣдовательно карѳагеняне проводили свой принципъ монополіи въ отношеніи другихъ народовъ. Въ однихъ случаяхъ они дѣйствовали посредствомъ насилія, изгоняя грековъ, вытѣсняя ихъ изъ торговаго обмѣна въ западной части Средиземнаго моря, захватывая южно-испанское побережье и преграждая путь черезъ Гибралтаръ. Карѳагеняне пускали ко дну чужеземные корабли, направлявшіеся къ Сардиніи или къ Геркулесовымъ столбамъ—расказываетъ Эратосѳенъ. Въ результатѣ вся линія—Мальта, западная Сицилія, Сардинія, Балеарскіе и Питеузскіе острова и южная Испанія очутились въ ихъ рукахъ [2]). Въ другихъ случаяхъ Карѳагенъ обезпечивалъ себѣ монополію въ торговлѣ путемъ торговыхъ договоровъ, добиваясь разграниченія различныхъ мѣстностей такимъ образомъ, чтобы въ каждой области исключительное право торговли принадлежало все-таки лишь одному народу, причемъ себѣ Карѳагенъ, конечно, старался отмежевать возможно обширный монопольный рынокъ. Такъ Карѳагенъ вступилъ въ союзъ съ этрусками противъ грековъ; онъ предоставилъ этрускамъ Корсику, но зато послѣдніе должны были отказаться отъ права торговли въ Сардиніи, въ болѣе

---

[1]) Бэръ. Всемірная торговля. I, стр. 50.

[2]) Speck. Handelsgeschichte des Altertums. B. III. T. I. Karthager. Etrusker. Leipzig. 1905. p. 61. 65. 149—151.

отдаленныхъ мѣстностяхъ Испаніи, за мысомъ де-ла-Ноа и за Геркулесовыми столбами. Подобный же характеръ имѣли договоры съ Массиліей; послѣдняя сохранила за собой главнымъ образомъ торговлю на сѣверѣ и по направленію къ Бискайскому заливу. По первому торговому договору съ Римомъ 509 г. римляне отказались принимать какое бы то ни было участіи въ торговлѣ за мысомъ Форміо; право торговли въ Сициліи предоставляется обоимъ контрагентамъ, но въ Карѳагенѣ, Сардиніи, Утикѣ они могутъ торговать лишь въ присутствіи (при посредничествѣ?) властей. Еще сильнѣе обнаруживаются монопольныя стремленія карѳагенянъ во второмъ договорѣ съ Римомъ 348 г. до Р. Х.: римлянамъ запрещено торговать съ Сарадиніей и Африкой (кромѣ г. Карѳагена), съ Испаніей и за Геркулесовыми столбами. Подобныя же постановленія содержитъ и третій договоръ съ Римомъ, заключенный приблизительно въ 306 году до Р. Х., хотя римлянамъ сдѣланы нѣкоторыя уступки: торговля въ Сициліи принадлежитъ одному Карѳагену, въ Италіи— Риму, Корсику не долженъ занимать ни одинъ изъ контрагентовъ. Пользуясь своей силой на морѣ, Карѳагенъ послѣдовательно проводитъ свою торговую политику, направленную къ полному устраненію или, по крайней мѣрѣ, значительному ограниченію конкурентовъ. Онъ старается расширить свой рынокъ, старается добиться монопольнаго положенія при пріобрѣтеніи товаровъ, чтобы покупать ихъ дешево; другіе же должны покупать ихъ по высокимъ цѣнамъ и притомъ въ одномъ лишь Карѳагенѣ, а не въ Утикѣ или другихъ союзныхъ городахъ [1]).

Изъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ между Карѳагеномъ и Римомъ, становится понятной ожесточенная вражда, господствовавшая между ними; слова: „ceterum censeo Carthaginem esse delendam“ пріобрѣтаютъ новый смыслъ. Римъ не могъ успокоиться, пока Карѳагенъ не былъ совершенно уничтоженъ. Однако, превративъ Карѳагенъ въ римскую провинцію, сокрушивъ его торговлю, Римъ все-таки не развилъ своей собственной: слишкомъ долго

---

[1]) Schmoller, II, 567—8. Speck. III, 1. p. 155 сл.

продолжалась монополія Карѳагена, устранявшая римлянъ изъ торговаго обмѣна.

IV.

Греческая торговля представляетъ по своему характеру много сходства съ финикійской. И греки являлись, прежде всего, посредниками въ обмѣнѣ продуктовъ между различными народами, причемъ и ихъ колоніи и факторіи лишь окаймляли моря: они также не рѣшались удаляться отъ берега вглубь страны, такъ что повсюду туземцы доставляли свои произведенія къ берегу, гдѣ за ними являлись греческіе купцы—результатъ взаимнаго недовѣрія народовъ, вѣковыхъ враждебныхъ отношеній [1]). „Племена, жившіе за этой каймой греческихъ селеній, были частью богатые народы Египта и азіатскаго Востока, частью еще дикіе племена съ примитивнымъ образомъ жизни, но многочисленные какъ галлы и обитатели Италіи. Среди тѣхъ и другихъ открывалось широкое поприще для греческой торговли [2])". Однако, рядомъ съ такой посреднической дѣятельностью въ греческой торговлѣ, въ противоположность финикійской, играло значительную роль и снабженіе Эллады и, преждѣ всего, Аттики и другихъ культурныхъ центровъ произведеніями другихъ странъ и народовъ,

„Все что есть хорошаго въ Сициліи, въ Италіи, на Кипрѣ въ Египтѣ, въ Ливіи, въ странахъ, расположенныхъ у Чернаго моря, въ Херсонесѣ, въ Пелопоннесѣ или въ другихъ мѣстахъ,—все это стекается сюда, въ Аѳины — говоритъ Ксенофонтъ,—благодаря нашему владычеству на морѣ [3])". Это владычество на морѣ Греція пріобрѣла лишь постепенно. Какъ указываетъ Франкоттъ, Одиссея производитъ такое впечатлѣніе, что въ тѣ времена греки еще съ ужасомъ смотрѣли на море, что они боялись его необъятнаго простора, его бурь и скалъ; лишь отдѣльные храбрецы, воины и пираты рѣшались пускаться въ море за добычей [4]). Греческіе

---

[1]) Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne. Bibliothèque de la faculté de philosophie et lettres de l'université de Liège. Fasc. VII. Bruxelles. 1900. p. 28, 143.

[2]) Ibid, p. 28.

[3]) Аѳинская республика (Ксенофонта). II, 7. Francotte, I, p. 120.

[4]) Francotte p. 21—24.

купцы ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ не встрѣчаются, въ роли купцовъ фигурируютъ всегда иноземцы, въ особенности финикіяне [1]). И впослѣдствіи, съ появленіемъ торговли, господство на морѣ никогда не принадлежало Греціи въ цѣломъ: теорію Геерена—говоритъ Шмоллеръ—созданную имъ въ духѣ Адама Смита, будто бы въ Греціи господствовала свобода торговли, уже Бекъ призналъ сказкой [2]). Торговля сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ городовъ, которые находились въ безпрерывной враждѣ между собою. „Войны между Халкисъ и Эретріей—указываетъ Шпекъ—между Самосомъ и Эгиной, между Аѳинами и Эгиной велись изъ за торговыхъ интересовъ, изъ за преобладанія въ торговомъ обмѣнѣ“ [3]). Въ первый періодъ греческой торговли (VIII—VI ст.) торговая гегемонія принадлежала Эгинѣ, Халкису, Эретріи, а также Самосу, Милету и Эфесу въ Малой Азіи. Однако, торговля Эретріи была уничтожена ея соперникомъ Халкисомъ, а позже и Халкисъ былъ превращенъ въ аѳинскую колонію; Милетъ былъ разрушенъ персами; недолговѣчна была и торговля Самоса. Дольше держались лишь Эфесъ и Эгина, хотя и послѣдняя сильно страдала отъ нападеній Коринѳа и Аѳинъ, ея конкурентовъ, а въ V вѣкѣ и торговля въ Пелопоннесѣ перешла въ руки коринѳянъ. Не только въ Пелопоннесѣ, но и въ сѣверныхъ странахъ, расположенныхъ у Іоническаго моря, въ Акарнаніи, Этоліи, Эпирѣ рынокъ принадлежалъ коринѳянамъ. Въ этихъ мѣстностяхъ, а также на островѣ Левкасѣ, въ Ахаѣ, въ южной Италіи и Сициліи (Сиракузы) коринѳяне устроили цѣлый рядъ торговыхъ колоній и факторій [4]). Въ V вѣкѣ выступаютъ на сцену и Аѳины въ качествѣ торговой державы. Они держатся той же политики монополизаціи торговли, какой придерживался и Коринѳъ и всѣ другіе города: повсюду мы замѣчаемъ стремленіе обезпечить себѣ монополію на рынкѣ. „Старые приморскіе торговые города Греціи и Малой Азіи частью лишились своего могущества и превратились въ подданныхъ Аѳинъ, какъ,

[1]) См. Büchsenschütz. Iw. Müller. Griechische Privataltertumer. p. 256. Cohn Nationaloeconomik des Handels. p. 32.

[2]) Schmoller, II, p. 568.

[3]) Speck, I, p. 16.

[4]) Francotte, I, p. 31—36, 96—98.

напр., города Іоніи и Эвбеи, частью же все болѣе и болѣе суживался ихъ кругъ дѣятельности и они чувствовали себя со всѣхъ сторонъ стѣсненными Аѳинами; въ такомъ положеніи находились Эгина и Коринѳъ, а тѣмъ болѣе мелкіе прибрежные города, за исключеніемъ одной Коркиры“ [1]).

Аѳиняне—говоритъ Шмоллеръ—силою устраняли конкурентовъ, гдѣ считали это нужнымъ. Основывая факторіи и рынки въ другихъ странахъ, Аѳины предоставляли право торговли исключительно собственнымъ гражданамъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи португальцы, голландцы, англичане. Въ договорѣ, заключенномъ съ островомъ Кеосомъ, Аѳины выговорили себѣ монополію вывоза красной краски. У босфорскаго царя они добились освобожденія своихъ купцовъ отъ вывозныхъ пошлинъ. Вывозъ хлѣба съ Понта они старались захватить совершенно въ свои руки, не только пользуясь свободой отъ пошлинъ, которыя уплачивали другіе, но и настаивая на правѣ нагрузки своихъ судовъ ранѣе всѣхъ другихъ и вывоза хлѣба даже въ періоды голодовокъ. Лишь въ 445 году Аѳины вынуждены были согласиться (договоръ при заключеніи мира) на допущеніе свободы торговли по отношенію къ Спартѣ и ея союзникамъ (преимущественно Коринѳу). Однако, и впослѣдствіи аѳинскіе послы наивно заявляютъ въ Спартѣ, (по Ѳукидиду) въ отвѣтъ на жалобы союзныхъ городовъ, что вполнѣ правильно и справедливо, чтобы слабѣйшіе подвергались ограниченіямъ установленнымъ сильнѣйшими. Торговое соперничество между Аѳинами и Коринѳомъ играло большую роль при возникновеніи пелопоннесской войны. И точно также экспедиція въ Сицилію была, повидимому, вызвана преимущественно борьбой греческихъ городовъ изъ-за важнаго торговаго рынка, гдѣ производился обмѣнъ промышленныхъ издѣлій на привозимый съ запада хлѣбъ [2]). Дѣйствительно, какъ указываетъ Бюхеръ въ своемъ новѣйшемъ изслѣдованіи, посвященномъ нѣкоторымъ вопросамъ экономической исторіи Греціи, Аѳины стали торговымъ центромъ, куда привозились продукты со всѣхъ частей Средиземнаго, а также съ Чернаго моря. Торговлю въ Пиреѣ онъ

[1]) Meyer. Geschichte des Altertums. B. III. Stuttgart. 1901. p. 537.
[2]) Schmoller, II, p. 568.

представляетъ себѣ въ видѣ ярмарки, продолжавшейся въ теченіе всего теплаго времени года, и сравниваетъ ее съ нижегородской и ирбитской ярмарками. Здѣсь сходились прибрежныя греческія, финикійскія, быть можетъ и италійскія племена и обмѣнивали избытки своихъ произведеній [1]).

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что торговля имѣла большое значеніе въ древней Греціи и способна была оказывать большее вліяніе на экономическую жизнь эллиновъ. Прежде всего не надо упускать изъ виду, что класса купцовъ, для которыхъ торговля являлась бы исключительной профессіей, въ Греціи не существовало: какъ и въ Вавилоніи, въ Египтѣ и въ другихъ странахъ Востока, такъ и въ Греціи торговля находилась въ рукахъ царей, какъ, напр., въ Коринѳѣ въ VIII вѣкѣ (родъ Бакхіадовъ) въ Халкисѣ (родъ Гиппоботовъ) и другихъ владѣльцевъ-аристократовъ, какъ, напр., въ Эгинѣ, въ Аѳинахъ; и братъ поэтессы Сафо, Харакссъ, и Ѳеогнистъ, и Солонъ (аѳинянинъ IV вѣка) занимались торговыми операціями точно также, какъ Ѳалесъ, Гиппократъ и отчасти даже Платонъ [2]). „Въ Іоніи, на Эвбеѣ, въ Коринѳѣ, въ Мегарѣ—говоритъ Эдуардъ Мейеръ—торговля находилась въ рукахъ помѣстной аристократіи [3])“. Да иначе и не могло быть: даже въ Аѳинахъ и притомъ въ періодъ послѣ пелопоннесской войны всего одна пятая часть населенія не владѣла землей [4]); экономическая жизнь Греціи носила аграрный характеръ, и не только въ наиболѣе древній героическій періодъ, но и въ послѣдующія столѣтія. Въ VIII—VI ст., когда возникла и стала развиваться греческая торговля, экономическій бытъ Греціи, какъ указываетъ Франкоттъ, измѣнился. Но—прибавляетъ онъ—не слѣдуетъ преувеличивать совершившейся перемѣны. Во 1-хъ, она произошла далеко не повсюду: значительная часть Греціи никогда не выходила изъ періода почти исключительно

---

[1]) Bücher, Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte. Festgaben für Albert Schäffle. Tübingen 1901, p. 236—237.

[2]) Poehlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. B. II. München. 1901, p. 113—114. Speck, B. II. Griechen. p. 518. Francotte, I. Chap, VI.

[3]) Meyer, B. II. p. 553.

[4]) Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum. Halle. 1869, p. 328.

аграрнаго хозяйства. Во 2-хъ, тамъ, гдѣ дѣйствительно совершился переворотъ, онъ не былъ настолько глубокъ, какъ это можно было бы предполагать на первый взглядъ [1]). „Цѣлые раіоны Греціи не имѣли вовсе ни торговли, ни промысловъ, поскольку послѣднія не были необходимы для мѣстныхъ жителей: таковы Ѳессалія, Эпиръ, Локрида, Этолія, Фокида, бо́льшая часть городовъ Фракіи, Италіи и даже Сициліи". И въ другихъ городахъ, которые занимаются и торговлей и играютъ даже значительную роль въ той торговлѣ, которая существуетъ, сельское хозяйство является все-таки главнымъ источникомъ благосостоянія жителей [2]). Говоря о торговомъ и промышленномъ развитіи Греціи, мы, какъ указываетъ Гартманъ, обыкновенно забываемъ о большей части страны и думаемъ лишь о такихъ городахъ, какъ Аѳины или Коринѳъ. Даже въ Аттикѣ, и притомъ не только въ VII—VI, но и въ V—IV ст., т. е. въ эпоху расцвѣта ея промышленности и торговли, аграрный бытъ преобладалъ: Франкоттъ приводитъ это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что хотя въ эту эпоху и существовалъ сравнительно значительный торговый обмѣнъ, но онъ затрагивалъ лишь верхніе слои населенія и не могъ внести значительныхъ перемѣнъ въ господствовавшее замкнутое домашнее хозяйство. „Греческая промышленность—говоритъ онъ—находилась въ самомъ зачаточномъ состояніи; Греція знала лишь художественную промышленность. Вывозились лишь очень цѣнные продукты, всѣ остальные производились повсюду въ собственномъ хозяйствѣ". Въ Греціи существовали всего три отрасли промышленности, производившія на вывозъ—гончарная, льняная и металлическая, но и онѣ изготовляли лишь предметы роскоши; лишь художественно исполненные сосуды, бронзовыя издѣлія, красивыя одѣянія и т. п. вещи являлись предметомъ торговли. И Коринѳъ, и и Аѳины только и обладали такого рода промышленностью.

Вывозъ Аѳинъ былъ вообще очень незначителенъ; онъ состоялъ изъ серебра и мрамора, а также издѣлій изъ нихъ.

---

[1]) Francotte, I, p. 31 и сл. См. также рецензію Hartmann'a о Meyer'ѣ (Wirtschaftliche Entwicklung des Altertums) Zeitschrift für Social- and Wirtschaftsgeschichte. B. IV, p. 156.

[2]) Francotte. p. 38, 52—3, 200.

За привозные продукты Аѳины (подобно Риму) платили преимущественно деньгами, а не продуктами [1]). Доказывая всю неправильность вычисленій Белоха относительно размѣровъ аѳинской торговли [2]), Бюхеръ въ частности обращаетъ вниманіе и на произвольность того положенія, изъ котораго исходитъ Белохъ, будто бы за привозимые товары Аѳины въ свою очередь уплачивали товарами, произведенными въ Аттикѣ, между тѣмъ какъ, по словамъ греческихъ писателей, Аттика платила за иноземные товары деньгами (серебромъ); даже корабли, направлявшіеся изъ Аѳинъ къ Черному морю, нерѣдко выходили безъ груза и забирали грузъ—вино въ Косѣ, Ѳасосѣ или другихъ мѣстахъ. Бюхеръ указываетъ также на незначительность размѣровъ милезской промышленности, которая, по мнѣнію Эд. Мейера, имѣла чуть ли не фабричный характеръ. Въ источникахъ въ большинствѣ случаевъ идетъ рѣчь о шерсти, т. е. о сырьѣ, и лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ объ экспортѣ шерстяныхъ издѣлій. При этомъ, говоря о потребленіи милезской шерсти въ другихъ мѣстностяхъ, древніе обыкновенно имѣютъ въ виду вовсе не шерсть, привезенную изъ Милета, а опредѣленный, всѣмъ извѣстный сортъ шерсти, шерсть особенной тонкости и мягкости или вообще что-либо особенно рѣдкое и цѣнное (при сравненіяхъ); а въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ рѣчь объ экспортѣ пурпурныхъ шерстяныхъ издѣлій милезскаго производства, которыя, какъ видно изъ различныхъ текстовъ, изготовлялись женщинами на дому и представляли собою предметъ особенной роскоши, доступный лишь очень богатымъ, да и то лишь въ ограниченномъ количествѣ, почему вывозъ и не могъ достигать значительныхъ размѣровъ [3]).

Главнымъ тормазомъ, задерживавшимъ переходъ Греціи отъ замкнутаго домашняго хозяйства къ болѣе совершеннымъ формамъ экономической жизни, слѣдуетъ признать—по мнѣнію Франкотта—рабство: результатомъ существованія огромнаго количества рабовъ являлось то, что и съ увеличеніемъ потребностей послѣднія могли удовлетворяться

---

[1]) Francotte, I, p. 54 и сл. 105, 122—24, 140, 158—9, 213.

[2]) Beloch, Jahrbücher für Nationaloekonomie III. F. B. XVIII, p. 626 и сл.

[3]) Bücher, Griechische Wirtschaftsgeschichte, p. 237—254.

въ собственномъ хозяйствѣ, такъ что не ощущалось надобности ни въ развитой промышленности, ни въ привозѣ продуктовъ другихъ странъ, и роль торговли сводилась къ обмѣну предметовъ роскоши, къ доставленію произведеній Востока: цѣнныхъ тканей и жемчуга, благовоній и пряностей. Поэтому хотя въ V—IV ст. экономическая жизнь значительно отличалась отъ предыдущихъ эпохъ, она даже въ Аѳинахъ не въ состояніи была принять характера городскаго хозяйства: для этого недоставало промышленности, работающей на мѣстнаго потребителя. „Торговое и промышленное законодательство этого періода напоминаетъ въ общихъ чертахъ законодательство средневѣковыхъ городовъ; но оно гораздо проще, отличается болѣе первобытнымъ характеромъ. Оно несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что переворотъ въ хозяйственной жизни совершился, но далеко не вполнѣ“ [1]).

Такимъ образомъ Франкоттъ, на основаніи детальнаго анализа экономическаго быта Греціи вообще и ея промышленности въ особенности, подтверждаетъ правильность установленной Бюхеромъ характеристики хозяйства древняго міра, какъ замкнутаго домашняго хозяйства. Не являясь вовсе безусловнымъ поклонникомъ Бюхера, онъ тѣмъ не менѣе вынужденъ согласиться съ нимъ, что хотя системой домашняго хозяйства и не исчерпывались всѣ экономическія отношенія древняго міра, но все-таки институтъ рабства доставлялъ возможность расширенія сферы хозяйственной дѣятельности, не нарушая основныхъ чертъ замкнутаго хозяйства; онъ вынужденъ признать, что несмотря на то, что не только въ древней Греціи, но и въ государствахъ древняго Востока уже существовали хозяйственныя явленія, выходящія далеко за предѣлы замкнутаго домашняго хозяйства, и происходилъ довольно значительный торговый обмѣнъ, эта сторона экономической дѣятельности все-таки развилась не настолько, чтобы устранить основныя черты прежней организаціи хозяйства.

Какъ справедливо указываетъ Гартманъ—читая характеристику античнаго хозяйства у Эдуарда Мейера, мы полу-

---

[1]) Francotte, I, p. 285—289, 307.

чаемъ совершенно иное представленіе: будто бы между современнымъ хозяйствомъ и хозяйствомъ древняго міра нѣтъ никакой существенной разницы. „Но, прибавляетъ онъ, именно такой взглядъ на экономическую жизнь древнихъ лишаетъ возможности правильно понять хозяйственныя условія того времени и экономическое развитіе человѣческихъ обществъ вобще“ [1]). Проф. Бузескулъ въ свою очередь указываетъ, что результатомъ изученія соціально-экономической жизни древняго міра явилась модернизація исторіи древняго міра. При этомъ подъ модернизаціей онъ понимаетъ „не искаженіе древней исторіи посредствомъ сообщенія ей совершенно чуждыхъ началъ, не тенденціозное подновленіе и, такъ сказать, фальсификацію ея, а скорѣе сближеніе и сопоставленія съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени. Но и такая модернизація—прибавляетъ онъ—имѣетъ, конечно, свою опасную сторону; тутъ легко впасть въ крайность и натяжки, усмотрѣть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ или гдѣ оно только кажущееся; сосредоточивая свое вниманіе на аналогичныхъ моментахъ, изслѣдователь легко можетъ оставить въ сторонѣ и недостаточно оттѣнить особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, или упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго [2])“. Именно этимъ грѣшатъ построенія Эдуарда Мейера, который считаетъ возможнымъ утверждать, что хозяйственная жизнь Аѳинъ V и IV ст. „проникута такимъ же капиталистическимъ характеромъ, какъ экономическая жизнь Англіи съ XVIII и Германіи съ XIX ст.“ [3]) Лишь отказавшись отъ всякаго количественнаго анализа экономическихъ явленій, Эдуардъ Мейеръ могъ приравнивать торговлю того времени къ торговлѣ XVII—XVIII ст., могъ говорить о существованіи развитой промышленности въ античномъ мірѣ. „Въ качествѣ потребителей фигурировавшихъ въ торговлѣ товаровъ—говоритъ Гартманъ—

---

[1]) Hartmann. Zeitschr. f. Soc. u. Wirtschaftsgesch. IV.

[2]) Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи, 2 изд. Харьковъ, 1904, стр. 509—10.

[3]) Meyer. B. III, p. 550.

имѣли значеніе только государство, крупнѣйшіе города и богатѣйшіе люди“ [1]).

Еще дальше, пожалуй, чѣмъ Эдуардъ Мейеръ, заходитъ Робертъ Пельманъ въ своей „Исторіи античнаго коммунизма и соціализма“. Уже въ героическую эпоху существовало по мнѣнію Пельмана, крупное производство, которое, впрочемъ въ то время (время Гомера) имѣло еще натуральный характеръ и было предназначено для собственнаго потребленія; но коль скоро продукты стали производиться для сбыта, возникло и капиталистическое хозяйство. Эта перемѣна произошла въ теченіе VIII и VII ст., ибо вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ населенія, наступилъ расцвѣтъ городовъ и городской промышленности, торговли и колоній, и изъ многочисленныхъ быстро развивавшихся центровъ городской жизни денежное хозяйство стало распространяться по всей странѣ“. Запасы для собственнаго потребленія превращаются въ спекулятивный капиталъ, помѣщаемый въ производствѣ съ цѣлью извлеченія прибыли. Характерную черту господства капитализма Пельманъ усматриваетъ въ мамонизмѣ, въ ничѣмъ не сдерживаемой страсти къ накопленію богатствъ, которыя ставятся выше всего, выше идеальныхъ благъ. Любопытно, что эту алчность по отношенію къ деньгамъ онъ находитъ въ древней Греціи не только въ V—III ст., но и въ VIII—VII ст. и еще раньше; уже въ героическую эпоху понятія „богатый“ и „знатный“ совпадаютъ, уже на щитѣ Ахиллеса изображенъ землевладѣлецъ, радующійся, подобно современному помѣщику, глядя на свое поле, и думающій о своихъ доходахъ, а Одиссей готовъ еще дольше странствовать по свѣту, лишь бы привезти съ собою побольше богатствъ. И другая характерная черта капитализма—стремленіе къ показному блеску и роскоши, желаніе обращать на себя вниманіе одеждой, домашней обстановкой и т. под. уже во времена Гезіода охватываетъ все существованіе богатыхъ и знатныхъ классовъ; уже въ этотъ періодъ „ростъ денежнаго хозяйства сопровождается развитіемъ роскоши, доходящей до такой расточительности, которая была немыслима при господствѣ прежняго натуральнаго хозяйства“. Все это и заставляетъ Пельмана относить совершившійся

[1]) Hartmann. l. c., p., 153—155.

переворотъ—замѣну натуральнаго хозяйства капиталистическимъ къ VIII—VII. ст. [1]).

Однако, изъ этого послѣдняго обстоятельства лучше всего видна полная несостоятельность теоріи Пельмана. Факты изъ исторіи экономической жизни древней Греціи или Рима въ эпоху ихъ наибольшаго расцвѣта могутъ еще ввести въ заблужденіе, вызвать при недостаточно глубокомъ анализѣ явленій представленіе о капиталистическомъ характерѣ хозяйства V—III ст. въ Греціи или періода I ст. до Р. Хр. и I—II ст. Р. Хр. въ Римѣ; но едва ли даже самый ярый модернизаторъ античнаго міра станетъ относить зачатки капитализма къ героической эпохѣ, будетъ приравнивать Одиссея или землевладѣльца эпохи Гомера къ современнымъ сельскимъ хозяевамъ или купцамъ. Если уже въ этомъ періодѣ возникаетъ капитализмъ, то когда же его не было? Вѣдь еще болѣе отдаленнаго періода въ исторіи Греціи мы не знаемъ. Очевидно Пельманъ смѣшалъ двѣ совершенно различныя вещи, два совершенно разнородные по своему характеру момента. Онъ смѣшалъ стремленіе къ накопленію денегъ съ цѣлью превращенія ихъ въ капиталъ и примѣненія въ производствѣ для дальнѣйшаго извлеченія прибыли—съ простой погоней за деньгами для употребленія ихъ на собственныя нужды, на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши. Первое существуетъ въ настоящее время, вторую находимъ среди извѣстныхъ группъ населенія въ древнее время и въ средніе вѣка во всѣ эпохи, кромѣ развѣ времени первобытнаго состоянія человѣчества. Пельманъ самъ вѣдь указываетъ на то, что расточительность греческихъ аристократовъ какъ въ VIII—VII ст., такъ и впослѣдствіи, приводила къ тому, что расходовалось все накопленное имущество. Какой же это капитализмъ?—если вообще позволительно употреблять это расплывчатое и растяжимое понятіе. Богатство пріобрѣталось въ древней Греціи не посредствомъ производства товаровъ наемными рабочими и не спекуляціей на рынкѣ, а прежде всего грабежомъ во время войнъ и морскимъ разбоемъ, въ особенности же эксплотаціей труда собственныхъ рабовъ; впослѣдствіи къ этимъ источникамъ наживы присоединилась также отдача денегъ въ ростъ (потребительный

[1]) Poehlmann, II. p. 110—119, 162 и сл. 191 и сл.

кредитъ), отчасти и торговля. Накопленныя такимъ путемъ богатства быстро расточались, не превращались въ капиталъ, не служили для дальнѣйшаго употребленія въ производствѣ. И въ этомъ Пельманъ находитъ „типическія черты капитализма“ (читай: современнаго); Одиссей, помышляющій о добычѣ на морѣ, превращается у него въ капиталиста только потому, что онъ стремится къ наживѣ. Къ этому привела теорія, которая допускаетъ лишь двоякую возможность: хозяйственную дѣятельность, направленную либо къ пріобрѣтенію средствъ пропитанія, либо къ извлеченію прибыли для накопленія капитала, тогда какъ возможенъ еще: третій, наиболѣе часто встрѣчающійся въ исторіи случай извлеченіе прибыли не съ цѣлью капитализаціи ея, а для потребленія [1]).

„Неудивительно—продолжаетъ Пельманъ—что мы встрѣчаемъ въ Греціи и обратную сторону мамонизма и капитализма—пауперизмъ въ его типической формѣ“ [2]). Это столь же слабое доказательство въ пользу того, что въ Греціи хотя бы лишь въ V—III ст. господствовало капиталистическое хозяйство, какъ и другое, приводимое имъ же, будто бы капитализмъ вызвалъ безнравственность, гибель моральныхъ основъ соціальной жизни. Дѣйствительно, поэты и прозаики, начиная съ Гезіода, говорятъ о прежнемъ золотомъ времени, когда не было ни праздныхъ людей, ни стремленія къ наживѣ, ни показной роскоши, когда сильный не эксплоатировалъ слабаго; мечтаютъ о возвращеніи этого времени. Но существовало ли оно дѣйствительно когда-либо, не было ли оно лишь мечтой, лишь призракомъ? [3]). Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы въ болѣе первобытный періодъ условія жизни были иныя, и еще болѣе можно сомнѣваться въ томъ, что бѣдность и нищета въ широкихъ слояхъ населенія была явленіемъ новымъ, появившимся впервые въ V—IV ст. и ранѣе не существовавшимъ. „Соціальнаго равенства—говоритъ Эд. Мейеръ—не существовало и въ самыя первобытныя времена; богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и зависимое населеніе мы находимъ и

[1]) См. по этому поводу мою рецензію о Зомбартѣ (Der moderne Kapitalismus) въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.,“ февр. 1904.

[2]) Poehlmann, II, p. 206.

[3]) См. Meyer. B. V. 1902. p. 366.

у индо-германцевъ и древнихъ грековъ, какъ и у всѣхъ кочевыхъ народовъ“ [1]). При широкомъ пользованіи рабскимъ трудомъ положеніе безземельнаго свободнаго населенія никогда не могло быть благопріятнымъ, и если количество этого населенія впослѣдствіи возросло, то это вызывалось не развитіемъ торговли, а различными условіями политическаго характера, ничего общаго съ капитализмомъ не имѣвшими. Современный наиболѣе развитой капитализмъ создалъ, наоборотъ, благопріятныя матеріальныя условія для массъ рабочаго населенія [2]).

Франкоттъ своимъ изслѣдованіемъ о промышленности древней Греціи подтвердилъ правильность теоріи Бюхера для греческаго міра. И. М. Гревсъ въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи римскаго землевладѣнія“ пришелъ къ тому выводу, что Бюхеръ правильно охарактеризовалъ и сущность хозяйственной жизни древняго Рима. „Въ древнѣйшій періодъ римской исторіи—говоритъ И. М. Гревсъ—нетронутая чистота картины замкнутаго домашняго хозяйства нарушается только незначительнымъ пятнышкомъ. Не могла, однако, разрушить ойкосной автономіи слабая торговля, которая лишь набѣгала на поверхность римскаго хозяйственнаго строя, нѣсколько вліяя на культуру и обстановку наиболѣе богатыхъ группъ, но не перерождая общихъ формъ быта, господствовавшихъ занятій и способовъ производства и распредѣленія“. Точно также и въ слѣдующую эпоху, въ ту эпоху, когда Римъ объединилъ подъ своею властью Италію, „италійская торговля не выросла, какъ сила, способная питать и упрочить новый порядокъ такъ, чтобы онъ могъ стать на мѣсто стараго“. Наконецъ, и въ послѣднюю эпоху республиканскаго періода, когда Римъ покорилъ и страны внѣ Италіи и сплотилъ ихъ въ одну обширную державу, не произошло глубокаго переворота; „настоящая торговля, въ смыслѣ свободнаго обмѣна добываемыхъ и обрабатываемыхъ продуктовъ между странами и людьми, развивалась довольно слабо и медленно; экономическій строй усложнялся, но устои его не перерождались въ ихъ существѣ“. Самодовлѣющее хозяйство господствовало попрежнему; даже

[1]) Ed. Mayer. B. II, p. 80.

[2]) См. объ этомъ ниже, а также Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrh. 1903. p. 499—508.

въ политическомъ отношеніи государственное устройство Рима представляло собою ничто иное, какъ „комплексъ крупныхъ ойкосовъ, сошедшихся для взаимной защиты внутреннихъ интересовъ каждаго путемъ охраны общаго господства ихъ надъ Италіей“ [1]).

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію римскаго хозяйственнаго строя временъ имперіи, И. М. Гревсъ указываетъ на то, что въ первые три вѣка принципата произошелъ переворотъ, „совершился значительный соціальный прогрессъ“, который „готовился нанести ойкосной системѣ серьезный ударъ“; онъ устанавливаетъ „фактъ зарожденія торговой связи между всѣми провинціями Римской имперіи и ея центромъ, а также установленія постояннаго обмѣна продуктовъ между отдѣльными провинціями, даже отдаленными другъ отъ друга“. Но подходя затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о торговомъ обмѣнѣ въ количественномъ отношеніи, онъ вынужденъ признать, что „міровая торговля, появившаяся въ Римѣ и получившая, повидимому, большое экстенсивное распространеніе, захватывая, какъ будто, всѣ страны извѣстнаго тогда міра, отличалась слабою интенсивностью. Она налагала лишь тонкій слой денежнаго обмѣна сверхъ прежде господствовавшаго натуральнаго хозяйства, привлекая къ новымъ формамъ экономическаго общенія также лишь тонкій слой только высшихъ богатыхъ классовъ“. Онъ обращаетъ далѣе вниманіе на то, что Бюксенштютцъ и Блюмнеръ, а за ними и многіе другіе утверждаютъ, что промышленность достигла высокаго развитія въ древнемъ Римѣ, ссылаясь на значительное количество видовъ выдѣлываемыхъ фабрикатовъ и на многочисленность городовъ и мѣстностей, извѣстныхъ производствомъ тѣхъ или другихъ промышленныхъ издѣлій; но они при этомъ мало останавливаются на способахъ производства и еще менѣе на размѣрахъ его, а между тѣмъ послѣднее крайне важно для рѣшенія вопроса, насколько существовавшая въ Римской имперіи промышленность въ состояніи была подорвать основы замкнутаго домашняго хозяйства. Въ виду

[1]) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Т. 1. Спб. 1899, стр. 501—8. 515—20. 525—6.

всѣхъ этихъ соображеній онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы тѣ новые элементы, которые появились въ періодъ имперіи, могли дѣйствительно произвести переворотъ въ хозяйственной жизни, и въ особенности, насколько эти перемѣны были прочны. Вторая эпоха императорскаго періода, начиная съ III ст. по Р. Хр., ознаменовалась возрожденіемъ домашняго хозяйства и торжествомъ его надъ появившимися было болѣе высокими формами экономической организаціи, такъ что ойкосное хозяйство оказалось замѣчательно живучимъ строемъ, продолжавшимъ жить и подъ внѣшнимъ покровомъ болѣе высокаго экономическаго развитія со всемірною торговлею. „Внимательный взглядъ на ходъ и характеръ экономическаго развитія римскаго міра—заключаетъ И. М. Гревсъ—приводитъ къ убѣжденію о непрерывномъ существованіи замкнутаго домашняго хозяйства на протяженіи всей его исторіи. Замкнутое домашнее хозяйство носитъ въ себѣ залогъ весьма значительнаго, многосторонняго и разнообразнаго развитія какъ внутри себя, такъ и въ отношеніяхъ его къ окружающему міру. Въ этой-то поразительной способности перерождаться согласно требованіямъ окружающей среды, мѣняющейся вмѣстѣ съ чередованіемъ эпохъ, но въ то же время сохранять неизмѣнною сущность своей природы, скрывается тайна его необыкновенной исторической живучести“ [1]).

М. И. Ростовцевъ также признаетъ, что въ Римѣ замкнутое домашнее хозяйство никогда не умирало, а только временно замерло въ эпоху наибольшаго расцвѣта экономической жизни Рима временъ имперіи (до III ст.). Сельское хозяйство Рима есть „плантаторское рабское хозяйство, которое, несмотря на свой капиталистическій характеръ, несомнѣнно носитъ всѣ признаки примитивнаго домоваго хозяйства и не только у самаго древняго изъ римскихъ сельскохозяйственныхъ писателей—Катона, но и позже. Каждое хозяйство живетъ своею обособленной жизнью, стараясь, по мѣрѣ возможности, удовлетворить своимъ потребностямъ, не прибѣгая къ помощи торговли, къ помощи рынка. Даже крупные помѣщики стараются по возможности производить все необходимое у себя, въ предѣлахъ своихъ

[1]) Тамъ же, стр. 528 и сл. 531—39. 548—2. 546—7. 552. 565—6. 580—2.

владѣній, при посредствѣ своихъ рабовъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе „наиболѣе характернымъ явленіемъ въ экономическомъ развитіи Римскаго государства является—по мнѣнію М. И. Ростовцева—капитализмъ, растущій вмѣстѣ съ ростомъ государства и проникающій во всѣ области экономической жизни Рима“ [2]). М. И. Ростовцевъ указываетъ на то, что римскій капитализмъ „не плодотворенъ и не продуктивенъ, а безплоденъ и губителенъ“, что капиталъ „не пробуждалъ новыхъ отраслей промышленности“, что весь „ввозъ назначенъ исключительно для государства и аристократіи; странѣ нечѣмъ отвѣчать на ввозъ, ей нечѣмъ покрыть его, она ничего не производитъ“, онъ говоритъ о безплодномъ, чисто-спекулятивномъ капитализмѣ—и не замѣчаетъ, что это contradictio in adjecto, что легкая нажива путемъ „жестокаго грабежа“ легальнаго и нелегальнаго, результатомъ которой является безумная расточительность, а не производительное помѣщеніе накопленныхъ богатствъ, представляетъ собою полную противоположность тому, что именуется капитализмомъ. Самодовлѣющее рабское хозяйство является у него „слѣдствіемъ сознательной капиталистической тенденціи, стремленія получить возможно большую и возможно болѣе вѣрную ренту съ земли. Надо все дѣлать дома, такъ какъ это дешевле, такъ какъ у раба остается зимою не одинъ часъ свободнаго времени, такъ какъ изъ него надо вытянуть все, что только возможно“—такъ разсуждаетъ капиталистъ [3]). Такимъ образомъ, замкнутое домашнее хозяйство и капитализмъ вполнѣ мирно уживаются вмѣстѣ. Но когда же такого безплоднаго капитализма не существовало? Когда землевладѣлецъ не стремился къ возможно болѣе высокой рентѣ? М. И. Ростовцевъ здѣсь дѣлаетъ ту же ошибку, какъ Пельманъ: auri sacra fames является у него характернымъ признакомъ капитализма, а между тѣмъ она стара, какъ міръ. „Стремленіе къ наживѣ—говоритъ Максъ Веберъ—не можетъ быть признано, какъ это нерѣдко утверждаютъ, чѣмъ-либо неизвѣстнымъ „до-капиталистиче-

[1]) Ростовцевъ. Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ. „Русская Мысль“. 1900. Мартъ. Стр. 207, 216—217.

[2]) Тамъ же, стр. 204.

[3]) Тамъ же, стр. 204, 207, 209, 211, 213.

ской“ эпохѣ или неразвитымъ въ эту эпоху; жадность китайскаго мандарина, древне-римскаго аристократа или самаго отсталаго современнаго аграрія, вполнѣ выдерживаетъ сравненіе со стремленіемъ къ увеличенію своихъ доходовъ, обнаруживаемымъ современнымъ капиталистомъ“, причемъ— прибавляетъ онъ—у послѣдняго мы не найдемъ ни той безцеремонности и неразборчивости въ средствахъ, которою отличается „до-капиталистическій“ человѣкъ, напр., римскій патрицій-спекулянтъ. Но зато современный капиталистъ не только наживаетъ, но и накопляетъ—всѣ его помыслы направлены на расширеніе своихъ предпріятій, и этотъ образъ дѣйствій совершенно непонятенъ людямъ предыдущихъ эпохъ, которые умѣли быстро проживать добытыя богатства, но не понимали какъ можно наживать деньги и лично не пользоваться ими [1]).

Какъ бы то ни было, но производя количественный анализъ, мы во всякомъ случаѣ должны придти къ тому выводу, что значительнаго вліянія торговля ни въ одинъ періодъ римской исторіи не имѣла, что она, какъ и въ Греціи, не въ состояніи была существенно измѣнить хозяйственный строй Рима. Первоначально торговля и въ Италіи совершенно отсутствовала; а поскольку существовала потребность въ чужихъ продуктахъ, она удовлетворялась насильственными нападеніями на сушѣ и въ особенности на морѣ, внутри же Италіи она долго не могла возникнуть потой причинѣ, что повсюду производились въ общемъ одни и тѣ же продукты [2]). Когда же возникъ торговый обмѣнъ между Италіей и другими мѣстностями, онъ носилъ исключительно односторонній характеръ: „латиняне — говоритъ Моммзенъ—не имѣвшіе никакихъ продуктовъ для вывоза, могли играть лишь пассивную роль въ торговлѣ“ [3]). И въ періодъ республики и въ позднѣйшую эпоху не существовало въ Римѣ массоваго производства ни промышленныхъ издѣлій, ни скота или хлѣба, такъ что, если не считать незначительнаго вывоза оливковаго масла и вина, экспортная тор-

---

[1]) Max Weber. Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissenschaft. 1904. B. XX, p. 19—20. 31.

[2]) Voigt, Römische Privataltertümer. Nördlingen. 1889, p. 766—68.

[3]) Mommsen. I, p. 197.

говля почти совершенно отсутствовала [1]). О древнемъ Римѣ мы, слѣдовательно, еще болѣе чѣмъ объ Аѳинахъ, вправѣ сказать, что онъ только покупалъ, но не продавалъ. Такимъ образомъ, говоря о римской торговлѣ, мы должны всегда имѣть въ виду, что рѣчь можетъ идти лишь о привозной торговлѣ. Однако и въ этомъ отношеніи—какъ указываетъ Бюхеръ—необходимо отличать привозъ вообще отъ привозной торговли въ частности, ибо далеко не всѣ товары, привозимые въ Римъ, являлись объектами торговли; бо́льшая часть принадлежала государству. „Если мы и назовемъ,—говоритъ Бюхеръ—импортъ (по Фридлендеру) колоссальнымъ, то вѣдь это относится къ импорту, лишь незначительная часть котораго имѣла дѣйствительно характеръ торговли“ [2]). Дѣло въ томъ, что съ пріобрѣтеніемъ первыхъ провинцій—Сициліи и Сардиніи, не только войско, но и городское населеніе снабжалось хлѣбомъ, доставляемымъ изъ провинцій въ качествѣ податей, и въ періодъ имперіи эти поставки были столь значнтельны, что для торговли уже не оставалось почти никакого хлѣба [3]). „Если мы будемъ имѣть въ виду—говоритъ Бюхеръ въ той же статьѣ,—что со времени Діоклеціана Италія уплачивала тѣ же налоги и здѣсь господствовала та же податная система, какъ и въ провинціяхъ, то мы легко убѣдимся въ томъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ на протяженіи всей Римской имперіи оставалось крайне мало хлѣба, который она въ состояніи была бы доставлять на рынокъ. Въ Египтѣ аннона составляла одну пятую жатвы; въ остальныхъ провинціяхъ она нигдѣ не была менѣе одной десятой; въ большинствѣ же случаевъ подати не были точно опредѣлены, поглощая все, что земледѣлецъ добывалъ сверхъ необходимаго ему для собственнаго потребленія количества, а нерѣдко даже больше“ [4]).

Что же оставалось послѣ этого для торговли? „Привозъ Аѳинъ или Рима—говоритъ Шпекъ—состоялъ изъ металловъ (золота и серебра?), драгоцѣнныхъ камней, пряностей,

---

[1]) Voigt, p. 847, 908.

[2]) Bücher, Die Diocletianische Taxordnung vom Jahre 301. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. B. 50. 1894, p. 200.

[3]) Marquardt. Das Privatleben der Römer. Leipzig. 1882. B. II. p. 381.

[4]) Bücher, p. 199.

москательныхъ товаровъ и благовоній, дорогихъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, шелка, мѣховъ, слоновой кости, лакомствъ, рабовъ, дикихъ звѣрей для цирка, художественныхъ издѣлій изъ металла и камня“ [1]). „Римская торговля—читаемъ у Фойхта—охватывала, правда, обширное пространство, но очень немного сортовъ товаровъ; это объясняется какъ тѣмъ, что малоцѣнные продукты не выносили издержекъ транспорта, такъ и тѣмъ, что многочисленныя издѣлія, производимыя въ настоящее время индустріей и ремеслами, изготовлялись въ тѣ времена внутри домашняго хозяйства (или) рабскимъ трудомъ [2])“. И. М. Гревсъ прибавляетъ къ этому, что обычныя разсужденія о великомъ торговомъ значеніи римскихъ дорогъ несомнѣнно сильно преувеличены: „надо вспомнить громадность разстояній, недостаточную ширину полотна дорогъ, непроходимость ихъ въ ненастное или зимнее время спеціально въ многочисленныхъ горныхъ мѣстностяхъ, дороговизну и неудовлетворительность средствъ передвиженія, недостатокъ пріютовъ для ночлега и отдыха и убѣжищъ отъ непогоды, небезопасность странствованія отъ разбойниковъ, чтобы почувствовать необходимость внести ограниченія въ такія неумѣренно свѣтлыя описанія коммерческаго благосостоянія и свободы обращенія товаровъ на поверхности всей территоріи имперіи“ [3]). По мнѣнію Вебера, „въ древнемъ мірѣ внутреннія торговыя сношенія были еще менѣе развиты, чѣмъ въ средніе вѣка“ [4]). Прекрасную характеристику римской торговли даетъ также Гартманъ въ цитированной выше рецензіи. Онъ указываетъ на то, что все, что извѣстно объ этой торговлѣ, относится къ немногимъ большимъ приморскимъ городамъ, ибо массовые продукты могли привозиться лишь моремъ, что изъ послѣднихъ объектами импорта являлись лишь хлѣбъ и металлы, отчасти также гончарныя издѣлія и рабы, что, наконецъ, и хлѣбъ и металлы поставлялись государству—хлѣбъ въ качествѣ подати изъ провинцій, металлы изъ принадлежащихъ государству рудни-

[1]) Speck, I, p. 76—77.
[2]) Voigt, l. c.
[3]) Гревсъ, стр. 544.
[4]) Max Weber, Die socialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur. Wahrheit. B. VI, p. 60.

ковъ. О торговлѣ, очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи. „Иное дѣло предметы роскоши—жемчугъ и шелкъ, арабскія пряности и благовонія. На нихъ обыкновенно ссылаются, говоря о развитіи римской торговли. Однако, и импортъ этихъ товаровъ не слѣдуетъ чрезмѣрно преувеличивать. По словамъ Плинія, провозъ предметовъ роскоши чрезъ восточную границу не превышалъ небольшой суммы въ 22 милліона марокъ. Удивляться этому не приходится, ибо потребителями этихъ товаровъ являлось не все населеніе Римской имперіи, а лишь немногіе богатые аристократы большихъ городовъ и прежде всего Рима. Точно также лишь очень цѣнныя ткани провозились на значительныя разстоянія, да и то въ сравнительно небольшомъ количествѣ“ [1]). Римскіе патріоты были крайне недовольны, что изъ за роскоши и расточительности женщинъ огромныя суммы денегъ, около 100 милліоновъ сестерцій ежегодно, уходили въ другія страны, нерѣдко къ врагамъ Рима, ибо Римъ и во времена имперіи платилъ золотомъ и серебромъ за арабскіе, индійскіе и сирійскіе продукты, но въ общемъ привозъ изъ этихъ странъ былъ, конечно, невеликъ, въ особенности если имѣть въ виду, что цѣны этихъ товаровъ достигали огромной высоты [2]); такъ что на 100 милл. нельзя было купить большого количества товаровъ. „При такихъ цѣнахъ—говоритъ Фридлендеръ—весь ежегодный привозъ предметовъ роскоши изъ странъ Востока свободно бы помѣстился въ лавкѣ на via sacra или на форумѣ [3])“. Словомъ, едва ли можно спорить противъ того, что „торговля въ Римской Имперіи не являлась необходимымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда въ народномъ хозяйствѣ, а лишь заполняла пробѣлы производства для собственнаго потребленія, на которомъ покоилась господствующая система хозяйства“ едва ли можно сравнивать античную торговлю съ современной (какъ это дѣлаетъ Эд. Мейеръ), когда „не только высшіе классы или мелкіе ремесленники и торговцы потребляютъ привозимые изъ заокеанскихъ странъ продукты, но и рабочій пьетъ кофе и носитъ бумаж-

[1]) Hartmann, p. 154—155.

[2]) См. объ этомъ ниже § VI.

[3]) Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. B. III. Leipzig. 1871., p. 48—50.

ныя матеріи“ [1]). По своимъ размѣрамъ торговля Рима въ императорскую эпоху равнялась, пожалуй, торговлѣ конца среднихъ вѣковъ и даже XVI вѣка, но по своему значенію для экономической жизни она несомнѣнно стояла ниже торговли того времени.

Какъ въ Греціи и въ странахъ древняго Востока, такъ и въ Римѣ не существовало самостоятельнаго купеческаго класса: если въ болѣе ранній періодъ коммерческія операціи—какъ указываетъ Моммзенъ—находились въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ [2]), то и впослѣдствіи „negotiatores и mercatores—это тѣ же крупные денежные аферисты, которые вели сами или черезъ посредство подчиненныхъ имъ агентовъ скорѣе финансовыя (откупа, ссуды), чѣмъ торгово-промышленныя операціи и которыхъ трудно отдѣлить отъ класса земельныхъ магнатовъ: торговля для нихъ не главное и постоянное, а прибавочное и дополнительное дѣло. Главными коммерческими предпринимателями оставались въ большинствѣ случаевъ вожди ойкосныхъ группъ“ [3]). Такимъ образомъ, мы и здѣсь наблюдаемъ, какъ наблюдали раньше въ другихъ странахъ, что крупные землевладѣльцы-аристократы (въ Римѣ всадники и сенаторы) являются не только почти исключительными потребителями привозныхъ товаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ и главный контингентъ торговцевъ. И по отношенію къ Риму это вполнѣ понятно, ибо Римъ никогда не являлся посредникомъ въ международной торговлѣ, какъ, напр., финикіяне или греки. Все значеніе его въ торговлѣ сводилось къ тому, что онъ былъ крупнымъ потребителемъ иноземныхъ товаровъ въ торговлѣ того времени, но римскіе купцы не принимали на себя посредничества въ торговомъ обмѣнѣ между различными народами. Поэтому римлянъ, въ противоположность грекамъ и финикіянамъ, нельзя назвать торговымъ народомъ. Во многихъ случаяхъ даже произведенія Востока, привозимыя въ Римъ, доставлялись туда иноземными, въ особенности греческими купцами, такъ что не только деньги за товары, но и высокіе барыши по-

---

[1]) Bücher, Dioclet. Taxordnung, p. 200. Hartmann, l. c. IV, p. 155.
[2]) Mommsen, I, p. 201.
[3]) Гревсъ, стр. 556—7, 561.

падали въ руки иностранцевъ. Въ лучшемъ случаѣ римскіе купцы сами отправлялись въ Малую Азію, Египетъ и привозили оттуда предметы роскоши для богатѣйшихъ слоевъ населенія столицы; впослѣдствіи они стали снабжать ее также произведеніями Галліи и Германіи, Британіи и Бельгіи, совершая путешествія въ эти страны.

V

Намъ остается еще выяснить, какъ устанавливалась цѣна, и откуда получалась прибыль въ торговлѣ древняго міра. Какъ мы видѣли выше, путешественники, описывающіе бытъ современныхъ первобытныхъ народовъ Африки, Азіи, Америки и Австраліи, проводятъ обыкновенно строгое различіе между торговлей и обмѣномъ подарковъ. У древнихъ писателей и вообще въ источникахъ, относящихся къ торговлѣ древняго міра, мы не находимъ такого противопоставленія взаимныхъ дареній торговому обмѣну: подобно тому, какъ подъ именемъ дани, доставляемой однимъ народомъ другому, и милости, оказываемой народами другъ другу, въ дѣйствительности — мы привели выше одинъ примѣръ подобнаго рода — иногда скрывается двусторонній торговый обмѣнъ, такъ и рядъ послѣдовательныхъ сдѣлокъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжаетъ, попрежнему, фигурировать подъ названіемъ обмѣна подарковъ. Такъ, въ индійскихъ источникахъ постоянно идетъ рѣчь о дарахъ, приносимыхъ царямъ различными народами въ знакъ преданности, и Лассенъ несомнѣнно правъ, что во многихъ случаяхъ — впрочемъ далеко не во всѣхъ — подъ подарками „слѣдуетъ разумѣть ничто иное какъ товары, привозимые для торговаго обмѣна“ [1]).

---

[1]) Lassen. Indische Altertumskunde. B. II 2 Aufl. Leipzig—London. 1874, p. 572. Точно также тѣ многочисленныя посольства изъ Аравіи, которыя въ VIII в. по Р. Хр. являлись съ дарами въ Китай, были въ большинствѣ случаевъ — какъ справедливо указываетъ Кремеръ — торговыми экспедиціями, которыя дѣйствительно подносили подарокъ сыну неба и — прибавляетъ онъ — для пущей важности выдавали себя за посланныхъ царемъ та-ши, т. е. арабовъ; что касается послѣдняго обстоятельства, то нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ,

Если мы, однако, глубже вникнемъ въ сущность торговаго обмѣна того времени то должны будемъ признать, что названіе „обмѣна подарковъ“ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ характеру обмѣна въ древнемъ мірѣ (какъ и у современныхъ первобытныхъ народовъ), чѣмъ примѣненіе къ нему понятія торговли [1]). „Совершавшійся между Египтомъ и Пунтомъ обмѣнъ — говоритъ Кеннингэмъ — египтяне представляли въ видѣ односторонней уплаты податей; мы склонны усматривать въ немъ просто торговлю. Однако, наиболѣе подходящимъ опредѣленіемъ будетъ назвать этотъ обмѣнъ— обмѣнъ подарками. Уплачиваемая сумма зависѣла отъ дѣйствительной или предполагаемой имущественной состоятельности контрагентовъ, а не отъ рыночной цѣны предметовъ (ибо—какъ онъ указываетъ въ примѣчаніи—рынка вовсе не существовало)“ [2]). Въ другихъ случаяхъ, однако, гдѣ въ египетскихъ источникахъ говорится, что народы приносящіе дань, получаютъ царскіе подарки, Кеннингэмъ находитъ, что эти подарки предназначались на покрытіе расходовъ по собиранію податей, а между тѣмъ и съ этими народами, очевидно, велась торговля, которая имѣла характеръ обмѣна подарковъ. Это подтверждается слѣдующими данными, приводимыми Кеннингэмомъ: „если подарки, полученные лицами, доставлявшими дань, не были достаточно цѣнными, то представители этого племени возвращались домой не удовлетворенными и на слѣдующій годъ уже трудно было получить у нихъ дань“ [3]). Это вполнѣ понятно, ибо въ первобытномъ обмѣнѣ каждая сторона можетъ просить у другой все, что угодно, и обязанность каждаго контрагента по отношенію къ другому не исполнена, если тотъ не удовлетворенъ полученнымъ. Царица Савская „подарила царю Соломону сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоцѣнныхъ камней, а царь Со-

---

что они посланы арабскимъ царемъ къ богдыхану, ибо, какъ мы знаемъ, торговля въ тѣ времена во многихъ случаяхъ находилась въ рукахъ царей. (Kremer. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Wien. 1877. B. II, p. 280).

[1]) См. выше стр. 27—31.

[2]) Cunningham, An Essay on Western Civilisation in its economic aspects (Ancient times). B. I. Ch. I, § 11.

[3]) Cunningham. § 12.

ломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала и чего просила, сверхъ того, что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками“ [1]). Кеннингэмъ справедливо указываетъ на то, что „разсказъ о посѣщеніи царицей Савской царя Соломона является примѣромъ экспедиціи нѣсколько позднѣйшаго времени, когда торговля имѣетъ характеръ обмѣна подарковъ“ [2]). Подобнымъ же характеромъ отличался и торговый обмѣнъ между Израилемъ и Тиромъ: Хирамъ давалъ Соломону деревья кедровыя и кипарисовыя съ Ливанскихъ горъ столько, сколько Соломонъ желалъ, а Соломонъ доставлялъ ежегодно Хираму пшеницу и оливковое масло [3]).

Такимъ образомъ подтверждается выставленное нами выше положеніе, что возникшая изъ взаимнаго обмѣна подарковъ, въ знакъ заключенія мира между враждующими племенами, торговля и впослѣдствіи остается все тѣмъ же обмѣномъ подарковъ.

Но положеніе дѣлъ измѣняется, коль скоро тѣ же народы вступаютъ въ мѣновыя сношенія съ торговыми племенами, скупающими товары у однихъ народовъ и продающими ихъ другимъ съ прибылью. „Наивный и довѣрчивый дикарь—говоритъ П. А. Берлинъ—не выработавшій никакого понятія о мѣновой цѣнности, втягивается въ мѣновыя сношенія и въ результатѣ, какъ муха, попадаетъ въ хитросплетеную паутину сложнаго механизма мѣнового хозяйства и жестоко эксплоатируется“ [4]). Въ древнемъ мірѣ не было „сложнаго мѣнового хозяйства“, и тѣмъ не мѣнѣе происходила такая же эксплоатація просто потому, что существовали народы, занимавшіеся торговлей, или отдѣльныя лица—цари, жрецы, крупные землевладѣльцы, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и торговыми посредниками.

Какъ указываетъ Кеннингэмъ, финикіяне, собирая большія богатства въ Тирѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишали другіе народы ихъ богатства въ минералахъ и другихъ произведеніяхъ страны; результатомъ финикійской торговли было скорѣе истощеніе, чѣмъ увеличеніе благосостоянія менѣе культурныхъ странъ [5]).

[1]) Цар. кн. III, гл. X.
[2]) Cunningham, § 11.
[3]) Цар. кн. III, гл. V.
[4]) Берлинъ. Пасынки цивилизаціи, стр. 87
[5]) Cunningham, B. I. Ch. III § 27.

Этимъ-то объясняются тѣ многочисленныя обвиненія финикіянъ въ корысти и жадности, которыя мы находимъ у древнихъ; отсюда вообще враждебное отношеніе къ торговцу какъ у современныхъ первобытныхъ народовъ, такъ и въ древнемъ мірѣ. Платонъ и Аристотель обвиняютъ купцовъ въ жадности и алчности, хотя къ этому времени торговля и перестала уже быть позорнымъ промысломъ, какъ это было въ болѣе раннія времена. Еще яснѣе сказывается недоброжелательное и презрительное отношеніе къ торговцу изъ-за того, что онъ имѣетъ въ виду выгоду, въ индусскихъ пѣсняхъ и молитвахъ. „Характернымъ признакомъ торговца—говоритъ Циммеръ—является то, что онъ ничего не отдаетъ безъ уплаты; мало того, плата должна имѣть большую цѣнность, чѣмъ отдаваемый предметъ". Къ богу Индра индусъ обращается со словами: не будь торговцемъ по отношенію къ намъ, одари насъ щедро, дай больше, чѣмъ мы заслужили нашими жертвоприношеніями и пѣснопѣніями. Тѣмъ не менѣе индусъ удовлетворяется и тѣмъ, если Индра принялъ на себя роль торговца и обмѣнялъ жертвоприношенія и пѣсни. Изъ того, что торговецъ, въ противоположность всѣму прочему населенію, всегда требовалъ платы за все, что онъ давалъ и сравнивалъ цѣнность получаемаго и отдаваемаго, какъ указываетъ Циммеръ, торговецъ пріобрѣталъ репутацію скупого, жаднаго человѣка [1]).

Населеніе, которое вступаетъ въ обмѣнъ исключительно ради удовлетворенія своихъ потребностей и стремится лишь къ пріобрѣтенію возможно большаго количества интересующихъ его предметовъ, независимо отъ того, какіе предметы и въ какомъ количествѣ приходится при этомъ отдать,—видитъ въ купцахъ людей скаредныхъ и жадныхъ, ставящихъ золото выше всего, думающихъ объ одной наживѣ, даже если они при обмѣнѣ не прибѣгаютъ ни къ насилію, ни къ обману.

Несомнѣнно, что на столь низкомъ уровнѣ, когда совершенно отсутствуетъ представленіе о цѣнности, стояли очень многіе народы, съ которыми приходилось сталкиваться финикійскимъ, греческимъ и римскимъ торговцамъ. Сюда от-

---

[1]) Zimmer, Altindisches Leben. Die Kultur der Vedischen Arier nach der Samhita dargestellt. Berlin. 1879, p. 257.

носятся племена, жившія къ сѣверу и къ югу отъ Тира и Сидона, въ Киликіи, южной Аравіи, Нубіи, далѣе, народы, обитавшіе на сѣверѣ Африки, напр., въ Нумидіи, въ Суданѣ и Эфіопіи, различныя племена центральной Азіи и Индіи, а также скиѳы, геты и другіе народы у Чернаго моря, которые въ особенности играли важную роль въ греческой торговлѣ, наконецъ, народы, населявшіе Европу, южную Испанію, Британію, Галлію и Германію и нѣкоторыя части Греціи, какъ, напр., Этолію, Акарнанію.

„Подобно американскимъ и африканскимъ племенамъ, продавшимъ европейскимъ колонизаторамъ свои земли за разноцвѣтныя бѣздѣлушки, за ничего-нестоющія на нашъ взглядъ бусы, подобно современному негру, который хотя и не стоитъ на низшей ступени культуры, все-таки готовъ отдать все, что онъ имѣетъ, какъ бы важно оно ни было для жизни, за какой-нибудь блестящій предметъ, который ему какъ разъ бросился въ глаза“ [1])—подобно этому и упомянутые народы древняго міра охотно отдавали финикіянамъ и грекамъ самые необходимые для жизни предметы: хлѣбъ, шерсть и кожи, быковъ и овецъ, а также рабовъ и рабынь за всевозможныя бездѣлушки, стеклянныя и бронзовыя фигурки и бусы, кусочки цвѣтной матеріи, только потому, что эти предметы поражали ихъ своимъ блескомъ и яркостью цвѣтовъ.

„Въ теченіе продолжительнаго періода исторіи—говоритъ Моверсъ—когда одни финикіяне обладали необходимыми для судоходства средствами и свѣдѣніями и пользовались монополіей въ области торговли на морѣ, острова и берега Средиземнаго моря были большею частью населены племенами, находившимися въ первобытномъ состояніи, которыя не знали цѣнности произведеній своей страны или не умѣли добывать ихъ и пользоваться ими. Пользуясь столь благопріятными обстоятельствами, финикіяне эксплоатировали эти племена, вступая съ ними въ торговый обмѣнъ или основывая колоніи; вымѣнивая сырые продукты Запада на никуда негодные фабрикаты и всевозможныя бездѣлушки, они наживали огромныя богатства, о которыхъ свидѣтельствуетъ и исторія, и древнія преданія“ [2]). Такъ, въ южной

[1]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft 2. Aufl. 1898, p. 25.

[2]) Movers. Das phönizische Altertum. III, p. 20.

Испаніи финикіяне пріобрѣтали золото и серебро, мѣдь и свинецъ, въ другихъ мѣстностяхъ Пиринейскаго полуострова желѣзо и олово. Тамъ покупался также хлѣбъ, вино, оливки, медъ, воскъ и шерсть. Частью эти предметы, въ особенности серебро, захватывались насильственнымъ путемъ, но значительна была также мирная торговля, въ которой финикіяне уплачивали, повидимому, фабрикатами собственнаго и иноземнаго происхожденія, преимущественно одеждой и дешевыми предметами украшенія, всевозможными мелочами и игрушками [1]) Народныя сказанія повѣствуютъ о томъ, что финикіяне нашли въ Испаніи такую массу серебра, что они не только наполнили имъ корабли, но и всѣ свои орудія, вплоть до якорей судовъ, сдѣлали изъ серебра; что жители Испаніи столь мало цѣнили серебро, что выдѣлывали самые обычные предметы обихода изъ этого металла. Сущность этихъ сказаній, несомнѣнно, заключается въ томъ, что въ торговлѣ съ Испаніей, какъ и съ другими племенами западной части Средиземнаго моря, находившимися въ дикомъ состояніи или стоявшими на низшихъ ступеняхъ культуры, финикійцы извлекали огромную прибыль [2]), такъ какъ эти народы не производили сравнительной оцѣнки отдаваемыхъ и получаемыхъ предметовъ. Гетцъ справедливо сравниваетъ эскадры финикіянъ, отправлявшіяся въ Испанію, съ испанскими „серебряными флотиліями“ XVI—XVII ст.: и тѣ и другія доставляли странамъ, изъ которыхъ онѣ посылались, огромныя богатства [3]).

„Мѣновой торгъ, который производили греческіе купцы съ варварами—говоритъ Бюксеншютцъ [4]),—долженъ былъ оказаться крайне прибыльнымъ для грековъ, когда они вымѣнивали въ другихъ странахъ продукты, значеніе которыхъ для культурныхъ народовъ не могли оцѣнить сбывавшія ихъ дикія племена, и при подобнаго рода торговомъ обмѣнѣ была вполнѣ возможна и совершенно неслыханная прибыль въ 60 талантовъ, которую однажды выручили жители Самоса, судно которыхъ было случайно занесено въ

[1]) Speck, p. 504. См. также Cohn. III, p. 29.

[2]) Ibid. p. 464—473. Götz, p. 111.

[3]) Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888. p. 111.

[4]) Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum, p. 424.

Тартессъ. Если мы будемъ имѣть въ виду, какою цѣнностью обладали понтійскіе продукты въ Греціи—читаемъ у него въ другомъ мѣстѣ—и какую огромную прибыль доставлялъ торговый обмѣнъ съ первобытными народами, мы поймемъ, почему греки уже такъ рано предпринимали путешествія къ Черному морю“ [1]). Здѣсь греки покупали хлѣбъ изъ Херсонеса и Таврическаго полуострова, скотъ и шкуры животныхъ, соль и рыбу и въ особенности рабовъ. Эти предметы вымѣнивались на цвѣтныя ткани, украшенія изъ стекла и металла, на вино, привозимое съ острововъ Коса, Хіоса, Лемноса и Θасоса [2]). Крѣпкое опьяняющее вино, производившееся преимущественно на островахъ Архипелага, являлось вобще выгоднымъ продуктомъ въ торговлѣ съ дикими племенами: оно особенно сильно разжигало страсти первобытнаго человѣка и давало торговцу возможность пріобрѣсти все, что угодно, самыя рѣдкія вещи за безцѣнокъ, за нѣсколько глотковъ этого напитка. „Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Средиземнаго и Чернаго моря—говоритъ Моверсъ,—куда являлись жившіе внутри страны склонные къ пьянству варвары, торговля виномъ имѣла такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время торговля спиртными напитками среди первобытныхъ народовъ“ [3]). Наиболѣе прибыльнымъ являлся обмѣнъ вина на рабовъ: въ этомъ случаѣ рабы отдавались почти задаромъ; особенно выгоденъ былъ вывозъ рабовъ изъ мѣстностей, лежащихъ у Чернаго моря: этимъ вывозомъ занимались и финикіяне, и греки, и римляне [4]). Впрочемъ, и другіе народы „продавали (финикіянамъ) отроковицу за вино и пили“ (книга пророка Іоиля, IV, 3); въ Галліи римскіе купцы дѣлали прекрасныя операціи на покупкѣ рабовъ, галлы, сильно любившіе вино, платили за него этимъ живымъ товаромъ: за сосудъ вина купцы получали раба [5]). Тѣ же самые рабы, которые пріобрѣтались такъ

---

[1]) Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum. Halle 1869. p. 467.

[2]) Blümner. Griechische Privataltertümer. (Hermann. Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten. B. IV). 3. Aufl. 1882, p. 429 и сл. 437 и сл. Francotte. Industrie dans la Grèce ancienne. I, p. 120.

[3]) Movers. III, p. 89—90.

[4]) Movers. III, 72 и сл. 83, 85.

[5]) Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. B. II. p. 66.

дешево—во время маккавейской войны финикіяне покупали 90 рабовъ—евреевъ за сирійскій талантъ, во времена Лукулла рабъ стоилъ 4 драхма, а при Адріанѣ за мѣру ржи можно было купить четырехъ рабовъ [1]),—а во многихъ случаяхъ и просто похищались [2]), сбывались въ Греціи и Римѣ, гдѣ они являлись орудіями производства, по сравнительно высокимъ цѣнамъ. Торговля рабами—говоритъ Рихтеръ—была во всѣхъ странахъ древняго міра очень прибыльна, но особенно сильно она развилась въ Римѣ, вслѣдствіе распространившагося пиратства на Средиземномъ морѣ. Почетнымъ занятіемъ эта торговля не считалась; тѣмъ не менѣе даже такіе люди какъ Катонъ старшій, охотно вкладывали свои капиталы въ торгъ невольниками [3]). Такой же первобытный характеръ имѣлъ, какъ мы увидимъ ниже, и торговый обмѣнъ между римлянами и германцами.

Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду, что и въ древнемъ мірѣ торговцы (какъ мы видѣли выше) занимали монопольное положеніе на рынкѣ; вся исторія торговли на Средиземномъ морѣ распадается на періодъ финикійской и періодъ греческой (и карѳагенской) монополіи въ области торговли. И греческіе города, и карѳагеняне всегда выговаривали себѣ исключительное право торговли въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя они посѣщали, и точно также римскіе купцы, въ особенности въ странахъ Европы, куда они отправлялись съ торговыми цѣлями, не встрѣчали конкурентовъ на своемъ пути. Ѣздили купцы обыкновенно караванами; составляя одно цѣлое, они совмѣстно опредѣляли цѣны товаровъ и такимъ путемъ устраняли конкурренцію въ своей средѣ. Римскія компаніи публикановъ, которыя занимались не только откупами и денежными операціями, но и торговлей и судоходствомъ, пользовались обыкновенно монопольнымъ положеніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, эксплоатація которыхъ имъ предоставлялась государствомъ. Семпроній Гракхъ, Сулла и Цезарь дѣлали тщетныя попытки

---

[1]) Movers. III, 83—84.

[2]) Speck. I. 510.

[3]) Richter. Handel und Verkehr der wichtigsten Völker der Mittelmeeres. Leipzig. 1886. p. 144.

лишить ихъ этой монополіи [1]). Поскольку возникала конкурренція между различными компаніями, она скоро устранялась посредствомъ взаимнаго соглашенія и установленія цѣнъ сообща [2]). Въ финикійскихъ городахъ цари, занимавшіеся торговлей, устанавливали въ свою пользу монополіи въ торговлѣ и опредѣляли цѣны на товары, которыми они торговали: подобный характеръ имѣла хлѣбная торговля, торговля сирійскимъ пурпуромъ, можетъ быть и сбытъ драгоцѣнныхъ металловъ [3]). О монополіяхъ въ торговлѣ, которыя присваивали себѣ цари Аравіи, Іудеи и другихъ странъ Востока, мы уже упоминали выше. Клеоменъ, сатрапъ Александра Македонскаго въ Александріи, закупалъ огромныя количества хлѣба и, благодаря этому, создавалъ для себя монопольное положеніе на греческихъ рынкахъ, нуждавшихся въ подвозѣ хлѣба изъ Египта. Онъ отправлялъ хлѣбъ лишь въ тѣ греческіе города, гдѣ уже успѣлъ наступить голодъ [4]).

Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь тоже, что у современныхъ первобытныхъ народовъ: верхняя граница цѣны — цѣнность потребленія крайне высока, такъ какъ значеніе пріобрѣтаемыхъ предметовъ переоцѣнивается, тогда какъ отдаваемымъ вещамъ придается весьма мало значенія; вмѣстѣ съ тѣмъ купцы имѣютъ полную возможность ограничивать количество сбываемыхъ товаровъ (а трудность и продолжительность транспорта содѣйствовала имъ въ этомъ отношеніи), доставлять лишь такое количество товаровъ на рынокъ, которое способно было бы удовлетворять только наиболѣе важныя, наиболѣе интенсивныя потребности населенія, и требовать за нихъ соотвѣтствующую интенсивности этихъ потребностей цѣну, т. е. высшую цѣну, какую покупатель въ состояніи уплатить; иначе говоря, въ торговлѣ древняго міра цѣна должна была равняться высшему уровню цѣнности предмета—цѣнности потребленія.

---

[1]) Marquardt. Privatleben der Römer. II, p. 390 и сл. Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. XXI, p. 742.

[2]) Mommsen, I, p. 845—848.

[3]) Movers. III, p. 110, 118.

[4]) Naudé. Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten. Acta Borussica, p. 6.

VI.

Изложенное въ предыдущей главѣ относится не только къ торговому обмѣну между финикіянами, греками и римлянами, съ одной стороны, и менѣе культурными народами, обитавшими по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей и въ глубинѣ Европы, Азіи и Африки, съ другой стороны, но въ значительной степени и къ торговымъ сношеніямъ съ такими народами, какъ египтяне и вавилоняне, персы и сирійцы, а также къ торговому обмѣну, совершавшемуся въ наиболѣе культурныхъ центрахъ греко-римскаго міра, въ Аѳинахъ и Коринѳѣ, въ Римѣ и Александріи.

Цѣны товаровъ, привозимыхъ въ Египетъ и Сирію, въ Грецію и Римъ, также достигали наиболѣе высокаго уровня, какой былъ вообще возможенъ, т. е. равнялись цѣнности потребленія этихъ товаровъ, ибо, какъ мы видѣли выше, купцы повсюду занимали монопольное положеніе, и снабженіе рынка было столь незначительно, что сбываемыми предметами могли удовлетворяться лишь первыя, наиболѣе интенсивныя потребности изъ тѣхъ, которымъ способенъ удовлетворять данный предметъ. Далѣе, и самая цѣнность потребленія, которой равнялась цѣна, была и въ торговомъ обмѣнѣ съ культурными народами древняго міра очень высока, такъ какъ и въ этомъ обмѣнѣ потребители, производя сравнительную оцѣнку пріобрѣтаемыхъ предметовъ и уплачиваемой за нихъ денежной суммы, съ одной стороны, преувеличивали значеніе покупаемыхъ товаровъ, а съ другой стороны, крайне низко оцѣнивали деньги. Несомнѣнно, что съ развитіемъ культуры человѣкъ все болѣе и болѣе уясняетъ себѣ значеніе отдаваемаго имъ предмета или уплачиваемой суммы денегъ для его хозяйства. Въ древнемъ мірѣ образованію яснаго представленія объ экономическомъ значеніи отдаваемыхъ при пріобрѣтеніи товара денегъ, образованію яснаго представленія о цѣнности, помѣшало одно обстоятельство—существованіе рабства и основаннаго на рабскомъ трудѣ хозяйства.

Мы уже указывали выше, при разсмотрѣніи характера торговли у народовъ древняго Востока, что у всѣхъ этихъ народовъ потребителями иноземныхъ товаровъ являлись

цари и жрецы, намѣстники и крупные землевладѣльцы, т. е. лица, доходъ которыхъ составлялся изъ податей и повинностей населенія, изъ подневольнаго труда покоренныхъ и обращенныхъ въ рабство племенъ. Въ Аттикѣ, по вычисленіямъ Валлона, число рабовъ равнялось 200,000, по Летронню—100—120 тыс., Белохъ считаетъ, что свободное населеніе Аттики составляло въ IV вѣкѣ 100 тысячъ, рабское населеніе—75 тыс. въ половинѣ IV вѣка и 100 тысячъ въ эпоху Александра Македонскаго; наконецъ, Франкоттъ опредѣляетъ цифру рабовъ въ 75—150 тыс.[1]). Какъ бы то ни было, послѣдніе составляли болѣе одной трети всего населенія (къ свободному населенію и рабамъ присоединялись еще метэки). Изъ рабовъ и составлялась большая часть производительнаго населенія Греціи. „Что оставалось—спрашиваетъ Франкоттъ — для низшихъ слоевъ свободнаго населенія, когда и вся крупная промышленность, поскольку она существовала, и ремесло и, наконецъ, значительная часть мелкой розничной торговли сосредоточивались въ рукахъ рабовъ? Свободное населеніе, вынужденное жить собственнымъ трудомъ, могло, конечно, заниматься ремеслами, но здѣсь ему приходилось выдерживать конкурренцію рабскаго труда; далѣе, оно занималось сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и батраковъ“[2]). Въ Спартѣ, впрочемъ, и земледѣльческій трудъ производился рабами, которые обрабатывали землю покорившихъ ихъ спартанцевъ; а въ IV—III ст. въ Спартѣ наблюдается, кромѣ того, значительная концентрація земельной собственности въ рукахъ немногихъ. Точно также и въ Аттикѣ земли крупныхъ землевладѣльцевъ воздѣлывались рабами; они же работали въ рудникахъ и каменоломняхъ; мраморъ и серебро, богатства Аттики, желѣзо и мѣдь, добываемыя въ Эвбеѣ, являлись продуктами труда рабовъ[3]). А этими металлами и издѣліями

[1]) Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. p. 98. Francotte. I. p. 100. 185. Speck. B. II. p. 493—498. Poehlmann. Geschichte des antiken Kommunismus. B. II. 1901, p. 167, 176, 183.

[2]) Francotte. I. 196—197.

[3]) Grünberg. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. VII. s. v. Unfreiheit. Francotte. I. p. 33. 123—4. 180 —184. Poehlmann. l. c. Хвостовъ Хозяйственный переворотъ въ древней Спартѣ. Зап. Имп. Казанск. унив. 1901, кн. XI, стр. 187.

изъ нихъ, виномъ и плодами греки платили за произведенія Востока, доставляемыя иноземными купцами.

Безъ сомнѣнія, говоритъ И. М. Гревсъ, соглашаясь съ Бюхеромъ и возражая противъ теоріи Эдуарда Мейера [1]), „рабство оставалось до конца одной изъ существенныхъ чертъ хозяйственнаго строя древности въ области организаціи трудовыхъ отношеній". „Рабская конкурренція — продолжаетъ онъ—являлась въ древнемъ Римѣ существеннымъ препятствіемъ къ выдѣленію индустріи въ спеціальную отрасль производства и къ группировкѣ около нея многочисленнаго и самостоятельнаго класса свободныхъ ремесленниковъ". И еще важнѣе, по его мнѣнію, былъ рабскій трудъ, какъ рабочая сила въ области сельскаго хозяйства. „Сельскохозяйственные писатели предполагаютъ рабство, такъ сказать, самимъ собою разумѣющимся, неизбѣжнымъ и главнымъ основаніемъ рабочаго устройства большого хозяйства. Катонъ, Варронъ, Колумелла упоминаютъ, правда, рядомъ съ рабами и о другихъ видахъ рабочаго люда, необходимаго для веденія хозяйства въ крупномъ помѣстьѣ, но всѣ эти разновидности земледѣльцевъ свободнаго происхожденія играютъ сравнительно второстепенную роль лишь добавочныхъ элементовъ, суррогатовъ, вспомогательныхъ чрезвычайныхъ силъ... Рабы наводнили хозяйство; ими было убито сохранявшееся еще въ Италіи крестьянство; ими стало двигаться, прежде всего, въ земледѣліи барское латифундіальное плантаціонное производство" [2]). Продуктами этого рабскаго труда крупные землевладѣльцы, которые и здѣсь являлись единственными потребителями привозимыхъ изъ другихъ странъ продуктовъ, — предметовъ роскоши — платили за товары. Рабскій трудъ былъ въ древнемъ мірѣ источникомъ той прибыли, которую выручали купцы въ уплачиваемой потребителемъ цѣнѣ товара. Проистекая изъ такого источника, торговая прибыль могла быть, конечно, очень высока, несравненно выше, чѣмъ если бы она выплачивалась изъ дохода,

[1]) См. Ed. Meyer. Sklaverei im Altertum. Dresden. 1898.

[2]) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I, стр. 568, 570, 576. См. также Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. p. 69 и сл. Weber. Die sozialen Gründe des Unterganges der antiken Kultur p. 60—61.

вырабатываемаго собственнымъ трудомъ потребителя. Знатные римляне или аѳиняне столь же мало обращали вниманія на то, какое количество принадлежащихъ имъ продуктовъ они вынуждены отдать за благовонія Аравіи или Индіи, за драгоцѣнные камни или жемчугъ, какъ и дикіе скиѳы или эѳіопы, и лишь причина подобной непредусмотрительности и расточительности была различная: въ одномъ случаѣ она объяснялась недостаточнымъ развитіемъ, неспособностью представить себѣ, что отсутствіе предметовъ пропитанія должно повести къ собственной ихъ гибели, въ другомъ случаѣ она вызывалась тѣмъ соображеніемъ, что все, что нужно господину, будетъ доставлено рабами, и поэтому о наступленіи недостатка въ какихъ-либо предметахъ не можетъ быть и рѣчи. Рабовладѣлецъ древняго міра исходилъ изъ того положенія, что при пріобрѣтеніи произведеній роскоши и украшеній онъ можетъ уплачивать какое угодно количество труда своихъ рабовъ, ибо все отданное будетъ въ скоромъ времени воспроизведено вновь тѣми же рабами, и эксплоатація труда послѣднихъ можетъ быть усилена, когда это нужно. И, дѣйствительно, въ рудникахъ, гдѣ добывалось золото и серебро, которыми уплачивали за предметы роскоши, привозимые иноземными купцами, рабовъ замучивали до смерти. „Нельзя смотрѣть на этихъ несчастныхъ — говоритъ Діодоръ Сицилійскій—которые не могутъ даже заботиться о чистотѣ тѣла, ни покрывать его чѣмъ-либо, безъ сожалѣнія къ ихъ несчастной судьбѣ. Нѣтъ ни снисхожденія, ни жалости къ больнымъ, къ немощнымъ, къ старикамъ, къ слабымъ женщинамъ. Всѣхъ заставляютъ побоями работать, пока смерть не приноситъ конца ихъ мученіямъ и страданіямъ“ [1]).

Къ этому присоединялся еще и другой источникъ прибыли, уплачиваемый покупателями шелка и янтаря, благовоній и драгоцѣнныхъ камней—насильственно захваченное богатство, „доставленное по большей части войнами, грабежами, хищеніями, вымогательствами, монополіями“ [2]). „Римскимъ полководцамъ и магистратамъ—говоритъ Фридлендеръ—представлялась такая же возможность обогащенія въ

[1]) Діодоръ Сицилійскій, кн. 3, гл. 13.
[2]) Гревсъ, стр. 527.

странахъ Востока, какую имѣлъ Клайвъ во время управленія Индіей въ XVIII ст.; но зато они не обладали умѣренностью и сравнительнымъ безкорыстіемъ Клайва. Въ ихъ карманы притекали огромныя суммы. Такъ, во время борьбы между царемъ Іудеи Аристобуломъ и его братомъ первосвященникомъ Гирканомъ первый подкупилъ легата Авла Габинія 300 талент., квестора Марка Эмилія Скауруса 400 талент., Помпея виноградникомъ цѣнностью въ 500 талентовъ. Будучи проконсуломъ Сиріи, Габиній нажилъ вымогательствомъ свыше 100 милліоновъ динаріевъ. Египетскому царю онъ обѣщалъ свое содѣйствіе за 10,000 талентовъ, послѣ того, какъ Цезарь еще раньше успѣлъ получить отъ послѣдняго около 6,000 талентовъ для себя и для Помпея. Крассъ похитилъ изъ іерусалимскаго храма 10,000 талентовъ деньгами и другими цѣнностями. Галлія была тоже во времена Цезаря страной, гдѣ нетрудно было обогатиться. Цѣнность сокровищъ, похищенныхъ Квинтомъ Сервиліемъ Цепіо изъ храма въ Толозѣ, составляла, по Посидонію, 15,000 талентовъ". Но награбленныя богатства такъ же быстро исчезали, какъ они были пріобрѣтены; грабительство вызывало страшную расточительность; за алчнымъ и насильственнымъ накопленіемъ богатствъ должна была слѣдовать безумная роскошь [1]). „Римъ потреблялъ то, что производилось провинціями, и расплачивался за это награбленными сокровищами, выжатыми поборами и собранными пошлинами" [2]). Точно также и греческіе аристократы грабили безъ зазрѣнія совѣсти богатства, принадлежавшія храмамъ и государству, а затѣмъ выставляли напоказъ пріобрѣтенные на награбленныя деньги предметы роскоши, въ которыхъ видѣли весь смыслъ жизни [3]).

---

[1]) Friedländer. Sittengeschichte Roms. III. 7—8.

[2]) Беръ, I, стр. 85.

[3]) Poehlmann. Geschichte des antiken Kommunismus. B. II, p. 124. 196—199, 205. Speck. B. II. Griechen., p. 537—9. Beloch. B. II. 359. „Цѣль спартанскихъ политиковъ съ конца V в.—говоритъ М. Хвостовъ—это собрать какъ можно больше денегъ. Съ своихъ союзниковъ спартанцы начинаютъ постоянно брать дань. Мы знаемъ, что послѣ пелопоннесской войны взносы союзниковъ достигали 1,000 талентовъ въ годъ. Въ тоже время въ Спарту приливала военная добыча, осо-

Ставя, такимъ образомъ, добытыя эксплоатаціей рабскаго труда или насиліемъ деньги ни во что, высшіе по своему богатству и знатности слои населенія культурныхъ народовъ древняго міра придавали въ то же время чрезмѣрное значеніе тѣмъ потребностямъ, которыя удовлетворялись при помощи пріобрѣтаемыхъ предметовъ роскоши и удовольствія. Да это и вполнѣ понятно: одно стояло въ тѣсной связи съ другимъ. Рабское хозяйство и грабежи должны были неминуемо привести не только къ тому, что уплачиваемыя за товары деньги оцѣнивались крайне низко, но и къ тому, что одновременно съ этимъ въ представленіи древнихъ (въ моментъ покупки предметовъ, доставляемыхъ торговлей) различныя потребности слѣдовали не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ располагаются въ головѣ современнаго человѣка. Каждый богатый гражданинъ древняго міра могъ вполнѣ довольствоваться производствомъ собственныхъ рабовъ, поскольку рѣчь шла о главныхъ предметахъ потребленія, необходимыхъ для его жизни и здоровья; предметы же роскоши должны были у него стоять, очевидно, на первомъ планѣ, ибо болѣе важныхъ потребностей не существовало.

Яркія и блестящія полупрозрачныя ткани, ковры и пурпурныя одѣянія съ крупными разноцвѣтными рисунками, съ вышитыми золотомъ и серебромъ арабесками и фигурами; гладкіе, прозрачные драгоцѣнные камни, огнецвѣтные и розовые ониксы, медожелтые топазы и переливавшіе цвѣтами радуги опалы; золото и серебро; наконецъ, крѣпкія сильно дѣйствующія ароматическія вещества и пряности, мирра и ладанъ, кассія и алоэ, въ качествѣ благовоній, приправъ къ вину, помады—всѣ эти предметы, дѣйствовавшіе на глазъ и обоняніе, производили на культурные народы древняго міра такое же впечатлѣніе, какъ цвѣтныя стекляныя бусы и бронзовыя фигурки на дикія племена; и въ томъ и въ другомъ случаѣ обладаніе ими

бенно послѣ взятія Аѳинъ въ 404 г. до Р. Х. Спартанскіе полководцы и гармосты пріобрѣли репутацію грабителей. Благодаря всему этому, Спарта на рубежѣ V и IV вѣковъ по количеству находившихся въ ней драгоцѣнныхъ металловъ считалась въ греческомъ обществѣ второю страною въ мірѣ (первою считали Персію)". Зап. каз. унив. 1901. XI, стр. 190.

представлялось имъ высшимъ наслажденіемъ. И этими предметами окружали себя равнымъ образомъ и цари, сатрапы и жрецы Востока, Персіи, Вавилоніи, Египта, и греческіе аристократы, и римскіе всадники и сенаторы. Благовонія и ароматы, въ качествѣ тонкихъ одуряющихъ веществъ, были широко распространены не только, въ Аравіи, но и въ Индіи и Персіи; ими кадили при жертвоприношеніяхъ, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ; на празднествахъ, похоронахъ, во время процессій курили ѳиміамъ и ладанъ. Знатные греки распространяли вокругъ себя запахъ крѣпкихъ духовъ, а римлянки „употребляли ихъ въ столь большомъ количествѣ, что, проходя по улицѣ, онѣ—по словамъ Плинія—огромнымъ количествомъ благовоній, исходившихъ изъ волосъ и одѣяній, обращали на себя вниманіе даже тѣхъ, кто былъ занятъ совершенно другимъ“. Драгоцѣнные камни, какъ и украшенія изъ золота и жемчуга, составляли предметъ высокаго наслажденія въ странахъ азіатскаго Востока, ихъ носили въ качествѣ украшеній на платьѣ и обуви, украшали ими сосуды и утварь, употребляли ихъ въ качествѣ талисмановъ. Наконецъ, изъ золота выдѣлывались троны царей, статуи, утварь и оружіе; цари арабскіе, персидскіе и индійскіе утопали въ золотѣ, но и персидскіе сатрапы окружали себя золотомъ, и даже частныя лица, крупные землевладѣльцы, накопляли огромныя количества золота въ различныхъ предметахъ комнатнаго убранства, оружія и утвари. Аристократы Аттики и Іоніи носили на рукахъ золотыя запястья, на лбу золотыя повязки, и даже волосы были переплетены золотомъ, а въ Римѣ уже въ эпоху Сулланскихъ войнъ насчитывалось свыше ста стофунтовыхъ серебряныхъ сосудовъ и кубковъ, и многіе обладатели ихъ подверглись изъ-за этого проскрипціи [1]).

Такимъ образомъ, и у культурныхъ народовъ древнаго міра не могло образоваться яснаго представленія о цѣнности пріобрѣтаемыхъ предметовъ, правильной сравнительной оцѣнки отдаваемаго и получаемаго. Лучшимъ под-

---

[1]) Poehlmann Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. B. II. p. 116. 197 Бэръ. I, стр. 90—91. Speck. I. p. 81 и сл. II. p. 532 и сл. Friedländer. III, p. 44—48, 57, 82—84.

твержденіемъ того, что цѣнность потребленія, опредѣляющаяся наиболѣе интенсивными потребностями, которыя могутъ быть удовлетворены при помощи даннаго предмета, была у культурныхъ народовъ древняго міра крайне высока, и что цѣны потребляемыхъ ими товаровъ дѣйствительно достигали цѣнности потребленія, этого высшаго своего уровня,—являются цѣны, которыя уплачивались римскими сенаторами и всадниками за привозные товары. Такъ, „Публій Октавій заплатилъ 5,000 сестерцій за рыбу, которую не только императоръ Тиберій, но и его соперникъ Апицій нашелъ слишкомъ дорогой, и этимъ пріобрѣлъ большой почетъ въ глазахъ людей своего круга“ [1]). „Фунтъ лучшей шерсти пурпурнаго цвѣта стоилъ 1,000 динаріевъ, пурпурное одѣяніе (по Марціалу) 10,000 сестерцій“. Шелкъ еще во второй половинѣ III ст. по Р. Х. цѣнился на вѣсъ золота. Цѣна благовоній, привозимыхъ съ Востока, составленныхъ изъ корицы, равнялась 400—1,500 динар. [2]). Милліоны платили за жемчугъ, который женщины носили не только въ видѣ серегъ, но и на сандаліяхъ, иногда украшая и ленты и всю туфлю жемчугомъ. Особенно употребленіе его распространилось со времени завоеванія Александріи, черезъ которую жемчугъ провозился изъ Персидскаго залива и Индійскаго океана. „Сенека, повидимому, не преувеличиваетъ, говоря, что женщины иногда носили два или три состоянія въ ушахъ. Болѣе точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на жемчугъ отсутствуютъ, но извѣстно, что Юлій Цезарь во время перваго консульства въ 59 г., когда жемчугъ составлялъ еще большую рѣдкость въ Римѣ, подарилъ матери Брута—Сервиліи жемчужину цѣною въ 6 милл. сестерцій“ [3]). Немногимъ дешевле были драгоцѣнные камни. „Сенаторъ Струма Ноній обладалъ вдѣланнымъ въ кольцо опаломъ величиной въ авелланскій (ломардскій) орѣхъ; желая завладѣть этимъ камнемъ, Антоній осудилъ его на смерть, но онъ бѣжалъ и взялъ эту драгоцѣнность съ собой. Опалъ оцѣнивался въ 2 милл. сестерцій“ [4]). Еще больше трати-

[1]) Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. B. III. Leipzig. 1871, p. 27.

[2]) Friedländer. III. p. 47, 50.

[3]) Ibid., 54—55.

[4]) Friedländer. III, p. 53.

лось въ Римѣ на предметы роскоши въ домашней обстановкѣ, на мебель, ковры, сосуды. „Цѣны всѣхъ этихъ вещей—говоритъ Фридлендеръ—были очень высоки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо невѣроятны. Такъ, канделябры изъ Эгины стоили 25,000 сестерц., иногда даже вдвое больше. Сосуды изъ мирры, металла довольно загадочнаго даже въ тѣ времена, привозимаго съ Востока и оцѣниваемаго на вѣсъ золота,—Помпей впервые привезъ ихъ въ Римъ послѣ побѣдѣ надъ Митридатомъ—имѣлись у разныхъ лицъ цѣнностью въ 300,000 сестерцій. Неронъ велѣлъ изготовить изъ этого матеріала чашу, которая стоила милліонъ. Принадлежавшій Аннію большой мурринскій кубокъ стоилъ 700,000 сест. Сильное пристрастіе обнаруживалось и къ хрустальнымъ издѣліямъ; Плиній разсказываетъ, что одна не очень богатая женщина купила разливательную ложку изъ хрусталя за 150,000 сест. Въ царствованіе Нерона продавались два хрустальные бокала не особенно большой величины, сдѣланные новымъ способомъ, за 6,000 сестерцій. Точно также и страсть къ пріобрѣтенію искусно изготовленныхъ предметовъ изъ серебра была распространена въ Римѣ уже со второго вѣка до Р. Х. Еще ораторъ Луцій Крассъ (въ 95 г. консулъ) обладалъ сосудами, серебро которыхъ ему обошлось въ 6,000 сестерцій за фунтъ. Вышитые вавилонскіе ковры для покрыванія мягкихъ скамей, на которыхъ возлежали во время ѣды, сбывались во второмъ вѣкѣ до Р. Х. за 800,000 сест.; ковры Нерона стоили по 4 милл. каждый. Но особенно далеко заходило „безумство“ въ украшеніи комнатъ столиками изъ кипариса: мужчинамъ это ставилось въ укоръ женщинами, которыхъ упрекали въ расточительныхъ затратахъ на жемчугъ. За большія красивыя пластинки изъ кипарисоваго дерева (citrus), росшаго у Атласскихъ горъ, платились прямо неслыханныя цѣны. Столъ изъ этого дерева, принадлежавшій Цицерону и сохранившійся еще во время Плинія, стоилъ 500,000 сест. Позже кипарисовыя издѣлія стали еще дороже: цѣна ихъ доходила до 1,400,000 сест. Разсказываютъ, что у Сенеки было 500 столовъ изъ этого дерева [1].

---

[1]) Friedläender. III, p. 79—81.

При столь высокихъ, прямо головокружительныхъ цѣнахъ, прибыль въ торговлѣ должна была достигать очень крупныхъ размѣровъ. Плиній разсказываетъ, что цѣна арабскихъ, индійскихъ и китайскихъ товаровъ на римскомъ рынкѣ во сто разъ превышаетъ покупную цѣну [1]). „Сословіе римскихъ всадниковъ—говоритъ Беръ—въ позднѣйшую эпоху республики стало заниматься торговлей, ибо прибыль въ послѣдней составляла часто 80—100 проц.“ [2]). Прибыльна была торговля и въ Греціи уже во времена Гезіода. Какъ ни отрицательно относился Гезіодъ къ занятію торговлей, онъ вынужденъ былъ все-таки признать, что рядомъ съ земледѣліемъ приличный человѣкъ можетъ заниматься и мореплаваніемъ на нагруженномъ товарами кораблѣ, причемъ послѣднее можетъ доставлять очень высокую прибыль [3]). Это подтверждается также тѣмъ, что при заключеніи договора бодмереи купецъ уплачивалъ по 22—36 проц. за полученный въ ссуду капиталъ, [4]).

„Всѣ приведенныя выше цѣны—прибавляетъ Фридлендеръ—не были, однако, обычными средними цѣнами, а цѣнами, обращавшими на себя особенное вниманіе; какъ таковыя, какъ цѣны, возбуждающія всеобщее удивленіе, онѣ и сообщаются, иначе о нихъ никто бы не упоминалъ. Это цѣны, вызванныя тщеславіемъ покупателей, желающихъ служить всеобщимъ предметомъ разговора; ихъ высшая граница опредѣляется лишь средствами, которыми располагаетъ покупатель“. Среднія цѣны, уплачиваемыя за предметы роскоши, были, по его мнѣнію, значительно ниже: во времена Марціала вся обстановка дома, роскошная, но не очень обширная, обходилась въ милліонъ сестерцій [5]). Однако, и подобная сумма должна быть признана очень крупной; Фридлендеръ самъ же приводитъ указаніе Марціала на то, что тотъ, кому стоитъ его обстановка милліонъ,

---

[1]) Voigt. Römische Privatalterthümer, p. 908.

[2]) Бэръ. Исторія всемірной торговли. Ч. I, стр. 92—93.

[3]) Ed. Meyer. Wirtschaftliche Entwickelung des Altertums. Jahrbücher, p. 709.

[4]) Büchsenschütz p. 496 и сл. 509. Schömann. Griechische Altertümer. I, p. 451. Beloch. s. v. Zinsfuss im klassischen Altertum. Handwört. der Staatswiss. Suppl.—B. II, p. 1003.

[5]) Friedländer III, p. 27. 81.

хвастаетъ тѣмъ, что все, что у него есть, отличается замѣчательной добротой и большой дороговизной, что за издѣлія изъ серебра онъ платилъ по 500 сест. за фунтъ, за позолоченную колесницу сумму, равняющуюся цѣнности земельнаго участка, а за мула столько, сколько долженъ стоить домъ. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ всѣ уплачиваемыя цѣны принадлежатъ къ цѣнамъ тщеславія, какъ ихъ называетъ Рошеръ. Да иного характера и не могутъ имѣть цѣны въ періодъ замкнутаго домашняго хозяйства, будетъ ли оно носить первоначальную форму или ту болѣе развитую форму, которую представляетъ собою древній Римъ временъ Имперіи. Ибо одному лишь тщеславію очень богатыхъ людей служитъ торговля въ эту эпоху; имъ вызывалась вся та роскошь и тотъ показной блескъ, которымъ окружали себя римляне. Столь же характерной чертой этого періода экономической жизни являются и рѣзкія колебанія въ цѣнахъ: вслѣдствіе малаго развитія торговаго обмѣна, вслѣдствіе незначительнаго количества товаровъ, доставляемыхъ торговлей, не можетъ установиться средняя нормальная цѣна на различные предметы и поэтому, будучи вообще очень высокими, цѣны въ одно и то же время, не говоря уже о цѣнахъ въ различные моменты, хотя бы и отдаленные другъ отъ друга незначительнымъ промежуткомъ, могутъ занимать совершенно различный уровень. Этимъ то объясняется то различіе въ цѣнахъ, на которомъ останавливается Фридлендеръ, и которое онъ объясняетъ тѣмъ, что однѣ цѣны случайныя, другія нормальныя; и среди приводимыхъ имъ-же случайныхъ, исключительно высокихъ цѣнъ разстояніе между цѣнами одного и того же предмета не меньше, чѣмъ между ними, съ одной стороны, и тѣми цѣнами, которыя онъ называетъ нормальными, съ другой стороны. Послѣднее названіе совершенно не подходитъ къ разсматриваемому періоду экономической жизни: въ эту эпоху о нормальныхъ, обычныхъ цѣнахъ вообще не можетъ быть и рѣчи, ибо продукты повседневнаго потребленія производятся въ собственномъ хозяйствѣ и не служатъ объектами торговаго обмѣна, предметы же роскоши предназначены исключительно для узкаго круга очень богатыхъ людей. По той же причинѣ всѣ цѣны этой эпохи, а не только нѣкоторыя, особенно высокія, какъ полагаетъ Фридлендеръ, имѣютъ

одинъ лишь предѣлъ—покупную способность потребителя, его имущественную состоятельность; ибо, какъ мы видѣли выше, богатые люди были готовы отдать любое количество продуктовъ труда своихъ рабовъ за то, чтобы получить предметы роскоши, которыми они могли бы возбудить зависть другихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Торговля и торговая прибыль въ средніе вѣка.

А. Левантійская торговля.

I.

„Никакой другой народъ—говоритъ Тацитъ о древнихъ германцахъ—не предается съ большей щедростью угощеніямъ и гостепріимству. Кому бы то ни было изъ смертныхъ отказать въ кровѣ считается не честнымъ: всякій доставляетъ ему столъ, приготовленный по состоянію. Когда нѣтъ болѣе средствъ для этого, то лицо, бывшее до того хозяиномъ, указываетъ ему на гостепріимство въ другомъ домѣ и сопровождаетъ его; они безъ приглашенія входятъ въ ближайшій домъ: все равно, ихъ принимаютъ съ одинаковой любезностью. По отношенію къ праву гостепріимства никто не дѣлаетъ различія между знакомымъ и незнакомымъ“ [1]). При такихъ условіяхъ не можетъ, конечно, возникнуть потребности въ обмѣнѣ, ибо помимо общиннаго землевладѣнія, и все необходимое въ области пищи и питья потребляется сообща; нѣтъ надобности въ возмездномъ обмѣнѣ, когда все можно получить совершенно даромъ. Изъ данныхъ, приводимыхъ Тацитомъ, видно далѣе, что необходимые кому-либо предметы пріобрѣтаются также безвозмездно. „Если гость — читаемъ у него въ той же главѣ — уходя, что-либо попроситъ, въ обычаѣ уступать ему; съ такой же безцеремонностью хозяинъ можетъ попросить чего-либо взаимно“ [2]).

---

[1]) Германія, гл. 21. Пер. Модестова т. I. СПБ. 1886.

[2]) Тамъ-же.

Какъ указываетъ Лампрехтъ въ своей экономической исторіи Франціи XI вѣка, подобнаго рода обмѣнъ подарками, являющійся лишь зачаточной формой торговли, существовалъ во Франціи еще въ XI вѣкѣ. „Покупали— говоритъ онъ — лишь въ исключительныхъ случаяхъ; гораздо болѣе приличнымъ считалось получать подарки и давать таковые или же прибѣгать къ грабежу (другихъ племенъ). Даже знатные люди нерѣдко настоятельно упрашивали другъ друга подарить имъ какую-либо вещь, и съ презрѣніемъ смотрѣли лишь на того, кто выпрашивалъ себѣ малоцѣнные предметы“ [1]). При этомъ подарокъ обыкновенно сопровождался въ свою очередь подаркомъ, такъ что обмѣнъ былъ двусторонній. Въ источникахъ упоминаются случаи, когда монахи приставали къ богатымъ людямъ, стараясь выпросить у нихъ что-либо. Въ концѣ-концовъ они достигали своей цѣли, но въ виду того, что даритель неохотно отдавалъ просимую вещь, а если отдавалъ, то впослѣдствіи старался вернуть ее обратно, одаренные считали необходимымъ дать взамѣнъ какой-либо другой предметъ. Въ такихъ случаяхъ — говоритъ Лампрехтъ—дареніе иногда превращалось въ частичную куплю—продажу: одаренный уплачивалъ что либо дарителю pro caritate. Лампрехтъ высказываетъ предположеніе, что переходъ отъ односторонняго даренія къ двустороннему, возмездному обмѣну совершился, вѣроятно, первоначально въ тѣхъ случаяхъ, когда дареніе происходило подъ вліяніемъ принужденія, впослѣдствіи же двусторонній обмѣнъ распространился и на случаи добровольнаго даренія. Покупали въ XI вѣкѣ, какъ показываетъ тотъ же Лампрехтъ, только нѣкоторые монастыри. Но и монастыри предпочитали добывать нужные имъ предметы выпрашиваніемъ или угрозами: отказывавшемуся исполнить ихъ просьбу они грозили адскими муками въ загробной жизни, пользуясь для этого различными библейскими изрѣченіями, истолкованными въ соотвѣтствующемъ смыслѣ. Существовали цѣлые сборники такихъ изрѣченій, ходившіе по рукамъ во всей Франціи [2]).

Такимъ образомъ внутренняя торговля возникла въ

[1]) Lamprecht. Beiträge zur französischen Wirtschaftsgeschichte des elften Iahrhunderts. Leipzig. 1879. p. 132—133.

[2]) Lamprecht. p. 131—134. Прим. 79—81.

средніе вѣка сравнительно очень поздно. Междуплеменная торговля появилась раньше, хотя и ея первоначально не существовало. Германскіе вожди добывали грабежемъ и войной все необходимое для своей свиты [1]). Готы, по словамъ лѣтописи, предпринимали съ этой цѣлью походы на тысячѣ и двухъ тысячахъ судовъ [2]). „Всѣ войны прибалтійскихъ славянъ съ Даніей въ XI вѣкѣ—говоритъ Фортинскій—были ничѣмъ инымъ какъ разбойничьими грабежами. И славяне и датчане, при нападеніи на земли другъ друга, рѣдко отъ грабежа сосѣднихъ деревень переходили къ осадѣ крѣпостей, а въ большинствѣ случаевъ спѣшили скорѣе уйти съ захваченною добычею. Тѣснимые съ суши нѣмцами, славяне спасались въ море на корабли и по необходимости должны были доставать себѣ пропитаніе грабежомъ береговыхъ жителей, причемъ уже не всегда отличали своихъ отъ чужихъ“ [3]).

Какъ у современныхъ первобытныхъ народовъ Африки, Америки, Австраліи и въ древнемъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка, т. е. въ ту эпоху, когда европейскіе народы стояли на низкой ступени хозяйственнаго развитія, лишь постепенно изъ грабежа и разбоя выработались мирныя торговыя сношенія, изъ насильственнаго завладѣванія имуществомъ—мирный обмѣнъ товаровъ. Норманскіе викинги, совершавшіе нападенія на англійскіе берега, были одновременно купцами и морскими разбойниками. Входя въ гавань, они поднимали красный щитъ на мачтѣ—знакъ мира, и приступали къ честному обмѣну, по окончаніи же обмѣна спускали щитъ и предавались столь же честному грабежу [4]). Саксы, арабы, датчане, венды—всѣ они начали свою торговую дѣятельность грабежомъ и пиратствомъ, и номады на сушѣ, по выраженію Рошера, сначала грабили караваны, а впослѣдствіи уже стали проводниками ихъ [5]). Слова „lucrum“ и „Lohn“ означали первоначально ничто иное какъ „военная добыча“,

---

[1]) Германія, гл. 14. Пер. Модестова.

[2]) Roscher. System. B. III. 7 Aufl. p. 140 прим. 2.

[3]) Фортинскій. Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Кіевъ. 1877. стр. 169

[4]) Huvelin. Histoire du droit des foires et marchés. p. 341.

[5]) Roscher. III. p. 138.

награбленнное имущество“ [1]). Такое же значеніе добычи, пріобрѣтенной во время войны, имѣло первоначально и слово „Gewinn“ (winnunge),—прибыль слѣдовательно беретъ свое начало непосредственно отъ грабежа, отъ имущества, пріобрѣтаемаго насиліемъ [2]). Поскольку же прибыль уже успѣла освободиться отъ насилія и стала результатомъ добровольнаго обмѣна товаровъ, она представляетъ собою въ значительной мѣрѣ результатъ обманныхъ дѣйствій торговца. Какъ и въ древнемъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка—указываетъ Шрадеръ—„Kaufmann“, „mercator“, „negotiator“ есть прежде всего обманщикъ, человѣкъ, прибѣгающій къ сомнительнымъ средствамъ для того, чтобы сбыть свой (недоброкачественный) товаръ [3]). Не даромъ говоритъ св. Іеронимъ, что прибыль купца получается насчетъ убытка, который терпитъ другой; вообще—прибавляетъ онъ—торговля опасна для души, такъ какъ едва ли она обходится безъ обмана („не обманешь—не продашь!“) [4]).

И въ средніе вѣка переходной ступенью къ торговлѣ въ сношеніяхъ между различными племенами и народами (какъ и среди единоплеменниковъ) являются гостепріимство и обмѣнъ подарковъ—обмѣнъ подарковъ между предводителями племенъ при вступленіи въ мирные переговоры и между предводителемъ племени и отдѣльными представителями другихъ племенъ, попадавшими въ его владѣнія. Такъ, Тиберій предпринялъ рядъ походовъ въ Германію, во время которыхъ германцы успѣли ознакомиться съ продуктами, производившимися у римлянъ, и вступили съ ними въ обмѣнъ. Послы и князья получали въ подарокъ серебряные сосуды, а также отборныхъ лошадей, оружіе, грудныя металлическія украшенія и ожерелья. Эти подарки посылались—какъ указываетъ Тацитъ—не отъ имени отдѣльнаго лица, а отъ имени страны [5]). Точно также и въ Бельгіи торговля, повидимому, возникла лишь послѣ вторженія въ эту страну римлянъ: до появленія Цезаря бельгійцы только

[1]) Schrader. Linguistisch—historische Forschungen. p. 59.

[2]) Goldschmidt. I. Universalgeschichte. p. 106.

[3]) Schrader. p. 89—90.

[4]) Эшли. Экономич. исторія Англіи, стр. 144. Kautz. Geschichte der Nationaloekonomik. I. 209.

[5]) Тацитъ, гл. 5 и 15.

продавали награбленное на войнѣ, но своихъ мѣстныхъ продуктовъ не сбывали [1]). „Вся эта смѣсь народовъ—говоритъ Пижонно—иберы, лигурійцы, кельты, бельги, германцы, которая получила въ концѣ концовъ названіе галловъ, никогда не составляла одной націи, даже не образовывала союза. Вражда между отдѣльными племенами усиливалась еще болѣе вслѣдствіе политическихъ разногласій и соціальной ненависти одного племени къ другому. Лишивъ Галлію независимости, Римъ далъ ей то, чего она до того времени не знала—миръ, первое условіе для всякаго труда, для возможности накопленія богатствъ“ [2]), необходимое условіе и для возникновенія торговаго обмѣна. Если Нервы отказывались допустить къ себѣ римскихъ торговцевъ, то это объясняется, конечно, не ихъ опасеніями за свою храбрость, какъ думаетъ Цезарь, не тѣмъ, что они боялись изнѣживающаго вліянія вина [3]): они просто не были знакомы съ виномъ, привозимымъ римлянами, и поэтому не ощущали потребности въ немъ, ибо германскія племена, которыя уже успѣли ознакомиться съ виномъ, болѣе всего интересовались этимъ товаромъ, его опьяняющимъ дѣйствіемъ. Римскихъ купцовъ Нервы не допускали, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны римлянъ, подобно тому, какъ различныя африканскія племена отказывались впускать въ свою страну купеческіе караваны до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились въ ихъ мирныхъ намѣреніяхъ.

Понятно, что первые рынки появились не внутри страны, а на границѣ ея, что торговля между германцами и римлянами имѣла исключительно порубежный характеръ, а въ Британіи римскимъ купцамъ были знакомы лишь берега острова [4]). Этотъ пограничный обмѣнъ долженъ былъ приносить большую выгоду римскимъ купцамъ. Сладкое опьяняющее вино и блестящіе драгоцѣнные металлы—говоритъ Ратгенъ—привозили римляне въ Германію; при этомъ пер-

---

[1]) Barlet. Histoire du commerce et de l'industrie de la Belgique. p. 13, 16.

[2]) Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. Paris. T. I. 1885. p. 22.

[3]) Цезарь, кн. II, гл. 15. Schrader. p. 82.

[4]) Цезарь. IV. 3—4 и IV. 20. Rathgen. Die Entstehung der Märkte in Deutschland. p. 3—5. Schrader. p. 82—83.

воначально германцы предпочитали серебро, такъ какъ получали большіе куски этого металла, впослѣдствіи же красное золото, которому приписывалась демоническая сила [1]). Взамѣнъ этого римляне получали высоко цѣнившійся въ Римѣ прозрачный янтарь, мѣха, блестящія бусы, разноцвѣтныя птичьи перья и человѣческіе волосы—все это были предметы украшенія, кромѣ того коней и рабовъ. Торговый обмѣнъ имѣлъ тотъ же первобытный характеръ, какъ и торговля римлянъ съ другими странами, какъ торговля въ древнемъ мірѣ вообще: съ одной стороны народы, стоящіе на низкомъ уровнѣ культуры, отдавали охотно все, что имѣли за блестящіе и красивые предметы, за опьяняющія и одурманивающія снадобья; а съ другой стороны римляне платили высокія цѣны за привозимые изъ Германіи украшенія и предметы роскоши, давая за нихъ большое количество труда своихъ рабовъ.

И въ болѣе позднія времена торговыя сношенія устанавливаются съ помощью подарковъ. Карлъ Великій, старавшійся завязать торговыя связи съ Востокомъ, посылаетъ своихъ людей къ тамошнимъ властителямъ съ дарами, и взамѣнъ этого они въ свою очередь привозятъ ему подарки восточныхъ монарховъ. Этимъ путемъ онъ вступаетъ въ торговыя сношенія съ Востокомъ. Онъ отправляетъ въ 797 году къ персидскому царю еврея Исаака съ двумя послами, и спустя четыре года ему сообщаютъ, что посланный еврей возвратился съ богатыми дарами, между прочимъ привелъ слона Карлу Великому. Въ 807 году является новое посольство отъ халифа Гарунъ-аль-Рашида съ полотняными и шелковыми тканями, маслами и притираніями, бронзовыми издѣліями и позолоченными водяными часами. Карлъ Великій въ свою очередь посылаетъ халифу лошадей и муловъ изъ Испаніи, охотничьихъ собакъ и фризскія сукна различныхъ сортовъ, которыя, какъ онъ зналъ, въ тѣхъ странахъ были очень рѣдки и высоко цѣнились [2]).

Вслѣдствіе этого завязался торговый обмѣнъ и купцы-евреи стали предпринимать продолжительныя путешествія,

[1]) Rathgen. Die Entstehung der Märkte in Deutschland. Darmstadt 1881. p. 4.

[2]) Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. T. I. Paris. 1885 p. 73. Heyd. Geschichte des Levantehandels. B. I. 1879. p. 101—102.

черезъ всю Европу на Востокъ—въ Малую Азію, Индію и Китай и привозить драгоцѣнности Востока Карлу Великому и его придворнымъ, феодаламъ и монастырямъ. Карлъ Великій разрѣшилъ купцамъ-евреямъ „продавать какіе угодно товары по всей странѣ“ и принялъ ихъ подъ свое покровительство [1]). И другіе иностранные купцы встрѣчаются въ это время во франкской монархіи. Такъ извѣстно, что Карлъ Великій объявилъ англо-саксонскому королю Оффѣ, что купцамъ, пріѣзжающимъ оттуда, онъ предоставляетъ свою защиту [2]). Однако количество купцовъ не-евреевъ было незначительно: венды, датчане и авары обыкновенно не переходили восточной границы [3]), а свѣдѣнія объ арабахъ недостовѣрны [4]); только фризы селились также по Рейну въ Страсбургѣ, Майнцѣ, Вормсѣ, Кельнѣ, но и они ограничивались сбытомъ фламандскихъ и англійскихъ суконъ [5]). Между тѣмъ въ рукахъ евреевъ находилась левантійская торговля; они являлись посредниками въ обмѣнѣ между Востокомъ и Западомъ. Въ „Книгѣ путей и государствъ“ Абуль-Касима Убайдаллаха Ибнъ-Абдаллахъ, извѣстнаго подъ названіемъ Ибнъ-Хордабде, относящейся къ IX вѣку, мы находимъ описаніе тѣхъ путешествій, которыя предпринимались купцами-евреями, и тѣхъ товаровъ, которыми они торговали. Они путешествуютъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и сушей. Отправляются они караванами изъ Франціи и Испаніи черезъ Гибралтаръ, Африку, Сирію, Персію или черезъ Германію, Россію по Волгѣ, Каспійскому и Черному морю до Индіи и даже до Китая. „Они возятъ съ запада евнуховъ, служанокъ, мальчиковъ, шелкъ, мѣха и мечи и берутъ на обратномъ пути мускусъ, алое, камфору, корицу и другія произведенія Востока. Нѣкоторые отправляются въ Константинополь

---

[1]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. I. Leipzig. 1879. p. 432.

[2]) Rathgen. p. 14.

[3]) Ibid. p. 10.

[4]) Schulte. I. p. 78.

[5]) Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig. Leipzig. 1900. B. I. p. 78. Klumker. Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen. Leipzig. 1899. p. 60 и сл.

для продажи товаровъ, другіе возвращаются въ страны франковъ". „Путешествіе ихъ—добавляетъ Ибнъ—Хордабде—бываетъ часто непрерывнымъ" [1]).

Такая торговля евреевъ, въ которой они не имѣли конкуррентовъ, была возможна, съ одной стороны, благодаря тѣснымъ связямъ, соединявшимъ евреевъ разныхъ странъ, а съ другой стороны, благодаря знакомству съ большимъ количествомъ языковъ (по словамъ Ибнъ-Хордабде они говорили по персидски, по румски, по арабски, по французски, по андалузски, по славянски), въ особенности же благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми они обладали, будучи знакомы со всѣми торговыми путями и рынками. Очевидно, что въ тѣ времена, когда сношенія мажду отдѣльными странами почти совершенно отсутствовали, и огромныя препятствія, которыя ставились купцу въ его торговыхъ путешествіяхъ, дѣлали для всѣхъ другихъ народовъ занятіе торговлей прямо невозможнымъ, тѣ услуги, которые оказывали евреи, снабжая Европу пряностями, ароматическими веществами и дорогими тканями Востока, были дѣйствительно неоцѣнимы, хотя евреи, занимая подобное же монопольное положеніе, какъ въ древнемъ мірѣ финикіане и греки, безъ сомнѣнія извлекали высокую прибыль изъ торговаго обмѣна.

Еще при меровингахъ евреи въ Бордо и Орлеанѣ, въ Марсели и Нарбонѣ, въ Вормсѣ и Майнцѣ составляли многочисленныя и богатыя общины [2]); при Карлѣ Великомъ и Людовикѣ Благочестивомъ они разносятъ свои товары и продаютъ ихъ на площадяхъ и въ лагерѣ войска, т. е. повсюду гдѣ происходили народныя сборища и слѣдовательно устраивался рынокъ. И въ послѣдующія столѣтія торговля находится въ ихъ рукахъ. Въ баварскомъ статутѣ X вѣка говорится, что „купцы, т. е. евреи и прочіе купцы какъ туземцы, такъ и чужестранцы должны платить опредѣленную пошлину съ рабовъ и другихъ провозимыхъ ими товаровъ" [3]). Епископъ шпейерскій Рюдигеръ, основы-

[1]) Heyd. I.

[2]) Pigeonneau. I. p. 68. Boos. Geschichte der rheinischen Städtekultur. T. I. Berlin. 1897. p. 370.

[3]) Stobbe. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. Braunschweig. 1866. p. 200 прим. 7.

вая въ 1084 году городъ Шпейеръ, считаетъ необходимымъ „для увеличенія славы города, призвать туда и евреевъ“, даруя имъ право свободной торговли, подтвержденное въ 1090 году и императоромъ Генрихомъ IV: евреи имѣютъ право торговать всѣми товарами и притомъ безпошлинно по всей имперіи [1]). Тотъ-же Генрихъ IV освободилъ въ 1074 году „евреевъ и другихъ жителей города Вормса отъ обязанности уплачивать мытъ на королевскихъ заставахъ“ [2]). Въ концѣ X и въ первой половинѣ XI вѣка они возятъ товары на собственныхъ или чужихъ судахъ или сушей на повозкахъ и продаютъ ихъ на кельнской ярмаркѣ, а пріобрѣтенные тамъ товары распространяютъ по всей Европѣ вплоть до Руси; предметы ихъ обмѣна составляютъ шерсть, шкуры и мѣха, драгоцѣнные камни, золото и жемчугъ [3]). Дитмаръ Мерзебургскій сообщаетъ, что въ Магдебургѣ въ самой церкви происходилъ обмѣнъ товаровъ между евреями и христіанами: въ то время, какъ на хорахъ совершалось богослуженіе, внизу въ кораблѣ церкви производилась торговля [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Graetz. Geschichte der Juden. B. V. p. 403.

[3]) Brisch. Geschichte der Juden in Köln und Umgebung. Mülheim am Rhein. 1879. B. I. p. 17.

[4]) Hüllmann. Städtewesen im Mittelalter. Bonn. 1826. B. I. 287. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ, что церковь являлась мѣстомъ торга, нѣтъ конечно ничего страннаго. Наоборотъ, вполнѣ понятно, что междуплеменной торговый обмѣнъ, обмѣнъ между мѣстнымъ населеніемъ и купцами—евреями, которые считались повсюду иностранцами, только и могъ совершаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прекращалась всякая вражда, гдѣ люди могли спокойно сходиться, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій ни съ чьей стороны. Поэтому то ярмарки и рынки происходили и въ средніе вѣка во время церковныхъ празднествъ и религіозныхъ процессій, когда провозглашался Божій миръ, а также по воскресеньямъ, и несмотря на всѣ запрещенія, церкви этотъ послѣдній обычай—устраивать рынокъ въ воскресенье, не выходилъ изъ употребленія въ теченіе всего средневѣковья (см. Hüllmann. I. p. 284. сл. и Huvelin p. 157 сл.). Поэтому, далѣе, важнѣйшіе торговые города—Базель, Страсбургъ, Констанцъ, Нюрнбергъ, Госларъ, Утрехтъ, Дургемъ, Винчестеръ—пріобрѣли свое торговое значеніе благодаря тѣмъ святымъ, которые тамъ почитались и въ честь которыхъ устраивались религіозныя празднества. (См. Беръ. Исторія всемірн. торг. I. стр. 109. Спенсеръ. Описательная соціологія

„Почти повсюду, какъ въ Лангедокѣ, такъ и въ Провансѣ — говоритъ Пижонно — на сѣверѣ и въ средней Франціи торговля предметами роскоши и драгоцѣнными металлами, т. е. единственная торговля, существовавшая въ эпоху феодализма въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, находится въ рукахъ евреевъ". Послѣдніе торгуютъ „пряностями и ароматическими веществами Востока, шелковыми и бумажными тканями, коврами, драгоцѣнными камнями, золотыми и серебряными издѣліями которыя получаютъ чрезъ посредство купцовъ изъ Амальфи, Пизы и Венеціи, мѣхами, которые присылаются нѣмецкимъ евреямъ изъ Россіи, испанскими лошадьми, которыя могущественными баронами цѣнились на вѣсъ золота" [1]). Въ Римъ купцы—евреи поставляли мѣха [2]). Наконецъ, и въ Англіи торговля находилась большею частью въ рукахъ евреевъ, которыхъ англійскіе короли брали подъ свою защиту [3]).

Гюльманъ устанавливаетъ размѣръ прибыли для того времени въ 100 — 200 проц. [4]). Столь высокая прибыль съ одной стороны являлась результатомъ монопольнаго положенія, занимаемаго купцами, которые, не имѣя конкурентовъ въ торговлѣ между Западной Европой и Востокомъ, могли поднимать цѣны до ихъ высшаго предѣла, до цѣнности потребленія товаровъ; а съ другой стороны присоединялось то обстоятельство, что эта цѣнность потребленія стояла очень высоко, и поэтому то и получалась столь значительная разница между расходами и продажной

пер. подъ ред. Лучицкаго. стр. 279). Поэтому, наконецъ, самый обмѣнъ товаровъ совершался въ церквахъ и монастыряхъ—на хорахъ и галлереяхъ раскладывались товары, отчего эти церкви и получили названіе торговыхъ, рыночныхъ церквей. Въ Ипрѣ, Вестминстерѣ и Руанѣ, въ Потье, Метцѣ и Нойонѣ и во многихъ другихъ городахъ церковь служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ и мѣстомъ, гдѣ производился торговый обмѣнъ. (Maurer. Geschichte der Städteverfassung. I. p. 285. Huvelin. p. 45). Такой же характеръ имѣли церкви ганзейскихъ конторъ въ Новгородѣ, Брюгге, Бергенѣ и т. д. (См. объ этомъ слѣд. главу).

[1]) Pigeonneau. I. p. 104. 106. 231.

[2]) Berliner. Geschichte der Juden in Rom. Frankfurt a. M. 1893. B. II. T. I. p. 7.

[3]) Беръ, т. II, стр. 247.

[4]) Hüllmann. Deutsche Finanzgeschichte des Mittelalters. 1805. p. 222.

цѣной товаровъ. Высокій же уровень цѣнности потребленія сбываемыхъ въ Европѣ произведеній Востока объясняется тѣмъ, что это были предметы роскоши, которые въ глазахъ сильныхъ міра сего стояли крайне высоко, тогда какъ уплачиваемые феодалами продукты, результатъ труда крѣпостнаго населенія, имѣли для нихъ весьма мало значенія.

Во Франціи купцы—евреи торговали преимущественно пряностями и ароматическими веществами, дорогими тканями и драгоцѣнными камнями—все это шло съ Востока. Но и въ другихъ странахъ предметы роскоши составляли единственные объекты торговаго обмѣна [1]). Въ одномъ старинномъ англійскомъ діалогѣ (X—XI вѣка) перечисляются слѣдующіе товары, привозимые купцомъ въ Англію: пурпуръ, шелкъ, драгоцѣнные камни и золото, платья, притиранія, вина, масло, слоновая кость и бронза, мѣдь и олово, серебро, стекло [2]). Разсматривая предметы торговли между Германіей и Италіей до XII вѣка, Шульте нашелъ шерсть и шерстяныя издѣлія въ крайне ограниченномъ количествѣ, въ большихъ размѣрахъ сбытъ мѣховъ, далѣе шелка и парчи, шедшихъ съ Востока, драгоцѣнныхъ камней и золота, получавшихся также съ Востока, наконецъ въ видѣ главнаго продукта, распространявшагося по всей Европѣ, а не только на незначительныя разстоянія, какъ прочіе товары,—пряности, и между ними прежде всего перецъ, затѣмъ корицу, алоэ, мускусъ, гвоздику, камфору и цѣлый рядъ другихъ пряностей [3]). Такой обширный районъ сбыта пряностей Шульте объясняетъ тѣмъ, что пряности вообще и перецъ въ особенности употреблялись въ тѣ времена въ большомъ количествѣ въ пищу и напитки [4]).

---

[1]) Насколько незначительны были торговыя сношенія внутри Европы, видно изъ того, что лѣтописецъ первой половины XII вѣка епископъ Оттонъ Фрейзингъ (сынъ маркграфа Австрійскаго Леопольда IV и внукъ императора Генриха IV) называетъ аквитанцевъ, гасконцевъ, норманновъ, англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ, французовъ, фламандцевъ и лотарингцевъ „совершенно неизвѣстными народами". Объ этихъ неизвѣстныхъ народахъ въ Германіи до Крестовыхъ походовъ распространялись самыя нелѣпыя басни. (Eicken. Gesch. der mittelalt. Weltanschauung. p. 617).

[2]) Эшли. Экономическая исторія Англіи. Пер. подъ ред. Петрушевскаго. Москва. 1897., стр. 78.

[3]) Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs I. p. 70 и сл.

[4]) Ibid. p. 72—73.

Наравнѣ съ виномъ они дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на человѣка, вслѣдствіе чего и пріобрѣтались всѣми тѣми, кто въ состояніи былъ платить за нихъ высокія цѣны [1]).

Представители церкви покупали охотно пряности и ароматическія вещества, несмотря на высокія цѣны [2]). Они также дарили другъ другу эти драгоцѣнныя произведенія Востока, обыкновенно въ очень маленькихъ дозахъ, посылали въ X—XI ст. корицу и стираксъ, ладанъ, бальзамъ и ѳиміамъ въ качествѣ подарковъ [3]). Епископы пріобрѣтали и другіе предметы, доставляемые купцами; у евреевъ они покупали мѣха, которыми въ XII вѣкѣ, а возможно, что уже раньше, было оторочено ихъ платье [4]). Уже начиная съ VII вѣка папы и епископы стали носить шелковыя одѣянія, которыя вплоть до XII вѣка еще не производились въ Европѣ, а получались съ Востока или изъ Константинополя. Бокъ указываетъ на утомительныя описанія, которыя встрѣчаются у лѣтописцевъ относительно количества, качества матеріи и рисунка дорогихъ одѣяній, пожертвованныхъ папами церквамъ Рима и другихъ итальянскихъ городовъ [5]). Св. Бенедиктъ, первый аббатъ Уармута, во время, одного изъ своихъ путешествій въ Римъ пріобрѣлъ два куска шелковой матеріи необыкновенно изящной работы; онъ уступилъ ихъ королю Эгриду и получилъ взамѣнъ большой участокъ земли [6]). И свѣтскіе князья носили, слѣдовательно, шелковыя одѣянія: швабскіе герцоги покупали рѣдкіе мѣха и шелковыя, пурпуромъ отороченныя одежды въ Павіи у венеціанскихъ купцовъ, „которые изъ

---

[1]) Alwin Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. 2 Aufl. Wien, 1889. p. 392. Heyd. I. 99.

[2]) Heyd. Geschichte des Levantehandels. I. p. 100.

[3]) Schulte. I. p. 73.

[4]) Berliner II. T. I, p. 7. A.Schultz. Das häusliche Leben der europäischen Kulturvölker. p. 221 и сл.

[5]) Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters, Bonn. 1859. B. I. p. 25. Yoshida. Entwickelung des Seidenhandels und der Seidenindustrie vom Altertum bis zum Ausgang des Mittelalters. Heidelberg. 1894. p. 57.

[6]) Bock. I. p. 32. Heyd. I. p. 106. Alw. Schultz. Das häusliche Leben. p. 222, 229.

заморскихъ странъ привозили всѣ богатства Востока“ [1]). Жена венеціанскаго дожа Доменико Сельво, дочь константинопольскаго императора (въ XI ст.), употребляла различные духи, масла и ароматическія вещества, носила блестящія цвѣтныя ткани Востока, ѣла маленькими золотыми палочками [2]).

Эти то крупные землевладѣльцы были единственными потребителями товаровъ, привозимыхъ купцами. Послѣ переселенія народовъ—говоритъ Инама-Стернеггъ,—прекратился и тотъ незначительный торговый обмѣнъ, который существовалъ ранѣе, обмѣнъ между германцами и римлянами. Земледѣліе находилось на очень низкой ступени развитія, а сборы, взимаемые въ пользу короля, церкви и т. п., были весьма значительны; при такихъ условіяхъ въ первой половинѣ средневѣковаго періода ни у мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, ни у крѣпостныхъ крестьянъ, обязанныхъ доставлять землевладѣльцу (феодалу) оброкъ и исправлять различныя повинности въ его пользу, не оставалось избытка въ продуктахъ, который они могли бы обмѣнивать на другіе предметы. Они производили только для собственнаго потребленія. И болѣе крупныя помѣстья первоначально имѣли мало продуктовъ, которыми могли бы свободно располагать, ибо при болѣе обширномъ хозяйствѣ и потребности были болѣе велики. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторый избытокъ сверхъ того, что нужно было для собственнаго потребленія, въ крупныхъ помѣстьяхъ всегда существовалъ и поэтому являлась и возможность пріобрѣтенія иноземныхъ товаровъ—пряностей и украшеній. Крупные землевладѣльцы: короли, герцоги и князья, епископы и аббаты монастырей посылаютъ своихъ людей для пріобрѣтенія платья и матеріи, пряностей и южныхъ плодовъ, отправляютъ корабли на иностранные рынки, въ особенности же устраиваютъ у себя рынки, куда являются иноземные купцы и гдѣ происходитъ обмѣнъ иноземныхъ товаровъ на сырые продукты, производимые въ помѣстьи и получаемые въ качествѣ оброка, десятины и другихъ сборовъ отъ соб-

[1]) Schulte. p. 73.

[2]) Molmenti. Venedig und die Venetianer. p. 124—125.

ственныхъ крестьянъ и крѣпостныхъ [1]). Карлъ Великій разрѣшаетъ нѣкоторымъ феодаламъ, именно тѣмъ, у которыхъ имѣются значительные избытки продуктовъ, устраивать рынки на своихъ помѣстьяхъ, на которыхъ долженъ происходить весь торговый обмѣнъ [2]). Одновременно съ правомъ устройства рынка имъ предоставляется и надзоръ за торговлей на рынкѣ, судъ во время торговаго обмѣна и право взиманія пошлинъ съ купцовъ, посѣщающихъ рынокъ. При этомъ изъ всѣхъ привилегій на право устройства рынка, выданныхъ въ Германіи королями вплоть до конца XII вѣка, привилегіи церквей и монастырей составляютъ девять десятыхъ общаго числа. „Поскольку существовала торговля въ этотъ періодъ—заключаетъ Инама-Стернеггъ—она развивалась съ одной стороны подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые заботились о сбытѣ избытка своихъ продуктовъ, а съ другой стороны благодаря небольшому, но умѣлому классу самостоятельныхъ купцовъ, которые, пользуясь защитой короля и другихъ сильныхъ міра сего, распространяли свои товары по странѣ“ [3]).

То же находимъ и во Франціи. И здѣсь торговля имѣетъ еще мало значенія; жизнь была груба, потребности—крайне ограничены. Крестьянинъ значительную, пожалуй, большую часть жатвы отдавалъ сеньору и церкви, и лишь черезъ посредство послѣднихъ сельско-хозяйственные продукты отчасти переходили въ руки купца, будучи вымѣниваемы на произведенія Востока [4]). Феодалы духовные и свѣтскіе дѣйствительно нуждались въ купцахъ, которые бы поставляли имъ эти столь высоко цѣнимые ими товары, и поэтому то, какъ указываетъ Пижонно, въ X—XII ст. купцы-евреи жили во Франціи не только въ большихъ городахъ, но были разбросаны по всей странѣ, въ замкахъ и селеніяхъ различныхъ герцоговъ, епископовъ и бароновъ: каждый сеньоръ имѣетъ своего еврея, такъ же какъ онъ имѣетъ своего ткача и своего кузнеца [5]).

---

[1]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. I. Leipzig. 1870. p. 150 и сл. 175 и сл. 429 и сл.

[2]) Rathgen p. 9 и сл. 25 и сл., 57.

[3]) Inama-Sternegg. I. p. 438 и сл.

[4]) Pigeonneau. I. p. 93—95.

[5]) Ibid. I. p. 104—105.

Такимъ образомъ, въ періодъ ранняго средневѣковья вплоть до XII вѣка потребителями являлись феодалы, уплачивавшіе оброкомъ, десятиной и другими сборами, полученными съ населенія и не стоившими имъ самимъ никакого труда, за вина и пряности, за одурманивавшія ароматическія вещества, за блестящіе драгоцѣнные металлы и камни, за цвѣтныя и прозрачныя шелковыя ткани,—предметы, которые удовлетворяли потребностямъ, стоявшимъ на первомъ планѣ, ибо объ удовлетвореніи потребности въ пищѣ и жилищѣ землевладѣльцамъ самимъ не приходилось заботиться, за нихъ думали и работали другіе — рабы и крѣпостные. И въ эту эпоху, какъ и въ древнемъ мірѣ, прибыль являлась послѣдствіемъ торговаго обмѣна, источникомъ ея—доходъ королей и феодаловъ духовныхъ и свѣтскихъ, т. е. оброкъ, десятина и всевозможные сборы — результаты труда подвластнаго, преимущественно крѣпостнаго населенія.

Прибыль составляетъ очень значительную часть цѣны она очень велика, если вычислять ее на каждую единицу, товара. Да иначе и быть не могло: когда въ теченіе одного года даже въ помѣстьи средней величины скоплялись тысячи мѣръ ржи и овса, десятки тысячъ яицъ, масса птицы, шерсти и сыру [1]), то можно ли удивляться тому, что за щитъ или за пару холстяныхъ рубашекъ уплачивалась сумма, превышавшая болѣе чѣмъ въ двѣсти разъ поденную плату жнеца [2]).

II.

При разсмотрѣніи возникновенія торговли у первобытныхъ не-европейскихъ народовъ, а равно у народовъ древняго міра, мы установили тотъ фактъ, что торговля возникаетъ лишь послѣ того, какъ эти народы успѣли ознакомиться съ новыми товарами, съ продуктами, производящимися у другихъ племенъ, и стали интересоваться ими, ощущать потребность въ нихъ. Это знакомство съ новыми пред-

[1]) См. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig. 1885. B. I. p. 128, 553, 617 и др.

[2]) Pigeonneau. p. 96. Levasseur. I. 198—9.

метами происходитъ обыкновенно во время междуплеменной войны. Имѣя это въ виду, мы поймемъ то огромное значеніе въ области развитія торговли, которое должны были имѣть Крестовые походы для Западной Европы. Крестовые походы, вызванные причинами гораздо болѣе матеріальнаго, чѣмъ религіознаго свойства, ознакомили европейское населеніе, принимавшее въ нихъ участіе, съ произведеніями Востока, которыя до того времени были извѣстны только королямъ и крупнымъ феодаламъ. Они вызвали потребность въ этихъ продуктахъ среди болѣе широкихъ слоевъ населенія и дали этимъ сильный толчекъ торговлѣ, которая до Крестовыхъ походовъ находилась въ зачаточномъ состояніи; лишь съ этого времени можетъ, собственно говоря, идти рѣчь о торговомъ обмѣнѣ у европейскихъ народовъ.

Такіе продукты, какъ сахаръ, абрикосы („слива изъ Дамаска"), изюмъ („виноградъ изъ Дамаска") впервые появляются въ европейской торговлѣ въ эпоху Крестовыхъ походовъ [1]). Пряности, имбирь и мускатный орѣхъ, гвоздика и перецъ, корица и шафранъ становятся общеупотребительными приправами у высшихъ классовъ населенія [2]). „Перецъ — говоритъ Геерингъ — былъ важнѣйшей изъ пряностей въ средніе вѣка. Уже въ XII вѣкѣ онъ является необходимой приправой епископской кухни; лучшій подарокъ хозяйкѣ въ средніе вѣка—фунтъ перца къ новому году или на масленицу. Перецъ мы встрѣчаемъ часто въ качествѣ ренты, въ видѣ оброка. Въ торговлѣ же перецъ является символомъ освобожденія отъ таможенныхъ сборовъ, символомъ открытія рынка. Даже при платежахъ деньги иногда замѣнялись мѣшками перца [3])". И произведенія мануфактуръ Востока—бумажныя и шелковыя ткани, муслинъ (отъ г. Мозула), балдахинъ (отъ г. Багдада), дамастъ (отъ г. Дамаска), атласъ, золотомъ вышитыя ткани (panna Alexandrina), ковры, которыми стали обивать стѣны по образцу восточныхъ народовъ,—все это появилось въ

---

[1]) Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin 1883. p. 407—408.

[2]) Kriegk. Deutsches Bürgertum im Mittelalter. Frankfurt a. M. 1868. p. 395. Schulte, p. 144.

[3]) Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel. 1888. p. 236.

Европѣ одновременно съ Крестовыми походами [1]). Возвращавшіеся домой крестоносцы привозили съ собой эти роскошныя издѣлія Востока, пріобрѣтенныя ими въ качествѣ военной добычи, и знакомили съ ними Европу [2]), Италія и Франція пересадили на свою почву нѣкоторые промыслы Востока: первая стала производить шелковыя ткани, вторая—ковры, и въ этихъ отрасляхъ онѣ заняли монопольное положеніе въ области производства и сбыта, снабжая своими произведеніями другія страны. Однако и впослѣдствіи наиболѣе изящныя шелковыя издѣлія доставляли восточныя страны, а бумажныя ткани получались вплоть до конца среднихъ вѣковъ почти исключительно оттуда, ибо Европа почти не производила этихъ матерій [3]).

Такимъ образомъ потребность въ заморскихъ товарахъ сильно возросла. „Жизнь феодальной эпохи—говоритъ Пижонно—вызвала цѣлый рядъ новыхъ потребностей. Женѣ феодальнаго владѣльца нужны дорогія украшенія—шелковыя ткани, мѣха, драгоцѣнности; сеньору—блестящее оружіе, породистыя лошади, красивые шатры, чтобы блистать на турнирахъ, многочисленные экипажи для охоты, слуги въ роскошныхъ ливреяхъ. Мрачный замокъ XI вѣка служитъ теперь лишь убѣжищемъ во время войны; во все остальное время живутъ въ болѣе модныхъ, болѣе обширныхъ постройкахъ, болѣе открытыхъ для свѣта и воздуха; тяжеловѣсная обстановка предковъ уже не удовлетворяетъ феодальнаго владѣльца; онъ украшаетъ стѣны своихъ комнатъ коврами, поставцы — сервизами изъ золота и серебра [4])“. Шатры князей и рыцарей во время празднествъ — говоритъ Гейдъ—увѣшивались восточными парчевыми тканями, изъ этихъ же тканей дѣлались балдахины въ герцогскихъ хоромахъ, флаги и знамена; въ городахъ окна украшались сарацинскими коврами въ торжественные дни. Если

[1]) Prutz. p. 408—409. Kremer. Kulturgeschichte des Orients. II. 292—94. 315—16.

[2]) Prutz. p. 409, а также Dreesbach. Der Orient in der altfranzösischen Kreuzzugslitteratur. Breslau 1901, p. 61 и сл.

[3]) Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart. 1879. B. II, p. 685. 699.

[4]) Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. Paris. 1885 T. I, p. 169—170.

до Крестовыхъ походовъ лишь церкви пользовались восточными шелковыми тканями для украшенія алтарей и стѣнъ, то теперь ими увѣшивались и княжескіе дворцы, рыцарскіе замки и дома патриціевъ; прежде одни епископы одѣвались въ парчу изъ Византіи или Александріи, теперь и князья, рыцари и патриціи съ женами и дочерьми носили восточныя матеріи". „Начиная съ Чосера и оканчивая Окливомъ,— говоритъ М. М. Ковалевскій — всѣ и каждый изъ англійскихъ стихотворцевъ XIV и XV вѣка выставляютъ на видъ необыкновенную роскошь епископской и монастырской обстановки" „Высшее духовенство отличается пышностью обстановки и роскошью златотканныхъ одѣяній и имѣетъ богато убранные дворцы, шкафы съ дорогими мѣхами и платьемъ, носитъ митры, усыпанныя жемчугомъ, а въ рукахъ— золотой посохъ съ драгоцѣнными камнями. Сундуки свои они набиваютъ золотомъ, себя же наполняютъ виномъ и пивомъ, всевозможными приправами и возбуждающими пряностями". Причина ясна: помимо доходовъ съ обширныхъ поземельныхъ владѣній, духовные феодалы извлекаютъ еще громадныя выгоды изъ десятины, взимаемой ими со всѣхъ продуктовъ земли и животноводства [1]). Роскошью была обставлена жизнь высшаго духовенства не одной Англіи: Бернардъ Клервосскій жалуется на то, что подобный образъ жизни ведутъ настоятели клюнійскихъ монастырей, а равно бѣлое духовенство—архіепископы, епископы, деканы: „они слуги Христа, но служатъ антихристу, отсюда-то столы, покрытые яствами и напитками, отсюда пиршества и попойки, погреба, наполненные винами, кладовыя и амбары, отсюда и сосуды съ притираніями и мѣшки съ золотомъ [2])".

Для прочаго населенія, для всѣхъ тѣхъ, кто не обладалъ значительными доходами съ земельной собственности, доходами, выражавшимися въ оброкахъ крѣпостныхъ крестьянъ,—такіе предметы, какъ шелковыя и парчевыя ткани и даже матеріи изъ хорошаго полотна и сукна были

---

[1]) Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Москва 1880. Стр. 138—145.

[2]) Eicken. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart. 1887. p. 534—35.

недоступны. Кусокъ шелковой матеріи, который стоилъ въ половинѣ XIX вѣка 22 франка, обходился за пять вѣковъ до того, въ половинѣ XIV вѣка, въ пятнадцать разъ дороже, въ 330 фр. на современныя деньги, а за кусокъ парчи платили въ то время по тысячѣ и болѣе франковъ. Въ концѣ XV вѣка цѣна унціи шелка равнялась 25 франк., между тѣмъ какъ обѣдъ монаха, княжески оплачиваемаго, стоилъ немногимъ болѣе 3 фр., такъ что на 25 фр. могли пообѣдать 8 человѣкъ. Въ XIX вѣкѣ цѣна шелка не превышаетъ 28 су за унцію, но едва ли даже одинъ человѣкъ въ состояніи прокормиться на эти деньги. Мѣховая шляпа, украшенная золотомъ и жемчугомъ, обошлась французскому королю Іоанну въ 1350 году въ тысячу франковъ, не считая жемчуга и мѣха, а королева Іоанна, третья жена Карла Красиваго, заплатила въ 1372 году свыше 11 тысячъ фр. за десять унцій жемчуга, т. е. вдвое дороже, чѣмъ стоилъ въ половинѣ XIX вѣка крупнѣйшій жемчугъ, который продается отдѣльными жемчужинами, и въ 20 разъ дороже по сравненію съ цѣной мелкаго жемчуга въ настоящее время. Одѣяніе изъ мѣховъ пушныхъ звѣрей оцѣнивалось въ тѣ времена въ 8 тысячъ франковъ [1]).

„Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ—говоритъ Леберъ, у котораго мы заимствуемъ эти факты—въ томъ, что я черпаю всѣ эти данныя изъ архивовъ королевскихъ и княжескихъ фамилій, которыя за все платятъ дорого во всѣ времена и повсюду; но мой отвѣтъ на это очень простъ: эти свѣдѣнія я беру тамъ, гдѣ ихъ нахожу, и я нахожу ихъ на своемъ мѣстѣ. Ни въ сборникѣ грамотъ ордена францисканцевъ, ни въ счетахъ какого нибудь франта XIV вѣка, ни я ни вы не станете ихъ искать. Не только произведенія природы и искусства, которыя всегда были достояніемъ однихъ богатыхъ, но и многія вещи, которыя въ настоящее время доступны всѣмъ классамъ населенія, являлись для нашихъ предковъ предметами величайшей роскоши, благодаря высокой цѣнѣ, которая обусловливалась ихъ рѣдкостью. Къ числу этихъ продуктовъ—продолжаетъ онъ—принадлежатъ также пряности, благовонія, москательные товары, сахаръ

[1]) Leber, Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen-âge. 2-e éd. Paris. 1847, p. 44—52.

и вообще всѣ товары, привозимые изъ Африки и Индіи [1]). Сахаръ являлся въ тѣ времена княжескимъ блюдомъ, причемъ весь запасъ сахара, находившійся въ распоряженіи французской королевы, равнялся въ 1372 году четыремъ небольшимъ головкамъ, по 5 фунтовъ каждая, и фунтъ сахара обходился въ 28 франковъ [2]). Что касается другихъ пряностей, то 100 килограммъ перца стоили въ 60-хъ годахъ XIII вѣка въ Марсели 481 мар., (въ нѣмецк. деньгахъ), въ Ломбардіи 512 мар., въ Шамбери (Савойя) 600 мар. Шампани (на ярмаркѣ) 602 и 629 мар., въ Англіи 683 и 796 мар. Цѣна перца колебалась, слѣдовательно, между 481 и 796 мар., тогда какъ въ 1847—1890 гг. она составляла на гамбургскомъ рынкѣ 55—140 мар. „Перецъ стоилъ въ 60-хъ годахъ XIII вѣка въ Марсели и въ ломбардскихъ городахъ въ пять разъ больше, на ярмаркахъ въ Шампани въ шесть разъ больше и въ Англіи въ семь и болѣе разъ больше, чѣмъ въ Гамбургѣ въ 1871—1880 гг.“ [3]). Цѣна имбиря равнялась въ XIII вѣкѣ 438—560 маркамъ за 100 килогр., цѣна шафрана достигала огромной высоты въ 60 мар. за килограммъ т. е. 6000 мар. за 100 килогр., слѣд. въ десять разъ больше, чѣмъ цѣна того-же количества перца [4]). Наконецъ, цѣна воска колебалась между 335 мар. въ Піемонтѣ и 530 мар. въ Англіи; во второй половинѣ XIX вѣка въ Гамбургѣ воскъ стоилъ отъ 132 до 343 мар. Цѣна въ Піемонтѣ и Ломбардіи въ XIII вѣкѣ (минимальная цѣна) соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, максимальной цѣнѣ второй половины XIX вѣка, тогда какъ цѣна воска въ Шампани въ XIII ст. (420—458) превышаетъ втрое, цѣна его въ Англіи въ XIII ст. превышаетъ вчетверо низшую гамбургскую цѣну второй половины XIX ст. [5]). Во второй половинѣ XIV вѣка цѣна корицы и мускатнаго цвѣта превышала вчетверо цѣну первой половины XIX вѣка, цѣна гвоздики была въ $5^1/_2$ разъ больше.

---

[1]) Leber, p. 52—53.

[2]) Leber, p. 53—54.

[3]) Schaube. Ein italienischer Coursbericht von der Messe von Troyes aus dem XIII Jahrhundert. Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. 1897. B. V. p. 279.

[4]) Ibid, p. 280.

[5]) Schaube, p. 282—283.

а цѣна перца въ семь разъ больше [1]), наконецъ мускатный орѣхъ стоилъ въ Гамбургѣ въ 1368 году въ 15—20 разъ больше, чѣмъ въ XIX вѣкѣ [2]). Изъ счета аптекаря, представленнаго въ 1483 году французской королевѣ Шарлоттѣ, видно, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ она взяла лекарствъ и пряностей на сумму въ 3.150 франковъ, ни болѣе ни менѣе [3]).

При такихъ цѣнахъ не удивительно, что пряности составляли въ средніе вѣка предметъ роскоши, доступный однимъ лишь феодальнымъ владѣльцамъ. Не только въ началѣ XII вѣка Венеція считала, что оказываетъ большую честь императору Генриху V, доставляя ему ежегодно 50 фунтовъ перца въ качествѣ подарка [4]), но и въ послѣдующіе вѣка „пряности считались подходящимъ подаркомъ для намѣстниковъ и даже королей при въѣздѣ ихъ въ города; на новый годъ, на свадьбахъ, на крестинахъ подносили пряности въ подарокъ“ [5]). Въ поэзіи XIII и XIV вѣковъ воспѣваются пряности и благовонія Востока, они служатъ для картиннаго изображенія придворной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ качествѣ характернаго объекта для сравненія: всѣ они, мира и ладанъ, бальзамъ и алой, въ особенности же мускатъ и гвоздика, корица и имбирь должны изображать собою нѣчто возвышенное и прекрасное; поэзія окружаетъ ихъ особеннымъ блескомъ и въ этомъ выражается высокая цѣнность, которая придавалась въ тѣ времена этимъ рѣдкимъ произведеніямъ Востока [6]).

И ароматическія вещества, и москательные товары употреблялись, прежде всего, въ качествѣ медицинскаго средства при леченіи различныхъ болѣзней: бальзамомъ и амброй намазывались раны, цытварный корень, алой, трагакантъ, миробаланъ, а также мускатный орѣхъ и гвоздика употреблялись противъ заболѣваній желудка, въ однихъ случаяхъ въ качествѣ согрѣвающаго, въ другихъ какъ

---

[1]) Leber, p. 54—95.

[2]) Warburg. Die Muskatnuss, ihre Geschichte, Botanik, Kultur, Handel und Verwertung. Leipzig. 1897, p. 41.

[3]) Leber, l. c.

[4]) Heyd. II, p. 639.

[5]) Warburg. Die Mutkatnuss. p. 541.

[6]) Warburg. p. 50—55.

освѣжающее средство или облегчающее пищевареніе [1]). И другія пряности—имбирь, камфора, мускусъ, шафранъ, перецъ, имѣли наибольшее значеніе въ качествѣ лекарственныхъ снадобій, причемъ къ концу средневѣковья значительно увеличилось количество случаевъ, при которыхъ пряности и благовонія, въ особенности нѣкоторыя изъ нихъ, употреблялись при составленіи лекарствъ [2]). Рѣже они служили въ качествѣ ароматическихъ веществъ. Бальзамъ, мускусъ и алой были при дворѣ, очевидно, обще-употребительными ароматическими средствами; но корица, мускатный орѣхъ, кардамонъ, гвоздика считались очень цѣнными благовоніями, и поэтому ими курили и кадили лишь въ исключительныхъ, особо торжественныхъ, случаяхъ, какъ, напр., въ 1191 году, при въѣздѣ императора Генриха въ Римъ; всѣ эти пряности употреблялись также въ качествѣ ароматическихъ веществъ во время придворныхъ праздненствъ въ Тревизо въ 1214 году, когда рыцари „бомбардировали цвѣтами и благовоніями, всѣмъ, что имѣетъ красивый цвѣтъ и пріятный запахъ, импровизированный замокъ, защищаемый дамами“ [3]). Гораздо рѣже пряности употреблялись въ средніе вѣка въ качествѣ приправы къ кушаньямъ и напиткамъ. Мы ихъ находимъ преимущественно въ придворныхъ поваренныхъ книгахъ, да и то далеко не всѣ пряности; въ большинствѣ случаевъ упоминаются только слѣдующія: гвоздика, имбирь, корица, перецъ, шафранъ; мироболанъ, цытварный корень, мускатный орѣхъ, мускатный цвѣтъ (мацисъ) во многихъ случаяхъ совершенно отсутствуютъ [4]).

Если при дворахъ нѣкоторыя названныя нами выше пряности потреблялись все-таки довольно часто, въ особенности въ качествѣ приправъ къ дичи (рѣже къ рыбѣ) и къ вину (но не къ сладкимъ кушаньямъ), то другіе классы населенія могли потреблять ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ ихъ

[1]) Alwin Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. 2 Auf Leipzig. 1889. B. I, p. 202. Heyd. Geschichte des Levantehandels. B. II, p. 558, 572, 593, 630, 654, 658.

[2]) Warburg, p. 547—552.

[3]) Warburg, p. 541. Alwin Schultz. Höfisches Leben. I, p. 578

[4]) Warburg, p. 576—578. Alwin Schultz. Höfisches Leben I, p. 392. 400—401.

лишь на свадебныхъ обѣдахъ и на другихъ празднествахъ, когда пища и напитки вообще поглощались въ огромномъ количествѣ [1]). Такъ въ люнебургскомъ свадебномъ регламентѣ, относящемся къ первой половинѣ XIV вѣка, упоминается о мускатномъ орѣхѣ и имбирѣ [2]). Изъ меню обѣда, устроеннаго въ 1303 году по поводу освященія городской церкви въ Вейссенфельсѣ, видно, что въ первый день подано было въ качествѣ перваго блюда супъ съ яйцами и шафраномъ, перецъ съ медомъ, просо, овощи, баранина съ лукомъ и жареная курица со сливами; на второе блюдо—камбала съ масломъ и изюмомъ, мелкая рыба (калинка) въ маслѣ, угорь въ перцѣ, копченыя сельди съ горчицей; третье блюдо состояло изъ рыбъ и птицъ, жареныхъ въ маслѣ, свинины, хрѣна и огурцовъ [3]). Перецъ и шафранъ встрѣчаются нѣсколько разъ. Въ меню обѣда, даннаго по поводу въѣзда новаго епископа въ Шпейеръ въ 1461 году, мы находимъ также и жаркое въ соусѣ изъ перца, и рисъ съ сахаромъ, и форели съ имбиремъ, и лепешки съ сахаромъ. Но и въ день празднества у одного французскаго жителя въ 1500 году подавалась гостямъ земляника съ сахаромъ, говядина съ изюмомъ, мускатный цвѣтъ и мускатный орѣхъ [4]).

Изъ изложеннаго видно, что въ послѣднія столѣтія средневѣковья, въ XII—XV вѣкѣ цѣна пряностей, т. е. главныхъ предметовъ торговаго обмѣна того времени вообще и торговли съ Востокомъ въ частности, стояла нѣсколько ниже высшаго своего уровня—цѣнности потребленія [5]); цѣна стояла на такомъ уровнѣ, что высшіе классы — феодальная аристократія, жившая трудомъ подчиненнаго крѣпостного населенія, а также сборами со свободныхъ лицъ, имѣла возможность удовлетворять и менѣе важныя потребности въ этихъ продуктахъ, которые стали для нихъ предметами повседневнаго потребленія; средніе же классы, жившіе собственными заработками съ ремеслъ и торговли,

[1]) Warburg, p. 540.

[2]) Ibid, p. 515.

[3]) Alwin Schultz. Häusliches Leben der europäischen Kulturvölker vom Mittelalter bis zur zweiten Hälfte des XVIII Jahrh. p. 303—304.

[4]) Ibid, p. 312.

[5]) См. о цѣнности потребленія выше стр. 50—51.

могли удовлетворять лишь первыя, наиболѣе интенсивныя потребности въ пряностяхъ и приправахъ; для болѣе частаго употребленія пріобрѣтеніе этихъ предметовъ было имъ не по карману; цѣна въ данномъ случаѣ превышала субъективную цѣнность предмета. „Для средневѣковаго рыцаря—говоритъ Зомбартъ—было рѣшительно безразлично, уплачивалъ ли онъ за вооруженіе, изготовленное въ Миланѣ, вмѣсто годового оброка двухъ или двадцати крестьянъ оброкъ, доставляемый четырьмя или сорока крестьянами; и точно также физическое и духовное благополучіе аббата монастыря нисколько не страдало отъ того, что онъ за драгоцѣнное одѣяніе или за нѣсколько фунтовъ перца платилъ оброкъ съ двухъ-трехъ лишнихъ гуфъ земли [1]). Въ то время, какъ помѣстнымъ владѣльцамъ не приходилось заботиться объ удовлетвореніи другихъ, болѣе насущныхъ, потребностей и уплачиваемыя ими деньги—съ начала XIV вѣка монета является уже общеупотребительнымъ средствомъ платежа [2])—были результатомъ чужого труда и имѣли для нихъ очень мало значенія,—другіе классы населенія, жившіе собственнымъ трудомъ, доходами съ торговли и промысловъ, вынуждены были пріобрѣтать и предметы необходимости, отъ удовлетворенія которыхъ зависѣли ихъ жизнь и здоровье, такъ что пряности и благовонныя вещества, которыя вызывали пріятное ощущеніе своимъ возбуждающимъ и одурманивающимъ дѣйствіемъ, стояли для нихъ на второмъ планѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ средства этихъ классовъ населенія по сравненію съ тѣми, которыми располагали феодальные владѣльцы, были ограничены, и поэтому имъ придавалось несравненно большее значеніе. Вслѣдствіе вліянія обоихъ этихъ моментовъ, соотношеніе между значеніемъ менѣе важныхъ конкретныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ посредствомъ предметовъ левантійской торговли, и значеніемъ уплачиваемой за нихъ денежной суммы составляло въ результатѣ въ этихъ слояхъ населенія цифру, которая стояла ниже существующихъ на рынкѣ цѣнъ на эти товары.

Однако уже то обстоятельство, что помимо феодальныхъ владѣльцевъ существовалъ и другой классъ населенія,

---

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. Leipzig. 1902. B. I, p. 234.

[2]) Pigeonneau. I, p. 259

плативший за предметы, доставляемые ему торговлей, изъ заработной платы и прибыли, а не изъ оброка крѣпостныхъ и земельной ренты, имѣетъ важное значеніе. Впервые появляется, хотя и въ зачаточномъ состояніи, новый источникъ прибыли (возникающей изъ обмѣна товаровъ), тогда какъ предыдущія эпохи исторіи—древній міръ и болѣе раннее средневѣковье его еще не знали: въ тѣ времена прибыль, извлекаемая купцами при сбытѣ товаровъ, состояла почти исключительно изъ продуктовъ рабскаго и крѣпостнаго труда. Но, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что этотъ новый источникъ играетъ еще очень незначительную роль, что „три четверти всѣхъ колоніальныхъ продуктовъ и промышленныхъ издѣлій, сбываемыхъ докапиталистической (средневѣковой) торговлей, пріобрѣтались—какъ указываетъ Зомбартъ—лицами и учрежденіями, жившими съ поземельной ренты: князьями, рыцарями, церквами, монастырями, капитулами орденовъ [1])". Купцы, доставлявшіе эти продукты, и соображались преимущественно съ тѣми цѣнами, которыя въ состояніи были уплачивать феодалы и монастыри, и имѣли въ виду городскихъ потребителей лишь постольку, поскольку рѣчь шла объ удовлетвореніи ими первыхъ, т. е. наиболѣе интенсивныхъ потребностей, тѣхъ потребностей, которыя удовлетворялись въ исключительныхъ, особенно торжественныхъ случаяхъ. Понижать цѣну ниже этого уровня и дать возможность и этимъ классамъ населенія потреблять произведенія Востока въ болѣе значительномъ количествѣ, сдѣлать и для нихъ эти продукты предметами постояннаго, правильнаго потребленія было не въ интересахъ купцовъ, являвшихся посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между Западомъ и Востокомъ и занимавшихъ монопольное положеніе въ этой торговлѣ; лишь возникновеніе конкурренціи могло бы заставить ихъ понизить цѣны и удовлетвориться болѣе низкою прибылью. При отсутствіи же конкурренціи купцы, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ торговлю съ Востокомъ, имѣли полную возможность держать снабженіе Европы произведеніями Востока въ такихъ предѣлахъ, при которыхъ главнымъ контингентомъ потребителей, регулировавшихъ своимъ спро-

[1]) Sombart. I. p. 233.

сомъ цѣны, являлась феодальная аристократія, помѣстные владѣльцы, которые были въ состояніи тратить огромныя суммы на предметы удовольствія и роскоши.

Леберъ въ своемъ изслѣдованіи о средневѣковыхъ богатствахъ справедливо проводитъ рѣзкое различіе между характеромъ крупныхъ и характеромъ небольшихъ доходовъ въ тѣ времена. Онъ указываетъ на то, что французскій ливръ XIV вѣка содержитъ въ себѣ въ одиннадцать разъ больше металла, чѣмъ франкъ первой половины XIX вѣка, покупная же стоимость его въ шесть разъ больше современныхъ денегъ (т. е. 40-хъ годовъ XIX вѣка). Поэтому доходъ въ 50 ливровъ въ XIV вѣкѣ равняется доходу въ 3,300 франковъ въ настоящее время, иначе говоря, владѣлецъ дохода въ 50 ливр. въ то время пользовался тѣмъ же благосостояніемъ, могъ такъ же удовлетворять свои потребности, какъ владѣлецъ дохода въ 3,300 фр. въ XIX вѣкѣ. Однако,—прибавляетъ онъ—изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что тотъ, кто обладалъ въ XIV вѣкѣ въ сто разъ большимъ доходомъ—въ 5,000 ливр., былъ въ тѣ времена такъ же богатъ, какъ человѣкъ, имѣющій нынѣ 330,000 фр. годового дохода. Ариѳметически такое вычисленіе было бы конечно правильно, тѣмъ не менѣе оно не соотвѣтствовало бы дѣйствительности, ибо лишь по отношенію къ извѣстной категоріи товаровъ, именно по отношенію къ тѣмъ, которые удовлетворяютъ необходимыя потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, покупная стоимость денегъ была въ тѣ времена въ 6 разъ больше, чѣмъ въ настоящее время. Всѣ необходимые для жизни предметы въ XIV вѣкѣ либо производились въ собственномъ хозяйствѣ, либо пріобрѣтались на ближайшемъ рынкѣ по дешевой цѣнѣ; хлѣбъ, мясо, овощи, рыба, жилище обходились въ тѣ времена гораздо дешевле, чѣмъ нынѣ. Наоборотъ, всѣ предметы роскоши, какъ ткани шелковыя, полотняныя, бумажныя, изъ хорошаго сукна, такъ и пряности—перецъ, корица, имбирь, гвоздика, мускатный цвѣтъ, ароматическія вещества, а также драгоцѣнные камни, золотыя и серебрянныя издѣлія, стоили въ тѣ времена гораздо дороже, чѣмъ въ настоящее время, и поэтому покупная стоимость крупныхъ доходовъ была въ XIV вѣкѣ не только не выше, но, наоборотъ, значительно ниже, чѣмъ нынѣ. Поскольку человѣкъ пользовался исклю-

чительно продуктами, производимыми въ собственномъ хозяйствѣ или пріобрѣтаемыми на мѣстномъ рынкѣ, онъ былъ съ той же суммой гораздо богаче, чѣмъ въ настоящее время, но коль скоро онъ покупалъ товары, доставляемые торговлей, были ли то пряности или ткани или издѣлія изъ благородныхъ металловъ, онъ уже платилъ огромныя суммы, и чѣмъ больше былъ его доходъ, тѣмъ большая часть дохода затрачивалась на эти продукты, которые являлись исключительными предметами тогдашней международной торговли, тѣмъ бѣднѣе онъ становился съ той же суммой въ рукахъ; цѣнность его дохода, покупная способность его возрастала все медленнѣе и медленнѣе, увеличивалась въ убывающей прогрессіи [1]). Эта огромная разница въ соотношеніи между крупными и небольшими доходами прежде и теперь объясняется различіемъ въ кругѣ лицъ, потребляющихъ продукты, доставляемые торговлей. Въ настоящее время огромное большинство предметовъ, потребляемыхъ лицами съ большими доходами, потребляется вмѣстѣ съ тѣмъ и слоями населенія, обладающими несравненно меньшими достатками, такъ что при оцѣнкѣ предметовъ, при сравненіи значенія получаемаго и отдаваемаго, отдаваемое фигурируетъ въ томъ значеніи, которое оно имѣетъ для менѣе состоятельныхъ классовъ населенія: продавецъ вынужденъ руководствоваться при опредѣленіи цѣны своего товара той оцѣнкой отдаваемаго потребителемъ, т. е. денегъ, какая производится большинствомъ населенія, а не одними верхними, наиболѣе состоятельными слоями, иначе онъ не въ состояніи былъ бы сбыть значительнаго количества товаровъ. Высшіе же круги населенія, обладающіе большими доходами, выигрываютъ отъ этого, пріобрѣтая большую часть товаровъ значительно дешевле, чѣмъ они оцѣниваютъ ихъ, чѣмъ они въ состояніи и готовы были бы платить за нихъ. Въ средніе вѣка этого не было. Всѣ товары, являвшіеся предметами международной торговли, были предназначены, главнымъ образомъ, для узкаго, очень состоятельнаго, круга потребителей, для землевладѣльцевъ, жившихъ податями, оброками и повинностями подвластнаго населенія, и эти потребители дѣйствительно оплачивали пріобрѣтаемые ими

[1]) Leber, p. 35—44. 58—59.

товары соотвѣтственно той цѣнности, которую они имѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ; поэтому Леберъ правъ, говоря, что „въ средніе вѣка деньги бѣднаго люда имѣли гораздо большую цѣнность, чѣмъ деньги богатыхъ людей".

III.

Въ ранніе періоды среднихъ вѣковъ непосредственныхъ сношеній между Западомъ и Востокомъ почти не существовало. Лишь немногіе купцы—евреи доходили до Индіи и до Китая, итальянскіе же города пріобрѣтали левантійскіе товары въ Константинополѣ, который занималъ посредническое положеніе въ торговлѣ между Западной Европой, сѣверными странами и Востокомъ [1]). Рядомъ съ этимъ византійскіе императоры торговали и собственными продуктами: хлѣбомъ, шелкомъ, виномъ, оливковымъ масломъ, которые они получали въ видѣ податей и сборовъ съ населенія; сбытъ этихъ произведеній страны составлялъ монополію императора. Жители обязаны были поставлять ему эти продукты, совершая нерѣдко длинное путешествіе въ Константинополь и получая за нихъ весьма скудную плату. Никто не могъ пріобрѣтать эти продукты иначе, какъ изъ складовъ императора по высокимъ цѣнамъ и нерѣдко невѣрными мѣрами. Императоръ Михаилъ Дука дошелъ до того, что въ 1071 г. сократилъ мѣру хлѣба на четвертую часть [2]). Для европейскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Константинополь, подобная монополія была весьма неудобна и уже въ X вѣкѣ амальфитяне и венеціанцы, устроившіе свои торговыя подворья въ Константинополѣ, старались завязать непосредственныя торговыя сношенія съ магометанскимъ міромъ—съ Сиріей, Малой Азіей и Египтомъ, а затѣмъ и съ народами, жившими по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей [3]). Но лишь со времени Крестовыхъ походовъ посредничество Константинополя было устранено, и Европа

[1]) Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig. 1900. B. I, p. 75—76.

[2]) Hüllmann. Geschichte des byzantinischen Handels. De la Primaudaie. Etudes sur le commerce au moyen-âge. Histoire du commerce de la mer Noire. Paris. 1848. p. 18—21.

[3]) Primaudaie. p. 48—51.

стала пріобрѣтать произведенія Востока непосредственно; съ этого времени и итальянскіе города у Средиземнаго моря, начавшіе свою торговую дѣятельность со сбыта соли и соленой рыбы (которая потреблялась во время постовъ) во внутреннюю Европу [1]), пріобрѣли міровое значеніе. Въ ихъ рукахъ сосредоточился торговый обмѣнъ между Западной Европой и Востокомъ, между католическо-германско-латинскимъ Западомъ и арабско-магометанскимъ Востокомъ. Въ Сиріи и Палестинѣ, въ Арменіи, Кипрѣ и Египтѣ, у Чернаго моря и въ Византіи итальянскіе города пріобрѣли значительные участки земли и устроили собственныя колоніи и факторіи. Прежнія случайныя путешествія на Востокъ замѣнились ежегодно въ опредѣленные сроки отправляемыми флотиліями. Плаваніе по Средиземному морю не представлялось уже столь опаснымъ, какъ въ предыдущіе вѣка, и хотя суда и теперь еще избѣгали открытаго моря, придерживаясь береговъ, хотя скорость плаванія все еще не достигла той, которая существовала въ древнемъ мірѣ, тѣмъ не менѣе она значительно возросла по сравненію съ предыдущими вѣками; увеличилась, далѣе, вмѣстимость судовъ и облегчились путешествія, благодаря пользованію магнитной стрѣлкой [2]). Итальянскимъ городамъ удалось также добиться того, что по отношенію къ нимъ и ихъ товарамъ не примѣнялось береговое право,—въ случаѣ кораблекрушенія ихъ товары не захватывались владѣльцемъ того участка земли, на который они случайно были выброшены [3]).

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что количество произведеній Востока, привозимыхъ въ Европу, возросло очень значительно. Такому возрастанію препятствовала, прежде всего, постоянная борьба между европейскими купцами и туземнымъ населеніемъ въ странахъ Востока, а равно борьба городовъ между собою, вслѣдствіе чего торговыя сношенія часто прерывались на болѣе или менѣе

---

[1]) Kiesselbach. Der Gang des Welthandels im Mittelalter. Stuttgart. 1860. p. 80.

[2]) Prutz. p. 355—356. Götz. Verkehrswege. p. 620—626. Kiesselbach. p. 76 и сл.

[3]) Prutz. p. 358.

продолжительное время; препятствовало, далѣе, пиратство, столь сильно распространенное на Средиземномъ морѣ, что даже французскіе адмиралы, по приказанію короля, грабили итальянскія суда [1]), а неаполитанскіе герцоги снаряжали собственныя суда для пиратства [2]); препятствовало, наконецъ, и это самое важное, монопольное положеніе, занимаемое немногими городами, расположенными у Средиземнаго моря, преимущественно Венеціей и Генуей, въ торговлѣ съ Востокомъ: эти города, захватившіе въ свои руки всю торговлю и не допускавшіе никого другого къ участію въ ней, тѣмъ самымъ сильно ограничивали количество товаровъ, привозимыхъ въ Европу, благодаря чему имѣли возможность держать цѣну и прибыль на очень высокомъ уровнѣ.

Среди городовъ, являвшихся посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между западнымъ и восточнымъ міромъ, выдѣлялись своей силой и своимъ положеніемъ въ странахъ Востока два города—Генуя и Венеція. Уже во время перваго Крестоваго похода генуэзцы завладѣли частью г. Антіохіи и г. Лаодикіи, къ которымъ въ 1100 и 1104 гг. присоединилась треть Арзуфа и Цезареи, часть Іерусалима, Яффы, въ особенности же треть Акки, которая занимала центральное мѣсто въ левантійской торговлѣ, а впослѣдствіи и владѣнія въ Триполисѣ и Кипрѣ (Фамагуста), въ Греціи (Хіосъ, Самосъ, Никарія, Энусса, Панагія) и наконецъ, въ Крыму и у Чернаго моря, гдѣ Каффа составляла главную генуэзскую колонію и важный торговый пунктъ въ торговлѣ съ Персіей, Центральной Азіей и Китаемъ [3]). Еще болѣе значительны были пріобрѣтенія венеціанцевъ. Послѣдніе захватили въ 1110 году третью часть Сидона, въ 1124 году—треть Тира и благодаря этому, наиболѣе укрѣпили свое положеніе въ Сиріи, и сохраняли здѣсь свое могущество даже въ тѣ времена, когда во всѣхъ другихъ мѣстахъ

---

[1]) Schultè. p. 548. Heyd. Die grosse Ravensburger Gesellschaft. p. 27.

[2]) Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XII. et au XIV siècle. Paris. 1902. p. 33—35. 157—159.

[3]) Heyd. I. 147 и сл. 160 и сл. II. 162 и сл. 412 и сл. Prutz. p. 377—378. Sieveking. Genueser Finanzwesen vom 12 bis zum 14 Jahrhundert. B. II Freiburg. 1898. p. 177—188. Heyck. Genua und seine Marine. 1886 p. 154.

оно было почти совершенно утрачено; а съ завоеваніемъ Константинополя крестоносцами въ 1204 году, за венеціанцами упрочилось первенство во вновь основанной Латинской имперіи—они получили три восьмыхъ всей территоріи, именно Эпиръ, Акарнанію, Этолію, Іоническіе острова, Пелопоннесъ, южные и западные острова Архипелага, нѣсколько городовъ у Дарданеллъ и Мраморнаго моря, Адріанополь и другіе фракійскіе города, такъ что они владѣли лучшими торговыми пунктами на протяженіи отъ Константинополя до адріатическаго побережья, а въ самомъ Константинополѣ имъ досталось важное предмѣстье Пера [1]).

Сравнительно съ владѣніями Генуи и Венеціи, владѣнія другихъ итальянскихъ, а равно каталонскихъ и провансальскихъ городовъ, были очень незначительны: они ограничивались небольшими кварталами въ Акрѣ, Іерусалимѣ, Тирѣ, Триполисѣ и Тунисѣ, и лишь пизанцы, также участвовавшіе въ Крестовыхъ походахъ, одно время обладали болѣе значительными владѣніями. Да и вообще всѣ эти города въ левантійской торговлѣ играли лишь второстепенную роль. Такъ, г. Амальфи, который едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ городовъ вступилъ въ торговыя сношенія въ Сиріей, Палестиной и Египтомъ, уже въ 1130 году потерялъ свою самостоятельность, а въ 1135 году лишился и всего своего флота: конкурренты амальфитянъ—пизанцы произвели внезапное нападеніе на городъ, захватили его и прилежащія укрѣпленныя мѣста, подожгли дома и корабли, уничтожили флотъ и совершенно разграбили жителей. Хотя торговля Амальфи съ Византіей, Сиріей и Египтомъ продолжалась и послѣ этого, и Константинополь амальфитяне посѣщали даже въ XIV вѣкѣ, но уже въ XII вѣкѣ ударъ, нанесенный имъ пизанцами, пагубно отразился на торговлѣ города, на предпріимчивости жителей, и скоро остались лишь слѣды минувшаго величія [2]). Однако, и торжество его соперницы—Пизы продолжалось не долго: постоянныя столкновенія съ Генуей привели ее къ упадку. Съ конца XII вѣка происходитъ безпрерывная борьба между обоими

---

[1]) Pruiz. p. 380—382. Primaudaie. p. 56 и сл. Heyd. I. p. 151 и сл. 296 и сл. Бэръ. I, стр. 155—156.

[2]) Heyd. I. p. 207—208. 289. 346—347. 431. 521. Бэръ. I, стр. 151—152.

городами, которые стараются вытѣснить другъ друга въ Сиріи и Византіи, поджигаютъ факторіи и грабятъ товары. Эта многолѣтняя борьба закончилась битвой при островѣ Мелоріи въ 1284 году, которая оказалась роковою для Пизы: тридцать три галеры были захвачены генуэзцами, семь пошло ко дну, около 10 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ большая часть пизанскихъ патриціевъ, были взяты въ плѣнъ. Миръ, заключенный въ 1288 году, былъ очень невыгоденъ для Пизы, неудачны были и новыя нападенія ея на генуэзцевъ. Въ 1290 году послѣдніе разрушили ея гавань Портопизано и засыпали устья Арно. Уничтоженіе флота и гавани привело къ тому, что Пиза лишилась своего прежняго могущества въ качествѣ морской и торговой державы [1]). Въ Сиріи и Византіи, гдѣ Пиза еще въ началѣ XIII вѣка играла важную роль, она вскорѣ совершенно потеряла свое значеніе: въ Аккѣ она должна была, согласно договору 1288 года, уничтожить возведенныя ею укрѣпленія, а о торговлѣ ея въ Константинополѣ въ концѣ XIII вѣка уже почти ничего не слышно [2]). Торговыя сношенія Пизы съ Египтомъ имѣли съ половины XII до начала XIII вѣка очень оживленный характеръ, но впослѣдствіи, въ особенности съ конца XIII и начала XIV вѣка, они значительно сократились, пизанскіе купцы въ Египтѣ упоминаются все рѣже и рѣже [3]). Наконецъ, и у Чернаго моря Генуя освободилась отъ соперника въ лицѣ Пизы: въ XIII вѣкѣ пизанцы мало посѣщали эти мѣстности, въ особенности послѣ того, какъ въ 40-хъ годахъ этого столѣтія были разрушены ихъ факторіи. Вообще ихъ положеніе у Чернаго моря не было благопріятно и когда здѣсь произошло въ 1277 году столкновеніе между пизанцами и генуэзцами, оно окончилось неудачей для первыхъ: пизанская галера, произведшая нападеніе на генуэзскія владѣнія, была захвачена генуэзцами и сожжена [4]). Лишь на островѣ Кипрѣ пизанскіе купцы и въ XIV вѣкѣ встрѣчаются довольно часто, хотя и здѣсь флорентійцы успѣли оттѣснить ихъ на задній

[1]) Heyd. I. 378—83. 390. 519—20.
[3]) Ibid. I. p. 391. 518—19.
[3]) Ibid. I. p. 432—38. 455. II. p. 477.
[2]) Heyd. II. p. 169—170.

планъ [1]). Съ 1399 года Пиза находилась подъ владычествомъ миланскаго герцога, а въ 1406 году была захвачена флорентійцами. Портопизано и Ливорно были заняты сначала генуэзцами, а затѣмъ эти гавани также перешли въ руки Флоренціи, которая заступила мѣсто Пизы [2]).

Флоренція была въ средніе вѣка промышленнымъ, но не торговымъ центромъ: въ то время, какъ шелковая и шерстяная промышленность Флоренціи уже въ XIV вѣкѣ приняла форму крупной промышленности, производившей не только для мѣстнаго, но для всего европейскаго рынка, ея торговыя сношенія съ Востокомъ начались лишь въ 30—50-хъ годахъ XV вѣка, т. е. въ самомъ концѣ разсматриваемой эпохи. Шерстяныя ткани флорентійцы отправляли и на Востокъ—въ Константинополь и Александрію, однако не на собственныхъ корабляхъ, а черезъ посредство Генуи, Анконы и въ особенности Венеціи. Лишь послѣ того, какъ Флоренція овладѣла Пизой и пріобрѣла гавань Ливорно, она рѣшила построить собственный флотъ и самостоятельно вступить въ торговыя сношенія со странами Востока, требуя, въ качествѣ преемницы Пизы, передачи ей всѣхъ тѣхъ владѣній, которыми прежде обладала Пиза. Въ 1436 году открылись рейсы флорентійскихъ судовъ въ Константинополь, появилась торговая факторія флорентійцевъ въ этомъ городѣ, и приблизительно въ это же время флорентійцы послѣдовали приглашеніямъ герцога аѳинскаго, князя кеѳалонійскаго и деспота Мореи и стали отправляться съ торговыми цѣлями и въ эти города и страны [3]). И послѣ завоеванія Константинополя османскими турками торговыя сношенія Флоренціи съ Византіей продолжались по прежнему; она занимала въ Константинополѣ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ генуэзцы и венеціанцы, которымъ приходилось выдерживать борьбу за сохраненіе своихъ владѣній [4]). Флорентійцы вступили въ торговыя сношенія и съ Трапезундомъ въ 50—60-хъ годахъ XV вѣка, въ то время,

---

[1]) Ibid. II. p. 420.
[2]) Ibid. II. p. 297—298.
[3]) Heyd. II. p. 295—302. Yver. 151—153.
[4]) Ibid. II p. 336—345.

когда венеціанцы и генуэзцы почти прекратили уже связи съ Византіей и колоніями у Чернаго моря [1]). И въ другихъ мѣстахъ флорентійскіе купцы были приняты съ распростертыми объятіями; короли Кипра еще въ концѣ XIV, а въ особенности въ 60-хъ годахъ XV ст., просили ихъ участить свои посѣщенія острова, обѣщая имъ всевозможныя льготы [2]), а султанъ египетскій установилъ для нихъ тѣ же привилегіи, которыми пользовались венеціанцы въ Александріи; начиная съ 1434 года, флорентійскія галеры ежегодно отправлялись въ Египетъ [3]). И въ Египтѣ появленіе флорентійцевъ относится къ той эпохѣ, когда Венеція и Генуя лишились уже своего прежняго положенія и, подъ вліяніемъ притѣсненій со стороны султана, вынуждены были нерѣдко пріостанавливать свои сношенія съ Египтомъ; словомъ, и здѣсь, какъ и въ Византіи, у Чернаго моря, на Кипрѣ эпоха левантійской торговли Флоренціи совпадаетъ съ періодомъ упадка итальянскихъ городовъ и ихъ торговли съ Востокомъ.

Такимъ образомъ, Венеція и Генуя не долго имѣли соперниковъ въ лицѣ Амальфи и Пизы; отъ первой они освободились уже въ XII, отъ второй—въ XIII вѣкѣ; а флорентійцы появились на Востокѣ тогда, когда уже миновалъ періодъ расцвѣта итальянской торговли; этотъ періодъ продолжался съ половины XIII до половины XV вѣка, и въ это время Венеція и Генуя не имѣли почти конкуррентовъ среди итальянскихъ городовъ. Что же касается „торговыхъ народовъ второго и третьяго разряда“, какъ ихъ называетъ Гейдъ, то ихъ значеніе въ торговомъ обмѣнѣ между западной Европой и магометанскимъ міромъ было слишкомъ невелико, чтобы они могли явиться соперниками Венеціи и Генуи; ихъ торговые обороты были довольно ограничены, и привозимые ими съ Востока товары предназначались лишь для мѣстныхъ жителей; снабжать произведеніями Востока Европу предоставлялось Венеціи и Генуѣ. Да и вообще число другихъ городовъ, принимавшихъ участіе въ леван-

---

[1]) Heyd. II. p. 362—3.

[2]) Ibid. II. p. 421.

[3]) Heyd. II. p. 477—79. Doren. Florentiner Wirtschaftsgeschichte. I, p. 125 и сл.

тійской торговлѣ, было очень незначительно: среди каталонскихъ (аррагонскихъ) городовъ можно назвать одну только Барселону, среди городовъ Лангедока и Прованса — Монпелье, Марсель и Нарбонну [1]). Въ 1187 году купцы городовъ Сенъ-Жиль, Монпелье, Марселя и Барселоны образовали въ Тирѣ одну провансальскую общину, ибо число купцовъ, пріѣзжавшихъ сюда изъ этихъ городовъ, было слишкомъ незначительно, чтобы купцы отдѣльнаго города могли составлять самостоятельную общину [2]). Въ Византіи барселонцы появляются лишь въ концѣ XIII вѣка, въ Египтѣ раньше, уже во второй половинѣ XII вѣка [3]). Въ половинѣ XIV вѣка—говоритъ Гейдъ—каталонцы сдѣлали попытку, посредствомъ сильнаго военнаго флота въ греческихъ водахъ, добиться такого же вліянія на Востокѣ, какимъ пользовались венеціанцы и генуэзцы. Но дѣйствовать подобнымъ образомъ въ теченіе продолжительнаго времени они не были въ состояніи. Въ XV вѣкѣ многочисленныя суда каталонскихъ пиратовъ наводили только страхъ на мореплавателей и прибрежныхъ жителей въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ. Иногда пираты соединялись въ цѣлыя флотиліи, нападали на острова, какъ, напр., на Хіосъ, и грабили ихъ“ [4]). Въ Трапезундѣ уже съ конца XIII вѣка не встрѣчаемъ никого, кромѣ венеціанцевъ, генуэзцевъ и флорентійцевъ; ни каталонскихъ купцовъ, ни купцовъ изъ Лангедока или Прованса; а съ конца XIV вѣка провансальцы исчезаютъ изъ Византіи, прекращаются торговыя сношенія Франціи и съ Египтомъ [5]). „Довольно невзрачный видъ имѣли двѣ французскія галеры, отправлявшіяся на Востокъ, рядомъ съ генуэзскими и венеціанскими эскадрами“ [6]). Лишь съ появленіемъ Жака Кера (Coeur) въ странахъ Востока—въ Египтѣ, Сиріи и на Кипрѣ, Фран-

---

[1]) См. Pigeonneau. I. p. 240. 327-29. Germain. Histoire du commerce de Montpellier. 1861. Port. Essai sur l'histoire du commerce maritime de Narbonne. Paris. 1854.

[2]) Heyd. I. p. 368.

[3]) Heyd. I. 465. 521. Goury du Roslan. Essai sur l'histoire économique de l'Espagne. Paris. p. 288.

[4]) Heyd. II. p. 290.

[5]) Heyd. II. p. 97. 292. 483.

[6]) Pigeonneau. I. p. 368.

ція заняла новое блестящее положеніе. Жакъ-Керъ владѣлъ семью кораблями, которые онъ посылалъ изъ Монпелье на Востокъ; въ его распоряженіи находилось (по разсказамъ современниковъ) 300 агентовъ въ различныхъ городахъ Востока, которые сбывали привезенные продукты и закупали произведенія Востока [1]). У французскаго короля онъ пользовался особой милостью и, благодаря этому, занималъ такое положеніе въ торговлѣ, что ни одинъ французскій купецъ не въ состояніи былъ конкуррировать съ нимъ. Мало того, онъ одинъ представлялъ собою такую силу въ международной торговлѣ, которая могла соперничать съ венеціанцами, генуэзцами, каталонцами" [2]). Жакъ Керъ ежегодно извлекалъ большую прибыль изъ своихъ торговыхъ операцій, чѣмъ всѣ остальные французскіе купцы, вмѣстѣ взятые. Въ 1449 году, когда его сила достигла своего апогея, современники оцѣнивали его имущество въ милліонъ экю золотомъ (ок. 11 милл. фр. на современныя деньги) [3]). Однако, не болѣе двухъ десятилѣтій продолжалась его торговая дѣятельность, милость Карла VII оказалась недолговѣчной: уже въ 1451 году Жакъ Керъ былъ заключенъ въ тюрьму, его имущество было конфисковано, его предпріятія прекратились. А вмѣстѣ съ ними пришелъ конецъ и кратковременному расцвѣту французской торговли на Востокѣ. Въ Египтѣ Жакъ Керъ сумѣлъ снискать себѣ милость султана и всѣми силами старался сохранить ее; благодаря этому, онъ пользовался въ этой странѣ большой силой [4]). Послѣ же его паденія сношенія Франціи съ Египтомъ, повидимому, прекратились, и лишь въ концѣ XV вѣка снова находимъ французскаго консула въ Александріи; о незначительности торговыхъ операцій французскихъ купцовъ свидѣтельствуетъ однако то обстоятельство, что ихъ консулъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неаполитанскимъ консуломъ, а также каталонскимъ вице-консуломъ. Ни Монпелье, ни Марсель, ни Нар-

[1]) Pigeonneau. I. p. 369—79. См. также Clément. Jacques Coeur et Charles VII. Paris. 1863.

[2]) Heyd. II. p. 483.

[3]) Clément. T. II. Chap. VI. Pigeonneau. I. p. 374—75.

[4]) Clément. I. p. 142 и сл. Pigeonneau. I. 375. Heyd. II. p. 483.

бонна не были въ силахъ продолжать дѣло, столь блестяще начатое Жакомъ Керомъ [1]).

Такимъ образомъ, каталонскіе, провансальскіе и ланге-докскіе торговые города оказывались еще менѣе опасными конкуррентами для Венеціи и Генуи, чѣмъ Амальфи, Пиза и Флоренція; они то ужъ совсѣмъ не въ состояніи были лишить Геную и Венецію того монопольнаго положенія въ торговомъ обмѣнѣ между Западной Европой и магометанскимъ міромъ, которое эти города успѣли завоевать себѣ во время Крестовыхъ походовъ. Что же касается купцовъ прочихъ итальянскихъ, въ особенности южно-итальянскихъ городовъ, то они почти не имѣли собственнаго флота и не играли никакой роли на Востокѣ [2]).

„Константинополь и его предмѣстье Галàту (Пера)—читаемъ у Гейда—посѣщали въ XIV вѣкѣ купцы изъ цѣлаго ряда городовъ. Однако, условія, въ которыя они были поставлены при совершеніи торговыхъ операцій, были самыя разнообразныя. Какъ это всегда бываетъ, купцы болѣе важныхъ торговыхъ центровъ занимали болѣе выгодное положеніе, чѣмъ всѣ остальные. Венеціанцы и генуэзцы не платили вовсе пошлинъ. Пизанцы уплачивали и въ Константинополѣ и въ Галатѣ пошлины въ размѣрѣ двухъ процентовъ съ цѣнности товаровъ при ввозѣ и столько же при вывозѣ. Флорентійцы, провансальцы, анконитане, сицилiанцы и всѣ остальные платили по два процента съ привозимыхъ и съ вывозимыхъ товаровъ, но въ отличіе отъ пизанцевъ вынуждены были при ввозѣ товаровъ уплачивать сразу и вывозную пошлину, которая опредѣлялась по цѣнности привозимыхъ ими товаровъ и денегъ“ [3]). Точно также и на Кипрѣ съ половины XIV вѣка купцы изъ Венеціи и Генуи были освобождены отъ всякихъ пошлинъ. Между тѣмъ купцы изъ Пизы, Анконы, Прованса, Нарбонны и Барселоны, впослѣдствіи также флорентійцы, платили по два процента съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ; всѣ же остальные—по четыре процента. Кромѣ того, корабли всѣхъ націй, за исключеніемъ Венеціи и Генуи, прибывшіе изъ

---

[1]) Heyd. II. p. 484—485.

[2]) Yver. Commerce etc. au XIII-e et XIV-e siècle. p. 147—150.

[3]) Heyd. I. p. 527.

Малой Азіи, Родоса, Арменіи, Сиріи и Египта, уплачивали особую пошлину, въ зависимости отъ цѣнности товаровъ, въ возмѣщеніе расходовъ, затрачиваемыхъ королемъ Кипра на поддержаніе безопасности на морѣ, на преслѣдованіе пиратовъ [1]). Однородными преимуществами Венеція и Генуя пользовались въ XIV ст. и въ Малой Арменіи, гдѣ они также были освобождены отъ уплаты пошлинъ. Купцы изъ другихъ городовъ—флорентійцы, сициліанцы, пизанцы и провансальцы платили по два процента при ввозѣ и вывозѣ товаровъ, купцы изъ Піаченцы и Барселоны—по четыре процента [2]). И въ предыдущую эпоху, въ XII—XIII ст., когда существовали государства крестоносцевъ, венеціанцы и генуэзцы выговаривали себѣ право безпошлиннаго ввоза и вывоза товаровъ [3]); но несравненно большее значеніе имѣли для нихъ эти привилегіи въ XIV—XV ст., когда они потеряли свои владѣнія въ Сиріи и стали направлять свои корабли въ Кипръ, Малую Арменію и Константинополь. Освобожденіе отъ пошлинъ въ этихъ мѣстностяхъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ, значительно сокращая расходы венеціанцевъ и генуэзцевъ, создавало для нихъ исключительно выгодное положеніе по сравненію съ купцами всѣхъ остальныхъ націй. Съ конца XIV вѣка они стали, однако, снова посѣщать въ большомъ количествѣ Сирію и Египетъ. Кромѣ того, уже въ концѣ XIII вѣка начинаются оживленныя торговыя сношенія Венеціи и Генуи съ Персіей, Трапезундомъ, Крымомъ и мѣстностями, расположенными у Чернаго и Азовскаго морей. Генуэзцы и венеціанцы никогда не ограничивались немногими торговыми пунктами, подобно купцамъ другихъ европейскихъ городовъ, а старались устраивать свои факторіи и имѣть своихъ консуловъ повсюду, гдѣ это только было возможно. Такъ, въ Персію только они одни и появлялись, они лишь имѣли тамъ (въ Тавризѣ) консуловъ. Точно также на восточномъ берегу Чернаго и Азовскаго морей, а равно въ Крыму и на западномъ побережьи Чернаго моря, мы встрѣчаемъ искючительно генуэзскихъ и венеціанскихъ консуловъ. Наконецъ, и въ Малой Азіи

[1]) Heyd. II. p. 11—12.
[2]) Ibid. II. p. 89—91.
[3]) Heyd. I. 372—374.

за исключеніемъ одной только Малой Арменіи, не было консульствъ другихъ городовъ, кромѣ Венеціи и Генуи.

Стараясь, по возможности, расширять количество своихъ факторій, венеціанцы и генуэзцы руководствовались различными соображеніями: во 1-хъ, каждый разъ то въ томъ то въ другомъ мѣстѣ происходили столкновенія между пріѣзжими купцами и туземнымъ населеніемъ, и торговыя сношенія пріостанавливались, такъ что приходилось пріобрѣтать тѣ же товары на другихъ рынкахъ; далѣе, тѣ или другіе товары можно было пріобрѣтать въ однихъ мѣстахъ по болѣе дешевой цѣнѣ или лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ, нѣкоторые товары доставлялись лишь на опредѣленные рынки; наконецъ, мѣстныя произведенія каждой страны, каждой области наиболѣе выгодно было пріобрѣтать на мѣстномъ же рынкѣ. Такимъ образомъ, чѣмъ больше торговыхъ путей и факторій было въ распоряженіи Венеціи и Генуи, тѣмъ дешевле они могли закупать произведенія Востока, тѣмъ лучшаго качества и тѣмъ разнообразнѣе могли быть доставляемые ими въ Европу товары, тѣмъ легче имъ было сосредоточить въ своихъ рукахъ торговый обмѣнъ между Европой и Азіей.

Дѣйствительно, когда въ 1343 году былъ разрушенъ татарами г. Тана у Азовскаго моря, потеря для генуэзцевъ и венеціанцевъ была очень велика, хотя Каффу, расположенную въ той же мѣстности, они попрежнему сохранили за собой. Цѣны на пряности и шелкъ повысились въ Италіи вдвое, несмотря на то, что венеціанцы и генуэзцы закупали эти товары не только въ Танѣ, но и въ Трапезундѣ, Лайаццо, Бейрутѣ и Александріи. А въ византійскихъ городахъ ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ и соленой рыбѣ, ибо эти продукты доставлялись итальянцами съ Чернаго моря [1]).

Было бы, однако, ошибочно полагать, что генуэзцы и венеціанцы, захватившіе левантійскую торговлю въ свои руки, мирно уживались другъ съ другомъ и взаимно оказывали другъ другу содѣйствіе въ торговыхъ операціяхъ на Востокѣ. Подобно тому, какъ Пиза уничтожила Амальфи, Генуя и Флоренція — Пизу, такъ Венеція старалась вытѣснить Геную въ странахъ Востока, Генуя же, въ свою

[1]) Heyd. II, p. 190.

очередь, повсюду, гдѣ могла, наносила вредъ венеціанской торговлѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ и томъ же городѣ находились факторіи нѣсколькихъ итальянскихъ городовъ, трудно было сказать, были ли итальянцы, какъ нація, болѣе ненавистны туземному населенію, чѣмъ итальянцы различныхъ городовъ другъ другу. Одна факторія нападала на другую, уничтожала и сжигала ее, а византійскій императоръ пользовался этой враждой и нерѣдко тайно возбуждалъ факторіи другъ противъ друга. Борьба между Венеціей и Генуей изъ за первенства въ левантійской торговлѣ проходитъ красной нитью черезъ всю исторію средневѣковой торговли; эта борьба наносила огромный ущербъ торговому обмѣну съ Востокомъ и не разъ грозила полнымъ прекращеніемъ торговыхъ сношеній между западноевропейскимъ и азіятскимъ міромъ.

Въ теченіе XII вѣка, несмотря на соперничество въ торговлѣ, почти не было крупныхъ столкновеній между ними; но съ начала XIII вѣка вражда усилилась, а въ 1255 году возгорѣлась колоніальная война между Венеціей и Генуей, которая, по количеству сражавшихся, по интенсивности и продолжительности борьбы, по важности ея послѣдствій, оставила за собой всѣ до тѣхъ поръ происходившія столкновенія между европейцами на Востокѣ. „Эта война, въ которой принимали участіе и пизанцы, охватила всю Сирію и все Средиземное море“. На всѣхъ моряхъ, гдѣ ни встрѣчались генуэзцы и венеціанцы, происходили кровопролитныя битвы, ни одинъ торговый корабль не могъ выйти изъ Венеціи или Генуи безъ сильнаго военнаго прикрытія, иначе онъ становился добычей подстерегавшаго его непріятельскаго флота. Генуэзцы производили нападенія на венеціанскія факторіи, венеціанцы—на генуэзскія; и тѣ, и другіе блокировали гавани, сожигали и разрушали укрѣпленія. Война прекратилась лишь въ 1288 году, когда общій непріятель—сарацины уже успѣли захватить Антіохію и Триполисъ и направлялись къ главному оплоту крестоносцевъ—Акрѣ. Въ 1291 году палъ и Акръ, и основанныя крестоносцами государства снова очутились въ рукахъ сарациновъ. Вина въ потерѣ этихъ странъ для Запада падаетъ въ значительной мѣрѣ на купцовъ итальянскихъ городовъ; писатель того времени, Яковъ Витри, восхваляя ихъ заслуги,

вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливо указываетъ на то, что ихъ постоянная взаимная зависть и безграничная жадность приводила къ нескончаемымъ столкновеніямъ и ослабляла ихъ силы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Однако, потеря Сиріи ничему не научила венеціанцевъ и генуэзцевъ: вражда между ними продолжалась и впослѣдствіи и носила тотъ же острый характеръ, какъ и въ предыдущее столѣтіе. Соотвѣтственно измѣненію въ направленіи торговаго обмѣна, ареной борьбы является теперь, съ одной стороны, Кипръ, гдѣ во второй половинѣ XIV и въ XV вѣкѣ происходитъ безпрерывная борьба между венеціанцами и генуэзцами, и островъ поперемѣнно попадаетъ въ руки то однихъ, то другихъ; а съ другой стороны—Византія, побережье Чернаго и Азовскаго морей, венеціанцы и генуэзцы въ теченіе всего XIII и XIV вѣковъ всячески стараются вытѣснить другъ друга послѣ того, какъ Генуѣ удалось уничтожить Латинскую имперію, имѣвшую для Венеціи огромное торговое значеніе. Отдѣльные эпизоды въ этой борьбѣ составляютъ: появленіе въ 1296 году въ Черномъ морѣ венеціанской эскадры, которая сжигаетъ генуэзскіе корабли и овладѣваетъ г. Каффой, находившимся въ рукахъ генуэзцевъ; занятіе Босфора генуэзцами въ 1348 году и битва съ венеціанскими судами въ этомъ проливѣ; захватъ венеціанскаго города Негропонта генуэзцами, осада венеціанцами въ союзѣ съ греками Галаты и кровопролитная битва у Константинополя въ 1352 году; наконецъ, продолжительная война между Венеціей и Генуей изъ за острова Тенедоса, которая закончилась лишь въ 1383 г. Еще въ 1431—1432 гг. огромный венеціанскій флотъ осаждалъ островъ Хіосъ, находившійся въ рукахъ Генуи, а генуэзцы мстили Венеціи нападеніями на другіе острова Архипелага. Эти событія уже относятся къ эпохѣ завоеванія Византіи османами [1]).

Несмотря на постоянныя столкновенія между Венеціей и Генуей, на кровопролитныя битвы на сушѣ и, въ особенности, на морѣ, ни той, ни другой державѣ почти нигдѣ не удалось вытѣснить соперницу на продолжительное время; обѣ сохраняли повсюду свои торговыя связи, свои факторіи

---

[1]) Heyd. I. p. 350, 378—395, 492, 550—558, 566—572. II. p. 158, 171, 188, 200—201, 274, 373, 406 и сл. 417.

и подворья; вездѣ мы находимъ и венеціанцевъ, и генуэзцевъ одновременно, съ той только разницей, что въ однѣхъ мѣстностяхъ преобладаніе въ торговлѣ было на сторонѣ Венеціи, въ другихъ странахъ первое мѣсто принадлежало Генуѣ. Такъ, въ Египтѣ въ XII вѣкѣ болѣе важную роль играла Генуя: въ договорахъ, заключенныхъ между генуэзцами (частными лицами) въ 1155—1164 гг., упоминается не менѣе 66 разъ объ Александріи въ качествѣ цѣли путешествія, несравненно рѣже тамъ бывали купцы другихъ городовъ и гораздо меньше, чѣмъ Египетъ, генуэзцы посѣщали въ это время другія страны Востока. Наоборотъ, впослѣдствіи, въ особенности во второй половинѣ XIV и въ XV вѣкѣ Венеція занимала безусловно первое мѣсто среди западноевропейскихъ торговыхъ городовъ, находившихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, и въ то время, какъ Генуя и всѣ другіе города имѣли по одному торговому подворью въ Александріи, венеціанцы уже съ первой половины XIII вѣка обладали двумя подворьями (фондако) [1]). Несмотря на всѣ усилія генуэзцевъ вытѣснить Венецію у Чернаго моря, венеціанскіе торговыя суда попрежнему ѣздили туда, и Венеція не соглашалась играть второстепенную роль въ этихъ мѣстахъ; когда въ 1381 году Генуя потребовала, чтобы венеціанцы не посѣщали Тану, а доходили лишь до Каффы, послѣдніе рѣшительно воспротивились этому, заявляя, что „никакая сила ихъ не заставитъ отказаться отъ плаванія по всему Черному морю, ибо море должно быть общимъ, свободнымъ и открытымъ для всѣхъ народовъ“ [2]) Большое значеніе имѣло для Генуи въ борьбѣ съ Венеціей ея обладаніе г. Фамагустой на Кипрѣ, гдѣ всѣ другіе порты были уничтожены и торговля сосредоточивалась въ теченіе столѣтія въ Фамагустѣ въ рукахъ генуэзцевъ [3]). Въ Византіи преобладающее значеніе придлежало торговлѣ венеціанцевъ и не только въ эпоху существованія Латинской имперіи, но и впослѣдствіи въ XIV и первой половинѣ XV вѣка, хотя непосредственно послѣ паденія Латинской имперіи, во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, ихъ

[1]) Heyd. I. p. 430—31, 445, 489.
[2]) Heyd. II. p. 158, 170, 373—74.
[3]) Ibid. p. 23, 408—424.

положеніе ухудшилось и имъ пришлось временно уступить первое мѣсто Генуѣ [1]).

IV

„Развитіе торговли—говоритъ Ратгенъ—есть ничто иное, какъ вѣчная борьба изъ-за уменьшенія той цѣпи, которая отдѣляетъ производителя отъ потребителя, изъ-за устраненія излишнихъ посредниковъ, которые, благодаря прибавляемой ими нерѣдко чрезмѣрно высокой прибыли, приводятъ къ вздорожанію товарныхъ цѣнъ. Повсюду замѣчается стремленіе пріобрѣсти товары возможно дешевле, сохранить за собою извлекаемую посредниками прибыль, величину которой воображеніе сильно преувеличиваетъ“ [2]). Въ средневѣковой торговлѣ вообще, и въ торговлѣ итальянскихъ городовъ съ Востокомъ, въ частности, придавалось особенно важное значеніе возможности пріобрѣтать произведенія Востока на самомъ мѣстѣ ихъ произрастанія или изготовленія, т. е. непосредственно изъ первыхъ рукъ. Въ Персіи венеціанцы и генуэзцы пріобрѣтали тамошніе драгоцѣнные камни и жемчугъ, ковры, бумажныя, шелковыя и шитыя золотомъ ткани,—предметы, отличавшіеся особеннымъ изяществомъ и роскошью отдѣлки, блескомъ и яркими красками и высоко цѣнившіеся въ Европѣ. У Чернаго и Азовскаго морей закупались, наоборотъ, сырые продукты: произраставшій тамъ хлѣбъ, морская соль, икра, соленая рыба, лѣсъ съ Крымскаго полуострова, рабы—татары, русскіе, черкесы, а также привозимые туда съ сѣвера мѣха пушныхъ звѣрей. И въ Византіи, на Кипрѣ, въ Египтѣ среди мѣстныхъ продуктовъ преобладало сырье; на Кипрѣ итальянскіе купцы пріобрѣтали соль и сахаръ, вино и хлопокъ, индиго и ладанъ, въ Мореѣ и Аттикѣ—винныя ягоды и изюмъ, высоко цѣнившееся на Западѣ вино—мальвазію (изъ Монемвазіи), въ Египтѣ—сахаръ, финики и лимоны, кассію и бальзамъ. Впрочемъ, изъ Египта итальянцы вывозили также роскошныя бумажныя и шелковыя ткани мѣстнаго производства; а кипрскія камлотовыя

[1]) Ibid. I. p. 315 и сл., 470 и сл., 512—13. II. p. 268 и сл.

[2]) Rathgen. Die Entwickelung des Handels zwischen Europa und China Schmoller's Jahrbuch. 1892 p. 204.

матеріи, бѣлыя и цвѣтныя, и шелковыя издѣлія, вытканныя золотомъ (draps d'or de Cypre), а также произведенія сирійской шелковой и камлотовой, стекляной и гончарной промышленности (Антіохія, Триполисъ, Тиръ) потреблялись въ большомъ количествѣ въ Европѣ и сохраняли и тамъ свои арабскія названія [1]). Итальянскіе купцы не ограничивались посѣщеніемъ одной передней Азіи: они отправлялись и въ вглубь материка, желая и индійскіе пряности пріобрѣтать на мѣстѣ, а не изъ вторыхъ рукъ. Англичанинъ Маундевиль, жившій въ XIV вѣкѣ, указываетъ на то, что венеціанцы посѣщали Индію для покупки перца и имбиря, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія подтверждаются другими фактами; извѣстны также генуэзскіе купцы и торговыя компаніи (напр,, Вивальди), которыя ѣздили въ Индію, Камбай и на Малабарскій берегъ, ибо тамошніе продукты играли наиболѣе важную роль въ торговлѣ между Западомъ и Востокомъ, отличались своимъ качествомъ и количествомъ. На Малабарскомъ берегу произросталъ, прежде всего, перецъ, который, по словамъ Пешеля, имѣлъ въ тѣ времена такое же значеніе, какъ въ XIX вѣкѣ чай и хлопокъ для англійской торговли, сахаръ и табакъ для Кубы и Испаніи; здѣсь же воздѣлывался имбирь, корица, кардамонъ, бразильское дерево, Остальныя пряности—гвоздика, мускатный орѣхъ, камфора привозились въ Индію изъ Суматры и Явы и съ Молукскихъ острововъ. Поэтому-то уже въ 1291 году, въ годъ паденія Акра, генуэзцы—Тедезіо Дорія, братья Уголино и Бенедетто Вивальди въ компаніи съ другими генуэзскими купцами отправили двѣ вооруженныя галеры въ Индію, причемъ въ Лайаццо или въ Трапезундѣ суда были, повидимому, вытащены на сушу, а пройдя Персію, купцы снова отправились изъ Ормуздскаго пролива моремъ. И впослѣдствіи, въ IV и XV вѣкѣ итальянцы посѣщали Индію, въ концѣ XV вѣка „ихъ было, очевидно, гораздо больше, чѣмъ мы въ состояніи прослѣдить въ настоящее время". Флорентіецъ Тосканелли писалъ Колумбу относительно его проекта достигнуть Индію западнымъ путемъ слѣдующее. „Какъ легко выполнить твое намѣріе, въ этомъ ты убѣдился бы,

[1]) Prutz. p. 315—324. Heyd. I. 197—8. II. 9—11. 109—11, 168, 178—80, 190, 272, 443.

если бы ты зналъ, какъ я, ту массу людей, которые ѣздили въ Индію для пріобрѣтенія пряностей". Приведя имена европейскихъ купцовъ, которые посѣщали Китай, Гейдъ указываетъ на то, что „все свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ участіи итальянцевъ въ торговлѣ съ Китаемъ, по крайней мѣрѣ до половины XIV вѣка. Послѣ приведенныхъ фактовъ—прибавляетъ Гейдъ—мы едва ли можемъ сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемыхъ Маундевилемъ свѣдѣній (которымъ не всегда можно вѣрить), что генуэзскіе, венеціанскіе и ломбардскіе купцы, а равно купцы изъ другихъ странъ, совершаютъ путешествія въ Катай (Китай), куда прибываютъ сушей или моремъ, спустя 11—12 мѣсяцевъ. И Одерико Порденоне (болѣе достовѣрный источникъ), описывая китайскій городъ Кинсай, ссылается на то, что онъ знаетъ многихъ венеціанцевъ, бывавшихъ тамъ и могущихъ подтвердить сообщаемыя свѣдѣнія, которыя на первый взглядъ могутъ показаться преувеличенными". Морскія путешествія въ Китай совершались обыкновенно изъ Ормузда, по Малабарскому и Коромандельскому берегу, черезъ Бенгальскій заливъ, мимо Суматры, огибая Индокитай, причемъ въ Индіи купцы обыкновенно прерывали путешествіе на болѣе или менѣе продолжительное время. Сухимъ путемъ отправлялись черезъ Тавризу, Самаркандъ и Хокандъ, Кашгаръ, Яркендъ и Хотанъ черезъ озеро Лопъ или черезъ Карашаръ и затѣмъ пересѣкали пустыню Гоби; въ другихъ случаяхъ путь шелъ черезъ Тану, Сарай, Ольтраръ у Сыръ-Дарьи, Балкашское озеро или Иссыкъ-куль. Достигнувъ городовъ Кантона, Цейтуна (Чуенъ-Чу-Фу) или Кинсай (Ханъ-Чу-Фу), европейскіе купцы сбывали тамъ привезенные ими произведенія Европы, Малой Азіи и Индіи и пріобрѣтали китайскій шелкъ и шелковыя ткани—главные предметы китайской торговли,—а также нѣкоторыя пряности мѣстнаго происхожденія: ревень, мускусъ, калганъ [1]).

Такимъ образомъ, итальянскіе города съ удивительной послѣдовательностью придерживались въ своей торговой дѣятельности того принципа, что товары должны пріобрѣтаться всегда на мѣстѣ, изъ первыхъ рукъ. Но въ этомъ отношеніи необходимо различать, съ одной стороны, торговлю

[1]) Heyd II. p. 144—8. 153. 222—241. 247—254, 500—1.

съ передней Азіей, Африкой и Византіей, а, съ другой стороны—торговлю съ Индіей и Китаемъ. Хотя мы и встрѣчаемъ европейскихъ купцовъ въ Индіи и Китаѣ, тѣмъ не менѣе гораздо чаще, надо думать, произведенія этихъ странъ пріобрѣтались въ Сиріи, Персіи, у Чернаго моря, въ Египтѣ. Не только въ эпоху Крестовыхъ походовъ пряности Индіи закупались итальянцами на сирійскихъ рынкахъ, но и впослѣдствіи, когда путешествія вглубь Азіи стали совершаться болѣе часто, онѣ стекались въ большомъ количествѣ на рынки Бейрута, Тавризы, Таны, Трапезунда, Александріи и отсюда вывозились итальянскими купцами въ Европу. Особенно развилась торговля индійскими пряностями, и прежде всего перцемъ, съ Египтомъ и Сиріей въ послѣдней четверти XIV и въ XV вѣкѣ. „Торговые пути черезъ Персію и Среднюю Азію стали почти непроходимыми, благодаря внутреннимъ междоусобіямъ въ этихъ странахъ. Въ передней Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ сельджукскіе и османскіе турки вытѣснили христіанъ изъ ихъ прежнихъ владѣній, такъ что плаваніе по Черному морю и Архипелагу и въ отдѣляющихъ ихъ проливахъ было значительно стѣснено. Европейскимъ купцамъ приходилось обратиться къ югу для полученія левантійскихъ товаровъ“. Торговля Египта и Сиріи снова стала развиваться, и главнымъ предметомъ обмѣна являлся перецъ; впрочемъ и другія пряности—гвоздика и мускатный орѣхъ, корица и имбирь, а также сандаловое дерево, слоновая кость, жемчугъ и драгоцѣнные камни привлекали сюда генуэзцевъ и венеціанцевъ. Въ эту эпоху „Александрія являлась центромъ всего торговаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ“. Этотъ обмѣнъ производился черезъ посредство египетскихъ купцовъ, которые пріобрѣтали индійскіе товары сначала въ Ормуздѣ, а съ XIV вѣка въ Меккѣ и доставляли ихъ европейцамъ въ Александрію: самихъ европейскихъ купцовъ египетскіе султаны не пропускали черезъ Красное море, желая сохранить торговлю съ Индіей въ своихъ рукахъ. Но дальше Мекки и египетскіе корабли не ѣздили: сюда привозились продукты магометанскими купцами, жившими въ Индіи, на Малабарскомъ и Коромандельскомъ берегу; эти мусульмане, переселившіеся туда изъ Аравіи, Египта и Персіи, захватили всю торговлю, индусы принимали въ

ней мало участія [1]). Надо имѣть въ виду, что уже со времени образованія халифата начинается оживленная торговая дѣятельность среди мусульманскаго міра, и повсюду, въ Испаніи и Сициліи, въ Сиріи и Египтѣ, въ Индіи и Средней Азіи арабскіе купцы играютъ важную роль въ торговлѣ. Съ теченіемъ времени ихъ торговое значеніе упрочивается все болѣе и болѣе: вступая, съ одной стороны, въ оживленныя сношенія съ Индіей и Китаемъ, гдѣ они основываютъ свои факторіи, они, съ другой стороны, сбываютъ эти товары европейскимъ купцамъ, являющимся за ними въ переднюю Азію и Египетъ. Кремеръ указываетъ на то, что обороты арабской торговли были очень значительны: уже въ VII вѣкѣ караванъ, отправлявшійся въ Мекку, везъ съ собой товаровъ цѣнностью въ 50 тыс. миткалей, т. е. въ полмилліона франковъ [2]). Столь же значительна была и прибыль, которую выручали арабскіе куппы, благодаря занимаемому ими посредническому положенію въ торговлѣ между внутренней Азіей и итальянскими городами. „Среди высшихъ слоевъ общества — читаемъ у того же Кремера—купцы, пріобрѣвшіе, благодаря удачнымъ торговымъ операціямъ, крупное состояніе, занимали почетное мѣсто. Путешественникъ, посѣщавшій въ X вѣкѣ Бассору, сообщаетъ о купцѣ, который владѣлъ имуществомъ въ 2—3 милліона динаровъ, т. е. въ 20—30 милл. фр. Его суда отправлялись въ Индію, Китай, въ Африку, куда онъ посылалъ своихъ агентовъ“ [3]). Ибнъ-Батута указываетъ на богатство купцовъ въ г. Камбаѣ (магометанскій султанатъ Дели въ Индіи), состоящихъ преимущественно изъ мусульманъ, и на роскошныя постройки, которыми они украсили городъ. Большую прибыль арабскіе купцы извлекали въ торговлѣ лошадьми, въ которыхъ нуждалась Индія и которыя доставлялись туда, главнымъ образомъ, съ Персидскаго залива. Потребность въ лошадяхъ была въ Индіи очень значительна, ибо, вслѣдствіе вреднаго климата и дурного ухода за ними, лучшія лошади скоро погибали, и

[1]) Kremer. II. 274 и сл. Heyd. II. p. 154—5, 427, 438, 444—6, 456—8, 495. Dreesbach. p. 32—33.

[2]) Kremer. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B. I. Wien. 1875. p. 24—25.

[3]) Kremer. II. Wien. 1877. p. 189.

индійскіе князья готовы были платить высокія цѣны, лишь бы получить новыхъ арабскихъ и персидскихъ коней. Не менѣе прибыльно было ихъ посредничество въ торговлѣ пряностями. „Транспортъ послѣднихъ черезъ Александрію былъ выгоденъ въ томъ отношеніи, что путь былъ преимущественно морской и рѣчной, такъ что перевозка товаровъ обходилась недорого. Но зато въ руки египетскихъ купцовъ попадала значительная часть прибыли, и султаны умѣли извлечь надлежащую выгоду изъ положенія страны, черезъ которую шелъ транзитъ товаровъ, игравшихъ наиболѣе важную роль въ торговлѣ“ [1]).

Въ отношеніи произведеній Индіи и Китая, т. е. прежде всего пряностей, итальянскіе города не занимали, слѣдовательно, столь выгоднаго положенія, какъ при пріобрѣтеніи продуктовъ Византіи, Сиріи и Персіи. Шелковыя и бумажныя матеріи, стеклянныя издѣлія, сахаръ и соль, всевозможные южные плоды—всѣ эти товары европейскіе купцы не только пріобрѣтали изъ первыхъ рукъ, минуя всякихъ посредниковъ, но во многихъ случаяхъ вовсе ничего не платили за нихъ, пріобрѣтая тѣ или другіе сырые продукты или фабрикаты въ качествѣ оброка съ сельскихъ жителей или ремесленниковъ. Какъ мы знаемъ, въ Сиріи и Палестинѣ, въ Византійской имперіи и на островахъ Архипелага венеціанцы и генуэзцы завладѣли во время Крестовыхъ походовъ обширной территоріей, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они получали въ свою власть города или части городовъ, имъ доставалась и окружавшая городъ земля, поля и огороды, сахарныя плантаціи, виноградники, оливковые и фиговые сады. Крестьяне, обрабатывавшіе землю, вынуждены были отдавать завоевателямъ извѣстную долю продукта. „Сами европейцы не занимались хозяйствомъ, а предоставили обработку земли колонамъ, которые раньше сидѣли на ней. Послѣдніе сохраняли за собой землю до тѣхъ поръ, пока они точно выполняли всѣ возложенныя на нихъ тягости: европейцевъ интересовала лишь рента, уплачиваемая колонами. Положеніе колоновъ, такимъ образомъ, не измѣнилось, остались тѣ же повинности и платежи, которыми они обязаны были сначала сирійцамъ и грекамъ, за-

[1]) Heyd. II. 136—7, 146, 154, 447.

тѣмъ арабскимъ и позже турецкимъ землевладѣльцамъ; теперь они поступали въ пользу европейцевъ“ [1]). Занимая мѣсто прежнихъ владѣтелей, итальянцы получили въ свое распоряженіе сильно обремененное оброками и барщиной, прикрѣпленное къ землѣ крестьянство, ярмо котораго они сумѣли сдѣлать во всякомъ случаѣ не менѣе, а скорѣе гораздо болѣе тягостнымъ, чѣмъ ихъ предшественники [2]). Въ Сиріи оброкъ равнялся $^1/_3$—$^1/_4$ всѣхъ произведеній почвы. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напр., на Хіосѣ, въ Фокеѣ, на Кипрѣ, на другихъ островахъ Архипелага, отдѣльные землевладѣльцы или цѣлыя компаніи (маоны) вели самостоятельное хозяйство, пріобрѣтая весь продуктъ завоеванной ими земли, которая обрабатывалась при помощи рабовъ. Особенно выгодно было добываніе квасцовъ въ Фокеѣ и мастики на Хіосѣ. Въ концѣ XIII вѣка сбывалось ежегодно около 650 центн. квасцовъ, на сумму въ 1.300,000 лиръ, мастика вывозилась въ количествѣ не болѣе 430 центн. ежегодно, но и это составляло 17—19 тысячъ лиръ, а въ XV вѣкѣ, когда цѣна была установлена въ 45 лиръ съ центнера, мастика давала 20,000 лиръ ежегоднаго дохода. Весь этотъ доходъ поступалъ въ пользу генуэзцевъ, которымъ принадлежалъ Хіосъ [3]).

Значительное количество левантійскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Европу, пріобрѣталось въ качествѣ оброка и податей съ покореннаго населенія, т. е. не оплачивалось вовсе; за другіе продукты Востока европейскіе купцы платили золотомъ и серебромъ и лишь сравнительно незначительная часть вывоза покрывалась ввозомъ товаровъ изъ Европы. Арнольдъ Гарффъ опредѣляетъ цѣнность благородныхъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ, посылаемыхъ „нехристямъ“, въ 300,000 дукатовъ ежегодно; они же не возвращаютъ денегъ обратно, а присылаютъ „ѣду“ (очевидно, пряности въ качествѣ приправы къ ѣдѣ) и шелковыя ткани. Товары, экспортируемые изъ Европы, состояли прежде всего изъ хлѣба, оружія и строительнаго лѣса для судовъ—предметовъ, необходимыхъ для войны. Несмотря на неоднократ-

[1]) Prutz. p. 324—326
[2]) Sombart. I. p. 339.
[3]) Heyd. I. 508—9. 540—45. II. 289. Sievering. I. 177 и сл.

ныя запрещенія вывозить эти продукты на Востокъ, издаваемыя римской куріей какъ во время Крестовыхъ походовъ, такъ и впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, торговля этими товарами продолжалась. Сицилія экспортировала хлѣбъ въ Сирію и Египетъ, причемъ, императоръ Фридрихъ II держалъ хлѣбную торговлю въ своихъ рукахъ; Пиза посылала свои стальные клинки, которые тамъ производились въ большомъ количествѣ, и находили значительный спросъ у арабовъ, а Венеція отправляла на Востокъ строительный лѣсъ и издѣлія изъ дерева. Среди другихъ произведеній Европы пользовались большой извѣстностью на Востокѣ шерстяныя ткани, а также различные предметы изъ стекла. Сирія и Персія, Византія и Египетъ славились своими бумажными и шелковыми матеріями, но производство шерстяныхъ тканей было мало извѣстно въ странахъ Востока и имъ приходилось прибѣгать къ фламандскимъ и каталонскимъ, въ особенности же къ флорентійскимъ сукнамъ. „Подобно тому, какъ англійская и испанская шерсть опредѣляла весь характеръ суконнаго производства Флоренціи—говоритъ Доренъ,—такъ при выборѣ красокъ и выдѣлкѣ дорогихъ матерій флорентійская шерстяная промышленность руководствовалась вкусами и привычками Востока, его любовью къ яркимъ, блестящимъ краскамъ: производство роскошныхъ алыхъ суконъ предназначалось почти исключительно для левантійскаго рынка. Sericum et purpuram et pretiosores quosdam pannos—читаемъ у Mathias'a Corvinus'a (XV ст.)—Флоренція всегда сбывала туркамъ". Сукномъ, а не деньгами, Флоренція преимущественно уплачивала за всѣ тѣ продукты—пряности, москательные товары и красильныя вещества, которыя въ средніе вѣка до открытія Новаго Свѣта, могли доставлять въ Европу только магометанскія страны Азіи и Африки" [1]). Въ стекляныхъ издѣліяхъ страны Востока не нуждались, наоборотъ, они еще снабжали Европу своими произведеніями; въ Европѣ изготовлялись разрисованные кубки и бутылки „à l'ouvrage de Damas", а испанскіе стеклянные сосуды назывались irake (iraga), ибо Дамаскъ и Иракъ (Вавилонія) славились тонкостью работы и

[1]) Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrhundert. Stuttgart. 1901 p. 122. См. также Kremer. II. p. 290—91.

изяществомъ стекляныхъ товаровъ. „Въ этой области—говоритъ Гейдъ—Европа ничего, казалось бы, не могла дать Востоку. Тѣмъ не менѣе венеціанцы развили одну отрасль производства, продукты которой сбывались въ большомъ количествѣ на Востокѣ—выдѣлку цвѣтныхъ бусъ и поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней". Доменико Міотти извлекъ большую прибыль на продажѣ подобныхъ бездѣлушекъ въ Сиріи. Точно также и Андало ди-Савиньоне въ 1338 году, отправляясь въ Китай, взялъ съ собой венеціанскія „jocalia de cristallo". На одномъ кораблѣ, отправлявшемся изъ Марсели въ Малую Азію въ 1295 году и захваченномъ венеціанцами, находились среди европейскихъ продуктовъ не только скатерти и полотенца, восковыя свѣчи, пояса изъ Парижа, но и бритвы, тазы для бритья, зеркальца и т. п. вещи [1]), являвшіяся на Востокѣ, подобно бусамъ и фальшивымъ драгоцѣннымъ камнямъ, скорѣе игрушками, чѣмъ полезной утварью; всѣ эти предметы мы находимъ и въ торговомъ обмѣнѣ съ современными первобытными народами и въ колоніальной торговлѣ XVI—XVIII ст.[2]); получая зеркальца, бритвы и т. под. бездѣлушки, народы Востока едва ли лучше понимали ихъ дѣйствительное назначеніе, чѣмъ африканскіе и австралійскіе дикари XVIII и XIX ст.; слѣдуетъ предполагать, что яркими тканями, цвѣтными бусами и зеркальцами европейскіе купцы старались возбудить вниманіе и алчность восточныхъ народовъ, чтобы затѣмъ получать взамѣнъ этихъ ничего не стоющихъ вещицъ дорогія пряности, ароматическія вещества и ткани Востока.

И здѣсь въ большинствѣ случаевъ покупателями и потребителями привезенныхъ изъ Европы товаровъ являлись султаны и князья различныхъ странъ и мѣстностей, и въ этомъ заключалась одна изъ причинъ выгодности левантійской торговли для итальянскихъ городовъ. Въ 1260 году два венеціанца, братья Никколо и Маффіо Поло, отправляются въ Крымъ и продаютъ кипчакскому хану Берке брилліанты, выручая на нихъ—по разсказамъ—сто проц. прибыли. Достигнувъ Китая, они и тамъ торгуютъ бриллiантами, сбывая ихъ, повидимому, богдыхану, по порученію котораго они впослѣдствіи отправляются обратно въ Европу

[1]) Molmenti. p. 268—69. Kremer. 280—82. Heyd. II. 90. 441. 679.

[2]) См. ниже.

съ посланіями къ папѣ и королямъ французскому, англійскому и испанскому. Турецкій султанъ охотно пріобрѣталъ издѣлія флорентійской промышленности. Въ 1483 году Баязетъ II заявляетъ Флоренціи, что онъ готовъ покупать ежегодно 5,000 штукъ сукна, причемъ освобождаетъ флорентійскихъ купцовъ отъ пошлины, которую они уплачивали до того времени. Египетскій султанъ пріобрѣталъ у венеціанцевъ соколовъ для охоты, причемъ платилъ по 3,000 драхмъ за каждаго и половину за умершаго въ дорогѣ. Еще болѣе онъ нуждался въ рабахъ, изъ которыхъ составлялось его войско—мамелюки (mamluk—рабъ) и которые поставлялись ему въ большомъ количествѣ венеціанцами и генуэзцами. Какъ мы уже упоминали, пріобрѣтеніе рабовъ не стоило имъ почти ничего, ибо въ большинствѣ случаевъ рабы ими просто похищались или уводились, а между тѣмъ султанъ платилъ за нихъ высокія цѣны, и купцы, привозившіе рабовъ, пользовались у него особой милостью, ибо они содѣйствовали увеличенію числа мусульманъ. Венеціанскія ткани, полотно изъ Реймса, вино и другіе продукты, привозимые итальянскими купцами въ Египетъ, предназначались для сбыта придворнымъ султана или покупались знатными египтянками [1]).

Такимъ образомъ, положеніе, которое итальянскіе города или точнѣе Венеція и Генуя, занимали въ странахъ Востока, оказывалось для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне выгоднымъ. Какъ при пріобрѣтеніи левантійскихъ товаровъ, такъ и при сбытѣ привезенныхъ изъ Европы продуктовъ, венеціанскіе и генуэзскіе купцы почти не встрѣчали конкуррентовъ и, во всякомъ случаѣ, по сравненію съ послѣдними, могли всегда покупать и продавать дешевле, ибо располагали большимъ количествомъ рынковъ и складочныхъ мѣстъ и освобождались отъ уплаты ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ. Далѣе, сбывали они на Востокѣ, съ одной стороны, ничего не стоющія бросающіяся въ глаза бездѣлушки, а съ другой стороны—предметы, необходимые для войны и для удовольствія султановъ и князей, и въ томъ и въ другомъ случаѣ по высокой цѣнѣ. Пріобрѣтали же генуэзцы и венеціанцы часть продуктовъ совершенно даромъ,

[1]) Heyd. II. 217—19. 341. 351. 441—42. 544—50.

въ видѣ оброка и податей, другую часть покупали изъ первыхъ рукъ, занимая при этомъ монопольное положеніе, и лишь индійскія пряности они вынуждены были пріобрѣтать отчасти у египтянъ и другихъ посредниковъ. Наконецъ, значительное количество произведеній Востока попадало къ нимъ въ руки посредствомъ грабежа и разбоя.

„Во время Крестовыхъ походовъ—говоритъ Прутцъ—завоеватели съ жадностью набрасывались на имущество убитыхъ или обращенныхъ въ рабство магометанъ. Кто первый вступалъ въ домъ, тотъ, былъ ли онъ знатнаго или простого происхожденія, получалъ въ свою собственность все, что онъ тамъ находилъ. Такимъ путемъ, ничего неимѣвшіе ранѣе искатели приключеній сразу становились богатыми людьми“. Вся литература эпохи Крестовыхъ походовъ наполнена описаніями богатствъ Востока и описаніями того, какъ послѣднія захватывались крестоносцами. Дрезбахъ удивляется тому, что крестоносцы, повѣствующіе о своихъ странствованіяхъ и завоеваніяхъ, такъ мало интересуются природой восточныхъ странъ; ихъ привлекаютъ одни богатства, о которыхъ они только и говорятъ безчисленное количество разъ, обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Но это вполнѣ понятно: европейцы поражались совершенно новой для нихъ роскошью Востока и пускали въ ходъ все, что угодно, лишь бы пріобрѣсти эти сокровища. Не было, кажется, ни одного города, гдѣ бы имъ не удалось награбить массу всевозможныхъ сокровищъ. И Жофруа де-Вилардуенъ, принимавшій участіе въ Крестовомъ походѣ 1202—1204 гг., и Вильгельмъ Тирскій, и Роберъ де Клари съ удовольствіемъ разсказываютъ о томъ, какъ тотъ или другой герцогъ „перебилъ огромное количество сарациновъ, которые обладали массой шелковыхъ и шитыхъ золотомъ тканей“, и какъ онъ захватилъ всѣ эти ткани; или о томъ, какъ были захвачены шатры сарациновъ съ такимъ количествомъ сокровищъ, что не было возможности забрать все съ собой. Такъ, напр., при завоеваніи Антіохіи въ 1098 году были захвачены дома со всѣми складами и хранилищами товаровъ и совершенно разграблены: европейцы забрали массу серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней, дорогихъ одѣяній и сосудовъ, ковровъ и шелковыхъ тканей и распредѣлили все это между собою. Три года

спустя крестоносцами были взяты города Арзуфъ и Цезарея. При этомъ было награблено огромное количество сокровищъ; Цезарея въ особенности, которая была до того времени очень богатымъ торговымъ городомъ, лишилась всѣхъ своихъ богатствъ. Добыча была столь велика, что на каждаго крестоносца пришлось по 48 солидовъ деньгами и по 2 фунта перца, а генуэзскій соборъ получилъ извѣстный священный сосудъ—sacro catino. Небольшая флотилія, отплывшая осенью 1101 г. изъ Генуи на помощь графу Раймунду Тулузскому, находившемуся въ Сиріи, встрѣтила въ Корфу цѣлый флотъ, отправлявшійся въ Геную съ награбленной въ Цезареѣ добычей. Такимъ образомъ, Генуя имѣла возможность продавать въ Европѣ по высокой цѣнѣ пріобрѣтенныя путемъ насилія сокровища Востока и среди нихъ столь дорого оцѣниваемый перецъ. Подобными же путями обогащались и венеціанцы, когда они, напр., въ 1301 году произвели рядъ нападеній на мирныхъ жителей Константинополя. Еще раньше, во время четвертаго Крестоваго похода, Константинополь былъ совершенно разграбленъ. Роберъ де Клари, участвовавшій во взятіи Константинополя, поражается огромными богатствами этого города, золотыми сосудами, роскошными одѣяніями, но жалуется на то, что при распредѣленіи всей этой добычи рыцари все присвоили себѣ, ничего не оставивъ простымъ крестоносцамъ. Въ 1471 году венеціанскій адмиралъ Мочениго, крейсируя у острова Хіоса, напалъ на незащищенный городъ Пассаджіо, и его войско награбило много вышитыхъ узорами ковровъ, цвѣтныхъ шелковыхъ тканей, камлотовыхъ матерій и другихъ драгоцѣнностей [1]).

Страннаго въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего, ибо враждебныя отношенія между мусульманами и европейцами господствовали какъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ, такъ и впослѣдствіи въ XIII—XV ст., выражаясь въ постоянныхъ столкновеніяхъ между тѣми и другими. Выше мы привели факты изъ непрекращавшейся борьбы итальянскихъ городовъ между собою; мы могли бы собрать столь же большое количество случаевъ, когда происходили конфликты между

[1]) Dreesbach. p. 62. 67. 69—93. особ. 78. 80—81. Prutz. p. 334—35. Sombart. I. p. 363. Heyd. I. p. 152—3. 196. 493. II. p. 335. См. также любопытные факты у Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. 1905, p. 39—40. 55.

европейскими купцами и мусульманскимъ населеніемъ; эта борьба проходитъ красной нитью чрезъ всю исторію левантійской торговли, и та и другая сторона старались повсюду, гдѣ это можно было, замѣнить двусторонній обмѣнъ товаровъ одностороннимъ захватомъ ихъ. И итальянскіе города не только не гнушались дѣйствовать подобнымъ образомъ, но нисколько не стѣснялись прямо высказывать, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, возводя въ общій принципъ правило брать, гдѣ плохо лежитъ. Въ генуэзскихъ источникахъ XIII вѣка упоминается о купцахъ, которые занимаются пиратствомъ [1]), а пизанскіе купцы того же столѣтія усматривали въ морскомъ разбоѣ предпріятіе выгодное съ коммерческой точки зрѣнія спеціально для крупнаго коммерсанта [2]). Купцы Амальфи, Неаполя, Искіи находили для себя весьма выгоднымъ захватывать на морѣ торговые корабли, а герцоги неаполитанскіе, также занимавшіеся торговыми операціями, не только оказывали имъ содѣйствіе, давая свои суда для пиратства, но и принимали участіе въ дѣлежѣ награбленной добычи [3]). Все это вполнѣ соотвѣтствовало соціальной психологіи эпохи, вытекало изъ характера междуплеменныхъ и международныхъ отношеній того времени.

Имѣя въ виду, что въ левантійской торговлѣ сталкивались два совершенно различные, враждебные другъ другу міра,—міръ католическо-европейскій и міръ магометанско-арабскій, мы поймемъ ту организацію, которую имѣла эта торговля, тѣ торговые обычаи, которыхъ европейцы и мусульмане придерживались при взаимныхъ сношеніяхъ на Востокѣ. Мы поймемъ прежде всего, почему между итальянскими городами и властителями Египта, Сиріи, Византіи и другихъ странъ безчисленное количество разъ заключались и возобновлялись мирные договоры (съ каждымъ городомъ отдѣльно) даже тогда, когда этому не предшествовали враждебныя столкновенія, почему всѣ эти договоры сопровождались взаимнымъ обмѣномъ подарковъ: война считалась естественнымъ состояніемъ, на то, что существуютъ

[1]) Heyck. Genua und seine Marine. 1882. p. 182.

[2]) Schaube. Das Konsulat des Meeres in Pisa. Leipzig. 1888. p. 38.

[3]) Yver. Le commerce dans l'Italie meridionale au XIII et XIV siècle. 1902. p. 33—35. 137. 157.

мирныя отношенія между тѣмъ или другимъ итальянскимъ городомъ и той или другой страной Востока—нужно было особо указывать, нужно было каждый разъ подтверждать, что мирное состояніе продолжается попрежнему, подчеркивать этотъ фактъ обмѣномъ подарковъ [1]). Флорентійцы считали нужнымъ для сохраненія дружелюбныхъ отношеній съ египетскимъ султаномъ подносить ему подарки каждый разъ, когда пріѣзжала ихъ эскадра въ Александрію. Поэтому то султанъ бывалъ недоволенъ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ флорентійскій флотъ не могъ явиться: онъ отправлялъ пословъ во Флоренцію съ богатыми дарами (въ 1487 году онъ послалъ жирафа, прирученнаго льва и другіе рѣдкіе предметы), прося о продолженіи торговыхъ сношеній и прямо заявляя, что „при прибытіи флорентійскихъ галеръ онъ получалъ подарки, теперь же лишенъ этой чести, вслѣдствіе отсутствія галеръ“ [2]). Господствовавшими между европейцами и мусульманами враждебными отношеніями объясняются и другіе обычаи, практиковавшіеся въ левантійской торговлѣ. Такъ, по прибытіи итальянскихъ судовъ у нихъ отнимались руль и паруса и возвращались не ранѣе, чѣмъ окончены были всѣ торговыя операціи и капитану и купцамъ было разрѣшено отправляться обратно. Купцы каждаго города жили въ особомъ торговомъ подворьѣ, которое было укрѣплено на случай нападенія и которое запиралось на ночь для того, чтобы купцы, въ свою очередь, не могли внезапнымъ нападеніемъ застигнуть врасплохъ спящихъ мусульманъ. Обмѣнъ товаровъ происходилъ лишь въ теченіе опредѣленнаго періода въ году (30—40 дней), совпадавшаго съ религіозными празднествами: дальше этого срока купцы не могли оставаться въ странѣ; соблюденіе этого правила имѣло столь важное значеніе для сохраненія мирныхъ отношеній, что сами европейскіе города, въ особенности Венеція, запрещали своимъ купцамъ оставаться на Востокѣ по истеченіи установленнаго срока; если же непогода препятствовала кораблямъ покинуть гавань въ срокъ, то они, во всякомъ случаѣ, не должны были болѣе нагружаться товарами. Наконецъ, торговый обмѣнъ совершался

[1]) Dreesbach. p. 52—3. 56. 58. 65—66.

[2]) Doren. p. 134. Heyd. II. 487.

чрезъ посредниковъ, въ присутствіи свидѣтелей. Въ Индіи существовала особая (христіанская) корпорація—„domini piperis“, по выраженію Мариньолы: ни одинъ лотъ перца не могъ быть проданъ безъ ихъ посредничества, они же взимали пошлину при продажѣ. Въ Египтѣ таможня являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и посредницей между итальянскими и мѣстными купцами, а для опредѣленія цѣны перца учреждалась особая комиссія изъ представителей отъ купцовъ и агентовъ султана. Въ XIV—XV ст. таможня въ Александріи пріобрѣтала также товары у венеціанцевъ на собственный счетъ. Изъ торговаго посредничества возникла вѣроятно и самостоятельная торговля короля кипрскаго, турецкаго султана Мюрата I (конецъ XIV вѣка), египетскихъ султановъ. Послѣдніе въ первой половинѣ XV вѣка монополизировали торговлю перцемъ въ своихъ рукахъ, скупая весь привозимый изъ Индіи перецъ по дешевой цѣнѣ (ибо никто изъ египетскихъ купцовъ не рѣшался предлагать больше) и продавая его европейцамъ по высокой цѣнѣ: мѣстнымъ купцамъ запрещалось сбывать перецъ и другія пряности, и цѣна перваго повысилась съ 50—70 динар. до 120—130, т. е. увеличилась вдвое. Европейскіе купцы протестовали противъ монополіи, установленной султаномъ, и, лишь послѣ неоднократныхъ столкновеній съ венеціанцами, генуэзцами и каталонцами, султанъ вынужденъ былъ отказаться отъ нея, причемъ, однако, венеціанцы обязались пріобрѣтать изъ его магазиновъ по 210 тоннъ перцу ежегодно. Цѣна перца понизилась, хотя путемъ насильственныхъ дѣйствій султанъ и его совѣтники старались заставить итальянскихъ купцовъ платить больше обычной цѣны, отнимая принадлежащіе имъ товары, запирая ихъ въ подворьи, захватывая ихъ въ плѣнъ. „Несмотря на всѣ эти злоупотребленія, производимыя въ Сиріи и Египтѣ по отношенію къ западно-европейскимъ купцамъ, несмотря на то, что они страдали и отъ враждебныхъ дѣйствій султана, его чиновниковъ и населенія, и отъ внутреннихъ междоусобицъ въ странѣ,—они все таки не прекращали торговыхъ сношеній. Прибыль, извлекаемая въ левантійской торговлѣ, была слишкомъ важной побудительной причиной—она манила ихъ въ эти страны. Европа не могла обойтись безъ индійскихъ пряностей и готова была платить за нихъ

столь высокія цѣны, что несмотря на всѣ вымогательства, торговля могла доставлять большую прибыль. Египетъ же въ XV вѣкѣ былъ единственной страной, гдѣ города, расположенные у Средиземнаго моря, могли пріобрѣтать пряности Индіи. И до тѣхъ поръ, пока индійскіе продукты направлялись въ Египетъ, венеціанцы, генуэзцы, каталонцы оставались постоянными посѣтителями этой страны и вѣрными покупателями египетскихъ купцовъ. Лишь со времени открытія торговаго пути въ Индію начинается упадокъ египетской торговли, упадокъ торговли на Средиземномъ морѣ вообще“ [1]).

V.

Указывая на стѣсненія, которымъ европейскіе купцы подвергались на Востокѣ, въ особенности въ Египтѣ, въ видѣ отнятія руля и мачтъ съ прибывающихъ судовъ, въ видѣ запиранія купцовъ въ особомъ подворьѣ, Гейдъ каждый разъ прибавляетъ, что европейскіе купцы должны были чувствовать себя на Востокѣ какъ бы плѣнниками мусульманъ, что имъ приходилось испытывать на собственной шкурѣ деспотизмъ сарацинъ [2]). Однако, причина заключалась, конечно, не въ восточномъ деспотизмѣ и даже не въ томъ, что европейцамъ приходилось сталкиваться съ мусульманами, ибо подобный же характеръ имѣли торговыя сношенія между народами древняго міра, а также въ первый періодъ средневѣковья, и тѣ же торговые обычаи, вытекающіе изъ междуплеменной вражды, мы встрѣчаемъ у современныхъ дикихъ народовъ Азіи, Африки, Америки; мы ихъ найдемъ впослѣдствіи и въ ганзейской торговлѣ, и въ колоніальной торговлѣ эпохи открытій и заокеанскихъ торговыхъ компаній. Междуплеменныя сношенія носили враждебный характеръ не только въ томъ случаѣ, когда приходили въ соприкосновеніе два чуждыхъ другъ другу міра; это происходило и тогда, когда сталкивались два народа и даже два племени, принадлежащія къ одной и той же группѣ.

---

[1]) Heyd. I. p. 437—9. II. p. 10. 150. 259. 429—31. 446. 451—3. 474—6. 480—1. 490—3.

[2]) Heyd. I. p., 439. II. p. 431, 456.

Переходя отъ торговаго обмѣна между итальянскими городами и Востокомъ, ко второй части нашей задачи—къ разсмотрѣнію характера сбыта пріобрѣтенныхъ на Востокѣ товаровъ въ западно-европейскихъ странахъ, мы сразу наталкиваемся на крайне любопытное явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о томъ, что торговля вездѣ и повсюду возникала изъ войны, что первоначальною прибылью было награбленное у иноплеменниковъ добро. Сбытъ левантійскихъ товаровъ, какъ и вообще обмѣнъ между различными европейскими странами, между сѣверомъ и югомъ Европы, производился вплоть до половины XIV вѣка на ярмаркахъ въ Шампани [1]).

Въ теченіе двухъ столѣтій, съ половины XII до половины XIV вѣка, ярмарки въ Шампани являлись центромъ всей западно-европейской торговли какъ товарной, такъ и денежной. Сюда стекались купцы всѣхъ странъ: Франціи, Италіи и Испаніи, Савои и Швейцаріи, Фландріи и Брабанта, Германіи и Англіи. Этимъ ярмаркамъ принадлежала важная посредническая роль въ торговлѣ и между романскими и германскими странами. Имъ удалось осуществить принципъ равенства интересовъ всѣхъ европейскихъ купцовъ, примѣняя къ нимъ на нейтральной почвѣ одинаковое право, не отдавая ни одной странѣ или городу предпочтенія передъ другими [2]). Своимъ значеніемъ ярмарки Шампани обязаны были своему географическому и политическому положенію. „Расположенная въ центрѣ промышленной Европы—говоритъ Пижонно—на полъ-пути между Сѣвернымъ и Средиземнымъ морями, соединенная съ Ламаншемъ Марной и Сеной, соприкасаясь своей восточной и сѣверной границами съ Германіей,—Шампань являлась

[1]) См. объ этомъ: Bourquelot, Etudes sur les foires de Champagne, sur la nature, l'étendue et les règles du commerce qui s'y faisait au XIII et XIV siècles. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Ser. II. Antiquités de la France. T. V. Paris. 1865, а также Huvelin. Histoire du droit des foires et des marchés. Ch. IX, Pigeonneau. I. L. 2. ch. 3. Schulte. I. Кар. 14, 30, 43. Goldschmidt. Die Geschäftsoperationen auf den Messen der Champagne. Zeitschr. für ges. Handelsrecht. B. 40. u Universalgeschichte des Handelsrechts. I. § 8, 7. Schaube. Zeitschr. für Sozial-u. Wirtschaftsgeschichte B. V. 1897.

[2]) Bourquelot. I. p. 72—74, 139 и сл. 299 сл. Goldschmidt I. p. 224—5. 234. Schulte. 156. Huvelin. 244—45. 250—51.

тѣмъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сходились всѣ пути торговаго обмѣна между сѣверомъ и югомъ“ [1]). Путь изъ Италіи въ Англію пересѣкалъ Шампань, и точно также путь изъ Средиземнаго моря по Ронѣ велъ прямо въ это графство. Но еще важнѣе, чѣмъ въ географическомъ отношеніи, было нейтральное и въ политическомъ отношеніи положеніе Шампани. „Графство Шампань—указываетъ Шульте—занимало въ эту эпоху очень выгодное положеніе въ политическомъ отношеніи. Оно было расположено непосредственно на границѣ Германіи и имѣло сообщенія съ другими странами, совершенно независимыя отъ Франціи, на югъ черезъ Арелатъ, на сѣверъ черезъ верхнюю Лотарингію. Шампань, которая находилась бы всецѣло подъ властью французскаго короля, вынуждена была бы принимать участіе во всѣхъ войнахъ Франціи, между тѣмъ какъ средневѣковая Шампань была настолько независима что могла избѣгнуть этихъ опасностей“. Графство Шампань представляло собою нейтральное государство между Германіей и Франціей, нейтральную почву, на которой сходились итальянцы, французы, нѣмцы [2]). Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній, господствовавшихъ между народами Европы, которые смотрѣли на всякаго иноплеменника, какъ на врага, купцы не рѣшались ѣздить въ чужую страну, рискуя быть тамъ ограбленными и убитыми. Торговый обмѣнъ могъ совершаться лишь на нейтральной полосѣ, и подобно тому, какъ въ древнемъ мірѣ и въ раннее средневѣковье племена сходились на порубежной чертѣ между ихъ территоріями для взаимнаго обмѣна продуктовъ, такъ и впослѣдствіи въ теченіи двухъ столѣтій всѣ торговыя сношенія западно-европейскихъ народовъ происходили на полосѣ, лежащей между Германіей, Франціей и Италіей, на нейтральной землѣ, въ независимомъ графствѣ Шампань.

Ярмарки въ Шампани происходили шесть разъ въ годъ въ четырехъ различныхъ мѣстахъ (двѣ въ Труа по верхней Сенѣ, двѣ въ Бри между Сеной и Марной, одна въ Баръ на р. Объ и одна въ Ланьи на-Марнѣ), причемъ онѣ чередовались, такъ что всѣ вмѣстѣ онѣ продолжались въ те-

---

[1]) Pigeonneau. I. p. 211.

[2]) Schulte I. p. 156–7. 345. 485.

ченіе почти всего года. Каждая ярмарка распредѣлялась на нѣсколько періодовъ: послѣ предварительныхъ восьми дней начиналась на девятый день суконная ярмарка, которая продолжалась десять дней и имѣла особенное значеніе въ Бри и Труа, за ней слѣдовала ярмарка кожанныхъ издѣлій и мѣховъ въ теченіе двѣнадцати дней. Одновременно съ суконной и съ кожевенной ярмаркой происходила ярмарка различныхъ товаровъ, соединенныхъ подъ общимъ названіемъ товаровъ, продаваемыхъ по вѣсу; среди нихъ наиболѣе важную роль играли пряности, благовонія и красильныя вещества Востока, какъ-то: перецъ, имбирь, корица, мускатъ, шафранъ, гвоздика, калганъ, лаванда, алой, квасцы, крапъ, пастель, лакрица и т. п. [1]). Въ 1286 году въ теченіе 213 дней было провезено на ярмарку мимо Шильона, у Женевскаго озера (гдѣ была таможня Вильневъ) 2,211 тюковъ французскаго и ломбардскаго сукна, 1,448 тюковъ шерсти и мѣховъ и 80 ластъ сукна и мелочного товара; въ 1294—1297 гг., въ теченіе почти трехъ лѣтъ, было уплачено пошлинъ съ 11,858 тюковъ и 722 ластъ [2]). Торговля сукномъ находилась въ рукахъ такъ называемой лондонской или фламандской Ганзы, въ составъ которой входило первоначально въ серединѣ XII вѣка 17 фламандскихъ городовъ; впослѣдствіи къ нимъ присоединились города Брабанта, Артуа, Нормандіи, Шампани, и количество городовъ возросло до 24, а въ XIII вѣкѣ и до 50 и 56. Купцы этихъ городовъ составляли особую организацію, торговую гильдію, которая имѣла своей цѣлью совмѣстное посѣщеніе какъ Англіи для пріобрѣтенія шерсти, такъ и ярморокъ Шампани для сбыта фламандскаго и французскаго сукна; члены союза обязывались придерживаться мѣръ, употребляемыхъ въ Шампани, и все произведенное сукно привозить до продажи въ другихъ мѣстахъ сюда на ярмарки [3]). Подобнымъ же образомъ нѣмецкіе города Страсбургъ, Аугсбургъ, Базель, Констанцъ привозили въ Шампань льняныя ткани, образуя также купеческія гильдіи, посѣщающія эти ярмарки [4]). Въ Шампань же до-

[1]) Bourquelot. I. 284—94.

[2]) Schulte. I. 164.

[3]) Koehne. Das Hansgrafenamt. Berlin. 1893. p. 205—16. Pigeonneau. I. p. 219. 114.

[4]) Schulte. I. 162—.

ставлялась англійская шерсть, испанская кожа. Пряности и ткани Востока сбывались здѣсь купцами итальянскихъ и южно-французскихъ городовъ. Первые образовали „союзъ итальянскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани и Францію“, въ составъ котораго входили какъ римскіе, такъ и тосканскіе и ломбардскіе купцы [1]). Однако, купцы этихъ городовъ занимались преимущественно торговлей шерстяными и шелковыми издѣліями; среди „épiciers“ мы находимъ почти исключительно генуэзцевъ и венеціанцевъ, кромѣ нихъ лишь купцы г. Сіены торгуютъ перцемъ, имбиремъ воскомъ. Кромѣ Венеціи и Генуи, также Монпелье и Марсель посылаютъ въ Шампань левантійскіе товары, возникаетъ корпорація провансальскихъ и корпорація ланге-докскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани [2]).

Такимъ образомъ, со всѣхъ концовъ Европы отправляются купеческіе караваны въ нейтральное мѣсто, на ярмарки Шампани, гдѣ они переходятъ съ мѣста на мѣсто въ теченіе всего года, сообразно переходу ярмарки изъ одного мѣста въ другое, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ времени наступленія и прекращенія церковныхъ празднествъ въ той или другой мѣстности, ибо лишь въ тѣ дни, когда происходило празднество въ честь святого, почитаемаго въ данномъ мѣстѣ, здѣсь господствовалъ „Божій миръ“. Купцы каждаго города составляли особую корпорацію, причемъ итальянскіе и фламандскіе вмѣстѣ съ южно-французскими купцами замѣняли эти корпораціи болѣе обширными союзами, въ составъ которыхъ входили купцы цѣлаго ряда городовъ. Каждая такая организація купцовъ имѣла собственное торговое подворье въ Шампани и представляла собою на ярмаркѣ самостоятельное цѣлое. Во главѣ ея стоялъ „capitaneus universitatis mercatorum“ или „Hansegraf“, который являлся представителемъ купцовъ, подобно консуламъ на Востокѣ. Готейнъ даетъ подробное описаніе организаціи купцовъ г. Констанца, посѣщавшихъ ярмарки Шампани. „На ярмаркахъ констанцкіе купцы составляютъ одно цѣлое. Они владѣютъ собственными подворьями въ Баръ, Труа, Провансѣ (Бри) и Ланьи, т. е. во всѣхъ четырехъ мѣстахъ,

[1]) Ibid. p. 160—61.

[2]) Heyd. II. p. 702—3. Schulte. I. p. 160.

гдѣ происходятъ ярмарки; ихъ факторіи имѣютъ много общаго съ конторами ганзейцевъ. Никто, кромѣ констанцкихъ купцовъ не вправѣ сбывать на ярмаркахъ произведенное въ Констанцѣ полотно, причемъ продавецъ долженъ быть собственникомъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ собственниковъ полотна, и другими участниками должны быть также обязательно граждане г. Констанца. Сбывать на ярмаркахъ можно, строго говоря, лишь изготовленное въ Констанцѣ полотно, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, дозволяется пріобрѣтать и въ другихъ мѣстахъ полотно для продажи; брать же его на комиссію запрещено. Уже за три дня до начала ярмарки матерій купцы могутъ продавать полотно въ своихъ подворьяхъ; при этомъ каждый купецъ обязанъ сообщить другому цѣну, по которой онъ продалъ, для предупрежденія конкуренціи между констанцкими купцами, для устраненія возможности сбиванія цѣнъ другъ у друга“ [1]). Эти правила установлены были городомъ Констанцомъ, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы полотно, изготовляемое въ Констанцѣ въ большомъ количествѣ, имѣло выгодный сбытъ въ Шампани, какъ центральномъ пунктѣ торговаго обмѣна. Изъ этихъ постановленій мы можемъ убѣдиться въ томъ, что купцы каждой мѣстности дѣйствительно представляли собою нѣчто цѣлое, и не только въ смыслѣ совмѣстной защиты общихъ интересовъ, какъ на пути, такъ и во время пребыванія въ Шампани, но и въ томъ отношеніи, что и цѣну привозимыхъ товаровъ они устанавливали сообща и этимъ устраняли всякую конкурренцію въ своей средѣ. Какъ мы указали, на эти ярмарки являлись купеческія гильдіи изъ различныхъ странъ и мѣстностей, и, обладая монопольнымъ положеніемъ при сбытѣ товаровъ того или другого рода, онѣ могли устанавливать монопольныя цѣны для сбываемыхъ ими предметовъ, руководствуясь не своими издержками, а исключительно тѣмъ, что въ состояніи платить сильные міра сего, для которыхъ предназначались эти продукты. Еслибы продавцы товаровъ были вмѣстѣ съ тѣмъ потребителями товаровъ, пріобрѣтаемыхъ ими въ обмѣнъ за собственныя, то очевидно, при монопольномъ положеніи

[1]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und der angrenzenden Landschaften. B. I. Strassburg. 1892. p. 459—60.

обѣихъ сторонъ, ни одна изъ нихъ не могла бы обогатиться на счетъ другой. Но въ дѣйствительности въ Шампань съѣжались купеческіе союзы и гильдіи, которые пріобрѣтали другъ у друга товары для продажи и, слѣдовательно, при покупкѣ пріобрѣтаемыхъ здѣсь товаровъ они не теряли фактической прибыли, которую они извлекали на привезенныхъ сюда продуктахъ при сбытѣ ихъ, ибо уплаченная монопольная цѣна возмѣщалась впослѣдствіи съ лихвой потребителями. Такъ, купеческій союзъ 17 городовъ, извѣстный подъ именемъ фламандской ганзы, имѣлъ возможность сбывать издѣлія фламандской и сѣверо-французской суконной промышленности по монопольной цѣнѣ, ибо въ эпоху процвѣтанія ярмарокъ Шампани, съ половины XII до половины XIV вѣка, ни флорентійской, ни англійской суконной промышленности еще почти не существовало, между тѣмъ, какъ фламандское сукно уже съ конца XII вѣка славилось своей тонкостью и изящнымъ видомъ. Выручая, напр., 100—200 проц. на сбытѣ сукна, фламандская ганза уплачивала, вѣроятно, такую же прибыль на перцѣ, имбирѣ, мускатномъ орѣхѣ и другихъ пряностяхъ, которыя она пріобрѣтала у генуэзцевъ и венеціанцевъ, ибо и послѣдніе обладали монополіей при сбытѣ своихъ товаровъ. Мы видѣли выше, сколь высоки были цѣны пряностей въ Шампани въ XIII вѣкѣ, но мы видѣли также, что въ Англіи цѣны стояли еще выше и, слѣдовательно, генуэзцы и венеціанцы, несмотря на занимаемое ими монопольное положеніе, не доходили до высшаго предѣла цѣны, предоставляя возможность союзу 17 городовъ, посѣщавшему и Англію, не только выручить уплаченную итальянскимъ купцамъ на ярмаркѣ цѣну, но еще извлечь значительную прибыль въ свою пользу. На парижскихъ пурпурныхъ тканяхъ, распространяемыхъ вплоть до Китая, торговцы наживали не менѣе ста процентовъ [1]).

Конечно, для каждой стороны было бы выгоднѣе вступить въ непосредственныя сношенія съ потребителями, ибо тогда вся прибыль осталась бы въ ея рукахъ. Доставляя

---

[1]) D'Avenel. Histoire économique de la proprieté, des salaires, des denrees et de tous les prix en géneral depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800. Paris. 1898. T. III p. 387.

свое сукно самостоятельно, а не черезъ посредство итальянскихъ купцовъ, въ Италію и далѣе на Востокъ, фламандская ганза могла бы извлечь изъ него гораздо большую прибыль, и точно также генуэзцы и венеціанцы могли бы реализовать всю возможную прибыль въ свою пользу, если бы они привозили перецъ и другія пряности во Фландрію, Брабантъ, Англію, а не ограничивались сбытомъ ихъ въ Шампани. Но Венеція не допускала фламандскихъ и нѣмецкихъ купцовъ къ торговлѣ съ Востокомъ, заставляя ихъ и впослѣдствіи пріобрѣтать левантійскіе товары изъ вторыхъ рукъ — въ итальянскихъ городахъ; зато сами итальянскіе города стали уже въ первой четверти XIV вѣка посѣщать Фландрію и Англію, обходя посредниковъ, минуя и ярмарки Шампани.

Значеніе послѣднихъ въ средневѣковой международной торговлѣ основывалось, какъ уже сказано, на ихъ нейтральномъ политическомъ положеніи и на томъ, что торговля того времени нуждалась въ нейтральномъ мѣстѣ, гдѣ могли бы встрѣчаться купцы различныхъ націй. Эта потребность съ теченіемъ времени все уменьшалась; чѣмъ чаще итальянцы, французы, фламандцы, нѣмцы встрѣчались въ Шампани, тѣмъ болѣе они привыкали къ мирнымъ торговымъ сношеніямъ съ чужеземцами, тѣмъ болѣе они научались уважать права иноплеменниковъ, и тѣмъ легче было убѣдить ихъ путемъ предоставленія имъ различныхъ торговыхъ привилегій пріѣзжать въ чужія страны, гдѣ торговля должна была доставлять имъ большія выгоды, чѣмъ въ Шампани. Раньше всего такая перемѣна должна была совершиться съ итальянскими купцами, которые и въ Европѣ стали проводить тотъ принципъ, котораго они придерживались на Востокѣ—пріобрѣтать продукты въ мѣстѣ ихъ производства и сбывать привезенные товары непосредственно потребителю; на Востокѣ имѣло значеніе преимущественно пріобрѣтеніе продуктовъ, въ Европѣ—продажа произведеній Востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шампань перестала быть нейтральнымъ мѣстомъ. Въ началѣ XIV вѣка герцогство вошло въ составъ французской монархіи, такъ что и на Шампани отражались тѣ войны, которыя вели французскіе короли; особенно сильный ущербъ ярмаркамъ нанесли войны между Франціей и фламандскими герцогами и городами и сто-

лѣтняя война между Франціей и Англіей. „Итальянцы и нѣмцы, хотя и не принимали участія въ этихъ войнахъ, тѣмъ не менѣе сильно страдали отъ нихъ, и старались вступить въ непосредственныя сношенія съ Фландріей, „причемъ итальянцы ѣздили уже не по Ронѣ и Сенѣ, а по Рейну или же моремъ“ [1]). „Торговыя сношенія между нѣмецкими и итальянскими купцами—говоритъ Шульте—которыя ранѣе происходили въ Шампани, приняли теперь непосредственный характеръ, совершались на родинѣ тѣхъ или другихъ, въ Германіи или Италіи. Такая же перемѣна произошла и въ характерѣ сношеній между Италіей съ одной стороны, и Фландріей и Англіей съ другой стороны. Товары не провозились болѣе чрезъ Шампань; во время войнъ купцы вынуждены были избѣгать эту страну“ [2]). Торговый путь измѣнилъ свое направленіе: торговля между Италіей и сѣверными странами направлялась теперь преимущественно черезъ Гибралтарскій проливъ и Бискайскій заливъ; генуэзцы и венеціанцы, а впослѣдствіи и флорентійцы, опытные моряки, рѣшились пуститься въ плаваніе по Атлантическому океану, установлены были ежегодные рейсы между итальянскими городами и Фландріей. Въ 1312 году первая венеціанская галера появляется въ гавани Анверъ и въ 20-хъ годахъ XIV вѣка итальянцы перестаютъ посѣщать Шампань; изъ нихъ остаются одни купцы Милана и Піаченцы, а вмѣстѣ съ итальянцами исчезаютъ и нѣмцы, ибо ихъ привлекали сюда, главнымъ образомъ, торговые обороты съ венеціанцами и генуэзцами [3]). Съ этихъ поръ начинается упадокъ ярмарки. Въ 1275 году таможенные доходы пяти ярмарокъ (кромѣ Ланьи) равнялись 5,800 ливрамъ, въ 1296 г. они возросли до 8,380 ливр., а въ 1340—1341 гг. упали на 1,152 ливр. [4]),

---

[1]) Huvelin, p. 257. Pigeonneau. I. 226.

[2]) Schulte. I, p. 347—48.

[3]) „Et pour icellui édit, n'osèrent véner és foires lesdits Flamands; si advint que li Genevois, qui sont de tous temps des plus grands marchans du monde et de la plus grand entreprinse, si se ordonnèrent à venir par mer en Flandres par Alemaigne, et firent par force rompre une roche en mer qui les empeschoit d'y venir et, dès lors ont eux et autres marchans des acoustumé à y aller et laissé à venir ès foires de Champaigne“... Bourquelot. T. II, p. 367—368.

[4]) Pigeonneau. I, p. 226. Schulte, p. 165. 348. D'Avenel. T. III. p. 458.

Въ XIV и XV вѣкѣ возникли, правда, новыя ярмарки въ другихъ мѣстностяхъ, но онѣ уже не имѣли универсальнаго значенія. Прежде всего стали устраиваться ярмарки въ Женевѣ и Ліонѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, находившихся неподалеку отъ Шампани и занимавшихъ столь же выгодное географическое положеніе, какъ и Шампань. Въ средніе вѣка имѣла наибольшее значеніе ярмарка, происходившая въ Женевѣ, которая, въ особенности въ XV вѣкѣ, являлась важнымъ торговымъ центромъ для Италіи, Франціи и южной Германіи, т. е. для южной части Европы; ганзейцы, англичане, жители сѣверныхъ странъ ихъ не посѣщали, да и фламандцы были рѣдкими гостями [1]). Другая часть обмѣна, происходившаго ранѣе въ Шампани, перешла во Фландрію, въ Брюгге, гдѣ сходился путь по сушѣ вдоль Рейна въ Англію и морской путь съ Ламанша къ Сѣверному морю, гдѣ итальянцы и испанцы встрѣчались съ ганзейцами и фламандцами [2]). Съ конца XIV вѣка пріобрѣли большое значеніе и нѣмецкія ярмарки въ Цурцахѣ и во Франкфуртѣ на-Майнѣ. Подобно рынкамъ ранняго средневѣковья, ярмарка въ Цурцахѣ происходила не въ городѣ, а на открытомъ мѣстѣ и возникла благодаря стеченію народа къ церковнымъ празднествамъ находившагося тамъ монастыря. Шультене сомнѣвается въ томъ, что уже въ XV вѣкѣ туда пріѣзжали итальянскіе купцы, и что слова Андреаса Риффа, что въ Цурцахъ „привозится и сбывается значительное количество товаровъ изъ Англіи, Нидерландовъ, Франціи, Лотарингіи, Бургундіи, Италіи и всей Германіи“ — относятся и къ концу средневѣковья. Франкфуртскія ярмарки, время которыхъ измѣнялось въ зависимости отъ церковныхъ праздниковъ, также посѣщались итальянцами, но еще большее значеніе онѣ имѣли для южной Германіи—изъ всѣхъ городовъ юго-западной Германіи отправлялись купеческіе караваны во Франкфуртъ на ярмарку; а впослѣдствіи и сѣверная Германія стала принимать въ нихъ участіе [3]). На-

[1]) Schulte, p. 485—86. Huvelin, p. 289—90.

[2]) Huvelin, p. 262—65. Schulte, p. 349. Warnkoenig. Flandrische Staats-und. Rechtsgeschichte bis zum J. 1305. B. II. Abt. 1. Tübingen. 1836. p. 118—121.

[3]) Schulte, p. 497—99. Kriegk. Frankfurter Bürgerzwiste und Zustände im Mittelalter. Frankfurt. 1862, p. 298 и сл. Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im. XIV—XV Jahrh. 1886, p. 504.

конецъ, важнымъ торговымъ центромъ стала Венеція. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ венеціанцы и генуэзцы перестали посѣщать Фландрію и Англію, обходя ярмарки Шампани, и нѣмцы стали ѣздить въ Венецію, замѣнивъ также торговлю на ярмаркахъ Шампани непосредственнымъ пріобрѣтеніемъ левантійскихъ товаровъ въ Венеціи. Сходство между торговлей итальянцевъ во Фландріи и нѣмецкой торговлей въ Венеціи заключается и въ томъ, что и тутъ, и тамъ ярмарочный обмѣнъ отходилъ на задній планъ; гораздо большее значеніе имѣла постоянная торговля, совершавшаяся въ теченіе всего года. Такимъ образомъ, съ начала XIV вѣка въ европейской торговлѣ произошла крупная перемѣна: временныя сборища купцовъ на нейтральной почвѣ во время церковныхъ празднествъ, купцовъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Европы въ одномъ центральномъ пунктѣ, замѣнились съ одной стороны постояннымъ торговымъ обмѣномъ въ различныхъ странахъ, куда не боялись уже пріѣзжать купцы изъ другихъ странъ, а съ другой стороны—ярмарками въ наиболѣе удобныхъ въ географическомъ отношеніи мѣстностяхъ, но не представлявшихъ собою нейтральной полосы земли, ярмарками, на которыхъ сосредоточивался торговый обмѣнъ только данной части Европы.

Какъ мы видѣли, во всей этой торговлѣ итальянцы играли первую роль: тѣ города, тѣ ярмарки, которыя они посѣщали, пріобрѣтали международное значеніе. Да это вполнѣ понятно. Чрезъ ихъ руки проходили произведенія Востока, которыя въ средневѣковомъ торговомъ обмѣнѣ играли наиболѣе важную роль, а съ XIV вѣка итальянцы снабжали Европу также издѣліями собственной шерстяной, шелковой, металлической и стеклянной промышленности, которыя вскорѣ завоевали себѣ почетное мѣсто на европейскомъ рынкѣ. Сравнительно съ этой важной ролью итальянцевъ, въ качествѣ поставщиковъ собственныхъ и чужихъ продуктовъ, несравненно меньшее значеніе имѣло ихъ посредничество въ сбытѣ европейскихъ товаровъ на Востокъ, ибо съ конца XIV вѣка фламандская суконная промышленность, посылавшая до того времени свои произведенія на Востокъ черезъ посредство итальянскихъ купцовъ, потеряла свое прежнее значеніе и изъ промышленности,

производившей для широкаго рынка, превратилась въ промыселъ чисто мѣстнаго характера [1]).

VI.

„Est enim veritas clara et evidens, quod patria Flandrie patria est mercancialis, quam cujus libet nacionis mercatores cotidie frequentant ac in eadem cotidie recipiuntur"—заявляли съ гордостью жители г. Брюгге въ средніе вѣка [2]). А жена Филиппа Краснваго, посѣтившая городъ въ 1301 году, воскликнула при видѣ горожанокъ: „я думала, что я здѣсь единственная королева, но я вижу цѣлыхъ шестьсотъ" [3]). И большимъ числомъ стекавшихся сюда купцовъ различныхъ національностей, и своимъ богатствомъ, являвшимся результатомъ бойкаго торговаго обмѣна, Брюгге былъ обязанъ съ одной стороны тому, что здѣсь устроили свою контору ганзейцы (о которыхъ рѣчь будетъ ниже), а съ другой стороны тому, что сюда пріѣзжали венеціанцы и генуэзцы съ левантійскими товарами. „Обратимся ли мы къ торговой книгѣ Пеголотти — говоритъ Гейдъ — или къ спискамъ товаровъ, провезенныхъ чрезъ таможни въ Дампе и Брюгге, или, наконецъ, посмотримъ реестръ ввозимыхъ во Фландрію товаровъ, составленный въ концѣ XIII вѣка, —повсюду мы встрѣтимъ пряности, благовонія, красильныя вещества, восточныя ткани, а въ качествѣ странъ происхожденія товаровъ найдемъ Византію, Сирію и Египетъ, Арменію и татарскія земли. При этомъ не встрѣчается почти никакихъ данныхъ относительно посѣщенія странъ Востока нидерландскими купцами. Какъ сбытъ издѣлій фламандской промышленности на Востокѣ, такъ и снабженіе Фландріи левантійскими товарами находилось въ рукахъ итальянцевъ [4]). Этотъ торговый обмѣнъ развился особенно съ тѣхъ поръ, какъ Венеція и Генуя установили правильные ежегодные рейсы во Фландрію, что произошло въ

[1]) Pirenne. B. II. p. 488 и сл.

[2]) Rogge. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge. Kiel. 1903, p. 7.

[3]) Huvelin, p. 262. Warnkoenig. B. II. T. 1. p. 119.

[4]) Heyd. II, p. 707.

началѣ 20-хъ годовъ XIV вѣка; первоначально галеры отправлялись въ Антверпенъ, но вскорѣ, уже въ началѣ 30-хъ годовъ этого столѣтія итальянцы перенесли свои факторіи въ Брюгге, и этотъ городъ въ теченіе XIV—XV ст. оставался ихъ складочнымъ мѣстомъ и центральнымъ пунктомъ фламандской торговли вообще. Уже въ XIII вѣкѣ торговля Брюгге достигла значительнаго развитія, но эпоха ея расцвѣта начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ установились правильныя сношенія между Брюгге и итальянскими городами, съ тѣхъ поръ, какъ на берегахъ Цвина выросли тѣ ложи, которыя придали вскорѣ городу космополитическій характеръ и изъ коихъ одна—дворецъ генуэзскихъ купцовъ, выстроенный въ 1398 г., сохранилась и до сихъ поръ. Къ этому времени относятся и слова, высказанныя французами, сопровождавшими дофина Людовика: „они никогда въ своей жизни не видѣли ни подобнаго богатства, ни такой роскоши и блеска“ [1]). Черезъ посредство венеціанскихъ и генуэзскихъ торговыхъ флотилій возникъ оживленный обмѣнъ продуктовъ между Египтомъ и Фландріей. Когда въ концѣ XIV вѣка проходъ генуэзскихъ и венеціанскихъ судовъ чрезъ Гибралтаръ былъ затрудненъ, вслѣдствіе нападеній пиратовъ, во Фландріи почти невозможно было достать многихъ товаровъ, привозимыхъ изъ Дамаска, Каира, Александріи, Венеціи, Неаполя и Генуи; особенно сильно поднялись цѣны на пряности. Но вскорѣ прежнія торговыя сношенія возобновились, а съ 20-хъ—40-хъ годовъ XV вѣка, кромѣ генуэзскихъ и венеціанскихъ галеръ стали появляться и флорентійскія. Среди семи рейсовъ, установленныхъ для флорентійской эскадры въ 1447 году, было опредѣлено и ежегодное плаваніе во Фландрію и Англію, причемъ рейсы были распредѣлены такъ, чтобы и сбытъ пряностей, и торговля шерстью и шелковыми тканями могли производиться наиболѣе удобнымъ образомъ [2]).

Мы указали на большое сходство между Венеціей и Брюгге въ торговомъ отношеніи; оба города являлись

---

[1]) Pirenne. Geschichte Belgiens. Gotha, 1899—1902. I. p. 291—2. II p. 225. 496—7.

[2]) Heyd. II. p. 709—711.

центрами и притомъ едва ли не единственными центрами международной торговли, замѣнившими собою ярмарки Шампани [1]). Но при всемъ сходствѣ бросается въ глаза и огромное различіе. Въ противоположность итальянцамъ, фламандскіе купцы никогда не устраивали факторій въ другихъ странахъ. Въ XII—XIII ст. они посѣщали Шампань и Англію; но съ конца XIII вѣка они постепенно перестали играть активную роль въ торговлѣ; всѣ товары привозились во Фландрію итальянцами и ганзейцами, отчасти также кастильскими и португальскими купцами; фламандцамъ не было надобности отправляться за ними куда-либо, они не нуждались и въ торговомъ флотѣ. Мало того, и въ самомъ Брюгге мѣстные жители занимали чисто пассивное положеніе въ торговомъ обмѣнѣ: въ то время, какъ венеціанцы не допускали непосредственныхъ сношеній между иностранными купцами, пріѣзжавшими въ Италію, требуя, чтобы они покупали всѣ товары у венеціанцевъ и продавали свои продукты также лишь венеціанцамъ, жители Брюгге ограничивались посреднической функціей маклеровъ въ торговыхъ сношеніяхъ между купцами различныхъ народностей, „Не имѣя торговаго флота,—говоритъ Пиренне—Брюгге являлся лишь маклеромъ христіанскихъ народовъ, для которыхъ онъ составлялъ центръ торговаго обмѣна. Лишь незначительная часть привозимыхъ сюда товаровъ была предназначена для Фландріи; большая часть сейчасъ же снова вывозилась оттуда“ [2]). Въ этомъ отношеніи Брюгге, слѣдовательно, вполнѣ напоминаетъ Шампань: и тутъ, и тамъ — мѣсто, гдѣ сходятся купцы и совершаютъ свои торговыя операціи, нисколько не стѣсняемые мѣстнымъ населеніемъ, которое вовсе не стремится захватить торговлю въ свои руки, хотя Брюгге уже не было мѣстомъ нейтральнымъ въ политическомъ и географическомъ отношеніи.

Съ тѣхъ поръ, какъ венеціанскія и генуэзскія галеры стали отправляться во Фландрію, онѣ начали правильно посѣщать и англійскія гавани, преимущественно Сандвичъ, Соутгемптонъ и Лондонъ, и съ этого времени значительно сократился подвозъ пряностей, производившійся ранѣе,

[1]) См. Schulte. I, p, 349.

[2]) Pirenne. I, p. 290—91. II. p. 226—27. 497—98.

нѣмецкими, въ особенности кельнскими, купцами. Король Эдуардъ III разрѣшаетъ генуэзцамъ „пріѣзжать въ Англію сколько разъ и когда имъ угодно, торговать и выручать прибыль, продавая и покупая товары, непроданные въ одномъ мѣстѣ товары перевозить во всякое другое мѣсто“— привилегіи очень широкія для того времени. Венеціанцамъ онъ также предоставилъ одинаковыя права съ туземными жителями, а Ричардъ II и Генрихъ IV еще болѣе расширили эти привилегіи. Флорентійскіе купцы играли въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, менѣе важную роль, чѣмъ генуэзцы и венеціанцы, ибо до половины XV вѣка они не имѣли собственнаго флота: они были не столько купцами, сколько банкирами, и лишь съ 1425 года и Флоренція стала посылать свои галеры въ Англію. „Генуэзцы— читаемъ въ Libell of Englishe Policye 1436 г.—пріѣзжаютъ въ Англію на огромныхъ галерахъ, наполненныхъ различными товарами: шитыми золотомъ тканями, масломъ для натиранія шерсти, поташемъ, перцемъ, шелкомъ, хлопкомъ, издѣліями изъ золота, пастелью и квасцами, а въ Англіи они нагружаютъ корабли шерстью и шерстяными матеріями различныхъ сортовъ и цвѣтовъ“ [1]). Въ „Сатирѣ на англійскую политику“ говорится: „Большія галеры Венеціи и Флоренціи до верху нагружены предметами роскоши, пряностями и колоніальными товарами, сладкими винами, обезьянами, бездѣлушками, которыя мало пользы приносятъ, но которыми они ловко ослѣпляютъ наши глаза. Безъ многихъ изъ этихъ товаровъ, товаровъ дорогихъ и обманчивыхъ, легко можно было бы обойтись. Тѣ же галеры увозятъ наши лучшіе товары—сукно, шерсть и олово“ [2]).

Такимъ образомъ торговля итальянскихъ купцовъ въ Англіи во многомъ напоминаетъ по своему характеру финикійскую торговлю въ древнія времена и торговыя сношенія европейцевъ съ (первобытными) народами другихъ частей свѣта въ XVII—XIX ст.: если не считать нѣкоторыхъ необходимыхъ для шерстяной промышленности продуктовъ, то, окажется, что бездѣлушки и предметы роскоши, производящіе сильное впечатлѣніе на малокультурное насе-

[1]) Schanz. Englische Handelspolitik. I, p. 112—121.

[2]) Cunningham. Growth of English Industry and Commerce. T. I. Русск. пер. Н. В. Теплова, Москва. 1904. Стр. 367.

леніе, обмѣниваются на предметы необходимости, которыхъ лишается страна [1]). Англійское населеніе—не только по этой причинѣ, но изъ вражды къ иностранцамъ вообще—относилось непріязненно къ итальянскимъ купцамъ, и первые рейсы итальянскихъ галеръ сопровождались кровопролитными столкновеніями. По этой же, повидимому, причинѣ венеціанцы, отправляя часть своей флотиліи въ Соутгемптонъ, запрещали гребцамъ выходить на берегъ и вообще больше посѣщали порты, расположенные у канала, чѣмъ самый Лондонъ, находящійся внутри страны. Впрочемъ и венеціанскія галеры производили нападенія на англійскихъ моряковъ и прибѣгали къ обманамъ при уплатѣ таможенныхъ пошлинъ. Но все это проходило безнаказанно: они находились подъ защитой короля [2]). Гораздо опаснѣе было для нихъ враждебное отношеніе со стороны возникавшаго въ Англіи торговаго класса, который жаловался на то, что итальянцы захватили въ свои руки всю иноземную торговлю и настаивалъ на томъ, чтобы они ввозили только произведенія собственной страны, но не товары изъ Испаніи, Португаліи, Бретани. Указывалось также на то, что „если-бы купцы Англіи на своихъ корабляхъ могли ѣздить и сами покупать товары и привозить ихъ въ Англію, тогда всѣ эти виды товаровъ были бы въ большемъ изобиліи и дешевле въ предѣлахъ королевства, а флотъ и торговля королевства находились бы въ лучшемъ состояніи, нежели они когда-либо были прежде и чѣмъ можно ожидать въ будущемъ“ [3]). Но всѣ эти требованія и жалобы оставались безрезультатными и итальянскіе купцы составляли большое препятствіе для возникновенія самостоятельной торговли въ Англіи. Пользуясь широкими привилегіями въ Англіи, они въ тоже время не допускали англійскихъ купцовъ въ Средиземное море; генуэзцы грабили появлявшіеся тамъ англійскіе корабли. Точно также и венеціанцы не допускали конкурренціи со стороны англичанъ. Своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ торговлѣ съ Англіей они были обязаны прежде всего тому, что „и король, и арис-

[1]) См. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, стр. 207—210.

[2]) Schanz I. p. 114, 119, 121. Кеннингэмъ I. Стр. 365.

[3]) Кеннингэмъ. I. 367.

тократія, и духовенство стояли на ихъ сторонѣ, ибо иностранцы доставляли имъ лучшіе товары и по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ мѣстные жители, давали имъ большія суммы взаймы, платили дороже за англійскіе сырые продукты, которые они пріобрѣтали у короля, духовныхъ и свѣтскихъ князей“ [1]). Къ этому присоединялись подарки, которые итальянскіе купцы доставляли королю и королевѣ. „Почему не прекращается подношеніе подарковъ, которые наносятъ несомнѣнный вредъ народу?“—спрашиваетъ авторъ цитированной выше сатиры. При такихъ условіяхъ понятно, почему одна угроза генуэзскихъ галеръ въ 1434 г. уѣхать обратно, заставила короля стать на ихъ сторону въ ихъ спорѣ съ таможенными властями [2]).

И Испанія получала произведенія Востока черезъ посредство итальянскихъ галеръ, отправлявшихся во Фландрію и Англію: послѣднія останавливались у Майорки, а затѣмъ приставали въ Аликанте, Альмеріи или въ Малагѣ, а проѣхавъ черезъ Гибралтаръ, заѣзжали въ Кадиксъ, откуда легко было достигнуть Севильи и Лиссабона, снабжая такимъ образомъ пряностями, ароматическими веществами и москательными товарами всю южную часть Испаніи; лишь Каталонія не входила въ этотъ районъ, ибо Барселона, какъ мы видѣли выше, находилась въ самостоятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. Однако, торговые обороты Барселоны распространялись лишь на Каталонію и прилежащія области: въ другія мѣстности восточные товары доставлялись венеціанцами и генуэзцами, тогда какъ флорентійцы преимущественно привозили свое сукно, обмѣнивая его на испанскіе продукты [3]).

Во французскія гавани генуэзскія флотиліи обыкновенно не заѣзжали; во Францію частью снаряжались спеціальныя галеры, въ Aigues-Mortes, Монпелье, Марсель, Авиньонъ, частью отправлялись караваны сушей. Хотя провансальцы и совершали самостоятельныя плаванія на Востокъ, однако привозимыхъ ими оттуда продуктовъ не хватало даже для южной Франціи, а тѣмъ болѣе для средней и сѣвер-

[1]) Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. B. II. 1904. Handelspolitik, p. 579.

[2]) Schanz I. p. 116. 121.

[3]) Heyd. II. p. 712—14.

ной части страны. Вслѣдствіе этого уже въ XIII вѣкѣ итальянцы, именно генуэзцы и венеціанцы, помимо посѣщенія Шампани, посылали свои галеры въ города южной Франціи, а въ XIV и XV ст., когда торговыя сношенія между южной Франціей и Востокомъ сократились, весь французскій рынокъ очутился въ рукахъ итальянскихъ купцовъ: французы XV вѣка жаловались на то, что вся торговая прибыль попадаетъ къ итальянцамъ, ибо венеціанцы ежегодно сбываютъ во Франціи пряностей на сумму въ 400,000 талеровъ [1])

Наконецъ, въ южной Италіи венеціанцы со времени императора Фридриха II пользовались полной свободой торговли товарами всякаго рода на протяженіи королевства обѣихъ Сицилій, а равно исключительными привилегіями судебнаго, финансоваго и административнаго характера, послѣдствіемъ чего являлось сосредоточеніе всей внѣшней торговли южной Италіи въ ихъ рукахъ. Но занимая монопольное положеніе въ южной Италіи, венеціанцы не только не предоставляли такихъ же правъ жителямъ этихъ мѣстностей у себя въ Венеціи, но вообще не дѣлали для нихъ никакихъ исключеній изъ тѣхъ ограничительныхъ правилъ, которыя были установлены для купцовъ прочихъ національностей, пріѣзжавшихъ въ Венецію. Торговцы южно-итальянскихъ городовъ могли торговать въ Венеціи только съ венеціанцами и только собственными продуктами, пошлины они уплачивали столь же высокія, какъ и прочіе купцы; дальше Венеціи они ѣхать не могли—путь на Востокъ былъ для нихъ закрытъ. Въ результатѣ активная торговля южной Италіи играла совершенно ничтожную роль [2]).

Среди всѣхъ западно-европейскихъ странъ одна лишь Германія составляла исключеніе. Не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы она обходилась безъ посредничества сѣверо-итальянскихъ городовъ при пріобрѣтеніи левантійскихъ товаровъ, ибо нѣмцамъ приходилось обращаться за произведеніями Востока къ тѣмъ же итальянскимъ купцамъ, причемъ во многихъ случаяхъ эти продукты доставлялись и имъ тѣми же венеціанскими и генуэзскими галерами, которыя совершали рейсы между Италіей, Испаніей, Флан-

[1]) Pigeonneau I. 240—42, 278—9, 325—27, Heyd II, p. 701—702, 705—6.
[2]) Yver. p. 183 и сл., 279—288.

дріей и Англіей. Но эти товары привозились итальянскими купцами только до Брюгге, въ Брюгге же пріѣзжали нѣмцы (ганзейцы) и самостоятельно уже распредѣляли произведенія Востока между сѣверной Германіей, Скандинавскими странами, Русью. Еще важнѣе были непосредственныя сношенія между Германіей и Италіей, совершавшіяся сушей черезъ альпійскіе проходы. Въ этомъ сухопутномъ торговомъ обмѣнѣ активная роль принадлежала нѣмецкимъ купцамъ. Хотя уже съ начала XIII вѣка мы встрѣчаемъ итальянскихъ купцовъ въ германскихъ, особенно южно-германскихъ городахъ, но они имѣли значеніе лишь для денежной, а не для товарной торговли: послѣдняя производилась нѣмцами, ѣздившими въ Италію для обмѣна собственныхъ сырыхъ продуктовъ на пряности и издѣлія восточной и итальянской промышленности. Среди городовъ, изъ которыхъ отправлялись купцы въ Италію, мы встрѣчаемъ почти исключительно южно-германскіе (австрійскіе и швейцарскіе) и западные (прирейнскіе) города, именно Вѣну, Энсъ, Линцъ, Зальцбургъ, Гмунденъ, Лайбахъ; Регенсбургъ, Биберахъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Равенсбургъ, Констанцъ; Базель, Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Кельнъ. Изъ ганзейскихъ городовъ въ этой торговлѣ участвовалъ, кромѣ Кельна, только одинъ Любекъ [1]). Изъ всѣхъ этихъ городовъ отправлялись купеческіе караваны въ Венецію, которая являлась центральнымъ пунктомъ итальянско-германскаго торговаго обмѣна. Здѣсь нѣмецкіе купцы имѣли собственное подворье (фондако), одно изъ наиболѣе красивыхъ и благоустроенныхъ зданій средневѣковаго періода, которое давало венеціанцамъ возможность производить бдительный надзоръ за всѣми операціями пріѣзжихъ купцовъ. „Покупка и продажа товаровъ, упаковка и распаковка ихъ, пребываніе въ фондако—гдѣ взимались пошлины и осматривались всѣ деньги и товары,—все это подлежало строжайшему контролю со стороны венеціанскаго правительства“ [2]). Этотъ надзоръ не составляетъ конечно чего-либо характернаго для Венеціи, точно такъ-же какъ и

[1]) Stieda. Hansisch-venetianische Handelsbeziehungen im 15. Jahrhundert. Rostock, 1894. p. 4.

[2]) Simonsfeld. Der Fondaco bei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart. 1887, B. II, p. 29.

многія изъ ограниченій, которымъ подвергались нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе туда, какъ, напр., обязанность жить въ фондако, совершать куплю-продажу лишь въ присутствіи маклеровъ,—все это представляетъ собою явленіе, общераспространенное въ тѣ времена, вытекающее изъ характера междуплеменныхъ отношеній. Но въ Венеціи всѣ эти ограниченія были сведены въ цѣлую строго проведенную систему; этими мѣрами имѣлось въ виду не только устранить возможность враждебныхъ столкновеній между венеціанскими гражданами и иностранцами, не только создать для первыхъ болѣе выгодныя условія въ торговлѣ,—Венеція преслѣдовала несравненно большую, гораздо труднѣе достижимую цѣль: она старалась монополизировать въ своихъ рукахъ весь торговый обмѣнъ между Востокомъ и Западомъ. Поэтому нѣмецкимъ купцамъ не только запрещалось продавать товары въ розницу или совершать торговыя операціи съ другими иностранными купцами, но—что составляетъ уже особенность венеціанской торговли—имъ не дозволялось привозить какіе-либо товары, кромѣ нѣмецкихъ. Они не могли доставлять въ Венецію тосканскихъ или ломбардскихъ издѣлій, а тѣмъ менѣе фламандскихъ или англійскихъ продуктовъ, йбо это значило бы отнять прибыль у венеціанской эскадры, посѣщавшей Нидерланды и Англію. „За всѣ другіе товары, кромѣ нѣмецкихъ—говоритъ Зимонсфельдъ—нѣмецкіе купцы уплачивали болѣе высокую пошлину; венеціанцы же, пріобрѣтавшіе у нихъ фламандскіе или англійскіе товары, должны были даже вознаграждать за это капитановъ или владѣльцевъ фламандскихъ галеръ“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкіе купцы вынуждены были пріобрѣтать на всю вырученную сумму товары у венеціанцевъ: деньги запрещалось вывозить изъ Венеціи; это содѣйствовало расширенію сбыта венеціанскихъ товаровъ [2]). Но еще строже Венеція слѣдила за тѣмъ, чтобы нѣмцы сами не ѣздили на Востокъ, чтобы они не могли везти дальше непроданные въ Венеціи товары или пріобрѣтать произведенія Востока помимо венеціанцевъ. „Этого не могла допустить Венеція, которая смотрѣла на все Адріатическое море, какъ на свое море, на

[1]) Simonsfeld. II. p. 31—32.

[2]) Simonsfeld. II. p. 31. Stieda, hanseatisch-venetianische Handelsbeziehungen. p. 17.

свою собственность, всю торговлю съ Востокомъ считала принадлежащей ей монополіей“ [1]). Всѣ тѣ драгоцѣнности, которыя являлись предметомъ торговаго обмѣна между Западомъ и Востокомъ, должны были проходить черезъ руки венеціанцевъ; провозглашенная теорія о единовластіи Венеціи у Адріатическаго моря должна была стать дѣйствительностью. „Нѣмецкій купецъ, пріѣзжавшій въ Венецію, находился уже въ морѣ, онъ плавалъ на гондолахъ въ соленой водѣ, но дальше въ открытое море его все-таки не пускали. Здѣсь его иниціатива встрѣчала преграду, здѣсь его предпріимчивости былъ положенъ предѣлъ. Онъ не могъ нарушить ту монополію въ торговлѣ, которую успѣла создать себѣ съ такимъ умѣньемъ и послѣ столькихъ трудовъ адріатическая республика“ [2]). Но эти стѣсненія составляли для нѣмецкихъ купцовъ меньшее изъ двухъ золъ: имѣя возможность закупать левантійскіе товары въ Венеціи, они освобождались отъ конкурренціи итальянскихъ купцовъ въ самой Германіи, тогда какъ во Франціи итальянцы вплоть до XVI—XVII ст. держали въ своихъ рукахъ торговлю какъ товарную такъ и денежную [3]).

Обороты венеціанско-германской торговли были несомнѣнно значительны. Утверждая, что торговые обороты въ средніе вѣка были крайне невелики [4]), Зомбартъ упустилъ изъ виду тѣ цифровыя данныя, которыя имѣются относительно торговаго обмѣна между Венеціей и германскими городами. Венеціанецъ Паоло Морозини въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ до 1472 года, опредѣляетъ обороты нѣмецкихъ купцовъ въ Венеціи въ 1 милл. дукатъ ежегодно. Рыцарь Арнольдъ Гарффъ изъ Кельна, который въ 1497 году, во время своего путешествія въ Іерусалимъ, останавливался въ фондако, сообщаетъ со словъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ, что пошлины, уплачиваемыя послѣдними, составляютъ не менѣе 100 дукатовъ въ день. Болѣе свѣдущій въ этихъ вопросахъ Феликсъ Фабри называетъ нѣсколько меньшую, но все же очень значительную для того времени сумму: по его мнѣнію, Венеція выручаетъ ежегодно

[1]) Simonsfeld. II. p. 36.
[2]) Schulte p. 354—55.
[3]) Schmoller. Grundriss. II. p. 572.
[4]) Sombart. Kapitalismus. B. I. p. 163—174.

20 тыс. дукатовъ въ видѣ таможенныхъ сборовъ [1]). И обороты отдѣльныхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Венеціи выражаются въ крупныхъ цифрахъ. Такъ, въ 1358 году одинъ венеціанецъ купилъ въ фондако 1,045 штукъ холста (привезеннаго изъ Германіи); а десять лѣтъ спустя одинъ вѣнскій купецъ привезъ въ Венецію 18,000 фунтовъ мѣди. Въ 1420 году въ фондако находилось двѣ тысячи фунтовъ янтаря (четки) непроданныхъ, причемъ на прибывшихъ въ это время галерахъ былъ привезенъ новый грузъ изъ Любека черезъ Брюгге. Одинъ нюрнбергскій купецъ получилъ въ 1424 году 3,000 кроличьихъ шкурокъ изъ Венеціи, а другой купецъ послалъ туда въ 1425 году 425 штукъ лисьяго мѣха. Хорошее представленіе объ оборотахъ нѣмецкихъ купцовъ въ Венеціи даетъ тотъ фактъ, что Германъ Рекъ изъ Нюрнберга бѣжалъ въ 1432 году изъ Венеціи, оставивъ долговъ на сумму въ 25,000 дукатовъ [2]). Еще любопытнѣе свѣдѣнія, которыя мы извлекаемъ изъ писемъ и документовъ торговой компаніи, состоявшей изъ двухъ братьевъ Гильдебрандта и Зигфрида Векинхузенъ, Генриха Слипера, Тидемана Брекенвельда, Ганса фонъ-Миндена, Ганса Франке и двухъ Карбовъ—дяди и племянника. Члены этого полнаго товарищества жили въ различныхъ мѣстностяхъ—одни въ Венеціи, другіе въ Кельнѣ, третьи въ Брюгге, четвертые въ Любекѣ. Торговыя операціи состояли съ одной стороны въ покупкѣ пряностей и благовоній въ Венеціи и сбытѣ ихъ въ Любекѣ и Брюгге, а съ другой стороны—въ вывозѣ въ Венецію англійской шерсти, любекскихъ кожаныхъ и янтарныхъ издѣлій, а также мѣховъ пушныхъ звѣрей. Послѣднихъ было закуплено въ 1408 году въ Любекѣ, Кельнѣ и Брюгге и послано въ Венецію на сумму въ 16,958 любекскихъ марокъ (или столько же дукатовъ), въ томъ же году было продано въ Венеціи англійской шерсти и сукна на 3,249 мар., саржи (изъ Аугсбурга или Ульма) на 5,666 мар. и кожаныхъ чулокъ (изъ Любека) на 656 мар., а всего обороты компаніи въ теченіе одного 1409 года составляли свыше 60,000 марокъ, Въ слѣдующемъ году одинъ изъ товарищей Петръ Карбовъ пріобрѣлъ въ теченіе Рождества и января

[1]) Simonsfeld. II. p. 37—38.

[2]) Simonsfeld, I. NN. 168, 216, 387, II. p. 38, Schulte, I, p. 355. Stieda. Hans.—ven. Handelsbez. p. 5.

мѣсяца пряностей на 12,000 дукатовъ, а спустя два мѣсяца отправилъ ихъ еще на 5,000, а затѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послалъ оттуда въ Брюгге хлопка на 6,000 дукатовъ [1]).

Нѣмецкіе купцы посѣщали и другіе итальянскіе города, какъ, напр., Миланъ, Неаполь, Комо, Торно. Но въ этихъ городахъ, какъ и во Флоренціи, торговля имѣла совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Венеціи: здѣсь уже не производился обмѣнъ произведеній двухъ міровъ; нѣмецкіе купцы пріѣзжали сюда лишь ради пріобрѣтенія издѣлій итальянской промышленности, которыя не производились въ Германіи вовсе, какъ, напр., шелковыя, стеклянныя издѣлія, или которыя отличались здѣсь особеннымъ качествомъ, какъ шерстяныя ткани, оружіе и т. под. Болѣе важна была торговля съ Генуей. „Въ Генуѣ—говоритъ Гейдъ въ своемъ изслѣдованіи о равенсбургской торговой компаніи—компанія не только находила рынокъ для сбыта и пріобрѣтенія товаровъ, но и гавань, изъ которой можно было отправлять товары на какихъ угодно судахъ, а также рынокъ для пріобрѣтенія товаровъ, привозимыхъ прибывавшими туда кораблями“ [2]). Это обстоятельство имѣло наибольшее значеніе. Въ то время, какъ Венеція не допускала нѣмецкихъ купцовъ къ морю, въ Генуѣ они имѣли открытый доступъ къ Средиземному морю. Купцы Констанца и Равенсбурга, Аугсбурга и Нюрнберга и среди нихъ въ особенности члены равенсбургской компаніи пользовались этой возможностью доступа къ морю и посылали свои товары въ испанскіе города Барселону, Валенсію, Аликанте, Перпиньянъ, а оттуда, пересѣкая Средиземное море, направлялись въ Рагузу, достигая, такимъ образомъ восточнаго побережья Адріатическаго моря, куда они черезъ Венецію не могли попасть. Въ Испанію нѣмецкіе купцы привозили (преимущественно на генуэзскихъ судахъ) холстъ изъ Констанца, а также пряжу и полубумажныя матеріи (бархентъ) и вывозили оттуда испанскую шерсть, кораллы, фрукты и вино; въ Рагузу они посылали шерсть изъ Каталоніи, Валенсіи, Тортозы [3]).

---

[1]) Stieda. p. 37—48

[2]) Heyd. Die grosse Ravensburger Gesellschaft. (Beiträge zur Geschichte des deutschen Handels). Stuttgart. 1890. p. 25.

[3]) Heyd. Ravensburger Gesellschaft. p. 29—38, 41—43. Schulte. p. 543—48.

И на мѣстѣ, въ самой Генуѣ производился значительный торговый обмѣнъ привозимыхъ нѣмецкими купцами товаровъ на пряности и благовонія Востока. Нюрнбергскій купецъ Ульманъ Штромеръ упоминаетъ въ своей записной книжкѣ о самыхъ разнообразныхъ товарахъ, купленныхъ и проданныхъ въ Генуѣ. Къ первымъ Шульте относитъ перецъ, корицу и гвоздику, калганъ, ладанъ, цытварный корень, шафранъ, имбирь, мускатный цвѣтъ и другія пряности, жемчугъ, шелковыя ткани, ко вторымъ — мѣдь (вѣсъ нюрнбергскій), холстъ (мѣра констанцкая), мѣха, брабантское сукно [1]). Однако, въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ возможности пріобрѣтенія восточныхъ товаровъ, нѣмецкіе купцы гораздо болѣе дорожили своими торговыми сношеніями съ Венеціей. Если Венеція называла фондако „optimo membro di questa sita“, а отсутствіе нѣмецкихъ купцовъ считала крайне пагубнымъ для себя, „ибо для вывоза товаровъ, привозимыхъ водой въ большомъ количествѣ, мало путей изъ фондако“, — то и нѣмецкіе города, несмотря на троекратное запрещеніе императора Сигизмунда (въ началѣ XV вѣка) торговать съ Венеціей, несмотря на то, что рыцари, согласно разрѣшенію императора, сосредоточили свои нападенія и грабежи на дорогахъ, ведущихъ въ Венецію—все-таки продолжали торговыя сношенія съ Венеціей, которые, по выраженію Стиды, являлись для обѣихъ сторонъ какъ бы созданными самой природой. Сигизмундъ предлагалъ какъ ганзейскимъ, такъ и южно-германскимъ городамъ замѣнить Венецію, съ которой онъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ, Миланомъ и въ особенности Генуей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и генуэзцы указывали на выгоды, которыя нѣмецкимъ купцамъ принесетъ посѣщеніе Генуи, взамѣнъ Венеціи, и перенесеніе торговаго центра въ Геную. Сюда относится: гораздо большая вмѣстимость генуэзскихъ судовъ, по сравненію съ венеціанскими, меньшія таможенныя пошлины и сборы, взимаемые въ Генуѣ, полная свобода при продажѣ привезенныхъ товаровъ. Въ Генуѣ купцы не будутъ вынуждены ни проводить ночь въ особо указанномъ мѣстѣ (въ фондако), ни продавать товары по установленной цѣнѣ (какъ въ Венеціи), ни пріобрѣтать товары на всю сумму, вырученную при сбытѣ

[1]) Schulte. I. p. 543.

привезенныхъ товаровъ. Наконецъ, на генуэзскихъ судахъ они могутъ сами отправляться на Востокъ. Однако, всѣ эти выгоды не могли прельстить нѣмецкихъ купцовъ, и они даже не воспользовались возможностью ѣздить въ страны Востока. Они остались вѣрными Венеціи: запреты императора не исполнялись и въ концѣ концовъ, видя всю ихъ безплодность, ему пришлось отмѣнить ихъ совершенно [1]).

VII.

Въ цитированномъ выше изслѣдованіи о ганзейско-венеціанскихъ торговыхъ сношеніяхъ Стида сгруппировалъ любопытныя данныя относительно цѣнъ различныхъ товаровъ въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка. Это цѣны, по которымъ покупали и продавали товары члены упомянутаго нами выше товарищества Векингузенъ, Карбовъ и К°. Такъ какъ относительно многихъ товаровъ мы имѣемъ какъ покупныя, такъ и продажныя цѣны, то мы можемъ вычислить ту прибыль, которая выручалась при сбытѣ различныхъ продуктовъ. При этомъ необходимо съ одной стороны прибавить къ покупной цѣнѣ стоимость провоза и пошлины (что составляло между Брюгге и Венеціей, какъ видно изъ стр. 97, 100 и 110 книги Стида, не болѣе $^1/_7$ покупной цѣны), а съ другой стороны уменьшить продажныя цѣны, ибо при покупкѣ указана обыкновенно стоимость венеціанскаго фунта при продажѣ—фламандскаго или прусскаго фунта, которые на $^1/_4$ больше венеціанскаго. Произведя оба вычисленія, получимъ приблизительно слѣдующую разницу въ цѣнахъ (въ грошенахъ) при покупкѣ и продажѣ и прибыль, вырученную на важнѣйшихъ пряностяхъ [2]):

	Покупная цѣна (плюсъ расходы)	Продажная цѣна.	Разница.	Прибыль въ проц. покупной цѣны.
Перецъ	$5^1/_4$—$8^1/_2$	9—$16^1/_2$	$3^3/_4$ — 8	70—100
Имбирь	8— $11^1/_2$	14	$2^1/_2$ — 6	30— 50
	8	10—27	2—19	25—237
Корица	8	15—31	7—23	87—287
Гвоздика . .	11—$12^1/_2$	23—$25^1/_2$	12—13	100
Мускатный орѣхъ	6—$13^1/_2$	13—23	7— $9^1/_2$	75—115

[1]) Stieda. Hansisch—venetianische Handelsbeziehungen. p. 1.—36.
[2]) Stieda. Hans.-venet. Handelsbez. p. 97—111.

Мускатный цвѣтъ	8—34¼	27—65	19—29¾	87—237
Калганъ	11½	64	52½	450
Кардамонъ . . .	6	16—45	10—39	165—650
Цытварный корень	6	13½—30	7½—24	125—400
Шафранъ	32—46	63—99	31—53	100—115

Такимъ образомъ, компанія выручала на пряностяхъ очень значительную прибыль, составлявшую въ среднемъ 100—200 проц. продажной цѣны. Подобная прибыль была повидимому обычной въ торговлѣ того времени [1]); по крайней мѣрѣ купцы южно-германскихъ городовъ Констанца, Регенсбурга, Аугсбурга, Равенсбурга, Ульма, Базеля, принимавшіе участіе въ торговлѣ пряностями съ Венеціей, Генуей, Фландріей, Испаніей, въ короткое время наживали огромныя богатства, о которыхъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся записи поимущественнаго обложенія. „Изъ источниковъ видно,—говоритъ Шульте—что торговый домъ Мунтпратъ въ Констанцѣ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ Фландріей, Испаніей, Венеціей и мы имѣемъ всѣ основанія относить семью Мунтпратъ къ числу крупныхъ коммерсантовъ. И дѣйствительно, ихъ торговые обороты очевидно достигали обширныхъ размѣровъ. Въ древнѣйшемъ реестрѣ налоговъ г. Констанца 1418 г. братья Лютфридъ и Гансъ являются богатѣйшими жителями города: ихъ движимое имущество въ видѣ товаровъ и денегъ равнялось 37½ тыс. фунт. — сумма огромная для того времени". Въ 1433 г. ихъ имущество достигало уже 95 тыс. фунт., а въ 1447 г. 132½ тыс. фунт. Въ Равенсбургѣ наибольшею извѣстностью пользовались семейства Меттели и Гумпись, стоявшіе во главѣ „Великой Равенсбургской Компаніи", которая вела торговлю съ Генуей и Миланомъ, съ Барселоной и Валенсіей, съ германскими и нидерландскими городами. Они и въ народѣ слыли людьми,

[1]) Впрочемъ на сбытѣ промышленныхъ издѣлій купцы не извлекали повидимому столь значительной прибыли. По крайней мѣрѣ гамбургскій купецъ XIV вѣка Вико фонъ Гельдерсенъ выручалъ на сукнѣ всего 19—29 проц., а иногда прибыль опускалась и до 9—15 проц. (Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. 1895 p. LXVIII). Наоборотъ, сбытъ англійской шерсти во Флоренціи доставлялъ 75—90 проц. чистой прибыли. (Doren. p. 111.

создавшими себѣ богатство торговыми операціями. И дѣйствительно, вплоть до 70-хъ и 80-хъ годовъ XV вѣка и тѣ и другіе являлись богатѣйшими гражданами Равенсбурга, но затѣмъ они постепенно стали прекращать свои коммерческія операціи, стали выходить изъ компаніи, превращаясь въ помѣстныхъ дворянъ и теряя свое состояніе: сказочный родъ богатыхъ коммерсантовъ уступилъ свое мѣсто бѣднѣющимъ, постоянно занятымъ тяжбами дворянамъ. Другіе участники компаніи — Гельдрихъ, Нидеггъ также отличались своимъ богатствомъ, какъ это можно усмотрѣть изъ налоговыхъ списковъ [1]). Къ Равенсбургской компаніи принадлежали также знатные роды г. Ульма,—Эгингеръ и Бессереръ: ихъ богатство въ теченіе XV вѣка (съ 1427 по 1499 гг.) значительно возрастаетъ. Въ Базелѣ въ 1453 г. насчитывалось всего 26 лицъ, обладавшихъ имуществомъ въ 5 тыс. гульд. и болѣе, среди нихъ члены торговаго дома Ирми, занимавшіеся экспортомъ сукна, и купецъ Клаусъ Шмидлинъ, имѣвшій 9.500 гульд. (въ 1446 г.) [2]).

Много свѣдѣній мы имѣемъ относительно Аугсбурга, благодаря Стридеру. Изъ произведенныхъ имъ изслѣдованій видно, что всѣ накопленныя въ XIV и XV ст. богатства составляли результатъ вырученной въ торговлѣ прибыли [3]). Такъ Гансъ Ремъ продалъ въ 1357 г. все свое недвижимое имущество за 500 флор. и съ этимъ капиталомъ сталъ торговать съ Венеціей. Уже въ 1376 г. онъ въ состояніи

---

[1]) Schulte. I. p. 610 и сл. 624 и сл. 636.

[2]) Schulte. I. p. 614, 647, 663.

[3]) При этомъ надо имѣть въ виду, что накоплялась въ тѣ времена далеко не вся вырученная прибыль, а быть можетъ лишь незначительная часть ея.—Любопытно, что флорентійскій торговый домъ Медичи, занимавшійся (во второй половинѣ XIV и въ XV ст.) не только банкирскими операціями (какъ обыкновенно утверждаютъ), но—какъ доказалъ на основаніи сохранившихся торговыхъ книгъ Зивекингъ—въ столь же (а быть можетъ, еще болѣе) обширныхъ размѣрахъ и торговлей товарами (пряностями всякаго рода, шелковыми и суконными тканями, мѣхами и т. п.), въ особенности съ Брюгге, южной Франціей, восточной Испаніей, весьма небольшую часть извлекаемой въ торговлѣ прибыли присоединялъ къ капиталу, тогда какъ наибольшая часть употреблялась на личные расходы участниковъ. (Sieveking. Die Handelsbücher der Medici. Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. B. CLI. 1905).

былъ соорудить часовню при соборной церкви, а въ 1396 г., когда онъ умеръ, онъ принадлежалъ къ богатѣйшимъ гражданамъ города, являясь однимъ изъ четырехъ жителей, уплачивавшихъ свыше 100 флор. поимущественной подати. Его имущество равнялось въ этомъ году 8,800 флор., т. е. успѣло увеличиться болѣе чѣмъ въ 16 разъ за 39-лѣтній періодъ [1]). Гансъ Мейтингъ обладалъ въ 1409 году имуществомъ въ 600 флор., унаслѣдованнымъ отъ отца, и съ такимъ капиталомъ онъ началъ свои торговыя операціи. Въ 30-хъ годахъ XV вѣка, а можетъ быть еще раньше, онъ вмѣстѣ съ сыновьями, основалъ мейтингскую компанію, наибольшую торговую компанію Аугсбурга въ тѣ времена, которая (какъ сообщено было въ 1437 г. герцогу Людовику Баварскому по его просьбѣ) занималась торговлей съ Венеціей. Изъ податныхъ списковъ видно, что имущество Ганса Мейтинга и его сыновей возростало все болѣе и болѣе. Въ 1448 г. Гансъ Мейтингъ умеръ, оставивъ имущество въ 24 тысячи флор.; сыновья же его — компаньоны имѣли въ этомъ году: старшій 12 тысячъ, второй около 6 тыс. и третій болѣе $4^1/_2$ тысячъ. Такимъ образомъ, за 40 лѣтъ капиталъ въ 600 флор, успѣлъ возрасти до $46^1/_2$ тыс. флор., т. е. увеличился въ 80 разъ. За все это время фирма Мейтингъ занималась исключительно торговлей товарами: шафраномъ и другими пряностями (торговля съ Венеціей), виномъ и лошадьми (торговля съ Вѣной), а быть можетъ отчасти и серебромъ. Лишь въ 60-хъ годахъ участники ея, подобно многимъ другимъ коммерсантамъ Аугсбурга, перешли отъ „солидной“ торговли товарами къ денежной торговлѣ, ставъ банкирами императоровъ и князей [2]). Представитель третьяго знатнаго рода г. Аугсбурга Гансъ Гервартъ началъ свою торговую дѣятельность (съ Венеціей) съ капиталомъ въ 200 флориновъ, а спустя 17 лѣтъ онъ обладалъ уже капиталомъ въ десять разъ большимъ. Племянникъ его Лука Гервартъ также велъ торговлю съ Венеціей; въ 1460 г. онъ женился на дочери другого купца

[1]) Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus, — Forschungen zur Entstehung der grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgange des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg. Leipzig. 1904. p. 60.

[2]) Strieder, p. 103—107.

Ульриха Эртвейна, который въ теченіе 10 лѣтъ успѣлъ увеличить свой капиталъ съ 5,000 до 13,600 флор. Въ 1474 г. Гервартъ и Эртвейнъ соединили свои капиталы (2,900 и 13.600 флор.) въ одно общее предпріятіе и въ 1494 году, т. е. 20 лѣтъ спустя, капиталъ ихъ равнялся уже 38,000 флор.[1]). Наконецъ, родоначальникъ дома Фуггеровъ въ 1390 году (первый годъ, относительно котораго сохранились записи) обладалъ имуществомъ въ 360 флор., а въ 1396 г.—уже въ пять разъ бо̀льшимъ — повидимому, результатъ торговли хлопкомъ и хлопчато-бумажными издѣліями. Зачатки фуггеровскихъ богатствъ относятся, слѣдовательно, еще къ XIV вѣку. Въ 1441 г. сыновья Ганса Фуггера—Андрей и Яковъ, уплатили вмѣстѣ 30 флор. поимущественнаго налога, въ 1448 г. — $45^1/_2$ флор., что соотвѣтствовало имуществу въ 7,200 и 11,000 флор.; они совмѣстно торговали пряностями, шелковыми и бумажными матеріями, преимущественно съ Венеціей, и уже тогда считались богачами [2]).

Такимъ образомъ, торговая прибыль, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XIV вѣка и въ XV вѣкѣ, была, повидимому, очень велика. Если имущество купцовъ могло увеличиваться со столь значительной быстротой, то, очевидно, средняя прибыль была гораздо больше, ибо далеко не все, что выручалось въ торговлѣ, капитализировалось въ тѣ времена; мы имѣемъ, на оборотъ, свѣдѣнія о томъ, что значительная часть прибыли потреблялась непроизводительно. Стридеръ указываетъ на то, что первая половина XV вѣка была очевидно особенно благопріятнымъ для торговли періодомъ, ибо въ этотъ періодъ было положено основаніе богатству всѣхъ крупнѣйшихъ торговыхъ домовъ Аугсбурга [3]). Вслѣдствіе недостатка данныхъ, сравненіе торговой прибыли въ различные періоды, къ сожалѣнію, невозможно; но есть одно обстоятельство, говорящее въ пользу того, что прибыль съ начала XV вѣка могла увеличиться—это появленіе торговыхъ компаній съ монопольнымъ характеромъ. Торговыя компаніи не представляютъ собою въ средніе вѣка явленія рѣдкаго, исклю-

[1]) Strieder, p. 116—125.

[2]) Schulte. I. 649—51. Strieder. 192—197. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. B. I. 1896. p. 85—87.

[3]) Strieder, p. 112.

чительнаго; наоборотъ, — какъ указываетъ Беловъ — они являются характернымъ для того времени институтомъ [1]). Торговыя компаніи не слѣдуетъ смѣшивать съ купеческими гильдіями. Послѣднія представляютъ собою соединенія лицъ, а не капиталовъ. Ихъ цѣлью является взаимное содѣйствіе во время пути и на рынкѣ, соглашеніе относительно высоты цѣнъ. Какъ указываетъ Доренъ, первоначально эти купеческіе союзы имѣли лишь временный характеръ, они образовывались лишь на время путешествія, предпринимаемаго на ярмарку, путешествія, которое нерѣдко сопровождалось грабежемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя проходилъ караванъ: по возвращеніи обратно организація распадалась. Однако, — прибавляетъ онъ — изъ этихъ совмѣстныхъ путешествій постепенно возникали постоянныя организаціи; результатомъ такихъ ассоціацій на время посѣщенія ярмарки явились купеческія гильдіи въ различныхъ городахъ, которыя удерживали за собою монополію торговли въ извѣстномъ раіонѣ [2]).

Въ противоположность купеческимъ гильдіямъ, торговыя компаніи представляютъ собой ассоціаціи имущественнаго характера, основанныя на соединеніи капиталовъ, употребляемыхъ съ торговыми цѣлями. Выгодность ихъ заключалась въ томъ, что, благодаря единенію, въ торговыхъ операціяхъ принимало участіе нѣсколько лицъ, которыя были одинаково заинтересованы въ успѣхѣ ихъ и которыя могли пріобрѣтать и сбывать товары въ различныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, оказывалось возможнымъ закупать товары въ значительномъ количествѣ, даже скупать весь запасъ, имѣющійся въ данномъ мѣстѣ, и затѣмъ уже устанавливать цѣны по собственному усмотрѣнію, не считаясь съ интересами другихъ лицъ. Чѣмъ опаснѣе было предпріятіе — говоритъ Шмидтъ, — чѣмъ большихъ оно требовало капиталовъ и чѣмъ меньше, благодаря этому, была конкурренція со стороны отдѣльныхъ купцовъ, тѣмъ болѣе крупную прибыль могла выручать компанія посредствомъ произвольнаго опре-

---

[1]) Below. Grosshändler und Kleinhändler in deutschen Mittelalter. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1900. III Folge. B. XX p. 13.

[2]) Doren. Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig. 1893. Einleitung.

дѣленія цѣнъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ противоположность купеческимъ гильдіямъ, торговыя компаніи легко превращались въ монопольныя ассоціаціи, тѣмъ болѣе, что въ средніе вѣка количество товаровъ на рынкѣ было сравнительно невелико и, обладая болѣе или менѣе значительнымъ капиталомъ, нетрудно было закупить весь товаръ въ данной мѣстности. „Торговыя компаніи—говоритъ Шульте—часто имѣли въ своемъ распоряженіи не только собственные капиталы, но и сбереженія другихъ лицъ, которыя имъ отдавались подъ проценты. При обширныхъ операціяхъ, которыя производились компаніями, рискъ былъ великъ, капиталъ значителенъ и разсчеты настолько сложны, что купцамъ приходилось гоняться за высокой прибылью и само собою возникало искушеніе регулировать цѣны путемъ монополизаціи рынка въ пользу компаніи. Чѣмъ большими средствами располагала компанія, тѣмъ легче было пріобрѣсти монопольное положеніе, основать синдикатъ“ [2]). Такимъ образомъ, если купеческія гильдіи охватывали всѣхъ купповъ данной мѣстности, если они имѣли возможность удерживать высокія цѣны, не допуская къ производству торговыхъ операцій никого, кто не входилъ въ составъ гильдіи, и этимъ сохраняя за гильдіей монополію въ торговлѣ въ данной мѣстности или данными товарами, то торговыя компаніи объединяли лишь нѣсколькихъ купцовъ нѣсколькихъ членовъ гильдіи, которые старались вытѣснить всѣхъ остальныхъ, скупая весь запасъ тѣхъ или другихъ товаровъ на рынкѣ. Купцы различныхъ южно-германскихъ городовъ, совершавшіе путешествія въ Венецію съ торговыми цѣлями, представляли собою несомнѣнно цѣлый рядъ гильдій, объединявшійся венеціанскимъ фондако и тамошними нѣмецкими консулами, но внутри этихъ гильдій образовывались торговыя компаніи Мейтинговъ, Гумписовъ, Вельзеровъ, принимавшія постепенно монопольный характеръ.

Торговыя гильдіи составляютъ явленіе общераспространенное въ средніе вѣка, и въ левантійской, и въ ганзей-

---

[1]) Schmidt. Die Entwickelung und Verbreitung der Handelsgesellschaften Breslau. 1883, p. 6—8.

[2]) Schulte. I. 669—670.

ской и, наконецъ, въ континентальной торговлѣ: повсюду плаванія и путешествія на сушѣ совершаются цѣлыми флотиліями или караванами, во главѣ съ консулами, ганзграфами, капитанами. Гильдіи частью пріобрѣтаютъ привилегіи на торговлю въ данной мѣстности, частью фактически пользуются ею, отстаиваютъ ее силою [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно, уже съ XIII вѣка (а въ Италіи и раньше) внутри этихъ ассоціацій образуются компаніи изъ двухъ или нѣсколькихъ лицъ, пріобрѣтающихъ или сбывающихъ товары за общій счетъ, обыкновенно такимъ образомъ, что одни участники отправляются на рынки, другіе же остаются дома, или же что участники распредѣляютъ нѣсколько рынковъ между собою [2]). Съ конца XIV вѣка эти компаніи усиливаются все болѣе и болѣе, возникаетъ цѣлый рядъ круп-

---

[1]) Понятіе гильдіи мы употребляемъ въ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая подъ гильдіями всякія ассоціаціи купцовъ, гдѣ каждый торгуетъ самостоятельно при помощи собственнаго капитала. Нерѣдко, однако терминъ гильдіи примѣняется лишь къ тѣмъ (впослѣдствіи осѣвшимъ) организаціямъ, которыя монополизировали (розничную) торговлю въ данномъ городѣ или мѣстности, въ отличіе отъ купеческихъ обществъ (Gesellschaften, universitates), производившихъ торговлю оптомъ съ другими странами. Однако, фактически обѣ эти организаціи совпадали (по своему составу), ибо особаго сословія оптовыхъ торговцевъ въ средніе вѣка не существовало, и купцы, принимавшіе участіе въ иноземной торговлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежали и къ мѣстной гильдіи розничныхъ торговцевъ. Лишь въ самомъ концѣ средне-вѣковья, да и то лишь въ нѣкоторыхъ городахъ—какъ указываетъ Кейтгенъ — появляются, въ видѣ исключенія, группы купцовъ, занимающихся одной только торговлей съ другими странами, но не торгующихъ въ розницу въ своемъ городѣ. По общему же правилу розничная торговля считалась наиболѣе выгодной, и поэтому купцы добивались права торговать въ розницу и въ другихъ странахъ (см. ганзейскую торговлю), а тѣмъ болѣе у себя на родинѣ (См. Keutgen въ Hansische Geschichtsblätter. Jahrg. 1901., особ. p. 101 и сл. 120 и сл. Below. Jahrbücher für Nationaloekonomie 1900. B. XX. Goldschmidt. Universalgeschichte das Handelsrechts. p. 114 - 116. Inama—Sternegg. B. III T. 2. p. 274 и сл.).

[2]) Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts I, § 9, III. Schulte I p. 155, 667 и сл. Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. XVII p. 372 и сл. Bruns. Die Lübecker Bergenfahrer. p. CI и сл. Yver. Le commerce dans l'Italie meridionale etc.

ныхъ ассоціацій съ большимъ количествомъ участниковъ и съ очень значительными капиталами. Какъ указываетъ Стида, упомянутая нами выше компанія, производившая торговлю между Венеціей, Кельномъ Брюгге и Любекомъ, является далеко не первой и не единственной компаніей въ области ганзейско-венеціанской торговли. Торговля между южно-германскими и итальянскими городами находилась въ XV вѣкѣ въ рукахъ немногихъ крупныхъ торговыхъ компаній. Почти всѣ извѣстные торговые дома того времени были такъ или иначе прикосновенны къ „великой равенсбургской компаніи", къ компаніямъ Велинъ-Вельзеровъ, Гервартъ, Мейтингъ; въ составъ этихъ компаній входили купцы самыхъ различныхъ городовъ. И одновременно съ ростомъ торговыхъ компаній раздаются жалобы на монополизацію ими различныхъ отраслей торговли. Въ 40-хъ годахъ XV вѣка Ганза жалуется на компаніи фламандскихъ и итальянскихъ купцовъ, повышающихъ цѣны въ Брюгге, въ 70-хъ годахъ того же столѣтія она возстаетъ противъ возникшей въ Лейденѣ торговой компаніи въ составѣ 6—8 лицъ, которая монополизировала торговлю лейденскимъ сукномъ. Послѣдняя скупала всѣ издѣлія лейденскихъ ткачей и затѣмъ произвольно устанавливала цѣны на нидерландскихъ рынкахъ, продавая одновременно тотъ же товаръ въ нѣмецкихъ городахъ по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ что ганзейскіе купцы у себя дома совершенно не въ состояніи были конкуррировать съ компаніей. На совѣщаніи въ Утрехтѣ ганзейскіе города добились уничтоженія компаніи, причемъ представители г. Лейдена обязались не допускать впредь никакихъ монопольныхъ организацій. Приблизительно въ это же время ганзейскіе купцы въ Брюгге жаловались на нѣкоего Генриха фонъ-деръ Горста, который въ Гамбургѣ выдаетъ себя за голландца, а въ Голландіи — за гамбургскаго купца, и который вмѣстѣ съ другими ганзейцами и лицами, не принадлежащими къ Ганзѣ, образовалъ торговую компанію для скупки сукна; операціи этой компаніи достигаютъ столь обширныхъ размѣровъ, что она имѣетъ возможность произвольно повышать и понижать цѣны сукна, либо рынокъ находится въ ея власти. Наконецъ, и въ аугсбургскихъ лѣтописяхъ 50-хъ годовъ XV вѣка упоминается о монопольныхъ ассоціаціяхъ, скупающихъ товары въ Ве-

неціи огромными партіями и затѣмъ продающихъ ихъ по произвольно повышеннымъ цѣнамъ [1]).

Въ 1523 г. дворянство жалуется на то, что торговыя компаніи выручаютъ прибыль въ 40—80 проц., а Цвингли указываетъ, что прибыль ихъ въ торговлѣ перцемъ составляетъ 100 проц. Это происходитъ, по мнѣнію Лютера, оттого, что они скупаютъ всѣ товары даннаго рода или же условливаются между собою относительно цѣнъ и затѣмъ перекупаютъ товары у купцовъ, не участвующихъ въ соглашеніи. Возрастаніе цѣнъ въ первой половинѣ XVI вѣка вызвало поэтому репрессивныя мѣры противъ торговыхъ компаній [2]). Но мы видѣли выше, что прибыль въ 40—80 и въ 100 проц. выручалась и за сто лѣтъ до этого. Авторъ такъ называемой „Реформаціи императора Сигизмунда“, которую относятъ къ 1438 г., опредѣляетъ ежегодную торговую прибыль компаній въ 430—450 проц., причемъ капиталъ находится въ дѣлѣ не болѣе ста дней въ году [3]). Да и самый характеръ торговли въ то время немногимъ отличался отъ того, который вызывалъ столько нареканій въ началѣ XVI вѣка. „Уже въ началѣ XV вѣка — говоритъ Лампрехтъ — купцы, отправлявшіеся въ города, расположенные у Средиземнаго моря, въ особенности въ Венецію, для закупки иноземныхъ товаровъ — шелковыхъ, бархатныхъ тканей, позумента и всевозможныхъ пряностей — имбиря, перца, гвоздики, корицы условливались относительно цѣнъ со всѣми другими купцами и, возвратившись домой, продавали по этимъ цѣнамъ“ [4]). Объ этомъ мы читаемъ въ „Реформаціи Сигизмунда“, и тамъ уже говорится о „крупныхъ компаніяхъ, которыя ведутъ обширную торговлю и заботятся только объ увеличеніи своей прибыли“ [5]).

Такимъ образомъ, въ XV вѣкѣ мы имѣемъ двойную монополію: съ одной стороны, монопольное положеніе занимаютъ купеческія гильдіи, объединяющія всѣхъ купцовъ

---

[1]) Below. p. 8—13.

[2]) Schmidt, p. 14.

[3]) Lamprecht V. 1, p. 61.

[4]) Lamprecht. Deutsche Geschichte. B. V. T. I. p. 61. Zeitschrift für Social. u. Wirtschaftsgeschichte. B. I. 205—7.

[5]) См. Below въ Jahrbücher für Nationaloekonomie. l. c. p. 8—12, а также Koehne въ Zeitschr. für Social—und Wirtschaftsgesch.“ B. VII.

данной мѣстности, а съ другой стороны къ этому присоединяется специфическая монополія торговыхъ компаній, возникающихъ внутри гильдіи, направленная къ устраненію всѣхъ остальныхъ купцовъ, не принадлежащихъ къ компаніи. При такихъ условіяхъ прибыль должна была быть очень велика. Другой вопросъ, конечно, повысилась ли она съ конца XIV и начала XV вѣка или сохранился лишь тотъ же высокій уровень, который существовалъ и въ прежнія столѣтія. Этотъ вопросъ остается открытымъ даже въ томъ случаѣ, если мы изъ неупоминанія о существованіи монопольныхъ торговыхъ компаній въ предыдущія столѣтія будемъ умозаключать, что онѣ дѣйствительно появились впервые въ началѣ XV вѣка. Несомнѣнно, что по мѣрѣ развитія торговыхъ оборотовъ, по мѣрѣ увеличенія класса купцовъ, связь между ними становилась слабѣе и соглашенія относительно цѣнъ при продажѣ товаровъ не имѣли уже того значенія, какъ прежде: они были труднѣе достижимы и далеко не всегда исполнялись. А разъ общекупеческая гильдейская организація теряла свой прежній характеръ, то ее должны были замѣнить другія, болѣе тѣсныя ассоціаціи; если было трудно удержать опредѣленный уровень цѣнъ при значительной численности купцовъ въ XV вѣкѣ (по сравненію съ предыдущими столѣтіями), то несравненно легче было немногимъ купцамъ, обладавшимъ сравнительно крупными капиталами, скупать у другихъ весь запасъ товара и уже самостоятельно, безъ всякихъ соглашеній съ другими купцами, опредѣлять его цѣну. Въ послѣднемъ случаѣ страдали не только потребители, но и купцы, и поэтому такой образъ дѣйствій долженъ былъ вызывать несравненно большія нареканія. Но по существу, въ смыслѣ достиженія извѣстнаго уровня цѣны и прибыли, онъ могъ представлять собою лишь замѣну одного способа, не примѣнимаго въ такое время и уже устарѣвшаго, другимъ въ данное время болѣе пригоднымъ [1]).

[1]) Какъ указываетъ Гейненъ (Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. Stuttgart-Berlin. 1905. p. 76), венеціанскіе купцы, производившіе торговлю съ Востокомъ (въ XII вѣкѣ), уплачивали по занятымъ капиталамъ 25—50 проц., да и то не въ годъ, а лишь на то время, въ теченіе котораго продолжалась данная торговая экспедиція, для которой предназначался занятый капиталъ, а этотъ срокъ составлялъ

Указывая на то, что прибыль въ средневѣковой торговлѣ была весьма велика, Энгельсъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже тогда можно было подмѣтить стремленіе прибыли къ извѣстному общему уровню. Тамъ, гдѣ торговля находилась въ рукахъ отдѣльныхъ купеческихъ компаній, какъ то: генуэзскихъ Маонъ, аугсбургскихъ Фуггеровъ, Вельзеровъ, Велиновъ и т. д., всѣ участники получали равную (выраженную въ процентахъ съ капитала) прибыль. Однако область примѣненія принципа ассоціаціи не ограничивалась этими союзами; она была гораздо шире, обнимая всѣхъ купцовъ данной мѣстности, отправлявшихся на тотъ или иной рынокъ. „И купцы—говоритъ Энгельсъ—сознательно стремились къ созданію одного общаго для всѣхъ уровня прибыли. Каждый венеціанецъ на Востокѣ, ганзеецъ на сѣверѣ продавалъ и покупалъ товары по той же цѣнѣ, какъ и всякій другой, принадлежавшій къ данной „націи“ (гильдіи) и точно также расходы по перевозкѣ (на общихъ судахъ) были для всѣхъ равны... Въ Александріи и Константинополѣ торговыя подворья венеціанцевъ и генуэзцевъ составляли само-

---

всего нѣсколько (обыкновенно два—три) мѣсяцевъ. Но и подобный размѣръ процента не является максимальнымъ, ибо изъ одного документа, относящагося къ 1154 г., видно, что выговорено 33⅓ проц. въ мѣсяцъ или 400% въ годъ, причемъ проценты дѣйствительно были уплочены въ установленный срокъ. Если процентъ, уплачиваемый купцомъ заимодавцу, былъ столь высокъ,—прибавляетъ Гейненъ—то, очевидно, средняя прибыль, выручаемая купцомъ должна была быть еще больше. Дѣйствительно, изъ подробнаго, описанія (у Гейнена) предпріятій венеціанскаго купца Романо Майрано, находившагося въ торговыхъ сношеніяхъ со странами Востока (Константинополемъ, Александріей, Акромъ, Родосомъ), можно усмотрѣть, что уплачивая обыкновенно 20 проц. за занятый на одинъ, два или три мѣсяца капиталъ (договоръ заключается per taxegium, т. е. на время предпріятія, независимо отъ продолжительности его), онъ все-таки сумѣлъ нажить крупное состояніе и пріобрѣсти значительную земельную собственность. Когда же въ 1171 г., во время нападенія грековъ на венеціанскую факторію въ Константинополѣ, Майрано лишился всѣхъ находившихся у него, собственныхъ и принадлежавшихъ другимъ лицамъ, денегъ и товаровъ, и не только не извлекъ выгоды изъ полученныхъ взаймы денегъ, но потерпѣлъ большіе убытки, онъ сумѣлъ тѣмъ не менѣе изъ собственныхъ средствъ покрыть всѣ долги и уже спустя два года вновь снарядить свои корабли на Востокъ. (Heynen, гл. V, особ. стр. 94—95. 99. 106 108. 115).

стоятельныя торговыя организаціи, отчужденныя отъ внѣшняго міра, отъ конкуррентовъ и покупателей; они продавали привезенные товары по установленнымъ между собою цѣнамъ, ихъ товары были опредѣленнаго, гарантированнаго посредствомъ осмотра и наложенія клейма качества, они сообща устанавливали цѣны пріобрѣтаемыхъ у туземцевъ продуктовъ. Также точно поступали и ганзейцы въ Бергенѣ, а равно ихъ конкурренты — голландцы и англичане. Горе тому, кто сбывалъ товары по цѣнѣ ниже установленной или покупалъ ихъ по цѣнѣ, превышавшей совмѣстно опредѣленный уровень. Объявленный противъ него бойкотъ означалъ въ тѣ времена неминуемую гибель, не считая тѣхъ пеней, которыя налагались на виновнаго“ [1]).

Подъ вліяніемъ подобнаго монопольнаго положенія—говоритъ Энгельсъ—долженъ былъ возникать внутри купеческой общины высокій равный для всѣхъ участниковъ уровень прибыли. Каждый венеціанецъ, генуэзецъ, ганзеецъ, голландецъ, отправлявшійся въ данную мѣстность, извлекалъ ту же прибыль, что и всякій другой изъ его соотечественниковъ, торговавшихъ на томъ же рынкѣ. Но будучи равнымъ для всѣхъ купцовъ, составлявшихъ данную гильдію, уровень прибыли былъ различенъ въ зависимости отъ того, къ какой гильдіи принадлежалъ купецъ и отъ рынка, на которомъ торговала гильдія. Однако Энгельсъ утверждаетъ, что выравненіе прибыли шло и дальше, что выравнивалась прибыль не только въ предѣлахъ даннаго рынка и данной купеческой общины, но и на разныхъ рынкахъ и среди различныхъ купеческихъ ассоціацій. Но выравненіе уровня прибыли въ этомъ направленіи совершалось уже не благодаря монополіи, а противоположнымъ способомъ—посредствомъ конкурренціи. „Если александрійскій рынокъ—говоритъ онъ—доставлялъ венеціанцамъ большую прибыль, чѣмъ торговля на Кипрѣ, въ Константинополѣ или Трапезундѣ, то венеціанцы помѣщали болѣе значительные капиталы въ торговомъ обмѣнѣ съ Александріей и сокращали свои торговые обороты на другихъ рынкахъ. Далѣе должно было произойти и постепенное выравненіе прибыли, извлекаемой купцами различныхъ городовъ, вывозившихъ

[1]) Friedrich Engels. Ergänzung und Nachtrag zum dritten Buch des „Kapital“. Neue Zeit. XIV Jahrgang. B. I. p. 40.

на тѣ же рынки одинаковые или сходные товары, причемъ нерѣдко отдѣльные города вовсе устранялись изъ торговаго обмѣна. Впрочемъ этотъ процессъ постоянно прерывался событіями политическаго характера“ [1]).

Энгельсъ обращаетъ однако слишкомъ мало вниманія на эти обстоятельства; именно то, что Энгельсъ разумѣетъ подъ политическими событіями—войны и завоеванія различныхъ странъ, имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи средневѣковой торговли; вооруженными столкновеніями и насильственнымъ вытѣсненіемъ иноплеменныхъ купцовъ и купеческихъ гильдій замѣнялась въ тѣ времена конкурренція [2]), а разъ ея не существовало, то ни о какомъ выравненіи уровня прибыли въ сущности не можетъ быть и рѣчи. Можно допустить предположеніе, что венеціанцы, снаряжавшіе нѣсколько кораблей въ Александрію, или ганзейцы, пріѣзжавшіе въ Новгородъ, извлекали здѣсь одинаковую прибыль на вложенный капиталъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что, вообще говоря, среднимъ вѣкамъ принципъ вычисленія прибыли на помѣщенный въ предпріятіи капиталъ почти неизвѣстенъ и обращается гораздо больше вниманія на сумму вырученной прибыли, чѣмъ на ея соотношеніе съ капиталомъ [3]). Различіе между вырученной прибылью (выраженной въ процентахъ съ капитала) должно было необходимо получиться, коль скоро тѣ же венеціанцы или ганзейцы отправлялись на тотъ же рынокъ не одновременно, а въ различные сроки: одни, напримѣръ, весной, другіе осенью того же года, ибо колебанія въ цѣнахъ были весьма частыя и довольно рѣзкія. И ужъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, что венеціанцы съ одной стороны и купцы Марселя, Барселоны или Неаполя съ другой стороны извлекали одинаковую прибыль на томъ же рынкѣ: послѣднимъ перевозка обходилась дороже какъ вслѣдствіе большаго разстоянія, такъ и благодаря меньшему развитію ихъ судостроенія и мореплаванія, при привозѣ и вывозѣ товаровъ они платили значительно

---

[1]) Engels. l. c. p. 41.
[2]) См. выше, стр. 172—173.
[3]) См. объ этомъ ниже, гл. V.

большія пошлины [1]), да и не пользовались вообще тѣми привилегіями и тѣмъ авторитетомъ, какимъ пользовались венеціанцы, прекрасно умѣвшіе въ торговыхъ сношеніяхъ утилизировать свое положеніе. Точно также нельзя сравнивать тѣхъ выгодныхъ условій, при которыхъ торговали ганзейцы въ скандинавскихъ государствахъ, съ положеніемъ лишь терпимыхъ элементовъ, которое занимали тамъ англичане и голландцы, поскольку они вообще не изгонялись оттуда ганзейцами. [2]) Этимъ послѣднимъ способомъ и ганзейцы, и венеціанцы, и генуэзцы устраняли неудобныхъ конкуррентовъ, создавая себѣ монопольное положеніе и не допуская, чтобы выручаемая ими прибыль, благодаря конкурренціи другихъ купцовъ, приводилась къ одному общему, неминуемо болѣе низкому уровню. Въ отсутствіи конкурренціи заключается характерная черта средневѣковой торговли,—при существованіи ея немыслимъ былъ бы тотъ высокій уровень при, были, на который указываетъ Энгельсъ. Одного устраненія конкурренціи внутри данной купеческой общины было далеко недостаточно, это прекрасно понимали и ганзейцы и итальянскіе купцы, да и установленіе цѣнъ сообща купцами даннаго города или союза при покупкѣ и продажѣ товаровъ было возможно лишь тогда и лишь постольку, поскольку эти цѣны не перебивались какой-либо иной группой купцовъ. Точно также размѣры торговли на томъ или другомъ рынкѣ опредѣлялись не только выгодностью его, но и обстоятельствами политическаго свойства: мы видѣли выше, какъ венеціанцы и генуэзцы устроили цѣлую сѣть факторій въ странахъ Востока съ той цѣлью, чтобы въ случаѣ невозможности, изъ за враждебныхъ столкновеній или войнъ, торговать въ той или другой мѣстности, располагать факторіями въ другихъ мѣстахъ и не допускать перерыва въ торговомъ обмѣнѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 177 и сл., а также Heynen (Entstehung des Kapitalismus in Venedig), p. 52—56.

[2]) См. стр. 253—254, 258.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Торговля и торговая прибыль въ средніе вѣка.

(Продолженіе).

Б. Ганзейская торговля.

I.

Средневѣковая торговля сосредоточивается въ сущности на двухъ моряхъ: на южномъ — Средиземномъ и на сѣверномъ—Нѣмецкомъ и Балтійскомъ. Но на первомъ вся торговля сконцентрирована въ рукахъ двухъ-трехъ итальянскихъ городовъ, находящихся въ непрерывной борьбѣ между собой и съ другими городами, желающими вступить въ торговыя сношенія съ Востокомъ. На Балтійскомъ и Сѣверномъ морѣ торговля ведется ганзейскимъ союзомъ, состоящимъ изъ вендскихъ и померанскихъ, лифляндскихъ, голландскихъ и другихъ приморскихъ городовъ. Исторія ганзейскаго союза — говоритъ Лампрехтъ — есть въ сущности ничто иное, какъ исторія ганзейской торговли. Ганзейскій союзъ—указываетъ Шмоллеръ—возникъ въ XIII и XIV ст. изъ ряда отдѣльныхъ договоровъ и военныхъ предпріятій нѣмецкихъ городовъ, которые касались совмѣстной торговли ихъвъ Висби, Лондонѣ, Бергенѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, а также рыбной ловли у береговъ Шонена (Сконіи) [1]). Ганзейскій союзъ представляетъ собою одну обширную купеческую гильдію. Намъ приходилось уже встрѣчать рядомъ съ отдѣльными гильдіями купцовъ того или другого города и такія гильдіи, въ составъ которыхъ входили купцы изъ различныхъ городовъ, какъ напр., союзъ провансальскихъ купцовъ и союзъ ломбардскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани. Ганзейскій союзъ является такой же гильдіей, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и болѣе тѣсно сплоченной: въ его составъ входило нѣсколько десятковъ городовъ, которые обсуждали общія дѣла на сеймахъ, вели совмѣстно войны,

[1]) Schmoller. II. p. 574.

взимали сообща таможенные сборы, придерживались одинаковыхъ правилъ въ области морского дѣла. И что всего важнѣе — это не были временныя совмѣстныя путешествія итальянскихъ или провансальскихъ городовъ на опредѣленную ярмарку, по возвращеніи съ которой союзъ распадался и прекращалъ свое существованіе до слѣдующаго путешествія въ ту же мѣстность, — это былъ постоянный союзъ, производившій торговлю во всѣхъ странахъ, съ которыми приморскіе города находились въ торговыхъ сношеніяхъ, въ Англіи и Фландріи, въ Норвегіи и Даніи, въ Руси и Польшѣ. [1]). Отсюда та сила, которой обладалъ ганзейскій союзъ, умѣніе подчинить своей власти всѣхъ, съ кѣмъ ганзейцы вступали въ торговыя связи. Но характерныя черты купеческой гильдіи сохранялись въ ганзейскомъ союзѣ — единеніе только во внѣ, въ сношеніяхъ съ другими странами, во время пребыванія на чужбинѣ, въ Лондонѣ, въ Бергенѣ, въ Новгородѣ, но не у себя дома, не во внутренней политикѣ, по отношенію къ которой каждый городъ сохранялъ свою самостоятельность, свою обособленность отъ прочихъ городовъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта отчужденность смягчалась,

---

[1]) Наглядное представленіе о характерѣ ганзейской торговли даютъ изданныя въ послѣднее время торговыя книги ганзейскихъ купцовъ—ростокскаго купца Тельнера за 1345–1350 гг. (изд. Коппмана. 1885 г.), гамбургскаго купца Гельдерсена за 1367—1392 гг. (изд. Ниррнгейма. 1895 г.) и любекскаго купца Виттенборга за 1346—1360 гг. (изд. Молльво. 1901 г.). Первые два занимаются главнымъ образомъ торговлей сукномъ, которое пріобрѣтается ими во Фландріи, отчасти и въ Англіи, и сбывается въ нѣмецкихъ городахъ (впрочемъ Гельдерсенъ торгуетъ также хлѣбомъ, пряностями и другими предметами сырья). Виттенборгъ же производитъ весьма обширныя для того времени торговые обороты между Фландріей и Англіей съ одной стороны, Шоненомъ, Пруссіей и Россіей съ другой стороны: на Востокѣ онъ пріобрѣтаетъ хлѣбъ, солодъ, воскъ, мѣха, которые сбываетъ на Западѣ въ обмѣнъ на сукно. Его обороты превышаютъ (въ 1357–1358 гг.) 6776 любекскихъ марокъ. (Mollwo. Das Handlungsbuch von Herrmann und Iohann Wittenborg. Leipzig. 1901. p. LXVI—LXIX). Относительно размѣровъ ганзейской торговли см. Stieda, Revaler Zollbücher und Quittungen des 14. Jahrhunderts. (Hansische Geschichtsquellen. B. V. 1887). p. LVI—LVII и его же Ueber die Quellen der Handels-Statistik im Mittelalter. Berlin. 1903. (Abhandl. der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften), а также Kunze. Hanseakten aus England (Hansische Geschichtsquellen. B. VI. 1891). p. XLI—LXIV, 331 и сл.

именно поскольку рѣчь шла опять-таки о торговлѣ съ иноземными странами; купцамъ разрѣшалось пріѣзжать въ другіе ганзейскіе города и вступать въ компанію съ тамошними купцами, или пріобрѣтать у нихъ товары и корабли для торговли въ Балтійскомъ и Сѣверномъ морѣ. Но штапельное право каждый городъ сохранялъ за собой, и города, лежавшіе на одной и той же рѣкѣ, какъ Франкфуртъ на Одерѣ и Штеттинъ, Магдебургъ и Гамбургъ, Торнъ и Данцигъ, Ганноверъ и Бременъ, отмежевывали себѣ извѣстныя части рѣки, на которыя распространялось ихъ штапельное право, а нерѣдко и вели между собою борьбу, не желая пропускать провозимые товары къ морю. Города, расположенные у устья рѣкъ, настаивали на томъ, чтобы въ ихъ стѣнахъ перегружались всѣ внизъ по рѣкѣ идущіе товары и поступали уже въ руки ихъ купцовъ для дальнѣйшаго транспорта по морю и сбыта на сѣверѣ, западѣ и востокѣ. Въ результатѣ торговля съ этими странами должна была сосредоточиться въ рукахъ именно тѣхъ приморскихъ городовъ, которые лежали у устья рѣкъ— Одера, Эльбы, Везера, Вислы.

Въ противоположность торговлѣ между итальянскими городами и Востокомъ, объектами которой являлись пряности и дорогія ткани, т. е. предметы высокой цѣнности, объекты ганзейской торговли составляли громоздкіе массовые продукты; на первомъ планѣ стоялъ хлѣбъ, далѣе шерсть, кожа и мѣха, металлы, строевой лѣсъ, наконецъ, пиво, вино, рыба, соль и другіе менѣе важные предметы сырья. Для всѣхъ этихъ продуктовъ морской и рѣчной транспортъ былъ при всѣхъ его неудобствахъ въ тѣ времена несравненно предпочтительнѣе перевозки сушей; для доставки товаровъ на значительномъ разстояніи послѣдняя была совершенно немыслима. Хлѣбъ, лѣсъ и металлы, камни для построекъ и жернова, вино, пиво и соль, транспортировались изъ внутренней Германіи рѣчнымъ путемъ, внизъ къ морю, откуда они доставлялись уже ганзейцами въ другія страны. И точно также привозимые моремъ товары шли изъ приморскихъ городовъ вверхъ по теченію рѣкъ внутрь страны. „Благодаря одинаковому направленію теченія главнѣйшихъ рѣкъ, орошающихъ такъ называемую Нижнюю Германію — говоритъ Вальтеръ Штейнъ — вся торговля получала одно-

образный характеръ. Рѣки сѣверной низменности отъ Рейна до Двины несутъ свои воды параллельно другъ другу съ юго-востока къ сѣверо-западу“ [1]). На этихъ рѣкахъ и расположены были всѣ важнѣйшіе торговые города, всѣ складочныя мѣста. Всѣ тѣ торговые центры, которые въ состояніи были осуществлять штапельное право, были расположены у большихъ рѣкъ въ мѣстахъ особенно выгодныхъ по естественнымъ условіямъ, тамъ, гдѣ измѣненіе въ быстротѣ теченія или въ уровнѣ воды вызывало необходимость перегрузки товаровъ на другія суда, или гдѣ сухопутная дорога подходила къ рѣкѣ, и товары съ возовъ перегружались на суда, или, наконецъ, при впаденіи рѣки въ море, гдѣ рѣчныя суда замѣнялись морскими. Во всѣхъ этихъ случаяхъ остановка, выгрузка и нагрузка товаровъ была неминуема, и городъ, возникшій въ данной мѣстности, имѣлъ полную возможность заставлять пріѣзжавшихъ купцовъ сбывать свои товары мѣстнымъ купцамъ, которые везли ихъ уже дальше, сохраняя въ свою пользу выручаемую при окончательной продажѣ этихъ товаровъ прибыль. Изъ ганзейскихъ городовъ, расположенныхъ внутри страны, Кельнъ на Рейнѣ, Магдебургъ на Эльбѣ, Франкфуртъ и Бреславль на Одерѣ пользовались такими выгодными естественными условіями, доставлявшими имъ возможность осуществлять такъ называемое штапельное право, сосредоточивать въ своихъ рукахъ всю торговлю сосѣднихъ областей. Но еще болѣе выгодно было положеніе такихъ городовъ, какъ Бременъ на Везерѣ, Гамбургъ на Эльбѣ, Штеттинъ на Одерѣ, Данцигъ на Вислѣ; расположеніе у устья рѣки дѣлало ихъ не только складочнымъ пунктомъ, но, что еще важнѣе,— послѣднимъ складочнымъ пунктомъ для вывозимыхъ изъ Германіи и первымъ для привозимыхъ въ Германію товаровъ; они являлись, слѣдовательно, центральными торговыми мѣстами, черезъ руки которыхъ проходили всѣ товары, привозимые и отправляемые моремъ. Поэтому-то не Кельнъ, не Магдебургъ и не Франкфуртъ, а Гамбургъ, Штеттинъ и Данцигъ играли первую роль въ ганзейской торговлѣ. Въ области хлѣбной торговли по крайней мѣрѣ—важнѣйшей отрасли ганзейской торговли — съ ними могли мѣряться

[1]) Walter Stein. Beiträge zur Geschichte der deutschen Hanse bis um die Mitte des XV Jahrhunderts. Giessen. 1900. p. 32.

лишь Любекъ и Стральзундъ, расположенные у Балтійскаго побережья. Но въ Любекъ хлѣбъ привозился преимущественно изъ Даніи и острова Фемернъ, а затѣмъ изъ Мекленбурга и восточной Гольштиніи, т. е. изъ ближайшихъ мѣстностей, а Стральзундъ присвоилъ себѣ монополію въ вывозѣ хлѣба изъ острова Рюгена, заставляя крестьянъ Рюгена привозить весь хлѣбъ въ Стральзундъ; съ этой цѣлью были установлены сторожевыя суда, которыя должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы хлѣбъ не вывозился въ другія мѣста. Висмаръ и Ростокъ также занимались экспортомъ преимущественно мекленбургскаго, отчасти и датскаго хлѣба. Хлѣбъ (и другіе продукты), привозимый изъ внутреннихъ областей Германіи, сосредоточивался въ Гамбургѣ, Штеттинѣ, Данцигѣ, Бременѣ. Гамбургъ получалъ весь произведенный хлѣбъ не только изъ своего округа, но также изъ Саксоніи и Бранденбурга, т. е. все, что шло внизъ по Эльбѣ. Точно также и гольштинскіе крестьяне вынуждены были доставлять свой хлѣбъ въ Гамбургъ. Сохранилось постановленіе отъ 1383 г., согласно которому всѣ гамбургскіе жители и всѣ торговыя компаніи обязывались доставлять хлѣбъ, пріобрѣтенный ими на Эльбѣ, въ городахъ, лежащихъ на берегу ея, или въ расположенныхъ по Эльбѣ мѣстностяхъ, исключительно на гамбургскій рынокъ. Подобнымъ же образомъ и лѣсъ, провозимый внизъ по Эльбѣ, долженъ былъ переходить въ руки гамбургскихъ купцовъ. Въ 1482 г. штапельное право Гамбурга было оффиціально подтверждено: ни хлѣбъ, ни мука, ни вино, ни пиво не могутъ провозиться мимо Гамбурга, а должны быть непремѣнно сложены въ городѣ, выставлены здѣсь для продажи и проданы. Штеттинъ скупалъ хлѣбъ не только изъ Помераніи и Бранденбурга, но также изъ Силезіи, Богеміи и Польши. Уже въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка весь привозимый по Одеру хлѣбъ долженъ былъ продаваться въ Штеттинѣ мѣстнымъ купцамъ. Городъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы суда ѣздили разъ установленнымъ путемъ и не обходили его штапельнаго права, при провозѣ не только хлѣба, но и цѣлаго ряда другихъ товаровъ, въ особенности лѣса и угля. Въ 1467 г. герцогъ Померанскій Вратиславъ призналъ слѣдующія широкія привилегіи Штеттина: всѣ товары изъ внутренней Германіи, Бранденбурга, Саксоніи, Богеміи, Польши и другихъ мѣст-

ностей южной Германіи, привозимые въ Померанію, должны направляться исключительно въ Штеттинъ. Наконецъ, Данцигъ, вывозившій въ XV вѣкѣ огромное количество хлѣба, большее, чѣмъ какой-либо другой городъ, получалъ хлѣбъ почти исключительно изъ Польши, а Рига захватила въ свои руки всю торговлю по Западной Двинѣ [1]).

Такимъ образомъ, выгоды, извлекаемыя различными городами, входившими въ составъ Ганзейскаго союза, были далеко не одинаковы, что обусловливалось, прежде всего, ихъ различнымъ географическимъ, а затѣмъ и политическимъ положеніемъ. Во всякомъ случаѣ Ганзейскій союзъ какъ цѣлое сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ продукты, привозимые съ юга, сконцентрировавъ торговлю этими товарами въ немногихъ мѣстахъ. „Товары, предназначенные для сбыта въ другія страны, или, по крайней мѣрѣ, наибольшая часть товаровъ, производимыхъ въ сѣверной низменности (между Рейномъ и Западной Двиной), привозились прежде всего въ ганзейскіе города, а оттуда уже въ другія страны. Весь хлѣбъ Померанін, Мекленбурга, Гольштиніи, Силезіи, Польши, Богеміи сходился въ немногихъ городахъ Ганзейскаго союза, которые строго слѣдили за тѣмъ, чтобы хлѣбъ не вывозился ни въ какіе другіе города и мѣстности. Строго запрещается провозить чрезъ Зундъ или Бельтъ, изъ устья Везера или Эльбы хлѣбъ, который вывезенъ изъ какихъ-либо другихъ мѣстъ, кромѣ ганзейскихъ городовъ (постановленіе 1417 г.) [2]).

Такой же политики придерживались ганзейцы и въ странахъ, съ которыми они находились въ торговыхъ сношеніяхъ. Ганза старалась повсюду монополизировать торговлю въ своихъ рукахъ, и это ей вполнѣ удавалось. Ганзейская торговля соединяла побережья Англіи и устья Шельды, Маса и Рейна, а впослѣдствіи и прибрежныя мѣстности Франціи, Испаніи и Португаліи съ устьями германскихъ рѣкъ и въ особенности съ прусскими и лифляндскими портами и съ Невой. „Ганзейская торговля—говоритъ Ноде—была посреднической

[1]) Naudé. Getreidehandelspolitik Europäischer Staaten vom XIII bis XVIII Jahrhundert. Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. I. Berlin. 1896. p. 229—237. Его же—Deutsche städtische Getreidehandelspolitik vom XV—XVII Jahrh. Leipzig. 1889. p. 27 и сл., 38 и сл. W. Stein. p. 41—62.

[2]) Stein. p. 131.

торговлей въ крупныхъ размѣрахъ. Ганзейскіе купцы закупали хлѣбъ въ сѣверной Германіи и Польшѣ, въ Даніи, Россіи, Швеціи и Англіи и сбывали его во всѣхъ странахъ Балтійскаго моря, въ сѣверной и западной Европѣ, отъ Скандинавскаго полуострова до Фландріи, Голландіи и Англіи, даже до Франціи и Лиссабона“ [1]). И повсюду ганзейцы сумѣли занять совершенно исключительное положеніе. Обычныя ограниченія и стѣсненія, практикуемыя по отношенію къ иностранцамъ, они сумѣли превратить въ привилегіи, которыми пользовались они одни, сумѣли создать цѣлую систему специфически—ганзейскихъ преимуществъ. Во всѣхъ ганзейскихъ городахъ господствовало очень отрогое „гостинное“ право—не только иноземные, но и иногородные нѣмецкіе и даже ганзейскіе купцы подвергались цѣлому ряду ограниченій: въ Гамбургѣ и Штеттинѣ, въ Данцигѣ и Ригѣ, въ Кельнѣ и въ другихъ городахъ всѣмъ иногороднимъ запрещалась продажа товаровъ въ розницу, покупка товаровъ у другого иногороднаго купца; пребываніе ихъ ограничивалось извѣстнымъ срокомъ. Послѣднее относилось преимущественно къ иностраннымъ купцамъ, къ англичанамъ, голландцамъ: они не могли зимовать въ ганзейскомъ городѣ. Для того, чтобы предупредить въѣздъ иностранцевъ внутрь страны и непосредственную покупку товаровъ у мѣстнаго населенія, ганзейцы допускали ихъ исключительно въ приморскіе города, причемъ они должны были непремѣнно оставаться въ томъ городѣ, въ который впервые пріѣхали и ѣхать въ другіе приморскіе города уже не могли, а лифляндскіе города вовсе запрещали въѣздъ кому бы то ни было изъ иностранцевъ: послѣдніе должны быть немедленно изгнаны, безъ товаровъ и такъ, чтобы они не могли отправиться дальше въ Новгородъ [2]).

Этими мѣрами обезпечивалось монопольное положеніе ганзейцевъ у себя дома; но для себя они сумѣли пріобрѣсти такое же монопольное положеніе и въ другихъ странахъ. „Вмѣсто права кратковременнаго пребыванія Ганза пріобрѣла для своихъ купцовъ и ремесленниковъ право оставаться и на зиму изъ года въ годъ, пользоваться собственными вѣсами, собственными упаковщиками, собственными ладьями,

[1]) Naudé. Acta Borussica. p. 243.

[2]) Stein, p. 32 и сл. 126 и сл.

ѣздить внутрь страны, торговать въ розницу; къ ганзейцамъ не примѣнялись существующія обязательныя таксы на товары; они уплачивали значительно низшія пошлины, чѣмъ всѣ другіе иностранцы, нерѣдко даже болѣе низкія по сравненію съ тѣми, которыя платились мѣстными жителями, или вовсе были освобождены отъ уплаты въ то время, когда граждане облагались пошлиной [1]). „Обширныя привилегіи, которыя, въ сущности, дѣлали невозможной какую бы то ни было конкурренцію съ ними.

II.

„Въ трехъ скандинавскихъ государствахъ Ганза (со времени полученія широкихъ привилегій въ XIV ст.) пользовалась монополіей, уничтожавшей всякую мѣстную торговлю. Никакая конкурренція со стороны скандинавскихъ купцовъ не была мыслима при той опытности и тѣхъ капиталахъ, которыми располагалъ ганзейскій купецъ, при тѣхъ обширныхъ привилегіяхъ, которыми онъ обладалъ". Въ Стокгольмѣ ганзейцы пользовались правомъ выбирать половину членовъ городского совѣта; городскія должности, монета, сборъ пошлинъ находились въ ихъ рукахъ. Уже въ 1276 г. шведскій король Магнусъ предоставилъ купеческой гильдіи въ Висби свободу плаванія и приставанія, купли и продажи по всей странѣ, а равно свободу вывоза хлѣба, сала и другихъ пищевыхъ продуктовъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда въ странѣ голодъ и вывозъ хлѣба всѣмъ запрещенъ. Ганзейцы сумѣли прекрасно воспользоваться этой свободой и лишили туземныхъ купцовъ возможности вести самостоятельно торговлю съ другими странами: послѣдніе — по выраженію Густава Вазы—превратились въ „факторовъ и маклеровъ", состоящихъ на службѣ у ганзейцевъ, они занимались лишь мелочнымъ торгомъ. Однако, ганзейцы не удовлетворились и этимъ, и вытѣснили скандинавскихъ купцовъ и изъ этой торговли, которая имѣла для нихъ несомнѣнно очень важное значеніе: не ограничиваясь импортомъ и экспортомъ, покупкой и продажей товаровъ оптомъ, ганзейцы стали заниматься и розничной торговлей, отправляясь внутрь страны и вступая въ торговыя сношенія съ

[1]) Schmoller. II, p. 574—75.

помѣстнымъ дворянствомъ, съ духовенствомъ, съ управителями королевскихъ имѣній и съ крестьянами. Въ противоположность господствовавшему въ Германіи правилу, согласно которому земледѣлецъ обязанъ былъ вести свои продукты на городской рынокъ, шведъ обходилъ городъ и городскихъ купцовъ и сбывалъ продукты своего хозяйства непосредственно ганзейскому купцу, обмѣнивая ихъ на привозимые ганзейцемъ иноземные товары [1]).

Датскіе короли пытались ослабить зависимость страны отъ ганзейскихъ купцовъ и создать купеческій классъ среди туземныхъ жителей. Но усилія ихъ были тщетны: и въ Даніи, какъ и въ Швеціи, въ теченіе среднихъ вѣковъ и даже въ XVI вѣкѣ ганзейцы не выпускали торговли изъ своихъ рукъ. Поскольку крестьяне были свободны, они сами продавали жатву ганзейцамъ, переправляясь въ Ростокъ, Висмаръ, особенно же въ Любекъ. Тамъ же, гдѣ крестьяне были крѣпостными, королевскіе фогты и землевладѣльцы заставляли ихъ продавать имъ хлѣбные продукты и также вступали въ непосродственныя сношенія съ ганзейскими купцами. Помѣстное дворянство и духовенство предпочитало мѣстнымъ купцамъ ганзейцевъ, у которыхъ оно могло вымѣнивать свои сельскохозяйственные продукты на произведенія другихъ странъ [2]).

Разъ товары привозились самимъ же населеніемъ въ ганзейскіе города, то послѣдніе, очевидно, не нуждались въ образованіи постоянныхъ торговыхъ факторій въ Даніи. Конторы, вродѣ бергенской, лондонской или новгородской ганзейцы не учредили въ Даніи, но они посѣщали ее, причемъ разъѣзжали по всей странѣ и торговали оптомъ и въ розницу, какъ на ярмаркахъ, такъ и помимо ихъ [3]). Шеферъ указываетъ на то, что ганзейскіе купцы во многихъ отрасляхъ торговли безусловно преобладали надъ мѣстными, представляя собою большую силу какъ въ экономическомъ, такъ и въ финансовомъ и въ политическомъ

[1]) Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. B. I. Hamburg. 1830. p. 158—162. Emile Worms. Histoire commerciale de la ligue Hanséatique. Paris. 1864. p. 188—190. Hegel. Städte und Gilden der germanischen. Völker. im Mittelalter. Leipzig 1891. B. I. p. 286—294.

[2]) Naudé, I. p. 241—242.

[3]) Фортинскій, стр. 240.

отношеніи. Онъ отрицаетъ, однако, что ганзейцы пользовались равными правами съ мѣстнымъ населеніемъ [1]); между тѣмъ, анализируя отдѣльныя категоріи правъ, онъ же вынужденъ признать, что ганзейцы торговали не только на рынкѣ въ Шоненѣ—центральномъ торговомъ мѣстѣ—но и въ другихъ мѣстахъ страны [2]), что они пользовались такимъ же правомъ свободнаго вывоза товаровъ, какъ и туземцы, не уплачивая въ то же время провозныхъ пошлинъ [3]), что и Любеку, и Грейфсвальду, и другимъ ганзейскимъ городамъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго періода, было предоставлено право розничной торговли; запрещенія же розничной торговли, приводимыя имъ, относятся лишь къ отдѣльнымъ товарамъ, къ продажѣ сукна и холста, которые съ XV вѣка сбывались, повидимому, лишь оптомъ [4]).

Наиболѣе важнымъ рынкомъ въ Даніи являлся Шоненъ (полуостровъ Сканоръ-Фальстербо). „Въ древнія времена—говорится въ старинной шоненской привилегіи—король Вальдемаръ предоставилъ городу Любеку и его гражданамъ право продавать свои товары на ярмаркахъ въ Сканорѣ и Фальстербо оптомъ и въ розницу и покупать все, что бы тамъ ни продавалось. Горожане (т. е. жители города Любека) могутъ продавать сукно на аршинъ, а другіе товары въ развѣсъ, съ помощью безмѣна или большихъ вѣсовъ, и это потому, что упомянутый король предоставилъ торговцамъ такія льготы на время ярмарки. Если кто повезетъ какіе-либо товары во внутрь страны на продажу, онъ не обязанъ платить за нихъ пошлины, если имѣетъ тамъ лавку, судно, палатку или ларь на ярмаркѣ“ [5]).

„Съ того времени, какъ мы имѣемъ свѣдѣнія о шоненской торговлѣ—говоритъ Шеферъ—нѣмецкіе купцы играютъ въ ней очень важную роль; уже въ XIII вѣкѣ и, во всякомъ случаѣ, съ начала XIV ст. они занимаютъ здѣсь пре-

---

[1]) Schäfer. Das Buch des lübeckischen Vogtes auf Schonen. Halle a. S. 1887. p. LXXIII. LXXIX.

[2]) Ibid. p. LXXIII. Anm. 4.

[3]) Ibid. p. LXXXVII—LXXVIII. XCI.

[4]) Ibid. p. LXXVIII—LXXXI.

[5]) Фортинскій. Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г. Кіевъ. 1877. Стр. 198—199, 210

обладающее положеніе“ [1]). Важнѣйшимъ предметомъ обмѣна въ шоненской торговлѣ являлась рыба, прежде всего сельди, которыми изобиловало море въ этой мѣстности; рыбной ловлей жило все мѣстное населеніе. Но торговля рыбой сосредоточивалась въ рукахъ ганзейскихъ купцовъ. Послѣдніе одни пользовались правомъ соленія и сбыта рыбы. Ни рыбакамъ, ни ремесленникамъ, появлявшимся на шоненскомъ рынкѣ, не дозволялось солить болѣе шести тоннъ, т. е. болѣе того, что имъ могло бы понадобиться для собственнаго потребленія въ теченіе зимы. Точно также и лодочникамъ запрещалось солить рыбу на своихъ судахъ подъ страхомъ штрафа въ 40 марокъ. Такимъ образомъ, ганзейскіе купцы, скупавшіе рыбу, занимали монопольное положеніе при покупкѣ ея. И они, дѣйствительно, пользовались этимъ и сильно эксплоатировали населеніе, всячески обманывая рыбаковъ, оттягивая платежи, уплачивая не деньгами, а товарами и т. п., причемъ мѣры, которыя принимались противъ этихъ злоупотребленій, оказывались, повидимому, безрезультатными [2]). Кромѣ сельдей, и другіе товары, въ особенности соль, лѣсъ и другіе предметы сырья, привозились на шоненскій рынокъ; послѣдній является однимъ изъ важныхъ пунктовъ торговаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ. Шеферъ объясняетъ его торговое значеніе не только богатствомъ рыбы, которое вызывало стеченіе народа въ этой именно мѣстности, но также тѣмъ обстоятельствомъ, что прямой путь съ восточнаго побережья Балтійскаго моря къ юго-восточному берегу Сѣвернаго моря или еще дальше представлялся слишкомъ продолжительнымъ и опаснымъ, и Шоненъ могъ служить подходящимъ мѣстомъ остановки, промежуточной станціей [3]).

По Стральзундскому миру 1370 года ганзейскій союзъ получилъ въ Даніи, особенно на Шоненѣ, всѣ тѣ вольности, какими тамъ когда-либо владѣли вендскіе города съ той только разницей, что теперь вольности жалуются не отдѣльнымъ городамъ, а всѣмъ городамъ, принадлежащимъ къ Ганзѣ. На

---

[1]) Dietrich Schäfer. Das Buch des Lübeckischen Vogtes auf Schonen. Halle a. S. 1887, p. LXXII.

[2]) Schäfer p. LIV—LVII.

[3]) Schäfer. Das Buch des lübeckischen Vogtes, p. LXII—LXVII. Worms. Histoire commerciale etc. p. 185—187.

постановленіяхъ Стральзундскаго мирнаго договора покоится положеніе ганзейцевъ, занимаемое ими въ послѣдующія столѣтія. Правда, отдѣльные датскіе короли не сразу подтверждали ганзейскія привилегіи, другіе издавали постановленія, противорѣчившія на самомъ дѣлѣ или по мнѣнію ганзейцевъ предоставленнымъ имъ правамъ, и становившіяся предметомъ пререканій; но вопросъ о дѣйствительности привилегій, установленныхъ по Стральзундскому миру, не поднимался вплоть до правленія Христіана IV, т. е. до начала XVII вѣка, за исключеніемъ развѣ періодовъ войнъ. „Послѣ Стральзундскаго мира совершается мирный безпрепятственный обмѣнъ между заселеннымъ нѣмцами восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря и западнымъ и юго западнымъ побережьемъ Сѣвернаго моря, обмѣнъ, главнымъ центромъ котораго являлся Сканоръ и Фальстербо, и который съ давнихъ поръ находился преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ“ [1]).

Во время войны, предшествовавшей Стральзундскому миру, англичане и шотландцы вступили было въ болѣе частыя торговыя сношенія съ Шоненомъ, но послѣ того, какъ ганзейцы вновь утвердились на Шоненѣ (и въ обезпеченіе полученія $^2/_3$ всѣхъ доходовъ въ Сканорѣ, Фальстербо, Мальмо и Гельсингборгѣ пріобрѣли рядъ укрѣпленій) они силою изгнали англичанъ и не допускали ихъ въ Данію и Норвегію, несмотря на угрозу лишенія ихъ привилегій въ Англіи. Столь-же рѣшительно они обошлись съ фламандцами и нормандцами и даже своихъ союзниковъ въ борьбѣ съ Вальдемаромъ голландцевъ, зеландцевъ и фрисландцевъ (не принадлежавшихъ болѣе къ Ганзейскому союзу) они поспѣшили устранить, когда послѣдніе стали угрожать ихъ монопольному положенію въ Даніи [2]).

Непосредственную торговлю съ туземными жителями, съ обходомъ мѣстныхъ купцовъ, ганзейцы вели и въ Норвегіи. Въ половинѣ XIII вѣка ганзейцевъ ставили уже наравнѣ съ мѣстными купцами, постепенно же они „все болѣе и болѣе расширяли свои торговыя вольности, оттѣсняя отъ торговли мѣстныхъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не забрали ее въ свои руки“ [3]).

[1]) Schäfer. Ibid. XXXV—XXXVI.

[2]) Фортинскій, стр. 414—415. Schäfer p. XXXVI—XXXVII. Stein. p. 81. Schanz. I. p. 175.

[3]) Фортинскій, стр. 244—245.

Въ концѣ XIII вѣка 7 городовъ: Любекъ, Ростокъ, Висмаръ, Стральзундъ, Грейфсвальдъ, Висби и Рига пріобрѣли въ Норвегіи слѣдующія обширныя привилегіи. „По соглашенію представителей обѣихъ сторонъ—читаемъ въ грамотѣ 1285 года—мы постановили, что жители упомянутыхъ семи городовъ, пріѣзжающіе въ Норвегію, или норвежцы, посѣщающіе тѣ города ради купли и продажи, могутъ все закупать наравнѣ съ жителями того мѣста, куда они пріѣхали, т. е. не только у горожанъ, но и у гостей и даже у крестьянъ; и все, что бы они ни купили, имѣютъ право вывезти, если только не послѣдовало общаго запрещенія самимъ мѣстнымъ жителямъ вывозить нѣкоторые товары; но, несмотря ни на какое запрещеніе, жители означенныхъ городовъ въ Норвегіи и норвежцы во всякій часъ дня, т. е. съ утра до вечера, наряду съ мѣстными жителями, могутъ покупать все, что имъ нужно“. Хотя эта привилегія и была двухсторонняя, но въ дѣйствительности пользовалась ею только одна сторона: норвежскіе куппы, пріѣзжавшіе въ ганзейскіе города, подвергались здѣсь тѣмъ же стѣсненіямъ, какъ и всѣ прочіе иностранцы; въ ихъ пользу ганзейцы не соглашались дѣлать на практикѣ никакихъ исключеній. Въ 1294 году послѣдовало новое подтвержденіе Кальмарскаго договора 1285 г. и расширеніе торговыхъ вольностей городовъ въ Норвегіи. „Когда торговые гости изъ упомянутыхъ городовъ (кромѣ пяти вендскихъ еще Анкламъ, Штеттинъ, Рига, Висби, Кампенъ и Ставернъ) пріѣдутъ въ наши города или торговыя села, они свободно могутъ приставать къ берегу, не испрашивая позволенія у бальи, но въ тотъ же или на слѣдующій день должны увѣдомить его, сколько и какіе товары они привезли, вмѣстѣ съ тѣмъ просить позволенія о перенесеніи ихъ съ судовъ въ дома; и въ этомъ разрѣшеніи имъ не должно быть отказано съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, что бальи въ продолженіе трехъ дней имѣетъ право первой купли, т. е. пріобрѣтенія для короля необходимыхъ предметовъ по законной (установленной) цѣнѣ,—расплатиться за нихъ онъ обязанъ своевременно. Если же бальи не воспользовался этимъ правомъ въ теченіе трехъ дней, то купцы могутъ продавать всѣ свои товары кому угодно. Когда же они войдутъ внутрь города или въ округъ торговаго села, т. наз. Takmark, то

должны продавать тамъ свои товары; но они могутъ везти ихъ и повсюду внутрь страны и внѣ королевства, но не сѣвернѣе Бергена, на что можетъ быть дано только особое разрѣшеніе. Купцы не обязаны показывать свое оружіе для осмотра, ихъ ящики также не слѣдуетъ подвергать осмотру, развѣ возникнетъ основательное подозрѣніе въ подлогѣ или воровствѣ [1]). Мѣстные купцы дѣлали впрочемъ нѣсколько разъ попытку бороться съ ганзейцами и не дать послѣднимъ возможности захватить торговлю въ свои руки; поэтому, несмотря на неоднократное подтвержденіе вольностей городамъ, въ теченіе первой половины XIV вѣка между ними и королемъ не было согласія. Ганзейцы жаловались на то, что имъ не даютъ возможности торговать между собою, хотя они пользовались этимъ правомъ искони, а равно торговать въ розницу, а заставляютъ продавать хлѣбъ, пиво, муку и сельди цѣлыми ластами или полуластами, а матеріи кусками или полукусками.

Но значительно болѣе тяжкія обвиненія предъявлялись противъ ганзейцевъ. Король жаловался на то, что „ганзейскіе купцы, по прибытіи въ Норвегію и по входѣ въ гавань, бьютъ, наносятъ раны и умерщвляютъ людей и тотчасъ же отплываютъ, не заботясь ни объ отвѣтѣ предъ Богомъ и королемъ, ни объ удовлетвореніи пострадавшихъ. Гдѣ они пристанутъ съ судами—тамъ разрушаютъ дома королевскіе и частныхъ лицъ, жгутъ ихъ безъ всякаго основанія, къ великому вреду и поношенію короля и многихъ другихъ“. Въ результатѣ, однако, побѣда все-таки оказалась на сторонѣ Ганзы: въ 1361 году Магнусъ и его сынъ Гаконъ отказались отъ всѣхъ претензій противъ вендскихъ городовъ, утвердили и расширили ихъ торговыя вольности. Ихъ торжество надъ Даніей и Норвегіей во вторую ганзейскую войну окончательно закрѣпило за ними торговое преобладаніе надъ норвежскими купцами [2]). Привилегіей 1376 г. правовое положеніе ганзейской конторы въ Бергенѣ и отношеніе ея къ королевской власти было твердо установлено и въ этомъ видѣ оно сохранилось вплоть до XVI вѣка [3]).

[1]) Фортинскій, стр. 254—255.

[2]) Фортинскій, стр. 260—261.

[3]) Bruns. Die lübecker Bergenfahrer und ihre Chronistik. Berlin. 1900.

Главнымъ мѣстомъ торговаго обмѣна въ Норвегіи былъ Бергенъ. Здѣсь уже въ началѣ XIV вѣка существовала ганзейская контора, а съ конца XIV вѣка имѣются извѣстія о существованіи въ Любекѣ гильдіи купцовъ, торгующихъ съ Бергеномъ. Сѣвернѣе Бергена ганзейцамъ не дозволялось ѣздить, но и населеніе, жившее въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, имѣло право торговать исключительно на бергенскомъ рынкѣ. Для ганзейцевъ такое центральное положеніе Бергена было выгодно, и они всячески старались удержать его и поэтому боролись съ поѣздками голландцевъ и англичанъ въ Исландію. До тѣхъ поръ, пока (до конца XV вѣка) Бергенъ являлся складочнымъ мѣстомъ въ норвежской торговлѣ, ганзейская контора въ Бергенѣ покоилась на крѣпкомъ фундаментѣ [1]). Продукты скотоводства и лѣсоводства, въ особенности масло, сало, кожи, шерсть ганзейцы скупали непосредственно у мѣстныхъ крестьянъ [2]); рыба же, въ особенности треска („бергенская рыба“), а также мѣха доставлялись въ Бергенъ съ сѣвера норвежскими купцами. Мѣха послѣдніе вымѣнивали въ сѣверныхъ лѣсахъ у дикихъ финскихъ племенъ самымъ примитивнымъ способомъ, именно путемъ нѣмой торговли [3]). Норвежскіе купцы, доставлявшіе рыбу и мѣха ганзейцамъ, не имѣли почти никакого капитала и вслѣдствіе этого находились въ полной зависимости отъ ганзейцевъ. Послѣдніе сбывали норвежцамъ привезенные товары, преимущественно муку, солодъ и пиво, обыкновенно дурного качества и по весьма высокимъ цѣнамъ; норвежцы не въ состояніи были уплачивать за нихъ наличными, а принимали на себя обязательство доставить къ слѣдующему году извѣстное количество рыбы; однако, имъ не всегда удавалось исполнить свое обѣщаніе и тогда отъ доброй воли кредиторовъ зависѣло, дать ли имъ снова въ долгъ товары и на какихъ условіяхъ [4]). Несомнѣнно, ган-

(Hansische Geschichtsquellen. N. F. B. II), p. VIII. Worms. p. 160 и сл. Sartorius, l. p. 209 и сл.

[1]) Bruns. p. LXV—LXVII.

[2]) Ibid. p. LXXXVI и сл.

[3]) Относительно характера нѣмой торговли см. выше, стр. 15 и сл., 73 и сл.

[4]) Ср. торговлю нашихъ купцовъ съ сибирскими инородцами, выше стр. 55.

зейцы пользовались этимъ и извлекали хорошую прибыль изъ этого обмѣна. Кромѣ того они добились постановленія, согласно которому норвежцамъ запрещалось сбывать кому бы то ни было свои товары прежде, чѣмъ они исполнили принятыя ими на себя обязательства по отношенію къ ганзейскому купцу или купеческой компаніи. Такимъ образомъ, норвежскіе торговцы совершенно отдавались въ кабалу ганзейцамъ [1]).

Что касается ганзейцевъ, ѣздившихъ въ Бергенъ, то они происходили обыкновенно изъ бѣдныхъ семействъ, но составляли себѣ торговлей состояніе въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ менѣе значительное. Такъ, состояніе одного изъ альдермановъ конторы—Генриха Моллера равнялось 20,000 (любекскихъ) мар., любекскій ратманъ Іоганъ Руссенбергъ обладалъ въ концѣ своей жизни домомъ цѣнностью въ 1,350 мар. и рентой въ 400 мар. и, кромѣ того, онъ передалъ еще раньше 2,000 мар. своему сыну. Другой ратманъ Годеке Бурместеръ имѣлъ ренту въ 105 мар. и кромѣ того капиталъ въ 4,800 мар., часть котораго была помѣщена въ различныхъ торговыхъ компаніяхъ. Все это были суммы очень крупныя для того времени, хотя, конечно, не всѣ купцы составляли себѣ столь значительныя состоянія [2]).

Торговыя сношенія между Норвегіей и другими странами находились почти всецѣло въ рукахъ ганзейцевъ. Такъ, норвежско-фламандская торговля, съ того времени, какъ окрѣпла контора въ Бергенѣ и въ Брюггѣ, составляла монополію Ганзы [3]). Въ началѣ XIV вѣка норвежцы вели еще торговлю съ Англіей, но въ слѣдующія десятилѣтія непосредственныя торговыя сношенія сократились все болѣе и болѣе, переходя постепенно къ ганзейцамъ, а во второй половинѣ XIV вѣка ганзейцы успѣли захватить всю эту торговлю. Начиная съ 1402 г., въ англійскихъ таможенныхъ реестрахъ не встрѣчается болѣе ни одного норвежскаго судна: во всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ норвежцевъ ганзейцы являются посредниками [4]). Во время войны съ

[1]) Bruns. p. LXVIII—LXIX. Worms. p. 157. См. Hegel. I. p. 391—392, 399—400.
[2]) Bruns. p. CXII—CXLIV, 10 и сл.
[3]) Bruns. p. IX.
[4]) Schanz. I. p. 182.

Вальдемаромъ IV англичанамъ удалось утвердиться въ Бергенѣ и они стали, такимъ образомъ, конкуррентами Ганзы, но послѣ заключенія мира въ 1370 г. они были силой изгнаны оттуда ганзейцами, потерявъ при этомъ товаровъ (по собственной оцѣнкѣ англичанъ) на 10 тыс. мар. Въ 1390 г. и въ 1400 г. англичане дѣлали вновь попытки завязать торговыя сношенія съ Норвегіей, но они каждый разъ вытѣснялись оттуда ганзейцами, причемъ лишались всѣхъ своихъ товаровъ и денегъ. Вслѣдствіе этого, они стали впослѣдствіи отправляться въ Исландію, но отъ посѣщенія Норвегіи вынуждены были совершенно отказаться: въ написанномъ въ 1436 году памфлетѣ, въ которомъ упоминается объ англійской торговлѣ съ разными странами, о торговыхъ сношеніяхъ съ Норвегіей уже нѣтъ рѣчи. Уже съ половины XIV вѣка учрежденная ганзейцами факторія въ Бостонѣ стала тѣмъ центральнымъ пунктомъ, куда ганзейцы привозили и откуда вывозили товары въ посреднической торговлѣ между Англіей и Норвегіей [1]). Наконецъ, и голландцы стали конкурировать съ ганзейцами въ Норвегіи лишь со второй трети XV вѣка, когда въ Амстердамѣ образовалась гильдія купцовъ, торгующихъ съ Бергеномъ; однако, привилегіи голландцевъ въ Бергенѣ были вплоть до 1490 года очень ограничены: они не могли привозить болѣе опредѣленнаго количества товаровъ и могли сбывать ихъ лишь оптомъ, но не въ розницу. „Такимъ образомъ— говоритъ Брунсъ—во время періода процвѣтанія ганзейской конторы въ Бергенѣ торговля купцовъ, не принадлежащихъ къ ганзейскому союзу, на этомъ рынкѣ отступила на задній планъ“ [2]). Послѣ заключенія Кальмарской уніи между Даніей, Швеціей и Норвегіей въ 1397 году, вліяніе Ганзы на Скандинавскомъ полуостровѣ еще болѣе усилилось и вплоть до конца XV вѣка никто не былъ въ состояніи нарушить ихъ монополіи, которую они—по словамъ Вормса—поддерживали совершенно своеобразнымъ способомъ: кулаками и кинжалами. Лишь въ теченіе XVI вѣка ганзейцы постепенно и съ большимъ трудомъ были вытѣснены изъ того положенія, которое они занимали въ теченіе нѣсколь-

[1]) Bruns. p. IX—XII.
[2]) Bruns. p. XIII—XIV.

кихъ вѣковъ, лишь медленно и постепенно туземные скандинавскіе купцы замѣнили иностранцевъ [1]).

III.

Какъ уже указано выше, съ начала XIII вѣка центромъ европейской торговли—рядомъ съ Венеціей—былъ Брюгге, и тѣмъ положеніемъ, которое Брюгге занималъ въ глазахъ народовъ Запада, онъ едва ли не болѣе всего былъ обязанъ тому, что въ его стѣнахъ устроили свою факторію купцы сѣверо-германскихъ городовъ, объединившіеся въ готландскую торговую гильдію. „Въ XIV вѣкѣ, говоритъ Пиренне, упоминаются нѣмецкія, испанскія, баскскія, арагонскія, каталонскія, итальянскія, сицилійскія и португальскія торговыя факторіи въ Брюгге. Среди нихъ съ самаго начала выдѣлялась факторія нѣмецкихъ купцовъ, какъ по количеству своихъ членовъ, такъ и по обширности своихъ привилегій. Въ 1356 году она принадлежала Ганзейскому союзу и была важнѣйшей факторіей, которою когда-либо владѣлъ этотъ могущественный союзъ городовъ [2])". Какъ указываетъ Вальтеръ Штейнъ въ своемъ изслѣдованіи о ганзейской факторіи въ Брюгге, Фландрія являлась необходимымъ исходнымъ пунктомъ для ганзейской торговли. „Ганзейскіе купцы, снабжавшіе народы сѣвера произведеніями запада и юга, всячески устраняя при этомъ конкуренцію другихъ народовъ, ни въ какомъ случаѣ не могли обойтись безъ издѣлій фламандской суконной промышленности. На томъ юридически твердомъ, крѣпкомъ положеніи, которое занимало нѣмецкое купечество во Фландріи, основывалось въ значительной степени торговое могущество Ганзы въ сѣверныхъ странахъ, котораго она добилась и которымъ она обладала въ теченіе продолжительнаго періода" [3]). „Въ первой половинѣ XIII вѣка Любекъ и Гамбургъ успѣли стать твердой ногою въ Нидерландахъ, а въ слѣдующія десятилѣтія они пользовались всякимъ удобнымъ

---

[1]) Worms. p. 159—161. Schanz. I. p. 249—251. Stein. p. 81—83, 87—90.

[2]) Pirenne. Geschichte Belgiens. B. I. p. 294—95.

[3]) Walter Stein. Die Genossenschaft der deutschen Kaufleute zu Brügge in Flandern. Berlin. 1890. p. 7—8.

случаемъ, чтобы упрочить тамъ свое положеніе и расширить свои торговыя вольности и рынокъ“ [1]).

„Мы, Божіею милостью, Робертъ, графъ Фламандскій,—читаемъ во фламандской грамотѣ 1309 года, являющейся во многихъ отношеніяхъ повтореніемъ грамоты 1252 года,—заявляемъ всѣмъ, кто увидитъ или прослушаетъ настоящую грамоту, что по доброй волѣ, за насъ и нашихъ наслѣдниковъ, ради выгоды и пользы нашей страны, по примѣру нашихъ предшественниковъ, мы приняли подъ нашу защиту и вѣрную охрану купцовъ римской имперіи (т. е. ганзейскихъ), всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, вмѣстѣ съ ихъ прислугою, товарами и всякаго рода имуществомъ, изъ какого бы города, мѣстечка или села они ни прибыли въ нашу страну, когда бы и сколько бы разъ они ни пріѣзжали въ нее моремъ или сушей, предоставляемъ имъ полную свободу посѣщать нашу землю, селиться въ ней навсегда или на время, на какое сами захотятъ и пожелаютъ. Они могутъ продавать, покупать или вообще торговать между собою или съ кѣмъ-либо другимъ по всякому способу купли-продажи, на вѣсовое серебро, на серебро въ монетѣ или въ обмѣнъ на какіе бы то ни было полезные или прибыльные для нихъ товары“. Въ этой же привилегіи было признано оффиціальное существованіе купеческаго союза въ Брюгге, и ганзейцы добились права составлять гильдіи во всѣхъ городахъ и областяхъ Фландріи. Подобно Фламандскому, и Брабантскій герцогъ въ 1315 г. обѣщаетъ предоставить купцамъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ полную свободу привоза, провоза, вывоза товаровъ и торговли ими съ кѣмъ и какъ угодно, подъ единственнымъ условіемъ — уплаты пошлины по тарифу. Эти привилегіи первоначально распространялись на всѣхъ иностранныхъ купцовъ, но впослѣдствіи ганзейцы добились того, что другія національности были лишены вольностей и привилегіи стали исключительно ганзейскими. Широкія привилегіи ганзейскіе города пріобрѣли и отъ графа Голландскаго въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка [2]).

---

[1]) Фортинскій, стр. 284.

[2]) Фортинскій, стр. 303—309. Schanz. I. p. 174—175.

Въ XIV вѣкѣ существовали ганзейскія торговыя факторіи въ Брюгге, Гентѣ и Ипрѣ, въ брабантскихъ городахъ—Антверпенѣ и Мехельнѣ, въ голландскихъ городахъ—Амстердамѣ, Дортрехтѣ, Девентри и Ставернѣ [1]). Центральнымъ пунктомъ и складочнымъ мѣстомъ былъ Брюгге, и при учрежденіи другихъ факторій въ Нидерландахъ принимались за образецъ статуты, дѣйствовавшіе въ Брюгге, Нѣсколько разъ ганзейскіе купцы, вслѣдствіе несогласій, оставляли Брюгге и переносили центръ своей торговли въ Арденбургъ или Дортрехтъ; но они скоро возвращались обратно. Если ганзейцы не безъ основанія утверждали, что во Фландріи они пользуются большими вольностями, чѣмъ въ другихъ странахъ, то не менѣе правильно было заявленіе Любека еще въ 1450 г., что ганзейская контора въ Брюгге представляетъ собою „складочное мѣсто, на которомъ преимущественно зиждется нѣмецкая Ганза“ [2]). Въ это время Брюгге еще считался „знаменитѣйшимъ городомъ міра по количеству привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и пріѣзжавшихъ сюда купцовъ“. Въ 1468 г. въ свитѣ Маргариты Іоркской находились ганзейцы (остерлинги) въ числѣ 108 купцовъ и 6 пажей, рядомъ съ флорентійцами — 60 факелоносцами, 4 пажами, 10 купцами 10 факторами и 24 конными слугами и испанцами—10 факелоносцами, 34 купцами и 24 пажами [3]). Но въ теченіе второй половины XV вѣка ганзейская торговля постепенно уходитъ изъ Брюгге, вмѣстѣ съ паденіемъ ганзейской торговли вообще, и одновременно съ этимъ Брюгге теряетъ свое прежнее значеніе, уступая мѣсто Антверпену—ибо лишь до тѣхъ поръ, пока Брюгге былъ центральнымъ пунктомъ для торговли сѣверныхъ странъ, онъ могъ удержать на своемъ рынкѣ итальянскихъ купцовъ.

Торговля Нидерландовъ съ другими странами, расположенными у Сѣвернаго и Балтійскаго моря, должна была производиться черезъ посредство ганзейскихъ купцовъ: нидерландцы сами не могли ѣздить въ Балтійское море и закупать какіе-либо товары самостоятельно. „Любопытно,

[1]) Фортинскій, стр. 310.

[2]) Rogge. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge. Kiel. 1903. p. 8 и сл. Stein. Beiträge zur Gesch. der deutschen Hanse. p. 71.

[3]) Pirenne. II. p. 496—499.

говоритъ Ноде, что въ то самое время, когда ганзейцы, прекративъ подвозъ хлѣба въ Норвегію, заставили ее признать торговое могущество Ганзы (въ 1284 году), Любеку удалось помѣшать попыткѣ фрисландцевъ и фламандцевъ проникнуть въ Балтійское море. Въ нарушеніе издревле господствующаго права—говорится въ двухъ грамотахъ, обращенныхъ къ Любеку городами Кампенъ и Цволле (повидимому въ 1285 году),—фрисландцы и фламандцы совершили плаваніе въ Балтійское море, а готландцы въ Западное (Сѣверное) море. Кампенъ и Цволле благодарятъ Любекъ за то, что онъ возстановилъ прежнее право, дѣйствовавшее по отношенію къ фрисландцамъ, фламандцамъ и готландцамъ, и просятъ его запретить и англичанамъ проѣздъ черезъ Зундъ [1])". Въ теченіе всего XIV и XV вѣка рѣдко встрѣчались фламандскія суда къ востоку отъ Зундскаго пролива. Торговая связь между Фландріей и Россіей, ядро ганзейской торговли, находилось, такимъ образомъ, въ теченіе этого періода въ монопольномъ владѣніи ганзейцевъ [2]).

Труднѣе ганзейцамъ было справиться съ голландцами. Если фламандцы — какъ мы видѣли выше—почти совсѣмъ не занимались торговымъ мореплаваніемъ, получая всѣ нужные имъ продукты сѣвера и юга отъ иностранныхъ купцовъ, съѣзжавшихся въ большомъ числѣ въ Брюгге, то голландцы, ощущавшіе всегда недостатокъ въ хлѣбѣ, не желали довольствоваться тѣмъ, что привозили ганзейцы, а старались самостоятельно вывозить хлѣбъ изъ хлѣбородныхъ низменностей, расположенныхъ у Балтійскаго моря. Но ганзейцы стремились во чтобы то ни стало сохранить выгодную хлѣбную торговлю съ Голландіей въ своихъ рукахъ и производить ее на своихъ корабляхъ. Въ XIII вѣкѣ единичныя попытки голландцевъ не приводили къ успѣшнымъ результатамъ, но и въ XIV вѣкѣ монополія ганзейцевъ почти не нарушалась. Отъ Стральзундскаго мира 1370 года голландцы и зеландцы пріобрѣли мало выгоды, хотя привилегіи, полученныя у датскаго короля, распространялись и на нихъ. Любекъ и другіе вендскіе города не дали имъ возможности воспользоваться этими вольностями;

---

[1]) Naudé. I. p. 279—80.

[2]) Naudé. I. p. 281. Stein. Beiträge, etc. p. 83.

до 1400 года лишь въ видѣ исключенія какое-нибудь голландское судно проходило чрезъ Зундскій проливъ и нагружалось хлѣбомъ въ балтійскихъ портахъ. Только съ начала XV вѣка голландцы проникаютъ въ Балтійское море и скупаютъ хлѣбъ въ запрещенныхъ мѣстахъ (такъ наз. Klipphäfen), откуда хлѣбъ долженъ былъ доставляться въ ганзейскіе города. Несмотря на запрещенія Ганзейскаго союза сбывать хлѣбъ гдѣ бы то ни было помимо установленныхъ рынковъ, голландцы и въ слѣдующія десятилѣтія XV вѣка скупали хлѣбъ до привоза его въ приморскіе города. Датскіе короли покровительствовали голландцамъ и поэтому они появлялись все чаще и чаще въ Зундскомъ проливѣ, хотя ганзейцы всячески препятствовали имъ. Такъ, несмотря на заключенный между голландцами и ганзейцами въ 1435 году миръ, въ 1436 и 1437 гг. вооруженныя ганзейскія суда произвели въ Балтійскомъ морѣ нападеніе на голландскіе корабли, пріѣхавшіе сюда за хлѣбомъ. Голландцы очутились въ крайне затруднительномъ положеніи: жатва у нихъ была уничтожена наводненіемъ и имъ грозилъ голодъ. Болѣе всего голландцы стремились попасть въ лифляндскіе и прусскіе города. Поэтому въ 1423 году было постановлено на съѣздѣ городовъ, что голландцы не могутъ торговать въ Лифляндіи, а вправѣ пріѣзжать туда лишь въ качествѣ корабельщиковъ. А два года спустя представители Любека, Кельна, Гамбурга, Стральзунда, прусскихъ городовъ и Риги пошли еще дальше: вмѣстѣ съ ганзейской конторой въ Брюгге они порѣшили, что ганзейскіе купцы не могутъ отнынѣ принимать на свои суда фламандцевъ, зеландцевъ и голландцевъ, отправляющихся въ Лифляндію, если же послѣдніе сами отправятся въ Лифляндію, то ихъ судамъ не будетъ разрѣшено приставать въ портахъ. Но эти запрещенія соблюдались лишь отчасти: интересы вендскихъ городовъ, съ одной стороны, и прусско-лифляндскихъ, съ другой стороны, расходились въ данномъ случаѣ. Вендскіе города старались совершенно вытѣснить голландцевъ, ибо они нарушали ихъ монополію, лишали эти города того значенія, которымъ они пользовались въ качествѣ центральныхъ складочныхъ пунктовъ въ торговлѣ между сѣверо-восточной и западной Европой. Наоборотъ, для

прусско-лифляндскихъ городовъ было желательно посѣщеніе голландскихъ судовъ, которыя транспортировали бы продукты массоваго производства, лѣсъ и хлѣбъ, ибо ихъ собственныхъ судовъ не хватало для перевозки всѣхъ этихъ продуктовъ. Поэтому, несмотря на всѣ усилія вендскихъ городовъ, въ XV вѣкѣ рядомъ съ ганзейцами и голландцы посѣщали Балтійское море; но по своей силѣ послѣдніе все еще не могли сравняться съ Ганзой и поскольку среди членовъ союза господствовало единодушіе, перевѣсъ всегда оставался на ихъ сторонѣ [1]).

Одновременно съ голландцами и англичане стали посѣщать гавани Балтійскаго моря, въ особенности Данцигъ, гдѣ они въ XV вѣкѣ имѣли даже постоянное подворье. Впрочемъ, это подворье у нихъ неоднократно отнималось и ихъ права подвергались сильнымъ ограниченіямъ. Въ 1402 году англичанамъ разрѣшено было торговать лишь въ первомъ портовомъ городѣ, но запрещалось ѣздить вглубь страны и вступать въ торговыя сношенія съ другими „гостями“. Вообще самостоятельная торговля англичанъ и мореплаваніе ихъ было очень мало развито. Такъ, когда англичане нуждались въ подвозѣ хлѣба, хлѣбъ привозился имъ ганзейцами, и точно также ганзейскіе купцы вывозили изъ Англіи шерсть, кожу, пиво, сыръ. Южныя графства имѣли нерѣдко избытокъ въ хлѣбѣ (въ то время, когда сѣверныя нуждались въ немъ) и вывозили этотъ хлѣбъ во Фландрію, Брабантъ, Голландію, Францію, притомъ—въ особенности въ XIV вѣкѣ—на ганзейскихъ, а не на англійскихъ судахъ, а одно время и торговля между Англіей и Фландріей находилась въ рукахъ ганзейцевъ. Непосредственныя торговыя сношенія Англіи съ Скандинавскимъ полуостровомъ, какъ мы видѣли выше, прекратились: ганзейцы изгнали англичанъ оттуда.

Торговля скандинавскихъ государствъ сосредоточивалась въ средніе вѣка въ рукахъ Ганзы, торговлю Фландріи раздѣляли между собою итальянцы и ганзейцы. То же происходило въ Англіи, съ той лишь разницей, что здѣсь ганзейцы были значительно сильнѣе итальянцевъ и пользовались

[1]) Naudé. Acta Borussica. I., p. 282—292.

гораздо большими привилегіями [1]). Примѣняя въ ганзейскихъ городахъ принципы „гостиннаго“ права и къ англичанамъ во всей ихъ строгости, ганзейцы сами занимали въ Англіи едва ли не болѣе выгодное положеніе, чѣмъ мѣстные купцы. Въ какихъ исключительныхъ условіяхъ находились ганзейскіе купцы въ Англіи, видно, напр., изъ слѣдующихъ фактовъ, относящихся къ XVI вѣку, т. е. къ тому времени, когда ихъ положеніе (со второй половины XV вѣка) успѣло уже ухудшиться. Когда въ 1552 году были отмѣнены привилегіи ганзейскаго Стального двора въ Лондонѣ, а въ 1554 г. были вновь возстановлены, таможенныя пошлины въ этотъ промежутокъ времени, за 11 мѣсяцевъ, увеличились на 1,2 милл. современныхъ марокъ. Когда при Елизаветѣ были повышены вывозныя пошлины на сукно, ганзейцамъ пришлось заплатить 28 тыс. ф. ст. за 40 тыс. штукъ сукна; раньше они платили за такое количество всего $2^1/_2$ тыс. ф. ст., другіе же иностранцы—56 тысячъ [2]).

Первоначально въ Англіи — какъ и во всѣхъ другихъ странахъ — иностранцы считались врагами и были совершенно безправны, причемъ, какъ указываетъ Шанцъ, въ Англіи, въ виду ея островного положенія, враждебное отношеніе къ чужестранцамъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. При такихъ условіяхъ торговыя сношенія были, очевидно, немыслимы. Лишь постепенно полное устраненіе иностранцевъ замѣнилось допущеніемъ ихъ на четыре ежегодно происходившія въ Англіи ярмарки, причемъ, однако, они не могли пребывать въ странѣ болѣе 40 дней — и то и другое несомнѣнные признаки недовѣрія къ иностранцамъ, опасенія, какъ бы они не перешли къ враждебнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ туземнымъ жителямъ. Въ остальное (внѣ—ярмарочное) время иностранные купцы не допускались въ Англію и во всякомъ случаѣ, пріѣхавъ туда, были безправными; для того, чтобы быть увѣреннымъ въ своей жизни и имуществѣ, купецъ долженъ былъ получить лиценцію у короля—онъ становился тогда подъ защиту короля. Такія лиценціи получали сначала

---

[1]) См. особ. Sartorius. Urkundliche Geschichte des hansischen Stahlhofes zu London. Hamburg. 1851.

[2]) Schmoller. II. p. 575.

отдѣльные купцы, а затѣмъ и цѣлые города и союзы городовъ. А въ 1215 году Великая хартія вольностей предоставила всѣмъ купцамъ „свободно и безопасно пріѣзжать и уѣзжать изъ Англіи, жить тамъ и ѣздить по странѣ сушей и водой для покупки и продажи товаровъ". Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIII вѣка иностранные купцы находились въ Англіи въ очень благопріятномъ положеніи. Въ 1303 году они пріобрѣли новыя, совершенно особыя, привилегіи на основаніи т. наз. Carta mercatoria, которая распространялась на купцовъ, „пріѣзжавшихъ изъ Германіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Наварры, Ломбардіи, Тосканы, Прованса, Каталоніи, Аквитаніи, Тулузы, Кверси, Фландріи, Брабанта и другихъ странъ". Всѣ эти купцы пользуются полной безопасностью въ Англіи; они вправѣ привозить товары всякаго рода и свободны отъ всякихъ городскихъ (транзитныхъ) пошлинъ. Имъ дозволяется продавать товары оптомъ какъ англичанамъ, такъ и иностранцамъ; пряности и бакалейные товары они могутъ попрежнему продавать въ розницу кому угодно [1]). Въ отношеніи мѣста пребыванія, жилища и храненія товаровъ они не подвергаются никакимъ ограниченіямъ. Король обѣщаетъ не устанавливать максимальныхъ цѣнъ на продаваемые ими товары, а за пріобрѣтаемые имъ самимъ товары платить ту же цѣну, по которой они продаются на рынкѣ. Предоставляя столь широкія привилегіи иностраннымъ купцамъ, король, тѣмъ самымъ лишалъ мѣстныхъ купцовъ дарованныхъ имъ вольностей. Въ теченіе всего XIII вѣка происходитъ поэтому непрерывная борьба между королемъ и горожанами, которые добиваются возвращенія имъ прежнихъ правъ. Въ 1312—1319 гг. иностраннымъ купцамъ вновь запрещена продажа товаровъ въ розницу и покупка сельскохозяйственныхъ продуктовъ на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ и пребываніе ихъ снова ограничено 40 днями. Въ 1334, 1343 и 1351 гг. всѣ эти новыя ограниченія были отмѣнены и иностранные купцы получили еще новыя привилегіи; дѣло дошло до того, что нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли были вовсе закрыты для мѣстныхъ купцовъ. Въ концѣ

[1]) „ita tamen, quod merces, quae mercerie vocantur, ac species minuatim vendi possint, prout antea fieri consuevit". Schanz. I. p. 391.

XIV вѣка горожане снова стали настаивать на устраненіи иноземной конкурренціи, находя, что иностранные купцы могутъ пользоваться въ Англіи лишь тѣми правами, которыя они сами предоставляютъ у себя англичанамъ, и постепенно, шагъ за шагомъ они, въ особенности жители Лондона, въ теченіе XV вѣка вновь пріобрѣтаютъ прежнія права, которыми они пользовались до 1303 года [1]).

Изъ всѣхъ иностранцевъ однимъ лишь ганзейцамъ удалось сохранить за собой дарованныя имъ на сновапіи Carta mercatoria вольности; въ теченіе болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода обозначенныя въ этой хартіи привилегіи каждый разъ подтверждались для ганзейскихъ купцовъ, такъ что въ результатѣ хартія, являвшаяся первоначально общей привилегіей иноземныхъ купцовъ, какъ и въ Нидерландахъ, постепенно превратилась въ спеціально ганзейскую привилегію и стала твердымъ основаніемъ, на которомъ покоилась ганзейская торговля въ Англіи. Уже въ 1316 году, когда иностранцамъ было запрещено продавать товары въ розницу, пріобрѣтать собственные дома и являться посредниками въ торговлѣ, это ограниченіе не было распространено на ганзейцевъ, а годъ спустя были установлены спеціальныя привилегіи въ пользу ганзейцевъ, которыя не распространялись на купцовъ другихъ національностей. Въ 1337—1345 гг. Carta mercatoria подтверждена для ганзейцевъ пять разъ—мѣра, необходимая въ тѣ времена, такъ какъ всѣ постановленія издавались лишь на опредѣленный срокъ. Въ 1354 и 1377 гг. признаны всѣ привилегіи, дарованныя ганзейцамъ, какъ хартіей, такъ и закономъ о вольностяхъ 1317 г., причемъ низкій таможенный тарифъ, установленный для ганзейцевъ въ 1303 году, остается въ силѣ, несмотря на то, что пошлины, взимавшіяся со всѣхъ другихъ купцовъ, какъ англійскихъ, такъ и въ особенности иностранныхъ, были повышены [2]). Уже въ XIII вѣкѣ ганзейцы имѣли подворья въ Лондонѣ, Бостонѣ и Линнѣ и назывались купцами „Стального двора“, по названію ихъ лондонскаго подворья. Въ XV вѣкѣ они пріобрѣли эти три факторіи въ

[1]) Schanz, Englische Handelspolitik. p. 396 и сл.

[2]) Kunze. Hanseakten aus England 1275—1412. Hansische Geschichtsquellen. B. VI. Halle. 1891. p. VIII. XI—XII. XVII.

полную собственность и въ то же время получили право продавать рейнскія вина въ розницу, что—по словамъ Кеннингэма—представляло собою наибольшій успѣхъ, достигнутый ими въ Англіи [1]).

О привилегированномъ положеніи ганзейцевъ, о той роли, которую они играли въ англійской торговлѣ, свидѣтельствуютъ и данныя торговой статистики. Важнѣйшимъ предметомъ вывоза изъ Англіи являлась до половины XIV вѣка шерсть, а начиная съ этого времени—сукно. Въ 1277—78 гг. 30% шерсти вывозилось итальянцами, всего 12% ганзейцами; итальянцы занимаютъ первое, ганзейцы четвертое мѣсто среди купцовъ, вывозящихъ шерсть изъ Англіи. Количество тюковъ шерсти, на вывозъ которыхъ выдаются лицензіи итальянскимъ купцамъ, составляетъ въ среднемъ 163 тюка, лицензіи же ганзейцевъ колеблются между 38 и 57 тюками. Въ 1303 году ганзейскій вывозъ составляетъ, наоборотъ, третью часть всего вывезеннаго количества, а семь лѣтъ спустя онъ превышаетъ, судя по вывознымъ пошлинамъ, половину всего вывоза. Наконецъ, въ 1338—1342 гг. весь вывозъ шерсти находится въ рукахъ ганзейцевъ; итальянцы не являются болѣе конкуррентами. Вмѣсто 45 тюковъ (въ среднемъ), какъ это было въ 1277 году, на лицензію приходится обыкновенно не менѣе 150 тюковъ, а въ иныхъ случаяхъ даже 1,100, 3,300 и болѣе тюковъ шерсти. Въ послѣдней четверти XIV вѣка, когда вывозъ шерсти изъ Англіи замѣнился вывозомъ сукна, ганзейцы вывозили изъ Бостона 76% всего экспортируемаго оттуда сукна, на долю англійскихъ купцовъ приходилось 21%, на всѣхъ остальныхъ иностранцевъ менѣе 3%. Въ Кингстонѣ, впрочемъ, англичане играютъ первую роль въ экспортѣ, въ Саутгэмптонѣ вывозъ другихъ иностранцевъ превышаетъ вывозъ ганзейскихъ купцовъ. „Вообще—говоритъ Кунце—получается такое впечатлѣніе, что юго-восточная часть полуострова являлась главнымъ центромъ ганзейской торговли“ [2]).

Насколько выгодна была эта торговля, мы можемъ судить изъ тѣхъ привилегій, которыя обозначены въ хар-

---

[1]) Кеннингэмъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Рус. пер. Москва. 1904. Т. I. Стр. 362.

[2]) Kunze, p. XLI—XLIV.

тіяхъ 1303 и 1317 гг., ибо ганзейцы пользовались ими не только въ XIV, но и въ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка, вплоть до царствованія Елисаветы. Еще въ 1553 году было признано это „государство въ государствѣ“ и были подтверждены всѣ прежнія вольности ганзейцевъ, вплоть до полученныхъ ими во времена первыхъ Эдуардовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ съ половиною столѣтій ганзейскіе купцы имѣли полную возможность вступать въ непосредственныя торговыя сношенія съ населеніемъ, обходя англійскихъ купцовъ, какъ это они дѣлали и на Скандинавскомъ полуостровѣ, разъѣзжать по странѣ и торговать въ селахъ, пріобрѣтая шерсть, сукно и другіе товары изъ первыхъ рукъ и сбывая въ розницу сельскимъ жителямъ привезенные ими изъ другихъ странъ товары. Противъ этихъ разъѣздовъ иностранцевъ по селамъ и торговли съ сельскими жителями съ обходомъ городовъ и городскихъ купцовъ англичане возставали болѣе всего, говоря, что иностранцы уничтожаютъ всякую возможность существованія самостоятельной англійской торговли [1]). Англійскіе купцы жаловались также на монопольный характеръ ганзейской торговли: ганзейцы имѣютъ возможность вступать между собой въ соглашеніе и произвольно устанавливать цѣну товаровъ, понижая цѣну англійскихъ продуктовъ и повышая цѣну привозимыхъ товаровъ [2]). Наконецъ, англичане ставили ганзейцамъ въ укоръ, что они не желаютъ вести торговлю съ ихъ купцами: еще въ 1296 году Ганза запретила торговать въ компаніи съ русскими, фламандцами или англичанами, а по постановленію союза въ 1434 и 1441 гг., какъ въ ганзейскихъ городахъ, такъ и въ Бергенѣ, Брюгге и Лондонѣ съ ганзейскихъ купцовъ бралось подъ присягой обязательство не сообщать иностраннымъ купцамъ свѣдѣній о продаваемыхъ ганзейцами товарахъ. Англичане указывали на то, что ганзейцы прямо-таки „бойкотируютъ англійскихъ купцовъ, доводя ихъ до голодной смерти; они не только сами поступаютъ несправедливо по отношенію къ англійскимъ купцамъ, ограничивая ихъ права, но добились установленія подобныхъ же

[1]) Schanz, I, p. 396, 400, 411.
[2]) Ibid. p. 409.

законовъ въ Норвегіи и Швеціи“ [1]). Тѣмъ не менѣе еще въ 1474 г. въ извѣстномъ Утрехтскомъ договорѣ, устанавливавшемъ рядъ привилегій въ пользу ганзейцевъ, лишь вскользь упоминалось о торговлѣ англичанъ въ ганзейскихъ городахъ; и этотъ договоръ имѣлъ односторонній характеръ [2]). Англійскій король не рѣшался предъявлять къ ганзейцамъ требованій, выставляемыхъ горожанами; никто не могъ себѣ даже представить, чтобы англичане могли занять хотя бы отчасти то господствующее положеніе въ ганзейскихъ городахъ, котораго добилась Ганза въ Англіи и которое она удержала, какъ и въ другихъ странахъ, до тѣхъ поръ, пока не народился классъ туземныхъ купцовъ.

IV.

„Торговыя сношенія между Англіей и Ганзой—говоритъ Шанцъ—сходны во многомъ съ тѣми сношеніями, которыя существовали между Англіей и Венеціей. Подобно тому, какъ на Средиземномъ морѣ господствовали венеціанцы, Балтійское море являлось мѣстомъ господства ганзейцевъ, какъ Александрія составляла основу венеціанской торговли, такъ базисомъ ганзейской торговли въ эпоху ея расцвѣта являлся Новгородъ“ [3]). Торговлѣ съ Новгородомъ ганзейцы придавали особое значеніе. „Въ Новгородѣ—говорили они—легче всего и при небольшомъ капиталѣ стать человѣкомъ. Изъ этой конторы, какъ изъ живого источника образовались всѣ остальныя, на ней покоилось все ихъ значеніе“ [4]).

Иноземная торговля Новгорода возникла еще до образованія ганзейскаго союза и до появленія нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ. Не говоря уже о торговлѣ съ другими русскими областями, съ югомъ, а въ особенности съ востокомъ и сѣверомъ, которая доставляла новгородцамъ немало отпускныхъ статей для торговли съ Западной Европой и которая по своему характеру немногимъ отличалась отъ по-

---

[1]) Кеннингэмъ, стр. 363. Stein. p. 123, 126.
[2]) Schanz. I. p. 179.
[3]) Schanz. I. 172.
[4]) Schaefer. Die Hanse und ihre Handelspolitik. 1895. p. 16. Schanz. p. 181.

слѣдней, ибо и здѣсь сталкивались враждебныя другъ другу племена,—уже рано началась торговля Новгорода со скандинавскими народами. Какъ указываетъ А. И. Никитскій, зачатковъ Новгородской торговли съ Западной Европой нужно искать не въ сношеніяхъ ихъ съ балтійскими славянами, а въ другомъ мѣстѣ, именно на сѣверномъ побережьи Балтійскаго моря—въ Даніи, Норвегіи, Швеціи. Въ сношеніяхъ норманновъ съ Востокомъ Европы нужно, по его мнѣнію, искать зачатки и собственно новгородской торговли. Скандинавскіе народы—говоритъ Никитскій—были первоначально знакомы другимъ племенамъ Европы только какъ грозные пираты, не щадившіе ни жизни, ни имущества сосѣдей. Со времени образованія изъ Скандинавскихъ земель трехъ королевствъ и водворенія въ нихъ христіанства, т. е. въ IX—X ст., отношенія ихъ къ сосѣднимъ народамъ принимаютъ болѣе дружественный характеръ; движенія норманновъ пріобрѣтаютъ торговый отпечатокъ. Объ этихъ новыхъ торговыхъ движеніяхъ такъ много свидѣтельствъ въ источникахъ, особенно въ сагахъ, что сомнѣваться въ нихъ было бы довольно трудно. Скандинавскіе удальцы ставили своею конечною цѣлью достиженіе Біарміи или же самого Великаго Новгорода [1]). „И новгородская торговля въ своей исходной точкѣ отправленія имѣла пиратскіе набѣги норманновъ. Набѣги, какъ набѣги, стали мало-по-малу выходить изъ употребленія и уступать свое мѣсто торговымъ сношеніямъ. Но исчезновеніе ихъ было далеко не настолько полнымъ, чтобы поле дѣйствія было совершенно очищено для торговли. Компаніи, образовавшіяся для отдаленныхъ странствій, преслѣдовали далеко не однѣ торговыя цѣли. Очень часто случалось, что въ однихъ и тѣхъ же лицахъ соединялись промыслы и пирата и купца [2]), нерѣдко случалось, что участники одной и той же компаніи грабили въ одномъ мѣстѣ и торговали въ другомъ. Произведенія, привезенныя изъ дому или награбленныя на чужбинѣ, мѣнялись на продукты туземцевъ и во многихъ случаяхъ эта мѣна была,

[1]) А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. Москва. 1893. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1893. Кн. I и II. Стр. 24—26.

[2]) Ср. выше, стр. 144—145, 196.

по всей вѣроятности, просто-на-просто нѣмою торговлею". Награбленные или пріобрѣтенные въ другихъ странахъ товары скандинавскіе купцы вымѣнивали на мѣха и на предметы роскоши (пурпуровое сукно, золотую парчу, столовую утварь, отличавшуюся изяществомъ отдѣлки, драгоцѣнные камни), привозимые въ Русь чрезъ Византію [1]).

Торговыя сношенія скандинавскихъ народовъ съ Россіей имѣли въ сущности случайный характеръ; большую правильность торговля пріобрѣла лишь съ того времени, какъ Готландъ сталъ центральнымъ пунктомъ для сѣвернаго купечества, въ томъ числѣ прежде всего нѣмецкаго. Въ первой половинѣ XII вѣка готландцы уже несомнѣнно посѣщали Новгородъ и имѣли здѣсь собственную церковь, которая, по характеру времени, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ для готландскихъ товаровъ. Вмѣстѣ съ готландцами появились и другіе западно-европейскіе народы, въ особенности нѣмцы, которые переселились въ Висби на Готландѣ. Появленіе ихъ въ Новгородѣ относится ко второй (или первой?) половинѣ XII вѣка; въ 1199 году существовало уже нѣмецкое подворье въ Новгородѣ [2]). Вскорѣ и вендскіе города, въ особенности Любекъ, вступили въ непосредственныя сношенія съ Великимъ Новгородомъ. Первоначально новгородцы, повидимому, не впускали нѣмцевъ къ себѣ въ городъ; торговля происходила въ Гостинополѣ (изъ названія видно, что это было рыночное мѣсто), которое было, какъ можно думать, островомъ на Волховѣ [3]). И торговля была, вѣроятно, вначалѣ нѣмая („нѣмцы" — нѣмые), оттого ли, что пріѣзжіе купцы не знали языка или потому, что вступающія въ обмѣнъ стороны боялись непосредственныхъ торговыхъ сношеній. И въ другихъ мѣстахъ нѣмцы завели торговыя конторы, въ Псковѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ. Псковъ торговалъ и договаривался съ нѣмцами на собственной волѣ гораздо раньше того времени, когда Новгородъ призналъ его своимъ младшимъ братомъ [4]). Въ Псковѣ нѣмецкое торговое подворье находилось въ пред-

[1]) Никитскій, стр. 28—29.

[2]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts. St. Petersburg. 1895. p. 5.

[3]) Buck. p. 11.

[4]) Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой. Спб. 1879. Стр. 86.

мѣстьѣ на лѣвомъ берегу р. Великой, сюда являлись русскіе купцы для торговаго обмѣна; нѣмцамъ же запрещалось переходить на другой берегъ рѣки въ городъ [1])—опасались, очевидно, враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Но главное мѣсто среди всѣхъ нѣмецкихъ конторъ на Руси занимала новгородская контора, она являлась центральнымъ пунктомъ всей торговли Руси съ Ганзой.

Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать размѣровъ новгородской торговли. „Было бы несправедливо—говоритъ Никитскій—представлять себѣ новгородское населеніе въ цѣломъ, какъ по преимуществу торговое. Напротивъ, подобно обрабатывающей промышленности, и торговля была въ массѣ населенія развита крайне слабо". Собственно говоря, — продолжаетъ онъ — вся торговая дѣятельность новгородской земли сосредоточивалась въ нѣкоторыхъ пунктахъ — Русѣ, Торжкѣ и въ особенности Великомъ Новгородѣ. Послѣдній держалъ въ своихъ рукахъ торговлю всей страны. Цѣлыми обществами новгородскіе купцы наѣзжали въ новгородскія области, въ Корелу, Обонежье, Заволочье, Пермь, Печеру, Югру и селились тамъ временно до окончанія торга. Обмѣнъ совершался, повидимому, въ формѣ нѣмой торговли. Въ сношеніяхъ съ Югрой, напримѣръ, новгородцы просто показывали шедшіе на мѣну предметы: ножи, сѣкиры,—и въ обмѣнъ на нихъ встрѣчали со стороны Югры предложеніе извѣстнаго количества мѣховъ [2]). При этомъ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что „купцы нерѣдко обращались въ разбойниковъ и грабили товары другихъ купцовъ. Въ частности „сношенія новгородцевъ съ Заволочьемъ, Пермью, Югрой, Печерой и Самоядью (въ видахъ торговаго обмѣна) были часты, но извѣстны болѣе враждебныя столкновенія" [3]). Предметы, пріобрѣтаемые новгородскими куп-

[1]) Winckler. Die Deutsche Hansa in Russland. Berlin. 1886. p. 11—14.

[2]) Никитскій, стр. 87—90—98. По описанію Герберштейна, торговля Югры съ сосѣдними племенами производилась слѣдующимъ образомъ. Торговля „чудная, нигдѣ такъ не торгуютъ... югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары... приходятъ купцы изъ земли грустинцевъ и серпентовцевъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются".

[3]) Аристовъ. Промышленность древней Руси. Спб. 1866. Стр. 181—208.

цами въ областяхъ, принадлежавшихъ Новгороду, далеко не всегда являлись результатомъ двусторонняго обмѣна, а во многихъ случаяхъ получались просто въ качествѣ дани. Выгодная торговля (съ Ганзой) мѣхами побуждала новгородцевъ къ завоеваніямъ на сѣверѣ, въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ пушнымъ звѣремъ. „Для собиранія дани, новгородцы посылали въ свои дальнія волости ватаги даньщиковъ. Нѣсколько такихъ ватагъ подъ начальствомъ своихъ ватамановъ ходили по странѣ и собирали съ жителей звѣриныя шкуры и дорогіе металлы. Странствовать было небезопасно; и, дѣйствительно, упоминаются въ лѣтописяхъ случаи, когда новгородскіе даньщики погибали отъ туземныхъ народовъ. Такъ, въ 1184 г. были избиты заволочьскіе, печерскіе и югорскіе даньщики“ [1]). „Владѣніе Пермью, считавшейся въ числѣ новгородскихъ волостей,—говоритъ Костомаровъ—ограничивалось, кажется, собираніемъ дани посредствомъ даньщиковъ, которые посылались Новгородомъ. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ что могли взять, соображаясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ“ [2]). Есть основанія предполагать, что важнѣйшій продуктъ, получаемый изъ сѣверныхъ земель, мѣха пушныхъ звѣрей, которые играли едва ли не наиболѣе значительную роль среди товаровъ, вывозимыхъ изъ Новгорода въ Западную Европу, доставлялся въ Новгородъ преимущественно въ видѣ дани съ жителей новгородскихъ земель, а слѣдовательно, торговля Новгорода въ предѣлахъ его собственной области не могла быть значительной.

Что касается торговли съ другими областями русской земли, то въ XIII вѣкѣ новгородцы стали торговать въ Литовской землѣ, и съ этого же времени они становятся обычными посѣтителями Суздаля, Переяславля Залѣсскаго, Костромы, Твери. Новгородцы не только старались обезпечить торговлю договорами съ восточными князьями, но успѣли даже выхлопотать отъ хановъ ярлыкъ, предоставлявшій имъ право торговать въ Суздальской землѣ безъ рубежа, т. е. безъ насильственнаго захвата купеческихъ товаровъ [3]). Никитскій

[1]) Костомаровъ. Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. Т I. Спб. 1863. Стр. 414.

[2]) Костомаровъ. Т. 1. Стр. 412—414.

[3]) Никитскій, стр. 91—93.

указываетъ на то, что новгородская торговля имѣла посредническій характеръ. „Только въ нѣкоторой части она состояла въ сбытѣ своихъ домашнихъ произведеній. Въ большей же долѣ она представляла ничто иное, какъ мѣну однихъ чужихъ товаровъ (западно-европейскихъ) на другіе, тоже чужіе, а именно: на продукты другихъ русскихъ колоній. Предпріимчивости новгородцевъ обязано то обстоятельство, что въ международное обращеніе введены были не только продукты собственно Русской земли, но и произведенія самыхъ отдаленныхъ окраинъ настоящей Россіи и даже, хотя, быть можетъ, и не въ очень большомъ количествѣ, продукты, восточныхъ азіатскихъ странъ. При этомъ мѣховыя сокровища Двинской земли, Печоры и Югры поступали въ торговое западное обращеніе непосредственно чрезъ руки однихъ новгородцевъ“ [1]). Какъ мы видѣли выше, эти мѣха получались не только непосредственно, но что еще важнѣе, и безвозмездно, въ качествѣ дани, и оба эти момента имѣли большое значеніе для новгородской торговли, ибо важнѣйшій предметъ вывоза могъ сбываться по очень низкимъ цѣнамъ. „Русскій — говоритъ Костомаровъ о московскомъ купцѣ XV—XVI ст. — пріобрѣталъ свой товаръ у производителей по очень дешевой цѣнѣ, и могъ отдавать нѣмцу, хотя съ барышемъ для себя, но чрезвычайно сходно для послѣдняго“ [2]). Это относится въ еще большей мѣрѣ къ предыдущимъ столѣтіямъ: на дешевизнѣ сбываемыхъ товаровъ покоилась въ значительной степени та посредническая роль въ торговлѣ съ Западомъ, которую занималъ Новгородъ.

Активной роли въ этой торговлѣ Новгородъ, повидимому, никода не игралъ. По мнѣнію Костомарова, „поѣздки новгородцевъ заграницу по торговымъ дѣламъ совершались постоянно, но въ раннія времена болѣе, чѣмъ въ послѣдующія, потому что съ тѣхъ поръ, какъ образовался Ганзейскій союзъ и контора подчинена была строжайшей корпораціи, всѣ мѣры были предприняты, чтобы торговля въ Новгородѣ была исключительно въ рукахъ конторы“ [3]). Никитскій, на-

---

[1]) Никитскій, стр. 204—206.

[2]) Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Стр. 176.

[3]) Костомаровъ. Сѣверноруссскія народоправства. Т. II, стр. 213—215.

оборотъ, утверждаетъ, что и первоначальныя плаванія новгородцевъ не были самостоятельны, что новгородцы, во всякомъ случаѣ, не совершали плаванія на Готландъ на собственныхъ судахъ. „Великій Новгородъ —говоритъ онъ—не былъ собственно приморскою страной, а потому, если и располагалъ судами, то отнюдь не болѣе какъ рѣчными: настоящихъ же морскихъ судовъ у новгородцевъ не было. Вслѣдствіе этого необходимо допустить, что передвиженія новгородцевъ на Западъ совершались обыкновенно на судахъ чужихъ. Данныя же позднѣйшаго времени какъ нельзя лучше подтверждаютъ это положеніе. Въ XIV и XV вѣкахъ новгородцы ѣздили на иноземныхъ судахъ. Обыкновенно заключаютъ отсюда, что активный характеръ торговли ихъ падалъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе. Но намъ кажется гораздо правдоподобнѣе, что въ этомъ смыслѣ активности не было и въ начальное время. Нетрудно —прибавляетъ Никитскій—доискаться и пути, какимъ возникло плаваніе новгородцевъ на Готландъ. Обязанные для безопасности гостей давать проводниковъ, новгородцы удовлетворяли этой обязанности помѣщеніемъ своихъ пословъ и купцовъ, которые ѣхали съ гостями до самой ихъ родины и тамъ занимались торговлей. Но какъ скоро обычай отправлять товары на иноземныхъ корабляхъ установился, то дѣло совершалось обыкновенно такъ, что новгородскіе купцы подражали какого-либо шкипера или же просто поручали свои товары на комиссію иноземнымъ гостямъ“ [1]). Это весьма любопытный взглядъ на возникновеніе и характеръ путешествій новгородскихъ купцовъ въ западныя страны, — поскольку вообще можно говорить объ этихъ путешествіяхъ. Именно въ XIV и XV ст. о поѣздкахъ новгородцевъ на Западъ упоминается довольно рѣдко. При отсутствіи собственнаго морского торговаго флота самостоятельная торговля была почти немыслима, приходилось либо отдавать свои товары на комиссію иноземнымъ купцамъ, либо пользоваться судами послѣднихъ (что Ганза запрещала). Въ послѣднемъ случаѣ нѣмецкіе купцы, принимавшіе къ себѣ новгородцевъ въ компанію, нерѣдко усугубляли свой барышъ тѣмъ, что вмѣсто защиты новгородцевъ отъ разбойниковъ сами становились на мѣсто по-

[1]) Никитскій, стр. 31.

слѣднихъ,—такое превращеніе купца въ разбойника было въ то время дѣломъ очень простымъ: первый еще не успѣлъ вполнѣ вылупиться изъ послѣдняго. Поэтому больше всего новгородское торговое движеніе направлялось въ ближайшіе лифляндскіе города, въ Нарву, Ревель, Дерптъ и Ригу, далѣе въ Або и Выборгъ, отчасти въ Пруссію и въ шведскіе города. Самыми крайними пунктами были Готландъ и Любекъ [1]). Но по сравненію съ торговлей ганзейцевъ въ Новгородѣ и на Руси вообще, самостоятельныя попытки новгородцевъ совершенно отступаютъ на второй планъ. Ганзейцы не ограничивались тѣмъ, что запрещали вступать съ русскими въ компанію, принимать ихъ товары на нѣмецкія суда и ссужать ихъ капиталами; къ этому присоединялись еще постоянныя притѣсненія, встрѣчаемыя русскими въ нѣмецкихъ портахъ и не дававшія имъ возможности пользоваться тѣми привилегіями, на которыя они имѣли полное право разсчитывать въ силу взаимности условій, составлявшихъ основное правило тогдашнихъ торговыхъ трактатовъ [2]). Мы видѣли выше, что такого равноправія ганзейцы не допускали ни по отношенію къ англичанамъ, ни по отношенію къ шведамъ, норвежцамъ, датчанамъ, голландцамъ или фламандцамъ и даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда, по договору, обѣимъ сторонамъ предоставлялись одинаковыя права, на практикѣ осуществлялись лишь привилегіи ганзейцевъ, тогда какъ привилегіи противной стороны оставались на бумагѣ. Точно такъ же дѣло обстояло и въ торговлѣ съ Новгородомъ. Пользуясь и на Руси огромной экономической силой, ганзейцы добились и здѣсь совершенно исключительныхъ торговыхъ привилегій, не предоставляя въ дѣйствительности никакихъ правъ новгородцамъ у себя. Если мы примемъ во вниманіе, что ганзейцы и по отношенію къ другимъ народамъ, желавшимъ вступить въ сношенія съ Новгородомъ, придерживались своей обычной политики, не допуская никакихъ конкуррентовъ (о чемъ уже упоминалось выше), то мы придемъ къ тому выводу, что они и въ Новгородѣ, какъ въ Англіи, Нидерландахъ и на Скандинавскомъ полуостровѣ, пользовались монопольнымъ положеніемъ, что ихъ торговыми сно-

[1]) Никитскій, стр. 141—144.

[2]) Никитскій, стр. 140—141.

шеніями съ Русью завершалось установленное ими владычество на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ.

„Хотя въ договорахъ Новгорода съ Ганзой и говорится, что они заключены съ нѣмцами, готами и всѣмъ латинскимъ міромъ,—говоритъ В. В. Букъ—тѣмъ не менѣе нигдѣ не упоминается, чтобы кто-либо, кромѣ нѣмцевъ или готовъ, участвовалъ въ новгородской торговлѣ. Въ 1350 году встрѣчается лишь одинъ ломбардецъ, въ 1352 г. люди короля шведскаго, причемъ нѣмецкіе купцы относились къ нимъ враждебно. Подобное отсутствіе купцовъ другихъ націй—прибавляетъ онъ—не было явленіемъ случайнымъ, а являлось результатомъ планомѣрныхъ дѣйствій со стороны нѣмецкихъ купцовъ, которымъ постепенно удалось захватить торговлю съ Новгородомъ въ свои руки, пріобрѣсти монопольное положеніе въ этой торговлѣ. Съ этой цѣлью они старались воспрепятствовать плаваніямъ готовъ, которыя все болѣе и болѣе сокращались и въ концѣ концовъ совершенно потеряли свое значеніе“ [1]). Съ этой же цѣлью нѣмцы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы не допускать другихъ иноземныхъ купцовъ и даже ихъ товары на новгородскій рынокъ. Штрафъ въ 50 марокъ грозилъ всякому, кто оказывалъ какое либо содѣйствіе фламандцамъ, ломбардцамъ или представителямъ какихъ-либо иныхъ народовъ въ ихъ стремленіи достигнуть Великаго Новгорода. Подобные же штрафы грозили и тѣмъ лицамъ, которыя вступали съ иноземцами въ торговыя компаніи, принимали отъ нихъ на комиссію товары или же производили на ихъ счетъ закупки въ Новгородѣ. Вальтеръ Штейнъ находитъ, что такое устраненіе всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ Ганзейскому союзу, было легче всего провести въ торговлѣ съ Новгородомъ; здѣсь на этомъ дѣйствительно можно было настоять, тогда какъ въ торговлѣ съ другими странами это было сопряжено съ затрудненіями [2]).

V.

Добившись монопольнаго положенія въ торговлѣ съ Новгородомъ, ганзейцы могли по своему усмотрѣнію устанавливать цѣны товаровъ. „Удаляя всякую конкурренцію—

[1]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod. p. 30—31.

[2]) Stein. Beiträge sur Geschichte der deutschen Hanse, p. 113.

говоритъ Костомаровъ—община располагала цѣнами товаровъ, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ по своему желанію и потому продавала нѣмецкіе товары какъ можно дороже, русскіе покупали—какъ можно дешевле. Чтобы удерживать постоянно дорогія цѣны насвои товары, запрещалось въ разныя времена торговцамъ привозить отдѣльно товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы, такимъ образомъ, не было большого изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ; съ другой стороны, для того, чтобы русскіе товары постоянно оставались на низшей цѣнѣ въ сравненіи съ нѣмецкими, запрещалось купцу для покупкиихъ, привозить болѣе тысячи марокъ подъ опасеніемъ конфискаціи лишняго“ [1]). Свое монопольное положеніе ганзейцы эксплоатировали, такимъ образомъ, съ одной стороны, путемъ сокращенія предложенія привозимыхъ товаровъ, а съ другой стороны, посредствомъ уменьшенія спроса на русскіе товары. Но кромѣ того, закупка товаровъ производилась для всей нѣмецкой купеческой общины по заранѣе установленнымъ послѣдней цѣнамъ. „Члены нѣмецкой общины покупали по тѣмъ цѣнамъ, какія назначала община; слѣдовательно, покупщикъ былъ какъ бы одинъ, а продавцовъ много. Между нѣмцами не было конкурренціи, между русскими она оставалась. Нѣмцы назначали цѣны русскимъ товарамъ сами; изъ русскихъ всегда были такіе, которые не могли упрямиться и выжидать, а должны были продавать, почемъ имъ даютъ, и, такимъ образомъ, низкія цѣны утверждались. Тѣ, которые хотя бы и не хотѣли продавать своихъ товаровъ по такимъ цѣнамъ, рано или поздно были къ этому принуждены: продать было некому кромѣ нѣмецкаго двора“ [2]).

Сплоченность ганзейцевъ, которая обнаруживается въ этомъ устраненіи всякой конкурренціи и въ своей средѣ при покупкѣ товаровъ, является вообще характернымъ признакомъ ихъ торговой политики. Какъ своими успѣхами вообще, такъ и въ частности своимъ могущественнымъ монопольнымъ положеніемъ въ Новгородѣ Ганза была обязана едва ли не болѣе всего тому, что она выступала всегда какъ одно цѣлое, какъ крѣпкая организація, дѣйствовавшая отъ имени всѣхъ своихъ членовъ. Необходимость спло-

[1]) Костомаровъ, т. II, стр. 200—201.

[2]) Костомаровъ, т. II, стр. 201—202.

ченности вызывалась уже тѣми опасностями, съ которыми были сопряжены какъ путешествіе, такъ и пребываніе и торговля въ Новгородѣ. Въ виду грозившихъ имъ опасностей, въ особенности со стороны русскихъ, ганзейцы совершали торговыя путешествія цѣлыми караванами или адмиралтействами, которыя вмѣстѣ начинали, вмѣстѣ и оканчивали путешествіе. Весною и осенью они собирались партіями и пускались въ путь—отсюда дѣленіе на лѣтнихъ и зимнихъ купцовъ; лѣтніе оставались въ подворьѣ до послѣдней навигаціи, зимніе до послѣдняго зимняго пути, когда караваны и возвращались обратно. Въ Новгородѣ они имѣли собственное торговое подворье, нѣмецкій дворъ, гдѣ обязаны были жить купцы—„одно изъ первыхъ условій подчиненія порядкамъ конторы". Какъ мѣста, предназначенныя для того, чтобы служить безопаснымъ убѣжищемъ, и готскій и нѣмецкій дворы были огорожены высокимъ тыномъ, поддержаніе котораго было постоянной заботой нѣмецкаго купечества. Крѣпкія ворота поддерживали общеніе этихъ иноземныхъ цитаделей съ народонаселеніемъ чуждаго и нерѣдко враждебнаго имъ города [1]). Нѣмецкій и готландскій торговые дворы составляли собственность общинъ, пріѣзжавшихъ туда, вмѣстѣ съ участкомъ земли, на которомъ они были построены. На восемъ шаговъ кругомъ около иноземныхъ дворовъ было незастроенное мѣсто. „Это была, очевидно, та завѣтная полоса земли, которая отдѣляла временно — пребывающую тамъ общину чужеземцевъ отъ городской общины" [2]). Ни одинъ новгородецъ не могъ ночевать въ нѣмецкомъ дворѣ, не могъ входить въ церковь св. Петра, которая находилась въ подворьѣ, запрещалось даже носить ключъ отъ церкви такимъ образомъ, чтобы новгородцы могли его видѣть [3]). Дѣло въ томъ, что изъ большей предосторожности и товары хранились въ церкви. Подобно тому, какъ въ русскихъ церквахъ устраивались подцерковныя палаты для храненія товаровъ, такъ и въ церкви св. Петра устроены были внизу своды, вмѣщавшіе въ себѣ купеческое имущество. Здѣсь помѣщались бочки, тюки полотенъ и вообще всѣ громоздкія вещи, привезенныя съ Запада; здѣсь находились и вымѣнен-

[1]) Никитскій, стр. 113.

[2]) М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи, стр. 212—213.

[3]) Winkler, l. c.

ные у русскихъ продукты, въ особенности мѣха. Но и независимо отъ сводовъ, самая внутренность церкви служила торговымъ цѣлямъ: здѣсь хранились вѣсы и гири; здѣсь же вокругъ стѣнъ стояли бочки и ящики съ разнымъ товаромъ, причемъ вино пользовалось особымъ вниманіемъ: для него было отведено привилегированное мѣсто при алтарѣ [1]). Передъ алтаремъ производились важнѣйшія торговыя операціи, взвѣшиваніе же серебра происходило въ помѣщеніи священника. При этомъ никто изъ нѣмецкихъ купцовъ не могъ вступать въ обмѣнъ съ русскимъ, безъ того, чтобы при этомъ не присутствовало двое нѣмцевъ—свидѣтелей [2]).

Такимъ образомъ, уже въ видахъ безопасности ганзейцы вынуждены были всегда держаться вмѣстѣ, обособленно отъ русскихъ. Но они шли еще дальше, добиваясь полной автономіи внутренней жизни. „Контора—говоритъ Никитскій — образовала въ Новгородѣ какъ бы государство въ государствѣ, и мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи. Право издавать законы и постановленія принадлежало нѣмецкому купечеству на Готландѣ (впослѣдствіи сейму союзныхъ городовъ и въ частности Любеку) и новгородскому нѣмецкому стевену. Разборъ тяжбъ между членами конторы производился ольдерманами по собственному праву, и новгородскій судъ не имѣлъ въ этой области ни малѣйшей компетенціи“ [3]). Наконецъ, и въ сношеніяхъ съ новгородцами контора являлась замкнутымъ цѣлымъ. Въ случаѣ какихъ—либо переговоровъ съ Новгородомъ, контора отряжала отъ себя ольдермана съ помощниками, которые, явившись во дворъ св. Іоанна Предтечи, рѣшали дѣло вмѣстѣ съ новгородскими властями. Отдѣльнымъ членамъ всѣ подобные переговоры были строго запрещены: привилегіи и преимущества могли пріобрѣтаться только цѣлой общиной, и кто отваживался искать ихъ только для себя, тотъ подвергался высокой денежной пенѣ и лишенію права посѣщать дворъ [4]).

---

[1]) Buck. p. 63—64. Костомаровъ, II, стр. 197. Никитскій, стр. 116. См. также выше стр. 150—151.

[2]) Winckler, p. 16—19.

[3]) Никитскій, стр. 132.

[4]) Никитскій, тамъ—же.

Дѣйствуя, такимъ образомъ, въ качествѣ единаго цѣлаго, ганзейцы добились цѣлаго ряда привилегій въ торговлѣ съ Новгородомъ. Крайне важное значеніе имѣло прежде всего то обстоятельство, что имъ почти не приходилось уплачивать пошлинъ. Они облагались весьма немногими пошлинами, какъ проѣзжими, такъ и собственно торговыми, и при томъ въ крайне незначительныхъ размѣрахъ; насколько малы были эти пошлины, видно изъ того, что ганзейцы сами называли новгородскую торговлю безпошлинной [1]). Далѣе они добились права розничной торговли. Прикащики могли продавать въ Новгородѣ въ розницу слѣдующіе товары: перчатки парами, крашеную пряжу на фунты, полотна невысокаго качества на локти, сѣру гривенками, иголки дюжинами и сотнями, далѣе четки полудюжинами, пергаментъ полусотнями и сафьянъ на фунты. Такой обычай господствовалъ въ XIV вѣкѣ. Кромѣ того, ганзейцы могли заниматься мелочной торговлей, они могли торговать въ лавочкахъ, выстроенныхъ на улицахъ, или въ разносъ, перебираясь изъ одного дома въ другой. Въ Псковѣ торговля въ розницу предоставлялась имъ и впослѣдствіи, во второй половинѣ XV вѣка; что же касается Новгорода, то по этому вопросу договоръ, относящійся къ этому періоду, молчитъ, хотя ганзейскіе послы и просили, чтобы имъ была дозволена попрежнему розничная торговля. Повидимому, какое то запрещеніе въ болѣе позднiй періодъ ганзейской торговли дѣйствительно существовало, „но на какіе товары и на долго ли простиралось запрещеніе, сказать не легко“. Возможно, что запрещена была розничная торговля сукномъ, ибо оно шло въ продажу обыкновенно кипами и полукипами, изъ которыхъ послѣднія заключали въ себѣ временами до 17 лакеновъ, поставовъ или отдѣльныхъ кусковъ [2]).

Никитскій сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы ганзейцамъ было предоставлено право свободной торговли по всей новгородской землѣ и возражаетъ Ризенкампфу и Бережкову, которые утверждаютъ, что они пользовались такой свободой [3]). Однако, и Костомаровъ держится того мнѣнія, что „свободная

---

[1]) Sartorius-Lappenberg. I, p. 153. Бережковъ, стр. 157.

[2]) Бережковъ, стр. 168—169. Никитскій, 151, 170.

[3]) Бережковъ, стр. 156. Никитскій, стр. 147.

торговля предоставлялась (ганзейцамъ) не только въ городѣ, но и по всей Новгородской землѣ; позволялось торговать и съ инородцами въ Ижорѣ и Корелѣ; но Великій Новгородъ не принималъ на себя отвѣтственности, если бы что-нибудь дурное случилось въ путешествіи съ иноземнымъ торговцемъ“ [1]). Букъ также указываетъ на то, что ганзейцы ѣздили внутрь страны и въ частности торговали съ Корелой; какъ видно изъ различныхъ постановленій, установленныя конторой правила относились и къ тѣмъ, кто находился внѣ Новгорода, на какомъ бы рынкѣ онъ въ данное время ни торговалъ [2]).

Въ 1494 году Іоаннъ III закрылъ ганзейскую контору въ Новгородѣ, захватилъ находившихся тамъ купцовъ и отнялъ имѣвшіеся у нихъ товары. „Разсматриваемая сама по себѣ катастрофа 1494 г.—говоритъ Никитскій—не представляетъ ничего необыкновеннаго. Закрытіе двора и арестъ купечества случались неоднократно и раньше какъ съ русской, такъ и съ нѣмецкой стороны. Источники заключаютъ въ себѣ даже указанія, что и послѣ 1494 года нѣмцы пользовались этимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Какъ на обыкновенную катастрофу смотрѣли на нее и сами нѣмцы, и какъ только дѣло уладилось, тотчасъ же начали хлопотать о возобновленіи торговыхъ сношеній. Въ 1514 году заключенъ былъ съ ганзейскимъ союзомъ договоръ на десять лѣтъ, въ силу котораго торговыя сношенія не только устанавливались вновь, но и на лучшихъ основаніяхъ. Договоръ возвратилъ нѣмцамъ право на обладаніе дворищемъ, церковью въ Новгородѣ, равно какъ и на постройку гостиныхъ дворовъ. Но торговля не получила прежняго процвѣтанія, и самая контора въ Новгородѣ, кажется, формально не была открыта“ [3]). При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ ганзейцы снова получили разрѣшеніе свободной торговли въ Новгородѣ и Псковѣ, имъ было дозволено также приплывать въ Архангельскъ и Холмогоры, а при Алексѣѣ Михайловичѣ Любеку дана грамота на право торговли, съ платежемъ пошлинъ въ Россіи наравнѣ съ другими, сверхъ того купцамъ позволено было пріѣзжать въ Москву. Въ XVI вѣкѣ

[1]) Костомаровъ, т. II, стр. 189.
[2]) Buck, p. 15, 37, 82.
[3]) Никитскій, стр. 288—289.

ганзейская торговля совершалась чрезъ Ливонію, въ XVII вѣкѣ—чрезъ Архангельскъ [1]). Однако, послѣ паденія Новгорода ганзейцы уже не имѣли того преобладанія въ русской торговлѣ, какимъ они пользовалися въ средніе вѣка. Въ XVI вѣкѣ ганзейская торговля въ Россіи находилась въ полномъ упадкѣ, а въ Смутное время она окончательно потеряла свое значеніе. Ганзейцы были вытѣснены другими иноземными купцами — голландцами, датчанами, шведами, въ особенности же англичанами. Англичане начали торговать съ Россіей съ 50-хъ годовъ XVI вѣка и вплоть до половины XVII вѣка, т. е. въ теченіе столѣтія, играли первую роль въ торговлѣ съ Россіей. Голландцы при Іоаннѣ Васильевичѣ, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ и Василіи Шуйскомъ составляли компанію гостей и пользовались жалованными грамотами царей; подобно англичанамъ, они имѣли свои дворы въ Архангельскѣ, Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Усть — Колѣ, а послѣ вытѣсненія англичанъ при Алексѣѣ Михайловичѣ голландцы заняли ихъ мѣсто [2]).

По мнѣнію Никитскаго, одной изъ главныхъ причинъ паденія ганзейской торговли являлось развитіе монопольной системы въ самомъ ганзейскомъ союзѣ. „Доколѣ главное направленіе торговли слѣдовало отъ готландскаго купечества, до тѣхъ поръ не было особенныхъ поводовъ къ крайнему утѣсненію однихъ мѣстностей въ пользу другихъ. Готландское купечество было именно сборнымъ центромъ разныхъ торговыхъ элементовъ. Но, коль скоро руководящая роль въ торговыхъ дѣлахъ перешла въ руки городскихъ общинъ, то тотчасъ же возникли стремленія дать ходъ въ торговлѣ особеннымъ мѣстнымъ интересамъ [3]). Намъ кажется, однако, что это противопоставленіе двухъ эпохъ, болѣе ранней и болѣе поздней, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не можетъ быть признано правильнымъ. Какъ мы указали выше, Ганза по своему характеру представляла собою одну обширную торговую гильдію, продуктъ соединенія цѣлой массы отдѣльныхъ болѣе мелкихъ и совершенно мелкихъ купеческихъ гильдій. Въ этомъ-то съ

[1]) Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 40—42.

[2]) Костомаровъ. Торговля Московскаго государства, стр. 15—45.

[3]) Никитскій, стр. 251—253.

самаго начала и скрывалась причина слабости ганзейскаго союза, причина недолговѣчности ея торговаго могущества. „Результаты, достигнутые ратушами, патриціями и купцами, отчасти и ремесленниками сѣверо-германскихъ городовъ въ видѣ созданія сѣверной торговой гегемоніи—говоритъ Шмоллеръ—были несомнѣнно очень велики, какъ въ политическомъ и дипломатическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи и въ области мореплаванія, а одно время и въ военномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе ганзейскому союзу, состоявшему изъ 70 и болѣе городовъ, довольно слабо связанныхъ, отдаленныхъ сотнями миль другъ отъ друга и объединенныхъ лишь плохо посѣщаемыми съѣздами, не удалось выработать крѣпкой, постоянной организаціи и рядомъ съ внѣшней торговой политикой создать и единую внутреннюю политику. Но даже и во внѣшнихъ сношеніяхъ, даже и въ отношеніи тѣхъ цѣлей, которыя союзъ преслѣдовалъ въ Лондонѣ, Брюгге, Новгородѣ, многіе изъ его членовъ дѣйствовали по своему усмотрѣнію, не сообразуясь съ желаніями союза. Единственное средство—исключеніе изъ союза, часто оказывалось безрезультатнымъ; исключенный городъ велъ самостоятельную политику, примыкалъ къ противникамъ Ганзы, къ нѣмецкимъ или скандинавскимъ королямъ и князьямъ. Цѣлыя части союза, какъ, напр., голландскіе города, вышли изъ его состава и тѣмъ не менѣе процвѣтали, прусскіе и лифляндскіе города часто и не могли вовсе подчиняться рѣшеніямъ союза безъ ущерба для себя“ [1]). Власть все болѣе и болѣе захватывалъ въ свои руки Любекъ и онъ старался проводить тѣ мѣры, которыя были наиболѣе выгодны для него, не взирая на то, что онѣ противорѣчили интересамъ другихъ городовъ [2]). Не только голландскіе города, которые, собственно говоря, почти никогда не считались принадлежащими къ союзу и не допускались къ торговлѣ съ Скандинавскимъ полуостровомъ

[1]) Schmoller. Grundriss. II, p. 575.

[2]) Въ каждомъ городѣ находимъ, въ свою очередь, не одну ассоціацію, которая находится въ торговыхъ сношеніяхъ съ другими странами, а цѣлый рядъ отдѣльныхъ, нерѣдко рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга ассоціацій, изъ коихъ каждая состоитъ изъ купцовъ, отправляющихся въ одну опредѣленную мѣстность: Bergenfahrer, Schonenfahrer, Nowgorodfahrer. См. Siewert. Rigafahrer in Lübeck. (Hansische Geschichtsquellen) p. 2 и сл.

и съ Русью, но и прусскіе и лифляндскіе города, въ особенности Данцигъ и Рига, и западные города, какъ напр. Кельнъ, отказывались подчиняться установленной Любекомъ торговой политикѣ. Одни лишь вендскіе города—Ростокъ, Висмаръ, Стральзундъ, Грейфсвальдъ, Штетинъ, Гамбургъ, Люнебургъ и др. могли идти рука объ руку съ Любекомъ, ибо интересы ихъ большею частью совпадали. И эти города дѣйствительно до конца составляли центръ ганзейскаго союза, въ ихъ рукахъ находилась наибольшая часть ганзейской торговли, они всегда играли первую роль въ Бергенѣ и Брюгге, въ Англіи, а до XV вѣка и въ Новгородѣ, пока завѣдываніе новгородской конторой не перешло въ руки лифляндскихъ городовъ. Какъ мы видѣли выше, въ XV вѣкѣ и голландцы стали опасными конкуррентами для Ганзы, тѣмъ не менѣе торговое преобладаніе союза вендскихъ городовъ на сѣверныхъ моряхъ вѣроятно еще долго держалось бы, если бы народы, жившіе у этихъ морей, не достигли къ XV—XVI ст. совершеннолѣтія въ области торговли и не вступили самостоятельно на путь торговли и мореплаванія, не нуждаясь болѣе въ посредникахъ—ганзейцахъ.

Этому послѣднему моменту мы придаемъ первостепенное значеніе [1]). Уничтожая привилегіи ганзейскихъ купцовъ въ Даніи въ началѣ XVII вѣка, датскій король Христіанъ высказывается слѣдующимъ образомъ: въ ганзейцахъ болѣе не нуждаются; теперь и безъ нихъ найдется много торговцевъ для снабженія государства товарами, изъ-за чего они, по собственному своему признанію, только и получали прежде льготы. Датчане и шведы, въ особенности же нидерландцы и англичане, становятся въ XVI — XVII ст. торговыми народами, тогда какъ въ средніе вѣка они не имѣли никакого значенія въ торговлѣ и нуждались въ торговомъ посредничествѣ ганзейцевъ и итальянцевъ. Оставалось одно лишь Московское государство, гдѣ иностранные купцы еще долго могли играть преобладающую роль. Но на немъ одномъ ганзейская торговля держаться не могла.

Указавъ на то, что разъединеніе между ганзейскими и лифляндскими городами являлось однимъ изъ существенныхъ моментовъ, вызвавшихъ упадокъ ганзейской торговли,

[1]) См. объ этомъ М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи, стр. 224—255.

Никитскій прибавляетъ, что „это разъединеніе было только одною изъ причинъ и притомъ не главною. Главной причины упадка ганзейской торговли, несомнѣнно послѣдовавшаго въ XVI ст., нужно искать въ поворотѣ, которымъ характеризуется наступленіе періода новой исторіи. Ганзейская торговля пала отъ самыхъ общихъ причинъ, отъ открытія Новаго Свѣта и проложенія новаго морского пути. Благодаря этому событію послѣдовала перемѣна во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего, Балтійское море мало-по-малу утратило свое значеніе и уступило его берегамъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ. Затѣмъ, новая міровая торговля вызвала къ жизни и новыя силы Нидерландовъ и Англіи, которыя, поднявъ знамя національнаго развитія, стали стремиться къ освобожденію отъ оковъ чужеземной зависимости“ [1]). Едва-ли, однако, Никитскій поступаетъ правильно, приводя въ связь моменты столь различнаго характера, какъ открытіе Новаго Свѣта и проложеніе новаго пути въ Индію, съ одной стороны, и возникновеніе самостоятельнаго торговаго класса и торговыхъ интересовъ въ Нидерландахъ и Англіи съ другой стороны; едва ли правильно и его указаніе на то, что Балтійское море потеряло свое значеніе, уступивъ его берегамъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ.

Прежде всего, Атлантическій океанъ съ открытіемъ Америки и проложеніемъ новаго пути въ Индію могъ заступить лишь мѣсто Средиземнаго моря, но никакъ не Балтійскаго, торговля же на Средиземномъ морѣ играла въ средніе вѣка еще болѣе важную роль, чѣмъ ганзейская торговля на сѣверныхъ моряхъ. Архангельскъ, дѣйствительно, получилъ временное преобладаніе надъ другими русскими городами, въ особенности благодаря англичанамъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Балтійское море уступило свое значеніе Сѣверному океану, ибо большая часть товаровъ, обмѣниваемыхъ между сѣверными странами, все-таки, привозилась по Балтійскому морю. Принтсгеймъ указываетъ на то, что и въ XVII и XVIII ст. торговля и судоходство Нидерландовъ на Балтійскомъ морѣ достигали большихъ размѣровъ, еще большихъ, чѣмъ ихъ торговыя сношенія и мореплаваніе въ южныхъ моряхъ. Хлѣбная торговля попрежнему

[1]) Никитскій, стр. 293.

сосредоточивалась на Балтійскомъ морѣ; этимъ моремъ провозился весь хлѣбъ съ востока на западъ [1]). Если, такимъ образомъ, торговля на Балтійскомъ морѣ, какъ и вообще на сѣверныхъ моряхъ, сохранила свое значеніе и послѣ переворота, послѣдовавшаго въ левантійской торговлѣ, то и появленіе самостоятельной англійской и нидерландской торговли вовсе не обусловливалось лишь этимъ переворотомъ, замѣной Средиземнаго моря Атлантическимъ океаномъ. И англичане, и голландцы вступили въ непосредственныя сношенія съ сѣверными странами гораздо раньше, чѣмъ началась ихъ торговля въ южныхъ моряхъ и въ Атлантическомъ океанѣ, да и на Балтійскомъ морѣ не меньшее значеніе пріобрѣли въ XVII ст. такія страны, какъ Швеція и Данія, на торговое развитіе которыхъ измѣненіе мірового торговаго пути не могло имѣть большого значенія, такъ какъ онѣ лежали совершенно вдали отъ него. Швеція и Данія старались вытѣснить Голландію изъ Балтійскаго моря и являлись для нея опасными конкуррентами [2]). Паденіе ганзейской торговли должно быть приписано не столько перемѣнамъ, происшедшимъ съ открытіемъ Америки и проложеніемъ новаго морского пути, сколько тому обстоятельству, что страны, расположенныя у Сѣвернаго и Балтійскаго морей—Англія, Нидерланды, Швеція, Данія—въ XV—XVI ст. выросли въ торговомъ отношеніи и стали тяготиться иноземными купцами, въ которыхъ они болѣе не нуждались. Они старались вступить другъ съ другомъ въ непосредственныя торговыя сношенія, минуя прежнихъ посредниковъ—ганзейцевъ, стоявшихъ между ними. А разъ англичане, голландцы, шведы, датчане сумѣли обойтись безъ нихъ, самостоятельно производя торговлю другъ съ другомъ, то отсюда оставался лишь одинъ шагъ къ тому, чтобы отказаться отъ посредничества ганзейцевъ въ торговлѣ съ Россіей и занять тамъ ихъ мѣсто. Все это совершилось бы безъ сомнѣнія и въ томъ случаѣ, если бы левантійская торговля текла и въ XVI—XVII ст. по тому же руслу, что и въ средніе вѣка.

Измѣненія, происшедшія въ торговлѣ на Сѣверномъ и

---

[1]) Pringsheim. Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im 17. und 18. Jahrh. Leipzig. 1890. p. 15—17.

[2]) Pringsheim, p. 18. 22—23.

Балтійскомъ моряхъ, вообще не могутъ быть сравнены по своему характеру съ той перемѣной, которую мы наблюдаемъ въ левантійской торговлѣ. Роль, которую играли Венеція и Генуя въ качествѣ посредницъ въ обмѣнѣ между азіятскимъ и африканскимъ Востокомъ и Западной Европой, зиждилась помимо коммерческаго развитія итальянскихъ городовъ на ихъ выгодномъ географическомъ положеніи по отношенію къ странамъ Востока; они являлись центральнымъ пунктомъ въ этой торговлѣ. Другія страны, какъ бы высоко ни развилась ихъ торговля и мореплаваньe, не могли вытѣснить итальянскихъ городовъ изъ занятой ими позиціи, не рѣшивъ предварительно другой задачи— открыть новый путь въ Индію, который бы давалъ возможность провоза товаровъ оттуда съ меньшими издержками чѣмъ это производилось по Средиземному морю. Въ ганзейской торговлѣ не было такой мѣстности, которая занимала бы центральное положеніе, подобно Индіи; здѣсь всѣ страны имѣли болѣе или менѣе одинаковое значеніе по экспортируемымъ, ими продуктамъ, и ганзейскіе города не пользовались исключительно—благопріятнымъ положеніемъ. Поэтому англичане, голландцы и другіе народы могли путемъ открытія новаго пути въ Индію освободиться отъ той зависимости, въ которой они находились по отношенію къ итальянцамъ въ смыслѣ полученія пряностей и драгоцѣнностей Индіи; но тѣ же народы были въ состояніи, разъ достигнувъ извѣстнаго уровня торговаго развитія, сразу сбросить съ себя коммерческое иго ганзейцевъ, лишивъ ихъ торговыхъ привилегій и вытѣснивъ ихъ изъ Россіи; новый путь чрезъ Сѣверное море сыгралъ въ этомъ отношеніи крайне не важную роль, которую нельзя даже хоть сколько-нибудь сопоставлять съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣло открытіе новаго пути въ Индію не только для экономической жизни вообще, но и для одной только торговли итальянскихъ городовъ.

VI.

Зомбартъ въ одномъ мѣстѣ своего „Капитализма“ указываетъ на то, что въ средніе вѣка западно-европейскіе народы могли въ одной лишь Россіи рядомъ съ торговлей

заниматься безнаказанно и грабежомъ, и что такъ поступали и ганзейцы и генуэзцы. [1]). Не говоря уже о томъ, что это указаніе противорѣчитъ тѣмъ многочисленнымъ фактамъ относительно разбоя и грабежа, производившихся генуэзцами и венеціанцами не только въ южной Россіи, но и въ Сиріи, Византіи и другихъ странахъ Востока, которые намъ извѣстны и которые отчасти приводятся и Зомбартомъ [2]), — цитированная нами фраза способна также вызвать совершенно неправильное представленіе о характерѣ ганзейской торговли. Изъ нея вытекаетъ, будто ганзейцы производили грабежи въ одной только Руси и притомъ не встрѣчали никакихъ препятствій со стороны населенія, подобно тому, какъ это продѣлывали итальянцы въ Сиріи и Византіи въ средніе вѣка, португальцы и голландцы въ Индіи и на Молукскихъ островахъ въ XVI—XVII ст. [3]).

Въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно иначе. Какъ видно изъ лѣтописей, изобилующихъ повѣствованіями о враждебныхъ столкновеніяхъ между ганзейцами и новгородцами, это были безпрестанныя грабительскія нападенія другъ на друга, въ которыхъ и тѣ, и другіе играли, въ однихъ случаяхъ активную, въ другихъ пассивную роль и которыя ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ систематическимъ порабощеніемъ и разореніемъ покореннаго населенія европейцами, которое мы наблюдаемъ сначала въ Малой Азіи и Палестинѣ, а затѣмъ въ Индіи и Америкѣ. „Торговыя связи Новгорода и Пскова съ ганзейскими городами—говоритъ Аристовъ—представляютъ цѣпь обидъ, задержекъ и грабежей, которымъ подвергались купцы въ иностранныхъ городахъ. Нѣмцы задерживали новгородскихъ торговцевъ при первой размолвкѣ, сажали ихъ въ погребъ, конфисковали товары, иногда по одному недоразумѣнію и по дозрѣнію. Русскіе платили имъ тѣмъ же. Иноземцы подстерегали русскихъ купцовъ во время пути, нападали на нихъ, разбивали и грабили. Русскіе отвѣчали имъ тѣмъ-же. Новгородцы грабили нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, разбивали ихъ гостинный дворъ, а нѣмцы били и грабили рус-

---

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. p. 232.

[2]) См. Зомбартъ т. I, гл. XIII и выше, стр. 194—195.

[3]) См. выше, стр. 189—190, а также гл. о торговлѣ XVI—XVIII ст.

скихъ гостей“ [1]). Въ теченіе сравнительно небольшого періода съ 1288 г. по 1335 г. русскіе награбили у ганзейцевъ товаровъ на 7.600 марокъ и убили 15 человѣкъ [2]).

Подобные же грабежи совершались и во всѣхъ другихъ странахъ: ганзейцы грабили туземныхъ жителей, эти послѣдніе—ганзейскихъ купцовъ. Такъ, намъ извѣстно, напр., что въ 1436 году ганзейцы оставили Брюгге и перенесли свою контору въ Антверпенъ, вслѣдствіе умерщвленія значительнаго количества ганзейскихъ купцовъ въ гавани Брюгге—Слуисѣ [3]); что въ Норвегіи „ганзейскіе купцы бьютъ, наносятъ раны и умерщвляютъ людей, разрушаютъ и сожигаютъ дома королевскіе и частныхъ лицъ“ [4]); что въ Англіи въ XV стол. ганзейцы подвергались ограбленію со стороны туземныхъ жителей [5]) и, въ свою очередь, убивали и грабили англійскихъ купцовъ, появлявшихся въ Балтійскомъ морѣ [6]); что, наконецъ, вендскіе города и голландцы въ борьбѣ за торговлю на сѣверныхъ моряхъ постоянно нападали другъ на друга, отнимали товары и умерщвляли купцовъ [7]).

Такимъ образомъ, дружелюбныхъ отношеній между ганзейцами и мѣстнымъ населеніемъ нигдѣ не было: повсюду необходимо было устройство особыхъ торговыхъ подворій для взаимной защиты какъ ганзейскихъ купцовъ, такъ и туземныхъ жителей другъ отъ друга, почему одни не могли останавливаться внѣ подворья, а другимъ запрещался входъ туда, необходимъ былъ цѣлый рядъ другихъ предупредительныхъ мѣръ для предотвращенія взаимныхъ грабежей и насилій. Вражда къ иноземцу въ этотъ періодъ была настолько велика, что лишь временно и въ опредѣленныхъ мѣстахъ она могла уступить мѣсто мирному торговому обмѣну. Въ частности жители тѣхъ странъ, куда пріѣзжали ганзейскіе купцы, часто сознавали, насколько ихъ обманываютъ ганзейцы, а во многихъ случаяхъ и обнаруживали

---

[1]) Аристовъ. Промышленность древней Руси, стр. 248—249.
[2]) Winckler, p. 25; см. гл. IV Winckler'a passim.
[3]) Stein. p. 84.
[4]) Фортинскій, стр. 260—261.
[5]) Schanz, p. 174, 187.
[6]) Bruns, p. IX—X.
[7]) Naudé, p. 284—287.

прямо свое недовольство по поводу предоставленныхъ ганзейцамъ привилегій.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объясняется то исключительное привилегированное положеніе, которымъ пользовались ганзейцы? Мы указали уже выше, что посредничество ихъ въ теченіе средневѣковаго періода было необходимо и что оно прекратилось, когда народы, съ которыми ганзейцы вели торговлю, достигли извѣстной ступени развитія въ торговомъ отношеніи, когда они оказались способными самостоятельно вступить въ торговыя сношенія съ другими странами. Но кому необходимо было ихъ посредничество въ средніе вѣка? Утверждать, что въ немъ нуждались англійское, фламандское, норвежское, датское, новгородское или псковское населеніе—значило бы совершенно неправильно понимать характеръ средневѣковой торговли. Посредничество ганзейцевъ нужно было королямъ и князьямъ, боярамъ и феодаламъ, епископамъ и монастырямъ, которые покупали у ганзейцевъ привозимые ими продукты другихъ странъ и сбывали имъ произведенія своихъ собственныхъ помѣстій. И народу ганзейцы нужны были во время постоянныхъ голодовокъ, но въ отношеніи снабженія хлѣбомъ они менѣе всего удовлетворяли существовавшей потребности—хлѣбная торговля функціонировала довольно слабо [1]).

Въ Англіи въ раннее средневѣковье — говоритъ Шмоллеръ—дѣйствовали очень жестокія правила по отношенію къ иноземцамъ. Въ особенности въ Лондонѣ, Бристолѣ и др. городахъ господствовали обычныя запрещенія розничной торговли, торговли между иностранцами, продолжительнаго пребыванія въ странѣ. Но король, аристократія и духовенство вступили въ борьбу съ этими ограниченіями, ибо—по сравненію съ туземцами—иноземные моряки, купцы и ремесленники доставляли имъ товары болѣе дешевые и лучшаго качества, открывали имъ большій кредитъ, лучше оплачивали англійскіе предметы сырья, которые иноземцы покупали у нихъ. И дѣйствительно carta mercatoria 1303 г. предоставила иностранцамъ право розничной продажи товаровъ, право болѣе продолжительнаго пребыванія въ Англіи

[1]) См. ниже, стр. 298 и слѣд.

и другія права подобнаго рода“ [1]). Уже въ 1290 году Лондонъ обратился къ королю съ просьбой ограничить торговлю иноземныхъ купцовъ, которые стали силой въ странѣ и которые обогащаются на счетъ бѣднѣющихъ жителей, тогда какъ всѣ (податныя) тягости ложатся на послѣднихъ. Но король отказалъ просителямъ, заявивъ, что иноземные купцы отличаются умѣлостью и что они полезны для магнатовъ (аристократіи) [2]). „Король англійскій, аристократія и духовенство—говоритъ Шанцъ по этому поводу—поняли, что иноземные купцы выгодны для нихъ. Они наилучшимъ образомъ удовлетворяли требованіямъ аристократіи, вызывали среди послѣднихъ потребность въ новыхъ товарахъ и въ то же время являлись прекраснѣйшими покупателями массы сырыхъ продуктовъ, скоплявшихся въ рукахъ крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ арендаторовъ“ [3]).

Послѣ завоеванія Англіи норманнами англійскій король былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ въ странѣ [4]). Впослѣдствіи, въ особенности въ XIII—XV ст. его земельныя владѣнія уменьшаются и расширяются владѣнія свѣтской и еще болѣе духовной аристократіи. По вычисленіямъ М. М. Ковалевскаго, англійское духовенство въ началѣ XV вѣка владѣло болѣе чѣмъ половиною всѣхъ земель королевства, причемъ бѣлое духовенство владѣло не болѣе какъ третьей частью всѣхъ церковныхъ земель и, такимъ образомъ, не менѣе одной трети всей воздѣлываемой площади королевства находилось въ рукахъ монастырей. При этомъ вся масса церковныхъ владѣній раздѣлялась между сравнительно небольшимъ числомъ рукъ: архіепископы, епископы, аббаты, пріоры сосредоточивали въ своихъ рукахъ почти все поземельное владѣніе церкви [5]). Точно такъ же и свѣтскія владѣнія почти цѣликомъ принадлежали небольшому количеству лордовъ и рыцарей, герцоговъ, графовъ и ба-

[1]) Schmoller. Grundriss II. p. 579.

[2]) Mercatores extranei sunt ydonei et utiles magnatibus. Kunze. p. V.

[3]) Schanz. I p. 381.

[4]) Rogers. Chap. I.

[5]) Ходячая въ XV вѣкѣ поговорка: „имѣй только аббатъ Гластонбери право вступить въ бракъ съ аббатиссой женскаго монастыря въ Шефтсбери, ихъ сынъ и наслѣдникъ владѣлъ бы большимъ пространствомъ земель, чѣмъ король“.

роновъ. Во второй половинѣ XV вѣка земельныя владѣнія короля, впрочемъ, снова возросли, благодаря конфискаціи Эдуардомъ IV и Ричардомъ III земель преданныхъ Ланкастерамъ или мятежныхъ лордовъ, и Гнейстъ полагаетъ, что къ концу XV вѣка въ рукахъ англійскаго короля снова сосредоточилось до одной пятой всѣхъ земель королевства [1]).

Какъ король, такъ и вся аристократія, духовная и свѣтская, была сильно заинтересована въ наиболѣе выгодномъ сбытѣ сельскохозяйственныхъ произведеній, доставляемыхъ ихъ помѣстьями. Среди нихъ на первомъ планѣ стояла шерсть; она являлась важнѣйшимъ предметомъ англійскаго вывоза въ средніе вѣка. По словамъ Роджерса, „основу сельскаго хозяйства Англіи составляло разведеніе овецъ, какъ вслѣдствіе приносимаго ими дохода, такъ и благодаря тому, что овцы на выгонѣ доставляли прекрасное удобреніе полей. Всѣмъ извѣстно—продолжаетъ онъ—что Англія съ отдаленнѣйшихъ временъ, по крайней мѣрѣ до половины XVII вѣка, пользовалась монополіей въ торговлѣ шерстью [2]). Доренъ, правда, усматриваетъ въ этихъ словахъ нѣкоторое преувеличеніе, но и онъ признаетъ, что шерсть являлась важнѣйшимъ предметомъ англійскаго экспорта уже съ того времени, когда имѣются наиболѣе раннія извѣстія относительно торговыхъ сношеній Англіи съ материкомъ Европы, и что какъ количественно такъ и качественно англійская шерсть господствовала на европейскомъ рынкѣ [3]). Какъ велико было значеніе вывоза шерсти для Англіи, видно изъ того, что въ 1354 г. цѣнность всего англійскаго экспорта равнялась 27,700 ф. стерл., цѣнность вывоза шерсти—16,400 ф. стерл., т, е. 60 проц. цѣнности всего вывоза [4]).

Главными экспортерами шерсти являлись монастыри: Бальдуччи-Пеголотти называетъ (въ половинѣ XIV ст.) не менѣе 200 монастырей, откуда получалась шерсть въ Англіи,

---

[1]) Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Москва, 1880. Стр. 17—33.

[2]) Rogers. Six Centuries. Ch. III.

[3]) Doren. Florentiner Wollentuchindustrie vom XIV—XVI Jahrh. Stuttgart. 1901. p. 72—73. Anglia propter tuas naves et lanas omnia regna te salutare deberent—читаемъ въ памфлетѣ XV вѣка.

[4]) Ibid. p. 74.

среди нихъ прежде всего монастыри цистерціанскаго и премонстратенскаго орденовъ, далѣе гильбертинскіе, бенедиктинскіе, клюнійскіе монастыри. Произведя подсчетъ количества шерсти, производимаго, по словамъ Бальдуччи-Пеголотти, различными англійскими монастырями, Доренъ получаетъ 2,877 тюковъ или полтора милліона флорентійскихъ фунтовъ [1]). Изъ документа, относящагося къ 1284 г., мы можемъ усмотрѣть, что 22 англійскихъ монастыря уже заранѣе продали свою шерсть на время отъ двухъ до 11 лѣтъ почти исключительно флорентійскимъ купцамъ [2]). Какъ мы видѣли выше, въ XIV вѣкѣ наибольшая часть вывоза шерсти находилась въ рукахъ ганзейцевъ. Монастыри не ограничивались тѣмъ, что сбывали послѣднимъ производимую ими шерсть, но также закупали съ этой цѣлью шерсть въ другихъ помѣстьяхъ; въ особенности это практиковалось цистерціанскими монахами; горожане жаловались на то, что духовенство занимается торговлей, и король вынужденъ былъ издавать запрещенія подобныхъ операцій со стороны духовенства: оно можетъ заниматься лишь сбытомъ произведеній собственныхъ земель, но не пріобрѣтеніемъ продуктовъ для продажи [3]).

Не одни только епископы, аббаты и пріоры монастырей занимались сбытомъ производимой въ ихъ помѣстьяхъ шерсти. И англійскій король самъ продавалъ иностраннымъ купцамъ шерсть для экспорта. Помимо той шерсти, которую онъ получалъ съ своихъ земель, королю доставлялась шерсть въ видѣ подати (субсидіи). Такъ, въ 1339 году онъ получилъ десятину хлѣба, шерсти и овецъ, въ 1340 г.—девятую часть этихъ продуктовъ, въ 1341 г. субсидія составляла 30,000 тюковъ шерсти (что равнялось при сбытѣ 138,000 ф. ст.); въ 1354 г. также была вотирована субсидія шерстью [4]). Съ половины XIII до половины XV вѣка въ Англіи издается цѣлый рядъ запрещеній вывоза шерсти. „Цѣлью этихъ за-

[1]) Doren. p. 112—113. Кеннингэмъ. Ростъ англійской промышленности. Прил. Д., p. 526 и сл.

[2]) Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs, I p. 125.

[3]) Кеннингэмъ. Ростъ англійской промышленности и торговли, т. I, стр. 237. Rogers. Ch. VII.

[4]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters, p. 166. Schanz, p. 390. 397.

прещеній—говоритъ Ломаннъ—являлось во многихъ случаяхъ непосредственное увеличеніе доходовъ короля, который былъ наиболѣе крупнымъ экспортеромъ шерсти; устанавливая запрещенія, онъ обезпечивалъ себѣ монополію вывоза шерсти“ [1]). Запрещенія вывоза шерсти, кожи и шкуръ доставляли королю возможность сбывать эти предметы сырья по высокимъ цѣнамъ при продажѣ ихъ иноземнымъ купцамъ. Въ интересахъ короля и феодальной аристократіи опредѣлялась также минимальная цѣна на шерсть. Попытки установленія ея дѣлались еще въ X вѣкѣ [2]). Точно также „постановленіе 1343 года относительно цѣны шерсти можно разсматривать—по мнѣнію Кеннингэма—какъ установленіе минимума, которое должно было предупредить вывозъ этого цѣннаго товара по слишкомъ низкой цѣнѣ. Политика фиксаціи цѣнъ на шерсть казалась необходимою въ эту эпоху, когда была такъ развита королевская торговля“ [3]). И въ другихъ странахъ, которыя посѣщались ганзейцами, ихъ торговля доставляла большія выгоды власть имущимъ. Какъ мы уже упоминали, въ Швеціи управители королевскихъ помѣстій, духовные и свѣтскіе землевладѣльцы сбывали свои продукты ганзейскимъ купцамъ; въ Даніи феодальная аристократія заставляла крѣпостныхъ крестьянъ продавать ей хлѣбъ и затѣмъ сбывала его ганзейцамъ [4]).

„Нужно принять во вниманіе—говоритъ Никитскій,—что сообразно съ характеромъ времени, новгородскіе князья были не только правителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ купцами, которые вели на свой страхъ торговые обороты“ [5]). Новгородскіе князья, какъ указываетъ Винклеръ, принимали весьма дѣятельное участіе въ торговлѣ съ иноземцами; они сбывали послѣднимъ произведенія своихъ земель. Первоначально князь имѣлъ свой дворъ, гдѣ происходилъ обмѣнъ принадлежащихъ ему продуктовъ на иноземные товары; этотъ дворъ стоялъ на Ярославовѣ Дворищѣ неподалеку отъ готскаго и нѣмецкаго дворовъ [6]). Опасаясь соперничества

[1]) Lohmann, Englisches Wollengewerbe. 1900. p. 71.
[2]) Schanz. I, p. 436—37, 656.
[3]) Кеннингэмъ, I, стр. 527, 268—269.
[4]) Naudé. I, p. 240—241.
[5]) Никитскій, стр. 20.
[6]) Winckler, p. 10. Бережковъ, стр. 231.

князя въ торговлѣ съ иностранцами, Новгородъ въ договорѣ 1270 года съ Ярославомъ Ярославичемъ потребовалъ, чтобы князь не имѣлъ никакого отношенія къ нѣмецкому двору и торговалъ бы въ немъ не иначе, какъ чрезъ посредство новгородцевъ; онъ долженъ былъ покинуть свой прежній дворъ и удалиться на городище [1]). „Однако, чѣмъ болѣе уменьшалось вліяніе князя въ Новгородѣ — продолжаетъ Винклеръ —тѣмъ сильнѣе возрасталъ авторитетъ архіепископа, который также вскорѣ вступилъ въ торговыя сношенія съ иноземными купцами, сбывая нѣмцамъ чрезъ посредство другихъ лицъ, преимущественно произведенія церковныхъ земель“ [2]). Такимъ образомъ, посѣщеніе ганзейцами Новгорода было въ интересахъ какъ князя, такъ и новгородскаго владыки. Дѣло въ томъ, что „въ распредѣленіи поземельной собственности въ Новгородѣ замѣчается сильное движеніе къ сосредоточенію земли въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, отчасти учрежденій, отчасти же отдѣльныхъ лицъ, причемъ между учрежденіями особенно значительнымъ сосредоточеніемъ поземельной собственности отличалась перковь, а именно владычная каѳедра и монастыри“. Поэтому не только архіепископъ, но и прочее новгородское духовенство занималось торговыми операціями, не брезгуя увеличивать свои средства этимъ путемъ [3]). Что касается, наконецъ, бояръ, то установлено, что въ Полоцкѣ въ позднѣйшее время они принимали живое участіе въ торговлѣ. Есть основанія предполагать, что и новгородскіе бояре „пользовались своими излишками и пускали ихъ въ оборотъ для пріобрѣтенія предметовъ роскоши Западной Европы“ [4]). Подобно тому, какъ среди учрежденій наибольшими земельными богатствами владѣла церковь, среди частныхъ лицъ въ особенно значительныхъ размѣрахъ поземельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ бояръ: это былъ собственно землевладѣльческій классъ Великаго Новгорода. Впослѣдствіи, въ XV вѣкѣ свободныя крестьянскія земли совершенно исчезаютъ: „распоряжавшіеся судьбами

---

[1]) Бережковъ, стр. 231.
[2]) Winckler, p. 10.
[3]) Никитскій, стр. 39, 94.
[4]) Никитскій, стр. 94—95.

Великаго Новгорода духовенство и знатные люди мало-помалу успѣли захватить въ свои руки всѣ земли, лежавшія въ окружавшихъ Новгородъ областяхъ“ [1]). Торговля и землевладѣніе и здѣсь тѣсно переплетались. „Замѣчательныя купеческія богатства въ Россіи—говоритъ Карновичъ—стали составляться во второй половинѣ XVIII столѣтія, да и то не столько вслѣдствіе торговли, сколько вслѣдствіе откуповъ и казенныхъ подрядовъ. Вполнѣ богатые дѣятельные торговые люди являлись въ отдаленную пору только въ вольномъ Новгородѣ. Торгъ съ ганзейскими городами далъ возможность возникнуть въ этомъ городѣ весьма богатому по тому времени купечеству. Въ особенности новгородцы успѣвали разживаться торговлею мѣхами, которые прежде чрезвычайно дорого цѣнились во всей Европѣ. Эта выгодная торговля побуждала новгородцевъ къ завоеваніямъ на сѣверѣ, какъ въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ пушнымъ звѣремъ. Изъ новгородцевъ былъ особенно извѣстенъ своимъ богатствомъ посадникъ Своеземцевъ. Онъ въ 1315 году купилъ шенкурскую землю за 20,000 бѣлокъ. Впослѣдствіи въ Шенкурье или въ Багу стали выселяться зажиточные новгородскіе бояре, и среди нихъ фамилія Своеземцевыхъ по своему богатству въ XIV—XV ст. не уступала фамиліи Строгоновыхъ“. Строгоновы также вышли изъ среды новгородцевъ, занимавшихся торговлей и владѣвшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ новгородскихъ областяхъ обширными землями [2]) [3]).

---

[1]) Никитскій, стр. 40, 191—193.

[2]) Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2 изд. Спб. 1885. Стр. 21, 146.

[3]) Не одной только потребностью въ ганзейцахъ, какъ въ торговыхъ посредникахъ, со стороны власть имущихъ объясняется ихъ привилегированное положеніе; не менѣе велика была нужда въ нихъ, въ качествѣ торговцевъ деньгами и не меньшее значеніе для королей и феодаловъ имѣла возможность получать у ганзейцевъ необходимыя суммы, въ особенности въ моменты крайней нужды; ганзейцы умѣли пользоваться такими моментами. Наиболѣе ярко это обнаруживается въ исторіи ганзейской торговли съ Англіей. Уже въ XIII вѣкѣ ганзейцы рядомъ съ торговлей товарной занимались и денежными операціями, но въ эту эпоху ихъ займы ограничивались кругомъ лондонскихъ горожанъ. Съ начала же XIV вѣка они стано-

Зомбартъ указываетъ на слѣдующую характерную черту средневѣковой торговли. Всѣ крупныя торговыя операціи производятся лицами, не принадлежащими къ спеціальному классу купцовъ. Онъ насчитываетъ три категоріи такихъ не профессіональныхъ торговцевъ: 1) бургомистры и ратманы городовъ (венеціанскіе дожи, члены гамбургской или любекской ратуши); 2) патриціи, въ особенности богатая помѣстная аристократія; 3) капитулы, монастыри, монашескіе ордена, духовенство всѣхъ степеней. Словомъ—заключаетъ онъ—всѣ состоятельные люди того времени [1]). Мы сказали бы точнѣе: всѣ лица, обладавшія поземельной собственностью, ибо исходной точкой ихъ торговли являлась необходимость сбыть производимые на ихъ земляхъ продукты, въ особенности сырые продукты, доставляемые крѣпостнымъ населеніемъ. Торговыя операціи этихъ лицъ, которыхъ мы можемъ объединить подъ названіемъ духовной и свѣтской аристократіи, становятся понятными, если мы сопоставимъ приведенную цитату съ другимъ утвержденіемъ того же Зомбарта, которое, какъ мы видѣли выше [2]), вполнѣ подтверждается фактами: три четверти всѣхъ колоніальныхъ товаровъ и промышленныхъ издѣлій, сбываемаемыхъ въ средневѣковой торговлѣ, пріобрѣтались лицами, жившими съ поземельнаго дохода.

вятся конкуррентами королевскихъ банкировъ, ломбардцевъ, а Эдуардъ III во время своей борьбы съ отцомъ получалъ у нихъ денежную поддержку, и благодаря ганзейскимъ капиталамъ, добился короны. Апогея своего могущества ганзейцы достигли въ 40-хъ годахъ XIV вѣка, когда Эдуардъ во время войны съ Франціей сильно нуждался въ средствахъ и вынужденъ былъ заложить ганзейцамъ свою корону и драгоцѣнности, а также таможенные сборы. При Эдуардѣ III наибольшей силой пользовался Гильдебрандъ Зудерманъ, входившій въ составъ синдиката рейнско-вестфальскихъ купцовъ и выдѣлявшійся изъ среды прочихъ ганзейцевъ; онъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ королю, который постоянно нуждался въ деньгахъ, и захватить въ свои руки таможенное управленіе; послѣ краха ломбардскихъ фирмъ въ 1345 г. онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими англійскими купцами не имѣлъ соперниковъ на англійскомъ денежномъ рынкѣ. (Kunze. Hanseakten aus England. p. XIV, XXII, XLII).

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I, p. 191.

[2]) См. стр. 158 и сл.

доставляемаго крѣпостными крестьянами; покупателями являлись князья, рыцари, церкви, монастыри, капитулы орденовъ [1]). Очевидно, что для пріобрѣтенія колоніальныхъ товаровъ и промышленныхъ издѣлій князья, рыцари и (высшее) духовенство должны были сбывать доставляемые имъ населеніемъ сельскохозяйственные продукты. Поскольку и до тѣхъ поръ, пока производился непосредственный обмѣнъ привозныхъ товаровъ на произведенія сельскаго хозяйства, землевладѣльцы еще не превращались въ купцовъ, такъ какъ не производили самостоятельныхъ торговыхъ операцій [2]). Они стали заниматься торговлей лишь съ того времени, когда пріобрѣтеніе потребляемыхъ ими предметовъ и сбытъ принадлежащихъ имъ продуктовъ стали двумя отдѣльными, самостоятельными операціями.

Наглядными примѣрами такихъ купцовъ являются императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, короли французскіе, неаполитанскіе герцоги, папы римскіе, магистры тевтонскаго ордена, бургомистры и ратманы ганзейскихъ городовъ [3]). Всѣ эти лица не только принимаютъ участіе въ торговлѣ, но и устанавливаютъ въ свою пользу монополію въ той области торговли, которой они занимаются. Короли, герцоги, папы просто запрещаютъ вывозъ хлѣба, овощей, плодовъ, соли, шерсти, шелка-сырца, желѣза, мѣди и другихъ сырыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и горной промышленности, производимыхъ въ ихъ помѣстьяхъ; бургомистры и ратманы ганзейскихъ городовъ: Любека, Гамбурга, Висмара, Ростока, Стральзунда объявляютъ вывозъ хлѣба, наиболѣе важнаго предмета вывоза сѣверной Германіи, запрещеннымъ—якобы въ интересахъ мѣстнаго населенія; сами же они, владѣя значительными земельными участками, вывозятъ свой хлѣбъ частью тайкомъ, частью открыто, въ Англію, Фландрію и другія страны, а также скупаютъ у другихъ лицъ хлѣбъ и другіе сырые продукты для экс-

---

[1]) Sombart. Kapitalismus I, p. 233.

[2]) См. выше, стр. 154—155.

[3]) См. Naudé. Getreidehandelspolitik. Acta Borussica. I. и Sattler. Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte. Hansische Geschichtsblätter. 1877. p. 61—89

порта въ заморскія страны [1]). Такимъ образомъ, въ сферѣ ганзейской торговли вообще,—не только въ странахъ, посѣщаемыхъ ганзейскими купцами, но и въ самихъ ганзейскихъ городахъ торговля находилась въ рукахъ королей и духовной и свѣтской аристократіи, но и активная торговля ганзейцевъ имѣла въ значительной степени привилегированный характеръ. Результатомъ вывоза хлѣба ганзейцами являлись частыя голодовки въ ганзейскихъ городахъ, несмотря на то, что сѣверная Германія была въ средніе вѣка наиболѣе хлѣбородной мѣстностью. И здѣсь земледѣліе стояло на столь первобытной ступени развитія, что при вывозѣ хлѣба въ другія страны его уже не хватало на мѣстѣ. Жалобы населенія на то, что городской магистратъ самъ нарушаетъ изданное имъ же запрещеніе вывоза и результатомъ этого являются голодовки, не приводили ни къ чему, и лишь тогда, когда голодныя массы угрожали поджогами и насиліями, магистратъ временно пріостанавливалъ свою торговую дѣятельность. Между тѣмъ, историки, а за ними и экономисты относятся съ довѣріемъ къ заявленіямъ магистратовъ ганзейскихъ городовъ, какъ и къ заявленіямъ королей и феодаловъ, будто бы запрещенія вывоза устанавливались ими въ интересахъ населенія, а не ради собственной выгоды, не ради того, чтобы воспользоваться своимъ монопольнымъ положеніемъ, и не обращаютъ надлежащаго вниманія на самостоятельную торговлю этихъ лицъ, производимую въ нарушеніе установленныхъ ими же правилъ [2]). Соотвѣтствующихъ выводовъ не сдѣлалъ даже Ноде, не смотря на то, что онъ собралъ значительное количество фактовъ подобнаго рода [3]). Дѣло доходило до того, что императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, участвовавшій въ Крестовыхъ походахъ, вывозилъ свой хлѣбъ, производимый въ Сициліи, для сбыта

[1]) См. особ. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie meridionale au XIII et XIV siècle. Paris. 1902. p. 23 и сл., 97 и сл.

[2]) См. объ этомъ мои статьи „Хлѣбная торговля въ средніе вѣка“ въ Народномъ Хозяйствѣ. 1900, кн. III и IV (особ. кн. IV стр. 18 и сл.) и „Очерки по исторіи таможенной политики“ въ „Рус. Экон. Обозр.“. 1902, кн. X и XI. Любопытный фактъ находимъ у Mollwo, Das Handlungsbuch von Herrmann und Johann Wittenborg. Leipzig. 1901. p. XV и сл.

[3]) Naudé. Getreidehandelspolitik etc. Acta Borussica. I.

сарацинамъ—„врагамъ Христовымъ“ [1]), которымъ безусловно запрещалось доставлять хлѣбъ. Такъ же поступали и неаполитанскіе герцоги [2]). Запрещенія вывоза выступаютъ при такихъ условіяхъ въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Въ средневѣковой хлѣбной торговлѣ мы находимъ такимъ образомъ монополію, возведенную въ квадратъ: привилегіями, которыми обладали ганзейскіе города, пользовалось лишь ограниченное количество лицъ, устранявшее прочихъ отъ участія въ торговлѣ. И точно также и въ другихъ мѣстностяхъ, откуда вывозился хлѣбъ, послѣдній составлялъ монополію немногихъ лицъ, обладавшихъ политической властью. При такихъ условіяхъ, несмотря на то, что хлѣбъ являлся предметомъ всеобщаго повседневнаго потребленія, цѣны при продажѣ его должны были доходить до своего высшаго предѣла—цѣнности потребленія. Столь высокія цѣны при продажѣ хлѣба не составляли, конечно, обычнаго явленія, ибо и самая хлѣбная торговля представлялась, въ сущности, исключеніемъ изъ общаго правила. Крестьянинъ, какъ и землевладѣлецъ, потребляли хлѣбъ, произведенный въ собственномъ хозяйствѣ, а городскіе жители получали хлѣбъ отъ мѣстныхъ крестьянъ. По словамъ Ноде, въ Германіи 95% городовъ не знало другой торговли хлѣбомъ, кромѣ мѣстной, въ которой торговцами являлись крестьяне окружныхъ селъ, привозившіе свои продукты въ городъ для сбыта. Собственно говоря, это и не была вовсе торговля, такъ какъ посредниковъ не было: это былъ простой обмѣнъ ради непосредственнаго удовлетворенія потребностей мѣстныхъ жителей. Лишь незначительное меньшинство городовъ, именно города, лежащіе у Балтійскаго побережья, занимались вывозомъ хлѣба въ другія страны [3]). Хлѣбная торговля производилась главнымъ образомъ на морѣ, на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, отчасти и на Средиземномъ. Торговля эта не была разсчитана на обычное время, когда (повсюду) потреблялся хлѣбъ мѣстнаго происхожденія, а приходила на помощь лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ,

[1]) Chone. Handelsbeziehungen Friedrich II zu den Seestädten Venedig, Pisa, Genua. Berlin. 1902 p. 66 и сл. 86 и сл. 130.

[2]) Yver. Le commerce etc. en Italie au XIII—XIV siècle. Ch. 2.

[3]) Naudé. Deutsche städtische Getreidehandels politik im XV—XVII Jahrh. p. 13.

когда какую-либо мѣстность постигалъ неурожай и голодъ, но въ виду того, что эти явленія въ средніе вѣка, въ сущности, были вовсе не чрезвычайными, а имѣли вполнѣ обыденный характеръ, такъ какъ происходили каждые нѣсколько лѣтъ, ганзейцы всегда имѣли возможность сбывать хлѣбъ въ ту или другую страну или городъ, гдѣ въ данное время цѣна стояла высоко и голодъ успѣлъ уже принять острый характеръ. Будучи наиболѣе необходимымъ для поддержанія жизни предметомъ, удовлетворяя самыя насущныя потребности, хлѣбъ допускаетъ особенно сильное повышеніе цѣнъ, и въ случаѣ голода цѣна его должна достигать прямо неимовѣрныхъ размѣровъ [1]). Высшій предѣлъ цѣны хлѣба, его цѣнность потребленія—крайне высока, и въ годы голодовокъ цѣна достигаетъ этого высшаго уровня. Что въ средніе вѣка это было именно такъ, мы поймемъ, если примемъ во вниманіе, что не только въ VIII — XII, но и въ XIII и XIV ст. канибальство во время голода было въ Европѣ обычнымъ явленіемъ: люди пожирали другъ друга, чтобы самимъ только не погибнуть отъ голодной смерти, родители убивали дѣтей, дѣти—родителей и питались ихъ мясомъ. Лѣтописцы сообщаютъ многочисленные факты подобнаго рода [2]). При такихъ условіяхъ каждый, конечно, готовъ былъ отдать все, что имѣлъ, за кусокъ хлѣба. И купцы, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, умѣли извлекать изъ этого выгоду, доставляя хлѣбъ лишь тогда, когда цѣна успѣла достигнуть уровня цѣнности потребленія, и въ такомъ количествѣ, что удовлетворялись лишь самыя важныя потребности сравнительно болѣе состоятельнаго городского населенія, такъ что цѣна болѣе или менѣе удержи-

[1]) При этомъ, однако, какъ справедливо указываетъ Цукеркандль (Zur Theorie des Preises. Leipzig. 1889. p. 327), сравнивая цѣну хлѣба и цѣну золота, нельзя брать одинаковое количество того и другого, такъ какъ для удовлетворенія извѣстной потребности необходимо гораздо большее количество хлѣба, чѣмъ золота. Маленькій кусокъ золота уже удовлетворяетъ потребность въ украшеніи и притомъ удовлетворяетъ ее въ теченіе продолжительнаго времени, такъ какъ не уничтожается, между тѣмъ какъ для удовлетворенія потребности въ хлѣбѣ необходимо сравнительно значительное количество послѣдняго, которое должно ежедневно возобновляться.

[2]) Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig. 1900. p. 59—60. 173. 192—194. 210. 217 и др.

валась на томъ же уровнѣ, котораго достигла ранѣе при отсутствіи хлѣба. Дѣйствительно, могли ли удовлетворяться какія-либо иныя потребности, кромѣ самыхъ насущныхъ, когда цѣна хлѣба поднималась съ 48 гульденовъ до 70—80 за ластъ или даже съ 2 шиллинговъ до 50 [1]). Благодаря этому, ганзейскіе купцы, покупая ластъ пшеницы въ Данцигѣ за 36 марокъ, сбывали его въ Англіи за 76 марокъ (въ 1438 году), а магистръ Тевтонскаго ордена, закупивъ рожь по 5 марокъ за ластъ, сбывалъ его тутъ же въ Данцигѣ, пріѣхавшимъ туда англичанамъ и французамъ по 12 марокъ, т. е. выручалъ 240% прибыли [2]). Гиршъ приводитъ слѣдующія покупныя и продажныя цѣны на хлѣбъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть, какъ велика была прибыль: въ 1428 г. рожь куплена за 10 мар. 12 шилл. (ластъ), продана за 28 мар., солодъ покупался въ Данцигѣ за 17 мар. 18 шилл., продавался въ Любекѣ по 43 мар. 8 шилл., въ 1437 г. тонна муки стоила при покупкѣ въ Данцигѣ 1 мар. 12 шилл., а сбывалась въ другихъ странахъ приблизительно за 4 марки [3]). Продажная цѣна повсюду превышаетъ покупную болѣе чѣмъ вдвое. Невѣрно, слѣдовательно, и ни на чемъ не основано мнѣніе, высказанное Шеферомъ, будто бы хлѣбъ, являясь предметомъ первой необходимости, сбывался въ большомъ количествѣ и поэтому въ суммѣ давалъ бо́льшую прибыль, чѣмъ другіе товары, хотя и меньшую, чѣмъ они, на каждую единицу товара [4]). Изъ изложеннаго видно, напротивъ, что выгоды, которыя доставляла хлѣбная торговля ганзейцамъ, заключались въ высокихъ цѣнахъ и значительной процентной прибыли. Точно также и императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, державшій въ своихъ рукахъ хлѣбную торговлю на Средиземномъ морѣ, выручалъ не менѣе 100 проц. прибыли [5]). И что всего важнѣе — прибыль въ хлѣбной торговлѣ, въ противоположность той, которая выручалась купцами на продажѣ предметовъ роскоши, пряностей и благовоній, дра-

---

[1]) Naudé. Acta Borussica. I. p. 220—221. Curschmann. p. 48.
[2]) Naudé. Acta Borussica. p. 217. 258.
[3]) Hirsch. Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte. Naudé. p. 245.
[4]) Schaefer. Die Hansestädte und König Waldemar von Daenemark. p. 211.
[5]) Chone, p. 96.

гоцѣнныхъ тканей, получалась не только отъ высшихъ классовъ населенія, отъ герцоговъ и рыцарей, а преимущественно отъ городского населенія, которое во время голодовокъ вынуждено было платить въ нѣсколько разъ бо̀льшія цѣны [1]). Источникомъ прибыли, выручаемой привилегированными купцами въ торговлѣ хлѣбомъ (которая—какъ указано выше—производилась ради того, чтобы эти лица могли покрывать потребность въ предметахъ роскоши), слѣдуетъ, такимъ образомъ, признать не доходы, доставляемые имъ трудомъ подчиненнаго населенія—какъ въ торговлѣ произведеніями Востока,—а прежде всего доходъ промышленнаго городского населенія тѣхъ странъ, гдѣ они сбывали свой хлѣбъ во время голодовокъ.

Во всякомъ случаѣ въ торговлѣ и тѣми и другими товарами въ средніе вѣка—какъ и въ древнемъ мірѣ—торговецъ наживался насчетъ потребителя. Многочисленныя данныя относительно характера средневѣковой торговли, приведенныя въ этой и предыдущей главахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ эту эпоху вся международная торговля имѣла монопольный характеръ, что сравнительно небольшая горсть купцовъ изъ нѣсколькихъ торговыхъ городовъ держала въ своихъ рукахъ весь торговый обмѣнъ того времени, какъ между Европой и другими частями свѣта, такъ и между отдѣльными европейскими странами, опредѣляя, по своему усмотрѣнію, количество товаровъ, привозимыхъ на различные рынки, и цѣну, уплачиваемую за нихъ потребителемъ. Торговая монополія въ средніе вѣка была монополія фактическая. Она вызывалась прежде всего естественными условіями: главные торговые пути шли по необходимости моремъ, а не сушей [1]), именно по Средиземному морю, такъ какъ пряности, благовонія, южные плоды, во-

[1]) Для сельскаго населенія эти цѣны были чрезмѣрно высоки, да и разъ привезенный въ городъ хлѣбъ, уже не выпускался оттуда городскими жителями и городскими властями, такъ какъ снабженіе хлѣбомъ составляло для нихъ въ такихъ случаяхъ вопросъ жизни (о политикѣ городовъ въ отношеніи продажи хлѣба см. гл. VI). Поэтому для сельскихъ мѣстностей хлѣбная торговля (во время голодовокъ) имѣла несравненно меньше значенія, чѣмъ для городовъ. (См. также Reville. Les paysans au moyen-âge. Paris. 1896. Ch. II).

[1]) О сухопутныхъ путяхъ сообщенія см. ниже, стр. 319—321.

сточныя ткани привозились изъ Индіи, Малой Азіи, Египта, и по Сѣверному и Балтійскому морю, у которыхъ лежали страны, откуда вывозился хлѣбъ, шерсть, лѣсъ, мѣха. Торговый обмѣнъ долженъ былъ сосредоточиться въ рукахъ городовъ, расположенныхъ у этихъ морей, спеціально тѣхъ изъ городовъ, которые пользовались особенно выгоднымъ въ торговомъ отношеніи географическимъ положеніемъ и успѣли развить свое судоходство и кораблестроеніе. Купцы этихъ городовъ и монополизировали международную торговлю, какъ въ Европѣ, такъ и внѣ ея. Этимъ дѣло не ограничивалось. Разъ утвердившись въ качествѣ посредниковъ въ торговомъ обмѣнѣ, эти города уже старались всѣми силами не допускать другіе города, расположенные также у Средиземнаго, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, къ развитію своего судоходства и къ участію въ международной торговлѣ. Путемъ насильственныхъ дѣйствій они всячески препятствовали купцамъ изъ другихъ странъ и городовъ проникнуть въ тѣ мѣстности, которыя они сами посѣщали, заставляя такимъ образомъ повсюду мѣстныхъ жителей вступать въ обмѣнъ искючительно съ ними, являясь въ теченіе долгаго времени единственными посредниками по вывозу и привозу товаровъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми они установили торговыя сношенія. Отрѣзавъ, такимъ образомъ, ту или другую страну въ торговомъ отношеніи отъ всего остального міра и не давая ей возможности расширить кругъ торговыхъ посредниковъ, купцы-монополисты дѣлались хозяевами въ ней, такъ какъ тѣ слои мѣстнаго населенія, которые потребляли привозимые ими товары и сбывали имъ собственные продукты, не могли уже обойтись безъ нихъ и становились на ихъ сторону въ борьбѣ ихъ съ туземными жителями, которые не допускались къ активной роли въ торговлѣ такъ же, какъ и другіе купцы—иноземцы. Вслѣдствіе этого, нарожденіе самостоятельнаго класса мѣстныхъ купцовъ замедлялось еще болѣе,—къ выгодѣ иноземцевъ—монополистовъ. Въ результатѣ, такія страны, какъ Англія, Нидерланды, Франція, Швеція, Данія вплоть до XVI и XVII ст. почти

---

[1]) Относительно причинъ ея высокаго уровня см. выше, стр. 164 и сл.

не имѣли собственнаго класса купцовъ и не играли никакой роли въ международной торговлѣ.

Благодаря господствовавшей, такимъ образомъ, фактической торговой монополіи, купецъ въ средневѣковомъ торговомъ обмѣнѣ являлся экономически сильнымъ, а потребитель экономически слабымъ. Эта торговая монополія, изъ которой вытекала экономическая сила торговца по отношенію къ потребителю, и должна быть признана, слѣдовательно, *причиной* существованія торговой прибыли въ средніе вѣка, причиной того, что потребитель уплачивалъ торговую прибыль.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Промышленность и промышленная прибыль въ средніе вѣка.

А. Цеховая монополія.

I.

Въ древнемъ мірѣ первоначальная прибыль существуетъ лишь въ одной формѣ — въ формѣ прибыли, извлекаемой изъ торговаго обмѣна. Промышленной прибыли еще нѣтъ. Ея не можетъ быть тамъ, гдѣ промышленныя издѣлія изготовляются въ собственномъ же хозяйствѣ и притомъ несвободнымъ трудомъ. Конечно, рядомъ съ этой преобладающей организаціей производства, мы находимъ въ древнемъ мірѣ и иные виды ея: ремесло и даже кустарныя мастерскія и мануфактуры. Но и ремесло обыкновеннно не производитъ для рынка (хотя бы мѣстнаго), а работаетъ лишь по заказу потребителя, да и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда появляются свободные ремесленники, являющіеся самостоятельными предпринимателями, производящими предметы для мѣстнаго рынка, имъ приходится выдерживать сильную конкурренцію рабскаго труда, и составляя лишь одну изъ группъ промышленнаго населенія, рядомъ со многими другими, притомъ группу, не имѣющую крѣпкой организаціи или даже вовсе не организованную, они лишены возможности оказывать вліяніе на цѣны производимыхъ ими предметовъ. Наконецъ, и доходъ, извлекаемый изъ государственныхъ и частныхъ мануфактуръ, не можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи, ибо даже поскольку эти предпріятія работаютъ не для потребностей государя и го-

сударства, а для сбыта частнымъ лицамъ, — они производятъ при помощи рабскаго труда. Такимъ образомъ, въ древнемъ мірѣ мы не находимъ тѣхъ условій, при которыхъ можетъ получаться прибыль въ промышленности, эти условія суть: производство для рынка, изготовленіе предетовъ свободными лицами и экономическая сила предпринимателей по отношенію къ какой-либо группѣ населенія, приходящей съ ними въ соприкосновеніе [1]).

Доходъ, получаемый промышленными предпріятіями древняго міра, основанными на рабскомъ трудѣ, мы не можемъ разсматривать и какъ исходную, зачаточную форму, изъ которой впослѣдствіи образовалась промышленная прибыль, подобно тому, какъ изъ насильственнаго захвата имущества постепенно возникла торговая прибыль. Въ исторіи торговли мы наблюдаемъ непосредственную тѣсную связь между одностороннимъ захватомъ предметовъ и возмезднымъ двустороннимъ обмѣномъ, наблюдаемъ переходъ отъ перваго ко второму, какъ у внѣевропейскихъ первобытныхъ народовъ, такъ и въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка, и можемъ прослѣдить всѣ ступени этого постепеннаго перехода. Иное дѣло въ области промышленности—здѣсь немыслимо установить какую-либо связь между императорскими мануфактурами римскаго періода и цеховой организаціей среднихъ вѣковъ. Точно такъ же нѣтъ никакой преемственности между этими мануфактурами и тѣми мастерскими, которыя были устроены въ средневѣковыхъ помѣстьяхъ. Поэтому указаніе на постепенный переходъ отъ эксплоатаціи рабскаго труда въ Римѣ къ эксплоатаціи крѣпостныхъ въ средніе вѣка и далѣе къ эксплоатаціи свободнаго рабочаго населенія представлялось бы абсурднымъ. Мало того, даже производство промышленныхъ издѣлій въ помѣстьяхъ въ раннее средневѣковье представляетъ при изученіи эволюціи прибыли мало интереса, ибо, помимо того, что изготовляемые

[1]) О промышленности въ древнемъ мірѣ, помимо цитированныхъ выше сочиненій Момзена, Пельмана, Франкотта, Бюхера, Белоха, Гревса (особ. стр. 567 и сл.) и др. см. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Paris. 1900. (особ. гл. VIII, X—XI). Typaldo-Bassia. Des classes ouvrières à Rome. Paris. 1892. Bücher. Die Diocletianische Taxordnung vom Jahre 301. Zeitschrift für ges. Staatswissenschaft. B. 50 и его же Gewerbe въ Handwört. der Staatswiss. B. IV.

здѣсь продукты потреблялись преимущественно въ самомъ же помѣстьи, крѣпостные, работавшіе въ этихъ мастерскихъ, вовсе не являются первообразомъ средневѣковаго цехового ремесленника. Теорія, согласно которой цехи произошли изъ союзовъ крѣпостныхъ ремесленниковъ, въ настоящее время совершенно отвергнута, какъ экономистами, такъ и историками. Беловъ, Готейнъ, Ритшель, Лау, Кейтгенъ, М. М. Ковалевскій и многіе другіе доказали полную несостоятельность этой теоріи [1]), которая долгое время считалась неопровержимой, и даже Стида, который прежде отстаивалъ ее, вынужденъ былъ признать, что нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы можно было доказать происхожденіе цеховъ изъ союзовъ крѣпостныхъ, повсюду возможно и совершенно иное толкованіе [2]).

Такимъ образомъ, для того, чтобы найти наиболѣе раннюю форму промышленной прибыли надо обратиться непосредственно къ той прибыли, которую выручалъ средневѣковый цеховой ремесленникъ въ XIII—XV ст. Но быть можетъ, и его доходъ состоялъ исключительно изъ платы за трудъ? Въ то время, какъ существованіе торговой прибыли въ тѣ времена ясно для всякаго, въ промышленности того времени обѣ отрасли дохода—вознагражденіе за личный трудъ ремесленника и прибыль его, проистекающая изъ совершенно иныхъ источниковъ, настолько тѣсно соединяются и сплетаются вмѣстѣ, что необходимъ детальный анализъ, чтобы отдѣлить ихъ, различить тѣ разнообразные источники, изъ которыхъ получается доходъ цехового мастера.

Сомнѣніе возбуждаетъ то обстоятельство, что, по весьма распространенному въ наукѣ взгляду, средневѣковый ремесленникъ не пользовался монополіей въ производствѣ и не стремился къ обогащенію, почему цехи въ эту эпоху имѣли въ виду, и интересъ потребителя, покупающаго производимые цехомъ товары, и нужды подмастерьевъ и учениковъ, работающихъ у мастера, мастера же довольствовались одной, хотя и достаточной для удовлетворенія ихъ потреб-

---

1) Еще раньше на это указывалъ М. И. Кулишеръ. (Русская Мысль 1887 г. кн. XI и XII).

2) См. Stieda. Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1876. B. XIV и его же ст. Zünfte въ Handwört. der Staatswissenschaften.

ностей, платой за ихъ собственный трудъ. Стремленіе къ монополіи, погоня за наживой, а слѣдовательно, и сокращеніе количества мастеровъ, пользующихся правомъ производства, и повышеніе цѣнъ на производимые товары, а равно пониженіе заработной платы подмастерьевъ — всѣ эти отрицательныя стороны цехового быта появились, по господствующему ученію, лишь въ періодъ новаго времени; средневѣковые цехи ничего общаго съ цехами послѣдующаго періода не имѣютъ, составляя полную противоположность имъ. Періодъ расцвѣта цеховой организаціи необходимо строго отличать отъ періода упадка, первый совпадаетъ съ послѣдними столѣтіями средневѣковья, второй относится къ новому времени, начинающемуся съ XVI вѣка.

Эту теорію, проводящую рѣзкую границу между средневѣковой цеховой организаціей и цехами послѣдующихъ столѣтій, выставилъ впервые Шенбергъ; въ противоположность Машеру и другимъ, предшествующимъ ему изслѣдователямъ исторіи цехового строя, Шенбергъ отрицаетъ существованіе стремленія къ обогащенію у средневѣковаго ремесленника. Каждый разъ—говоритъ Шенбергъ—повторяется это смѣшеніе двухъ столь различныхъ фазисовъ въ исторіи цеховой организаціи, упускаютъ изъ виду, что одинаковая внѣшняя форма заключаетъ въ себѣ въ разные періоды совершенно различный духъ... Для нѣмецкихъ цеховыхъ мастеровъ, этихъ гражданъ, составившихъ едва ли не наиболѣе блестящую страницу въ исторіи Германіи, безграничное стремленіе къ накопленію богатствъ, идущее за предѣлы необходимыхъ потребностей, не было еще тѣмъ идоломъ, передъ которымъ люди преклоняются, ибо исходя изъ естественныхъ правъ человѣка, они требовали для себя свободы и равенства. Какъ въ области политическихъ вопросовъ, такъ и въ экономическомъ быту они ставили общее благо выше личныхъ интересовъ; трудъ былъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей природѣ—выраженіемъ личности, онъ долженъ былъ быть поэтому такимъ же чистымъ и незапятнаннымъ“ [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказывается и Гирке. „Говоря о

[1]) Schönberg. Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. IX. p. 3. 51.

цехахъ,—читаемъ у него—мы имѣемъ обыкновенно въ виду тѣ печальные остатки ихъ, которые сохранились въ 19-мъ вѣкѣ, или представляемъ ихъ себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ эпоху упадка въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ, когда они, подобно другимъ, сохранившимся отъ прежнихъ временъ корпораціямъ, только и помышляли о всевозможныхъ исключительныхъ привилегіяхъ и монополіяхъ, о собственныхъ мелкихъ интересахъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ эту болѣе позднюю эпоху цехи представляютъ не болѣе какъ каррикатуру на то, чѣмъ они были въ эпоху расцвѣта цеховой жизни въ средніе вѣка, что они не имѣютъ ничего, кромѣ внѣшней формы и названія, общаго съ тѣми цехами, которые создали грандіозную организацію труда, какой свѣтъ не видѣлъ ни до того, ни впослѣдствіи, которые впервые въ исторіи добились признанія права на трудъ и почета труду“ [1]).

Прежняя организація ремесла въ Германіи—говоритъ Шталь—совершенно не похожа на тотъ институтъ, который образовался съ теченіемъ времени. Если послѣдній не представляетъ собою ничего отраднаго, и даже нѣтъ основанія ближе изучать его, такъ какъ онъ является не болѣе, какъ періодомъ дряхлости, то прежняя организація, наоборотъ, должна вызвать къ себѣ живѣйшій интересъ [2]).

И Брентано говоритъ о „величественныхъ, поистинѣ благородныхъ чертахъ“, обнаруживающихся въ статутахъ средневѣковыхъ ремеслъ, въ отличіе отъ послѣдующаго періода ихъ жизни. Однако—добавляетъ онъ—едва была достигнута вершина, какъ уже стали замѣчаться хотя и слабые, но все таки уже зачатки приближающагося упадка, превращенія прежнихъ постановленій въ карикатуру на нихъ. Этотъ періодъ упадка наступаетъ уже въ 14-мъ вѣкѣ [3]).

Читая эти строки въ сочиненіи Брентано, необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Во-1-хъ, образованіе цеховъ

---

[1]) Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Berlin. 1868. p. 358—359.

[2]) Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874. p. 15.

[3]) Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. Leipzig. 1871. B. I. p. 46, 58—59.

[4]) См. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. т. II. Москва. 1903. стр. 99—111.

относится къ XII и XIII ст. До XIII вѣка почти не существовало цеховой автономіи. Во-2-хъ, цеховые статуты представляютъ собою ничто иное, какъ записи нормъ обычнаго права, существовавшихъ задолго до ихъ закрѣпленія на пергаментѣ. Только при возникновеніи спора изъ за какого либо обычая, послѣдній превращался въ законъ, вносился въ цеховой уставъ [1]). Поэтому, если мы находимъ институты, свидѣтельствующіе о стремленіи цеховъ къ монополизаціи промышленности, уже въ 14-мъ вѣкѣ, что признаетъ и Брентано, то есть всѣ основанія предполагать, что они существовали въ дѣйствительности, какъ нормы обычнаго права, по крайней мѣрѣ, за сто лѣтъ до того, и возникли, если не одновременно съ образованіемъ цеховъ, то во всякомъ случаѣ, немногимъ позже.

Подобное дѣленіе цеховой исторіи на два періода: средневѣковый—идеальный и періодъ XVI—XIX ст.—эпоха паденія, мы можемъ найти почти у всѣхъ нѣмецкихъ писателей, у однихъ въ болѣе, у другихъ въ менѣе рѣзко выраженной формѣ; къ первымъ относится напр. Стида, Лау, Бодеманъ, Зомбартъ, хотя у послѣдняго это дѣленіе основано на другомъ принципѣ, ко вторымъ — Шмоллеръ, Бюхеръ, Экертъ, Шанцъ. Даже Беловъ, высказавшій оригинальные взгляды по различнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи ремесла [2]), въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ присоединяется къ нимъ [3]). Противъ этой гипотезы выступилъ лишь Эйленбургъ, присоединившійся къ высказанному мною въ „Jahrbücher für Nationaloekonomie“ мнѣнію [4]).

У англійскихъ и французскихъ историковъ - экономистовъ мы не находимъ подобной идеализаціи средневѣковаго цехового строя. Такъ, Кеннингэмъ указываетъ на то, что англійскія ремесленныя корпораціи состояли изъ

[1]) См. объ этомъ въ приводимыхъ ниже сборникахъ цеховыхъ уставовъ.

[2]) См. Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. (Historische Zeitschrift. 1887. B. 58) и другую статью по тому же вопросу въ Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. V.

[3]) См. его новѣйшую статью: Die Entstehung des modernen Kapitalismus. Historische Zeitschrift. N. F. B. IV. 1903. p. 444.

[4]) Jahrbücher. III F. B. 19. 1900. Eulenburg. Drei Jahrhunderte städtischen Gewerbewesens. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. II. 1904. p. 269.

избранной кучки лицъ въ каждомъ ремеслѣ, что въ нихъ господствовалъ духъ монополіи, и прибавляетъ, что „старый городской строй былъ несомнѣнно идеализированъ до нелѣпыхъ размѣровъ“ [1]).

Левассеръ признаетъ, что и въ статутахъ XIII вѣка обнаруживается духъ монополіи. Какъ онъ указываетъ, иначе и быть не могло, разъ цеховые статуты составлялись самими мастерами: „тамъ, гдѣ дѣло касается политики, а еще болѣе, гдѣ рѣчь идетъ объ экономическихъ интересахъ, классы эгоистичны; имѣя возможность издавать законы, они руководствуются собственной выгодой и тѣ случаи, гдѣ они изъ своей власти не извлекаютъ пользы, представляютъ исключеніе [2]). По мнѣнію Де-Мареса, едва корпоративная организація ремеслъ достигла своего полнаго развитія, какъ мастера стали эгоистично эксплоатировать то монопольное положеніе, которымъ они пользовались. Они стали бороться не только съ иногородней конкурренціей, но и со своими же учениками, преграждая послѣднимъ доступъ въ цехъ. „Чѣмъ многочисленнѣе мастера, тѣмъ многочисленнѣе лица, въ рукахъ которыхъ находится производство; не дадимъ же массѣ портить то, что хорошо лишь для немногихъ!“ [3]). Любопытное указаніе находимъ у Буассонада. Начиная съ XV вѣка,—говоритъ онъ—мастера цеховъ въ Пуату составляютъ аристократію, которая принимаетъ всевозможныя мѣры къ ограниченію доступа въ цехъ, ревниво охраняя свое монопольное положеніе. А до XV вѣка? Каковы были условія въ XIII и XIV ст.? Мы незнаемъ — отвѣчаетъ Буассонадъ; детальныя свѣдѣнія объ организаціи цеховъ въ Пуату имѣются лишь начиная съ XV вѣка [4]).

Нѣсколько ближе подходятъ къ принятому у нѣмецкихъ писателей дѣленію исторіи цеховъ на два рѣзко отличныхъ по духу періода Эшли и въ особенности Мартенъ-Сенъ-Леонъ,

---

[1]) Кеннингэмъ, т. I, стр. 298. 383. 399.

[2]) Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789. 2 éd. T. I. Paris. 1900. p. 273.

[3]) Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV-e siècle. Bruxelles. 1904. p. 73.

[4]) Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI siècle jusqu'à la Revolution. T. II. Paris. 1900. p. 78.

который старается найти тотъ золотой вѣкъ въ жизни цеховъ, когда имъ невѣдомы были эгоистичныя стремленія. Впрочемъ, и Эшли, и Мартенъ признаютъ, что уже въ XIV вѣкѣ замѣтны симптомы паденія и встрѣчаются несомнѣнные признаки, свидѣтельствующіе о желаніи ограничить конкурренцію, уменьшая притокъ новыхъ членовъ, а въ XV вѣкѣ совершенно исчезаетъ либеральный духъ, уступая мѣсто всевозможнымъ стѣсненіямъ доступа въ цехъ [1]).

Необходимо, слѣдовательно, разсмотрѣть отдѣльныя требованія, которыя предъявлялись цехами при пріемѣ новыхъ членовъ, и установить, съ какого времени они появляются въ цеховыхъ статутахъ и какое вліяніе они должны были имѣть, для того, чтобы рѣшить вопросъ, пользовались-ли цеховые мастера въ средніе вѣка монопольнымъ положеніемъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рядомъ съ этими требованіями въ сферѣ цеховой жизни существовали и другіе институты, которые имѣли еще большее значеніе для созданія монопольнаго положенія цеховъ, именно институты, которыми регулировалось отношеніе цеховъ къ внѣшнему міру. Любопытно, что, расходясь во взглядахъ по другимъ вопросамъ цеховой исторіи, по вопросамъ, касающимся внутренней жизни цеховъ (требованія, которымъ долженъ удовлетворять вновь вступающій, отношенія между мастерами и подмастерьями), почти всѣ историки и экономисты сходятся въ томъ, что по отношенію къ внѣшнему міру цехи всегда занимали исключительное положеніе. Даже тѣ ученые, которые утверждаютъ, что сокращеніе числа членовъ путемъ установленія различныхъ затрудняющихъ доступъ въ цехъ требованій относится лишь къ новому времени, не отрицаютъ того, что производство и сбытъ промышленныхъ издѣлій и въ средніе вѣка (или вѣрнѣе: именно въ средніе вѣка) составляли привилегію цеховъ, причемъ каждый цехъ отмежевывалъ себѣ опредѣленную

[1]) Эшли. Экономическая исторія Англіи, стр. 334—336. Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers. Paris. 1897. p. 218. 236. Есть, наконецъ, и такіе историки-экономисты французы, которые почти всецѣло сходятся во взглядахъ съ нѣмецкими учеными, какъ напр., Girard. Histoire de l'économie sociale jusqu'à la fin du XVI siècle. 1900. p. 116 и сл., Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. Paris. 1905 г. p. 129 и сл.

область производства, недоступную для прочихъ цеховъ: это являлось необходимымъ послѣдствіемъ Zunftzwang'а [1]).

Zunftzwang состоитъ въ томъ, что исключительно лица, принятыя въ цехъ и состоящія его членами, обладаютъ правомъ на промыселъ въ данномъ городѣ: кто стоитъ внѣ цеха, не можетъ производить и сбывать свои издѣлія на городскомъ рынкѣ. „Что касается Zunftzwang'а, — говоритъ Нейбургъ—то онъ сравнительно рѣдко прямо выраженъ въ цеховыхъ статутахъ, такъ какъ уже обычай требовалъ, чтобы всякій ремесленникъ принадлежалъ къ извѣстному цеху и лишь въ исключительныхъ случаяхъ могли допускаться изъятія изъ этого правила. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое правило имѣется въ самихъ статутахъ, такъ что нѣтъ надобности заключать объ этомъ изъ общаго духа постановленій. Такъ напр., башмачники во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1355 г. устанавливаютъ, что башмаки могутъ изготовлять только члены этого цеха; тамошніе бондари требуютъ, чтобы всякій горожанинъ, занимающійся бондарнымъ ремесломъ, вступалъ въ ихъ цехъ. Берлинскіе сапожники и ремесленники, занимающіеся починкой сапогъ, по статуту 1399 г., никому не позволяютъ заниматься этимъ промысломъ, развѣ онъ пріобрѣлъ мастерство цеха. Точно также и суконщики объявляютъ въ 1233 г., что возбраняется кому бы то ни было, кромѣ членовъ ихъ цеха, изготовлять сукно“ [2]). Такое же постановленіе, касающееся ткачей, находимъ въ 1268 г. въ Базелѣ, и еще раньше, въ 1149 г. въ Кельнѣ [3]). Кельнскіе портупейные мастера, литейщики, льноткачи также вносятъ въ свои статуты правило, что только лица, входящія въ составъ цеха, могутъ заниматься соотвѣтствующимъ промысломъ [4]). Беловъ указываетъ на то, что изъ семи цеховыхъ грамотъ, относящихся къ XII вѣку (въ Германіи) въ шести Zunftzwang прямо вы-

---

[1]) См. напр. Girard. p. 112. Эшли, стр. 334. Schoenberg. Zunftwesen. p. 101 и сл.

[2]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Iena. 1880. p. 111.

[3]) Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. III. 1904. Стр. 69.

[4]) Lau. Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln. Bonn. 1898. p. 207.

ставленъ въ качествѣ цѣли образованія цеха [1]). „Въ Магдебургѣ, Вѣнѣ, Мюльгаузенѣ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII вѣка правительственныя власти, будетъ ли то епископъ или герцогъ (въ Австріи и въ Штиріи) или городской префектъ, единообразно надѣляютъ цехи монополіей промысла слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ: никто не смѣетъ заниматься даннымъ ремесломъ, разъ онъ не принятъ въ сообщество, consortium, communio или unio [2])". Въ Руанѣ монополія ткачей установлена грамотой Генриха II англійскаго еще въ 1154 году. „Знайте—говорится въ ней—вы, графы, бароны и верховные судьи страны, что я призналъ и этой грамотой утверждаю за моими ткачами въ Руанѣ ихъ братство и всѣ привилегіи, такъ чтобы отнынѣ они свободно и вполнѣ безпрепятственно пользовались ими, и чтобы никто не дерзалъ ни въ Руанѣ, ни въ его окрестностяхъ (banlieu) отправлять ткацкое ремесло, не принадлежа къ ихъ корпораціи" [3]). Въ Англіи — говоритъ М. М. Ковалевскій—„уже со времени Генриха I и II оксфордскіе и іоркскіе ремесленники могли ссылаться въ защиту своихъ монополій на такіе тексты, какъ: nullus faciat officium eorum nisi sit de gilda illa или: quod nullus telam aliquam faciat in comitatu Eboracensi sine assensu tellariorum Eboraci" [4]).

Однако, объ обязательности вступленія въ цехъ всѣхъ занимающихся даннымъ промысломъ упоминается далеко не во всѣхъ цеховыхъ уставахъ. Изъ такого умолчанія многихъ цеховыхъ статутовъ о томъ, что посторонним запрещается производить данный промыселъ, Эберштадтъ сдѣлалъ выводъ, что монополизація промысла вовсе не является необходимымъ условіемъ всякаго цехового хозяйства и во многихъ городахъ цехи вовсе не принуждаютъ ко вступленію всякаго, кто желаетъ заниматься даннымъ промысломъ [5]). Къ Эберштадту присоединяется и Зомбартъ, который также признаетъ существованіе эпохи свободы промысловъ, когда обязательнаго вступленія въ цехъ еще не

---

[1]) Below. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1891. B. II. p. 177.

[2]) Ковалевскій, т. III стр. 70.

[3]) Ковалевскій. т. III, стр. 78.

[4]) Ковалевскій, т. III, стр. 66.

[5]) Eberstadt. Der Ursprung des Zunftwesens und die älteren Handwerkerverbände des Mittelalters. Leipzig. 1900.

было, и утверждаетъ что въ различныхъ цехахъ и городахъ, какъ Германіи, такъ и другихъ странъ принадлежность къ цеху становится обязательной не ранѣе XIV и даже XV вѣка [1]). Беловъ возражаетъ на это, что Zunftzwang могъ имѣть различный характеръ и объемъ и что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не проводился въ наиболѣе рѣзкой формѣ, еще не слѣдуетъ усматривать существованія свободы промысла [2]). Вопросъ вполнѣ выясненъ Кейтгеномъ въ его послѣднемъ сочиненіи о возникновеніи цеховъ. Характерными признаками цеха — говоритъ Кейтгенъ — являются: автономія въ вопросахъ, касающихся промысла; далѣе, извѣстное, хотя ограниченное необходимостью согласія другихъ органовъ, право изданія обязательныхъ постановленій для членовъ цеха („willküren") и, прежде всего — недопущеніе посторонних къ занятію ремесломъ (Zunftzwang) [3]). Что касается въ частности послѣдняго момента,—продолжаетъ онъ—то „еще раньше, когда существовалъ лишь періодическій рынокъ, всякій торговавшій на немъ, обязанъ былъ подчиняться установленному порядку, осмотру товаровъ, уплатѣ рыночныхъ сборовъ. Когда временный рынокъ замѣнился постояннымъ городскимъ рынкомъ, эти условія сохранились попрежнему, съ той только разницей, что временный институтъ сталъ постояннымъ. И, наконецъ, когда во главѣ цеховъ стали выборные старшины, къ которымъ перешло право надзора за производствомъ и право полученія сборовъ, и тогда дѣло не могло измѣниться. Иными словами, обязанность вступленія въ цехъ являлась столь необходимымъ элементомъ промысловой организаціи и даже городского хозяйственнаго строя вообще, что весьма мало значенія можетъ имѣть то обстоятельство, содержится-ли въ томъ или другомъ статутѣ explicite или implicite обязательность участія въ цехѣ. Поэтому то дѣйствіе Zunftzwang'а распространяется и за предѣлы цеховъ. Мы находимъ его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда свободныя организаціи ремесленниковъ запрещены... Запрещеніе цеховъ не сопровождалось уничтоже-

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. p. 133—135.

[2]) Below. Die Entstehung des modernen Kapitalismus. Hist. Zeitschr. 1903. p. 447—448.

[3]) Keutgen. Aemter und Zünfte. Jena. 1903. p. 183.

ніемъ всего городского хозяйственнаго строя. Фундаментъ оставался прежній, устранялась лишь надстройка, автономія ремесленниковъ". И въ этомъ случаѣ сохранялся основной признакъ цеховой организаціи: недопущеніе къ занятію промысломъ тѣхъ, кто не входилъ въ составъ „Einung" (ne-Zunft), которая пользовалась правомъ „безпрепятственно сбывать свои продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ — въ этомъ вся суть — не допускать другихъ сбывать свои товары" [1]).

Тѣмъ обстоятельствомъ, что обязательность вступленія въ цехъ сама собою подразумѣвалась, объясняется — какъ указываетъ Кейтгенъ—и то, что во многихъ статутахъ это условіе занятія промысломъ ставится лишь въ отношеніи иногородныхъ, но не упоминается о горожанахъ, относительно которыхъ и безъ того предполагалось, что они вступаютъ въ цехъ. Въ другихъ случаяхъ по той же причинѣ въ статутѣ опредѣляются лишь размѣры вступительнаго взноса. „Я считаю нужнымъ остановиться на этихъ фактахъ—заключаетъ Кейтгенъ—такъ какъ была сдѣлана попытка конструировать на основаніи подобныхъ случаевъ особую группу ремесленныхъ ассоціацій безъ обязательнаго вступленія въ нихъ всѣхъ занимающихся промысломъ" [2]).

II.

Запрещеніемъ лицамъ, не входящимъ въ составъ цеха, заниматься промысломъ, устранялась конкурренція городскихъ жителей, стѣсненіемъ ввоза промышленныхъ издѣлій, изготовленныхъ внѣ города,—конкурренція иногородныхъ: городскимъ ремесленникамъ предоставлена монополія на городскомъ рынкѣ. Промышленныя издѣлія, изготовленныя внѣ города не должны конкуррировать на городскомъ рынкѣ съ произведеніями мѣстнаго ремесла. „Въ средніе вѣка господствуетъ принципъ, что товары должны производиться въ самомъ городѣ, а не привозиться изъ другихъ мѣстъ; поэтому ввозъ промышленныхъ издѣлій всячески стѣсняется путемъ ввозныхъ пошлинъ, запрещеній ввоза и

[1]) Keutgen. Aemter und Zünfte. p. 189—191. 197. См. также Eulenburg въ Zeitschr. für Social-und Wirtschaftsgesch. B. IV. p. 140 и сл.

[2]) Keutgen. p. 200. 230.

продажи ихъ въ городѣ. Только предметы роскоши, составлявшіе спеціальность нѣкоторыхъ мѣстностей, допускались къ ввозу“ [1]). Этого правила придерживались повсюду—въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Англіи и въ другихъ странахъ,

„Въ городскихъ статутахъ, въ рѣшеніяхъ городскихъ ратушъ и въ цеховыхъ уставахъ—говоритъ Инама-Стернеггъ—содержится цѣлый рядъ постановленій, которыми ввозъ извѣстныхъ промышленныхъ издѣлій либо вовсе запрещается, либо не допускается въ опредѣленное время, съ цѣлью облегчить мѣстной промышленности сбытъ на городскомъ рынкѣ. Отчасти эти постановленія находятся въ связи съ тѣми ограниченіями въ правахъ въ области торговли и промышленности, которымъ вообще подвергались иногородніе; однако, и городскіе купцы, розничные торговцы и ремесленники ограничивались въ сбытѣ произведенныхъ внѣ города товаровъ, когда этого требовали интересы городской промышленности“. „Гостямъ, т. е. иногороднимъ купцамъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—разрѣшается продавать товары на городскомъ рынкѣ лишь въ теченіе трехъ дней въ году. Но цехи старались устранить и эту незначительную конкурренцію посредствомъ запрещенія всякаго ввоза издѣлій, произведенныхъ внѣ города. Цехи добивались того, что имъ поручался осмотръ привозимыхъ въ городъ издѣлій, что иногороднимъ запрещалось торговать въ розницу, и для послѣднихъ устанавливался цѣлый рядъ всевозможныхъ ограниченій“ [2]).

Такъ, въ статутѣ свѣчного цеха въ Кельнѣ, относящемся къ XIV вѣку, говорится: никто не можетъ ввозить въ Кельнъ съ цѣлью продажи старыхъ или новыхъ издѣлій, произведенныхъ внѣ города [3]). Въ статутѣ сапожнаго цеха города Перлеберга 1239 г. читаемъ: никто изъ иногородныхъ не можетъ продавать въ Перлебергѣ сапоги или выставлять ихъ на продажу [4]). Въ Любекѣ канатный цехъ запрещаетъ

[1]) Laves. Ausfuhrzölle und Ausfuhrverbote. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1. Aufl. B. I. p. 971.

[2]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. Leipzig. 1901. p. 241. 246—7.

[3]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Iena. 1880.

[4]) Neuburg. Ibid.

ввозъ канатовъ въ городъ, цехъ скорняковъ—ввозъ и продажу производимыхъ имъ товаровъ [1]). При этомъ не только въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ думаетъ Лексисъ [2]), но повсюду это запрещеніе ввоза произведенныхъ внѣ города товаровъ относится не только къ иногороднимъ жителямъ, но и къ горожанамъ, распространяясь, какъ на цеховыхъ мастеровъ, такъ и на торговцевъ въ розницу и на прочихъ жителей. Въ Любекѣ, въ Данцигѣ, въ Люнебургѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ другихъ городахъ существуютъ спеціальныя постановленія по этому предмету, которыми мѣстнымъ жителямъ воспрещается ввозъ промышленныхъ издѣлій. Въ Пармѣ, по постановленію 1211 года, всѣ ввозимыя въ городъ шерстяныя издѣлія и сукна отбирались магистратомъ (подеста) и сжигались. Во Флоренціи также былъ запрещенъ ввозъ сукна. Въ Венеціи находимъ цѣлый рядъ запрещеній ввоза произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій (напр., ввозъ стеклянныхъ и шелковыхъ товаровъ) [3]). Точно также и французскіе города придерживались запретительной системы. Въ Парижѣ и въ Руанѣ было запрещено иногороднимъ ввозить вино; хлѣбъ (испеченный) и сукно можно было ввозить лишь по субботамъ [4]); другіе товары, привезенные купцами, могутъ продаваться лишь оптомъ, цѣлыми тюками, тысячами, по двѣнадцати дюжинъ [5]).

Брюссельскіе слесаря, ножевщики, портупейные мастера добиваются устраненія ввоза фабрикатовъ, произведенныхъ внѣ города [6]). На основаніи ордоннанса 1302 г., запрещалось привозить въ Гентъ сукно и продавать его на рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ, если оно не было отдѣлано въ самомъ городѣ. Иногородній, привозившій сукно, подвергался штрафу и конфискаціи товара, мѣстный житель, помимо тѣхъ же наказаній, лишался права производить промыселъ въ теченіе извѣстнаго срока [7]).

---

[1]) Wehrmann. Lübeckische Zunftrollen. p. 106 и сл.

[2]) Lexis. Einfuhrverbote. Handwört. d. Staatswiss. B. II.

[3]) Lexis. Einfuhrverbote. Roscher. Nationaloekonomik. III. p. 847.

[4]) Levasseur. Histoire des classes ouvriéres. T. I. p. 256.

[5]) Pigeonneau. p. 337—338.

[6]) Des Marez. p. 492—495.

[7]) De Vigne. Moeurs et usages des corporations de métiers de la Belgique et du nord de la France. Gand. 1857. p. 53.

Поскольку же дозволялось ввозить предметы, произведенные внѣ города, разрѣшеніе распространялось только на извѣстное время, главнымъ образомъ на ярмарочные дни и на продажу товаровъ оптомъ, но не въ розницу [1]). Кромѣ того, привезенные въ городъ товары облагались ввозными пошлинами. Такъ, въ Гамбургѣ (статутъ 1458 года) произведенныя внѣ города токарныя издѣлія могутъ продаваться во всякое время лишь оптомъ, въ розницу же только три дня въ году [2]). Въ Констанцѣ въ 1414 году постановлено, что ввезенныя сукна могутъ продаваться въ розницу лишь во время ярмарки; по окончаніи же ея они должны быть немедленно связаны въ тюки и увезены. При этомъ пошлина при ввозѣ въ городъ должна быть уплачена за весь привезенный товаръ, независимо отъ того, будетъ ли онъ впослѣдствіи проданъ цѣликомъ, или только часть его [3]). Въ Любекѣ привозимыя издѣлія, поскольку ввозъ ихъ не запрещенъ вовсе, не только продаются исключительно оптомъ и въ опредѣленныхъ мѣстахъ (шляпы, сукно, мечи, пояса), но подлежатъ еще осмотру со стороны цеховыхъ старшинъ, которые имѣютъ право уничтожать признанные негодными товары и даже оставлять въ свою пользу часть штрафныхъ денегъ [4]). Такой же надзоръ, приводившій къ почти полному устраненію ввоза, находимъ въ Парижѣ и Аміенѣ, гдѣ также привозимые товары подвергаются осмотру въ отношеніи ихъ качества представителями цеха, заинтересованными въ устраненіи иногородной конкурренціи [5]). И въ Англіи иногородніе ограничены относительно времени и мѣста сбыта товаровъ, и право осмотра привозимыхъ товаровъ принадлежитъ „старшинамъ и приставамъ всѣхъ ремеслъ и мастерствъ во всѣхъ сити, мѣстечкахъ, городахъ и селеніяхъ, гдѣ занимаются такими ремеслами и мастерствами“; во многихъ случаяхъ часть конфискованныхъ товаровъ, признанныхъ негодными, поступала въ пользу стар-

---

[1]) Neuburg. p. 112 и слѣд.

[2]) Rüdiger. Hamburgische Zunftrollen. № 11.

[3]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I. Strassburg. 1891. p. 532.

[4]) Wehrmann. p. 106.

[5]) Levasseur. I. p. 257. Neuburg. p. 109.

шинъ цеха, что создавало новый стимулъ къ недопущенію сбыта произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій [1]).

И въ этомъ отношеніи (какъ и въ смыслѣ проведенія на практикѣ Zunftzwang'a), фактическія условія средневѣковой жизни приходили на помощь цехамъ, защищая ихъ отъ иногородней конкурренціи. Постановленія, которыми привозъ изготовленныхъ внѣ города предметовъ запрещался или обставлялся значительными стѣсненіями, представляютъ въ сущности ничто иное, какъ санкціонированіе того порядка, который установился самъ по себѣ въ силу природы вещей. Какъ справедливо указываетъ Зомбартъ, производство для другихъ мѣстностей было мыслимо въ средніе вѣка лишь въ тѣхъ городахъ и въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ они обладали исключительнымъ по отношенію къ другимъ мѣстностямъ положеніемъ, иначе говоря, могли сбываться лишь извѣстныя сорта издѣлій, производство которыхъ составляло тайну для другихъ мѣстностей. Во всѣхъ другихъ случаяхъ конкурренція была немыслима: обиліе таможенъ, невозможное состояніе дорогъ, грабежи и разбои и т. п. создавали, по выраженію Зомбарта, естественный протекціонизмъ въ пользу мѣстнаго производства, монополію мѣстныхъ издѣлій на городскомъ рынкѣ [2]).

Въ XIV вѣкѣ было шестьдесятъ четыре таможенныхъ заставы на Рейнѣ, 35 на Эльбѣ и 77 на Дунаѣ въ Нижней Австріи [3]). По бассейну р. Майна, напр., были таможни епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго и архіепископа майнцскаго; каждый изъ нихъ имѣлъ цѣлую массу заставъ, у которыхъ взимались самые разнообразные сборы. Но, кромѣ того, въ той же области устроили свои таможни князья Гогенло, графы Ринекъ и графы Вертгеймъ, Ганау, Фалькенштейнъ и Мюнценбергъ [4]). Таможенные сборы, взимавшіеся на одномъ только разстояніи между Бингеномъ и Кобленцомъ, составляли въ половинѣ XIV вѣка отъ 53 до 67 проц. показанной стоимости товара [5]). Согласно постановленіямъ много-

[1]) Эшли. стр. 262 и слѣд., 343, 441.

[2]) Sombart. Kapitalismus. I. p. 156—157.

[3]) Sommerlad. Das Verkehrswesen im deutschen Mittelalter. Handwört. der Staatswiss. Suppl.-B. II. p. 943.

[4]) Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens. Leipzig. 1869. p. 66, 74—75.

[5]) Sommerlad. p. 943.

численныхъ имперскихъ сеймовъ и соборовъ, таможенные сборы предназначались на содержаніе дорогъ, сооруженіе мостовъ, охрану проѣзжающихъ и другія благія цѣли [1]). Если бы они дѣйствительно затрачивались на эти цѣли, то было бы еще полбѣды, ибо стѣсненія, вызываемыя многочисленностью и разнообразіемъ таможенныхъ сборовъ, въ значительной мѣрѣ уравновѣшивались бы цвѣтущимъ состояніемъ путей сообщенія, которыя всячески облегчали бы передвиженіе населенія и торговыя сношенія. Однако, постановленія сеймовъ и соборовъ оставались одними добрыми пожеланіями, не имѣвшими никакого практическаго значенія. Дороги, на устройство и починку которыхъ должны были идти эти сборы, находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Онѣ представляли собою либо вспаханное поле, либо просто луга, поросшіе травой. Каждый годъ приходилось заново протаптывать путь, причемъ пользоваться имъ можно было лишь лѣтомъ при хорошей погодѣ; зимой и въ дождливое время дорога была непроходима [2]). О мостахъ упоминается, правда, начиная съ XIII вѣка, но появляются они лишь въ незначительномъ количествѣ и только тамъ, гдѣ невозможно было переходить рѣки вбродъ; мосты эти были деревянные—каменные строятся не ранѣе XVI вѣка— и часто повозка по нимъ вовсе проѣхать не могла. Неприспособленность мостовъ, непроходимая слякоть и грязь, камни и овраги, дѣлали перевозку на телѣгахъ на значительныхъ разстояніяхъ весьма затруднительной, такъ что путешествія совершались пѣшкомъ или верхомъ; торговецъ нагружалъ лошадь или осла и велъ его подъ уздцы и даже носилъ товаръ на спинѣ [3]).

Улучшеніе дорогъ вовсе и не входило въ интересы феодальныхъ владѣльцевъ, черезъ владѣнія которыхъ дороги пролегали, ибо чѣмъ хуже были дороги, тѣмъ лучше обезпечивалось взиманіе пошлинъ у различныхъ таможенъ, тѣмъ

---

[1]) Falke. p. 34. 38. 54.

[2]) Huber. Handwört. der Staatswiss. B. VII. s. v. Wege. Его-же. Die geschichtliche Entwickelung des modernen Verkehrs. Tübingen. 1893. p. 218 и сл.

[3]) Huber. l. c. Goetz. Die Verkehrswege. p. 548. Rathgen. Entstehung der Märkte. p. 5. Георгіевскій. Международная хлѣбная торговля. Т. I. СПБ. 1885., стр. 27.

труднѣе купцамъ было уклоняться отъ главнаго пути и объѣзжать таможни. Выгодно было не строить дороги и мосты, а ухудшать и разрушать ихъ еще потому, что, по принципу, „что съ воза упало, то пропало“, сеньоръ присваивалъ себѣ всякую вещь, дотронувшуюся до его земли, такъ что товары, попадавшіе на землю, когда телѣга ломалась или опрокидывалась при паденіи животнаго, становились собственностью сеньора (Grundruhrrecht). Съ XIII вѣка, впрочемъ, дѣлаются попытки уничтожить или по крайней мѣрѣ ограничить это зло [1]). Наконецъ, грабежъ происходилъ и открыто, безъ всякаго повода. О безопасности пути феодалъ, въ пользу котораго уплачивались спеціальныя конвойныя деньги, вовсе не заботился, его же люди часто нападали на плательщика сборовъ и грабили его. „Какъ извѣстно—говоритъ проф. Фортинскій—каждый рыцарь имѣлъ право строить въ своей землѣ замки. Всего чаще ихъ располагали по близости къ торговому тракту, частью для наблюденія за сборомъ пошлинъ, а частью для облегченія грабежей. Лѣса, покрывавшія берега рѣкъ и озеръ, способствовали нечаяннымъ нападеніямъ на купеческіе суда и обозы, а крѣпкія стѣны замка давали возможность сохранить захваченную добычу [2]).

Всѣ эти условія привели къ тому, что—какъ указываетъ Бюхеръ—объектами средневѣковой торговли могли быть лишь предметы, не производимые въ городѣ и его окрестностяхъ. Онъ насчитываетъ пять группъ: 1) пряности и южные плоды, 2) сушеная и соленая рыба, 3) мѣха, 4) тонкое сукно, 5) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—вино и соль [3]). Изъ промышленныхъ издѣлій находимъ, слѣдовательно, лишь сукно высшихъ сортовъ, именно тѣхъ сортовъ, которые не производятся въ данномъ городѣ, а являются спеціальностью опредѣленныхъ мѣстностей и поэтому не могутъ конкуррировать

---

[1]) Sommerlad. p. 942—943.

[2]) Фортинскій, стр. 128. См. также П. И. Георгіевскій, стр. 28. 30. Свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ между Германіей и Италіей, сообщаемыя Шульте въ его обширномъ трудѣ, основываются почти исключительно на записяхъ о нападеніяхъ на купцовъ и грабежѣ товаровъ. На этихъ же источникахъ основывается главнымъ образомъ и сочиненіе Ивера.

[3]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. p. 99.

съ мѣстными, изготовляемыми въ городѣ продуктами [1]). Характеръ замкнутаго, самодовлѣющаго хозяйства средневѣковыхъ городовъ проявляется здѣсь, въ области промышленности, наиболѣе рѣзко, принципъ, что все необходимое для горожанъ должно производиться въ самомъ городѣ, проводится вполнѣ послѣдовательно.

Наконецъ, цеховой строй не допускалъ и конкурренціи между различными цехами; каждый цехъ имѣлъ опредѣленный кругъ дѣятельности, занимался производствомъ и сбытомъ извѣстныхъ предметовъ, которые не могли быть объектомъ дѣятельности другого цеха—это дѣлалось для того, чтобы монополія цеха не нарушалась цехами, занимавшимися смежными ему отраслями производства. Такъ какъ точно отграничить сферу дѣятельности отдѣльныхъ цеховъ представлялось дѣломъ весьма затруднительнымъ, то между цехами происходили нерѣдко недоразумѣнія и столкновенія. Однако, безконечные раздоры и пререканія, которые происходили въ средніе вѣка между цехами, занимавшимися сходными отраслями производства, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ зорько заинтересованныя лица слѣдили въ то время за тѣмъ, чтобы ни одинъ цехъ не захватилъ области производства, принадлежащей другому, и этимъ не ограничилъ привилегій послѣдняго. Мнѣніе, будто бы распаденіе цеховъ на отдѣльныя самостоятельныя организаціи и враждебныя отношенія между цехами, изготовлявшими однородныя издѣлія, относится лишь къ новому времени, должно быть признано несостоятельнымъ. Въ Бременѣ напр., уже въ 1388 г. цехи „кордуанскихъ“ и „черныхъ“ сапожниковъ соединены вмѣстѣ въ одинъ цехъ, ибо раздѣленіе ихъ „создало массу непріятностей, споровъ, жалобъ и убытковъ, какъ для жителей вообще, такъ и въ особенности для членовъ обоихъ цеховъ. Враждебныя отношенія между тамошними сапожниками и кожевниками продолжались и впослѣдствіи [2]). Въ Бреславлѣ въ 1303 г. происходитъ соглашеніе между сапожниками, изготовляющими новые сапоги, и тѣми, которые занимаются починкой сапогъ, „съ цѣлью устраненія недо-

[1]) Below. Hist. Zeitschr. B. 91. p. 440.

[2]) Böhmert. Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens. Leipzig. 1862. p. 17. 20. № 11.

разумѣній и столкновеній, происходящихъ чуть ли не каждый день“ [1]). Въ Ригѣ подобнаго же рода примиреніе между кожевниками и сапожниками относится къ 1280 году [2]). Въ Люнебургѣ жалобы на конкурренцію смежныхъ цеховъ также раздаются весьма рано: въ 1302 г. появляются постановленія, имѣющія въ виду предотвратить столкновенія смежныхъ цеховъ [3]). Въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Фрейбургѣ, Констанцѣ—повсюду въ XIV вѣкѣ происходитъ борьба между цехомъ суконщиковъ и цехомъ ткачей[4]). Далѣе, начиная съ XIII вѣка—говоритъ Мауреръ—кузнецы, подковывающіе лошадей, отдѣляются отъ кузнецовъ, изготовляющихъ оружіе, а послѣдніе, въ свою очередь, отдѣляются отъ ножевщиковъ, отъ слесарей и отъ гвоздарнаго промысла. Оружейники, съ другой стороны, распадаются на выдѣлывателей шлемовъ, на производителей щитовъ, на ремесленниковъ, занимающихся изготовленіемъ латъ, и на ремесленниковъ, выдѣлывающихъ панцыри; ножевой же промыселъ раздѣляется на промыселъ, производящій клинки, и на промыселъ изготовленія косъ. Каждое изъ этихъ производствъ составляло особый промыселъ, а нерѣдко и особый цехъ“ [5]). Послѣднее мы находимъ въ особенности въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ [6]).

Относительно французскихъ цеховъ обыкновенно указываютъ на тѣ безконечные процессы, которые вели между собою парижскіе портные и старьевщики, кухмистеры и продавцы птицъ въ XVI вѣкѣ, но совершенно упускаются изъ виду постоянныя столкновенія между цехами въ Парижѣ и другихъ городахъ, происходившія уже въ XIII вѣкѣ, т. е. начавшіяся—какъ указываетъ Левассеръ—одновременно съ возникновеніемъ цеховъ. Таковы напр. процессы между чу-

[1]) Korn. Breslauer Urkundenbuch. T. I. Breslau. 1870. № 74. p. 71.

[2]) Stieda und Mettig. Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. Riga. 1896. № 22. p. 282.

[3]) Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. Hannover. 1883. p. XLIX.

[4]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. Strassburg. 1879. p. 419—422. Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes p. 362. 535—6.

[5]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. B. II. 1870. p. 465.

[6]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. Braunschweig. 1884. p. 881—882. Schoenlank. Soziale Kämpfe vor 300 Jahren. Leipzig. 1894. p. 41—42. 168.

лочниками и старьевщиками 1298 г., между оружейниками и кожевниками (изготовлявшими ножны) 1303 г., между тремя цехами, спорившѝми въ 1299 г. и 1304 г. изъ-за того, кому изъ нихъ принадлежитъ право производства уздечекъ, шпоръ и стремянъ. Особенно часты процессы въ сферѣ суконной промышленности: происходитъ борьба между суконщиками, валяльщиками и красильщиками въ Парижѣ въ 1276—1291 гг., въ Реймсѣ въ 1292 г., въ Сенъ-Дени въ 1296 г., въ Провансѣ въ 1305 г., въ Аміенѣ въ 1308 г., въ Нантелѣ въ 1307 и 1309 гг. Словомъ, цехи въ суконномъ производствѣ вовсе не „по братски“ относились другъ къ другу [1]). Не лучше были отношенія между цехами и въ другихъ странахъ. Едва образовался брюссельскій колесный цехъ, какъ тотчасъ же началась борьба между нимъ и столярами; одновременно съ этимъ происходилъ споръ между брюссельскими краснодеревцами и токарями по вопросу о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ право изготовленія болтовъ [2]).

Согласно парламентскому акту 1363 г., въ Англіи „всѣ ремесленники и мастеровые должны были приписаться каждый къ какому-нибудь ремеслу въ теченіе времени отъ изданій этого акта до ближайшаго праздника Срѣтенія Господня“. За этимъ слѣдовали спеціальные указы, „чтобы красильщики и ткачи не смѣли отдѣлывать сукно“ и такимъ образомъ вторгаться въ сферу ремесла лицъ, спеціально занятыхъ его отдѣлкой. Въ XIVвѣкѣ—говоритъ Кеннингэмъ—мы читаемъ о столкновеніяхъ между различными гильдіями, какъ напр. о столкновеніяхъ между столярами и сѣдельниками, торговцами кожъ и красильщиками, мѣховщиками и сыромятниками, выдѣлывателями мечей и ножевщиками. „Дѣленіе было иногда забавно мелочно: производители луковъ не могли дѣлать стрѣлъ, сапожники, изготовлявшіе издѣлія изъ новыхъ кожъ, не могли торговать въ розницу или чинить съ цѣлью продажи старые сапоги и башмаки и такимъ образомъ соперничать съ особой гильдіей чинителей обуви“ [3]).

Въ Испаніи въ XIII и XIV ст. цеху ножевщиковъ за-

---

[1]) Levasseur. T. I. p. 334—341. Martin-Saint-Léon. p. 108—140.

[2]) Des Marez. p. 33—35.

[3]) Кеннигэмъ, т. I, стр. 303. 380. Эшли, стр. 107.

прещено изготовлять ручки для ножей; ремесленники, занимающіеся починкой обуви, вправѣ обновлять послѣднюю лишь на двѣ трети, но ни въ коемъ случаѣ не вполнѣ; существуетъ два цеха шляпочниковъ, одному принадлежитъ право изготовленія только шляпъ изъ бумажной матеріи, другому—шляпъ изъ сукна [1]).

III.

Постановленія, которыми производство для мѣстнаго рынка предоставлялось исключительно цехамъ или точнѣе, каждый разъ опредѣленному цеху даннаго города, являлись необходимымъ условіемъ созданія монопольнаго положенія цеховыхъ ремесленниковъ. Но однихъ запрещеній заниматься промысломъ лицамъ, не принадлежащимъ къ данному цеху, или сбывать изготовленные внѣ города предметы было еще недостаточно: при полной свободѣ вступленія въ цехъ количество членовъ послѣдняго могло возрости настолько, что ихъ привилегія производства и сбыта промышленныхъ издѣлій потеряла-бы всякое значеніе; если всякій желающій могъ вступить въ цехъ, исполнивъ извѣстныя формальности, то фактически получалась полная свобода производства и сбыта; привилегія имѣла смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если она распространялась на небольшое количество лицъ. Средневѣковые цеховые ремесленники это прекрасно понимали и вовсе не желали, чтобы предоставленныя имъ права и привилегіи, полученныя обыкновенно послѣ продолжительной борьбы, превратились въ простую фикцію. Уже весьма рано—не въ XVI и XVII, а въ XIV и XV ст. вносятся въ цеховые уставы практиковавшіяся несомнѣнно уже задолго до того въ дѣйствительности (въ качествѣ обычая), весьма стѣснительныя правила, которымъ долженъ удовлетворять ученикъ, подмастерье и мастеръ—такова трехчленная цеховая іерархія—для полученія соотвѣтствующаго званія.

Указывая на то, что въ XVI и XVII вѣкѣ исчезли тѣ братскія отношенія, которыя будто-бы господствовали въ средневѣковыхъ цехахъ и заставляли членовъ цеха отказы-

[1]) Goury du Roslan. Essai sur l'histoire économique de l'Espagne. p. 244

ваться отъ несправедливой наживы,—Кайцль приводитъ всѣ тѣ институты цеховой жизни, которые знаменуютъ упадокъ цехового строя. Ученикъ долженъ быть законорожденнымъ и обязанъ сдѣлать значительный взносъ въ цеховую казну; лица, принадлежащія къ группамъ населенія, признаннымъ позорящими и безчестными, вообще не могутъ быть приняты въ цехъ. Для полученія званія мастера подмастерье обязанъ не только пробыть ученикомъ извѣстное число лѣтъ и совершить странствованіе, но кромѣ того изготовить пробную работу и поставить мастерамъ цеха угощеніе. „Къ этому присоединяется совершенно безцеремонный непотизмъ: сыновья мастеровъ пользуются преимуществами во всѣхъ отношеніяхъ при полученіи званья мастера, не обязаны удовлетворять многимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ прочимъ лицамъ; на дочерей и вдовъ мастеровъ большой спросъ, ибо съ полученіемъ ихъ руки подмастерью открываются крѣпко запертыя двери, ведущія къ полученію званія самостоятельнаго мастера... Въ связи съ этимъ непотизмомъ находится превращеніе званія мастера въ наслѣдственную привилегію". Во многихъ мѣстностяхъ и во многихъ промыслахъ цехи становятся совершенно замкнутой корпораціей, вслѣдствіе установленія максимума числа мастеровъ, которое можетъ входить въ составъ цеха [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что разилчныя, указываемыя Кайцлемъ, особенности цеховаго строя, въ XVI и XVII ст., съ появленіемъ свободной конкурренціи и лишеніемъ цеховъ исключительной монополіи производства для мѣстнаго рынка [2]), создали еще больше злоупотребленій и сдѣлали вступленіе въ цехъ еще болѣе стѣснительнымъ, чѣмъ это было въ средніе вѣка. Ухудшеніе матеріальнаго положенія

---

[1]) Kaizl. Der Kampf um Gewerbereform und Gewerbefreiheit in Bayern von 1799—1808. p. 12—15. Кайцль приводитъ еще двѣ характерныя особенности періода упадка цеховаго строя: распаденіе цеховъ на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ корпорацій и враждебное отношеніе между ними, а также образованіе союзовъ подмастерій и устройство стачекъ подмастерьями. Относительно перваго была уже рѣчь выше (стр. 322—25), второй вопросъ будетъ подробно разсмотрѣнъ въ главѣ объ отношеніяхъ между мастерами и подмастерьями (см. гл. VI).

[2]) См. объ этомъ ниже, гл. VIII.

цеховыхъ мастеровъ, вызванное конкурренціей, должно было создать въ цехахъ еще большій духъ исключительности. Однако, отрицательныя стороны цеховой жизни въ видѣ стремленія къ возможному стѣсненію доступа въ цехъ не являются новшествомъ, продуктомъ экономическихъ условій новаго времени, а представляются весьма развитыми и въ средніе вѣка, несмотря на почти полное отсутствіе конкурренціи въ тѣ времена. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ существенное значеніе. Коль скоро рядомъ съ членами цеха изготовленіемъ промышленныхъ издѣлій занимаются и другія лица, не принадлежащія къ цеху, и кромѣ того на мѣстномъ рынкѣ сбываются произведенные внѣ города предметы, то стѣснительность доступа въ цехъ не можетъ играть уже столь важной роли: какъ бы ни ограничивалось всевозможными способами количество цеховыхъ мастеровъ, конкурренція, появляющаяся извнѣ, должна неминуемо лишить ихъ монопольнаго положенія. Постановленія, стѣсняющія вступленіе въ цехъ, имѣютъ рѣшающее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если одни только члены цеха пользуются правомъ производства для мѣстнаго рынка. Только при такихъ условіяхъ можетъ установиться цеховая монополія, отдающая потребителя въ руки цеховыхъ мастеровъ. Поэтому, въ средніе вѣка достиженіе званія цехового мастера имѣло для всякаго ремесленника несравненно больше значенія, чѣмъ впослѣдствіи (въ особенности въ важнѣйшихъ отрасляхъ производства), оно обезпечивало ему извѣстный доходъ, во всякомъ случаѣ—безбѣдное существованіе. И не только по причинѣ привилегированнаго положенія на мѣстномъ рынкѣ, но и вслѣдствіе того, что въ тѣ времена, въ эпоху господства мелкаго ремесленнаго производства, юридически самостоятельный мастеръ былъ и фактически самостоятельнымъ предпринимателемъ, въ собственной мастерской, при помощи собственныхъ орудій и матеріаловъ изготовлявшимъ предметы и самостоятельно сбывавшимъ ихъ потребителю. Впослѣдствіи, въ особенности въ XVII—XVIII ст., положеніе значительно измѣнилось и далеко не всякій цеховой мастеръ имѣлъ необходимый для производства капиталъ, далеко не всякій пользовался и правомъ самостоятельнаго сбыта [1]).

[1]) См. ниже. гл. VIII и IX.

Въ Германіи въ половинѣ XIV в. въ качествѣ условія для пріема въ цехъ ставится требованіе свободнаго, нѣмецкаго и законнаго происхожденія. Сапожники и кожевники г. Перлеберга (статутъ 1353 г.) требуютъ отъ ученика при вступленіи его доказательства, что онъ родился въ законномъ бракѣ [1]); такое же требованіе находимъ въ статутахъ любекскихъ скорняковъ 1386 г. [2]), рижскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г. [3]), бреславльскихъ столяровъ 1390 г. [4]), кельнскихъ ювелировъ 1370—1380 гг. [5]). Гамбургскіе рыбаки ставятъ условіемъ пріема (статутъ 1386 г.) законное и свободное происхожденіе [6]), рижскіе пекари уже въ 1235 г.—нѣмецкое происхожденіе, а суконщики въ 1383 г.—законное и нѣмецкое происхожденіе [7]). Въ страсбургскихъ статутахъ каменьщиковъ 1459 г., гдѣ воспроизведены старинные уставы, запрещается принимать въ число подмастерьевъ незаконнорожденныхъ, почему вновь вступающій долженъ подъ присягой показать, состояли-ли его родители въ законномъ бракѣ [8]). „Требованія, предъявляемыя вновь вступающему, говоритъ Нейбургъ, во многихъ случаяхъ, однако, были еще болѣе значительны. Такъ, сапожники г. Фрейенвальде по уставу 1414 г. требуютъ также представленія доказательствъ относительно происхожденія самихъ родителей, и ихъ національности; скорняки г. Нейруппина (1434 г.) и тамошніе ткачи (1446 г.) допускаютъ въ цехъ лишь тѣхъ, чьи предки до четвертаго поколѣнія были нѣмцами“ [9]). И въ г. Вернигероде условіемъ принятія являлось законное и свободное (?) рожденіе предковъ въ теченіе четырехъ поколѣній; такое требованіе находимъ въ статутахъ кузнецовъ и пекарей въ 1393 г., ткачей въ 1400 г., мясниковъ въ 1408 г., сапожниковъ и кожевниковъ въ 1457 г., портныхъ

---

[1]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Jena. 1880, p. 26.

[2]) Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. № 10.

[3]) Stieda und Mettig, p. 130.

[4]) Neuburg, p. 26.

[5]) Lau. Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln bis zum Jahre 1396. Bonn. 1898, p. 207.

[6]) Rüdiger. Die ältesten Hamburgischen Zunftrollen und Bruderschafts-Statuten. Hamburg. 1874. № 12.

[7]) Stieda und Mettig. №№ 2 u. 68.

[8]) Findel. Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. Leipzig. 1866, p. 818.

[9]) Neuburg, p. 27.

въ 1458 г. [1]). Мауреръ даже полагаетъ, что такое требованіе относительно происхожденія предковъ вновь вступающаго (нѣсколькихъ поколѣній) было всеобщимъ въ Германіи[2]). Оно принимаетъ различныя формы; въ однихъ случаяхъ этимъ требованіямъ долженъ удовлетворять ученикъ, въ другихъ случаяхъ они выставляются лишь тогда, когда онъ становится подмастерьемъ или мастеромъ. Преслѣдуемая въ данномъ случаѣ цѣль вполнѣ ясна. Было, очевидно, безразлично, предъявлять ли такія условія къ ученику, или къ тому, кто добивался званія мастера; это были лишь различные способы достиженія одной и той же цѣли. Ибо ученикъ являлся будущимъ мастеромъ, и преграждался ли ему доступъ къ мастерству раньше или позже—выходило на одно, въ результатѣ количество полноправныхъ членовъ цеха сокращалось и монополія мастеровъ оставалась въ силѣ.

Поэтому то во многихъ цеховыхъ статутахъ спеціальныя условія, касающіяся происхожденія вновь вступающаго, предъявляются лишь къ кандидатамъ на званіе мастера. Уже въ одномъ Любекѣ въ этомъ отношеніи находимъ рядъ поучительныхъ примѣровъ. Значительное число любекскихъ цеховъ включаетъ въ свои уставы требованіе, чтобы мастеръ былъ „echte und rechte boren“, и кромѣ того свободнаго состоянія и нѣмецкой національности, причемъ во многихъ случаяхъ эти постановленія распространяются и на жену мастера [3]). Въ статутахъ иголочнаго цеха 1356 г., портупейнаго цеха 1396 г. и во многихъ другихъ требуется законное рожденіе [4]). О законорожденности и нѣмецкой національности упоминается въ XIV вѣкѣ въ уставѣ льноткачей, о законномъ и свободномъ происхожденіи—въ 1370 г. въ уставѣ портныхъ [5]). Въ 1484 г., однажды, въ видѣ исключенія, былъ допущенъ въ кузнечный цехъ подмастерье изъ Норвегіи; старшины цеха, по ошибкѣ, приняли его въ ученики, и такъ какъ онъ желалъ вступить въ бракъ со вдовой одного

---

[1]) Meister. Die ältesten gewerblichen Verbände der Stadt Wernigerode. Iena. 1890, p. 21.

[2]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. 1870. B. II p. 447.

[3]) Wehrmann. p. 122.

[4]) Ibid. №№ 39 и 47.

[5]) Ibid. №№ 35 и 54.

мастера, т. е. становился уже своимъ, принадлежащимъ къ цеху [1]), то рѣшено было дать ему званіе мастера, причемъ, однако, было подчеркнуто, что это дѣлается въ изъятіе отъ существующихъ правилъ [2]). Гамбургскіе бочары, по статуту 1375 г., допускали только тѣхъ подмастерьевъ къ мастерству, которые могли доказать, что „они и ихъ жены рождены въ законномъ бракѣ и свободнаго состоянія“ [3]); такія же требованія ставитъ рижскій цехъ кузнецовъ (статутъ 1382 г.) [4]) и майнцкій цехъ корабельщиковъ (статутъ 1476 г.) [5]). Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1455 г. цехъ ткачей рѣшилъ исключить одного изъ своихъ членовъ, женившагося на незаконнорожденной дѣвушкѣ, родители которой послѣ ея рожденія вступили въ бракъ. Однако, городской совѣтъ заступился за него, только жена его была исключена изъ общенія съ цехомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же цехъ настоялъ на удаленіи одного изъ членовъ, женившагося на дочери священника [6]). Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, законное происхожденіе является безусловнымъ требованіемъ—это именно отрицаетъ Кайцль и другіе—уже въ XIV вѣкѣ. Насколько велико было значеніе такого постановленія въ тѣ времена, мы поймемъ, если примемъ во вниманіе, что—какъ указываетъ Кригкъ—„конкубинатъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья составлялъ явленіе весьма распространенное во всѣхъ слояхъ населенія“ [7]); такимъ образомъ, предъявленіе этого требованія закрывало доступъ къ цеховымъ привилегіямъ для значительной категоріи лицъ.

IV.

Существовалъ еще другой, не менѣе обширный кругъ лицъ, который также не принимался въ цехъ. Мы имѣемъ

[1]) О привилегіяхъ, установленныхъ повсюду въ пользу лицъ, вступающихъ въ бракъ съ вдовами мастеровъ, см. ниже въ этой же главѣ.

[2]) Wehrmann. p. 123.

[3]) Rüdiger № 7.

[4]) Stieda-Mettig. № 88.

[5]) Eckert. Das Mainzer Schiffergewerbe. Leipzig. 1898. Urk. 10.

[6]) Kriegk. Deutsches Bürgertum im Mittelalter. Neue Folge. Frankfurt a. M. 1871. p. 281. Сыновья проститутокъ и поповъ, конечно, нигдѣ не допускались, а ихъ было весьма много.

[7]) Kriegk, ibid. p. 279.

въ виду тѣ ремесла и занятія, которыя считались позорными. Такими позорящими ремеслами были ремесла баньщиковъ и цирюльниковъ, пастуховъ и кожевниковъ, мельниковъ, ткачей льняныхъ издѣлій, далѣе занятія трубачей, барабанщиковъ, ночныхъ сторожей, гробокопателей и т. п. Статутъ башмачнаго цеха въ Бременѣ 1300 г. запрещаетъ принимать въ обученіе дѣтей ткачей (льняныхъ издѣлій) и носильщиковъ. Въ XV вѣкѣ это постановленіе распространено и на дочерей этихъ лицъ, съ которыми запрещается вступать въ бракъ. Въ 1440 г. цехъ отказываетъ въ пріемѣ одному сапожнику за то, что жена его происходитъ изъ ремесла ткачей, и лишь городскому совѣту удается заставить цехъ нарушить существующій обычай и принять этого сапожника [1]). Сапожники г. Бескова въ 1353 г. также не принимаютъ сыновей баньщиковъ, пастуховъ, льноткачей [2]). Въ г. Вернигеродѣ (XV вѣкъ) лица, вступавшія въ какой бы то ни было цехъ, обязаны были дать присягу, что они не происходятъ ни отъ ткачей (льняныхъ издѣлій), ни отъ мельниковъ, ни отъ пастуховъ [3]). Золотыхъ дѣлъ мастера г. Познани не приняли въ 1484 г. нѣкаго Севастіана, такъ какъ отецъ его былъ цирюльникомъ [4]). Всякій, поступавшій въ ученики къ кузнецу,—говоритъ Бекъ—долженъ былъ (въ средніе вѣка) дать присягу въ томъ, что онъ не принадлежитъ по своему происхожденію къ числу лицъ, соприкосновеніе съ которыми считалось позорящимъ. „Сынъ кожевника ни въ коемъ случаѣ не могъ стать кузнецомъ, ибо для вступленія въ этотъ цехъ необходимо было имѣть „честное происхожденіе“ и „честныхъ родителей“. До половины XVI вѣка кузнецы не принимали въ свою среду дѣтей ночныхъ сторожей, музыкантовъ, цирюльниковъ, мельниковъ, кожевниковъ, ткачей льняныхъ издѣлій, пастуховъ и лицъ, принадлежащихъ къ городской или таможенной стражѣ [5]).

Ремесла, признававшіяся въ средніе вѣка позорящими,

---

[1]) Böhmert. Urkundliche Geschichte der bremischen Schusterzunft. Leipzig 1862. № 3. p. 16. 19.

[2]) Neuburg. p. 28.

[3]) Meister. p. 21.

[4]) Warschauer. Die mittelalterlichen Innungen zu Posen. Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen. I. 1885. p. 30.

[5]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. Braunschweig. 1884. p. 882.

весьма разнообразны. Легче всего находитъ себѣ объясненіе признаніе безчестными такихъ занятій, какъ промыслы палача, гробокопателя, ночного сторожа, музыканта. Трубачи и барабанщики были странствующими скоморохами, они ходили по большимъ дорогамъ, нападали на проѣзжающихъ и грабили ихъ. Палачи и гробокопатели приходили въ соприкосновеніе съ кровью и мертвецами. Кожевники и пастухи, которые нерѣдко назывались живодерами (Schinder), имѣли дѣло съ падалью и палыми животными. Наконецъ, баньщики и брадобрѣи занимались и хирургическими операціями, пускали кровь, продавали различныя лекарства и снадобья, слѣдовательно имѣли дѣло съ пролитіемъ крови [1]).

Въ объясненіи причинъ того, почему эти промыслы считались безчестными, ученые обыкновенно сходятся. Зато очень спорнымъ является вопросъ о томъ, какимъ образомъ ткачи льняныхъ издѣлій и мельники были отнесены къ числу позорящихъ ремеслъ. Такъ, Бенеке находитъ, что эти ремесленники обманывали потребителей: мельники не возвращали всего смолотаго хлѣба, ткачи изготовляли матерію изъ худшаго матеріала, нежели тотъ, который получали отъ заказчика. Машеръ указываетъ еще и на другую причину безчестія этихъ профессій, именно на то, что эти ремесла были не городскими, а деревенскими [2]). На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ настаиваетъ особенно Шталь. Онъ говоритъ, что обманы потребителей и изготовленіе продуктовъ изъ недоброкачественнаго матеріала были и въ другихъ промыслахъ явленіемъ далеко не рѣдкимъ, ткачи и мельники не составляли какого-либо исключенія въ этомъ отношеніи. По его объясненію, представители этихъ профессій были, большею частью, въ раннемъ періодѣ среднихъ вѣковъ лицами несвободными; они жили первоначально въ деревняхъ и лишь впослѣдствіи стали переселяться въ города. Принадлежа къ крѣпостному состоянію, которое средневѣковые цехи считали позорнымъ, они и не могли вступать въ цехи; а такъ какъ цехи различныхъ городовъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, то эти про-

[1]) Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874. p. 104 и слѣд. Maurer. II. p. 474 и слѣд. М. И. Кулишеръ. Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ. Вѣстникъ Европы. 1887. кн. 12. стр. 595 и слѣд.

[2]) Mascher. Das deutsche Gewerbewesen. 1860. p. 84.

мыслы признавались безчестными и въ тѣхъ городахъ, гдѣ представители этихъ профессій вовсе и не переселялись изъ деревень[1]). По теоріи Шталя, требованіе, чтобы ученикъ не принадлежалъ къ числу лицъ, занятіе которыхъ считалось позорнымъ, сводится такимъ образомъ къ упомянутому уже выше требованію, чтобы онъ былъ свободно-рожденнымъ, которое предъявлялось къ нему снова, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Къ этому объясненію Шталя просоединяются и другіе. Такъ, причину того, что кузнецы не принимали въ свою среду дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ позорящимъ профессіямъ, Бекъ усматриваетъ въ томъ обстоятельствѣ, что сельскія ремесла были позорными и безчестными въ глазахъ городскихъ цеховъ [2]). Въ этомъ смыслѣ высказывается и Н. Молчановскій. „Изслѣдованія Шталя – говоритъ онъ—показали съ нѣкоторой вѣроятностью, что недопущеніе въ цехи исторически должно быть объясняемо тѣмъ, что представители этихъ профессій въ періодъ выработки цехового права „были большею частью лица несвободныя, прикрѣпленныя къ землѣ и жившія по селамъ и деревнямъ, тогда какъ ядро ремесленнаго городскаго сословія составляли люди вольные“ [3]). Противъ этого взгляда возражаетъ М. И. Кулишеръ. Онъ указываетъ на то, что „одновременно съ существованіемъ ремесленныхъ общинъ въ городахъ, въ имѣніяхъ крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ были не только мельники, ткачи полотенъ, музыканты, шуты, но и всевозможнаго рода ремесленники, находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ этихъ владѣльцевъ. Если, слѣдовательно, тотъ фактъ, что крѣпостной занимался извѣстнымъ ремесломъ, могъ опозорить самое ремесло, то позоръ долженъ былъ распространяться одинаково на всѣ ремесла“. Кромѣ того, всѣ средневѣковые цехи „считали крѣпостное состояніе позорнымъ. Такъ относились къ крѣпостнымъ, и ткачи полотенъ, и кожевники; подобно цехамъ другихъ ремеслъ“, и эти „безчестныя“ ремесла ограждали себя отъ общенія съ крѣпостными, не принимая ихъ въ

[1]) Stahl, p. 123.

[2]) Beck, I, p. 882.

[3]) Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Кіевъ. 1887 г. Стр. 139—149.

цехъ [1]). М. И. Кулишеръ выставляетъ новую гипотезу, которая заключается въ томъ, что „всѣ перечисленные выше разряды ремеслъ признавались позорными, потому что всѣ лица, занимавшіяся ими, такъ или иначе соприкасались съ актомъ смертной казни и, вообще, съ мертвыми тѣлами". Отсюда проистекало безчестье не только кожевниковъ, брадобрѣевъ и т. п., но и ткачей льняныхъ издѣлій и мельниковъ. „Возможно, что сравнительно большее безчестіе, лежавшее на льноткачахъ, объясняется именно тѣмъ, что они принимали въ казняхъ, въ особенности въ повѣшеніи, въ болѣе раннія времена самое непосредственное участіе: они изготовляли веревку и обматывали ею шею преступника. Это видно, между прочимъ, и изъ наименованія, которое на нѣмецкомъ языкѣ носила эта веревка — die Leine (Grimm), ткачи назывались Leineweber". Что касается мельниковъ, то „многочисленныя сказанія свидѣтельствуютъ о существованіи смертной казни въ видѣ размалыванія, а Либрехтъ указываетъ и на дѣйствительный фактъ, происходившій на Гузратскомъ берегу: Мусульмане опустошили страну, и въ наказаніе за это мѣстный владѣтель впослѣдствіи убивалъ ежедневно одного магометанина, размалывая его въ мельницѣ или разбивая въ ступѣ" [2]).

Нѣкоторый свѣтъ проливаютъ на этотъ вопросъ факты, сообщаемые Шурцомъ въ его изслѣдованіи о промыслахъ въ Африкѣ. Оказывается, что въ Африкѣ существуютъ кочевыя племена, прозванныя путешественниками „черными цыганами", которыя находятся въ презрѣніи у осѣдлыхъ жителей, и ремесла которыхъ считаются позорными. Занятія ихъ самыя разнообразныя: въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло со скоморохами и музыкантами, съ палачами и гробокопателями; въ другихъ случаяхъ они занимаются кожевнымъ или гончарнымъ ремесломъ, плетеніемъ корзинъ, но чаще всего бродячія племена производятъ кузнечныя работы и организованы въ формѣ кузнечныхъ цеховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они являются колдунами, знахарями, гадателями, почему внушаютъ къ себѣ не только презрѣніе, но и страхъ, и вслѣдствіе этого ихъ никто не трогаетъ. Они составляютъ

[1]) М. И. Кулишеръ. „Вѣстникъ Европы". 1887 г. XII. Стр. 602.
[2]) Тамъ же, стр. 596 и слѣд.

совершенно обособленныя отъ осѣдлыхъ племенъ касты и заключаютъ браки исключительно между собою [1]). Любопытно, что почти всѣ изъ этихъ профессій мы встрѣчаемъ и въ средніе вѣка среди промысловъ, признаваемыхъ безчестными. Исключеніемъ является, повидимому, лишь кузнечный промыселъ, которымъ, однако, африканскія кочевыя племена занимаются по преимуществу. Дѣйствительно, въ послѣднія столѣтія средневѣковья среди ремесленниковъ, дѣти которыхъ не допускаются въ цехъ, не упоминается о кузнецахъ. Однако, какъ указываетъ Вакернагель, въ раннее средневѣковье кузнецы (Kalt- und Kupferschmiede) считались безчестными и почти безправными; ихъ называли измаелитянами и говорили, что имъ Іосифъ былъ проданъ братьями [2]). Извѣстно, что и въ средніе вѣка кузнецы считались колдунами и знахарями [3]). Колдунами называются въ народныхъ сказаніяхъ и мельники [4]), которые, какъ мы видѣли выше, также признавались безчестными. А если это такъ, то причина признанія извѣстныхъ ремеслъ безчестными заключается, очевидно, вовсе не въ характерѣ этихъ ремеслъ, а въ личности самихъ ремесленниковъ, въ томъ, что бродячія, кочевыя племена занимались этими промыслами. Шталь несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что эти ремесла позже другихъ появились въ городахъ, что они пришли въ города тогда, когда другія ремесла успѣли уже осѣсть и получить извѣстную организацію. Но причина враждебнаго отношенія къ нимъ со стороны другихъ цеховъ состояла не въ томъ, что они принадлежали ранѣе къ крѣпостному состоянію, а въ томъ, повидимому, что они являлись чуждыми городскимъ осѣдлымъ цехамъ кочевыми элементами, которыхъ и презирали, и боялись одновременно.

Въ Африкѣ ремесла, признаваемыя безчестными, составляютъ замкнутыя корпораціи, и кочевыя племена не переходятъ къ другимъ занятіямъ, составляющимъ монополію осѣдлаго населенія. Между тѣмъ, въ средневѣковой Европѣ лица, принадлежащія къ позорнымъ профессіямъ, обнаруживали, очевидно, стремленіе выходить изъ своихъ цеховъ

[1]) Schurtz. p. 38—45.
[2]) Zeitschr. für deutsches Altertum. IX, p. 545.
[3]) Beck. I, p. 847—8, 879. 883.
[4]) Grimm. Deutsche Mythologie. II, 973.

и вторгаться въ сферу дѣятельности другихъ ремеслъ, но встрѣтили отпоръ со стороны этихъ послѣднихъ. „Признавъ извѣстныя занятія позорящими и безчестными—говоритъ М. И. Кулишеръ,—а представителей ихъ неспособными къ поступленію во многіе городскіе цехи, они создавали этимъ барьеръ противъ усиленнаго наплыва элементовъ, не дорожившихъ своими занятіями и падкихъ къ замѣнѣ ихъ другими [1]). Было-ли безчестье дѣйствительной причиной или только поводомъ для стѣсненія доступа въ цехъ, во всякомъ случаѣ, благодаря этому, цехи освобождали себя отъ многихъ и при томъ наиболѣе опасныхъ конкуррентовъ, такихъ, занятія которыхъ доставляли очень мало выгоды. И если въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ, когда эти кочевыя племена появлялись въ городахъ и старались тамъ осѣсть, цехи имѣли въ виду позорящія ихъ обстоятельства, то впослѣдствіи эти соображенія были забыты, и старинный обычай, а еще болѣе соображенія чисто матеріальнаго свойства являлись уже причиной недопущенія въ цехъ лицъ, происходящихъ изъ безчестныхъ профессій.

Изъ нѣкоторыхъ фактовъ мы можемъ убѣдиться въ томъ, какова была цѣль, преслѣдуемая такими постановленіями цеховыхъ статутовъ, какъ требованіе законнорожденности, „честнаго“ происхожденія, а также и требованіе уплаты вступительнаго взноса, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Приводимъ слѣдующій фактъ изъ исторіи ткацкаго цеха г. Ульма. Крайне непріятными конкуррентами городского ткацкаго цеха были сельскіе ткачи (Gäuweber), которые одновременно съ сельскимъ хозяйствомъ занимались тканьемъ бумажныхъ матерій. Неоднократно старшины цеха настаивали на томъ, чтобы городская ратуша не допускала осмотра и снабженія городскими пломбами издѣлій, произведенныхъ сельскими ткачами; иначе говоря, цехъ требовалъ для себя исключительной монополіи въ производствѣ бумажныхъ тканей, недопущенія ихъ къ осмотру въ городѣ и, слѣдовательно, полнаго устраненія сельскихъ ремесленниковъ. Подобныя попытки цеха къ уничтоженію конкурренціи сельскихъ жителей встрѣчаются уже въ XIV, въ особенности же въ XV вѣкѣ. Въ началѣ XVI вѣка вновь раздаются жалобы:

[1]) Вѣстн. Евр., стр. 602.

цехъ заявляетъ, что сельскіе ткачи лишаютъ мастеровъ хлѣба. Свои притязанія цехъ подкрѣпляетъ слѣдующими аргументами. „Среди сельскихъ ткачей—читаемъ въ одной изъ жалобъ—много лицъ сомнительной репутаціи и не отбывшихъ надлежащимъ образомъ срока ученичества. Они занимаются также другими ремеслами и полевыми работами: отъ этого страдаютъ они, цеховые ремесленники", „производство бумажныхъ тканей должно быть на будущее время монополіей ткацкаго цеха, и всякій, желающій заниматься этимъ ремесломъ, долженъ пріобрѣсти право гражданства въ городѣ за 22 гульдена и заплатить 4 гульдена въ цехъ" [1])

Въ средніе вѣка подобныя притязанія цеховъ, исходящія якобы изъ желанія охранять ремесло отъ наплыва сомнительныхъ элементовъ, которые могутъ подорвать его репутацію, въ дѣйствительности же имѣющія въ виду устранить опасныхъ конкуррентовъ, признаются вполнѣ основательными и на недопущеніе въ цехи незаконорожденныхъ, лицъ „позорящихъ" профессій и т. п. смотрятъ какъ на нѣчто вполнѣ естественное, необходимое. Лишь въ послѣдующія столѣтія начинаютъ усматривать въ подобныхъ дѣйствіяхъ цеховъ злоупотребленія, съ которыми необходимо бороться. Мнѣніе о томъ, что справедливо и что несправедливо очевидно измѣнилось. А въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ и попытку устранить наиболѣе крупныя несправедливости. Имперскій статутъ 1530 г. требуетъ допущенія въ цехи дѣтей льно-ткачей, цирюльниковъ, пастуховъ, мельниковъ, сторожей, трубачей, сопѣльниковъ, баньщиковъ, признавая всѣ эти ремесла „честными". Въ имперскихъ статутахъ 1548 и 1577 гг. эти постановленія повторяются, причемъ указывается на то, что на практикѣ они не были осуществлены, и на слѣдующихъ имперскихъ сеймахъ снова идетъ рѣчь о необходимости борьбы съ подобными злоупотребленіями [1]). Первыя попытки къ устраненію наиболѣе несправедливыхъ постановленій цеховъ дѣлались, слѣдовательно, лишь въ XVI вѣкѣ, между тѣмъ какъ до того времени, въ средніе вѣка, объ устраненіи ихъ даже рѣчи не было.

Съ самаго возникновенія цеховъ, какъ ученикъ, такъ

---

[1]) Schoenberg. Handbuch der politischen Oekonomie. 4. Aufl. B. II. T. I. Tübingen, 1896. p. 557. Maurer. II. p. 447.

и мастеръ обязанъ былъ при вступленіи въ цехъ внести извѣстную сумму денегъ. Въ болѣе позднія времена, въ особенности въ XVII—XVIII ст., эти взносы несомнѣнно значительно увеличиваются. Но увеличеніе не представляетъ собою чего либо новаго для этой эпохи, ибо высокіе платежи мы встрѣчаемъ уже въ XIV и XV ст. Такъ, Мейстеръ, который отрицаетъ за средневѣковыми цехами монопольный характеръ, все таки вынужденъ признать, что въ разсматриваемыхъ имъ цеховыхъ статутахъ г. Вернигероде вступительные взносы въ XIV и XV ст. были весьма значительны [1]). При вступленіи въ цехъ корабельщиковъ г. Майнца также уплачивалась „большая сумма въ цехъ и, кромѣ того, дѣлался взносъ на нужды церковнаго богослуженія". [2]) Но еще важнѣе то обстоятельство, что стремленіе цеховъ къ повышенію вступительныхъ взносовъ обнаруживается уже очень рано, такъ что въ позднѣйшія времена мы находимъ лишь продолженіе той прогрессіи, начало которой относится къ такъ наз. эпохѣ „расцвѣта". Уже въ средніе вѣка—говоритъ Бекъ—взиманіе платы съ подмастерья въ годы его странствованія сопровождалось различными злоупотребленіями. Во многихъ городахъ, когда подмастерье являлся въ первый разъ, его заставляли „купить себѣ имя", т. е. уплатить приличную сумму денегъ. Эта покупка имени до того выродилась въ результатѣ, что подмастерьи даже отнимали камзолъ и верхнее платье у странствующаго товарища и забирали у него инструменты, если у него не оказывалось достаточной суммы денегъ. Подобными злоупотребленіями были вызваны различныя постановленія, которыми, какъ напр. „соглашеніемъ мастеровъ и подмастерьевъ кузнечнаго цеха" въ г. Торнѣ въ 1437 г., опредѣлялось, что приходящій изъ другихъ мѣстностей подмастерье долженъ уплатить при покупкѣ имени (т. е. при записи его) не болѣе 2 или 3 шилл. [3]). Пекари г. Страсбурга требуютъ въ 1263 г. уплаты 12 шилл. при поступленіи въ цехъ, страсбургскіе кузнецы взимаютъ въ 1363 г., т. е. 100 лѣтъ спустя, уже 40 шилл.; при пріемѣ въ цехъ сукноструговъ уплачивается въ 1362 г. 20 шилл., но въ 1401 г. уже 30 шилл. (и требуются

[1]) Meister p. 23.
[2]) Eckert. p. 21.
[3]) Beck. II. p. 566. Hirsch. p. 344.

два года ученичества), а въ 1460 г. плата доходитъ до 40 шилл. Въ древнѣйшихъ статутахъ суконнаго цеха, которые составлены въ 1400—1434 г.г., суконщики и сукновалы взимаютъ 45 шилл. съ каждаго вступающаго въ цехъ (кромѣ дѣтей мастеровъ), ткачи уже въ 1407 г. заставляютъ уплачивать цѣлыхъ 85 шил., что должно быть названо „большимъ злоупотребленіемъ“. Шмоллеръ находитъ взносы въ 45 и 85 шилл. весьма крупными и указываетъ на то, что, благодаря имъ, доступъ всѣхъ постороннихъ лицъ, т. е. не происходящихъ отъ самихъ мастеровъ цеха, долженъ былъ сильно затрудняться. Уже въ половинѣ XV вѣка городской совѣтъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: запретить цехамъ брать съ вновь поступающихъ свыше 25 шилл [1]). Еще ярче выступаетъ стремленіе цеховъ къ постоянному повышенію взносовъ въ г. Базелѣ. Это обнаруживается не только въ статутахъ купеческой гильдіи, гдѣ плата каждый разъ возрастаетъ (до 1374 г.=$109^1/_2$ шилл., 1374—1383=$114^1/_2$, 1383—1401=$149^1/_2$, 1401—1423=221, 1423—1441=276), но и въ уставахъ ремесленныхъ цеховъ, напр. мясниковъ, пекарей, суконщиковъ; извѣстны взносы уплачиваемые въ этихъ цехахъ въ различныя времена, и не трудно прослѣдить постепенное возрастаніе ихъ. Въ цехѣ мясниковъ вступительный взносъ увеличивается съ 10 шилл. въ 1248 г. до $72^2/_3$ и $402^1/_2$ шилл. въ 1391 г.; въ цехѣ булочниковъ плата сперва нѣсколько понижается съ 38 шилл. въ 1256 г. на $10^1/_2$ шилл. въ 1362 г., но затѣмъ въ 1404 г. она достигаетъ огромной цифры въ 100 шилл.; цехъ суконщиковъ повышаетъ ее съ 30 шилл. въ 1389 г. до $50^1/_3$ шилл. въ 1453 г. Въ 1441 г. городской совѣтъ жалуется, что цехи довели вступительную сумму до такихъ размѣровъ, что никто болѣе не рѣшается селиться въ Базелѣ. Онъ устанавливаетъ поэтому взносъ въ 4 гульдена, т. е. $93^1/_2$ шилл. въ качествѣ максимальнаго для всѣхъ цеховъ. Тѣмъ не менѣе уже спустя нѣсколько лѣтъ въ 1448 году кожевники брали вдвое болѣе установленной городскимъ совѣтомъ платы (въ 1418 г. взносъ въ кожевенномъ цехѣ равнялся еще $36^1/_2$ шилл.), а ткачи требовали въ полтора раза болѣе этой суммы (въ 1462 г. 5 гульд., въ 1483

[1]) Schmoller. Die Strassburger Tucher und Weberzunft. Strassburg. 1879, p. 402—403. Urk. 11, 20, 23, 32, 4, 22.

году 6 гульд.) въ Schlüsselzunft вступительный взносъ равнялся въ 1461—8 гульд., въ 1486 г.—12 гульд., т. е. почти 300 шилл. Всеобщее повышеніе платы, взимаемой при вступленіи въ цехъ—прибавляетъ къ этому Геерингъ—является прекрасной иллюстраціей къ появляющемуся впервые въ это время у цеховъ стремленію всячески ограничивать количество членовъ, совершенно закрывая доступъ въ цехъ, но самъ же указываетъ на то, что „мясники уже въ 1391 г., посредствомъ введенія унизительнаго періода испытанія, сдѣлали невозможнымъ увеличеніе числа мастеровъ и ихъ примѣру послѣдовали и остальные цехи“ [1]). Однако, разъ базельскіе цеховые статуты были утверждены лишь въ XIII вѣкѣ, а въ XIV вѣкѣ уже замѣчается стремленіе цеховъ къ замкнутости, то очевидно слова „впервые въ это время“ должны быть замѣнены словами „уже въ это время“, ибо, какъ мы увидимъ ниже, переходъ совершался не отъ свободы вступленія къ замкнутости, а скорѣе въ противоположномъ направленіи [2]).

V.

Всѣ упомянутыя требованія, предъявляемыя къ ученику и мастеру—мы касаемся пока только тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ обоимъ равнымъ образомъ—не составляютъ отличительной особенности германскихъ цеховъ: мы находимъ ихъ также въ другихъ странахъ.

Въ Англіи—говоритъ М. М. Ковалевскій—исключеніе несвободныхъ людей началось еще въ эпоху существованія торговыхъ гильдій и завѣщано было ими ремесленнымъ цехамъ. Въ числѣ обязательствъ дублинскаго гражданина находимъ обѣщаніе не принимать въ число учениковъ дѣтей рабовъ и крѣпостныхъ. То же правило встрѣчается, во словамъ Брентано, и въ любомъ изъ англійскихъ бурговъ XIV ст. [3]).

Въ 1387 г. мэромъ и олдерманами Лондона было поста-

---

[1]) Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum Ende des XVII Jahrhunderts. Basel. 1886. p. 63—65.

[2]) См. объ этомъ ниже.

[3]) Ковалевскій. III, стр. 83—84.

новлено, что „отнынѣ ни одинъ иностранецъ (т. е. лицо, не принадлежащее къ числу гражданъ Сити) не можетъ быть ни внесенъ въ списокъ учениковъ, ни допущенъ путемъ ученичества къ городскимъ вольностямъ, прежде чѣмъ онъ не поклянется въ томъ, что онъ свободный человѣкъ, а не виланъ". Въ качествѣ мотива, побудившаго издать такой указъ, приведено желаніе избѣжать „срама и позора для города Лондона". „Подобныя-же ограниченія права вступленія въ число учениковъ—говоритъ Эшли—встрѣчаются въ уставахъ нѣкоторыхъ цеховъ (плотниковъ, литейщиковъ, скорняковъ, каменьщиковъ); указъ, изданный муниципальными властями г. Іорка и, вѣроятно, также и другихъ городовъ, и закрывавшій всѣмъ несвободнымъ людямъ возможность стать свободными гражданами города, косвеннымъ путемъ приводилъ къ тому же результату" [1]). Закономъ 1389 г. было постановлено, чтобы дѣти, которыя занимались земледѣліемъ до двѣнадцатилѣтняго возраста, продолжали заниматься тѣмъ же трудомъ и не вступали въ цехи [2]). Лондонскіе каменьщики и маляры требовали также отъ ученика, чтобы онъ былъ законорожденнымъ [3]). Но этими требованіями цехи не удовлетворялись. Въ Оксфордѣ, Марльборо, а также, повидимому, въ Винчестерѣ ремесленникъ долженъ былъ испросить согласіе „добрыхъ людей" (prudes-hommes) своего города, прежде чѣмъ онъ приступалъ къ занятію ремесломъ [4]). Въ Лондонѣ уже въ началѣ XIV вѣка „никто изъ лицъ, занимающихся какимъ-либо мастерствомъ или ремесломъ, не допускался къ городскимъ вольностямъ иначе, какъ за поручительствомъ шести пользующихся уваженіемъ лицъ, которыя занимались тѣмъ же мастерствомъ или ремесломъ". При этомъ онъ долженъ былъ быть полноправнымъ гражданиномъ города. Подобныя требованія предъявляются обойщиками въ 1331 г., кожевниками въ 1344 г., сыромятниками въ 1346 г.; они встрѣчаются и въ большинствѣ позднѣй-

[1]) Brentano, I, p. 60. Эшли, стр. 349—359 и примѣч. 84. См. также Findel. Geschichte der Freimaurerei, p. 87.

[2]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Jena. 1879, p. 134. Эшли, стр. 348.

[3]) Stahl, p. 94.

[4]) Эшли, стр. 93 и прим. 67.

шихъ ремесленныхъ статутовъ [1]). Въ цехи перчаточниковъ (1349 г.) и полировщиковъ (1350 г.), какъ и во многіе другіе, никто не допускался безъ согласія старѣйшинъ или большинства членовъ цеха [2]). Лондонскіе портные и оружейники (1327 г.) соглашаются допускать къ городскимъ вольностямъ (т. е. принимать въ цехъ) не ранѣе засвидѣтельствованія кѣмъ-либо изъ лучшихъ людей промысла, что вновь поступающій „человѣкъ хорошій, вполнѣ легальный и могущій быть полезнымъ въ ихъ мастерствѣ“. Эшли находитъ, что этими постановленіями мастера цеха пріобрѣтали фактически возможность налагать свое veto на всѣхъ желающихъ взяться за данный промыселъ. И, дѣйствительно, уже въ указѣ 1350 г., по поводу необходимости получить согласіе старѣйшинъ прежде допущенія къ занятію ремесломъ (пожалованія городской свободы), добавлена статья, запрещающая „злонамѣренно препятствовать вступленію въ число полноправныхъ гражданъ лицамъ, имѣющимъ на это право“ [3]). Наконецъ, какъ ученикъ, такъ и мастеръ обязаны сдѣлать извѣстный взносъ при вступленіи въ цехъ, причемъ еще въ 1331 г. лондонскихъ ткачей обвиняли съ томъ, что они злоупотребляютъ этимъ правомъ, требуя огромныхъ вступительныхъ взносовъ, и этимъ путемъ ограничивая число ремесленниковъ. Въ XV вѣкѣ издаются неоднократныя постановленія городскихъ властей, направленныя противъ чрезмѣрныхъ поборовъ, взимаемыхъ при вступленіи въ цехъ [4]).

Непонятно, какимъ образомъ Эшли считаетъ возможнымъ утверждать, что вступительные взносы въ продолженіе XV вѣка еще не являлись серьезнымъ препятствіемъ для вступленія въ ученики [5]), когда онъ же самъ ссылается на существованіе жалобъ на чрезмѣрность этихъ поборовъ, относящихся не только къ XV, но уже къ началу XIV вѣка [6]). Онъ приводитъ также любопытный примѣръ, гдѣ „члены ремеслъ открыто сознавались, что они ищутъ за-

[1]) Эшли, стр. 336 и прим. 28.
[2]) Тамъ-же, стр. 440, прим. 28.
[3]) Эшли, стр. 335—336 и 440.
[4]) Тамъ-же, стр. 351.
[5]) Эшли, стр. 351.
[6]) Тамъ-же, стр. 335.

щиты отъ конкурренціи постороннихъ, желающихъ заняться ремесломъ", причемъ средствомъ борьбы являлись вступительные взносы. Саузэмптонскіе портные въ 1474 г. и бочары въ 1436 г. жаловались на то, что, неся тяжелые налоги на городскія нужды, они не въ состояніи будутъ сохранить даже настоящее свое положеніе, достаточно бѣдственное, если имъ не окажутъ содѣйствія въ борьбѣ противъ пришлыхъ ремесленниковъ, принимающихся за ихъ ремесло вопреки установившемуся обычаю, что служитъ къ вящшему разоренію и обѣднѣнію лицъ, занимающихся этими ремеслами. *Вслѣдствіе этого,* муниципальныя власти постановили, чтобы впредь никто „не занимался этими ремеслами въ предѣлахъ города, *не уплативъ извѣстнаго взноса* и не войдя въ соглашеніе съ мэромъ и мастерами означеннаго ремесла" [1]) Наконецъ, и позорныя занятія, повидимому, существовали въ Англіи. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, истолковываетъ Финдель требованіе, встрѣчающееся въ древнѣйшемъ статутѣ англійскихъ каменьщиковъ, чтобы вновь вступающій былъ изъ честнаго рода и благороднаго происхожденія. [2])

Подобно нѣмецкимъ цехамъ, и французскіе уже въ средніе вѣка непрерывно повышаютъ вступительные взносы. Въ XIII вѣкѣ сумма, уплачиваемая при пріобрѣтеніи званія мастера, еще незначительна, и упоминается о ней далеко не во всѣхъ статутахъ; въ первой половинѣ XIV вѣка она уже равняется 20 солид., а во второй половинѣ того же вѣка—40 и 60 солид. и это требованіе становится всеобщимъ. Въ XV вѣкѣ вступительный взносъ уже опредѣляется ливрами, взносъ въ размѣрѣ 10 ливр. (200 солид.) становится явленіемъ далеко не рѣдкимъ. Упоминается даже о платѣ въ 40 ливровъ [3]). Надо имѣть въ виду, что во Франціи дѣло не ограничивалось уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха. Приходилось кромѣ того вознаграждать мастера, въ домѣ котораго производилась пробная работа, за предоставленіе своего помѣщенія, членовъ цеха, присутствовавшихъ при изготовленіи пробной работы за по-

[1]) Эшли, стр. 337—338.

[2]) Findel. Geschichte der Freimaurerei, p. 47, 820.

[3]) Eberstadt. Das französische Gewerberecht vom XIII Jahrh. bis 1581. Leipzig. 1899. p. 87. 156. 245.

терю времени, наконецъ, мэра за внесеніе новаго мастера въ списокъ членовъ цеха [1]). Подобныя требованія находимъ въ статутахъ ремеслъ г. Аміена. Въ Пуату и ученикъ, и мастеръ обязаны были сдѣлать извѣстный вступительный взносъ, притомъ и въ пользу города и въ цеховую казну; кромѣ того, мастеръ уплачивалъ различныя суммы лицамъ, присутствовавшимъ при изготовленіи имъ пробной работы. Въ столярномъ ремеслѣ старшины цеха получали въ 1450 г. по 4 су въ день, въ кожевенномъ—по 10 су [2]). Парижскіе булочники уплачивали въ періодъ испытанія, который продолжался 4 года, въ пользу короля 52 ден. 6 сол. ежегодно и 1 ден. 1 оболъ каждую недѣлю [3]). „Если бы цехи преслѣдовали только цѣль имѣть знающихъ ремесленниковъ,—говоритъ Левассеръ—они бы несомнѣнно уничтожили большую часть этихъ поборовъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать ихъ размѣры. Но мастера цеховъ вовсе не желали увеличивать число конкуррентовъ, и съ этой цѣлью сохраняли всѣ тѣ постановленія, которыя заставляли подмастерьевъ дѣлать сбереженія въ теченіе продолжительнаго времени, прежде чѣмъ добиваться званія мастера, а очень многихъ изъ нихъ, людей бѣдныхъ, лишали вовсе возможности стать когда-либо самостоятельнымъ мастеромъ“ [5]). Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Буассонадъ. Онъ находитъ, что наибольшее злоупотребленіе, связанное съ достиженіемъ званія мастера, была эксплоатація кандидата—подмастерья. „Вслѣдствіе этого, человѣкъ бѣдный, если не юридически, то фактически не имѣлъ возможности сдѣлаться мастеромъ. Подмастерье со среднимъ достаткомъ лишался своего имущества тогда именно, когда ему необходимы были средства для того, чтобы завести собственную мастерскую. Только богатый могъ вынести всю эту массу расходовъ“ [5]).

И другое требованіе мы встрѣчаемъ во французскихъ статутахъ: вновь вступающій въ цехъ долженъ

---

[1]) Levasseur. I, p. 569.

[2]) Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI-e siècle jusqu'à la Revolution. Paris. 1900. T. II. p. 47. 100—102.

[3]) Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIVe siècle. Paris. 1877. p. 102.

[4]) Levasseur. I. p. 570.

[5]) Boissonade. II. p. 100.

быть законорожденнымъ. Еще въ уставахъ парижскихъ рѣзчиковъ и бахромщиковъ, относящихся къ XIII вѣку, говорится, что въ ученики принимаются только дѣти, родившіяся въ законномъ бракѣ [1]). Кромѣ того запрещалось незаконное сожительство. Подмастерья, имѣвшіе конкубинъ, изгонялись, когда это обнаруживалось, изъ Парижа. Ремесленникъ же, переселявшійся изъ другихъ мѣстностей въ Парижъ въ сопровожденіи женщины, допускался къ занятію ремесломъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ могъ доказать, что это его законная жена, причемъ доказательствомъ служили только свидѣтельскія показанія или выданныя духовенствомъ удостовѣренія [2]). Эти постановленія приводили косвеннымъ путемъ къ тому, что въ ученики попадали лишь законорожденные, ибо, благодаря имъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, изъ которыхъ составлялось огромное большинство учениковъ, оказывались рожденными въ законномъ бракѣ. Шмоллеръ приводитъ любопытный фактъ, изъ котораго видно, что и несвободныя лица и ихъ потомство не принимались въ ремесла. „Въ 1304 г. былъ разрѣшенъ королемъ споръ между textores съ одной стороны и fullones и lanatores съ другой. На основаніи этого рѣшенія, крѣпостнымъ ткачамъ дозволялось работать, гдѣ имъ угодно на протяженіи всей Шампани; fullones и lanatores въ свою очередь пріобрѣли право принимать сыновей ткачей въ число учениковъ. Этими постановленіями устранялись повидимому тѣ ограниченія, которымъ до того времени подвергались ткачи, вслѣдствіе ихъ крѣпостнаго состоянія“ [3]).

Въ Брюсселѣ—говоритъ Маресъ—званіе мастера было доступно далеко не для всѣхъ. Такъ какъ условіемъ его полученія являлось извѣстное состояніе, то человѣкъ бѣдный вынужденъ былъ работать на другого. Мы находимъ цѣлую систему вступительныхъ взносовъ: взносы для полученія званія мастера, взносы съ того, кто становится подмастерьемъ, взносы съ ребенка, стучащагося въ двери мастера и просящаго, чтобы его обучили и сдѣлали изъ

[1]) Neuburg. p. 26.
[2]) Fagniez. p. 78.
[3]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 411.

него порядочнаго ремесленника. При этомъ каждая изъ трехъ категорій взносовъ уже въ XIV вѣкѣ возрастаетъ все болѣе и болѣе. Такъ, у бочаровъ и краснодеревцевъ въ 1365 г. (при основаніи цеха), не упоминается о взносахъ, а девять лѣтъ спустя вновь вступающій мастеръ обязанъ уже платить 4 экю; столяры въ теченіе сорока лѣтъ увеличиваютъ взносъ втрое (съ 2 экю въ 1365 г., до 6 экю въ 1405 г.; въ послѣднемъ случаѣ присоединяется еще вино); цехъ слесарей съ 1388 г. по 1466 г. болѣе чѣмъ удваиваетъ взносъ; цехъ торговцевъ увеличиваетъ его съ 3 до 8 гульд. (причемъ и количество поставляемаго вина возрастаетъ вчетверо)—все это менѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія. Тѣмъ не менѣе и Маресъ всячески старается выставить это быстрое возрастаніе размѣровъ взноса, какъ вызванное потребностями цеховъ, находившихся въ крайней нуждѣ въ виду значительнаго количества расходовъ. Но онъ же приводитъ такого рода фактъ: ткачи шерстяныхъ матерій жалуются на то, что у нихъ вступительные взносы давно не увеличивались, а между тѣмъ это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать ученикамъ самостоятельно начинать производство по окончаніи срока ученичества—и дѣйствительно въ 1481 г. вступительный взносъ увеличивается съ 3 экю до 6 рейнск. гульд. [1]). Факты подобнаго же рода относящіеся къ цехамъ г. Гента, сообщаетъ де Винь. [2])

Тѣ же постановленія находимъ, наконецъ, и въ итальянскихъ городахъ. Въ итальянскихъ цеховыхъ статутахъ постоянно встрѣчается запрещеніе принимать людей несвободныхъ. Статутъ болонскихъ веревочниковъ 1250 г. гласитъ: quod nullus homo qui sit de maxenata vel filius eius debeat esse de societate. Подъ homines de maxenata разумѣются—какъ указываетъ М. М. Ковалевскій—дворовые люди несвободнаго состоянія. Запрещеніе распространяется не только на крѣпостныхъ, но и на всѣхъ вассаловъ и сыновей вассаловъ, а также на тѣхъ, кто связанъ обязательствомъ вѣрности (fidelitas) феодальному сеньору. Въ статутѣ болонскаго цеха льноткачей категорически запрещается допускать

---

[1]) Des Marez p. 47—49. 63. 76—77.

[2]) De Vigne. Moeurs et usages des corporations de métiers de la Belgique et du nord de la France. Gand. 1857. p. 20—25. См. также Barlet, p. 73.

не только лицъ несвободныхъ, но и вольноотпущенниковъ, выкупленныхъ изъ неволи городомъ Болоньей; кромѣ того, исключаются изъ числа лицъ, принимаемыхъ въ цехъ, всѣ сельскіе жители и всѣ пришлые, иностранные элементы. Подобныя же постановленія встрѣчаются въ венеціанскихъ цехахъ. При этомъ, какъ въ Сіенѣ, такъ и въ Римѣ и въ другихъ городахъ вступительные взносы достигаютъ весьма высокихъ размѣровъ [1])

VI.

Обратимся, далѣе, къ тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, которыя предъявлялись подмастерью, добивавшемуся званія мастера. И они, какъ утверждаютъ нерѣдко, появились очень поздно, чуть ли не въ XVI и XVII ст. впервые. Между тѣмъ и Кайцль вынужденъ признать, что пробная работа требовалась въ Берлинѣ уже въ XIII вѣкѣ. „Vortin wi dat werk wynnet—читаемъ въ уставѣ пекарей 1272 г.—die sal des meister oven baken, dat man besyet ofte he syn werk kann". [2]) Всеобщей становится пробная работа не въ XVI, а въ XIV вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ требованіе пробной работы въ Гамбургѣ (булочники въ 1375 г.) [3]), въ Люнебургѣ (сапожники въ 1389 г.) [4]), въ Данцигѣ (кузнецы въ 1387 г., портные въ 1399 г.) [5]), въ Нейруппинѣ (стригальщики въ 1393 г.) [6]), въ Штеттинѣ (кузнецы въ 1313 г., каменьщики въ 1380 г.) [7]), въ Грейфсвальдѣ (портупейные мастера въ 1397 г.) [8]), въ Майнцѣ (портные въ 1391 г.) [9]), въ Вернигероде (кузнецы и

[1]) Ковалевскій. III. стр. 82—83. 134. Rodocanachi. Les corporations ouvrières à Rome. Paris. 1894. p. 78. 265. 409.

[2]) Kaizl. p. 7.

[3]) Rüdiger. № 5. p. 23

[4]) Bodemann. p. LXVII.

[5]) Hirsch. Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des deutschen Ordens. Leipzig. 1858. p. 326. 341.

[6]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft p. 445.

[7]) Blümcke. Die Handwerkszünfte im mittelalterlichen Stettin. 1884. p. 157. 162.

[8]) Krause. Die ältesten Zunftrollen der Stadt Greifswald. 1397—1541. Greifswald. 1898. № 4.

[9]) Schanz. Zur Geschichte der deutschen Gesellen-Verbände im Mittelalter. Leipzig. 1876. p. 13 Anm. 2.

булочники) [1]), далѣе въ Кельнѣ, Нюрнбергѣ, Фрейбергѣ, Мюнхенѣ. [2]) Въ Любекѣ требованіе пробной работы предъявляется въ статутахъ портныхъ 1370 г., скорняковъ 1386 г., бочаровъ 1390 г., въ концѣ XIV вѣка и въ цехѣ оловянниковъ [3]). Въ Ригѣ требуется пробная работа въ статутахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г., бочаровъ 1375 г., кузнецовъ 1382 г., стригальщиковъ 1383 г., скорняковъ 1397 г. [4]). Пробная работа кузнецовъ состояла въ томъ, что кузнецъ долженъ былъ приготовить подковы для лошадей, не снимая мѣрки и даже не взглянувъ ближе на ногу лошади. Передъ нимъ только два-три раза проѣзжали на лошади, для которой онъ долженъ былъ сдѣлать подковы. Подобная пробная работа, которая не могла имѣть никакого практическаго значенія и которую едва ли можно было сбыть впослѣдствіи, производилась въ Кобленцѣ; въ Нюрнбергѣ она также существовала повидимому уже въ XIV вѣкѣ [5]). Въ оружейныхъ цехахъ, цехахъ ножевщиковъ, слесарей, кузнецовъ и т. п. требовалась уже въ средніе вѣка нерѣдко очень сложная пробная работа [6]), отнимавшая много времени и денегъ у подмастерья, ибо матеріалъ и инструменты пріобрѣтались имъ на собственный счетъ; изготовленный же предметъ, даже если онъ былъ годенъ для употребленія, нерѣдко становился достояніемъ цеха. Въ другихъ цехахъ производилась не менѣе трудная и сложная пробная работа. Такъ, познанскіе портные (въ концѣ XV вѣка) обязаны были изготовить полное облаченіе священника, монашескую рясу, дорожный плащъ для рыцаря и попону для его лошади и всевозможныя одежды для городскихъ жителей и притомъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ и дѣвушекъ [7]). Каменьщики въ Штеттинѣ въ XIV в. должны были возвести цѣлый сводъ и фронтонъ зданія. [8]) Любопытное постановленіе штеттинскихъ портныхъ сообщаетъ Блюмке. „Въ

[1]) Meister. p. 21.
[2]) Maurer. II. p. 451.
[3]) Wehrmann. №№ 10. 18. 48. 54.
[4]) Stieda—Mettig. №№ 30, 16, 88, 68, 56.
[5]) Beck. I. p. 880.
[6]) Ibid. I. p. 882—883.
[7]) Warschauer. p. 43.
[8]) Blümcke. p. 165.

1533 г.—говоритъ онъ—отмѣняется обычай, называемый „inkop", т. е., какъ объясняется далѣе, запрещается впредь допускать подмастерьевъ, не сдѣлавшихъ пробной работы, за извѣстную плату къ званію мастера. Этимъ постановленіемъ уничтожался, слѣдовательно, прежній обычай, согласно которому пробная работа могла замѣняться уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха" [1]).

Въ Англіи слово „Meisterstück" замѣняется описательнымъ выраженіемъ: запрещается кому бы то ни было вторгаться въ то или другое ремесло—читаемъ въ статутахъ—„если это лицо не доказало предварительно предъ старшинами ремесла свою годность въ качествѣ умѣлаго, хорошаго и способнаго работника" [2]). Такое требованіе встрѣчаемъ въ Лондонѣ [3]). Цехъ портупейныхъ мастеровъ въ статутѣ 1355 г. требуетъ, чтобы подмастерьи „были сперва подвергнуты испытанію мастерами ремесла, изъ чего можно было бы убѣдиться, насколько они искусны въ своемъ ремеслѣ" [4]). Подобная же пробная работа существовала повидимому и въ девяти другихъ лондонскихъ цехахъ въ XIV вѣкѣ [5]).

Представленіе пробной работы было также обязательно въ Шотландіи („Masterstick", essay) [6]), въ Италіи, въ Бельгіи. Въ Римѣ, гдѣ древнѣйшіе цеховые статуты относятся къ XIV вѣку, пробная работа встрѣчается уже въ 1397 г. въ уставѣ каменьщиковъ [7]); во Флоренціи она требуется въ XIV вѣкѣ цехами, изготовляющими кольчуги и ножны [8]); въ Венеціи пробная работа существовала также въ XIV, а вѣроятно и въ XIII вѣкѣ [9]), причемъ не только подмастерье изготовлялъ пробную работу для полученія званія мастера, но и ученики, становившіеся подмастерьями, проходили извѣстное испытаніе [10]). И въ Бельгіи обязанъ былъ выполнить проб-

---

[1]) Blümcke p. 167.
[2]) Эшли, стр. 336.
[3]) Ochenkowski, p. 64, 67.
[4]) Эшли, стр. 135, прим. 85. Кеннингэмъ. I, стр. 294.
[5]) Ochenkowski, p. 64., прим. 2.
[6]) Эшли, стр. 367. Кеннингэмъ. т. I, стр. 300.
[7]) Rodocanachi I. p. 409.
[8]) Poehlmann. Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance, p. 46.
[9]) Molmenti. Venedig. p. 97 и сл.
[10]) Schoenberg. Gewerbe. Handbuch. B. II. T. 1 p. 654.

ную работу не только подмастерье, но и ученикъ. Характеръ ея либо опредѣлялся цеховымъ уставомъ, либо зависѣлъ отъ усмотрѣнія старѣйшинъ цеха; работа была весьма разнообразна, нерѣдко отличалась значительной сложностью [1]). Довольно странная работа выполнялась въ цехѣ булочниковъ: подмастерье обязанъ былъ спечь одновременно три различные сорта хлѣба въ одной и той же печи. Подобная работа задавалась очевидно съ той цѣлью, чтобы уменьшить наплывъ въ цехи, ибо—какъ указываетъ Барле—цехъ нерѣдко отказывался признать работу удовлетворительной и такимъ образомъ не допускалъ въ свою среду даже умѣлыхъ ремесленниковъ [2]). Въ результатѣ—говоритъ Маресъ—она являлась новымъ и весьма важнымъ препятствіемъ къ достиженію званія мастера [3]).

Левассеръ утверждаетъ, что въ XIII вѣкѣ пробная работа (chef d'oeuvre) встрѣчается во Франціи лишь въ видѣ исключенія, именно въ одномъ только случаѣ: парижскимъ сѣдельникамъ запрещается брать второго ученика, пока первый не сдѣлалъ пробной работы [4]). Однако, онъ самъ же приводитъ и другой случай, относящійся къ XIII вѣку. Статутъ парижскихъ пирожниковъ 1270 г. допускаетъ въ подмастерьи лишь того, кто способенъ изготовить въ день тысячу пирожныхъ [5]). Въ другихъ статутахъ XIII вѣка пробная работа требуется при пріемѣ въ мастера. Такъ цехъ, изготовлюіцій шелковыя ткани, даетъ званье мастера лишь тому, кто изготовляетъ въ совершенствѣ шелковыя матеріи безъ посторонней помощи и выдержалъ соотвѣтствующее испытаніе въ присутствіи старшинъ цеха. При пріемѣ въ цехъ портныхъ необходимо, чтобы старшины цеха удостовѣрились въ умѣньи кандидата шить и кроить [6]). Всѣ эти случаи Левассеръ не принимаетъ во вниманіе, повидимому, лишь по той причинѣ, что здѣсь не встрѣчается выраженія „chef d'oeuvre", какъ въ статутѣ сѣдельниковъ, а за-

[1]) Des Marez. p. 62–63. 95—98.
[2]) Barlet. p. 73.
[3]) Des Marez. p. 95.
[4]) Levasseur. I. p. 280.
[5]) Levasseur. I. p. 309—310.
[6]) Ibid. I, p. 284. Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers Paris. 1897. p. 91. Fagniez. p. 93.

мѣняется либо указаніемъ на то, какая работа должна быть произведена, либо просто требованіемъ, чтобы старшины цеха лично удостовѣрялись въ томъ, что мастеръ въ состояніи выполнить работу безъ посторонней помощи. Но очевидно, что отсутствіе термина „chef d'oeuvre" нисколько не измѣняетъ дѣла; встрѣчается ли этотъ терминъ въ статутѣ или нѣтъ—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одного ученичества было очевидно не достаточно: необходимо было еще доказать свое умѣнье. И мы имѣемъ основаніе предполагать, что способъ изготовленія пробной работы и сопряженныя съ нимъ формальности были и въ XIII вѣкѣ тѣ же, какъ и впослѣдствіи. Вся разница только въ томъ, что древнѣйшіе уставы какъ вообще, такъ и въ частности по этому вопросу ограничиваются очень краткими указаніями, тогда какъ въ послѣдующихъ статутахъ подробно расписывается то, что уже гораздо ранѣе вошло въ обычай. Можетъ быть этимъ объясняется и то, что во многихъ статутахъ XIII вѣка имѣются указанія еще болѣе краткія: желающій вступить въ цехъ долженъ знать свое ремесло. Мартенъ предполагаетъ, что эти слова обозначали „обязанность для вновь вступающаго либо выдержать испытаніе въ присутствіи выборныхъ цеха, либо исполнить какую-либо работу, посредствомъ которой кандидатъ доказывалъ свои способности и техническія свѣдѣнія и о подробностяхъ которой не упомянуто въ статутахъ" [1]).

Въ XIV вѣкѣ о chef d'oeuvre упоминается въ большинствѣ парижскихъ уставовъ, въ статутахъ золотошвейнаго цеха 1316 г., сѣдельнаго цеха 1354 г., оружейнаго цеха 1364 г., цеха, изготовлявшаго желѣзные товары 1370 г., въ уставахъ плотниковъ 1380 г., бочаровъ 1398 г. и др. [2]). Въ большинствѣ случаевъ работа, которую обязанъ сдѣлать кандидатъ, не указана въ точности, а устанавливается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ столярномъ цехѣ г. Аміена, гдѣ о пробной работѣ упоминается въ 1399 г., говорится (въ статутѣ 1408 г.), что никто не можетъ быть принятъ въ цехъ, если онъ не изготовилъ на собственный счетъ пробной работы цѣнностью въ 63 сол. или дороже, если ему

[1]) Martin-Saint-Léon, p. 92.
[2]) Fagniez, p. 94–96.

угодно, и при томъ такой работы, какая ему будетъ задана старшинами цеха, лишь длина и высота изготовляемаго предмета, зависитъ отъ его собственнаго усмотрѣнія [1]). Старшины цеха (жюри) осматривали работу нѣсколько разъ во время ея изготовленія. Такъ, аміенскіе сѣдельники (статутъ 1390 г.) подвергали осмотру деревянныя части сѣдла прежде, чѣмъ онѣ покрывались кожей, плотники три раза осматривали работу—сначала выбранное и приготовленное дерево, затѣмъ гвозди и выдолбленныя части и, наконецъ, весь изготовленный предметъ. Когда работа была окончена, они собирались вмѣстѣ, приглашали еще нѣсколькихъ мастеровъ и совмѣстно обсуждали, насколько она представляется пригодной и удовлетворительной [2]). При этомъ, однако, какъ въ Германіи и Бельгіи такъ и во Франціи „нерѣдко—говоритъ Эберштадтъ—работа состояла въ производствѣ такого предмета, который вышелъ совершенно изъ употребленія и былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ“. Хотя власти и боролись съ подобными злоупотребленіями, но едва-ли имъ удавалось устранить это зло [3]). И Левассеръ, и Мартенъ признаютъ, что въ XIV вѣкѣ пробная работа была нерѣдко дорогимъ и продолжительнымъ испытаніемъ и что она составляла камень преткновенія для подмастерья, стремившагося къ званію мастера [4]). И тѣмъ не менѣе Мартенъ считаетъ возможнымъ утверждать послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ фактовъ, что только въ XV—XVI ст. „пробная работа пріобрѣла особое значеніе и, сокращая число мастеровъ, содѣйствовала измѣненію всего характера цехового строя“ [5]) — очевидно, это говорится лишь ради того, чтобы имѣть возможность отрицать монопольный характеръ цеховъ въ средніе вѣка.

Въ Пуату о пробной работѣ упоминается только въ уставахъ XV вѣка. Но Буассонадъ не дѣлаетъ изъ этого того вывода, что такое требованіе отсутствовало въ болѣе раннія времена, и не только потому, что статутовъ XIV в. въ Пуату сохранилось очень мало, но еще болѣе по той

[1]) Levasseur. I. p. 566.
[2]) Levasseur, I, p. 568.
[3]) Eberstadt, p. 248.
[4]) Levasseur. I, p. 564 и слѣд. Martin-Saint-Léon, p. 216.
[5]) Martin-Saint-Léon, p. 217.

причинѣ, что изъ отсутствія какого-либо постановленія въ древнѣйшихъ статутахъ не вытекаетъ еще, что его вовсе не существовало въ тѣ времена. Обращаясь вообще къ правиламъ, установленнымъ для лицъ, добивающихся званія мастера, Буассонадъ говоритъ, что условія, существовавшія до XV вѣка, намъ неизвѣстны, ибо, лишь начиная съ XV в., мы въ состояніи прослѣдить въ деталяхъ, какія требованія предъявлялись новому мастеру. А изъ требованій этого періода мы можемъ убѣдиться, что въ XV вѣкѣ цехи всячески старались затруднить доступъ къ ремеслу съ цѣлью уменьшенія конкурренціи [1]). Пробная работа, въ частности, была нерѣдко очень сложная и сопряжена съ большими расходами. Цѣнность пробной работы составляла 100 су у слесарей, 4 ливра въ столярномъ цехѣ—суммы, весьма значительныя для того времени [2]).

Одновременно съ пробной работой выступаетъ на сцену и угощеніе мастеровъ. Оно упоминается, напр., въ статутѣ трирскихъ кузнецовъ 1285 г.: вновь вступающій обязанъ уплатить 20 шилл. и устроить „prandium cum septem fercu-lis habundantibus sicut fieri est consuetum huc usque“ [3]). Люнебургскій баньщикъ (статутъ 1361 г.) долженъ поднести старшинамъ цеха окорокъ ветчины, свѣжую рыбу и двѣ мѣры вина, а въ статутѣ тамошнихъ сапожниковъ (1389 г.) прибавлено: „чѣмъ лучше будетъ угощеніе, тѣмъ больше онъ заслужитъ благодарности“ [4]). Гамбургскіе токари (статутъ 1375 г.), требуя значительнаго взноса и, кромѣ того, владѣнія извѣстнымъ имуществомъ, ограничиваютъ, однако, угощеніе извѣстными предѣлами [5]). Изъ этихъ постановленій видно, что уже весьма рано происходили злоупотребленія въ этомъ отношеніи; такое предположеніе подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ Любекѣ мы встрѣчаемъ въ 1425 г. въ статутахъ трехъ различныхъ цеховъ—льноткачей, скорняковъ и маляровъ одинаковое постановленіе, чтобы всѣ вновь вступающіе въ цехъ, подъ страхомъ штрафа въ 3 марки серебр., ставили не болѣе одной бочки пива въ качествѣ угощенія [6]).

[1]) Boissonade. II, p. 78, 84.
[2]) Boissonade. II, p. 85 и слѣд., 90, 92 и слѣд.
[3]) Schanz. Gesellen-Verbände, p. 13.
[4]) Bodemann. №№ 2 и 28.
[5]) Rüdiger. № 11.
[6]) Wehrmann, p. 127.

У понтуазскихъ пекарей обѣдъ, устраиваемый вновь вступающимъ, обходился нерѣдко въ 23 ливра и болѣе [1]). Еще хуже въ этомъ отношеніи постановленія парижскихъ мясниковъ (1381 г.), утвержденныя, однако, Карломъ VI. Они прямо таки невыполнимы. Требуется двоякаго рода пиршество, причемъ старшина въ первомъ случаѣ получаетъ $1^1/_2$ ф. воску и пирогъ изъ яицъ, во второмъ случаѣ 1 ф. воску, восковую свѣчу, 2 хлѣба, $^1/_2$ каплуна и $30^1/_2$ ф. мяса, его жена—различныя кушанья и, кромѣ того, 12 хлѣбовъ и 2 мѣры вина; далѣе, prevôt подносится мѣра вина и 4 пирога въ первомъ случаѣ, во второмъ—вино, пироги, каплунъ, 61 ф. говядины и свинины; наконецъ, разныя лица, какъ-то: voyer de Paris, prevôt du Fort l'Evêque, cellerier и concierge парламента, получаютъ каждый $^1/_2$ мѣры вина, 2 пирога, $^1/_2$ каплуна и $30^1/_2$ ф. мяса [2]). И подобныя требованія не составляли исключенія, мы находимъ ихъ въ различныхъ французскихъ и бельгійскихъ цеховыхъ статутахъ [3]). Въ Пуатье и ученикъ обязанъ былъ дать обѣдъ всему цеху въ полномъ составѣ, какъ мастерамъ, такъ и ученикамъ (статутъ ювелировъ 1457—1467 гг.) [4]). Неумѣренность въ ѣдѣ и питьѣ составляетъ вообще характерный признакъ средневѣковой эпохи, „когда и въ религіозныхъ представленіяхъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ нескончаемыя пиршества являлись воплощеніемъ всѣхъ наслажденій и на этомъ, и на томъ свѣтѣ“ [5]). Несчастный подмастерье (или ученикъ) вынужденъ былъ много денегъ тратить на угощеніе прожорливыхъ мастеровъ; если онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ, то вовсе не могъ достигнуть самостоятельности, если же обладалъ ими, то лишался ихъ именно тогда, когда наиболѣе нуждался въ нихъ. Можно сомнѣваться въ томъ, оказались-ли въ данномъ случаѣ мѣры

---

[1]) Levasseur. I, p. 346.

[2]) Cheruel. Dictionnaire des moeurs et institutions de la France. Цит. у Левассера, I, p. 351—352.

[3]) Fagniez, p. 101. Boissonade, II, p. 102—104. Levasseur, I, p. 352. Eberstadt, p. 248—249. Des Marez, p. 77. Martin-Saint-Léon, p. 292.

[4]) Boissonade, II, p. 48.

[5]) Schmoller. Die historische Entwickelung des Fleischkonsums, sowie der Vieh- und Fleischpreise in Deutschland. Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaft. B. 27, p. 287.

борьбы болѣе дѣйствительными, чѣмъ другія постановленія, направленныя противъ роскоши [1]).

Остановимся, наконецъ, еще на одномъ требованіи, которое встрѣчается весьма часто въ цеховыхъ статутахъ и благодаря которому также должны были сильно рѣдѣть ряды кандидатовъ. Мы имѣемъ въ виду постановленіе, чтобы новый мастеръ обладалъ извѣстнымъ имуществомъ. Въ цеховыхъ уставахъ Гамбурга, Любека, Люнебурга, Риги, Вернигероде, Грейфсвальда оно встрѣчается почти повсюду. Такое требованіе можно найти и въ бременскомъ сапожномъ цехѣ (статутъ 1300 и 1388 г.), который допускаетъ лишь тѣхъ лицъ (постороннихъ, въ отличіе отъ дѣтей мастера), которые имѣютъ имущество, цѣнностью въ 8 марокъ. „Это постановленіе—говоритъ Бемертъ—являлось весьма жестокимъ по отношенію къ лицамъ несостоятельнымъ, которымъ, вслѣдствіе этого вовсе закрывался доступъ въ цехъ, если они не наслѣдовали отцу или не женились на дочери или вдовѣ мастера, ибо 8 мар. составляли сравнительно солидную сумму для того времени. При вступленіи въ городскую ратушу имущественный цензъ въ XIV вѣкѣ равнялся 32 маркамъ“ [2]). Въ другихъ городахъ требуется нерѣдко еще болѣе значительное имущество: въ Гамбургѣ (пекаря и бочары 1375 г.) [3]) и въ Люнебургѣ (сапожники 1389 г.) [4]) въ 20 марокъ, въ Любекѣ — до 30 мар. [5]). Въ Ульмѣ для вступленія въ цехъ ткачей нужно стать гражданиномъ города (это условіе имѣется повсюду), но для этого необходимо имущество въ 200 фунтовъ [6]). Въ Парижѣ имущественный цензъ установленъ не только для мастеровъ, но и для подмастерьевъ, у валяльщиковъ въ размѣрѣ 12 ден., впослѣдствіи (въ XV ст.) въ 4 сол. у полировщиковъ съ XIII ст. въ видѣ платья, цѣнностью не ниже 5 сол. [7]).

---

[1]) См. Neuburg, p. 46—47. Wehrmann. p. 128. Maurer. Städteverfassung. B. III, l. c.

[2]) Boehmert. p. 16—17.

[3]) Rüdiger. № 57.

[4]) Bodemann № XXVIII.

[5]) Wehrmann. l. c.

[6]) Inama-Sternegg. B. III. T. I. p. 97.

[7]) Fagniez. p. 78.

Подобныя же требованія находимъ въ Сентъ-Омерѣ [1]). Въ Англіи встрѣчается то же постановленіе въ иной формѣ: кто не располагаетъ годовымъ доходомъ въ 20 шилл., не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье [2]). Такимъ образомъ, утвержденіе Геерингa, что извѣстное имущество является условіемъ вступленія въ цехъ лишь съ конца XVII вѣка, имѣетъ отношеніе къ одному лишь Базелю; въ XV вѣкѣ тамъ обязательно имѣть только необходимыя принадлежности для тушенія огня и для отбыванія сторожевой и военной службы [3])

Наконецъ, цехи прибѣгали къ наиболѣе простому и вѣрному средству—ограничивали число мастеровъ цеха извѣстнымъ максимумомъ, и разъ послѣдній былъ достигнутъ, то новые члены принимались лишь постольку, поскольку мѣсто очищалось старыми, умершими мастерами. Такъ, въ Любекѣ латунники въ 1330 г. и игольный цехъ въ 1356 г. ограничиваютъ число мастеровъ 12, золотыхъ дѣлъ мастера—сначала до 1371 г.—24, а затѣмъ—22, рыбники въ 1376 г.—также 12 [4]). Въ Штеттинѣ число сапожниковъ опредѣлено въ размѣрѣ 40, число бондарей—12 [5]). Число нюрбергскихъ жестяниковъ не можетъ превышать пятнадцати, число тамошнихъ красильщиковъ—восьмидесяти [6]). Въ Гамбургѣ также цехи бондарей, льноткачей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ устанавливаютъ извѣстный комплектъ [7]). Въ Руанѣ число мастеровъ шапочнаго цеха ограничено 50 [8]). Особенно часто встрѣчалось подобное постановленіе у цеховъ мясниковъ: въ Стреленѣ число ихъ ограничено въ 1292 г.—34, въ Бееcковѣ въ 1348 г.—22, въ Штеттинѣ—14, въ Стендалѣ въ 1355 г. максимумъ составляетъ существующее въ данное время число плюсъ

---

[1]) Giry. Histoire de la ville de Saint-Omer et de ses institutions jusqu'au XIV siècle. Paris. 1877. p. 350.

[2]) Ashley, стр. 348.

[3]) Geering. p. 60.

[4]) Wehrmann. №№ 13, 16, 37, 39.

[5]) Blümcke. p. 118.

[6]) Eulenburg. Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. IV. p. 146. Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. Leipzig. 1894. p. 157—158.

[7]) Rüdiger. №№ 7, 17, 34.

[8]) Martin-Saint-Léon. p. 277.

два [1]). Обычнымъ является комплектъ не только у мясниковъ, но и у булочниковъ, суконщиковъ, кузнецовъ, словомъ вездѣ, гдѣ продажа товаровъ производилась изъ опредѣленныхъ ларей или прилавковъ или предметы изготовлялись въ особыхъ мастерскихъ. Цехъ заявлялъ, что ихъ имѣется такое-то количество и больше не можетъ быть устроено, почему новые мастера могутъ приниматься въ цехъ лишь въ томъ случаѣ, если освободилось мѣсто. Кейтгенъ приводитъ многочисленные примѣры, относящіеся къ XIII и даже XII вѣку [2]).

VII.

„Установившееся въ наукѣ мнѣніе — говоритъ Лампрехтъ—что профессіи въ средніе вѣка однообразно переходили по наслѣдству въ теченіе многихъ поколѣній, есть въ значительной степени не болѣе какъ вымыселъ“... Но тутъ же онъ прибавляетъ: „только въ тѣхъ случаяхъ, когда производство промысла требовало значительнаго капитала, онъ всегда переходилъ отъ отца къ сыну, какъ это бываетъ и въ настоящее время; въ средневѣковомъ Франкфуртѣ это должно было происходить, слѣдовательно, въ промыслахъ мясниковъ, пекарей, ткачей, корабельщиковъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣти цеховыхъ мастеровъ переходятъ къ другимъ занятіямъ или уходятъ изъ того цеха, къ которому принадлежалъ ихъ отецъ, въ иной цехъ [3]). Лампрехтъ допускаетъ, слѣдовательно, что по отношенію къ тремъ важнѣйшимъ отраслямъ производства можно говорить о наслѣдственности профессій въ средніе вѣка, что въ цехахъ мясниковъ, пекарей и ткачей промыселъ переходилъ отъ отца къ сыну. Факты свидѣтельствуютъ однако о томъ, что это происходило и въ другихъ цехахъ. Такъ, подобный обычай несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ промыслахъ обработки металловъ, въ цехахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, оружейниковъ, ибо въ этихъ случаяхъ

[1]) Adler Fleischteuerungspolitik. p. 44 - 45.

[2]) Keutgen. p. 233 и сл.

[3]) Lamprecht. Zur Sozialstatistik der deutschen Stadt im Mittelalter. (по Бюхеру, Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrh.). Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. I. 1888. p. 498.

право занятія промысломъ было обыкновенно связано съ владѣніемъ извѣстнымъ помѣщеніемъ, и въ то же время эти цехи свято хранили секреты своего искусства: ихъ могли знать только немногіе, принадлежащіе къ цеху. Далѣе, наслѣдственность профессій мы можемъ наблюдать и въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности: не только въ ремеслѣ ткачей, но и въ промыслахъ суконщиковъ, портныхъ, наконецъ, подобный обычай установился въ сапожномъ и кожевенномъ, въ бондарномъ, столярномъ и др. промыслахъ.

Такъ, по указанію Маурера, во Франкфуртѣ на Майнѣ званіе мастера переходило отъ отца къ сыну не только въ цехахъ пекарей, мясниковъ, ткачей, но и въ промыслахъ портныхъ (1355 г.) и сапожниковъ (1377 г.) [1]). Въ Страсбургѣ сынъ ткача, женатый на дочери другого ткача, уплачиваетъ всего 10 шилл. при вступленіи въ цехъ, тогда какъ другія лица платятъ 85 шилл. (1407 г.), сукновалы и суконщики вносятъ 45 шилл. при поступленіи, дѣти же цеховыхъ мастеровъ, вступающіе въ этотъ цехъ,—всего 13 шилл. 8 пфен. (ок. 1400 г.); въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ плата въ 40 шилл. замѣняется 20 шилл. для сыновей мастеровъ (1363 г.), она составляетъ половину и въ цехѣ булочниковъ, именно 6 шилл. вмѣсто 12 (1263 г.). Въ цехахъ суконщиковъ и ткачей эти взносы, какъ мы видимъ, „столь значительны, что они должны были сдѣлать вступленіе въ цехъ невозможнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто не былъ сыномъ мастера, или не былъ женатъ на дочери или вдовѣ мастера [2]). Въ Бременѣ право заниматься сапожнымъ промысломъ переходитъ по статуту 1300 г., къ сыновьямъ и дочерямъ за незначительную плату въ размѣрѣ 1 фертинга. Другія лица вовсе не принимаются въ цехъ. Въ 1308 г. и имъ открытъ доступъ; но можно сильно сомнѣваться въ томъ, были ли они дѣйствительно въ состояніи осуществлять это право, такъ какъ послѣднее было связано съ уплатой одной марки и съ владѣніемъ очень значительнымъ для того времени имуществомъ въ размѣрѣ 8 марокъ (свыше 120 шилл.) [3]).

---

[1]) Maurer. Städteverfassung. II. p. 460.

[2]) Schmoller. p. 402—403. См. также выше стр. 338—39.

[3]) Böhmert. p. 16—18. Ср. выше стр. 355.

Въ статутѣ сапожнаго цеха г. Риги XIV в. говорится: если у мастера родится ребенокъ, сынъ или дочь, то къ нему переходитъ мастерство [1]). Въ Вѣнѣ (Wiener Neustadt) промыслы мясниковъ (въ статутѣ 1364 г. говорится: обычай, который существуетъ съ давнихъ поръ), торговцевъ жирами и шерстоткачей были наслѣдственны. Право заниматься этими промыслами переходило къ дѣтямъ обоего пола и къ вдовамъ мастеровъ; посторонніе не допускались въ цехъ [2]). Согласно договору, заключенному между цехами булочниковъ восьми нѣмецкихъ городовъ въ 1352 г., мастера, обучавшіе лицъ, родители которыхъ не входили въ составъ цеха, подвергались наказанію. Это были слѣдующіе города: Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Оппенгеймъ, Франкфуртъ, Бингенъ, Бахарахъ и Боппардъ [3]). Въ Фрейбергѣ промыслы мясниковъ, ножевщиковъ, кузнецовъ, выдѣлывальщиковъ косъ и суконщиковъ переходили къ младшему сыну мастера безъ уплаты какихъ-либо сборовъ. Старшіе же сыновья обязаны были внести обычную плату [4]). Цехи кузнецовъ, закаливальщиковъ стали и шлифовщиковъ клинковъ въ Золингенѣ не брали въ обученіе никого, кромѣ собственныхъ сыновей, только шлифовщикамъ дозволено обучать также близкихъ родственниковъ, если у нихъ нѣтъ дѣтей. Въ цехъ рейдеровъ (сборщиковъ оружія) допускались всѣ, но плата при вступленіи, составлявшая 150 гульденовъ золотомъ, была столь значительна, что было лишь два случая пріема постороннихъ лицъ, причемъ, однако, и въ этихъ случаяхъ выданное уже разрѣшеніе было затѣмъ взято обратно (статуты, изданные при основаніи цеховъ въ 1472, 1401 и 1412 гг.) [5]). Промыслы кузнецовъ, котельниковъ, мѣдниковъ и латунниковъ въ Нюрнбергѣ (1399 г.) принимали въ цехъ только тѣхъ, кто пріобрѣлъ домъ, съ которымъ было связано право занятія ремесломъ. Эти дома носили названіе „Eheschmieden“, ибо пріобрѣтались большею частью путемъ вступленія въ бракъ: женясь на дочери мастера, подмастерье достигалъ званія мастера [6]). Въ г. Вернигеродѣ, гдѣ „взносы

[1]) Stieda-Mettig. № 103. p. 529.
[2]) Maurer. Städtever-Fassung II. p. 461. Stahl. p. 162.
[3]) Maurer. II. p. 459. Schanz. Gesellen-Verbände p. 15. 153.
[4]) Maurer. II. p. 461. Beck. I. p. 858.
[5]) Thun. II. p. 9.
[6]) Beck. I. p. 880—881. II. p. 566.

при вступленіи въ цехъ были очень значительны", младшія дѣти кузнецовъ и ткачей льняныхъ матерій ничего не платили при вступленіи въ цехъ. Цехъ башмачниковъ и кожевниковъ освобождалъ отъ платы всѣхъ дѣтей мастеровъ, при вступленіи въ цехъ портныхъ и суконщиковъ сыновья мастеровъ также ничего не платили, дочери (вѣрнѣе ихъ мужья) уплачивали половину опредѣленной для другихъ платы, цехи булочниковъ, мясниковъ и розничныхъ торговцевъ взимали съ тѣхъ и другихъ половину установленной для прочихъ платы [1]). Въ Базелѣ нерѣдко годами только и вступали въ цехъ сыновья и зятья мастеровъ—говоритъ Геерингъ—и прибавляетъ къ этому: „съ 1464 г., но повидимому это былъ старинный обычай" [2]). Плата, вносимая сыновьями мастеровъ въ Базелѣ при вступленіи ихъ въ цехъ (Erneuerung), составляла первоначально отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ платы, установленной для всѣхъ прочихъ. Впослѣдствіи общая для всѣхъ плата чрезвычайно возросла; между тѣмъ сыновья мастеровъ платили немногимъ болѣе, чѣмъ раньше. Такъ, при вступленіи въ цехъ ткачей посторонніе уплачивали въ 1268 г. 4 шилл., сыновья мастеровъ—2 шилл., т. е. половину, а въ 1441 г. первые—92 шилл. (а затѣмъ и 115 шилл.), вторые же всего $13^1/_2$ шилл. Винодѣлы въ 1393 г. взимали съ постороннихъ при вступленіи ихъ въ цехъ, $109^1/_2$—$149^1/_2$ шилл., съ сыновей же мастеровъ незначительную сумму въ 9 шилл., цехъ мясниковъ въ 1391 г. бралъ съ первыхъ $402^1/_2$ шилл., со вторыхъ $32^3/_4$ шилл., суконщики и винодѣлы въ 1430—1441 гг. требуютъ въ первомъ случаѣ $50^1/_3$, во второмъ всего $7^1/_3$ шилл. [3]).

Во всѣхъ дошедшихъ до насъ цеховыхъ статутахъ г. Гекстера (Вестфалія), въ уставахъ портныхъ 1276 г., кузнецовъ 1280 г., скорняковъ 1280 г., ткачей шерстяныхъ издѣлій 1333 г. и ткачей льняныхъ матерій 1370 г.—повсюду право занятія промысломъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну безъ уплаты какихъ-либо сборовъ, тогда какъ всѣ остальные, extranei, т. е. тѣ, которые не наслѣдуютъ мастерства—какъ объясняется въ одномъ изъ

[1]) Meister p. 28, 29.
[2]) Geering. p. 59 и прим. 7.
[3]) Geering. p. 67—68.

статутовъ—обязаны уплатить извѣстную сумму при вступленіи въ цехъ. Любопытно, что въ наиболѣе древнихъ цеховыхъ уставахъ этого города—въ статутахъ портныхъ 1276 г. и кузнецовъ 1280 г. вовсе не упоминается о дѣтяхъ мастеровъ, а говорится лишь о томъ, что чуждые цеху элементы, extranei, должны внести при поступленіи извѣстную сумму. Очевидно, вопросъ о наслѣдованіи мастерства дѣтьми мастера не возбуждалъ никакихъ сомнѣній и этотъ обычай до того укоренился, что о немъ и не приходилось упоминать въ статутахъ. Наоборотъ, вопросъ о пріемѣ постороннихъ лицъ былъ чѣмъ-то совершенно новымъ; изъ статутовъ видно, что о немъ впервые заходитъ рѣчь, что до того времени т. е. до конца XIII вѣка въ цехи не принимали постороннихъ, какъ это было и въ Бременѣ до начала XIV вѣка, почему цеховые уставы и считаютъ нужнымъ регулировать порядокъ пріема постороннихъ лицъ [1]).

Нѣчто подобное находимъ и въ Кельнѣ: уже въ древнѣйшихъ статутахъ токарей 1179—1182 и 1282 гг. встрѣчается постановленіе, согласно которому только постороннія лица обязаны уплачивать 24 ден. при вступленіи [2]). Въ Люнебургѣ бочары, скорняки и др. освобождаютъ сыновей мастеровъ, и лицъ, вступающихъ въ бракъ съ дочерьми мастеровъ отъ уплаты вступительнаго взноса, а портные, найдя, что число ихъ слишкомъ возрастаетъ и это ведетъ къ сокращенію ихъ заработковъ, въ 1458 г. рѣшаютъ не принимать болѣе въ цехъ никого, кромѣ тѣхъ, кто женится на дочери или вдовѣ мастера [3]). Въ Штеттинѣ—говоритъ Блюмке—не было ни одного постановленія относительно пріема въ цехъ, которое бы не отмѣнялось или существенно не измѣнялось въ пользу дѣтей мастера [4]).

Во французскихъ цехахъ мясниковъ право заниматься промысломъ является наслѣдственнымъ: постороннія лица не допускаются. Такія постановленія мы находимъ къ Парижѣ (Grande-Boucherie, boucherie de Saint-Germain des

---

[1]) Denkwürdige Beiträge für Geschichte und Rechtsaltertümer (III. Aus dem alten Gedenkbuch der Stadt Höxter), herausgeg. von Paul Wigand. Leipzig. 1858. p. 135—143.

[2]) Lau. p. 208.

[3]) Bodemann. p. XVIII—XIX.

[4]) Blümcke. p. 137.

Près) [1]), въ Пуатье, въ Шательрс [2]), въ Лиможѣ, въ Аррасѣ (Артуа) [3]). Но и во многихъ другихъ ремеслахъ промыселъ переходилъ исключительно къ сыну или къ зятю, какъ напр., въ цехахъ ткачей, кухмистровъ (oyers et cuisiniers) и горшечниковъ въ Парижѣ: ткачи (въ XIII вѣкѣ) не допускали никого изъ постороннихъ лицъ къ занятію ремесломъ, даже если они уже успѣли сдѣлать вступительный взносъ, въ цехахъ же кухмистровъ и горшечниковъ (XIV и XV ст.) послѣ смерти мастера сынъ его тотчасъ же занималъ его мѣсто, а если онъ былъ еще настолько малъ, что не въ состояніи былъ работать, то завѣдованіе мастерской поручалось одному изъ подмастерьевъ, подъ руководствомъ котораго работали остальные [4]). Кузнецы норманскихъ городовъ, которые образовали между собой союзъ, пользовались правомъ наслѣдованія мастерства. Это право подтверждалось и позднѣйшими статутами различныхъ городовъ Нормандіи. Въ статутахъ г. Villedieu 1403 и 1434 гг. еще спеціально указано, что никто не можетъ быть обучаемъ владѣть молотомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не доказалъ своего происхожденія отъ членовъ союза. Другія лица могутъ вступать въ союзъ лишь въ качествѣ наемныхъ рабочихъ [5]). Въ цехъ слесарей г. Пуатье (1455 г.) также принимаются лишь сыновья мастеровъ [6]). Бочары въ Аміенѣ (1375 г.) не предъявляютъ никакихъ требованій при пріемѣ въ цехъ сыновей мастеровъ, кромѣ лишь того, чтобы имъ исполнилось 24 года: достигнувъ этого возраста, сынъ сразу пріобрѣтаетъ званіе мастера [7]). Въ статутахъ парижскихъ кузнецовъ, изготовляющихъ щиты, и кожевниковъ постановлено, что за бѣдныхъ сыновей мастеровъ вступительный взносъ покрывается изъ суммъ цеха [8]). Тоже установлено и въ цехахъ парижскихъ чулочниковъ, шапочниковъ 1324 г., аміенскихъ ювелировъ, цирюльниковъ въ Монпелье

---

[1]) Levasseur. I, p. 348—349.
[2]) Boissonade. II, p. 79.
[3]) Martin-Saint-Léon, p. 271—290.
[4]) Fagniez, p. 56, 103, 181. Levasseur. I, p. 284.
[5]) Eberstadt, p. 41, 86, 264—265.
[6]) Boissonade. II, p. 80.
[7]) Neuburg, p. 55—56.
[8]) Fagniez, p. 62.

1252 г., столяровъ въ Пуатье 1450 г., а также чулочниковъ и кожевниковъ: повсюду сыновья мастеровъ освобождаются отъ уплаты взноса [1]).

На изготовленіе пробной работы подмастерья-мѣдники затрачивали двѣ недѣли, между тѣмъ у сыновей мастеровъ она отнимала всего одну недѣлю [2]). Цехъ аміенскихъ желѣзниковъ 1460 г. замѣняетъ для дѣтей мастеровъ довольно сложную пробную работу представленіемъ свидѣтельства о знаніи ремесла [3]). Цехи слесарей, кожевниковъ и чулочниковъ въ Пуатье также освобождаютъ дѣтей мастеровъ отъ пробной работы [4]). Такіе случаи—говоритъ по этому поводу Нейбургъ—гдѣ техническая квалификація человѣка замѣняется фактомъ его происхожденія въ качествѣ сына мастера, лучше всего характеризуютъ то семейное хозяйство, которое господствовало въ цехахъ [5]).

Брюссельскіе краснодеревцы и бочары также освобождаютъ сына мастера отъ пробной работы; слесари не берутъ съ него (по статуту 1380 г.) вступительнаго взноса; кожевники сокращаютъ для своихъ дѣтей срокъ ученичества; мясники вообще никого изъ постороннихъ въ цехъ не принимаютъ [6]). И въ другихъ брабантскихъ и фламандскихъ городахъ посторонніе часто вступали въ цехъ исключительно посредствомъ женитьбы на дочери мастера [7]).

Въ Англіи дѣти мастеровъ нерѣдко вовсе освобождались отъ отбыванія семилѣтняго ученичества [8]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — говоритъ Кеннингэмъ — подмастерьямъ навсегда была закрыта возможность стать самостоятельными хозяевами, благодаря предпочтенію, которое оказывалось тѣмъ, кто родился въ цехѣ [9]). По мнѣнію Роджерса, первоначально участіе въ цехѣ имѣло наслѣдственный характеръ, являлось правомъ, переходившимъ по наслѣдству отъ отца къ сыну [10]).

---

[1]) Neuburg, p. 57. Levasseur. I, p. 279. Martin-Saint-Léon, p. 261. Boissonade, II, p. 62—108.
[2]) Levasseur. I, p. 571.
[3]) Neuburg, p. 57.
[4]) Boissonade, II, p. 94—95.
[5]) Neuburg, p. 58.
[6]) Des Marez, p. 50—53. 80—83.
[7]) Barlet. p. 74.
[8]) Ochenkowski, p. 70. 136. Эшли, стр. 353.
[9]) Кеннингэмъ, стр. 381.
[10]) Rogers. p. 77.

Наконецъ, имѣются многочисленныя данныя о томъ, что и въ Италіи цехи въ весьма многихъ случаяхъ имѣли характеръ наслѣдственныхъ учрежденій. Сыновья мастеровъ, указывается въ статутѣ ткачей г. Лукки, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, могутъ требовать включенія ихъ въ число мастеровъ, не представляя никакихъ доказательствъ своей годности. Сынъ того, кто принадлежитъ къ цеху, включается въ него sine aliqua intratica solvenda, читаемъ въ одномъ изъ цеховыхъ статутовъ г. Пьяченцы. Отъ сіенскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, по уставу 1361 г., требовался взносъ въ размѣрѣ 25 лиръ, но дѣти мастера и его братья свободны были отъ всякаго платежа [1]). Подобныя же постановленія существовали во Флоренціи [2]). Согласно уставу пизанскихъ мѣховщиковъ, посторонніе вообще не принимаются, званье мастера просто переходитъ по наслѣдству [3]). Въ Венеціи также ни ученичество, ни изготовленіе пробной работы не обязательно для дѣтей мастера [4]), а въ нѣкоторыхъ цехахъ и здѣсь пріемъ для постороннихъ вовсе закрытъ (статутъ булочниковъ 1304 г.). Любопытно при этомъ, что въ X вѣкѣ, когда впервые возникаютъ въ Венеціи цехи, отправленіе ремеслъ является наслѣдственнымъ [5]). Лишь впослѣдствіи повидимому отдѣльные венеціанскіе цехи стали допускать и постороннихъ лицъ, сохраняя, однако, по прежнему преимущества въ пользу тѣхъ, кто принадлежалъ по крови къ цеху. Этимъ лишній разъ подтверждается обстоятельство, которое обнаружилось при разсмотрѣніи нѣмецкихъ цеховъ, что наслѣдственность цеховыхъ привилегій и кастовый характеръ цеховъ есть вовсе не результатъ развитія конкурренціи въ послѣдующія столѣтія, а характерная особенность ихъ съ самаго начала возникновенія, которая съ теченіемъ времени принимаетъ болѣе мягкій характеръ, превращаясь въ преимущества лицъ, принадлежащихъ къ цеху, вмѣсто ихъ исключительнаго права пріобрѣтать званіе мастера [6]).

[1]) Ковалевскій, т. III. стр. 134—135.
[2]) Poehlmann. p. 48.
[3]) Ковалевскій, т. III, стр. 148.
[4]) Molmenti. p. 97.
[5]) Ковалевскій, т. III, стр. 56. 148.
[6]) Любопытные факты, подтверждающіе эту гипотезу, можно найти у Keutgen'a Aemter und Zünfte, особ. гл. X. См. также М. И. Кулишеръ. Вѣстн. Европы. Авг. 1888., стр. 593—94.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Промышленность и промышленная прибыль въ средніе вѣка.

(Продолженіе).

Б. Установленіе цѣнъ.—Положеніе рабочихъ (цеховыхъ подмастерьевъ).

I.

Необходимымъ послѣдствіемъ господства цеховой монополіи въ средніе вѣка въ области производства и сбыта промышленныхъ издѣлій являлось произвольное регулированіе цехами цѣнъ на изготовляемые ими предметы. Хотя промышленныя издѣлія въ эту эпоху воплощали въ себѣ одинъ только трудъ (и притомъ исключительно или почти исключительно физическій трудъ) [1]), тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что они и обмѣнивались соотвѣтственно количеству этого воплощеннаго въ нихъ труда. Пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, цехи старались извлечь возможно большую прибыль при сбытѣ промышленныхъ издѣлій, и имъ и въ голову не могло придти, устанавливать цѣну производимыхъ ими продуктовъ соотвѣтственно тому труду, который былъ затраченъ въ ихъ производствѣ. Лишь при господствѣ свободной конкурренціи въ тѣ времена товары могли бы обмѣниваться соотвѣтственно труду, употребленному на ихъ изготовленіе [2]).

Цѣны регулировались цеховыми мастерами совмѣстно и каждый изъ нихъ обязанъ былъ придерживаться уста-

[1]) См. объ этомъ томъ второй „Эволюціи прибыли“.

[2]) См. объ этомъ ниже.

новленной сообща цѣны. Вслѣдствіе этого, устранялась и та незначительная конкурренція, которая могла бы существовать среди цеховыхъ мастеровъ; при господствѣ цеховой монополіи пониженіе цѣнъ ниже уровня потребительной цѣнности товаровъ, какъ мы опредѣлили ее выше, а слѣдовательно и уменьшеніе той прибыли, которую уплачивалъ потребитель, становилось невозможнымъ. Цѣль существованія цеховъ заключалось въ томъ, „up dat sik die lude in dem ampte neren und berghen mögten", какъ говорится въ цеховыхъ статутахъ; поэтому и условія сбыта товаровъ должны были быть для всѣхъ цеховыхъ мастеровъ одинаковы; нельзя было допустить такого состоянія, при которомъ они могли бы сбивать цѣну другъ у друга. Мастеръ, который желалъ бы продавать произведенные имъ товары дешевле, чѣмъ продавали его собратья по ремеслу, лишенъ былъ этой возможности, ибо цехъ запрещалъ сбывать товары по цѣнѣ ниже установленнаго минимума. Такъ, въ статутѣ пивоваровъ г. Любека 1388 г. говорится, что никто изъ цеховыхъ мастеровъ не вправѣ продавать пиво дешевле другихъ [1]). Мастера цеха любекскихъ бочаровъ обязаны, согласно статуту 1390 г., каждый разъ совмѣстно устанавливать цѣну въ зависимости отъ стоимости матеріала: kopen se dure in, dar schollen se na setten, kopen se goden kop, darna scholenn sy ock den kop setenn; и эта цѣна обязательна для всѣхъ подъ страхомъ наказанія [2]). Статутъ каменьщиковъ г. Цвикау запрещаетъ мастерамъ сбивать другъ у друга плату [3]). Брадобреямъ Сентъ-Омера (конецъ XIII вѣка) не дозволяется брать менѣе установленной платы (одна maille) за бритье или кровопусканье [4]). Для суконстриговъ и сукноваловъ этого города существовалъ также обязательный минимумъ платы [5]). Цирюльный цехъ въ Брюгге устанавливалъ опредѣленную цѣну за бритье, стрижку, за выдергиваніе зуба, за пусканіе крови, и запрещалъ, подъ страхомъ наказанія, брать меньше [6]).

[1]) Wehrmann. № 8.
[2]) Ibid. № 48, см. также №№ 10, 17, 31.
[3]) Berlepsch. Chronik der Gewerke. B. IX. № 9.
[4]) Giry. p. 365. Reg. aux bans. № 332.
[5]) Ibid. p. 354. 356. Reg. aux bans. №№ 111. 695.
[6]) De Vigne. p. 54—55.

Насколько значительны были злоупотребленія со стороны цеховъ при такомъ произвольномъ установленіи цѣнъ на сбываемые ими продукты, видно изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., въ Кельнѣ въ 1258 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1352 г., городъ вынужденъ былъ воспретить цехамъ устанавливать обязательную для всѣхъ мастеровъ минимальную плату [1]); въ другихъ городахъ, гдѣ цехи не желали отказаться отъ этого права, они были совершенно уничтожены, какъ, напр., въ Вѣнѣ въ 1340 г., въ Касселѣ въ 1398 г., въ Хемницѣ въ 1414 г. [2]). Наиболѣе опаснымъ такое произвольное установленіе цѣнъ цехами являлось въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о пищевыхъ продуктахъ. Поэтому городскія власти взяли регулированіе цѣнъ на эти продукты въ свои руки и стали издавать обязательныя для всѣхъ мастеровъ таксы, представлявшія собою уже не минимумъ, какъ цеховыя таксы, а максимумъ того, что дозволялось брать съ покупателя. Но это относилось лишь къ пищевымъ продуктамъ. По отношенію къ другимъ промысламъ положеніе и впослѣдствіи нисколько не измѣнилось, ибо и впослѣдствіи мы находимъ въ цеховыхъ статутахъ таксы, которыя только и могли быть установлены самими цехами [3]); какъ видно изъ данныхъ, при-

---

[1]) Эти постановленія приведены у Lacomblet. Niederrheinisches Urkundenbuch. B. II. p. 250. См. Maurer. B. II. p. 389. 395. 433. Stieda. Entstehung des Zunftwesens. p. 96. Кельнское постановленіе гласитъ: Hiis etiam adiungimus quod fraternitates de rebus venalibus ad suam fraternitatem pertinentibus terminum pretii in emendo vel vendendo limitare non possunt. См. подобнаго же рода постановленія въ Нюрнбергѣ, Брюннѣ. (Eulenburg. Zeitschr. für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. IV. p. 142—3).

[2]) Rohrscheidt. Preistaxen. Handwörterbuch. der Staatswissenschaften. B. VI. Raumer. Geschichte der Hohenstaufen B. V. p. 305. Schanz. Gesellenverbände. p. 14. См. его-же Englische Handelspolitik. I. p. 654. Ср., впрочемъ, Eulenburg. l. c.

[3]) Таксы, встрѣчающіяся въ цеховыхъ статутахъ, могли исходить лишь отъ самихъ цеховъ. Это видно во-1-хъ, изъ того, что эти таксы минимальныя, а не максимальныя, и во-2-хъ, изъ того, что онѣ внесены въ статуты, въ началѣ которыхъ говорится, что они составлены самимъ цехомъ; они не могли быть написаны городскими властями, вслѣдствіе отсутствія у послѣднихъ необходимыхъ свѣдѣній по различнымъ вопросамъ техническаго свойства, разрѣшаемымъ статутами. См. объ этомъ Wehrmann, p. 59. Rüdiger, p. XVIII. Bodemann, p. XXV. Blümcke. p. 138. Giry. p. 346. 348. Hauser.

веденныхъ у Берлепша и Бека, въ Германіи въ средніе вѣка не существовало таксъ, установленныхъ властями, ни для сапожниковъ, ни для кузнецовъ. Встрѣчается лишь въ видѣ исключенія такса для портныхъ въ Мюнхенѣ въ 1414 году [1]). Такимъ образомъ, большинство цеховъ попрежнему устанавливаетъ обязательныя для всѣхъ членовъ цеха минимальныя цѣны [2]), [3]). Только на хлѣбъ, мясо, пиво существуетъ въ средніе вѣка максимумъ цѣны, выше котораго никто не вправѣ требовать; эти цѣны опредѣляются городскими магистратами.

Раньше, чѣмъ въ Германіи — появляются таксы, установленныя властями, въ Англіи. Первая англійская такса на хлѣбъ относится къ 1202 г.; въ 1262 (1267) г. она возобновляется. За нарушеніе ея полагалось выставленіе у позорнаго столба [4]). Кромѣ таксъ на хлѣбъ, въ Англіи встрѣчаются и таксы на мясо; далѣе регулируются цѣны на вино, пиво, домашнюю птицу, рыбу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ также цѣны на дрова, уголь, сало, свѣчи [5]) [6]) и т. п. Цѣны на другіе предметы (мини-

---

p. XXVI. Hegel, Städte und Gilden. I. p. 336. Levasseur. I. 272. Inama B. Ш. T. 2.

[1]) Но и эта такса установлена повидимому въ интересахъ очень состоятельныхъ классовъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ ея говорится что придворные, а также бѣдные жалуются на чрезмѣрную плату, требуемую портными. Далѣе, опредѣляется цѣна на шелковыя и вытканныя золотомъ одежды, цѣна на платья изъ тонкаго и швабскаго сукна, и лишь въ концѣ упоминается объ одеждѣ, изготовленной изъ простого и грубаго сукна. Berlepsch. II. p. 27.

[2]) Въ Вюртембергѣ въ 1425 г. установлены таксы для различныхъ промысловъ и разосланы цехамъ, причемъ имъ приказано выработать самостоятельно для себя таксы соотвѣтственно этому тарифу. (Schüz. Die alt-württembergische Gewerbeverfassung. Zeitschr. f. ges. Staatswiss. VI. p. 284). И здѣсь, слѣдовательно, таксы устанавливаются самими цехами.

[3]) Съ высказаннымъ мною взглядомъ относительно характера цеховыхъ таксъ соглашается Inama-Sternegg. III, 2, p. 56—57.

[4]) Rauemer. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. 4 Aufl. B. V. Leipzig. 1872. p. 305. Эшли, стр. 211—13.

[5]) Эшли, стр. 214—216, 284.

[6]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что среди этихъ предметовъ значительная часть (дрова, уголь, домашняя птица и др.) представляетъ собою не промышленныя издѣлія цеховъ, а сельскохозяйственные продукты, привозимые въ городъ крестьянами.

(минимумъ) устанавливаются, однако, самими промыслами. По общему правилу—говоритъ Эшли—опредѣленіе цѣнъ на промышленныя издѣлія предоставлялось, повидимому, самимъ цехамъ; ограниченіе въ Лондонѣ городскимъ постановленіемъ цѣны шпоръ представляетъ почти единственный примѣръ противоположнаго рода... Слабая сторона такого порядка состояла въ томъ, что какъ скоро цехи окрѣпли, они стали стремиться къ ограниченію числа своихъ членовъ и къ повышенію цѣнъ. Опасность съ этой стороны стала весьма чувствительной въ послѣдніе годы XIV ст., но она начала обнаруживаться еще въ 1321 г. въ образѣ дѣйствій лондонскихъ ткачей. Послѣдніе постановили брать за тканье штуки сукна шестью пенсами болѣе, чѣмъ они брали раньше; это постановленіе вызвало сильное неудовольствіе [1]). Въ 1415 г. раздаются жалобы на тайныя соглашенія красильщиковъ въ Ковентри, на то, что они этимъ путемъ повышаютъ цѣны, а въ 1495 г. стригали ворстедскихъ суконъ выдѣлились изъ общаго цеха стригальщиковъ въ качествѣ самостоятельнаго цеха и посредствомъ соглашенія между собой подняли цѣны на стрижку сукна. Цехъ экзетерскихъ портныхъ пришлось вслѣдствіе происходившихъ въ немъ злоупотребленій даже вовсе отмѣнить въ 1482 г. [2]).

Только въ 1503/04 гг. цехи лишились своей привилегіи устанавливать цѣны. Въ этомъ году былъ изданъ законъ, въ силу котораго, „старшины, пристава и члены всѣхъ ремеслъ или цеховъ и каждаго изъ нихъ, а также лица, стоящія во главѣ гильдій и братствъ не могутъ издавать актовъ или предписаній, если эти акты не разсмотрѣны и не одобрены канцлеромъ, государственнымъ казначеемъ и главными судьями одной изъ скамей или тремя изъ нихъ, или же ассизными судьями во время объѣзда ими страны". Мотивировался этотъ актъ тѣмъ, что „старшины, надзиратели и члены гильдій, братствъ и другихъ корпорацій, существующихъ въ различныхъ мѣстностяхъ королевства, часто, подъ предлогомъ дарованнаго имъ и подтвержденнаго жалованными грамотами и привилегіями права

[1]) Эшли, стр. 218—219.

[2]) Schanz. Englische Handelspolitik. B. I. p. 654. Кеннингэмъ, I. стр. 383. По этой же причинѣ были установлены въ 1433 г. цѣны на восковыя свѣчи, а въ 1488 г.—на сукно.

издавать обязательныя для всѣхъ постановленія, издаютъ много незаконныхъ и неразумныхъ предписаній, какъ относительно цѣнъ на товары, такъ и по другимъ поводамъ, преслѣдуя при этомъ свои собственныя выгоды и причиняя этимъ немалый вредъ и ущербъ всему народу". Такимъ образомъ—прибавляетъ Эшли—единственнымъ прямо указаннымъ мотивомъ, побудившимъ къ изданію этого акта, являлось желаніе отнять у цеховъ право регулировать цѣны товаровъ [1]).

Въ Парижѣ только въ 1351 г. временно устанавливаются таксы на различные товары; онѣ вызваны паденіемъ цѣнности денегъ и сильнымъ уменьшеніемъ населенія послѣ Черной смерти. Въ обычное время встрѣчаются лишь таксы на хлѣбъ и мясо, послѣднія, впрочемъ, не ранѣе 1351 г., причемъ и во второй половинѣ XIV вѣка цѣна на мясо устанавливалась крайне неточно, что вызывало много злоупотребленій. Насколько неудовлетворительны были эти таксы, видно лучше всего изъ того, что мясо продавалось вовсе не на вѣсъ, а кусками, такъ что опредѣлять его цѣну не было никакой возможности [2]). Въ Пуату также существовали въ средніе вѣка лишь таксы на хлѣбъ: таксы на мясо, дичь и рыбу устанавливались только временно на опредѣленный періодъ, въ особенности на время поста [3]). Наоборотъ, постановленія властей, направленныя противъ таксъ, исходящихъ отъ самихъ цеховъ и являющихся продуктомъ соглашенія между мастерами, встрѣчаются и во Франціи въ большомъ количествѣ. Однако, эти постановленія оставались повидимому на бумагѣ. При небольшомъ количествѣ мастеровъ, входящихъ въ составъ цеха—говоритъ Фанье—имъ нетрудно было устраивать тайныя соглашенія относительно цѣнъ производимыхъ ими товаровъ. Подобное соглашеніе между ткачами г. Дульена существовало шесть лѣтъ, прежде чѣмъ оно дошло до свѣдѣнія городскихъ властей, но даже имѣя въ своихъ рукахъ доказательства, городъ не рѣшался прибѣгнуть къ какимъ-либо мѣрамъ противъ нихъ, а обратился въ Аміенъ съ вопросомъ, какъ

---

[1]) Эшли, стр. 426—27.
[2]) Levasseur. I. p. 343. 677—78.
[3]) Boissonade. II. p. 317—318.

поступить съ участниками соглашенія. Изъ этого—заключаетъ онъ—лучше всего видно, что рѣдкость составляли не соглашенія относительно цѣнъ между мастерами, а преслѣдованіе ихъ за такія соглашенія, ибо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ удавалось обнаружить и привлечь виновныхъ къ отвѣтственности [1]).

Въ Италіи установленныя городскими властями таксы были повидимому болѣе распространены, чѣмъ въ другихъ странахъ. Обычными являются таксы на пищевые продукты и таксы для ремесленниковъ, услугами которыхъ пользовался городъ, какъ напр. для кровельщиковъ, штукатуровъ, обжигателей кирпичей [2]). Но и для другихъ ремеслъ, какъ, напр., портняжныхъ цеховъ, кузнечныхъ, нерѣдко издавались таксы. Такъ, напр., въ Миланѣ и Болоньи городъ устанавливалъ плату за ковку лошадей, въ Пистоѣ—плату кузнецовъ, въ Феррарѣ и Флоренціи — таксу для портныхъ [3]), во Флоренціи кромѣ того для носильщиковъ, для продавцовъ маслъ, для свѣчного цеха. При этомъ Пельманъ однако указываетъ на то, что въ общемъ таксы составляютъ даже во Флоренціи сравнительно рѣдкое явленіе: таксъ на сыры и фабрикаты почти не существовало [4]). Это мнѣніе подтверждается и изслѣдованіями Дорена. „Первоначально—говоритъ Доренъ—государство предоставляло цехамъ полную свободу установленія цѣнъ. Но такъ какъ результатомъ этой свободы была постоянная война всѣхъ противъ всѣхъ, то пришлось прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ для прекращенія злоупотребленій. Законъ XIII вѣка противъ „monopolia e posture“ признаетъ необходимымъ для устраненія злоупотребленій воспретить цехамъ самостоятельно устанавливать цѣны или издавать обязательныя для всѣхъ членовъ постановленія относительно высоты цѣнъ“ [5]). Этотъ законъ вошелъ впослѣдствіи въ составъ флорентійскихъ статутовъ XIV и XV вѣковъ. Такимъ образомъ, во Флоренціи развитіе совершается такъ же, какъ и въ нѣмецкихъ

[1]) Fagniez. p. 119.

[2]) Raumer. V. p. 308. Poehlmann. p. 67. Molmenti. p. 135. Hüllmann, Städtewesen des Mittelalters. Bonn. 1829. B. IV. p. 87.

[3]) Raumer. l. c. Hüllmann. l. c. Ковалевскій. III. стр. 170—1.

[4]) Poehlmann. p. 140.

[5]) Doren p. 200.

городахъ: цеховыя таксы, опредѣляющія минимумъ цѣны, замѣняются запрещеніемъ соглашеній между членами цеховъ. А затѣмъ наступаетъ третій періодъ: городъ самъ издаетъ уже обязательныя для цеховъ таксы, устанавливая максимальныя цѣны для различныхъ ремеслъ. Но это право онъ осуществлялъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Communitates maiori попрежнему пользовались полной свободой дѣйствій въ области регулированія цѣнъ, что же касается communitates minori, то по отношенію къ нимъ городъ сохранялъ свое право принудительно устанавливать цѣны на производимые ими продукты, но на практикѣ почти никогда не пользовался имъ. Пекари и строительныя ремесла были почти единственными цехами, для которыхъ издавались таксы городскими властями [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что цѣны на сырье и фабрикаты регулировались въ средніе вѣка односторонне и совершенно произвольно самими же производителями этихъ продуктовъ, тогда какъ цѣны на пищевые продукты, прежде всего на испеченный хлѣбъ, но также на мясо и рыбу, отчасти и на пиво и вино, устанавливались обыкновенно городомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, цеховая автономія ограничивалась, во избѣжаніе тѣхъ бунтовъ и возмущеній городскихъ массъ, къ которымъ приводили высокія цѣны на съѣстные припасы и вызываемыя этимъ голодовки. Чѣмъ же руководствовались власти, устанавливая цѣны на предметы пропитанія, какъ вырабатывались эти таксы? Для этого существовала цѣлая теорія цѣнъ, созданная канонистами и покоившаяся на ученіи о справедливой цѣнѣ.

II.

Средневѣковая каноническая доктрина, запрещая взиманіе роста, принимаетъ первоначально понятіе роста въ

[1]) Doren. p. 201—202, см. также Poehlmann. p. 67. Тоже находимъ и въ Испаніи (Арагонія, Кастилія). Съ одной стороны существуютъ устанавливаемыя государствомъ таксы и притомъ почти исключительно на пищевые продукты (хлѣбъ, мясо, дичь и птица и т. д.), а съ другой стороны издаются запрещенія, которыми не дозволяется ремесленникамъ вступать между собою въ соглашеніе относительно высоты цѣнъ. Исполнялись ли эти запрещенія въ Испаніи лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ—неизвѣстно. Goury du Roslan. p. 268—271, 275.

самомъ широкомъ смыслѣ; сюда входитъ не только всякая прибавка къ отданной взаймы суммѣ, чѣмъ бы она ни вызывалась, но и прибыль выручаемая въ торговлѣ товарами [1]). И то, и другое составляло „turpe lucrum", запрещенный не только духовенству, но и мірянамъ. Такъ какъ торговецъ ничего не прибавляетъ къ стоимости товаровъ—говоритъ св. Іеронимъ—то если онъ получаетъ за нихъ больше, чѣмъ заплатилъ, его прибыль является результатомъ убытка, который терпитъ другой. Тѣмъ, что Господь выгналъ купцовъ изъ храма—читаемъ у св. Златоуста—онъ выразилъ, что купецъ не можетъ нравиться Богу, почему ни одинъ христіанинъ не долженъ заниматься торговлей, иначе онъ будетъ изгнанъ изъ церкви. Однако, онъ же прибавляетъ, что купцомъ является только тотъ, кто продаетъ предметы въ томъ же видѣ, въ какомъ купилъ ихъ, тогда какъ тотъ, кто пріобрѣтаетъ вещи для дальнѣйшей обработки, не есть уже купецъ. Это различіе между сбытомъ издѣлій ремесленника и чисто-торговой дѣятельностью проводится впослѣдствіи еще болѣе рѣзко. Жившіе много вѣковъ послѣ Іеронима и Златоуста Бертольдъ Регенсбургскій, Александръ Галесскій, Бонавентура (XIII вѣкъ) порицаютъ торговлю, производимую купцами ради преходящей прибыли и связанную съ обма-

[1]) Относительно взглядовъ (средневѣковыхъ) канонистовъ на (справедливую) цѣну и торговую прибыль см. Endemann. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts-und Rechtslehre. Berlin. 1874—1883. B. II. Cap. 5. Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts. § 6. III. Funk. Ueber die oekonomischen Anschauungen der mittelalterlichen Theologen. Zeitschr. ges. Staatswiss. B. 25. 1869. Эшли, §§ 15, 16, 63—65. Garnier. De l'idée du juste prix chez les théologiens et canonistes du moyen-âge. Paris 1900. Franz Schaub. Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlautern Handel im Mittelalter. Von Karl dem Grossen bis Papst Alexander III. Freiburg. 1905. Kaulla. Die Lehre vom gerechten Preis in der Scholastik. Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1904. Maurenbrecher. Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. T. I. Leipzig. 1898. Girard. Histoire d'économie sociale jusqu'à la fin du XVI siècle. Paris. p. 84 и сл. Eicken. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart. 1887. T. 3. Cap. IV. Jourdain. Les commencements de l'économie politique dans les écoles du moyen-âge. Mémoires de l'académie des inscriptions et belles-lettres. 1874. T. 28. p. 1—51. Brentano. Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte. München. 1902. Glaser. Die franziskanische Bewegung. Ein Beitrag zur Geschichte socialer Reformideen im Mittelalter. 1903. Орженцкій. Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Одесса. 1896. Стр. 182—242.

нами, съ продажей выше справедливой цѣны и куплей ниже ея. Но допускается вполнѣ такой сбытъ продуктовъ, при которомъ выручается умѣренная прибыль, необходимая для пропитанія собственнаго и семьи и разсматриваемая въ качествѣ вознагражденія какъ бы за исполненную работу [1] [2]). Внутренній смыслъ этой теоріи заключается, очевидно, въ томъ, что лишь при подобной продажѣ собственныхъ издѣлій мыслимо строгое проведеніе въ жизнь принципа справедливой цѣны, тогда какъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ невозможно ни заставить людей продавать и покупать по справедливой цѣнѣ, ни даже установить ее. Однако, представители церкви первыхъ вѣковъ христіанства: Климентій Александрійскій, св. Кипріанъ, Василій Великій, Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, слѣдуя апостолу Павлу, въ стремленіи къ наживѣ усматриваютъ корень всѣхъ золъ и поэтому не только враждебно относятся къ торговлѣ, въ противоположность ремеслу и земледѣлію, которыя считаются болѣе достойными занятіями, но и вообще возстаютъ противъ частной собственности, отсутствіе которой является лучшимъ средствомъ борьбы съ погоней за наживой [3]). Иное дѣло — канонисты позднѣйшаго средневѣковья, они уже имѣютъ въ виду основанное на частной собственности „ремесленное“ хозяйство (по выраженію Зомбарта) и доктрину о справедливой цѣнѣ. Такъ, Альбертусъ Магнусъ (XII ст.) истолковываетъ Аристотеля въ томъ смыслѣ, что для соблюденія принципа равенства обѣихъ сторонъ въ обмѣнѣ должны обмѣниваться одинаковыя количества труда и издержекъ (labores et expensae) [4]), а Александръ Галесскій различаетъ съ одной стороны обмѣнъ, гдѣ вся цѣнность предмета состоитъ въ трудѣ (какъ напр. плетенныя цыновки), а съ другой стороны сбытъ предметовъ, цѣнность коихъ

[1]) Glaser. Die Franziskanische Bewegung. p. 72—83.

[2]) Александръ Галесскій говоритъ слѣдующее: Nam in cuius intentione est provisio proprie necessitatis et etiam attentio publice utilitatis cui conferunt negociationes, vel affectus pietatis ut habeat unde sustentetpauperes, in eius intentione non est finis ultimus lucrum, sed magis sustentationis necessitas vel utilitas vel pietas. In quibus vero intentio ut ex avaricia pecunias congregent, et divitias acquirant, in eorum intentione finis ultimus est lucrum. (Summa universae Theologiae. P. III. qu. 50).

[3]) Glaser. p. 8.

[4]) Kaulla. Die Lehre vom gerechten Preis. p. 588.

заключается и въ затраченномъ трудѣ и въ матеріалѣ, т. е. гдѣ пріобрѣтенное сырье дѣлается благодаря труду болѣе цѣннымъ (напр. изъ пергамента выдѣлываются книги) [1]).

Наиболѣе соотвѣтствуетъ періоду самодовлѣющаго городскаго хозяйства ученіе Ѳомы Аквинскаго (XIII ст.) о справедливой цѣнѣ. Какъ указываетъ Максъ Мауренбрехеръ, Ѳома Аквинскій имѣетъ повсюду въ виду замкнутое городское хозяйство, воплощающее въ себѣ всѣ необходимые для горожанъ промыслы: въ удовлетвореніи потребностей городскихъ жителей городъ долженъ быть возможно болѣе независимъ отъ другихъ мѣстностей. Конечно, совершенно обойтись безъ привоза нѣкоторыхъ предметовъ, а равно безъ вывоза собственныхъ продуктовъ благоустроенный (совершенный) городъ не въ состояніи, но все таки всѣ его стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы пользоваться возможно меньше услугами торговли; все что мыслимо добыть въ самомъ городѣ, не должно ни въ какомъ случаѣ получаться извнѣ. Съ цѣлью удовлетворенія потребностей жителей городъ долженъ производить пищевые продукты на собственной землѣ и кромѣ того имѣть въ своихъ стѣнахъ представителей всѣхъ отраслей ремесленной промышленности. Что же касается торговли, то она—по мнѣнію Аквината—не имѣетъ существеннаго значенія, ибо рѣчь можетъ идти лишь о сравнительно рѣдкихъ сношеніяхъ между различными городами, тогда какъ внутри города обмѣнъ происходитъ непосредственно между производителемъ и потребителемъ, причемъ и въ первомъ случаѣ торговля имѣетъ пассивный характеръ, будучи производима иногородними, а не горожанами, которые не должны заниматься торговлей, такъ какъ она развиваетъ страсть къ наживѣ [2]).

---

[1]) Glaser p. 77.

[2]) Max Maurenbrecher. Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. Какъ указываетъ Мауренбрехеръ, Ѳома Аквинскій настолько проникнутъ представленіемъ о замкнутомъ городскомъ хозяйствѣ (имѣя въ виду, очевидно, развитое уже въ то время хозяйство итальянскихъ городовъ), что и пребываніе въ городѣ онъ считаетъ естественнымъ и сожалѣетъ людей, которые, вслѣдствіе случайности или какого-либо несчастія, вынуждены жить внѣ города. Мало того, онъ даже утверждаетъ, что большинство людей не обладаетъ землей, а вынуждено искать иного заработка (quorum plurimi possessiones non habent, sed de aliquibus negotiis vivunt. Summa Theol. qu. 87.

По поводу торговли Ѳома Аквинскій ставитъ вопросъ: справедливо ли покупать дешево и продавать дорого? И даетъ на него слѣдующій отвѣтъ. Какъ указываетъ Аристотель, слѣдуетъ различать торговлю двоякаго рода: обмѣнъ съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ и обмѣнъ ради извлеченія прибыли. Обмѣнъ перваго рода является естественнымъ, обусловленнымъ необходимостью. Наоборотъ, обмѣнъ второго рода, при которомъ деньги обмѣниваются на деньги или товаръ на деньги ради барыша, долженъ считаться занятіемъ грѣховнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ появляется страсть къ наживѣ, которая не знаетъ никакого естественнаго предѣла [1]). Это-то и есть торговля въ тѣсномъ смыслѣ слова, занятіе купцовъ. О торговлѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ вещь пріобрѣтена не для того, чтобы ее немедленно же продать дороже, а для того, чтобы владѣть ею, и гдѣ она сбывается послѣ того, какъ съ нею произошла какая-либо перемѣна. Перемѣна эта можетъ выражаться въ томъ, что вещь улучшена, или вызываться различіемъ въ мѣстности или во времени или, наконецъ, являться послѣдствіемъ перевозки, сопряженной съ опасностями. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Ѳома Аквинскій усматриваетъ въ различіи между покупной и продажной цѣной, очевидно, не прибыль, а лишь вознагражденіе за личный трудъ, за издержки, за рискъ. Однако, и въ томъ случаѣ, когда при продажѣ получается чистая прибыль, послѣдняя нерѣдко не представляетъ собою ничего несправедливаго, именно тогда, когда прибыль составляетъ лишь средство, лишь ближайшую цѣль, но не конечную цѣль купли-продажи. Поэтому нельзя усмотрѣть чего-либо грѣховнаго, разъ цѣлью обмѣна является извлеченіе умѣренной прибыли для пріобрѣтенія необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ или для оказанія помощи нуждающимся, а равно въ производствѣ торговли ради пользы

---

art. 2), что для XIII вѣка составляетъ несомнѣнно сильное преувеличеніе.

[1]) Negotiari propter res necessarias vitae consequendas omnibus licet; propter lucrum vero, nisi id sit ordinatum ad aliquem honestum finem, negotiari ex se est turpe... Secunda autem iuste vituperatur quia, quantum est de se deservit cupiditati lucri, quae terminum nescit, sed in infinitum tendit. (Summa Theologica. Изд. Брука, т. IV. qu. 77. artic. 4).

общественной, ради того, чтобы въ отечествѣ не ощущалось недостатка въ необходимыхъ для поддержанія жизни предметахъ; въ послѣднемъ случаѣ прибыль также не есть цѣль сама по себѣ, но какъ бы плата за трудъ [1]). Суть заключается, слѣдовательно, не въ извлеченіи прибыли, которая сама по себѣ является безразличной [2]), а въ томъ, составляетъ ли она конечную цѣль обмѣна, и Златоустъ, говоря, что купецъ, продающій вещь въ томъ же видѣ, въ какомъ купилъ ее, изгоняется изъ храма, имѣетъ въ виду именно такого рода обмѣнъ, гдѣ купецъ стремится къ прибыли, какъ къ конечной цѣли.

Такимъ образомъ, Ѳома Аквинскій возстаетъ лишь противъ auri sacra fames, противъ ничѣмъ не ограниченной погони за наживой, но коль скоро стремленіе къ пріобрѣтенію прибыли имѣетъ извѣстные предѣлы, онъ вполнѣ допускаетъ его.

Но гдѣ же естественные предѣлы прибыли? Ихъ весьма трудно опредѣлить, когда цѣлью прибыли является пріобрѣтеніе необходимыхъ въ собственномъ хозяйствѣ предметовъ, такъ какъ неизвѣстно, что должно считаться необходимымъ, и еще труднѣе установить, когда торговля ведется ради снабженія отечества нужными вещами, ибо въ этомъ случаѣ уже совершенно неясно, въ какихъ границахъ прибыль должна считаться какъ бы вознагражденіемъ за трудъ. Однако, Ѳома Аквинскій разрѣшаетъ и этотъ вопросъ. Совершенство замкнутаго городского хозяйства состоитъ, по его ученію, въ томъ, что каждый, благодаря заботамъ управителей, въ состояніи добывать соотвѣтствующій его положенію доходъ. Размѣры этого дохода зависятъ отъ принадлежности его къ тому или иному сословію. Приличествующимъ данному сословію образомъ жизни опредѣляется доходъ каждаго—это высшая граница, переступая

[1]) Nihil prohibet lucrum ordinari ad aliquem finem necessarium, vel etiam honestum, et sic negotiatio licita reddetur. Sicut cum aliquis lucrum moderatum, quod negotiando quaerit ad domus suae sustentationem, vel etiam ad subveniendum indigentibus, vel etiam cum aliquis negotiationi intendit propter publicam utilitatem, ne scilicet res necessariae ad vitam patriae desint, et lucrum expetit non quasi finem sed quasi stipendium laboris (qu. 77 artic. 4).

[2]) Lucrum tamen, quod est negotiationis finis, etsi in sua ratione non importat aliquid honestum vel necessarium, nihil tamen importat in sua ratione vitiosum vel virtuti contrarium (ibid).

которую человѣкъ уже становится жаднымъ и корыстолюбивымъ, но это и низшая граница, до достиженія которой никто не обязанъ отдавать своего другимъ [1]). Подняться же выше своего сословія грѣшно, ибо раздѣленіе на сословія установлено Богомъ.

Принципы, которыми необходимо руководствоваться при установленіи цѣнъ, пріобрѣтаютъ такимъ образомъ у Ѳомы Аквинскаго значительную опредѣленность: для опредѣленія „справедливой цѣны“ достаточно вычислить расходы продавца и установить тотъ доходъ, который считается нормальнымъ для лицъ его сословія. Конечно, вознагражденіе уже не составляетъ чего-либо равнаго для всѣхъ, какъ учили отцы церкви, но зато оно пріобрѣтаетъ соотвѣтствующій потребностямъ времени характеръ, исходитъ изъ представленія о реальной жизни средневѣковья, основанной на сословныхъ перегородкахъ, а не на абстрактномъ представленіи о равенствѣ всѣхъ людей, весьма далекой отъ дѣйствительности. А въ практическомъ отношеніи установленіе приличествующаго данному сословію уровня жизни не представляло затрудненій: необходимый для ремесленника доходъ, который позволялъ бы ему вести скромный, но безбѣдный образъ жизни, былъ тѣмъ лицамъ, которыя были

---

[1]) Bona autem exteriora habent rationem utilium ad finem, sicut dictum est. Unde necesse est quod bonum hominis circa ea consistat in quadam mensura, dum scilicet homo secundum aliquam mensuram quaerit habere exteriores divitias, prout sunt necessariae ad vitam eius secundum suam conditionem. Et ideo in excessu huius mensurae consistit peccatum, dum scilicet aliquis supra debitum modum vult eas vel acquirere vel retinere, quod pertinet ad rationem avaritiae (Summa theologica qu. 118.). Utrum quis debeat dare eleemosynam de necessario? Respondeo dicendum, quod necessarium dupliciter dicitur: uno modo, sine quo aliquid esse non potest, et de tali necessario omnino eleemosyna dari non debet: puta si aliquis in articulo necessitatis constitutus haberet solum, unde possent sustentari et filii sui vel alii ad eum pertinentes; de hoc enim necessario eleemosynam dare, est sibi et suis vitam subtrahere . . . . Alio modo dicitur aliquid esse necessarium, sine quo non potest convenienter vita transigi secundum conditionem et statum propriae personae et aliarum personarum, quarum cura ei incumbit. . . . De huiusmodi ergo eleemosynam dare est bonum et non cadit sub praecepto, sed sub consilio. Inordinatum esset autem, si aliquis tantum sibi de bonis propriis subtraheret, ut aliis largiretur, quod de residuo non posset vitam transigere convenienter secundum proprium statum et negotia occurentia. Nullus enim inconvenienter vivere debet. (ibid. qu. 32).

призваны составлять таксы на промышленныя издѣлія, не менѣе извѣстенъ, чѣмъ расходы ремесленника, которые ему приходилось затрачивать на матеріалъ, орудія производства, плату подмастерьямъ. При условіяхъ средневѣковаго обмѣна—говоритъ Кеннингэмъ—когда предложеніе производившихся товаровъ подвергалось сравнительно слабымъ колебаніямъ и трудъ игралъ такую важную роль въ стоимости производства, изданіе правилъ, регулирующихъ справедливыя сдѣлки во всѣхъ видахъ промышленности, было почти такъ же легко, какъ въ настоящее время установленіе платы за наемъ экипажа... До тѣхъ поръ, пока каждый человѣкъ занималъ опредѣленное мѣсто въ общественной группѣ, къ которой онъ принадлежалъ, возможно было путемъ разсчета установить, каково должно быть справедливое вознагражденіе его и такимъ образомъ опредѣлить разумныя цѣны для производимыхъ имъ предметовъ... Въ основѣ всей средневѣковой хозяйственной жизни лежало представленіе о томъ, что въ каждой сдѣлкѣ возможно извлеченіе правильной прибыли“ [1]).

Ученіе Ѳомы Аквинскаго о справедливой цѣнѣ перешло и къ послѣдующимъ канонистамъ [2]), а на практикѣ оно осуществлялось въ видѣ изданія многочисленныхъ таксъ на предметы первой необходимости, которыя, въ противоположность таксамъ болѣе ранняго періода [3]), не ограничиваются общей фразой, что цѣна должна быть справедливая, но стараются вычислить издержки производителя и, присо-

---

[1]) Кеннингэмъ. т. I. стр. 213. 396.

[2]) При установленіи цѣнъ предметовъ—говоритъ, напр., Ланген-штейнъ (Henricus de Hassia)—властямъ не трудно опредѣлить, сколько нужно продавцу для того, чтобы содержать себя такъ, какъ это свойственно его положенію. См. также Jourdain. l. c. p. 48—50.

[3]) Послѣднія соотвѣтствуютъ весьма смутному представленію о справедливой цѣнѣ у болѣе раннихъ канонистовъ, которые, требуя установленія справедливой или разумной цѣны, не опредѣляютъ, какъ она должна вычисляться, имѣя въ виду скорѣе всего обычную, разъ навсегда установившуюся цѣну, а иногда просто цѣну, при которой ни одна изъ сторонъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, не считаетъ себя обиженной, въ противоположность цѣнѣ, полученной путемъ насилія. Ср. Schaub. p. 84 и сл. 92. 99. 181 и сл. (ср. напр. sibi necessaria antiqua consuetudine digno pretio ementes; vendere autem eis non plus earum, sed secundum usum et consuetudinem terrae).

единяя къ нимъ разумную прибыль, установить правильную цѣну. Конечно, этотъ переходъ совершился не сразу, а происходилъ медленно и постепенно.

III.

Первоначальныя таксы состояли, повидимому, въ томъ, что, соотвѣтственно господствующему ученію, ремесленнику предписывалось брать при сбытѣ товаровъ iustum pretium, причемъ высота этого pretium совершенно не опредѣлялась. То, что Инама-Стернеггъ замѣчаетъ по поводу установленія поденной платы, относится, слѣдовательно, и къ этимъ таксамъ: первоначально, повидимому, исходили изъ представленія объ обычной, всѣмъ извѣстной платѣ, и лишь впослѣдствіи старались точно опредѣлять высоту ея. Такъ, въ г. Ротенбургѣ существовало старинное постановленіе, которымъ запрещалось ремесленнику брать плату, превышающую цѣнность произведеннаго имъ продукта: „если предметъ стоитъ одинъ фунтъ, то онъ и долженъ быть проданъ по такой цѣнѣ“ [1]). Такой же характеръ имѣетъ и приказаніе Филиппа IV, короля французскаго, въ 1330 г., чтобы всѣ товары продавались по разумной цѣнѣ (raisonnable prix, selon la valeur, le poid et la loi de ladite monnaie). Въ XIV вѣкѣ подобное постановленіе является уже пережиткомъ прежнихъ временъ, ибо таксы на пищевые продукты достигли къ этому времени уже большаго развитія. Впрочемъ, на остальные продукты, какъ мы видѣли, таксъ обыкновенно не было. Только въ 1351 г. существовали также временныя таксы на текстильныя и желѣзныя издѣлія (ордоннансъ короля Іоанна II), причемъ и въ этомъ случаѣ не были вычислены издержки и не была опредѣлена цѣна большинства товаровъ, а просто запрещалось повышать болѣе чѣмъ на одну треть цѣны, господствовавшія до обезцѣненія монеты [2]). Совершенно неопредѣленными и притомъ прямо таки неисполнимыми являются таксы на вино въ Арагоніи: предписывается продавать вино въ городахъ по той же цѣнѣ, по какой оно пріобрѣтено въ селахъ [3]).

[1]) Stieda. Zur Entstehung der Zünfte in Deutschland. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. XXVI p. 97.

[2]) Levasseur. I p. 677. Eberstadt. p. 168.

[3]) Goury du Roslan. p. 276.

Подобныя требованія, чтобы цѣна соотвѣтствовала justum pretium, которыя собственно говоря никого ни къ чему не обязывали, не являются еще таксами въ полномъ смыслѣ этого слова, а лишь зачаточной формой послѣднихъ и сохраняютъ такую форму въ теченіе продолжительнаго времени. Гораздо важнѣе тѣ постановленія, которыми опредѣляется величина дозволенной прибыли при продажѣ того или другого товара. Въ Фрейбургѣ въ 1249 г. уровень прибыли установленъ слѣдующимъ образомъ: на цѣломъ быкѣ или коровѣ мясникъ можетъ выручить 6 ден. прибыли, на продажѣ свиньи 4 ден., на продажѣ козы 2 ден. Какова должна быть прибыль, извлекаемая при продажѣ отдѣльныхъ частей животныхъ, не указано; имѣлся очевидно въ виду только тотъ плюсъ, который получается въ результатѣ, сравнительно съ цѣной, по которой былъ пріобрѣтенъ скотъ [1]). Такой же характеръ имѣетъ и такса на мясо въ Муртенѣ XII вѣка, съ той только разницей, что уровень дозволенной прибыли установленъ вдвое большій, чѣмъ во Фрейбургѣ [2]). Точно также и парижская такса 1351 г. допускаетъ прибыль въ размѣрѣ лишь 10 проц. съ покупной цѣны скота, причемъ натуральная прибыль въ видѣ сала должна входить въ составъ этихъ 10 проц. Фанье справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что подобное предписаніе являлось совершенно неисполнимымъ: „какимъ образомъ можно было убѣдиться въ томъ, что сумма всѣхъ прибылей, вырученныхъ мясникомъ при розничной продажѣ отдѣльныхъ частой скота, въ концѣ концовъ не превышала 10 проц. покупной цѣны?“ [3]).

Шагъ впередъ представляютъ собою тѣ таксы, которыми устанавливается опредѣленная цѣна продукта, равняющаяся расходамъ предпринимателя плюсъ дозволенной прибыли. Въ то время, какъ во Фрейбургѣ въ XIII в. предписывалось, сколькимъ денарамъ должна равняться прибыль, выручаемая при продажѣ бочки вина, въ Сентъ-Омерѣ и въ Бордо, въ концѣ XIII вѣка, и въ Парижѣ въ началѣ XIV вѣка существовали уже опредѣленныя таксы на вино, которыми устанавлива-

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 93. Stieda. p. 97—98.
[2]) Adler. ibid. p. 94. Stieda. p. 97.
[3]) Fagniez. p. 189.

лась продажная цѣна его [1]). Въ Англіи также были опредѣлены максимальныя цѣны на вина, привозимыя изъ Анжу, Пуату и изъ Франціи; первая такса такого рода относится къ 1199 году. Въ теченіе слѣдующаго столѣтія она неоднократно измѣнялась, такъ какъ цѣны на мѣстахъ производства были подвержены значительнымъ колебаніямъ. Въ 1330 г. постановлено, чтобы никто не смѣлъ продавать вино иначе, какъ по разумной цѣнѣ, принимая въ соображеніе цѣны, которыя существуютъ въ портахъ, и издержки, какъ напр. доставку изъ порта до мѣста продажи. Этимъ принципомъ должны были руководствоваться мѣстныя власти при изданіи таксъ [2]). Во флорентійской таксѣ на рыбу (XIV вѣка) были, наоборотъ, совершенно упущены изъ виду издержки транспорта и другіе расходы: цѣна на рыбу изъ Lago nuovo и на рыбу изъ Перуджіи была совершенно одинакова, между тѣмъ какъ не только качество рыбы, получавшейся изъ Lago nuovo, было хуже, но и перевозка ея обходилась дешевле и оплачиваемыя при провозѣ ея пошлины были ниже [3]).

Подобныя таксы, гдѣ опредѣлена продажная цѣна товара, составляютъ наиболѣе частое явленіе въ средніе вѣка. Такой характеръ максимальныхъ цѣнъ имѣютъ въ особенности таксы на мясо. Сравнительно съ древнѣйшей таксой на мясо въ Германіи (Фрейбургъ) 1249 г. и съ французской таксой 1351 г., въ которыхъ опредѣлена лишь дозволенная прибыль при продажѣ всего животнаго, гамбургская такса 1375 г., устанавливающая максимальныя цѣны на четверть овцы и на тушу теленка или козы, составляетъ уже шагъ впередъ [4]). Впрочемъ детальныя таксы являются въ XIV вѣкѣ еще рѣдкостью. Лишь въ XV вѣкѣ „политика установленія таксъ пріобрѣтаетъ бо́льшую опредѣленность и мало по малу превращается въ цѣлую систему, предусматривающую всевозможные случаи сбыта продуктовъ. Цѣна мяса опредѣлена на фунты и для каждаго рода скота отдѣльно; нерѣдко устанавливается

[1]) Stieda. p. 97. Giry. Rég. aux bans. № 215. Malvezin. Histoire du commerce de Bordeaux. T. I. 1892. p. 225. Eberstadt. Franz. Gewerberecht. p. 153.

[2]) Malvezin. p. 330. Эшли, стр. 215. Schanz. Englische Handelspolitik. B. I p. 643 и сл. Кеннингэмъ т. I, стр. 273—75.

[3]) Poehlmann. Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance. p. 25.

[4]) Adler. Fleischteuerungspolitik, p. 95.

особая, болѣе высокая цѣна для извѣстныхъ сортовъ мяса или вообще для лучшихъ породъ скота“ [1]). Въ Мюнхенѣ цѣна двухъ фунтовъ лучшаго сорта говядины равняется 1 пфен. [2]) Въ Галлѣ (Hall– Тиролія) цѣна скота опредѣлена въ 1448 г. въ 4 крейцера за фунтъ каплуна, въ 3 кр. за фунтъ баранины и въ 1 кр. за каждые 2 фунта козлятины или телятины [3]). Нюрнбергская такса 1497 г. различаетъ говядину, свинину, телятину и другіе сорта мяса; цѣна телятины установлена еще особо въ зависимости отъ того, продается ли она въ періодъ отъ Пасхи до Рождества или въ другое время года [4]). По Страсбургской таксѣ 1483 г. фунтъ говядины стоитъ 3 гелл., за мясо лучшаго сорта мясникъ имѣетъ право брать 7 пфен. за 4 ф., и, соотвѣтственно этому, за каждый отдѣльный фунтъ. Рѣшать же каково качество мяса предоставлено старшинамъ мясного цеха [5]). Точно также и во Фрейбургѣ старшины цеха, подвергающіе мясо осмотру, опредѣляютъ и качество его, въ зависимости отъ котораго устанавливается та или другая цѣна [6]). Въ XV вѣкѣ таксы на мясо становятся всеобщими. Что распространеніе ихъ относится лишь къ этому столѣтію, вытекаетъ изъ того, что во многихъ городахъ только къ этому времени удалось заставить мясниковъ продавать мясо по вѣсу, фунтами: въ нѣкоторыхъ случаяхъ видно прямо изъ содержанія таксы, что введеніе ея въ XV вѣкѣ составляетъ для даннаго города явленіе совершенно новое [7]).

Таксы, устанавливающія опредѣленныя разъ навсегда цѣны, имѣютъ одинъ крупный недостатокъ: колебанія въ цѣнѣ сырья слишкомъ мало отражаются на цѣнѣ изготовленнаго изъ него продукта. Такса во Флоренціи предназначалась „на все будущее время“; только въ теченіе 10 дней въ году, съ 20-го по 30-е іюня, допускалось повышеніе ея, тогда какъ во всякое другое время на это требовалось согласіе нѣсколькихъ учрежденій [8]). А въ

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 94.
[2]) Stieda Zunftwesen p. 97.
[3]) Inama-Sternegg. III, 1 p. 305.
[4]) Adler. p. 96.
[5]) Adler. p. 97.
[6]) Ibid.
[7]) Adler. p. 95.
[8]) Poehlmann. p. 25.

Ueberlingen'ѣ была установлена въ 1400 г. такса на хлѣбъ, которая должна была сохранять одинъ и тотъ же уровень, каковы бы ни были цѣны на зерно [1]). Приведенные факты составляютъ, впрочемъ, скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило, ибо обыкновенно отъ времени до времени производился пересмотръ таксы; но дѣлалось это только тогда, когда измѣненіе таксы являлось уже безусловно необходимымъ, такъ что связь между издержками и цѣной была довольно слабая, цѣна далеко не всегда соотвѣтствовала расходамъ мастера. Это обстоятельство внушило мысль о введеніи подвижныхъ таксъ: тогда властямъ, устанавливающимъ таксу, не приходилось измѣнять таксы каждый разъ, когда измѣняется цѣна сырья, а достаточно было разъ навсегда опредѣлить, каково должно быть отношеніе между сырьемъ и произведеннымъ изъ него продуктомъ и какъ должна измѣняться цѣна послѣдняго при колебаніяхъ цѣнъ сырья въ ту или другую сторону. Затѣмъ уже мастеръ въ состояніи было самъ опредѣлить, какая цѣна является максимальной въ данное время, и такъ какъ цѣны сырья извѣстны, то нетрудно установить, правильно ли мастеръ назначаетъ цѣну продукта и довольствуется ли онъ дозволенной прибылью. Послѣдняя предполагается всегда одинаковой. На каждую единицу товара ремесленникъ выручаетъ опредѣленную прибыль, всегда одну и ту же, независимо отъ цѣны сырья, изъ котораго продуктъ изготовленъ. Такса даетъ ему возможность пріобрѣсти извѣстную прибыль съ каждаго квартера пшеницы или ржи, съ каждой бочки вина или пива, не взирая на колебанія въ цѣнѣ этихъ товаровъ. Прибыль вычисляется обсолютно, а не въ процентахъ съ суммы, истраченной продавцомъ до появленія товара на рынкѣ. Такимъ путемъ прибыль опредѣляется какъ въ постоянныхъ таксахъ, гдѣ цѣна установлена опредѣленная, такъ и въ тѣхъ, гдѣ она измѣняется въ зависимости отъ колебаній издержекъ, затрачиваемыхъ мастеромъ при изготовленіи продукта [2]).

Подвижнымъ характеромъ отличаются обыкновенно таксы

---

[1]) Gothein. p. 508.

[2]) Ср. Ochenkowski. Englands Gesetzgebung in Bezug auf die Preise. Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. 30. 1878. p. 87.

на хлѣбъ. Встрѣчаются, правда, и постоянныя таксы на хлѣбъ, но въ XIII—XV ст. мы находимъ ихъ сравнительно рѣдко. Постоянной таксой является напр. базельская такса на хлѣбъ 1256 г.: „пекарь не вправѣ брать за хлѣбъ свыше 2 ден. или 3 обол.“, при этомъ разница между цѣной на зерно и цѣной хлѣба составляетъ 2 сол.: одинъ—на расходы при печеніи хлѣба, другой—въ качествѣ прибыли [1]). Цѣна здѣсь составляется изъ цѣны сырья, издержекъ на изготовленіе хлѣба (отруби высчитываются изъ нихъ) и прибыли пекаря. Издержки однако не разбиты на части, сказано просто: pro sumptibus. Въ Муртенѣ въ XIII вѣкѣ предписывается, чтобы цѣна на хлѣбъ сообразовалась съ тѣмъ, каковъ урожай [2]), но въ большинствѣ таксъ цѣна на хлѣбъ остается неизмѣнной, а измѣняется лишь вѣсъ его въ зависимости отъ цѣны пшеницы или ржи. Такъ напр. въ древнѣйшей таксѣ на хлѣбъ г. Любека 1255 г. говорится: Cum siligo solvit unum solidum, ponderare debet pulcher pannis siliginis VI marcas fertone minus, ita lucrantur pistores IV solidos in XII modis siliginis et ipso tempore debet ponderare grossus panis IX marcas fertone minus. Cum triticum solvit XVIII denarios, debent duo cunei ponderare V marcas dimidio fertone minus et ita lucrantur pistores IV solidos in XII modiis tritici и т. д. [3]) Еще болѣе подробная такса на хлѣбъ издана въ Зестѣ въ 1250—1280 гг.[4]). Точно также и въ Госларѣ встрѣчаемъ въ 1290 г. таксу на хлѣбъ, въ которой вѣсъ хлѣба измѣняется, смотря по цѣнѣ на зерно [5]). Въ XIV вѣкѣ введены подвижныя таксы на хлѣбъ въ Регенсбургѣ [6]), въ Цюрихѣ (въ 1345 г.), въ Эрфуртѣ (въ 1351) г. [7]), въ Гайнбургѣ (въ половинѣ XIV вѣка), [8]), въ XV вѣкѣ во Фрейбургѣ (въ 1470 г.) [9]), въ Данцигѣ (въ 1433 г.) [10]). Во

[1]) Geering. p. 12. Ochs. Geschichte von Basel. B. I. p. 340.

[2]) Stieda. Zunftwesen p. 97.

[3]) Urkundenbuch der Stadt Lübeck. B. I. p. 205. № 224. См. Inama. B. III, 2. Anhang.

[4]) Schoenberg. Wirtsch. Bed. des Zunftwesens.

[5]) Stieda. Entstehung des Zunftwesens, p. 27.

[6]) Mascher. p. 260—261.

[7]) Berlepsch. B. VI. Chronik vom ehrbaren Bäckergewerk. p. 64.

[8]) Jnama-Sternegg. III, 1. p. 307.

[9]) Gothein. p. 507—508.

[10]) Mascher. p. 261.

всѣхъ этихъ случаяхъ цѣна на хлѣбъ установлена опредѣленная, но вѣсъ хлѣба увеличивается или уменьшается одновременно съ колебаніями цѣнъ на зерно въ ту или другую сторону.

Въ Парижѣ существовала первоначально постоянная такса на хлѣбъ, причемъ цѣна находилась въ зависимости отъ величины хлѣба: двойной хлѣбъ стоитъ 2 ден., простой хлѣбъ 1 ден. и маленькій хлѣбъ ½ ден. Вѣсъ хлѣба еще не былъ опредѣленъ, такъ что такса покоилась на очень шаткихъ основаніяхъ. Только въ XIV вѣкѣ былъ установленъ вѣсъ хлѣба обязательный для каждаго сорта, причемъ вѣсъ этотъ измѣнялся въ зависимости отъ урожая. Въ царствованіе Людовика X въ 1315 году была сдѣлана попытка регулировать цѣны на хлѣбъ соразмѣрно цѣнамъ зерна. Новый способъ установленія цѣнъ былъ введенъ въ 1316 г.; вѣсъ тѣста и испеченнаго хлѣба измѣняется вмѣстѣ съ цѣной зерноваго хлѣба: было вычислено, каковъ долженъ быть вѣсъ хлѣба, если цѣна на зерно колеблется между 40 и 24 су. При этомъ сохранено было различіе между хлѣбомъ въ 2 ден. и хлѣбомъ въ 1 ден., различались еще и другіе сорта въ зависимости отъ качества зерна. Въ 1372 г. такса была дополнена, чтобы ею можно было пользоваться и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна зерноваго хлѣба понижается до 12 су; была опредѣлена цѣна испеченаго хлѣба и на тотъ случай, когда цѣна на зерно колеблется между 24 и 12 су [1]).

Въ Пуату въ 1343 г. было предписано продавать хлѣбъ, по цѣнѣ, соотвѣтствующей качеству его, причемъ былъ установленъ обязательный вѣсъ для каждаго сорта хлѣба, Цѣна на хлѣбъ—говоритъ Буассонадъ—опредѣлялась въ зависимости отъ качества его, отъ цѣны на зерновый хлѣбъ, соль и дрова, а также сообразно стоимости труда (подмастерья) и разумной прибыли пекаря". Къ сожалѣнію, Буассонадъ не указываетъ, были ли эти таксы подвижныя или постоянныя и принимались ли всѣ перечисленные расходы во вниманіе уже въ средніе вѣка—въ 1421 г., или лишь въ XVI и XVII ст. [2]).

---

[1]) Fagniez. p. 173—177.

[2]) Boissonade. I. p. 147—148. II. p. 317. Въ Сентъ-Омерѣ и въ Бордо встрѣчаемъ также подвижныя таксы: вѣсъ хлѣба колеблется въ за-

Англійскія таксы на хлѣбъ составлены путемъ вычисленія всѣхъ расходовъ пекаря, почему и представляютъ собою значительный шагъ впередъ сравнительно съ разсмотрѣнными выше таксами; англійскія таксы любопытны и въ томъ отношеніи, что онѣ являются первыми таксами, въ которыхъ проведенъ принципъ подвижной скалы [1]). Въ 1202 г. была установлена такса на хлѣбъ (Assize of Bread), въ которой указано, сколько пекарь можетъ поставить въ счетъ расходовъ на дрова, на соль, на дрожжи, на свѣчу и т. д. и сколько онъ можетъ выручить въ наличныхъ деньгахъ и натурой въ видѣ отрубей и хлѣба для рабочихъ [2]). Такса на хлѣбъ 1262 (1267) года содержитъ скалу, опредѣляющую колебаніе вѣса хлѣба цѣною въ фартингъ соотвѣтственно измѣненію (на каждые 6 пенсовъ) цѣны квартера пшеницы, въ предѣлахъ отъ 12 пенсовъ до 12 шиллинговъ, причемъ разница между цѣной сырья и цѣной хлѣба равняется 12 пенс. независимо отъ колебанія цѣнъ и вѣса. Изъ этихъ 12 пенс. 4 пенс. представляютъ собою прибыль пекаря, а 8 пенс. покрываютъ его расходы (помимо закупки сырья): $2^1/_2$ пенс. составляютъ амортизацію основнаго капитала въ видѣ печи и сита (1 и $1^1/_2$ пенса), 1 пенсъ расходуется на матеріалъ: дрожжи и соль (по $^1/_2$ пен.), $2^1/_2$ пенса на дрова и освѣщеніе (2 и $^1/_2$ пен.), наконецъ 2 пенса въ качествѣ платы подмастерьямъ (3 подмастерья по $^1/_2$ пенса) и ученикамъ (2 ученика по $^1/_4$ пенса) [3]). Эта такса составлена, слѣдовательно, на основаніи точнаго исчисленія всѣхъ

висимости отъ цѣны на зерно. Наоборотъ, въ Marziac'ѣ въ 1298 г. пекарямъ запрещается выручать болѣе 4 ден. на секстарѣ пшеницы. Въ городскихъ статутахъ г. Koye 1183 г. и Saint-Quentin'a говорится просто: Nullus panifex panem faceret nisi ad obolum. Giry. № 487. p. 468 Malvezin. p. 225. Eberstadt. p. 109—110.

[1]) Въ Англіи и пиво регулируется подвижными таксами: въ Iudicium Pilloriae имѣется таблица, опредѣляющая, въ связи съ колебаніями въ цѣнѣ квартера ячменя, сколько галлоновъ пива слѣдуетъ продавать за 1 пенни: когда квартеръ ячменя стоитъ 2 шил., на 1 пенни отпускается 4 галлона, когда 2 шил. 6 пенс.—$3^1/_2$ галлона и т. д. Наоборотъ, постоянныя таксы на пиво находимъ въ Регенсбургѣ (1320, 1388 1460 гг.), во Фленсбургѣ (1284 г.). Эшли, стр. 214—215 Mascher. p. 260. Stieda. p. 97.

[2]) Raumer. II. p. 305.

[3]) Эшли, стр. 211—212. Кеннингэмъ, стр. 487—9.

расходовъ предпринимателя. Какъ основной, такъ и оборотный капиталъ и отдѣльныя части каждаго изъ нихъ приняты во вниманіе: огульное опредѣленіе издержекъ замѣнено значительной спеціализаціей ихъ. Принципъ издержекъ здѣсь послѣдовательно проведенъ. Однако прибыли, выраженной въ процентахъ съ капитала, мы и здѣсь не находимъ: 4 пенса составляютъ чистую прибыль пекаря независимо отъ цѣны на пшеницу.

Подобная спеціализація статей расхода является въ средніе вѣка исключеніемъ. Обыкновенно при составленіи таксъ на хлѣбъ огульно опредѣляются всѣ расходы, кромѣ цѣны зерноваго хлѣба, и затѣмъ прибавляется прибыль пекаря, какъ это мы находимъ напр. въ базельской или любекской таксѣ. Точно также и въ таксахъ на мясо различаются кромѣ цѣны скота только двѣ рубрики: расходы и прибыль, какъ напр. въ Люнебургѣ въ 1496 г. [1]). Гораздо подробнѣе вычислены расходы въ нюрнбергской таксѣ 1662 г.: къ покупной цѣнѣ скота прибавлены пошлины, уплачиваемыя при провозѣ его, плата пастуху, расходы на кормъ скота и „другіе расходы“, а съ другой стороны изъ прибыли вычтена цѣнность кожи [2]). Въ послѣдующія столѣтія не только устанавливается бо́льшая спеціализація статей расхода, но таксы распространяются и на такія отрасли производства, въ которыхъ онѣ въ средніе вѣка или вовсе не встрѣчаются, или издаются лишь въ видѣ исключенія. Такъ, въ Иглау въ 1674 г. установлена цѣна на сукно [3]). Въ Саксоніи находимъ въ XVI вѣкѣ таксы на сапоги. Въ 1579 г., по приказанію курфюрста Августа, такса пересматривается. „Оба придворные сапожника должны были купить бычачью кожу, двѣ коровьихъ кожи, телячью и овечью со всѣми принадлежностями, въ присутствіи двухъ ратмановъ и трехъ другихъ мастеровъ цеха разрѣзать ихъ на сапоги мужскіе, женскіе, для мальчиковъ и для дѣвочекъ; всего на 26 паръ, которыя изготовлялись пятью подмастерьями, получавшими поденную плату въ 8 пфен. каждый и харчи. Оказалось, что изгото-

[1]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 99.

[2]) Adler, ibid. p. 99.

[3]) Wèrner. Urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft. Leipzig. 1861. p. 92.

вленіе сапогъ обходится въ 10 флор. 20 грош., а по вычетѣ оставшагося матеріала въ 10 флор. 3 пфен., въ среднемъ же пара сапогъ въ 8 грош. 4 пфен. $1^3/_{13}$ гелл. [1]). Берлинскій тарифъ 1623 г. содержитъ таксы, установленныя для 72 ремеслъ [2]).

IV.

Изъ 1300 парижскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, уплачивавшихъ въ 1292 г. нѣчто вродѣ подоходнаго налога (la taille), 821 человѣкъ, т. е. почти двѣ трети всѣхъ плательщиковъ, платили отъ 1 до 5 су, что, по Мартэну, соотвѣтствуетъ доходу въ $2^1/_2$—$12^1/_2$ ливровъ, или на современныя деньги—въ 50—250 фр., а изъ остальныхъ 500 человѣкъ 375 уплачивали отъ 5 до 20 су (1 ливръ), т. е. имѣли доходъ въ $12^1/_2$—50 ливр. или въ 250—1000 современныхъ франковъ [3]). Богачами ихъ конечно нельзя назвать. Точно такъ же и въ Базелѣ въ XV вѣкѣ (1429 г.) изъ свыше 1315 цеховыхъ ремесленниковъ 585 обладаютъ имуществомъ въ размѣрѣ до 50 гульд., а 533—имуществомъ въ 50—300 гульд. только 199 человѣкъ оказываются болѣе состоятельными [4]). Однако, изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что въ Парижѣ въ томъ же 1292 г. 121 ремесленникъ имѣлъ доходъ въ 1000—5000 фр. (на современныя деньги) и что нѣсколько ремесленниковъ (особенно суконщики) обладали доходомъ въ 5—10 тысячъ фр., а одинъ шляпочникъ даже доходомъ въ 19000 фр. [5]); а въ Базелѣ находимъ 41 ремесленника съ имуществомъ въ размѣрѣ свыше 1000 гульд., причемъ эти ремесленники распредѣляются между различными цехами очень неравномѣрно: составляя вообще 3,1% всѣхъ ремесленниковъ, они равняются $8^1/_2$ процент.

---

[1]) Falke. Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirtschaftlicher Beziehung. Leipzig 1868. p. 253—254.

[2]) Roscher. I. § 114.

[3]) Martin-Saint-Léon. p. 149—151.

[4]) Schönberg. Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV. Jahrh. Tübingen. 1879. p. 180—181. Въ 1453—54 г.г. изъ 778 мастеровъ имуществомъ въ размѣрѣ до 50 гульд. обладаютъ 433, въ 50—300 гульд.—256 и свыше 300 гульд. всего 89. (Ibid. p. 387—89).

[5]) Martin-Saint-Léon. Ibid.

въ цехахъ мясниковъ и булочниковъ, тогда какъ среди портныхъ и скорняковъ процентъ лицъ этой категоріи не доходитъ и до 2, а среди ткачей мастеровъ съ такимъ имуществомъ вовсе нѣтъ [1]). Въ Гейдельбергѣ въ XV в. имущество мясника равняется въ среднемъ 199 гульд. и булочника 167 гульд., слѣдующую категорію составляютъ портные со 119 гульд., сапожники со 113 гульд. и кузнецы со 100 гульд. каждый; наконецъ, ткачи имѣютъ всего 62 гульд. [2]). Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что средневѣковыхъ ремесленниковъ нельзя разсматривать, какъ однородное цѣлое, ибо разстояніе между различными цехами и между отдѣльными членами того же цеха было весьма значительно; можно лишь отмѣтить, что рядомъ съ большимъ количествомъ ремесленниковъ, жившихъ изо-дня въ день, существовали и состоятельные мастера, причемъ наиболѣе состоятельными оказываются повидимому цехи пекарей и мясниковъ.

Это обстоятельство проливаетъ свѣтъ и на характеръ разсмотрѣнныхъ выше таксъ на съѣстные припасы, издаваемыхъ городомъ. Не только въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Базелѣ, но и въ другихъ городахъ, какъ напр. Берлинѣ, Страсбургѣ, Фрейбургѣ, цехи мясниковъ и пекарей выдѣляются своимъ богатствомъ среди прочихъ цеховъ, а между тѣмъ къ нимъ относится огромное большинство всѣхъ средневѣковыхъ таксъ. Мало того, эти цехи были повсюду наиболѣе сильными въ городѣ. Берлинскій цехъ мясниковъ (въ концѣ XIII и въ началѣ XIV ст.) считался первымъ изъ четырехъ существовавшихъ въ то время цеховъ города и имѣлъ большое вліяніе на городское управленіе. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе состоятельный цехъ, онъ уплачивалъ наибольшую подать [3]). Въ Страсбургѣ корабельщики, мясники и розничные торговцы стояли выше всѣхъ прочихъ цеховъ по знатности и богатству. На почетную и важную должность Ammeister'а старшины каждаго изъ этихъ цеховъ выбирались

---

[1]) Schoenberg. Basels Finanzverhältnisse. p. 180—181.

[2]) Eulenburg. Zeitschr. für Social—u. Wirtschaftsgesch. B. III. p. 457.

[3]) Wiedfeldt. Statistische Studien zur Entwickelungsgeschichte der Berliner Industrie. Leipzig. 1898. p. 140.

въ теченіе столѣтія съ половины XIV до половины XV в. 10—11 разъ, въ то время какъ мастера другихъ цеховъ занимали эту должность въ теченіе того же періода всего одинъ—два раза и только суконщики добились этой чести семь разъ [1]). Въ Дортмундѣ политическими правами пользовались только слѣдующіе цехи: пекари, мясники, маслянники, розничные торговцы, кожевники и кузнецы[2]). Предпріятія фрейбургскихъ мясниковъ—говоритъ Готейнъ—представляются крупными даже на масштабъ XIX вѣка. Въ 1532 г. въ этомъ городѣ было всего 25 фирмъ, изъ коихъ 10 принадлежали товариществамъ изъ 2—3 лицъ. Цифры дозволеннаго производства (максимумъ производства) свидѣтельствуютъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ крупными даже для нашего времени предпріятіями [3]). Изъ 46 цеховъ, существовавшихъ въ г. Мехельнѣ (Брабантъ) въ 1309 г., всего шесть посылали своихъ представителей въ муниципальный совѣтъ; это были цехи пекарей, мясниковъ, колбасниковъ, пивоваровъ и кожевниковъ, т. е., за исключеніемъ послѣдняго, все цехи, изготовляющіе съѣстные припасы [4]). Въ Руанѣ въ 1408 г. важнѣйшими корпораціями являются цехи суконщиковъ, мясниковъ и мѣдниковъ [5]).

Изъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ усмотрѣть также и то, каковы были результаты установленія таксъ, а равно выяснить причины, которыми вызывались эти результаты. Состоятельность цеховъ, сбывавшихъ съѣстные припасы, свидѣтельствуетъ о томъ, что таксы нисколько не мѣшали имъ наживаться, не могли ограничить выручаемую ими прибыль. Обусловливалось же это той ролью, которую играли эти цехи въ городскомъ самоуправленіи, отъ котораго исходили таксы на различные продукты. Разъ въ ратушѣ засѣдали мясники, пекаря и рыбники и они же надзирали за торговлей съѣстными припасами, то очевидно и результаты должны были получаться соотвѣтствующіе: трудно было разсчиты-

---

[1]) Schmoller. Tucher- u. Weberzunft. p. VI u. 433.
[2]) Keutgen. Hansische Geschichtsblätter. 1901. p. 75.
[3]) Gothein. p. 501—502.
[4]) Barlet. p. 70.
[5]) Hauser. p. 56.

вать на то, что при составленіи таксы будутъ приняты во вниманіе дѣйствительные расходы продавца, и столь же мало можно было положиться на правильное примѣненіе таксы, на недопущеніе безнаказаннаго нарушенія ея. Составитель т. наз. „реформаціи императора Сигизмунда“ повидимому справедливо упрекалъ цехи за то, что они управляютъ городомъ и издаютъ законы [1]) и усматривалъ въ магистратахъ пособниковъ, содѣйствующихъ беззаконнымъ дѣйствіямъ цеховъ: представители цеховъ, засѣдающіе въ ратушѣ—говоритъ онъ—всячески выгораживаютъ другъ друга, когда рѣчь заходитъ о томъ, чтобы подвергнуть наказанію пекаря за продажу хлѣба ниже установленнаго вѣса [2]), или мясника, продающаго мясо по цѣнѣ выше назначенной [3]).

Въ Англіи установленіе таксъ на пищевые продукты—хлѣбъ, мясо, рыбу, вино предоставлено повсюду мѣстнымъ властямъ—мэру, альдерменамъ и мировымъ судьямъ, и на этихъ же должностныхъ лицъ возложена обязанность надзора за выполненіемъ изданныхъ относительно цѣнъ постановленій, а также суда и расправы надъ виновными въ нарушеніи таксы [4]). При этомъ, однако, мѣстныя власти выбирались нерѣдко изъ числа лицъ, торговавшихъ съѣстными припасами. Поэтому въ 1318 г. пришлось издать постановленіе, согласно которому должностное лицо, завѣдующее полиціей съѣстныхъ припасовъ, не можетъ, въ то время, какъ занимаетъ эту должность, торговать этими продуктами. Но это правило оказалось трудно выполнимымъ на практикѣ, и злоупотребленія продолжались попрежнему. Обнаружилось напр., что въ различныхъ мѣстахъ торговцы

---

[1]) Въ такихъ городахъ, какъ напр. Базель, Страсбургъ, Кельнъ ратуша составлялась изъ представителей цеховъ и самоуправленіе находилось въ ихъ рукахъ. (Geering. p. 37. 43—44. Schmoller. Tucher- und Weberzunft. p. 399. 484. Maurer. Städteverfassung B. I. Erlangen. 1869. см. также Эшли, стр. 275).

[2]) Какъ указано выше, въ таксахъ на хлѣбъ измѣнялась не цѣна хлѣба, а вѣсъ его.

[3]) Böhm. Friedrich Reiser's Reformation. 1876. См. Schmoller. Tucher- und Weberzunft. p. 465 и Koehne. Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. IV.

[4]) Schanz. Englische Handelspolitik. B. I. p. 622—23. 631. 638. 647—48.

рыбой въ качествѣ мэровъ злоупотребляли своей властью, а въ 1376 г. лондонскій альдерманъ Джонъ Пичъ даже пріобрѣлъ отъ короля право на монополію продажи (сладкихъ сортовъ) вина, обязавшись отдавать королю значительную часть выручаемой прибыли [1]). Въ 1382 г. былъ изданъ новый законъ, запрещавшій продавцамъ съѣстныхъ припасовъ занимать судейскія должности; впрочемъ, при отсутствіи подходящихъ лицъ, и они могутъ быть избраны на эти должности, но только на это время обязаны прекратить свой промыселъ. Наконецъ, въ 1511 г., въ виду очевидной невыполнимости предшествующихъ постановленій, было разрѣшено пекарямъ, пивоварамъ, виноторговцамъ и рыбникамъ не только устанавливать таксы на эти продукты и наблюдать за выполненіемъ ихъ въ качествѣ городскихъ должностныхъ лицъ, но одновременно съ этимъ и продолжать свой промыселъ, съ тѣмъ лишь, чтобы при установленіи ими цѣнъ привлекались къ участію двое выборныхъ лицъ [2]).

Подобный смѣшанный характеръ имѣли обыкновенно комиссіи, составлявшія таксы, въ Германіи и Голландіи: въ ихъ составъ входили городскія власти и выборные отъ того цеха, произведенія котораго таксировались въ данномъ случаѣ [3]). Такое участіе выборныхъ отъ цеха мясниковъ или пекарей гарантировало конечно лишь соблюденіе интересовъ послѣднихъ при установленіи цѣнъ на продуктъ. Если же въ результатѣ все-таки получалась такса, выгодная для потребителей, то заинтересованный цехъ отказывался руководствоваться ею при продажѣ продуктовъ. Такъ, пекари г. Эслингена въ 1414 г. произвели цѣлый бунтъ, когда была издана такса слишкомъ низкая, по ихъ мнѣнію [4]). Пивовары г. Аміена 1444 г. вступили между собой въ соглашеніе, условившись продавать бочку пива не ниже 24 солид., тогда какъ до того времени она продава-

---

[1]) Schanz. Ibid. p. 626. 647.

[2]) Schanz, Handelspolitik. I. p. 623.

[3]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 100. Naudé. Acta Borussica. I. p. 434. Bodemann. p. LXVIII.

[4]) Rohrscheidt. Geschichte der Preistaxen in Deutschland und Preussen. Jahrbücher für Nationaloekonomie. N. F. B. XVII. p. 362.

лась за 19—20 сол. [1]). Въ Кельнѣ городъ былъ вынужденъ уничтожить цехъ мясниковъ, такъ какъ послѣдній вовсе отказался продавать мясо на вѣсъ [2]). Въ городскихъ постановленіяхъ мы постоянно встрѣчаемъ жалобы на то, что мясники „не обращаютъ вниманія на таксу и нарушаютъ ее съ пользой и выгодой для себя, въ ущербъ и вредъ населенію". Такія жалобы имѣются въ нюрнбергской таксѣ на мясо [3]). Длинная такса на мясо въ Данцигѣ заканчивается даже заявленіемъ, что мясникамъ въ концѣ концовъ предоставляется повышать или понижать цѣну на мясо по собственному усмотрѣнію [4]). И въ Штеттинѣ магистратъ заявляетъ, что установленная имъ такса не привела ни къ какимъ результатамъ [5]). Поэтому Адлеръ высказываетъ предположеніе, что таксы вообще являлись скорѣе выраженіемъ пожеланій магистрата, чѣмъ положительнымъ предписаніемъ его [6]). Точно также и англійскій парламентъ жаловался въ 1330 г. на то, что, несмотря на установленныя максимальныя цѣны на вино, содержатели тавернъ берутъ чрезмѣрно высокія цѣны, „вслѣдствіе того, что не опредѣлено для нихъ наказаній, какія существуютъ для продавцовъ хлѣба и пива". Впрочемъ, и таксы на хлѣбъ и пиво, не взирая на строгія наказанія, нарушались сплошь и рядомъ [7]).

Тотъ же Адлеръ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, что цѣна опредѣленная въ таксѣ, нерѣдко являлась той минимальной цѣной, по которой продавались товары [8]).

---

[1]) Neuburg. p. 152.

[2]) Lau. p. 304. И въ другихъ городахъ мясники отказывались продавать мясо фунтами и брать плату по таксѣ. (См. Berlepsch. B. V. p. 57. Adler. p. 37. Hirsch. p. 310). Ср. также Gothein. p. 499. Adler. p. 54—55. Schanz. Engl. Handelspolitik, I. p. 633.

[3]) Adler. Fleischergewerbe. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. III. p. 549.

[4]) Adler. Fleischergewerbe. Ibid.

[5]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 101.

[6]) Adler. Fleischergewerbe. Ibid.

[7]) Эшли стр. 215 и § 21. Goury du Roslan неоднократно указываетъ на безрезультатность таксъ въ Испаніи. Причину этого явленія онъ усматриваетъ въ слабости магистратовъ и низшихъ служащихъ городовъ. (стр. 240).

[8]) Adler. Fleischteuerungspolitik. p. 92.

Это предположеніе правдоподобно. Такъ, напр., цѣны на хлѣбъ устанавливаемыя магистратами въ Голландіи, были не только максимальными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и минимальными цѣнами, ибо запрещалось продавать хлѣбъ и ниже опредѣленной цѣны [1]). Въ таксѣ, установленной для парижскихъ talemiers (XIII вѣка) былъ также предусмотрѣнъ и низшій уровень цѣны: за три хлѣба дозволялось брать не свыше 6 ден. и не менѣе 5 обол. [2]). Лондонскіе рыбники не допускали продажи рыбы ниже опредѣленной цѣны [3]). Булочники въ г. Вернигероде даже превратили максимальную таксу въ минимальную, запретивъ продавать за опредѣленную въ таксѣ цѣну болѣе хлѣба, чѣмъ тамъ было указано: „nein vorbrod geven“ [4]). Наконецъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1377 г. пекари не вправѣ были продавать хлѣбъ ниже установленной цѣны [5]). Такимъ образомъ, мы дѣйствительно имѣемъ основанія предполагать, что въ таксы вносилась во многихъ случаяхъ въ качествѣ максимальной цѣны та цѣна, которая въ данное время являлась на рынкѣ минимальной. Цеховые мастера имѣли (благодаря этому) возможность въ большинствѣ случаевъ сбывать свои продукты по гораздо болѣе высокой цѣнѣ; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда потребитель, пользуясь выгодными для него условіями рынка, старался понизить цѣну, мастеръ ссылался на таксу, заявляя что ниже установленной въ ней цѣны онъ не обязанъ и даже не вправѣ продавать. Вслѣдствіе этого, выгоду отъ таксъ имѣли не потребители, а производители [6]).

[1]) Naudé. Acta Borussica. I. p. 134.

[2]) Neuburg. p. 106.

[3]) Schanz. Engl. Handelspol. B. I. p. 625.

[4]) Meister. p. 31.

[5]) Kriegk. Bürgerzwiste und Zustände. p. 376.

[6]) Какъ справедливо указываетъ Кейтгенъ, не слѣдуетъ относиться слишкомъ довѣрчиво и къ тѣмъ постановленіямъ, которыя должны охранять потребителя отъ обмановъ при покупкѣ издѣлій цеховаго ремесла, и полагать, что въ средніе вѣка обмѣриваніе и обвѣшиваніе, фальсификація товаровъ и другія злоупотребленія были неизвѣстны. Не считая вовсе нужнымъ придерживаться ученія церкви относительно „справедливой цѣны“, цеховые мастера находили вполнѣ совмѣстимымъ съ ихъ высокимъ званіемъ—которое подчеркиваютъ нерѣдко современные экономисты и историки—

V.

Такимъ образомъ, установленныя городскимъ муниципалитетомъ таксы (на съѣстные припасы), являясь провозвѣстникомъ принципа издержекъ производства, не въ состояніи были, однако, осуществить этотъ принципъ на практикѣ. Принципъ издержекъ производства былъ совершенно чуждъ средневѣковому періоду, цѣна опредѣлялась не расходами производителя или торговца, а тѣмъ обстоятельствомъ, сколько потребитель былъ въ состояніи заплатить за товаръ. Такъ это было и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ цѣна регулировалась самими цехами, и въ тѣхъ немногихъ сферахъ труда, гдѣ цѣна устанавливалась магистратомъ, ибо и въ послѣднемъ случаѣ либо таксы составлялись тѣми же цеховыми мастерами, въ качествѣ членовъ ратуши, городскихъ должностныхъ лицъ или выборныхъ, либо вовсе не примѣнялись цехами, превращаясь изъ максимальныхъ въ такія же минимальныя таксы, какими были и таксы, внесенныя цехами въ ихъ уставы. О торговцахъ древняго Рима Михаелисъ въ изслѣдованіи объ эдиктѣ Діо-

---

обманывать потребителя всевозможными способами. „Не обращаютъ должнаго вниманія на то обстоятельство—говоритъ Кейтгенъ—что постановленія, направленныя противъ обманнаго образа дѣйствій, не повторялись бы безпрестанно безчисленное количество разъ, если бы злоупотребленія, которыми они вызывались, не были столь велики и столь неустранимы. Факты же, свидѣтельствующіе о существованіи этихъ золъ, разсматриваются не какъ симптомы всеобщаго распространенія ихъ, а какъ исключенія изъ общаго правила. И въ этомъ замѣтно вліяніе прежняго романтическаго представленія о средневѣковьѣ. А между тѣмъ источники повсюду говорятъ вполнѣ яснымъ языкомъ, и приходится, наоборотъ, удивляться тому, съ какимъ искусствомъ люди умѣли въ эту эпоху систематически вредить другимъ. Изъ исторіи торговли хорошо извѣстны общераспространенные способы обманыванія потребителей въ области сбыта съѣстныхъ припасовъ, начиная отъ помѣщенія старыхъ и мелкихъ сельдей въ серединѣ боченковъ вплоть до подмѣшиванія къ вину извести или смѣшиванія хорошаго вина съ испорченнымъ. Ткачи прибавляли къ шерсти другія волокнистыя вещества, волосы всевозможныхъ животныхъ“. (Keutgen. Aemter und Zünfte. p. 243—244). См. также Stieda. Revaler Zollbücher (Hansische Geschichtsquellen) p. CIV—CV. Этли, стр. 181, 766. Кеннингэмъ. I. стр. 273 и сл. Glaser. Die Franziskan-Bewegung. p. 71, 81 и др. Franz Schaub. p. 182 и сл.

клеціана говоритъ, что они „скорѣе готовы были допустить, чтобы ихъ товары сгнили, чѣмъ отдать ихъ ниже запрошенной цѣны“ [1]). Но то же можно сказать о средневѣковыхъ ремесленникахъ и торговцахъ, которые, пользуясь монополіей въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, имѣли полную возможность получить потребованную у покупателя цѣну. Желаніе сбыть товаръ по возможно болѣе высокой цѣнѣ господствуетъ и въ настоящее время, но оно умѣряется другими соображеніями, и прежде всего опасеніемъ, что конкурренты будутъ продавать товаръ по болѣе низкой цѣнѣ и этимъ отобьютъ покупателей. Вслѣдствіе этого, производитель товара или торговецъ вынужденъ руководствоваться при сбытѣ товара совершенно инымъ принципомъ, принципомъ издержекъ: ему должны быть возвращены его расходы и прибавлена извѣстная прибыль, считающаяся нормальной въ данное время и въ данной отрасли промышленности или торговли. Низкую прибыль на каждую единицу товара онъ старается наверстать увеличеніемъ общей суммы прибыли путемъ расширенія сбыта. Зомбартъ не безъ основанія указываетъ на то, что почти всѣ крупныя перемѣны въ организаціи современной торговли, въ особенности розничной продажи товаровъ, объясняются стремленіемъ къ расширенію ихъ сбыта [2]).

Совершенно инымъ принципомъ руководствуется цеховой мастеръ въ средніе вѣка: онъ продаетъ мало, но дорого, и цѣна сбываемаго продукта не находится ни въ какой связи съ расходами, затраченными въ производствѣ. Средневѣковый ремесленникъ не имѣетъ столь богатыхъ покупателей, какъ его собратъ—купецъ, сбывающій пряности, ароматическія вещества и ткани Востока; производя въ значительной мѣрѣ предметы повседневнаго потребленія, цеховой мастеръ не въ состояніи обогащаться столь же быстро, какъ купецъ. Но въ одномъ отношеніи оба занимаютъ одинаковое положеніе—и тотъ и другой обладаетъ монопольнымъ положеніемъ при сбытѣ своихъ товаровъ, и тотъ и другой имѣетъ возможность произвольно

[1]) Michaelis. Kritische Würdigung der Preise des Edictum Diocletiani vom nationaloekonomischen Standpunkte aus Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaft. B. 53. p. 11.

[2]) Sombart. Kapitalismus. II. p. 377.

устанавливать цѣну товаровъ, руководствуясь одной лишь цѣнностью потребленія послѣднихъ, и заставлять потребителя уплачивать ему прибыль, съ той только разницей, что уровень цѣнности потребленія для сбываемыхъ средневѣковымъ ремесленникомъ продуктовъ значительно ниже, чѣмъ для предметовъ роскоши, потребляемыхъ феодальной аристократіей, которыми торгуетъ купецъ.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Зомбарта, что средневѣковый ремесленникъ не стремился къ обогащенію, а старался добыть ровно столько, сколько ему необходимо было, по его понятіямъ, для своего содержанія [1]). Какъ мы видѣли выше, средневѣковая доктрина о справедливой цѣнѣ дѣйствительно исходила изъ представленія о доходѣ, приличествующемъ данному сословію [2]). Однако, приведенные выше факты показываютъ также, что даже въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ существовали максимальныя таксы, онѣ вовсе не соотвѣтствовали тому, что канонисты понимали подъ „справедливой цѣной“, такъ какъ составлялись заинтересованными лицами, не говоря уже о томъ, что таксы весьма плохо исполнялись. Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать доктрину съ дѣйствительностью, пожеланій относительно того, какова должна быть цѣна, съ тѣмъ, какъ она опредѣлялась на практикѣ [3]).

Адлеръ указываетъ на то, что матеріальнаго достатка достигали тѣ мастера, которые могли безнаказанно злоупотреблять въ теченіе продолжительнаго времени своимъ монопольнымъ положеніемъ, заставляя потребителей платить имъ высокія цѣны [4]). Но такое положеніе занимали цехи вообще въ средніе вѣка: оно было не исключеніемъ, какъ полагаетъ повидимому Адлеръ, а общимъ правиломъ. Если большинство

---

[1]) Sombart. I. p. 86.

[2]) См. выше, стр. 377—79.

[3]) Весьма возможно, что ученіе о приличествующемъ каждому сословію доходѣ ввело Зомбарта въ заблужденіе, какъ и вообще многіе изслѣдователи средневѣковаго быта, исходя изъ канонической доктрины и постановленій свѣтскихъ и духовныхъ властей, пришли къ совершенно неправильнымъ выводамъ относительно дѣйствительныхъ условій жизни того времени.

[4]) Adler. Ueber die Epochen der deutschen Handwerkerpolitik. Iena 1903. p. 15.

мастеровъ тѣмъ не менѣе не достигало богатства, то не потому, что прибыль, выручаемая на каждой единицѣ товара, была низка, а лишь по той причинѣ, что при ограниченности сбыта эта высокая прибыль, уплачиваемая потребителемъ, въ суммѣ составляла все-таки небольшую выручку.

Противъ выставленной нами теоріи, что прибыль средневѣковаго ремесленника (или точнѣе: часть ея) [1]) уплачивалась потребителемъ, можно было бы привести указаніе Маркса на то, что при обмѣнѣ товаровъ не можетъ возникать никакой прибавочной цѣнности [2]). Высказывая эту мысль, Марксъ имѣлъ, однако, въ виду совершенно иныя условія экономической жизни. Онъ исходилъ изъ того предположенія, что прибавочная цѣнность во всѣхъ отрасляхъ производства и у всѣхъ предпринимателей одинакова. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, никто не въ состояніи извлечь прибыли при обмѣнѣ товаровъ, ибо тотъ плюсъ, который онъ выручаетъ при сбытѣ своихъ товаровъ, теряется при пріобрѣтеніи товаровъ, принадлежащихъ другимъ лицамъ. Но въ средніе вѣка о такомъ равенствѣ прибылей, какъ мы видѣли выше, и рѣчи быть не можетъ и поэтому вполнѣ допустимо, что одинъ цехъ, какъ напр. цехъ тѣхъ же пекарей или мясниковъ, могъ наживаться на счетъ другихъ. Но кромѣ того, въ городѣ существовали и лица, которымъ приходилось покупать необходимые имъ предметы у цеховыхъ мастеровъ, почти не сбывая имъ своихъ продуктовъ, какъ напр., купцы, землевладѣльцы, отъ нихъ, слѣдовательно, ремесленники во всякомъ случаѣ могли извлекать прибыль. Но прибыль, выручаемая изъ доходовъ лицъ этихъ категорій, была незначительна въ сравненіи съ той, которая получалась при обмѣнѣ изготовляемыхъ въ городѣ промышленныхъ издѣлій на сельскохозяйственные продукты, привозимые окрестными жителями: изъ доходовъ сельскихъ жителей получалась бо́льшая часть прибыли средневѣковыхъ городскихъ ремесленниковъ.

По Марксу въ т. наз. докапиталистическій періодъ обмѣнъ происходилъ по формулѣ: Т-Д-Т, т. е. товаръ превращался въ деньги, за которыя затѣмъ получался другой товаръ,

---

[1]) См. ниже, стр.

[2]) Marx. Das Kapital. 2. Aufl. 1873. p. 144—145.

воплощавшій такое же количество труда, какъ и первый. Такой характеръ имѣлъ обмѣнъ—указываетъ Марксъ—какъ въ первобытной междуплеменной торговлѣ, такъ и въ послѣдующія эпохи, основанныя на рабствѣ и крѣпостничествѣ, а равно въ періодъ цехового строя. Для совпаденія товарныхъ цѣнъ съ (трудовой) цѣнностью товаровъ необходимы условія троякаго рода: 1) обмѣнъ товаровъ не долженъ быть явленіемъ случайнымъ или временнымъ, 2) обмѣниваемые товары должны производиться въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ спросу на нихъ, 3) при сбытѣ ихъ не должно существовать естественной или искусственной монополіи, которая бы доставляла той или другой сторонѣ возможность сбывать свои товары по цѣнѣ, превышающей ихъ (трудовую) цѣнность или заставляла бы отдавать ихъ по цѣнѣ, стоящей ниже (трудовой) цѣнности[1]).

Эту мысль Маркса развиваетъ дальше Энгельсъ. „Законъ цѣнности Маркса—говоритъ онъ—дѣйствуетъ, поскольку вообще дѣйствуютъ экономическіе законы, въ теченіе всего періода простого товарнаго производства, т. е. вплоть до того времени, когда послѣднее видоизмѣняется подъ вліяніемъ возникновенія капиталистическаго способа производства. До этихъ поръ цѣны стремятся къ уровню, опредѣляемому закономъ цѣнности Маркса, и колеблются вокругъ этого уровня; чѣмъ болѣе чистую форму принимаетъ товарное производство, тѣмъ болѣе среднія цѣны въ теченіе продолжительныхъ, не прерываемыхъ внѣшними чрезвычайными событіями періодовъ, приблизительно совпадаютъ съ (трудовой) цѣнностью товаровъ. Такимъ образомъ, законъ Маркса является характернымъ для всего періода, начинающагося со времени возникновенія обмѣна, превращающаго продукты въ товары, и продолжающагося вплоть до XV вѣка нашей эры. Начало же товарнаго обмѣна относится ко времени, предшествующему всякой писанной исторіи, насчитывающей не менѣе трехъ съ половиной, а быть можетъ цѣлыхъ пять тысячелѣтій существованія Египта и четыре—шесть тысячелѣтій существованія Вавилона до нашей эры; законъ цѣнности дѣйствовалъ, слѣдовательно, въ теченіе періода, обнимающаго отъ пяти до семи тысячелѣтій“ [2]).

[1]) Marx. Das Kapital. B. III. T. I. Hamburg. 1894. p. 156.

[2]) Fr. Engels letzte Arbeit. Neue Zeit. 1895—96. p. 39.

Энгельсъ при этомъ, однако, упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ теченіе $4^1/_2$—$6^1/_2$ тысячелѣтій торговаго обмѣна либо вовсе не было [1]), либо онъ имѣлъ характеръ случайный и, слѣдовательно, отсутствовало одно изъ тѣхъ условій, которыя Марксъ выставляетъ въ качествѣ необходимыхъ для того, чтобы цѣна совпадала съ трудовой цѣнностью. Болѣе правильной для этого періода должна быть признана та характеристика торговли, которую даетъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, говоря, что (въ докапиталистическій періодъ) уже появляется въ торговлѣ формула Д—Т—$Д_1$, причемъ „прибавочная цѣнность является результатомъ двойнаго обиранія какъ покупающаго, такъ и продающаго производителя паразитически втирающимся между ними купцомъ“ [2]). Необходимо, впрочемъ, и здѣсь имѣть въ виду что обыкновенно по крайней мѣрѣ одна изъ эксплуатируемыхъ сторонъ представлена въ лицѣ землевладѣльца, а не самостоятельнаго производителя.

Въ отношеніи средневѣковой (международной) торговли Энгельсъ признаетъ, что цѣны не совпадали съ трудовой цѣнностью обмѣниваемыхъ товаровъ. Но онъ утверждаетъ, что въ обмѣнѣ между городскимъ ремесленникомъ и крестьяниномъ цѣна опредѣлялась количествомъ труда, затраченнаго на обмѣниваемые предметы. Онъ указываетъ на то, что въ средніе вѣка, и въ производствѣ промышленныхъ издѣлій, и въ сельскомъ хозяйствѣ затрачивался одинъ только трудъ и поэтому ремесленникъ, сбывая изготовленные имъ предметы, и крестьянинъ, продавая продукты своего хозяйства, могли руководствоваться только сравнительнымъ отношеніемъ между количествомъ труда, затраченнаго съ одной стороны на сбываемый, а съ другой стороны на пріобрѣтаемый товаръ. Притомъ каждому изъ нихъ было прекрасно извѣстно, сколько труда воплощалъ тотъ или другой пріобрѣтаемый предметъ. Во многихъ случаяхъ такое сравненіе количества воплощеннаго труда представляло значительныя затрудненія, какъ напр. при обмѣнѣ хлѣба или скота на произведенія ремесленника, ибо опредѣлить количество труда, затраченнаго въ производствѣ хлѣба, было не легко. Тѣмъ

---

[1]) См. выше, стр. 66 и сл., 79 и сл., 142 и сл.

[2]) Marx. I. 2 Aufl. 1873. p. 148, 781.

не менѣе—по мнѣнію Энгельса—и въ этихъ случаяхъ законъ трудовой цѣнности „дѣйствовалъ подобно естественному закону, вовсе не сознаваемому участвующими въ обмѣнѣ лицами", или же послѣднія ощупью находили правильный путь; понесенныя потери научали ихъ тому, какова должна быть цѣна [1]).

Конечно—въ противоположность эпохѣ древняго міра и ранняго средневѣковья—въ XII—XV ст. происходитъ правильный обмѣнъ между самостоятельными производителями—городскими ремесленниками и крестьянами, сбывающими въ городѣ сельско-хозяйственные продукты [2]), тогда какъ въ предыдущія эпохи, при господствѣ замкнутаго домашняго хозяйства, произведенія ремесла, поскольку оно существовало, пріобрѣтались землевладѣльцами, но не крестьянами; послѣдніе не обладали необходимыми для покупки ихъ средствами, да и не ощущали потребности въ этихъ предметахъ. Однако, ремесленникъ и крестьянинъ, обмѣнивая изготовленные ихъ собственнымъ трудомъ товары, вовсе не находились въ одинаковомъ положеніи: не было свободной конкурренціи, изъ которой исходитъ Энгельсъ, а между тѣмъ лишь при господствѣ конкурренціи цѣна могла бы устанавливаться соотвѣтственно количеству затраченнаго труда и контрагенты—ремесленникъ и крестьянинъ выступали бы на городскомъ рынкѣ какъ равноправные. Здѣсь отсутствуетъ другое условіе, выставленное Марксомъ въ качествѣ необходимаго для того, чтобы товарныя цѣны совпадали съ трудовой цѣнностью: одна изъ сторонъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, пользуется монопольнымъ положеніемъ, благодаря которому имѣетъ возможность сбывать произведенные предметы по цѣнѣ, превышающей трудовую цѣнность. Это результатъ цеховой монополіи.

Имѣя въ виду послѣднюю, Кауцкій высказывается уже гораздо осторожнѣе. Указавъ на то, что простое товарное производство характеризуется тѣмъ, что производители не только выступаютъ какъ свободные люди и какъ равные, но и обладаютъ орудіями производства, онъ прибавляетъ: однако, въ чистомъ видѣ эта форма хозяйства никогда не существовала, всегда къ ней примѣшивались иныя формы

[1]) Engels, p. 37—38.

[1]) Ср. Adler. Handwerkerpolitik. p. 2.

хозяйства—натуральное хозяйство, феодальное хозяйство, монопольное цеховое хозяйство. Поэтому то и законъ (трудовой) цѣнности при ея господствѣ осуществлялся лишь отчасти, именно лишь постольку, поскольку въ данныхъ предѣлахъ развивалось постоянное производство для рынка, на которомъ происходила свободная конкурренція производителей“ [1]).

Но въ томъ то и дѣло, что не только въ древнемъ мірѣ, но и въ XII—XV ст., при существованіи городскаго рынка, такой свободной конкурренціи производителей не существовало и не могло существовать, разъ господствовала цеховая монополія, охватывавшая все городское ремесло [2]).

„Городской совѣтъ—говоритъ Шмоллеръ—всегда находилъ сочувствіе среди городскихъ жителей, когда рѣчь шла объ уничтоженіи соперника-города или пригорода, о приведеніи окрестныхъ селъ въ бо́льшую зависимость отъ города, о покровительствѣ мѣстной торговлѣ или промышленности... Сложное средневѣковое законодательство о рынкахъ и о скупкѣ товаровъ—продолжаетъ онъ—представляетъ собою въ суммѣ ничто иное, какъ искусно придуманную систему вліянія на спросъ и предложеніе при обмѣнѣ товаровъ между покупающимъ горожаниномъ и продающимъ крестьяниномъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ происходящей борьбѣ первый оказался въ наиболѣе благопріятномъ, второй—въ наименѣе выгодномъ положеніи“. [3]) Дѣйствительно, крестьяне были всячески стѣснены при сбытѣ своихъ продуктовъ. Города препятствовали вывозу хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, дичи, овощей, дровъ изъ окрестныхъ деревень въ другія мѣстности, стремясь сосредоточить всѣ эти продукты на городскомъ рынкѣ. Всѣ запасы, привозимые въ городъ, направлялись на особо устроенное для того рыночное мѣсто; запрещалось сбывать ихъ по дорогѣ въ городѣ, у городскихъ воротъ или въ самомъ городѣ до доставленія ихъ на рынокъ. На рынкѣ же въ свою очередь торговля происходила лишь въ установ-

[1]) Kautsky. Die Agrarfrage. Stuttgart. 1899. p. 60—61.

[2]) Ср. Bernstein. Voraussetzungen des Sozialismus. Stuttgart. 1899. p. 39.

[3]) Schmoller. Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung, städtische, territoriale und staatliche Wirtschaftspolitik. Umrisse und Untersuchungen etc. p. 6—7.

ленное время, въ извѣстные часы дня. Наконецъ, и оставаться на рынкѣ продукты могли лишь въ теченіе извѣстнаго срока: обыкновенно по истеченіи трехъ дней рынокъ прекращался и непроданные до того времени продукты необходимо было увезти обратно. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже послѣднее не допускалось: сельскохозяйственные продукты, въ особенности хлѣбъ, должны были быть обязательно проданы въ продолженіе опредѣленнаго срока. [1])

Уже этими мѣрами достигалось удешевленіе сельскохозяйственныхъ продуктовъ для городскихъ жителей и уменьшался доходъ крестьянина-продавца; но еще болѣе сильнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи было установленіе городскихъ таксъ на продукты, которыми опредѣлялась цѣна ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время и за исполненіемъ которыхъ слѣдили городскіе жители. Таксы на дрова, домашнюю птицу, дичь и т. под. мы встрѣчаемъ и въ Англіи, и въ Пуату, и во Флоренціи [2]). Что касается таксъ на зерновой хлѣбъ, то ихъ во многихъ городахъ не существовало; ихъ не было напр. въ Пуату и въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ, почему вѣсъ испеченнаго хлѣба не устанавливался опредѣленный, а колебался въ зависимости отъ цѣны зернового хлѣба. [3]). Однако, въ нѣкоторыхъ итальянскихъ, голландскихъ и испанскихъ городахъ, а также въ Парижѣ, Ліежѣ, Кельнѣ, по крайней мѣрѣ временно, встрѣчаются и таксы на зерновой хлѣбъ [4]), причемъ—въ противоположность таксамъ, издаваемымъ для пекарей, мясниковъ и другихъ цеховъ—эти таксы устанавливались лицами, заинтересованными въ продажѣ товара по низкой цѣнѣ, именно городскими властями. Во Флоренціи комиссія,

---

[1]) См. объ этомъ Naudé. Deutsche städtische Getreidehandelspolitik im XV—XVII Jahrh. Araskhaniantz. Französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789. Leipzig. 1883. p. 4 и сл. Ochenkowski. p. 163 и сл. Эшли. стр. 270 и сл. 282 и сл. Schanz I. p. 620—25. Poehlmann. p. 20—21.

[2]) Эшли, стр. 216. 284. Boissonade II. p. 316—318. Poehlmann. p. 23 и сл. Franz Schaub. p. 185. Ср. выше, стр. 368 370, 372

[3]) См. выше, стр. 384—88.

[4]) Poehlmann. p. 19—22. Naudé. Acta Borussica. I. p. 290. Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig. 1900. p. 76. Araskhaniantz. p. 19—20. Goury du Roslan. p. 268–270.

устанавливавшая таксу, состояла изъ торговца пряностями, оружейнаго мастера, торговца масломъ, продавца желѣзныхъ товаровъ, кожевенника и мостовщика. Она заявляла прямо, что такса издается ради блага общаго, искусствъ и ремеслъ, отождествляя, слѣдовательно, свои собственные интересы съ общими и не заботясь о выгодахъ земледѣльца. При этомъ во Флоренціи же былъ запрещенъ вывозъ разъ ввезеннаго хлѣба, такъ что крестьяне окрестныхъ селъ волей-неволей должны были подчиняться таксѣ.

Такимъ образомъ, на рынкѣ встрѣчались хорошо организованные ремесленники, условившіеся заранѣе относительно того минимума цѣны, на который они могутъ согласиться, съ одной стороны, и крестьяне, лишенные всякой организаціи и сбивавшіе другъ у друга цѣну, съ другой стороны. Въ формулѣ Т—Д—Т второе Т никогда не равнялось первому по количеству затраченнаго въ производствѣ труда, а было всегда либо больше, либо меньше: бо́льшую цѣнность пріобрѣталъ цеховой ремесленникъ, меньшую—крестьянинъ. Если мы возьмемъ примѣръ Маркса, гдѣ холстъ обмѣнивается на платье, и допустимъ, что цѣнность платья равна цѣнности 10 аршинъ холста, т. е. на производство и того и другого товара необходимо потратить одинаковое количество времени, то окажется, что сельскій житель, являвшійся на городской рынокъ, отдавалъ за пріобрѣтаемое имъ платье городскому ремесленнику не 10 аршинъ холста, а быть можетъ 15 или 20. Лексисъ поэтому совершенно правильно указываетъ на то, что „промышленная прибыль въ средніе вѣка была результатомъ того монопольнаго положенія, которое занималъ городской ремесленникъ по отношенію къ сельскимъ жителямъ и землевладѣльцамъ“ [1]).

VI.

Часть прибыли средневѣковый цеховой мастеръ извлекалъ изъ доходовъ потребителей, прежде всего сельскихъ жителей; другая часть получалась отъ присвоенія имъ труда подмастерьевъ и учениковъ. Какъ во всѣхъ средневѣковыхъ институтахъ вообще, такъ и въ цехахъ въ особенности, лица

[1]) Lexis. Verteilung. Handwört. der Staatswiss. B. VII.

входившія въ составъ ихъ, раздѣлялись на три категоріи—на мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Только первые являлись полноправными членами цеха, работали въ собственномъ помѣщеніи, при помощи собственныхъ орудій и на собственный счетъ. Остальныя двѣ группы—подмастерьи и ученики—жили у мастера, ѣли за его столомъ и находились подъ его началомъ; они не имѣли права изготовлять товары на свой счетъ, а обязаны были работать на мастера, для котораго они производили продуктъ цѣликомъ или частью и который уже сбывалъ его потребителямъ [1]).

Количество подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ мастеру дозволяется держать, правда, ограничено извѣстнымъ числомъ, но не настолько, чтобы мастеръ лишался возможности извлекать прибыль изъ ихъ труда. Въ Любекѣ мастеръ обыкновенно держитъ двухъ подмастерьевъ и одного или двухъ учениковъ [2]), въ Кельнѣ—также двухъ или трехъ подмастерьевъ [3]); въ Страсбургѣ плотники имѣютъ одного подмастерья, ткачи—двухъ (помимо дѣтей мастера), золотыхъ дѣлъ мастера—двухъ учениковъ и одного подмастерья [4]); плотникамъ въ Базелѣ разрѣшается принимать къ себѣ двухъ подмастерьевъ и одного ученика или трехъ подмастерьевъ [5]), сапожникамъ, кожевникамъ и портнымъ въ Вернигероде—не болѣе двухъ подмастерьевъ и одного ученика [6]). Наоборотъ, въ Познани находимъ двухъ или трехъ подмастерьевъ и двухъ учениковъ, работающихъ на

---

[1]) См. примѣры, приведенные у Schoenberg'a Zunftwesen. p. 195 и прим. p. 273, 274, а также Ochenkowski. p. 121 и Rogers. p. 78. Запрещеніе работать на собственный счетъ находимъ во Флоренціи (Poehlmann. p. 173), въ Сентъ-Омерѣ (Giry, Rég. aux bans № 680), въ Брюсселѣ (Des Marez. p. 68), въ Берлинѣ (Wiedfeldt. Stat. Stud. p. 170), въ Ригѣ (Stieda-Mettig. p. 102), въ Гамбургѣ (Rüdiger: p. 25, Meyer p. 169), въ Любекѣ (Wehrmann.), въ Люнебургѣ (Bodemann. p. 58). См. также Brentano. I. p. 62 и 275. Ковалевскій, стр. 132 и сл. Въ статутѣ скорняковъ г. Познани подмастерью разрѣшается изготовить на собственный счетъ шубу разъ въ три мѣсяца. (Warschauer. p. 38).

[2]) Wehrmann. №№ 9, 18, 16, 43, 53, 29, 61, 15, 42.

[3]) Ennen und Eckertz. I. p. 332, 399, 403, 405 и 407. Lau. p. 307.

[4]) Neuburg. p. 138. Schmoller. № 42. Meyer. № 3. p. 167.

[5]) Ochs. Gesch. von Basel. III. p. 200.

[6]) Meister. p. 32.

мастера [1]), четырехъ подмастерьевъ и ученика—у портныхъ въ Майнцѣ [2]) и пять подмастерьевъ и двухъ учениковъ—въ портняжномъ цехѣ г. Констанца [3]); строительные цехи въ Любекѣ совсѣмъ не связаны числомъ подмастерьевъ [4]).

Во Франціи мастеру лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяется держать трехъ учениковъ, обыкновенно онъ ограниченъ двумя, а еще чаще однимъ ученикомъ [5]); зато количество подмастерьевъ не установлено; въ статутахъ нерѣдко прямо говорится, что въ этомъ отношеніи мастеру предоставляется полная свобода [6]).

Въ Сентъ-Омерѣ (шерстяное производство) мастеръ можетъ держать одного ученика, въ Венеціи (стекольное производство 1284 г.) — двухъ учениковъ или ученицъ, количество же подмастерьевъ въ Бельгіи или вовсе не опредѣлено, какъ напр. у гентскихъ обойщиковъ, или же граница установлена весьма высокая: три, четыре и болѣе въ Брюсселѣ, семь человѣкъ въ цехѣ сукностриговъ въ Сентъ-Омерѣ [7]). Тоже находимъ и въ Англіи: ограничено количество учениковъ, но не подмастерьевъ. Кровельщики въ Ньюкестлѣ могутъ принимать не болѣе одного ученика, лондонскіе литейщики также одного, съ особаго разрѣшенія — двухъ, ткачамъ дозволяется имѣть двухъ учениковъ. У экзетерскихъ портныхъ это правило соединялось съ другимъ, касавшимся подмастерьевъ: мастеръ безъ особаго разрѣшенія цеха не могъ держать болѣе трехъ слугъ (подмастерьевъ) и одного ученика [8]).

Во Франціи, въ Англіи и въ Италіи, гдѣ число подма-

---

[1]) Warschauer. Zeitschr. der hist. Gesellsch. für die Prov. Posen. I. p. 442.

[2]) Mone. Zeitschr. f. Gesch. des Oberrheins. XIII. p. 150.

[3]) Inama. III. 2. p. 87.

[4]) Wehrmann. p. 119.

[5]) Levasseur. I. p. 302. (Цѣлый рядъ примѣровъ). Eberstadt. p. 25 u. 245. Среди парижскихъ цеховъ конца XIII вѣка 49 ограничиваютъ число учениковъ однимъ, двумя и тремя; 29 предоставляютъ мастеру свободу.

[6]) Neuburg. p. 136. Eberstadt. p. 28. Впрочемъ, Fourbisseurs въ Парижѣ, ограничиваютъ число подмастерьевъ однимъ. Levasseur. I. p. 313—14.

[7]) Giry. Rég. aux bans №№ 757, 690. Des Marez. p. 62, 212. De Vigne. p. 27. Stieda. Jugendliche Arbeiter въ Handwört. der Staatwiss. B. IV.

[8]) Эшли, стр. 352, 357.

стерьевъ обыкновенно не ограничено, установленъ, однако, очень продолжительный срокъ ученичества. Въ то время, какъ въ Германіи ученичество продолжается не болѣе четырехъ лѣтъ [1]), во Франціи срокъ его опредѣленъ въ 6—8 лѣтъ и доходитъ въ Парижѣ до 10—12 лѣтъ [2]). При этомъ допускалось удлиненіе этого срока, но ни въ коемъ случаѣ не сокращеніе его [3]). Въ Англіи уже въ царствованіе Эдуарда I (1272—1307) устанавливается семилѣтній срокъ ученичества [4]); съ теченіемъ времени онъ входитъ во всеобщее употребленіе, а при Елисаветѣ онъ былъ подтвержденъ закономъ 1563 г. Встрѣчаются, правда, также случаи, когда опредѣленъ шестилѣтній и даже менѣе продолжительный срокъ, но семилѣтній срокъ является нормальнымъ, а въ иныхъ случаяхъ замѣняется еще болѣе длиннымъ—восьмилѣтнимъ, десятилѣтнимъ [5]) и даже двѣнадцатилѣтнимъ [6]) срокомъ, ибо муниципальные и ремесленные ордоннансы, опредѣляя срокъ ученичества, обыкновенно требуютъ, чтобы онъ продолжался по крайней мѣрѣ семь лѣтъ [7]). Почти столь же продолжителенъ срокъ ученичества въ Шотландіи [8]). Въ Венеціи [9]) и другихъ итальянскихъ городахъ [10]) срокъ ученичества равняется пяти, шести и семи годамъ, во Фландріи онъ составляетъ отъ трехъ (Ипръ) до шести лѣтъ (Гентъ) [11]).

Такимъ образомъ, въ Германіи срокъ ученичества былъ

---

[1]) См. Neuburg. p. 40—41. Bodemann. p. LVI. Впрочемъ, въ Кельнѣ и до восьми лѣтъ. (Lau. p. 208).

[2]) Fagniez. p. 59. 270. Martin. p. 72. Neuburg. p. 40. 132. Levasseur. I. p. 302—3 (прим. 6 и 2) 4 года cordiers; 6 лѣтъ batteurs d'archal; 7 лѣтъ boitiers; 8 лѣтъ fileuses; 9 лѣтъ baudroyeurs, gainiers de fourreaux; 10 лѣтъ cristalliers, boucliers de fer, ouvrières de tissus de soie; 12 лѣтъ patenôtriers de corail et de coquilles. Нѣкоторые цехи допускали замѣну одного или двухъ лѣтъ ученичества уплатой мастеру 20 или 40 су.

[3]) Levasseur. I. p. 303.

[4]) Ochenkowski p. 69. Roscher. III. p. 810.

[5]) Напр. кузнецы (изготовляющіе шпоры) въ Лондонѣ въ 1261 г. Stahl. p. 195.

[6]) Напр., лондонскіе суконщики въ 1367 г. Эшли, стр. 347.

[7]) Эшли, стр. 346.

[8]) Тамъ-же, стр. 348.

[9]) Molmenti. p. 98.

[10]) Ковалевскій, т. III, стр. 134.

[11]) De Vigne. p. 20.

значительно короче, чѣмъ въ другихъ странахъ; но зато въ теченіе этого времени ученикъ обыкновенно не получалъ никакой платы. Въ Англіи же онъ въ послѣдніе годы ученичества получалъ извѣстное вознагражденіе. Такъ, въ одномъ договорѣ объ отдачѣ мальчика въ ученики къ плотнику, въ 1499 г., говорится, что мастеръ „въ первые четыре года долженъ давать Джону, своему ученику, пищу, одежду и все необходимое, что обыкновенно получаетъ ученикъ, а также всѣ относящіеся къ плотничьему искусству инструменты, которые нужны ему для работы у мастера; въ теченіе пятаго года означенный Джонъ долженъ самъ добывать себѣ все, за исключеніемъ нужныхъ для работы инструментовъ, которые даетъ ему мастеръ; кромѣ того, ученикъ получаетъ отъ послѣдняго 20 шиллинговъ. На шестой годъ ученикъ получаетъ отъ мастера 40 шиллинговъ за все“, (и очевидно — прибавляетъ Эшли — долженъ завести свои собственныя орудія). Но приведенныя условія являются необыкновенно щедрыми. Въ договорѣ съ кожевникомъ 1480 г. срокъ ученичества установленъ восьмилѣтній: ученикъ получаетъ въ первые семь лѣтъ лишь немного карманныхъ денегъ—3 пенса въ первый годъ, 6 пенсовъ во второй и т. д., съ каждымъ годомъ на 3 пенса больше; только въ восьмой годъ онъ получаетъ болѣе значительное вознагражденіе, да и то всего 10 шиллинговъ. Въ другомъ случаѣ, въ договорѣ съ мастеромъ, изготовляющимъ одѣяла, 1451 г., карманныхъ денегъ не дается вовсе; срокъ ученичества составляетъ семь лѣтъ, причемъ только въ седьмой годъ ученику уплачивается жалованье въ размѣрѣ 9 шилл. 4 пенсовъ [1]). Во Франціи ученикъ также обыкновенно получаетъ плату лишь на шестомъ году или даже только по истеченіи срока ученичества [2]); но иногда ему полагается небольшое вознагражденіе уже по истеченіи 2—3 лѣтъ, если старшины цеха признали его хорошимъ работникомъ [3]). Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, было прямо запрещено давать ему какую-либо плату [4]). Мастеръ же получалъ плату

[1]) Эшли, стр. 347—348.
[2]) Fagniez. p. 69—70.
[3]) Ibid. p. 71.
[4]) Levasseur. T. I. p. 304, 562.

за произведенное ученикомъ, уже начиная со второго года [1]). или онъ извлекалъ прибыль изъ его труда при сбытѣ продукта, въ изготовленіи котораго и ученикъ принималъ участіе. Лишь въ теченіе перваго года ученичества — какъ говорится въ одномъ статутѣ—ученикъ не приносилъ мастеру никакого дохода и даже часть платы за обученіе, взимавшейся съ ученика при его поступленіи, затрачивалась мастеромъ на его содержаніе [2]), но въ теченіе второго года ученикъ уже производилъ большую цѣнность, чѣмъ на него затрачивалъ хозяинъ [3]).

Въ теченіе всего этого времени продуктъ труда ученика поступалъ, слѣдовательно, въ пользу мастера. Когда же, наконецъ, заканчивался продолжительный періодъ ученичества, когда ученикъ становился подмастерьемъ, то и тогда эксплоатація не прекращалась, а скорѣе начинался періодъ усиленной эксплоатаціи его мастеромъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ ученичества онъ успѣвалъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія въ ремеслѣ и по истеченіи срока ученичества его трудъ имѣлъ нисколько не меньшую цѣнность, чѣмъ трудъ мастера. Правда, онъ получалъ теперь уже извѣстное вознагражденіе, но разница между той цѣнностью, которую онъ создавалъ, и той, которую онъ получалъ въ видѣ заработной платы, была очень велика.

Болѣе благопріятное положеніе подмастерье занималъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его нанималъ непосредственно потребитель и когда подмастерье и мастеръ выполняли одинаковую работу. Таковы были условія труда каменьщиковъ, плотниковъ и, маляровъ. Въ строительныхъ цехахъ различіе между подмастерьемъ и мастеромъ значительно стиралось; первый былъ обыкновенно почти такъ же самостоятеленъ, какъ и послѣдній. Размѣръ вознагражденія, получаемаго подмастерьями этихъ ремеслъ, составлялъ обыкновенно болѣе половины платы самого мастера. Такъ, мастера—кровельщики (tilers), согласно лондонскимъ статутамъ 1350 г., получали лѣтомъ $5^1/_2$ пенсовъ въ день, а зимою $4^1/_2$ пенса;

[1]) Fagniez p. 70.

[2]) Ibid. p. 65.

[3]) Помимо этого, мастеръ пользовался ученикомъ и для всевозможныхъ домашнихъ услугъ. См. Des Marez. p. 56, а также Flemming Das Lehrlingswesen der Dresdener Innungen vom 15. bis 17. Jahrh.

ихъ подручные (garsons) получали $3^1/_2$ и 3 пенса; мастера—маляры получали 5—4 пенса, а ихъ подручные $3^1/_2$ и 3 пенса.[1]). Въ Базелѣ въ концѣ XV вѣка мастеръ получаетъ (лѣтомъ) 4 шиллинга въ недѣлю, подмастерье 3 шилл. 4 пфен., подручный 2 шилл. 4 пфен., если же работа производится на значительной высотѣ, то плата увеличивается до 5 шилл. для перваго, 3 шилл. 8 пфен. для второго и 2 шилл. 8 пфен. для третьяго[2]). Впрочемъ въ Кельнѣ плата подмастерья равняется всего лишь половинѣ вознагражденія мастера[3]) Наоборотъ, въ Бордо она составляетъ цѣлыхъ $^5/_6$ платы мастера (charpentiers de haute futaie et de navires въ началѣ XIV вѣка)[4]). Согласно ордонансу французскаго короля Іоанна, относящемуся къ 1351 г., заработная плата каменьщиковъ, маляровъ, плотниковъ и кровельщиковъ устанавливалась въ размѣрѣ 26 и 32 ден. (зимою и лѣтомъ) мастеру и 16 и 20 ден. подмастерью[5]). Среди цѣнъ, сообщаемыхъ д'Авенелемъ (онѣ выражены въ современныхъ франкахъ) встрѣчается во многихъ случаяхъ плата подмастерьевъ (каменотесовъ, маляровъ, плотниковъ, кровельщиковъ), составляющая $^2/_3$ и болѣе платы мастера: такъ, напр., въ Артуа въ 1306 г. каменьщикъ — мастеръ и плотникъ—мастеръ получаютъ 1,34 фр., подмастерье перваго—1,10 фр., второго—0,99 фр., въ Нантѣ въ 1490 г.—каменьщикъ, кровельщикъ и плотникъ (мастера) 1,16 фр., ихъ подручные—0,69 фр.; заработокъ каменьщика въ Руанѣ составляетъ въ 1378 г. 1,78 фр., его подручнаго—1,33 франка, заработокъ кровельщика тамъ же въ 1383 г.—1,66 фр., подмастерья—1.11 фр. Заработная плата каменьщика въ Орлеанѣ въ 1391 г. равняется 93 сант. (мастеръ) и 61 сант. (подручный), плотника въ Страсбургѣ въ 1401—1425 гг.—1,64 (мастеръ) и 1,09 (подмастерье) фр., кровельщика въ Иль-Виленъ въ 1385 г.—89 (мастеръ) и 73 (помощникъ) сант. Впрочемъ, рядомъ съ такой сравнительно высокой платой подмастерьевъ строительныхъ промысловъ находимъ и болѣе низкую, составляющую половину и менѣе заработка ма-

[1]) Эшли, стр. 445, прим. 109.
[2]) Janner. Die Bauhütten des deutschen Mittelalters. Leipzig. 1876. p. 172
[3]) Тамъ же.
[4]) Malvezin. T. I. p. 222.
[5]) Eberstadt. Französisches Gewerberecht. p. 168, прим. 1.

стера. Такъ, напр., въ Турѣ въ 1379 г. подручный—каменьщикъ получаетъ всего 0,66 фр., а подмастерье—плотникъ 0,55 фр., тогда какъ плата мастера въ обоихъ случаяхъ доходитъ до 1,44 фр., въ Орлеанѣ въ 1409 г. подмастерье—каменьщикъ получаетъ половину платы мастера (1,56 и 0,78 фр.), еще меньшую часть его заработокъ составляетъ въ окрестностяхъ Руана въ 1472 г. (78 и 32 сант.) [1]).

Есть, однако, основанія предполагать, что мастеръ сохранялъ часть платы подмастерья въ свою пользу. Въ Германіи такой „Meistergroschen“ упоминается, правда, лишь въ 1605 году: мастера—читаемъ въ бреславльскомъ статутѣ—вправѣ вычитывать изъ платы подмастерья $2^1/_2$ грошена лѣтомъ и $1^1/_2$ грош. зимою въ качествѣ вознагражденія за надзоръ надъ производствомъ строительныхъ работъ [2]). Въ Англіи же такая спеціальная плата мастеровъ при постройкахъ встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ [3]). Во многихъ случаяхъ она вычитывалась изъ платы подмастерьевъ [4]). И въ тѣхъ случаяхъ, когда такое спеціальное вознагражденіе должно было уплачиваться потребителемъ, все-таки часть платы подмастерья оставалась, повидимому, въ рукахъ мастера, такъ какъ послѣдній являлся посредникомъ между тѣмъ и другимъ [5]). По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ германскихъ статутовъ XV вѣка говорится, что мастеръ обязанъ выдать подмастерью всю плату, какую ему поручено передать. Точно также въ Рохлицѣ въ 1462 г. мастерамъ запрещается уменьшать плату, предназначенную для подмастерьевъ [6]).

Ниже, чѣмъ въ строительныхъ цехахъ, была плата подмастерьевъ другихъ ремеслъ, гдѣ они занимали болѣе зависимое положеніе. Въ г. Шпейерѣ подмастерьи - ткачи получали плату, равнявшуюся $^1/_3$ платы мастера, и только въ 1362 г. плата ихъ была увеличена до $^2/_3$ вознагражденія

---

[1]) d'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires etc. T. III. p. 570—77, 586—91, 596—99.

[2]) Struvii. Synt. Jurisprud. Opificar. II. lib. III. Cap. X. Цит. у Schoenberg. Zunftwesen. p. 113. прим. 222.

[3]) Rogers. p. 137.

[4]) Berlepsch. B. VIII p. 171. Brentano. I. p. 66.

[5]) Berlepsch. Chroniken. IX. p. 156 и сл.

[6]) Janner. p. 171.

мастера [1]). Во Фрейбургѣ въ 1463 г. суконщики пытались уменьшить плату подмастерьевъ, говоря, что существующее вознагражденіе въ размѣрѣ $^1/_4$ выручки они, суконщики, совершенно не въ состояніи уплачивать. И городской магистратъ постановилъ, что плата въ размѣрѣ $^1/_4$ является максимальной, которую мастера могутъ, но не обязаны давать подмастерьямъ; во всякомъ случаѣ они не вправѣ уплачивать подручнымъ выше этой нормы [2]). Точно также и въ Констанцѣ въ 1386 г. была установлена низкая плата для подмастерьевъ ткацкаго цеха [3]).

Въ англійской таксѣ на хлѣбъ 1262 г. прибыль пекаря, выручаемая на каждомъ квартерѣ пшеницы, опредѣлена въ 4 пенса, плата же подмастерья всего въ $^1/_2$ пенса, ученика—въ $^1/_4$ пенса [4]). Столяръ-краснодеревецъ въ Руанѣ въ 1438 г. получаетъ вдвое болѣе своего подмастерья, плата обойщика въ Аррасѣ въ 1501 г. также превышаетъ вдвое плату его помощника. Булочникъ въ Фѣканѣ въ 1465 г. получаетъ 34 сант., подручный—всего 15 сант., т. е. менѣе половины, кузнецъ въ Орлеанѣ въ 1427 г.—2,44 фр., подмастерье—лишь 1,01 фр., выдѣлыватель предметовъ изъ гипса въ Руанѣ въ 1388 г. мастеръ—1,33 фр., подмастерье—не болѣе 0,56 фр., въ 1391 г. первый—1,50 фр., второй—0,72 фр. Впрочемъ плата подмастерья-слесаря въ Орлеанѣ въ 1469 г. составляетъ болѣе половины платы мастера (1,31 и 0,86), плата булочника въ Нормандіи въ 1408 г. равняется 0,78 фр., помощника же его—0,60 фр., а плата портного - подмастерья въ Эльзасѣ достигаетъ $^1/_2$ фр., при заработкѣ мастера въ $^2/_3$ фр. Живописецъ въ Артуа въ 1299 г. получаетъ 1,60 фр., помощникъ его 1,34 фр., но ученикъ всего $^1/_2$ фр., а другой подручный, натирающій краски—40 сант. [5]).

Наконецъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда подмастерье изготовлялъ весь продуктъ безъ содѣйствія мастера, послѣдній всетаки получалъ извѣстное вознагражденіе. „Благодаря тому, что цѣна продукта устанавливалась цехомъ—говоритъ Шенбергъ—мастеръ получалъ извѣстную, опредѣлен-

[1]) Schanz. Gesellenverbände. p. 47.
[2]) Ibid. p. 48.
[3]) Gothein. p. 533.
[4]) Кеннингэмъ, т. I, стр. 488.
[5]) d'Avenel. T. III, p. 596—97. 602. 608. 613.

ную заранѣе, прибыль и съ тѣхъ продуктовъ, которые были изготовлены исключительно подмастерьемъ“ [1]).

Въ пользу выставленнаго нами положенія, что вознагражденіе подмастерьевъ въ средніе вѣка было въ общемъ довольно скудное, говоритъ и то обстоятельство, что плата подмастерьевъ устанавливалась цехомъ; это право цеховыхъ мастеровъ регулировать плату подмастерьевъ было послѣдствіемъ автономіи цеховъ, и неоднократно мы находимъ въ источникахъ указаніе на то, что городской магистратъ не вправѣ вмѣшиваться въ установленіе платы подмастерьевъ, такъ какъ это предоставлено исключительно самимъ цехамъ [2]). Таксы, опредѣляющія высоту платы подмастерьевъ, являются максимальными таксами: подмастерье можетъ получать меньше, но не больше опредѣленнаго вознагражденія. Въ статутахъ всегда говорится, что подмастерью можно платить не болѣе чѣмъ столько-то и столько-то. Цвидинекъ поэтому находитъ, что эти таксы вовсе не устраняли договора между мастеромъ и подмастерьемъ относительно величины заработной платы, а лишь ставили его въ извѣстныя рамки, устанавливая высшій предѣлъ заработной платы [3]). Такъ, въ статутѣ рыбацкаго цеха г. Гамбурга 1375 г. максимумъ платы опредѣленъ въ 7 марокъ [4]). Въ статутѣ янтарнаго цеха г. Любека 1365 г. запрещается платить подмастерью свыше 4 пфен. за сверленіе 1000 камней, свыше 9 пфен. за точеніе и свыше 8 пфен. за тесаніе ихъ [5]). Франкфуртскіе портные (1355 г.) не вправѣ платить подмастерью болѣе 12 шилл. со штуки сукна [6]). По статуту канатнаго цеха г. Фрейбурга, вознагражденіе подмастерья не должно превышать одного, а въ извѣстныхъ случаяхъ двухъ шилл. [7]) Кожевенный мастеръ г. Вернигероде, дававшій своему подмастерью болѣе обычной платы, приговаривался къ штрафу въ размѣрѣ одного гульдена [8]). Въ Грейфсвальдѣ (1445 г.)

[1]) Schoenberg. p. 133. Ср. Des Marez. p. 251.

[2]) См. также Zwiedineck—Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie. Leipzig. 1900. p. 32—34.

[3]) Zwiedineck-Südenhorst. p. 45.

[4]) Rüdiger. p. 64.

[5]) Wehrmann. № 41.

[6]) Stahl. p. 335. Schanz. Gesellenverbände. p. 109.

[7]) Mone. Zeitschr. für Gesch. des Oberrheins. XV. p. 284.

[8]) Meister. p. 32.

подвергался наказанію всякій ткачъ шерстяныхъ матерій, плативній за пряденіе шерсти болѣе, чѣмъ другіе мастера этого цеха [1]). Такое же запрещеніе давать подмастерью плату выше установленной цехомъ находимъ у люнебургскихъ ткачей и стекольщиковъ (статуты 1432 и 1494 гг.) [2]). Въ древнѣйшемъ статутѣ суконнаго цеха г. Страсбурга (1400—1438) опредѣлено, что подмастерьи-сукновалы получаютъ 1 пфен. съ фунта шерсти „и не болѣе; эта плата— читаемъ далѣе—установлена и опредѣлена всѣми суконщиками и ткачами и никѣмъ инымъ“ [3]). На собраніи силезскихъ портныхъ въ Швейдницѣ 1361 г. установлена хозяевами сообща плата для подмастерьевъ [4]). Цехи портныхъ 20 прирейнскихъ городовъ, въ томъ числѣ Майнца, Вормса, Гейдельберга, Кобленца, также заключили союзъ и въ первомъ пунктѣ совмѣстно составленнаго статута опредѣлили норму вознагражденія для подмастерьевъ, которая должна была дѣйствовать въ теченіе 28 лѣтъ: „никто не вправѣ—гласитъ постановленіе—платить подмастерью болѣе двухъ фунтовъ, какъ это существуетъ съ давнихъ поръ“ [5]). А ткачи Шпейера опредѣляютъ въ 1351 г. плату навсегда, на всѣ времена [6]).

И во Франціи цехи устанавливали плату подмастерьевъ: „подмастерьи-портные не могутъ требовать болѣе той платы, которая до сего времени являлась обычной“. Въ другомъ статутѣ читаемъ: „запрещается давать подмастерью или обѣщать ему болѣе обычнаго въ Парижѣ вознагражденія“ [7]). Плата подмастерьевъ—кожевниковъ г. Аміена въ 1349 году установлена въ размѣрѣ трехъ су; подмастерьи, отказывающіеся подчиниться этому постановленію, подвергаются строгимъ наказаніямъ [8]).

Въ Брюсселѣ запрещено платить подмастерью — валяльщику болѣе того, что установлено; въ противномъ случаѣ

---

[1]) Krause. p. 27.
[2]) Bodemann. p. XLVI.
[3]) Schmoller. Tucherbuch. Urk. XXIII, 25—26. p. 29.
[4]) Neuburg. p. 108.
[5]) Schanz. Gesellenverbände. № 50. Zwiedineck. p. 35.
[6]) Schanz. № 6.
[7]) Fagniez. p. 88.
[8]) Neuburg. p. 107.

подмастерье подвергается штрафу въ 5 су, мастеръ же, дающій болѣе высокую плату—въ 20 су [1]).

Лондонскіе сукностриги и ножевщики во второй половинѣ XIV в. жалуются на то, что ихъ подручные не довольствуются обычной заработной платой. „Это движеніе среди подмастерьевъ—говоритъ Эшли—не осталось безрезультатнымъ: они добились, между прочимъ, того, что право опредѣлять заработную плату перешло отъ отдѣльныхъ мастеровъ къ цеху въ цѣломъ или къ старѣйшинамъ цеха, какъ его представителямъ“ [2]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что установленіе заработной платы подмастерьевъ производилось въ интересахъ мастеровъ, а не въ интересахъ подмастерьевъ. „Этимъ путемъ—говоритъ Нейбургъ—не только давалась мастерамъ возможность бороться съ чрезмѣрными требованіями подмастерьевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался предѣлъ усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго мастера, который не могъ, не нарушая устава, отбить у другого мастера искуснаго подмастерья, обѣщая ему болѣе высокую плату“ [3]). Шанцъ совершенно правильно указываетъ на то, что установленіе платы подмастерьевъ мастерами цеха было послѣдствіемъ того, что одинъ являлся мастеромъ-господиномъ, а другой—подмастерьемъ-слугой; это были дѣйствительно отношенія господина къ слугѣ, почему первый и присваивалъ себѣ право опредѣлять вознагражденіе второго [4]). Цвидинекъ не соглашается съ Шанцомъ, утверждая, что подмастерье занималъ равное мастеру соціальное положеніе, но и онъ не отрицаетъ того факта, что способъ опредѣленія заработной платы зависитъ отъ того, на чьей сторонѣ большая сила, и что въ данномъ случаѣ сила дѣйствительно находилась въ рукахъ мастеровъ [5]). Но если это такъ, то, очевидно, что благодаря большей силѣ на сторонѣ мастеровъ, подмастерьи

---

[1]) Des Marez. p. 252.

[2]) Эшли, стр. 365—66.

[3]) Neuburg. p. 131. См. также французскій ордонансъ 1351 г.: мастера, которые будутъ повышать заработную плату для того, чтобы переманить къ себѣ рабочихъ, будутъ подвергнуты наказанію. Levasseur. I. p. 500. Ср. Des Marez. p. 254.

[4]) Schanz. p. 109.

[5]) Zwiedineck—Südenhorst. p. 45.

находились въ подчиненномъ положеніи, ихъ судьба зависѣла всецѣло отъ произвола мастеровъ. Спорный вопросъ сводится, слѣдовательно, лишь къ тому, установилась ли власть мастеровъ лишь фактически, какъ полагаетъ Цвидинекъ, или она вытекала изъ правовыхъ условій того времени. Намъ кажется, что эта зависимость подмастерьевъ являлась необходимымъ послѣдствіемъ цеховой автономіи, основывалась на правѣ, предоставленномъ цеху. И названія „maître“ и „valet“, „servant“, „Knecht“ или „Diener“ [1]) указываютъ на то, что соціальное положеніе обѣихъ сторонъ было далеко не одинаковое.

VII.

Какъ изъ опредѣленія размѣровъ платы подмастерьевъ мастерами цеха, такъ и изъ ограниченія количества подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ можетъ держать мастеръ, и наконецъ, изъ продолжительности срока ученичества видно, что цехи сознавали, какую выгоду они въ состояніи извлечь изъ труда подмастерьевъ и учениковъ. „Удлиняя срокъ ученичества болѣе, чѣмъ это необходимо было,—говоритъ Фанье — цехи имѣли въ виду не столько создать искусныхъ работниковъ, сколько дать мастеру умѣлаго ученика въ теченіе возможно продолжительнаго времени и допускать лишь немногихъ изъ послѣднихъ къ званію мастера“. „Ибо мастеръ того времени — указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—былъ не менѣе заинтересованъ, чѣмъ современный фабрикантъ, въ уменьшеніи расходовъ на заработную плату и въ возможномъ увеличеніи своей прибыли, хотя конкурренція и не была тогда столь сильна, какъ въ настоящее время. Средневѣковый ремесленникъ являлся бы идеаломъ справедливости и безкорыстія, если бы онъ, будучи въ состояніи сократить заработную плату, все-таки уплачивалъ бы ее цѣликомъ и удовлетворялся бы небольшой (справедливой) прибылью“ [2]). „Одно изъ постановленій лондонскихъ кожевниковъ—говоритъ Эшли—утвержденное совѣтомъ оль-

[1]) См. Boissonade. II. p. 54. Эшли, стр. 100. Wehrmann. p. 376. Bodemann. p. 208. Findel. p. 818. Ковалевскій, т. III стр. 131.

[2]) Fagniez. p. 59, 87.

дерменовъ въ 1482 г., даетъ намъ яркую картину той конкурренціи, которую создавали подмастерьи своимъ прежнимъ хозяевамъ, когда сами становились мастерами. Подъ мнимой заботливостью о сбившихся съ пути молодыхъ ремесленникахъ нетрудно замѣтить страхъ, который испытывали старые мастера за свое собственное положеніе. Когда ученики кончаютъ срокъ ученичества,—говорится въ этомъ постановленіи—они ни за что не хотятъ дѣлаться слугами (servants—подмастерьи) и служить у своихъ хозяевъ за умѣренную плату, какъ это дѣлали до нихъ эти послѣдніе; но тотчасъ же, не обладая вовсе средствами, каждый изъ нихъ нанимаетъ домъ или лавку, чтобы быть самостоятельнымъ, хотя не имѣетъ ни собственнаго матеріала ни товара. Кромѣ того, они берутъ себѣ учениковъ, хотя ни имъ самимъ, ни ихъ ученикамъ работать не на что, такъ что имъ поневолѣ приходится дѣлать долги или занимать у другихъ матеріалъ, чтобы только получить работу и дать занятіе ученикамъ. Многіе изъ нихъ, благодаря своимъ заблужденіямъ и своей наивности, не въ состояніи вести дѣло болѣе одного — двухъ лѣтъ, вслѣдствіе того, что не могутъ заплатить за взятый въ долгъ матеріалъ. Тогда имъ приходится спасаться бѣгствомъ, въ храмъ или въ сельскіе округа, нѣкоторые же продолжаютъ свое дѣло изъ боязни тюрьмы... и кончаютъ полнымъ разореніемъ“ [1]).

Мы разсмотрѣли выше тѣ мѣры, какія принимались цехами для стѣсненія доступа къ званію мастера. Необходимо имѣть въ виду, что результатъ этихъ мѣръ былъ двоякій: во 1-хъ отрицательный—количество мастеровъ сокращалось и во 2-хъ положительный—подмастерьи были вынуждены работать въ теченіе болѣе продолжительнаго времени на мастера. Когда оканчивался срокъ службы, выжидательнаго періода и обязательнаго странствованія, многіе все-таки не могли стать полноправными мастерами, если пробная работа почему-либо не нравилась старѣйшинамъ цеха или если подмастерье не владѣлъ достаточной суммой денегъ для уплаты вступительнаго взноса или для устройства пиршества, во многихъ случаяхъ — если онъ не въ состояніи былъ пріобрѣсти помѣщеніе для мастерской или лавки [2]). Вслѣдствіе

[1]) Эшли, стр. 353—354.
[2]) См. Maurer. II. p. 454.

этого, многіе оставались навсегда подмастерьями, не имѣя никакой надежды стать когда либо самостоятельными мастерами.

Нерѣдко утверждаютъ, что это происходило лишь въ позднѣйшія столѣтія, что въ средніе вѣка ступень подмастерья была лишь переходной къ званію мастера, почему и та выгода, которую извлекалъ мастеръ изъ труда подмастерья, имѣла тогда временный характеръ. Но это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Предположимъ, что мастеръ— говоритъ Шанцъ — съ 30 до 60-лѣтняго возраста успѣвалъ обучить всего лишь семь учениковъ—а эта цифра безусловно слишкомъ мала—, предположимъ далѣе, что за этотъ періодъ, вслѣдствіе возрастанія населенія, число мѣстъ въ цехѣ было увеличено на два, — какимъ же образомъ даже при такихъ условіяхъ остальные пять человѣкъ могли пріобрѣсти самостоятельность въ качествѣ мастеровъ?“ [1])

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что уже въ XIV вѣкѣ существовалъ постоянный рабочій классъ [2]), могутъ служить волненія среди подмастерьевъ, происходившія въ это время. Уже въ 1383 г. цехи кузнецовъ городовъ Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта, Гейнгаузена, Ашафенбурга, Бингена, Оппенгейма и Крейцнаха вступаютъ въ соглашеніе относительно того, какъ сохранить свою власть надъ подмастерьями (слугами), среди которыхъ происходятъ волненія. „Это столь рано обнаружившееся недовольство подмастерьевъ — говоритъ Шанцъ — является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что кузнецы сами лишь незадолго до того организовались въ цехи, напр. во Франкфуртѣ на Майнѣ они (окончательно) образовали цехъ собственно говоря лишь въ 1377 году“ [3]). Подобныя же явленія, какъ на Рейнѣ, мы можемъ наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Данцигѣ: почти одновременно съ возникновеніемъ цеховъ начинаются столкновенія между мастерами и подмастерьями [4]). Въ 1385 г. городъ

[1]) Schanz. Gesellen-Verbände p. 10.

[2]) Именно рабочій классъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ въ XIV—XV ст. и даже ранѣе появилась домашняя или кустарная промышленность, превратившая и самихъ цеховыхъ мастеровъ въ зависимыхъ рабочихъ, см. особо ниже гл. VIII.

[3]) Schanz. Ibid. p. 42.

[4]) Schanz. Ibid.

угрожаетъ подмастерьямъ, принимающимъ участіе въ стачкахъ, отрѣзаніемъ ушей [1]). Въ Бреславлѣ уже въ 1329 г. происходитъ стачка подмастерьевъ, изготовляющихъ пояса [2]). Стачка шпейерскихъ подмастерьевъ суконнаго цеха въ 1351 г. вызвана требованіемъ съ ихъ стороны болѣе высокой платы, которой подмастерья и добиваются [3]). Подмастерья-портные въ Констанцѣ устраиваютъ стачку въ 1389 г., требуя признанія мастерами ихъ корпораціи [4]). Въ это же время происходятъ стачки подмастерьевъ и въ Базелѣ: цехи изгоняютъ стачечниковъ изъ города [5]). Бекъ указываетъ на то, что въ XIV и XV ст. подмастерья кузнечныхъ и слесарныхъ цеховъ устраивали собственныя судилища и прибѣгали къ правильнымъ стачкамъ („das Auftreiben"), прекращая работу и покидая городъ. У нихъ существовалъ даже спеціальный техническій терминъ для стачки: „den Meistern den Hammer legen" [6]).

Изъ этихъ фактовъ—говоритъ Шанцъ—вытекаетъ, что не только цеховая организація не разрѣшила рабочаго вопроса, а наоборотъ, именно вмѣстѣ съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ [7]). Въ своей книгѣ объ ассоціаціяхъ подмастерьевъ въ средніе вѣка онъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что волненія среди подмастерьевъ въ XIV и XV ст. были дѣйствительно явленіемъ всеобщимъ въ Германіи [8]).

Нѣчто подобное происходило и въ другихъ странахъ. „Соціальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франціи—говоритъ Шенланкъ—возникаетъ въ различныхъ мѣстахъ уже въ XIII вѣкѣ, въ XIV вѣкѣ она усиливается и принимаетъ болѣе общій характеръ. Благодаря раннему промышленному подъему страны появляется сознаніе различія интересовъ у тѣхъ и другихъ. Количество учениковъ, которыхъ дозволяется держать мастеру,—продолжаетъ онъ—ограничено; плата за обученіе высока, срокъ ученичества

[1]) Schoenlank. Gesellenverbände. Handwört. der Staatswiss. IV.
[2]) Stieda. Arbeitseinstellungen. Handwört. der Staatswissensch. B. I.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Schoenlank. Gesellenverbände.
[6]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. p. 883. B. II. p. 565.
[7]) Schanz. Gesellenverbände. p. 42.
[8]) Ibid. Cap. V. p. 31—69.

продолжителенъ; доступъ къ званію мастера сильно стѣсненъ; привилегіи въ пользу дѣтей мастеровъ обширны и несправедливы. Рабочій день весьма длиненъ, плата же незначительна. При такихъ условіяхъ не удивительно, что возникли союзы подмастерьевъ для защиты отъ мастеровъ и для борьбы съ ними; они образовались изъ религіозныхъ братствъ, изъ confréries, которыя первоначально поощрялись клиромъ. На югѣ Франціи они возникаютъ въ большомъ количествѣ уже въ XIII вѣкѣ подъ именемъ „la carital", на сѣверѣ они образуются съ конца XIV вѣка, и вскорѣ становятся опорой подмастерьевъ въ ихъ борьбѣ за мірскіе интересы". Въ исторіи французскихъ городовъ мы нерѣдко встрѣчаемъ стачки и волненія подмастерьевъ. Такъ, въ 1280 г. подмастерьи-суконщики Прованса, выведенные изъ терпѣнья увеличеніемъ рабочаго дня, производятъ возстаніе и убиваютъ мэра. Въ г. Шалонѣ въ 1328 г. пришлось вмѣшаться королевской власти, чтобы заставить подмастерьевъ работать рано утромъ и въ послѣобѣденное время. Въ Реймсѣ въ 1292 г. были запрещены, какъ ассоціаціи подмастерьевъ, направленныя противъ мастеровъ, такъ и соглашенія мастеровъ противъ подмастерьевъ [1]). Въ Аміенѣ ордонансъ 1349 г. запрещаетъ подмастерьямъ-кожевникамъ „устраивать заговоры для достиженія болѣе высокой платы безъ всякихъ законныхъ основаній" [2]). Въ Парижѣ происходитъ въ 1407 году борьба между мастерами и подмастерьями; послѣдніе требуютъ сокращенія рабочаго дня, который продолжался повидимому 16 часовъ, и устраненія ночной работы. Въ Парижѣ, какъ и въ другихъ французскихъ городахъ, подмастерьи въ XV вѣкѣ нерѣдко прибѣгали къ бойкоту враждебныхъ имъ мастеровъ [3]).

И въ Англіи ассоціаціи подмастерьевъ представляли собою не только религіозныя братства, форму которыхъ они принимали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и союзы для борьбы съ мастерами путемъ устройства публичныхъ демонстрацій, стачекъ и т. д. Мастера сѣдельнаго цеха въ Лондонѣ совершенно справедливо утверждали въ XIV вѣкѣ, что под-

[1]) Martin-Saint-Léon. p. 280.

[2]) Schoenlank. Gesellenverbände.

[3]) Fagniez. p. 83. 92. О бойкотѣ (въ средніе вѣка) см. также Heckel. Der Boykott. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1895. B. X. p. 481 и сл.

мастеры, подъ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія, составляютъ заговоры „съ цѣлью чрезмѣрно поднять заработную плату“, и дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ [1]). Въ пользу существованія отдѣльнаго класса подмастерьевъ—указываетъ Эшли—съ интересами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличными отъ интересовъ мастеровъ, говоритъ очень многое. Въ лондонскихъ статутахъ, напримѣръ, въ тождественныхъ выраженіяхъ упоминается о пререканіяхъ между мастерами и подмастерьями (слугами - valet) въ ремеслѣ сукноструговъ въ 1350 г. и ткачей въ 1362 г. Въ этихъ статутахъ говорится о томъ, какъ подмастерьи по взаимному соглашенію одновременно отказываются отъ работы—явленіе совершенно аналогичное современнымъ стачкамъ; старѣйшинамъ ремеслъ предписывается на будущее время бороться съ подобнаго рода явленіями. „До сихъ поръ — говорится въ этихъ постановленіяхъ—каждый разъ, когда возникало разногласіе между мастеромъ и подмастерьемъ, послѣдній обходилъ всѣхъ подмастерьевъ этого ремесла и, по взаимному соглашенію и договору, они рѣшали, чтобы каждый отказался работать на своего мастера, пока тотъ мастеръ и его слуга (подмастерье) не придутъ къ соглашенію, вслѣдствіе чего мастера этого промысла оказывались въ большомъ затрудненіи, а народъ (потребители) лишался необходимыхъ для него услугъ“ [2]). Противъ стачекъ, происходившихъ въ строительныхъ ремеслахъ Лондона, уже при Эдуардѣ III и Генрихѣ VI издавались строгія постановленія [3]). Точно также брюссельскіе валяльщики уже въ 1282 г. устроили стачку, требуя повышенія платы [4]). А въ итальянскомъ городѣ Сіенѣ въ 1370 г. произошло цѣлое возстаніе рабочихъ [5]).

Послѣ всего сказаннаго едва ли еще могутъ возникать сомнѣнія въ томъ, что въ средніе вѣка существовалъ классъ рабочихъ, находившійся въ полной зависимости отъ хозяевъ-мастеровъ, зависимости, основанной не столько на обладаніи извѣстнымъ, необходимымъ для произ-

[1]) Эшли. стр. 373. Кеннингэмъ, Т. I. стр. 292, 302, 381.
[2]) Эшли, стр. 365—366.
[3]) Brentano, Arbeitergilden. B. I. p. 66.
[4]) Des Marez. p. 251.
[5]) Ковалевскій, т. III стр. 141.

водства капиталомъ, сколько на установленныхъ цеховой системой привилегіяхъ мастеровъ. „Въ половинѣ XIV столѣтія—говоритъ Эшли—образовался рабочій классъ въ томъ смыслѣ слова, котораго оно не имѣло ранѣе. Къ этому времени появилось значительное число работниковъ, которые не были ни учениками, отданными къ мастеру только на извѣстное время, служившее для нихъ періодомъ испытанія, ни самостоятельными мастерами, людей, которые не бывъ вовсе учениками, или, что съ теченіемъ времени стало встрѣчаться все чаще и чаще, окончивъ ученичество, стали наемниками ремесленныхъ мастеровъ. Сперва, вѣроятно, число такихъ „слугъ“ (servants), „служащихъ“ (serving men), служителей (valets) или йоменовъ (yeomen), какъ ихъ различно называли, было очень незначительно... Но вскорѣ появляются признаки того, что классъ этотъ увеличивается и что для каждаго средняго подмастерья стало уже невозможнымъ, какъ это было раньше, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы завести свое дѣло... Существованіе рабочаго класса въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ объясняетъ генезисъ новой организаціи промышленности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея въ шестнадцатомъ столѣтіи“ [1]). „Есть основаніе сомнѣваться—говоритъ знатокъ этого вопроса М. М. Ковалевскій—въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью той характеристики, какую даютъ средневѣковымъ цеховымъ порядкамъ, какъ катедеръ-соціалисты въ Германіи, такъ и послѣдователи школы Леплэ во Франціи. Если вѣрить имъ, цеховое устройство не знало различія между предпринимателями и рабочими... XIII и XIV вѣка, вопреки утвержденію идеализаторовъ средневѣковыхъ порядковъ, уже были свидѣтелями начавшагося вѣроятно съ самаго момента возникновенія цеховъ процесса дифференціаціи труда и капитала въ области промышленности“ [2]).

Изъ факта существованія рабочаго класса въ средніе вѣка Брентано дѣлаетъ и соотвѣтствующій выводъ относительно характера прибыли въ эту эпоху. Указывая на то, что рабочій никогда не получалъ всего продукта своего

---

[1]) Эшли, стр. 362—364.

[2]) Ковалевскій, т. III, стр. 127, 142.

труда, Брентано прибавляетъ: „то, что онъ получалъ, было установлено юридическими отношеніями между слугой и господиномъ, и именно въ интересахъ послѣдняго, такъ что имѣла мѣсто эксплоатація труда; такую эпоху эксплоатаціи составлялъ въ особенности весь періодъ такъ называемаго самостоятельнаго ремесла“ [1]). И Шанцъ—хотя и мимоходомъ—указываетъ на то, что подмастерье являлся юридически зависимымъ отъ мастера слугой, какъ бы крѣпостнымъ его, вынужденнымъ отдавать мастеру часть продукта своего труда [2]). Наконецъ, на это обстоятельство обращаетъ вниманіе и Бернштейнъ, говоря, что прибавочный трудъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка ясно выступалъ наружу, что подмастерье легко могъ вычислить, во что мастеру обходился его трудъ и сколько тотъ же мастеръ получалъ за этотъ трудъ отъ потребителя [3]).

Прибыль въ средневѣковой промышленности проистекаетъ, такимъ образомъ, изъ источниковъ двоякаго рода—изъ дохода потребителя и изъ труда подмастерья. И тотъ, и другой источникъ являются результатомъ замкнутаго городскаго хозяйства и цеховыхъ привилегій. Они создаютъ монопольное положеніе цехового мастера, какъ въ отношеніи потребителей, такъ и въ отношеніи подмастерьевъ. Потребитель вынужденъ уплачивать цѣну, произвольно установленную мастеромъ, (прямо или косвенно черезъ посредство магистрата, опредѣляющаго выгодную для цеха цѣну), не имѣя возможности ни обратиться къ ремесленникамъ, стоящимъ внѣ цеха, ни потреблять произведенные въ другихъ мѣстахъ продукты. Подмастерье является какъ бы крѣпостнымъ мастера будучи обязанъ работать за плату, односторонне установленную цеховыми мастерами. Если мы проведемъ идеальную черту на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была бы устанавливаться цѣна при обмѣнѣ предметовъ соотвѣтственно затраченному количеству труда (въ эту эпоху въ производствѣ затрачивался одинъ лишь физическій трудъ, о выравненіи же прибылей и вообще о вліяніи и капитала

---

[1]) Brentano. Ueber die Ursachen der heutigen socialen Not. Leipzig. 1889. p. 11, 35.

[2]) Schanz. Gesellenverbände. p. 6.

[3]) Bernstein. Voraussetzungen des Socialismus. p. 39.

при образованіи цѣнности не могло быть рѣчи) то вся та часть цѣны, которая стоитъ надъ этой чертой — ибо въ дѣйствительности предметы обмѣнивались по цѣнѣ, значительно превышавшей ихъ трудовую цѣнность,—есть прибыль, получаемая отъ потребителя, а та часть цѣны, которая находится подъ чертой, занимая пространство между ней и уровнемъ заработной платы подмастерья, составляетъ прибыль, извлекаемую изъ труда подмастерья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Торговля и торговая прибыль въ XVI—XVIII ст.

I.

Важнѣйшими предметами средневѣковаго торговаго обмѣна являлись произведенія Индіи—пряности и благовонія. Въ Сиріи, Малой Азіи, Персіи, Египтѣ они нагружались на венеціанскіе и генуэзскіе корабли и отвозились въ Европу. Съ конца XIV вѣка, со времени появленія турокъ въ передней Азіи, Александрія осталась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ европейцы могли пріобрѣтать произведенія Индіи и, пользуясь этимъ, египетскіе султаны, какъ мы видѣли выше, произвольно повышали цѣны продуктовъ, особенно перца, устанавливая ихъ на цѣлый годъ и совершенно не сообразуясь съ желаніями венеціанскихъ купцовъ [1]). Но Европа платила высокія цѣны за пряности и ароматическія вещества, и торговля между Венеціей и Александріей продолжалась попрежнему.

Въ 1498 году Васко-да-Гама, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, послѣ десятимѣсячнаго плаванія, прибылъ въ Каликутъ, находившійся на Малабарскомъ берегу. Найденъ былъ новый, морской путь въ Индію, и съ этихъ поръ европейцы вступили въ постоянныя непосредственныя сношенія со странами, производившими столь высоко цѣнимыя ими пряности и благовонія; сопряженныя со столькимп трудностями, особенно со времени завоеваній османовъ, путешествія по сушѣ, замѣнились несравненно болѣе легкими и менѣе продолжительными плаваніями на корабляхъ, которые способны были вмѣстить въ себѣ количество товаровъ, во много де-

[1]) См. стр. 197—99.

сятковъ разъ превышавшее то, что перевозилось на вьючныхъ животныхъ. Поэтому то въ средніе вѣка европейцы считали болѣе выгоднымъ для себя пріобрѣтать индійскіе продукты въ Александріи, чѣмъ ѣздить за ними въ Индію, но по той же причинѣ съ открытіемъ морского пути въ Индію количество ихъ въ Европѣ возросло до небывалыхъ еще размѣровъ. 7,000 тоннъ пряностей привозилось ежегодно изъ Остъ-Индіи въ Лиссабонъ,—въ Кельнѣ въ концѣ XV вѣка ихъ продавалось не болѣе 10 тоннъ въ годъ, а венеціанцы покупали въ Александріи въ XV вѣкѣ по 210 тоннъ перцу ежегодно [1]).

Открытіе новаго пути въ Индію было сдѣлано, конечно, не итальянцами, для которыхъ оно кромѣ вреда ничего не могло принести, такъ какъ лишало ихъ монопольнаго положенія въ торговлѣ восточными товарами,—а португальцами. Первыя экспедиціи португальцевъ относятся къ началу XV вѣка, и въ теченіе XV вѣка они успѣли уже сдѣлать рядъ открытій на западномъ берегу Африки и учредить гвинейскую компанію, которой была предоставлена монополія западно-африканской торговли. Въ XVI вѣкѣ португальцы расширили къ югу свои пріобрѣтенія на западномъ берегу Африки (Конго, Ангола, Бенгуэла, Моссамедесъ) и произвели изслѣдованія на западномъ побережьи (Софала, Килоа, Мозамбикъ, Мелинда, Момбасъ, Занзибаръ). Открытія въ Африкѣ дали португальцамъ массу золота, которымъ изобиловала Сенегамбія и Софала; по вычисленіямъ Зетбера, съ 1493 г. по 1520 г. было вывезено изъ Африки 84 тыс. килогр. золота, что составляетъ свыше 230 милл. современныхъ марокъ, а за весь періодъ съ 1493 г. по 1600 г.—276 тыс. килогр. или 770 милл. мар. Золото получалось посредствомъ торговаго обмѣна, причемъ за лошадь, купленную въ Европѣ за 10 золотыхъ, въ Африкѣ выручалось 40 и даже 50 зол. Не было такого никуда негоднаго европейскаго сукна, котораго нельзя было бы здѣсь сбыть дикарямъ по крайней мѣрѣ за 4 золотыхъ аршинъ, если же качество его было немного лучше, то и за 15 зол. [2]). Дру-

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I, p. 328. Inama-Sternegg. B. III. T. 2, p. 523. Heyd. II, p. 490, 530.

[2]) Soetbeer. Edelmetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerika's bis zur Gegenwart. Gotha. 1879. p. 42—44. 47.

гимъ предметомъ экспорта изъ португальскихъ колоній въ Африкѣ являлись рабы: съ 1537 г. въ Лиссабонѣ ежегодно продавалось около 12,000 рабовъ. Съ этой цѣлью предпринимались цѣлыя охоты на людей [1]). Но и при отсутствіи насилія выгода получалась огромная: за кусокъ холста (цѣнностью въ 4 дуката), за небольшое количество водки можно было пріобрѣсти сильнаго и здороваго человѣка, а за лошадь африканскіе корольки давали 10—15 негровъ [2]). Съ этого и начался торгъ неграми, въ которомъ впослѣдствіи стали принимать участіе и всѣ другіе народы.

Несравненно важнѣе, чѣмъ эти открытія, были пріобрѣтенія португальцевъ въ Индіи. Здѣсь португальцы утвердились въ Діу на Камбайскомъ берегу, въ Гоа, Каликутѣ и Кочинѣ на Малабарскомъ берегу, въ Коломбо на Цейлонѣ, въ Негапатамѣ и Меліапурѣ на Коромандельскомъ побережьи; далѣе на Малаккѣ (Сингапуръ), Суматрѣ (Ачинъ), Явѣ, Целебесѣ, на Малыхъ Зондскихъ и Молукскихъ островахъ, а затѣмъ и въ Макао въ Китаѣ. „Такимъ образомъ, въ теченіе только полувѣка португальцамъ удалось основать факторіи, начиная отъ Мадеры и кончая Японіей, на пространствѣ ста пятидесяти градусовъ“ [3]). Основывались факторіи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мирнымъ путемъ, большею же частью послѣ военныхъ столкновеній. Торговля между Индіей и Европой находилась до открытія морского пути въ Индію преимущественно въ рукахъ арабовъ, которые доставляли индійскіе товары въ Ормуздъ, Аденъ или Мекку, а оттуда въ Египетъ. Португальцамъ необходимо было прежде всего уничтожить эту торговлю, вытѣснить арабовъ изъ занимаемаго ими въ торговомъ обмѣнѣ положенія, ибо всю торговлю съ Индіей они желали сосредоточить въ своихъ рукахъ; да и арабы не хотѣли допустить новыхъ конкуррентовъ. Произошла ожесточенная борьба между тѣми и другими, и португальцы вышли изъ нея по-

[1]) Zimmermann. Die europäischen Kolonien. B. I. Die Kolonialpolitik Portugals und Spaniens. Berlin. 1896, p. 7, 181. Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes. 4-e édit. Paris. 1891. p. 50—51.

[2]) Sombart, I, p. 354.

[3]) Зевортъ. Исторія новаго времени (XVI—XVIII ст.). Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1883, стр. 161.

бѣдителями. Уже послѣ появленія первыхъ португальскихъ флотилій въ Индіи, и Каликутъ, и Камбайа, и Аденъ лишились своихъ торговыхъ выгодъ, и арабы вынуждены были совершать путешествія въ Малакку и на Суматру, чтобы этимъ окольнымъ путемъ получить индійскія пряности. Ихъ положеніе еще болѣе ухудшилось послѣ завоеванія португальцами Ормузда и Малакки. „Теперь — говоритъ Пешель — португальцы были полными властелинами Индійскаго океана. Въ ихъ власти находились наиболѣе важныя гавани, гдѣ они устроили укрѣпленія, арабская торговля была уничтожена, иранско-индійская проходила мимо ихъ фортовъ. Ни одно судно не могло проходить безъ разрѣшенія португальцевъ, иначе оно считалось разбойничьимъ судномъ; вѣдь въ концѣ концовъ все португальское владычество въ Индіи было ничѣмъ инымъ, какъ владычествомъ пиратовъ, ибо стремленіе португальцевъ не было направлено къ завоеваніямъ на материкѣ или къ устройству колоній, король желалъ лишь воспользоваться тѣмъ, на что онъ имѣлъ разрѣшеніе отъ папы; онъ называлъ себя властелиномъ торговли съ Индіей и Эѳіопіей“ [1]). Во власти португальцевъ находилась теперь торговля важнѣйшими продуктами того времени. Изъ Гоа и Каликута они вывозили перецъ, изъ Кананора—имбирь, изъ Цейлона—рубины и въ особенности корицу, „изъ за которой они, повидимому, только и завладѣли островомъ и на которую они обратили наибольшее вниманіе, вслѣдствіе значительной прибыли, выручаемой отъ продажи корицы въ Лиссабонѣ [2])“. Кромѣ того, изъ Индіи доставлялся хлопокъ, кисея и сахаръ, послѣ же завоеванія Малакки, Зондскихъ и Молукскихъ острововъ въ рукахъ португальцевъ очутилась и торговля амброй, камфорой, кассіей, гвоздикой, мускатнымъ орѣхомъ, сандаловымъ деревомъ. Они вступили также въ торговыя сношенія съ Китаемъ и Японіей и вывозили оттуда чай и фарфоръ, а изъ Ормуздскаго пролива получали жемчугъ. „Возможность торговли—говоритъ Зеворть—была обезпечена, какъ посредствомъ ряда колоній, основанныхъ въ Индіи, такъ и путемъ торговыхъ договоровъ, за-

[1]) Peschel. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. 2. Aufl. Stuttgart. 1877. p. 466.

[2]) Бэръ. Т. II. стр. 106.

ключенныхъ Португаліей съ туземными государствами, но обезпечена исключительно для однихъ только португальцевъ. Туземные князьки обязывались продавать продукты однимъ лишь португальцамъ, не принимать иностранцевъ, не вести съ ними торговли безъ согласія правительства Португаліи. Мало того, имъ воспрещалось (на основаніи трактатовъ) совершать плаванія по морю съ торговыми цѣлями, безъ вѣдома Португаліи, которая лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдавала туземцамъ разрѣшеніе возить товары, но и то только нѣкоторые; торговля перцемъ, оружіемъ и другими товарами не допускалась ни въ какомъ случаѣ. Этимъ вполнѣ обезпечивалась монополизація торговли въ рукахъ португальцевъ“ [1]). При этомъ первоначально, послѣ появленія Васко-да-Гама въ Индіи и послѣ заключенія договоровъ и взаимнаго обмѣна подарковъ, цѣны товаровъ опредѣлялись тарифами, установленными по взаимному соглашенію между представителями португальскаго правительства и индійскими князьками. Однако уже нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ 1505 г. прибылъ Франциско д'Альмейда въ качествѣ вице-короля Индіи съ значительнымъ флотомъ, князьки объявили себя вассалами португальскаго короля и согласились на одностороннее установленіе цѣнъ португальцами [2]).

Въ первыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Индію принимали участіе и иностранцы—итальянскіе и нѣмецкіе торговые дома, и мы имѣемъ свѣдѣнія о той огромной прибыли, которую они выручали на пріобрѣтенныхъ въ Индіи товарахъ. Такъ, уже вторая экспедиція, во главѣ которой стоялъ Альваресъ Кабраль, доставила весьма значительную прибыль. Четвертая экспедиція вернулась съ товарами, цѣнностью въ милліонъ дукатовъ, тогда какъ всѣ расходы не превышали 200 тысячъ, т. е. пятой части. Наиболѣе велика была прибыль, полученная королемъ, нѣсколько меньше былъ доходъ купцовъ съ вложеннаго въ предпріятіе капитала, ибо они вынуждены были отдать четвертую часть прибыли королю и при покупкѣ товаровъ должны были уступать первое мѣсто агентамъ короля. Тѣмъ не менѣе торго-

[1]) Зевортъ-Лучицкій, стр. 177.
[2]) Zimmermann, I, p. 16, 18.

вый домъ Аффайтати, затратившій капиталъ въ 2,000 дукатовъ, выручилъ 5,000 дукатовъ. Среди 800 тысячъ, которыя доставила четвертая экспедиція, сравнительно незначительную часть составляли 24 тысячи дукатовъ, полученныя благодаря захвату принадлежавшаго мусульманскимъ купцамъ корабля [1]). И во время пятой экспедиціи стоявшій во главѣ ея Альбукеркъ захватилъ нагруженное товарами арабское судно; кромѣ перца онъ привезъ въ Лиссабонъ и много другихъ драгоцѣнностей: 40 фунтовъ крупнаго жемчуга, алмазъ крупной величины, персидскаго и арабскаго коня [2]). Въ седьмой экспедиціи снова принимали участіе флорентинскіе и генуэзскіе, въ особенности же аугсбургскіе и нюрнбергскіе торговые дома, среди нихъ Фуггеры, Вельзеры, Гехштеттеры, Госсемброты, Имгофы, Велины, такъ что изъ шести кораблей три принадлежали почти исключительно нѣмецкимъ купцамъ, два королю и одно рыцарю Фернандо де-Норона. Нѣмецкіе купцы выручили при этомъ 150—175% прибыли, а между тѣмъ четвертую часть товаровъ вынуждены были отдать королю; кромѣ того, они, повидимому, не получили причитавшейся имъ части награбленной на восточно-африканскомъ берегу (въ Килоа и Момбасѣ) добычи. И слѣдующія экспедиціи въ Остъ-Индію доставляли значительную прибыль. Ежегодно привозилось въ Лиссабонъ 25—35,000 кантаровъ пряностей, изъ коихъ болѣе двухъ третей состояло изъ перца, ибо на Малабарскомъ берегу, гдѣ успѣли утвердиться португальцы, перецъ росъ въ огромномъ количествѣ; остальной грузъ состоялъ изъ имбиря и корицы. Надо имѣть въ виду, что кантаръ перца стоилъ $2^1/_2$—3 дуката въ Индіи, а сбывался въ Лиссабонѣ сначала по 40, а затѣмъ по 20 дукатовъ, такъ что на одномъ перцѣ выручалась огромная прибыль, свыше 350,000 дукатовъ ежегодно [3]).

Столь же выгоднымъ оказалось и пріобрѣтеніе Малакки, Суматры и Молукскихъ острововъ. Первая экспедиція въ Малакку во главѣ съ Діэго Лопецомъ де-Секвейра захватила нѣсколько нагруженныхъ цѣнными товарами кораблей,

---

[1]) Heyd, II, p. 511, 519.
[2]) Zimmermann, I, p. 16.
[3]) Heyd, II, p. 520, 523—25.

которые не имѣли разрѣшенія отъ португальскихъ властей. Слѣдующая экспедиція Альбукерка въ 1511 году кончилась завоеваніемъ Малакки, причемъ имущество малайскихъ и гуджератскихъ купцовъ было разграблено. Добыча составляла милліонъ дукатовъ, изъ коихъ пятая часть поступила въ пользу короля [1]). Флорентіецъ Джіованни де-Эмполи, участвовавшій въ экспедиціи Альбукерка, вывезъ изъ Малакки 5,000 дукатовъ. Другой флорентіецъ Джароламо Черниги послалъ туда четыре корабля съ торговыми цѣлями, причемъ уже первый корабль, вернувшійся весною 1513 года въ Лиссабонъ, возвратилъ затраченный на всѣ четыре судна капиталъ, да еще доставилъ сверхъ того прибыль въ 60—70% [2]).

На Молукскихъ островахъ одно время появились испанцы, которые утверждали, что эти острова принадлежатъ къ предоставленной имъ папой части земного шара. Но въ 1529 году Карлъ V отказался отъ Молукскихъ острововъ въ пользу Португаліи, которая уплатила ему за это 350 тысячъ дукатовъ. Любопытно, однако, что уже первое испанское судно, появившееся тамъ въ 1521 году, вывезло съ Молукскихъ острововъ товаровъ на сумму въ 150 тысячъ дук., причемъ издержки всей экспедиціи составляли всего 22 тыс., такъ что прибыль равнялась почти 130 тыс., или свыше 550%. Дѣло въ томъ, что самый грузъ корабля почти ничего не стоилъ: онъ состоялъ изъ гвоздики, которая росла въ изобиліи на Молукскихъ островахъ и продавалась тамъ по $^2/_5$ дуката, а между тѣмъ въ Европѣ она высоко цѣнилась—въ Англіи сбывалась по 336 дукатовъ [3]). Бэръ указываетъ на то, что ежегодная прибыль, выручаемая португальцами въ эту эпоху въ торговлѣ съ Молукскими островами (Тернате, Амбоина, Банда), доходила до 5 милліоновъ гульденовъ [4]). Кромѣ гвоздики на Молукскихъ островахъ произрасталъ въ большомъ количествѣ мускатный цвѣтъ и мускатный орѣхъ, который также высоко цѣнился въ Европѣ. И здѣсь уже въ 1522 году Антоніо де-Брито заключилъ съ князькомъ Тидора и предводителями племенъ договоръ, согласно которому всѣ пряности скупались исключительно

---

[1]) Peschel. Zeitalter der Entdeckungen, p. 472, 476.
[2]) Heyd, p. 532—37.
[3]) Zimmermann, I, p. 40, 45.
[4]) Беръ, II, стр. 106.

португальцами. Въ 1530 году новый губернаторъ Гонзало Перейра запретилъ непосредственное пріобрѣтеніе пряностей частнымъ купцамъ, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы все покупалось черезъ посредство королевскаго агента, что вызвало неудовольствіе, какъ португальцевъ, такъ и мѣстнаго населенія. Спустя нѣсколько лѣтъ, губернаторъ Де Таидесъ подтвердилъ это запрещеніе, требуя, чтобы всѣ пряности продавались его фактору, у котораго уже могутъ покупать купцы нужное имъ количество. Это вызвало военныя дѣйствія со стороны князьковъ острововъ Батьяна, Тидора и Тернате, но они были разбиты португальцами и вынуждены были подчиниться [1]). Установленное послѣдними правило имѣло въ виду устраненіе всякой конкурренціи при пріобрѣтеніи пряностей,—гвоздики и мускатнаго орѣха, ради еще большаго пониженія покупной цѣны послѣднихъ.

Вообще монополія въ торговлѣ съ Остъ-Индіей, Малаккой и архипелагомъ проводилась португальскимъ правительствомъ все болѣе и болѣе строго. Если въ первыхъ экспедиціяхъ принимали участіе и иностранцы, то впослѣдствіи доступъ для нихъ былъ совершенно закрытъ. Далѣе, торговля съ Японіей, Китаемъ, Малаккой, Мозамбикомъ и Ормуздомъ являлась монополіей короля. Что касается торговли съ Индіей, то въ принципѣ признавалась полная свобода торговли для всѣхъ португальцевъ, но въ дѣйствительности, путемъ ограниченій, исключеній и строгой регламентаціи, она сосредоточилась главнымъ образомъ въ рукахъ короля, который одинъ владѣлъ перевозочными средствами — значительнымъ флотомъ. На торговыхъ правительственныхъ корабляхъ, сопровождаемыхъ военной эскадрой, отправлялись ежегодно въ февралѣ или мартѣ купцы изъ Лиссабона въ Индію, причемъ уплачивали въ пользу правительства 30% (т. е. почти третью часть) стоимости товаровъ. Однако, перцемъ который игралъ наибольшую роль въ этой торговлѣ (въ XVI вѣкѣ, какъ и въ средніе вѣка, онъ былъ наиболѣе важнымъ предметомъ торговаго обмѣна) они торговать не могли, ибо торговля перцемъ составляла монополію короля [2]). И другія пряности (имбирь, гвоздику)

[1]) Bockemeyer. Die Molucken. Leipzig, 1888, p. 51, 58, 61.

[2]) Зевортъ-Лучицкій, стр. 177.

король объявлялъ нерѣдко своей монополіей и, такимъ образомъ, и торговля съ Индіей оказывалась въ его рукахъ. Филиппъ II, послѣ соединенія Португаліи съ Испаніей, получалъ изъ Индіи около 413 милл. мараведисовъ ежегодно, которые состояли изъ пошлинъ, дани съ покоренныхъ раджъ и прибыли, извлекаемой изъ монополизированной имъ торговли пряностями [1]). Прибыль эта оцѣнивалась въ 400% [2]).

Подобнымъ же образомъ былъ организованъ и сбытъ пряностей въ Европѣ. „Лиссабонъ пользовался исключительной монополіей, какъ единственное складочное мѣсто въ Португаліи для сношеній съ Индіей“ [3]). Первоначально купцамъ, участвовавшимъ въ экспедиціяхъ, разрѣшалось сбывать свои товары самостоятельно и по вольной цѣнѣ, позже было запрещено подъ страхомъ наказанія продавать ихъ ниже опредѣленной цѣны, а съ 1504 года всѣ привезенные въ Лиссабонъ товары поступали въ королевскіе магазины (Casa da India) и здѣсь продавались агентомъ по установленной королемъ цѣнѣ, независимо отъ того, принадлежали ли они королю или (другимъ) купцамъ. Монопольный характеръ имѣлъ и дальнѣйшій сбытъ индійскихъ товаровъ. „Привезенный въ Лиссабонъ перецъ—говоритъ Эренбергъ—сбывался торговымъ компаніямъ, которыя, такимъ образомъ, въ свою очередь, монополизировали торговлю изъ вторыхъ рукъ. Онѣ пріобрѣтали товары обыкновенно еще въ то время, когда послѣдніе находились въ пути, давали нуждавшимся въ деньгахъ португальскимъ королямъ значительную часть платы впередъ и за это, конечно, выгадывали въ цѣнѣ; но еще выгоднѣе было для нихъ то обстоятельство, что на антверпенскомъ рынкѣ, куда поступала наибольшая часть перца, они могли регулировать цѣну по своему усмотрѣнію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не прибывалъ новый флотъ изъ Остъ-Индіи, величина груза котораго уже оказывала большое вліяніе на цѣну перца. Этими двумя моментами, интересами крупныхъ торговыхъ компаній и величиной импорта опредѣлялась цѣна перца въ Антверпенѣ“ [4]).

[1]) Беръ, II, стр. 105.

[2]) Zimmermann, I, p. 113.

[3]) Ibid. II, стр. 104.

[4]) Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. B. I. Geldkapital und Creditverkehr im XVI Jahrhundert. Jena. 1896, p. 14.

До половины XV вѣка значеніе Антверпена въ торговлѣ было невелико, въ особенности по сравненію съ Брюгге, гдѣ сосредоточивалась ганзейская торговля, а также торговля между сѣверомъ и итальянскими городами. Съ половины XV вѣка торговое значеніе Антверпена стало возрастать, такъ какъ англичане перенесли туда торговлю сукномъ, но лишь со времени открытія португальцами пути въ Индію, съ тѣхъ поръ какъ тамъ (черезъ посредство королевскаго фактора) стали появляться привезенныя изъ Индіи пряности, Антверпенъ сталъ центромъ европейской торговли, куда пріѣзжали купцы со всѣхъ концовъ Европы для пріобрѣтенія произведеній Индіи. Португальцы, испанцы, нѣмцы, итальянцы стали селиться въ Антверпенѣ, чтобы тамъ закупать пряности, доставляемыя непосредственно изъ Лиссабона, изъ магазиновъ португальскаго короля [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ иностранные купцы были устранены отъ непосредственной торговли съ Индіей, они стали закупать индійскіе товары въ Антверпенѣ. Всѣ наиболѣе извѣстные торговые дома этого времени принимали участіе въ торговомъ обмѣнѣ между Лиссабономъ и Антверпеномъ. Такъ, Фуггеры въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій играли руководящую роль въ торговлѣ перцемъ на антверпенскомъ рынкѣ. Точно также и Вельзеры вели въ большихъ размѣрахъ торговлю остъ-индскими пряностями между Лиссабономъ, Антверпеномъ и южной Германіей, и счастье имъ долго улыбалось, они выручали значительную прибыль. Гехштеттеры изъ Аугсбурга и Лацарусъ Тухеръ изъ Нюренберга очень удачно спекулировали на пряностяхъ, привозимыхъ изъ Лиссабона въ Антверпенъ. Флорентинцы Фрескобальди и Гуальтеротти въ началѣ XVI вѣка скупали (за общій счетъ) въ значительномъ количествѣ перецъ въ Лиссабонѣ и также торговали имъ черезъ Антверпенъ [2]). Первоначально каждый изъ этихъ торговыхъ домовъ, повидимому, самостоятельно закупалъ пряности изъ королевскихъ магазиновъ въ Лиссабонѣ, но впослѣдствіи образовался цѣлый синдикатъ, который бралъ весь перецъ, монополизированный португальскимъ королемъ,

[1]) Ehrenberg, II, p. 3—4.
[2]) Ehrenberg, I, p. 96, 195, 213, 251, 278.

на откупъ; намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Аффайтадо изъ Кремоны и испанецъ Жуанъ Лопецъ Галло въ серединѣ XVI вѣка входили въ составъ обширнаго синдиката, скупавшаго у португальскаго короля весь грузъ пряностей, привозимый изъ Остъ-Индіи [1]). Однако, и до возникновенія синдиката, устанавливавшаго цѣны пряностей на антверпенскомъ рынкѣ, немногіе торговые дома, пріобрѣтавшіе пряности у португальскаго короля, находились въ монопольномъ положеніи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сбывали закупленные въ Лиссабонѣ товары, ибо это былъ единственный рынокъ остъ-индскихъ продуктовъ. Уже въ концѣ перваго и въ началѣ второго десятилѣтія XVI вѣка количество индійскихъ пряностей въ Египтѣ и Сиріи сильно уменьшилось, такъ какъ для арабскихъ купцовъ, доставлявшихъ туда пряности, торговыя сношенія съ Индіей были со времени возникновенія португальскаго владычества сопряжены съ опасностью жизни и изъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Индіи, лишь небольшая часть благополучно доходила до Краснаго моря. Поэтому и количество пряностей, пріобрѣтаемыхъ венеціанцами въ Александріи, сократилось на три четверти. Вѣнскіе купцы жаловались въ 1512—13 гг. императору Максимиліану, что въ Венеціи невозможно больше достать необходимое количество перца, и просили о допущеніи иностранныхъ купцовъ, привозящихъ перецъ изъ Антверпена, Франкфурта, Нюрнберга, а въ 1514 году уже сами венеціанцы вынуждены были закупать пряности въ Лиссабонѣ. Съ этихъ поръ Венеція потеряла свое прежнее значеніе въ международной торговлѣ [2]).

Не только торговля пряностями,—перцемъ, имбиремъ, корицей, но и торговля другими товарами въ Антверпенѣ находилась въ рукахъ синдикатовъ, состоявшихъ изъ немногихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ. Такъ, монополія торговли квасцами отдавалась сначала на откупъ Агостино Чиги изъ Сіены, затѣмъ флорентинцамъ Альбиччо Дельбене и Томмазо Чертини, а еще позже нидерландцамъ Альбрехту ванъ Кесселю и Павлу ванъ Гемерту; одно время ее экс-

[1]) Ehrenberg, I, p. 321, 358.
[2]) Heyd, II, p. 531—32, 538—39.

плоатировала фирма Аффайтади изъ Кремоны [1]). Въ другихъ случаяхъ мы находимъ фактическія монополіи, какъ напр., въ области торговли мѣдью, ртутью и другими товарами. Торговая компанія Гехштеттеровъ въ Аугсбургѣ, соединявшая въ своихъ рукахъ крупные капиталы (по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ до милліона гульденовъ), скупала осиновое дерево, когда дороги были хороши, т. е. подвозъ значителенъ, а сбывала его, когда проѣздъ былъ затрудненъ. То же продѣлывалось съ виномъ и хлѣбомъ. Амброзіусъ Гехштеттеръ нерѣдко скупалъ сразу весь запасъ того или другого товара, платя за него выше обычной цѣны, чтобы устранить конкуррентовъ, а затѣмъ онъ повышалъ повсюду цѣну, ибо рынокъ находился въ его власти. Въ такихъ случаяхъ фирма наживала по 500—600% барыша. Гехштеттеры пользовались нерѣдко для своихъ спекуляцій посредничествомъ нюрнбергскаго купца Тухера. Послѣдній и самъ скупалъ различные товары, въ особенности перецъ и пастель. „Лацарусъ Тухеръ—говоритъ о немъ антверпенскій факторъ другой семьи Тухеровъ, его двоюродныхъ братьевъ—въ 1526 году закупилъ весь перецъ и если придешь къ кому-нибудь, кто продаетъ перецъ, то всякій отсылаетъ къ Тухеру. Ибо онъ и продавецъ, и маклеръ одновременно. Не знаю я, можно ли ему вѣрить,—говоритъ тотъ же факторъ въ другомъ письмѣ—ибо онъ часто соединяетъ въ своемъ лицѣ роли покупателя и продавца одновременно“ [2]).

Жалобы на существованіе монопольныхъ компаній, скупающихъ всѣ запасы товара на рынкѣ, не представляютъ собою чего-либо новаго въ XVI вѣкѣ; какъ мы видѣли, онѣ раздаются уже въ первой половинѣ XV вѣка [3]). Если же цѣны на пряности были въ началѣ XVI вѣка значительно выше, чѣмъ въ предыдущее столѣтіе, то это объяснялось прежде всего монополизаціей остъ-индской торговли португальскимъ королемъ, который значительно повысилъ цѣны на перецъ, имбирь, корицу—важнѣйшіе предметы торговли съ Остъ-Индіей [4]). Борьба городовъ съ торговыми

[1]) Ehrenberg, I, p. 303, 310, 321, 372.

[2]) Ehrenberg, I, p. 212—14, 251, 398.

[3]) См. выше, стр. 231—32.

[4]) Wiebe. Preisrevolution im XVI—XVII Jahrh., p. 209—12.

компаніями оказалась безуспѣшной, попытка ихъ разбить крупныя компаніи на нѣсколько мелкихъ не привела ни къ чему. Шульте справедливо указываетъ на то, что эти компаніи были необходимы, иначе Германія была бы вытѣснена даже изъ того положенія, которое она въ XVI вѣкѣ еще занимала въ торговлѣ; она вынуждена была бы пріобрѣтать товары изъ третьихъ рукъ, между тѣмъ, какъ теперь она покупала и продавала ихъ изъ вторыхъ рукъ. Какой-нибудь мелкій торговецъ изъ Ульма не могъ самъ покупать нужное ему количество перца въ Лиссабонѣ или Антверпенѣ, закупать товары здѣсь могъ лишь факторъ крупной торговой компаніи [1]). Несмотря на всѣ нападки, компаніи продолжали существовать и впослѣдствіи, но онѣ измѣнили свой характеръ, перейдя къ еще болѣе выгодной, хотя и гораздо болѣе рискованной торговлѣ деньгами, на которой онѣ въ концѣ концовъ и погибли. Эренбергъ даетъ прекрасную картину развитія ихъ операцій, ихъ роста и гибели. Торговля же товарами совершалась въ Германіи уже въ концѣ XVI вѣка изъ третьихъ рукъ; вмѣстѣ съ переходомъ левантійской торговли изъ Венеціи въ Лиссабонъ, и Германія потеряла свое торговое значеніе. Посредничество въ международной торговлѣ, а съ нимъ и крупная торговая прибыль сосредоточились всецѣло въ рукахъ Португаліи и Испаніи, а затѣмъ Голландіи и Англіи.

II.

Для Португаліи значеніе новыхъ открытій заключалось прежде всего въ пріобрѣтеніи произведеній Индіи, которыя португальцы могли сбывать въ Европѣ по высокой цѣнѣ. Испанцевъ Америка привлекала не столько своими продуктами, сколько золотомъ: она давала имъ возможность привозить въ Европу огромное количество этого металла, пріобрѣтенное отчасти непосредственно, отчасти въ обмѣнъ за малоцѣнные европейскіе продукты. Уже на Санъ-Сальвадорѣ (Гуанагани), первомъ островѣ, открытомъ Колумбомъ (Колономъ), послѣдній увидѣлъ золотыя украшенія въ ушахъ и

[1]) Schulte, I, 670—674.

носу туземцевъ и рѣшился отыскать мѣсто нахожденія золота. Съ этой цѣлью Колумбъ взялъ съ собой семь туземцевъ, которые должны были указать ему путь для отысканія золота. Онъ приталъ прежде всего къ Кубѣ (Фернандина), такъ какъ плѣнные жители Санъ-Сальвадора сообщали о золотыхъ слиткахъ, которыми туземцы на Кубѣ увѣшиваютъ свое тѣло. А на Гаити (Эспаньола) Колумбу таки удалось пріобрѣсти много золота въ обмѣнъ за всякія бездѣлушки. На Антильскихъ островахъ Колумбъ и построилъ первый фортъ. Подобный же характеръ имѣла и дальнѣйшая колонизація испанцевъ. „Америка стала испанской и осталась ею постольку, поскольку существовали залежи золота и серебра, страны Новаго Свѣта, гдѣ не оказывалось золота, испанцы называли ненужными странами—tierras de ningun provecho“ [1]).

Съ 1521 по 1544 г. изъ Америки получалось ежегодно 2,900 килогр. золота и 30,700 килогр. серебра, что составляетъ свыше 8 милл. соврем. марокъ золота и $5^1/_2$ милл. марокъ серебра, въ слѣдующемъ періодѣ 1545—1560 гг. количество золота почти удвоилось (ежегодно около $5^1/_2$ тыс. килогр. или свыше 15 милл. мар.), хотя затѣмъ оно нѣсколько уменьшилось: въ 1561—1580 гг. оно составляло около 3,800 килогр. или $10^1/_2$ милл. мар. и въ 1581—1600 гг.—4,330 килогр. или 12 милл. мар. ежегодно; ежегодная добыча серебра увеличилась, начиная съ 1545 г., болѣе чѣмъ въ пять разъ (почти 250 тыс. килогр. или $44^1/_2$ милл. мар.) по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, а съ 1581 г. она составляла около 375 тыс. килогр. или $67^1/_2$ милл. марокъ ежегодно [2]). Наибольшее количество золота доставляли Испаніи рудники въ Мексико, Перу, Чили, Боливіи, Новой Гранадѣ (Колумбіи). Другимъ способомъ непосредственнаго пріобрѣтенія золота и серебра являлось насильственное отнятіе его у населенія—ограбленіе храмовъ и могилъ, дворцовъ и зданій, полученіе огромныхъ выкуповъ у туземныхъ князьковъ. Во время завоеванія Мексики у Монтезумы было

---

[1]) Peschel. Zeitalter der Entdeckungen, p. 158—9, 165—9. Peschel. Völkerkunde, p. 216—17.

[2]) Soetbeer. p. 107—108.

отнято сокровищъ цѣнностью въ 162 тыс. пезос., а при взятіи города Мексико добыча равнялась 131 тыс. пезос. Кортецъ въ 1528 году возвратился въ Испанію съ 200 тыс. пезос. золота, награбленнаго въ Мексикѣ. Откупъ, полученный отъ перуанскаго инки Атагуальпы, составлялъ $17^1/_2$ милліоновъ марокъ на современныя деньги; лучшая часть сокровищъ была послана испанскому королю, остальную побѣдители раздѣлили между собою. Много золота и серебра было также награблено при захватѣ главнаго города Перу—Куско (ок. $15^1/_2$ милл. марокъ), во время завоеванія Новой Гранады и во время различныхъ экспедицій въ Вестъ-Индіи [1]). Точно также экспедиція Вельзеровъ въ Венецуэлу для колонизаціи страны, вывезла оттуда 40 тыс. пезос., золото было захвачено въ домахъ, вытащено изъ могилъ, получено въ качествѣ выкупа [2]).

Наконецъ, золото и серебро получалось и косвеннымъ путемъ, посредствомъ торговаго обмѣна съ туземцами. Испанцы привозили въ Новый Свѣтъ шерстяныя, льняныя и металлическія издѣлія, всякаго рода предметы роскоши, вино, оливковое масло и разные съѣстные припасы. За товарами этими надзирали коррегидоры. Они устанавливали по своему усмотрѣнію количество, качество и цѣну товаровъ, распредѣляемыхъ между туземцами. Послѣдніе вынуждены были пріобрѣтать совершенно ненужные имъ предметы, употребленія которыхъ они даже не знали. Никакія возраженія не помогали: „продавцы“ отказывались взять что-либо обратно. Туземцевъ заставляли покупать бритвы, когда у нихъ не росла борода, зеркала для украшенія голыхъ стѣнъ своихъ хижинъ; одѣваться въ шелкъ и бархатъ, когда имъ не на что было купить хлѣба; пріобрѣтать табакерки, когда они не умѣли курить; покупать кружева, ленты, пуговицы, книги; но особенно настаивали на покупкѣ индѣйцами водки—и все это по самымъ невѣроятнымъ цѣнамъ. Заставивши купить всѣ эти ненужныя вещи, ихъ надѣляли затѣмъ и необходимыми предметами—сукномъ, холстомъ, разными орудіями по тройной и четверной цѣнѣ, Старые сапоги стоили 300 дукатовъ, испанскій плащъ

[1]) Soetbeer. p. 49—52. 60—61. 65—66.
[2]) Zimmermann. I. p. 295.

1,000 дукатовъ, лошадь 4—5 тыс. дук., кубокъ вина 200 дук. Это распредѣленіе привезенныхъ изъ Испаніи товаровъ между туземцами называлось repartimientos. При этомъ купецъ получалъ лишь часть барыша, наибольшую прибыль извлекали коррегидоры, являвшіеся посредниками между купцами и индѣйцами [1]).

Вывозъ въ Америку состоялъ, такимъ образомъ, изъ различныхъ произведеній испанской промышленности и сельскаго хозяйства, распредѣляемыхъ между индѣйцами, а также пріобрѣтаемыхъ испанскими колонистами. Наоборотъ, изъ Америки въ Испанію привозились, кромѣ золота и серебра, въ значительномъ количествѣ лишь драгоцѣнные камни (смарагды) и жемчугъ, менѣе великъ былъ ввозъ остальныхъ продуктовъ—кампешеваго и бразильскаго дерева, кошенили, бальзама, амбры, сахара, какао; всѣмъ этимъ товарамъ придавалось мало значенія. Вниманіе обращалось только на золото, серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Послѣдніе два предмета составляли монополію короля. Съ золота и серебра, какъ добытаго изъ рудниковъ, такъ и награбленнаго, король получалъ номинально пятую часть, въ дѣйствительности же половину и болѣе; когда же король нуждался въ деньгахъ, онъ забиралъ въ свою пользу все привезенное изъ Америки золото и серебро въ формѣ принудительнаго займа у владѣльцевъ его, и хотя кортесы неоднократно возставали противъ подобнаго образа дѣйствій и Карлъ V, какъ и Филиппъ II давали обѣщаніе не прибѣгать къ этой мѣрѣ, но и впослѣдствіи нерѣдко все прибывавшее изъ Америки золото и серебро захватывалось королемъ [2]).

Не меньшую выгоду доставляла королю и другая развившаяся въ это время крайне прибыльная отрасль торговли—торговля неграми. Негры вывозились изъ Африки, преимущественно изъ Гвинеи, на Антильскіе острова, Кубу, Гаити, Порторико, а также на континентъ Америки. Номи-

---

[1]) Зевортъ-Лучицкій, стр. 185. Bonn. Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des XVI Jahrhunderts. p. 111.

[2]) Häbler Zur Geschichte des spanischen Kolonialhandels im 16. und 17 Jahrhundert. Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. VII, p. 374—75. 402, 410—412, 423—27, 433—35.

нально торговля неграми была запрещена, но въ дѣйствительности правительство разрѣшало за извѣстную плату ввозъ опредѣленнаго количества негровъ въ колоніи. Эти лиценціи на исключительный торгъ неграми обыкновенно перепродавались торговцами, ихъ получившими, другимъ лицамъ со значительнымъ барышомъ. Первоначально торговля неграми находилась въ рукахъ генуэзцевъ и нѣмцевъ (Гаспаръ Центуріоне, Генрихъ Эгингеръ и Гіеронимусъ Зейлеръ), затѣмъ монополія перешла къ португальцамъ и испанцамъ, въ XVIII вѣкѣ ассіенто было передано французамъ, а съ Утрехтскаго мира—англичанамъ; при этомъ испанскій король участвовалъ въ прибыляхъ англійской компаніи, торговавшей невольниками. Кромѣ того, правительство выручало значительный доходъ изъ продажи лиценцій, ибо и впослѣдствіи торговыя фирмы, получившія право исключительной торговли неграми, должны были брать лиценцію на каждаго отдѣльнаго раба. „Первоначальный подушный налогъ въ размѣрѣ двухъ дукатовъ съ лиценціи былъ постепенно увеличенъ до 30—40 дукатовъ. При ежегодномъ ввозѣ 4—6 тысячъ рабовъ это составляло важную статью бюджета и въ XVIII вѣкѣ, когда доходы съ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ значительно сократились“ [1]).

Такимъ образомъ, наибольшую прибыль изъ колоніальной торговли извлекалъ испанскій король. Но и купцы не были въ убыткѣ. Нечего говорить о томъ, что торговля рабами доставляла огромные барыши. Дела Бреза, получившій первыя лиценціи, продалъ ихъ генуэзцамъ за 25 тысячъ дукатовъ. А французы, которые въ концѣ XVII вѣка пользовались монополіей въ этой торговлѣ, пріобрѣтали негровъ въ Сенегамбіи по 30 ливр., продавали же на Антильскихъ островахъ по 300 ливр., т. е. въ десять разъ дороже; въ 1693 году было закуплено 800 невольниковъ за 29,200 ливровъ и выручено за нихъ 240,000 ливр. [2]). Но и другія отрасли торговли давали высокую прибыль. При описанномъ выше принудительномъ сбытѣ товаровъ индѣйцамъ нѣтъ

[1]) Häbler. Amerika (Helmolt. Weltgeschichte, B. I.) Leipzig und Wien. 1899, p. 417—18, а также Häbler. Gesch. des span. Kolonialhandels. p. 415—422.

[2]) Sombart, I. p. 354.

ничего удивительнаго въ томъ, что привозъ шелковыхъ тканей въ Америку былъ выгодной коммерческой операціей, а кружева продавались съ прибылью въ 2,000 проц. [1]) „Робертсонъ и Адамъ Смитъ—говоритъ Леруа-Болье—указываютъ на то, что Испанія и Португалія никогда не создавали торговыхъ компаній, пользовавшихся исключительной монополіей. Но это мнѣніе не можетъ быть признано правильнымъ. Севильскіе купцы, которымъ только и предоставлялось право торговли съ Америкой, имѣли всѣ основанія дѣйствовать по взаимному соглашенію, что, какъ признаетъ Адамъ Смитъ, приводило къ существованію постояннаго союза купцовъ, въ рукахъ котораго находилась вся торговля. Мало того, со времени Карла V и Филиппа II и севильскіе купцы, и купцы въ Мексико и Лимѣ составляли замкнутыя корпораціи, во многомъ сходныя съ англійскими и голландскими компаніями конца XVI и начала XVII вѣка; сходство это еще болѣе увеличится, если имѣть въ виду, что и англійская остъ-индская компанія лишь съ 1612 года стала акціонернымъ обществомъ. Торговля Мексико съ флотомъ, прибывавшимъ изъ Испаніи, находилась въ рукахъ всего 8 или 10 мексиканскихъ торговыхъ домовъ. Такимъ образомъ, возникали какъ бы двѣ компаніи, которыя вступали между собою въ соглашеніе для эксплоатаціи потребителей, и въ результатѣ такой стачки между купцами обоихъ полушарій въ Америку посылалось лишь небольшое количество товаровъ; рынокъ былъ всегда understocked, какъ выражаются англичане. Уллоа утверждаетъ, что въ торговлѣ съ Америкой испанцы наживали отъ 100 до 300 проц. прибыли“ [2]).

„Торговые дома въ Севильи—говоритъ Геблеръ въ своей экономической исторіи Испаніи—закупали продукты на мѣстѣ по частямъ; но гораздо проще дѣло происходило за океаномъ. Купцы колоній (Мексико, Лима) скупали заразъ весь привезенный грузъ цѣликомъ, причемъ испанскій писатель XVI вѣка Меркадо, хорошо освѣдомленный въ этихъ вопросахъ, сообщаетъ, что прибавка въ 166 проц. къ

[1]) Häbler. Geschichte des spanischen Kolonialhandels, p. 414.

[2]) Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes, 4 éd. Paris. 1891, p. 28.

первоначальной цѣнѣ товара являлась въ тѣ времена обычною“ [1]). Эскадра, отправлявшаяся ежегодно изъ Севильи, а впослѣдствіи изъ Кадикса, въ составѣ 20—30 и болѣе коммерческихъ судовъ и въ сопровожденіи военнаго флота, производила весь торговый обмѣнъ съ Америкой. Въ Санъ-Доминго она раздѣлялась на двѣ части, изъ коихъ одна направлялась въ Портобело для торговли съ Перу и Чили, другая—въ Вера-Крузъ для торговли съ Мексикой. Въ эти мѣста купцы г. Лимы и Мексико, организованные въ компаніи, привозили продукты рудниковъ и другіе товары. На адмиральскомъ кораблѣ сходились делегаты отъ американской и севильской компаніи и въ присутствіи адмирала и панамскаго губернатора устанавливались цѣны на товары, причемъ тарифъ доставлялъ 100—300 проц. прибыли. Затѣмъ уже одна часть товаровъ пріобрѣталась у мѣстныхъ купцовъ испанскими колонистами, другая, черезъ посредство коррегидора, распредѣлялась между туземцами [2]). По нѣкоторымъ источникамъ торговля съ Америкой доставляла севильскимъ купцамъ нерѣдко 300—400 и даже 500 проц. прибыли въ годъ [3]).

Наконецъ, и миссіонеры наживались въ Америкѣ. Они торговали иконами, четками и т. п. предметами, причемъ нерѣдко для расширенія сбыта своихъ товаровъ прибѣгали къ различнымъ способамъ запугиванія религіознаго характера. Да и вообще они старались прибрать къ своимъ рукамъ прибыльную торговлю съ новообращенными индѣйцами [4]).

III.

Въ 1581 году Португалія со всѣми своими колоніями была присоединена къ Испаніи, въ 1585 году Филиппъ II захватилъ всѣ нидерландскіе корабли, находившіеся въ пор-

---

[1]) Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrhundert und ihr Verfall. Berlin, 1888, p. 56—57.

[2]) Häbler. Amerika, I, p. 410—15. Зевортъ-Лучицкій, стр. 184—85. Roscher-Jannasch. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 3. Aufl. Leipzig. 1885. p. 164.

[3]) Бэръ, II, стр. 123. Bonn. Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des XVI Jahrhunderts. p. 109.

[4]) Roscher. Kolonien, p. 144.

тугальскихъ водахъ и прекратилъ торговыя сношенія между Лиссабономъ и Нидерландами, а въ 1595 году уже отправился флотъ изъ Амстердама въ Остъ-Индію: лишившись возможности получать индійскіе товары въ Лиссабонѣ, какъ это было со времени открытія морского пути въ Индію, нидерландцы рѣшились завязать самостоятельныя торговыя сношенія съ Индіей, пріобрѣтать тамошніе товары изъ первыхъ рукъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1603 году имъ удалось прогнать португальцевъ съ Молукскихъ острововъ и укрѣпиться тамъ, на Амбоинѣ и Бандѣ. Съ этихъ поръ могущество Голландіи въ Индіи возрастаетъ все болѣе и болѣе, между тѣмъ какъ Португалія теряетъ одну факторію за другой. Въ 1640 году, когда Португалія вновь отдѣлилась отъ Испаніи и герцогъ Іоаннъ Браганцкій вступилъ на португальскій престолъ, вся торговля отъ Кохинхины до Зондскихъ острововъ находилась во власти голландцевъ. Повсюду въ Индо-Китаѣ—въ Кохинхинѣ, Тонкинѣ, Камбоджѣ, Сіамѣ, далѣе у Бенгальскаго залива, на Явѣ и Борнео, на Формозѣ и, наконецъ, въ Японіи голландцы успѣли заложить торговыя факторіи; португальскій же вице-король въ 1640 году уже не въ состояніи былъ отправить флотъ изъ Индіи въ Лиссабонъ, за отсутствіемъ людей и денегъ. Въ слѣдующемъ году Малакка перешла къ голландцамъ, въ 1656 году былъ завоеванъ Цейлонъ, а затѣмъ и на Коромандельскомъ и Малабарскомъ берегу португальцы были вытѣснены голландцами. Суматра и Целебесъ также принадлежали Голландіи. „Такимъ образомъ, въ теченіе какого-нибудь полустолѣтія Голландія стала наиболѣе могущественной страной въ Индіи: повсюду она имѣла факторіи, ея эскадра господствовала на всѣхъ моряхъ. Тщетны были попытки англичанъ конкуррировать съ ней и вытѣснить ее. И въ Восточной Азіи Голландія занимала сильное положеніе. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ она одна только пользовалась правомъ торговли въ Японіи, а изъ Формозы она вела торговый обмѣнъ съ Китаемъ. Ея суда крейсировали по Индійскому и Тихому океанамъ, разыскивая новыя выгодныя въ торговомъ отношеніи мѣста“ [1]). Эти же суда

[1]) Zimmermann. Die europäischen Kolonien. B. V. Die Kolonialpolitik der Niederländer. Berlin. 1903, p. 35.

не допускали иностранныхъ кораблей въ индійскія воды. Голландія обладала исключительнымъ правомъ торговли со всѣми мѣстностями, гдѣ она успѣла утвердиться. Были ли то Молукскія острова или Цейлонъ, Ява или Японія, повсюду голландцамъ удалось заключить торговые договоры, на основаніи которыхъ имъ однимъ предоставлялось право торговли: ни съ кѣмъ другимъ туземцы не могли вступать въ торговыя сношенія. И они, слѣдовательно, какъ прежде португальцы, монополизировали торговлю съ Индіей; съ вытѣсненіемъ португальцевъ характеръ остъ-индской торговли, такимъ образомъ, нисколько не измѣнился. Отчасти эта монополія была достигнута силой, отчасти туземцы сами оказывались на ихъ сторонѣ. Въ Малайскомъ архипелагѣ ненависть туземнаго населенія къ португальцамъ и испанцамъ оказалась лучшимъ союзникомъ нидерландцевъ, у которыхъ ожидали защиты отъ притѣснителей. Но населенію совершенно не приходило въ голову, что оно лишь мѣняетъ своихъ господъ [1]).

И по своей организаціи остъ-индская торговля Нидерландовъ немногимъ отличалась отъ торговли португальцевъ; она отличалась лишь постольку, поскольку это обусловливалось различіемъ въ государственномъ строѣ обѣихъ странъ. Въ Португаліи торговля съ Индіей являлась монополіей короля, въ Нидерландахъ монополія торговли принадлежала акціонерной компаніи, во главѣ которой стояли тѣ же лица, которыя управляли республикой [2]). Поэтому-то всѣ договоры въ Индіи заключаются компаніей отъ имени государства, товары закупаются факторомъ генеральныхъ штатовъ, цѣны устанавливаются генеральными штатами, хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствительнымъ контрагентомъ была компанія. „Но компанія могла поступать подобнымъ образомъ, ибо члены ея и наиболѣе заинтересованныя лица (не формально, но фактически) держали въ своихъ рукахъ власть

---

[1]) Klerk de Reus. Geschichtlicher Ueberblick der administrativen, rechtlichen und finanziellen Entwicklung der niederländisch-ostindischen Kompagnie. Verhandelingen van het bataviaasch Genootschap van Hunsten en Wetenschappen. Deel XLVII, 3. Stuk. Batavia, 1894, p. XIII.

[2]) Klerk de Reus, p. 291.

и управленіе страной“ [1]). Подобно тому, какъ товары, привезенные изъ Индіи первыми флотиліями португальцевъ, принадлежали отдѣльнымъ купцамъ, участвовавшимъ въ этихъ экспедиціяхъ своими капиталами, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя, вся торговля была сосредоточена въ королевской Casa da India,—подобно этому и сто лѣтъ спустя первыя экспедиціи голландцевъ въ Остъ-Индію были предприняты различными компаніями купцовъ, образовавшимися въ нѣсколькихъ городахъ — Амстердамѣ, Миддельбургѣ, Роттердамѣ и Дельфтѣ, которыя независимо другъ отъ друга снаряжали въ Остъ-Индію экспедиціи съ торговыми цѣлями [2]).

Въ 1602 году изъ всѣхъ этихъ компаній образовалась одна соединенная остъ-индская компанія, которая состояла изъ восьми частей: четыре принадлежали Амстердаму, двѣ Миддельбургу одна Роттердаму и Дельфту, одна Горну и Энкгуизену. Въ этой пропорціи города принимали участіе въ снаряженіи судовъ, въ управленіи (восемь палатъ), во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ компаніи. Это распредѣленіе власти и участія въ торговлѣ обезпечивало Амстердаму то положеніе въ торговлѣ, которое въ теченіе предыдущаго столѣтія занималъ Лиссабонъ: онъ обладалъ половиной всѣхъ голосовъ въ администраціи компаніи, причемъ палаты, изъ членовъ которыхъ выбирался комитетъ изъ 17 лицъ, управлявшій всѣми дѣлами компаніи, сами же пополняли свой составъ, такъ что кругъ лицъ, стоявшихъ во главѣ компаніи, былъ вполнѣ замкнутый. Между тѣмъ компанія пользовалась широкими привилегіями. „Она имѣла право объявленія войны и заключенія мира въ Остъ-Индіи, право строить города и крѣпости, чеканить монету, назначать членовъ остъ-индскаго совѣта и всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ въ Индіи, заключать союзы съ туземными

[1]) Bockemeyer. Die Mollucken. Geschichte und quellenmässige Darstellung der Eroberung und Verwaltung der ostindischen Gewürzinseln durch die Niederländer. Leipzig, 1888. p. 107.

[2]) Относительно возникновенія нидерландской остъ-индской компаніи и ея организаціи см. Ehrenberg. B. II. Weltbörsen und Finanzkrisen des 16. Jahrh. p. 324 и сл. Schmoller. Gesch. Entwicklung der Unternehmung, Jahrbuch. B. XVII, Lehmann. Geschichtliche Entwicklung des Aktienrechts bis zum Code de Commerce. Berlin. 1895., p. 32 и сл., а также А. И. Каминка. Акціонерныя компаніи. Т. I. Спб. 1902. Стр. 168 и сл.

раджами, и все это отъ имени генеральныхъ штатовъ". Она обладала исключительнымъ правомъ торговли съ Ость-Индіей. Лишенію жизни и конфискаціи имущества подвергался каждый купецъ, стоявшій внѣ компаніи, который вступалъ въ торговыя сношенія съ Индіей.

Даруя столь широкія привилегіи компаніи, правительство сочло нужнымъ хоть внѣшнимъ образомъ сохранить равенство всѣхъ передъ закономъ и прибѣгло къ слѣдующей мѣрѣ: всѣмъ жителямъ страны предоставлялось право участія въ компаніи, каждый могъ пріобрѣтать акціи ея,— преимущество крайне сомнительнаго свойства, ибо очень скоро акціи компаніи такъ повысились въ цѣнѣ, что покупка ихъ уже не представлялось выгодной, но была сопряжена съ большимъ рискомъ [1]). Такимъ образомъ, остъ-индская компанія немногимъ отличалась по своему характеру отъ всѣхъ другихъ торговыхъ компаній этой эпохи, напр., отъ компаніи испанскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Америкой: и тутъ и тамъ—замкнутый кругъ лицъ, но въ Нидерландахъ это былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ одновременно и большое вліяніе на управленіе страны; нидерландская остъ-индская компанія представляла собою, слѣдовательно, торговую монополію нидерландскаго правительства.

Эта монополія являлась весьма выгодной. Привозимыя изъ Индіи пряности, шелковыя и бумажныя ткани, металлы и драгоцѣнные камни сбывались въ Европѣ по высокой цѣнѣ. Въ Амстердамѣ компанія продавала остъ-индскіе товары съ аукціона. Часть ихъ оставалась въ Нидерландахъ, другая часть распространялась самими же голландцами въ другихъ странахъ. Между тѣмъ пріобрѣтались эти товары на мѣстѣ на очень выгодныхъ условіяхъ. Во многихъ случаяхъ они вовсе ничего не стоили, являясь результатомъ грабежа и пиратства, въ другихъ случаяхъ цѣны на произведенія Индіи устанавливались компаніей односторонне, наконецъ, поскольку имѣлъ мѣсто правильный торговый обмѣнъ, компанія получала пряности и колоніальные продукты, дорогія ткани за всевозможныя бездѣлушки или за европейскіе товары худшаго качества, ибо народы Малайскаго архипелага, Индо-Китая и др. мѣстностей имѣли довольно смут-

[1]) Bockemeyer, 83, 96—98.

ное представленіе о цѣнности и охотно отдавали огромное количество продуктовъ, имѣвшихся у нихъ въ изобиліи, за блестящія вещицы, за побрякушки, ни на что не пригодныя [1]). Среди тѣхъ мѣстностей, гдѣ компанія успѣла утвердиться, и которыя по своимъ произведеніямъ имѣли для нея наибольшее торговое значеніе, необходимо остановиться преимущественно на Молукскихъ островахъ, на Зондскомъ архипелагѣ, гдѣ центральнымъ пунктомъ являлась Ява, наконецъ, на Японіи.

Острова Молукскаго архипелага, Тернате и Тидоръ, въ особенности же группы острововъ Амбоина и Банда, привлекали европейцевъ своей богатой растительностью, своими пряностями—гвоздикой, мускатнымъ цвѣтомъ и мускатнымъ орѣхомъ. Уже въ средніе вѣка эти продукты получались преимущественно съ Молукскихъ острововъ, хотя въ Европѣ объ этомъ почти не знали; въ XVI вѣкѣ вся гвоздика доставлялась португальцами отсюда, и голландцы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы вытѣснить съ Молукскаго архипелага испанцевъ и португальцевъ и чтобы не допустить сюда англичанъ: вся гвоздика должна была принадлежать имъ. Въ началѣ XVII вѣка они платили въ среднемъ по 180 гульденовъ за 625 амстердамскихъ фунтовъ гвоздики, а продавали ихъ въ Нидерландахъ за 1,200 гульденовъ, т. е. почти въ семь разъ дороже [2]). При первомъ появленіи нидерландцевъ на Молукскихъ островахъ жители Тернате, Амбоины и Банды охотно брали у нихъ старое (негодное) оружіе въ обмѣнъ за гвоздику и мускатъ. Позже, когда компанія устроила постоянныя факторіи на островахъ, былъ заключенъ договоръ съ царькомъ острова Тернате, согласно которому весь сборъ гвоздики долженъ былъ продаваться фактору компаніи по цѣнѣ, установленной на основаніи взаимнаго соглашенія между компаніей и мѣстнымъ царькомъ. Однако, въ дѣйствительности, этотъ договоръ не исполнялся компаніей: цѣна гвоздики устанавливалась ею односторонне, предводитель требовалъ 100 талеровъ (за 625 фунтовъ), но получалъ всего 60, а впослѣдствіи даже 50, въ то время какъ испанцы платили 100 и 120 тал. Далѣе,

[1]) Ср. выше, стр. 46 и сл. 53 и сл.

[2]) Bockemeyer. p. 99.

компанія уплачивала не деньгами, а товарами—платьемъ и другими ненужными туземцамъ вещами. Наконецъ, настаивая на томъ, чтобы пряности отдавались исключительно особо назначенному фактору компаніи, послѣдняя въ то же время обходила представителей туземнаго населенія, заставляя туземцевъ доставлять продукты прямо компаніи, безъ посредничества предводителей племенъ, какъ было условлено и установлено обычаемъ [1]).

Но при такихъ условіяхъ компанія имѣла всѣ основанія опасаться конкуррентовъ, и туземцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо заявляли, что въ случаѣ несоблюденія договоровъ компаніей, они будутъ продавать свои продукты другимъ купцамъ, которые согласны платить вдвое большую цѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять имъ рисъ и другіе необходимые предметы по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Нужно было подчинить населеніе всецѣло своей власти. Дѣйствительно, на островахъ Банда, славившихся своимъ мускатнымъ орѣхомъ, голландцы стали дѣйствовать весьма рѣшительно: масса населенія была истреблена, остальное было превращено въ рабство; лѣса, гдѣ росъ мускатный орѣхъ, были розданы прежнимъ солдатамъ и мелкимъ чиновникамъ компаніи, которые обязывались по установленной компаніей цѣнѣ доставлять продукты въ ея пакгаузы и тамъ же преобрѣтать предметы продовольствія—рисъ, соль, аракъ, оливки и т. п. [2]). При этомъ на всѣхъ остальныхъ Молукскихъ островахъ, за исключеніемъ Банда, были уничтожены мускатныя деревья [3]). Группа острововъ Амбоина, а также острова Гальмагера, Тернате, Тидоръ, Макіанъ, Батьянъ изобиловали гвоздикой, и компанія не въ состояніи была пріобрѣтать всю произроставшую здѣсь гвоздику, ибо въ этомъ случаѣ цѣна послѣдней въ Европѣ значительно понизилась бы; еще опаснѣе была, конечно, иностранная конкурренція. Въ виду этого, губернаторъ, представитель компаніи, и заявилъ предводителямъ туземныхъ племенъ,

---

[1]) Bockemeyer. p. 89. 107. 141. 162—3. 174. 180. Ср. выше, стр. 36 и сл.

[2]) Bockemeyer. p. 136—137. 141.

[3]) Warburg. Die Muskatnuss. Ihre Geschichte, Botanik, Kultur, Handel und Verwertung. Zugleich ein Beitrag zur Kulturgeschichte der Banda-Inseln. Leipzig. 1897. p. 124 и сл.

что весь міръ, какимъ его создалъ Богъ, въ состояніи потреблять лишь 1,500 баръ (500—600 фун.) гвоздики, между тѣмъ на Молукскихъ островахъ жатва гвоздики равняется 2,500 баръ, такъ что 1,000 баръ должно быть брошено въ море или сожжено. И этотъ замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уничтожались гвоздичныя деревья, истреблялись сады, независимо отъ того, принадлежали ли они предводителямъ, общинамъ или частнымъ лицамъ, такъ что въ 1657 году сады гвоздики остались лишь на островѣ Тидорѣ, и такъ какъ получавшейся здѣсь гвоздики оказывалось уже недостаточно, то приходилось ее вновь разводить на Амбоинѣ [1]). Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка продажная цѣна гвоздики въ Голландіи равнялась—по Людеру—85 стюверамъ за фунтъ, покупная же цѣна компаніи, по увѣреніямъ иностранцевъ (которыя Людеръ признаетъ правильными), составляла не болѣе 5 стюверовъ. По другимъ вычисленіямъ, сообщаемымъ тѣмъ же Людеромъ, компанія выручала ежегодно на продажѣ гвоздики въ Европѣ и Индіи $2^1/_2$ милл. гульд.; вычтя изъ нихъ всѣ расходы въ размѣрѣ 1,075 тыс. гульд., получимъ прибыль въ 1.425 тыс. гульд. [2]).

Подобный же характеръ имѣла торговая и колоніальная политика компаніи на Большихъ Зондскихъ островахъ—Явѣ, Суматрѣ, Целебесѣ, Борнео, Менадо на сѣверѣ Целебеса и мѣстности, расположенныя у залива Томини, отличались богатствомъ риса, столь необходимаго въ тропикахъ пищевого продукта. За какіе-нибудь 36—39 гульд. тамъ можно было пріобрѣсти цѣлый ластъ (30 гектолитровъ) риса, причемъ оплачивался рисъ не деньгами, а различными предметами одежды, на которыхъ нидерландцы наживали около 100 проц. прибыли. Въ мѣстностяхъ Роронтало и Лимботто на томъ же Целебесѣ водились огромныя стада буйволовъ, кото-

[1]) Bockemeyer. p. 179. 190. 201. 220. 237—8. 244. 247—8. Истребленіе пряностей, именно, корицы, гвоздики и мускатнаго орѣха, производилось и въ самой Голландіи, когда компанія находила привезенный грузъ слишкомъ большимъ и опасалась паденія цѣнъ. Эти пряности сжигались въ столь значительномъ количествѣ, что ароматъ ихъ, по описаніямъ очевидцевъ, распространялся на много миль вокругъ.

[2]) August Ferdinand Lüder. Geschichte des holländischen Handels. Leipzig. 1788. p. 251—253.

рыми населеніе пользовалось въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, а также для пищи; за крупнаго буйвола нидерландцы давали три метра ткани, что равнялось 8—10 гульд. [1]). На Явѣ также важнѣйшимъ продуктомъ вывоза былъ рисъ, причемъ первоначально мѣстные князьки обязывались доставлять компаніи все необходимое ей количество риса, но затѣмъ договоръ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что князьки обязаны передавать компаніи весь произведенный рисъ, какъ собственный, такъ и полученный отъ населенія, и притомъ по установленной компаніей цѣнѣ, а въ XVIII вѣкѣ и здѣсь компанія стала обходить предводителей туземнаго племени, требуя, чтобы населеніе сбывало рисъ непосредственно въ ея магазины. Она платила по 10 талер. за мѣру (коянъ—3,400 ф.), излишнее же количество перепродавала частнымъ лицамъ за 20 тал. Султанъ Бантама вынужденъ былъ поставлять компаніи и весь воздѣлываемый въ этой мѣстности перецъ по низкой цѣнѣ, опредѣляемой ею [2]). Перецъ, который компанія пріобрѣтала также и на Суматрѣ, обходился ей обыкновенно—по Людеру—на Явѣ въ $2^1/_4$—$2^1/_2$ стювера фунтъ (на Суматрѣ въ 4—6 пфен.), а въ Голландіи онъ продавался по 20 и болѣе стювер., т. е. въ 8—10 (50—80) разъ дороже [3]). Въ Батавіи приготовлялся аракъ превосходнаго качества, бочка котораго стоила на мѣстѣ 35 рейхстал. (105—120 гульд.), въ Европѣ же—700 гульд. [4]). За сахаръ, который также цѣликомъ поступалъ въ магазины компаніи, она платила на Явѣ сначала 9 реал. за пикуль (125 ф.), но затѣмъ, когда производство сахара расширилось, понизила цѣну до $5^1/_2$ реалей, въ Персіи она сбывала его съ барышемъ въ 172 проц. Съ начала XVIII вѣка за фунтъ сахара уплачивалось всего $1^1/_6$ стювера, въ Европѣ же цѣна его равнялась 13—14 стюв. [5]). Наконецъ, компанія стала разводить на Явѣ кофе, перенесенный изъ Кананора. Первоначально она вывозила кофе изъ Мокки, пріобрѣтая фунтъ за 10 стюв. и сбывая его въ Европѣ за 38 стюв.

---

[1]) Bockemeyer. 258—9.
[2]) Klerk de Reus. p. 214—216.
[3]) Lüder. p. 255. 257. 696.
[4]) Бэръ. II. 157.
[5]) Klerk de Reus. p. 225 и сл.

Когда же въ Моккѣ цѣна поднялась до 22 стюв., компанія стала разводить его въ собственныхъ владѣніяхъ и прежде всего на Явѣ. Здѣсь она также платила 10 стюв. съ фунта, причемъ четвертая часть платы выдавалась населенію одеждой, а въ Персіи кофе продавался за 31—34 стюв., т. е вчетверо дороже. Въ послѣдующіе годы (1725—1726) цѣна кофе была понижена компаніей до 5, а затѣмъ и до $2^1/_2$ стюв., но компанія обязалась уплачивать старѣйшинамъ племенъ за весь кофе наличными деньгами. Сначала спросъ на кофе въ Нидерландахъ значительно превышалъ привозимое количество, но уже въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка производство его чрезмѣрно расширилось, почему компанія и на Явѣ, какъ на Молукскихъ островахъ, приказывала вырубать деревья и замѣнять кофейныя плантаціи разведеніемъ перца; но и здѣсь уничтоженіе плантацій совершалось столь усердно (во многихъ мѣстахъ осталась лишь $^1/_8$ прежняго количества деревьевъ), что впослѣдствіи приходилось вновь разводить ихъ, ибо возникало опасеніе, что нельзя будетъ удовлетворить весь спросъ на нидерландскомъ рынкѣ [1]).

Клеркъ де Реусъ указываетъ на то, что вездѣ господствовала система контрибуцій („Leverantiën“) — продукты получались компаніей либо даромъ, либо за цѣну, не стоявшую ни въ какой связи съ продажной цѣной продукта, и такъ какъ повсюду, гдѣ компанія устраивала свои факторіи, она пользовалась торговой монополіей, то—говоритъ онъ—можно было бы утверждать, что всѣ пріобрѣтаемые ею продукты должны разсматриваться какъ „Leverantiën“. Но—прибавляетъ онъ—особенность „Leverantiën“ состоитъ въ томъ, что количество и цѣна поставляемыхъ продуктовъ точно установлены, тогда какъ изъ торговой монополіи вытекала лишь обязанность сбыта продуктовъ опредѣленной компаніи, но количество и цѣна ихъ зависѣла отъ различныхъ обстоятельствъ“ [2]). Въ дѣйствительности, однако, т. наз., контрибуціи отсутствовали всегда лишь въ первое время по появленіи компаніи въ какой-либо мѣстности, когда цѣна являлась результатомъ двусторонняго соглашенія, хотя и тогда уже она устанавливалась не къ выгодѣ тузем-

[1]) Klerk de Reus. 226—232.
[2]) Klerk de Reus. p. 214.

наго населенія. Когда же могущество компаніи въ той или другой мѣстности упрочивалось и она пріобрѣтала власть надъ населеніемъ, послѣднее вынуждено было уже доставлять всѣ продукты компаніи и цѣна односторонне опредѣлялась послѣдней. Названія были различныя: одни продукты поставлялись компаніи подъ именемъ „Leverantiën", другіе назывались контингентомъ, третьи, наконецъ, просто покупались, но сущность дѣла отъ этого не мѣнялась; во всѣхъ трехъ случаяхъ компанія платила извѣстную минимальную сумму за продукты, сбываемые ею въ Европѣ или въ другихъ азіятскихъ странахъ по высокой цѣнѣ. Такъ, напр., за товары, полученные подъ названіемъ контингента на восточномъ берегу Явы, компанія заплатила 82 тысячи рейхсталер., а выручила за нихъ 216 тысячъ, т. е. 134 тыс. прибыли или свыше 160% [1]).

Кромѣ гвоздики, мускатнаго цвѣта и орѣха, риса, арака, перца, сахара и кофе, большое значеніе имѣли въ торговлѣ остъ-индской компаніи корица, опій и чай. Корица доставлялась въ Европу голландцами, какъ и до нихъ португальцами, съ острова Цейлона. Здѣсь сборъ ея производился кастою Магабаддовъ или Халіевъ. Послѣдніе были прикрѣплены къ землѣ въ качествѣ крѣпостныхъ или даже рабовъ. Сыновья Халіевъ съ двадцатилѣтняго возраста обязаны были поставлять компаніи по одному пингу, т. е. 56 фунтовъ корицы; впослѣдствіи это количество было увеличено до 11 пингъ (616 фунтовъ). Въ вознагражденіе каждый изъ нихъ получалъ по нѣсколько фунтовъ риса. Надзиравшіе за сборомъ корицы аптекаря и врачи отбирали настоящую корицу, которая только и отправлялась въ Европу. Ежегодное потребленіе ея въ XVIII вѣкѣ голландцы опредѣляли въ 400 тысячъ фунтовъ [2]). По Людеру фунтъ корицы обходился компаніи не болѣе чѣмъ въ 10 стюв., продавался же въ Голландіи за 100—150 и болѣе стюв. [3]). Торговля опіемъ, который пріобрѣтался въ Бенгаліи, доставляла компаніи съ 1678 г. по 1800 г. въ среднемъ 570 тыс. гульд. ежегодно. Съ 1745 г. по 1794 г. эта торговля находилась

[1]) Ibid. p. 210—213.
[2]) Бэръ. II. 158.
[3]) Lüder, p. 260. 696.

въ рукахъ особо организованнаго съ этой цѣлью привилегированнаго общества, которому она была передана компаніей для устраненія сильно развившейся контрабандной торговли опіемъ. Компанія привозила пріобрѣтаемый ею въ Бенгаліи опій въ Батавію и здѣсь передавала его этому обществу по заранѣе установленной цѣнѣ въ 450 рейхстал. или 1,125 гульд. съ бочки, причемъ общество обязано было брать у нея не менѣе 1,200 бочекъ ежегодно. Компанія разсчитывала при этомъ на прибыль въ 833 рейхстал. или въ 285%. Однако, торговлю опіемъ въ Бенгаліи захватили въ это время англичане въ свои руки и у нихъ остъ-индская компанія вынуждена была покупать опій, уплачивая по 804 гульд. съ бочки, такъ что при продажѣ его обществу она выручала всего 321 гульд. или 40 проц. Поэтому вскорѣ продажная цѣна была повышена компаніей на 100 проц., и, кромѣ того общество торговли опіемъ обязано было отдавать ей половину своихъ прибылей. Но такъ какъ и при этихъ условіяхъ компанія не выручала того барыша, на который она первоначально разсчитывала, то въ 1724 году она вновь взяла всю торговлю опіемъ въ свои руки [1]).

Китайскій чай былъ впервые привезенъ въ Нидерланды въ 1610 г. Чай пріобрѣтался обыкновенно въ Батавіи, куда его привозили китайцы, причемъ и въ торговлѣ съ китайцами голландцы односторонне устанавливали цѣны [2]). Въ началѣ XVIII вѣка компанія пріобрѣтала въ среднемъ ежегодно на 192 тыс. рейхстал. чаю, а продавала его за 272 тыс., т. е. извлекала около 95 проц. прибыли. Съ 1727 года установились и правильныя непосредственныя торговыя сношенія съ Китаемъ, но корабли отправлявшіеся за чаемъ, посылались не изъ Батавіи, а прямо изъ Нидерландовъ. И въ періодъ 1760—1784 гг. прибыль при продажѣ чая равнялась въ среднемъ 90 проц. ежегодно (издержки 2.128 тыс., выручка 4.052 т. ежегодно), а въ предыдущее двадцатипятилѣтіе 1735—1758 гг. она достигала прямо невѣроятныхъ размѣровъ — 450 проц. въ годъ (издержки 83 тыс. въ среднемъ ежегодно, прибыль 377 тыс.) [3])

---

[1]) Klerk de Reus. p. 217—219.

[2]) Lüder. p. 258.

[3]) Klerk de Reus. p. 219—221.

Совершенно своеобразный характеръ имѣла торговля нидерландской остъ-индской компаніи съ Японіей. Въ то время, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ нидерландцы успѣли утвердиться съ оружіемъ въ рукахъ и заставить подвластныхъ имъ князьковъ не продавать своихъ продуктовъ никому кромѣ компаніи, ихъ торговля въ Японіи была обставлена всевозможными стѣсненіями, которыя они вынуждены были терпѣливо сносить, чтобы не лишиться вовсе возможности посылать свои корабли въ Японію. И здѣсь нидерландцы вытѣснили португальцевъ и заступили ихъ мѣсто, и здѣсь они съ 1640 года пользовались монопольнымъ положеніемъ, ибо ни испанцамъ, ни англичанамъ не удалось надолго сохранить непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Японіей. Но внутрь страны и нидерландцевъ не пускали: ихъ факторія была устроена на островѣ Десима, около Нагасаки, они допускались въ страну лишь одинъ разъ въ годъ—для передачи шогуну, управлявшему страной, подарковъ, которые представляли собою очень значительную цѣнность. Во всякое другое время они не могли оставлять островъ Десима безъ разрѣшенія японскихъ властей. Послѣдній былъ соединенъ мостомъ съ Нагасаки, на ночь же мостъ запирался воротами[1]). Въ этомъ отношеніи положеніе нидерландцевъ въ Японіи напоминаетъ тѣ условія, въ которыхъ находились венеціанскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Александрію въ XIV—XV ст. [2]). Какъ у венеціанцевъ въ Египтѣ, такъ и у нидерландцевъ по прибытіи въ Японію, отнималось всякое оружіе, а также весла и руль, и они не могли вступать въ непосредственный торговый обмѣнъ съ японскими купцами, а вынуждены были сбывать всѣ привезенные товары особой правительственной коллегіи; послѣдняя условливалась съ японской купеческой гильдіей относительно продажныхъ цѣнъ товаровъ и затѣмъ старалась возможно дешевле пріобрѣсти ихъ у нидерландской компаніи. Формально и нидерландцы участвовали въ установленіи цѣнъ товаровъ, но фактически цѣны односторонне опредѣлялись японской коллегіей, ибо на протесты компаніи японцы не обращали никакого вниманія.

[1]) Münsterberg. Japans auswärtiger Handel von 1542 bis 1854, p. 44, 75, 76, 86 и сл., 151 сл., 172 и сл.

[2]) См. выше, стр. 197—198.

Одно время губернаторъ Нагасаки прямо устанавливалъ таксу на товары, какъ египетскій султанъ; но этотъ обычай былъ вскорѣ отмѣненъ [1]). По вычисленіямъ Мюнстерберга, прибыль, выручаемая компаніей въ Японіи, составляла въ 1632—1672 гг. 70 проц. въ годъ, въ 1672 — 1684 гг. около 35 проц., въ 1685 — 1696 г. 45 проц., а въ XVIII вѣкѣ въ среднемъ 60 проц. ежегодно [2]). Но несравненно больше была разница между покупной и продажной цѣной сбываемыхъ въ Японіи товаровъ.

До конца XVII вѣка однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ привоза въ Японію являлся шелкъ, на которомъ нидерландцы выручали 50—100 проц. прибыли, но впослѣдствіи цѣна послѣдняго въ Японіи настолько понизилась, что ввозъ шелка сталъ убыточнымъ и компанія была довольна, когда японское правительство освободило ее отъ обязанности привозить шелкъ. Другимъ не менѣе важнымъ предметомъ ввоза были звѣриныя шкуры, привозимыя изъ Сіама и Камбоджи, а также красное дерево. Торговля и тѣмъ и другимъ приносила большую выгоду, барышъ, прибавляемый къ покупной цѣнѣ, составлялъ 200—400 и болѣе проц. Очень значительна была и прибыль при продажѣ сахара, камфоры, перца, шафрана, ладана и другихъ пряностей и благовоній, а также красильныхъ веществъ—въ началѣ XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, разница между покупной и продажной цѣной равнялась 150 — 300 и болѣе проц. [3]) Мюнстербергъ указываетъ, однако, на то, что эти продукты привозились въ Японію въ небольшомъ количествѣ, когда же ихъ скоплялось много, то они сильно падали въ цѣнѣ. Но съ другой стороны — прибавляетъ онъ—рѣдкія вещи сбывались по цѣнамъ прямо неслыханнымъ, которыя только и могутъ быть объяснены тѣмъ обстоятельствомъ, что у японскихъ князей скоплялись огромныя суммы денегъ, которыми нельзя было воспользоваться инымъ способомъ [4]). Мюнстербергъ упускаетъ, однако, изъ виду, что такой характеръ имѣла вся торговля съ Японіей, ибо—какъ онъ самъ же указываетъ—японское

---

[1]) Münsterberg. p. 103—105, 159—164, 168—171.
[2]) Ibid. p. 296—302.
[3]) Münsterberg. p. 238—269.
[4]) Münsterberg. p. 238—289.

правительство терпѣло иностраныхъ купцовъ лишь потому и лишь постольку, поскольку они доставляли товары для правителей и князей, а не для народа [1]), и, какъ намъ приходилось неоднократно упоминать, повсюду торговля первоначально удовлетворяла лишь потребностямъ королей и придворныхъ. Поэтому-то цѣны на привозимые нидерландской компаніей товары и могли стоять такъ высоко, поэтому и обычная прибыль при продажѣ товаровъ достигала 150—400 проц.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить несоотвѣтствіе между дѣйствительной прибылью, выручаемой компаніей въ торговлѣ съ Японіей, съ одной стороны, и тѣмъ барышемъ, который прибавлялся къ покупной цѣнѣ товара, между 35 — 70 и 150—400 проц. Огромное разстояніе между приведенными цифрами есть результатъ того, что рядомъ съ торговлей остъ-индской компаніи существовала и торговля частныхъ лицъ, находившихся на службѣ у компаніи, — ея чиновниковъ и офицеровъ. Когда въ 1686 году японское правительство ограничило обороты компаніи въ 260 тысячъ таэлей (около 1.600.000 мар.), послѣдней удалось выхлопотать разрѣшеніе привозить товары еще на 40 тыс. таэл. (250 тыс. мар.), однако, эти добавочные 40 тыс. составляли торговые обороты не компаніи, а ея служащихъ, производившихъ торговлю въ этомъ случаѣ на собственный счетъ. Въ то время какъ товары, привозимые компаніей, продавались черезъ посредство особой правительственной палаты и по установленной послѣдней цѣнѣ, продукты, сбываемые за счетъ чиновниковъ компаніи, продавались съ аукціона, по свободной цѣнѣ. Въ составъ этихъ товаровъ входили преимущественно тѣ продукты, которые особенно высоко цѣнились въ Японіи, какъ, напр., янтарь, клыки нарвала и т. под. рѣдкости [2]). Такимъ образомъ, тѣ огромныя цѣны и тѣ высокіе барыши, которые встрѣчались въ торговомъ обмѣнѣ нидерландцевъ съ Японіей, выручались не остъ-индской компаніей, а ея служащими, ибо послѣдніе имѣли возможность сбывать принадлежащіе имъ товары по вольной цѣнѣ и притомъ продавали за собственный счетъ тѣ

[1]) Ibid. p. 102.

[2]) Münsterberg. p. 105—107, 150—151, 253.

именно предметы, которые могли доставлять особенно высокій доходъ, за счетъ компаніи же—менѣе прибыльные. Въ результатѣ прибыль послѣдней не превышала 65 проц., а въ иные годы понижалась и до 35 проц.

Этотъ фактъ является весьма характернымъ для всей разсматриваемой эпохи вообще и для торговли остъ-индской компаніи въ частности. Въ средніе вѣка купцы самостоятельно пріобрѣтали и сбывали свои товары, а поскольку существовали торговыя компаніи изъ нѣсколькихъ лицъ, участники ихъ находились обыкновенно въ родственныхъ отношеніяхъ и, во всякомъ случаѣ, сами занимались торговыми операціями и всѣ одинаково были заинтересованы въ успѣхѣ дѣла. Колоніальная торговля представляла совершенно иныя условія въ этомъ отношеніи. Уже со времени установленія монополіи португальскаго короля въ торговлѣ съ Индіей, предприниматель—португальскій король, получавшій прибыль, не производилъ торговыхъ операцій самостоятельно, а поручалъ веденіе ихъ лицамъ, мало заинтересованнымъ въ прибыльности торговли. Точно также уже первыя экспедиціи индерландцевъ въ Остъ-Индію совершались не самими купцами-предпринимателями, снарядившими суда, а довѣренными лицами. Такой же характеръ имѣла и торговля образовавшейся изъ этихъ купеческихъ товариществъ остъ-индской акціонерной компаніи. И директоры компаніи, и палаты, и акціонеры—всѣ находились въ Европѣ и могли лишь давать приказанія, сообразно получаемымъ отъ мѣстныхъ чиновниковъ отчетамъ; но вся дѣятельность на мѣстѣ находилась въ рукахъ послѣднихъ, въ рукахъ вице-королей, губернаторовъ и резидентовъ, капитановъ кораблей, главныхъ купцовъ и купцовъ-ассистентовъ, назначаемыхъ компаніей.

Всѣ эти должностныя лица не были заинтересованы въ успѣхахъ компаніи, оплачивались же послѣдней очень плохо, хотя въ суммѣ выплачиваемое имъ жалованье при огромномъ количествѣ персонала служащихъ и составляло важную статью расхода для компаніи. Неудивительно, что служащіе прибѣгали къ различнымъ способамъ наживы: съ одной стороны, грабили чужеземное населеніе, уплачивая ему за продукты менѣе условленной съ компаніей цѣны или просто

предпринимая набѣги на мирныхъ жителей, а, съ другой стороны, часть полученныхъ товаровъ сбывали въ свою собственную пользу, наживая при этомъ огромные барыши. Одно время компанія сама разрѣшала своимъ губернаторамъ и капитанамъ кораблей производить въ извѣстныхъ, очень ограниченныхъ, размѣрахъ торговлю за собственный счетъ, но впослѣдствіи запретила ее въ виду того, что она приняла огромные размѣры. Но и впослѣдствіи эта торговля продолжала существовать попрежнему и производиться въ широкихъ размѣрахъ. Въ торговлѣ съ Японіей наибольшее значеніе имѣлъ привозъ товаровъ въ Японію и поэтому здѣсь нидерландскій резидентъ въ Десима, капитанъ и офицеры корабля наживались посредствомъ сбыта за собственный счетъ наиболѣе цѣнныхъ, пріобрѣтенныхъ въ Индо-Китаѣ или въ другихъ мѣстностяхъ Азіи, товаровъ. Въ торговомъ обмѣнѣ съ Молукскимъ архипелагомъ, Зондскими островами, Цейлономъ и т. д. наиболѣе важную роль игралъ напротивъ вывозъ мѣстныхъ произведеній въ Европу; въ этихъ странахъ чиновники компаніи присваивали себѣ болѣе или менѣе значительную часть пріобрѣтенныхъ за счетъ компаніи товаровъ и сбывали ихъ частнымъ лицамъ, въ особенности англичанамъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе утвердились на островѣ Борнео. Служащимъ компаніи было безусловно запрещено не только торговать пряностями, но даже перевозить послѣднія изъ Молукскихъ острововъ на Яву для личнаго потребленія, а между тѣмъ контрабаднымъ путемъ цѣлые корабли нагружались гвоздикой и мускатнымъ орѣхомъ и, напр., въ 1700 году къ западному берегу Англіи присталъ англійскій корабль, наполненный грузомъ этихъ пряностей [1]).

Такимъ образомъ, нарушалась монополія компаніи: черезъ посредство служащихъ англичане могли пріобрѣтать произведенія Молукскихъ острововъ и другихъ мѣстностей непосредственно, помимо Нидерландовъ и, конечно, по болѣе дешевой цѣнѣ. Въ другихъ случаяхъ агенты компаніи за извѣстную мзду разрѣшали и туземцамъ сбывать часть товаровъ частнымъ лицамъ, тогда какъ по условію все должно было поступать въ склады компаніи. Лабиллардьеръ,

[1]) Warburg. p. 129.

посѣтившій въ 1792 году Молукскій архипелагъ, говоритъ объ этой контрабандной торговлѣ слѣдующее. „Несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя компаніей къ сохраненію монопольнаго положенія въ торговлѣ пряностями, пятая часть ежегодной жатвы гвоздики и муската всетаки уходитъ изъ ея рукъ вслѣдствіе контрабандной торговли. Агенты компаніи не могутъ разбогатѣть на получаемое ими небольшое жалованіе и поэтому прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ легкой, хотя и опасной наживы и имъ удается укрыть часть пряностей. Губернаторъ острововъ Банда и его помощникъ были за нѣсколько времени до моего пріѣзда лишены должности и посланы въ Батавію, ибо они воспользовались въ своихъ интересахъ частью произведеній этихъ острововъ. Но эти злоупотребленія до того вошли въ обычай, что подобный случай никого не устрашитъ, а заставитъ лишь другихъ быть осторожнѣе, чтобы не попасться". Другой путешественникъ Дампьеръ разсказываетъ, что капитаны кораблей, везущихъ пряности съ Молукскихъ острововъ, сбываютъ по дорогѣ въ Батавію часть груза судамъ, которыя они встрѣчаютъ на морѣ, а для того, чтобы незамѣтно было отсутствіе этой части, остальной грузъ обливаютъ водой, чтобы вѣсъ его увеличился [1]).

Китайскій чай помимо того, который шелъ прямо въ Европу, привозился въ Батавію, какъ на корабляхъ компаніи, такъ и на китайскихъ джонкахъ и на португальскихъ судахъ; одно изъ послѣднихъ доставляло худшіе сорта чая изъ Маниллы. Эти худшіе сорта оффиціально не принимались вовсе и возвращались обратно, но въ дѣйствительности ими замѣнялась часть чая лучшаго сорта, и худшій сортъ отсылался въ Европу; соотвѣтствующее же количество лучшаго сорта продавалось на мѣстѣ агентами компаніи частнымъ лицамъ. Когда много мѣсяцевъ спустя злоупотребленія обнаруживались, то виновниковъ уже трудно было розыскать и они оставались безнаказанными [2]).

О томъ, какихъ размѣровъ достигала контрабандная торговля, лучше всего свидѣтельствуютъ тѣ огромныя богатства, съ которыми многіе агенты компаніи возвращались

[1]) Warburg. p. 129—130.
[2]) Klerk de Reus. p. 221.

въ Европу, къ великому неудовольствію директоровъ [1]). Цѣнность векселей, посылаемыхъ изъ Явы въ Нидерланды агентами компаніи, возрастаетъ все болѣе и болѣе: въ 1705 году она составляетъ всего 274,434 гульд., а въ 1746 году уже 1.209,586 и въ 1764 году 1.333,419 гульд. Въ 1746 году фискалъ компаніи, возвращающійся обратно, трассируетъ векселей на 55 тыс. гульд.; на имя завѣдующаго домомъ призрѣнія въ Амстердамѣ онъ переводитъ 74 тыс., на имя завѣдующаго въ Утрехтѣ 117 тыс., въ Гравенгагѣ 37 тыс. и въ Дельфтѣ 33 тыс. Кромѣ того, въ томъ же году встрѣчаются суммы, посылаемыя агентами своимъ родственникамъ, въ размѣрѣ 13, 17 и 18 тыс. гульд. [2]). А между тѣмъ дѣла компаніи становятся въ это время все хуже и хуже—она уже вынуждена посылать деньги изъ Европы на содержаніе своихъ факторій въ Индіи.

Выше мы привели размѣръ прибыли, выручавшейся компаніей въ XVII и XVIII ст. на продуктахъ, вывозимыхъ изъ различныхъ мѣстностей Остъ-Индіи, изъ Молукскаго архипелага, Зондскихъ острововъ, Цейлона, Китая. Прибыль эта, выраженная въ процентахъ покупной суммы, уплоченной компаніей, очень велика и даже вычтя различные убытки, стоимость перевозки и т. п., получимъ не менѣе 100—200 проц. Въ XVII ст. (въ особенности въ концѣ его) и въ первой половинѣ XVIII вѣка (до 30-хъ годовъ) привезенные въ Европу товары сбывались въ среднемъ на сумму, вчетверо превышающую ту, которая была уплочена при покупкѣ [3]). Въ теченіе второй половины XVIII вѣка прибыль компаніи во многихъ странахъ значительно понизилась. Такъ, Суматра и Молукскіе острова не доставляли компаніи уже почти никакого дохода, мало прибыли давали Ява, Целебосъ, Малакка, Малабарское побережье; зато на продуктахъ, вывезенныхъ изъ Бенгаліи (опій), компанія еще въ 1776—1777 гг. выручила (въ теченіе года), за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, 259 проц. чистой прибыли, а на Коромандельскомъ берегу 182 проц. Сурать въ это время приносилъ еще 86—93 проц. въ годъ (за вычетомъ покупной цѣны товаровъ и всѣхъ

[1]) Ibid. p. 244.
[2]) Bockemeyer. p. 278—279.
[3]) Lüder, p. 239, 247—248.

прочихъ расходовъ), Цейлонъ 85 проц., Китай около 100 проц. барыша. Вообще же въ 1776—1777 гг. (съ 1 сентября по 31 августа) компанія затратила $2^1/_2$ милл. гульд. на пріобрѣтеніе продуктовъ, на перевозку и прочіе расходы, а выручила за нихъ $3^3/_4$ милл., такъ что прибыль равнялась 50 проц., въ 1778—1779 гг. расходы ея составляли $2^3/_4$ милл., вырученная сумма 4,28 милл., слѣд. прибыль была свыше 55 проц. [1]). На привезенныхъ въ Индію продуктахъ она выручила въ Цейлонѣ въ 1764 году—142 проц., въ 1783 году—145 проц., въ Суратѣ и Малабарѣ въ 1764 году—176 проц., въ Малаккѣ въ 1647 году—$52^1/_2$ проц., въ 1784 году $40^1/_2$ проц. [2]).

Однако, годовая прибыль въ 50—55 проц. на продажѣ остъ-индскихъ товаровъ обозначала для компаніи въ сущности дефицитъ. И въ XVII вѣкѣ, въ годы наибольшаго успѣха нидерландско-остъ-индской компаніи, когда послѣдняя выручала по нѣсколько сотъ процентовъ барыша при сбытѣ левантійскихъ товаровъ въ Европѣ, выплачиваемые ею дивиденды никогда не достигали столь огромныхъ размѣровъ: лишь въ рѣдкіе годы дивидендъ превышалъ 30—35 проц. и только одинъ разъ, именно въ самомъ началѣ, онъ составлялъ 75 проц., въ среднемъ же въ теченіе XVII вѣка дивидендъ компаніи былъ не многимъ болѣе 20 проц. [3]). Эта огромная разница между торговой прибылью, выручаемой компаніей, и выплачиваемымъ ею дивидендомъ, является новой характерной чертой торговли разсматриваемой эпохи. Выше, при изученіи голландской торговли съ Японіей, намъ приходилось указывать на то, что очень значительная разница между покупной и продажной цѣной продуктовъ, сбываемыхъ нидерландцами въ Азіи, могла существовать одновременно съ несравненно меньшей прибылью, дѣйствительно выручаемой компаніей въ этой мѣстности, такъ какъ по высокимъ цѣнамъ агенты компаніи продавали продукты за собственный счетъ. Но и общая годовая прибыль, дѣйствительно извлекаемая компаніей въ торговомъ обмѣнѣ, вовсе не должна совпадать съ выплачиваемымъ ею дивидендомъ; наоборотъ, она всегда была значительно

[1]) Klerk de Reus. p. 192—193.

[2]) Bockemeyer. p. 278.

[3]) Lüder. p. 239—241. Warburg. p. 136. Zimmermann. B. V. p. 36, 96, 102.

выше, ибо „купецъ долженъ былъ платить за то, что потреблялъ правитель". Компанія никогда не была только купцомъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ вела постоянныя войны и управляла завоеванными ею странами. Ей приходилось содержать огромный штатъ чиновниковъ и войска, строить и поддерживать укрѣпленія съ гарнизономъ и орудіями. Въ 1623 году Коэнъ (генералъ-губернаторъ Индіи) опредѣлялъ ежегодные расходы компаніи въ 1,2 милл. гульд., именно 300 тыс. на хозяйственные расходы (крѣпости, факторіи и т. п.), 400 тыс. на уплату жалованья и 500 тыс. на флотъ [1]). Въ Индіи компанія содержала персоналъ въ 20 тыс. человѣкъ европейцевъ, люди эти набирались изъ всей Европы, особенно изъ Германіи, и погибали тамъ въ большомъ количествѣ. Съ 1700 по 1780 гг. компанія потеряла свыше 400 тыс. человѣкъ, и замѣна ихъ другими обходилась очень дорого. Количество солдатъ и матросовъ, посланныхъ въ Индію, составляло въ 1700—1719 гг. 105,972 человѣкъ, въ 1747—1767 гг. 162,598 человѣкъ и въ 1767—1780 гг. 107,377 человѣкъ [2]).

Варбургъ указываетъ на то, что чистая прибыль въ торговлѣ мускатомъ, составлявшая въ началѣ XVIII вѣка (за покрытіемъ всѣхъ расходовъ торговаго характера, какъ на Бандѣ, такъ и на Целебесѣ и Явѣ) свыше 200 проц., должна превратиться въ дефицитъ, если прибавить всѣ приходящіеся на долю муската расходы по центральному управленію, на войско и флотъ, на содержаніе гарнизоновъ на Бандѣ и лежащихъ вокругъ нея островахъ; въ этомъ случаѣ окажется, что монополія въ торговлѣ мускатомъ доставляла компаніи одинъ убытокъ [3]). „Въ началѣ—говоритъ Клеркъ де Реусъ—постоянныя войны вызывали массу расходовъ. Необходимо было охранять торговлю оружіемъ и крѣпостями. Впослѣдствіи, когда монополія компаніи уже не нарушалась, ея финансовое положеніе въ Индіи улучшилось, но это благополучіе продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока расширеніе владѣній не привело къ увеличенію расходовъ на управленіе, судъ и войны, пока у другихъ націй не заро-

[1]) Klerk de Reus. p. 189.
[2]) Warburg. p. 139.
[3]) Warburg. p. 143.

дилось желаніе и сила для борьбы съ компаніей, пока лихоимство чиновниковъ не вызвало цѣлой системы контрабанды и хищеній, благодаря которой большая часть прибыли въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ уходила изъ рукъ компаніи. Въ 1696 году компанія имѣла еще въ Индіи сальдо въ 40 милл. гульд., несмотря на сравнительно значительные дивиденды, выплачиваемые ею, но впослѣдствіи эти милліоны исчезли и въ 1725 году компанія оказалась уже въ долгахъ. Въ 1730 году совокупность расходовъ компаніи за 117 лѣтъ ея существованія превышала на 7,7 милл. гульд. ея доходы. Временно положеніе ея правда улучшилось, въ особенности во время войнъ, при которыхъ нидерландцы соблюдали нейтралитетъ, но такое улучшеніе длилось не долго [1]).

Въ этотъ періодъ расходы по управленію уже поглощали всю торговую прибыль, и если компанія въ теченіе всего XVIII вѣка все-таки выплачивала въ среднемъ по 17 проц. дивиденда ежегодно, то во второй половинѣ столѣтія она могла платить дивиденды только изъ капитала, но не изъ прибыли. Компанія, кромѣ факторій въ Японіи, на Молукскихъ островахъ, на Явѣ и Целебесѣ, имѣла также четыре факторіи въ Индіи—въ Бенгаліи, на Малабарскомъ берегу, на Коромандельскомъ берегу и въ Суратѣ. Хотя товары и сбывались здѣсь съ большимъ барышемъ, но въ общемъ все-таки торговая прибыль, доставляемая этими факторіями въ XVIII вѣкѣ, уже не покрывала мѣстныхъ расходовъ, такъ что получался хроническій дефицитъ; тѣмъ не менѣе факторіи эти не упразднялись, такъ какъ служба въ этихъ мѣстахъ являлась весьма выгоднымъ дѣломъ для родственниковъ лицъ, стоявшихъ во главѣ компаніи. Такъ, напр. нѣкій Ванъ деръ Страатенъ, проведя всего 4 года въ Бенгаліи, оставилъ 300 тыс. рейхсталеровъ, изъ коихъ лишь незначительная часть была пріобрѣтена честнымъ путемъ [2]). Точно также укрѣпленія и гарнизоны, находившіеся на Тернате, Тидорѣ, Батьянѣ и нѣкоторыхъ другихъ островахъ Молукскаго архипелага, доставляли одинъ убытокъ, ибо ни гвоздики, ни мускатa на этихъ островахъ уже болѣе не

[1]) Klerk de Reus p. 189—190.
[2]) Warburg. p. 140.

произрастало: повсюду, за исключеніемъ Амбоины и Банды, они были истреблены компаніей.

И въ этомъ отношеніи между средне-вѣковой торговлей и торговлей XVI—XVIII ст. существовала огромная разница: въ средніе вѣка купцы всегда оставались купцами, и поскольку они дѣлали завоеванія или принимали участіе въ таковыхъ, они преслѣдовали исключительно цѣли торговаго характера. Генуя, Венеція и Пиза участвовали въ Крестовыхъ походахъ, но они извлекали изъ нихъ непосредственную выгоду; мало того, въ то время какъ эти города были экономически наиболѣе заинтересованы въ завоеваніи Малой Азіи, Сиріи и Палестины, они вложили лишь сравнительно небольшую часть расходовъ въ общее дѣло. Такимъ образомъ, затраты итальянскихъ городовъ на завоеваніе странъ Востока были совершенно незначительными, по сравненію съ тѣми выгодами, которыя они пріобрѣтали благодаря эксплоатаціи полученныхъ при завоеваніи земель и городовъ, въ особенности же благодаря сильно развившемуся торговому обмѣну, не говоря уже о тѣхъ прибыляхъ, которыя они извлекали изъ перевозки пилигриммовъ въ Малую Азію [1]). Далѣе, участіе итальянскихъ городовъ въ завоеваніяхъ ограничилось въ сущности первымъ и третьимъ Крестовымъ походомъ, въ четвертомъ же походѣ принимала участіе одна только Венеція,—Генуя и Пиза отказались отъ участія. Но еще важнѣе то обстоятельство, что вновь пріобрѣтенные города и земли не вызывали ни у Венеціи, ни у Генуи какихъ-либо спеціальныхъ расходовъ по управленію, ибо послѣднее находилось въ рукахъ купцовъ, торговавшихъ съ этими странами, ихъ консуловъ и другихъ представителей, и факторіи, устроенныя въ различныхъ мѣстахъ, сохранялись лишь тамъ, гдѣ это оказывалось необходимымъ въ торговыхъ цѣляхъ. И, наконецъ, лишившись своихъ владѣній въ странахъ Востока, итальянскіе торговые города не дѣлали никакихъ дорого стоющихъ попытокъ къ завоеванію ихъ вновь, довольствуясь возможностью продолжать торговлю съ Египтомъ и получать чрезъ Александрію произведенія Индіи [2]).

[1]) См. Heynen. Entstehung des Kapitalismus in Venedig. p. 47—53.
[2]) См. Sièveking. Genueser Finanzwesen. B. II p. 101—113.

Поэтому-то левантійская торговля въ средніе вѣка, имѣвшая несомнѣнно колоніальный характеръ, кромѣ выгоды, ничего не приносила, между тѣмъ, какъ колоніальная торговля XVII — XVIII ст. должна была оказаться убыточной, и для португальцевъ, и для нидерландцевъ, и какъ мы увидимъ ниже, и для англичанъ. Въ 80-хъ годахъ XVIII ст. нидерландская остъ-индская компанія еще спасала себя отъ банкротства путемъ заключенія нѣсколькихъ крупныхъ займовъ, но дѣла ея ухудшались съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, а война Нидерландовъ съ Франціей 1794 года и враждебныя дѣйствія англичанъ въ 1795 году окончательно разорили ее; въ 1798—1799 гг. все ея имущество, ея владѣнія и ея обязательства перешли къ государству.

IV.

Тотъ же Филиппъ II, который лишилъ Нидерланды возможности пріобрѣтать произведенія Индіи въ Лиссабонѣ и вызвалъ этимъ самостоятельныя плаванія нидерландцевъ въ Остъ-Индію, закрылъ лиссабонскій портъ и для англичанъ и вынудилъ ихъ также вступить въ непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей, отправить туда свои корабли [1]). Результаты обѣихъ мѣръ были равно пагубны для Португаліи. Если появленіе нидерландскихъ купцовъ въ Остъ-Индіи привело къ тому, что Португалія лишилась Малакки, Молукскихъ острововъ, Цейлона и цѣлаго ряда факторій на Коромандельскомъ и Малабарскомъ побережьи, то англичане вскорѣ вытѣснили португальцевъ изъ Бенгаліи и Коромандельскаго побережья, а затѣмъ и съ остъ-индскаго континента вообще. Уже на основаніи мира, заключеннаго между Англіей и Португаліей въ 1635 году, португальскія гавани въ Индіи были объявлены открытыми для англійскихъ судовъ, какъ и наоборотъ англійскія гавани для португальцевъ. Однако, выгоду изъ этого соглашенія извлекла исключительно Англія, которая, благодаря этому имѣла возможность безпрепятственно закупать перецъ на Малабарскомъ

[1]) Зевортъ-Лучицкій, стр. 196.

побережьи, португальская же торговля была уже почти уничтожена [1]).

Съ этихъ поръ начинается быстрый расцвѣтъ англійской торговли. Въ средніе вѣка значеніе Англіи въ международной торговлѣ сводилось къ минимуму и попытки англичанъ завязать самостоятельныя торговыя сношенія съ сѣверными странами и Востокомъ разбивались о сильное сопротивленіе со стороны ганзейцевъ и итальянцевъ. Однако съ XVI вѣка положеніе измѣнилось; съ 1534 года посѣщеніе Англіи венеціанскими галерами прекратилось, а въ 1579 г. и ганзейцы лишились своихъ привилегій. Въ половинѣ XIV вѣка во всей Англіи насчитывалось не болѣе 169 состоятельныхъ купцовъ, къ которымъ король въ случаѣ нужды могъ обратиться за денежной помощью. Наоборотъ, въ XVI вѣкѣ количество купцовъ, занимающихся торговымъ мореплаваніемъ, достигало трехъ тысячъ. [2]) А въ 1708 году Чемберленъ могъ уже утверждать, что англійская торговля является наиболѣе значительной во всемъ мірѣ, ибо „Англія, благодаря своему островному положенію, господствующей въ ней свободѣ и превосходной конституціи, среди всѣхъ странъ наиболѣе приспособлена къ торговой дѣятельности“. Англія, находившаяся ранѣе на краю міра, далеко отъ центровъ международной торговли, съ открытіемъ Америки и перемѣщеніемъ торговли на Атлантическій океанъ, очутилась въ самомъ центрѣ міра, что давало народившемуся торговому классу широкій просторъ для проявленія своей иниціативы и предпріимчивости.

И англійская торговля съ Остъ-Индіей велась первоначально нѣсколькими отдѣльными товариществами (лондонскихъ) купцовъ, которыя самостоятельно отправляли корабли въ Индію. Хотя уже въ 1599 году образовалось общество для торговли съ Индіей, которое избрало изъ своей среды комитетъ для закупки товаровъ и судовъ, но въ каждой экспедиціи, отправлявшейся въ Индію, участвовали своими капиталами лишь нѣкоторые изъ членовъ

---

[1]) Zimmermann. Die europäischen Kolonien. B. II. Die Kolonialpolitik Grossbritanniens. T. I. Von den Anfängen bis zum Abfall der Vereinigten Staaten. Berlin. 1898. p. 60—61.

[2]) Schanz. Englische Handelspolitik. I. p. 328.

этой ассоціаціи и между ними только и распредѣлялась прибыль, вырученная экспедиціей. Лишь постепенно это товарищество превращалось въ объединенную акціонерную компанію. Еще долго существовало нѣсколько отдѣльныхъ фондовъ (joint—stock), которые хотя и находились въ распоряженіи тѣхъ же директоровъ и на тѣхъ же основаніяхъ, но представляли собою самостоятельныя единицы; каждый фондъ отдѣльно выплачивался акціонерамъ и затѣмъ объявлялась подписка на новый [1]). По словамъ Рошера, англійская остъ-индская компанія лишь съ 1708 г. пріобрѣла такой же характеръ, какъ нидерландская, только съ этого времени образовался одинъ общій и постоянный акціонерный капиталъ [2]).

И англійская остъ-индская компанія пользовалась монополіей въ торговлѣ съ Остъ-Индіей, а равно правомъ веденія войны въ Индіи и заключенія мира и цѣлымъ рядомъ вытекавшихъ отсюда привилегій. Компанія строго слѣдила за тѣмъ, чтобы ея монопольное положеніе въ торговлѣ не нарушалось частными лицами и жестоко преслѣдовала всѣхъ тѣхъ, кто пытался бороться съ нею. „Эгоизмъ ея—говоритъ Циммерманъ—доходилъ до того, что даже въ такія мѣста, какъ островъ св. Елены, она не допускала никого кромѣ членовъ компаніи и запретила астроному Галлею производить тамъ свои наблюденія болѣе двухъ лѣтъ. Тѣхъ, которые не подчинялись требованіямъ компаніи, она обвиняла въ совершеніи какого-либо преступленія, и они погибали въ тюрьмѣ, разрушавшей здоровье, или приговаривались къ смертной казни“. Такова была, во всякомъ случаѣ, судьба постороннихъ купцовъ, которые появлялись въ Индіи: капитаны кораблей получали отъ компаніи преміи за поимку купцовъ, пріѣзжающихъ въ Индію безъ разрѣшенія компаніи, послѣдняя же обращалась съ ними какъ съ пиратами [3]).

Гораздо труднѣе было компаніи бороться съ другими ассоціаціями, вступавшими въ торговыя сношенія съ Индіей на основаніи полученнаго отъ правительства разрѣшенія. Уже въ 1635 году король Карлъ I, нуждаясь въ день-

[1]) См. Lehmann. Geschichtliche Entwicklung des Aktienrechts. p. 38 и сл.
[2]) Roscher. Kolonien. p. 254—255.
[3]) Zimmermann. II. p. 147, 267—268.

гахъ, разрѣшилъ ассоціаціи изъ нѣсколькихъ купцовъ во главѣ съ Вилліамомъ Куртеномъ отправлять корабли въ Остъ-Индію, несмотря на существующую привилегію остъ-индской компаніи, за что онъ самъ получилъ участіе въ прибыляхъ вновь возникшей компаніи. Послѣдняя вскорѣ основала нѣсколько торговыхъ факторій въ Индіи (Гоа, Базикола, Карваръ, Атчинъ, Раяпуръ); подъ вліяніемъ жалобъ старой компаніи было лишь постановлено, что ни одна изъ двухъ существующихъ компаній не можетъ торговать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ другая уже успѣла утвердиться. Только въ 1649 году старой остъ-индской компаніи удалось добиться устраненія конкуррентки, дѣла которой пошли къ концу очень плохо, однако, не посредствомъ уничтоженія ея, а путемъ сліянія обѣихъ компаній.

Въ 1690 г. въ парламентъ было внесено предложеніе образовать новую компанію, существующую же уничтожить; но послѣдней удалось подкупить кого слѣдуетъ и добиться подтвержденія ея привилегій королемъ. Ея монополія была продолжена на 21 годъ, и было запрещено выдавать лицензіи частнымъ судамъ на торговлю съ Индіей. Однако, уже въ 1694 году злоупотребленія, обнаружившіяся въ дѣятельности компаніи, привели къ тому, что торговля съ Индіей была объявлена свободной и предоставлена всѣмъ и каждому. Ревизія книгъ компаніи, произведенная парламентомъ, обнаружила, что послѣдняя достигала своихъ цѣлей подкупомъ вліятельныхъ лицъ: до 1688 г. она затрачивала на это около 1,200 ф. ст. ежегодно, въ 1693 году эта цифра возросла уже до 80 тысячъ ф. ст., причемъ даже король Вилліямъ получилъ 10,000 ф. стерл., а лордъ—президентъ тайнаго королевскаго совѣта—5 тысячъ ф. ст. Хотя процессъ и былъ замятъ парламентомъ, ибо члены парламента также получали взятки отъ компаніи, но все-таки компанія лишилась своей монополіи, ибо снова была основана вторая компанія: правительство нуждалось въ деньгахъ, а нѣсколько купцовъ предлагало ему заемъ въ 2 милліона ф. ст. изъ 8 проц. за предоставленіе исключительнаго права торговли съ Индіей; правительство приняло ихъ предложеніе, обѣщая черезъ три года, т. е. въ 1701 году, уничтожить льготную грамоту старой компаніи.

Такимъ образомъ, свободная торговля господствовала недолго; да и немногіе лишь купцы воспользовались этой свободой, будучи убѣждены, что лишь компанія, обладающая монополіей, можетъ съ успѣхомъ вести торговлю съ заокеанскими странами. Поэтому-то тѣ же купцы, которые раньше возставали противъ старой компаніи, не допускавшей никого къ торговлѣ съ Индіей, образовавъ новую компанію, добивались такой же исключительной монополіи, какою пользовалась первая. Однако, по истеченіи трехъ лѣтъ, первая остъ-индская компанія не была лишена своей привилегіи, а произошло опять сліяніе обѣихъ компаній, такъ что въ результатѣ снова вся торговля съ Индіей очутилась въ рукахъ одной компаніи, обладавшей монопольнымъ положеніемъ; но за три года одновременнаго существованія двухъ компаній онѣ успѣли не только нанести значительный ущербъ другъ другу, но и дескредитировать Англію какъ цѣлое въ глазахъ туземныхъ правителей [1]).

Не мало силъ англійской остъ-индской компаніи пришлось потратить и на борьбу съ Франціей и Нидерландами въ Остъ-Индіи. Франція никогда не пользовалась значительнымъ вліяніемъ въ Остъ-Индіи, а временный расцвѣтъ ея торговли въ Пондишери и Бенгаліи въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка былъ скоро прекращенъ англичанами: Парижскимъ миромъ 1763 года Франція обязалась не строить укрѣпленій и не содержать войска въ Бенгаліи, а также лишилась своихъ владѣній на Коромандельскомъ берегу. Приблизительно въ это же время и Нидерланды были вытѣснены изъ Бенгаліи. Ихъ сила заключалась въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ, тогда какъ англичане утвердились на материкѣ Индіи: уже въ 1682 году англичане были изгнаны голландцами изъ Явы, и еще раньше изъ Молукскихъ острововъ.

Въ началѣ XVIII вѣка всѣ англійскія факторіи входили въ составъ трехъ президенствъ: Бомбея, Мадраса и Калькутты. Бо́льшая часть факторій находилась въ передней Индіи, нѣкоторыя въ Индо-Китаѣ, наименьшее значеніе для компаніи имѣли ея факторіи на Суматрѣ и Борнео. Среди товаровъ, вывозимыхъ англійской остъ-индской компаніей,

[1]) Zimmermann. II. p. 269—285.

наиболѣе важную роль въ торговлѣ играли перецъ, индиго, китайскій чай, привезенный компаніей впервые въ 1664 году въ Европу, въ особенности же хлопчатобумажныя ткани: во второй половинѣ XVII вѣка привозъ послѣднихъ въ Англію превышалъ привозъ всѣхъ остальныхъ товаровъ вмѣстѣ взятыхъ [1]). Привезенные изъ Индіи товары сбывались компаніей съ аукціона въ India—House и такимъ же способомъ продавались европейскіе товары въ Индіи; покупались же произведенія Индіи черезъ посредство агентовъ компаніи. При этомъ на Суматрѣ — какъ было условлено со старѣйшинами племенъ—каждая малайская семья обязана была разводить перецъ на пространствѣ 500—1,000 кв. футовъ. За этотъ перецъ компанія платила незначительную, ею же односторонне установленную цѣну: семья зарабатывала не болѣе 8 піастровъ въ годъ [2]). Въ Бенгаліи уже въ 1650 году компаніи была предоставлена великимъ моголомъ свобода торговли, она освобождалась отъ таможенныхъ пошлинъ и получала право устройства факторій въ различныхъ мѣстахъ страны.

Въ это время англичане старались еще сохранять дружественныя отношенія съ туземными правителями, отъ которыхъ зависѣла ихъ торговля; въ одномъ только Суратѣ компанія затратила съ 1661 по 1683 г. 1.365 тысячъ рупій на подарки мѣстнымъ властямъ [3]). Сто лѣтъ спустя дѣло совершенно измѣнилось. „Когда Бенгалія очутилась въ полной зависимости отъ англичанъ—говоритъ Беръ—жителямъ приходилось выносить тяжкій гнетъ, моголъ же вынужденъ былъ всячески поддерживать факторіи. Торговлю каждымъ сколько-нибудь важнымъ предметомъ компанія объявляла своей монополіей. Ткачи, выдѣлывавшіе хлопчатобумажныя ткани, получали за свою работу столько, сколько опредѣляла компанія: она назначала цѣны и количество товаровъ, которое они обязаны были доставлять въ ея магазины“ [4]).

---

[1]) Ehrenberg. Ostindische Handelsgesellschaften. Handwörterbuch der Staatswiss. B. VI.

[2]) Летурно. Эволюція торговли, стр. 87.

[3]) Zimmermann. II. p. 153.

[4]) Бэръ. II. стр. 299.

Вообще, съ распространеніемъ англійскаго владычества въ Индіи, съ пріобрѣтеніемъ значительной территоріи и подчиненіемъ туземныхъ правителей власти компаніи, и торговыя операціи послѣдней значительно измѣнились: она стала запрещать сбытъ мѣстныхъ произведеній кому бы то ни было помимо ея агентовъ и произвольно устанавливать цѣны при закупкѣ индійскихъ продуктовъ и при продажѣ привезенныхъ изъ Европы, понижая первыя и увеличивая вторыя; ея система приняла въ значительной степени тотъ же характеръ, какимъ отличались коммерческія операціи нидерландской компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ завоеваніями въ Индіи расширились и торговые обороты англійской компаніи. Цѣнность проданныхъ India—House товаровъ возрасла съ 1744 по 1772 г. съ 2 до 3 милл. ежегодно. Экспортъ ея увеличился за это время болѣе, чѣмъ вдвое. Вмѣстимость ея судовъ равнялась въ 1751 году 38 тыс. тоннъ, въ 1772 г. 61 тыс. Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе компаніи въ эту эпоху славныхъ побѣдъ Клайва и Варренъ—Гастингса было далеко не блестяще. Въ 1773 году активъ ея равнялся 7,8 милл. ф. ст., пассивъ же—9,2 милл., т. е. на 1,4 милл. больше. Всѣ ея владѣнія въ Индіи, Китаѣ и на островѣ св. Елены оцѣнивались въ 6,4 милл. ф. ст., на которыхъ лежалъ долгъ въ 2 милл. Если вычтемъ изъ остающихся 4,4 милл. дефицитъ въ 1,4 милл. въ Европѣ, то получимъ 3 милл. ф. ст., которые составляли имущество компаніи. Изъ первоначальнаго капитала въ 4,2 милл. ф. ст. было, такимъ образомъ, потеряно свыше милліона фунтовъ стерлинговъ. Они были потрачены на войны съ великимъ моголомъ и съ мѣстными правителями [1]).

Любопытно, что наиболѣе значительные дивиденды и англійская остъ-индская компанія, подобно нидерландской, выплачивала въ самомъ началѣ, когда она не имѣла еще не только обширной территоріи, но даже фортовъ и гарнизоновъ. Первыя двѣ экспедиціи (когда еще акціонернаго капитала не существовало) доставили 95 проц. прибыли на вложенный капиталъ; при этомъ, впрочемъ, было захвачено нагруженное товарами португальское судно. Еще большую прибыль доставили слѣдующія шесть экспедицій: капиталъ,

[1]) Zimmermann I. p. 445—446. Roscher. Kolonien. p. 279.

затраченный во всѣ восемь экспедицій, былъ вырученъ съ прибылью въ 171 проц. Слѣдующія четыре флотиліи, отправленныя въ 1612—1618 гг. (первый joint-stock), также доставили еще $87^1/_2$ проц. въ среднемъ, хотя за это время не только нѣсколько понизились цѣны на пряности, но и увеличились расходы въ виду борьбы съ Нидерландами. Однако, другихъ крупныхъ статей расходовъ въ это время еще не существовало [1]).

Въ 1614 году компанія отправила Томаса Роэ посломъ къ великому моголу, повидимому для того, чтобы кромѣ заключенія договора, добиться у него и разрѣшенія на устройство форта. Но Роэ не принялъ никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи, находя, что сооруженіе укрѣпленій въ Индіи не въ интересахъ компаніи. Если великій моголъ предложитъ ему не одинъ, а десять фортовъ—писалъ онъ,—то онъ и тогда на это не согласится. Крѣпость не приноситъ торговлѣ никакой пользы, а налагаетъ на нее лишь огромныя издержки. Гарнизоны будутъ поглощать всю торговую прибыль. По его мнѣнію, компанія должна заниматься только торговлей, но не войной. Португальцы, несмотря на свои богатыя владѣнія, все-таки нищіе, вслѣдствіе того, что ихъ гарнизоны, впрочемъ, далеко не достаточные, причиняютъ огромные расходы. И голландцы дѣлаютъ большую ошибку, стараясь мечомъ пріобрѣсти территоріальныя владѣнія въ Индіи. Роэ настоятельно совѣтуетъ компаніи отказаться отъ пріобрѣтенія территоріи, отъ содержанія пословъ при дворѣ великаго могола, и посвятить себя одной только торговой дѣятельности [2]).

Но компанія не послушалась благоразумнаго совѣта Роэ и уже 25 лѣтъ спустя, въ 1639 году устроила первый фортъ Сентъ-Джорджъ (Мадраспатамъ), а въ 1685 году она послала въ Индію 10 военныхъ судовъ, которыя имѣли по 12—70 орудій, и шесть отрядовъ пѣхоты, рѣшившись пріобрѣсти такія же территоріальныя владѣнія, какими обладали нидерландцы, прежде всего земли въ области Бомбея и Мадраса, въ Бенгаліи и на Суматрѣ. Война оказалась неудачной, и англичане потерпѣли пораженіе, но въ то же

[1]) Roscher. Kolonien. p. 284. Zimmermann. II. p. 53—58.
[2]) Zimmermann. II. p. 55—56. 62. 140.

время денегъ на нее было потрачено много, дорого стоили также форты и гарнизоны, содержимые въ это время уже во многихъ мѣстахъ [1]). Войны второй половины XVIII вѣка велись, наоборотъ, очень уснѣшно и уже Клайвъ доставилъ компаніи протекторатъ надъ царствомъ великаго могола и непосредственное владѣніе нѣсколькими частями царства. Но зато въ это время компанія вынуждена была держать въ Индіи армію въ 30 тысячъ человѣкъ [2]). Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка и въ теченіе перваго десятилѣтія XIX вѣка компанія еще болѣе расширила свои владѣнія — въ это время образовалась цѣлая англійская имперія въ Индіи. „Торговая компанія, отдѣленная отъ Индіи 15,000 миль моря и владѣвшая въ ней для коммерческихъ цѣлей только нѣсколькими акрами земли, сумѣла менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ распространить свое владычество отъ мыса Коморина до вѣчныхъ снѣговъ Гималая". Къ концу XVIII вѣка ей удалось также совершенно уничтожить торговлю своихъ конкуррентовъ—голландцевъ и французовъ. Но и ея собственная торговля развивалась очень медленно: съ 1790 по 1810 гг. цѣнность ввозимыхъ ею въ Англію товаровъ возросла всего съ 5 до 6 милліон., и точно также ея экспортъ уже не удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляла быстро развивавшаяся англійская промышленность. Она превратилась постепенно въ корпорацію чисто-политическаго характера, которая управляла обширной территоріей въ Индіи. Въ началѣ XIX вѣка компанія вынуждена была заключить цѣлый рядъ займовъ, такъ что въ 1809 году ея долги простирались до 31 милл. ф. ст., а затѣмъ и обратиться къ правительству за помощью для удовлетворенія своихъ обязательствъ по займамъ. „И правительство дѣйствительно пришло компаніи на помощь и, кромѣ того, доставило ей различныя льготы — говоритъ Эренбергъ,—но дорого стоющая администрація и веденіе войнъ ложились столь тяжкимъ бременемъ на финансы компаніи, что она уже не располагала достаточными средствами для торговыхъ опе-

---

[1]) Ibid. II. p. 153—158.

[2]) Lecky. Geschichte Englands im XVIII Jahrhundert. B. III. Leipzig-Heidelberg. 1882. p. 511.

рацій, и дальше нельзя было медлить съ введеніемъ свободной торговли съ Остъ-Индіей“ [1]).

Англійская компанія не исполнила и другого совѣта Роэ: запретить своимъ агентамъ и чиновникамъ торговать на собственный страхъ и рискъ, но въ то же время повысить ихъ жалованіе. „Вопреки этому прекрасному совѣту, компанія продолжала придерживаться старой системы, платила ничтожное жалованье и смотрѣла сквозь пальцы на побочные доходы своихъ агентовъ. Содержаніе члена совѣта составляло только 300 ф. ст. въ годъ. Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что такое лицо едва-ли могло жить въ Индіи, издерживая ежегодно менѣе нежели въ 10 разъ большую сумму, и нельзя было ожидать, чтобы оно удовольствовалось даже хорошею жизнью въ Индіи, но безъ возможности сберегать ежегодно часть дохода ко времени своего возвращенія въ Англію [2]). „Вознагражденіе — говоритъ Лекки—было установлено на европейскій масштабъ, такъ что на Востокѣ оно являлось совершенно недостаточнымъ. При самой строгой бережливости агенты компаніи могли на получаемое жалованіе лишь пробиваться изо-дня въ день, между тѣмъ какъ имъ повсюду предоставлялась возможность пріобрѣтать недозволенными средствами огромныя богатства, ибо нигдѣ въ Европѣ, быть можетъ нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя было создать себѣ такъ легко столь значительнаго богатства. Извѣстный Клайвъ отправился въ Индію бѣднымъ приказчикомъ; возвратившись обратно въ Англію 34 лѣтъ отъ роду, онъ обладалъ имуществомъ, которое доставляло ему свыше 40 тысячъ фунтовъ стерл. годового дохода, помимо того, что онъ послалъ своимъ родственникамъ 50 тыс. ф. ст. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что вспоминая о томъ, что онъ могъ пріобрѣсти въ Индіи, онъ даже удивляется своей умѣренности. Сплошь и рядомъ молодые люди, уѣзжавшіе безъ гроша въ карманѣ, возвращались черезъ 10 — 12 лѣтъ обладателями имущества, которое давало имъ возможность конкуррировать со старѣйшей англійской знатью и даже

---

[1]) Ehrenberg. Ostindische Handelsgesellschaften. l. c.

[2]) Маколей. Лордъ Клайвъ. (Полное собраніе сочиненій, т. IV. Спб. 1862), стр. 69.

превзойти ее въ роскоши и блескѣ, которымъ они себя окружали“ [1]).

Среди различныхъ способовъ обогащенія на первомъ мѣстѣ стояла торговля на собственный счетъ [2]). Съ самаго возникновенія компаніи всѣмъ участникамъ экспедицій разрѣшалось принимать участіе въ предпріятіи извѣстной суммой, съ тѣмъ, однако, чтобы они самостоятельныхъ торговыхъ операцій не производили. Впослѣдствіи, въ теченіе XVII ст. это неоднократно подтверждалось, но совершенно безуспѣшно, а въ XVIII вѣкѣ компанія открыто допускала частную торговлю своихъ агентовъ. Въ 1764 году правленіе, правда, вновь запретило ее, но общее собраніе акціонеровъ высказалось противъ этой мѣры. Даже энергичный лордъ Клайвъ, настаивавшій до вступленія во второй разъ въ управленіе Индіей, на уничтоженіи этого злоупотребленія, вступивши въ должность, не принималъ, однако, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ прекрасно понималъ, что до повышенія жалованья всѣ запрещенія безполезны, служащіе компаніи вынуждены заниматься торговлей. Однимъ изъ послѣдствій этой торговли была и чрезмѣрная дороговизна транспорта товаровъ, который продолжался 18 мѣс. вмѣсто 11, ибо капитаны кораблей и экипажъ торговали на свой счетъ во всѣхъ гаваняхъ, въ которыя они заходили по дорогѣ [3]).

Клайвъ возставалъ лишь противъ злоупотребленій, практиковавшихся агентами компаніи въ своей частной торговой дѣятельности, именно противъ принужденія туземныхъ жителей продавать свои произведенія агентамъ и покупать у нихъ товары по цѣнамъ, произвольно установленнымъ агентами, а также запретилъ имъ принимать у туземцевъ подарки. Эти злоупотребленія были также широко распространены. Чиновники не довольствовались тѣмъ, что вели запрещенную торговлю на собственный счетъ, но

---

[1]) Lecky. III. p. 501—2.

[2]) Адамъ Смитъ (кн. 1 гл. IX) указываетъ на то, что прибыль, выручаемая чиновниками остъ-индской компаніи изъ торговли, производимой ими въ Бенгаліи, почти достигаетъ наивысшаго возможнаго уровня прибыли.

[3]) Roscher. Kolonien. p. 175—176.

прямо монополизировали различныя отрасли торговли въ свою пользу, запрещая всѣмъ другимъ торговлю этими товарами, число которыхъ было очень велико. „Они являлись въ села и заставляли жителей насиліемъ и лишеніемъ свободы покупать у нихъ товары по чрезмѣрно высокой цѣнѣ и продавать свои продукты значительно ниже ихъ дѣйствительной цѣнности". Они не останавливались и передъ прямымъ грабежомъ. „Агенты компаніи—говоритъ Маколей—выговорили не для компаніи, а для себя лично, монополію почти всей внутренней торговли. Они принуждали туземцевъ покупать дорого и продавать дешево. Они безнаказанно оскорбляли мѣстные суды, полицію и сборщиковъ податей. Они взяли подъ свою защиту шайку приверженныхъ туземцевъ, которые бродили по странѣ, распространяя всюду, куда ни являлись, ужасъ и отчаяніе. Каждый слуга англійскаго агента былъ вооруженъ всею властью своего господина, а господинъ всею властью компаніи. Положеніе дѣлъ начало возбуждать безпокойство въ Англіи. Рядъ переворотовъ, разстроенное управленіе, разореніе туземцевъ, не обогатившее, однако, компаніи, возвращеніе на родину съ каждой эскадрой счастливыхъ удальцовъ, привозившихъ средства для покупки замковъ, и полученіе съ каждой же эскадрой самыхъ тревожныхъ отчетовъ о положеніи компаніи,—все это устрашало людей, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Индіи". Тогда—то Клайвъ былъ посланъ снова въ Индію; въ немъ видѣли единственнаго человѣка, который способенъ спасти компанію. „Положеніе дѣлъ прямо критическое, писалъ Клайвъ, пріѣхавъ въ Индію, директорамъ компаніи: да и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если въ странѣ, гдѣ деньги текутъ рѣкой, гдѣ все управленіе основано на страхѣ населенія и гдѣ оружіе побѣдоносно, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ наживы; что орудія вашего могущества пользуются вашей властью и прибѣгаютъ къ вымогательству, когда подкупъ не удовлетворяетъ всѣхъ ихъ грабительскихъ наклонностей. Примѣръ подается высшими, а низшіе слѣдуютъ ему. Злоупотребленія быстро распространились среди чиновниковъ и войска вплоть до писцовъ, младшихъ офицеровъ и купцовъ" [1]).

[1]) Маколей, стр. 78—86, 90—91. Lecky. III. p. 502—3, 506—8. Но

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, и англійская остъ-индская компанія, какъ и ея соперница-нидерландская въ дѣйствительности никогда не обладала монополіей въ торговлѣ съ Индіей и другими странами Востока: если ей и удавалось устранить конкуррентовъ въ лицѣ другихъ компаній, возникавшихъ въ Англіи, или частныхъ лицъ, нарушавшихъ ея привилегіи, то она вынуждена была терпѣть ихъ въ лицѣ своихъ же собственныхъ служащихъ. Наиболѣе выгодныя торговыя операціи послѣдніе совершали въ свою пользу, и точно также все, что грабилось у населенія, наполняло почти исключительно ихъ собственные карманы; компанія изъ всей грабительской системы извлекала не много выгоды.

Наконецъ, и англійское правительство старалось получить какъ можно больше денегъ отъ компаніи. Если впослѣдствіи, когда компанія стала обладательницей огромной территоріи, оно приходило ей на помощь денежными средствами, для того, чтобы завоеванныя земли, которыя оно предполагало забрать себѣ, не были потеряны для Англіи, то въ теченіе XVII и XVIII ст. компанія неоднократно была вынуждена даже въ неблагопріятные для нея годы давать правительству значительныя суммы въ видѣ займовъ, чтобы сохранить свою монополію; ибо въ противномъ случаѣ правительство грозило передать хартію другимъ лицамъ или, по крайней мѣрѣ, допустить послѣднихъ къ участію въ торговлѣ, выдавая лиценціи тѣмъ лицамъ, которыя согласятся доставить ему необходимую сумму [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, расходы англійской остъ-индской компаніи были очень велики и при са-

---

устранить эти злоупотребленія и Клайвъ былъ не въ силахъ. Онъ началъ „безпощадную войну противъ гигантской системы угнетенія, вымогательства и подкуповъ, господствовавшей въ Индіи“, но не въ состояніи былъ ее уничтожить, а между тѣмъ именно рѣшительное сопротивленіе съ его стороны хищничеству и тиранніи создало ему впослѣдствіи массу непріятностей, послужило поводомъ къ обвиненію его. Столь сильны были элементы, извлекавшіе выгоду изъ хищническаго управленія Индіей и возставшіе поэтому противъ измѣненій въ характерѣ управленія (Маколей, стр. 63, 65).

[1]) См. Ehrenberg. Ostind. Handelsgesellsch. l. c. Zimmermann. II. p. 275. 285 и др.

мой высокой торговой прибыли она была лишена возможности выплачивать большіе дивиденды: въ XVIII вѣкѣ дивидендъ компаніи никогда не превышалъ 12½ проц., въ среднемъ же составлялъ всего 8 проц. (съ 1708 г. по 1773 г.) [1]).

Такимъ образомъ, и англійская остъ-индская компанія, подобно нидерландской, стала съ теченіемъ времени анахронизмомъ, тормазомъ, не приносившимъ никакой выгоды участникамъ и въ то же время сильно стѣснявшимъ какъ лицъ, желавшихъ торговать съ Индіей, такъ и потребителей, переплачивавшихъ огромныя суммы на покупкѣ индійскихъ товаровъ. Лишь въ 1814 г. была уничтожена ея монополія въ торговлѣ съ Индіей, а въ 1834 г. и въ торговлѣ съ Китаемъ.

V.

Не многимъ долѣе, чѣмъ торговая монополія португальцевъ въ Остъ-Индіи, просуществовала и установленная Испаніей монопольная система въ торговлѣ съ Америкой. Уже во второй половинѣ XVI вѣка „возникла самая обширная контрабанда, какую только можно встрѣтить въ исторіи торговли“: иностранные купцы, которымъ запрещено было участвовать въ торговомъ обмѣнѣ между Испаніей и ея колоніями, въ дѣйствительности играли въ этой торговлѣ весьма важную роль. Севильскіе купцы, въ рукахъ которыхъ находилась торговая монополія, обращали все свое вниманіе на американское золото и отказывались брать на свои корабли другіе продукты, какъ-то: хлопокъ, индиго, кожи. Этимъ воспользовались голландцы и англичане и стали закупать эти предметы по низкимъ цѣнамъ на американскихъ рынкахъ и продавать съ огромнымъ барышемъ въ Европѣ. До начала XVII вѣка, однако, эта контрабандная торговля имѣла чисто-частный характеръ, и правительства другихъ европейскихъ странъ оставались чуждыми ей. Но когда Голландія, Англія и Франція пріобрѣли собственныя колоніи въ Америкѣ — „контрабандная торговля обратилась для нихъ въ политическую систему, посредствомъ которой они оборонялись противъ Испаніи. Можно

[1]) Roscher. Kolonien. p. 279—80.

смѣло сказать, что со времени Филиппа II $^{9}/_{10}$ товаровъ, получаемыхъ въ испанскихъ колоніяхъ, были иностраннаго производства. Вначалѣ Франція принимала большое участіе въ контрабандной торговлѣ, затѣмъ мѣсто ея заступила Голландія“ [1]).

Однако, этимъ дѣло не ограничивалось: Голландія и Англія не только развили, начиная съ 1600 года, обширную контрабандную торговлю съ Америкой, доставлявшую имъ высокую прибыль, но и они, и Франція занимались пиратствомъ на Атлантическомъ океанѣ, перехватывая испанскіе корабли, нагруженные колоніальными товарами и въ особенности золотомъ. Погоня за испанскими флотиліями, перевозившими изъ Америки золото, началась весьма рано: тотъ корабль, на которомъ Кортецъ послѣ взятія г. Мексико послалъ пятую часть добычи королю испанскому, попалъ въ руки французовъ и всѣ сокровища получилъ французскій король Франциск I [2]). Съ начала XVII вѣка захватъ испанскихъ кораблей, нагруженныхъ серебромъ, сталъ явленіемъ обычнымъ. Въ 1628 г., напр., голландцы захватили всю флотилію, транспортировавшую серебро и состоявшую изъ 4 галеонъ и 8—10 купеческихъ судовъ, причемъ въ ихъ руки попало 3 милл. пезосовъ, по испанскимъ источникамъ, и 11 милл. голл. гульд., по словамъ голандцевъ. Въ 1656 г. англичанамъ досталась флотилія, нагруженная 11 милл. пезос., на избѣгнувшихъ же захвата корабляхъ было спасено и привезено въ Севилью менѣе 1 мил. Въ слѣдующемъ году испанцамъ удалось укрыть серебро на Канарскихъ островахъ, остальныя же суда были частью сожжены англичанами, частью захвачены ими; въ руки англичанъ попало 12 тыс. ф. вигоневой шерсти и 6 тыс. табаку, впервые посылаемаго въ Европу [3]).

Голландская и англійская колонизація въ Вестъ-Индіи имѣла первоначально своей цѣлью лишь пиратство и контрабанду для уничтоженія испанской торговли; и то и другое достигло дѣйствительно огромныхъ размѣровъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является дѣя-

[1]) Зевортъ—Лучицкій, стр. 185—188.
[2]) Soetbeer. p. 5.
[3]) Häbler. Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. p. 409—411.

тельность голландской вестъ-индской компаніи, учрежденной въ 1616 г. по образцу остъ-индской и получившей почти тѣ же привилегіи, что и остъ-индская, и также раздѣлявшейся на пять палатъ (амстердамская, зеландская, мозельская, фрисландская и гренингенская). Дѣятельность этой компаніи началась съ того, что въ 1624 г. были захвачены испанскія суда, находившіяся въ гавани Санъ-Сальвадора, главнаго города Бразиліи, а затѣмъ и португальскіе корабли въ Сіерра-Леоне и Лоанда. Въ 1627 г. Піетеръ Гейнъ захватилъ рядъ португальскихъ купеческихъ кораблей у бразильскаго побережья, а въ 1628 г. въ его руки попалась упомянутая испанская флотилія, нагруженная серебромъ. Въ слѣдующіе годы вестъ-индская компанія разграбила рядъ испанскихъ городовъ въ Бразиліи и вновь отняла у испанцевъ торговые корабли. Въ 1633—34 гг. пиратство доставило компаніи 514 тысячъ гульденовъ.

Какъ мы видимъ, въ сущности вся дѣятельность этой компаніи сводилась къ грабежу: въ 1623—1636 гг. ея добыча составляла 547 кораблей, цѣнностью въ 6,7 милл. гульд., товары же, которыми эти суда были нагружены, были проданы за 30,3 милл. гульд. По сравненію съ этимъ торговые обороты компаніи были весьма незначительны; они состояли частью въ торговлѣ бразильскимъ деревомъ и сахарнымъ тростникомъ, частью въ торговлѣ неграми и золотомъ, вывозимыми изъ сѣверо-западной Африки. Несмотря, однако, на всѣ награбленныя богатства, голландская вестъ-индская компанія вскорѣ обанкротилась и вынуждена была отказаться отъ захваченной ею Бразиліи: при 40 милл., полученныхъ путемъ пиратства, ея расходы въ 1623—1636 г.г. равнялись 45 милл. гульд., истраченнымъ на сооруженіе 806 кораблей и на наемъ 67 тыс. солдатъ. Вслѣдствіе этого и благодаря дивидендамъ, уплоченнымъ въ первые годы, ея дефицитъ уже въ 1636 г. составлялъ 18 милл. гульд. [1]).

Торговыя операціи голландцы вели въ Америкѣ на крайнемъ сѣверѣ, у Гудсоновой рѣки, гдѣ они пріобрѣли у индійцевъ островъ Магаттанъ... за 24 доллара. Такой же характеръ имѣлъ и весь торговый обмѣнъ съ туземцами,

[1]) Zimmermann B. V. p. 378—79.

у которыхъ вымѣнивались цѣнныя бобровыя и выдровыя шкуры на бездѣлушки.

Впрочемъ, эта торговля вскорѣ перешла въ руки англійской компаніи, учрежденной въ 1670 г. и получившей монополію торговли съ мѣстностями у Гудсонова залива. Одно время гудсоновой компаніи приходилось бороться съ французами, которые старались захватить въ свои руки весьма выгодную торговлю съ индійцами и наносили ущербъ англичанамъ, сбивая цѣны на европейскіе товары. Однако, со времени утрехтскаго мира 1713 года никто уже не нарушалъ въ теченіе полустолѣтія монопольнаго положенія компаніи. Послѣдняя пріобрѣтала у туземцевъ звѣриныя шкуры, преимущественно бобровыя, а также жиръ и перья, и сбывала имъ водку, матеріи, порохъ и всякія бездѣлушки: еще въ 1807 году индійцы отдавали 120 бобровыхъ шкуръ за товары цѣнностью въ 15 долл., именно за два шерстяныя покрывала, 8 квартовъ рома и карманное зеркало. Компанія оцѣнивала эти товары въ 30 долл. и сбывала ихъ въ Монтреалѣ за свыше 400 долл. [1]). Компанія на зиму снабжала индійцевъ одеждой и порохомъ, за что послѣдніе обязаны были постепенно доставлять ей все добытое на охотѣ. Въ результатѣ Гудсонова компанія выручала 2,000 проц. прибыли. Выплачиваемый же дивидендъ равнялся въ 1690—1800 годахъ въ среднемъ 60—70 проц. Съ 1670 года по 1690 годъ прибыль, несмотря на конкурренцію со стороны французовъ, составляла 118 т. фунт. стерлинг.; въ 1690 году капиталъ былъ увеличенъ съ $10^1/_2$ тыс. ф. ст. до $31^1/_2$ тыс. ф. ст. безъ приплаты со стороны акціонеровъ; въ 1720 г. акціонеры уплатили 10 проц., зато капиталъ былъ повышенъ до $94^1/_2$ тыс. фунт. стерлинг. Цѣна акцій поднялась на 300 проц. [2]).

Что касается остальныхъ англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, то онѣ для насъ мало интересны, такъ какъ имѣли земледѣльческій, а не торговый характеръ; англійскіе колонисты, въ особенности переселенные плимутской компаніей, не имѣли въ виду ни добыванія золота и серебра, ни торговаго обмѣна съ туземцами, ни даже покоренія послѣднихъ. Наиболѣе важныя торговыя операціи заключа-

[1]) Waitz. Anthropologie. B. Ш. p. 86—87.

[2]) Zimmermann. II. p. 239—245.

лись въ пріобрѣтеніи земли у туземцевъ, которые охотно отдавали обширныя пространства земли за водку, порохъ и всевозможныя бездѣлушки изъ стекла или металла [1]).

Иной характеръ имѣла французская колонизація въ Америкѣ. Въ 1603 г. была учреждена компанія съ цѣлью вывоза звѣриныхъ шкуръ изъ Канады и получила торговую монополію на обширномъ пространствѣ. Въ 1628 г. она была замѣнена компаніей ста, а при Кольберѣ въ 1664 г.—вестъ-индской компаніей, которая получила обширныя права, между прочимъ монополію торговли (и судоходства) со всей Америкой и съ западнымъ побережьемъ Африки на протяженіи отъ Зеленаго мыса до мыса Доброй Надежды. Важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ послѣдней были Антильскіе острова. Однако, эта компанія, подобно всѣмъ другимъ многочисленнымъ французскимъ торговымъ компаніямъ, основаннымъ въ XVII — XVIII ст., оказалась мало удачной. И Франція строго примѣняла повсюду принципъ, согласно которому участвовать въ торговлѣ не могъ никто изъ постороннихъ компаніи лицъ, причемъ и самыя компаніи обязаны были вывозить товары изъ Франціи лишь изъ нѣкоторыхъ портовъ и непремѣнно на французскихъ судахъ. Такъ, вся торговля съ Канадой концентрировалась въ Ларошелѣ, торговля съ Антильскими островами—на Мартиникѣ (Сенъ-Пьеръ). Съ Сенъ-Пьера торговцы отправлялись на другіе острова для закупки мѣстныхъ произведеній и для сбыта привезенныхъ изъ Франціи продуктовъ. Они доставляли товары капитанамъ кораблей, они же держали въ зависимости отъ себя все туземное населеніе.

Однако, чѣмъ строже проводился принципъ монополіи, тѣмъ болѣе послѣдняя нарушалась контрабандной торговлей. Только у компаніи туземные жители могли пріобрѣтать европейскіе товары и ей они были обязаны сбывать всѣ свои продукты; она, конечно, продавала имъ товары по крайне дорогимъ цѣнамъ и весьма плохого качества и пріобрѣтала ихъ произведенія по очень низкимъ цѣнамъ. Но въ результатѣ вскорѣ и на Антильскихъ островахъ, и въ Канадѣ развилась обширная контрабандная торговля, производимая

[1]). Häbler. Amerika. (Helmolt. Weltgeschichte. B. I.) p. 446—449. Ср. выше, стр. 46 и сл.

голландцами и англичанами, и значительная часть торговли съ этими мѣстностями—какъ и съ испанскими колоніями—перешла въ руки послѣднихъ, такъ что фактически монополія здѣсь существовала не болѣе, чѣмъ въ Испаніи и ея колоніяхъ [1]).

Если мы бросимъ въ заключеніе общій взглядъ на характеръ международной торговли XVI—XVIII ст. и попытаемся провести параллель между торговымъ обмѣномъ этой эпохи, съ одной стороны, и предыдущаго средневѣковаго періода, съ другой стороны, то намъ прежде всего бросится въ глаза значительное сходство между тѣмъ и другимъ: тѣсная связь между торговлей и пиратствомъ, борьба изъ-за торговой монополіи и насильственное вытѣсненіе конкурентовъ, сосредоточеніе торговыхъ операцій въ рукахъ немногихъ группъ купцовъ—все это характерные признаки и той и другой эпохи. Если пизанскіе купцы XIII вѣка усматривали въ морскомъ разбоѣ предпріятіе выгодное съ комерческой точки зрѣнія [2]), то подобнаго же взгляда держались и торговыя компаніи XVII—XVIII ст. Мало того, даже знаменитые мореплаватели, открывавшіе новыя земли, въ то же время грабили и убивали и усердно занимались пиратствомъ [3]). Борьба за торговое преобладаніе была и въ XVII—XVIII ст., какъ и въ средніе вѣка, непрерывною кровавою борьбою. По словамъ Бюша, сказаннымъ въ 1790 г., Англія изъ предшествующихъ 144 лѣтъ провела 66 лѣтъ въ войнахъ, направленныхъ къ уничтоженію конкуррентовъ въ торговлѣ. Вся вторая половина XVII вѣка наполнена войнами между Англіей и Голландіей изъ-за супрематіи въ торговлѣ, XVIII вѣкъ—борьбой между Англіей и Франціей, Англіей и Голландіей, Голландіей и Франціей изъ-за торговыхъ интересовъ [4]). Наконецъ, вся торговля находилась попрежнему

[1]) Girault. Principes de colonisation. 2-e ed. Paris. T. I. p. 136—142. 157. 175—6.

[2]) См. выше, стр. 196.

[3]) Пиратами были напр. Френсисъ Дрэкъ и Вальтеръ Ралей, извѣстные своими открытіями. Португальское судно, захваченное въ 1593 г. Ралеемъ, въ 1.600 тоннъ, было крупнѣйшимъ кораблемъ, какой до того видѣла Англія; оно было нагружено пряностями, ароматическими веществами, шелкомъ, золотымъ пескомъ, жемчугомъ и т. п., См. Peschel. Völkerkunde. p. 212. Leroy-Beaulieu. p. 47.

[4]) Во время этихъ войнъ Англія пріобрѣла путемъ захвата (ка-

въ рукахъ очень немногихъ лицъ. По словамъ Юма, болѣе 86 проц. англійской морской торговли сосредоточивались въ рукахъ какихъ-нибудь 200 лондонскихъ жителей [1]). Въ концѣ XVII вѣка указывалось на то, что англійская торговля съ Остъ-Индіей, составляющая четвертую часть всей торговли Англіи, находится въ рукахъ 550 лицъ, членовъ компаніи, и большая часть прибылей распредѣляется между 40 лицами, изъ коихъ нѣкоторыя обладаютъ акціями въ 50 тыс. ф. ст. [2]). Гудсонова компанія была основана 18 лицами: принцемъ Рупертомъ, нѣсколькими лордами и нѣсколькими лодонскими торговцами мѣхомъ, въ XVIII вѣкѣ 8—9 купцовъ владѣли $^9/_{10}$ всѣхъ акцій компаніи и постоянно занимали мѣста директоровъ [3]).

Однако, за этими сходствами между обѣими эпохами не слѣдуетъ упускать изъ виду и не менѣе существенныхъ, хотя и не столь рѣзко выступающихъ различій. Въ XVI—XVIII ст. городъ уступаетъ мѣсто государству, какъ въ экономической жизни вообще, такъ и въ области международной торговли и въ торговой борьбѣ за монополію въ частности: торговлю ведутъ уже не отдѣльныя города, или группы городовъ, а цѣлыя страны, онѣ стараются вытѣснить другъ друга и занять преобладающее положеніе въ торговомъ обмѣнѣ. Но добившись торговой монополіи, государства—и это различіе не менѣе важно—вовсе не имѣютъ въ виду предоставить производство торговли всѣмъ жителямъ, всякому подданному, желающему заниматься торговлей, а снабжаютъ привилегіей лишь опредѣленную, узко ограниченную группу лицъ, устраняя всѣхъ другихъ жителей отъ участія въ торговомъ обмѣнѣ. И въ средніе вѣка существовали рядомъ съ гильдіями и торговыя компаніи, но онѣ не только не пользовались какими-либо преимуществами, а, наоборотъ, подвергались преслѣдованіямъ со стороны городовъ, коль скоро они усваивали монопольный характеръ. Лишь въ хлѣбной торговлѣ того времени находимъ стремле-

---

перства) сотни торговыхъ кораблей другихъ странъ, изъ коихъ цѣнность нѣкоторыхъ равнялась 150—300 тыс. ф. стерл.

[1]) Roscher. Kolonien, p. 259.

[2]) Ehrenberg. Ostindische Handelsgesellschaften. l. c.

[3]) Roscher, p. 266.

ніе сосредоточить вывозъ въ рукахъ немногихъ лицъ, запрещая его всѣмъ прочимъ. Но хлѣбная торговля въ средніе вѣка по своему характеру не могла принять значительныхъ размѣровъ, запасы, предназначавшіеся для вывоза, были весьма не велики.

Заокеанская торговля въ XVII — XVIII ст. искусственно ограничивалась привилегированными акціонерными компаніями: и въ Англіи, и въ Голландіи существовало значительное количество свободныхъ капиталовъ, устраненныхъ отъ международной торговли, искавшихъ примѣненія въ другихъ областяхъ, и не находившихъ его. Это видно лучше всего изъ низкаго уровня процента (3 проц.), установившагося въ Голландіи, и изъ торговыхъ кризисовъ того времени. Безумная спекуляція въ Англіи въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка свидѣтельствуетъ о томъ, что въ странѣ было много капиталовъ, не приносившихъ дохода, готовыхъ броситься повсюду, гдѣ было основаніе надѣяться на высокую прибыль [1]). Поэтому-то монополія, установленная въ пользу отдѣльныхъ группъ населенія, объединенныхъ въ компаніи, поддерживалась уже не экономическими условіями, а исключительно покровительствомъ со стороны государства опредѣленному кругу лицъ. Послѣдствія этого измѣнившагося характера торговой монополіи должны были сказаться очень скоро: они должны были привести къ отрицанію торговой монополіи вообще, къ появленію значительной, хотя и нелегальной, фактической конкурренціи, вызванной искусственнымъ стѣсненіемъ торговли, къ развитію обширной контрабанды, служившей коррективомъ торговой монополіи [2]) [3]).

---

[1]) См. Максъ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ. (Рус. пер. Спб. 1877). См. объ этомъ также томъ второй „Эволюціи прибыли".

[2]) О контрабандѣ см. гл. VIII, 2.

[3]) Свободная конкурренція возникла постепенно и въ области хлѣбной торговли. Въ значительной мѣрѣ хлѣбная торговля и въ эту эпоху сохраняла тотъ же монопольный характеръ, какой она имѣла въ средніе вѣка. И въ эту эпоху короли, папы, герцоги, владѣвшіе обширными доменами и получавшіе съ нихъ доходы въ натурѣ, и прежде всего въ видѣ хлѣба, были заинтересованы въ выгодномъ экспортѣ своего хлѣба. Съ этой цѣлью они попрежнему оффиціально запрещали вывозъ хлѣба, якобы въ интересахъ сохраненія его въ странѣ, сами же вывозили свой хлѣбъ

Въ исторіи развитія международной торговли разсматриваемаго нами періода необходимо, однако, различать двѣ эпохи —эпоху первоначальнаго процвѣтанія торговыхъ компаній, имѣвшихъ исключительно торговый характеръ, и эпоху упадка ихъ, превращенія въ политическія организаціи. Даже Адамъ Смитъ признаетъ, что когда товарищество купцовъ по собственной иниціативѣ и на свой страхъ и рискъ вступаетъ въ торговыя сношенія съ отдаленными странами и нецивилизованными народами, веденіе ими торговли въ формѣ акціонерной компаніи и предоставленіе имъ монополіи въ данной области торговли на извѣстное число лѣтъ мо-

---

въ другія страны, а нерѣдко присоединяли къ этому закупку хлѣба для вывоза у другихъ лицъ, когда хлѣбъ, вслѣдствіе запрещенія вывоза, падалъ въ цѣнѣ. Или же (а иногда одновременно съ этимъ) они, оффиціально устанавливая запрещеніе вывоза, выдавали придворнымъ и покровительствуемымъ купцамъ лиценціи на право вывоза хлѣба, нерѣдко за значительную плату. Такого рода политики придерживались и французскіе короли (Людовикъ XIV, Людовикъ XVI), и шведскіе короли (Густавъ-Адольфъ, Карлъ XI), и папы римскіе, и неаполитанскіе герцоги и другія владѣтельныя особы. Вслѣдствіе этого, вывозъ сосредоточивался въ рукахъ весьма немногихъ владѣтельныхъ лицъ и ихъ приближенныхъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда вывозъ вовсе устранялся при возрастаніи хлѣбныхъ цѣнъ, и лиценцій совершенно не выдавалось: такой политики придерживались Кольберъ и Струензе, имѣвшіе въ виду интересы населенія, но и они не всегда достигали цѣли, такъ какъ чиновники, получавшіе достаточную мзду, смотрѣли сквозь пальцы на вывозъ хлѣба изъ страны.

Совершенно иной характеръ принимаетъ политика въ области хлѣбной торговли въ Англіи и Саксоніи уже въ XVII, а въ Нидерландахъ и въ Пруссіи въ XVIII вѣкѣ. Именно, въ этихъ странахъ запрещенія вывоза и лиценціи, а затѣмъ и образовавшіяся изъ прежнихъ лиценцій вывозныя пошлины замѣняются свободнымъ вывозомъ хлѣба изъ страны, за которымъ слѣдуетъ взиманіе привозныхъ пошлинъ при извѣстныхъ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ,—устанавливается аграрный протекціонизмъ, который однако до конца XVIII вѣка еще не являлся стѣснительнымъ.

О хлѣбной торговлѣ этого періода см. Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. B. I. (Naudé) B. II. (Schmoller — Naudé). Berlin. 1896 — 1901. Faber. Die Entstehung des Agrarschutzes in England. Strassburg. 1888. Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789. Leipzig. 1882. Аѳанасьевъ. Хлѣбная торговля во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса 1892. См. также мои Очерки по исторіи таможенной политики.

жетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Такая временная монополія оправдывается тѣми же соображеніями, какъ выдача привилегіи изобрѣтателю новой машины или автору новой книги. Но по истеченіи срока монополія должна быть непремѣнно уничтожена. При сохраненіи монополіи она составляетъ несправедливость по отношенію ко всѣмъ прочимъ гражданамъ въ двоякомъ отношеніи: они вынуждены переплачивать на цѣнѣ товаровъ и они устраняются отъ участія въ торговыхъ предпріятіяхъ. Уплачиваемый ими такимъ образомъ двойной налогъ не идетъ даже въ пользу компаніи: вслѣдствіе нерадѣнія, расточительности и злоупотребленій со стороны агентовъ компаніи, дивидендъ ея не выше того, который можетъ уплачиваться при господствѣ свободной торговли [1]).

Дѣйствительно, въ первый періодъ существованія заокеанскихъ компаній цѣны на привозимые съ Востока пряности и колоніальные товары значительно понизились, несмотря на огромную прибыль, которую выручали компаніи. Въ XVI вѣкѣ, въ эпоху португальско-испанскаго торговаго владычества, цѣны на продукты Востока, въ противоположность цѣнамъ на другіе товары, сильно повысились, но съ конца XVI и начала XVII вѣка, когда эта монополія смѣнилась господствомъ заокеанскихъ компаній, началось паденіе цѣнъ на эти продукты, такъ что, не взирая на совершавшееся въ XVI и XVII ст. сильное пониженіе цѣнности денегъ, [2]) пряности и москательные товары были въ концѣ XVII вѣка немногимъ (или даже вовсе не были) дороже, чѣмъ до открытія новаго пути въ Индію. Въ то время, какъ общій уровень цѣнъ съ 1500 г. до конца XVII вѣка повысился въ Англіи (принимая 100 за исходную цѣну) на 326, а въ Эльзасѣ на 246, цѣна москательныхъ товаровъ составляла лишь 121 въ Англіи и 112 въ Эльзасѣ, а цѣна пряностей—142 и 188. При этомъ во второй половинѣ XVII вѣка сахаръ и имбирь стояли въ цѣнѣ ниже, а оливковое масло, рисъ и перецъ во всякомъ случаѣ не выше (даже ниже), чѣмъ въ 1500 г. Лишь цѣна муската и гвоз-

---

[1]) Адамъ Смитъ, кн. V гл. 1 (рус. пер. т. III, стр. 90—91).

[2]) См. объ этомъ ниже, гл. VIII.

дики успѣла за это время значительно возрасти, наравнѣ съ общимъ уровнемъ цѣнъ [1]). Что касается XVIII вѣка, то изъ цѣнъ, сообщаемыхъ д'Авенелемъ, можно усмотрѣть, что (во Франціи) цѣна сахара, перца и имбиря еще болѣе упала. Въ то время, какъ цѣна сахара въ 1201—1475 гг. колебалась между 4,70 и 9,50 фр. (на современныя деньги) и лишь въ 1475—1500 г. упала до 2,42 фр., въ XVI—XVII ст. она равнялась 2,06—5,91 фр., въ XVIII вѣкѣ же всего 1,54—2,95 фр., понизившись въ 1726—1750 гг. до 1,54 фр., а въ 1776—1800 гг. до 1,96 фр.,—цѣнъ, неизвѣстныхъ предыдущимъ столѣтіямъ. Точно также перецъ стоилъ въ средніе вѣка (XIII—XV ст.) 3—19 фр., въ XVI—XVII ст. 3,10—12 фр., а въ XVIII вѣкѣ 2,86—4,82 фр. Наконецъ, имбирь, цѣна котораго равнялась въ средніе вѣка 6—19 фр., а въ XVI ст. 4½—8 фр. (для XVII вѣка нѣтъ данныхъ), продавался въ 1701—1725 гг. за 3,40 фр., а въ 1751—1775 гг. за 2,35 фр. [2]).

Благодаря этому, пряности стали употребляться въ пищу не только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ это было въ средніе вѣка [3]), но и въ качествѣ обычной приправы болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія. Въ поваренныхъ книгахъ, предназначенныхъ для среднихъ слоевъ населенія, они являются постоянной приправой къ самымъ разнообразнымъ кушаньямъ, составляютъ необходимую принадлежность вкуснаго обѣда у людей средняго достатка. И потребность въ пряностяхъ ощущалась въ тѣ времена гораздо сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время: съѣстные припасы не умѣли еще сохранять надлежащимъ образомъ, поваренное искусство стояло гораздо ниже. Всевозможныя приправы—перецъ, мускатъ, имбирь, гвоздика и т. п. должны были устранять дурной запахъ несвѣжихъ продуктовъ, искусственно возбуждать аппетитъ и дѣлать возможнымъ потребленіе плохо приготовленныхъ блюдъ, наконецъ, облегчать пищевареніе. Въ XVII и XVIII ст. распространяется также, въ особенности въ Голландіи и Англіи, потребленіе кофе, какао, чая, сахара: до 1600 г. сахаръ покупали лотами

---

[1]) Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution im XVI und XVII Jahrh. p. 212—13. 382—83.

[2]) d'Avenel. Histoire économique de la propriété, des prix etc. T. IV. p. 598.

[3]) См. выше, стр. 163 и сл.

въ аптекѣ, позже его стали потреблять въ ѣду; въ 1766 г. въ Англіи потреблялось 6 милл. фунтовъ чая, потребленіе его было распространено не только въ аристократическихъ кругахъ, но и среди „третьяго сословія“. Словомъ, тѣ самые слои населенія, которые въ средніе вѣка могли удовлетворять лишь наиболѣе интенсивныя потребности въ пряностяхъ, москательныхъ товарахъ, ароматическихъ веществахъ, привозимыхъ изъ колоній—и поэтому получившихъ названіе колоніальныхъ товаровъ—имѣли въ XV—XVIII ст. возможность удовлетворять и другія, менѣе важныя потребности въ нихъ. Иначе говоря, цѣна стояла въ эту эпоху значительно ниже своего высшаго (возможнаго) уровня—цѣнности потребленія; при оцѣнкѣ предметовъ, при сравненіи значенія получаемаго и отдаваемаго, послѣднее, отдаваемое, фигурировало въ томъ значеніи, которое оно имѣло для среднихъ (а не для высшихъ) классовъ населенія, и доходъ этихъ классовъ—городского торгово-промышленнаго населенія, а не доходъ, извлекаемый землевладѣльцами изъ труда крѣпостныхъ крестьянъ, являлся главнымъ источникомъ торговой прибыли, уплачиваемой потребителемъ [1]).

Но оставались еще низшіе, наиболѣе многочисленные классы населенія, они могли пользоваться этими продуктами лишь въ качествѣ лекарственныхъ снадобій, удовлетворяя, такимъ образомъ, лишь наиболѣе важныя потребности (прежде и это было невозможно: лекарства, кромѣ самыхъ примитивныхъ, были доступны лишь состоятельнымъ людямъ). Дѣйствительно, при помощи перца, калгана, гвоздики, въ особенности же муската, лечились отъ всевозможныхъ болѣзней; мускатъ составлялъ въ XVII вѣкѣ одно изъ наиболѣе употребительныхъ народныхъ снадобій, которыми лечились отъ чумы и холеры, отъ апоплексіи, чахотки, импотенціи, противъ выкидыша и т. п. [2]). Но для повседневнаго потребленія массъ цѣны колоніальныхъ товаровъ были слишкомъ высоки: доставляя въ XVIII вѣкѣ уже весьма небольшую прибыль, онѣ являлись результатомъ чрезмѣрно крупныхъ расходовъ, съ которыми была связана дѣятельность торговыхъ компаній. Цѣна приближалась въ

[1]) Ср. выше, стр. 63—64, 165—168.

[2]) Warburg. p. 510, 552—64. 578 и сл.

значительной мѣрѣ къ издержкамъ, но послѣднія были слишкомъ велики: свободная торговля вскорѣ сильно понизила ихъ. Характерной чертой торговли и торговой прибыли XVIII вѣка является, такимъ образомъ, то обстоятельство, что потребитель, выплачивая изъ своего дохода небольшую прибыль при покупкѣ произведеній Востока, въ то же время уплачиваетъ весьма высокія издержки, составляющія важную составную часть цѣны и дѣлающія потребленіе этихъ продуктовъ недоступнымъ для широкихъ слоевъ населенія [1]). Въ потребленіе народа пряности вошли лишь въ XIX вѣкѣ, со времени введенія свободной торговли и связаннаго съ ней сильнаго паденія цѣнъ на пряности и колоніальные товары [2])

Когда англійская остъ-индская компанія въ 1813 году лишилась своей монополіи въ области привоза индійскихъ товаровъ, цѣна мускатнаго орѣха на лондонскомъ рынкѣ въ теченіе непродолжительнаго времени понизилась съ 12 до 3 шиллинговъ. Ввозъ чая въ Англію составлялъ въ послѣдній годъ монополіи въ торговлѣ съ Китаемъ (1833—1834) всего 29½ милл. ф., въ первый же годъ свободной торговли (1834—1835) онъ доходилъ уже до 42 милл., въ 1853 году равнялся почти 70¾ милл. и въ 1879 году повысился до 145 милл. ф. [3]). Въ 1866—67 гг., по статистическимъ вычисленіямъ, въ Англіи изъ всего количества чая высшіе классы потребляли 17½ проц., средніе—38 проц., низшіе же—44½ проц. [4]).

---

[1]) По вычисленію Edinburgh Review, англичане въ 1822 г. заплатили за чай на 2,218,000 ф. ст. больше, чѣмъ имъ обошлось бы то же количество чая при покупкѣ его въ Гамбургѣ или Нью-Іоркѣ; въ 1825—1828 гг. они переплачивали въ среднемъ 1½ милл. ф. ст., тогда какъ прибыль компаніи была менѣе 850 тыс. ф. ст. (Roscher. Kolonien. p. 281—82).

[2]) Warburg p. 540, 552—564, 578 и сл.

[3]) Roscher. Kolonien p. 281—82. По А. П. Субботину (Чай и чайная торговля, стр. 422) потребленіе чая въ Англіи равнялось: въ 1789 г.—20 милл. ф., въ 1809 г.—22 м., въ 1819 г.—25 м., въ 1829 г.—28 м., въ 1839 г.—37 м., въ 1849 г.—52 м., въ 1859 г.—110 м., въ 1869 г.—153 м. и въ 1879 г.—204 милл. ф.

[4]) Субботинъ. Чай и чайная торговля въ Россіи и другихъ государствахъ. Производство, потребленіе и распредѣленіе чая. Спб. 1892. Стр. 185.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Промышленность и промышленная прибыль въ XVI—XVIII ст.

А. Домашняя или кустарная промышленность.

I.

Средневѣковый городъ представляетъ собою самостоятельную единицу, самодовлѣющее цѣлое не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Наиболѣе ярко этотъ замкнутый характеръ средневѣковаго городского хозяйства выражается въ свойствахъ средневѣковой промышленности, ремесла, которое сосредоточивается въ городѣ и работаетъ почти исключительно для мѣстнаго рынка: произведеніями городскаго ремесла удовлетворяются всѣ потребности населенія въ промышленныхъ издѣліяхъ. Исходя изъ того положенія, что городъ не долженъ зависѣть отъ иногородней промышленности, средневѣковый городъ всѣми силами препятствовалъ привозу иногородныхъ издѣлій, а слѣдовательно, и при вывозѣ собственныхъ товаровъ встрѣчалъ огромныя затрудненія; произведенія ремесла имѣли только одинъ мѣстный рынокъ, гдѣ потребителями являлись, какъ городскіе жители, такъ и крестьяне окружныхъ селъ, которые обмѣнивали свои сельскохозяйственные продукты на издѣлія городского ремесла [1]).

Въ эту замкнутую городскую жизнь ворвалась въ концѣ среднихъ вѣковъ совершенно новая струя. Промышленныя издѣлія, которыя до того времени непосредственно сбывались ремесленникомъ на мѣстномъ городскомъ рынкѣ и почти не играли роли въ торговлѣ, стали теперь объектомъ

[1]) См. выше, стр. 315 и сл.

торговаго обмѣна, предметомъ ввоза и вывоза. „Появилась возможность потреблять продукты другихъ городовъ и странъ, получать матеріалы для обработки изъ отдаленныхъ мѣстностей, чего ранѣе не существовало". Торговля фабрикатами, въ особенности текстильными и металлическими издѣліями, съ конца XV и начала XVI вѣка сильно оживилась. Рынокъ расширился, изъ городского онъ превратился въ территоріальный, ибо фабрикаты и полуфабрикаты уже не сбывались исключительно на мѣстномъ городскомъ рынкѣ, а распространялись по всей странѣ, по всѣмъ городамъ.

Въ Парижѣ продавались гребни изъ Лиможа, желѣзныя издѣлія изъ Тулузы, ткани изъ Оверня, саржа изъ Арраса, сукно изъ Шампани и Нормандіи [1]). Особенно бойко шла съ конца XV вѣка торговля издѣліями текстильной промышленности. Ордонансъ 1479 года насчитываетъ двѣнадцать французскихъ городовъ, центровъ текстильной промышленности, посылающихъ свое сукно въ Парижъ для сбыта [2]). Но не менѣе оживленно шла торговля сукномъ и въ г. Турѣ, который вовсе не выдавался своимъ суконнымъ производствомъ: въ ордонансѣ 1490 года названо пятнадцать французскихъ городовъ (многіе изъ нихъ тѣ же, что и въ ордонансѣ 1479 г.), откуда купцы ѣздили въ Туръ [3]). „Короли французскіе—говоритъ Левассеръ—поощряли внутреннюю торговлю. Они утверждали торговые договоры, заключенные между городами, подтверждали старыя привилегіи, разрѣшали купцамъ торговать по всей странѣ, безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ при покупкѣ или продажѣ товаровъ" [4]). Hauser также обращаетъ вниманіе на уменьшеніе монополіи цеховъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе усилившейся конкурренціи между городами. „Кругъ потребителей расширяется,—говоритъ онъ—увеличивается и ихъ платоспособность, уменьшаются издержки перевозки товаровъ и связанный съ нею рискъ. Особенно возрастаетъ сбытъ фабрикатовъ, тогда какъ сырые продукты, подверженные

[1]) Levasseur. T. I. p. 665.

[2]) Hauser. Les ouvriers du temps passé. (XV et XVI s.). Paris. 1899. p. 17—18.

[3]) Levasseur. I. p. 665.

[4]) Ibid. p. 666.

болѣе легкой порчѣ и представляющіе меньшую цѣнность при большемъ вѣсѣ, не могутъ пріобрѣсти столь обширнаго рынка, какъ фабрикаты“ [1]). Какъ указываетъ д'Авенель, распространенная ранѣе по всей Франціи шерстяная промышленность сосредоточивается въ XVII вѣкѣ лишь въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка лишь производство тонкихъ, особенно изящныхъ и дорогихъ сортовъ сукна составляло монополію отдѣльныхъ центровъ, позже и изготовленіе простого сукна стало быстро развиваться въ немногихъ городахъ и мѣстностяхъ, въ другихъ же мѣстахъ шерстяная промышленность исчезаетъ. Такъ исчезла постепенно саржа изъ Нанта, Динана, Мальструа, сукно изъ Нима, Каркасонны, Сентъ-Омера, Шатору, байковыя и другія ткани изъ Вандомы, Дре, Валанса, Сенъ-Ло и сотни иныхъ мѣстностей,—даже имена ихъ, забытыя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ промышленности и ботатства, оставили слѣдъ лишь въ архивахъ [2]).

„Изъ страсбургскихъ тарифовъ мы можемъ усмотрѣть, что увеличился ввозъ какъ дорогихъ, такъ и простыхъ издѣлій текстильной промышленности со всѣхъ концовъ Европы. Если въ 1401 году упоминается лишь о шелковыхъ издѣліяхъ вообще, то въ 1477 году уже различаются 8—9 сортовъ шелковыхъ матерій. Въ тарифѣ 1401 года встрѣчается лишь 6—8 мѣстностей Германіи, откуда привозится сукно въ Страсбургъ, а въ 1447 году названо 22 сорта одного рейнскаго сукна; съ нижняго Рейна, изъ Магдебурга, изъ Швабіи доставляются шерстяныя издѣлія на Страсбургскій рынокъ; рядомъ съ многочисленными фламандскими и брабантскими тканями появляются и французскія, англійскія и итальянскія. Встрѣчается также англійская шерсть, пряжа изъ Реймса, Кельна и Эрфурта, полосатыя бумажныя ткани изъ Милана“ [3]). Вообще въ Германіи, въ особенности во всей средней и южной части ея, въ теченіе XVI вѣка сукно замѣняется болѣе тонкими, гладкими шерстяными тканями, которыя производятся во Фландріи, во французскихъ городахъ, а съ конца XVI вѣка, со времени пере-

---

[1]) Hauser. p. XXXI—XXXIII.

[2]) d'Avenel. Histoire économique etc. T. III. p. 389.

[3]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. p. 507.

селенія нидерландскихъ ткачей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи—въ Герѣ, Пфорцгеймѣ, Кальвѣ. Отсюда онѣ уже распространяются въ большомъ количествѣ по всѣмъ нѣмецкимъ городамъ и рынкамъ: произведенныя въ Кальвѣ (Вюртембергъ) ткани мы встрѣчаемъ въ 1590 г. на рынкахъ во Франкфуртѣ, Вормсѣ, Страсбургѣ, Базелѣ [1]).

Въ Любекѣ столкновенія между ремесленниками и торговцами хотя и встрѣчаются уже въ средніе вѣка, но лишь въ видѣ исключенія, ибо товары, производимые въ городѣ, обыкновенно не привозились изъ другихъ мѣстностей: только пряности и бакалейные товары ввозились въ городъ. Лишь въ XVI вѣкѣ эти столкновенія становятся болѣе частыми. „Когда обороты розничныхъ торговцевъ расширились, когда они стали самостоятельно вступать въ торговыя сношенія съ другими мѣстностями и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря возрастанію количества ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, получили возможность пріобрѣтать у нихъ различныя промышленныя издѣлія для сбыта, тогда возникли постоянныя столкновенія между ремесленниками съ одной стороны и торговцами съ другой стороны, причемъ потребители большею частью находились на сторонѣ вторыхъ". Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что конкурренція между ремесленниками и торговцами при сбытѣ промышленныхъ издѣлій приводила къ большему разнообразію въ выборѣ товаровъ и къ большей дешевизнѣ. Цехи неоднократно обращались къ городскому магистрату съ просьбой запретить ввозъ въ городъ всякихъ фабрикатовъ вообще, но магистратъ на это не соглашался, ограничиваясь подтвержденіемъ запрещенія въ томъ видѣ, какъ оно существовало раньше, т.-е. поскольку отдѣльные цехи уже ранѣе пользовались монополіей въ сбытѣ тѣхъ или другихъ товаровъ. Поэтому количество предметовъ, продаваемыхъ торговцами, все болѣе и болѣе увеличивалось и нѣкоторые продукты, въ особенности желѣзныя издѣлія, продавались ими въ столь значительномъ количествѣ, что городскіе ремесленники почти совершенно перестали производить эти товары. Даже прежнія запрещенія, которыя существовали

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Jena. 1897. p. 3—4, 18—19, 23.

относительно продажи различныхъ произведеній промышленности, не исполнялись болѣе; въ однихъ случаяхъ цехи вынуждены были признать совершившуюся перемѣну и формально отказаться отъ своего исключительнаго права продажи тѣхъ или другихъ товаровъ; въ другихъ случаяхъ торговцы успѣли воспользоваться выгодными для нихъ обстоятельствами и присвоить себѣ это право фактически и ремесленники уже не въ состояніи были вытѣснить ихъ“ [1]) Мечи, шляпы, волосяныя издѣлія и многіе другіе товары привозились иногородними купцами въ Любекъ [2]). Особенно много посѣщали Любекъ нюрнбергскіе купцы. Они привозили произведенія изъ желѣза, стали, жести, олова, свинца, желтой мѣди, а также деревянныя и стеклянныя издѣлія [3]).

Нюрнбергъ вообще славился своими стеклянными, въ особенности же металлическими товарами. Здѣсь насчитывалось въ началѣ XVI вѣка свыше двадцати цеховъ, изготовлявшихъ самые разнообразные предметы изъ желѣза, желтой мѣди, олова и т. п. Существовалъ особый цехъ булавочниковъ, особый гвоздарный цехъ; одинъ цехъ выдѣлывалъ наперстки, другой—трубы, третій—колокольчики. Точно такъ же производство очковъ составляло спеціальность особаго цеха, производство компасовъ—спеціальность другого цеха, существовалъ даже спеціальный бутылочный цехъ [4]). Всѣ эти цехи изготовляли предметы для вывоза и не удивительно, что другіе города, гдѣ техника производства стояла гораздо ниже, не въ состояніи были конкуррировать съ привозными нюрнбергскими издѣліями; подобно текстильному производству и производство металлическихъ предметовъ должно было сильно страдать отъ вновь появившейся конкурренціи привознаго товара [5]).

Еще болѣе расширяется свобода обмѣна внутри госу-

---

[1]) Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. 1864. p. 102—3.

[2]) Ibid. p. 231. 456. 475.

[3]) Ibid. p. 107.

[4]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor 300 Jahren. Altnürnbergische Studien. Leipzig. 1894. p. 168. 178.

[5]) См. также Blümcke, Handwerkszünfte in Stettin, p. 206. Bodemann. p. II. Eulenburg. Drei Jahrhunderte städtischen Gewerbewesens. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgesch. B. II. p. 266 и др. Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe. p. 18—20.

дарства въ Англіи. „Къ концу среднихъ вѣковъ—говоритъ Эшли—Англія была покрыта сѣтью интермуниципальныхъ соглашеній, на основаніи которыхъ граждане одного города, пріѣзжая съ торговыми цѣлями въ другой городъ, освобождались отъ уплаты пошлинъ. Интермуниципальные торговые договоры появляются уже въ XIII и XIV ст., но болѣе часто они встрѣчаются въ XV ст. „Особенно любопытенъ рядъ соглашеній,—продолжаетъ тотъ же Эшли — заключенныхъ между городами Ноттингемомъ, Ковентри и Линкольномъ во второй половинѣ XV ст. Конечно, дѣлая другъ другу уступки, города имѣли непосредственно въ виду свои собственные интересы; но этимъ самымъ они расшатывали основы средневѣковаго политическаго (вѣрнѣе: экономическаго) строя“ [1]).

Въ статутахъ итальянскихъ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ провозглашалась полная свобода ввоза. Такъ, миланскій статутъ 1502 года разрѣшаетъ всѣмъ и каждому продавать товары въ любое время и въ любомъ мѣстѣ. Эта свобода торговли не распространялась на жителей лишь тѣхъ городовъ, которые ограничивали миланскихъ гражданъ въ ихъ торговыхъ правахъ [2]). Во Флоренціи уже въ XV вѣкѣ господствовалъ принципъ, что каждый, какъ горожанинъ, такъ и иногородній, имѣетъ право ввозить товары и продавать гдѣ угодно или вывозить ихъ обратно непроданными, и никто, ни цехи, ни отдѣльныя лица не могутъ ему препятствовать въ этомъ [3]). Въ Венецію во второй половинѣ XV вѣка нѣмецкіе купцы привозили слѣдующія промышленныя издѣлія, произведенныя частью въ Германіи, частью въ другихъ европейскихъ странахъ: шерстяныя и бумажныя матеріи, полотно; кожу, шляпы, роговыя издѣлія; четки и различную церковную утварь; мѣдную проволоку, жесть и олово, панцыри, кожи, иголки, наперстники [4]).

Такимъ образомъ, въ XV—XVII ст. образовалось раздѣленіе труда между различными мѣстностями; многія изъ

[1]) Эшли. Стр. 299—300.

[2]) Roscher. Nationaloekonomik des Handels und Gewerbefleisses. 7. Aufl. Stuttgart. 1899. p. 870—71.

[3]) Poehlmann. p. 100—104, 129.

[4]) Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. B. II. p. 105.

нихъ выработали себѣ особыя спеціальности,—въ противоположность средневѣковому хозяйству, проникнутому принципомъ, что всѣ промышленныя издѣлія должны изготовляться въ самомъ городѣ. Если того или другого промысла не оказывалось въ городѣ, туда—въ средніе вѣка — вызывали ремесленниковъ, занимавшихся этимъ промысломъ: въ городъ привозились сами мастера, а не ихъ произведенія. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее оказывалось невозможнымъ, когда города, обладавшіе монополіей въ данной отрасли производства, запрещали ремесленникамъ этой спеціальности переселяться въ другіе города и зорко слѣдили за ними,—тогда приходилось допускать ввозъ тѣхъ или другихъ промышленныхъ издѣлій. Поэтому-то мы такъ рѣдко встрѣчаемъ фабрикаты среди товаровъ, сложенныхъ въ торговыхъ подворьяхъ, и если купецъ привозилъ таковые, то они были обыкновенно произведены въ далекихъ странахъ Востока. Въ XVI—XVIII ст. этого принципа придерживались не города, а государства. Запретительными пошлинами и даже запрещеніями ввоза каждое государство старалось оградить себя отъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій, что ему впрочемъ, вслѣдствіе обширной и хорошо организованной контрабанды, удавалось далеко не всегда [1]). Въ Англіи, гдѣ уже въ XV вѣкѣ устанавливается свобода обмѣна внутри государства, мы въ томъ же XV вѣкѣ находимъ и ясно выраженный таможенный протекціонизмъ, проводимый государствомъ, находимъ запрещенія ввоза въ страну сукна, желѣза, шелковыхъ матерій и цѣлаго ряда другихъ промышленныхъ издѣлій; въ 1660 г. эти запрещенія замѣняются высокими, почти запретительными пошлинами [2]). Во Франціи устраненіе внутреннихъ преградъ происходитъ гораздо медленнѣе и съ такою же постепенностью проводится и запретительная система [3]). Въ Пруссіи въ 1581 г. воспрещено употребленіе иностраннаго сукна, запрещеніе, которое въ послѣдующія десятилѣтія повторяется нѣсколько разъ; въ 1654 г. къ нему присоединяется запре-

[1]) См. стр. 505—508.

[2]) Lexis. Einfuhrverbote. Handwört. der Staatswiss. B. III. Schanz. Engl. Handelspol. B. I. p. 456—63. Кеннингэмъ. I. стр. 369.

[3]) Brandt. Beiträge zur französ. Handelspol. p. 40.

щеніе ввоза издѣлій изъ мѣди и олова, въ 1666 г.—желѣзныхъ товаровъ, въ 1658 г.—стекла [4]).

Отсутствовавшія отрасли промышленности государство старалось пересадить къ себѣ изъ другихъ странъ, привлекая различными льготами иностранныхъ мастеровъ: производство шелковыхъ и бархатныхъ матерій, бумажныхъ тканей, кружева, зеркалъ, табачныхъ издѣлій всѣ европейскія государства стараются ввести у себя въ XVII — XVIII ст. Словомъ, государство придерживается теперь той же политики, какая раньше проводилась въ городѣ — политики протекціонизма, политики отдѣленія отъ другихъ государствъ; самодовлѣющій городъ долженъ превратиться въ самодовлѣющее государство. Зато въ отношеніяхъ между отдѣльными городами, отдѣльными частями того же государства произошла важная перемѣна. Эта перемѣна, совершившаяся во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ, на первый взглядъ не была значительна, ибо первоначально она состояла лишь въ томъ, что торговецъ привозилъ товары того же рода, но только другого сорта. Онъ привозилъ товары лучшаго качества, болѣе тонкія и болѣе изящныя ткани, болѣе искусно сдѣланныя металлическія издѣлія. Такими товарами, которые производились и въ самомъ городѣ, онъ первоначально еще не торговалъ; лишь впослѣдствіи и они явились предметомъ торговаго обмѣна. Но и эта перемѣна имѣла большое значеніе, и она была въ состояніи произвести переворотъ въ господствовавшей системѣ хозяйства, ибо новые продукты лучшаго качества вытѣсняли прежніе болѣе простые сорта, удовлетворяя болѣе тонкому вкусу періода Возрожденія, который предъявлялъ теперь совершенно иныя требованія къ предметамъ домашняго обихода, платью, мебели, утвари.

Политика, направленная къ усиленію конкурренціи внутри страны, къ введенію большей свободы въ торговомъ обмѣнѣ въ предѣлахъ государства, продолжается и въ послѣдующія столѣтія, въ XVII и XVIII вѣкѣ. Во Франціи отдѣльныя провинціи объединяются въ три большія группы — provinces de cinq grosses fermes (сѣверная и средняя Франція), provinces reputées étrangères (южная Франція) и provin-

[4]) Falke. Gesch. des Zollwesens. p. 268. Roscher. III. p. 851.

ces d'étranger effectif, уничтожается большая часть мѣстныхъ таможенъ, существовавшихъ внутри cinq grosses fermes. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кольберъ соединилъ всѣ многочисленные сборы, уплачиваемые при ввозѣ товаровъ въ cinq grosses fermes, въ одну общую пошлину, причемъ новый тарифъ 1664 года, распространявшійся и на товары, ввозимые въ provinces reputées étrangères, оказался пониженнымъ сравнительно съ суммой сборовъ, которые уплачивались раньше при ввозѣ въ отдѣльныя мѣстности [1]). Въ 1707 году образовался таможенный союзъ между Англіей и Шотландіей— внутренняя конкурренція въ Соединенномъ Королевствѣ расширилась [2]). Австрійскіе императоры съ начала XVII вѣка стараются составить самостоятельную таможенную единицу изъ своихъ австрійскихъ владѣній, причемъ пытаются уничтожить внутреннія преграды, пока, наконецъ, при Маріи-Терезіи не были отмѣнены всѣ городскія, земскія и имперскія таможни между отдѣльными австрійскими провинціями и установлены однообразныя правила относительно ввоза, вывоза и транзита товаровъ [3]). Наконецъ, и въ Германіи въ отдѣльныхъ крупныхъ территоріяхъ устраняются мало-помалу внутреннія таможенныя преграды: пошлины взимаются только одинъ разъ, при ввозѣ въ данную мѣстность,—товары освобождаются отъ послѣдующихъ внутреннихъ сборовъ одноруднаго характера (при ввозѣ въ городъ), хотя транзитныя пошлины (рѣчныя, дорожныя, мостовыя) еще долго сохраняются попрежнему [4]). Въ Бранденбургѣ города постепенно лишаются своего штапельнаго права: въ серединѣ XVII вѣка большая часть городовъ (Шпандау, Одербергъ, Ландсбергъ, Эберсвальде, Тангерминде, Бранденбургъ, Берлинъ) почти не имѣли уже права задерживать провозимые товары [5]): въ смыслѣ расширенія свободы торговли это былъ важный шагъ впередъ.

[1]) Clamageran. Histoire de l'impôt en France. T. II. Paris. 1867 p. 643—648.

[2]) Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce in modern times. Cambridge. 1892. p. 334.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. Wien. 1890. T. I. p. 77 и сл.

[4]) Lexis. Einfuhrzölle. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 2. Aufl. B. III.

[5]) Schmoller. Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs,—Verwaltungs und Wirtschaftsgeschichte, besonders des Preussischen Staates im 17 und 18 Jahrh. Leipzig. 1898. p. 20.

Таможенныя реформы, хотя и значительно облегчавшія передвиженіе товаровъ, не могли бы все-таки вызвать столь сильнаго оживленія въ торговомъ обмѣнѣ, какое мы наблюдаемъ въ разсматриваемую эпоху, если бы онѣ не сопровождались цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, содѣйствовавшихъ развитію торговли внутри страны—тѣми мѣрами, совокупность которыхъ составляетъ систему экономической политики, именуемую меркантилизмомъ. [1]) Сюда относится законодательство въ области торговаго, вексельнаго и морскаго права, кодификація законовъ, регулирующихъ торговыя сношенія; далѣе, появленіе банковъ—Амстердамскаго, Гамбургскаго и Стокгольмскаго, Англійскаго и Шотландскаго и возникновеніе системы банковыхъ переводовъ; наконецъ, устройство биржъ, изданіе монетныхъ уставовъ [2]) (послѣдніе, впрочемъ, были еще несовершенны и не всегда распространялись на всю страну), учрежденіе почты для перевозки людей и пересылки товаровъ и писемъ. Вслѣдствіе этого, измѣнились способы и формы обмѣна. Появились зачатки вексельнаго и фондоваго рынка. Уже въ XVI и XVII ст. сумма, оплачиваемая путемъ перевода по книгамъ и посредствомъ векселей, составляла милліоны. Денежные и вексельные обороты на ярмаркѣ въ Піаченцѣ оцѣнивались въ началѣ XVII ст. въ 16 милл. дукатъ, а обороты фондоваго рынка въ Антверпенѣ достигали 40 милл. По словамъ Юстуса Мозера, писавшаго въ XVIII вѣкѣ, учрежденіе почты имѣло огромныя послѣдствія, совершенно измѣнило жизнь во многихъ отношеніяхъ. Когда купцы увидѣли — говоритъ Бейстъ въ XVII вѣкѣ,—что за небольшую плату они могутъ узнать вексельный курсъ и цѣны товаровъ посредствомъ почты, безъ того, чтобы ѣздить въ Антверпенъ, на почтѣ стало скопляться огромное количество писемъ. Торговые обороты значительно возросли: англійская внѣшняя торговля увеличилась съ 7 милл. ф. ст. въ 1697 г. до $16,_3$ милл. въ 1730 г. и $29,_3$ милл. въ 1770 г.;

[1]) См. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 110—11.

[2]) Англія и Франція, Пруссія и Австрія обладали въ XVIII вѣкѣ уже единой монетой; монетные договоры 1667 и 1690 гг. между Бранденбургомъ, Саксоніей и Брауншвейгомъ, договоры о конвенціональной монетной единицѣ (20 гульд.) между Австріей и Баваріей 1753 г. упростили монетную систему и внесли въ нее извѣстное единство.

обороты французской торговли равнялись въ 1715 г. 176½ милл. фр. (въ томъ числѣ промышленныхъ издѣлій на 71 милл. фр.) вывозъ французскихъ фабрикатовъ въ другія европейскія страны возросъ въ періодъ 1715—1787 г. съ 45 до 133 милл. фр.

Но едва ли не наибольшее значеніе для расширенія торговли промышленными издѣліями имѣли мѣропріятія, предпринимаемыя ради облегченія перевозки товаровъ. Посредствомъ увеличенія судоходности рѣкъ, съ одной стороны, и сооруженія соединительныхъ каналовъ, съ другой стороны, оказалось возможнымъ перевозить товары на значительныя разстоянія, пользуясь исключительно воднымъ путемъ, который и въ XVI—XVIII ст., какъ и въ средніе вѣка, предпочитали транспорту сушей. Во Франціи, въ особенности при Кольберѣ, рѣки, по которымъ судоходство было до того времени невозможно, были сдѣланы судоходными, посредствомъ же соединенія бассейновъ рѣкъ между собою были созданы обширные водные пути: отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго моря и до Атлантическаго океана (каналы Бріарскій, Лангедокскій, Орлеанскій). Протяженіе французскихъ каналовъ равнялось въ 1600 году 156 кил., въ 1700 г.—678 и въ 1800 г.—1004 кил. Большое значеніе воднымъ путямъ сообщенія придавали также Великій Курфюрстъ и Фридрихъ Великій, Карлъ VI и Марія-Терезія. Въ 1687 году Пруссія имѣла 529,70 килом. искусственныхъ водныхъ сооруженій, а въ 1787 г. 1271,60 килом.; за столѣтіе сѣть ихъ расширилась, слѣдовательно, на 741,90 килом., т.-е. увеличилась въ 2½ раза. Въ Англіи устройство каналовъ относится лишь къ концу XVIII вѣка, такъ что значеніе они имѣли для фабрично-заводской индустріи XIX вѣка, но не для промышленности предыдущихъ столѣтій. Но уже въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка многія рѣки искусственнымъ путемъ были превращены въ судоходныя, таковы напр. р. Айрвель, Мерсей и Виверъ, въ особенности же р. Айръ и Кэльдеръ, которыя сдѣланы судоходными по требованію заинтересованныхъ въ этомъ суконщиковъ Лидса и Галифакса (центры суконной промышленности). Одновременно съ этимъ, какъ въ Германіи въ XVII ст., такъ и въ особенности во Франціи уже съ половины XVI ст. появляются болѣе широкія и болѣе удобныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вымощенныя

дороги, строятся болѣе прочные мосты; а затѣмъ, подъ вліяніемъ возникновенія почтовыхъ сообщеній, прокладываются шоссе и каменные мосты; въ XVIII вѣкѣ шоссейныя дороги все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Въ концѣ XVII вѣка Франція затрачивала на мосты и дороги въ среднемъ $1^1/_2$ милл. фр. ежегодно (на современныя деньги), при Людовикѣ XV—4-5 милл. фр.; въ концѣ XVIII вѣка она имѣла 25 тыс. километр. проселочныхъ дорогъ („grand chemin"). Въ Англіи во второй половинѣ XVII вѣка проведена сѣть дорогъ, ведущихъ по направленію къ Лондону. Крайне важнымъ въ смыслѣ оживленія торговли являлось то обстоятельство, что почта перевозила не только людей и письма, но и товары. Это имѣло значеніе преимущественно для болѣе цѣнныхъ и менѣе громоздкихъ товаровъ—для фабрикатовъ, и для промышленности это нововведеніе играло большую роль въ смыслѣ расширенія рынка сбыта: перевозка промышленныхъ издѣлій значительно облегчилась и ускорилась. Въ то время, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ успѣвали проѣхать въ среднемъ не болѣе 5 миль въ день, рѣдко 6-7 миль, въ Англіи въ концѣ XVII вѣка скорость провоза не очень громоздкихъ товаровъ равнялась 7-8 милямъ въ день, а въ Германіи 9-10 милямъ, при перемѣнѣ лошадей; даже по сравненію съ XVI вѣкомъ, въ XVII ст. скорость перевозки значительно возросла, такъ что совершенно справедливо утверждали, что „Postlandkutschen" „дешево и скоро перевозятъ товары съ одного мѣста до другого". Разсказываютъ, что въ Антверпенъ уже въ 1550 г. въѣзжало еженедѣльно по 2,000 возовъ, а въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ центральныхъ пунктахъ появились многочисленные постоялые дворы, содержавшіе лошадей; періодически разъ или два въ недѣлю двигались цѣлые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара. На улучшенныхъ дорогахъ лошадь была въ состояніи везти 1,000 и болѣе килограммъ; особенно хороши были дороги во Франціи: Артуръ Юнгъ прямо приходитъ въ восхищеніе отъ нихъ. Въ Германіи онѣ были значительно хуже. Тѣмъ не менѣе почта ходила по нимъ свободно; изъ Гамбурга разъ и даже два раза въ недѣлю она отправлялась въ 57 важнѣйшихъ торговыхъ городовъ. Возникла коммиссіонная торговля, покупка на пробу, купецъ не долженъ былъ болѣе

сопровождать свои товары, появились даже зачатки спекуляціонной торговли. [1]).

II.

Всѣ разсмотрѣнные моменты привели не только къ увеличенію и къ ускоренію торговыхъ оборотовъ, но и къ распространенію ихъ за предѣлы государствъ, къ возникновенію— хотя и въ весьма ограниченныхъ еще предѣлахъ—международной торговли не только колоніальными товарами, но и промышленными издѣліями. Эта торговля въ разсматриваемую эпоху имѣла еще весьма своеобразный характеръ: вслѣдствіе запрещеній ввоза и запретительныхъ ввозныхъ пошлинъ, она могла производиться лишь контрабаднымъ путемъ. Дѣйствительно, періодъ XVII—XVIII ст. представляетъ собою расцвѣтъ контрабандной торговли; въ эту эпоху всякій купецъ, рѣшавшійся подвергнуться нѣкоторому риску, могъ совершать прекрасные обороты, обходя запрещенія и пошлины. Ввозъ товаровъ контрабаднымъ путемѣ долженъ былъ принять обширные размѣры и потому, что онъ былъ вполнѣ организованъ, тогда какъ охрана пограничной черты была неудовлетворительна. „Несовершенство таможеннаго управленія въ техническомъ отношеніи, подкупность чиновниковъ, неопредѣленность ставокъ тарифа, ихъ сложность, вслѣдствіе существованія различныхъ добавочныхъ платежей, неясность всего тарифа, вслѣдствіе цѣлой массы исключеній, наконецъ, система пошлинъ ad valorem, взимаемыхъ на основаніи показаній купца подъ присягой, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ контроля— все это—говоритъ Шмоллеръ относительно Англіи XVII и XVIII вѣка — приводило къ тому, что контрабанда приняла

---

[1]) См. Huber. Die geschichtliche Entwickelung des modernen Verkehrs. Tübingen. 1893. p. 220 и сл. Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888. p. 721—739. Kurs. Kanäle. Handwört. der Staatswiss. Suppl.— B.II. p. 505 и сл. Sax. Die Verkehrsmittel. B. I. p. 197—98. 206 и сл. Levasseur. II. p. 179. 193. 208. 614. Schmoller. Grundriss. B. II. p. 8—10. 24—64. 74. 77—78. 588—92. Cohn. III. p. 54. 569. 725. 731. Гобсонъ. Эволюція капитализма, стр. 14. Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren. p. 11. Moreau de Jonnès. Etat économique et sociale de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. 1867. p. 344—46. Brandt. Französische Handelspolitik. p. 55.

грандіозные размѣры [1]), несмотря на то, что въ 1617 году одинъ изъ купцовъ былъ назначенъ въ высшее учрежденіе по таможеннымъ сборамъ, въ виду его знакомства со всѣми продѣлками контрабандистовъ. Значительная часть ввоза товаровъ въ Англію производилась путемъ контрабанды. Сюда относится, напр. ввозъ шелковыхъ издѣлій изъ Франціи, который былъ воспрещенъ [2]). Точно также и во Франціи при Кольберѣ масса товаровъ проникала контрабаднымъ путемъ: англійское сукно, венеціанскія кружева и зеркала, чулочный товаръ ввозились въ значительномъ количествѣ, затрудняя развитіе основанной Кольберомъ промышленности. Контрабанда еще болѣе усилилась, когда послѣ смерти Кольбера пошлины были частью повышены, частью замѣнены запрещеніями ввоза. [3]).

Не только англійскіе фабрикаты, преимущественно сукно, но и продукты саксонской и швейцарской (хлопчатобумажной) промышленности ввозились во Францію, несмотря на запрещенія ввоза 1780 и 1785 гг., въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и ранѣе, до установленія этихъ запрещеній. Запрещенія обходились, главнымъ образомъ, путемъ наложенія остъ-индскаго клейма на саксонскіе и швейцарскіе товары, ибо ввозъ остъ-индскихъ бумажныхъ издѣлій былъ свободенъ. Контрабанда провозилась въ однихъ случаяхъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, въ другихъ черезъ Гамбургъ и французскіе портовые города, смотря по тому, гдѣ провозъ былъ безопаснѣе въ данное время.

Вообще, вся саксонская текстильная промышленность, расцвѣтъ которой относится къ XVIII. вѣку, основывалась на контрабандномъ ввозѣ товаровъ въ другія страны, ибо ввозъ ея продуктовъ былъ повсюду либо вовсе запрещенъ, либо обложенъ высокими пошлинами. Не только во Францію, но и въ Голландію, Россію и Польшу товары ввозились контрабаднымъ путемъ. Когда окольныя дороги въ Россію оказывались непроходи-

---

[1]) Schmoller. Die englische Handelspolitik im 17. und 18. Jahrh. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. 23. p. 1224.

[2]) Grothe. Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. Berlin. 1875. p. 96. 222.

[3]) Brandt. Gesch. der französischen Handelspolitik. p. 52—54 Malvezin. Histoire du commerce de Bordeau. T. III. p. 59.

мыми вслѣдствіе дождливой погоды, вывозъ саксонскихъ товаровъ сокращался, но какъ только это препятствіе устранялось, онъ возобновлялся съ новой силой [1]). Основанныя Фридрихомъ Великимъ мануфактуры также сильно страдали отъ иностранной конкурренціи, несмотря на существованіе цѣлой массы запрещеній и покровительственныхъ пошлинъ. Шелковая промышленность, на развитіе которой онъ обращалъ особенное вниманіе, вынуждена была вести сильную борьбу съ контрабандным ввозомъ иностранныхъ товаровъ. Особенно опасна была конкурренція ліонской промышленности, ибо въ годы застоя въ сбытѣ товаровъ во Франціи, издѣлія ліонской шелковой промышленности ввозились въ Пруссію и продавались здѣсь по пониженнымъ цѣнамъ [2]). „Въ Австріи — говоритъ Бэръ — вслѣдствіе неудовлетворительной таможенной охраны, контрабанда процвѣтала, и цѣлыя кипы актовъ о контрабандномъ ввозѣ товаровъ, относящіяся къ XVIII вѣку, даютъ лучшее представленіе о значительности ввоза товаровъ въ эту эпоху, чѣмъ оффиціальныя таблицы того времени, составленныя на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ. Вся изобрѣтательность правительства, направленная къ уничтоженію ввоза иностранныхъ товаровъ, не могла помочь горю, ибо контрабандистамъ всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшіе „подарки“, смотрѣли на ихъ продѣлки сквозь пальцы [3]).

Такимъ образомъ, не только въ сферѣ торговли колоніальными товарами и другими предметами сырья, [4]) но и въ области промышленности контрабандный ввозъ являлся весьма важнымъ коррективомъ монопольной системы, усвоенной государствомъ. И здѣсь съ переходомъ отъ городского хозяйства къ хозяйству народному или территоріаль-

---

[1]) Bein. Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. Leipzig. 1884 p. 99—99.

[2]) Hintze. Die preussische Seidenindustrie des 18. Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. 1893. p. 41. Schmoller. Die preuss. Seidenindustrie und ihre Begründung durch Friedrich den Grossen. Umrisse und Untersuchungen. p. 544, 550, 553 556.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der Oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. T. I. Wien. 1894. p. 78.

[4]) См. выше, стр. 487.

ному монополія не только потеряла въ своей интенсивности, вслѣдствіе допущенія конкурренціи внутри государства, но и вообще не имѣла уже той силы, какъ прежде, такъ какъ преграды, которыя ставились ввозу товаровъ, при замѣнѣ городскихъ таможенъ государственными, обходились безъ большихъ затрудненій. [1]).

Расширеніе рынка сбыта и усиленіе конкурренціи въ торговлѣ вызвало паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, правда не абсолютное пониженіе цѣнъ, но относительное. Абсолютно цѣны на всѣ товары, въ томъ числѣ и на произведенія промышленности, въ XVI—XVII ст., подъ вліяніемъ паденія цѣнности денегъ, сильно возросли, но цѣны промышленныхъ издѣлій понизились, какъ по сравненію съ цѣнами другихъ товаровъ, такъ и по сравненію съ издержками, затрачиваемыми на производство этихъ издѣлій, съ цѣнами сырья. Во время всеобщаго повышенія уровня цѣнъ, подъ вліеніемъ паденія цѣнности денегъ, цѣны на фабрикаты значительно отстали отъ всѣхъ другихъ цѣнъ, вслѣдствіе сильной конкурренціи на рынкѣ,—произошло, слѣдовательно, именно то явленіе, какое мы называемъ паденіемъ цѣнъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. „Переворотъ въ цѣнахъ—говоритъ Вибе—состоялъ не только въ томъ, что цѣны сильно повысились, но и въ томъ, что измѣнилось соотношеніе между различными категоріями цѣнъ и соотношеніе между товарными цѣнами и заработной платой“ [2]).

Прежде всего надо имѣть въ виду, что цѣны на промышленныя издѣлія начали возрастать позже, чѣмъ цѣны

---

[1]) Въ средніе вѣка приходилось контролировать товары при ввозѣ ихъ въ городъ, въ XVII—XVIII ст. контроль производился при ввозѣ въ страну, но пограничная черта была нерѣдко очень значительна и поэтому контроль сильно затруднялся. Далѣе, въ средніе вѣка зорко слѣдилъ за ввозомъ каждой категоріи товаровъ тотъ цехъ, который пользовался монополіей въ данной отрасли производства, не допуская ввоза запрещенныхъ товаровъ и контролируя ввозъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной. Въ XVII—XVIII ст. этого надзора со стороны цеховъ уже не было и быть не могло, правительственные чиновники, заступившіе ихъ мѣсто, не были заинтересованы въ той мѣрѣ, какъ цехи, въ стѣсненіи ввоза товаровъ въ страну и ихъ нетрудно было подкупить.

[2]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. Leipzig. 1896. p. 148.

всѣхъ другихъ товаровъ. „До половины XVI вѣка увеличивались только однѣ цѣны на сельскохозяйственные продукты, но послѣ 1550 года это повышательное движеніе приняло болѣе общій характеръ, постепенно распространяясь на всѣ товары. Въ 1551—1570 гг. (для Эльзаса и Франціи—въ 1551—1575 гг.) еще не успѣли вздорожать только слѣдующіе товары: воскъ, восковыя свѣчи, нѣкоторые виды рыбъ, металлическія издѣлія, издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ, бумага, наконецъ, большинство южныхъ плодовъ и винный уксусъ“ [2]). Въ Эльзасѣ цѣны на нѣкоторые сорта полотна и сукна и на издѣлія изъ свинца повысились лишь въ XVII вѣкѣ [3]). Въ XVI вѣкѣ, въ особенности въ первой половинѣ его, цѣны промышленныхъ издѣлій даже упали сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ онѣ стояли во второй половинѣ XV вѣка. Особенно понизилась въ цѣнѣ бумага; лишь около 1700 года цѣна бумаги снова достигла той высоты, на которой находилась въ 1500 году [4]). Цѣны остальныхъ фабрикатовъ послѣдовали въ XVII вѣкѣ за общимъ повышательнымъ движеніемъ цѣнъ. Однако и въ этотъ періодъ онѣ возросли несравненно менѣе, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще. Сильнѣе всего повысились цѣны на сельскохозяйственные продукты, въ особенности цѣны на хлѣбъ. Въ томъ же размѣрѣ или немного меньше чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще, возросли цѣны на дрова, уголь, соль, руду и строительные матеріалы. Менѣе всего вздорожали, какъ въ Эльзасѣ, такъ и въ Англіи издѣлія текстильной промышленности, металлическія издѣлія, южные плоды и пряности [1]). Такимъ образомъ, фабрикаты относятся къ той группѣ товаровъ, на которой паденіе цѣнности денегъ отразилось менѣе всего. Цѣна хлѣба до конца XVII вѣка повысилась въ Нормандіи почти на 500 проц., въ Англіи на 350 проц., въ Эльзасѣ на 240 проц., въ Парижѣ, Иль де Франсѣ и Дофине на 200 проц.; въ Саксоніи на 170 проц. и въ Орлеанѣ на 240 проц.; въ такомъ же размѣрѣ возросли цѣны и на другіе сельскохозяйственные

---

[2]) Ibid. p. 148.

[3]) Ibid p. 372—3. Tab. 521.
Wiebe, p. 128—130.

[4]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII Jahrh. p. 159—160.

продукты [1]). Цѣны же промышленныхъ издѣлій увеличились слѣдующимъ образомъ. Цѣна желѣза повысилась въ Англіи на 50 проц., во Франціи на 100 проц., въ Орлеанѣ на 80 проц., въ Мюнстерѣ на 30 проц. Полотно вздорожало въ Англіи на 60—70 проц., въ Эльзасѣ на 110—120 проц. Цѣны на сукно, въ особенности на низшіе сорта его, сохранили и въ XVII вѣкѣ свой прежній уровень, средніе сорта нѣсколько вздорожали и лишь сукно лучшаго качества повысилось на 150 проц., сравнительно съ цѣной 1500 года. Зато сапожный и башмачный товаръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличился въ цѣнѣ почти на 300 проц. [2]).

Еще любопытнѣе другое обстоятельство, именно то, что цѣны на сырье значительно возросли по сравненію съ цѣнами фабрикатовъ. „Промышленныя издѣлія — говоритъ Вибе — сравнительно очень мало повысились въ цѣнѣ и всегда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ сырые матеріалы, изъ которыхъ они произведены. Это относится равнымъ образомъ и къ сальнымъ и восковымъ свѣчамъ и къ издѣліямъ изъ желѣза и свинца и, наконецъ, къ произведеніямъ текстильной промышленности“ [3]). Цѣны на сало и сальныя свѣчи повсюду понижаются въ началѣ XVI вѣка, затѣмъ онѣ возрастаютъ; однако, повышеніе цѣнъ на свѣчи начинается въ Мюнстерѣ, Эльзасѣ и Англіи лишь въ половинѣ XVI вѣка, а въ Орлеанѣ еще позже, наоборотъ, возрастаніе цѣнъ на сало происходитъ еще до 1520 года и къ 1560 году оно составляетъ уже 69 проц., въ то время, какъ цѣна сальныхъ свѣчей въ томъ же Мюнстерѣ и за тотъ же періодъ увеличивается всего на 45 проц. Въ Мюнстерѣ и въ Саксоніи цѣны на сало возрастаютъ въ томъ же размѣрѣ, какъ цѣны на скотъ; наоборотъ, цѣна сальныхъ свѣчей нигдѣ не достигаетъ цѣны скота“ [4]). Точно также и соотношеніе между желѣзомъ и желѣзными издѣліями измѣнилось къ невыгодѣ фабрикатовъ: первое вздорожало въ Англіи до 1582 года на 78 проц., вторыя всего на 12 проц. [5]). „Цѣна на свинецъ стала возрастать въ Мюнстерѣ съ 1540

[1]) Wiebe, p. 116—117.
[2]) Ibid. p. 125—6, 129—30, 228.
[3]) Ibid. p. 239.
[4]) Ibid. p. 122, 369 таб. 519.
[5]) Ibid. p. 375, таб. 522.

года, въ Англіи съ 1550 года, причемъ она увеличилась въ Мюнстерѣ до 1560 года на 30 проц., въ Англіи въ теченіе двухъ столѣтій на 100 проц. Издѣлія изъ свинца вздорожали въ Англіи нѣсколько менѣе, а въ Эльзасѣ, въ Орлеанѣ и во Франціи они начали повышаться въ цѣнѣ лишь съ конца XVI и даже съ начала XVII вѣка, причемъ въ Эльзасѣ это повышеніе равнялось 50 проц., а во Франціи оно было совсѣмъ незначительно“ [1]). Что касается далѣе цѣнъ на башмаки, то—какъ указываетъ Вибе—хотя опредѣлить возрастаніе ихъ съ точностью крайне трудно, но все же нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно было очень значительно; однако—прибавляетъ онъ—есть основаніе предполагать, что это повышеніе было меньше, чѣмъ одновременное увеличеніе цѣнъ на сырье (на кожи и шкуры), ибо уровень послѣднихъ поднялся въ это время въ очень сильной степени [2]). Если, наконецъ, сравнимъ цѣны на шерсть съ цѣнами сукна, то снова убѣдимся въ томъ, что цѣны фабрикатовъ отстали отъ цѣнъ на сырые матеріалы. Въ Англіи за періодъ 1500—1582 гг. шерсть вздорожала на 38 проц., сукно всего на 6 проц., во Франціи при сравненіи періода 1576—1600 гг. съ періодомъ 1451—1500 гг. получается вздорожаніе шерсти на 86 проц., сукна же на 29 проц., а при сравненіи конца XVII вѣка съ тѣмъ же концомъ XV вѣка оказывается, что шерсть попрежнему стоила на 86 проц., сукно же на 72 проц. дороже [3]).

Столь значительная перемѣна въ соотношеніи между цѣнами промышленныхъ издѣлій и цѣнами сырыхъ матеріаловъ, вызванная усиленіемъ конкурренціи при продажѣ фабрикатовъ и расширеніемъ рынка сбыта послѣднихъ, привела къ увеличенію расходовъ на матеріалъ и къ уменьшенію той части цѣны, которая представляла собою прибыль и заработную плату. Новыхъ изобрѣтеній, которыя бы уменьшили необходимое въ производствѣ рабочее время и сократили процессъ производства, въ интересующій насъ періодъ почти не было, во всякомъ случаѣ они еще не примѣнялись, за исключеніемъ развѣ производства издѣлій изъ бумажной массы. Да и

---

[1]) Ibid. p. 125—6.

[2]) Ibid. p. 119, 239, 392, таб. 519 и прим. 16.

[3]) Ibid. p. 375—8, таб. 522 и 524.

кромѣ того, какъ справедливо указываетъ тотъ же Вибе, для этого періода, въ противоположность нашему времени, характерно то, что новыя усовершенствованія въ техникѣ производства распространялись крайне медленно, почему тѣ немногія техническія улучшенія, которыя были сдѣланы въ этомъ періодѣ, стали примѣняться въ промышленности значительно позже [1]). А разъ условія производства почти не измѣнились, между тѣмъ какъ расходы, затрачиваемые на пріобрѣтеніе сырья, значительно возросли, то очевидно, что либо прибыль, либо заработная плата или, наконецъ, и та, и другая должна была сократиться. Пострадала главнымъ образомъ заработная плата; что же касается прибыли, то если она и понизилась на каждую единицу товара, то зато въ суммѣ увеличилась, ибо производство значительно расширилось [2]). Совершился во всякомъ случаѣ одинъ весьма важный фактъ, значительно измѣнившій характеръ прибыли: возникновеніе конкурренціи при сбытѣ промышленныхъ издѣлій, сопровождавшееся паденіемъ цѣнъ на эти предметы, по сра-

[1]) Wiebe p. 242. См. также т. II, гл. I.

[2]) Въ базельской шелковой промышленности случай, гдѣ 16 человѣкъ работаютъ на одного скупщика, составляетъ въ 1599 г. еще рѣдкость; въ 1646 г. установленъ уже максимумъ станковъ, могущихъ работать на одного скупщика, въ 50 (15 въ городѣ и 35 въ окрестныхъ селахъ). Geering. p. 604. Въ шелковой промышленности г. Ліона въ XVIII вѣкѣ на каждаго скупщика приходилось 20—30 ткацкихъ станковъ, 8—14 мастеровъ и 35—50 рабочихъ вообще, считая въ томъ числѣ подмастерьевъ, учениковъ и всѣхъ другихъ лицъ, помогавшихъ мастеру. (Godart. L'ouvrier en soie. T. I. Lyon. 1899. p. 20—26). Въ г. Седанѣ (въ XVIII ст.) было 25 предпринимателей, на которыхъ работало свыше десяти тысячъ человѣкъ. (Germain Martin. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. Paris. 1900. p. 259). См. также Haebler. Spaniens wirtschaftliche Blüte. p. 67. Въ Ноттингемѣ въ 1750 г. на 50 скупщиковъ работало 1200 чулочно-вязальныхъ станковъ. (Mantoux. La révolution industrielle. p. 45). Въ Нидерландахъ, впрочемъ, предпріятія были весьма небольшихъ размѣровъ: въ суконной промышленности г. Дельфта въ 1652 г. насчитывалось 69 скупщиковъ и 256 кустарей-рабочихъ, въ 1654 г. первыхъ 72 и послѣднихъ 226 и въ 1656 г. 93 и 246; въ Эйпенѣ (Лимбургъ) находимъ въ половинѣ XVIII вѣка 50 предпринимателей-суконщиковъ, на которыхъ работало 340 станковъ, въ Годимонъ — 22 предпринимателя и 285 станковъ. (Pringsheim. Wirtschaftliche Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im 17.—18. Jahrh. p. 29-30. Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle. Mémoires de l'académie royale de Belgique. T. LXIII. p. 30.).

вненію съ издержками производства, привело къ исчезновенію той части прибыли, которую ранѣе уплачивалъ потребитель. Утративъ, подъ вліяніемъ конкурренціи свое монопольное положеніе по отношенію къ потребителю, продавецъ вынужденъ былъ довольствоваться той частью прибыли, которая получалась отъ труда рабочаго, и всѣ его усилія были направлены теперь къ возможно большему увеличенію этой прибыли, доставляемой рабочимъ. Онъ имѣлъ полную возможность достигнуть своей цѣли,—вслѣдствіе превращенія ремесла въ домашнюю или кустарную промышленность.

III

Послѣдствіемъ переворота въ области обмѣна товаровъ и торговой политики, послѣдствіемъ замѣны мѣстнаго рынка болѣе обширнымъ рынкомъ былъ не менѣе крупный переворотъ въ промышленности. Въ средніе вѣка господствующей формой производства было цеховое ремесло. Ремесленникъ былъ одновременно и предпринимателемъ и рабочимъ. Ему принадлежала, и мастерская, и матеріалъ, и орудія производства. Вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками онъ изготовлялъ продуктъ и самъ же сбывалъ его на мѣстномъ рынкѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, измѣнилось оно лишь въ одномъ отношеніи,—ремесленникъ пересталъ сбывать продукты своего труда потребителю или по крайней мѣрѣ онъ самостоятельно сбывалъ лишь незначительную часть изъ числа изготовленныхъ имъ товаровъ. Всѣ или бо́льшую часть ихъ онъ продавалъ скупщику, въ однихъ случаяхъ получая у него цѣну за готовый продуктъ, въ другихъ случаяхъ обрабатывая его матеріалъ за поштучную плату. Всѣ остальныя условія нисколько не измѣнились. Мастеръ попрежнему работалъ у себя на дому съ подмастерьями и учениками, собственными инструментами, да и матеріалъ часто принадлежалъ ему. Перемѣна произошла, слѣдовательно, лишь въ конечной стадіи процесса производства, въ сбытѣ; но эта на первый взглядъ незначительная перемѣна знаменовала собою крупный переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ положеніи мастера. Изъ самостоятельнаго ремесленника, работавшаго для потребителя, онъ превратился въ зависимаго кустаря, производив-

шаго продукты для скупщика, который явился посредникомъ между производителемъ и потребителемъ: скупщикъ доставлялъ на рынокъ пріобрѣтенные у кустаря продукты и входилъ въ сношенія съ потребителемъ.

Переворотъ совершался весьма медленно; лишь постепенно ремесло превратилось въ кустарную промышленность, но зачатки послѣдней относятся еще къ средневѣковому періоду. „Главное зло средневѣковой цеховой организаціи— говоритъ Стида—состояло въ томъ, что она стѣсняла производство и ничего не дѣлала въ смыслѣ облегченія сбыта. Изо-дня въ день изготовлялись товары однимъ и тѣмъ же способомъ и всякое уклоненіе отъ установленныхъ правилъ строго преслѣдовалось. Ремесленнику запрещалось выдѣлывать даже такое количество издѣлій, какое онъ въ состояніи былъ произвести; и несмотря на узкія границы, которыя ставились производству, изготовлялось повидимому все-таки чрезмѣрно много продуктовъ. Цѣлый рядъ цеховыхъ правилъ былъ вызванъ именно желаніемъ сократить число ремесленниковъ, уменьшить конкурренцію среди нихъ, ибо она еще болѣе затрудняла бы сбытъ товаровъ, еще большее количество ремесленниковъ вынуждено было бы дѣлить между собою сравнительно очень ограниченный рынокъ сбыта [1]). Нѣкоторыя ремесла, въ которыхъ производство сильно превышало спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями, стали прибѣгать къ сбыту своихъ издѣлій внѣ города, на ярмаркахъ. Такъ поступали золотыхъ дѣлъ мастера, ткачи, портупейные мастера Кельна, Любека, Нюрнберга, золингенскіе ножевщики и оружейники, брюссельскіе перчаточники, сапожники, оружейные мастера [2]). На ярмарки отправлялись конечно далеко не всѣ мастера, а лишь немногіе изъ нихъ, ибо не могъ же весь цехъ бросать работу и совершать путешествія, отнимавшія въ тѣ

[1]) Stieda. Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. XXXIX). Leipzig. 1889. p. 156.

[2]) Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. B. XIV. p. 1055. Ennen-Eckertz. Geschichte Kölns. B. III. p. 721. Thun. Die Industrie am Niederrhein. Leipzig. 1879 B. II. p. 9 и сл Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle. p. 181. 210.

времена очень много времени. Тѣ изъ ремесленниковъ, которые занимались сбытомъ товара на ярмаркахъ, закупали у остальныхъ произведенныя ими издѣлія и сбывали ихъ вмѣстѣ съ собственными на свой страхъ и рискъ. Въ другихъ случаяхъ ремесла, для которыхъ мѣстный рынокъ являлся слишкомъ стѣснительнымъ, продавали часть своихъ продуктовъ купцамъ. Въ ганзейскихъ городахъ — Любекѣ, Люнебургѣ, Грейфсвальдѣ, Гамбургѣ янтарные цехи, цехи бочаровъ, оловянниковъ изготовляли часть своихъ издѣлій по заказу иногородныхъ купцовъ [3]). Этими обоими путями ремесло должно было перейти постепенно въ кустарную форму производства. До тѣхъ поръ, пока лишь небольшая часть продуктовъ изготовлялась для вывоза, ремесло еще не измѣняло своего характера; но чѣмъ больше становилось это количество, чѣмъ большее значеніе пріобрѣтало производство для сбыта внѣ города, сравнительно съ производствомъ для мѣстнаго рынка, тѣмъ болѣе возрастала и зависимость ремесленника отъ внѣшняго рынка, отъ лица, скупавшаго его издѣлія, тѣмъ скорѣе совершался переходъ къ кустарной промышленности.

Подобная форма производства шла рѣшительно въ разрѣзъ со средневѣковыми воззрѣніями, согласно которымъ цеховой мастеръ самъ же и долженъ былъ сбывать производимые имъ товары на рынкѣ и отнюдь не могъ работать по заказу другого цехового мастера, а тѣмъ менѣе по заказу купца, вовсе не принадлежащаго къ ремесленному цеху. Поэтому въ Шалонѣ уже статутъ 1247 года запрещаетъ цеховымъ мастерамъ раздавать работу на домъ другимъ лицамъ [1]). Въ статутѣ бочаровъ г. Висмара 1346 года и г. Данцига XV вѣка сказано, что бочарамъ воспрещается скупать бочки у другихъ бочаровъ или изготовлять ихъ по заказу другихъ бочаровъ [2]). Въ Констанцѣ въ XIII вѣкѣ запрещено ткачамъ покупать полотняныя издѣлія, купцы же могутъ пріобрѣтать ихъ лишь на рынкѣ; первымъ по-

[3]) Stieda. Die deutsche. Hausindustrie. p. 116—120. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. p. 82 и сл. Krause. Die ältesten Zunfturkunden der Stadt Greifswald. 1898, p. 23, 25 и др. Wehrmann. Die ältesten lübeckischen Zunftrollen. № 7.

[1]) Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. p. 367.

[2]) Stieda. Deutsche Hausindustrie. p. 120.

становленіемъ предотвращалось скупаніе цеховыми ремесленниками товаровъ у своихъ собратьевъ, вторымъ—производство на дому по заказу купца [1]).

Если несмотря на эти запрещенія производства для сбыта внѣ города, уже въ XIII вѣкѣ на ярмаркахъ встрѣчаются издѣлія текстильной промышленности, а въ XIV—XV ст. и продукты другихъ отраслей производства, то это является результатомъ распространенія кустарной промышленности въ селахъ, гдѣ цеховъ не существовало и, слѣдовательно, производство для сбыта на ярмаркахъ ничѣмъ не стѣснялось. „Не только въ текстильной промышленности—говоритъ Инама-Стернеггъ,—но и въ желѣзодѣлательномъ и горшечномъ производствѣ, въ промыслахъ обработки дерева и обжиганія кирпичей, мы въ XIV—XV ст. встрѣчаемъ нерѣдко сельскихъ жителей, работающихъ не только для своихъ помѣщиковъ, но и для сбыта; во многихъ случаяхъ эти промыслы распространялись на значительномъ пространствѣ и становились важнымъ источникомъ заработка для населенія, хотя и производились одновременно съ земледѣліемъ“ [2]). Лампрехтъ указываетъ въ особенности на металлургическую промышленность, гдѣ въ мѣстностяхъ, богатыхъ рудой, производство сельскихъ жителей для домашнихъ потребностей еще въ средніе вѣка превратилось въ сельскую кустарную промышленность. Продукты сбывались либо самими же производителями, либо другими лицами, стоявшими въ соціальномъ отношеніи на той же ступени, сбывались посредствомъ разноснаго торга [3]).

Города противились возникновенію кустарной формы производства въ своихъ стѣнахъ; но еще болѣе они стѣсняли ввозъ произведенныхъ внѣ города фабрикатовъ. Поэтому и для продуктовъ, изготовленныхъ въ селахъ, рынокъ сбыта былъ сильно ограниченъ: кромѣ ярмарокъ сбытъ былъ открытъ лишь въ не-европейскія страны, на Востокъ. Вслѣдствіе этого, возникновеніе кустарной промышленности

---

[1]) Gothein p. 519.

[2]) Inama-Sternegg. B. III. T. 2. p. 13—14. Schmoller. Tucher-und Weberzunft p. 362 и сл. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien B. I, p. 115. 119, 128.

[3]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. Freiburg. 1903, p. 293—294.

въ средніе вѣка было крайне затруднено. Оно облегчалось лишь въ одномъ случаѣ. Какъ мы уже указывали выше, въ исключительныхъ случаяхъ города допускали свободный ввозъ промышленныхъ издѣлій, именно тогда, когда какая-либо страна, мѣстность или городъ пользовались фактической монополіей въ производствѣ тѣхъ или другихъ издѣлій и не было возможности вызвать оттуда ремесленниковъ соотвѣтствующей спеціальности; при такихъ обстоятельствахъ приходилось допускать ввозъ продуктовъ данной отрасли производства [1]). Та мѣстность, гдѣ сосредоточивалось производство этихъ издѣлій, имѣла, слѣдовательно, возможность производить не только для мѣстныхъ потребителей, но и на вывозъ, для болѣе или менѣе обширнаго рынка, и здѣсь-то уже въ средніе вѣка возникалъ классъ скупщиковъ, сбывавшихъ изготовленные мастерами продукты въ другихъ городахъ и странахъ. Въ XIII и первой половинѣ XIV ст. такой фактической монополіей въ производствѣ тонкихъ сортовъ сукна, крашеныхъ суконъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ пользовались фламандскіе города Брюгге, Гентъ, Ипръ, Сентъ-Омеръ, Дуэ [2]), въ XIV и первой половинѣ XV вѣка итальянскіе города Флоренція, Венеція, Миланъ, а также нѣкоторые брабантскіе города, въ особенности Брюссель. Итальянскіе города, сначала Лукка, а затѣмъ

[1]) См. стр. 316. 319.

[2]) Въ дошедшихъ до насъ торговыхъ книгахъ средневѣковыхъ купцовъ стоитъ на первомъ планѣ торговля фламандскимъ сукномъ, къ которому присоединяется отчасти брабантское, а позже и англійское сукно. И любекскій купецъ Виттенборгъ, и гамбургскій купецъ Гельдерсенъ, и ростокскій купецъ Тельнеръ—всѣ они (XIV вѣкъ) торгуютъ прежде всего фламандскимъ сукномъ. Точно также въ торговыхъ книгахъ аугсбургскаго купца Рунтингера (1383—1407) и нюрнбергскаго купца Ульриха Старка (1426—1435) на первомъ мѣстѣ стоитъ покупка и продажа нидерландскихъ суконъ. Наконецъ, и тевтонскій орденъ, который велъ значительныя торговыя операціи, въ особенности съ Фландріей, вывозилъ оттуда прежде всего сукно. См. Mollwo. Das Handlungsbuch von Hermann und Johann Wittenborg. p. LXX. Nirrnheim. Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. p. LXIV и сл. Ebner. Ein Regensburger kaufmännisches Hauptbuch. p. 9. (Verhandlungen des historischen Vereins der Oberpfalz und von Regensburg. B. XLV). Stieda въ Abhandl. der königl. preuss. Akademie der Wissenschaften. 1902. Sattler. Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte. Hansische Geschichtsblätter. 1879. p. 66—69.

Венеція и Генуя обладали также монополіей производства шелковыхъ матерій въ теченіе всего средневѣковья [1]), а въ Миланѣ, Брешіи и Толедо изготовлялось оружіе, въ особенности золоченое оружіе, выдѣлка котораго также была неизвѣстна другимъ странамъ. Наконецъ, ремесла Нюрнберга производили цѣлый рядъ металлическихъ издѣлій, которыя не изготовлялись въ другихъ городахъ, а Ульмъ былъ до XVI вѣка почти единственной мѣстностью, гдѣ выдѣлывались бумажныя ткани. Въ этихъ и только въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ въ средніе вѣка кустарную форму производства. Во фламандской шерстяной промышленности цѣлая масса мастеровъ работаетъ на немногихъ купцовъ, которые распространяютъ издѣлія по всей Европѣ; у себя на дому, при помощи одного—двухъ подмастерій, эти мелкіе мастера обрабатываютъ принадлежащій скупщику матеріалъ [2]). Въ брабантскихъ городахъ производство шляпъ, перчатокъ, готоваго платья, оружія и прочихъ металлическихъ издѣлій находилось въ рукахъ самостоятельныхъ ремесленниковъ; въ области же шерстяной промышленности рабочіе на дому производили товары по заказу скупщика-предпринимателя. Въ противоположность всѣмъ другимъ отраслямъ производства, эта промышленность работала для иностраннаго рынка, ткани сбывались въ Шампани и въ Англіи, куда мастера не въ состояніи были отправляться, вслѣдствіе дальности разстояній [3]). Еще болѣе развитую форму кустарной промышленности представляетъ собою производство шерстяныхъ и шелковыхъ матерій въ итальянскихъ городахъ: скупщики держатъ въ своихъ рукахъ всю промышленность [4]). Наиболѣе крупные купцы и банкиры прини-

---

[1]) См. напр. Franz Ebner. Ein Regensburger kaufmännisches Hauptbuch aus den Jahren 1383—1407, p. 8—9, а также Schulte. l. e.

[2]) Espinas. Jehan Boine Broke. Bourgeois et drapier Douasien. Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. B. II. 1904. p. 54 и сл. 80 и сл. 85 и сл. Pirenne, Geschichte Belgiens. Gotha. 1899—1902. B. I. p. 304—308. B. II. p. 69—84. Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch. XIV. p. 1057—58. Tucher-und Weberzunft. p. 367.

[3]) Des Marez. p. 182—188, 209—210.

[4]) См. Doren. Die Florentiner Wollentuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrhundert. Stuttgart. 1901. Ajano. Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgange des Mittelalters. Stuttgart. 1893. Sieveking

мають живое участіе въ торговлѣ этими товарами [1]). Наконецъ, и оружейное производство Милана, а также выдѣлка металлическихъ издѣлій въ Нюрнбергѣ и хлопчатобумажная промышленность Ульма имѣютъ форму кустарнаго производства [2]).

Въ другихъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства въ теченіе всего средневѣковья сохранялось ремесло. Наиболѣе твердо оно стояло въ сѣверо-германскихъ, ганзейскихъ городахъ, гдѣ товары изготовлялись для вывоза лишь въ исключительныхъ случаяхъ, огромная же масса продуктовъ предназначалась для мѣстныхъ потребителей. Нѣсколько ближе къ характеру кустарной промышленности подходило производство текстильныхъ издѣлій въ южно-германскихъ и сѣверо-французскихъ городахъ въ XV вѣкѣ, хотя и здѣсь (Констанцъ, Равенсбургъ, Аугсбургъ, Парижъ, Нормандія) не менѣе значительную роль играло все еще производство для мѣстнаго потребленія и мастера-ткачи работали не только по заказу купцовъ и другихъ мастеровъ, но и для мѣстнаго рынка; особаго класса скупщиковъ еще не существовало, онъ едва только зарождался, и цехи еще довольно успѣшно боролись съ новой формой производства [3]). Наконецъ, и во Фландріи и Брабантѣ кустарная промышленность существовала лишь въ XIII и первой половинѣ XIV ст., въ эпоху расцвѣта суконной промышленности; вскорѣ начался упадокъ этой отрасли производства и вывозъ сильно сократился: Нидерланды уступили свое мѣсто сначала итальян-

---

Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrhundert. Schmollers Jahrbuch. 1897. B. XXI. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs. p. 129. 132—133. 137. 581. Ковалевскій. т. III. стр. 117—129.

[1]) Schulte. Der mittelalterliche Handel und Verkehr. I. p. 126. 272. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV siècle. p. 86. Sieveking. Die Handelsbücher der Medici. p. 9. 45. 47 и др. (Sitzungsber. der kais. Akademie der Wissensch. in Wien. Philos.-hist. Klasse B. CLI).

[2]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. p. 44 и сл. Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. Leipzig. 1890. Schulte. p. 149. 569.

[3]) Schulte. p. 603 — 608 и др. Schmoller. Tucher — und Weberzunft. p. 411 и сл. Fagniez. Etudes sur l'industrie à Paris au XIII et au XIV siècle. Paris. 1887. Gothein. p. 519 и сл. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. p. 176. 181—2. 185. 224—27.

скимъ городамъ, а затѣмъ Англіи [1]). Въ Англіи съ конца XIV вѣка появляется классъ сукнодѣловъ—предпринимателей, которые становятся посредниками между производителями сукна и потребителями, и съ половины XV вѣка кустарная форма производства постепенно совсѣмъ вытѣсняетъ ремесло [2]). Во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства послѣднее, однако, и въ Англіи сохраняетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, въ одной только Италіи уже въ средніе вѣка господствовала кустарная промышленность въ городахъ, во всѣхъ другихъ странахъ она только едва-едва зарождалась и лишь въ Англіи уже въ XV вѣкѣ вылилась въ опредѣленную, рѣзко отличающуюся отъ ремесла, форму производства. XVI и XVII ст., наоборотъ, сильно благопріятствовали превращенію ремесла въ кустарную промышленность. Мѣстный рынокъ замѣнился болѣе обширнымъ рынкомъ; оказалось возможнымъ производить товары для вывоза. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и потребность въ сбытѣ на иногородніе рынки, ибо съ возрастаніемъ промышленнаго населенія, съ появленіемъ цѣлаго ряда новыхъ категорій лицъ, занимающихся промыслами, производство далеко опередило спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями [3]). Появились и капиталы, пріобрѣтенные въ торговлѣ съ Востокомъ и со вновь открытыми землями. Наконецъ, посѣщеніе отдаленныхъ рынковъ самими производителями для сбыта товаровъ оказывалось еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно

---

[1]) Barlet. Histoire du commerce et de l'industrie en Belgique. Malines. 1885. p. 90 и сл. Pirenne. II. p. 486 и сл. Des Marez. p. 496 и сл.

[2]) Эшли, стр. 490. и сл. Lohmann. Staatliche Regelung der englischen Wollindustrie im XV—XVIII Jahrh. p. 6, 11 и сл.

[3]) Въ Страсбургѣ ткачи, изготовляющіе саржу, уже въ 1537—1541 гг. не находятъ сбыта для своихъ издѣлій, и такъ какъ они очень бѣдны и не въ состояніи ждать болѣе благопріятнаго времени, то они обращаются къ купцамъ и всячески упрашиваютъ ихъ купить произведенные ими продукты. Въ прусской шелковой промышленности и въ производствѣ чулочнаго товара ощущается постоянный недостатокъ въ скупщикахъ. Австрійскіе камералисты XVII ст. Бехеръ и Гернигкъ, вовсе не относящіеся дружелюбно къ купцамъ, считаютъ ихъ все-таки весьма необходимыми для правильной организаціи сбыта промышленныхъ издѣлій. Stieda. Hausindustrie. p. 126. 129. Zimmermann. Leinengewerbe. p. 16. Sehmoller. Preussische Seidenindustrie. p. 540—44. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. XI. p. 812.

было раньше, ибо къ прежнимъ неудобствамъ присоединилось еще новое крайне важное обстоятельство: появившаяся конкурренція требовала большей подвижности въ сбытѣ товаровъ, большаго умѣнья сообразоваться со спросомъ. [1]). Поэтому прежняя организація сбыта оказалась устарѣвшей и непригодной: при усилившейся конкурренціи производство для вывоза могло быть выгоднымъ лишь въ томъ случаѣ, если сбытъ производился людьми опытными, знакомыми съ состояніемъ рынка и съ требованіями покупателей. Цеховой мастеръ не былъ въ состояніи приноровиться къ измѣнившимся условіямъ, ибо главнымъ его занятіемъ попрежнему было изготовленіе товаровъ; торговля составляла лишь побочное занятіе. Для того, чтобы оказаться наравнѣ съ современнымъ уровнемъ требованій, чтобы обнаружить необходимую энергію, онъ долженъ былъ совершенно прекратить производство и заняться исключительно сбытомъ промышленныхъ издѣлій, превратиться въ торговца. Но за торговлю могли взяться лишь немногіе изъ цеховыхъ мастеровъ, лишь тѣ изъ нихъ, которые обладали коммерческими способностями и успѣли уже раньше составить себѣ из-

[1]) Весьма любопытный примѣръ торговца, придерживавшагося уже новаго принципа—побивать своихъ конкуррентовъ дешевизной товаровъ, представляетъ собою базельскій купецъ Перецъ, переселившійся туда въ 1568 году изъ Антверпена и основавшій шелковую промышленность въ Базелѣ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ большой кругъ потребителей и заставилъ мѣстныхъ торговцевъ понизить цѣны и прибыль до минимума. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали и нѣкоторые другіе купцы, переселившіеся въ Базель изъ Нидерландовъ и Италіи. Между тѣмъ мѣстные торговцы стояли на прежней средневѣковой точкѣ зрѣнія, находя, что надо брать не количествомъ, а высокой цѣной и лучше продавать попрежнему мало, но пріобрѣтать высокую прибыль на каждой единицѣ товара, чѣмъ сбывать ихъ дешевле, но въ большомъ количествѣ и выручать въ суммѣ болѣе значительную прибыль. Поэтому то низкія цѣны Переца и приводили ихъ въ сильное негодованіе. Намъ извѣстны—говорятъ они—аугсбургскіе, нюрнбергскіе, страсбургскіе купцы, которые покупаютъ товары въ Италіи тамъ же, гдѣ и Перецъ, и несмотря на то, что эти купцы закупаютъ товары оптомъ, они не въ состояніи ихъ сбывать столь же дешево, какъ Перецъ. Что же касается продажи сукна, то мѣстные купцы совершенно не въ состояніи конкуррировать съ нимъ. Онъ продаетъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ дешево и долженъ при такихъ цѣнахъ безусловно нести убытки. (Geering. p. 458 и слѣд.). См. также ниже, V.

вѣстный капиталъ. Всѣ остальные мастера стали кустарями-рабочими, производившими для тѣхъ мастеровъ, которые посвятили себя торговому дѣлу и переставшими самостоятельно сбывать продукты своего труда. Въ другихъ случаяхъ сбытъ промышленныхъ издѣлій переходилъ въ руки купца, который въ средніе вѣка преимущественно, даже почти исключительно, торговалъ сырьемъ, но теперь сталъ сбывать также и фабрикаты; мастера работали по его заказу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мастера сохранили за собой лишь изготовленіе товаровъ.

Такимъ образомъ, произошла существенная перемѣна: съ одной стороны производитель отдѣлился отъ продавца, что раньше соединялось въ одномъ лицѣ, а съ другой стороны—образовалась связь между торговлей и промышленностью. Скупщикъ—предприниматель совершенно отдѣляется отъ мастера-кустаря, онъ принадлежитъ къ другому классу, къ купеческому. Онъ самъ уже не работаетъ, продуктовъ не производитъ. Въ противоположность доходу цехового ремесленника, въ составъ котораго входила, и заработная плата, и прибыль, доходъ скупщика состоитъ изъ одной прибыли, доходъ работающаго на него кустаря изъ одной лишь заработной платы. Прибыль отдѣлилась отъ заработной платы.

IV.

Средневѣковые цеховые уставы требовали отъ мастера, чтобы онъ самостоятельно сбывалъ произведенные имъ издѣлія. На этой точкѣ зрѣнія цеховые статуты стояли нерѣдко и впослѣдствіи. И даже поскольку они постепенно признавали совершившуюся въ характерѣ промышленности перемѣну, они разрѣшали цеховымъ мастерамъ работать лишь на другихъ мастеровъ, но ни въ какомъ случаѣ не по заказу купцовъ. Цехи еще долго придерживаются принципа, что только лицо, входящее въ составъ цеха, можетъ сбывать изготовленные цеховыми мастерами товары. Между ними и купцами происходитъ постоянная борьба, которая составляетъ одно изъ наиболѣе любопытныхъ явленій въ исторіи развитія кустарной промышленности. Она оканчивается побѣдой купцовъ: послѣ продолжительной борьбы послѣднимъ удается добиться равноправія съ цеховыми мастерами въ отношеніи

сбыта промышленныхъ издѣлій. Лишь съ этихъ поръ совершается полное отдѣленіе капитала отъ труда, прибыли отъ заработной платы.

Въ приведенныхъ нами выше статутахъ бочаровъ Висмара и Данцига XIV и XV ст. еще вовсе запрещается сбывать товары черезъ посредство другихъ лицъ. Но въ статутѣ бочарнаго цеха г. Люнебурга 1430 г. запрещеніе скупать бочки относится лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя не принадлежатъ къ бочарному цеху и не занимаются производствомъ товаровъ, т.-е. только къ купцамъ, но не распространяется на цеховыхъ мастеровъ [1]). Въ Нюрнбергѣ, гдѣ кустарная форма производства (въ области производства металлическихъ издѣлій) существовала уже въ средніе вѣка, мы еще въ половинѣ XVI ст. находимъ постановленіе, по которому мастерамъ цеха, изготовляющаго инструменты, запрещается давать другимъ мастерамъ работу для выдѣлки или окончанія товара, подъ страхомъ наказанія въ размѣрѣ двухъ фунтовъ. Зато въ статутахъ мѣдно-котельнаго цеха 1540 г. и позолотнаго цеха 1566 г. допускается производство издѣлій для другого мастера; нельзя работать лишь по заказу купца [2]). Въ Парижѣ въ XVI вѣкѣ могли брать работу на домъ по заказу другихъ мастеровъ только тѣ ремесленники, которые обѣднѣли и вынуждены были стать простыми рабочими. Статутъ 1575 года гласитъ: „никто изъ ремесленниковъ не можетъ производить товаровъ внѣ своего дома; исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если по заказу мастера работаетъ обѣднѣвшій ремесленникъ, который не имѣетъ средствъ держать собственную мастерскую: въ этомъ случаѣ можно давать ему работу, чтобы онъ могъ снискивать себѣ пропитаніе“ [3]). Эти обѣднѣвшіе ремесленники и явились, очевидно, первыми кустарями. Лишь впослѣдствіи къ болѣе состоятельнымъ мастерамъ, на которыхъ они работали, присоединились и купцы.

Въ Вюртембергѣ статутъ 1536 года запрещаетъ лицамъ, не занимающимся выдѣлкой шерстяныхъ издѣлій и не со-

---

[1]) Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. B. I. 1883. Stieda. p. 120.

[2]) Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. p. 47, 161.

[3]) Hauser. p. 86.

стоящимъ мастерами шерстяного цеха, торговать сукномъ и давать заказы другимъ мастерамъ. Купцы, однако, обходили это постановленіе. Они ссужали мастеровъ деньгами съ тѣмъ, чтобы послѣднія возвращались имъ въ формѣ сукна. Пришлось признать, что подобнаго рода ссуды вызываются бѣдностью ткачей, и допустить эти операціи, если онѣ производятся туземными, а не иностранными купцами. Такимъ образомъ, уже въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка купцамъ удалось получить въ свои руки торговлю шерстяными издѣліями [1]). Въ итальянскомъ городѣ Торно это совершилось еще въ XV вѣкѣ подобнымъ же путемъ, первоначально ткачи уплачивали за полученную отъ купца шерсть не деньгами, а матеріей, изготовленной изъ этой шерсти [2]). Въ Пруссіи, въ Галле цехъ ножевщиковъ разрѣшаетъ въ концѣ XVII вѣка своимъ членамъ сбывать товары болѣе состоятельнымъ мастерамъ; на послѣднихъ могутъ работать не только подмастерьи, но и мастера, не имѣющіе заработка. Относительно купцовъ ничего не сказано. Мыловарамъ же запрещено работать по заказу послѣднихъ, а магдебургскій статутъ 1714 года разрѣшаетъ мастерамъ-чулочникамъ производить товаръ лишь для тѣхъ лицъ, которыя сами занимаются этимъ промысломъ. Тѣмъ не менѣе— говоритъ Шмоллеръ—устранить совершенно торговыхъ посредниковъ, противъ которыхъ было направлено это постановленіе, не удавалось [3]). И въ чулочномъ производствѣ Эрлангена (Баварія) имѣлось такое постановленіе и оно сохранилось еще въ 1730 году; однако въ XVIII вѣкѣ право торговли было распространено и на тѣхъ, кто хотя пересталъ заниматься производствомъ товаровъ, но сохранилъ за собой званіе цехового мастера. „Отсюда — прибавляетъ Стида—былъ, конечно, всего одинъ шагъ до допущенія въ число скупщиковъ лицъ, которыя вовсе никогда не занимались промысломъ“ [4]). Въ ліонской шелковой промышленности это совершилось въ XVII вѣкѣ. Ордонансъ 1619 года

[1]) Stieda. Hausindustrie. p. 143 и сл.

[2]) Schulte p. 581—582.

[3]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. B. XI. p. 38, 50.

[4]) Schanz. Zur Geschichte der Kolonisation und Industrie in Franken. Erlangen. 1884. B. II. p. 272 и сл.

еще запрещалъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ цеху мастеровъ, заниматься сбытомъ шелковыхъ тканей. Но въ 1667 году всѣ купцы, торговавшіе этими издѣліями, были приняты въ составъ корпораціи мастеровъ и, слѣдовательно, этимъ окольнымъ путемъ пріобрѣли, какъ право торговли шелковыми издѣліями, такъ и право изготовленія ихъ [1]).

Особенно любопытенъ переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности и образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ послѣднее находилось въ рукахъ нѣсколькихъ цеховъ, изъ которыхъ каждый изготовлялъ извѣстную часть предмета. Дѣло въ томъ, что къ концу среднихъ вѣковъ возникъ новый видъ раздѣленія труда, Produktionsteilung по терминологіи Бюхера [1]). Процессъ производства одного и того же товара, сосредоточенный первоначально въ рукахъ одного мастера, въ одной мастерской, сталъ распредѣляться между нѣсколькими мастерскими, между различными предпріятіями; изъ одного цеха образовалось нѣсколько. Они всѣ работали надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, распредѣляя между собою различныя стадіи производства. Такъ, въ шерстяной промышленности существовали цехи прядильщиковъ, ткачей, валяльщиковъ, стригалей, красильщиковъ, въ кожевенной— работа распредѣлялась между цехомъ кожевниковъ, цехомъ скорняковъ и цехомъ сапожниковъ; въ производствѣ ножей и холоднаго оружія желѣзо обрабатывается сначала кузнецомъ, затѣмъ закаливальщикомъ и шлифовщикомъ; далѣе оно поступаетъ къ мастеру, выдѣлывающему эфесы и ножны и, наконецъ, къ сборщику оружія. Конечно, далеко не повсюду существовала такая масса спеціальностей, но два—три мастера обыкновенно распредѣляли между собой работу и въ шерстяной промышленности, и въ производствѣ металлическихъ издѣлій. Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ цеховъ, обыкновенно тотъ цехъ, который производилъ конечныя операціи, захватывалъ въ свои руки сбытъ готовыхъ издѣлій и постепенно превращался въ корпорацію скупщиковъ, прекращая мало-по-малу изготовленіе товаровъ.

Остановимся прежде всего на производствѣ металличе-

[1]) Godart. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. Etude historique, économique et sociale. T. I. 1899. p. 91.

скихъ издѣлій. Оно дастъ намъ ясную картину возникновенія кустарной промышленности.

Въ производствѣ холоднаго оружія въ Золингенѣ, извѣстномъ центрѣ оружейной промышленности, мастера дѣлились на три цеха: на кузнецовъ, на закаливальщиковъ и шлифовщиковъ и на мастеровъ, выдѣлывавшихъ ножны (швертфегеровъ) и собиравшихъ готовыя части оружія (рейдеровъ). Оружіе являлось только тогда годнымъ для употребленія, когда оно успѣло уже пройти чрезъ руки мастеровъ всѣхъ трехъ цеховъ, лишь послѣ того, какъ швертфегеръ изготовилъ ножны и рейдеръ составилъ оружіе. И де тѣхъ поръ, пока оно не было готово, оно не могло поступить въ продажу, ибо кузнецамъ было запрещено сбывать клинки въ необдѣланномъ видѣ, въ видѣ „черныхъ клинковъ“, иначе слѣдующіе за ними работники лишались бы заработка. Такимъ образомъ, кузнецы были вынуждены сбывать всѣ свои издѣлія рейдерамъ для окончательной отдѣлки. Зависимость ихъ отъ послѣднихъ была тѣмъ сильнѣе, что только мастерамъ цеха, изготовлявшаго ножны и составлявшаго оружіе, было дозволено уѣзжать въ другія мѣстности, тогда какъ остальные цехи давали клятву не покидать Золингена, чтобы не выдавать секретовъ производства. Шлифовщики и закаливальщики уже въ XV вѣкѣ превратились изъ самостоятельныхъ мастеровъ въ наемныхъ рабочихъ, постепенно становились рабочими и кузнецы. Такъ какъ рейдеры съ одной стороны имѣли право разъѣзжать, а съ другой стороны къ нимъ поступали всѣ части оружія для сборки и окончательной отдѣлки, то и вся торговля должна была сосредоточиваться въ ихъ рукахъ. Монополизировавъ торговлю оружіемъ, они постепенно превращались изъ ремесленниковъ въ купцовъ. „Первоначально купцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками—говоритъ Тунъ—и возвратившись съ ярмарки, снова принимались за составленіе оружія и выдѣлываніе ноженъ; они были такими же членами цеха, какъ и всѣ остальные, хотя и болѣе состоятельными, болѣе уважаемыми, и подчинялись тѣмъ же самымъ статутамъ. Но чѣмъ болѣе расширялась торговля Золингена, чѣмъ болѣе отдѣльные купцы, болѣе энергичные, болѣе бе-

[1]) См. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. Art. Arbeitsteilung.

режливые и имѣвшіе большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой дѣятельности, тѣмъ болѣе они выдѣлялись въ самостоятельный классъ купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ремесленная форма производства постепенно переходитъ въ кустарную. Все рѣже и рѣже кузнецы сами сбываютъ мечи, все болѣе общимъ становится явленіе, что они работаютъ, какъ и другіе ремесленники, по заказу купцовъ; послѣдніе принимаютъ на себя поставку желѣза, стали и другихъ матеріаловъ“ [1]).

Подобнымъ же образомъ совершился процессъ превращенія ремесла въ кустарную промышленность въ ножевомъ производствѣ Золингена. „До тѣхъ поръ, пока форма ножей была очень несложна—читаемъ у Туна—и главное вниманіе обращалось на клинокъ, могли дѣйствительно существовать ножевщики въ томъ смыслѣ, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно и выковывалъ ножъ, и отдѣлывалъ и собиралъ его; только для шлифованія онъ отдавалъ его на сторону. Когда же въ XVI вѣкѣ появились болѣе разнообразные сорта ножей и форма ихъ стала сложнѣе, тогда увеличилось раздѣленіе труда, возросло количество рабочихъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда было появленіе новаго элемента въ процессѣ производства, элемента, руководившаго всѣмъ процессомъ и соединявшаго выдѣлываемыя въ различныхъ мастерскихъ части ножа въ одно цѣлое—это былъ такъ называемый Fertigmacher. Онъ покупалъ у мастеровъ, производившихъ клинки и ободки для складныхъ ножей, у мастеровъ выдѣлывавшихъ рукоятки и оправы, ихъ издѣлія, непродаваемыя каждое въ отдѣльности, и составлялъ изъ нихъ цѣльные ножи. Такъ какъ среди этихъ рабочихъ было много бѣдныхъ людей, не имѣвшихъ средствъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ, то Fertigmacher'ы закупали оптомъ матеріалы, доставляли ихъ рабочимъ и поручали имъ производство отдѣльныхъ операцій. Такимъ образомъ, въ ножевомъ промыслѣ уже въ XVI вѣкѣ начинается переходъ отъ ремесла къ домашней промышленности; самостоятельные но-

---

[1]) Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. T. II. Die Industrie des bergischen Landes. p. 7—12.

жевщики обращаются постепенно въ наемныхъ рабочихъ“ [1]).

Въ Тюрингіи, именно въ Рулѣ ножевщики также первоначально составляли одинъ цехъ и одинъ и тотъ же мастеръ производилъ весь продуктъ. Когда въ началѣ XVII вѣка мастера, отдѣлывавшіе клинки, отдѣлились отъ кузнецовъ и между тѣми и другими установилось раздѣленіе труда, послѣдніе очутились въ зависимости отъ первыхъ. Въ качествѣ мастеровъ, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства, отдѣлыватели занимались сбытомъ ножей и изъ нихъ образовался постепенно классъ скупщиковъ. Къ концу XVII вѣка скупщики состояли изъ прежнихъ отдѣлывателей, къ которымъ присоединились розничные торговцы. Кузнецы стали наемными рабочими. [2]).

Точно также и въ иголочномъ промыслѣ Швабаха въ Баваріи классъ скупщиковъ образовался изъ среды мастеровъ, дававшихъ окончательную отдѣлку продукту. Еще въ XVIII вѣкѣ скупщики занимались закаливаньемъ и шлифованьемъ иголокъ и булавокъ, которыя поступали къ нимъ въ полуобработанномъ видѣ: они же сортировали и упаковывали товаръ [3]).

Что касается желѣзнаго промысла въ Бирмингамѣ и Шеффильдѣ и ихъ окрестностяхъ (производство мелкаго желѣзнаго, отчасти и мѣднаго, товара: ножей, ножницъ, топоровъ, молотковъ и другихъ инструментовъ, холоднаго оружія, гвоздей, замковъ, металическихъ табакерокъ, застежекъ для башмаковъ, пуговицъ и т. п.), произведенія котораго славились въ XVII—XVIII ст., то трудно сказать, изъ какой именно категоріи ремесленниковъ образовался классъ скупщиковъ. Извѣстно лишь, что и здѣсь скупщики произошли изъ прежнихъ мастеровъ. Большинство послѣднихъ всегда опасалось перепроизводства, между тѣмъ не рѣшалось посылать свои издѣлія въ другія мѣстности, на неизвѣстные рынки, тѣмъ болѣе, что это было сопряжено съ большими усиліями и расходами, Лишь немногіе изъ нихъ, болѣе состоятельные

[1]) Thun. II. p. 24 и сл.

[2]) Sax. Die Hausindustrie in Thüringen. T. II. Ruhla und das Eisenacher Oberland. Jena. 1884.

[3]) Schanz. Kolonisation und Industrie in Franken. p. 300 и сл.

и болѣе предпріимчивые, рѣшались вступить въ непосредственныя сношенія съ Лондономъ и даже съ рынками на континентѣ Европы. Они то и превратились въ купцовъ, которые и въ Шеффильдѣ и въ Бирмингамѣ стали необходимымъ элементомъ въ производствѣ. Въ XVII — XVIII ст. все производство покоилось на заказахъ купцовъ и мастеръ находился въ полномъ подчиненіи у скупщика. Во многихъ случаяхъ купецъ доставлялъ и сырье, обрабатываемое мастеромъ, и послѣдній, будучи съ виду самостоятельнымъ призводителемъ, въ дѣйствительности былъ ничѣмъ инымъ, какъ рабочимъ, получавшимъ поштучную плату и пользовавшимся собственными орудіями производства [1]).

Переходимъ къ развитію кустарной промышленности изъ ремесла въ текстильномъ производствѣ.

Въ области шерстяной промышленности раздѣленіе труда въ концѣ среднихъ вѣковъ развилось еще болѣе, чѣмъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій и каждое изъ ремеслъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ, могло превратиться въ корпорацію скупщиковъ. Но и здѣсь преобладающее положеніе заняли, повидимому, тѣ мастера, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства. Шмоллеръ указываетъ на то, что и въ Шампани, и въ Провансѣ, и въ Аміенѣ прежніе сукновалы и шерстобитчики превратились въ богатыхъ суконщиковъ-торговцевъ. Сукновалъ является центромъ всего производства, на него работаютъ, и прядильщица, и ткачъ, и всѣ остальные ремесленники. Тѣмъ, что сукно проходило чрезъ руки сукноваловъ послѣ всѣхъ другихъ, Эшли объясняетъ то обстоятельство, что терминъ „суконщикъ“ (drapier), первоначально употребляемый для обозначенія всѣхъ тѣхъ, кто производилъ сукно или торговалъ имъ, сталъ впослѣдствіи синонимомъ валяльщика. Можетъ быть это надо объяснять иначе, тѣмъ, что валяльщики первоначально были и красильщиками, какъ это было въ Страсбургѣ, между тѣмъ какъ ткачамъ запрещалось заниматься крашеніемъ суконъ и они вскорѣ стали наемными рабочими; крашеніе сукна

[1]) Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. Essai sur le commencement de la grande industrie moderne en Angleterre. Paris. 1906. p. 273 и сл. 279—280.

являлось однимъ изъ важнѣйшихъ конечныхъ процессовъ производства, и какъ мы увидимъ ниже, въ другихъ странахъ скупщики выходили изъ красильнаго цеха [1]).

И по отношенію къ Англіи Эшли полагаетъ, что отдѣлыватели сукна стали первыми суконщиками. Вмѣсто того, чтобы ждать, пока потребитель принесетъ имъ кусокъ сукна для стрижки или отдѣлки, валяльщики могли находить болѣе выгоднымъ для себя покупать сукно у ткача, самимъ отдѣлывать его и сбывать на рынкѣ. Эшли выставляетъ и другую гипотезу: скупщиками могли стать торговцы шерстью, которые имѣли уже извѣстный коммерческій опытъ и обладали нѣкоторымъ капиталомъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что впослѣдствіи значительная, пожалуй даже большая часть скупщиковъ состояла изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ ремеслу, и есть основаніе думать, что это были главнымъ образомъ купцы, торговавшіе шерстью. Къ серединѣ XVI вѣка эти чуждые ремеслу элементы встрѣчались уже въ большомъ количествѣ. Однако, трудно предполагать, чтобы первоначально скупщики вышли изъ ихъ среды, ибо не только производство, но и сбытъ шерстяныхъ издѣлій запрещался всѣмъ тѣмъ, кто не прошелъ семилѣтняго ученичества и не изучилъ производства сукна надлежащимъ образомъ.

Этого принципа англійское законодательство придерживается и впослѣдствіи очень долго, съ нѣкоторыми, правда, отступленіями; хотя на практикѣ эти мѣры встрѣчаютъ все большее и большее противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, а съ конца XVI и начала XVII ст. соотвѣтствующіе законы повидимому уже почти не исполняются. Борьба изъ-за обязательности семилѣтняго срока ученичества для скупщиковъ—сукнодѣловъ и есть ничто иное, какъ борьба за допущеніе въ число скупщиковъ лицъ, не входящихъ въ составъ ремесленныхъ корпорацій, т.-е. купцовъ. Законъ 1552 года—первый законъ объ обязательности семилѣтняго ученичества, распространяющійся на все государство, — упоминаетъ лишь о ткачахъ, изъ чего можно

[1]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 410 и сл. Эшли, стр. 481 и сл. Fagniez. Etudes sur l'industrie à Paris au XIII—XIV siècle. p. 339.

[2]) Эшли, стр. 482—83.

было бы вывести, что для скупщиковъ (clothier) этотъ законъ не является обязательнымъ. Однако, изъ закона, изданнаго годъ спустя, видно, что законъ предыдущаго года относился и къ нимъ, ибо въ законѣ 1553 года говорится, что много суконщиковъ, занимавшихся суконнымъ производствомъ въ теченіе пяти—шести лѣтъ, вынуждено было оставить это занятіе къ ихъ великому обѣднѣнію и къ крайнему разоренію множества ткачей, валяльщиковъ, красильщиковъ и сукноствиговъ, которые, благодаря этимъ суконщикамъ, добывали себѣ пропитаніе. Поэтому законъ 1553 года отмѣняетъ предыдущій законъ, поскольку онъ касался городовъ и тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ ранѣе производились широкіе сорта сукна. Прежнее постановленіе распространялось такимъ образомъ и на суконщиковъ-предпринимателей и теперь оно сохранило свою силу лишь для суконщиковъ, проживающихъ въ селахъ. Однако законъ 1557 года возобновилъ это постановленіе: семилѣтній срокъ ученичества снова становится обязательнымъ не только для ткачей, но и для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя заказываютъ пряжу и выдѣлку тканей другимъ лицамъ. Въ этомъ видѣ обязательность семилѣтняго ученичества сохранилась и впослѣдствіи, хотя въ послѣдующихъ законахъ о ней вовсе не упоминается: въ то время, какъ всѣ другіе вопросы регулируются цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій, о семилѣтнемъ ученичествѣ нѣтъ вовсе рѣчи. Можно поэтому предполагать, что въ концѣ концовъ перестали совершенно примѣнять эту мѣру и купцы безпрепятственно становились скупщиками. Только по отношенію къ новымъ отраслямъ шерстяной промышленности, возникшимъ при Елисаветѣ (new drapery), въ законѣ 1662 года говорится, что никто не можетъ заниматься производствомъ этихъ издѣлій или заказывать выдѣлку ихъ другимъ лицамъ, если онъ не отбылъ семилѣтняго ученичества; виновный въ нарушеніи этого постановленія подвергается штрафу въ 5 ф. ст., а по закону 1724 года штрафу въ 10 ф. ст. [1]).

Гораздо легче прослѣдить образованіе класса скупщиковъ-предпринимателей въ баденской и вюртембергской тек-

[1]) Cunningham. Growth of English Industry and Commerce. II. 38 и сл. 354 и сл. Lohmann. p. 22 и сл. Эшли. стр. 505 и сл.

стильной промышленности. Если по отношенію къ французскому и англійскому шерстяному производству трудно установить съ точностью, откуда вышли скупщики, то для Германіи несомнѣнно, что ремесленники, производившіе конечные процессы труда, именно красильщики, захватили въ свои руки сбытъ шерстяныхъ, полушерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій и превратили другихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ отъ нихъ наемныхъ рабочихъ. Въ Констанцѣ уже въ XV вѣкѣ одинъ красильщикъ (Ulrich im Holtz) пытался стать скупщикомъ-предпринимателемъ. Онъ покупалъ и заказывалъ въ Констанцѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, самъ и чрезъ посредниковъ, пряжу оптомъ и по частямъ, затѣмъ раздавалъ ее въ различныхъ мѣстностяхъ для выдѣлки тканей. Произведенное полотно онъ уже самъ красилъ, отдѣлывалъ и доставлялъ на рынокъ. По требованію ткацкаго цеха ему было запрещено въ 1423 году покупать и заказывать пряжу въ Констанцѣ и его окрестностяхъ на разстояніи двухъ миль отъ города. Однако, пріобрѣтенную въ другихъ мѣстахъ пряжу онъ попрежнему могъ раздавать ткачамъ для обработки ея согласно его указаніямъ. Въ 1435 году онъ обанкротился и бѣжалъ изъ Констанца [1]).

То, что не удалось въ Констанцѣ, могло быть гораздо легче достигнуто въ Пфорцгеймѣ. Здѣсь превращеніе отдѣлывателя шерстяныхъ матерій въ скупщика-капиталиста было лишь вопросомъ времени. Окрашиваніе издѣлій имѣло здѣсь большое значеніе и сбытъ ихъ на рынкѣ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ ихъ внѣшняго вида. Искустный красильщикъ становился мало-по-малу руководителемъ въ процессѣ производства. Онъ закупалъ тонкую шерсть, отдавалъ ее ткачамъ для обработки, себѣ же оставлялъ окраску матерій [2]).

Въ XVII вѣкѣ первенствующую роль въ области производства гладкихъ неворсованныхъ шерстяныхъ матерій занималъ вюртембергскій городъ Кальвъ съ его окрестностями. „Образовавшійся здѣсь классъ скупщиковъ — говоритъ Трельтшъ—состоялъ изъ различныхъ элементовъ, но очень скоро среди нихъ стала выдѣляться одна категорія скупщи-

[1]) Gothein. I. p. 523.

[2]) Ibid. p. 552 и слѣд.

ковъ — красильщики. Не только коммерческія способности, но и техника выдѣлки матерій имѣла большое значеніе для заграничнаго экспорта. Наиболѣе важную роль играли тѣ скупщики, которые знали секретъ новыхъ способовъ окраски тканей. Капиталисты старались усвоить себѣ эту технику и это удалось имъ тѣмъ легче, что красильное производство еще нигдѣ почти не было организовано въ цехи. Мы находимъ здѣсь—продолжаетъ онъ—тотъ же процессъ развитія, что и въ Золингенѣ, гдѣ мастера, производившіе холодное оружіе и ножи, очутились въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя отдѣлывали товаръ, соединяли отдѣльныя части его вмѣстѣ и получали продуктъ, годный для сбыта". И впослѣдствіи скупщики, превратившіеся сначала въ красильный цехъ, а затѣмъ въ торговую компанію, попрежнему продолжали производить окраску сукна, такъ что въ Кальвѣ (какъ и въ иголочномъ производствѣ Швабаха) они еще надолго остались и мастерами, хотя характеръ ихъ организаціи былъ уже чисто коммерческій, и рабочіе находились въ полной зависимости отъ компаніи скупщиковъ и сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировались ею [1]).

Въ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ отрасляхъ промышленности классъ скупщиковъ образовался преимущественно изъ прежнихъ (цеховыхъ) ремесленниковъ; купцы присоединились къ нимъ, повидимому, лишь впослѣдствіи, когда ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность и лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы имъ удавалось проникнуть въ среду скупщиковъ, а въ иныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже, они и вовсе не добились этой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не долго удержались въ разъ завоеванной позиціи. Но рядомъ съ этими промыслами мы находимъ и другія отрасли промышленности, гдѣ сбытъ всегда находился въ рукахъ купцовъ. Здѣсь большею частью купцы, торговавшіе сырьемъ, занимались и сбытомъ фабрикатовъ. Такой характеръ имѣла шелковая промышленность и связанныя съ нею производ-

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. p. 20, 31, 55 и сл. Gothein. p. 686. Stieda. Die Calwer Zeughandlungskompagnie. Schmoller's Jahrbuch. B. XIII. p. 659 и сл. и Deutsche Hausindustrie. p. 140 и сл.

ства: золотошвейное, ленточное, позументное, бархатное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ промыселъ былъ организованъ въ цехи, онъ все-таки, повидимому, съ самаго начала имѣлъ форму кустарной промышленности. Это вызывалось, съ одной стороны, дороговизной сырыхъ матеріаловъ, а, съ другой стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстный рынокъ имѣлъ мало значенія, производство предназначалось для экспорта, ибо издѣлія этихъ отраслей производства служили потребностямъ однихъ только высшихъ классовъ, производились преимущественно для придворныхъ круговъ. Оба эти момента приводили къ тому, что производитель не могъ самостоятельно вести дѣла, а находился всегда въ зависимости отъ купца, который снабжалъ его сырьемъ и скупалъ у него изготовленные продукты. „Въ шелковой промышленности — говоритъ Гинце — купецъ игралъ съ самаго начала главную роль въ предпріятіи. Правда съ XIII до XVIII вѣка производство имѣло цеховую организацію, но количество самостоятельныхъ мастеровъ, производившихъ на собственный счетъ, было всегда невелико и они повсюду отступали на второй планъ. Вездѣ мы находимъ скупщиковъ-предпринимателей, съ одной стороны, и мастеровъ-рабочихъ, съ другой стороны; они либо составляютъ отдѣльныя корпораціи, либо соединяются вмѣстѣ въ болѣе или менѣе тѣсную организацію. Одни доставляютъ дорого стоющій матеріалъ, собственниками котораго они обыкновенно и остаются, другіе занимаются выдѣлкой фабрикатовъ изъ этого матеріала, большею частью за поштучную плату“ [1]).

Любопытно, что еще до XIII вѣка, именно въ концѣ IX вѣка, мы находимъ въ Константинополѣ корпорацію купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, и корпорацію мастеровъ, производящихъ эти матеріи (вестіопраты и серикары), причемъ запрещается одновременно заниматься и промысломъ и торговлей [2]). Съ появленіемъ шелковой промышленности въ Европѣ, именно въ итальянскихъ городахъ въ XIII—XIV ст.—въ Луккѣ, Генуѣ, Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Болоньѣ,

[1]) Hintze. Die preussische Seidenindustrie des XVIII Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. B. XVII. p. 44.

[2]) Godart. L'ouvrier en soie. p. 87—89.

она повсюду съ самаго начала, повидимому, производилась кустарнымъ способомъ. Въ Луккѣ уже въ XIII вѣкѣ мастера обрабатывали для купцовъ доставляемый послѣдними матеріалъ [1]). Въ Генуѣ въ 1432 году образовался цехъ торговцевъ шелковыми тканями, которые отдѣлились отъ купеческой гильдіи; мастера раздѣлились на три цеха—прядильщиковъ, ткачей и красильщиковъ; всѣ они работали на купцовъ, которымъ принадлежалъ матеріалъ [2]).

Въ теченіе всего средневѣковья итальянскіе города пользовались монополіей въ области производства шелковыхъ тканей, они распространяли свои издѣлія по всѣмъ странамъ и извлекали изъ этого большую прибыль. Въ XVI вѣкѣ у нихъ появился конкуррентъ въ лицѣ Антверпена, а затѣмъ еще болѣе опасные соперники въ лицѣ Базеля и Цюриха, куда шелковая промышленность была занесена гугенотами, переселившимися изъ Голландіи, и итальянцами. Господствующей системой производства и здѣсь является кустарная. Изъ анкеты, произведенной въ Базелѣ въ 1599 году, мы можемъ усмотрѣть, въ какомъ положеніи находилась въ эту эпоху шелковая промышленность и связанныя съ ней отрасли производства. Изъ этой анкеты видно, что мастеровъ, производящихъ шелковыя и позументныя издѣлія и самостоятельно сбывающихъ ихъ на рынкѣ, почти не существуетъ. Мы находимъ либо капиталистовъ—предпринимателей, на которыхъ работаютъ другія лица у себя на дому, либо мастеровъ, которые находятся въ зависимости отъ этихъ скупщиковъ. Къ кустарямъ относятся переселившіеся въ Базель иностранцы—рабочіе въ числѣ 21 человѣка съ ихъ помощниками, изъ коихъ почти всѣ производятъ по заказу предпринимателя, а также мѣстные жители и другія лица. Среди 43 мастеровъ и 143 человѣкъ вообще, работающихъ въ шелковой промышленности, оказывается всего 10—12 ремесленниковъ, которые не работаютъ на другихъ лицъ и сами не заказываютъ никому товаровъ. Скупщики преимущественно занимаются коммерческими операціями, являясь либо розничными торговцами, либо посредниками между ними и

---

[1]) Ajano. Venetianische Seidenindustrie im Mittelalter. p. 26. Schulte. p. 137.
[2]) Sieveking. Genueser Seidenindustrie im XV—XVI Jahrh. p. 128.

мастерами [1]). Въ Цюрихѣ итальянцу Занино было разрѣшено производить бархатъ на 7 станкахъ; другимъ же итальянцамъ, переселившимся туда, дозволялось работать лишь на двухъ станкахъ. „Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, однако,—говорится въ постановленіи цюрихскаго магистрата 1568 года—производство бархата должно оставаться свободнымъ промысломъ, такъ что каждому, полноправный ли онъ или неполноправный гражданинъ города, мѣстный ли житель или иностранецъ, предоставляется скупать издѣлія у мастеровъ и заказывать имъ выдѣлку бархата“ [2]).

Съ начала XVII вѣка главнымъ центромъ шелковой, золотошвейной, бархатной промышленности становится Ліонъ. При сравнительно гораздо большемъ потребленіи шелка и бархата въ XVII и XVIII ст., чѣмъ въ настоящее время [3]), экспортъ въ другія страны долженъ былъ играть крайне важную роль въ ліонской промышленности. Поэтому рядомъ со скупщиками, пріобрѣтавшими издѣлія мастеровъ, работавшихъ на дому, существовали и крупныя комиссіонныя фирмы, которыя закупали у скупщиковъ товаръ оптомъ и распространяли его по всей Европѣ. Эти комиссіонныя операціи производились, какъ и слѣдовало ожидать, съ самаго начала купцами. Непосредственные же заказы мастерамъ и пріобрѣтеніе у нихъ матерій исходило отъ скупщиковъ, которые вплоть до XVII вѣка состояли главнымъ образомъ, повидимому, изъ лицъ, вышедшихъ изъ среды мастеровъ и попрежнему входившихъ въ составъ цеха. Лишь впослѣдствіи, когда и купцы были допущены въ цехъ мастеровъ, они захватили шелковую промышленность въ свои руки [4]).

Съ конца XVII вѣка и въ другихъ странахъ дѣлались попытки основать шелковую промышленность, которыя, однако, далеко не повсюду увѣнчались успѣхомъ. Въ Ни-

---

[1]). Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum XVII Jahrh. Cap. IX, p. 454 и сл.

[2]) Geering. p. 465—467. См. также Bürkli-Meyer. Geschichte der Züricher Seidenindustrie. Zürich. 1884.

[3]) Т. е. имѣя въ виду значительно меньшее потребленіе другихъ издѣлій промышленности въ тѣ времена.

[4]) Godart. L'ouvrier en soie, pass., а также Schmoller, preussische Seidenindustrie p. 549.

дерландахъ шелковая промышленность, перенесенная туда гугенотами, производилась, повидимому, преимущественно въ формѣ централизованныхъ мануфактуръ [1]). Но въ Пруссіи преобладало производство на дому. Въ Крефельдѣ шелковая промышленность была основана въ 1668 году переселившимся туда голландскимъ менонитомъ фонъ-деръ-Лейеномъ; послѣдній былъ купцомъ и торговалъ полотномъ, нюрнбергскими товарами, а также шелкомъ-сырцомъ, который онъ отдавалъ въ окраску въ Кельнѣ. Впослѣдствіи онъ сталъ раздавать въ Крефельдѣ шелкъ, а также отдавать внаймы ткацкіе станки для выдѣлки шелковыхъ тканей [2]). Въ Берлинѣ скупщики вышли изъ среды розничныхъ торговцевъ; послѣдніе поставляли шелкъ и стояли во главѣ всего производства. Самостоятельныхъ мастеровъ почти не существовало; почти всѣ они были наемными рабочими скупщиковъ, причемъ имѣли цеховую организацію [3]).

Вообще, какъ видно изъ всего изложеннаго, цеховая организація сохранилась и въ XVI—XVIII ст., и не только тамъ, гдѣ цехи существовали въ средніе вѣка, они не были уничтожены, но были введены и въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя зарождались вновь, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ раньше не существовало. Но сохранилась лишь форма, содержаніе же измѣнилось кореннымъ образомъ. Цехъ состоялъ уже не изъ самостоятельныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, а либо изъ мастеровъ-рабочихъ и мастеровъ-предпринимателей, либо только изъ первыхъ, тогда какъ вторые составляли особый цехъ, торговую компанію или иную корпорацію или, наконецъ, вовсе не имѣли корпоративнаго устройства. Конечно, мясники и булочники, сапожники и скорняки, плотники и каменьщики оставались попрежнему ремесленниками [4]), но зато важнѣйшія отрасли промышленности — обработка волокнистыхъ веществъ и металловъ, приняли кустарную форму производства, дру-

[1]) Pringsheim. Wirtschaftliche Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im XVII—XVIII Jahrh. Leipzig. 1890, p. 31 и сл.

[2]) Thun. Industrie am Niederrhein. B. I. Abschn. 2. Die linksrheinische Seiden-und Sammtindustrie. p. 86–88.

[3]) Schmoller. Die preussische Seidenindustrie im XVIII Jahrh. p. 547 и сл. Hintze. Schmoller's Jahrbuch. B. XVII.

[4]) См. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. p. 562—563

гіе менѣе важные промыслы имѣли смѣшанный характеръ, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ они производились, и отъ степени развитія раздѣленія труда [1]). Такимъ образомъ, ремесло перестало быть господствующей формой производства. Если неправильно мнѣніе, высказываемое иногда въ послѣднее время, что кустарная промышленность была значительно развита уже въ средніе вѣка, то еще менѣе можно согласиться съ болѣе старой теоріей, которая не проводитъ различія между ремесломъ и кустарной промышленностью, и придавая главное значеніе цеховой организаціи, называетъ и мастеровъ XVII—XVIII ст. ремесленниками. Чѣмъ основательнѣе и глубже изучается исторія промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ и странахъ, тѣмъ болѣе выясняется несостоятельность этого взгляда. „Хотя въ составъ цеховъ входили лишь привилегированные мастера — говоритъ Левассеръ по поводу французской промышленности XVIII вѣка,—но многіе изъ нихъ находились въ такомъ положеніи, которое нисколько не отличалось отъ соціальнаго положенія рабочаго-кустаря“ [2]). Жерменъ Мартенъ указываетъ на широкое распространеніе мелкихъ мастеровъ (въ особенности въ селахъ), работающихъ на скупщиковъ, во Франціи временъ Людовика XIV и XV, преимущественно въ области суконной, льняной, шелковой промышленности и въ кружевномъ промыслѣ [3]). Hauser утверждаетъ это и по отношенію къ французской промышленности XVI вѣка. „Во всѣхъ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ—говоритъ онъ—когда существовало два рода корпорацій, организація скупщиковъ и одинъ или нѣсколько цеховъ рабочихъ, заключались коллективные

---

[1]) Въ Шварцвальдѣ, напр., производство издѣлій изъ камня (гранита, агата, кристалла) и изъ стекла имѣло—первое уже въ XVI, второе въ XVIII ст.—характеръ кустарной промышленности, причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ классъ скупщиковъ образовался изъ мастеровъ, производившихъ окончательную отдѣлку издѣлій (гравировальщиковъ). Gothein, p. 555 и сл. 812 и сл.

[2]) Levasseur. T. II. p. 761. См. также d'Avenel. T. III p. 461 и Jaurès. La Constituante. (Histoire socialiste T. I.) p. 75.

[3]) Germain Martin. La grande industrie en France sous le régne de Louis XIV. Paris. 1900. p. 232–243. 127–28, а также La grande industrie sous le règne de Louis XV. Paris. 1898. p. 17–18.

договоры между предпринимателями, съ одной стороны, и рабочими, съ другой стороны“ [1]). „Въ XV и XVI вѣкѣ, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ — читаемъ у Лампрехта въ его исторіи экономическаго и соціальнаго развитія Германіи— купцы большихъ городовъ вызываютъ къ жизни новыя отрасли кустарной промышленности, пользуясь тѣми зачатками, которые существовали въ селахъ уже въ предыдущія столѣтія среднихъ вѣковъ“ [2]). Шерстяная промышленность въ Нидерландахъ и въ Англіи представляла собою въ XVI—XVII ст. развитую форму кустарнаго производства; такой же характеръ имѣла въ Англіи шелковая и льняная промышленность, производство шапокъ, чулочный промыселъ и производство металлическихъ издѣлій въ XVII—XVIII ст. (замочный, слесарный, ножевой и гвоздарный промыселъ), отчасти также кожевенный промыселъ [3]) [4]). Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ мы вправѣ утверждать, что въ XVI—XVII ст. и уже во всякомъ случаѣ въ XVII—XVIII ст. не ремесло, а кустарная промышленность составляла господствующую форму производства.

V.

Съ возникновеніемъ кустарной промышленности рабочій классъ значительно расширился. Въ средневѣковомъ ремеслѣ классъ несамостоятельныхъ рабочихъ состоялъ почти исключительно изъ цеховыхъ подмастерьевъ. Въ XVI—

---

[1]) Hauser. Les ouvriers du temps passé. p. 66.

[2]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. (Wirtschaftsleben.—Soziale Entwicklung). Freiburg im Breisgau. 1903, p. 295, 297.

[3]) Lohmann. p. 10. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст. Москва. 1898, стр. 52—54. Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Спб. 1897. стр. 33. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881. p. 550—563.

[4]) Въ Швейцаріи—какъ указываетъ Шулеръ (Die schweizerische Hausindustrie. Zeitschrift für schweizerische Statistik. Jahrg. 1904)—не только въ крупныхъ отрасляхъ промышленности вродѣ цюрихской шелковой индустріи или сантъ-галленскаго льняного промысла, но и въ болѣе мелкихъ производствахъ, какъ напр. въ гларнскомъ промыслѣ аспидныхъ досокъ, грифелей и другихъ издѣлій изъ шифера, весьма рано совершился переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности; уже въ половинѣ XVII вѣка существовали особые предприниматели, экспортировавшіе сотни ящиковъ съ издѣліями изъ шифера въ Голландію и Англію.

XVIII ст. и прежніе самостоятельные мастера заняли такое же зависимое положеніе, какъ подмастерьи: они всѣ вмѣстѣ работали на скупщика. Что же касается прежнихъ несамостоятельныхъ рабочихъ—цеховыхъ подмастерьевъ и учениковъ, то съ возрастаніемъ населенія количество ихъ увеличилось. Парижскіе мастера имѣли въ концѣ XVI вѣка по 6 подмастерьевъ и болѣе, другіе старались брать поменьше подмастерьевъ, замѣняя послѣднихъ учениками, которыхъ работало въ мастерской 6—8, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже 16 человѣкъ [1]). Въ Пуату въ XVIII вѣкѣ на мастера въ текстильной промышленности приходилось въ среднемъ 7—8 подмастерьевъ, считая въ томъ числѣ прядильщицъ и чесальщицъ [2]). Статутомъ брюссельскихъ портныхъ максимальное количество подмастерьевъ, которое вправѣ держать мастеръ, опредѣлено въ 10 человѣкъ, для сапожниковъ статутомъ 1671 г.—въ 9 человѣкъ (въ томъ числѣ одинъ ученикъ), тогда какъ въ дѣйствительности число ихъ достигало двадцати [3]). Въ Голландіи въ XVII ст. количество подмастерьевъ доходило до 6—8 человѣкъ [4]). Столь же значительно было число подмастерьевъ и учениковъ въ Базелѣ, причемъ бо́льшая часть состояла изъ учениковъ [5]). Въ англійской шерстяной промышленности мастеръ имѣлъ отъ 2 до 7 подмастерьевъ. [6]).

Развивавшаяся съ XV вѣка кустарная промышленность нуждалась однако въ гораздо болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, чѣмъ то, которое входило въ составъ цеховъ. Хотя съ расширеніемъ рынка цехи потеряли свою монополію при сбытѣ товаровъ, хотя цеховые ремесленники и превратились въ зависимыхъ отъ скупщиковъ мастеровъ, но до тѣхъ поръ, пока все рабочее населеніе состояло изъ ограниченнаго количества лицъ, входившихъ въ составъ цеха, зависимость эта не могла быть значительна, ибо конкурренція среди рабочихъ была доведена до минимума. Лишь съ тѣхъ

---

[1]) Hauser. p. 34. 36.
[2]) Boissonade. II. p. 140.
[3]) Des Marez. p. 222.
[4]) Pringsheim. p. 29.
[5]) Geering. p. 500 и сл.
[6]) Lohmann. p. 1.

поръ, какъ въ XV—XVII ст. стали появляться новые элементы, работающіе по заказу скупщика, но не принадлежащіе къ цеху, цеховая организація потеряла свою силу, скупщики же пріобрѣли значительное количество новыхъ рабочихъ, давшее имъ возможность не только расширить производство, но и создать сильную конкурренцію среди рабочаго населенія и лишить цехи ихъ прежняго значенія.

Такимъ новымъ элементомъ явились прежде всего городскіе привилегированные мастера (Freimeister, Hoffbefreite, ouvriers suivant la cour, maîtres de lettres), число которыхъ и въ Пруссіи, и въ Австріи, и во Франціи достигаетъ уже въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ значительныхъ размѣровъ. Какъ указываетъ д'Авенель, во Франціи „исключенія" по своей численности превышали „общее правило" [1]), а въ Вѣнѣ въ 1734 г. изъ 7809 мастеровъ всего 2640 или третья часть были цеховыми [2]). [3]) Для развитія кустарной промыш-

[1]) d'Avenel. T. III. p. 456.

[2]) Max Adler. Gewerbepolitik in Oesterreich. p. 82—3.

[3]) Въ Любекѣ первые нецеховые мастера встрѣчаются въ 1519 году и съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается. (Wehrmann. p. 66) Въ Бременѣ первый сапожникъ, стоящій внѣ сапожнаго цеха, допущенъ городскимъ совѣтомъ въ 1600 году. (Böhmert. p. 90). Курфюрстъ Августъ Саксонскій въ 1576 г. заставляетъ цехъ, изготовляющій полотно, согласиться на то, чтобы одинъ мастеръ, не входящій въ составъ цеха, также занимался этимъ ремесломъ (Falke. Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirtsch. Beziehung. p. 346). Въ Штетинѣ городской совѣтъ съ половины XVI вѣка разрѣшаетъ мясникамъ и пекарямъ заниматься своимъ промысломъ въ качествѣ Freimeister'овъ и еще шире пользуется этимъ правомъ герцогъ, который съ начала XVI вѣка допускаетъ нецеховыхъ мастеровъ ко всевозможнымъ промысламъ и при томъ въ возрастающемъ количествѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были прежними слугами герцога, но бо̀льшая часть состояла изъ мастеровъ или подмастерьевъ, переселившихся изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ и не принятыхъ въ цехи. Одни изъ нихъ пріобрѣтали привилегіи заниматься производствомъ товаровъ пожизненно, другіе даже съ правомъ передачи по наслѣдству сыну или зятю, наконецъ, третьи лишь на опредѣленное количество лѣтъ. При этомъ однако помогать имъ въ производствѣ могли только жена и дѣти; нерѣдко для нихъ былъ установленъ и особый максимумъ производства. Въ началѣ XVII вѣка мастера, получившіе отъ герцога привилегію на производство, называются придворными мастерами, придворными шорниками, стекольщиками, портными; они

ленности имѣютъ, впрочемъ, значеніе не столько эти мѣстные жители, пріобрѣвшіе привилегіи на занятіе промысломъ, сколько иностранцы, переселяющіеся въ XVII—XVIII ст. изъ

живутъ на тѣхъ улицахъ и частяхъ города, которыя подлежатъ суду герцога. Несмотря на то, что привилегированные мастера допускаются лишь съ начала XVI вѣка, уже въ 1548 году изъ нихъ образуется особый цехъ мясниковъ (Schlächter und Garbrater), а въ 1615 году привилегированные пекари (въ числѣ 13 мастеровъ и одной вдовы) организуются въ самостоятельный цехъ. (Blümcke p. 119—20). Во Франціи мы встрѣчаемъ ихъ прежде всего въ видѣ мастеровъ, купившихъ привилегію короля (lettre de maîtrise). Начиная со второй половины XV вѣка, короли по поводу особо торжественныхъ случаевъ, какъ напр. восшествіе на престолъ, рожденіе наслѣдника и т. под., выдаютъ за извѣстную плату патенты на занятіе тѣмъ или другимъ промысломъ, причемъ лицо, пріобрѣвшее такой патентъ, освобождается отъ вступительнаго взноса, пробной работы и т. д. Появившись первоначально въ небольшомъ количествѣ, число патентовъ съ теченіемъ времени возрастаетъ все болѣе и болѣе. Они выпускаются при всякомъ удобномъ случаѣ и всѣ принцы и принцессы получаютъ право выдавать ихъ при своемъ вступленіи въ бракъ, при рожденіи ихъ дѣтей, при пріобрѣтеніи ими какого-либо новаго титула. Въ XVI вѣкѣ опредѣляется по одному мастеру при каждомъ ремеслѣ и въ каждомъ городѣ, позднѣе по два, а при Людовикѣ XV выпускается даже по 8 патентовъ. Съ теченіемъ времени количество патентовъ до того увеличилось, что короли вынуждены были запретить цехамъ принимать въ свой составъ мастеровъ, пока патенты не раскуплены, а при выпускѣ новыхъ патентовъ приходилось уничтожать не разошедшіеся старые. Изъ этого можно убѣдиться, насколько значительна была конкурренція, причиняемая цехамъ этимъ путемъ. Цехи всячески протестовали противъ нея, преслѣдовали привилегированныхъ мастеровъ и старались посредствомъ вымогательства денегъ сократить ихъ число, когда же все это не помогало, они сами скупали всѣ патенты. Въ 1657 г. выпускъ патентовъ былъ временно прекращенъ и всѣ прежніе патенты были уничтожены, съ тѣмъ, чтобы каждый цехъ уплатилъ значительную сумму. Но въ виду того, что многіе изъ нихъ отказались, патенты спустя три года были вновь возстановлены и снова выпускались, когда являлся удобный для этого поводъ. Эти королевскіе мастера просуществовали вплоть до уничтоженіи цеховъ. Не меньшую конкурренцію цехамъ составляли придворные мастера (ouvriers suivant la cour), среди которыхъ лишь нѣкоторые дѣйствительно работали на короля и его семейство, большинство же являлись привилегированными мастерами, которые за уплату извѣстной суммы производили продукты для рынка, не будучи подчинены цеху. Людовикъ XI имѣлъ трехъ мастеровъ каждаго промысла, королева и дѣти короля также имѣли каждый своихъ придворныхъ мастеровъ.

различныхъ странъ и также получающіе привилегіи, которыя даютъ имъ право продолжать тѣ мастерства, которыми они занимались на родинѣ. Въ то время, какъ первые были большею частью самостоятельными ремесленниками [1]), французы (гугеноты), нидерландцы, итальянцы, переселяющіеся въ Пруссію, Австрію, Швейцарію, Англію и другія страны, становились либо скупщиками-предпринимателями и фабрикантами, либо фабричными рабочими и кустарями. Число кустарей среди нихъ было очень значительно. Какъ мы видѣли выше, въ базельской шелковой промышленности рабочіе-кустари состояли преимущественно изъ гугенотовъ и итальянцевъ и такой же контингентъ рабочихъ имѣли и другія отрасли базельской кустарной промышленности [2]). Въ Пруссіи гугеноты, какъ извѣстно, создали совершенно новую промышленность, отчасти въ формѣ централизованныхъ мануфактуръ, отчасти въ видѣ кустарнаго производства. Въ производствѣ шерстяныхъ матерій, въ чулочномъ и перчаточномъ промыслахъ, гдѣ кустарная промышленность была особенно широко распространена, рабочими-кустарями являлись переселенцы изъ Франціи,

---

При Людовики XII ихъ было 93 человѣка, при Франциске I1—60, Генрихъ IV въ 1606 г. удвоилъ ихъ число, Людовикъ XIII прибавилъ еще 40 и Людовикъ XIV также 40; въ 1712 г. ихъ насчитывалось 377 человѣкъ. Наконецъ, въ Парижѣ существовали т. наз. lieux privilégiés, гдѣ проживали мастера, не входившіе въ составъ цеховъ и не подлежавшіе цеховому надзору, но тѣмъ не менѣе пользовавшіеся правомъ не только производить товары, но даже принимать къ себѣ учениковъ, которые затѣмъ безпрепятственно становились мастерами. (Levasseur. T. I. p. 545—546. 623. T. II. 128—130. 160. 240. 405—407. 456. Martin-Saint-Léon. p. 222. 242. 321. 421—422. Boissonade. T. II. 417—418. Hauser. p. 135—136. d'Avenel. T. III. p. 451—456). Въ Вѣнѣ находимъ слѣдующія категоріи привилегированныхъ мастеровъ: Hofbefreite, kaiserliche Livreebediente, Universitätshandwerker, Dekretisten, „Unter der Tag-und Nachtwache stehend", „Arsenalisten", „Piquenirer." Все это были самостоятельные ремесленники. (Max Adler. p. 67—85. См. также Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien. Leipzig. 1886. p. 13).

[1]) Факты показываютъ, такимъ образомъ (ср. предыдущее прим.), что и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ сохранилось ремесло, цеховымъ мастерамъ приходилось выдерживать сильную конкурренцію со стороны нецеховыхъ элементовъ.

[2]) Geering. l. c.

Пфальца и другихъ мѣстностей [1]). Въ Австріи мы находимъ итальянцевъ и голландцевъ, работающихъ, какъ на мануфактурахъ, такъ и въ кустарной промышленности [2]), во французской чулочной, кружевной, зеркальной, суконной, шелковой промышленности — нидерландскихъ и итальянскихъ рабочихъ [3]). Наконецъ, развитіе англійской шерстяной промышленности находится въ тѣсной связи съ многократными переселеніями мастеровъ-скупщиковъ изъ Фландріи и Брабанта [4]).

Къ этимъ привилегированнымъ мѣстнымъ и иностраннымъ мастерамъ присоединялись далѣе и лица, самовольно принявшіяся за производство различныхъ промышленныхъ издѣлій, не имѣя на то никакого права. И цехамъ съ теченіемъ времени все труднѣе и труднѣе становилось бороться съ нарушителями ихъ привилегій, ибо и власти и скупщики стояли на сторонѣ новыхъ нецеховыхъ мастеровъ. Въ Нюрнбергѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка находимъ запрещенія раздавать работу лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху: мастеръ можетъ давать заказы только другому мастеру, входящему въ составъ цеха, но ни въ какомъ случаѣ не нецеховому [5]). Наоборотъ, въ Страсбургѣ уже въ 1655 году было постановлено, что лица, занимающіяся выдѣлкой шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ чулокъ, не должны непремѣнно быть цеховыми мастерами, а могутъ стоять и внѣ какого бы то ни было цеха [6]). Въ саксонской хлопчатобумажной промышленности рабочіе состояли изъ нецеховыхъ мастеровъ и женщинъ и лишь впослѣдствіи, въ XVIII вѣкѣ къ нимъ присоединились и цеховые рабочіе [7]). Точно такъ же и во Франціи мы находимъ рядомъ съ привилеги-

[1]) Schmoller. Jahrbuch. XI, p. 805 и сл.

[2]) Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich. Wien-Leipzig. 1903. p. 42 и сл. 56 и сл. Beer. Studien. I. p. 6 и сл.

[3]) Levasseur. T. II, p. 236 и сл. См. особ. Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 60—79 и его же La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. p. 164—195.

[4]) Lohmann. p. 85 и Эшли, стр. 510 и сл. Dechesne. Industrie de la laine. p. 45—50. Cunningham. Growth of English Industry. II, p. 178 и сл. См. также мою ст. Die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise. Schmoller's Jahrbuch. 1906. B. XXX, p. 58 и сл.

[5]) Schoenlank. p. 46—48.

[6]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 313. Urk. 183.

[7]) Bein. II, p. 49.

рованными, придворными и т. п. мастерами и непривилегированныхъ нецеховыхъ мастеровъ. Количество послѣднихъ уже въ XVI вѣкѣ сильно возрастаетъ и, несмотря на всѣ жалобы цеховъ, эта конкурренція усиливается [1]) [2]).

Новымъ элементомъ въ кустарной промышленности являются также женщины-работницы [3]). „Для развитія кустарной формы производства—говоритъ Стида—имѣло немалое значеніе то обстоятельство, что женщины стали за-

[1]) Hauser. p. 117.

[2]) Въ печатномъ промыслѣ (во Франціи) существовали съ XVII ст. рядомъ съ цеховыми рабочими (подмастерьи; мастерами—maître—назывались владѣльцы типографій) и нецеховые рабочіе (alloués), причемъ постановленіемъ 1713 г. типографамъ было предоставлено нанимать сколько угодно нецеховыхъ рабочихъ, а декретъ 1724 г. даже обязалъ ихъ нанимать нецеховыхъ съ цѣлью борьбы съ чрезмѣрной требовательностью цеховыхъ рабочихъ и ради пониженія заработной платы. Дѣйствительно, количество alloués вскорѣ значительно возросло, причемъ возрастъ ихъ впослѣдствіи понизился съ 20 лѣтъ (въ среднемъ) до 13—15, и подмастерьи жаловались на то, что и цеховые ученики, и эти нецеховые рабочіе создаютъ имъ сильную конкурренцію. (Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. T. I. p. 242—253. 296).

[3]) Женщины по общему правилу въ цехи не принимались ни въ средніе вѣка, ни впослѣдствіи. „Женщины не должны были заниматься ремесломъ, за исключеніемъ жены и дочери мастера“ (Кеннингэмъ, т. I, стр. 299), причемъ и послѣднія лишь помогали мастеру, но не занимались производствомъ самостоятельно и не являлись полноправными членами цеха. Забота цеховъ о вдовахъ и дочеряхъ цеховыхъ мастеровъ выражалась въ томъ, что лица, вступившія съ ними въ бракъ, становились мастерами или, во всякомъ случаѣ, пользовались значительными привилегіями, облегчавшими вступленіе ихъ въ цехъ (см. выше, стр. 358—64) Кромѣ того, вдова мастера могла продолжать промыселъ до тѣхъ поръ, пока подросталъ ея сынъ, на это время завѣдываніе производствомъ поручалось подмастерью, но сама она ни до того, ни позже не могла руководить изготовленіемъ товаровъ. (См. объ этомъ статуты у Вермана, Бодемана, Рюдигера, Краузе и др.) Если же мы находимъ въ средніе вѣка женщинъ, занимающихся производствомъ, то это почти всегда работницы, изготовляющія предметы по заказу купца—при ихъ помощи возникаетъ кустарная форма производства. (См. напр. Des Marez, p. 110 и сл. Doren, p. 278. и др. Espinas. Zeitschr. p. 63—69. Hauser. p. 148—150). Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются и цехи, принимающіе въ свою среду женщинъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ или цехи, состоящіе исключительно изъ женщинъ. (См. Hauser и Fagniez.)

ниматься промыслами. Женщины обыкновенно не могли вступать въ члены цеха, но онѣ все-таки могли производить промышленныя издѣлія, получая работу на домъ, и такимъ образомъ, возникъ обычай имѣть работниковъ внѣ собственной мастерской [1]). Въ XV вѣкѣ уже въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ (въ итальянскихъ городахъ еще раньше) встрѣчаются женщины, въ особенности въ шерстяномъ, льняномъ, перчаточномъ промыслѣ, которыя берутъ на домъ работу [2]). Вмѣстѣ съ женщинами работали и дѣти въ кустарной промышленности, и эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда въ кустарномъ производствѣ XVII—XVIII ст. едва ли не превышала по своимъ размѣрамъ ту эксплоатацію, которую мы находимъ въ первой половинѣ XIX вѣка, въ первую эпоху развитія фабричной промышленности. Англія, Франція, Германія, Нидерланды конкуррируютъ другъ съ другомъ въ примѣненіи женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ отрасляхъ текстильной промышленности [3]).

Наконецъ, къ цеховымъ мастерамъ, иностранцамъ, женщинамъ, дѣтямъ присоединяются и солдаты (Страсбургъ, Берлинъ, Австрія) [4]), бродяги и всевозможные сомнительные элементы, которые готовы работать за какую угодно плату, лишь бы не умереть съ голоду.

Однако, наиболѣе важную роль въ кустарной промышленности играетъ не городское, а сельское населеніе, среди котораго опять-таки преобладаютъ женщины; кустарная промышленность во многихъ случаяхъ возникла въ селахъ изъ работы для домашнихъ потребностей, а оттуда уже перешла въ города. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она впервые появилась въ городахъ, она распространяется впослѣдствіи и въ окрестныхъ селахъ; и въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ кустарная промышленность получила значительное развитіе, сельскіе жители составляли главный контингентъ рабочихъ. Льняная промышленность Констанца, Аугсбурга и Равенсбурга и хлопчатобумажная промышлен-

[1]) Stieda Hausindustrie, p. 120—121.

[2]) Stieda. Hausindustrie p. 122 — 4. Doren. Florentiner Wollengewerbe. p. 278. См. Jaurès. La Constituante. p. 75—6.

[3]) См. объ этомъ томъ второй „Эволюціи прибыли“.

[4]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 549. Umrisse und Untersuchungen. p. 556. Kleingewerbe. p. 450. Beer, Studien. p. 61, 115. Max Adler. p. 68—69.

ность Ульма, которыя еще въ концѣ среднихъ вѣковъ приняли форму кустарнаго производства, покоились главнымъ образомъ на работѣ жителей окрестныхъ селъ, привозившихъ свои издѣлія въ городъ для осмотра и штемпелеванія и сбывавшихъ ихъ городскимъ купцамъ [1]). Подобнымъ же образомъ и во Флоренціи, Венеціи, Комо въ средніе вѣка часть работы, въ особенности пряденье сукна, производилась въ селахъ [2]).

Въ періодъ развитія кустарной промышленности, въ XVI—XVIII ст. едва ли не наиболѣе важную роль въ промышленности играло шерстяное производство въ Англіи. Та борьба, которая повсюду происходила между городскими цехами и сельскими кустарями, особенно ярко отражается въ англійскомъ законодательствѣ относительно шерстяной промышленности; шагъ за шагомъ сельская промышленность отвоевываетъ себѣ все большее и большее поле дѣятельности, и въ концѣ концовъ она достигаетъ равноправія съ городской промышленностью. Во второй половинѣ XV, а еще болѣе въ XVI вѣкѣ въ Англіи распространяется въ селахъ не только пряденье, но и ткачество шерсти, а затѣмъ и другія операціи по производству сукна, причемъ это производство является подсобнымъ промысломъ сельскихъ жителей, которымъ они занимаются рядомъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Владѣя обыкновенно коттеджомъ и клочкомъ земли, эти кустари удовлетворялись гораздо болѣе низкой платой, чѣмъ городскіе жители, и представляли собою опасныхъ конкуррентовъ для послѣднихъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка появляется рядъ законовъ, которыми запрещается производство сукна въ селахъ. Однако, уже законъ 1555 года допускаетъ изготовленіе его въ селахъ со слѣдующими ограниченіями: во 1-хъ, ни одинъ сельскій ткачъ шерстяныхъ матерій не долженъ держать у себя болѣе двухъ станковъ или извлекать какую бы то ни было выгоду болѣе чѣмъ отъ двухъ станковъ; во 2-хъ, сельскій ткачъ не можетъ держать болѣе двухъ учениковъ; въ 3-хъ, ни одинъ суконщикъ-предприниматель

[1]) Schulte. p. 115—119, 128. Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. p. 147 и сл. Gothein. I, p. 522 и сл.

[2]) Schulte. p. 581 и сл. Doren. p. 248 и сл.

(clothier), живущій внѣ сити или мѣстечка или рыночнаго города, не можетъ имѣть въ своемъ домѣ болѣе одного станка, а равно не вправѣ отдавать въ наемъ станки или дома, гдѣ эти станки поставлены, и наконецъ, въ 4-хъ, лицамъ, которыя до сихъ поръ не занимались этимъ дѣломъ, запрещается „выдѣлывать или ткать или заставлять другихъ выдѣлывать или ткать шерстяныя сукна“ внѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сукно производилось за послѣднія десять лѣтъ. Что касается первыхъ трехъ пунктовъ, то они хотя и ставятъ сельское ткачество въ худшее положеніе, сравнительно съ городскимъ, но все-таки не настолько стѣснительны, чтобы могли мѣшать его дальнѣйшему развитію. Четвертый же пунктъ лишь на первый взглядъ кажется крайне неудобнымъ для сельской промышленности; въ дѣйствительности онъ однако нисколько не препятствовалъ заниматься суконнымъ промысломъ въ селахъ ни тѣмъ лицамъ, которыя до сихъ поръ имъ занимались, ибо имъ разрѣшается селиться повсюду, ни тѣмъ, которыя вновь берутся за этотъ промыселъ. Для послѣднихъ установлено лишь одно ограниченіе, чтобы они не селились тамъ, гдѣ эта промышленность возникла лишь недавно, гдѣ она существуетъ менѣе десяти лѣтъ; всѣ же остальныя лица могутъ заниматься суконнымъ промысломъ и въ этихъ мѣстностяхъ. Горзадо опаснѣе для сельской кустарной промышленности былъ бы законъ, изданный два года спустя, если бы онъ былъ осуществленъ на практикѣ. Именно, законъ 1557 года вовсе запрещалъ сельскую промышленность и допускалъ исключеніе лишь въ пользу тѣхъ лицъ, которыя уже ранѣе, до изданія этого закона, занимались суконнымъ промысломъ; дальнѣйшее развитіе сельскаго ткачества становилось такимъ образомъ невозможнымъ. Однако, уже годъ спустя было сдѣлано исключеніе для графствъ Эссекса и Серрей, а въ 1576 году и для графствъ Сомерсета, Уильтса, Глочестера и нѣкоторыхъ другихъ, такъ что въ результатѣ занятіе суконнымъ промысломъ въ селахъ было допущено во всей южной и средней Англіи и во всякомъ случаѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ уже успѣлъ распространиться и пріобрѣсти извѣстное значеніе. Въ теченіе XVII вѣка уже не дѣлалось никакихъ попытокъ къ ограниченію сельской кустарной промышлености, а къ концу этого вѣка, въ

1694 году былъ даже изданъ законъ, который отмѣнялъ установленныя въ XVI вѣкѣ для сельскихъ ткачей ограниченія числа учениковъ, такъ что законодательство стало даже поощрять распространеніе суконной промышленности въ селахъ [1]).

Внѣ городовъ, въ селахъ развивались и другія отрасли англійской кустарной промышленности. Таково производство чулокъ и шапокъ, которое одновременно съ суконной промышленностью приняло форму домашней промышленности и стало развиваться въ сельскихъ округахъ [2]). Таково и производство металлическихъ издѣлій. Въ Вестъ-Бромвичѣ, главномъ центрѣ производства металлическихъ товаровъ, рабочіе занимались земледѣліемъ въ качествѣ подспорнаго промысла. Шеффильдскіе ножевщики, жившіе въ окрестностяхъ города, имѣли свои участки земли и занимались сельскимъ хозяйствомъ [3]).

Во Франціи лишь въ 1762 году была допущена полная свобода производства промышленныхъ издѣлій въ селахъ; разрѣшалось производство издѣлій изъ льна, конопли, шерсти, хлопка, шелка, а также выдѣлка чулокъ и шапокъ. Однако, эдиктъ 1762 г. призналъ только то, что уже ранѣе совершилось на практикѣ. Всѣ упоминаемыя въ эдиктѣ отрасли производства существовали въ селахъ уже въ началѣ XVIII вѣка; мало того, и въ XVII вѣкѣ, когда при Кольберѣ вводились централизованныя мануфактурныя заведенія, кустарная промышленность въ селахъ была явленіемъ очень распространеннымъ. Такъ, кружева и чулки производились сельскими жителями и сбывались скупщикамъ или скупщицамъ. Подобнымъ же образомъ и сельское ткачество было довольно развито, причемъ сельскіе ткачи, „составляя нѣчто среднее между крупными мануфактуристами и городскими ремесленниками, все-таки болѣе приближались по своему положенію къ послѣдней категоріи: они работали по-

[1]) Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce. I. p. 518 и сл. Эшли. ч. II, гл. 3. Dechesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre. Paris. 1900. p. 26 и сл. 54 и сл. Lohmann, Кар. II. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siécle. Paris. 1906. p. 26 и сл. 40 и сл.

[2]) Lohmann. l. c. p. 10.

[3]) Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма, стр. 33.

штучно, вмѣстѣ съ семействомъ и однимъ-двумя учениками, а нерѣдко и безъ нихъ, одновременно занимаясь и сельскимъ хозяйствомъ. Большинство изъ нихъ работало на другихъ, т.-е. скупщиковъ, нѣкоторые же сами являлись скупщиками, закупая издѣлія у своихъ сосѣдей, причемъ однако продолжали попрежнему и производство товаровъ. Точно такъ же и привилегированныя мануфактуры не только занимались изготовленіемъ товаровъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ, въ мастерскихъ, но обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ давали заказы сельскимъ жителямъ на домъ. Количество послѣднихъ часто значительно превышало число рабочихъ, занятыхъ въ зданіи мануфактуры [1]). Какъ указываетъ Жерменъ Мартенъ, мелкіе мастера-кустари были (во времена Кольбера) въ сельскихъ мѣстностяхъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ городахъ, ихъ можно было найти даже въ наиболѣе дикихъ краяхъ Бретани и Жеводана. „Въ Лангедокѣ повсюду, гдѣ имѣется вода, жители разводятъ луга и пріобрѣтаютъ овецъ; женщины и дѣти прядутъ шерсть, которую мужчины ткутъ, а затѣмъ сбываютъ на ближайшемъ рынкѣ. Въ нижней Пикардіи ткачи одновременно съ этимъ обрабатываютъ и землю, почему производство холста продолжается не болѣе 8—9 мѣсяцевъ въ году“ [2]). Еще болѣе увеличилось количество сельскихъ кустарей въ XVIII вѣкѣ: какъ въ Англіи, такъ и здѣсь оно являлось для скупщиковъ прекраснымъ средствомъ для пониженія платы, ибо сельскіе жители довольствовались гораздо меньшей платой, чѣмъ горожане, для которыхъ промыселъ составлялъ единственный источникъ заработка. Въ окрестностяхъ города Легль насчитывалось не менѣе 25 мѣстностей, гдѣ было распространено производство булавокъ и другихъ металлическихъ издѣлій. Это были все мелкіе промышленники, владѣвшіе обыкновенно домомъ, работавшіе вмѣстѣ съ семьей и довольствовавшіеся очень незначительной поштучной платой [3]). Въ Пуату ткачество было разбросано по всей провинціи по селамъ, деревнямъ, мѣстечкамъ, фер-

---

[1]) Levasseur. T. II, p. 246—57, 394 и сл. 584 и сл., 684 и сл.

[2]) Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 17. La grande industrie sous Louis XV. p. 233—235

[3]) Levasseur. T. II. p. 763—74.

мамъ и мызамъ. Лишь въ нѣсколькихъ городахъ существовали централизованныя мануфактуры, но и въ этихъ случаяхъ жители окрестныхъ селъ работали на городскихъ предпринимателей. Въ большинствѣ случаевъ они занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и сельскимъ хозяйствомъ [1]). Хлопчатобумажное производство Эльзаса также приняло форму сельской кустарной промышленности. И пряденье, и ткачество соединялось съ земледѣліемъ и производилось въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время. При помощи посредниковъ—нѣмцевъ и швейцарцевъ предприниматель раздавалъ матеріалъ сельскимъ жителямъ и платилъ имъ за работу поштучно. Такъ какъ пряденье льна и пеньки и ранѣе производилось въ селахъ Эльзаса, то хлопчатобумажная промышленность привилась здѣсь очень скоро [2]). Въ концѣ XVIII вѣка во Франціи мастера и купцы составляли въ Лаонне (75 селъ) 26,7 проц. населенія, въ Шатильонѣ въ Бургундіи (112 селъ) 23,7 проц. и въ Тулузенѣ (146 селъ) 19,4 проц. Въ Лаоне изъ 1434 мастеровъ и торговцевъ $^1/_{10}$ имѣла болѣе 30 дес. (arpents) земли, 691—отъ 1—10 дес. и 379 чел. владѣли однимъ только домомъ, но земли не имѣли; это были обыкновенно очень мелкіе земледѣльцы, поскольку они занимались земледѣліемъ, и во всякомъ случаѣ очень мелкіе промышленники, работавшіе либо по заказу городскаго скупщика, либо на мѣстныхъ жителей [3]).

И въ Пруссіи сельскіе промыслы не сразу добились признанія ихъ правительствомъ. Хотя и здѣсь, какъ и въ Англіи, въ періодъ переполненія городскихъ ремеслъ, въ XVI и особенно въ XVII ст. городскіе ремесленники стали въ большомъ количествѣ уходить въ деревню, но государство придерживалось прежняго принципа, на основаніи котораго въ округѣ города на разстояніи нѣсколькихъ миль не дозволялось селиться ремесленникамъ. Впрочемъ, нѣкоторыя ремесла и въ ограниченномъ числѣ могли и здѣсь селиться и, кромѣ того, исключенія допускались въ пользу тѣхъ ремесленниковъ, которые жили тамъ уже въ теченіе

---

[1]) Boissonade. T. II. p. 141.

[2]) Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter. Strassburg. 1887, p. 27—30.

[3]) Levasseur. T. II, p. 771.

нѣсколькихъ лѣтъ: въ 1550 году признается право портныхъ, плотниковъ, колесниковъ и ткачей жить по селамъ, „гдѣ такъ повелось издавна“. Послѣднее было подтверждено Фридрихомъ-Вильгельмомъ, причемъ однако было запрещено на будущее время увеличивать установленное число ткачей, кузнецовъ и портныхъ по селамъ. Сельскіе жители могли ткать только холстъ и полушерстяную одноцвѣтную матерію невысокаго качества; вслѣдствіе жалобъ городскихъ цеховъ и это право старались всячески ограничить. И статутъ 1718 года еще сильно стѣснялъ развитіе кустарной промышленности въ селахъ, допуская лишь извѣстное количество мастеровъ въ каждомъ селѣ. „Но на практикѣ оказалось,—говоритъ Молчановскій—что воспрещеніе ткачамъ и прядильщикамъ жить по селамъ вредитъ самимъ городскимъ мануфактурамъ, для которыхъ недостаетъ пряжи, почему уже въ 1729 году рѣшено было допустить въ селахъ неограниченное число этихъ ремесленниковъ (кустарей), исключая, впрочемъ, тѣхъ, которые раньше жили въ городахъ, такъ какъ переселеніе изъ города въ село ни въ какомъ случаѣ не допускалось“. А въ 1787 году къ этому было прибавлено, что всѣ ремесленники, поселившіеся въ селахъ до этого времени, хотя и противозаконно, могутъ пожизненно продолжать свою профессію [1]).

Такимъ образомъ, прусское правительство вынуждено было примириться съ развивающейся въ селахъ промышленностью и не въ состояніи было провести свои запреты со всей строгостью. Въ концѣ XVIII вѣка въ Помераніи и Бранденбургѣ сельское ткачество льняныхъ издѣлій было столь же распространено какъ и городское, въ Магдебургѣ число сельскихъ ткачей было втрое больше числа городскихъ, а въ Минденѣ-Равенсбургѣ оно было даже въ шесть разъ больше. Однако и ранѣе, уже съ конца XVII вѣка правительство вынуждено было дѣлать послабленія иностраннымъ предпринимателямъ, на которыхъ и здѣсь, какъ и во Франціи, въ большомъ количествѣ работали сельскіе жители [2]).

---

[1]) Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи въ XVIII ст., стр. 54—87.

[2]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. Jahrbuch. B. XI, p. 808. 826.

Но особенно рѣзко нарушался господствующій принципъ въ Силезіи; льняная промышленность Силезіи, которая въ XVII—XVIII ст. имѣла большое значеніе, сбывая свои произведенія во всѣ европейскія страны, возникла въ селахъ, разбросанныхъ среди Исполинскихъ горъ, и развивалась исключительно въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ городахъ жили только скупщики и сюда сельскіе ткачи привозили свои издѣлія. Во многихъ случаяхъ выдѣлка полотна являлась лишь побочнымъ занятіемъ, которымъ жители занимались только въ зимнее время; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли было мало, крестьяне занимались ткацкимъ промысломъ въ теченіе всего года [1]).

Лампрехтъ указываетъ на то, что въ Германіи вообще кустарная промышленность распространялась преимущественно въ мало-плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата была низка и сельское населеніе имѣло въ теченіе продолжительной зимы много свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій времени. Здѣсь-то скупщики старались вызвать къ жизни промыслы, для которыхъ достаточно было этого свободнаго времени и которые все-таки доставляли бы скупщикамъ большую прибыль. Вслѣдствіе этого, силезскія (Исполинскія) горы, Рудныя горы, Франкенвальдъ, Тюрингервальдъ, вестфальскія горы съ ихъ неплодородными возвышенностями и суровымъ климатомъ стали центрами новой кустарной промышленности. Какъ и въ Шварцвальдѣ, во франконской и швабской Юрѣ, такъ и въ этихъ мѣстностяхъ возникъ вязальный, ткацкій и кружевный промыселъ, производство издѣлій изъ дерева, металла и камня, и эти отрасли промышленности и до сихъ поръ являются характерными для этихъ мѣстностей [2]).

Если мы обратимся къ центрамъ баденской, вюртембергской и саксонской текстильной промышленности — Пфорцгейму, Кальву и Фогтланду, то увидимъ, что и здѣсь основнымъ элементомъ рабочаго населенія были сельскіе жители. Развитіе пфорцгеймской промышленности начинается съ XVI вѣка, со времени возникновенія кустар-

---

[1]) Zimmermann. p. 5 и сл., 60 и слѣд.

[2]) Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. p. 295—6.

ной формы производства, съ тѣхъ поръ, какъ пфорцгеймскіе жители стали давать заказы ткачамъ окружныхъ селъ и сбывать ихъ издѣлія въ другіе города и страны [1]). Подобный же характеръ имѣла съ самаго начала текстильная промышленность Кальва. Кустари, выдѣлывавшіе ткани для компаніи, были разбросаны на сравнительно значительномъ пространствѣ по небольшимъ городамъ и селамъ. Почти третья часть ихъ состояла изъ сельскихъ жителей. Въ XVII вѣкѣ половина кустарей владѣла земельными участками, въ городахъ—около 30 проц., въ селахъ—свыше 80 проц.; въ XVIII вѣкѣ земельные участки имѣло 72 проц. кустарей. Эти участки были большею частью незначительны, хотя въ селахъ они были болѣе крупны, чѣмъ въ городахъ, и сельскіе кустари находились благодаря этому, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ городскіе [2]). Въ саксонскомъ Фогтландѣ пряденье хлопка всегда производилось въ селахъ и въ 1715 году оно было формально разрѣшено подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пряжа доставлялась въ г. Плауенъ и сбывалась мѣстнымъ купцамъ. Этотъ же статутъ запрещалъ однако сельское ткачество. Но въ дѣйствительности и ткачество производилось въ селахъ, такъ что въ 1764 году правительство вынуждено было объявить и этотъ промыселъ свободнымъ: всѣмъ и каждому, мужчинамъ и женщинамъ, горожанамъ и крестьянамъ, членамъ цеха и нецеховымъ мастерамъ, разрѣшалось заниматься этимъ промысломъ. Фогтландъ, т.-е. часть Саксоніи, прилежащая въ Богеміи, Баваріи и Тюрингіи, стала въ XV—XVI ст. промышленной страной; мѣстности, гдѣ жители занимались исключительно земледѣліемъ, встрѣчались крайне рѣдко; села носили такой же промышленный характеръ, какъ и города, разница между ними сглаживалась все болѣе и болѣе [3]).

И въ Швейцаріи вся текстильная промышленность имѣла сельскій характеръ. Въ кантонахъ Цюрихѣ, Аппенцелѣ,

---

[1]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I, p, 552—7, 715—22.

[2]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Jena. 1897, p 257 и слѣд.

[3]) Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. T. II. Die Textil-Industrie. Leipzig. 1884, p. 2—6, 47 и сл. 62—3, 72, 77. Ср. T. I. Die Musikinstrumenten-Industrie.

Санктъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Тургау — повсюду была распространена въ селахъ текстильная промышленность. Издѣлія сбывались въ немногихъ городахъ—въ Цюрихѣ, Альтштетенѣ, Лихтенштейнѣ, въ особенности же въ Санктъ-Галленѣ, который являлся главнымъ рынкомъ сначала для полотна, а впослѣдствіи для бумажныхъ матерій. Хлопчато-бумажныя издѣлія производились первоначально въ самомъ городѣ, но затѣмъ городская промышленность стала вытѣсняться сельской: кантоны Санктъ-Галленъ и Аппенцель выдѣлывали пряжу, къ которой впослѣдствіи присоединился и ткацкій промыселъ; все это сбывалось въ г. Санктъ-Галленѣ. Въ XVII же вѣкѣ была занесена итальянцами въ Санктъ-Галленъ и шелковая промышленность; она вскорѣ распространилась среди сельскаго населенія кантона, а оттуда перешла и къ Фирвальштедтскому озеру [1]). Базельская шелковая, бархатная и позументная промышленность была также занесена гугенотами и итальянцами и, какъ мы видѣли выше, большая часть ткачей состояла изъ иностранцевъ. Уже это вызвало сильную конкурренцію для мѣстныхъ мастеровъ; послѣдняя еще усилилась, когда новая промышленность, стѣсняемая въ городѣ цеховыми статутами, опредѣлявшими максимумъ производства для каждаго скупщика, стала распространяться въ селахъ. „Всячески стѣсняемая цехами—говоритъ Геерингъ—городская промышленность все болѣе и болѣе выселялась въ сельскій полукантонъ (Landschaft Basel), гдѣ было меньше надзора со стороны цеховъ, гдѣ и жизнь была дешевле, ибо сельское хозяйство также доставляло извѣстный доходъ, потребности же были меньше, чѣмъ въ городѣ и расходы могли быть сокращены“ [2]). Цехи старались устранить грозящую имъ опасность, но всѣ ихъ усилія были тщетны, сельская промышленность быстро развивалась. „Такъ какъ въ селахъ жизнь была дешевле,—продолжаетъ тотъ же Геерингъ—то заработная плата могла стоять на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ плата городскихъ цеховыхъ рабочихъ. Это обстоятельство являлось превосходнымъ оружіемъ для скупщиковъ въ ихъ борьбѣ съ городскими цеховыми мастерами: скуп-

[1]) G. Wartmann. Industrie und Handel des Kantons St. Gallen auf Ende 1866. In geschichtlicher Darstellung. St.-Gallen. 1875, p. 91—3, 150—2, 637.

[2]) Geering. p. 593.

щики имѣли всегда возможность понижать плату послѣднимъ, а если они на это не соглашались, то лишать ихъ вовсе работы“ [1]) [2]).

Такимъ образомъ, рабочее населеніе въ области промышленности въ XVI—XVIII ст. значительно возросло, уве-

---

[1]) Geering. p. 599—607.

[2]) Между нашей кустарной промышленностью, съ одной стороны, и кустарной промышленностью Западной Европы, съ другой стороны, проводятъ обыкновенно рѣзкое различіе. Первая возникла непосредственно изъ работы для собственныхъ потребностей, возникла и развивалась въ селахъ, а не въ городахъ. Вторая, наоборотъ, образовалась изъ городского цехового ремесла и распространялась среди сельскаго, а не городского населенія. Для русскаго крестьянина она составляетъ подспорный промыселъ, которымъ онъ занимается рядомъ съ земледѣліемъ, для европейскаго городскаго мастера она была всегда единственнымъ занятіемъ. Въ виду этого, кустарную промышленность Западной Европы обыкновенно называютъ у насъ домашней промышленностью, а не кустарной, ибо отличительнымъ признакомъ послѣдней является сельскій характеръ, характеръ подобнаго промысла. Какъ можно усмотрѣть изъ только что приведенныхъ фактовъ, тотъ признакъ, который выставляютъ въ качествѣ наиболѣе характернаго для Россіи, мы находимъ и въ кустарной промышленности Запада, и нѣтъ основанія придумывать для нея особое названіе, которое способно лишь вводить въ заблужденіе, ибо домашнюю промышленность нерѣдко смѣшиваютъ съ производствомъ предметовъ на дому для надобностей собственнаго хозяйства. Подобно русской промышленности, и кустарная промышленность Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, по крайней мѣрѣ, въ эпоху своего расцвѣта, въ XV—XVIII ст., имѣла сельскій характеръ и являлась побочнымъ занятіемъ для крестьянъ; лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе было мало развито, она была главнымъ и даже исключительнымъ занятіемъ сельскихъ жителей, какъ, впрочемъ, и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Сравнительно съ сельской промышленностью, городская отступаетъ и въ Западной Европѣ на второй планъ, лишь въ XIX вѣкѣ она заняла болѣе важное мѣсто. Однако, не только въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но и въ первоначальномъ возникновеніи кустарная промышленность Запада имѣетъ много общихъ чертъ съ нашей, ибо, какъ мы видѣли выше (стр. 516), зачатки ея, относящіеся еще къ средневѣковому періоду, находятся въ селахъ, а не въ городахъ; да и въ послѣдующія столѣтія, она, подобно русской кустарной промышленности, возникаетъ сначала въ селахъ, и лишь впослѣдствіи къ ней присоединяется новый незнакомый Россіи элементъ—цеховое ремесло въ городахъ, которое также принимаетъ кустарную форму производства.

личилось предложеніе труда и усилилась конкурренція среди рабочихъ. Между тѣмъ спросъ на промышленныя издѣлія возрасталъ не столь быстро и вслѣдствіе этого предложеніе рабочихъ рукъ превышало спросъ на нихъ. Образовалась значительная резервная армія рабочихъ. Въ томъ же Базелѣ въ концѣ XVII вѣка раздавались жалобы на отсутствіе работы. „Купцы сами виноваты въ томъ— говорили мастера—что насъ такое множество; а между тѣмъ они же даютъ намъ мало работы и еще меньшую плату. Прежде мы едва успѣвали производить требуемое ими количество товаровъ, а теперь они не обращаютъ на насъ никакого вниманія и заставляютъ насъ умирать съ голоду, вслѣдствіе безработицы [1]). Кустари, работавшіе на торговую компанію г. Кальва, и при благопріятныхъ условіяхъ рынка имѣли мало работы, а еще менѣе въ періоды застоя, которые повторялись довольно часто. При этомъ наименѣе благопріятными для кустарей мѣсяцами являлись не лѣтніе, когда они находили заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а, наоборотъ, зимніе мѣсяцы, декабрь и январь, когда сбытъ компаніи сокращался и она боялась покупать много товара на складъ [2]).

Въ англійской шерстяной промышленности періоды безработицы были обычнымъ явленіемъ: кустари работали въ теченіе года шесть, максимумъ девять мѣсяцевъ [3]). Уже въ 20-хъ и въ 60-хъ годахъ XVI вѣка происходили волненія изъ-за отсутствія работы. Но особенно сильны они были въ XVII вѣкѣ; кризисъ, который начался въ 1629 г., продолжался въ теченіе цѣлаго десятилѣтія; вызывающее настроеніе голоднаго рабочаго населенія заставило мировыхъ судей потребовать у скупщиковъ, чтобы они обязательно продолжали производство. Но послѣдніе, вслѣдствіе отсутствія сбыта, не въ состояніи были доставлять работу мастерамъ. [4])

---

[1]) Geering. p. 622—623.

[2]) Troeltsch. p. 95—97. 113—117. 202—206.

[3]) Mantoux. p. 50—51.

[4]) Lohmann. p. 17 и сл. Ломанъ (стр. 37) справедливо обращаетъ вниманіе на то, что эти факты (которые, къ сожалѣнію, обыкновенно упускаются изъ виду) свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ

Въ теченіе столѣтія 1689—1791 гг. въ ліонской шелковой промышленности насчитывается 18 кризисовъ, причемъ многіе изъ нихъ продолжаются по нѣскольку лѣтъ, такъ что на каждые пять лѣтъ приходится свыше одного года застоя въ производствѣ. Кризисы охватываютъ и сосѣднія Ліону мѣстности, принимая нерѣдко весьма опасный характеръ; многія тысячи безработныхъ бродятъ голодные по городу, сотни станковъ стоятъ пустыми. Въ 1621 г. изъ 1,698 станковъ не работало 350, т. е. пятая часть, въ 1739 г. также пятая часть (1,771 изъ 8,331), а въ 1788 г. уже свыше одной трети всѣхъ станковъ (5,442 изъ 14,777) стояли пустыми. [1]) Въ Парижѣ въ 1645 г. насчитывалось 76 типографій со 183 печатными станками, изъ коихъ однако не болѣе 80 станковъ находились постоянно въ работѣ; спустя сорокъ лѣтъ число печатныхъ станковъ возросло до 200, но работала всего четвертая часть. Въ Труа въ 1701 г. изъ 25 печатныхъ станковъ болѣе 10 не имѣли никакой работы. Въ одномъ изъ мемуаровъ, относящихся къ 1755 г., указывается на то, что изъ 700—800 парижскихъ рабочихъ печатнаго дѣла (подмастерьевъ—ихъ оффиціальное названіе) половина въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году не находитъ никакой работы. [2]) Въ Марсели въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы число рабочихъ (въ 1771 г.) сократилось съ 200 до 16, въ шляпочномъ промыслѣ оно упало (въ 1789 г.) съ 1,200 до 500, причемъ изъ послѣднихъ 150 человѣкъ не имѣли работы. [3]) Вобанъ утверждаетъ что ткачи, вслѣдствіе періодовъ безработицы, работаютъ въ среднемъ не болѣе 180 дней въ году. [4])

VI

Съ самаго возникновенія кустарной промышленности скупщики старались подчинить кустарей своей власти. Когда въ 1424 году 4 купца заключили договоръ съ лю-

XVI—XVII ст. всякое колебаніе рынка пагубно отражалось на положеніи низшихъ и среднихъ классовъ населенія на протяженіи многихъ графствъ Соединеннаго Королевства.

[1]) Godart. p. 26. 41—50. 206—246.

[2]) Mellottée. Histoire économique de l'imprimerie. T. I. L'imprimerie sous l'ancien régime. Paris. 1905. p. 279. 297. 455.

[3]) Levasseur. T. II. p. 778.

[4]) Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. p. 317.

бекскимъ янтарнымъ цехомъ, который состоялъ изъ 12 мастеровъ, эти послѣдніе обязались поставлять имъ весь товаръ, который будетъ изготовленъ ими въ ближайшіе два года. Если бы у нихъ оказались сверхъ этого продукты, то они должны быть сбыты на мѣстномъ рынкѣ, но не могутъ быть вывезены въ другіе города, ни въ Венецію или Нюрнбергъ, ни во Франкфуртъ или Кельнъ. Аугсбургскій купецъ Оттъ Руландъ даетъ заказы мастерамъ янтарнаго цеха въ Вѣнѣ и Зальцбургѣ въ 1449—1453 гг. Онъ какъ бы беретъ ихъ къ себѣ на службу на извѣстное время, и требуетъ, чтобы всѣ изготовляемые ими въ теченіе этого времени товары поступали къ нему; онъ даетъ имъ задатокъ впередъ и ремесленники обязуются не работать ни на кого другого кромѣ него, словомъ онъ всячески старается привести ихъ въ зависимость отъ себя [1]).

Еще сильнѣе ограниченія, установленныя для мастеровъ въ итальянскихъ городахъ въ XV вѣкѣ. Здѣсь они имѣютъ не временный характеръ, какъ въ Германіи, а постоянный, ибо въ Италіи ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность, тогда какъ въ ганзейскихъ городахъ въ XV вѣкѣ еще не было постоянной организаціи скупщиковъ; подобные заказы являлись еще исключеніемъ. Въ Венеціи существовало постановленіе, по которому купецъ не могъ быть одновременно и ткачемъ, а ткачъ не могъ заниматься торговлей. Въ 1422 году оно было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ткачамъ шелковыхъ матерій, которые самостоятельно сбываютъ свои продукты, запрещалось работать на скупщиковъ или частныхъ лицъ; они не могли также держать учениковъ и подмастерьевъ, а должны были работать одни или при содѣйствіи членовъ семьи; кромѣ того, они обязаны были вступить въ цехъ въ качествѣ купцовъ. Иначе говоря, статутъ 1422 года различаетъ уже не купцовъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ, а скупщиковъ и кустарей: производить товары и сбывать ихъ самостоятельно, не имѣя права ни держать учениковъ и подмастерьевъ, ни работать по заказу частныхъ лицъ было для мастеровъ совершенно невозможно, воспользоваться этимъ постановле-

[1]) Stieda. Deutsche Hausindustrie. p. 117, 119.

ніемъ могли только скупщики, которые дѣйствительно занимались однимъ только сбытомъ; мастера же, работавшіе на скупщиковъ, лишались по этому статуту права сбыта своихъ издѣлій помимо скупщиковъ [1]). Подобное же постановленіе было издано въ Генуѣ въ 1432 году. Въ этомъ году былъ учрежденъ цехъ скупщиковъ шелковыхъ издѣлій. Статутомъ этого цеха устанавливалось, что впредь мастерамъ дозволяется работать лишь на скупщиковъ. Указывалось на утайку матеріала со стороны мастеровъ; путемъ запрещенія работы для другихъ лицъ это злоупотребленіе будетъ устранено. Вслѣдствіе этого, и здѣсь ткачи, производившіе ранѣе издѣлія изъ собственнаго шелка или полученнаго отъ частныхъ лицъ, лишались, какъ самостоятельнаго сбыта товаровъ, такъ и работы по заказу потребителя, т.-е. всецѣло отдавались въ руки скупщиковъ [2]). Пизанскій статутъ 1305 г. запрещаетъ рабочимъ въ области шерстяной промышленности исполнять заказы кого бы то ни было кромѣ мастеровъ, съ которыми они вошли въ соглашеніе и отъ которыхъ получили задатки [3]).

Точно также во флорентинской шерстяной промышленности уже въ XIV вѣкѣ было запрещено кустарямъ, въ особенности ткачамъ, которые составляли важнѣйшую часть рабочихъ, работать для кого бы то ни было помимо лицъ, входящихъ въ составъ цеха скупщиковъ; ткачи не могутъ ни работать на собственный счетъ, ни обрабатывать матеріалъ, полученный отъ другихъ лицъ, не принадлежащихъ къ цеху. Не только матеріалъ мастеръ получалъ отъ скупщика, но нерѣдко и инструменты, именно ткацкій станокъ; онъ обязывался отработать за полученный станокъ, а дотѣхъ поръ—никому не продавать и не отдавать его на прокатъ, и по требованію скупщика, который остается собственникомъ станка, возвратить его во всякое время. Результатомъ этого являлось то, что въ случаѣ какихъ-либо недо-

---

[1]) Broglio d'Ajano. Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters. p. 49.

[2]) Sieveking. Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrhundert. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. B. XXI. 1897. p. 106. 110—111.

[3]) Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. III. стр. 129.

разумѣній между скупщикомъ и кустаремъ, если послѣдній, напр., отказывался работать за установленную скупщикомъ плату, онъ лишался необходимаго ему орудія производства, которое просто отнималось у него скупщикомъ, а слѣдовательно лишался и возможности продолжать производство. Не лучше было положеніе кустаря и въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ ткацкимъ станкомъ, но вынужденъ былъ заложить или продать его скупщику, чтобы получить сразу какую-либо сумму на собственное пропитаніе; и въ этомъ случаѣ скупщикъ могъ въ любое время потребовать у него станокъ и оставить его безъ работы. Вслѣдствіе этого—говоритъ Доренъ—„имѣя собственное хозяйство и работая у себя на дому, ткачъ все-таки является рабочимъ вполнѣ зависимымъ отъ того или другого капиталиста; юридически онъ вправѣ продать свою рабочую силу любому скупщику, но фактически онъ потерялъ свою свободу“ [1]) [2]).

Въ 1667 году въ ліонской шелковой промышленности торговцы шелковыми издѣліями были приняты въ составъ ткацкаго цеха и этимъ добились равноправія съ мастерами, производившими шелковыя матеріи, бархатъ, парчу и т. п. Однако, этимъ скупщики не удовлетворились. Въ тотъ же статутъ 1667 года были внесены постановленія, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьевъ и совершенно отдавались во власть мастеровъ-скупщиковъ. „Регламентомъ 1667 года—говоритъ Годаръ—мастера, работающіе на скупщика, приравнивались къ подмастерьямъ: какъ и послѣдніе, они лишались права отказываться

---

[1]) Doren. Die Florentiner Tuchindustrie vom vierzehnten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart. 1901. p. 260. 264—270.

[2]) Изъ опубликованныхъ Эспинасомъ (Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgesch. B. II. p. 88—90.) документовъ, относящихся къ промышленной дѣятельности суконщика г. Дуэ (во Фландріи) Jehan Boine Broke (начала XIV вѣка) можно усмотрѣть, что работавшіе на него мастера находились въ полной зависимости отъ него не только вслѣдствіе полученной впередъ платы, но и по той причинѣ, что они вынуждены были жить въ принадлежащихъ ему домахъ—они всегда были у него въ долгу за квартиру и онъ имѣлъ возможность въ любое время не только лишить ихъ работы, но и выселить изъ своего дома.

отъ работы на скупщика, не предупредивъ его объ этомъ мѣсяцомъ раньше, не окончивъ начатой работы и не возвративъ полученнаго задатка. Послѣднее могъ сдѣлать за мастера, въ случаѣ его несостоятельности, новый скупщикъ, который ему давалъ заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который бы согласился на это, и мастеръ-кустарь рисковалъ остаться въ теченіе продолжительнаго времени безъ работы; выбирая изъ двухъ золъ меньшее, онъ продолжалъ работать на того же скупщика даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Тотъ же статутъ содержалъ слѣдующее постановленіе: мастеръ, который даетъ работу другому мастеру, подвергается штрафу въ 60 ливровъ, если онъ не удостовѣрился въ томъ, остался ли этимъ мастеромъ доволенъ тотъ, на котораго онъ раньше работалъ. „Такимъ образомъ—жаловались мастера—стоитъ только, чтобы мастеръ-производитель не понравился скупщику, на котораго онъ работаетъ, и онъ лишается работы на продолжительное время; мастеръ никогда не можетъ разсчитывать получить заработокъ, если онъ не умѣетъ покорностью и низкопоклонничествомъ добиться милости у своего хозяина“. Уже въ 1667 году, слѣдовательно, мастера находились во власти скупщиковъ. Мастеру оставался одинъ только исходъ—сбывать товары на собственный счетъ въ томъ случаѣ, когда онъ не сумѣлъ поладить со скупщикомъ и не получилъ отъ него соотвѣтствующаго свидѣтельства; когда онъ былъ въ долгу у скупщика, онъ конечно не имѣлъ и этого выхода. Но и правомъ производства на собственный счетъ мастеръ-производитель обладалъ не долго: мастера-скупщики всячески старались лишить его этого права. Въ 1707 году мастера были раздѣлены на два класса: на лицъ, работающихъ за собственный счетъ или заказывающихъ работу другимъ, и лицъ, работающихъ исключительно на другихъ и не пользующихся правомъ самостоятельнаго сбыта товаровъ. Для того, чтобы войти въ число первыхъ, надо было уплатить сначала двѣнадцать, а четыре года спустя уже триста ливровъ,—сумму огромную для того времени; малосостоятельные мастера-производители совершенно не въ состояніи были добыть такую массу денегъ. А статутъ 1712 года различаетъ уже три категоріи, именно: мастеровъ-скупщиковъ, которые сами не

вправѣ производить товаровъ, мастеровъ, работающихъ на собственный счетъ, и наконецъ, мастеровъ-кустарей. Первыхъ насчитывалось 200 человѣкъ; количество самостоятельныхъ мастеровъ—говорится въ статутѣ—колеблется изо-дня въ день, ибо какъ только наступаютъ какія-либо невыгодныя для нихъ обстоятельства, они сейчасъ же становятся кустарями. Послѣднихъ, наконецъ, 3—4 тысячи, такъ что на каждаго скупщика приходится около 15—20 человѣкъ, нѣкоторые же изъ нихъ даютъ заказы цѣлой сотнѣ рабочихъ. Какъ мы видимъ, скупщикамъ удалось, и сократить конкурренцію въ своей средѣ, и подчинить себѣ мастеровъ-ткачей, которые первоначально были равноправны и даже пользовались извѣстными преимуществами предъ ними. Въ статутѣ 1744 года встрѣчаются тѣ же три категоріи членовъ цеха, но для первой категоріи—для скупщиковъ, вступительный взносъ увеличенъ съ 300 до 800 ливр., а для второй—для самостоятельныхъ мастеровъ, онъ установленъ въ 200 ливр.; при этомъ послѣдніе не могутъ имѣть болѣе двухъ ткацкихъ станковъ. Это были новыя ограниченія для мастеровъ, которыя еще болѣе усилили монополію скупщиковъ: 800 ливровъ была такая крупная сумма, которая преграждала доступъ въ среду скупщиковъ, а взносъ въ размѣрѣ 200 ливр. лишалъ кустарей возможности перейти въ категорію самостоятельныхъ мастеровъ; впрочемъ, невозможность держать болѣе двухъ станковъ была столь невыгодна (кустари имѣли обыкновенно 4 станка), что отнимала всякую охоту стать самостоятельнымъ мастеромъ. Что касается остальныхъ мѣръ закрѣпощенія кустарей, то лишь право не отпускать рабочаго до возвращенія полученнаго задатка или уплаты его новымъ хозяиномъ кустаря, было нѣсколько ограничено. Задатокъ, который могъ получать мастеръ, былъ ограниченъ сначала 300, а затѣмъ 500 ливр., и кромѣ того скупщикъ могъ удержать за долги не болѣе $^1/_8$ заработной платы. Аттестаты же, выдаваемые скупщиками, несмотря на протестъ рабочихъ, сохранились и впослѣдствіи. Съ 1702 года существовало еще одно постановленіе въ угоду предпринимателямъ и въ ущербъ рабочимъ: мастеръ не можетъ одновременно работать на двухъ скупщиковъ безъ письменно выраженнаго согласія того скупщика, отъ котораго онъ получилъ раньше заказъ, причемъ не указано, что должно произойти въ слу-

чаѣ отказа выдать такое разрѣшеніе. Въ 1744 году это постановленіе подтверждается вновь [1]).

Въ Ліонѣ скупщики достигаютъ того, что кустари лишаются возможности самостоятельно сбывать свои издѣлія на рынкѣ. Борьбы изъ за права кустарей сбывать произведенныя ими ткани другимъ скупщикамъ, не входящимъ въ составъ цеха, мы въ Ліонѣ не замѣчаемъ. Да ея и не могло быть, ибо съ начала XVII вѣка былъ провозглашенъ принципъ, по которому торговать шелковыми тканями могли только лица, принадлежащія къ цеху ткачей. Поэтому-то купцы и были приняты въ составъ цеха въ 1667 году. Иное дѣло въ Германіи. Здѣсь мы находимъ обыкновенно не одну корпорацію, а двѣ: скупщики не только фактически, но и формально вполнѣ отдѣлились отъ рабочихъ. Поэтому здѣсь для достиженія монопольнаго положенія, для возможности надлежащей эксплоатаціи кустарей-рабочихъ, имъ необходимо было не только стѣснить доступъ въ свою среду и воспрепятствовать кустарямъ самостоятельно сбывать произведенные ими продукты, но и заставить ихъ сбывать свои издѣлія исключительно данной корпораціи скупщиковъ, а не какимъ-либо инымъ организаціямъ скупщиковъ или отдѣльнымъ купцамъ помимо данной корпораціи.

Въ Германіи скупщики дѣйствительно добиваются этого права вездѣ и и повсюду. Постановленіе относительно запрещенія сбыта товаровъ, помимо корпораціи скупщиковъ, мы встрѣчаемъ въ игрушечномъ производствѣ Мейнингена, гдѣ купцы составляютъ организацію, состоящую изъ 26 поименно указанныхъ фирмъ Зоннеберга и 4 фирмъ, находящихся въ окрестныхъ селахъ, и гдѣ они обладаютъ исключительной монополіей сбыта всѣхъ произведенныхъ кустарями издѣлій; они руководствуются принципомъ свободной конкурренціи для рабочихъ и принципомъ монополіи для купцовъ [2]). Мы встрѣчаемъ его и въ чулочномъ производствѣ Апольды и Эрлангена (Баварія): мастеръ можетъ войти въ составъ корпораціи скупщиковъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ состояніи давать заказы на 12 станковъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ сбывать собственныя издѣ-

[1]) Godart. L'ouvrier en soie. T. I. p. 89—92. 180—184. 187—190.
[2]) Sax. Hausindustrie in Thüringen. B. I. p. 12—15.

лія лишь обладая такимъ имуществомъ, которое давало бы ему возможность держать на складѣ между одной ярмаркой и другой 20—40 дюжинъ чулокъ [1]). Если же мастеръ не удовлетворяетъ ни тому, ни другому условію (что было наиболѣе частымъ явленіемъ, ибо для выполненія этихъ условій требовался значительный капиталъ), то онъ можетъ работать на скупщиковъ и притомъ исключительно для мѣстной корпораціи ихъ. Мы встрѣчаемъ это постановленіе далѣе въ Моравіи, гдѣ основанная въ 1592 году компанія суконщиковъ не допускаетъ продажи произведенныхъ кустарями издѣлій другимъ лицамъ [2]); въ Эльзасѣ, гдѣ нѣсколько купцовъ обладаютъ привилегіей исключительнаго сбыта ситцевыхъ или полуситцевыхъ матерій, изготовляемыхъ въ Маркирхѣ и Зиренцѣ и на всемъ пространствѣ между Страсбургомъ и горами, отдѣляющими Франшконте отъ Эльзаса [3]); наконецъ, въ Саксоніи и Вюртембергѣ.

Въ 1764 году въ саксонскомъ Фогтландѣ установлена, съ одной стороны, обязанность скупщиковъ принимать весь произведенный кустарями продуктъ (въ другихъ мѣстахъ этого постановленія, какъ мы увидимъ ниже, не существовало), а съ другой стороны—обязанность прядильщиковъ и ткачей сбывать всѣ свои произведенія корпораціи скупщиковъ: они не могутъ ни продавать ихъ другимъ скупщикамъ, ни самостоятельно торговать ими. Корпорація мѣстныхъ скупщиковъ обладала, слѣдовательно, монополіей въ области сбыта бумажныхъ издѣлій, а для того, чтобы въ составъ этой корпораціи не могли войти ни кустари, ни посторонніе купцы, было установлено (еще въ 1618 году), что только жители г. Плауена могутъ торговать бумажными издѣліями, а въ статутѣ 1663 года прибавлено, что въ корпорацію скупщиковъ принимаются (какъ и въ чулочномъ производствѣ Эрлангена и Апольды) только тѣ лица, которыя въ состояніи держать, въ случаѣ необходимости, извѣстное количество товаровъ у себя на складѣ и доставлять на лейпцигскую ярмарку для продажи не менѣе 600 штукъ товара. Въ 1715 году это послѣднее

---

[1]) Schanz. Industrie und Kolonisation in Franken. B. II. p. 188. 272.

[2]) Werner. Urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft. Leipzig. 1861. p. 64 и сл.

[3]) Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie, p. 26—27.

требованіе было замѣнено другимъ: для вступленія въ корпорацію купцовъ необходимо обладать имуществомъ въ размѣрѣ 100 гульденовъ, впослѣдствіи (съ 50-хъ годовъ) въ размѣрѣ 500—600 талеровъ. а съ 1764 года уплатить кромѣ того и вступительный взносъ въ 50 талеровъ [1]).

Купцамъ г. Кальва (Вюртембергъ) уже въ концѣ XVI вѣка удалось вытѣснить иностранныхъ предпринимателей и занять преобладающее положеніе въ этой мѣстности. Преимущество среди нихъ принадлежало тѣмъ, которые одновременно съ торговлей занимались и красильнымъ промысломъ, ибо, какъ мы видѣли выше, изъ красильщиковъ вышли первые скупщики. Но при установленіи заработной платы кустарей красильщики вступили въ соглашеніе съ прочими купцами для устраненія конкурренціи на рынкѣ труда. Вскорѣ, именно въ началѣ XVII вѣка, имъ удалось добиться и другой выгоды, лишить мастеровъ права заниматься красильнымъ промысломъ. Такъ какъ на ярмарки доставлялись только крашеныя матеріи, то мастера очевидно находились отнынѣ въ зависимости отъ скупщиковъ-красильщиковъ, которымъ вынуждены были сбывать всѣ свои издѣлія: сами они не имѣли болѣе возможности торговать своими издѣліями. Такимъ образомъ, уже въ первой половинѣ XVII вѣка власть скупщиковъ надъ кустарями была значительна, но еще болѣе она усилилась начиная съ 1650 года, когда была основана корпорація скупщиковъ, которая представляла собою полное товарищество, хотя и называлась до 1665 года красильнымъ цехомъ. Съ этихъ поръ монопольное положеніе корпораціи скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Прежде всего она пріобрѣла исключительное право торговли всѣми тѣми сортами матеріи, которыя являлись наиболѣе ходячими на рынкѣ; другимъ купцамъ Вюртемберга и мастерамъ была запрещена торговля этими издѣліями. Далѣе, кустари, производившіе матерію, были лишены права входить въ сношенія съ красильщиками. не принадлежащими къ компаніи скупщиковъ г. Кальва, имъ было запрещено сбывать свои издѣлія другимъ купцамъ, проживающимъ въ этой мѣстности; наконецъ, ихъ право сбыта собственныхъ произведеній всячески сокращалось, пока оно

[1]) Bein. B. II. Textilindustrie. p. 41—48. 62. 74—79.

не было совершенно уничтожено въ 1658 году. Кустари были обязаны предлагать всѣ свои издѣлія компаніи и лишь тѣ, которыя она отказалась принять, они могли продавать поштучно или аршинами внутри страны или заграницу. Съ 1705 года компанія пріобрѣла право накладывать штемпель на непринятыя ею товары и только этими штемпелеванными матеріями могли торговать мастера. „Вслѣдствіе этого,—говоритъ Трельтшъ—ткачи, жившіе на большомъ разстояніи отъ г. Кальва, были вынуждены нести туда товаръ даже въ томъ случаѣ, если они были увѣрены, что онъ не будетъ принятъ компаніей. При отвратительномъ состояніи дорогъ это влекло за собой потерю по крайней мѣрѣ цѣлаго дня, къ которой въ случаѣ отказа присоединялась еще потеря времени до окончательнаго сбыта товара; многіе на обратномъ пути пропивали вырученныя тяжелымъ трудомъ деньги; наконецъ, необходимость этой процедуры вынуждала нерѣдко кустаря довольствоваться меньшей платой, лишь бы избѣжать болѣе значительныхъ неудобствъ. Далѣе, штемпель, наложенный на непринятый компаніей товаръ, разсматривался повсюду какъ позорное клеймо. Съ ѣдкой ироніей ткачи называли этотъ штемпель „voulez-vous“, указывая этимъ на его значеніе. Штемпелеванный кусокъ матеріи терялъ часть своей стоимости. Наконецъ, очень существеннымъ обстоятельствомъ являлось то, что ткачамъ дозволялось лишь продавать свои издѣлія на мѣстѣ, но запрещалось пересылать ихъ въ другія мѣста. Это запрещеніе лишало ихъ возможности использовать надлежащимъ образомъ право сбыта собственныхъ издѣлій“. Подобнымъ же образомъ компанія стѣсняла и сбытъ пряжи. Прядильщицамъ, жившимъ въ округѣ г. Кальва (Moderationsbezirk) запрещалось сбывать свою пряжу мастерамъ черезъ границу; онѣ должны были продавать ее ткачамъ, работавшимъ для компаніи, и только въ случаѣ отсутствія спроса со стороны послѣднихъ могли, съ разрѣшенія администраціи, доставлять пряжу другимъ лицамъ. Въ своемъ округѣ компанія не допускала никакого другого предпріятія, которое производило бы шерстяныя издѣлія. Она желала сохранить за собой полную монополію въ Moderationsbezirk'ѣ (20 кв. миль) и устанавливать условія труда, не считаясь съ какой бы то ни было конкурренціей. И этого она вполнѣ достигла. Кустари-ра-

бочіе находились въ полной фактической и юридической зависимости отъ компаніи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они набирались смѣлости открыто возставать противъ дѣйствій компаніи; часто все ограничивалось пассивнымъ противодѣйствіемъ. Большая же часть населенія до того свыклась со своимъ положеніемъ, до того привыкла къ своей участи и до того лишена была энергіи, что вовсе и не думала о протестѣ и сносила терпѣливо свое ярмо, не помышляя даже о возможности улучшенія своей судьбы [1]).

Въ такомъ же положеніи находились кустари и въ другой не менѣе важной отрасли промышленности—производствѣ металлическихъ издѣлій. Такъ, въ ножевомъ производствѣ Золингена весь XVIII вѣкъ наполненъ борьбою изъ-за заработной платы. Мастера постоянно жалуются на купцовъ. Мастеръ долженъ былъ „смотрѣть купцу въ глаза, плясать подъ его дудку“; въ противномъ случаѣ купецъ лишалъ его куска хлѣба и записывалъ на „черную доску“. Если кустарь требовалъ въ судебномъ порядкѣ причитающейся ему платы, то купецъ сообщалъ объ этомъ другимъ купцамъ и убѣждалъ ихъ не давать этому мастеру работы. Да и жалобы кустарей были безцѣльны: купцы захватили въ свои руки должности фогтовъ и ратмановъ, заправляли ремеслами и чинили судъ и расправу [2]). Въ желѣзодѣлательномъ производствѣ Зигена (Вестфалія) съ конца XVI вѣка право торговли желѣзными товарами принадлежало исключительно купцамъ, вышедшимъ изъ среды мастеровъ, занимавшихся конечными процессами производства (рейдтмейстеровъ). Борьба между ними и кузнецами-рабочими продолжалась еще цѣлое столѣтіе и соглашеніемъ 1621 года послѣднимъ временно удалось добиться лучшихъ условій труда и заработной платы; но всѣ ихъ усилія оказались въ результатѣ безполезными: спустя нѣсколько лѣтъ соглашеніе потеряло свое значеніе и съ конца XVII вѣка монопольное положеніе скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Кустари являлись совершенно зависимыми отъ нихъ рабочими [3]).

---

[1]) Troeltsch. p. 19—20. 27—28. 49. 55—56. 74—75. 83. 89—95. 125—133.

[2]) Thun. B. II. p. 35—41.

[3]) Stein. Die Zunft der Hammerschmiede und der Massenbläser zu Siegen von 1516—1830. Frankfurt. a. M. 1896. p. 64—71. 85. 92. 95. 99. 106.

Такимъ образомъ, капиталисты-предприниматели повсюду сумѣли создать себѣ монопольное положеніе по отношенію къ кустарямъ-рабочимъ. Они раздѣлили страну на районы и въ каждомъ районѣ господствовала опредѣленная корпорація скупщиковъ, отъ которой зависѣло все мѣстное населеніе. Конкурренція устранялась прежде всего тѣмъ, что всѣ произведенія поступали въ руки корпораціи скупщиковъ и не могли сбываться помимо нея, далѣе тѣмъ, что не допускалось соединеніе торговли и промысла въ однихъ рукахъ, и, наконецъ, тѣмъ, что вступленіе въ корпорацію скупщиковъ ставилось въ зависимость отъ обладанія значительнымъ для того времени капиталомъ.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ, обусловливавшихъ очерченный нами образъ дѣйствій скупщиковъ, являлось положеніе рынка сбыта, паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, вслѣдствіе появленія конкурренціи на рынкѣ. Мы видѣли выше, какъ сильно понизились цѣны на фабрикаты сравнительно съ цѣнами на сырье и уменьшилась та часть цѣны, изъ которой покрывалась заработная плата и прибыль, мы видѣли, что скупщики потеряли ту часть прибыли, которую въ средніе вѣка уплачивалъ потребитель, и цѣна стала совпадать съ трудовой цѣнностью товара [1]). Но скупщики не желали допустить пониженія прибыли и то, что они потеряли на потребителѣ, старались наверстать на рабочемъ. „Въ кустарной промышленности — говоритъ Швидландъ—торговцу приходится бороться съ конкурренціей на рынкѣ сбыта, и онъ сокращаетъ плату производителя товаровъ для того, чтобы посредствомъ пониженія цѣны продуктовъ расширить свои обороты. Кустарю же, производящему товары, тѣмъ труднѣе бороться съ стремленіемъ купца къ уменьшенію издержекъ производства, чѣмъ болѣе сильна конкурренція среди купцовъ при сбытѣ промышленныхъ издѣлій [2]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда купцы данной мѣстности выступали на рынкѣ въ качествѣ организованнаго цѣлаго, что бывало да-

---

[1]) Ср. Ниже, гл. девятую, V.

[2]) Schwiedland. Die Entstehung der Hausindustrie mit Rücksicht auf Oesterreich. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1892. B. I. p. 158.

леко не всегда [1]), имъ трудно было удержать условленную заранѣе цѣну, ибо кромѣ нихъ на рынокъ являлись купцы изъ другихъ мѣстъ, такъ что невозможно было избѣжать конкурренціи. Такой рынокъ напр., какъ лейпцигская ярмарка посѣщался купцами, пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ Европы [2]). А коль скоро часть купцовъ начинала сбивать цѣну, вся организація распадалась, ибо отдѣльные члены ея уже не считали возможнымъ держаться условленной цѣны, понижая цѣну все болѣе и болѣе. И это паденіе цѣнъ отражалось на кустаряхъ-рабочихъ [3]).

VII

При сильной конкурренціи среди рабочихъ, съ одной стороны, при монопольномъ положеніи предпринимателей, съ другой стороны, заработная плата въ промышленности XVI — XVIII ст. не могла быть высока. Однако, заработная плата опредѣлялась не однимъ взаимоотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, не одной силой предпринимателей и рабочихъ на рынкѣ труда. Большое вліяніе на высоту заработной платы имѣло и государство,

---

[1]) Въ чулочномъ производствѣ Эрлангена напр., скупщики сильнѣйшимъ образомъ конкуррировали другъ съ другомъ и сбивали цѣну на товары, а затѣмъ вознаграждали себя за низкую цѣну на заработной платѣ, уплачиваемой кустарямъ. (Schanz. Industrie und Kolonisation. B. I. p. 72 и сл. 107 и сл.) Точно также конкурренція среди купцовъ, сбывавшихъ золингенскіе ножи, преимущественно въ Голландіи (въ XVII—XVIII ст.), привела къ всеобщему паденію цѣнъ на ножевой товаръ; скупщики же старались наверстать свою прибыль на качествѣ товара (давая рабочимъ худшій матеріалъ) и на заработной платѣ. (Thun. B. II. p. 28—29.)

[2]) См. Hasse. Geschichte der Leipziger Messen. (Preisschriften der Jablonowsky'schen Gesellschaft).

[3]) Въ хлопчатобумажной промышленности саксонскаго Фогтланда было постановлено, что каждый торговецъ вправѣ возить на ярмарку не болѣе извѣстнаго количества товаровъ и обязанъ придерживаться опредѣленной цѣны. Однако, оно не соблюдалось не только тогда, когда число купцовъ было значительно, но и впослѣдствіи, когда доступъ въ купеческую корпорацію былъ сильно стѣсненъ. Позже скупщики г. Плауена стали сообща устанавливать минимумъ цѣны сбываемыхъ товаровъ передъ каждой лейпцигской ярмаркой, предоставляя, однако, каждому продавать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ. Но

устанавливавшее ее прямо или косвенно, либо непосредственно опредѣляя высоту ея, либо утверждая соглашенія относительно платы, происходившія между предпринимателями и рабочими. Пуфендорфъ (De officio hominis et civis), писавшій во второй половинѣ XVII вѣка, справедливо указываетъ на то, что только въ естественномъ состояніи, гдѣ господствуетъ полная свобода дѣйствій, цѣна и заработная плата опредѣляются исключительно договоромъ, заключаемымъ сторонами, тогда какъ въ (современномъ ему) государствѣ моментами, вліяющими на высоту цѣны и заработной платы, являются также законы и административныя распоряженія правительства.

Какую же цѣль преслѣдовало государство, вмѣшиваясь въ установленіе заработной платы? На это намъ даетъ отвѣтъ экономическая литература XVII и XVIII ст. Грегори Кингъ (Natural and Political Observations), сочиненія котораго относятся ко второй половинѣ XVII вѣка, раздѣляетъ все населеніе на двѣ категоріи: первая увеличиваетъ богатство страны, вторая уменьшаетъ его. Къ первой группѣ относятся дворяне и чиновники, землевладѣльцы, арендаторы, промышленники и купцы; ко второй группѣ—рабочіе и пауперы, матросы, солдаты и бродяги (лица безъ опредѣленныхъ занятій). Рабочіе поставлены рядомъ съ пауперами (сидѣльцами работныхъ домовъ) и почти что приравнены къ нимъ. Они не увеличиваютъ богатствъ страны, а уменьшаютъ ихъ, „ѣдятъ хлѣбъ работодателя“. Другіе пи-

---

и это постановленіе выполнялось недолго, вскорѣ пониженіе цѣнъ снова началось. Каждый купецъ старался предупредить остальныхъ, каждый городъ старался побить другіе города и на минимальную цѣну никто не обращалъ болѣе вниманія. Поэтому цѣна на полосатый муслинъ значительно понизилась, въ то самое время, какъ цѣна сырья возрасла на 20 проц. Многіе скупщики прямо заявляли, что они отказываются придерживаться установленнаго минимума, ибо они исходили изъ новаго принципа—продавать товары дешево, но зато въ большомъ количествѣ. (Ср. выше, стр. 521 прим.). Но вслѣдствіе этого, имъ приходилось, понижать плату кустарямъ, такъ что въ результатѣ все таки страдали рабочіе. Попытка другихъ членовъ купеческой корпораціи заставить всѣхъ скупщиковъ подчиниться установленному минимуму, посредствомъ утвержденія его правительствомъ въ качествѣ обязательной цѣны, также не увѣнчалась успѣхомъ. (Bein. B. II. p. 58. 78—79. 84—86).

сатели періода, предшествующаго Адаму Смиту, хотя и не придерживаются столь крайнихъ воззрѣній, но все-таки и ихъ отношеніе къ рабочему классу не можетъ быть названо доброжелательнымъ. Они настаиваютъ не на низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ ради пониженія заработной платы, какъ это нерѣдко утверждаютъ, а наоборотъ, на высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, ибо послѣднія заставляютъ людей больше работать для собственнаго пропитанія, слѣдовательно, усиливаютъ предложеніе труда и этимъ вызываютъ уменьшеніе заработной платы. Такъ, Вильямъ Петти (Political Arithmetic. 1631.) находитъ, что удлиненіе рабочаго дня, сокращеніе промежутковъ для отдыха во время работы, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и вообще затрудненіе добыванія средствъ пропитанія для населенія необходимо въ цѣляхъ экономическаго прогресса страны. Вильямъ Темпль (Essay on the Trade of Ireland. 1673.) указываетъ на желательность введенія налога на хлѣбъ въ Ирландіи: при дешевизнѣ средствъ пропитанія промышленность не можетъ процвѣтать, ибо благодаря этой дешевизнѣ предложеніе труда уменьшается, а, слѣдовательно, возрастаетъ заработная плата, что очевидно невыгодно для промышленности. Оба они, и Петти и Темпль, ссылаются на голландскихъ писателей, въ особенности на Жана де-Витта, настаивающаго на необходимости пониженія заработной платы государствомъ. Точно также и Джонъ Гаугтонъ (Improvement of Husbandry and Trade. 1683.) является сторонникомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ онѣ вызываютъ пониженіе заработной платы и дѣлаютъ рабочихъ покорными слугами предпринимателей. Анонимный авторъ сочиненія „Considerations on Taxes“ 1765 года высказывается за повышеніе цѣнъ на пищевые продукты мѣрами правительства и притомъ настолько, чтобы шестидневная работа доставляла рабочему не болѣе того, что безусловно необходимо для поддержанія жизни. Далѣе, онъ требуетъ установленія максимальной заработной платы, выше которой никто не вправѣ платить, и минимальнаго рабочаго дня въ 14 часовъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сокращенъ. Наконецъ, и Артуръ Юнгъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ настаиваетъ на необходимости установленія правительствомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и низкой заработной платы въ интересахъ развитія англійской тор-

говли и промышленности [1]). Писатели противоположнаго направленія относящіеся дружелюбно къ рабочимъ, какъ напр., Чайльдъ, Вандерлинтъ, Постлеуайтъ, Фостеръ, высказываются противъ искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ и пониженія заработной платы мѣрами правительства, такъ какъ надежда на болѣе высокую плату является лучшимъ стимуломъ къ труду, и чѣмъ больше надежды на увеличеніе заработка и на улучшеніе матеріальныхъ условій, тѣмъ больше прилежаніе рабочаго, тѣмъ охотнѣе онъ трудится. Однако, какъ указываетъ Шульце-Геверницъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, первое направленіе, враждебное рабочимъ, было преобладающимъ вплоть до Адама Смита, и писатели второго направленія ограничивались обыкновенно общими разсужденіями, приводя гораздо меньше фактическаго матеріала въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, чѣмъ ихъ противники [2]).

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ, почему Адамъ Смитъ задаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать улучшеніе въ условіяхъ жизни рабочаго класса благополучіемъ или несчастіемъ для страны, почему онъ находитъ нужнымъ доказывать, что улучшеніе положенія рабочихъ выгодно для страны. Не можетъ быть признано—говоритъ онъ—процвѣтающимъ и счастливымъ то общество, большая часть котораго находится въ бѣдности и нищетѣ. Кромѣ того, самая справедливость требуетъ, чтобы тѣ, которые кормятъ, одѣваютъ и доставляютъ жилище всему обществу, получали такую часть произведеній своего собственнаго труда, которая достаточна для доставленія имъ удовлетворительной пищи, одежды и жилища“ [3]). Эти слова Адама Смита показались странными уже Бланки въ 30-хъ годахъ XIX вѣка,

---

[1]) Другіе указываютъ на то, что пониженіе заработной платы въ шерстяной промышленности было бы счастьемъ и благодѣяніемъ для страны и не составляло бы несправедливости по отношенію къ бѣднымъ (рабочимъ), оно было бы прекраснымъ средствомъ для развитія агнлійской торговли и для повышенія рентъ. (I. Smith. Memoirs of wool. II. 308). Ср. Mantoux. p. 48—49.

[2]) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb. Leipzig. 1892. Einleitung.

[3]) Adam Smith. Wealth of Nations. B. I. Ch. VIII. Англ. изд. Маккеллоха 1863. p. 36. (Рус. пер. Бибикова. Спб. 1866. Т. I, стр. 220).

который сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе къ нимъ. „Почтенный докторъ Смитъ считаетъ себя почти обязаннымъ доказывать, что благосостояніе рабочихъ классовъ не составляетъ особеннаго зла. Наступитъ время, когда всѣ усилія правительства будутъ направлены преимущественно къ доставленію благосостоянія этимъ классамъ". Еще болѣе приводятъ въ удивленіе слова Адама Смита современнаго читателя: съ какой стати Адаму Смиту понадобилось останавливаться на подобномъ вопросѣ, не возбуждающемъ въ настоящее время никакого сомнѣнія? Онъ даже склоненъ поставить это въ вину автору, который очевидно допускалъ, что по этому вопросу могутъ существовать два мнѣнія. Но если имѣть въ виду, что въ эпоху Адама Смита этотъ вопрссъ дѣйствительно являлся очень спорнымъ и рѣшался обыкновенно въ неблагопріятномъ для рабочаго населенія смыслѣ, тогда станетъ понятнымъ, что Адаму Смиту пришлось употребить все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить своихъ многочисленныхъ противниковъ и заставить ихъ отказаться отъ ложнаго взгляда.

Практика вполнѣ соотвѣтствовала господствовавшей теоріи. Закономъ Елисаветы 1563 года предписывалось мировымъ судьямъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и магистратамъ (шерифамъ, белифамъ) въ городахъ ежегодно спустя шесть недѣль послѣ пасхи устанавливать и ограничивать (declaration and limitation) заработную плату прислуги, рабочихъ и ремесленниковъ, причемъ мировымъ судьямъ предоставлялось опредѣлять плату, какъ тѣхъ рабочихъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ и учениковъ, плата которыхъ установлена прежними статутами или законами, такъ и тѣхъ, плата которыхъ ранѣе не опредѣлялась. § 11 того же закона грозилъ 10 днями тюремнаго заключенія и 5 ф. ст. штрафа всякому предпринимателю, дающему выше установленной мировыми судьями платы, и 21 днемъ заключенія рабочему, берущему больше установленной платы. Наоборотъ, предлагать и получать ниже опредѣленной судьями платы никому не возбранялось, по крайней мѣрѣ, наказанія за это никакого не полагалось. И дѣйствительно, заработная плата опредѣляемая мировыми судьями, признавалась максимальной; въ ихъ опредѣленіяхъ говорится: рабочій или мастеръ долженъ получать не бо-

лѣе, чѣмъ столько-то [1]). Дѣйствительная плата была, по вычисленіямъ Роджерса, всегда выше той, которая устанавливалась мировыми судьями, хотя точно опредѣлить разницу между той и другой очень трудно: Роджерсъ вычисляетъ среднюю заработную плату для всей Англіи, плата же установленная мировыми судьями, извѣстна лишь для того или другого графства. Однако, уже изъ такого сопоставленія, сдѣланнаго Роджерсомъ, видно, что дѣйствительная плата была во всякомъ случаѣ нѣсколько выше предписанной мировыми судьями [2]). Повидимому, это именно имѣлъ въ виду Адамъ Смитъ, говоря, что „всегда, когда законъ старался установить заработную плату рабочаго, онъ желалъ скорѣе понизить ее, чѣмъ повысить..., однако не достигалъ своей цѣли, и ему никогда не удавалось понизить плату рабочихъ до установленнаго имъ уровня, потому что онъ не въ силахъ былъ воспрепятствовать имъ получать бо̀льшую плату, благодаря конкурренціи, господствующей среди лицъ, нанимающихъ рабочихъ“ [3]). Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что рабочіе не высказывали никакого сожалѣнія по поводу того, что обычай установленія заработной платы вышелъ изъ употребленія въ XVIII вѣкѣ, и даже были довольны происшедшей перемѣной. Поскольку же они еще въ послѣдней четверти XVIII вѣка требовали опредѣленія платы мировыми судьями, это объяснялось—какъ указываетъ Цвидинекъ—тѣмъ, что „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъ установленная плата сохранилась безъ измѣненій въ теченіе многихъ десятилѣтій, впродолженіе 70 и болѣе лѣтъ, и вслѣдствіе сильнѣйшаго вздорожанія хлѣба, начиная съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка, рабочій уже не въ состояніи былъ существовать при этой платѣ“ [4]) [5]). А между тѣмъ предприниматель опирался при

[1]) Cunningham. T. II, p. 359—360.

[2]) Rogers. History of Agriculture and Prices. T. V. p. 825 и сл.

[3]) Ad. Smith. B. I. Ch. X. P. 2. p. 65.

[4]) Zwiedineck-Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie. p. 74—75.

[5]) Въ первой половинѣ XVIII вѣка—какъ указываетъ Кэннингэмъ—нормировка заработной платы мировыми судьями происходитъ еще довольно часто, хотя во многихъ случаяхъ они ограничиваются подтвержденіемъ прежнихъ постановленій, не измѣняя платы, несмотря на вздорожаніе пищевыхъ продуктовъ. Cunningham. Growth of English Industry. T. II, p. 359 и сл.

заключеніи рабочаго договора на плату, установленную мировымъ судьей, и поэтому рабочій имѣлъ всѣ основанія настаивать на томъ, чтобы эта плата была измѣнена.

Законъ 1563 года, повидимому, не распространялся на рабочихъ суконной промышленности, по крайней мѣрѣ, не примѣнялся къ нимъ, ибо въ 1597 году было разъяснено, въ предупрежденіе недоразумѣній, что мировые судьи должны устанавливать заработную плату и для рабочихъ въ этой отрасли производства. Въ законѣ 1603 года къ этому было прибавлено: если суконщикъ-предприниматель (clothier) даетъ ткачамъ, прядильщикамъ и другимъ рабочимъ и работницамъ плату ниже установленной, то онъ подвергается штрафу въ 10 шиллинговъ. Такимъ образомъ, рабочіе въ суконной промышленности были поставлены въ исключительно благопріятное положеніе; для нихъ максимальная плата являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и минимальной [1]).

Въ этомъ же законѣ мы находимъ однако еще одно любопытное постановленіе, изъ котораго видно, какое значеніе могла имѣть для рабочихъ даже минимальная плата, нормированная мировыми судьями. Законъ 1603 года запрещаетъ скупщику, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и мировымъ судьей, принимать участіе въ установленіи заработной платы для ткачей, валяльщиковъ, прядильщиковъ и другихъ мастеровъ, работающихъ въ суконной промышлен-

---

[1]) Въ соотвѣтствующемъ законодательномъ актѣ для Шотландіи 1617 года мировымъ судьямъ поручается заботиться о томъ, чтобы плата не была ни выше ни ниже установленной. (Cunningham. II, p. 43 прим. 1). Наоборотъ, въ статутѣ для Новой Англіи 1633 года запрещалось давать лишь болѣе высокую плату, именно болѣе 14 пенс. и болѣе 2 шилл., смотря потому, получалъ ли рабочій пищу отъ предпринимателя или нѣтъ; причемъ въ слѣдующемъ году было прибавлено, что наказывается лишь тотъ, кто требовалъ слишкомъ много, но не тотъ, кто уплатилъ. (Cunningham. II, p. 107, прим. 1 и Caroll D. Wright. Industrial Evolution. Chap. IX). Въ Англіи максимальная плата устанавливалась и впослѣдствіи. Такъ, законъ 1768 года запрещаетъ подъ страхомъ высокой пени всякому мастеру-портному въ Лондонѣ и его окрестностяхъ платить своимъ рабочимъ а послѣднимъ брать болѣе 2 шилл. 7 пенс. въ день, за исключеніемъ случаевъ общественнаго траура. (Adam Smith. Ch. X. P. 2. p. 65, русск. пер., стр. 313).

ности [1]). Однако, какъ указываетъ Фредерикъ Эденъ, писавшій въ концѣ XVIII вѣка, это постановленіе не соблюдалось. „Важнымъ недостаткомъ статута Елисаветы — говоритъ онъ—является то, что, расширивъ власть судей и поручивъ имъ нормировку платы для рабочихъ и работницъ въ различныхъ отрасляхъ производства, онъ значительно усилилъ власть предпринимателей (master-manufacturers) надъ рабочими. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ эти лица, благодаря своему богатству, имѣютъ возможность пріобрѣсти званіе мирового судьи, рабочіе несомнѣнно находятся въ полной зависимости отъ своихъ работодателей“ [2]). Въ законахъ, начиная съ 1708 года, постоянно указывается и на то, что только тѣ мировые судьи могутъ рѣшать споры между предпринимателями и рабочими, которые не принадлежатъ къ числу скупщиковъ и не заинтересованы какимъ-либо инымъ образомъ въ суконной промышленности. Изъ того, что это постановленіе повторяется многократно, видно, что и оно не исполнялось, что и здѣсь, какъ и при установленіи заработной платы, скупщики были судьями въ собственномъ дѣлѣ [3]). Какъ указываетъ Ломанъ, мировые судьи въ Англіи хотя и назначались центральнымъ правительствомъ, но изъ лицъ, живущихъ въ той же мѣстности, причемъ въ XVI—XVIII ст., когда торговцы шерстью и суконщики заняли важное соціальное положеніе, мировые судьи назначались въ большомъ количествѣ изъ числа скупщиковъ-предпринимателей [4]). Поэтому-то плата, устанавливаемая ими, была обыкновенно ниже той, которая уплачивалась въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше. Поэтому и положеніе рабочихъ въ суконной промышленности было еще менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе ихъ въ другихъ отрасляхъ производства, хотя для первыхъ устанавливаемая плата и

[1]) Lohmann. p. 28—30. 38—45. 59—64.

[2]) Eden. State of the Poor. 1797. T. I, p. 142. (Цит. Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. I, p. 439).

[3]) Нѣчто подобное происходило въ Англіи и въ началѣ XIX вѣка, когда вводилось фабричное законодательство. Мировые судьи, которые разрѣшали споры между фабрикантами и рабочими, состояли во многихъ случаяхъ изъ фабрикантовъ, хотя законъ требовалъ, чтобы фабриканты въ такихъ случаяхъ устраняли себя отъ рѣшенія дѣла.

[4]) Lohmann. p. 61 и сл.

являлась минимальной: для рабочихъ въ суконной промышленности плату опредѣляли ихъ же хозяева-скупщики, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ рабочихъ плата нормировалась все-таки предпринимателями другихъ отраслей производства.

Во Франціи также во многихъ случаяхъ государство (либо центральное правительство, либо мѣстныя власти) устанавливаетъ высоту заработной платы, причемъ и здѣсь опредѣляется максимумъ платы. Такъ, въ 1687 г. постановлено, что плата для строительныхъ рабочихъ въ Парижѣ должна устанавливаться ежегодно, и запрещается требовать болѣе высокой платы подъ страхомъ тюремнаго заключенія или штрафа [1]). Въ XVI вѣкѣ плата парижскихъ наборщиковъ опредѣляется государствомъ, и также является максимальной; плата ліонскихъ наборщиковъ нормируется сенешаломъ [2]). Въ другихъ случаяхъ государство не столько имѣло въ виду интересы предпринимателей, сколько старалось предотвратить колебанія въ заработной платѣ. Примѣръ послѣдняго рода мы находимъ въ шелковой промышленности г. Тулузы. Въ статутѣ XVI вѣка, устанавливавшемъ плату, указывается на то, что цѣлью этого мѣропріятія является предупредить пониженіе заработной платы мастеровъ при сокращеніи сбыта бархатныхъ матерій и повышеніе ея при бойкомъ ходѣ промышленности: въ послѣднемъ случаѣ рабочіе могутъ столь сильно повысить плату, что скупщики вынуждены будутъ увеличить цѣну фабриката; вотъ это-то повышеніе цѣны государство и желаетъ предотвратить. [3]). Въ XVIII вѣкѣ „цеховые статуты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ устанавливали плату— говоритъ Левассеръ,—но заработная плата и притомъ максимальная плата, часто опредѣлялась ордонансами короля или муниципалитетовъ; подобныя мѣры въ тѣ времена никому не казались ненормальными. Какъ лица, получавшія плату выше установленнаго уровня, такъ и тѣ, которыя уплачивали или обѣщали ее, подвергались штрафамъ, доходившимъ въ послѣднемъ случаѣ до нѣсколькихъ тысячъ лив-

[1]) Hauser. p. 93.
[2]) Hauser. p. 99. Mellottée. T. I. p. 307—308.
[3]) Hauser. p. 96.

ровъ [1]). Что такого рода постановленія дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ воззрѣніямъ, видно напр., изъ того, что интендантъ Лангедока Баленвилье въ 1786 году выражаетъ свое удовольствіе по поводу распространенія промышленности въ селахъ, такъ какъ благодаря соединенію промысловъ съ земледѣліемъ заработная плата держится на низкомъ уровнѣ. А Биго де-Сентъ-Кроа въ своемъ сочиненіи: „Mémoire sur les corporations", признаетъ необходимымъ ограниченіе заработной платы и цѣны продуктовъ: все что можетъ быть сбережено,—говоритъ онъ—составляетъ выигрышъ для всякаго человѣка (потребителя), а также для предпринимателя [2]).

Еще любопытнѣе мысли, высказываемыя прусскимъ фабричнымъ директоромъ и членомъ королевской мануфактурной коммиссіи Майе, изложенныя имъ въ „Mémoire sur les manufactures de Lyon" въ 1786 году. Силу ліонской промышленности и основную причину того, что ліонскія издѣлія продаются по дешевой цѣнѣ, онъ усматриваетъ „въ низкой заработной платѣ, а это послѣднее обстоятельство вызывается слѣдующими двумя причинами: трудолюбіемъ и умѣренностью ліонскаго рабочаго". Для того, чтобы мануфактуры процвѣтали,—говоритъ Майе—необходимо, чтобы рабочій всегда имѣлъ лишь ровно столько, сколько ему нужно на пропитаніе и одежду, но никогда не болѣе этого. Слишкомъ хорошее матеріальное положеніе усыпляетъ дѣятельность, развиваетъ бездѣліе и другіе связанные съ нимъ пороки. Чѣмъ лучше благосостояніе рабочаго, тѣмъ труднѣе его заставить работать и тѣмъ большую онъ требуетъ плату. А разъ повысившись, заработная плата продолжаетъ и впослѣдствіи возрастать. Это потокъ, который уничтожаетъ всѣ находящіяся на его пути преграды. Поэтому для фабрикантовъ крайне важно держать рабочихъ въ такомъ положеніи, чтобы они постоянно нуждались въ работѣ. Они никогда не должны забывать того, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себѣ, но и потому, что при низкой платѣ рабочій болѣе

[1]) Levasseur. T. II, p. 831.

[2]) Levasseur. T. II, p. 403. 835. См. также. Jaurés. La constituante. p. 77. 135. Germain Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XV. p. 281.

трудолюбивъ, болѣе скроменъ, болѣе покоренъ [1]). Мы находимъ здѣсь много общаго съ тѣмъ, что высказывалось англійскими писателями этой эпохи. И тутъ, и тамъ указывается на то, что заработная плата должна находиться на такомъ уровнѣ, при которомъ рабочій имѣетъ возможность удовлетворять лишь самыя необходимыя потребности, такъ какъ иначе власть предпринимателя надъ нимъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ дорожаютъ и производимые имъ товары, слѣдовательно, затрудняется конкурренція на рынкѣ.

Подобныхъ же взглядовъ придерживались и въ Австріи. По поводу установленія государствомъ платы для прядильщиковъ, Марія-Терезія писала слѣдующее. „Я вполнѣ одобряю прекрасное намѣреніе торговаго совѣта понизить заработную плату на нѣкоторыхъ мануфактурахъ для того, чтобы этимъ путемъ удешевить товары; хотя въ Вѣнѣ въ настоящее время трудно будетъ провести эту мѣру, въ виду усиливающейся дороговизны средствъ продовольствія, въ особенности послѣ того, какъ рабочіе получали въ теченіе продолжительнаго времени высокую плату“ [2]). Президентъ торговаго совѣта, осматривавшій въ 1762 году иголочную мануфактуру въ Надельбургѣ, находилъ, что плохой сбытъ ея издѣлій вызывается ихъ дороговизной, которая въ свою очередь является послѣдствіемъ „дорогой платы“, ибо рабочіе въ теченіе нѣсколькихъ дней зарабатываютъ столько, что они въ состояніи совсѣмъ не работать остальные дни [3]).

Наконецъ, и въ Пруссіи „въ правящихъ кругахъ развилось убѣжденіе, что удешевленіе производства и расширеніе рынка сбыта можетъ быть достигнуто преимущественно путемъ пониженія рабочей платы“. Въ лучшую пору своего существованія—говоритъ Молчановскій—цехи имѣли въ виду обезпечить мастерамъ приличный заработокъ не давая платѣ (или вѣрнѣе цѣнѣ продукта) упасть ниже опредѣленнаго уровня. Фридрихъ II, наоборотъ, употребляетъ

---

[1]) Цит. у Godart. L'ouvrier en soie, p. 266—267.

[2]) Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. T. I, p. 38.

[3]) Ibid., p. 107—108.

всѣ мѣры къ тому, чтобы понизить заработную плату въ производствахъ, предназначенныхъ для иностраннаго сбыта и, такимъ образомъ, завладѣть заграничными рынками [1]).

Что касается другихъ странъ, то во многихъ случаяхъ мы не находимъ никакого прямого вмѣшательства государства въ установленіе заработной платы: въ Базелѣ, въ Эльзасѣ, въ Саксоніи оно ограничивается запрещеніемъ скупщикамъ, подъ страхомъ наказанія, давать болѣе обычной платы и этимъ путемъ переманивать къ себѣ болѣе искусныхъ рабочихъ. Тамъ же, гдѣ государство принимало участіе въ установленіи платы, какъ напр., въ Вюртембергѣ, оно едва ли стояло на сторонѣ рабочихъ. Въ 1621 году скупщикамъ г. Кальва было запрещено самостоятельно, безъ участія властей, опредѣлять плату кустарей. Съ этихъ поръ одностороннее опредѣленіе платы скупщиками замѣнилось соглашеніемъ между обѣими сторонами при участіи администраціи. Мѣстные чиновники руководили совѣщаніемъ и установленная такимъ путемъ плата утверждалась мѣстной властью. Этотъ способъ практиковался до начала XVIII в., когда администрація перестала участвовать въ установленіи платы; послѣдняя являлась результатомъ соглашенія между скупщиками и рабочими, которое происходило два раза въ годъ, причемъ цѣна продуктовъ потребленія совершенно не принималась во вниманіе. Для прядильщицъ же съ конца XVI вѣка опредѣлялась статутами максимальная плата, хотя вслѣдствіе большого спроса на пряжу платилось обыкновенно нѣсколько больше установленнаго размѣра. Сомнительно, однако, чтобы участіе администраціи въ установленіи платы могло доставлять существенную выгоду рабочему населенію. Надо имѣть въ виду, что кальвская компанія торговли шерстяными издѣліями основана была при содѣйствіи и поощреніи со стороны государства и послѣднее всегда держалось того мнѣнія, что процвѣтаніе компаніи должно стоять на первомъ планѣ, и что оно во всякомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ охрана интересовъ рабочихъ. Считая компанію „ein konsiderables Kleinod des Landes“, правительство мало заботилось о ея рабочихъ и нарушеніямъ принятыхъ на себя компаніей обязательствъ

[1]) Молчановскій стр. 151—164.

по отношенію къ рабочимъ придавало мало значенія. Къ этому присоединялись еще другія невыгодныя для рабочихъ обстоятельства. Правительство находилось въ нѣкоторой зависимости отъ компаніи, дѣлая у нея займы на значительныя для того времени суммы: въ 1731—1732 гг. долгъ правительства компаніи равнялся 16.500 гульд., долгъ герцога Карла въ 1762 г. 20.000 гульд. Далѣе, мѣстныя власти находились въ очень близкихъ, отчасти даже родственныхъ отношеніяхъ къ членамъ компаніи и стояли всецѣло на сторонѣ послѣдней; поступавшія къ нимъ жалобы отъ рабочихъ были совершенно напрасны, ибо чиновники получали ежегодно „подарки“ отъ компаніи въ вознагражденіе „за свои труды“. Высшая же администрація отчасти была сама заинтересована въ прибыляхъ компаніи, принимая въ ней участіе своими капиталами, отчасти находилась на жалованіи у компаніи. При этихъ условіяхъ понятно, что предприниматели являлись полновластными хозяевами и эксплоатація рабочаго населенія при содѣйствіи властей должна была принять грандіозныя мѣры [1]).

Мы видѣли выше, что положеніе рабочихъ на рынкѣ труда было крайне неблагопріятно; подъ вліяніемъ мѣропріятій государства оно становилось еще болѣе невыгоднымъ, въ особенности поскольку устанавливалась максимальная заработная плата. Заработная плата опредѣляется борьбой между предпринимателями и рабочими на рынкѣ труда. Но такая борьба происходитъ всегда въ извѣстныхъ предѣлахъ: максимальная граница заработной платы опредѣляется тѣмъ минимумомъ прибыли, который долженъ оставаться предпринимателю для того, чтобы онъ имѣлъ интересъ вести предпріятіе; минимальная граница опредѣляется тѣмъ минимумомъ средствъ, который необходимъ для существованія рабочаго и его семьи. Заработная плата всегда находится между этими двумя предѣлами, если имѣть въ виду, конечно, продолжительные періоды, ибо въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій она можетъ выходить за эти предѣлы. Вслѣдствіе установленія максимальной платы государствомъ, одна изъ границъ заработной платы, именно высшая граница искусственно понижалась, тогда какъ другая, ми-

[1]) Troeltsch. p. 31. 69. 75. 84—89. 122—126. 143. 443—446.

нимальная граница не измѣнялась. Государство обыкновенно не понижало существующей платы, а превращало въ максимальную плату ту, которая господствовала въ данное время, и затѣмъ уже сохраняло ее въ теченіе многихъ десятилѣтій, не давая ей повыситься, между тѣмъ какъ все остальное, всѣ товары возрастали въ цѣнѣ. Установленіе максимальной платы приводило, слѣдовательно, къ тому, что въ то время, какъ цѣнность денегъ въ XVI—XVII ст. сильно упала и всѣ товары значительно вздорожали, заработная плата не измѣнилась или вѣрнѣе, хотя номинальная плата и нѣсколько возросла (ибо какъ мы видѣли, дѣйствительная плата обыкновенно нѣсколько превышала установленную), но далеко не повысилась въ томъ размѣрѣ, какъ это должно было бы произойти въ виду паденія цѣнности денегъ; слѣдовательно, реальная плата, выражающая покупную способность рабочихъ, значительно понизилась.

VIII.

Дѣйствительно, въ XVI—XVIII ст. реальная заработная плата сильно упала. По исчисленіямъ Вибе, въ XVI и XVII ст. денежная плата въ Эльзасѣ и во Франціи возросла на 30—40 проц., между тѣмъ какъ цѣны товаровъ повысились въ среднемъ на 100 проц., въ Англіи денежная плата увеличилась на 100 проц., а уровень цѣнъ—на 150 проц. Къ сожалѣнію, данныя, сообщаемыя Вибе, относятся преимущественно къ поденщикамъ и рабочимъ въ строительныхъ промыслахъ но, какъ онъ указываетъ, подобныя же измѣненія произошли и въ заработной платѣ промышленныхъ рабочихъ [1]). Вибе устанавливаетъ бюджетъ рабочихъ для разныхъ періодовъ, принимая въ вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ потребляемыхъ ими продуктовъ, и на основаніи этого выводитъ, слѣдующія цифры. Принимая реальную плату 1467—1500 гг. за 100, получаемъ слѣдующую плату строительныхъ рабочихъ въ Мюнстерѣ: въ 1501—1520 гг. 80, въ 1521—1550 гг. 87, въ 1551—1560 гг. 78; плата поденныхъ рабочихъ въ тѣ же періоды равняется 111, 78 и 92. Въ Эльзасѣ средняя заработная плата (взявъ 1451—1500 гг. за 100) составляетъ въ 1501—1525 гг. 106, въ 1526—1550 гг. 81, въ 1551—1575 гг.

[1]) Wiebe. Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII. Jahrh., p. 240.

55, въ 1576—1600 гг. 52, въ 1601—1650 гг. 40, въ 1651—1700 гг. 45; въ Англіи она равняется въ среднемъ: въ 1501—1520 гг. 88, 1521—1550 гг. 70, въ 1551—1570 гг, 57, въ 1571—1602 гг. 47, въ 1603—1652 гг. 40 и въ 1654—1702 гг. 47. „Такимъ образомъ,—прибавляетъ онъ—реальная плата начала понижаться уже въ началѣ XVI вѣка и это уменьшеніе достигло къ срединѣ столѣтія значительныхъ размѣровъ. Но лишь во второй половинѣ XVI вѣка сокращеніе покупательной способности рабочихъ стало опаснымъ. Въ теченіе XVII вѣка денежная плата значительно повысилась, но этимъ лишь предотвращалось дальнѣйшее паденіе реальной платы. Къ концу XVII вѣка послѣдняя составляла не болѣе половины той реальной платы, которую рабочіе получали въ концѣ среднихъ вѣковъ“ [1]).

Роджерсъ беретъ за исходную точку реальную плату англійскихъ рабочихъ въ 1495 году и сравниваетъ съ ней плату слѣдующихъ столѣтій. Оказывается, что то количество хлѣба, которое нужно было ремесленнику для прокормленія своей семьи въ теченіе года, онъ пріобрѣталъ въ 1495 году на плату, получаемую имъ въ теченіе десяти недѣль, такъ что весь заработокъ остальныхъ 42 недѣль могъ затрачиваться на удовлетвореніе другихъ потребностей. Между тѣмъ то же количество хлѣба ремесленникъ вырабатывалъ въ 1533 году въ 14—15 недѣль, въ 1564 году въ 20 недѣль, въ 1593 году въ 40 недѣль, въ 1610 и въ 1653 году въ 43 недѣли, въ 1684 году въ 48 недѣль, а въ 1725 году всего его заработка не хватало на пріобрѣтеніе одного только необходимаго ему количества хлѣба. Во второй четверти XVIII вѣка реальная плата значительно повысилась, ибо и денежная плата возросла, и цѣны на хлѣбъ понизились одновременно, однако съ 60-хъ годовъ хлѣбныя цѣны стали снова повышаться сильнѣйшимъ образомъ и, несмотря на увеличеніе денежной платы, къ концу XVIII вѣка реальная плата настолько понизилась, что рабочіе не въ состояніи были существовать безъ поддержки со стороны органовъ призрѣнія бѣдныхъ [2]).

Пониженіе реальной платы, вслѣдствіе недостаточнаго воз-

---

[1]) Wiebe. p. 177—179.

[2]) Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Chap. XIV.

растанія денежной, происходитъ и въ Вюртембергѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка годовая заработная плата кустарей въ шерстяной промышленности соотвѣтствуетъ 25 (въ 1663 г.) и даже 33 шефел. полбы (въ 1674 г.); между тѣмъ въ первой половинѣ XVIII вѣка она равняется всего 20 (въ 1727 г.) и даже 17—19 шеф. (въ 1754 г.). Въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка реальная плата значительно повышается, доходя до 26 и даже 35 шеф., но уже въ 1774 г. падаетъ на 14—20 шеф., т.-е. до уровня 30—50-хъ годовъ, а въ 90-хъ годахъ она составляетъ всего 10 и даже 6 шеф. [1]).

Денежная плата французскаго (промышленнаго) рабочаго (на современныя деньги) составляетъ по д'Авенелю: въ средневѣковый періодъ—900 фр., въ началѣ XVI вѣка—1230 фр., въ 1576—1625 гг.—750 фр., въ 1626—1675 гг.—562—580 фр., въ 1676—1700 гг.—516 фр.; она нѣсколько повышается въ теченіи второй четверти XVIII вѣка и падаетъ снова въ третьей четверти до 576 фр. [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и покупная способность денегъ. Принимая современную покупную силу денегъ за единицу, д'Авенель получаетъ для средневѣковаго періода (до 1450 г.)3—$4^1/_2$, а для второй половины XV вѣка—6, но затѣмъ идетъ непрерывное паденіе покупной силы денегъ: въ теченіе XVI вѣка она составляетъ по четвертямъ вѣка 5, 4, 3 и $2^1/_2$ и въ XVII ст.—3, $2^1/_2$ 2, $2^1/_3$, немного выше покупная способность денегъ въ первую половину XVIII вѣка ($2^3/_4$ и 3), во второй же половинѣ она снова падаетъ до низшаго уровня (который занимала въ 1651—1700 гг.)—$2^1/_3$ и 2 [3]).

Такимъ образомъ, и размѣры денежной платы сильно понизились, и покупная способность ея упала, реальная плата слѣд. сократилась вдвойнѣ. Въ то время, какъ вторая половина XV вѣка во Франціи—какъ и въ Англіи—является періодомъ особенно благопріятнымъ для рабочаго населенія, въ XVI вѣкѣ, въ особенности во второй половинѣ его, въ большей части XVII ст. и во второй половинѣ XVIII ст. условія жизни рабочаго были весьма печальны. Д'Авенель приводитъ различныя данныя относительно денежной по-

---

[1]) Troeltsch, p. 240—242.
[2]) d'Avenel. T. III. p. 173—174.
[3]) d'Avenel. T. I. p. 27—32.

штучной платы (выраженной въ современныхъ деньгахъ), которыя особенно интересны, такъ какъ въ кустарной промышленности заработная плата имѣла именно поштучный характеръ. Въ то время какъ денежная плата за пряжу килограмма пеньки, льна или пакли въ концѣ XV и вначалѣ XVI вѣка равнялась 2 фр. 35 —4 фр. 20, она сто лѣтъ спустя не превышала 1 фр. 25—2 фр. 10; въ концѣ царствованія Людовика XIV за пряжу пакли уплачивалось 1 фр. 10, за пряденье льна $1^1/_2$ фр., и тотъ же уровень плата сохранила вплоть до конца XVIII вѣка. Въ производствѣ тканей изъ этихъ матеріаловъ плата (за метръ простого холста) понижается съ 70 сант. во второй половинѣ XV вѣка до 60 сант. въ началѣ XVI вѣка, 40 сант. во второй четверти его и 30 сант. въ третьей четверти; затѣмъ она вновь возрастаетъ на 40 сант. въ концѣ XVI ст. и на 50 сант. въ теченіе XVII вѣка, не достигая все же уровня начала XVI вѣка, а въ концѣ XVIII вѣка снова падаетъ до 30—40 сант. За изготовленіе холста болѣе высокаго качества ткачъ получалъ за метръ въ XV вѣкѣ 1—1,05 фр., въ половинѣ XVI ст. 90 сант., въ концѣ этого вѣка 75 сант., а въ 1790 г. не болѣе 60 сант. Только прядильщикъ шерсти оплачивался лучше: въ 1449 г. плата (за килограммъ шерсти) составляла 90 сант., въ 1492 г. 1 фр. 80 сант., въ первой четверти XVI вѣка 1 фр. 20 с., въ 1567 г. 1 фр. 60 с., въ 1675 г. 2 фр. и столько же въ XVIII вѣкѣ. Это—прибавляетъ д'Авенель—одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ заработная плата возросла въ XVII—XVIII ст. [1]). Однако, если имѣть въ виду сильное паденіе покупной силы денегъ, то окажется, что и здѣсь реальная плата въ лучшемъ случаѣ сохранила свой прежній размѣръ.

Заработная плата еще и потому должна была понизиться въ XVI—XVIII ст., что трудъ составлялъ источникъ прибыли не только для скупщика-предпринимателя, но и для его помощниковъ-факторовъ, которые нерѣдко являлись посредниками между нимъ и его многочисленными и разбросанными на значительномъ пространствѣ рабочими. Эти факторы распредѣляли матеріалъ и заказы между кустарями, а изготовленныя послѣдними издѣлія доставляли предпринимателю. При этомъ въ ихъ пользу перепадала значитель-

[1]) d'Avenel. T. III. p. 167—170.

ная часть продукта, ибо они „немилосердно эксплоатировали кустарей, вычитывая изъ заранѣе условленной платы по 10—20, по 40 и даже по 80 проц.“. Въ Плауенѣ въ началѣ XVII вѣка ихъ прибыль равнялась 6 грошен. съ каждыхъ 10 гульденовъ, кромѣ особой платы, получаемой отъ предпринимателя, которая также была значительна [1]). Эти люди—говоритъ Шмоллеръ—всегда пользуются большою властью надъ населеніемъ, эксплоатація рабочихъ факторами-посредниками явленіе далеко не рѣдкое; населеніе вынуждено подкупать ихъ подарками, яйцами, курами, чтобы имѣть работу и чтобы получать доброкачественный матеріалъ“ [2]).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что условленная плата, какъ она ни была низка, все-таки превышала обыкновенно дѣйствительную плату, ибо плата выдавалась нерѣдко въ формѣ товаровъ, въ которыхъ кустари вовсе не нуждались и которые они вынуждены были сбывать торговцамъ, теряя на этомъ болѣе или менѣе значительную сумму. „Англійскій скупщикъ конца XV вѣка—говоритъ Охенковскій,—уплачивающій мастеру товарами и притомъ, какъ видно изъ закона 1464 года, товарами совершенно ненужными послѣднему, представляется намъ мелкимъ торгашемъ, который извлекаетъ свою прибыль не изъ выгодныхъ условій рынка, а при помощи операцій сомнительнаго свойства. Еще въ недавнее время расплата товарами была сильно распространена, но въ разсматриваемый періодъ этотъ способъ расплаты, какъ и обманы при раздачѣ матеріала, имѣли гораздо большее значеніе“ [3]). Любопытно, что запрещеніе расплаты товарами повторяется въ Англіи въ 1511 году, но спустя три года оно теряетъ свою силу, ибо законъ 1511 года былъ изданъ лишь на три года, когда же онъ былъ возобновленъ въ 1514 году, объ этомъ запрещеніи уже не было ни слова. Оно снова появилось лишь двѣсти лѣтъ спустя, въ 1701 году, такъ что въ періодъ наибольшаго развитія кустарной промышленности

---

[1]) Bein, B. II. p. 40—41.

[2]) Schmoller. Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch. XIV, p. 1065.

[3]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters. p. 125.

расплата товарами нисколько не возбранялась [1]). Въ нюрнбергскомъ статутѣ, относящемся къ срединѣ XVI вѣка, говорится, что купцы должны платить мастерамъ чистой монетой, а не товарами вродѣ вина, телѣгъ, хромыхъ лошадей, испорченныхъ денегъ или иныхъ предметовъ, которые засчитываются въ плату выше ихъ дѣйствительной стоимости. Купцы не вправѣ также задерживать плату въ теченіе продолжительнаго времени или вычитать проценты изъ заработной платы, а обязаны уплачивать ее по четвертямъ года или самое позднее по полугодіямъ (!), чтобы мастера въ состояніи были пріобрѣтать все необходимое имъ для жизни [2]). Въ ножевомъ производствѣ Рулы всѣ мастера въ одинъ голосъ жаловались на эксплоатацію скупщиковъ, которые платятъ имъ не деньгами, а сталью и желѣзомъ и другими матеріалами, а также съѣстными припасами, засчитывая ихъ по высокимъ цѣнамъ; правительство пробовало было бороться съ этими злоупотребленіями, но всѣ мѣры оказались безуспѣшными: благодаря монопольному положенію скупщиковъ, запрещенія оставались мертвой буквой [3]). Точно также въ Золингенѣ и въ Эрлангенѣ расплата товарами практиковалась въ широкихъ размѣрахъ [4]). Кальвская компанія въ XVII вѣкѣ заставляла ткачей брать вмѣсто денегъ сало (для натиранія шерсти) и въ особенности крашенныя матеріи низкихъ сортовъ. Въ теченіи 3½ лѣтъ она такимъ путемъ сбыла матерій на сумму свыше 30 тысячъ гульденовъ, что составляетъ 10 проц. уплаченной за это время заработной платы. Ткачи вынуждены были сбывать эти матеріи съ убыткомъ для себя трактирщикамъ и пекарямъ, которые въ свою очередь продавали ихъ другимъ лицамъ и въ концѣ концовъ компанія пріобрѣтала ихъ вновь съ барышемъ. Расплата этими товарами производилась лишь въ теченіе одного періода, зато расплата шерстью практиковалась вплоть до половины XVIII вѣка, причемъ тѣмъ мастерамъ, которые отказыва-

[1]) Lohmann. p. 35—39.

[2]) Stockbauer. Nürnbergisches Handwerksrecht des XVI Jahrhunderts. Nürnberg. 1879. p. 56.

[3]) Eman. Sax. Hausindustrie in. Thüringen. II. p. 13—15.

[4]) Thun. II. p. 39—40. Schanz. Industrie und Kolonisation in Franken. B. I, p. 72 и сл.

лись принимать шерсть, дѣлался вычетъ изъ установленной платы. Правительство разрѣшало скупщикамъ выручать прибыль въ размѣрѣ одного, а впослѣдствіи и двухъ крейцеровъ съ каждаго фунта сбываемой такимъ путемъ шерсти. Въ дѣйствительности, однако, компанія извлекала гораздо большую прибыль: 4—5 крейцеровъ на фунтѣ шерсти. Расплата съ мастерами производилась въ XVII вѣкѣ компаніей лишь послѣ того, какъ товары были проданы на рынкѣ; если же мастера требовали плату до этого срока, то компанія дѣлала изъ нея вычетъ. Въ XVIII вѣкѣ половина заработной платы выдавалась сейчасъ же, т.-е. при пріемѣ товаровъ, другая половина—впослѣдствіи [1]).

Въ результатѣ скупщики—предприниматели извлекали большую прибыль изъ труда кустарей, между тѣмъ какъ положеніе послѣднихъ было весьма тяжелое. „Несправедливое отношеніе предпринимателей къ рабочимъ—говоритъ Ломанъ—было, хотя и не единственной, но несомнѣнно главной причиной того, что нужда и отчаяніе вызвали среди рабочихъ англійской шерстяной промышленности рѣшительное противодѣйствіе, которое угрожало опасностью не только предпринимателямъ, но и общественному спокойствію, чѣмъ только и можно оправдать тѣ жестокія мѣры, къ которымъ прибѣгало государство по отношенію къ рабочимъ. Законы, изданные государствомъ, направлены во-1-хъ противъ подлоговъ и обмановъ, производимыхъ рабочими по отношенію къ имуществу скупщиковъ въ видѣ полученныхъ для обработки матеріаловъ и полуфабрикатовъ; далѣе, противъ организацій рабочихъ, возникшихъ съ цѣлью достиженія болѣе выгодныхъ условій труда и заработной платы и для осуществленія изданныхъ въ интересахъ рабочихъ, но не примѣняемыхъ на практикѣ, законовъ, и наконецъ, въ 3-хъ, противъ насильственныхъ дѣйствій и преступленій, къ которымъ прибѣгали рабочіе, когда всѣ остальныя мѣры оказывались безуспѣшными“ [2]).

„Рабочіе флорентинской промышленности—говоритъ Доренъ—были лишены всякихъ законныхъ средствъ къ улучшенію своего матеріальнаго и соціальнаго положенія. А по-

---

[1]) Troeltsch. p. 45. 99—100. 123—125.

[2]) Lohmann. p. 40.

ложеніе это было въ общемъ очень печальное. Лишь высшій слой рабочаго населенія пользовался нѣкоторымъ благосостояніемъ. Огромное большинство жило изо-дня въ день и въ любое время могло очутиться на улицѣ съ протянутой рукой. Избытокъ въ рабочихъ рукахъ, вызываемый постояннымъ притокомъ населенія изъ селъ въ города, а также переселеніемъ ткачей изъ Германіи и Нидерландовъ, приводилъ къ тому, что плата никогда не могла подняться выше Existenzminimum'а, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда крупныя соціальныя катастрофы, вродѣ черной смерти, производили переворотъ во всѣхъ условіяхъ жизни". Единственнымъ способомъ борьбы при такихъ условіяхъ—указываетъ онъ далѣе—могло быть лишь грубое насиліе, возстаніе, которое должно было сломить силу капитала. Уже каждый отдѣльный предприниматель былъ экономически гораздо сильнѣе отдѣльнаго рабочаго, „когда же рабочему приходилось бороться съ цѣлой организаціей предпринимателей, когда жалобы рабочихъ разсматривались судомъ, состоящимъ изъ предпринимателей, и малѣйшая попытка съ ихъ стороны, направленная къ улучшенію своего положенія, наказывалась продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, тогда борьба становилась слишкомъ неравной и лишь сила, заключающаяся въ массахъ, физическая сила могла хотя бы временно измѣнить условія жизни рабочаго населенія. Такая временная перемѣна произошла во Флоренціи въ 1378 году, послѣ возстанія Чіомпи, которое, подобно возстанію 1345 года, было вызвано чисто-экономическими причинами: борьбою промышленнаго пролетаріата изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ [1]). Каково было положеніе генуэзскихъ рабочихъ въ шелковой промышленности, можно усмотрѣть изъ того обстоятельства, что въ 1447 году 30 ткачей (вѣроятно половина всѣхъ ткачей) было освобождено, вслѣдствіе бѣдности, отъ уплаты податей. Между тѣмъ, вкладъ цеха скупщиковъ (въ этой отрасли производства) въ банкѣ св. Георгія, независимо отъ имущества отдѣльныхъ членовъ, равнялся въ 1460 году 2.253 фунтамъ, въ 1478 г. 3.171 ф., въ 1482 г. 4.818 ф. и въ 1488 г. 5.718 ф. [2]).

---

[1]) Doren, p. 238—241. 462—465.

[2]) Sieveking, p. 171. 121.

Не лучше, чѣмъ въ Англіи и итальянскихъ городахъ, было матеріальное положеніе рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и Франціи. „Съ глубокой завистью и злобой— говоритъ Нюблингъ—смотрѣло большинство ткачей, какъ ульмскіе скупщики обогащались все болѣе и болѣе, какъ возрастала земельная собственность, какъ увеличивалось количество замковъ и усадебъ, которыя они пріобрѣтали на доходы отъ сбыта хлопчатобумажныхъ издѣлій, доходы, полученные безъ большого труда, въ то время какъ они, ткачи, проводили всю свою жизнь за станкомъ, несли на себѣ всѣ тягости производства и сбыта и все-таки въ концѣ года должны были благодарить Бога, если имъ удавалось прокормить себя и свою семью“ [1]). Въ силезской полотняной промышленности прибыль скупщиковъ была повидимому достаточно велика, ибо многіе изъ нихъ разбогатѣли на сбытѣ полотна. Въ эпоху завоеванія Силезіи Фридрихомъ Великимъ въ четырехъ городахъ: Гиршбергѣ, Шмидебергѣ, Ландесгутѣ и Грейфенбергѣ насчитывалось 110 очень состоятельныхъ купцовъ, торговавшихъ полотномъ и пряжей. Въ то же время заработокъ ткачей и прядильщиковъ не превышалъ того минимума, который необходимъ для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ началѣ XVIII вѣка ткачъ зарабатывалъ едва 5 грош. въ день, а прядильщикъ всего нѣсколько пфенниговъ и едва ли ихъ заработокъ былъ больше въ предыдущія столѣтія [2]).

Въ Вюртембергѣ во второй половинѣ XVIII вѣка минимальные расходы семьи, состоящей изъ мужа и жены, равнялись 115—120 гульд. въ годъ, расходы семьи изъ пяти членовъ (въ томъ числѣ трое дѣтей моложе 14 лѣтъ) составляли 190—200 гульденовъ. Между тѣмъ, годовой заработокъ ткача не привышалъ 75, 60 и даже 50 гульд.; остальные члены семьи зарабатывали максимумъ 20—25 гульд., такъ что въ общемъ доходъ составлялъ не болѣе 100 гульд. И даже если его увеличить, то и тогда останется значительное разстояніе между тѣмъ что заработано, и тѣмъ, что нужно было для семьи. „Какъ же покрывался этотъ огромный дефицитъ?—спрашиваетъ Трельтшъ. Во 1-хъ, посредствомъ

[1]) Nübling, Ulms Baumwollweberei. p. 147.
[2]) Zimmermann, p. 56—60, 63.

дальнѣйшаго сокращенія расходовъ, именно расходовъ на одежду и пропитаніе: во 2-хъ, путемъ частной и общественной благотворительности, и наконецъ, въ 3-хъ нищенствомъ. Можно себѣ представить, каково было соотношеніе между доходами и расходами въ годы дороговизны, когда расходы увеличивались, заработокъ же не возрасталъ!“ [1]). Насколько скупщики - предприниматели виновны были въ томъ, что ихъ рабочіе голодали, мы поймемъ только тогда, когда прочтемъ сообщенія современниковъ (хотя и нѣсколько преувеличенныя), что уже въ началѣ XVII вѣка многіе купцы успѣли въ теченіе 10—18 лѣтъ заработать по 20, 30, 50 и даже по 100 тысячъ гульденовъ. Были такіе, которые въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣли капиталъ въ 100 тысячъ. Мы точно знаемъ, что капиталъ одного изъ участниковъ Кальвской компаніи почти удвоился въ теченіи 7 лѣтъ, хотя едва ли всѣ дивиденды и проценты капитализировались. „Подводя итоги изслѣдованію о капиталѣ и прибыли компаніи, — читаемъ у Трельтша—мы прежде всего приходимъ къ тому выводу, что прибыль была значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ думали. Нашъ взглядъ на отношеніе скупщиковъ къ кустарямъ долженъ измѣниться подъ вліяніемъ этихъ цифръ и не къ выгодѣ компаніи. Въ цифрахъ ясно выражается причина тѣхъ явленій, которыя путешественники XVIII вѣка могли наблюдать лишь съ внѣшней стороны въ видѣ описываемаго ими богатства и роскоши въ г. Кальвѣ. Классъ предпринимателей совершенно измѣнился въ теченіе столѣтія; онъ получилъ совсѣмъ новый соціальный обликъ. Въ началѣ XVIII вѣка капиталъ въ 5 тысячъ гульденовъ былъ рѣдкостью, послѣ тридцатилѣтней войны капиталъ каждаго умиравшаго или выходившаго изъ состава компаніи участника составлялъ не менѣе 22 тысячъ гульд., въ большинствѣ случаевъ даже болѣе 30 тысячъ, хотя компанія уже не въ состояніи была пользоваться всѣми сбереженіями. Для того, чтобы понимать, насколько блестяще было положеніе компаніи, необходимо также имѣть въ виду, что доходы участниковъ ея не ограничивались прибылью“; къ послѣдней присоединялись проценты на вклады, плата за различныя

[1]) Troeltsch, p. 235—37.

операціи коммерческаго характера и т. п. Доходъ каждаго участника равнялся въ среднемъ 2—2½ тысячамъ гульд., не считая его дохода отъ другихъ операцій, отъ земельныхъ участковъ и т. п. А 2½ тысячи составляли для того времени сумму прямо таки огромную. Учитель гимназіи въ Штутгартѣ получалъ 390 гульд. въ годъ, вюртембергскій пасторъ—отъ 260 до 520 гульд., кромѣ доходовъ въ натурѣ, важные чиновники – отъ 1—1½ тысячъ гульд.; 3 тысячи гульд. считалось министерскимъ жалованьемъ. „Понятно, почему предприниматели смотрѣли сверху внизъ на все чиновничество“ [1]).

Подобную же параллель между положеніемъ рабочихъ и положеніемъ предпринимателей мы можемъ провести по отношенію къ ліонской шелковой промышленности. Съ одной стороны, намъ извѣстно, что среди очень богатыхъ купцовъ г. Ліона въ 1677 году насчитывалось 17 купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, но лишь 15 суконщиковъ и 14 торговцевъ пряностями и бакалейными товарами; среди другихъ корпорацій очень богатыхъ членовъ было еще меньше. Въ 1789 году скупщики сами заявляютъ, что ихъ четыреста человѣкъ и что они владѣютъ движимой и недвижимой собственностью въ 60 милліоновъ. Съ другой стороны, изъ различныхъ бюджетовъ рабочихъ, составленныхъ въ концѣ XVIII вѣка, видно, что разница между ихъ доходами и расходами была очень значительна: дефицитъ составлялъ 506, 356, 249 ливр. и даже по самому умѣренному вычисленію 53 ливра, причемъ расходы въ случаѣ болѣзни, сокращеніе доходовъ, вслѣдствіе часто повторявшихся періодовъ безработицы, не приняты во вниманіе. Эти дефициты, по словамъ Годара, свидѣтельствуютъ о выносливости рабочихъ, объ ихъ умѣніи покоряться своей участи; „благодаря ихъ экономіи, простотѣ образа жизни и нравовъ, они существовали, въ то время какъ самыя умѣренныя вычисленія указывали на то, что они должны были умереть съ голоду. Аббатъ Бертолонъ, котораго нельзя упрекнуть во враждебномъ отношеніи къ скупщикамъ, писалъ въ 1787 году, что трудъ рабочихъ въ шелковой промышленности крайне изнурителенъ, что они работаютъ по 18 часовъ въ

[1]) Troeltsch, p. 39, 151—153.

день и не доживаютъ до преклонныхъ лѣтъ; они живутъ въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ воздуха и наполненныхъ міазмами, ѣдятъ не для того, чтобы жить, а чтобы не умереть съ голоду. „Кто-то сказалъ—заключаетъ онъ—что такихъ мануфактуръ, какъ въ Ліонѣ, нигдѣ невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ѣли и не спали, какъ въ Ліонѣ“ [1]).

Буассонадъ указываетъ на то печальное положеніе, въ которомъ находилось промышленное населеніе въ Пуату. Въ такомъ промышленномъ центрѣ, какъ Сенъ-Маиксъ, насчитывалась въ 1740 г. сотня скупщиковъ, которые имѣли капиталъ въ 30 тысячъ и мѣнѣе; все же остальное населеніе, занятое производствомъ тканей—чесальщики, прядильщики и ткачи всякаго возраста находились въ состояніи близкомъ къ полной нищетѣ. [2]) Левассеръ въ свою очередь указываетъ на то, что французскіе рабочіе XVIII вѣка терпѣливо переносили свои страданія, цѣлыя поколѣнія прозябали и умирали, не имѣя надежды на лучшее будущее, даже не помышляя о немъ; и эти страданія остались бы скрытыми отъ глазъ потомства, если бы историки не подняли завѣсы и не нарисовали яркой картины жизни народа въ прошлыя столѣтія [3]).

Дѣйствительность, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ государства и представителей науки [4]). Современные нѣмецкіе историки—экономисты выставляютъ по-

---

[1]) Godart, p. 20—26, 92, 389, 405—418.

[2]) Boissonade. T. II, p. 169—170.

[3]) Levasseur, II, p. 849.

[4]) На такой же точкѣ зрѣнія стояли и представители религіи. Кальвинъ утверждалъ, что „народъ“ т. е. рабочіе и ремесленники только до тѣхъ поръ, пока они остаются въ бѣдности, послушны Богу. А пуритане учили, что религіозность рабочаго заключается не во внѣшнемъ исповѣданіи вѣры, а въ добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей. „Интересы Бога и интересы предпринимателя—прибавляетъ къ этому Максъ Веберъ—здѣсь весьма близко соприкасались... Религіозный аскетизмъ доставлялъ предпринимателю трезвыхъ, добросовѣстныхъ и очень трудолюбивыхъ рабочихъ, раздѣло... Капитализмъ же въ первую эпоху своего развитія нуждался въ рабочихъ, которые давали бы себя эксплоатировать не за страхъ, а за совѣсть“. (Max Weber. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissenschaft. 1905. p. 105—107).

лицейское государство XVII—XVIII ст. въ видѣ довольно безпристрастнаго судьи, имѣющаго въ виду нужды и выгоды промышленности, какъ они ихъ понимали, и не обнаруживающаго особаго пристрастія ни къ предпринимателямъ ни къ рабочимъ, между тѣмъ какъ приводимыя ими же весьма многочисленныя фактическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что государство отождествляло интересы промышленности съ интересами предпринимателей [1]). Едва ли не наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія является Шмоллеръ, утверждающій, что цѣль статутовъ, изданныхъ въ области кустарной промышленности XVII—XVIII ст., состояла въ устраненіи соціальныхъ несправедливостей: они должны были защищать кустарей отъ произвола предпринимателей. Шмоллеръ называетъ эти статуты чѣмъ то среднимъ между старымъ цеховымъ правомъ и современнымъ фабричнымъ законодательствомъ [2]). Намъ нѣтъ надобности доказывать, насколько невѣрно это воззрѣніе. Многочисленные факты, приведенные нами выше изъ различныхъ мѣстностей и отраслей промышленности, начиная отъ постановленій, запрещающихъ кустарямъ работать на собственный счетъ и сбывать свои издѣлія помимо корпораціи скупщиковъ, и кончая непосредственнымъ установленіемъ максимальной платы — сами говорятъ за себя. Регламенты кустарной промышленности XVI—XVIII ст. составляютъ полную противоположность фабричному законодательству XIX вѣка: фабричные законы изданы въ интересахъ рабочаго населенія, кустарные регламенты направлены противъ кустарей. Разница между кустарными регламентами и цеховыми уставами въ этомъ отношеніи конечно есть: цеховые уставы преслѣдуютъ выгоды мастеровъ, являющихся самостоятельными ремесленниками и наравнѣ

---

[1]) Сторонники государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь въ цѣляхъ защиты болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ не могутъ допустить что государство (да еще прусское государство!) въ прежнія столѣтія поступало какъ разъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что это государство они себѣ всегда предоставляютъ въ видѣ современнаго прусскаго государства, а не прусскаго государства того времени.

[2]) Schmoller. Die Hausindustrie und ihre älteren Ordnungen und Reglements. Jahrbuch. 1887.

со своими подмастерьями занимающимися производствомъ товаровъ, тогда какъ регламенты XVII—XVIII ст. охраняютъ интересы купцовъ („буржуазіи", „капиталистовъ"), ничего общаго съ производствомъ и съ классомъ рабочихъ неимѣющихъ.

Но иначе это и быть не могло: въ средневѣковыхъ городахъ власть находилась въ рукахъ самостоятельныхъ цеховыхъ мастеровъ, въ послѣдующія столѣтія носителями ея являлись купцы-предприниматели, вышедшіе, какъ мы видѣли выше [1]), главнымъ образомъ изъ среды тѣхъ же цеховыхъ ремесленниковъ. Одно является лишь необходимымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ другого. Марксъ вполнѣ правильно характеризуетъ „историческое возникновеніе капиталистическаго производства" въ XV — XVIII ст. „При своемъ появленіи на сцену—говоритъ онъ—буржуазія нуждается въ государственной власти и дѣйствительно пользуется ею для „регулированія" заработной платы, т. е. для того, чтобы втиснуть ее въ предѣлы, соотвѣтствующіе желаніямъ наживы, [2]) для удлиненія рабочаго дня и, наконецъ, для того, чтобы удержать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это существенный моментъ т. наз. первоначальнаго накопленія" [3]) [4]).

Однако, Марксъ выставляетъ это содѣйствіе государства предпринимателю въ борьбѣ его съ рабочимъ какъ нѣчто совершенно новое, впервые появившееся въ XV—XVI ст. съ возникновеніемъ „капитала". Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что и въ предыдущій періодъ городъ стоялъ

---

[1]) См. стр. 525 и сл.

[2]) О продолжительности рабочаго дня въ различныя эпохи см. во второмъ томѣ „Эволюціи прибыли".

[3]) Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. p. 768. Подр. о Марксѣ см. во второмъ томѣ.

[4]) „Установленіе пормальнаго рабочаго дня—говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ (p. 269)—есть результатъ многовѣковой борьбы между капиталистомъ и рабочимъ. Но въ исторіи этой борьбы обнаруживаются два противоположныхъ теченія. Стоитъ сравнить напр. англійское фабричное законодательство настоящаго времени съ англійскими рабочими статутами начиная съ XIV ст. вплоть до половины XVIII. Въ то время, какъ современное фабричное законодательство принудительно сокращаетъ рабочій день, эти статуты стремятся къ принудительному удлиненію его".

всегда на сторонѣ цеховыхъ мастеровъ, а не подмастерьевъ-рабочихъ, находившихся въ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ. Таможенный протекціонизмъ XVI—XVIII ст. не есть что-либо новое, противоположное предшествующему періоду, а лишь продолженіе протекціонной политики среднихъ вѣковъ, съ той только разницей, что покровительство оказывается не мѣстнымъ городскимъ промысламъ, а всей промышленности государства. Точно также покровительство, оказываемое государствомъ XVI—XVIII ст. торговымъ компаніямъ и ассоціаціямъ скупщиковъ, замѣняетъ собою лишь покровительство средневѣковаго города мѣстнымъ купеческимъ гильдіямъ и цеховымъ ремесленникамъ. Цеховые мастера, а не ихъ подмастерья являются выразителями городскаго ремесла, купцы („мануфактуристы“), а не ихъ рабочіе разсматриваются какъ носители идеи національной торговли и промышленности въ эпоху меркантилизма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Промышленность и промышленная прибыль въ XVI—XVIII ст.

(Продолженіе)

Б. Централизованныя мануфактуры и ученіе Адама Смита.

I.

Рядомъ съ кустарной формой производства мы встрѣчаемъ въ XVII—XVIII ст. и мануфактурную: болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ соединяется въ опредѣленномъ зданіи подъ надзоромъ предпринимателя. Таково современное понятіе мануфактуры, установившееся, по крайней мѣрѣ, со времени Маркса. Но совершенно иное значеніе имѣло слово „мануфактура“ въ XVII—XVIII ст. Писатели того времени подразумѣвали подъ мануфактурой не извѣстную форму предпріятія, извѣстный способъ производства, а промышленность вообще, независимо отъ той или другой формы производства: суконная мануфактура означало суконная промышленность, причемъ она могла имѣть и ремесленный и кустарный характеръ.

Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Бехеръ въ 1668 г., совѣтуя развивать шелковыя, шерстяныя и полотняныя мануфактуры въ странѣ, и Шредеръ, ставя въ 1686 г. вопросъ, о какихъ мануфактурахъ долженъ особенно заботиться государь, и Гернигкъ, находя что купцы ничего не смыслятъ въ мануфактурахъ, причемъ мануфактуристовъ онъ отождествляетъ со скупщиками. Лаффема указываетъ на недостатки въ производствѣ французскихъ мануфактуръ, а генеральные штаты 1614 г. настаиваютъ на необходимости введенія во Франціи иностранныхъ мануфактуръ—и здѣсь мануфактура обозначаетъ ничто иное, какъ промыш-

ленность. Такой же смыслъ имѣетъ и въ Англіи слово manufacture, обозначая всякаго рода промышленность, начиная отъ ремесленной и вплоть до фабричной—еще Юръ называетъ свою книгу о фабричномъ производствѣ „философіей мануфактуръ“.

Между мануфактурой и фабрикой не проводится никакого различія: Мозеръ и Бергіусъ прямо указываютъ на то, что оба выраженія синонимы. Фабрикантомъ называется всякій промышленникъ—не только скупщикъ-предприниматель, но и самостоятельный ремесленникъ, и кустарь, работающій на скупщика. По терминологіи Юсти, фабрики или мануфактуры бываютъ трехъ родовъ: первая категорія составляетъ, какъ то, что мы называемъ кустарной промышленностью, такъ и то, что понимается подъ централизованной мануфактурой, вторая категорія—тоже, но при коллективной формѣ предпріятія (компанія), въ третью категорію мануфактуръ или фабрикъ выдѣлено ремесло. Такое пониманіе мануфактуры и фабрики являлось въ то время господствующимъ. Ліонская шелковая промышленность, которая производилась исключительно кустарнымъ способомъ, была извѣстна по всей Европѣ подъ названіемъ „la grande fabrique“. Quamdiu regnabit luxus, tamdiu fabrica subsistet—подписано подъ однимъ изъ рисунковъ, относящихся къ ліонской шелковой промышленности. Процвѣтаніе фабрики требуетъ чтобы ремесленники сбывали свои издѣлія исключительно компаніи купцовъ, послѣдніе же принимали у нихъ товары по справедливой цѣнѣ и не притѣсняли ихъ — читаемъ въ статутахъ, относящихся къ саксонской хлопчатобумажной промышленности, гдѣ кустари производили товари на скупщиковъ. Если же дѣлается различіе между мануфактурой и фабрикой, то опять таки не въ смыслѣ разныхъ формъ производства, а лишь въ качествѣ различныхъ отраслей промышленности: фабриками называются тѣ промыслы, гдѣ работа происходитъ при помощи огня и молота, т. е. металлургическая промышленность, тогда какъ мануфактурой обозначается производство шерстяныхъ, льняныхъ, хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ издѣлій, т. е. текстильная промышленность [1]). Такое различіе проводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Юсти. Зонненфельсъ же (1771 г.) указываетъ на то, что „пуритане“ (англичане?) говорятъ „о ману-

фактурахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда молотъ и огонь не примѣняются въ производствѣ, напр., суконная мануфактура, ситцевая мануфактура; когда же необходимы эти приспособленія, то они употребляютъ слово „фабрика“: стальная фабрика, латунная фабрика. Однако — прибавляетъ онъ — языкъ почти совсѣмъ уничтожилъ это различіе; понятіе фабрики получило болѣе широкій смыслъ, мы говоримъ ежедневно о суконной фабрикѣ, ситцевой фабрикѣ“. Лишь въ видѣ исключенія Лампрехтъ въ 1797 г. (и еще раньше, въ XVII ст., авторъ „Entdeckte Goldgrube in der Accise“) опредѣляетъ въ качествѣ характерной черты фабрики зданіе (обширное зданіе, мастерскую), въ которомъ соединены рабочіе. Такой смыслъ „фабрика“ должна была постепенно получить, такъ какъ металлургическая промышленность которая обозначалась этимъ терминомъ, производилась, вслѣдствіе техническихъ условій (примѣненіе „огня и молота“), раньше чѣмъ какая-либо иная въ централизованныхъ мастерскихъ [2]).

Между тѣмъ, въ дѣйствительности фабрикъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, до конца XIX вѣка (въ Англіи до 80-хъ годовъ XVIII вѣка) вовсе не существовало. Для фабрики недостаточно одной централизаціи производства въ общей мастерской и подъ руководствомъ предпринимателя; это составляетъ особенность мануфактуры. Нужно нѣчто большее: пользованіе машинами и двигателями, примѣненіе раціональныхъ химическихъ процессовъ производства. Мануфактура всего этого не знаетъ; способъ производства ручной, ни машины, ни сложные аппараты не употребляются. Въ этомъ отношеніи нельзя провести различія между мануфактурной и кустарной промышленностью. Разница заключается лишь въ томъ, что

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ у насъ и до сихъ поръ употребляются слова: мануфактурная промышленность, мануфактурные товары, мануфактурный магазинъ, обозначая обработку волокнистыхъ веществъ, издѣлія этой промышленности, лавку, гдѣ они продаются.

[2]) Ср. Sombart. Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für soziale Gesetzgebung. B. XVI. p. 353—58. Stieda. Fabrik. Handw. der Staatswiss. B. IV.

рабочіе не разбросаны по домамъ и не работаютъ каждый у себя по своему разумѣнію, а соединены вмѣстѣ въ одномъ и томъ же зданіи, подъ надзоромъ однихъ и тѣхъ же лицъ, которыя руководятъ не только коммерческой, но и технической стороной дѣла; а результатомъ этихъ двухъ моментовъ является уже однообразная техника производства, возможность болѣе или менѣе широкаго раздѣленія труда между рабочими. Между кустарной мастерской и мануфактурой съ внѣшней стороны много сходства: и здѣсь и тамъ нерѣдко 6—10 человѣкъ рабочихъ, не болѣе, производятъ совмѣстно подъ надзоромъ одного лица, съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ они называются подмастерьями, во второмъ—рабочими. Но всматриваясь глубже, мы находимъ и болѣе существенныя различія: кустарная мастерская производитъ обыкновенно лишь нѣкоторые процессы производства, лишь отдѣльныя части продукта, почему здѣсь раздѣленіе труда крайне ограничено, тогда какъ мануфактура, по крайней мѣрѣ, въ ея развитомъ видѣ, соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ операцій, совмѣщая въ себѣ въ качествѣ отдѣленій нѣсколько кустарныхъ мастерскихъ различной спеціальности. Но еще важнѣе другая черта мануфактуры. Во главѣ ея стоитъ не мастеръ, производящій на скупщика и вполнѣ зависящій отъ него, а самостоятельный предприниматель-капиталистъ, тотъ самый скупщикъ, который теперь превратился въ промышленнаго предпринимателя, принявъ на себя завѣдываніе процессомъ производства.

Первыя мануфактуры и возникли такимъ образомъ, что въ страну переселялся предприниматель съ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, они селились вмѣстѣ въ особомъ отведенномъ имъ зданіи, которое являлось вначалѣ и жилымъ помѣщеніемъ, и соединенными усиліями приступали къ производству товаровъ. Совмѣстнымъ жительствомъ мастеровъ различныхъ спеціальностей и обусловливалось главнымъ образомъ возникновеніе мануфактуры, а не кустарной формы производства. Мы разсмотрѣли выше цѣлый рядъ новыхъ категорій рабочаго населенія, вновь появившихся въ производствѣ промышленныхъ издѣлій въ XVI—XVIII ст. и тѣмъ нарушившихъ монополію цеховъ: это были сельскіе жители, женщины и дѣти, привилегированные го-

родскіе ремесленники и кустари и, наконецъ, иностранные мастера. Всѣ эти элементы являлись конкуррентами цеховымъ мастерамъ и естественно возбуждали ненависть и вражду со стороны послѣднихъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на лицъ, нарушавшихъ ихъ исконныя права и привилегіи, не дѣлая различія между мастерами, получившими привилегію и придворными ремесленниками, съ одной стороны, и тѣми, которые не пріобрѣли никакого права на занятіе промысломъ, съ другой стороны. И тѣ и другіе получали позорную кличку: „Pfuscher, Störer, Bönhase, Chambrelan“ и т. п. Нападенія цеховыхъ мастеровъ на привилегированныхъ ремесленниковъ, сопровождавшіяся насиліями и уничтоженіемъ инструментовъ и производимыхъ товаровъ, составляютъ въ XVI—XVIII ст. явленіе далеко не рѣдкое. Въ такихъ случаяхъ единственнымъ исходомъ являлось предоставленіе мастерамъ, не входившимъ въ составъ цеха, опредѣленнаго зданія, гдѣ они имѣли бы возможность укрыться отъ взоровъ цеха и спокойно заниматься своимъ промысломъ; для того, чтобы ихъ вполнѣ защитить отъ насилій, зданіе носило королевскій или герцогскій гербъ и называлось королевской или княжеской мануфактурой, т. е. промышленнымъ заведеніемъ, по терминологіи того времени, независимо отъ формы предпріятія. Однако, постепенно оно обращалось дѣйствительно въ мануфактуру въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово въ настоящее время. Разрозненные мастера, благодаря совмѣстному жительству, приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ; продуктъ, который ранѣе переходилъ отъ кустаря, совершавшаго первые процессы производства, къ скупщику или посреднику-фактору, а затѣмъ уже передавался другому кустарю для продолженія производства, теперь шелъ непосредственно изъ рукъ въ руки, отъ одного мастера къ слѣдующему. Въ другихъ случаяхъ, когда производство не составляло одного непрерывнаго процесса, а продуктъ составлялся изъ различныхъ частей, изготовленныхъ мастерами различныхъ спеціальностей, теперь при совмѣстномъ жительствѣ ихъ всѣ эти части собирались тутъ же мастеромъ, дававшимъ продукту окончательную отдѣлку. Не менѣе важны, наконецъ, и тѣ мануфактуры, которыя возникли благодаря тому, что мастера одной и той же спеціальности селились вмѣстѣ и распре-

дѣляли между собою различныя функціи при производствѣ товара.

Какъ бы то ни было, но вражда со стороны цеховыхъ мастеровъ являлась, повидимому, главной причиной возникновенія первыхъ мануфактуръ. XVI—XVII ст. періодъ широкаго переселенія промышленныхъ элементовъ населенія. Итальянцы переселяются въ Швейцарію, Францію и Австрію, голландцы — во Францію и Англію, гугеноты — въ Пруссію, прирейнскія страны, Швейцарію, Австрію, Нидерланды. Правительства тѣхъ странъ, гдѣ они появляются, не только не ставятъ имъ никакихъ препятствій, но, наоборотъ, сами вызываютъ новыхъ переселенцевъ, оказываютъ имъ всякія льготы, стараются дать имъ возможность свободно заниматься своими промыслами. Да это и понятно: вѣдь всѣ эти купцы и мастера приносили съ собою новую, болѣе усовершенствованную технику производства, болѣе утонченный вкусъ, они вызывали новыя потребности въ странѣ и создавали средства для ихъ удовлетворенія; ихъ издѣлія были изящнѣе, прочнѣе туземныхъ. Все это должно было дать сильный толчокъ промышленности, усилить денежное обращеніе въ странѣ, какъ говорили въ тѣ времена, при томъ условіи, конечно, если новымъ переселенцамъ давалась возможность проявить свои способности, свое искусство во всей его полнотѣ. Между тѣмъ со стороны цеховыхъ мастеровъ они кромѣ непріязни, ничего встрѣтить не могли; если вражда послѣднихъ по отношенію къ привилегированнымъ мастерамъ вообще была очень велика, то можно себѣ представить, какъ они относились къ иностранцамъ, которые вѣдь вообще не допускались въ цехи, не могли заниматься промыслами. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы вводили совершенно новыя отрасли промышленности, напр. производство табаку, зеркалъ, мыла. Но онѣ были исключеніями. Обыкновенно иностранные купцы и мастера либо производили извѣстныя уже раньше издѣлія, но только лучшаго качества, какъ напр. въ области производства шляпъ, дубленія кожъ, въ хлопчатобумажной и полотняной промышленности, либо хотя и выдѣлывали новые продукты, но изъ матеріаловъ, уже ранѣе извѣстныхъ, какъ напр., въ области шерстяной промышленности, такъ что приходили и здѣсь въ столкновеніе съ привилегіями

цеховъ. Во Франціи и до переселенія венеціанцевъ производились болѣе грубыя сорта кружевъ, а въ Пруссіи эмигранты выдѣлывали изъ шерсти чулки, ковры, перчатки, платье; саржа, коломянка, крепъ, камлотъ и цѣлый рядъ другихъ тканей составляли лишь новыя сорта издѣлій, изготовлявшіяся изъ той же шерсти, изъ того же льна [1]). Ясно, что для того, чтобы привилегіи, полученныя иностранцами не оставались мертвой буквой, чтобы они дѣйствительно имѣли возможность развивать промышленность страны, правительство должно было защитить ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій цеховыхъ мастеровъ, дать имъ помѣщенія, гдѣ они могли бы поселиться и работать. И дѣйствительно, во всѣхъ странахъ иностранные промышленники вмѣстѣ съ денежными ссудами получаютъ и зданія для устройства мастерскихъ, въ которыхъ они вмѣстѣ съ тѣмъ и живутъ. Обыкновенно на этихъ зданіяхъ красуется государственный гербъ, т. е. зданіе привилегированное, пользуется иммунитетомъ.

Возникновеніе первыхъ мануфактуръ во Франціи подтверждаетъ выставленное нами предположеніе. Въ началѣ XVII вѣка была сооружена луврская галлерея, которая должна была служить убѣжищемъ для лицъ, не входившихъ въ составъ цеховъ. „Мы велѣли устроить зданіе такимъ образомъ,—говорится съ королевскомъ указѣ 1607 года—чтобы въ немъ могли удобно поселиться лучшіе ремесленники и мастера, и могли бы заниматься, какъ живописью, ваяньемъ, выдѣлкой золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій, производствомъ часовъ, шлифованіемъ драгоцѣнныхъ камней, такъ и различными другими искусствами, работая какъ для нашего двора, такъ и для нашихъ подданныхъ“. Изъ указа слѣдующаго года мы узнаемъ, что въ Луврѣ жили также мастера, производившіе холодное оружіе, столярныя издѣлія, духи, трубы для фонтановъ, физическіе инструменты, ковры и восточныя издѣлія и т. п. Тѣмъ самымъ, что они жили въ Луврѣ, всѣ они освобождались отъ надзора цеховъ, находились подъ покровительствомъ короля. Никто не могъ имъ препятствовать работать на публику и брать къ себѣ учениковъ и, несмотря на всѣ протесты цеховъ, они преспокойно производили и

[1]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen. B. XI. p. 809. 822.

сбывали свои товары. Цеховые мастера вынуждены были ограничиться заявленіемъ, что ни одинъ порядочный мастеръ не станетъ работать въ Луврѣ, на что никто, конечно, не обращалъ вниманія [1]). Изъ собранія отдѣльныхъ, независимо другъ отъ друга, работающихъ мастеровъ луврская галлерея постепенно превратилась въ обширную, основанную на раздѣленіи (расчлененіи) труда мануфактуру, производившую всевозможные предметы роскоши. Полстолѣтія спустя послѣ основанія Лувра, количество мастеровъ, жившихъ въ немъ, значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе талантливые и умѣлые выдѣлились изъ среды прочихъ и стали во главѣ производства, доставляя остальнымъ модели для работы, направляя и руководя ихъ дѣятельностью. Образовались мастерскія ковровыя, оружейныя, ювелирныя, мебельныя. Одной изъ мастерскихъ завѣдовалъ Андре-Шарль Буль, эбенистъ, рѣзчикъ по металлу и позолотчикъ. Въ его мастерской стояло восемнадцать станковъ для производства издѣлій изъ чернаго дерева, два столярныхъ станка; тамъ же работали пильщики, бронзовщики и мастера, собиравшіе отдѣльныя части и дававшіе имъ окончательную отдѣлку. Вмѣстѣ съ Булемъ за ходомъ работъ надзирали его четыре сына. Такимъ образомъ, одна его мастерская представляла собою цѣлую мануфактуру, которая изготовляла всевозможную мебель изъ дерева и бронзы, какъ напр. корпуса для часовъ, столы, бюро изъ мозаики, съ мѣдными инкрустаціями на черепахѣ, изъ цвѣтного дерева, книжные шкафы съ зеркальными стеклами, люстры, преспапье, коммоды съ бронзовыми украшеніями и т. п. [2]).

Подобнымъ же образомъ возникла и другая не менѣе извѣстная мануфактура, также производившая предметы

[1]) Непріязненное отношеніе къ иностранцамъ — говоритъ д'Авенель — было обычнымъ въ прежніе вѣка и стремленіе къ недопущенію иностранныхъ рабочихъ не возникло въ наше время. Однако существеннымъ палліативомъ въ этомъ отношеніи являлась луврская галлерея, гдѣ могли заниматься промыслами лица любой національности. Публика, гулявшая по этой галлереѣ, длиною въ 700 футовъ, встрѣчала много итальянцевъ и фламандцевъ на порогѣ ихъ мастерскихъ. На вывѣскахъ были изображены имена голландскихъ гранильщиковъ и фабрикантовъ турецкихъ ковровъ (d' Avenel. Histoire de la proprieté, etc. T. III. p. 455).

[2]) Levasseur T. II. p. 176—77. 309—10.

роскоши—мануфактура Гобеленовъ. Ковровое производство существовало во Франціи и до XVII вѣка, но лишь въ зачаточномъ состояніи и большая часть продуктовъ привозилась изъ Нидерландовъ. Лишь Генрихъ IV рѣшилъ перенести фламандское ковровое производство на французскую почву, и съ этой цѣлью въ 1599 году запретилъ ввозъ ковровъ, изготовленныхъ за границей, и одновременно съ этимъ далъ двумъ фламандцамъ привилегію выдѣлки ковровыхъ издѣлій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, а рабочихъ ихъ, также фламандцевъ, освободилъ отъ всякихъ податей. Появленіе конкуррентовъ въ лицѣ иностранныхъ предпринимателей и рабочихъ вызвало сильное возбужденіе среди парижскихъ мастеровъ, занимавшихся ковровымъ промысломъ, которые стали протестовать противъ допущенія иностранцевъ. Однако, протестъ не имѣлъ успѣха: фламандцы были приняты подъ покровительство короля и получили отъ него по 100 тысячъ фр., причемъ обязались производить работу на 80 станкахъ, изъ коихъ 60 должно было находиться въ Парижѣ. Они жили первоначально въ различныхъ частяхъ города, но затѣмъ имъ было предоставлено зданіе, принадлежавшее фамиліи Гобеленовъ. Ихъ мастерскія и положили основаніе королевской гобеленовой мануфактурѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка Гобелены представляли собою большую мануфактуру, во главѣ которой стоялъ художникъ Лебренъ и при которой состояло нѣсколько живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ и т. д. Какъ и въ Луврѣ, здѣсь производились всевозможные предметы роскоши, комнатнаго убранства, ковры, люстры, вазы, издѣлія изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, изъ краснаго дерева, черепахи и мозаики. Мануфактура насчитывала 250 рабочихъ, которые распредѣлялись на нѣсколько отдѣленій, причемъ, какъ лица, руководившія производствомъ, такъ и рабочіе были почти исключительно иностранцы-фламандцы, голландцы и итальянцы. [1]).

Гобеленовая мануфактура находилась въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсель, а до перехода туда фламандскіе выходцы жили въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ; въ Сентъ-Антуанъ была устроена и первая зеркальная мануфактура, въ пред-

[1]) Levasseur. T. II. p. 171—72. 175. 242—44. 307—308.

мѣстьѣ Сенъ-Жерменъ—ковровыя мануфактуры. Вообще въ предмѣстьяхъ Парижа возникъ въ теченіе XVII вѣка цѣлый рядъ мануфактуръ кожевенныхъ, слесарныхъ, перчаточныхъ; онѣ соединяли въ себѣ производство нѣсколькихъ сортовъ издѣлій, которые по цеховымъ статутамъ принадлежали различнымъ цехамъ, и имѣли нерѣдко свыше 15 человѣкъ рабочихъ, что въ тѣ времена и въ этихъ отрасляхъ производства составляло значительное количество. Предмѣстья (Lieux privilegiés) съ давнихъ поръ пользовались особыми привилегіями (остатки феодальнаго строя) и не подчинялись надзору городскихъ цеховъ, въ силу этого они являлись убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, кто скрывался отъ цеховыхъ властей и желалъ свободно заниматься промысломъ. Соединеніе мастеровъ разныхъ спеціальностей въ этихъ кварталахъ создало здѣсь рядъ мануфактуръ, основанныхъ на болѣе или менѣе значительномъ раздѣленіи труда [1]). Одной изъ первыхъ мануфактуръ была и Савоннери. Дюпонъ и Лурде поселились въ 1627 году въ странно-пріимномъ домѣ, учрежденномъ въ 1615 году Маріей Медичи, и образовали мануфактуру для производства ковровъ и восточныхъ издѣлій изъ золота, серебра, шелка и шерсти [2]).

Первая австрійская мануфактура — „Manufacturhaus auf dem Tabor“ (въ Вѣнѣ) была основана въ 1676 году, согласно проекту Бехера. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій— лабораторіи для производства алхимическихъ опытовъ, мастерской для выдѣлки маіолики, аптеки, мастерской для производства шелковыхъ издѣлій на трехъ ленточныхъ станкахъ и другой для изготовленія шерстяныхъ тканей, заведенія для выдѣлки венеціанскаго стекла и для плавки золота и серебра. Въ такомъ видѣ мануфактура—относились къ ней весьма враждебно—просуществовала впрочемъ не долго и неизвѣстно даже, были ли вообще открыты и пущены въ ходъ всѣ ея отдѣленія. Въ 1683 г. зданіе сгорѣло и рѣшено было построить новое. Бехера замѣнилъ Шредеръ. Шредеръ усматривалъ главную цѣль мануфактуры въ томъ, чтобы она смягчала злоупотребленія, связанныя

[1]) Levasseur. T. II. p. 242. 259. 739.
[2]) Ibid. T. II. p. 190. 244.

съ цеховымъ строемъ. Мануфактура должна была явиться убѣжищемъ для всѣхъ ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, кто бы эти ремесленники ни были. Онъ находилъ, что для этого мануфактура вовсе не нуждается въ особой привилегіи; достаточно того, чтобы мастерамъ, работающимъ тамъ, предоставлялось право брать къ себѣ учениковъ и обучать ихъ безпрепятственно; выучившись ремеслу, они, независимо отъ числа лѣтъ ученія, пріобрѣтаютъ званіе мастера и освобождаются отъ обязанности странствованія. Но для того, чтобы поселившіеся въ мануфактурѣ мастера могли безпрепятственно работать, мануфактура должна носить названіе „das hoffbefreite Haus“, подобно тому, какъ привилегированные мастера называются „hoffbefreit“, и подлежать юрисдикціи гофмаршала, ибо въ противномъ случаѣ городъ и цехи будутъ ставить ей всякія препятствія и некому будетъ защитить ее. Такимъ образомъ, Шредеръ, собственно говоря, никакой мануфактуры и не имѣлъ въ виду, а просто, подобно Генриху IV во Франціи, желалъ создать убѣжище для мастеровъ, преслѣдуемыхъ цехами. Однако, зданіе, повидимому, не было выстроено вновь и мануфактура прекратила свое существованіе [1]) [2]).

Есть основанія предполагать, что подобнымъ же образомъ возникли мануфактуры и въ другихъ странахъ, что и тамъ желали создать лишь мануфактуры въ томъ смыслѣ, какъ это слово употреблялось въ XVII—XVIII ст., т. е. промышленныя заведенія вообще, новыя отрасли производства, и лишь въ силу необходимости, вслѣдствіе препятствій создаваемыхъ цеховымъ строемъ, мастерамъ, въ особенности иностранцамъ, приходилось предоставлять особыя зданія, принадлежащія правительству и находящіяся подъ его за-

---

[1]) Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien. Leipzig. 1886. p. 35—37. 39—40. 48. 70. 86—87. См. также Max Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich. p. 36 и сл. Hallwich. Anfänge der Gross-Industrie in Oesterreich. Wien. 1898. p. 30—31.

[2]) И впослѣдствіи цехи весьма враждебно относились къ мануфактурамъ. Въ патентѣ 1713 г. на устройство зеркальной фабрики запрещается обижать рабочихъ ея, или высылать ихъ, къ какой бы они ни принадлежали національности. Городъ Линцъ не дозволяетъ даже жителямъ сдавать квартиры рабочимъ тамошней мануфактуры. (Adler. p. 87).

щитой, гдѣ и образовывались постепенно централизованныя мануфактуры. Въ Нидерландахъ до конца XVII вѣка мануфактурныя предпріятія появлялись лишь въ видѣ исключенія, поскольку же они возникали, они относились—что особенно любопытно — къ новымъ отраслямъ производства, возникли въ области зеркальной и шелковой промышленности, и притомъ устраивались исключительно иностранцами—испанцами, итальянцами, англичанами, которые стояли совершенно внѣ цеховъ, пользуясь особыми привилегіями производства. Господствующей же являлась кустарная промышленность, имѣвшая цеховую организацію. Но послѣ отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году и еще за нѣсколько лѣтъ до этого, въ Нидерланды стали переселяться тысячи французскихъ эмигрантовъ; все это были купцы, ремесленники, рабочіе, приносившіе съ собою коммерческія способности, утонченный вкусъ и значительные капиталы. Между тѣмъ мѣста для нихъ въ цеховой организаціи не было: для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, нужно было пріобрѣсти право гражданства, произвести пробную работу и уплатить вступительный взносъ. Кромѣ того, и вступивъ въ цехъ, мастеръ не могъ имѣть свыше опредѣленнаго количества помощниковъ и инструментовъ, такъ что для его дѣятельности ставились тѣсныя рамки. Между тѣмъ города желали воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что могли дать иностранцы въ смыслѣ развитія промышленности, введенія новыхъ отраслей производства. Нужно было, слѣдовательно, освободить ихъ отъ всякихъ ограниченій. И это было сдѣлано: появились мануфактуры, гдѣ они могли совершенно свободно заниматься производствомъ шелковыхъ, полушелковыхъ и бархатныхъ издѣлій, шляпъ и кожанаго товара, не обращая вниманія ни на какія постановленія цеховъ: мануфактура защищала ихъ отъ всякихъ притязаній со стороны цеховъ [1]).

И въ Пруссіи иностранцы, выходцы изъ Франціи Пфальца, Лотарингіи, переселявшіеся съ конца XVII вѣка купцы и мастера, сталкивались съ цеховымъ режимомъ, который мѣшалъ имъ заниматься промыслами. Однако, какъ мы видѣли выше, привилегіи на занятіе ремесломъ лицамъ,

[1]) Pringsheim. p. 31—34.

не принадлежащимъ къ цеху, выдавались въ это время въ большомъ количествѣ и выходцы надѣлялись званіемъ мастера, какъ бы уже въ силу одного своего появленія въ странѣ, а по отношенію къ новымъ отраслямъ производства, которыя вводились впервые въ странѣ было признано, что онѣ суть промыслы нецеховые, хотя совершенно новыхъ производствъ, которыя бы совсѣмъ не конкуррировали съ цеховыми промыслами, почти не было. Поэтому вражда мѣстныхъ жителей къ иностранцамъ была велика, да и не удивительно, разъ дѣло доходило до того, что въ силу привилегій послѣднихъ прямо ограничивались права прусскихъ мастеровъ. Иностраннымъ предпринимателямъ оказывалось всевозможное содѣйствіе: они освобождались отъ податей, получали ссуды, имъ предоставлялись зданія для устройства мануфактуръ. Многіе изъ нихъ не заводили, однако, никакихъ мануфактуръ, а пользовались лишь своимъ привилегированнымъ положеніемъ и скупали товары у кустарей или набивъ карманъ казенными субсидіями, бросали потомъ начатое дѣло. Въ другихъ случаяхъ впрочемъ, иностранные предприниматели добросовѣстно устраивали мануфактуры въ казенныхъ зданіяхъ и въ этихъ случаяхъ мануфактурная форма производства имѣла для нихъ большое значеніе. Цеховые статуты не играли для нихъ никакой роли, ибо у себя на мануфактурѣ они были полновластными господами. Они обладали правомъ jurisdictionis domesticae надъ своими рабочими, правомъ лишать ихъ работы по своему усмотрѣнію, будутъ ли то цеховые или нецеховые рабочіе, короче говоря, могли дѣлать все, что имъ угодно было, не обращая вниманія на цеховыя власти и постановленія [1]).

II.

Еще ярче выражено случайное, вызванное совмѣстнымъ мѣстожительствомъ производителей, возникновеніе второй категоріи централизованныхъ мануфактуръ, тѣхъ, которыя устраивались въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ и т. п. заведеніяхъ. Въ XVII—XVIII ст. въ этихъ

[1]) Schmoller. Jahrbuch. B. XI. p. 806, 808, 810. Молчановскій, стр. 156 и слѣд.

заведеніяхъ повсемѣстно учреждались мастерскія. Сироты и подкидыши часто также работали въ этихъ мастерскихъ, причемъ воспитательные дома были нерѣдко соединены съ исправительными заведеніями и домами для умалишенныхъ. Такъ, извѣстный сиротскій пріютъ въ Пфорцгеймѣ, въ которомъ дѣти занимались пряденьемъ, былъ соединенъ съ домомъ для умалишенныхъ и исправительной тюрьмой. Это было заведеніе для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, безумныхъ, воспитательный пріютъ и смирительный домъ одновременно [1]). Въ Регенсбургѣ часть сиротскаго пріюта была отдана подъ исправительную тюрьму, сидѣльцы послѣдней занимались мужчины—пиленьемъ бразильскаго дерева, женщины—пряденьемъ. Въ Брауншвейгѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ работный домъ, исправительное заведеніе, сиротскій пріютъ были соединены вмѣстѣ. Такое же соединенное заведеніе существовало въ Лейпцигѣ: et improbis coercendis et quos deseruit sanae mentis usura custodiendis—гласила характерная надпись надъ воротами. [2])

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ были устроены мастерскія. Въ исправительномъ домѣ въ Брейзахѣ сидѣльцы занимались пряденьемъ пеньки и льна [3]), въ Магдебургѣ они трепали, чесали и пряли шерсть [4]), въ Берлинѣ сидѣльцы работнаго дома (нищіе, бродяги, женщины, лечившіяся въ Charité, нищія дѣти) должны былъ прясть шерсть; въ 1775 году ихъ насчитывалось 192 мужчинъ, 300 женщинъ, 42 мальчика и 71 дѣвочка [5]). Амстердамскій мужской исправительный пріютъ даже прямо назывался „Rasphuis“, женскій—„Spinhuis“ (netoria domus): въ первомъ производилось пиленье красильнаго дерева, во второмъ—пряденье. Въ Любекѣ и Гамбургѣ спеціальныя тюрьмы для воровъ—рецидивистовъ и проститутокъ также назывались прядильными домами. И въ томъ и въ другомъ городѣ существовалъ кромѣ того соединенный работный домъ, гдѣ производились преимуще-

[1]) Gothein. p. 699.

[2]) Hippel. Beiträge zur Geschichte der Freiheitsstrafe. Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft. B. XVIII. 1898. p. 420—421.

[3]) Gothein. p. 756.

[4]) Schmoller. Jahrbuch. XI. p. 819.

[5]) Wiedfeldt. Statistische Studien zur Entwicklungsgeschichte der Berliner Industrie. 1896. p. 64.

ственно текстильныя издѣлія [1]). Мальчики и женщины въ данцигскомъ заведеніи обязаны были прясть, наматывать и чесать бомбазинъ [2]).

Подобнымъ же образомъ и въ Австріи въ XVIII вѣкѣ были повсюду въ работныхъ домахъ устроены мастерскія для изготовленія текстильныхъ издѣлій; въ Силезіи, Каринтіи, Моравіи были учреждены прядильни; кромѣ того арестанты, бродяги, нищенствующія дѣти обучались прядѣнью, ткачеству, вышиванію и всѣ они обязаны были работать [3]). При Кольберѣ, какъ и ранѣе, въ началѣ XVII вѣка, сидѣльцы исправительныхъ домовъ и дѣти въ сиротскихъ пріютахъ во Франціи занимались вязаньемъ чулокъ и прядѣньемъ. Всѣхъ работоспособныхъ нищихъ сажали въ дома призрѣнія и заставляли работать [4]). Въ XVIII вѣкѣ находимъ цѣлый рядъ домовъ призрѣнія, въ которыхъ устроены различныя мануфактуры: въ однихъ—чулочно-вязальныя (Парижъ, Седанъ, Мецъ, Валенсіенъ, Марсель) въ другихъ—суконныя (Парижъ, Бове, Ліонъ, Дижонъ), въ Ле-Пюи—для производства одѣялъ, которыя экспортировались въ Америку. Въ Валенсіенѣ дѣти въ сиротскомъ пріютѣ выдѣлывали кружева, въ люневильскомъ сиротскомъ домѣ они занимались ткачествомъ. Цеховые мастера во многихъ мѣстахъ сильно возмущались этой конкурренціей и пробовали протестовать, но безуспѣшно [5]). „Работоспособнымъ нищимъ—гласитъ англійскій законъ 1601 года—должна быть доставлена работа и, слѣдовательно, необходимо пріобрѣсти для домовъ призрѣнія запасы льна, пеньки, шерсти, нитокъ, желѣза и другихъ матеріаловъ [6]).

Цѣлью устройства смирительныхъ и работныхъ домовъ являлось преимущественно заставить бродягъ зани-

---

[1]) Hippel. p. 440. 443. 622—630. 637. 640.

[2]) Hippel. l. c.

[3]) Beer. Oesterreichische Volkswirtschaft unter Maria Theresia. I. p. 62

[4]) Levasseur. T. II. p. 256. Reitzenstein. Die Armengesetzgebung Frankreichsin den Grundzügen ihrer historischen Entwicklung. Schmoller's Jahrbuch. B. V. 1881. p. 561. 567.

[5]) Germain Martin. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. p. 286 и сл.

[6]) Aschrott. Armenwesen und Armengesetzgebung in England. Handwört. der Staatswiss. B. II.

маться полезнымъ трудомъ. Въ Амстердамѣ при учрежденіи исправительнаго дома для женщинъ руководствовались слѣдующими соображеніями. Въ 1596 году городской совѣтъ, по предложенію лицъ, завѣдывавшихъ призрѣніемъ бѣдныхъ, и шеффеновъ, обсуждалъ вопросъ, относительно подходящаго мѣста для прядильни, гдѣ молодыя дѣвушки и другія липа, пріучающіяся къ нищенству и бездѣлію, занимались бы пряденьемъ шерсти и могли бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Такъ какъ нѣсколько скупщиковъ шерстяныхъ издѣлій предложили выгодныя условія (очевидно для закупки производимой исправительнымъ домомъ пряжи), то совѣтъ призналъ учрежденіе такого заведенія „очень добрымъ и христіанскимъ дѣломъ“ и предложилъ бургомистру осуществить этотъ проектъ. Въ слѣдующемъ году и было устроено заведеніе въ стѣнахъ прежняго женскаго монастыря [1]). Въ 1686 г. Великій Курфюрстъ издалъ эдиктъ относительно устройства *„исправительныхъ*, прядильныхъ и *мануфактурныхъ* заведеній“, куда должны помѣщаться, если нужно, силой, всѣ безработные и ихъ дѣти. Какъ видно изъ введенія къ эдикту, онъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ, съ одной стороны, содѣйствовать развитію суконной промышленности, а съ другой стороны, пріучить лѣнивыхъ къ труду [2]). Населеніе англійскихъ работныхъ домовъ также состояло изъ всевозможныхъ бродячихъ элементовъ, какъ то: рабочихъ, не находившихъ работы или отказывавшихся исполнять ее по установленной мировымъ судьей платѣ, нищенствующихъ студентовъ, лицъ, не имѣвшихъ ни земли, ни денегъ, ни дозволеннаго занятія, нищенствующихъ моряковъ, разсказывавшихъ о томъ, что ихъ судно потерпѣло крушеніе, но не имѣвшихъ соотвѣтствующаго удостовѣренія, далѣе шулеровъ, фокусниковъ, гадальщиковъ, вожаковъ медвѣдей и т. п. [3]).

Сидѣльцы работныхъ и исправительныхъ домовъ состояли, такимъ образомъ, преимущественно изъ лицъ, не находившихъ себѣ работы въ области ремесла или кус-

[1]) Hippel. p. 443.

[2]) Rosenfeld. Die staatliche Fürsorge für die entlassenen Strafgefangenen in Preussen. T. I. (1700—1835). Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. B. XXV. 1905. p. 154.

[3]) Hippel. p. 427.

тарной промышленности, или не желавшихъ приложить свой трудъ въ этихъ областяхъ производства. На мануфактуры, устроенныя иностранцами, они не желали идти; стоило большого труда заставить населеніе (въ особенности сельское) посѣщать вновь учрежденныя предпріятія; въ работѣ на мануфактурахъ оно усматривало занятіе низменнаго свойства, по сравненію съ цеховыми промыслами [1]). Но тоже самое населеніе, которое отказывалось отъ работы (или не находило ея), не трудно было принудить къ этому, хватая безработныхъ какъ бродягъ и сажая ихъ въ устроенные для этого дома-мануфактуры. Въ 1721 было рѣшено устроить по близости отъ Граца суконную мануфактуру (она называется „фабрикой"). Въ составленномъ мѣстной коммерческой палатой проектѣ указывалось на то, что сотни людей голодаютъ и проводятъ время въ бездѣльи, становясь въ тягость населенію. Съ этой цѣлью необходимо учредить „суконную фабрику, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть работнымъ домомъ". Нищихъ способныхъ къ работѣ—говорится въ этомъ проектѣ—имѣется великое множество, въ качествѣ директора найденъ человѣкъ, хорошо знакомый съ производствомъ сукна и обладающій извѣстнымъ капиталомъ, который въ состояніи найти и необходимыхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Для начала слѣдуетъ производить не болѣе 1000 штукъ солдатскаго сукна въ годъ, ибо неизвѣстно, какъ организуется сбытъ, и съ этой цѣлью понадобится около 150—200 рабочихъ. Нужно, слѣдовательно, „переловить и арестовать" такое количество нищихъ, бродящихъ по улицамъ г. Граца. Этимъ путемъ не только будутъ добыты рабочія силы для мануфактуры, но и очищенъ городъ отъ нищихъ, ибо отъ страха всѣ остальные разбѣгутся изъ города и жители обязаны будутъ мануфактурѣ благодарностью или точнѣе обязаны будутъ за это доставить необходимый для веденія мануфактуры капиталъ, внося въ пользу мануфактуры то, что они раньше тратили въ качествѣ подаянія нищимъ [2]). Бехеръ находитъ полезнымъ не только ловить нищенствующихъ для устройства мануфактуръ и для освобожденія

[1]) См. ниже, стр. 628.

[2]) Franz Mayer. Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich p. 64—66.

страны отъ нищихъ, но даже привлекать нищихъ изъ другихъ странъ, въ цѣляхъ развитія промышленности. Очевидно на первомъ планѣ у него стоятъ не мѣры общественнаго призрѣнія, а учрежденіе мануфактуръ и съ этой цѣлью онъ признаетъ нужнымъ ловить нищихъ и сажать ихъ въ работные дома-мануфактуры [1]).

Дѣйствительно, — какъ указываетъ Максъ Адлеръ — рабочій персоналъ мануфактуръ состоялъ преимущественно изъ несвободныхъ элементовъ, которые потеряли гражданскую правоспособность или не успѣли еще пріобрѣсти ее, рабочими являлись преступники, бродяги, нищіе и сироты.[2]) Адлеръ въ данномъ случаѣ вполнѣ отождествляетъ работные и исправительные дома съ промышленными предпріятіями и поступаетъ вполнѣ правильно. По отношенію къ разсматриваемой эпохѣ XVII—XVIII ст. необходимо совершенно отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительную работу въ тюрьмахъ и признать исправительныя заведенія особой и притомъ важной категоріей мануфактуръ, рядомъ съ двумя другими группами ихъ — мануфактурами, устроенными иностранцами и работавшими преимущественно при помощи иноземныхъ рабочихъ, и немногочисленными мануфактурами, возникшими органически, главнымъ образомъ изъ кустарныхъ предпріятій.

Первыя мануфактуры—говоритъ Геерингъ—были учреждены въ сиротскихъ и исправительныхъ домахъ. Такъ это было и въ Базелѣ. Еще въ 1581 г. Стефано Пеллизари проектировалъ устройство мануфактуры, на которой могли бы найти себѣ пропитаніе преимущественно бѣдныя дѣти, но вслѣдствіе противодѣйствія со стороны цеховъ, которые усматривали въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, онъ не добился разрѣшенія. 80 лѣтъ спустя, его проектъ былъ осуществленъ самимъ городомъ, который не обратилъ вниманія на цеховыя привилегіи. Въ 1665—1669 гг. городской совѣтъ учредилъ „исправительный и сиротскій домъ“, сидѣльцы

---

[1]) Becher. Politische Discurs. p. 244. Max Adler, p. 35. Hallwich. Anfänge der Grossindustrie in Oesterreich, p. 30.

[2]) Max Adler, p. 90. Лампрехтъ (Lrg.—B. II, 1. p. 220) также обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе нѣмецкихъ (централизованныхъ) мануфактуръ состояли первоначально изъ бродячаго населенія.

котораго занимались текстильнымъ производствомъ. Сначала была устроена позументная мастерская, а затѣмъ мастерская для изготовленія „разнаго простого, сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна по дешевой цѣнѣ, подъ руководствомъ чесальщика и ткача шерстяныхъ матерій Іогана Шнейдера". Цехи были безсильны устранить такую конкурренцію. Въ 1713 г. они заявили протестъ противъ устроенной въ сиротскомъ пріютѣ мануфактуры („фабрики"), но получили слѣдующій отвѣтъ: „когда государство предпринимаетъ что-либо ad pias causas, то, цехи могли бы держать языкъ за зубами". [1]).

Такимъ образомъ, учрежденіе мануфактуръ, пользовавшихся принудительнымъ трудомъ, вызывалось не только трудностью заставить населеніе добровольно идти на мануфактуры, но и необходимостью выдерживать сильную борьбу съ цехами, въ случаѣ учрежденія мануфактуръ частными лицами и при помощи свободныхъ рабочихъ. И то и другое затрудненіе устранялось, когда та же мануфактура носила фирму „рабочаго дома". Въ этомъ случаѣ она, наоборотъ, могла еще пользоваться исключительными привилегіями. Въ Бременѣ борьба ткацкаго цеха съ работнымъ домомъ, гдѣ производились текстильныя издѣлія, была столь же безплодна, какъ и въ Базелѣ. Въ Амстердамскомъ исправительномъ заведеніи для мужчинъ производился плюшъ, атласъ и шерстяныя издѣлія. Кромѣ того сидѣльцы занимались распиливаніемъ всевозможныхъ сортовъ красильнаго дерева, какъ то: бразильскаго, кампешеваго, сандалеваго, бѣлаго и краснаго и т. п. дерева, привозимаго изъ тропическихъ странъ и употребляемаго, какъ для крашенія, такъ и въ медикаменты. При этомъ уже въ 1599 году распиливаніе красильнаго дерева было объявлено городомъ монополіей исправительнаго дома, а въ 1602 году, въ виду того, что нѣкій Петръ Янтцъ устроилъ по близости отъ города вѣтреную мельницу для пиленья дерева, эта привилегія была распространена на всю Голландію и Западную Фрисландію. Для того, чтобы привилегія не нарушалась, было постановлено въ 1660 году, что никто не вправѣ зака-

---

[1]) Geering. p. 608—609. Ср. во Франціи выше, стр. 612.

зывать распилку дерева въ другихъ мѣстностяхъ или привозить оттуда распиленное дерево. Исправительный домъ получалъ заказы отъ купцовъ, которые доставляли ему матеріалъ; здѣсь онъ обрабатывался, распиливался, разрѣзывался или размалывался за опредѣленную поштучную плату. Во главѣ всей мануфактуры стояли два ткача, завѣдывавшіе мастерскими по обработкѣ шерсти и шелка, и одинъ мастеръ, руководившій пиленьемъ дерева. [1])

И въ другихъ исправительныхъ, работныхъ и сиротскихъ домахъ находимъ обыкновенно правильно организованныя предпріятія, раздѣляющіяся на нѣсколько мастерскихъ, во главѣ съ мастерами-спеціалистами въ данной отрасли производства, съ извѣстнымъ раздѣленіемъ труда. Такъ напр., въ Гамбургѣ (и въ Любекѣ), гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сидѣльцы заведенія состояли преимущественно изъ нищихъ и бродягъ, была устроена, и прядильная, и ткацкая мастерскія, и тамъ же происходило и расчесыванье шерсти; кромѣ того, здѣсь изготовлялись фитили для артиллерійскихъ орудій, а съ 1689 г. и холстъ для парусовъ [2]). Курфюрстъ Бранденбургскій Іоахимъ II велѣлъ даже выписать изъ Гамбурга и изъ Голландіи мастеровъ, которые бы руководили производствомъ, устраиваемымъ имъ (въ 1608 г.) въ исправительномъ домѣ для работоспособныхъ взрослыхъ и дѣтей, занимающихся нищенствомъ [3]) Кольберъ—говоритъ Де-Силлель—желалъ, чтобы дома призрѣнія для нищихъ были настоящими мануфактурами и пользовались всѣми привилегіями, предоставленными послѣднимъ. Онъ не ограничивался дарованьемъ всѣмъ открываемымъ заведеніямъ права устраивать мануфактуры, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ указывалъ, какой характеръ онѣ должны имѣть; такъ, въ Труа Кольберъ велѣлъ учредить въ домѣ призрѣнія такую же чулковязальную мануфактуру, какія

---

[1]) Hippel. p. 444. 458—460. Въ области наиболѣе важной—прядильно-ткацкой (особенно шерстяной и льняной) промышленности это были почти единственныя централизованныя мануфактуры; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (гдѣ примѣняется свободный трудъ) мы находимъ въ этихъ производствахъ почти исключительно кустарную форму промышленности. (Ср. ниже стр. 626 и сл.).

[2]) Hippel. p. 637.

[3]) Ibid, p. 436—37.

устраивались иноземными предпринимателями подъ названіемъ королевскихъ мануфактуръ. [1]).

Характеру промышленнаго предпріятія вполнѣ соотвѣтствовало и то, что мануфактуры съ принудительнымъ трудомъ отдавались на откупъ предпринимателямъ, и что лица, находившіяся тамъ, получали за свой трудъ извѣстную плату. Въ Баденѣ въ XVIII вѣкѣ всѣ исправительные и работные дома были арендованы предпринимателями. [2]). Въ Пфорцгеймѣ предприниматель платилъ сидѣльцамъ исправительнаго и сиротскаго дома, который онъ взялъ въ аренду, около 10 гульд. ежегодной платы [3]). Устроенное въ 1687 г. въ г. Шпандау исправительное заведеніе было сдано на откупъ двумъ торговцамъ шелковыми издѣліями, Мюллеру и Копишу, но производство шелка оказалось невыгоднымъ, почему въ 1693 г. заведеніе было передано суконщику Крахту; послѣдній не ограничивался пряденьемъ, но устроили также и ткацкое отдѣленіе и изготовленныя сидѣльцами шерстяныя издѣлія сбывалъ по выгодной цѣнѣ [4]). Берлинскій домъ призрѣнія для слабыхъ здоровьемъ нищихъ, въ которомъ производилось пряденье, находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ купцовъ и доставлялъ имъ хорошій доходъ [5]).

Указывая на то, что въ голландскихъ исправительныхъ домахъ сидѣльцы (преимущественно бродяги) еженедѣльно получали большую часть выработанной ими платы, которая измѣнялась въ зависимости отъ характера труда, меньшая же часть выдавалась при выходѣ, Гиппель находитъ, что мы въ данномъ случаѣ уже въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ весьма ясное пониманіе того значенія, которое имѣетъ плата за трудъ въ качествѣ стимула къ труду и какъ мѣра, дающая людямъ возможность начать честную жизнь по выходѣ изъ тюрьмы [6]). Но объясняя подобнымъ образомъ причину полученія заработной платы несвободными рабочими этихъ

---

[1]) Des Cilleuls. Histoire et régime de la grande Industrie en France aux XVII et XVIII. siècles. Paris. 1898. p. 25. 289—290.

[2]) Gothein, p. 715. 721. 756. 762.

[3]) Ibid, p. 707.

[4]) Rosenfeld. Zeitschr. für Strafrechtswiss. XXV. p. 154.

[5]) Ibid. p. 164.

[6]) Hippel, p. 461.

мануфактуръ, Гиппель становится на точку зрѣнія современнаго тюрьмовѣда и совершенно забываетъ о томъ, что люди XVII и XVIII вѣка, устраивавшіе эти заведенія, не имѣли никакого понятія о современныхъ пенитенціарныхъ теоріяхъ (ибо теорія вознагражденія тюремныхъ арестантовъ возникла въ самое послѣднее время) и совершенно не могли преслѣдовать тѣхъ цѣлей, которыя ему самому кажутся столь правильными. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ тѣ времена смотрѣли на этихъ лицъ не какъ на преступниковъ, какими они въ большинствѣ случаевъ вовсе и не были, а лишь какъ на бродягъ и нищихъ, которыхъ необходимо заставить работать, что въ этихъ заведеніяхъ устраивались цѣлыя правильно организованныя мануфактуры (въ отличіе отъ тѣхъ работъ, которыя нынѣ исполняются въ тюрьмахъ), для которыхъ, какъ мы видѣли выше, нерѣдко спеціально набиралось бродячее и нищенствующее населеніе и выписывались иностранные мастера-спеціалисты [1]). Иначе онъ понялъ бы, что заработная плата, получаемая этими несвободными рабочими, вызывалась вовсе не пенитенціарными соображеніями, а тѣмъ обстоятельствомъ что, въ нихъ видѣли рабочихъ мануфактуръ, которые за свой, хотя и подневольный трудъ получаютъ такое же вознагражденіе, какъ и всѣ прочіе. Правда, эта плата въ большинствѣ случаевъ была крайне мизерна, но это являлось уже результатомъ эксплоатаціонныхъ намѣреній предпринимателей, арендовавшихъ то или другое заведеніе, или лицъ, поставленныхъ во главѣ его, которыя, конечно, старались извлечь возможно большую прибыль изъ рабочихъ находившихся всецѣло въ ихъ власти, и имѣли полную возможность сокращать при всякомъ удобномъ случаѣ и безъ того незначительную плату. Такъ, въ исправительномъ,

---

[1]) При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и рабочіе на свободныхъ мануфактурахъ вовсе не имѣли полной свободы, а наоборотъ находились въ состояніи весьма близкомъ къ крѣпостному. Таково было положеніе ихъ на австрійскихъ мануфактурахъ, учрежденныхъ помѣщиками, работа на которыхъ составляла повинность для крестьянъ, таковы были условія труда на извѣстной весьма обширной французской мануфактурѣ Van Robais, гдѣ всѣ рабочіе (даже тѣ, которые въ данное время не имѣли работы) были прикрѣплены къ мануфактурѣ. Широкой властью надъ рабочими

прядильномъ или работнымъ домѣ въ Нюрнбергѣ, гдѣ находились бродяги, нищіе, проститутки, дѣти-сироты, всѣ эти лица занимались пряденьемъ, а также шлифованьемъ стеколъ, причемъ всѣхъ, даже беременныхъ женщинъ, стариковъ, больныхъ и умалишенныхъ безпощадно заставляли шлифовать стекла, весь же доходъ поступалъ въ пользу завѣдующаго заведеніемъ, который усматривалъ въ этомъ вознагражденіе за ту жалкую пищу, которую онъ давалъ имъ [1]) [2]). Но и въ этомъ случаѣ свое нежеланіе платить рабочимъ извѣстное вознагражденіе онъ основывалъ не на томъ, что рѣчь идетъ о преступныхъ элементахъ, которымъ не полагается платы за работу, являющуюся для нихъ наказаніемъ, а ссылался на то, что ихъ трудъ недостаточно производителенъ, чтобы рядомъ съ натуральной платой. выдаваемой ими въ видѣ пропитанія (и одежды), имъ можно было давать еще и денежное вознагражденіе [3]).

III.

Къ этимъ двумъ категоріямъ мануфактуръ присоединяется еще третья: мануфактуры, возникшія генетически изъ другихъ болѣе раннихъ формъ производства. По Марксу

пользовались и прусскіе промышленники. (См. Max Adler, p. 90. Levasseur. II. p. 803 и выше стр. 610).

[1]) Hermann Knapp. Das alte nürnberger Kriminalrecht. Berlin. 1896. p. 73—75.

[2]) Впрочемъ, мы находимъ и мануфактуры со свободнымъ трудомъ, гдѣ рабочимъ не полагается никакой денежной платы. Плату получаютъ только управляющій и старшіе мастера, выписанные изъза границы. (См. Max Adler. p. 90).

[3]) Любопытно, что въ данномъ случаѣ цехъ, выдѣлывавшій очки, не только не жаловался на конкурренцію исправительнаго дома, а наоборотъ желалъ (въ 1754 г.), чтобы и преступники, находившіеся въ другомъ спеціальномъ заведеніи („Loch"), а также нищіе изъ домовъ призрѣнія были переселены въ „Zucht- und Spinnhaus" и занимались бы также шлифовкой стеколъ, иначе конкурренція Фюрта побьетъ производство очковъ Нюрнберга. Это объясняется повидимому тѣмъ, что нюрнбергскій цехъ, производившій очки, занимался изготовленіемъ оправъ для очковъ и состлавеніемъ послѣднихъ и нуждался въ шлифованныхъ стеклахъ, почему и заботился о распространеніи этой отрасли производства въ работныхъ и исправителныхъ домахъ (Ср. Morgenstern. Die Fürther Metallschlägerei. Tübingen. 1890).

мануфактуры возникаютъ двоякимъ путемъ. Въ однихъ случаяхъ рабочіе, принадлежащіе къ различнымъ самостоятельнымъ ремесламъ, соединяются подъ одной кровлей, подъ командой одного и того же капиталиста. Карета ранѣе являлась продуктомъ труда цѣлаго ряда мастеровъ: каретниковъ, сѣдельниковъ, портныхъ, слесарей, портупейщиковъ, токарей, позументщиковъ, стекольщиковъ, маляровъ, лакировщиковъ, позолотчиковъ и т. п.; мануфактура, изготовляющая кареты, соединяетъ всѣхъ этихъ ремесленниковъ въ одномъ зданіи и согласуетъ работу каждаго изъ нихъ съ работой, производимой всѣми другими. Каждый изъ этихъ рабочихъ перестаетъ уже заниматься своимъ ремесломъ во всемъ его цѣломъ, а ограничивается тѣми немногими операціями изъ области своего ремесла, въ которыхъ нуждается мануфактура и которыя уже становятся его исключительною спеціальностью. По мнѣнію Маркса, и цѣлый рядъ другихъ мануфактуръ, суконныхъ, шелковыхъ и т. п. возникъ изъ подобной комбинаціи самостоятельныхъ ремесленниковъ. Рядомъ съ мануфактурами, образующимися путемъ такой комбинаціи различныхъ промысловъ, возникаютъ мануфактуры и инымъ путемъ—посредствомъ комбинаціи мастеровъ, принадлежащихъ къ одной и той же отрасли производства. Ремесленники, изготовляющіе одинъ и тотъ же продуктъ, напр. бумагу, булавки, типографскій шрифтъ, объединяются въ одной и той же мастерской, гдѣ каждый ремесленникъ при содѣйствіи одного-двухъ подмастерьевъ, изготовляетъ весь предметъ отъ начала до конца, производя всѣ необходимыя для этого операціи, одну за другой. Постепенно однако и самый характеръ труда измѣняется: устанавливается раздѣленіе труда. Вмѣсто того, чтобы различныя операціи производились однимъ и тѣмъ же ремесленникомъ, одна за другой, онѣ отдѣляются другъ отъ друга и выполняются одновременно, каждая изъ нихъ производится опредѣленнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, индивидуальный продуктъ самостоятельнаго ремесленника превращается въ соціальный продуктъ цѣлаго ряда рабочихъ, изъ коихъ каждый выполняетъ только одну опредѣленную операцію [1]).

---

[1]) Marx. I. 2. Aufl. p. 345—348. Ср. также выше, стр. 602. 605.

Теорія возникновенія мануфактуръ, установленная Марксомъ, является и до сихъ поръ, при полномъ почти отсутствіи спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ характеристикѣ этой формы производства и ея отличительныхъ особенностей--едва-ли не единственной, выясняющей вопросъ о томъ, какъ образовалась форма производства, именуемая централизованной мануфактурой. Однако, Марксъ недостаточно разграничиваетъ ремесло и кустарную промышленность, и во многихъ случаяхъ говоритъ о самостоятельныхъ ремесленникахъ, превращаемыхъ въ мануфактурныхъ рабочихъ, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности рѣчь можетъ идти лишь о зависимыхъ кустаряхъ. Цитируя по поводу ліонской шелковой промышленности Бланки, который различалъ лишь ремесло и мануфактуру, но не имѣлъ понятія о существованіи третьей формы производства — кустарной промышленности, Марксъ вѣритъ ему на слово, что мастера, не будучи соединены въ одномъ зданіи и подъ начальствомъ одного фабриканта, были, слѣдовательно, независимыми ремесленниками, тогда какъ мы въ настоящее время прекрасно знаемъ, что въ XVII и XVIII ст. и даже ранѣе, они всѣ уже были кустарями, работающими на скупщика [1]). Точно также неправильно указаніе Маркса на то, что суконная мануфактура и цѣлый рядъ прочихъ мануфактуръ возникли подобнымъ же образомъ, какъ каретная—путемъ комбинаціи различныхъ самостоятельныхъ ремесленниковъ. Какъ мы видѣли выше, въ текстильной промышленности вообще и въ шерстяной въ частности [2]), далѣе въ производствѣ металлическихъ издѣлій (между прочимъ и булавокъ [3]), о которыхъ упоминаетъ Марксъ), въ кожевенномъ промыслѣ и др., предметъ, изготовляемый ранѣе цѣликомъ однимъ и тѣмъ же цеховымъ мастеромъ, уже съ конца среднихъ вѣковъ былъ разбитъ на части, изъ коихъ каждая стала спеціальностью опредѣленной группы кустарей, объединяемыхъ однимъ и тѣмъ же скупщикомъ—предпринимателемъ.

---

[1]) См. Godart. L'ouvrier en soie. T. I. passim. См. также выше, стр. 534 и сл.

[2]) См. выше, стр. 517 и сл. 525 и сл. 539 и сл.

[3]) См. стр. 528—29.

Конечно, мануфактуры второй категоріи, основанныя на простой кооперації, и соединяющія мастеровъ того же промысла, могли образоваться непосредственно изъ ремесла. Въ этихъ случаяхъ, какъ указываетъ Марксъ, раздѣленіе (расчлененіе) труда между рабочими вовсе не входитъ первоначально въ планъ предпринимателя, оно создается впослѣдствіи обстоятельствами чисто внѣшняго характера, напр., необходимостью произвести въ теченіе извѣстнаго времени болѣе значительное количество продуктовъ. Такъ возникли дѣйствительно тѣ мануфактуры, которыя мы отнесли къ первой (нашей) группѣ—мануфактуры въ новыхъ отрасляхъ производства, созданныхъ иностранцами: примѣръ мануфактуры, производящей издѣлія изъ бумажной массы, или типографіи въ данномъ случаѣ правиленъ. Цѣлый рядъ мануфактуръ являлись первоначально, какъ мы видѣли выше, лишь соединеніемъ мастеровъ, изъ коихъ каждый работалъ самостоятельно (съ подмастерьями), соединеніемъ, вызваннымъ необходимостью жить вмѣстѣ въ особомъ привилегированномъ мѣстѣ и помѣщеніи [1]). Въ иныхъ случаяхъ, какъ напр. въ набивномъ или типографскомъ производствѣ, къ этому присоединялась и необходимость пользоваться одними и тѣми же инструментами. Но для прочихъ, въ особенности уже ранѣе существовавшихъ отраслей производства, это объясненіе не примѣнимо. Если продуктъ изготовлялся цѣлымъ рядомъ независимыхъ ремесленниковъ, то что могло побудить ни съ того, ни съ сего капиталиста объединить этихъ мастеровъ и образовать мануфактуру. Иное дѣло, если этотъ капиталистъ былъ уже ранѣе скупщикомъ и направлялъ продукты отъ одного мастера къ другому; тогда становится понятнымъ, что желаніе сберечь на расходахъ, связанныхъ съ раздачей матеріала и передачей продукта, въ частности на платѣ посредникамъ-факторамъ, а также избѣгнуть кражи матеріала кустарями и, наконецъ, усилить надзоръ надъ производствомъ, могло побудить скупщика объединить разрозненныхъ рабочихъ подъ одной крышей и взять все производство въ свое непосредственное управленіе. Такимъ образомъ, предполагая образованіе мануфактуръ изъ самостоятельнаго ремесла, а не изъ кустарной промыш-

[1]) Ср. выше, стр. 601—08.

ленности, мы не въ состояніи объяснить возникновеніе всѣхъ тѣхъ мануфактуръ, которыя не появились вновь въ новыхъ отрасляхъ производства, а образовались генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства въ существовавшихъ издавна и наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности [1]).

Трельтшъ даетъ ясное представленіе о томъ, какъ возникли мануфактуры въ вюртембергской текстильной промышленности. „Тѣ моменты, въ которыхъ современная экономическая наука усматриваетъ причину возникновенія

---

[1]) Раздѣленіе труда въ этихъ отрасляхъ промышленности было весьма значительно и раньше, и при переходѣ къ мануфактурѣ сдѣланы лишь дальнѣйшіе успѣхи въ томъ же направленіи. Между раздѣленіемъ производства и расчлененіемъ труда, по терминологіи Бюхера (Produktionsteilung u. Arbeitszerlegung), нѣтъ существенной разницы: въ первомъ случаѣ объектомъ раздѣленія труда является цѣлый процессъ производства (напр. изготовленіе сукна, которое раздѣляется между прядильщикомъ, ткачемъ, красильщикомъ и т. д.) во второмъ — лишь часть его (напр. окраска сукна распредѣляется на нѣсколько отдѣловъ), такъ что за раздѣленіемъ извѣстнаго процесса производства на нѣсколько частей слѣдуетъ дальнѣйшее расчлененіе каждой части. Бюхеръ указываетъ на то обстоятельство, что въ первомъ случаѣ мѣняется владѣлецъ продукта, тогда какъ при расчлененіи труда продуктъ, переходя изъ рукъ въ руки, всетаки остается собственностью того же лица (которому принадлежитъ мануфактура). Однако, онъ признаетъ, что и въ первомъ случаѣ „во главѣ всего процесса стоитъ капиталистъ (скупщикъ), который направляетъ продуктъ отъ одного мастера къ другому для дальнѣйшей обработки. (Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 282. 308). Послѣдній является обыкновенно фактическимъ владѣльцемъ продукта, а нерѣдко и юридическимъ: онъ передаетъ каждый разъ мастеру лишь принадлежащій ему матеріалъ для исполненія того или другого процесса производства. Остается лишь одно различіе: при раздѣленіи производства на самостоятельные процессы образуются новыя хозяйства, новыя предпріятія, новые промыслы, между тѣмъ какъ при расчлененіи даннаго процесса на отдѣльныя части внутри мануфактуры появляются лишь рабочіе новыхъ спеціальностей. Но существеннаго значенія это различіе имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о перемѣнахъ, происходящихъ въ соціальномъ положеніи рабочихъ. Фактъ тотъ, что раздѣленіе процесса производства вызываетъ превращеніе самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ кустарей, между тѣмъ какъ переходъ послѣднихъ на мануфактуру не влечетъ за собой значительной перемѣны въ отношеніи ихъ зависимости отъ предпринимателя.

мануфактуръ [1]) (т. е. крупныхъ централизованныхъ предпріятій) — говоритъ онъ — именно: стремленіе къ введенію техническихъ улучшеній, установленіе внимательнаго и постояннаго надзора за производствомъ и борьба съ растратой и утайкой цѣнныхъ матеріаловъ—все это побудило и кальвскую компанію, старавшуюся производить товары лучшаго качества и болѣе цѣнные, переходить, начиная съ половины XVIII вѣка, постепенно къ новому способу производства. Зачатки относятся приблизительно къ 1765 году. Однако, первоначально компанія вовсе не имѣла въ виду концентрацію ткацкаго и прядильнаго производства, а выбирала изъ среды прядильщицъ и ткачей извѣстное количество лицъ, которыя получали на домъ лучшія сорта шерсти и пряжи и обрабатывали ихъ подъ надзоромъ членовъ компаніи и на основаніи извѣстныхъ установленныхъ правилъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, компанія поняла, что этой мѣры (а равно другой принятой въ томъ же направленіи: былъ назначенъ спеціальный техникъ, завѣдывавшій пряденьемъ и не входившій въ составъ компаніи) недостаточно: улучшеніе процесса производства оказывалось выгоднымъ лишь при изготовленіи тканей высшихъ сортовъ въ болѣе значительномъ количествѣ и въ случаѣ концентраціи производства этихъ товаровъ. Былъ нанятъ швейцарецъ по имени Чуди, который устроилъ сушильную мельницу, приводимую въ движеніе лошадиной силой. Далѣе, компанія пріобрѣла въ Страсбургѣ прессовальную машину съ цилиндрическимъ валикомъ за 1210 гульд. Одновременно особое зданіе, гдѣ находилась первоначально сахаро-рафинадная мануфактура (заводъ), было отведено для чистки и чесанія шерсти. Наконецъ, и тканье узорчатыхъ матерій компанія стала производить на станкахъ, установленныхъ въ ея собственныхъ помѣщеніяхъ. Подготовительныя операціи производились на мануфактурѣ: въ 1787 г. компанія имѣла 35 чесальщиковъ и 6 сортировщиковъ; далѣе, шерсть отдавалась попрежнему для выдѣлки пряжи на домъ и затѣмъ въ видѣ пряжи вновь возвращалась на мануфактуру для сортированья, сушенья, бѣленья, валянья, а также крашенья. Основа изгото-

[1]) У Трельтша повсюду „фабрика“ (какъ въ источникахъ?) вмѣсто „мануфактура“.

влялась въ отдѣльной мастерской, такъ что тканье (утка) являлось единственной операціей, производимой ткачемъ, всѣ остальныя работы не касались его. Ткацкихъ станковъ было впрочемъ на мануфактурѣ немного: въ 1774 г. 4, въ 1787 г. 9, въ 1790 г. и въ слѣдующіе годы (компанія существовала до 1797 г.) не болѣе 6—8. Однако, на каждомъ изъ этихъ станковъ производилось вдвое большее количество фабриката, чѣмъ при работѣ на дому, такъ какъ на мануфактурѣ ткачъ имѣлъ постоянно работу и не долженъ былъ производить подготовительныхъ операцій съ пряжей, отнимавшихъ у него прежде много времени [1]).

Т. наз. ситцевая „фабрика“ въ Зульцѣ на Некарѣ являлась также первоначально торговымъ предпріятіемъ, сбывавшимъ хлопчатобумажныя матеріи, частью въ сыромъ, частью въ обработанномъ видѣ. Однако, въ виду неудачныхъ коньюнктуръ, компанія стала постепенно сокращать прядильное и ткацкое производство и обращать свое вниманіе на конечныя стадіи производства, на апретурный и красильный промыселъ. По мѣрѣ того, какъ совершалась эта перемѣна въ производствѣ, происходила концентрація рабочихъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ компаніи и устанавливалось раздѣленіе (расчлененіе) труда на мануфактурѣ. Въ 1760 г. на зульцскую компанію работало на дому 112 ткачей и 556 прядильщицъ, но всего 26 рабочихъ на мануфактурѣ, въ 1764 г. первыхъ насчитывалось 225 ткачей и 1292 прядильщицы, вторыхъ—130; наконецъ, въ 1777 году на мануфактурѣ, принадлежавшей компаніи, насчитывалось 162 человѣка. Среди послѣднихъ было 34 малолѣтнихъ, 32 подростка отъ 13—17 лѣтъ и 96 взрослыхъ рабочихъ, среди рабочихъ преобладали женщины (20 дѣвочекъ, 16 подростковъ, 53 женщины старше 17 лѣтъ, итого 89) [2]). Раздѣленіе труда на мануфактурѣ было значительно развито: рабочіе раздѣлялись на цѣлый рядъ группъ, изъ коихъ каждая производила лишь немногія опредѣленныя операціи, какъ то: набивку, накладываніе красокъ на прессъ, раскрашиваніе тканей, бѣленье, лощенье, отливанье моделей, гравированье и т. п. При этомъ и здѣсь, какъ и у кальв-

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie. p. 167—272.

[2]) О трудѣ женщинъ и дѣтей на мануфактурахъ см. томъ второй.

ской компаніи, мануфактурные рабочіе были въ матеріальномъ отношеніи поставлены несравненно лучше, чѣмъ кустари, работавшіе для тѣхъ же компаній. „Нѣтъ сомнѣнія—заключаетъ Трельтшъ,—что въ Зульцѣ мы имѣемъ благотворные результаты концентрированнаго и хорошо управляемаго предпріятія, которое на каждое мѣсто ставило наиболѣе подходящія силы, стараясь ихъ вполнѣ использовать и оплачивая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащимъ образомъ [1]).

Разсмотрѣнныя нами предпріятія являлись едва ли не единственными во всей текстильной промышленности Вюртемберга мануфактурами, возникшими генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства. Общераспространенной формой въ XVII—XVIII ст. была вообще кустарная промышленность, если же попадались мануфактуры, то онѣ либо были устроены въ исправительныхъ заведеніяхъ и сиротскихъ пріютахъ, либо учреждались иностранцами во вновь вводимыхъ послѣдними отрасляхъ индустріи. Это положеніе вполнѣ подтверждается тѣми данными, которыя приводитъ Готейнъ относительно Бадена. Подробно излагая развитіе различныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда и прилежащихъ къ нему областяхъ въ XVII—XVIII ст., онъ повсюду констатируетъ существованіе кустарнаго производства, факторовъ и рабочихъ, производящихъ на дому, несмотря на громкія названія „фабрикъ“ и „мануфактуръ“. Исключеніями являются лишь два-три предпріятія, какъ напр. ситце-набивныя мануфактуры въ Леррахѣ (Баденъ) и Ландсгутѣ (Баварія), учрежденныя въ обоихъ случаяхъ швейцарцами [2]), и мануфактура (съ 60 рабочими), изготовлявшая желѣзныя издѣлія, инструменты, оружіе, занесенная изъ Англіи и устроенная по образцу англійскихъ [3]). Кромѣ того мануфактуры возникли въ сиротскихъ пріютахъ и исправительныхъ заведеніяхъ Пфорцгейма, Брейзаха, Гюфингена; какъ мы видѣли выше, всѣ они были сданы на откупъ частнымъ предпринимателямъ, причемъ въ одномъ только Пфорцгеймѣ,

[1]) Troeltsch, p. 229—233.

[2]) Gothein, p. 729. 749. См. Geering. Die Entwicklung des Zeugdrucks im Abendland seit dem XVII Jahrh. Viert. für Social-u. Wirtschaftsgesch. 1903. p. 397 сл.

[3]) Gothein. p. 701. 715. 756. 762.

да и то лишь въ связи съ смирительнымъ и сиротскимъ домомъ, возникла ткацкая мануфактура, гдѣ обрабатывалась произведенная въ исправительномъ заведеніи пряжа [1]).

Свободные рабочіе крайне неохотно шли на мануфактуры: не только въ Пфорцгеймѣ ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не вступилъ на вновь учрежденную мануфактуру [2]), но и въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ, въ Австріи, Франціи [3]), предпринимателямъ стоило огромнаго труда получить хотя бы небольшое количество рабочихъ для мануфактуръ, даже и тѣхъ, которыя—это были рѣдкіе случаи—были учреждены внѣ всякой связи съ исправительными заведеніями; мануфактурный рабочій стоялъ, по народному воззрѣнію, на низшей ступени соціальной лѣстницы, несравненно ниже не только цехового мастера, но и деревенскаго кустаря: „большія фабрики“, т. е. централизованныя мануфактуры, называли „могилой нравственности, приводящей къ полной гибели послѣдней и ко всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ этимъ“ [4]). Это являлось несомнѣнно послѣдствіемъ того, что бо́льшая часть мануфактуръ учреждалась въ исправительныхъ домахъ и т. под. заведеніяхъ или, во всякомъ случаѣ, находилась съ тѣсной связи съ ними.

И въ Англіи мы находимъ весьма немного мануфактуръ третьей категоріи. Въ Норвичѣ, Фромѣ, Таунтонѣ, Девайзѣ, Стоутбриджѣ и другихъ центрахъ текстильной индустріи—говоритъ Гобсонъ—Дефоэ нашелъ ткацкую промышленность весьма сконцентрированной и богатыхъ предпринимателей, владѣющихъ значительнымъ числомъ станковъ. Часть этой работы они раздавали ткачамъ, работавшимъ у себя на дому, а другая часть уже исполнялась въ большихъ казармахъ, составлявшихъ собственность предпринимателя. Эти крупныя организованныя предпріятія, полу-фабричныя (мануфактурныя) полу-домашнія, встрѣчались въ центрахъ текстильной индустріи западной Англіи, вплоть до конца XVIII столѣтія. Предприниматель (master clothier)—цитируетъ

---

[1]) Ibid, p. 701 сл. 715 сл.

[2]) Ibid, p. 702.

[3]) Max Adler, p. 36 и сл, Levasseur. II. p. 247 и сл. Boissonade. T. II. p. 437 сл. Ср. Mantoux, p. 426. 428.

[4]) Gothein, p. 733.

Гобсонъ—закупаетъ шерсть у импортера, если шерсть заграничная, или прямо въ овчарняхъ, если она домашняя, затѣмъ, при обработкѣ шерсти, онъ обращается къ различнаго рода рабочимъ, такъ какъ каждый процессъ выполняется особымъ классомъ послѣднихъ; одни рабочіе производятъ у себя на дому, другіе у хозяина, но ни одинъ изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ своей спеціальности. Каждый классъ рабочихъ пріобрѣтаетъ большую ловкость при постоянномъ исполненіи какой-либо одной операціи, результатомъ которой является несомнѣнно общепризнанное совершенство сукна, изготовляемаго въ западной Англіи. И въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира купецъ (скупщикъ) снабжалъ ткачей пряжей и основой, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ этой формы производства постепенно образовались небольшія мануфактуры, гдѣ наемные рабочіе работали на хозяйскихъ станкахъ, и это совершалось еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Нѣсколько позже, но задолго еще до приложенія пара, Артуръ Юнгъ находитъ мануфактуру въ Дарлингтонѣ, гдѣ работаютъ свыше 50 станковъ, мануфактуру въ Бойтонѣ съ 150 рабочими и шелковую мануфактуру въ Шеффильдѣ со 152 рабочими... Усовершенствованные пути сообщенія—заключаетъ Гобсонъ—начали расширять рынокъ, увеличеніе предпріятій дѣлало выгоднымъ введеніе раздѣленія труда и вызвало потребность въ болѣе строгомъ надзорѣ, чѣмъ это возможно было, когда рабочіе были разсѣяны въ своихъ избахъ по деревнямъ. [1]) Какъ указываетъ Манту, и во второй половинѣ XVIII вѣка въ текстильной промышленности Англіи лишь въ видѣ исключенія возникаютъ централизованныя мануфактуры. Появляются отдѣльные суконщики, которые соединяютъ нѣсколько станковъ въ своихъ домахъ, не три—четыре, какъ это дѣлали мастера—кустари, а десять или двѣнадцать. Но и въ этихъ случаяхъ они продолжаютъ одновременно раздавать работу и внѣ дома: у одного суконщика 11 ткачей работаютъ въ его помѣщеніи, 10 у себя на дому, на другого работаетъ 27 станковъ, изъ коихъ всего 13 въ помѣщеніи суконщика [2]). Въ значительномъ

[1]) Гобсонъ, стр. 39—40. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII. siècle. p. 44. 195—196.

[2]) Mantoux, p. 44—46.

количествѣ централизованныя мастерскія стали возникать лишь тогда, когда начали вводиться машины, но тогда это уже были не мануфактуры, а фабрики. [1]).

IV.

По сравненію съ домашней или кустарной промышленностью, централизованная мануфактура, какъ форма предпріятія, представляла существенныя выгоды для предпринимателя. Устранялись прежде всего двѣ невыгодныя стороны домашней промышленности: необходимость пользоваться услугами факторовъ-посредниковъ при раздачѣ матеріала кустарямъ и при полученіи его обратно въ обработанномъ видѣ и утайка матеріала и другія обманныя операціи, совершаемыя ткачами. Въ 1750 году—разсказываетъ Готейнъ—сборщикъ таможенныхъ пошлинъ въ верхнемъ Брейсгау Киліанъ сталъ скупщикомъ хлопчатобумажной пряжи и тканей въ различныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда.

---

[1]) Относительно французскихъ мануфактуръ см. особ. Germain Martin (La grande industrie sous le règne de Louis XIV, plus particulièrement de 1660 à 1715. Paris. 1898. La grande industrie sous le règne de Louis XV. Paris. 1900.) и Des Cilleuls (Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII. et au XVIII. siècles. Paris. 1898). Къ сожалѣнію, по вопросу о возникновеніи мануфактуръ изъ болѣе раннихъ формъ производства и о самомъ процессѣ перехода къ мануфактурамъ у нихъ имѣется весьма мало данныхъ, да и вообще не проводится достаточно строгаго различія между кустарной промышленностью и централизованными мануфактурами. Весьма любопытныя свѣдѣнія о бельгійскихъ мануфактурахъ находимъ у Жюлена (Armand Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII. siècle. Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. T. LXIII. Bruxelles. 1903—1904). Жюленъ сообщаетъ подробныя и точныя данныя о каждомъ предпріятіи. Изъ его изслѣдованія (онъ разработалъ результаты анкеты 1764 г. о бельгійскихъ мануфактурахъ) видно, что и въ Бельгіи текстильная промышленность въ XVIII ст. имѣла преимущественно кустарную форму производства: пряжа производилась почти исключительно на дому и точно такъ же огромное большинство ткачей работало на дому по заказу скупщика. Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются въ этой отрасли промышленности централизованныя мануфактуры. Въ половинѣ XVIII вѣка насчитывалось не болѣе 10—12 мануфактуръ, обрабатывавшихъ волокнистыя вещества, причемъ и эти мануфактуры одновременно съ производствомъ въ мастерскихъ раздавали работу на домъ

Во многихъ мѣстахъ прядильный промыселъ совершенно не прививался и всѣ усилія его оказывались тщетными, ибо все дѣло портили факторы: они расплачивались съ кустарями не деньгами, полученными у Киліана, а кружевами, лентами и другими товарами, засчитывая ихъ по повышенной цѣнѣ. Вслѣдствіе этого, населеніе отказывалось работать. Въ другихъ мѣстахъ прядильщики работали по заказу Киліана, несмотря на то, что его факторы прямо грабили ихъ, но и для Киліана это было убыточно: его конкурренты старались привлечь факторовъ на свою сторону и послѣдніе во многихъ случаяхъ служили двумъ предпринимателямъ одновременно: полученную шерсть они обмѣнивали на худшую и обманывали ихъ обоихъ. Первоначально 100 гульденовъ въ годъ, получаемыхъ факторомъ, считались вполнѣ достаточной платой, но впослѣдствіи установился обычай уплачивать фактору кромѣ того по 3 крейцера за каждый фунтъ хлопка, который они раздавали кустарямъ. Однако, и этимъ они не удовлетворялись: Киліанъ вынужденъ былъ выдавать имъ значительныя безпроцентныя ссуды, чтобы удержать ихъ въ своей власти.

За эксплоатацію населенія предпринимателемъ и посредниками населеніе платило такой же монетой—обманами. Въ

кустарямъ: шерстяная мануфактура въ Мехельнѣ имѣла 175 рабочихъ, но кромѣ того 259 работало для нея на дому; на камлотовой мануфактурѣ въ Турне работало 62 человѣка, пряжа же для нея производилась сельскими кустарями-женщинами, въ количествѣ 800; для ткацкой мануфактуры въ Брюггѣ съ 80 рабочими и для полотняной мануфактуры въ Турне съ 277 рабочими пряжу изготовляли кустари—въ первомъ случаѣ 66, во второмъ около 535 человѣкъ, а мануфактура одѣялъ въ Мехельнѣ, имѣя 80 рабочихъ, раздавала работу на домъ вдвое большему числу кустарей. Такое соединеніе мануфактуръ съ кустарной промышленностью можно разсматривать какъ переходную форму къ централизаціи производства въ мануфактурахъ. Значительное количество централизованныхъ мануфактуръ мы находимъ лишь въ желѣзодѣлательной и стекольной индустріи, причемъ, однако, эти мануфактуры весьма невелики, по крайней мѣрѣ, если судить по числу рабочихъ: численность рабочихъ обыкновенно не превышаетъ 15—30, лишь въ видѣ исключенія она достигаетъ 40—45. Изъ крупныхъ мануфактуръ встрѣчаются, помимо приведенныхъ ткацкихъ, фарфоровая мануфактура съ 200 рабочихъ, табачная со 151 рабочимъ и лѣсопильня со 102 рабочими (Julin, p. 32—39. 63—66. 72—81).

кражѣ хлопка и утайкѣ полученнаго матеріала рабочіе вскорѣ могли соперничать съ факторами. Послѣ исповѣди предприниматели нерѣдко получали тайкомъ значительное количество хлопка, похищеннаго у нихъ. Это являлось хоть нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ утайки матеріала. Въ фальсификаціи же пряжи прядильщицы — какъ бы на основаніи молчаливаго соглашенія — не усматривали ничего дурного и эту фальсификацію онѣ производили съ рѣдкимъ искусствомъ. Онѣ незамѣтно замѣняли двѣ трети тонкой пряжи толстой пряжей, смачивали пряжу надъ кипящей водой и сверху вновь осушали ее. Имъ удавалось вложить около двухъ-трехъ лотовъ песку на каждый фунтъ пряжи, и Киліанъ жаловался на то, что у него на складѣ лежатъ товары цѣнностью въ 30 тысячъ гульд., такъ какъ онъ не въ состояніи доставлять покупателямъ товаръ надлежащаго качества, безъ поддѣлокъ. И ткачество—говорилъ онъ—неудовлетворительно, несмотря на массу потраченныхъ денегъ, ибо ткачи употребляютъ такіе же пріемы, какъ прядильщицы. Дѣйствительно, еще семь лѣтъ спустя, констанцкіе купцы, въ отвѣтъ на правительственную рекомендацію товаровъ Киліана, указывали на то, что они не находятъ сбыта ни на ярмаркахъ, ни даже въ разносной торговлѣ [1]).

Подобныя же явленія мы можемъ встрѣтить повсемѣстно въ кустарной промышленности. Въ Ахенѣ существовалъ особый сортъ матерій, произведенныхъ изъ краденой шерсти: подъ предлогомъ, что они скупаютъ розданную ими же шерсть, различные скупщики открыто торговали этими товарами, доставляемыми имъ кустарями [2]). Въ Крефельдѣ утайка полученнаго шелка не только не считалась чѣмъ-либо дурнымъ, но наоборотъ, въ этомъ видѣли особый подвигъ. Хотя въ 1735 году было издано постановленіе, согласно которому рабочіе, признанные виновными въ кражѣ, наказывались заключеніемъ въ крѣпости, причемъ родители отвѣчали за дѣтей, а лица, скупавшія матеріалъ, признавались скупщиками краденаго, тѣмъ не менѣе хищенія и впослѣдствіи принимали обширные размѣры; когда они открывались, то обнаруживались цѣлыя шайки, занимавшіяся

---

[1]) Gothein. p. 745—49.
[2]) Thun. I. p. 17.

этимъ промысломъ [1]). Въ Англіи—говоритъ Кэннингемъ—постоянныя жалобы скупщиковъ на утайку матеріала рабочими обратили на себя вниманіе общества; это явленіе считалось большимъ бѣдствіемъ, неразрывно связаннымъ съ производствомъ промышленныхъ издѣлій на дому. Такъ какъ предприниматели и факторы совершенно не имѣли возможности наблюдать за кустарями, то въ 1727 году мировымъ судьямъ Уильтшира, Глочестершира и Сомерсетшира было предоставлено право назначать особыхъ инспекторовъ, которые наблюдали бы за производствомъ въ области шерстяной промышленности, гдѣ это зло было особенно распространено; въ 1765 году эта мѣра была примѣнена и въ Іоркширѣ [2]). Одновременно съ этимъ наказанія за утайку матеріала усиливались: начиная съ 1701 года за это полагались каторжныя работы (hard labour). Изъ закона 1726 года можно усмотрѣть, что эти хищенія породили особый промыселъ „endgadherer'овъ". Послѣдніе скупали у кустарей обрѣзки пряжи и тканей, пріобрѣтая и незаконно утаенные рабочими „остатки", почему законъ и воспретилъ вовсе этотъ промыселъ. Единственной мѣрой, дѣйствительно достигающей цѣли, являлось установленіе надзора надъ рабочими и рѣшено было даже пожертвовать господствовавшимъ въ Англіи уже много вѣковъ правомъ всякаго хозяина не допускать постороннихъ лицъ въ свое жилище ради того, чтобы дать предпринимателямъ возможность надзора за производствомъ вообще и за тѣми рабочими въ особенности, которыхъ они подозрѣвали въ утайкѣ матеріала. Съ этой цѣлью скупщикамъ предоставлялось посѣщать жилища рабочихъ, причемъ рабочій, оказывавшій противодѣйствіе, подвергался штрафу въ размѣрѣ 20 ф. стерл. [3]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что англичане уже тогда понимали, что переходъ отъ раздачи работы на домъ къ производству въ централизованныхъ заведеніяхъ, гдѣ установленъ постоянный надзоръ за рабочими, является единственнымъ способомъ прекращенія злоупотребленій со стороны рабочихъ. Но этимъ достигалась и другая не

[1]) Thun. I. p. 95.

[2]) Cunningham. Growth of English Industry and Commerce in modern times. p. 357—358.

[3]) Lohmann, p. 41—42.

менѣе важная цѣль: надзоръ за процессомъ производства даетъ возможность введенія улучшенныхъ пріемовъ обработки матеріала. Конечно, для этого необходимы были надсмотрщики, которые бы слѣдили за работой и стояли во главѣ мастерскихъ. Но нѣсколько надсмотрщиковъ замѣняли собой цѣлый штатъ факторовъ-посредниковъ, который упразднялся при переходѣ отъ кустарнаго способа производства къ мануфактурѣ. А на небольшихъ мануфактурахъ, какія по преимуществу только и возникали, даже и этого не требовалось: весь надзоръ и все руководительство сосредоточивалось въ рукахъ предпринимателя. Наиболѣе существенная выгода заключалась, однако, въ раздѣленіи (расчлененіи) труда, въ томъ, что предприниматель, покупая рабочую силу и уплачивая за нее попрежнему соотвѣтственно той цѣнности, которую создавалъ каждый рабочій въ отдѣльности, пользовался тѣмъ, что производилъ этотъ рабочій въ качествѣ составной части цѣлаго механизма. Онъ присваивалъ себѣ плоды той ловкости и того умѣнія, которое пріобрѣталъ рабочій при расчлененіи процесса производства на мануфактурѣ, плоды той увеличенной интенсивности труда, которая являлась результатомъ кооперацiи рабочихъ [1]).

Недаромъ Адамъ Смитъ, отличавшійся столь рѣдкой наблюдательностью, поставилъ во главѣ своего сочиненія вопросъ о раздѣленіи труда, усматривая въ послѣднемъ единственный факторъ, увеличивающій производительность труда [2]). Оно имѣло въ XVIII вѣкѣ огромное общественное значеніе. Сочиненіе Адама Смита предшествуетъ эпохѣ великихъ изобрѣтеній, оно появилось до наступленія эры машиннаго производства — этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду [3]). По его словамъ, со времени Эдуарда IV въ текстильной промышленности появилось всего три крупныхъ усовершенствованія: замѣна веретена самопрялкой (spinning

---

[1]) Ср. Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. p. 342. 373.

[2]) См. напр. Wealth of Nations. p. 29. Въ дальнѣйшемъ Адамъ Смитъ цитируется повсюду по изданію Макъ-Келлоха 1863 г. (New Edition.)

[3]) Эйзенгартъ (Geschichte der Nationaloekonomik. Jena. 1901. p. 41—42), Морицъ Мейеръ (Die neuere Nationaloekonomie in ihren Hauptrichtungen. 4. Aufl. Minden. 1885. p. 9) и др. ошибочно относятъ Адама Смита къ эпохѣ промышленнаго переворота и введенія машинъ въ Англіи.

wheel), примѣненіе аппаратовъ, облегчающихъ надлежащую подготовку основы и утка (winding) и введеніе суконовалокъ (fulling mill) для уплотненія сукна вмѣсто того, чтобы мять сукно въ водѣ [1]). Въ этомъ перечнѣ — прибавляетъ Тойнби—Смитъ забылъ однако упомянуть объ автоматически движущемся челнѣ, изобрѣтенномъ въ 1738 году Кэемъ; но на слѣдующей страницѣ онъ же указываетъ, цитируя Бэна, на то, что въ Ланкаширѣ—центрѣ текстильной индустріи—самодѣйствующій челнокъ былъ введенъ въ употребленіе лишь въ 1760 г. [2]),—слѣдовательно, въ эпоху Смита это изобрѣтеніе еще никакого значенія имѣть не могло, а Смитъ останавливается лишь на тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя дѣйствительно играли въ его время роль въ производствѣ, увеличивая производительность труда. Онъ упоминаетъ и о томъ мальчикѣ [3]) (Гемфрей Поттеръ), который въ 1713 г. соединилъ веревками движущіяся части паровой машины, такъ что клапанъ открывался и закрывался автоматически безъ его помощи [4]). Однако это была еще водоподъемная машина Ньюкомена, которая и въ горномъ дѣлѣ (не говоря уже объ индустріи) никакого переворота не произвела [5])—паровой машины Уатта Смитъ еще не зналъ—и поэтому онъ не придавалъ этому изобрѣтенію значенія. Имѣя это въ виду, мы поймемъ, почему Смитъ такъ мало обращалъ вниманія на машины, приписывая въ тоже время столь важную роль раздѣленію труда, какъ фактору, увеличивающему производительность труда. Онъ указываетъ на существованіе разнообразныхъ формъ раздѣленія труда, [6]) но съ особенной любовью останавливается на одномъ видѣ его—на раздѣленіи (расчлененіи—Arbeitszerlegung, по терми-

---

[1]) Smith. p. 114.

[2]) Тойнби, стр. 48—49.

[3]) Манту (p. 323) находитъ этотъ разсказъ легендарнымъ, происходящимъ отъ игры словъ: boy (мальчикъ) и buoy (указатель уровня воды въ паровой машинѣ).

[4]) Smith p. 5, см. Matschoss. Geschichte des Dampfmaschine, p. 48.

[5]) См. томъ второй, „Эволюціи прибыли“.

[6]) У него мы находимъ кромѣ Arbeitszerlegung, также Produktionsteilung, Berufsspaltung и Berufsbildung, по терминологіи Бюхера, но Бюхеръ послѣдней не замѣчаетъ (см. Smith p. 3. Bücher. Entst. p. 281 и сл.). Arbeitsverschiebung у него не могло быть, за отсутствіемъ развитой индустріи, примѣняющей машины.

нологіи Бюхера) труда на мануфактурѣ. Въ видѣ примѣра онъ беретъ булавочную мануфактуру: все булавочное производство раздѣляется приблизительно на 18 операцій, которыя на нѣкоторыхъ мануфактурахъ исполняются такимъ же числомъ рабочихъ, на другихъ же одинъ и тотъ же рабочій выполняетъ двѣ или три операціи. Смитъ видѣлъ самъ небольшую мануфактуру, гдѣ было всего десять рабочихъ, такъ что раздѣленіе труда не могло быть проведено вполнѣ, мануфактуру, плохо оборудованную, — и тѣмъ не менѣе при усердной работѣ изготовлялось болѣе 48 тыс. булавокъ въ день, такъ что на долю каждаго рабочаго приходилось 4.800 штукъ. Между тѣмъ, если бы каждый работалъ отдѣльно отъ прочихъ и производилъ всѣ необходимыя операціи, то ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, а многіе быть можетъ не сдѣлали бы ни одной булавки въ теченіе цѣлаго дня. Это огромное возрастаніе производительности труда вызывается, по мнѣнію Смита, тремя моментами: увеличеніемъ ловкости рабочаго, вслѣдствіе постояннаго упражненія въ одной и той же операціи; далѣе, сбереженіемъ во времени, которое теряется при переходѣ отъ одной работы къ другой — „частая перемѣна занятій дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ и неспособнымъ къ напряженному и серьозному труду даже при производствѣ наиболѣе спѣшныхъ работъ“; наконецъ, возможностью примѣненія болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ спеціальнымъ операціямъ, на которыя расчленяется работа [1]).

Булавочную мануфактуру Ад. Смитъ приводитъ въ видѣ примѣра по той причинѣ, что „едва ли въ какой-либо другой отрасли производства раздѣленіе труда и качество необходимыхъ инструментовъ можетъ быть доведено до той степени совершенства, какъ въ промыслахъ обработки неблагородныхъ металловъ; въ производствѣ же сукна раздѣленіе труда находится въ настоящее время въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было сто лѣтъ тому назадъ и употребляемые въ этомъ промыслѣ инструменты почти не измѣнились“ [2]). Принципъ раздѣленія труда— говоритъ

[1]) Smith, p. 3—5.
[2]) Smith. p. 112.

Эмануель Германъ—„сталъ примѣняться (въ XVIII вѣкѣ) въ мастерскихъ по выдѣлкѣ стекляныхъ и металлическихъ издѣлій.[1]) Адамъ Смитъ не случайно выбралъ булавочную мануфактуру въ качествѣ примѣра расчлененнаго, свойственнаго мануфактурѣ способа производства. Эта мануфактура относится къ области производства издѣлій изъ металла, какъ и иголочныя мануфактуры, мануфактуры, производящія часы (о часовомъ промыслѣ Смитъ также упоминаетъ), оружіе и т. п., гдѣ повсюду было введено подобное же раздѣленіе труда. Принципъ раздѣленія труда—продолжаетъ Германъ—есть несомнѣнно принципъ экономическій, однако расчлененный трудъ измѣняетъ свой характеръ. Работа производится при помощи спеціальныхъ инструментовъ, вспомогательныхъ приборовъ, моделей, образцовыхъ мѣръ (въ XVIII вѣкѣ?) и другихъ приспособленій для точнаго воспроизведенія однихъ и тѣхъ же производительныхъ процессовъ; вслѣдствіе этого, она составляетъ переходную ступень къ работѣ на машинахъ, которыя появились въ совершенно иныхъ отрасляхъ промышленности: онѣ возникли въ горномъ дѣлѣ и развитіе ихъ относится къ сферѣ текстильной индустріи“ [4]).

[1]) Въ Шеффильдѣ и Бирмингамѣ дѣйствительно насчитывалось въ половинѣ XVIII вѣка нѣсколько централизованныхъ мануфактуръ, изготовлявшихъ металлическія издѣлія. Такъ, Джозефъ Гальтонъ владѣлъ въ 1765 г. шестью мастерскими (въ Шеффильдѣ), гдѣ изготовлялись всевозможные желѣзные и мѣдные товары. Матью Больтонъ—впослѣдствіи компаньонъ Уатта—имѣлъ также въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Бирмингамѣ мануфактуру, производившую самые разнообразные предметы изъ желѣза, мѣди, серебра, черепахи, въ томъ числѣ бронзовые орнаменты, цѣпочки для часовъ и т. п. Въ Бирмингамѣ находилась и мануфактура Джона Тайлора, спеціальностью которой являлось изготовленіе застежекъ для башмаковъ и полированныхъ металлическихъ табакерокъ (Mantoux. p. 280). Что касается раздѣленія труда въ стекольномъ производствѣ (упоминаемомъ также Германомъ), то въ эту эпоху оно и здѣсь несомнѣнно достигло значительныхъ размѣровъ. По крайней мѣрѣ, въ Бельгіи въ половинѣ XVIII вѣка находимъ среди мануфактуръ по производству бутылокъ и мануфактуръ, выдѣлывающихъ оконныя стекла, рядомъ съ предпріятіями, гдѣ имѣется всего четыре-пять различныхъ категорій рабочихъ, и такія, гдѣ число спеціальностей доходитъ до пятнадцати, какъ напр. на бутылочной мануфактурѣ въ Брюгге или на хрустальной мануфактурѣ въ Намюръ. (Julin. Mémoires de l'académie etc. p. 51. 57—58).

Результатомъ введенія раздѣленія труда явилось „значительное пониженіе цѣнъ на издѣлія слесарнаго и ножеваго промысла, а равно на различныя мелкія металлическія вещи, извѣстныя подъ именемъ бирмингамскихъ и шеффильдскихъ издѣлій“, а также на часовые механизмы. Въ суконномъ производствѣ раздѣленіе труда и стоящее въ связи съ нимъ употребленіе болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ хотя и не сдѣлало значительныхъ успѣховъ за сто лѣтъ, однако и въ томъ и въ другомъ отношеніи могли произойти различныя улучшенія, послѣдствіемъ которыхъ было нѣкоторое пониженіе цѣнъ сукна. Но если сравнимъ цѣну сукна въ настоящее время съ той цѣной, которая существовала въ болѣе отдаленную эпоху, напр. въ концѣ XV вѣка, когда раздѣленіе труда было весьма несовершенно, а употребляемые инструменты были болѣе низкаго качества, то разница въ цѣнѣ окажется болѣе ощутительной и болѣе несомнѣнной“ [1]).

Вызывая значительное возрастаніе производительности работы, раздѣленіе труда имѣетъ послѣдствіемъ всеобщее благосостояніе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ классы населенія вплоть до самыхъ низшихъ. „У каждаго рабочаго получается излишекъ за покрытіемъ его необходимыхъ потребностей, который онъ можетъ употребить по своему усмотрѣнію; а такъ какъ прочіе рабочіе находятся въ такомъ же положеніи, то рабочій имѣетъ возможность обмѣнять значительную часть изготовленныхъ имъ предметовъ на предметы, произведенные другими лицами“... Выгода отъ этого для рабочаго несомнѣнно велика: „имущество крестьянина состоитъ изъ весьма простыхъ и обыкновенныхъ предметовъ, если сравнить его съ роскошью обстановки какого-либо богача; тѣмъ не менѣе между домашней утварью европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и бережливаго крестьянина разстояніе будетъ, быть можетъ, меньше, чѣмъ между обстановкой крестьянина и обстановкой какого-нибудь африканскаго царька, царствующаго надъ десятью тысячами нагихъ дикарей и произвольно распоряжающагося ихъ жизнью и свободой“ [2]). Таковъ результатъ раздѣленія труда.

---

[1]) Smith. p. 113.

[2]) Smith. p. 5—6.

Адамъ Смитъ признаетъ, такимъ образомъ, что и при современныхъ ему соціальныхъ условіяхъ, когда далеко не весь продуктъ поступаетъ въ пользу рабочаго, послѣдній извлекаетъ значительныя матеріальныя выгоды изъ примѣненія принципа раздѣленія труда въ производствѣ. Однако, въ болѣе раннія эпохи, предшествовавшія обращенію земель въ частную собственность и накопленію капиталовъ, весь продуктъ принадлежалъ рабочему и послѣднему не приходилось дѣлиться ни съ землевладѣльцемъ, ни съ промышленнымъ предпринимателемъ, такъ что „если бы это состояніе сохранилось, то заработная плата съ каждымъ возрастаніемъ производительности труда, вызываемымъ раздѣленіемъ труда, увеличивалось бы соотвѣтствующимъ образомъ. Но это состояніе прекратилось задолго до того, какъ совершились важнѣйшіе успѣхи въ смыслѣ увеличенія производительности труда", т. е. задолго до возникновенія мануфактуръ и введенія расчлененія труда въ мануфактурныхъ заведеніяхъ, почему Смитъ и признаетъ безполезнымъ долѣе останавливаться на вопросѣ о вліяніи возрастанія производительности труда на заработную плату при условіи полученія рабочимъ всего продукта его труда. Когда же земля обратилась въ частную собственность и накоплены капиталы, то изъ продукта труда земледѣльца вычитается рента въ пользу замлевладѣльца и прибыль, присваиваемая фермеромъ. „Подобные же вычеты въ пользу капитала, производятся изъ продукта почти всякаго иного труда. Во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ бо́льшая часть рабочихъ нуждается въ хозяинѣ, который доставлялъ бы рабочему матеріалъ и средства существованія, необходимыя ему до окончанія работы. Хозяинъ удерживаетъ часть продукта или часть той цѣнности, которую рабочій присоединяетъ къ обрабатываемому имъ матеріалу, и эта часть составляетъ прибыль съ капитала [1]). Такимъ образомъ, плодами раздѣленія труда, выражающимися въ увеличеніи производительности его, по крайней мѣрѣ частью пользуется капиталистъ, снабжающій рабочаго матеріаломъ и средствами существованія во время производства.

Изъ этого ясно, въ чемъ Адамъ Смитъ усматриваетъ

[1]) Smith. p. 30.

источникъ прибыли: раздѣленіе труда, вызывая возрастаніе производительности, при самостоятельности рабочаго имѣло бы послѣдствіемъ соотвѣтствующее возрастаніе заработной платы или дохода рабочаго — теперь же этотъ плюсъ вполнѣ или отчасти поступаетъ въ пользу капиталиста. „Въ текстильной индустріи XVIII вѣка — говоритъ Беатриса Веббъ (Поттеръ) — капиталистъ доставлялъ производителю сырой матеріалъ, получалъ отъ него готовый продуктъ и сбывалъ послѣдній на отдаленныхъ рынкахъ. Въ другихъ отрасляхъ промышленности онъ соединялъ рабочихъ въ одной мастерской, снабжалъ ихъ инструментами и поручалъ каждому рабочему или ученику опредѣленную часть работы, для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ пріобрѣсти наибольшую скорость и ловкость въ работѣ. Въ виду того, что капиталистъ платилъ рабочему ту же плату, какую послѣдній получалъ раньше, работая отдѣльно, но въ то же время пользовался всѣмъ тѣмъ, что производили всѣ эти рабочіе въ совокупности (въ качествѣ организованнаго цѣлаго), вполнѣ ясно, что онъ извлекалъ чистую прибыль въ видѣ того избытка, который производили рабочіе при существованіи раздѣленія труда, благодаря употребленію болѣе совершенныхъ инструментовъ и благодаря пріобрѣтаемой ими скорости и ловкости въ производствѣ“ [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что раздѣленіе труда или точнѣе расчлененіе процесса производства на мануфактурѣ, являлось по Адаму Смиту тѣмъ источникомъ, изъ котораго получалась прибыль съ капитала.

V.

Трудъ составляетъ у Смита тотъ единственный факторъ, которымъ производятся предметы. „Годовой трудъ представляетъ собою главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы для удовлетворенія, какъ насущныхъ потребностей, такъ и удобствъ жизни; всѣ эти предметы либо производятся непосредственно его трудомъ, либо вымѣниваются у другихъ народовъ въ обмѣнъ на отдаваемые

[1]) Webb (Potter), The cooperative movement in Great-Britain, нѣм. изд. Brentano. Leipzig. 1893. p. 7—8.

продукты народнаго труда“[1]). Вслѣдствіе этого, трудъ является и единственнымъ источникомъ цѣнности, изъ котораго покрываются всѣ виды дохода, какъ заработная плата, такъ и прибыль и рента. Цѣнность, присоединяемая рабочимъ къ сырому матеріалу, раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна покрываетъ заработную плату рабочаго, а другая служитъ прибылью для предпринимателя на его капиталъ, употребленный на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ и на выдачу рабочему заработной платы“ [2]). По той же причинѣ „трудъ есть единственное всеобщее и единственно—точное мѣрило цѣнности, единственное средство для сравненія цѣнности различныхъ товаровъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ“[3]). „Одинаковыя количества труда во всѣ времена и повсюду представляли одинаковую цѣнность для рабочаго, ибо при обыкновенномъ состояніи его здоровья, силы и трудоспособности, при средней степени умѣнія и ловкости, онъ жертвуетъ всегда тѣмъ же досугомъ, свободой и благополучіемъ... Такимъ образомъ, трудъ, никогда не измѣняясь въ своей цѣнности, составляетъ единственное конечное дѣйствительное мѣрило, которымъ всегда и повсюду можно оцѣнивать и сравнивать цѣнности различныхъ предметовъ. Трудъ выражаетъ собою дѣйствительную, деньги же — нарицательную цѣну ихъ“ [4]) [5]).

Трудъ есть, слѣдовательно, не только единственный источникъ цѣнности, но и мѣрило цѣнности: предметы обмѣниваются по количеству воплощеннаго въ нихъ труда.

---

[1]) Adam Smith. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. By J. R. M'Culloch. New Edition. Edinburgh. 1863. p. 1.

[2]) Smith, p. 22.

[3]) Smith, p. 16.

[4]) Ibid, p. 15.

[5]) Такого же взгляда на трудъ придерживается Гетчисонъ, говоря, что дневная работа (копаніе или распашка земли) была для человѣка столь же тяжела тысячу лѣтъ назадъ, какъ и въ настоящее время, хотя онъ и не получалъ такого же количества серебра за эту работу, и точно также мѣра пшеницы или фунтъ мяса такъ же хорошо пропитывали человѣка прежде, какъ и теперь. Поэтому онъ находитъ, что цѣнность труда, хлѣба и скота, въ виду ихъ равной полезности, во всѣ времена почти одинакова, поскольку улучшенія въ распашкѣ земли или разведеніи пастбищъ не вызываютъ увеличенія количества этихъ предметовъ.

Утвержденіе Смита, что предметы обмѣниваются въ зависимости отъ затраченнаго въ производствѣ ихъ рабочаго времени уже въ первобытныя времена — какъ мы видѣли выше [1])—противорѣчитъ даннымъ этнографіи, свѣдѣнія о которой были въ эпоху Смита еще очень скудны, — но зато оно вполнѣ правильно по отношенію къ XVIII вѣку и предыдущимъ XVI—XVII ст. Физическій трудъ въ эту эпоху, какъ и въ средніе вѣка, составлялъ единственный источникъ цѣнности: умственный трудъ, воплощенный въ употребляемыхъ машинахъ, еще отсутствовалъ, инструменты, примѣняемые въ производствѣ, играли еще столь незначительную роль, что ихъ можно было совершенно оставить безъ вниманія; производство покоилось почти всецѣло на трудѣ рабочаго, находилось въ зависимости отъ обнаруживаемой имъ ловкости, расторопности и умѣнія. Вводимое на мануфактурахъ раздѣленіе труда, увеличивая производительность труда рабочаго, ибо возрастала его ловкость и напряженность его работы, имѣло въ этомъ отношеніи очень важное значеніе. Несмотря однако, на то, что и въ средніе вѣка трудъ составлялъ единственный источникъ цѣнности, онъ не являлся въ тѣ времена мѣриломъ ея: при монопольномъ положеніи производителей затраченное послѣдними количество труда при изготовленіи того или другого предмета не было и не могло быть тѣмъ моментомъ, который управлялъ обмѣномъ товаровъ на рынкѣ. Каждый производитель (или точнѣе группа производителей) въ зависимости отъ своей силы на рынкѣ сбыта устанавливалъ болѣе или менѣе высокую цѣну, и плюсъ, прибавляемый имъ, по сравненію съ затраченной въ производствѣ энергіей, не стоялъ въ связи съ количествомъ послѣдней, а обусловливался лишь тѣмъ, насколько исключительно и насколько крѣпко было его монопольное положеніе [2]). Въ послѣдующія столѣтія эти условія — какъ мы установили выше—измѣнились: монополія при сбытѣ товаровъ устранялась все болѣе и болѣе, замѣняясь свободной конкурренціей, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ данной страны. Въ результатѣ та прибыль, которую ранѣе уплачивалъ по-

[1]) См. выше, стр. 59.
[2]) См. выше, стр. 396 и сл.

требитель, исчезла, исчезъ, слѣдовательно, тотъ плюсъ, который прибавлялся въ средніе вѣка къ цѣнности товаровъ, поскольку послѣдняя выражалась въ затраченномъ трудѣ. Вслѣдствіе этого, трудъ сталъ не только источникомъ, но и мѣриломъ цѣнности: предметы обмѣнивались на рынкѣ не въ зависимости отъ силы того или другого монопольнаго производителя, а въ соотвѣтствіи съ воплощеннымъ въ нихъ количествомъ труда.

Цѣнность товара попрежнему дѣлилась на двѣ части: на заработную плату рабочаго и на прибыль предпринимателя, которая получалась однако не цеховымъ мастеромъ отъ подмастерьевъ, а капиталистомъ—предпринимателемъ изъ труда кустарей или объединенныхъ на мануфактурѣ рабочихъ. При такихъ условіяхъ рыночная цѣна (въ составѣ заработной платы, прибыли, а также ренты) и трудовая цѣнность—если не считать рыночныхъ колебаній цѣны—должны совпадать. Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что Смитъ, съ одной стороны, усматриваетъ въ трудѣ единственное основаніе цѣнности, а съ другой стороны, находитъ, что цѣна опредѣляется издержками производства. „При такихъ условіяхъ (т. е. при существованіи земельной собственности и капитала) весь продуктъ труда не поступаетъ уже цѣликомъ въ пользу рабочаго. Въ большинствѣ случаевъ послѣдній вынужденъ раздѣлить его съ владѣльцемъ капитала, который нанялъ рабочаго. Количество труда, совмѣстно затраченнаго рабочими на пріобрѣтеніе или производство предмета, не является уже единственнымъ моментомъ, опредѣляющимъ то количество труда, которое эти же рабочіе могутъ сообща купить, заказать или получить въ обмѣнъ. Очевидно, что нѣкоторое добавочное количество труда должно составить прибыль съ капитала, оплачивающаго трудъ и доставляющаго рабочему матеріалъ“ [1]). Смитъ разсматриваетъ здѣсь цѣну и процессъ обмѣна съ точки зрѣнія рабочаго, изготовляющаго продукты, и поэтому указываетъ на то, что рабочій вынужденъ часть продукта, часть трудовой цѣнности уступить предпринимателю, вслѣдствіе чего онъ уже не можетъ получить въ обмѣнъ такое же количество труда, какое онъ самъ потра-

[1]) Smith. p. 23.

тилъ въ производствѣ; разъ его заработная плата меньше, чѣмъ цѣнность произведеннаго имъ продукта, то онъ въ состояніи купить за нее количество труда, равняющееся лишь части того труда, который онъ самъ употребилъ при изготовленіи товара. Иначе это представляется съ точки зрѣнія потребителя. „Когда готовый (произведенный) продуктъ обмѣненъ на деньги, на трудъ или на другой товаръ, то вырученное должно покрыть не только цѣнность матеріаловъ и заработную плату рабочаго, но, кромѣ того доставить также предпринимателю прибыль на употребленный имъ въ предпріятіи капиталъ“ [1]). Для потребителя прибыль представляется излишкомъ, который онъ вынужденъ уплачивать сверхъ расходовъ, съ коими было сопряжено производство. Наконецъ, съ точки зрѣнія распредѣленія доходовъ въ народномъ хозяйствѣ, „подобно тому, какъ цѣна или мѣновая цѣнность каждаго товара, взятаго отдѣльно, приводится къ той или другой изъ этихъ составныхъ частей (т. е. къ заработной платѣ, прибыли, рентѣ), или ко всѣмъ тремъ, такъ и цѣна всѣхъ товаровъ, составляющихъ сумму всего годового производства страны, взятаго во всей его совокупности, неизбѣжно распадается на эти три составныя части и распредѣляется между различными жителями страны, въ видѣ ли заработной платы или въ качествѣ прибыли на ихъ капиталы, или въ видѣ поземельнаго дохода съ ихъ земель. Общее количество всего того, что производитъ своимъ трудомъ каждое общество, или, что тоже, общая цѣна всего этого количества, распредѣляется между различными членами общества. Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальные источника, какъ всякаго дохода, такъ и всякой мѣновой цѣнности“ [2]).

Тотъ камень преткновенія, который стоялъ на пути у Маркса въ видѣ равенства прибылей, дѣлающаго невозможнымъ совпаденіе цѣны съ трудовой цѣнностью, еще отсутствовалъ въ эпоху Адама Смита. Конкурренція при сбытѣ товаровъ хотя и не давала возможности предпринимателю получать отъ потребителя что-либо сверхъ трудовой цѣнности товара, но въ тоже время и не была еще настолько

---

[1]) Smith. p. 24.

[2]) Ibid. p. 22.

сильна, чтобы она могла заставить его довольствоваться такой же прибылью, какую извлекаетъ и всякій другой предпринимать, и отдать потребителю излишекъ сверхъ средней обычной прибыли. Для уничтоженія прибыли, возникающей при обмѣнѣ товаровъ на рынкѣ, было вполнѣ достаточно совершившейся перемѣны, установленія болѣе или менѣе значительной свободы обмѣна внутри страны, а равно появленія фактической, по крайней мѣрѣ, частичной конкурренціи иноземныхъ товаровъ[1]): все это вмѣстѣ взятое способно было низвести цѣну до уровня трудовой цѣнности; такой именно характеръ имѣла пертурбація въ цѣнахъ, совершившаяся въ разсматриваемую эпоху, въ особенности въ XVI—XVII ст. [2]). Но для установленія общаго уровня, къ которому бы стремилась прибыль въ различныхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства, этого было еще слишкомъ мало. Средній уровень прибыли можетъ появиться лишь при вполнѣ свободной конкурренціи, при свободѣ передвиженія и избранія занятій; до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя отрасли производства отдѣлены другъ отъ друга различными перегородками, пока существуютъ привилегіи и концессіи, предприниматель очевидно не въ состояніи направлять свои капиталы каждый разъ въ ту именно отрасль производства, гдѣ прибыль въ данное время наиболѣе высока, онъ не можетъ свободно покидать ту или другую мѣстность или тотъ или другой промыселъ и выбирать любой по своему усмотрѣнію. При такихъ условіяхъ, слѣдовательно, значительныя отклоненія прибылей другъ отъ друга неминуемы, образованіе общаго уровня прибыли въ зависимости отъ величины затраченнаго капитала немыслимо. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка не только фактически прибыль нисколько не сообразовалась съ величиной употребляемаго капитала, но и устанавливаемыя таксы исходили изъ того принципа, что цѣны должны соотвѣтствовать расходамъ производителя, прибыль же должна вычисляться независимо отъ величины капитала [3]), такимъ образомъ, чтобы она давала достаточный доходъ для покрытія нуждъ реме-

---

[1]) См. выше, стр. 493 и сл. 505 и сл.
[2]) См. выше, стр. 508—512. 569—570.
[3]) См. выше, стр. 233 и сл. 380—81. 385. 387.

сленника или торговца, — такъ же точно и въ XVI—XVII и даже въ XVIII ст. еще мало руководствовались тѣмъ, насколько величина прибыли соотвѣтствуетъ размѣрамъ капитала, а если кто-либо и говорилъ объ этомъ, то преимущественно въ томъ смыслѣ, что при уничтоженіи существующихъ преградъ и регламентаціи, величина прибыли будетъ и должна сообразоваться съ цѣнностью капитала. Но это были лишь пожеланія, которыя мы можемъ найти и у Смита, дѣйствительность была совершенно иная.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что тотъ важнѣйшій моментъ, который вызывалъ бы рѣзкое различіе въ уровнѣ прибыли въ настоящее время въ случаѣ, если бы физическій трудъ являлся единственнымъ источникомъ и мѣриломъ цѣнности товаровъ [1]),—именно различіе въ составѣ капитала въ разныхъ отрасляхъ производства, въ разсматриваемую эпоху не могъ имѣть существеннаго значенія: до появленія машинъ не затрачивалось значительныхъ суммъ на орудія производства, болѣе крупныя отклоненія вызывались лишь различіемъ въ цѣнности сырыхъ матеріаловъ. Поэтому, разъ величина прибыли находилась въ тѣсной связи съ количествомъ нанимаемыхъ рабочихъ, выражаясь въ томъ избыткѣ сверхъ заработной платы, который они производили, она тѣмъ самымъ соотвѣтствовала болѣе или менѣе и размѣрамъ затраченнаго въ производствѣ капитала. Но зато тѣ же условія экономической и соціальной жизни предыдущихъ столѣтій приводили къ тому, что въ ту эпоху существовали обстоятельства, вызывавшія различіе въ прибыли, выручаемой на капиталъ одинаковой величины. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣли рѣзкія различія въ заработной платѣ, въ зависимости отъ мѣстности и отрасли производства. Объ общемъ уровнѣ заработной платы по отношенію къ XVI—XVIII ст. можно говорить еще менѣе, чѣмъ объ общемъ уровнѣ прибыли. Зависимость рабочаго отъ предпринимателя была—какъ мы видѣли выше—повсюду очень сильна, но все-таки она была далеко не одинакова въ различныхъ отрасляхъ производства, не одинакова была поэтому и эксплоатація рабочаго капиталистомъ. Регламентація про-

[1]) См. томъ второй.

мышленности и стѣсненія при переходѣ не только отъ одного промысла къ другому, но и отъ одной компаніи скупщиковъ или мануфактуры къ другой, были и въ XVIII вѣкѣ еще крайне значительны, вслѣдствіе чего и уровень прибыли (въ процентахъ съ капитала), которую извлекалъ предприниматель изъ рабочаго, обнаруживалъ огромныя различія.

VI.

Адамъ Смитъ рисуетъ картину того разнообразія, какъ въ уровнѣ заработной платы, такъ и въ величинѣ прибыли, выражаемой въ процентахъ съ затраченнаго капитала, какое господствовало въ его время. Разсмотрѣвъ причины неравномѣрности заработной платы и прибыли, „вытекающей изъ самой природы промысловъ“, онъ подробно останавливается на той „неравномѣрности, которая вытекаетъ изъ правительственнаго вмѣшательства, повсюду стѣсняющаго естественный порядокъ вещей и имѣющаго несравненно большее значеніе, чѣмъ тѣ различія, которыя вызываются характеромъ производства“ [1]). Правительственное вмѣшательство вліяетъ на установленіе различій въ уровнѣ заработной платы и прибыли троякимъ путемъ: во первыхъ, вслѣдствіе стѣсненія конкурренціи въ нѣкоторыхъ промыслахъ допущеніемъ меньшаго числа лицъ по сравненію съ тѣмъ, которое обратилось бы къ этимъ занятіямъ при отсутствіи такого стѣсненія; во-вторыхъ, увеличеніемъ въ другихъ промыслахъ числа конкуррентовъ свыше того, какое бы получилось при естественномъ ходѣ вещей, и въ-третьихъ, стѣсненіемъ перехода труда и капитала, какъ отъ одного промысла къ другому, такъ и изъ одной мѣстности въ другую [2]).

Что касается въ частности послѣдняго обстоятельства, то „нерѣдко бываетъ, что въ то самое время, какъ рабочіе въ одномъ промыслѣ получаютъ высокую плату, рабочіе другого промысла чуть ли не умираютъ съ голоду. Одинъ промыселъ развивается и вслѣдствіе этого, постоянно предъявляетъ спросъ на рабочія руки; другой падаетъ

[1]) Smith. p. 54.
[2]) Ibid.

и испытываетъ постоянный избытокъ въ рабочихъ силахъ. Оба промысла могутъ находиться въ одномъ и томъ же городѣ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, — и все таки они не въ состояніи оказать другъ другу ни малѣйшей помощи. Препятствіемъ является въ одномъ случаѣ законодательство объ ученичествѣ, въ другомъ случаѣ — это же законодательство и, кромѣ того, исключительныя цеховыя привилегіи. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ производство до того сходно, что рабочіе могли бы безъ всякаго затрудненія переходить отъ одного къ другому, если бы этому не препятствовали нелѣпые законы. Искусство напр., ткать гладкія полотна и искусство ткать шелковыя матеріи почти совершенно одинаковы. Нѣсколько отличается отъ нихъ ткачество гладкихъ шерстяныхъ матерій, но и въ этомъ случаѣ различіе до того незначительно, что ткачъ, выдѣлывающій полотно или шелковыя матеріи, способенъ въ нѣсколько дней выучиться изготовленію шерстяныхъ тканей. Если бы какая-либо изъ этихъ трехъ важныхъ отраслей производства стала сокращаться, то рабочіе очевидно могли бы обратиться къ одному изъ двухъ другихъ промысловъ, продолжающихъ развиваться, и въ такомъ случаѣ заработная плата не могла бы ни чрезмѣрно увеличиться въ промыслѣ, находящемся въ благопріятныхъ условіяхъ, ни упасть очень низко въ промыслѣ, клонящемся къ упадку. Въ настоящее время — продолжаетъ Адамъ Смитъ—въ Англіи спеціальное постановленіе открыло всѣмъ желающимъ доступъ въ полотняное производство, но такъ какъ послѣднее еще мало распространено въ большей части страны, то оно въ случаѣ надобности, не можетъ оказать значительной помощи рабочимъ прочихъ находящихся въ упадкѣ ткацкихъ промысловъ; вслѣдствіе этого, повсюду, гдѣ законодательство объ обученіи находится въ полной силѣ, рабочимъ остается одинъ выходъ—поступить на общественное содержаніе въ приходы или становиться простыми поденщиками; такъ какъ по своимъ привычкамъ они къ послѣднему занятію способны менѣе, чѣмъ къ какому-либо иному, имѣющему хоть какое-нибудь отношеніе къ ихъ промыслу, то они большею частью поступаютъ на содержаніе приходовъ“ [1]).

[1]) Smith. p. 62.

„Стѣсненія къ свободному переходу рабочихъ, создаваемыя существованіемъ цеховъ—говоритъ далѣе Смитъ—имѣются во всѣхъ европейскихъ странахъ; но стѣсненія, вытекающія изъ законодательства о бѣдныхъ, сколько мнѣ извѣстно, свойственны одной только Англіи. Они состоятъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми для бѣднаго человѣка связано пріобрѣтеніе осѣдлости или даже полученіе разрѣшенія заниматься своимъ промысломъ гдѣ бы то ни было, внѣ своего прихода. Цеховыя постановленія стѣсняютъ свободный переходъ только ремесленниковъ или промышленныхъ рабочихъ (на мануфактурахъ), стѣсненія въ передвиженіи связываютъ по рукамъ даже простого поденщика“. [1]) Поэтому „мы никогда не встрѣтимъ въ другихъ странахъ тѣхъ рѣзкихъ и непонятныхъ различій въ уровнѣ заработной платы, какія существуютъ нерѣдко въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ бѣдному рабочему нерѣдко значительно труднѣе преодолѣть искусственныя преграды, отдѣляющія приходъ, чѣмъ естественныя препятствія въ видѣ моря или горнаго хребта, которыя въ другихъ странахъ часто составляютъ границу, отдѣляющую мѣстности съ различнымъ уровнемъ заработной платы. [2]).

Что касается различій въ уровнѣ прибыли, то „всѣ тѣ препятствія, которыя стѣсняютъ переходъ труда отъ одного промысла къ другому, стѣсняютъ равнымъ образомъ и обращеніе капиталовъ, такъ какъ количество послѣднихъ, помѣщенное въ какой-либо отрасли производства, находится въ зависимости отъ количества труда, которое можетъ быть къ ней примѣнено. Тѣмъ не менѣе цеховыя постановленія не настолько стѣсняютъ свободный переходъ капитала изъ одного мѣста въ другое, какъ перемѣщеніе труда. Богатому купцу легче испросить себѣ разрѣшеніе завести торговлю въ инкорпорированномъ городѣ, чѣмъ ремесленнику право работать въ немъ“ [3]). Смитъ указываетъ на то, что „прибыль измѣняется не только изъ года въ годъ, но изо дня въ день и даже съ часу въ часъ“ и что „выяснить размѣры средней прибыли во всѣхъ разнообразныхъ про-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. p. 65.
[3]) Ibid. p. 62.

мыслахъ какой-либо обширной страны было бы весьма трудно“ [1]). Далѣе онъ находитъ, что можно назвать лишь немного предпріятій которыя нельзя было бы устроить въ Шотландіи съ меньшимъ капиталомъ, чѣмъ въ Англіи. Поэтому обычный уровень прибыли долженъ быть въ Шотландіи нѣсколько выше [2]).

Прибыль, слѣдовательно, не сообразуется съ величиной затрачиваемаго капитала; важно абсолютное количество, а не величина ея, выраженная въ процентахъ на капиталъ. Это находится въ тѣсной связи съ указаніемъ Смита въ другомъ мѣстѣ на то, что „прибыль составляетъ весь доходъ продавца — источникъ его существованія. Подобно тому, какъ онъ выдаетъ заработную плату своимъ рабочимъ или содержитъ ихъ въ то время, пока изготовляется его товаръ и доставляется на рынокъ, точно такъ же онъ оплачиваетъ заранѣе и свое собственное содержаніе, обыкновенно соотвѣтственно размѣрамъ прибыли, которую онъ расчитываетъ выручить при сбытѣ своего товара. Лишить его этой прибыли означало бы, слѣдовательно, тѣмъ самымъ не вернуть ему того, во что, по справедливости, дѣйствительно обошелся ему товаръ [3]). Разъ Смитъ разматриваетъ прибыль какъ часть издержекъ производства, покрывающую потребности предпринимателя во время производства, то, очевидно, значеніе имѣютъ лишь абсолютные размѣры этой прибыли; хотя бы капиталъ былъ незначителенъ, прибыль въ суммѣ все-таки должна быть опредѣленныхъ размѣровъ, иначе она не доставитъ предпринимателю необходимыхъ средствъ существованія. Такой взглядъ—какъ мы увидимъ ниже—еще являлся господствующимъ въ XVIII вѣкѣ [4]).

„Поэтому хотя цѣна, доставляющая ему эту прибыль,— продолжаетъ Смитъ—не всегда является той наиболѣе низкой цѣной, за какую онъ можетъ уступить свой товаръ, но она несомнѣнно будетъ самою низкою, какая только возможна въ теченіе даннаго (продолжительнаго) періода,

---

[1]) Smith. p. 40.
[2]) Ibid. p. 41.
[3]) Ibid. p. 25.
[4]) См. ниже, теорію воздержанія.

если онъ, конечно, пользуется полной свободой и можетъ по своему усмотрѣнію переходить отъ одного занятія къ другому“ [1]). Здѣсь Смитъ исходитъ уже изъ совершенно иныхъ условій, чѣмъ раньше: онъ имѣетъ въ виду не современную ему экономическую жизнь, а тѣ идеальныя условія, когда существуетъ полная экономическая свобода, то лучшее будущее, къ которому онъ самъ стремится. Это же состояніе экономической свободы является его отправной точкой, когда Смитъ, указывая на различіе между заработной платой и прибылью, утверждаетъ, что прибыль не находится въ зависимости отъ количества и свойства того труда, который состоитъ въ надзорѣ и управленіи, а регулируется цѣнностью употребленнаго капитала, и приводитъ слѣдующій примѣръ. „Представимъ себѣ, что въ какой—либо мѣстности, въ которой обычная годовая прибыль съ капитала составляетъ десять процентовъ въ годъ, существуютъ два промышленныхъ заведенія, изъ коихъ въ каждомъ работаетъ по двадцати человѣкъ рабочихъ, получающихъ въ годъ по 15 фунтовъ, такъ что каждое расходуетъ 300 фунтовъ ежегодно на содержаніе рабочихъ. Предположимъ далѣе, что одно изъ нихъ обрабатываетъ грубые продукты на сумму въ 700 фунтовъ въ годъ, между тѣмъ какъ другое обрабатываетъ матеріалы лучшаго качества, стоющіе ежегодно 7000 фунтовъ; ежегодный капиталъ, употребляемый въ первомъ случаѣ, составляетъ только 1000 фунтовъ, во второмъ—7300 фунтовъ. Считая по десяти процентовъ, предприниматель въ первомъ случаѣ получитъ прибыль лишь въ 100 фунтовъ, между тѣмъ какъ прибыль второго составитъ 730 фунтовъ. Несмотря, однако, на это огромное различіе въ размѣрахъ прибыли, трудъ предпринимателя по надзору за производствомъ и по управленію предпріятіемъ можетъ оказаться и въ томъ и въ другомъ случаѣ вполнѣ или почти одинаковымъ“ [2]).

Этотъ примѣръ долженъ, собственно говоря, вызвать недоумѣніе. Если прибыль въ различныхъ отрасляхъ производства находится въ одинаковомъ процентномъ отношеніи къ затраченному капиталу, если ея вели-

[1]) Ibid.
[2]) Smith. p. 22.

чина зависитъ отъ размѣровъ послѣдняго, то ясно, что цѣна (т. е. издержки производства) не можетъ совпадать съ трудовою цѣнностью. Въ приведенномъ примѣрѣ очевидно, разъ заработная плата одинакова, одинакова и та часть цѣнности, которую оба предпринимателя извлекаютъ изъ своихъ рабочихъ, а между тѣмъ размѣры прибыли абсолютно весьма различны. Приводимый Смитомъ примѣръ и его утвержденіе, что прибыль регулируется исключительно цѣнностью употребляемаго капитала, такимъ образомъ, безусловно противорѣчатъ всему тому, что онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ о различіяхъ въ уровнѣ прибыли, вызываемыхъ правительственнымъ вмѣшательствомъ: цеховой системой, стѣсненіями перехода отъ одного промысла къ другому, изъ одной мѣстности въ другую и т. п. Однако, въ дѣйствительности противорѣчіе это лишь кажущееся. Тамъ Смитъ имѣлъ въ виду опредѣлить основныя черты современной ему экономической жизни, установить характеръ прибыли съ капитала и заработной платы при этихъ условіяхъ; здѣсь для него важно выяснить различіе между отдѣльными отраслями дохода, между заработной платой и прибылью. Легко смѣшать прибыль съ вознагражденіемъ за трудъ по надзору и управленію, исполняемый тѣмъ же предпринимателемъ, и тогда прибыль оказалась бы лишь инымъ видомъ той же заработной платы. Чтобы разсѣять это недоразумѣніе, Смитъ считаетъ необходимымъ разъяснить, въ чемъ заключается различіе между платой за этотъ трудъ по надзору и прибылью. Въ чемъ же разница? Не въ источникѣ, ибо источникъ во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же трудъ, а лишь въ тѣхъ моментахъ, которыми обусловливается величина дохода. Размѣры вознагражденія за трудъ по веденію предпріятія обусловливаются количествомъ затрачиваемаго труда, способностями даннаго лица и степенью довѣрія къ нему, что обнаруживается при порученіи завѣдыванія предпріятіемъ наемному управляющему [1]). Но что самое важное — на жалованье послѣдняго никогда не имѣетъ вліянія величина капитала, употребляемаго въ предпріятіи, которымъ онъ руководитъ. Наоборотъ, величина прибыли зависитъ

[1]) Smith. p. 22—23,

отъ размѣровъ капитала. Очевидно, въ данномъ случаѣ Смитъ старался лишь въ общихъ чертахъ разграничить обѣ отрасли дохода, доказать, что „прибыль съ капитала входитъ въ цѣну товара, какъ составная часть ея, вполнѣ независимая отъ заработной платы и существующая на совершенно иныхъ основаніяхъ“, и въ особенности предупредить господствовавшее въ его время смѣшеніе прибыли съ доходомъ предпринимателя за его распорядительный трудъ. Для этой цѣли указаніе на то, что размѣръ прибыли находится въ связи съ величиной капитала, было необходимо. Но въ общемъ оно конечно было недостаточно для того времени: Смитъ не указалъ на цѣлый рядъ другихъ моментовъ, которые дѣлали невозможнымъ существованіе общаго уровня прибыли при господствующихъ экономическихъ условіяхъ. Онъ взялъ не только равную въ процентномъ отношеніи къ капиталу прибыль для обоихъ предпріятій (въ различныхъ отрасляхъ производства), но и совершенно одинаковую заработную плату, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ самъ же — какъ мы видѣли выше—подчеркиваетъ рѣзкія различія въ заработной платѣ даже въ наиболѣе сходныхъ по своему характеру промыслахъ и въ мѣстностяхъ, расположенныхъ очень близко другъ отъ друга [1]).

Причина весьма ясна: Смитъ исходитъ въ данномъ случаѣ не изъ условій хозяйственной жизни XVIII вѣка, а изъ господства свободной конкурренціи, которое должно установиться съ устраненіемъ всѣхъ существующихъ преградъ. При этихъ условіяхъ, съ прекращеніемъ правительственнаго вмѣшательства, и прибыль, и заработная плата должны стремиться къ одному общему уровню (если не считать конечно обстоятельствъ, вытекающихъ изъ характера различныхъ промысловъ).

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою одинъ изъ тѣхъ немногихъ вымышленныхъ примѣровъ, которые въ видѣ исключенія встрѣчаются въ сочиненіи Смита, большею частью для выясненія тѣхъ результатовъ, которые получатся въ случаѣ введенія экономической свободы. Вообще же Смитъ обыкновенно беретъ свои примѣры изъ

[1]) См. стр. 647 и сл.

дѣйствительной жизни, именно тогда, когда онъ не строитъ гипотезъ относительно желательнаго будущаго, а дѣлаетъ выводы изъ наблюденій надъ современной ему экономической дѣйствительностью. Существованіе бокъ о бокъ двухъ различныхъ пріемовъ, выводовъ изъ двухъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга основныхъ посылокъ, придаетъ конечно нѣкоторую двойственность труду Смита, и приводитъ къ тому, что экономисты чуть ли не по каждому вопросу находятъ у него противорѣчія. „Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ Гасбахъ, — что Смитъ пользовался индуктивнымъ методомъ, что онъ старался удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя со времени Гетчисона, Юма, Монтескье, Стюарта предъявлялись къ наукѣ объ обществѣ и государствѣ. Тотъ, кто знаетъ, съ какой любовью онъ всегда описываетъ дѣйствительную жизнь вблизи и вдали, идетъ ли рѣчь о культурѣ риса въ Азіи и Америкѣ, о раскладкѣ налоговъ во Франціи, о шотландскомъ сельскомъ хозяйствѣ или о транспортѣ товаровъ между Эдинбургомъ и Лондономъ, кто помнитъ, какъ онъ повсюду покрываетъ скелетъ своей системы мясомъ историческихъ данныхъ, — для того одна мысль о томъ, что Смитъ пользовался исключительно абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, что онъ дѣлалъ выводы изъ произвольно принятой предпосылки, должна казаться безумной“[1]). „Смитъ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — поясняетъ выставленныя имъ положенія не посредствомъ вымышленныхъ примѣровъ, какъ это дѣлаетъ Рикардо, а статистическими и историческими данными. Такъ онъ поступаетъ и при изложеніи ученія о раздѣленіи труда, и при конструкціи теоріи денегъ, реальной и номинальной цѣны. То, что онъ говоритъ о заработной платѣ, онъ подтверждаетъ большимъ количествомъ статистическихъ свѣдѣній о заработной платѣ въ Сѣверной Америкѣ, Китаѣ, Англіи въ 17 и 18 ст. Подобный же формальный характеръ иллюстраціи къ выставленной теоріи имѣютъ изслѣдованія его о колебаніяхъ цѣнности серебра за четыре предшествующія столѣтія“ [2]). Всѣ приводимые факты только кажутся примѣрами, иллюстрирующими теоретическія

[1]) Hasbach. Untersuchungen über Adam Smith. Leipzig. 1891. p. 398.
[2]) Hasbach, p. 406—407.

положенія, въ дѣйствительности же—какъ признаетъ Гасбахъ — положенія Смита выведены индуктивнымъ путемъ изъ того фактическаго матеріала, который онъ излагаетъ. Найдя индуктивнымъ путемъ каузальную связь, онъ затѣмъ строитъ на основаніи индукціи дедукцію, дѣлаетъ дедуктивные выводы изъ полученныхъ посредствомъ индукціи положеній. „Онъ объясняетъ экономическую жизнь, исходя изъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ, установленныхъ имъ или его предшественниками путемъ наблюденія“ [1]).

Однако все это имѣетъ отношеніе лишь къ тѣмъ случаямъ, когда Смитъ анализируетъ хозяйственную жизнь прошлаго или настоящаго, что онъ и дѣлаетъ преимущественно, ибо „его интересуетъ окружающая его конкретная хозяйственная жизнь и эту жизнь онъ старается понять“ [2]). Но эти объясненія Гасбаха неприменимы къ тѣмъ частямъ системы Смита или точнѣе къ тѣмъ выставляемымъ имъ положеніямъ, гдѣ онъ исходитъ не изъ существующаго въ его эпоху хозяйственнаго строя, но изъ новой организаціи промышленности и торговли, которая должна установиться съ устраненіемъ государственной опеки, съ наступленіемъ полной свободы экономической дѣятельности. Тамъ, гдѣ Смитъ имѣетъ въ виду условія экономической свободы, старается разрѣшить „чисто абстрактную проблему: въ какія формы сложится игра человѣческихъ интересовъ, если предположить свободу этой игры“, онъ могъ пользоваться только дедуктивнымъ методомъ, исходя изъ свободнаго проявленія личнаго интереса каждаго. „Отдѣльныя частныя хозяйства являлись какъ бы атомами товарохозяйственнаго міра. Психическія силы, управляющія этими атомами, предполагались извѣстными. Важнѣйшей изъ этихъ силъ можно было считать личный интересъ. Надлежало установить путемъ чистаго умозрѣнія, каковы будутъ законы взаимодѣйствія и равновѣсія хозяйственнаго цѣлаго“ [3]). Въ этихъ случаяхъ, когда рѣчь шла о характеристикѣ экономической жизни будущаго, Смитъ не могъ пользоваться фактическими

---

[1]) Hasbach, p. 408.

[2]) Ibid, p. 405.

[3]) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. Изд. 2. Спб. 1905. Стр. 25.

данными, дедукція изъ немногихъ основныхъ положеній являлась единственно-возможнымъ методомъ. Этимъ то двоякимъ методомъ, примѣняемымъ Смитомъ въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь о настоящемъ или о будущемъ, объясняется двойственность всей его системы, которую экономисты обыкновенно упускаютъ изъ виду, обращая вниманіе лишь на одну изъ сторонъ. Отсюда и тѣ кажущіяся противорѣчія, которыя находятъ у него всѣ изслѣдователи отдѣльныхъ вопросовъ теоретической экономіи, заработной платы, цѣнности, ренты, капитала и т. под. И по вопросу о характерѣ прибыли онъ даетъ различныя указанія, въ зависимости отъ того, исходитъ ли онъ изъ данныхъ о хозяйственной жизни XVIII вѣка или рисуетъ картину экономическаго быта при господствѣ полной свободы самоопредѣленія: въ первомъ случаѣ размѣры прибыли у него не находятся въ зависимости отъ величины капитала, а опредѣляются потребностями капиталиста, нѣтъ и рѣчи объ одномъ общемъ уровнѣ прибыли; наоборотъ, величина ея разнообразна по мѣстности и промыслу, помимо различій, вызываемыхъ положительными и отрицательными свойствами занятія; во второмъ случаѣ—рѣчь идетъ о стремленіи прибыли повсюду къ одному общему уровню, опредѣляемому величиной капитала.

VII.

Въ средніе вѣка взиманіе роста запрещено. Въ этомъ сходятся и доктрина, и законодательство. Въ дѣйствительности, впрочемъ, ростъ взимался нерѣдко совершенно открыто, и не только евреями и итальянскими купцами, но и землевладѣльцами, купцами изъ другихъ странъ и даже представителями церкви [1]). Но еще чаще запрещеніе роста обходилось различными окольными путями, посредствомъ договора ренты, тройнаго договора и т. д. Существенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло ученіе о damnum emergens и lucrum cessans. За ущербъ, понесенный вслѣд-

[1]) Ср. напр. Sattler. Der Handel des deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte, Hansische Geschichtsblätter. Jahrg. 1877. p. 78. Génestal. Rôle des monastères comme établissements de crédit. Paris. 1901. Этотъ вопросъ составитъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія автора.

ствіе неисправности должника, кредиторъ имѣлъ право получать вознагражденіе. И Аккурсій, и Александръ Гэльзъ (Hales), и Ѳома Аквинскій не считали такого вознагражденія ростомъ, а со времени Бернардина Сіенскаго (ум. въ 1444 г.) въ качествѣ примѣра такой уплаты, приводится (весьма характерный) случай, когда кредиторъ изъ за неисправности должника вынужденъ самъ занимать деньги и платить за нихъ проценты. И вознагражденіе за неполученіе прибыли (lucrum cessans) допускалось уже въ XIII и XIV ст., а въ пятнадцатомъ вѣкѣ оно было общепризнаннымъ. При этомъ достаточно было доказательства вѣроятности потери выгоды, а такъ какъ презумпціей для дѣлового человѣка являлось стремленіе къ выгодному помѣщенію капитала, то отъ него не требовалось и представленія доказательствъ. Купецъ, которому нужны отдаваемыя взаймы деньги для того, чтобы отправиться на ярмарку (mercator paratus ad nundinas ire), даже сталъ примѣромъ того случая, когда кредиторъ вправѣ требовать отъ должника вознагражденія за ту прибыль, которой онъ лишился [1]).

Здѣсь каноническая доктрина уже довольно близко подошла къ первоначальной прибыли, выручаемой въ предпріятіи. Фактъ возможности извлеченія торговой прибыли изъ той суммы денегъ, которая отдавалась взаймы, не совсѣмъ гармонировалъ съ положеніемъ, что pecunia pecuniam parere non potest. Однако, дальнѣйшаго шага въ теоретическомъ отношеніи не было сдѣлано. Связь между первоначальной и производной прибылью еще не могла быть выяснена. Между той прибылью, которой лишался кредиторъ, и тѣмъ вознагражденіемъ, которое уплачивалъ ему за это должникъ, не было ничего общаго; связь между обоими видами дохода съ капитала могла обнаружиться лишь тогда, когда стали обращать вниманіе не на то, что теряетъ заимодавецъ, а на то, что пріобрѣтаетъ заемщикъ.

А это совершилось тогда, когда самое ученіе о грѣховности роста было подвергнуто сомнѣнію, когда постепенные

[1]) См. Funk. Zins und Wucher Tübingen. 1868 p. 78 и сл. Endemann Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts-und Rechtslehre. B. II. Berlin. 1883. p. 243 и сл. 272—74. 278—87. Ashley. § 65. Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland bis zur Begründung der heutigen Zinsengesetze (1654). Halle. 1865. p. 18—21. 168—175.

обходы запрещенія роста и въ теоріи, свели это запрещеніе почти къ нулю, и оставалось лишь отвергнуть и самый принципъ недозволенности взиманія процента.

Дѣйствительно, когда въ XVI вѣкѣ Лютеръ и Меланхтонъ, особенно же рѣшительно Кальвинъ и Молинеусъ выступили въ защиту роста, они выдвинули именно тотъ аргументъ, что полученныя взаймы деньги даютъ должнику возможность извлеченія первоначальнаго дохода. Кальвинъ возстаетъ противъ мнѣнія о безплодности денегъ, ибо при помощи денегъ можно пріобрѣсти земельный участокъ и тогда въ доходахъ, доставляемыхъ послѣднимъ, выразятся деньги, производимыя тѣми деньгами, которыя затрачены на покупку земли. Конечно, если деньги лежатъ безъ употребленія, то должникъ терпитъ убытокъ, уплачивая процентъ. Но обыкновенно должникъ пользуется занятыми деньгами и тогда онъ уплачиваетъ процентъ изъ того дохода, который онъ самъ выручаетъ [1]). Кальвинъ считаетъ лишь нужнымъ установить наивысшій размѣръ ссуднаго процента. Точно также и Молинеусъ признаетъ взиманіе роста, ограниченное опредѣленными размѣрами, вполнѣ справедливымъ, ибо оно не только не убыточно, но даже выгодно для должника: уплачивая небольшіе проценты, онъ пріобрѣтаетъ возможность извлеченія значительно большей прибыли. Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ число сторонниковъ новой доктрины возрастаетъ и въ сочиненіяхъ Безольда и Сальмазіуса процентъ получаетъ всестороннее обоснованіе. А въ XVIII вѣкѣ находимъ уже автора, прямо заявляющаго, что „справедливость взиманія процентовъ зависитъ не отъ того, извлекаетъ ли заемщикъ дѣйствительно доходъ изъ занятой суммы, или нѣтъ, а отъ того, въ состояніи ли онъ извлекать доходъ, употребляя надлежащимъ образомъ эту сумму“ [2]). Зонненфельсъ же возстаетъ и противъ максимума дозволеннаго процента,

---

[1]) Epistolae et responsa. ep. 383.

[2]) См. Laspeyres. Geschichte der volkswirtschaftlichen Ansichten der Niederländer. Leipzig. 1863. Wiskemann. Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationaloekonomischen Ansichten. Leipzig 1861. Böhm—Bawerk. Kapital und Kapitalzins. B. I. Kap. 2,3. Neumann. Geschiche des Wuchers. Kap. VII. Funk. Zins und Wucher. II, 6. Knies. Der Credit. T. I. Kap. 7.

находя установленіе 6 проц. страннымъ, разъ при превращеніи тѣхъ же денегъ въ товары можно извлечь 100 проц.

Такимъ образомъ, была установлена связь между ссуднымъ процентомъ и первоначальной прибылью; выяснилось, что проблема прибыли заключается въ анализѣ первоначальнаго дохода и разъ послѣдній справедливъ, то справедливо и взиманіе процента по займамъ. Но дальше въ разсматриваемую нами эпоху дѣло не подвинулось. Къ самому изученію первоначальной прибыли еще не перешли. Въ прибыли, извлекаемой купцомъ или скупщикомъ-мануфактуристомъ усматривали доходъ вполнѣ естественный и необходимый, вовсе не нуждающійся въ какихъ бы то ни было объясненіяхъ или оправданіяхъ. Подобно тому, какъ рабочій получаетъ заработную плату для своего пропитанія, такъ и торговецъ пользуется извѣстнымъ доходомъ для удовлетворенія своихъ потребностей. И столь же мало сомнѣній возбуждалъ вопросъ о правомѣрности существованія земельной ренты, когда ссылались на послѣднюю какъ на источникъ, изъ котораго должникъ уплачиваетъ процентъ заимодавцу.

Даже Адамъ Смитъ въ сущности не даетъ какой-либо цѣльной теоріи прибыли. Мы указали выше, что онъ усматриваетъ источникъ прибыли съ капитала въ раздѣленіи труда, выгоды котораго при отдѣленіи капитала отъ труда извлекаетъ преимущественно капиталистъ, а не рабочій. Не говоря уже о томъ, что Адамъ Смитъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ этомъ какую-либо несправедливость, и существованіе трехъ различныхъ классовъ—рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ считаетъ чѣмъ то естественнымъ, необходимымъ, ибо такъ это было въ его время,—слѣдуетъ имѣть въ виду, что и по вопросу о томъ, въ чемъ заключается источникъ прибыли и чѣмъ объясняется вообще существованіе ея, Смитъ нигдѣ вполнѣ ясно не высказывается. Онъ ограничивается въ сущности тѣмъ, что указываетъ на трудъ, какъ на источникъ цѣнности, прибыль же разсматриваетъ какъ составную часть послѣдней. Но того необходимаго конечнаго вывода, что прибыль слѣд. является вычетомъ изъ труда рабочаго, Адамъ Смитъ не дѣлаетъ, такъ что его ученіе остается незаконченнымъ.

Если же мы обратимся къ двумъ другимъ направле-

ніямъ въ экономической наукѣ разсматриваемаго періода— къ меркантилистамъ и физіократамъ, то увидимъ, что они не только не придерживались какого-либо опредѣленнаго ученія относительно прибыли съ капитала, но—въ противоположность Адаму Смиту—вообще не представляли себѣ ясно категоріи первоначальной прибыли и не выдѣляли ее въ качествѣ особой отрасли дохода, такъ что всякое предположеніе о томъ, какъ они себѣ представляли характеръ прибыли, окажется въ сильной степени проблематичнымъ.

Какъ указываетъ Марксъ въ своемъ сочиненіи о теоріяхъ прибавочной цѣнности, меркантилисты усматриваютъ источникъ образованія прибавочной цѣнности, въ процессѣ обмѣна, прибыль является для нихъ результатомъ продажи товара по цѣнѣ, превышающей его цѣнность. Подобно тому, какъ обогащеніе одного народа возможно лишь насчетъ другого, и посредствомъ обмѣна съ другими странами получается прибавочная цѣнность въ видѣ той суммы денегъ, которой покрывается разница въ торговомъ балансѣ,— и каждый отдѣльный торговецъ извлекаетъ свою прибыль, обогащаясь насчетъ тѣхъ, которымъ онъ сбываетъ свои товары. Научнымъ выразителемъ этого взгляда является, по мнѣнію Маркса, Джемсъ Стюартъ, сочиненіе котораго вышло въ 1767 году. „Стюартъ—говоритъ онъ—съ одной стороны, возстаетъ противъ мнѣнія меркантилистовъ, согласно которому продажа товара выше ея цѣнности и получающаяся вслѣдствіе этого прибыль, выражаетъ собою увеличеніе богатства вообще; но въ то же время онъ раздѣляетъ ихъ воззрѣніе, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста представляетъ собою ничто иное, какъ избытокъ въ цѣнѣ, по сравненію съ цѣнностью, „profit up alienation“, который имѣетъ, однако, лишь относительный характеръ, такъ какъ прибыль на одной сторонѣ покрывается убыткомъ на другой, такъ что переходъ ея составляетъ лишь „колебаніе вѣсовъ, опредѣляющихъ богатство участвующихъ въ обмѣнѣ лицъ“ [1]). Однако, изъ этого противопоставленія абсолют-

[1]) Marx. Theorien über den Mehrwert. T. I. Die Anfänge der Theorie vom Mehrwert bis Adam Smith. Herausg. von Kautsky. Stuttgart. 1905 p. 30. 32. 70. 70. 379.

ной и относительной прибыли видно, что прибыль не выдѣлена еще у Стюарта [1]) въ качествѣ специфической отрасли дохода и проблема объ источникѣ прибыли имъ даже не поставлена. Положительная прибыль его есть вовсе не прибыль, а совокупность производимыхъ предметовъ, являющаяся результатомъ возрастанія труда, индустріи и ловкости. Только относительная прибыль представляетъ собою прибавку къ доходу отдѣльнаго лица; въ смѣшанной же прибыли соединены обѣ формы, обѣ могутъ быть неразрывно связаны въ одномъ и томъ же предпріятіи. Реальная цѣнность товара опредѣляется, по теоріи Стюарта, во 1-хъ, количествомъ труда, которое производитъ рабочій въ среднемъ въ теченіе опредѣленнаго времени, во 2-хъ цѣнностью предметовъ пропитанія и расходовъ рабочаго какъ на личныя потребности, такъ и на пріобрѣтеніе орудій производства [2]); наконецъ, цѣнностью сырого матеріала. „Если намъ извѣстны эти три фактора, то дана и цѣна продукта. Она не можетъ быть меньше этихъ трехъ моментовъ; это будетъ реальная цѣнность. Всякій избытокъ сверхъ этого составляетъ прибыль промышленника (мануфактуриста). Эта прибыль зависитъ отъ спроса и, слѣд., мѣняется въ зависимости отъ колебаній его“.

Что касается физіократовъ, то „у нихъ—говоритъ Марксъ въ томъ же сочиненіи—сельско-хозяйственный трудъ является единственнымъ трудомъ, обладающимъ производительностью, ибо онъ является единственнымъ, доставляющимъ прибавочную цѣнность и земельная рента есть единственная извѣстная имъ форма прибавочной цѣнности... Прибыли съ капитала для нихъ вовсе не существуетъ. Прибыль представляется физіократамъ въ качествѣ особаго вида заработной платы, уплачиваемой землевладѣльцами, употребляемой въ качествѣ дохода капиталистами и, слѣдовательно, входящей, подобно платѣ обыкновенныхъ рабочихъ, въ составъ издержекъ производства“ [3]).

Насколько смутны были представленія о прибыли у физіократовъ, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ цитатъ.

[1]) James Steuart. Principles of Political Economy.

[2]) Стюартъ исходитъ изъ господствующей формы производства—кустарной промышленности.

[3]) Marx Theorien über den Mehrwert. T. I. p. 37.

„Ежегодныя издержки производительнаго класса—говоритъ Кенэ, авторъ „Tableau économique"—состоятъ (предположимъ) изъ трехъ милліардовъ, изъ коихъ два милліарда затрачиваются на его собственное потребленіе и одинъ милліардъ на пріобрѣтеніе продуктовъ у непроизводительнаго класса. Первые два милліарда возвращаютъ затраченный оборотный капиталъ (avances annuelles), а третій милліардъ получается въ качествѣ процента на вложенный въ производство капиталъ. Необходимость существованія послѣдняго, т. е. чистаго дохода, основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во 1-хъ цѣнность основного капитала (avances primitives) подвергается постоянному уменьшенію, которое требуетъ постояннаго ремонта для сохраненія капитала въ томъ же видѣ. Во 2-хъ, земледѣліе соединено съ массой случайностей, вслѣдствіе которыхъ урожай нерѣдко почти совсѣмъ уничтожается; таковы морозъ, градъ, наводненіе, падежъ скота и т. п. Если бы арендаторы, обрабатывающіе землю, не имѣли запаснаго капитала, они не могли бы уплатить ренту землевладѣльцамъ или были бы не въ состояніи покрыть издержки слѣдующаго года. Такъ какъ землевладѣльцы имѣютъ достаточно власти заставить ихъ заплатить, то обыкновенно происходилъ бы второй случай, который приводилъ бы къ разоренію всего народа" [1]). Такимъ образомъ, прибыль съ капитала въ качествѣ чистаго дохода Кенэ вовсе не извѣстна; прибыль съ капитала онъ отождествляетъ съ амортизаціей капитала и съ той частью цѣны, которой покрываются непредвидѣнные расходы.

Нѣчто подобное очевидно хочетъ сказать и Дюпонъ, хотя мысль его не вполнѣ ясна. „Очень важно опредѣлить ту часть расходовъ—читаемъ у него—которая должна быть возвращена землѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ плодородіе земельнаго участка уменьшится. Этотъ расходъ долженъ быть покрытъ изъ чистаго дохода (produit net), такъ какъ выдѣленіе послѣдняго изъ состава валоваго дохода происходитъ ежегодно и такъ какъ эти затраты на возстановленіе плодородія земли происходятъ не ежегодно, подобно затратамъ, которыя производятся изъ оборотнаго

[1]) Quesnay. Tableau économique. Physiocrates. I-re partie. Ed. Daire. Paris. 1846.p. 62.

капитала. Въ послѣднихъ возвращается не только оборотный капиталъ, но и процентъ съ основного капитала. Эта часть (réprises) предварительно вычитается изъ валового дохода, такъ какъ она необходима для продолженія воздѣлыванія земли, и только послѣ этого можетъ оставаться чистый доходъ, который идетъ въ пользу землевладѣльца и который доставляетъ ему возможность жить безъ всякаго труда, конечно, если участокъ (part) достаточно великъ и онъ въ состояніи заключить договоръ съ предпринимателемъ (арендаторомъ), оставляя послѣднему доходъ съ капитала (réprises), а себѣ чистый доходъ ренту (produit net)“ [1]).

Такимъ образомъ, единственная теорія дохода съ капитала—если ее только можно назвать теоріей, какъ это дѣлаетъ Бемъ-Баверкъ,—которую мы можемъ найти въ эту эпоху, состоитъ въ томъ, что процентъ справедливъ, вслѣдствіе того, что при помощи полученныхъ денегъ заемщикъ въ состояніи извлечь доходъ путемъ продажи товаровъ или посредствомъ пріобрѣтенія земельнаго участка. Гасбахъ справедливо указываетъ на неправильность утвержденія Бемъ-Баверка, будто бы т. наз. „Fruktifikationstheorie,“ согласно которой капиталъ долженъ доставлять прибыль по той причинѣ, что иначе владѣлецъ капитала пріобрѣлъ бы на эту сумму землю и извлекалъ бы изъ нея доходъ, принадлежитъ Тюрго и была до него неизвѣстна [2]). На самомъ дѣлѣ всѣ сторонники взиманія процента, начиная съ Кальвина, приводили процентъ въ связь съ земельнымъ доходомъ. Аналогію между земельной рентой и процентомъ проводятъ и Локъ, и Христіанъ Вольфъ, и Гетчисонъ, и Беккаріа. Такъ какъ каждая сумма денегъ—говоритъ Беккаріа—выражаетъ или можетъ выражать собою извѣстный участокъ земли, то и выгода, доставляемая денежной суммой, находитъ свое выраженіе въ годовомъ доходѣ земли. По Вольфу, за пользованіе деньгами уплачивается процентъ по той причинѣ, что дары природы доставляютъ плоды, въ виду чего цѣна, уплачиваемая за пользованіе деньгами, въ которыхъ выражается цѣнность этого предмета, должна равняться

---

[1]) Dupont de Némours. Abregé des principes d'économie politique. Physiocrates. Ed. Daire. T. I. p. 375 и сл.

[2]) Böhm-Bawerk. I. p. 71 и сл. Hasbach. l. c. p. 154.

цѣнности плодовъ за вычетомъ всѣхъ расходовъ. Тотъ, кто при помощи полученной взаймы денежной суммы—читаемъ у Гетчисона—извлекаетъ большую выгоду, чѣмъ это было бы возможно при отсутствіи этой суммы, долженъ по справедливости уступить кредитору часть своей прибыли. Эта часть не можетъ быть меньше того, что получилъ бы кредиторъ, если бы онъ купилъ на отданныя имъ взаймы деньги предметы, по своей природѣ отличающіеся плодородіемъ или доходностью [1]).

Особенное вниманіе на естественное плодородіе почвы, какъ на причину существованія процента, обращаетъ Тюрго. И у Тюрго, какъ у другихъ физіократовъ, земля составляетъ единственный источникъ всѣхъ богатствъ, а потому и всѣхъ доходовъ[2]). Тѣмъ не менѣе земля обмѣнивается на движимыя богатства. Человѣкъ, имѣющій много земли, при отсутствіи скота и орудій, или безъ достаточнаго количества ихъ, сдѣлалъ бы навѣрное выгодное дѣло, уступивъ часть земель другому лицу, которое дало бы ему взамѣнъ скотъ и орудія для обработки остальной земли. Такимъ образомъ, земельные участки становятся предметами обмѣна и пріобрѣтаютъ цѣнность, допускающую сравненіе съ цѣнностью другихъ товаровъ. При этомъ цѣна земли равняется ежегодному доходу, доставляемому ею, помноженному извѣстное количество разъ (denier vingt, denier trente etc.). Такъ какъ земля, приносящая доходъ, является, такимъ образомъ, эквивалентомъ цѣнности равной этому доходу, помноженному нѣсколько разъ, то ясно, что всякая сумма цѣнностей есть также эквивалентъ земельнаго участка, доставляющаго доходъ, равный опредѣленной части этой суммы. Каждый поэтому можетъ обмѣнять свой капиталъ на участокъ земли, который будетъ приносить ему постоянный доходъ. Но ни промышленность, ни земледѣліе, ни торговля не въ состояніи обойтись безъ капиталовъ. Необходимъ капиталистъ, который бы доставилъ средства на постройку зданій, на содержаніе рабочихъ, на подготовленіе учениковъ и подмастерьевъ, на пріобрѣтеніе матеріаловъ и

---

[1]) См. Hasbach p. 146. 154.

[2]) Turgot. Oeuvres. T. I. Paris. 1844. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. Chap. 55.

орудій и т. п. Для того, чтобы капиталистъ согласился на это, онъ долженъ получить при продажѣ продуктовъ не только сумму, равную затраченному капиталу, но еще кромѣ того избытокъ, соотвѣтствующій тому доходу, который онъ могъ бы пріобрѣсти, помѣстивъ свой капиталъ въ покупку земельнаго участка; помимо этого онъ потребуетъ еще вознагражденія за свой трудъ, за рискъ, даже за свои способности (трудъ диспозитивный), такъ какъ въ противномъ случаѣ ему было бы гораздо выгоднѣе жить безъ всякаго труда, на доходъ съ той земли, которую онъ могъ бы купить за равную сумму. То же относится и къ арендаторамъ земель. Они также вынуждены затратить капиталъ на пріобрѣтеніе скота, земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, на содержаніе рабочихъ; поэтому и они должны получать въ цѣнѣ продукта не только всю цѣнность затраченнаго капитала, но кромѣ того вознагражденіе за трудъ и рискъ и чистый доходъ, равный тому доходу, который они могли бы пріобрѣсти безъ всякаго труда, за вычетомъ лишь того излишка (produit net), который передается фермеру въ видѣ ренты. Наконецъ, чистый доходъ и доходъ за дѣятельность предпринимателя долженъ необходимо существовать и въ сферѣ торговли по тѣмъ же причинамъ, т. е. потому, что капиталъ можетъ быть обмѣненъ на земельный участокъ, приносящій постоянный доходъ [1]).

Прямымъ послѣдствіемъ существованія чистаго дохода въ предпріятіяхъ (земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ) является и уплата процента должникомъ за полученную взаймы сумму. Производный процентъ оправдывается, по мнѣнію Тюрго, отчасти тѣмъ, что денежная сумма есть эквивалентъ дохода и средство пріобрѣтенія дохода, почему заимодавецъ теряетъ цѣнность процента, которую онъ могъ бы получить въ иномъ случаѣ [2]), причемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ рискуетъ своимъ капиталомъ; тогда какъ заемщикъ можетъ съ помощью занятаго капитала сдѣлать выгодное пріобрѣтеніе или вложить его въ доходное пред-

---

[1]) Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses Oeuvres. Ed. Daire. T. I. Paris. 1844. Ch. 55. 57—58. 61. 63. 68.

[2]) Lucrum cessans!

пріятіе. Отчасти же процентъ оправдывается просто тѣмъ, что эта денежная сумма принадлежитъ заимодавцу и никто не можетъ его принудить къ отдачѣ ея взаймы; если же онъ дѣлаетъ это, то можетъ поставить какія ему угодно условія — такое право заимодавца неотдѣлимо отъ права собственности [1]).

Нельзя, конечно, отрицать того, что въ приведенныхъ строкахъ мы имѣемъ первую систематическую теорію дохода съ капитала. Въ этой систематичности и стройности излагаемаго Тюрго ученія заключаются достоинства его; но въ ней же и недостатки его теоріи. Взгляды его предшественниковъ не отличались такой цѣльностью; они обыкновенно оправдывали существованіе процента не только возможностью извлеченія земельной ренты, но и возможностью пріобрѣтенія первоначальной прибыли, и подобный взглядъ являлся гораздо болѣе жизненнымъ, гораздо болѣе правильнымъ, чѣмъ сведеніе всего, и производнаго процента, и первоначальной прибыли къ одному первоисточнику — земельной рентѣ. Тюрго объясняетъ возможностью полученія дохода отъ земли не только процентъ, уплачиваемый должникомъ, но и прибыль, извлекаемую капиталистомъ. Такимъ образомъ, онъ какъ бы подходитъ и къ объясненію первоначальной прибыли, но въ результатѣ все-таки категорія первоначальной прибыли остается столь же мало понятной, какъ она была раньше, ибо одно неизвѣстное прибыль, замѣнено другимъ—рентой. Да и трудно вообще найти тотъ источникъ, изъ котораго, по мнѣнію Тюрго, должна проистекать прибыль, ибо онъ говоритъ лишь, что прибыль должна существовать, такъ какъ иначе капиталистъ предпочтетъ пріобрѣсти на эти деньги землю; но у него нигдѣ ясно не высказано, что прибыль эта получается изъ доходовъ, доставляемыхъ землей. Послѣднее лишь вытекаетъ изъ общаго взгляда его, что земля является единственнымъ источникомъ всѣхъ доходовъ. При такихъ условіяхъ, конечно и прибавочная цѣнность, какую бы форму она ни принимала (процентъ, прибыль и т. п.), всегда представляетъ собою ничто иное, какъ земельную ренту.

---

[1]) Turgot. Chap. 71—74. p. 46—48.

VIII.

Бемъ-Баверкъ указываетъ на то, что у Адама Смита мы можемъ въ сущности найти въ зачаткахъ всѣ тѣ теоріи прибыли съ капитала, которыя появляются впослѣдствіи, въ XIX вѣкѣ [1]). Однако, еще рельефнѣе, чѣмъ у Адама Смита, обнаруживаются зачаточныя формы этихъ ученій у другихъ писателей XVIII вѣка, главнымъ образомъ зачатки двухъ теорій— теоріи воздержанія (отъ потребленія дохода ради накопленія капитала) и теоріи эксплоатаціи (рабочаго капиталистомъ).

Марксъ въ первомъ томѣ упомянутаго сочиненія о теоріяхъ прибавочной цѣнности обращаетъ вниманіе на то, что физіократы, усматривая въ прибыли часть земельной ренты, служащую для удовлетворенія потребностей капиталистовъ, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что капиталъ можетъ образоваться лишь посредствомъ сбереженій капиталистовъ, которые вынуждены сократить свое потребленіе, воздерживаться отъ удовлетворенія различныхъ потребностей; настоящимъ, такъ сказать, законнымъ источникомъ накопленія является у нихъ лишь рента [2]). Послѣдовательное развитіе этого взгляда на прибыль можно найти у Жермена Гарнье, переводчика Адама Смита, (въ его статьѣ, приложенной къ переводу 1802 г.), который придерживался доктрины физіократовъ. „Сельскохозяйственные рабочіе — говоритъ онъ — обогащаютъ государство продуктами собственнаго труда; рабочіе же въ области торговли и промышленности могутъ обогатить его лишь сберегая часть того, что предназначено на ихъ потребленіе... Заработная плата, высока ли она или низка, составляетъ вознагражденіе за трудъ, она равняется тому, что рабочій можетъ потребить и обыкновенно дѣйствительно потребляетъ... Точно также и прибыль, будетъ ли она большихъ или незначительныхъ размѣровъ, затрачивается на удовлетвореніе потребностей капиталиста, который, можно предполагать, соразмѣряетъ свои потребности съ доходомъ, получаемымъ съ капитала. И тотъ и другой, по мѣрѣ того, какъ производится продуктъ, постепенно будутъ потреблять всю ту цѣнность, которая получается

[1]) Böhm-Bawerk. B. I. p. 82—83.
[2]) Marx. Theorien. I. p. 63.

въ видѣ продукта, если рабочій не откажется отъ части тѣхъ удобствъ, которыя онъ можетъ имѣть при обычной заработной платѣ, или если капиталистъ не будетъ сберегать части того дохода, который доставляетъ ему капиталъ. Богатство общества, такимъ образомъ, по окончаніи производства, будетъ то-же, что и раньше, если они (т. е. рабочіе и капиталисты) не сберегли часть того, что они могли потребить, не будучи расточительными. Въ этомъ случаѣ богатство общества увеличилось бы соотвѣтственно цѣнности всѣхъ сдѣланныхъ сбереженій. Можно, слѣдовательно, справедливо утверждать, что эти двигательныя силы въ сферѣ промышленности и торговли въ состояніи увеличить богатство общества лишь постольку, поскольку они воздерживаются отъ собственнаго потребленія [1]).

Приведенная цитата изъ сочиненія Гарнье подтверждаетъ, такимъ образомъ, правильность приведеннаго выше указанія на то, что физіократы не представляли себѣ прибыль въ качествѣ особой отрасли чистаго дохода, а разсматривали ее, лишь какъ часть дохода, уступаемаго землевладѣльцами на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей торговцевъ и промышленниковъ. Мало того, капиталистъ богатства вовсе не накопляетъ, если же онъ сберегаетъ что-либо, то лишь отказывая себѣ въ удовлетвореніи какихъ-либо потребностей. Нужно ли было при такихъ условіяхъ еще доказывать правомѣрность дохода, получаемаго капиталистомъ?

Въ своемъ курсѣ политической экономіи 1796 года Жерменъ Гарнье прямо говоритъ, что предприниматель, доставляющій необходимые въ производствѣ капиталы и оказывающій этимъ услугу обществу, „тѣмъ самымъ подвергаетъ себя лишенію, такъ какъ онъ предоставляетъ другимъ потреблять тѣ предметы потребленія, которыми онъ обладаетъ. Слѣдовательно, вознагражденіе его должно измѣряться этимъ лишеніемъ и тѣмъ рискомъ, которому онъ подвергается; или, иными словами, это вознагражденіе должно соотвѣтствовать суммѣ вложеннаго капитала (avances) и величинѣ риска“. Здѣсь уже прямо излагается т. наз., теорія воздержанія,

---

[1]) Germain Garnier. Abrege élémentaire des principes d'économie politique. 1796. p. 35 и сл.

и только такая теорія прибыли была въ сущности возможна въ тѣ времена, ибо она не объясняетъ происхожденія прибыли, а оправдываетъ существованіе послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣ времена такое ученіе было вполнѣ понятно, оно какъ бы носилось въ воздухѣ, напрашивалось само собою [1]), вытекая изъ всего соціальнаго міровоззрѣнія XVII—XVIII ст. „Хозяйство, основанное на удовлетвореніи собственныхъ потребностей — говоритъ Бернштейнъ — покоится на принципѣ: сегодня нужда, завтра изобиліе. Первую человѣкъ переноситъ, какъ нѣчто неизбѣжное, какъ „законъ природы", второе служитъ основаніемъ для безмѣрныхъ ликованій. Но съ развитіемъ торговли и денежнаго обращенія взглядъ на дѣло измѣняется. Избытокъ можетъ быть использованъ инымъ образомъ, превращенъ въ деньги. Потреблять больше, чѣмъ это необходимо, потреблять то, что можетъ быть обращено въ деньги и сбережено въ формѣ денегъ, —считается уже порокомъ, грѣхомъ. Бережливость, воздержаніе становится соціальной добродѣтелью" [2]). На такой точкѣ зрѣнія стояли уже лолларды, и ихъ послѣдователи въ XV—XVI ст. отличались бережливостью. „Лолларды сберегали деньги, тѣмъ болѣе, что они отказывались отдавать ихъ священникамъ и монахамъ, нищенствующимъ орденамъ и продавцамъ индульгенцій"). Еще дальше въ этомъ отношеніи шли пуритане, которые усматривали въ торгово-промышленной дѣятельности, направленной къ извлеченію прибыли, призваніе человѣка — полная противоположность средневѣковой точкѣ зрѣнія [3]). Въ этой дѣятельности, сое-

---

[1]) Но по этой же причинѣ до XIX вѣка мы находимъ лишь зачатки этой теоріи: въ оправданіи первоначальной прибыли еще не ощущалось потребности при подобномъ мировоззрѣніи.

[2]) Bernstein. Kommunistische und demokratisch-sozialistische Strömungn während der englischen Revolution des 17 Jahrhunderts (Die Vorlaufer des neueren Sozialismus. B. I. T. 2). Stuttgart. 1895. p. 524—525.

[3]) Кальвинъ, высказывавшійся за допущеніе ссуднаго процента, не усматривалъ въ богатствѣ духовенства чего либо предосудительнаго, находя, что оно нисколько не мѣшаетъ духовнымъ лицамъ выполнять надлежащимъ образомъ свои обязанности, а наоборотъ, еще усиливаетъ ихъ авторитетъ, почему духовнымъ лицамъ нисколько не возбраняется помѣщать свое имущество выгоднымъ образомъ. Между тѣмъ средневѣковая мораль гласила: избѣгай пуще чумы священника, нажившаго богатство.

диненной съ простымъ образомъ жизни, съ сбереженіемъ всего, что превышаетъ необходимое для жизни, заключается цѣль жизни, осуществленіе религіознаго аскетизма [1] [2]. И точно также квакеры стоятъ на точкѣ зрѣнія аскетической умѣренности въ потребленіи, на необходимости воздержанія отъ затраты денегъ на удовлетвореніе менѣе важныхъ потребностей, и накопленное такимъ образомъ богатство является для нихъ даромъ и благословеніемъ Божьимъ [3].

Дѣйствительность соотвѣтствовала этимъ ученіямъ. Купецъ—говоритъ Юмъ—не знаетъ большаго наслажденія, чѣмъ ежедневно увеличивать свое имущество, и въ этомъ заключается причина того, что скупые люди составляютъ столь же частое явленіе среди купцовъ, какъ расточители среди землевладѣльцевъ [4] [5]. Еще больше это бросалось въ глаза въ Голландіи; простота образа жизни, соединенная съ оживленной торгово-промышленной дѣятельностью, привела къ быстрому накопленію капиталовъ [6][7].

Если, такимъ образомъ, дѣятельные купцы и предприниматели, отличавшіеся бережливостью и умѣреннымъ образомъ жизни, вызывали лишь одобреніе, и не могло возникнуть сомнѣнія въ справедливости получаемой ими прибыли, то та же точка зрѣнія должна была вызвать совершенно иное отношеніе къ землевладѣльцамъ—и въ примѣненіи къ нимъ могъ впервые возникнуть взглядъ на прибыль, какъ на нѣчто неправомѣрное, отнимаемое у другого: землевладѣльцы праздны (землю обрабатываютъ арендаторы) и расточительны въ своей частной жизни. Ихъ богатство увели-

---

[1]) Богатство опасно лишь тогда, когда оно ведетъ къ прекращенію дѣятельности, къ беззаботной жизни и роскоши, ибо само по себѣ богатство не должно являться цѣлью, цѣль заключается въ дѣятельности, сопряженной съ обогащеніемъ.

[2]) Max Weber. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. II. Die Berufsidee des asketischen Protestantismus. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1905. p. 74 и сл. 86 и сл.

[3]) Max Weber. p. 98—101. Bernstein. p. 681—82.

[4]) Hume. Essays. Ed. Daire. Paris. 1847. p. 51.

[5]) Вообще квакеры, благодаря своему трезвому и умѣренному образу жизни, накопляли весьма значительные капиталы и очень успѣшно вели свои дѣла.

[6]) Weber. p. 102.

[7]) Подр. о теоріи воздержанія см. томъ второй; тамъ же и факты, относящіеся къ XVII—XVIII ст.

чивается, несмотря на ихъ праздность, тогда какъ зависимое отъ нихъ населеніе тяжело работаетъ и все таки вынуждено жить въ нищетѣ.

„Всякое богатство—говоритъ Годвинъ въ 1793 г.—въ особенности же пріобрѣтенное путемъ наслѣдованія, есть ничто иное какъ синекура, тягости которой несутъ рабочіе и промышленники, тогда какъ землевладѣлецъ тратитъ свой доходъ, проводя жизнь въ роскоши и праздности. Въ дѣйствительности—прибавляетъ онъ—пріобрѣтенное въ качествѣ наслѣдства имущество является преміей, а праздность—огромнымъ ежегоднымъ доходомъ, употребляемымъ на то, чтобы держать человѣчество въ дикомъ и невѣжественномъ состояніи“ [1]). Годвинъ указываетъ на то, что справедливость требуетъ, съ одной стороны, чтобы каждый участвовалъ въ сборѣ жатвы, а съ другой стороны, чтобы каждый обладалъ не только средствами къ жизни, но средствами для веденія пріятнаго образа жизни, поскольку, конечно, хватаетъ имѣющагося запаса; несправедливо, чтобы одинъ работалъ до истощенія лишь для того, чтобы другой могъ утопать въ роскоши. „Если мы будемъ разсматривать весь національный доходъ, какъ результатъ народнаго труда, то окажется, что въ цивилизованныхъ странахъ крестьянинъ нерѣдко потребляетъ едва двадцатую часть того, что онъ произвелъ собственнымъ трудомъ, тогда какъ его богатый сосѣдъ, быть можетъ, пользуется продуктомъ труда двадцати крестьянъ. [2]) Дальше, однако идетъ указаніе на то, что для богатаго его огромный доходъ вовсе не составляетъ счастья, что онъ не въ состояніи потребить весь свой доходъ, что это приводитъ къ показному блеску и къ желанію обращать на себя вниманіе другихъ, и въ конечномъ результатѣ богатство влечетъ за собой непріятности и несчастье. Мало того, Годвинъ находитъ несправедливымъ и то, что „прилежный человѣкъ за свой трудъ получаетъ такую плату, которая даетъ ему возможность пріобрѣтать пищи въ сто разъ больше, чѣмъ ему нужно, и платья въ сто разъ больше, чѣмъ онъ въ состоя-

[1]) Godwin. Political justice. A reprint of the essay on „property“, from the original edition. Нѣм. пер. подъ ред. Adler'a. Das Eigentum. Hauptwerke des Sozialismus. T. 2. p. 31—32.

[2]) Godwin. p. 22—23.

ніи носить", ибо этотъ излишекъ ему не нуженъ, другимъ же онъ могъ бы оказаться весьма полезнымъ [1]). Изъ этого видно, что Годвинъ вовсе не имѣетъ въ виду эксплоатаціи труда, а просто возстаетъ противъ неравенства въ распредѣленіи имущества, что онъ повсюду и подчеркиваетъ, и притомъ противъ всякаго неравенства, не только происходящаго вслѣдствіе существованія частнаго землевладѣнія и наслѣдственности его, но и являющагося результатомъ различнаго трудолюбія людей: это неравенство вредно вліяетъ не только на бѣдныхъ, но и на богатыхъ, на нравственность послѣднихъ. Съ этой цѣлью Годвинъ требуетъ распредѣленія собственности между всѣми поровну, не уничтожая однако института частной собственности [2]).

Нѣсколько дальше его идетъ Томасъ Спенсъ, по ученію котораго собственность можетъ быть только общинная, однако обрабатывается она не всѣми сообща, а каждымъ отдѣльно, будучи отдаваема по частямъ въ аренду [3]). Спенсъ исходитъ изъ того положенія, что подобно тому, какъ человѣчеству принадлежитъ право на свободу, на воздухъ, свѣтъ или солнечную теплоту, точно также оно имѣетъ право и на землю, которая со всѣмъ, что находится внутри ея или на ея поверхности составляетъ собственность жителей страны. Между тѣмъ, небольшая горсть людей захватила въ свои руки всю землю и распредѣлила ее между собой, какъ если бы эта земля была произведена ихъ собственными руками. Въ результатѣ всѣ остальные люди оказались въ зависимости отъ этой горсти землевладѣльцевъ, такъ какъ отъ послѣднихъ зависѣло ихъ пропитаніе. Жили ли люди, плодились ли, работали или воевали—все это дѣлалось лишь ради ихъ господъ—землевладѣльцевъ; и эти послѣдніе, и за то имъ спасибо, охотно принимали все какъ принадлежащее имъ по праву. Ибо, доставляя средства къ жизни, они тѣмъ самымъ даровали людямъ жизнь; и конечно они

---

[1]) Godwin. p. 25.

[2]) Впослѣдствіи Годвинъ отказался отъ этихъ взглядовъ: въ сочиненіи 1820 г., направленномъ противъ Мальтуса, онъ уже всецѣло стоитъ на почвѣ существующаго строя. См. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 3. Aufl. p. 42.

[3]) Ибо такая форма землепользованія господствовала въ современной ему Англіи.

полагали, что имѣютъ право на всѣ выгоды, вытекающія изъ жизни или смерти тѣхъ существъ, которымъ они даровали жизнь“ [1]).

Ближе къ соціалистическимъ идеямъ XIX вѣка подходятъ взгляды Чарльза Голля (Hall), относящіеся, впрочемъ, уже къ 1805 г., хотя и онъ еще далекъ отъ ученія о прибавочной цѣнности. „Всѣ предметы (предметы потребленія, средства производства, права на доходы съ государственныхъ займовъ и т. и.) являются богатствомъ для тѣхъ, кто ими обладаетъ, такъ какъ они предоставляютъ этимъ лицамъ право на народный трудъ, на полученіе вещей, произведенныхъ трудомъ народа. Но въ то же время они обозначаютъ возрастаніе бѣдности въ народѣ, такъ какъ увеличиваются требованія на продукты народнаго труда. Для удовлетворенія этихъ требованій народъ вынужденъ сокращать то время, которое онъ затрачиваетъ на изготовленіе предметовъ, нужныхъ ему самому, такъ что количество предметовъ послѣдняго рода уменьшается и бѣдные въ большинствѣ государствъ становятся съ каждымъ днемъ все бѣднѣе и бѣднѣе. Вслѣдствіе этого, увеличеніе богатства и могущества однихъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ причину возрастанія бѣдности и зависимости другихъ... Вмѣстѣ съ ростомъ богатства или возможности получать все большее и большее количество труда бѣдныхъ, способность богатыхъ потребить его постоянно увеличивается. Это происходитъ не только потому, что они предъявляютъ требованіе на большее количество предметовъ роскоши, чѣмъ раньше, но и потому, что они требуютъ предметовъ лучшаго качества—и такъ до безконечности. Поэтому то количество труда, которое богатые могутъ требовать отъ бѣдныхъ, не знаетъ границъ, а слѣдовательно, нѣтъ границъ и для нужды бѣдныхъ[2]). Но можетъ быть богатые съ своей стороны прино-

---

[1]) Thomas Spence. The nationalization of the land. (A lecture read at the philosophical society in Newcastle on November 8-th 1775, for printing of which the society did the Autor the honour toexpel him. Нѣм. пер. подъ ред. Adler'a. Das Gemeineigentum an Boden. Hauptwerke des Sozialismus. Leipzig. 1904. T. I. p. 24—28.

[2]) Charles Hall. The effects of civilisation on the people in European states. 1805. нѣм. пер. подъ ред. Adler'a. Die Wirkungen der Zivilisation auf die Massen. Hauptwerke des Sozialismus T. IV. Leipzig. 1905. p. 28—30.

сять пользу бѣднымъ. „Нѣтъ, отвѣчаетъ Голль: бѣдный производитъ своимъ трудомъ почти все, что богатый ѣстъ, пьетъ, жилище, въ которомъ онъ живетъ, словомъ все, чѣмъ онъ обладаетъ или пользуется; безъ человѣческаго труда земля въ состояніи была бы создать весьма мало. Правда, богатый даетъ бѣдному деньги и этимъ доставляетъ ему возможность пріобрѣтать хлѣбъ, однако и деньги, и хлѣбъ, купленный на нихъ, уже ранѣе произведены руками бѣднаго. Богатый ничего не производитъ ни для потребленія бѣдныхъ, ни для себя... и, несмотря на это, богатый потребляетъ не только не менѣе бѣднаго, но нерѣдко въ десять, сто, тысячу и даже десять тысячъ разъ больше, въ зависимости отъ размѣровъ его богатства [1]).

Здѣсь повсюду противопоставляется не капиталъ труду, и не собственникъ пролетарію, а богатый бѣдному. Первый имѣетъ возможность жить расточительно, второй не въ состояніи удовлетворять своихъ потребностей, такъ какъ вынужденъ работать на другихъ. Голль высказываетъ въ сущности то же, что и Спенсъ, лишь точнѣе и рѣшительнѣе формулируетъ свои взгляды. Только въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о рабочихъ, причемъ указываетъ на то, что на богатыхъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на покупателей труда, на бѣдныхъ же—какъ на продавцовъ труда, и обращаетъ вниманіе на различіе интересовъ тѣхъ и другихъ. „Предприниматели или хозяева—говоритъ онъ — стараются сократить ту часть продукта, которая остается бѣдному. Рабочіе же стремятся къ увеличенію ея, но въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно, такъ какъ силы сторонъ далеко не равны. Наблюденіе показываетъ что мануфактурные рабочіе при столкновеніяхъ съ хозяевами оказываются по общему правилу болѣе слабыми. Если они прекращаютъ работу, то недолго въ состояніи выдержать, такъ какъ средствъ у нихъ весьма мало, а подобно гарнизону, имѣющему мало припасовъ, вынуждены вскорѣ сдаться. Нѣтъ надобности добавлять къ этому, что подобныя дѣйствія, единственно возможныя для нихъ въ борьбѣ за уменьшеніе бѣдствій, нерѣдко прекращаются вооруженной силой. И лишь въ немногихъ государствахъ существуютъ законы, запрещающіе работодателямъ соединяться ради пониженія за-

[1]) Hall, p. 32—33.

работной платы. При этомъ къ богатымъ Голль относитъ не только владѣльцевъ мануфактуръ, но и скупщиковъ, торговцевъ и т. п. Онъ указываетъ на то, что, вслѣдствіе этого, не одно лишь лицо, а цѣлый рядъ лицъ извлекаютъ выгоду изъ каждаго предмета, изготовленнаго рабочимъ; напр. отъ изготовленія кареты имѣетъ выгоду хозяинъ-каретникъ, хозяинъ-красильщикъ, поставщикъ красокъ, далѣе кожевникъ, хозяинъ-стекольщикъ, торговецъ сукномъ, продавецъ лѣса, владѣлецъ слесарной мастерской и др.; хотя никто изъ нихъ не прилагалъ своихъ рукъ въ производствѣ кареты, тѣмъ не менѣе почти вся цѣна состоитъ изъ прибыли, извлекаемой ими [1]). Такимъ образомъ, присматриваясь ближе, мы видимъ что подъ названіемъ богатаго онъ въ дѣйствительности имѣетъ въ виду предпринимателя, не работающаго совершенно и получающаго прибыль отъ бѣднаго, подъ которымъ понимается рабочій—въ противоположность Годвину и Спенсу, у которыхъ различіе между богатымъ и бѣднымъ дѣйствительно основано на разницѣ въ имущественномъ положеніи. Голль, правда, еще не рѣшается примѣнять термины „капиталъ“ и „трудъ“, а сохраняетъ старую терминологію, но по существу заходитъ уже гораздо дальше своихъ предшественниковъ. Онъ старается вычислить, какою частью продукта „собственнаго труда пользуется рабочій или поденщикъ“: такъ какъ, на основаніи различныхъ вычисленій, цѣнность продуктовъ, изготовляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (Англіи), составляетъ 112 милл. ф. ст., цѣнность экспортируемыхъ фабрикатовъ 50 милл., а фабрикатовъ, потребляемыхъ внутри страны, 150 милл., то весь продуктъ труда равняется 312 милл. въ годъ, заработная плата же въ среднемъ составляетъ 25 ф. ст. въ годъ, такъ что при 1,600,000 семействахъ получится 40 милл. ф. ст. Такимъ образомъ, „бѣдные пользуются изъ 312 милл. всего 40 милл., т. е. восьмой частью или продуктомъ $^1/_8$ затраченнаго времени [1]). Въ этомъ уже выражена въ зачаткахъ теорія Маркса объ эксплоатаціи труда капиталомъ (6 часовъ изъ 12).

Однако, изъ предлагаемыхъ Голлемъ средствъ къ устраненію этихъ золъ видно, какая глубокая пропасть отдѣляетъ его

[1]) Hall. p. 37—38. 42.
[2]) Hall. p. 39—40.

отъ научнаго соціализма. Причину всѣхъ бѣдствій онъ все-таки усматриваетъ—подобно Годвину—въ неравномъ распредѣленіи богатства и съ этой цѣлью предлагаетъ либо устранить самое неравенство путемъ отмѣны права старшаго въ родѣ на наслѣдованіе земельной собственности, либо уничтожить печальныя послѣдствія богатства посредствомъ запрещенія отраслей производства, изготовляющихъ предметы роскоши, или обложенія послѣднихъ столь высокими налогами, чтобы производство ихъ сократилось. Второе средство слѣдуетъ предпочесть первому, такъ какъ положеніе въ этомъ случаѣ измѣнится лишь постепенно и капиталы, вложенные въ эти отрасли производства, смогутъ перейти въ другія, а въ тоже время можно разсчитывать на вѣрные результаты, ибо — здѣсь видно, что Голль стоитъ еще на почвѣ ученій XVIII вѣка—„главное послѣдствіе неравнаго распредѣленія богатствъ выражается въ томъ, что бѣдные лишены возможности производить необходимые для жизни предметы, а вынуждены затрачивать свой трудъ на изготовленіе предметовъ роскоши“ [1]).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

[1]) Hall. p. 49—51.

ОПЕЧАТКИ:

На стр. 373, строка 3 снизу,	напечатано:	Александръ Галесскій;
	слѣдуетъ читать:	Александръ Гельзъ.
На стр. 374, строка 4 снизу,		тоже
На стр. 374, прим. 2, строка 1 сверху,		тоже
На стр. 594, прим. 4, строка 3—4 снизу,		
	напечатано:	рабочихъ раздѣло....;
	слѣдуетъ читать:	рабочихъ, разсматривавшихъ свой трудъ, какъ угоднее Богу дѣло....

